

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slav 176.25

Ed. Jul. 1896

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

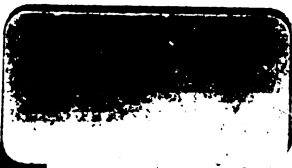
MRS. ANNE E. P. SEVER,

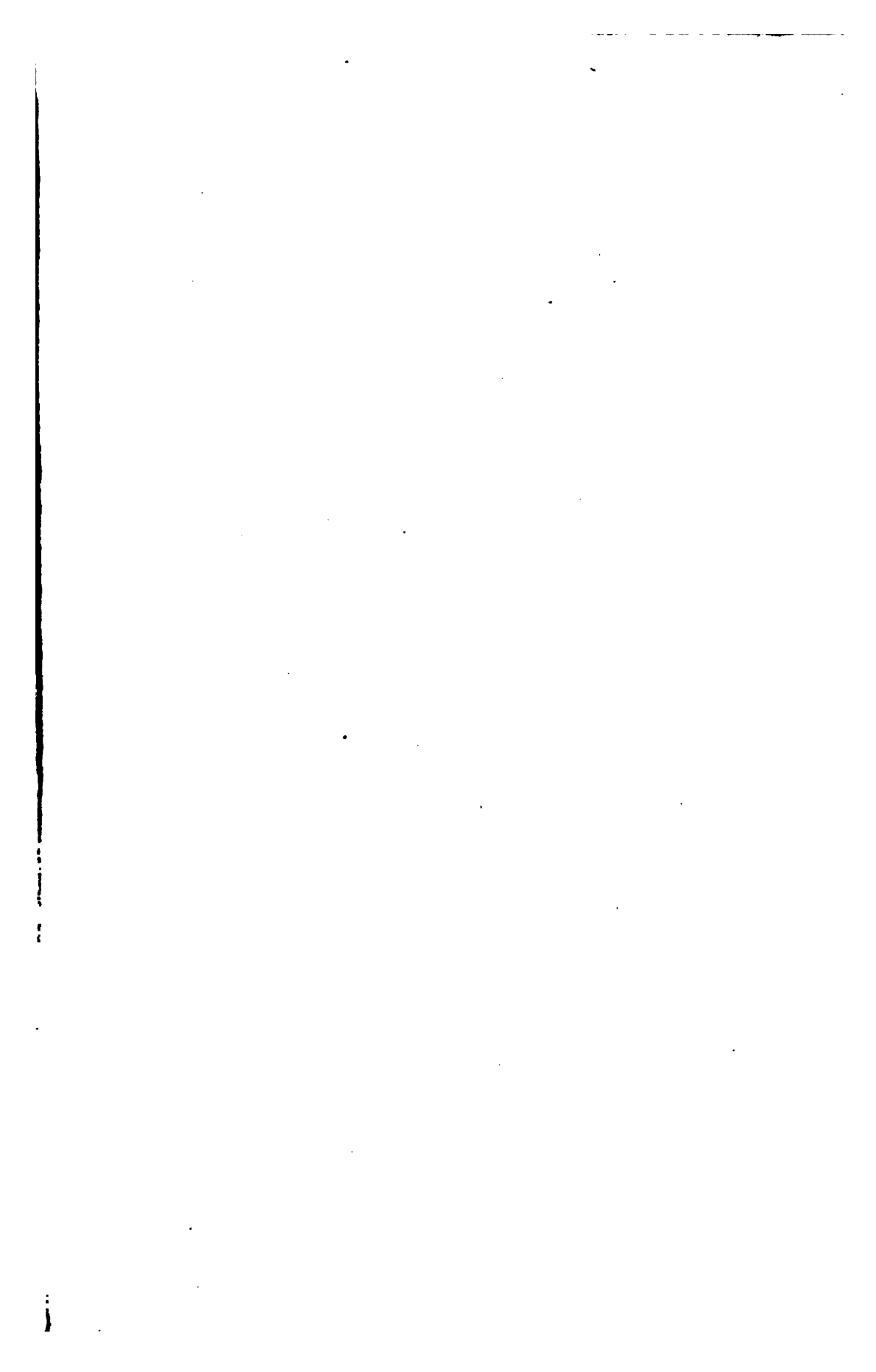
OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

30 Mar - 28 Apr, 1896

ВЪСТАНЪЗЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

МАРЪ 20 1896

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЪРАТУРА.

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1896.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Handwritten signatures and numbers at the bottom of the decorative frame.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1896.

Стр.

I.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — Всеславіе и благоствѣе Духъ... — А. М. Жемчужникова	5
II.—РУССКІЙ ДВОРЪ ПРИ ПЕТРЪ II.—1727-1730 гг.—По документамъ вѣнскаго архива.—У. Долгорукіе.—VI. Дарда Едокіа.—VII. Великая княжна Наталья Алексѣевна.—VIII. Елизавета Петровна.—IX. Сговоръ Петра I съ княжною Долгорукою.—X. Великая княжна Петра II.—Окончаніе.—А. Бришера	7
III.—КНИЖНИИ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: XXIX-XI.—И. Д. Бобрыкина	43
IV.—НАРОДНИКЪ ВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ.—Жизнь и сочиненія Мишлэ.—I-IV.—В. И. Герье	94
V.—НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВѢСТЬ.—Въ трехъ частяхъ.—Часть первая: I-VII.—А. И. Анютина	140
VI.—ВЪ ГОРАХЪ.—Изъ давнихъ воспоминаній.—А. Старостанскаго	191
VII.—СИЛА ВОЛН.—Романъ Фр. Маутнера.—XIX-XXV.—Окончаніе.—А. Б.-г.	236
VIII.—МАРКСЪ И ЕГО ШКОЛА.—Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie.—I-II.—Л. З. Слонимскаго	289
IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Война и Миръ. Советъ изъ Клемава Маро.—В. Лебедева	309
X.—ВОСТОЧНЫЯ ОСНОВЫ РУССКАГО БЫЛИННАГО ЭПОСА.—I-IV.—Г. Потамина	310
XI.—АМЕРИКАНСКІЙ ЖЕНСКІЙ КЛУБЪ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.—И. А. Тверскаго	341
XII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Хоть разумъ говорить...—Б. Каховскаго	356
XIII.—ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ О ПЕЧАТИ ВЪ ГЕРМАНИИ.—Г. В.	357
XIV.—ХРОНИКА.—БИРЖЕВАЯ РЕФОРМА.—Вл. Бирюковича	380
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Новая критика суда присяжныхъ и связавшіе съ нею проекты.—Недостатки, приписываемые присяжнымъ: безпомощность, неустойчивость репрессій, стремленіе стать выше закона.—Значеніе опыта, сдѣланнаго съ судомъ сословныхъ представителей.—Смѣшанное присутствіе изъ судей и присяжныхъ, какъ мнимая панацея противъ судебныхъ злодѣй	390
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Возстановленіе дипломатическихъ связей съ Болгаріею.—Правительственное сообщеніе.—Празднества въ Софіи и русскіе корреспонденты.—Отношеніе нашихъ патриотовъ къ бывшему „дже-кылау“.—Сужденіе турецкаго султана объ армянскомъ вопросѣ.—Министерство Буржуа и его противники во Франціи	407
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Исторія волуѣвковой дѣятельности Имп. Русскаго Географ. Общества, П. П. Семенова.—А. П.—Очерки по исторіи новой русской литературы, А. Кирииченкова.—Т.—Новыя книги и брошюры	422
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—L. Marholm. Karla Bähring. Ein Frauendrama in 4 Akten.—З. В.	440
XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Пятидесятилѣтіе первой реформы городского самоуправленія.—Еще о законности и законничествѣ.—„Отсталый“ законъ и передовая административная практика.—Междоусобіе въ средѣ консервативной прессы.—Овальная историческая тѣла.—Юбилей А. М. Жемчужникова.—Н. Н. Страховъ †	444
XX.—ПЪЕВЪЩЕНІЯ.—Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія	455
XXI.—ВНѢЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Опытъ исторіи Харьковскаго Университета, вып. 2. Д. И. Гамалѣя.—Старые и новые взгляды объ экономическомъ матеріализмѣ, Н. И. Карѣева.—Русское уголовное право, Н. Д. Сергѣевскаго.—Судъ надъ судомъ присяжныхъ, Гр. Джаншѣва, изд. 2-е.—Государственный Советъ въ царствованіе имп. Александра I, вып. 1. В. Г. Щеглова	
XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ—I-XVI стр.	

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О Ц Ы

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LX. — ТОМЪ СООБЩ. — 1/18 МАРТА, 1896.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ; 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 6-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1896

131.84

735 ⁷⁷/₂₁

PSlav 176.25

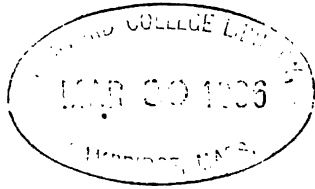
~~Slav~~

~~302~~

1896, Mar 30 - Apr 28
Sever fund

2402

СТИХОТВОРЕНІЯ

„Духъ, идѣже хочетъ, дышетъ .
Ев. Іоанна, III, 8.

Всесилень и благостень Духъ, исходящій отъ Бога;
Не мѣрой даетъ Онъ Его;
Но Духъ своевластенъ: даруетъ Онъ избраннымъ много,
Другимъ не даетъ ничего.

Есть въ мірѣ пустыни, забытыя благостью Духа,—
Пустыни для чувствъ и ума;
Тамъ слово благое звучитъ боязливо и глухо;
Тамъ властна духовная тьма.

Какъ чахнуть на грубыхъ земляхъ благородныя зерна,
Но сильно растутъ плевелы,—
Такъ въ этихъ пустыняхъ, гдѣ вѣетъ неправда тлетворно,
Тѣ сильны—это живы и злы.

О, еслибъ у насъ времена слѣпоты и гордыни
Смѣнила сознанья пора,—
Тогда бы предстало намъ зрѣлище нашей пустыни
Безъ думъ, безъ любви, безъ добра.

Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ; но въ людяхъ есть сила призыва.
Просите Его—и Онъ дастъ,
Лишь только бъ молитва была горяча и правдива,
Призывъ былъ настойчивъ и частъ.

Разбудимъ отзывчивость въ сердцѣ сухомъ и холодномъ;
Изъ камня добудемъ огня
И, въ скорби о разумѣ правдомъ и дѣлѣ бесплодномъ,
Помолимся, сердцемъ стена.

Ты дышешь, гдѣ хочешь, о, Духъ, призывающій къ жизни!
Дай жизни познать намъ пути;
Любви, правосудья и свѣта дай нашей отчизнѣ;
Дохнуть на нее захотѣ!

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

РУССКІЙ ДВОРЪ

ПРИ

ПЕТРЪ II

1727—1730.

ПО ДОКУМЕНТАМЪ ВѢНСКАГО АРХИВА.

Окончаніе.

V *).

Долгорукіе.

Всѣ иностранцы, наблюдавшіе за ходомъ дѣлъ въ Россіи при Петрѣ II, въ одинъ голосъ хвалятъ Остермана, указывая на его благія намѣренія быть полезнымъ правительству и дѣйствовать въ духѣ Петра Великаго; но въ то же время всѣ дипломаты сожальютъ о томъ, что Остерманъ не имѣлъ достаточнаго вліянія при дворѣ, вслѣдствіе интригъ со стороны представителей реакціонныхъ стремленій, прикрывавшихъ свой эгоизмъ патриотизмомъ и народностью. Долгорукіе, окружавшіе Петра II, ненавидѣли министра иностранныхъ дѣлъ и старались устранить его отъ молодого государя, а по возможности и отъ дѣлъ вообще. Остерманъ отстаивалъ интересы Россіи въ качествѣ первоклассной

*) См. выше: февр., 559 стр.

державы; Долгорукіе думали лишь о своихъ личныхъ выгодахъ. Остерманъ старался воспитывать Петра II въ духъ общеевропейской цивилизаціи и въ интересахъ государства; Долгорукіе имѣли въ виду одно—сохранить навсегда за собою вліяніе и власть надъ умомъ царственнаго юноши, отвлекая его отъ замысловъ великаго дѣда и приближая къ стремленіямъ отца. Узкій кругозоръ тогдашнихъ представителей націонализма не имѣлъ ничего общаго съ началами, которыми руководствовались Петръ Великій и его сподвижники, къ которымъ принадлежали и Меншиковъ, и Остерманъ.

Въ донесеніяхъ австрійскихъ дипломатовъ мы находимъ достаточно данныхъ для характеристики Долгорукихъ. Австрійскій легаціонный секретарь Караме писалъ тотчасъ же послѣ паденія князя Меншикова, что эта перемѣна сдѣлается исходною точкою страшныхъ интригъ при дворѣ, сильной борьбы между различными партіями. „Меншиковъ, — писалъ Караме, — управлялъ всѣмъ, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ дѣла. Теперь же, по мнѣнію австрійскаго дипломата, можно было ожидать соперничества между Долгорукими и Голицыными и одновременно антагонизма между сторонниками старины и Остерманомъ“... Послѣдній, какъ полагалъ Караме, могъ удержаться въ нѣкоторой силѣ исключительно благодаря неминүемой распрѣ между лицами, непосредственно окружавшими молодого государя. Въ октябрѣ 1727 г. Лефортъ доносилъ своему двору: „Алексѣй Долгорукій поссорился съ барономъ Остерманомъ, и оба поклялись погубить другъ друга“. Къ счастью для Остермана, была рознь между самими Долгорукими. Въ сентябрѣ 1728 г., Лефортъ доносилъ: „Странно, что семейство Долгорукихъ состоитъ изъ трехъ партій, противныхъ другъ другу; баронъ Остерманъ сумѣлъ пріобрѣсти себѣ довѣріе всѣхъ, даже служить имъ въ родѣ оракула“. Однако, Долгорукіе, какъ доносилъ Гогенгольцъ въ февралѣ 1728 г., всѣ вмѣстѣ ненавидѣли Остермана и старались погубить его. Вотъ почему они желали занять Петра II охотою, при чемъ молодой государь не могъ оставаться въ городѣ, тогда какъ Остерманъ, постоянно занятый дѣлами, конечно, не могъ участвовать въ этихъ поѣздкахъ. Уже въ маѣ 1728 г., Гогенгольцъ жаловался на частое пребываніе Петра въ имѣніяхъ Долгорукихъ и на постоянно возрастающее вліяніе, особенно Алексѣя Долгорукаго, на молодого государя. „Долгорукіе, — доносилъ Вратиславъ въ сентябрѣ 1728 г., — никого не пускаютъ къ царю. Фаворъ Ивана Долгорукаго прочно основанъ“. Австрійскій дипломатъ считалъ своею обязанностью ухаживать за Долгорукими, обѣщая имъ покровительство

императора Карла VI и приглашая ихъ къ себѣ обѣдать. За годъ до кончины Петра II, Вратиславъ писалъ, что въ случаѣ преждевременной кончины Петра II кто-либо изъ Долгорукихъ легко можетъ сдѣлаться его преемникомъ, и въ виду этого обстоятельства нужно заботиться о сохраненіи благопріятныхъ сношеній съ этимъ семействомъ. „Нѣтъ никакой возможности отдѣлаться отъ Долгорукихъ, — писалъ Вратиславъ въ февралѣ 1729 г., — къ тому же они состоятъ въ родствѣ съ разными фамиліями“.

Вратиславъ считалъ вѣроятнымъ, что фельдмаршалу Василию Владиміровичу Долгорукому суждено играть весьма важную роль въ Россіи. Поэтому австрійскій дипломатъ старался поддерживать съ нимъ знакомство тѣмъ болѣе, что фельдмаршалъ былъ убѣжденъ въ пользѣ русско-австрійскаго союза. Въ маѣ 1729 г., Вратиславъ не безъ удовольствія сообщалъ Карлу VI, что онъ вмѣстѣ съ Иваномъ Долгорукимъ обѣдалъ у фельдмаршала Василия Владиміровича; немного позже онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать и фельдмаршала, и фаворита. „Все зависитъ теперь отъ Долгорукихъ“, писалъ Вратиславъ въ декабрѣ 1729 г. „Министерство состоитъ почти исключительно изъ Долгорукихъ“, говорится въ другомъ донесеніи австрійскаго дипломата. Люди, въ родѣ Шаффинова, оказались вполне „креатурами“ Долгорукихъ. „Долгорукие, — писалъ Вратиславъ наканунѣ кончины Петра II, — гораздо прочнѣе, чѣмъ Меншиковъ, поставлены, потому что ихъ много“.

Объ извѣстномъ дипломатѣ Василиѣ Лукичѣ Долгорукомъ Караме писалъ въ ноябрѣ 1727 г., что онъ успѣлъ занять важное положеніе при государѣ, особенно благодаря посредничеству Левенвольде; зная иностранные языки и отличаясь опытностью въ дѣлахъ, Василий Лукичъ могъ мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться руководителемъ внѣшней политики Россіи. Понятно, что между нимъ и Остерманомъ происходило соперничество.

Объ Алексѣѣ Долгорукомъ, оказывавшемъ самое сильное вліяніе на Петра II, графъ Вратиславъ доносилъ между прочимъ, что онъ не имѣетъ никакого образованія. Онъ болѣе другихъ былъ представителемъ крайняго націонализма; между тѣмъ какъ въ немъ не было ни малѣйшей доли какой-либо гражданской доблести, какихъ-либо серьезныхъ политическихъ соображеній. Несмотря на то, что графъ Вратиславъ зналъ о неблагоприятныхъ поступкахъ князя Алексѣя Долгорукаго, напр. о его безстыдномъ разграбленіи казны, — онъ все-таки долженъ былъ имѣть съ нимъ дѣло и въ своихъ донесеніяхъ неоднократно упоминалъ о своихъ бесѣдахъ съ княземъ, при чемъ является вопросъ, на какомъ языкѣ Алексѣй Долгорукій, человекъ совсѣмъ необразованный,

могъ говорить съ Вратиславомъ. Быть можетъ, они говорили польски, такъ какъ князь Алексѣй въ молодости жилъ въ Варшавѣ, а графъ Вратиславъ до прїѣзда въ Россію также пробылъ нѣкоторое время въ этомъ городѣ.

Болѣе образованнымъ и болѣе симпатичнымъ былъ старшій сынъ князя Алексѣя, Иванъ, фаворитъ Петра II. Его воспитателемъ былъ Генрихъ Фикъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ служилыхъ иноземцевъ въ Россіи того времени. Съ Петромъ II онъ подружился еще до воцаренія государя-отрока, состоя при немъ съ 1723 года „гофъ-юнкеромъ“. Онъ, какъ извѣстно, особенно послѣ паденія Меншикова, совершенно овладѣлъ сердцемъ и умомъ Петра II. Гогенгольцъ не безъ удивленія писалъ въ январѣ 1728 г., что Иванъ Долгорукій, никогда не служившій въ войскѣ, вдругъ назначенъ майоромъ гвардіи. Къ этому прибавлено, что онъ спитъ въ одной постели съ Петромъ и постоянно находится при государѣ. Фаворъ Ивана Долгорукаго заставлялъ иностранныхъ дипломатовъ искать съ нимъ сношеній. Въ особенности герцогъ Лирія успѣлъ сблизиться съ Иваномъ Долгорукимъ, который къ тому же находился и съ Остерманомъ въ гораздо лучшихъ отношеніяхъ, чѣмъ его родственники. Вотъ почему и графъ Вратиславъ сталъ ухаживать за Иваномъ Долгорукимъ, хотя австрійскій дипломатъ считалъ его человѣкомъ неспособнымъ. Лирія, Вратиславъ и Остерманъ старались дѣйствовать на Петра II, чрезъ посредство Ивана Долгорукаго, который, между прочимъ, порою желалъ даже возвращенія двора въ Петербургъ. Впрочемъ, Иванъ Долгорукій оказался вполне неспособнымъ придерживаться какихъ-либо политическихъ правилъ. Въ немъ не было выдержанности; онъ былъ человѣкомъ безхарактернымъ и особенно опасался всякаго соперничества въ своихъ отношеніяхъ къ Петру. Онъ, какъ и отецъ его, руководствовался мелкимъ тщеславіемъ. Такъ напр., онъ чрезъ Остермана просилъ Лефорта доставить ему польскій орденъ Бѣлаго Орла. Въ самомъ концѣ царствованія Петра II, графъ Вратиславъ считалъ весьма легко возможнымъ, что Иванъ Долгорукій будетъ назначенъ „первымъ министромъ“, что, по мнѣнію австрійскаго дипломата, могло оказаться довольно выгоднымъ для политики Россіи, благодаря тому обстоятельству, что Остерманъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на фаворита. Однако, въ то же время, легкомысліе послѣдняго доходило до крайнихъ предѣловъ. Лефортъ писалъ, 8 августа 1729 г.: „Поведеніе фаворита Долгорукаго непонятно: онъ поддерживается интригами другихъ; развлеченія у него замѣнили трудъ, и нравы совершенно развращены; часть дня онъ проводитъ вдали отъ госу-

даря въ весельяхъ, покровительствуемыхъ Венерою и Бахусомъ, и не смыкаетъ глазъ до выхода царя, который часто встаетъ, когда фаворитъ ложится спать“. Изъ иностранцевъ никто съ Иваномъ Долгорукимъ не былъ знакомъ такъ близко, какъ герцогъ Лирія, который составилъ въ приложеніи къ своимъ запискамъ слѣдующую его характеристику: „Онъ отличался только добрымъ сердцемъ. Государь любилъ его такъ нѣжно, что дѣлалъ для него все, и онъ очень любилъ государя. Ума въ немъ было очень мало, а проницательности никакой, но зато много смѣси и высокоумія, мало твердости духа и никакого расположенія къ трудолюбію; любилъ женщинъ и вино. Но въ немъ не было коварства. Онъ хотѣлъ управлять государствомъ, но не зналъ, съ чего начать; могъ воспламениться жестокою ненавистью, не имѣлъ воспитанія и образованія; словомъ, былъ очень простъ“. Этой характеристикѣ соотвѣтствуетъ слѣдующій анекдотъ, рассказанный испанскимъ посломъ въ его запискахъ. Однажды Иванъ Долгорукій велѣлъ сказать герцогу Лиріи, что если онъ любитъ Остермана болѣе, нежели его, фаворита, то онъ сдѣлается ему явнымъ врагомъ. При всемъ недостаткѣ въ умственныхъ способностяхъ Ивана Долгорукаго его положеніе при молодомъ государѣ было таково, что Лирія и Вратиславъ считали своею обязанностью порою говорить съ нимъ о дѣлахъ. Лирія бесѣдовалъ съ нимъ объ Англіи, о необходимости сохраненія согласія между нимъ, фаворитомъ, и барономъ Остерманомъ, и т. п.

Впрочемъ и фаворъ Ивана Долгорукаго, благодаря его порокамъ и кознямъ разныхъ лицъ, не всегда былъ прочнымъ. Лирія рассказываетъ въ своихъ запискахъ: „Всѣ были очень недовольны чрезмѣрною властью дома Долгорукихъ: они управляли всѣмъ безъ исключенія. Фаворитъ, увѣренный въ царской къ нему любви, не всегда бывалъ при государѣ и большую часть времени проводилъ въ своихъ забавахъ. Я, любя его, часто говорилъ ему о томъ, но все понапрасну. Не было недостатка въ людяхъ, которые, желая погубить фаворита, говорили царю о дурной его жизни, и даже самъ отецъ его, изъ зависти къ нему, искалъ случая уменьшить власть его. Это покажется страннымъ, но дѣйствительно это было такъ“.

Англійскій консулъ Рондо, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Остермана и, очевидно, чрезъ послѣдняго узнававшій разныя частности о событіяхъ при дворѣ, рассказываетъ, въ концѣ 1728 г., слѣдующее: „Меня увѣрили, будто любимецъ царскій, молодой князь Долгорукій, впалъ въ немилость, и государь уже нѣсколько

дней не допускаетъ его къ себѣ. Рассказываютъ, будто принцесса Наталья Алексѣевна, страдающая чахоткой, нашла, съ помощью барона Остермана, возможность удалить этого молодого человѣка. Принцесса, въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, представила брату дурныя послѣдствія, которыхъ нужно ожидать и для него самого, и для всего русскаго народа, если онъ и впредь будетъ руководствоваться совѣтами молодого Долгорукаго, поддерживающаго и затѣвающаго всякаго рода развратъ (*débaucheries*). Она прибавила, что больна отъ горя, которое испытываетъ, видя, какъ его величество, пренебрегая дѣломъ, отдается разгулу. По какому расчету баронъ поддерживаетъ эти аргументы принцессы, я узнать не могъ, но меня увѣрили, что со времени удаленія Долгорукаго онъ самовластнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Состоя въ милости, молодой князь посвященъ былъ во всѣ государственныя тайны, которыя, вѣроятно, и сообщалъ отцу и дядѣ, они же, въ свою очередь, все передавали Шафирову; теперь же баронъ Остерманъ не обязанъ говорить имъ ни о чемъ, кромѣ того, что считаетъ нужнымъ высказать. Удаленіе молодого Долгорукаго будетъ имѣть слѣдствіемъ гибель всего именитаго рода Долгорукихъ и возвыситъ Голицыныхъ, которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, баронъ вовлечетъ въ игру". Несмотря на все это, фаворъ Долгорукаго въ сущности не измѣнился. Рондо писалъ, 3-го (14-го) декабря 1728 г., послѣ кончины Натальи Алексѣевны: „Принцесса Наталья, чувствуя себя очень дурно, просила брата разстаться со своимъ любимцемъ. Желая утѣшить умирающую, государь обѣщалъ исполнить ея желаніе, но со смертію царевны онъ измѣнилъ слово, и князь теперь въ милости, болѣе, чѣмъ когда-либо". Для характеристики положенія Долгорукаго при дворѣ, любопытенъ еще слѣдующій рассказъ консула Рондо въ депешѣ, отъ 26-го іюня (7-го іюля) 1729 г.: „Не постигаю, изъ какихъ видовъ герцогъ Лирія и графъ Вратиславъ такъ упорно ухаживаютъ за молодымъ княземъ Долгорукимъ, который иностранныхъ дѣлъ совсѣмъ не касается. Меня увѣрили, будто они иной разъ по часу, по два, ждутъ въ его прихожей, прежде чѣмъ онъ приметъ ихъ. Еслибы дѣло шло о какихъ-нибудь серьезныхъ переговорахъ, ихъ превосходительствамъ естественнѣе было бы любезничать съ барономъ Остерманомъ, съ графомъ Головкинымъ—единственными лицами, способными быть полезными въ иностранныхъ сношеніяхъ. Это приводитъ меня къ заключенію, что переговоры имъ вести не о чемъ, и займутся они единственно о томъ, какъ бы провести время возможно пріятнѣе".

Извѣстно, каковы были начала педагогической программы, составленной Остерманомъ для Петра II, и теперь современники жаловались на недобросовѣстность Долгорукихъ, старавшихся всячески испортить нравъ государя. Мардефельдъ, говоря о безпутной жизни фаворита, писалъ 8-го апрѣля 1728 г.: „Онъ какъ бы обворожилъ молодого императора; способствуетъ всѣмъ его страстямъ и неразлученъ съ нимъ. Изъ этихъ обстоятельствъ видно, что баронъ Остерманъ и фаворитъ столь же мало могутъ жить въ дружбѣ другъ съ другомъ, какъ не могутъ идти рука объ руку добродѣтель и порокъ“... „Царь привыкъ съ Долгорукими играть по вечерамъ въ карты“, — доносилъ Лирія. — Мардефельдъ писалъ въ началѣ 1728 г.: „Барона Остермана огорчаетъ болѣе всего то, что императоръ такъ слѣпо слѣдуетъ своимъ молодымъ любимцамъ, а въ особенности князю Ивану Долгорукому, въ ихъ развратныхъ забавахъ; онъ этимъ отвлекается отъ государственныхъ дѣлъ, и воспитаніе его, за которое Остерманъ несетъ отвѣтственность, принимаетъ такой дурной оборотъ, котораго онъ и все управленіе отворотить не могутъ. Поэтому Остерманъ прилагаетъ всѣ старанія, чтобы освободиться отъ должности наставника; но императоръ объ этомъ и слышать не хочетъ, а, напротивъ, проситъ его со слезами оставаться при немъ и даетъ ему клятвенныя обѣщанія, что никогда къ нему не измѣнится“. Лирія рассказываетъ о слѣдующемъ случаѣ: „На дняхъ Остерманъ занемогъ; пущенная ему кровь была вся черная и почти гнилая. Причиною болѣзни его было то, что онъ былъ вынужденъ говорить царю о его образѣ жизни, а его величество, выслушавъ, ушелъ отъ него, не сказавъ ни слова. Спустя нѣсколько дней, онъ опять говорилъ ему о томъ же, прибавивъ, что его величество чрезъ нѣсколько лѣтъ самъ велѣлъ бы отрубить ему голову, еслибы онъ не предостерегалъ его отъ пропасти, въ которую онъ теперь стремится, и что онъ не можетъ быть свидѣтелемъ его погибели и отказывается отъ званія воспитателя. Царь обнялъ Остермана и со слезами на глазахъ просилъ его не оставлять его, но въ тотъ же самый вечеръ принялся за прежнее“. Вліяніе Остермана ослабѣвало тѣмъ болѣе, что князь Алексѣй Долгорукій занималъ мѣсто второго воспитателя Петра. Достоинно вниманія, что въ началѣ 1729 г. разнесся слухъ о проектѣ путешествія Петра за границу. Лефортъ доносилъ 17-го февраля 1729 г.: „Еслибы царь послушался Остермана, то это путешествіе въ Германію состоялось бы; но отецъ фаворита, овладѣвшій царемъ, старается отклонить его отъ путешествія, которое могло бы открыть ему глаза. Молодость царя

проходить въ пустыняхъ; каждый день онъ участвуетъ въ Измайл-ловѣ въ дѣтскихъ играхъ; и вовсе онъ не заботится быть человѣкомъ положительнымъ, какъ будто ему и не нужно царствовать. Остерманъ употреблялъ всевозможныя средства принудить его работать, хотя бы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, но это ему никогда не удавалось. Его оставляютъ невѣждою, и вѣроятно онъ никогда не предприметъ этого путешествія“.

Между тѣмъ вліяніе Долгорукихъ со дня на день становилось болѣе гибельнымъ для молодого государя. Лирія доноситъ испанскому министру: „Царь уже даетъ знать, что можетъ быть другомъ женскаго пола и даже въ высочайшей степени: онъ уже имѣлъ свои любовныя похождения. Не удивляйтесь этой преждевременной скороспѣлости: несмотря на всю суровость здѣшняго климата, молодежь, какъ мужчины, такъ и женщины, развиваются у нихъ гораздо скорѣе, чѣмъ у насъ, и мальчики одиннадцати лѣтъ (sic) уже женятся“. Лефортъ писалъ 20-го декабря 1727 г.: „Безразсудные помогаютъ царю въ распутствѣ, внушая ему наклонности, недостойныя его сана. Мнѣ извѣстна одна комната, смежная съ биллиардной, гдѣ помощникъ главнаго воспитателя (Лёвенвольде) доставляетъ ему разныя пріятныя свиданія, и теперь онъ сносится съ извѣстной особой, бывшей у Меншикова; мнѣ говорили, что она служитъ фрейлиной у принцессы Елизаветы; ей обѣщали 50.000 рублей. Слыхано ли это!? Цѣлую ночь развѣзжая по улицамъ, ложатся спать только въ семь часовъ утра. Сестра царя и Остерманъ, дѣйствующіе за-одно, потеряли всякое значеніе со своими увѣщаніями. Великая княжна часто бываетъ глубоко огорчена поступками царя, слѣдующаго только прекраснымъ правиламъ (la belle doctrine) Долгорукихъ. Въ другомъ донесеніи Лефорта сказано: „Царь съ нѣкотораго времени взялъ привычку ночь превращать въ день и цѣлую ночь рыскаетъ со своимъ камергеромъ Долгорукимъ... Это даетъ поводъ думать, что цѣль этихъ ночныхъ прогуловъ—какая-нибудь личность, выисканная Долгорукимъ... Говорятъ, что онъ начинаетъ пить“. И графъ Вратиславъ доносилъ своему двору о ежедневно повторяющихся „неприличныхъ“ поступкахъ, о „неправильномъ“ образѣ жизни молодого государя, и т. п. Въ донесеніи, отъ 1-го апрѣля 1728 г., Вратиславъ говоритъ, что затрудняется передавать скандалёзные рассказы о безпутной жизни Петра II. Въ депешѣ, отъ 15-го іюля 1728 г., Вратиславъ высказываетъ убѣжденіе, что молодой государь, несмотря на вѣрное тѣлосложеніе, непременно заболѣетъ опасно отъ этихъ постоянныхъ ночныхъ оргій и т. п. „Нравы царя становятся все хуже, — писалъ Врати-

славъ 3-го января 1729 г.,—и нѣтъ никакой возможности помочь этому злу“. Всѣ были въ ужасѣ отъ такого поведенія Петра. Бабка Петра, герцогиня Бланкенбургская, хлопотала чрезъ Остермана, чтобъ внукъ ея велъ себя лучше и берегъ свое здоровье. Въ одномъ изъ ея писемъ къ брауншвейгскому резиденту сказано: „Дайте почувствовать князю Ивану Долгорукому необходимость вывезти императора изъ Москвы“. Лирія неоднократно говорилъ объ этомъ съ фаворитомъ. Вратиславъ постоянно приставалъ къ Остерману, умоляя его положить конецъ безразсудному образу жизни царя-отрока. Наконецъ, даже самъ Иванъ Долгорукій пришелъ къ убѣжденію, что нужно исправиться. Онъ просилъ графа Вратислава затронуть этотъ вопросъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ. Благодаря этому, австрійскій дипломатъ объявилъ фельдмаршалу Долгорукому, что Карлъ VI, не желая, впрочемъ, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, все-таки не можетъ относиться равнодушно къ вопросу о поведеніи Петра, и, опираясь на австрійско-русскій трактатъ и на родство, требуетъ перемѣны въ образѣ жизни племянника. Представленія Вратислава не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Онъ протестовалъ противъ частыхъ поѣздокъ Петра на охоту; однако эти поѣздки не прекращались почти до послѣдней его болѣзни.

Долгорукіе даже содѣйствовали развитію въ Петрѣ II сильной страсти къ охотѣ. Уже въ іюнѣ 1727 г., Лефорть писалъ, что эта страсть у молодого государя зашла такъ далеко, что онъ не въ состояніи заняться чѣмъ-либо другимъ. Иногда Петръ на охотѣ подвергалъ себя опасности. Лефорть писалъ, 15-го марта 1728 г., польскому королю: „Царю такъ много хвалили охоту вашего величества, что онъ былъ бы очень доволенъ получить въ подарокъ нѣсколько гончихъ собакъ и хотя одного-другого охотника“. Далѣе, саксонскій дипломатъ писалъ 25-го ноября 1728 г.: „Царь только участвуетъ въ разговорахъ о собакахъ, лошадяхъ, охотѣ, слушаетъ всякій вздоръ, хочетъ жить въ сельскомъ уединеніи, а о чемъ-нибудь другомъ и знать не хочетъ“... „Съ тѣхъ поръ, какъ царь уѣхалъ отсюда, — доносилъ Лефорть 27-го октября 1729 г., — считаютъ, что затравлено 4.000 зайцевъ, 50 лисицъ, 5 рысей, 3 медвѣдя и множество живности; его свора состоитъ изъ 200 гончихъ собакъ и 420 борзыхъ“. Немного позже Лефорть писалъ: „Во время охоты царь два раза подвергался опасности, угрожавшей жизни; однажды огромный медвѣдь такъ близко подошелъ къ нему, что, не случись тутъ охотника, выстрѣлившаго по нему, онъ бы бросился на царя“.

Этотъ спортъ, впрочемъ, доставлялъ иностраннымъ министрамъ

случай видѣть государя и угождать ему. Лирія подарилъ Петру ружье отменной работы, и царь былъ такъ обрадованъ, что просилъ испанскаго посла остаться съ нимъ обѣдать. Въ другой разъ Лирія подарилъ ему двѣ борзыхъ собаки, которыхъ онъ нарочно выписалъ изъ Англiи. „Его величество,—сказано въ мемуарахъ герцога,—былъ такъ доволенъ, какъ будто я подарилъ ему величайшую драгоценность,—цѣлую провинцію“. Иванъ Долгорукій просилъ герцога Лирія выписать для царя испанскихъ муловъ. Узнавъ, что испанскій король намѣренъ подарить ему шесть андалузскихъ лошадей, Петръ „прыгаль отъ удовольствiя“. И графъ Вратиславъ также заботился о доставленiи Петру II собакъ, охотниковъ-специалистовъ и пр. Но въ то же время онъ, какъ и другiе дипломаты, строго осуждалъ эту чрезмѣрно развившуюся страсть молодого государя. Къ тому же Вратиславъ былъ убѣжденъ во вредномъ влiянiи постоянного пребыванiя на охотѣ на здоровье Петра. Притомъ, отсутствiе двора отзывалось невыгодно на ходѣ дѣлъ. Вратиславъ и Лирія рѣшились, наконецъ, представить Головину, Остерману и другимъ членамъ верховнаго тайнаго совѣта, что постоянныя поѣздки царя имѣютъ слѣдствiемъ тѣ неудобства, что пребыванiе иностранныхъ министровъ въ Москвѣ, гдѣ нѣтъ царя, а иногда и лица, къ которому можно было бы обратиться, оазывается бесполезнымъ, и пр.

Поѣздки Петра II за городъ, на охоту, всегда предпринимались имъ въ сопровожденiи Долгорукихъ, старавшихся такимъ образомъ забрать его окончательно въ свои руки. Эти поѣздки состояли въ нѣкоторой связи съ проектомъ брака Петра съ дочерью князя Алексѣя Долгорукаго, княжною Екатериною Алексѣевою Долгорукою.

VI.

ЦАРИЦА ЕВДОКIЯ.

Первая супруга Петра Великаго, царица Евдокиа, пробыла въ заключенiи съ 1698 года, безъ малаго тридцать лѣтъ, проживая въ разныхъ монастыряхъ. Въ послѣднее время царствованiя Петра I она была заключена въ Старой Ладогѣ. Скоро послѣ кончины Петра Великаго ее перевезли оттуда въ Шлиссельбургъ, гдѣ она также содержалась въ строгомъ заключенiи. Здѣсь, впрочемъ секретно, видѣла ее императрица Екатерина I въ сентябрѣ 1725 г.

При Екатеринѣ I не было рѣчи объ освобожденіи Евдокии. Вопросъ объ этомъ возникъ при Петрѣ II еще во время управленія дѣлами князя Меншикова. Мардефельдъ доносилъ 8-го іюля 1727: „Отреченная царица, бабка императора, намѣревается прибыть въ Петербургъ. Хотя и весьма естественно, что императоръ освободилъ ее, но ея возвращеніе сюда все-таки должно будетъ имѣть для многихъ непріятныя послѣдствія“. Однако царица не прибыла въ новую столицу. Освободивъ ее, изъ Шлиссельбурга отправили ее прямо въ Москву, гдѣ она была помѣщена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ приличнымъ содержаніемъ. Къ этому же времени относится отобраніе манифестовъ по дѣлу царевича Алексѣя. Возникъ даже вопросъ о возвращеніи конфискованныхъ имѣній потомкамъ Кикина и Гагарина, казненныхъ при Петрѣ Великомъ. Меншиковъ не видѣлся съ бабкой Петра II, которая переписывалась съ императоромъ, его сестрою и съ Остерманомъ.

Въ 1725 г., опасность, грозившая со стороны Евдокии нѣкоторымъ лицамъ, какъ Меншикову, Толстому и др., содѣйствовала тому, что тогда не думали о кандидатурѣ на престолъ ея внука, Петра II. Послѣ кончины Екатерины I, многія лица не желали возвращенія Евдокии изъ ссылки, потому что ожидали, что царица станетъ враждебно дѣйствовать противъ дочерей Екатерины. Лѣтомъ 1727 г., однако, австрійскій дипломатъ Рабутинъ совѣтовалъ русскимъ государственнымъ людямъ благосклоннѣе обращаться съ царицею Евдокиею и ея родственниками, для того, чтобы предупредить съ этой стороны враждебныя дѣйствія. Когда Меншиковъ письменно объявилъ ей объ освобожденіи, она общалась не вмѣшиваться ни въ какія дѣла и жить сповойно въ уединеніи Новодѣвичьяго монастыря. Тѣмъ не менѣе современники опасались ея вліянія въ духѣ реакціи. Въ этомъ смыслѣ выражались въ своихъ донесеніяхъ Рабутинъ и Караме. Гогенгольцъ писалъ, 31-го января 1728 г., по случаю переселенія двора въ Москву: „Самое главное теперь будетъ зависѣть отъ образа дѣйствій бабки государя“. Однако всѣ эти опасенія оказались лишними основанія. Царица не вмѣшивалась въ дѣла и не могла имѣть какаго бы то ни было вліянія. Ей назначили по 60.000 рублей въ годъ и волость до 2.000 дворовъ. „Въ понедѣльникъ, 1-го марта (1728), бабка царя, — писалъ Лирія, — первый разъ пріѣхала во дворецъ видѣть его царское величество. Она просидѣла у него долго. Съ цѣлю не дозволить ей говорить о дѣлахъ, государь пригласилъ быть съ нимъ принцессу Елизавету, чтобы она была для того помѣхою. Но она все-таки много говорила ему о его поведеніи; какъ меня увѣрили, она совѣтовала ему жениться,

хотя даже на иностранцѣхъ, что будетъ все-таки лучше, чѣмъ вести ту жизнь, которую онъ ведетъ въ настоящее время". Ожидали, что царица Евдокія низвергнетъ Остермана и замѣнитъ его Шафировымъ. Говорили о ея ненависти къ иностранцамъ. Какъ скоро узнали, что Шафировъ часто бываетъ у царицы, его отправили въ Архангельскъ. Лирія слышала, впрочемъ, что бабка внуку „почему-то“ не понравилась. Мардефельдъ доносилъ прусскому королю, будто царица Евдокія полагала, что въ наискорѣйшемъ времени она будетъ жить въ Кремлѣ и разыгрывать роль правительницы, а слѣдовательно будетъ въ силѣ отравить жизнь всѣмъ иностранцамъ; но все это вышло иначе, не въ пользу царицы. „Она, — писалъ Мардефельдъ, — занимаетъ въ монастырѣ три маленькія комнаты. Императоръ и великія княжны сдѣлали ей только одинъ церемонный визитъ, который ей совсѣмъ не пришелся по душѣ; а также не достигла она своей желанной цѣли тѣмъ, что, облачившись въ старомосковское одѣяніе, заставила всѣхъ посѣтителей подойти къ ея рукѣ. Значеніе и авторитетъ ея уменьшились“.

Въ началѣ мая царица Евдокія заболѣла. Съ нею сдѣлался апоплексическій ударъ. Однако она скоро поправилась. Гогенгольцъ видѣлъ ее по случаю поздравленія при дворѣ на пасхѣ. Австрійскій дипломатъ подошелъ къ царицѣ и поцѣловалъ ей руку, при чемъ она разспрашивала его о разныхъ присутствовавшихъ при этомъ иностранныхъ дипломатахъ. На Гогенгольца она произвела впечатлѣніе очень пожилой и дряхлой женщины, хотя ей тогда было не болѣе 54 лѣтъ. Вратиславъ на пути въ Москву слышалъ въ С.-Петербургѣ, что царица Евдокія имѣла значеніе, и что около нея образовалась сильная партія. Однако эти слухи оказались ложными, и Лефортъ совершенно справедливо писалъ немного позже: „Баба его величества не имѣетъ никакого вліянія. Ей даже не выдается регулярно назначенная ей пенсія; она больна“ и т. д. Въ самомъ концѣ царствованія Петра II, она страдала водяною болѣзью и считалась въ опасности. Благодаря волненію по случаю кончины царя, она была при смерти; однако послѣ этого поправилась, какъ видно изъ писемъ лэди Рондо, которая съ нею познакомилась въ первое время царствованія императрицы Анны Іоанновны и бесѣдовала съ нею о разныхъ предметахъ.

VII.

Великая княжна Наталья Алексѣевна.

Всѣ современники, русскіе и иностранцы, хвалили необычайныя способности и добрый нравъ сестры Петра II, великой княжны Натальи Алексѣевны. Она и въ народѣ пользовалась популярностью ¹⁾. Ее считали сторонницею европейскихъ началъ, насажденныхъ рукою Петра Великаго. Лефортъ писалъ вскорѣ послѣ воцаренія Петра II: „Нельзя довольно налюбоваться на разсудительное поведеніе великой княжны. Она—Минерва для царя. Царь, его сестра и Остерманъ составляютъ триумвиратъ, не всегда исполняющій внушенія Меншикова. Великая княжна имѣетъ сильное вліяніе на брата. Лирія писалъ по поводу ея кончины: „Она украшалась всевозможными хорошими качествами; не была красавицею, но что значить красота, когда сердце совершенно! Она была покровительницею иностранцевъ и говорила очень хорошо на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; была идоломъ всѣхъ честныхъ людей, перломъ Россіи; словомъ, такъ совершенна, что Богъ не дозволилъ ей жить долго на свѣтѣ. Принцесса Наталья не могла жить среди варваровъ, которые не знаютъ, что такое истинная и строгая добродѣтель“... Въ другомъ мѣстѣ Лирія писалъ о сестрѣ Петра II: „Она была дурна лицомъ, хотя и хорошо сложена, любезна, великодушна, внимательна, исполнена граціи и кротости, такъ что всѣхъ привлекала къ себѣ. Она была чтеніе“ и т. д.

Лирія, послѣ пріѣзда въ Москву, доноситъ о существованіи тамъ двухъ партій: „Первая—царская, къ которой принадлежать всѣ тѣ русскіе, которые желаютъ выгнать отсюда всѣхъ иностранцевъ; вторая—партія великой княжны, царской сестры, и къ ней принадлежать: баронъ Остерманъ, графъ Лёвенвольде и всѣ иностранцы“. Достоинно вниманія при этомъ слѣдующее замѣчаніе въ одномъ изъ донесеній англійскаго консула Рондо: „Графъ Лютоль и Анна Крамеръ—единственные фавориты принцессы Натальи; они управляютъ ею, какъ имъ угодно. Принцесса эта въ началѣ царствованія брата имѣла при дворѣ большое значеніе, какъ любимица государя, но она взяла на себя слишкомъ много, ста-

¹⁾ Веберъ, *Verändertes Russland*, III. 101—102.—Но С. М. Соловьевъ (XIX, стр. 109) замѣчаетъ по поводу благоприятныхъ отзывовъ иностранцевъ о Натальѣ: „Мы не имѣемъ надобности вѣрить этимъ восторженнымъ отзывамъ. Партія, принимающая къ высокопоставленному лицу, обыкновенно преувеличиваетъ достоинства этого лица“.

раясь удержатъ брата отъ беспорядочной жизни; нѣжные упреки ея показались императору тягостными, и она потеряла значительную долю своего вліянія на него“. Когда она скончалась, Рондо писалъ: „Множество добрыхъ качествъ покойной принцессы вызываютъ глубокія сожалѣнія о ней; одни называютъ ее матерью этой страны, другіе—покровительницею всѣхъ иноземцевъ“. О важномъ политическомъ значеніи Натальи Алексѣевны свидѣтельствуемъ слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное Лефортомъ по поводу опасной болѣзни великой княжны: „Остерманъ сказалъ вчера одному изъ своихъ повѣренныхъ,—если умретъ великая княжна, сохранявшая хотя малое вліяніе на своего брата, и если дворъ не возвратится въ Петербургъ, то онъ рѣшится просить объ отставкѣ и отстранить себя отъ всѣхъ дѣлъ. Я объясняю себѣ этотъ разговоръ тѣмъ, что послѣ смерти великой княжны, самой сильной покровительницы его и всѣхъ иностранцевъ, ему остается только выйти въ отставку и предоставить заботы о государствѣ властвующему роду (Долгорукимъ). Вѣроятно, многіе другіе иностранцы, которыхъ постараются удалить, сдѣлаютъ то же самое“.

Едва ли кто-либо изъ иностранныхъ дипломатовъ былъ столь близокъ съ Натальею Алексѣевною и зналъ ее столь коротко, какъ графъ Рабутинь. Онъ хвалилъ ея способности и ея политическій тактъ въ разныхъ случаяхъ, между прочимъ; по поводу заговора Девьера. „Мудрость, умѣренность и мѣткость сужденій принцессы,—писалъ Рабутинь въ маѣ 1727 г.,—далеко превосходятъ все, чего можно ожидать отъ нея въ ея лѣта. Нельзя нахвалиться благородству ея чувствъ и добротѣ ея сердца“. Мы упоминали выше о конфиденціальныхъ бесѣдахъ Рабутина съ Натальею Алексѣевною по поводу вопроса о бракѣ Петра II съ дочерью князя Меншикова. При этомъ обнаружилось ея умѣнье разсуждать о весьма важныхъ предметахъ. Она умѣла цѣнить покровительство императора Карла VI и его супруги.

„Въ случаѣ преждевременной кончины императора, его сестра будетъ его преемницею“,—доносилъ Рабутинь 5 іюня 1727 г., хотя ему было хорошо извѣстно, что такой порядокъ престолонаслѣдія нисколько не согласовался бы съ постановленіями въ завѣщаніи Екатерины I. Поэтому Рабутинь не желалъ, чтобы вопросъ о выдачѣ Натальи Алексѣевны замужъ былъ рѣшенъ такъ скоро. Зато онъ неоднократно представлялъ, что нужно отправить изъ Вѣны въ Россію оберъ-гофмейстерину, которая могла бы служить ей и компаньонкой, и наставницей. Рабутинь считалъ воспитаніе Натальи Алексѣевны неоконченнымъ и опасался

вреднаго вліянiя другихъ лицъ на нее. Австрійскій дворъ надѣялся, что великая княжна успѣетъ направить брата на путь добродѣтели. Гогенгольцъ, по случаю аудіенціи, которую онъ имѣлъ у Натальи Алексѣевны, передавъ ей письмо и подарокъ отъ имени Карла VI, заговорилъ съ нею о воспитаніи Петра, о необходимости щадить здоровье государя и о переселеніи двора въ Петербургъ. Особенно, замѣтилъ Гогенгольцъ, Карль VI надѣялся на содѣйствіе великой княжны при рѣшеніи вопроса о пребываніи двора въ новой столицѣ, а не въ Москвѣ. Великая княжна отвѣтила Гогенгольцу въ общихъ выраженіяхъ, не вдаваясь въ подробности. Зато она бесѣдовала нѣсколько подробнѣе съ графомъ Вратиславомъ, говоря по-нѣмецки и замѣчая, что она съ нетерпѣніемъ ожидала его приѣзда. При разныхъ случаяхъ она разговаривала съ австрійскимъ дипломатомъ о Карлѣ VI и его супругѣ. Однажды при дворѣ была музыка, и Наталья Алексѣевна замѣтила по поводу одной аріи, что она любитъ слушать ее, зная, что императрица также любитъ эту арію. Вратиславъ также мечталъ о приглашеніи изъ Вѣны для великой княжны гофмейстерины, но въ эпоху реакціи при Долгорукихъ вовсе не думали объ усовершенствованіи образованія Натальи Алексѣевны и не желали вовсе приѣзда иностранки. Вратиславъ былъ въ восхищеніи отъ личности великой княжны, и онъ удивлялся тому, что она не имѣла особаго придворнаго штата. Между тѣмъ она заболѣла опасно. Какъ видно изъ донесеній Вратислава, особенно принцъ Евгений Савойскій справлялся у австрійскаго посланника о здоровьи Натальи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ нѣжно любилъ сестру. Именно на этой привязанности его къ великой княжнѣ была основана надежда австрійскаго двора, что она успѣетъ оказать благотворное вліяніе на нравъ молодого государя. Рабутинъ писалъ, что Петръ довѣрялъ исключительно сестрѣ свои тайныя мысли. Къ сожалѣнію, однако, въ продолженіе послѣдняго года жизни Натальи Алексѣевны, происходили иногда недоразумѣнія между Петромъ и его сестрою. Бывали случаи, — еще въ концѣ 1727 г., — что Петръ и Наталья по нѣсколькимъ днямъ не встрѣчались, и Петръ, подъ предлогомъ болѣзни, избѣгалъ свиданія съ сестрою. Гогенгольцъ приписывалъ это кознямъ лицъ, обрुжавшихъ государя. Онъ узнавалъ о такихъ случаяхъ временной розни Петра съ сестрою чрезъ Ягужинскаго. Немного позже оказалось, что холодность государя въ обращеніи съ сестрою была вызвана его привязанностью къ Елизаветѣ Петровнѣ. Послѣдняя, какъ доно-

силъ Гогенгольцъ ¹⁾, на этотъ счетъ обазывала вредное вліяніе на Петра, сѣя раздоръ между нимъ и сестрою. Великая княжна сильно страдала отъ этихъ непріятностей. Рондо доносилъ въ августъ 1728 г.: „Нѣжные упреки принцессы Натальи показались императору тягостными, и она потеряла значительную долю вліянія на него“. Гогенгольцъ и Лирія приписывали даже болѣзнь Натальи Алексѣвны душевному разстройству. Лирія замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ: „Не чахотка была причиною ея болѣзни, и только одинъ врачъ могъ ее вылечить, именно братъ ея. Сначала онъ имѣлъ такую довѣренность къ своей сестрѣ, что дѣлалъ для нея все и не могъ ни минуты оставаться безъ нея. Они жили въ величайшемъ согласіи, и великая княжна давала удивительные совѣты своему брату. Мало-по-малу, однакоже, царь привязался къ своей теткѣ, принцессѣ Елизаветѣ, а фаворить его и другіе придворные, которые не любили великой княжны за то, что она уважала Остермана и благоволила иностранцамъ, всячески старались выхвалять принцессу, которая не любила своей племянницы, и сдѣлали то, что чрезъ полгода царь не говорилъ уже съ ней ни о какихъ дѣлахъ и слѣдственно не имѣлъ къ ней никакой болѣе довѣренности. Великая княжна, у которой душа была превосходнѣйшая, чрезвычайно страдала отъ того, что братъ отдалился отъ нея, и это страданіе усугублялось еще тѣмъ, что тетка совсѣмъ перестала ходить къ ней и обращалась съ нею весьма холодно. Вотъ настоящая причина ея болѣзни“.

Лѣтомъ 1728 г., Вратиславъ доносилъ, что отношенія между Петромъ и Натальею сдѣлались нѣсколько болѣе благопріятными, однако, въ сентябрѣ 1728 г., онъ опять писалъ, что великая княжна, несмотря на нѣкоторое сближеніе съ братомъ, все-таки не можетъ отважиться на то, чтобы оказывать вліяніе на него и говорить съ нимъ откровенно.

Во все это время и русскіе государственные люди, и иностранные дипломаты занимались вопросомъ, за кого можно выдать замужъ великую княжну. Любопытно при этомъ, что даже Долгорукіе не оспаривали права императора Карла VI содѣйствовать рѣшенію этого вопроса, считавшагося очень важнымъ.

Лирія доносилъ: „Русскіе желаютъ сыскать принцессѣ хорошаго жениха, но это очень трудно, потому что найдется мало государей, которые захотѣли бы искать себѣ невѣсты въ Москвѣ. Русскіе были бы очень рады помѣняться съ Пруссіею, заставляя

¹⁾ „Elisabeth missbraucht solche Zufälle und lässt ein Ascendant über Nathalie merken“.

царя жениться на старшей дочери его прусскаго величества и выдавъ за королевскаго принца Пруссіи великую княжну; но я не думаю, чтобы король прусскій согласился на это, ибо все его желаніе состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать мѣну съ своею съ своимъ, королемъ англійскимъ". Немного позже Лирія писалъ, что сама Наталья Алексѣевна желаетъ вступить въ бракъ съ испанскимъ инфантомъ Карломъ. Въ донесеніи испанскаго посла, отъ 27 января 1728 г., сказано: „Ея высочество такъ занята этимъ, что, когда видитъ меня, относится ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ". Въ другомъ письмѣ Лирія писалъ (въ концѣ апрѣля): „Всѣ разговоры великой княжны имѣютъ предметомъ обычаи и климатъ Испаніи. И если ей говорятъ, что Испанія ей не понравится, она отвѣчаетъ:—все равно, пусть только пріѣзжаетъ инфантъ донъ-Карлосъ, тогда увидимъ".

Во время царствованія императрицы Екатерины I при русскомъ дворѣ имѣли въ виду какъ жениха для Натальи Алексѣевны — племянника герцога Карла, Фридриха Голштинскаго, епископа Любскаго. Послѣ была рѣчь о прусскомъ принцѣ, маркграфѣ Шведскомъ, который въ такомъ случаѣ долженъ былъ сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ. Австрійскіе дипломаты часто требовали отъ своего двора инструкцій по вопросу о бракѣ Натальи Алексѣевны. Въ Россіи рассчитывали получить соображенія Карла VI по этому дѣлу. Неоднократно графъ Вратиславъ бесѣдовалъ съ барономъ Остерманомъ объ этомъ предметѣ, при чемъ было выставлено, на видъ, что въ случаѣ преждевременной кончины Петра II дѣти Натальи Алексѣевны могли бы сдѣлаться кандидатами на престолъ. Остерманъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что нельзя было думать о прусскомъ наслѣдномъ принцѣ, такъ какъ король Фридрихъ-Вильгельмъ I въ это время хотѣлъ женить сына на англійской принцессѣ.

Болезнь и кончина Натальи Алексѣевны положили конецъ всѣмъ предположеніямъ о ея бракѣ.

Гогенгольдъ, уже въ апрѣлѣ 1728 г., доносилъ объ опасныхъ симптомахъ грудной болѣзни великой княжны. Она прохворала все лѣто 1728 г., хотя не всегда была въ постели. Разъ въ маѣ она могла прогуляться въ экипажѣ, но ея положеніе считалось опаснымъ. Въ іюлѣ ей сдѣлалось хуже, и былъ приглашенъ къ ней извѣстный врачъ Бидлоо, который, впрочемъ, не считалъ ее безнадежною. Лефортъ писалъ въ концѣ іюля: „Чохоточный кашель и худоба заставляютъ бояться за великую княжну. Вотъ плоды нездороваго помѣщенія въ Кремль и прогулокъ, которыя она принуждена была предпринимать для доставленія удоволь-

ствій брату“. Вратиславъ видѣлъ великую княжну въ августѣ и находилъ, что она немного поправилась. Онъ даже вмѣстѣ съ бланкенбургскимъ резидентомъ, Краммомъ, и съ испанскимъ посломъ отобѣдалъ у нея, и писалъ, что она, быть можетъ, совсемъ поправится. Она была очень довольна докторомъ Бидлоо, который также присутствовалъ на обѣдѣ. Немного позже ей до того было лучше, что она могла выѣзжать нѣкоторое время ежедневно. Осенью, однако, ея положеніе сдѣлалось безнадежнымъ. Въ ноябрѣ врачи ей начали давать женское молоко, — средство, употребленіе котораго Лирія предлагалъ уже за четыре мѣсяца до этого. Лефорть писалъ 11 ноября: „Прибѣгли къ помощи опиума, чтобы дать больной хотя немного покоя. Ея желудокъ не принимаетъ никакой пищи“.

Наканунѣ кончины великой княжны, Лирія писалъ: „Признаюсь, состояніе здоровья принцессы заставляетъ меня трепетать за жизнь самого царя. Мнѣ кажется, болѣзнь ея высочества вовсе не грудная, потому что у нея нѣтъ ни одного изъ симптомовъ чахотки (sic). Я не могу выкинуть изъ головы, что ея болѣзнь, судя по ея медленности, происходитъ скорѣе отъ вѣроломства какого-нибудь тайнаго врага, чѣмъ отъ худого состоянія легкихъ. Если основательны мои подозрѣнія, естественно думать, что тѣ, которые захотѣли погубить великую княжну, не захотятъ, чтобы остался въ живыхъ и царь“.

Подозрѣніе испанскаго посла было лишено основанія. Наталья Алексѣевна умерла отъ чахотки 22 ноября ст. ст. Когда она была при смерти, Петра II не было въ городѣ. Онъ, по своему обыкновенію, охотился. За нимъ было отправлено нѣсколько нарочныхъ, и онъ, наконецъ, вернулся въ Москву. Онъ, кажется, не засталъ въ живыхъ великой княжны. Графъ Вратиславъ особымъ курьеромъ извѣстилъ императора Карла VI о кончинѣ его племянницы. Кромѣ того, князь Репнинъ былъ отправленъ въ Вѣну для оффиціальнаго сообщенія о случившемся. Похороны происходили 20 (31) января 1729 г. Елизавета Петровна въ траурной процессіи шла все время за гробомъ. Императоръ присоединился къ процессіи лишь на пути къ могилѣ. Онъ плакалъ и изъявилъ намѣреніе провести нѣкоторое время на дачѣ въ уединеніи.

VII.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.

Всѣ современники восхищались красотою Елизаветы Петровны. Лирія писалъ: „Она такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Танцуетъ хорошо и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много ума и пріятности; но замѣтно нѣкоторое честолюбіе“. Графъ Рабутинъ, сообщая, въ 1726 г., о нерасположеніи Елизаветы Петровны къ князю Меншикову, замѣчаетъ: „она высокоумна и можетъ сдѣлаться опасною; ея нравъ не безупреченъ“. Во время пребыванія герцога голштинскаго въ Россіи она имѣла большее политическое значеніе, чѣмъ послѣ отъѣзда Карла-Фридриха, Анны Петровны и Бассевича въ Киль. Сторонники „царской фамиліи“, т.-е. дочерей Екатерины, старались устроить ея судьбу и говорили порою о ея правахъ на престолъ. Скоро, однако, можно было убѣдиться въ томъ, что нужно было довольствоваться ея обезпеченіемъ въ матеріальномъ отношеніи и думать о томъ, какъ бы ее выдать замужъ, такъ какъ Петръ II сдѣлался преемникомъ Екатерины. Многіе были убѣждены въ необходимости удалить Елизавету Петровну за границу; иначе агитація въ ея пользу никогда бы не прекратилась. Сама Елизавета, впрочемъ, какъ кажется, въ это время не имѣла точно опредѣленной политической программы. Ягужинскій увѣрялъ Гогенгольца въ томъ, что великая княжна не вмѣшивается ни во что и не принадлежитъ ни къ какой партіи.

И русскіе министры, и иностранные дипломаты заботились о прискаваніи Елизаветѣ жениха. При Петрѣ Великомъ еще была рѣчь о бракѣ ея съ однимъ изъ французскихъ принцевъ и даже съ самимъ королемъ Людовикомъ XV. Еще въ 1726 г. русскій дипломатъ Куракинъ въ Парижѣ велъ переговоры о бракѣ герцога Орлеанскаго съ Елизаветою. Немного позже въ Россію прибылъ титулованный епископъ Эвтинскій или Любскій, который долженъ былъ сдѣлаться женихомъ Елизаветы Петровны. Рабутинъ доносилъ, что этотъ родственникъ герцога Карла-Фридриха поправился великой княжнѣ, и она изъявила готовность выйти за него. Карлъ VI благопріятствовалъ этому проекту, но Толстой старался помѣшать осуществленію его; выставляя на видъ, что

вліяніе голштинской партіи и безъ того опасно. Остерманъ весною 1727 г. просилъ Рабутина сыскать для Елизаветы жениха болѣе подходящаго. Во всякомъ случаѣ, имѣли въ виду выдать ее за не особенно вліятельнаго принца, между тѣмъ какъ императрица Екатерина I въ самое послѣднее время жизни мечтала о бракѣ Елизаветы съ наслѣднымъ принцемъ прусскимъ (Фридрихомъ Великимъ). Помолвка Елизаветы съ епископомъ Эвтинскимъ состоялась, такъ сказать, наванунѣ кончины императрицы. Однако вскорѣ послѣ этого женихъ заболѣлъ оспою и скончался. Теперь приходилось искать новаго жениха. Уже прежде была рѣчь о мареграфѣ Шведтскомъ. Особенно прусскій дипломатъ Мардефельдъ интересовался этимъ вопросомъ и переписывался о немъ съ прусскимъ королемъ, тогда какъ Рабутинъ всячески старался препятствовать выбору одного изъ прусскихъ принцевъ. Запла рѣчь и о братѣ скончавшагося епископа Эвтинскаго, Адольфѣ, но при настроеніи, господствовавшемъ тогда противъ голштинской партіи, и Остерманъ высказался противъ этого проекта. Сама Елизавета желала покинуть Россію. Мардефельдъ писалъ о ней: „Она весьма разумна, и умъ ея притомъ не направленъ на мелочи, а на все солидное. Кромѣ того ея гофмейстерина умная нѣмка, которая пользуется у нея большимъ значеніемъ: она сестра ландрата въ Помераніи Мальгана и искренняя моя подруга“. Въ другомъ письмѣ Мардефельда сказано о Елизаветѣ: „Ея образъ мыслей вполне нѣмецкій, и она желаетъ уѣхать отсюда“.

Русскіе министры обратились чрезъ Рабутина къ императору Карлу VI съ просьбою отыскать для Елизаветы Петровны жениха въ Германіи. Опять заговорили о сынѣ мареграфа Альбрехта, но Елизавета Петровна велѣла сказать Мардефельду, что она за этого принца выйти не намѣрена. Была рѣчь о принцѣ португальскомъ Мануэлѣ, о недавно овдовѣвшемъ принцѣ Зульцбахскомъ, наконецъ и о принцѣ Байрейтскомъ. Особенно серьезно думали о Морицѣ Саксонскомъ, который въ 1728 г. собирался пріѣхать въ Россію и искать руки Елизаветы. Остерманъ, съ которымъ графъ Вратиславъ часто бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ, раздѣлялъ мнѣніе другихъ, что нужно во всякомъ случаѣ желать удаленія Елизаветы Петровны изъ Россіи. Сама Елизавета желала выйти за Морица Саксонскаго, который ей прислалъ свой портретъ, и съ которымъ она состояла въ перепискѣ.

Долгорукіе не могли не считать опаснымъ дальнѣйшее пребываніе Елизаветы въ Россіи. Лирія писалъ по поводу кончины Натальи Алексѣевны: „По смерти этой принцессы непосредствен-

ной преемницей царя будетъ принцесса Елизавета, характеръ которой совершенно противоположенъ характеру великой княжны. Красота ея физическая, это — чудо, грація ея неописанная; но она легкомысленна и крайне честолюбива. Еще при жизни своей матери она хотѣла быть преемницею престола предпочтительно предъ настоящимъ царемъ; но какъ Провидѣніе этого не восхотѣло, то она вздумала взойти на тронъ, вышедши замужъ за своего племянника. Но и этого она не могла добиться, во-первыхъ потому что это противно русской религіи, которая рѣшительно воспрещаетъ браки въ такомъ близкомъ родствѣ, во-вторыхъ потому, что своимъ поведеніемъ она потеряла благоволеніе государя. Послѣ всего этого теперь она живетъ, скрывая свои мысли, заискивая у всѣхъ вообще, а особенно у старыхъ русскихъ, которые чувствуютъ себя оскорбленными въ своихъ обычаяхъ*.

Графъ Вратиславъ писалъ въ маѣ 1729 г.: „Здѣсь очень желаютъ сбыть съ рукъ Елизавету“. Въ сентябрѣ 1729 г. князь Алексѣй Долгорукій бесѣдовалъ съ графомъ Вратиславомъ о необходимости поскорѣ выдать замужъ Елизавету Петровну, потому что „благо Россіи требуетъ ея удаленія изъ Россіи“. Мало того, спустя нѣсколько недѣль, князь Алексѣй Долгорукій разговаривалъ съ графомъ Вратиславомъ еще болѣе конфиденціально, говоря, что пребываніе Елизаветы въ Россіи заключаетъ въ себѣ прямую опасность для Петра II, на жизнь котораго она легко можетъ покуситься ¹⁾. Трудно понять, какимъ образомъ будущій тесть молодого государя могъ выразиться въ этомъ смыслѣ въ бесѣдѣ съ иностраннымъ дипломатомъ. Однако Алексѣй Долгорукій объявилъ, что онъ намѣренъ сдѣлать все отъ него зависящее для того, чтобы защитить Петра отъ грозившей ему опасности. Долгорукій въ это время старался препятствовать всякой встрѣчѣ

¹⁾ Это подосрѣніе до того странно и ново, что мы считаемъ нелишнимъ воспроизведеніе словъ подлинника депеши австрійскаго дипломата. Тутъ сказано объ Алексѣѣ Долгорукомъ: „Er sucht Elisabeth zu verheirathen, weil er sonst nicht ohne Besorgung einer bösen Anstiftung von ihrer Seite gegen des jungen Monarchen Gesundheit und Leben wäre, da sie nach Absterben der Grossfürstin nur noch zwei Augen im Wege finde, um sich selbst auf den Thron zu schwingen, wogegen er, Dolgoruki, wäre es auch mit Daransetzung seines Leib und Lebens den Herrn genugsam zu verwalten trachte“. „Ich muss dahin gestellt lassen“, — замѣчаетъ при этомъ Вратиславъ, — „worauf sich der Argwohn gründet“. Впрочемъ достойно вниманія, что опасенія, высказанныя герцогомъ Лирія по поводу кончины Натальи Кирилловны (Осмнадцатый вѣкъ, II, 118—114) и намеки на возможность отравы и покушенія на жизнь Петра II, также состояли въ нѣкоторой связи съ неблагопріятнымъ отзывомъ испанскаго посла о Елизаветѣ Петровнѣ.

между молодымъ государемъ и его теткою, которая, впрочемъ, въ это время пребывала большею частью въ имѣніи въ окрестностяхъ столицы.

Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ нѣкоторое время былъ неравнодушенъ къ Елизаветѣ Петровнѣ. О возможности брака его съ теткою съ цѣлью примиренія интересовъ различныхъ придворныхъ партій была рѣчь уже въ 1726 году въ конференціи австрійскихъ министровъ въ Вѣнѣ. Ягужинскій въ это время говорилъ Гогенгольцу, что можно надѣяться на уступчивость духовенства, которое собственно должно было бы протестовать противъ брака между родственниками. Пока было рано думать о женитьбѣ Петра. Затѣмъ Меншиковъ сосваталъ молодого государя за свою дочь. Послѣ паденія князя, Петръ лично сблизился съ Елизаветою. Гогенгольцъ, въ началѣ 1728 г., узналъ чрезъ Ягужинскаго, что Петръ сильно влюбленъ въ свою тетку и что развѣ только церковь можетъ помѣшать ему вступить съ нею въ бракъ. Немного позже Гогенгольцъ писалъ, что Петръ, вѣроятно благодаря вознямъ Долгорукихъ, охладѣлъ къ Елизаветѣ Петровнѣ. Этотъ слухъ, вѣроятно, оказался ложнымъ, потому что въ апрѣлѣ 1728 г. Гогенгольцъ опять-таки писалъ о „неописанной“ любви Петра къ своей теткѣ. Австрійскій дипломатъ спрашивалъ себя: „Къ чему поведетъ эта страсть? Едва ли церковь разрѣшитъ бракъ между столь близкими родственниками“. Датскій дипломатъ Вестфаленъ бесѣдовалъ однажды съ Гогенгольцемъ объ этомъ предметѣ, при чемъ онъ высказалъ странное предположеніе, что Елизавета, вѣроятно, имѣетъ въ виду разстроить здоровье молодого государя посредствомъ беспорядочнаго поведенія и, такимъ образомъ, лишить его жизни, а затѣмъ воспользоваться этимъ, чтобы занять престолъ. Гогенгольцъ возразилъ, что ни Елизавета, ни голштинцы не могутъ думать о вступленіи на престолъ. По его мнѣнію, Елизавета не имѣла въ это время никакого вліянія и не пользовалась вниманіемъ современниковъ. Когда въ это время въ Килѣ родился Петръ Федоровичъ, Елизавета требовала, чтобы громомъ пушекъ и торжественнымъ церемоніаломъ при богослуженіи было сообщено публикѣ объ этомъ событіи. Однако ея желаніе не было исполнено, и правительство ограничилось при этомъ случаѣ устройствомъ придворнаго бала. О правахъ на престолъ Елизаветы не было рѣчи. Нельзя, однако, не удивляться тому, что Гогенгольцъ не протестовалъ противъ страннаго подозрѣнія, нисколько не соответствующаго характеру Елизаветы Петровны.

Царедворцы, слѣдившіе внимательно за каждымъ шагомъ

Петра, замѣтили лѣтомъ 1728 г., что молодой государь въ это время обращался болѣе ласково съ сестрою, нежели съ теткою, что объяснили прїѣздомъ австрійскаго дипломата, графа Вратислава. Однако незадолго до этого Петръ, сопровождаемый Елизаветою, долго охотился въ имѣніяхъ Долгорукихъ, чѣмъ Остерманъ и Лёвенвольде были весьма недовольны, такъ какъ они опасались чрезмѣрной интимности между молодымъ государемъ и его теткою. Упомянувъ въ своихъ донесеніяхъ объ участіи Елизаветы Петровны въ заячьей охотѣ Петра, графъ Вратиславъ замѣчаетъ: „я затрудняюсь передать все то, что рассказываютъ о государѣ и принцессѣ“. „Иванъ Долгорукій и Елизавета,—писалъ Вратиславъ 15 іюля,—какъ бы сговорились для того, чтобы удерживать государя на дачѣ и въ увеселеніяхъ, которыя вредны для его здоровья“. Немного позже австрійскій дипломатъ доносилъ, что любовь Петра къ Елизаветѣ подвергается разнымъ перегибамъ и порою то усиливается, то ослабѣваетъ. „Быть можетъ,—замѣтилъ при этомъ Вратиславъ,—Иванъ Долгорукій и Елизавета не достаточно скрываютъ предъ государемъ свою дружбу“. Дѣло въ томъ, что ходили слухи о намѣреніи Елизаветы Петровны вступить въ бракъ съ Иваномъ Долгорукимъ. Вратиславъ доносилъ, что Елизавета тѣмъ самымъ надѣялась сдѣлаться преемницею молодого государя. Всѣ эти слухи оказались лишними основанія. Рассказы о мнимомъ честолюбіи Елизаветы Петровны не подтверждаются никакими другими источниками. Мы узнаемъ, напротивъ, что великая княжна не хотѣла выйти замужъ за Ивана Долгорукаго. Лирія писалъ: „Я узналъ положительно, что онъ уже сдѣлалъ ей предложеніе, на что ея высочество отвѣчала, что это нейдетъ принцессѣ ея положенія“. Около этого же времени Лирія и Вратиславъ узнали о томъ, что Петръ разлюбилъ Елизавету, узнавъ о ея похожденияхъ. Въ приложеніяхъ къ мемуарамъ герцога Лирія сказано: „Петръ II былъ нѣкоторое время влюбленъ въ нее, и даже думали, что онъ на ней женится; но ея поведеніе удалило царя отъ нея“. Въ одномъ изъ донесеній Лирія сказано по поводу холоднаго обращенія съ нею Петра: „Принцесса Елизавета, увидѣвъ себя оставленною, довольно открыто предалась легкомысленной жизни, несвойственной ея сану“. Затѣмъ Лирія доносилъ въ ноябрѣ 1728 г.: „Въ необходимости заключить Елизавету въ монастырь она убѣждаетъ ежедневно своимъ дурнымъ поведеніемъ, и если впредь не будетъ вести себя лучше, все же кончится тѣмъ, что ее запрутъ“. Возвращаясь къ этому предмету, Лирія пишетъ въ другой депешѣ: „Нужно ждать, что не далеко то время, когда съ нею поступятъ какъ-нибудь

рѣшительно“. Въ мартѣ 1729 г.: „Я думаю, что въ непродолжительномъ времени она попадетъ въ монастырь—наказаніе, котораго она вполнѣ заслуживаетъ своимъ поведеніемъ“.

Какъ бы то ни было, Петръ охладѣлъ въ Елизаветѣ около августа 1728 г. Данныя въ депешахъ Вратислава о причинахъ этой перемѣны подтверждаютъ замѣчанія въ разсказахъ герцога Лирія. Вратиславъ прибавляетъ, что и Иванъ Долгорукій былъ очень недоволенъ Елизаветою. Австрійскій дипломатъ внимательно слѣдилъ за всѣми мелочами обращенія Петра съ Елизаветою. Немилость, въ которую впала у государя принцесса, ему казалась доказательствомъ измѣнчивости государя и возможности перемѣны въ его отношеніяхъ въ Долгорукиимъ. Въ ноябрѣ 1728 г., Петръ по прежнему обращался съ Елизаветою довольно ласково, но Вратиславъ считалъ возможнымъ, что молодой государь прикидывался ласковымъ, а въ сущности все-таки не любилъ ея. Немного позже, въ февралѣ 1729 г., австрійскій дипломатъ узналъ, что Петръ тайно посѣтилъ Елизавету Петровну; отсюда можно было заключить, что прежняя любовь не угасла совершенно. Затѣмъ, однако, въ годовщину коронаціи Елизавета не была приглашена во дворъ, и Петръ видѣлся съ нею лишь мимоходомъ въ церкви. Казалось, что принцесса лишилась своего прежняго положенія при дворѣ. По случаю праздника при дворѣ лѣтомъ 1729 года ея не было за столомъ, но на балу Петръ танцевалъ съ нею, и Остерманъ говорилъ Вратиславу, что отношенія между государемъ и принцессою нѣсколько исправились. Въ концѣ года происходило обрученіе государя съ княжною Долгорукою, и Елизавета узнала объ этомъ важномъ событіи въ то время, когда находилась въ своемъ имѣніи. И въ денежномъ отношеніи ея положеніе сдѣлалось затруднительнымъ. Правда, не было порядка въ управленіи ея дѣлами, и порою въ ея хозяйствѣ господствовала расточительность. Лирія писалъ: „Истребленіе вина въ ея домѣ такъ велико и обходится такъ дорого, что когда верховный тайный совѣтъ увидѣлъ счеты, то нашелъ нужнымъ приказать, чтобы впредь въ счетахъ было больше благоразумія, и рѣшилъ не отпускать ничего безъ требованій майордома принцессы, генерала Нарышкина“. Лефортъ доносилъ, 9 мая 1729 г.: „Принскиваютъ разныя средства унижить великую княжну Елизавету. Ей отказываютъ почти во всемъ, даже въ пивѣ для ея людей“. Лирія писалъ, 2 января 1730 года: „29 декабря былъ день рожденія принцессы Елизаветы, и хотя ея высочество приглашала царя провести этотъ день въ ея домѣ и обѣдать у нея, его величество утромъ этого дня уѣхалъ на медвѣдей и воз-

вратился въ городъ только на слѣдующій день. Это ясно было замѣчено всѣми, и принцесса Елизавета почувствовала себя безконечно оскорбленною ревнивою заботливостью, съ которою Долгорукіе стараются удалить ее отъ царя“.

VIII.

Оговоръ Петра II съ княжною Долгорукою.

Выборъ невѣсты для Петра II казался вопросомъ самымъ важнымъ во все время его царствованія. Еще при Екатеринѣ I обсуждали это дѣло. Въ минуту кончины Петра I была рѣчь о бракѣ его внука, Петра, съ его дочерью Натальею, которая скончалась вскорѣ послѣ смерти великаго преобразователя. Затѣмъ думали о бракѣ Петра съ Елизаветою Петровною. Герцогъ Голштинскій мечталъ о сестрѣ епископа Любскаго, которая могла бы выйти за Петра. Считали возможнымъ, что Екатерина пожелаетъ выдать за Петра свою племянницу, Скавронскую, которая понравилась великому князю. Въ то время, когда уже Меншиковъ хлопоталъ о сговорѣ своей дочери съ наследникомъ престола, прусскій дипломатъ Мардефельдъ надѣялся устроить бракъ Петра съ одною изъ прусскихъ принцессъ. Наталья Алексѣевна сообщила конфиденціально Рабутину о желаніи Петра вступить въ бракъ съ иностранною принцессою, и Рабутинъ совѣтовалъ австрійскому двору указать на одну изъ эрцгерцогинь, которую можно бы выдать за Петра. Послѣ паденія князя Меншикова и размолвки молодого государя съ нареченною невѣстою, княжною Маріею Александровною, австрійскій дипломатъ Караме узналъ, что думаютъ о переговорахъ для устройства брака Петра съ англійскою принцессою. Возобновилось совмѣстничество прусскаго и австрійскаго дипломатовъ. Остерманъ умолялъ Караме заставить Карла VI высказаться насчетъ брака Петра, а Мардефельдъ рекомендовалъ выбрать прусскую принцессу. Между тѣмъ какъ Остерманъ, разумѣется, давалъ предпочтеніе иностранной принцессѣ и въ этомъ смыслѣ неоднократно бесѣдовалъ съ графомъ Вратиславомъ, Долгорукіе вообще желали выбрать для Петра русскую невѣсту. Была рѣчь объ Аннѣ Леопольдовнѣ, мекленбургской принцессѣ, которая, какъ дочь племянницы Петра Великаго, Екатерины Ивановны, могла считаться русскою, но родилась за границею и получила нѣмецкое образованіе. Вратиславъ, говоря объ этомъ, за-

мѣчаетъ, что эту принцессу, которой въ то время было 11—12 лѣтъ, нужно считать скорѣе нѣмецкою, чѣмъ русскою.

Вообще нельзя было тогда думать о пріисканіи невѣсты-иностраницы для Петра II, и графъ Вратиславъ прямо боялся говорить объ этомъ. Наконецъ, объявленіе о помолвѣ молодого государя съ княжною Долгорувою положило конецъ всѣмъ хлопотамъ иностранныхъ дипломатовъ по этому вопросу. Въ депешѣ, отправленной особымъ курьеромъ, Вратиславъ, 5-го (16-го) декабря, объяснялъ слѣдующее: „Здѣсь съ давнихъ поръ руководствовались правиломъ избѣгать браковъ съ иностранными принцессами изъ-за различія исповѣданія. Даже еслибы самъ царь настаивалъ на бракѣ съ иноземкою, онъ непремѣнно встрѣтилъ бы сильную оппозицію. Остерманъ, стремленіемъ устроить такой бракъ, сдѣлался бы предметомъ общей ненависти. Иностранкѣ здѣсь бы житья не было“.

Еще въ 1728 г. ходили слухи о намѣреніи князя Алексѣя Долгорукаго выдать свою дочь за государя. Рассказывали между прочимъ, что это предположеніе повлекло за собою нѣкоторое недоразумѣніе между Алексѣемъ Долгорукимъ и Остерманомъ. Прошло однако болѣе года до окончательнаго устройства этого дѣла. Вратиславъ писалъ, 5-го іюля 1729 г., о существованіи проекта этой женитьбы. Въ сентябрѣ Лирія доносила: „Царь отправился на охоту, и съ нимъ поѣхали: фаворитъ, отецъ его, мать и сестры. А какъ эту поѣзду устроилъ также князь Алексѣй Долгорукій, то всѣ думали, что теперь-то онъ достигнетъ своего желанія, которое такъ долго питалъ, женить царя на одной изъ своихъ дочерей“. Царь долго на этотъ разъ охотился, а между тѣмъ отпраздновали въ Москвѣ въ Кремлѣ день его рожденія. Лирія писала: „Причина, по которой царь не возвратился въ Москву, состояла въ томъ, что князь Алексѣй такъ ревновалъ ко всѣмъ, что ему пришла въ голову мысль, что если его величество проговоритъ хотя полчаса съ другимъ, то онъ лишится его милости, да сверхъ того, такъ какъ онъ занятъ только мыслью выдать одну изъ дочерей своихъ за царя, то боялся, чтобы въ Москвѣ кто-либо изъ его враговъ не помѣшалъ ему въ этомъ. Я былъ увѣренъ, что бракосочетаніе будетъ объявлено по возвращеніи царя въ Москву; но въ той увѣренности былъ только я одинъ изъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ. Графъ Вратиславъ и другіе не хотѣли вѣрить этому, потому что Остерманъ сказалъ имъ, что этому быть нельзя, и, полагаясь на это, они увѣдомили свои дворы, что хотя и говорятъ о бракосочетаніи царя съ одною изъ княженъ Долгорукихъ, но до этого еще далеко. Остерманъ и мнѣ

говорялъ то же; но я, бывъ твердо увѣренъ, что Долгорукіе скоро успѣють въ своемъ намѣреніи, положительно донесъ королю, что царь женится тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Москву“.

Нельзя отрицать, что Остерманъ не только не желалъ этого брака, но даже былъ крайне озадаченъ въ минуту осуществленія честолюбивыхъ замысловъ князя Алексѣя Долгорукаго. Съ другой стороны, не только Лирія, но и графъ Вратиславъ былъ увѣренъ въ томъ, что бракъ этотъ состоится. Австрійскій дипломатъ доносилъ: „Младшей дочери Долгорукаго 15 лѣтъ: она должна выйти за государя. Старшая пятью годами старше его. Я не могу плыть противъ теченія и долженъ казаться довольнымъ“. И далѣе: „О бракѣ не говорятъ, но я знаю изъ самаго вѣрнаго источника, что этотъ проектъ существуетъ. Шведскій посланникъ принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ совѣтовалъ государю жениться на туземкѣ“. Немного позже Вратиславъ писалъ, что дочь Долгорукаго, которую, впрочемъ, по замѣчанію австрійскаго дипломата, Петръ не любилъ вовсе, больна. Далѣе Вратиславъ узналъ, что Долгорукій взялъ дочь на дачу, но не взялъ съ собою ея воспитательницы француженки, очевидно, съ цѣлью, чтобы слухъ о предстоявшей помолвкѣ не распространился преждевременно чрезъ служащихъ“.

Въ равнодушіи Петра II къ обѣимъ княжнамъ Долгорукимъ нельзя сомнѣваться, но удивительно, что свѣжій примѣръ съ княжною Меншиковой нисколько не останавливалъ Долгорукихъ въ столь опасномъ предпріятіи. Параллель между обоими случаями бросается въ глаза. Даже нѣкоторая случайность выбора между старшею и младшею княжною повторяется въ проектахъ князя Меншикова и князя Алексѣя Долгорукаго. Иностранцы, приглашенные на балъ во дворецъ лѣтомъ 1729 г., видѣли, какъ холодно обращался Петръ съ княжнами Долгорукиными, хотя и танцевалъ съ ними. Вратиславъ, рассказывая объ этомъ, прибавляетъ, что Иванъ Долгорукій, повидимому, чувствовалъ себя очень неловко. Въ сентябрѣ и октябрѣ усиливавшіеся слухи о предстоящей помолвкѣ государя заставили графа Вратислава обратиться прямо къ Остерману съ вопросомъ объ этомъ дѣлѣ. Остерманъ отвѣчалъ уклончиво, но можно было видѣть, что онъ надѣялся воспрепятствовать осуществленію проекта Алексѣя Долгорукаго. Вратиславу казалось къ тому же, что и между русскими вельможами была сильная агитація противъ такого чрезмѣрнаго возвышенія рода Долгорукихъ. Говоря о проектѣ брака въ октябрѣ 1729 г., Лирія писалъ: „Эти Долгорукіе идутъ по стопамъ Меншикова и со временемъ будутъ имѣть тотъ же ко-

нець. Ихъ ненавидятъ всѣ; они не хотятъ расположить къ себѣ никого, и теперь они женятъ царя, можно сказать, силою, злоупотребляя его нѣжнымъ возрастомъ; но достигни его величество 15 или 16 лѣтъ, его вѣрные министры разъяснятъ ему сущность дѣла: тогда онъ не замедлитъ расквяться въ своей женитьбѣ, и Долгорукие погибли, а царица навѣрное кончитъ монастыремъ". Испанскій посоль въ тому же приписывалъ этому браку важное политическое значеніе. Въ другомъ донесеніи его сказано: „Если князь Алексѣй Долгорукій сдѣлаетъ эту глупость (второй томъ глупости Меншикова), онъ рискуетъ ускорить гибель всего своего дома... Если состоится этотъ бракъ, тогда рѣшеное дѣло: Россія возвратится къ своему прежнему варварству". Многіе тогда раздѣляли это мнѣніе. Лефортъ писалъ: „Продолжаютъ говорить о женитьбѣ царя на одной изъ сестеръ фаворита. Эта новость каждому непріятна. Я думаю, что только одинъ ихъ отецъ съ удовольствіемъ смотритъ на этотъ бракъ. Царь, морщась, хмурясь, съ большимъ равнодушіемъ готовъ проглотить эту пилюлю; удаленный отъ всякаго совѣта, онъ не знаетъ, къ кому обратиться. Дочери сами говорятъ, что если на какую-либо изъ нихъ падетъ жребій быть супругою царя, монастырь положить конецъ ихъ величію. Всѣ Долгорукие съ ужасомъ и страхомъ ожидаютъ этого брака въ той увѣренности, что настанетъ день, когда имъ всѣмъ придется заплатить за эту безумную ставку; однимъ словомъ, этотъ бракъ никому не нравится". Почти наканунѣ обрученія Петра рассказывали о слѣдующихъ выходкахъ его противъ Долгорукихъ. Лефортъ писалъ 21 ноября 1729 г.: „Дней шесть тому назадъ, когда царь сидѣлъ за столомъ и льстецы хвалили его охотническіе подвиги, между прочимъ—истребленіе 4.000 зайцевъ, онъ громко отвѣчалъ: „Это похвально, но я захватилъ еще лучшую добычу,—я привожу четырехъ двуногихъ собакъ". Съ этими словами онъ вышелъ изъ-за стола. Всѣ были поражены этимъ и смотрѣли другъ на друга. Имѣя свои соображенія, царь не поддался, и планы о его женитьбѣ не имѣли желаемаго успѣха. Ему не нравилось общество дочерей Долгорукихъ, куда его, усталого и утомленнаго охотой, тянули, несмотря на зубную боль. Это отвращеніе дошло до такой степени, что третьяго дня, при въѣздѣ сюда, онъ роздалъ всѣмъ желающимъ большую часть своихъ собакъ, посылая охоту во всѣмъ чертамъ и употребляя бранныя слова, относящіяся къ подстрекателямъ. Сколько разъ оставлялъ онъ охоту и возвращался одинъ на приваль.—Однажды, когда царю въ игрѣ попался фантъ, а заранѣе было условіе, что тотъ, чей кому фантъ

вынется, долженъ будетъ поцѣловать одну изъ Долгорукихъ, царь, видя, что это выпало на его долю, всталъ, сѣлъ на лошадь и до сихъ поръ не возвращается“.

Все это не мѣшало состояться формальному объявленію о предстоящемъ бракѣ. Вратиславъ доносилъ 1-го декабря 1729 г.: „Петръ II обручился вчера съ старшею княжною Долгорукою; третьяго дня онъ пригласилъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта къ князю Алексѣю Долгорукому; туда явился и Остерманъ. Государь объявилъ присутствующимъ, что намѣренъ жениться на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. Говорятъ, что Остерманъ заявилъ, что онъ ни противъ этого брака, ни за него, и что государь долженъ отъ себя рѣшить этотъ вопросъ, но вопросъ о бракѣ есть дѣло крайней важности; къ тому же Остерманъ прибавилъ, что именно въ Россіи бывали крайне прискорбные случаи вслѣдствіе слишкомъ раннаго и необдуманнаго вступленія въ бракъ государей“.

Спрашивается, могъ ли Остерманъ держать себя столь храбро въ эту минуту и говорилъ ли онъ тѣ слова, о которыхъ рассказывали. Вратиславу казалось, что Остерманъ объявленіемъ государя о своемъ намѣреніи былъ застигнутъ врасплохъ, и Петръ II успѣлъ, такъ сказать, обмануть своего наставника, не сообщивъ ему заранѣе о своемъ намѣреніи. Не смѣя протестовать формально противъ брака, опытный министр, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ намекнулъ на опасность, сопряженную съ этимъ бракомъ. Быть можетъ, дѣло происходило совсѣмъ иначе, какъ видно изъ донесенія Лефорта, отъ 1-го декабря 1729 г., въ которомъ сказано по поводу помолвки государя: „Хорошо еще то, что ни графъ Вратиславъ, ни Краммъ, не подозрѣвали западни тонкаго барона Остермана, который, конечно, былъ въ числѣ посвященныхъ въ тайну, соглашаясь на совершившійся фактъ“. Герцогу Лирія Остерманъ говорилъ весною 1729 г., что онъ „боится этой свадьбы“. Рондо, близкъ знакомый съ Остерманомъ, писалъ, сообщивъ о помолвкѣ государя: „Это великое событіе, вѣроятно, вызоветъ при дворѣ большія перемѣны, а можетъ быть, и паденіе барона Остермана, который всегда противился такому браку“.

Церемоніаль обрученія Петра II съ княжною Долгорукою подробно описанъ въ письмахъ лэди Рондо. Тутъ идетъ рѣчь о томъ, что княжна Екатерина Алексѣевна любила графа Миллезимо, служившаго при своемъ родственникѣ, графѣ Вратиславѣ, въ австрійскомъ посольствѣ. Лэди Рондо, въ письмахъ къ ея подругѣ, упоминаетъ объ этомъ еще до обрученія государя, говоря

въ письмѣ, отъ 4-го ноября 1729 г., о княжнѣ: „Братъ (sic) нѣмецкаго посланника—предметъ ея любви. Все уже улажено, и они ожидаютъ только исполненія нѣкоторыхъ формальностей, необходимыхъ въ здѣшней странѣ, для того, чтобы, какъ я надѣюсь, быть счастливыми. Она, кажется, очень рада быть въ замужествѣ внѣ своего отечества, оказываетъ иностранцамъ много любезности, сильно любитъ своего жениха и взаимно имъ любима“.

Въ депешахъ Лефорта, еще за годъ до обрученія Петра II съ княжною Долгорукою, упомянуто объ этомъ романѣ княжны. Саксонскій резидентъ писалъ 9-го декабря 1728 г.: „Резиденты императора и Голландіи живутъ въ домѣ, смежномъ съ моимъ; графъ Вратиславъ очень часто ихъ посѣщаетъ. У голландскаго резидента нѣкто Миллезимо, родственникъ графа Вратислава, познакомился съ княжнами Долгорукими. Эта связь возбудила мысль у графа Вратислава женить Миллезимо на старшей Долгорукой; они часто видѣлись у голландскаго резидента, и все благоприятствовало исполненію этого плана. Между тѣмъ, все это открылось; узнало объ этомъ семейство Долгорукихъ и до крайности ожесточилось на графа Вратислава. Любимецъ сказалъ, что онъ скорѣе убьетъ сестру, нежели согласится на такой бракъ“.

Эти данныя подтверждаются донесеніями Гогенгольца, который доносилъ конфиденціально и въ шифрахъ въ Вѣну объ этомъ эпизодѣ съ графомъ Миллезимо по поводу помолвки царя на княжнѣ Еватеринѣ Алексѣевнѣ. „Миллезимо,—разсказывалъ Гогенголецъ,—до проекта брака Петра со старшею дочерью князя Алексѣя Долгорукаго, часто видѣлся съ княжною не безъ вѣдома ея родителей. Она была расположена къ нему. Я узнавалъ случайно нѣкоторыя подробности объ этомъ дѣлѣ. Княжна, помня несчастную судьбу княжны Меншиковой и любя графа Миллезимо, сначала отказывалась вступить въ бракъ съ царемъ. Этимъ она возбудила раздраженіе отца, который видѣлъ, что царь предпочитаетъ старшую княжну младшей, и непременно хотѣлъ обезпечить путемъ брака дочери съ государемъ положеніе своего рода“. Въ запискахъ Лиріи сказано: „Миллезимо влюбился въ княжну Долгорукую, обрученную нынѣ съ государемъ; всѣ это звали, также какъ и то, что онъ (царь? или графъ?) не нравился княжнѣ, и поэтому графъ Вратиславъ рѣшился выслать его, чтобы онъ не сдѣлалъ какаго дурачества, которое надѣлало бы много хлопотъ его сіятельству, изъ которыхъ онъ не вышелъ бы сухъ“.

Не даромъ леди Рондо, разсказывая въ письмѣ къ подругѣ объ обрученіи царя, называетъ несчастную княжну Екатерину „прекрасною жертвою“. Она же описываетъ слѣдующій эпизодъ,

случившійся именно при церемоніи обрученія: „Началось цѣлованіе руки княжны; женихъ держалъ ея правую руку въ своей, давая ея цѣловать каждому подходящему, такъ какъ всѣ были обязаны исполнить это. Наконецъ, въ великому удивленію всѣхъ, подошелъ несчастный покинутый юноша; до тѣхъ поръ она сидѣла съ глазами, устремленными внизъ; но тутъ быстро поднялась, вырвала свою руку изъ рукъ императора и дала ея поцѣловать своему возлюбленному, между тѣмъ какъ тысяча чувствъ изобразилась на ея лицѣ. Петръ покраснѣлъ, но толпа присутствовавшихъ приблизилась, чтобы исполнить свою обязанность, а друзья молодого человѣка нашли случай удалить его изъ залы, посадить въ сани и увести поскорѣе изъ города“.

Дѣйствительно, Миллезимо, какъ видно изъ депешъ Лирія и Гогенгольца, сейчасъ послѣ церемоніи сговора, покинулъ Россію; но графъ Вратиславъ (Лирія называетъ его шуриномъ графа Миллезимо) придумалъ особенный предлогъ для отъѣзда молодого дипломата, давъ ему какое-то порученіе. Въ депешахъ Вратислава о нѣжныхъ отношеніяхъ между княжною Долгорукою и графомъ Миллезимо не было рѣчи. Въ Вѣнѣ узнали объ этомъ чрезъ резидента Гогенгольца.

Какъ бы то ни было, сговоръ царя состоялся при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Женихъ и невѣста не любили другъ друга. Остерманъ не одобрялъ проекта брака; нѣкоторые изъ родственниковъ невѣсты были крайне недовольны. Въ средѣ русскихъ вельможъ была сильная оппозиція. Любопытенъ на этотъ счетъ слѣдующій разговоръ въ запискахъ герцога Лирія: „Хотя домъ Долгорукихъ былъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи и, въ это время, сильнѣйшимъ по любви къ нему государя, но всѣ они такъ боялись другихъ, что въ день обрученія караулъ во дворцѣ состоялъ изъ цѣлаго батальона гвардіи въ 1.200 человекъ, между тѣмъ какъ въ обыкновенное время занимаютъ его только 150; даже приказано было гренадерской ротѣ, которой капитаномъ былъ фаворитъ, войти въ залу тотчасъ за царемъ и поставить часовыхъ ко всѣмъ дверямъ; велѣли зарядить ружья боевыми патронами, и еслибы произошло какое смятеніе, то стрѣлять на недовольныхъ. Это распоряженіе сдѣлалъ фаворитъ, не предвѣдомя о томъ фельдмаршала Долгорукаго, своего дядю, который очень удивился, увидя эту роту въ залѣ, какъ онъ самъ сказывалъ мнѣ послѣ о томъ“.

Въ разсказахъ современниковъ встрѣчаются многія черты, свидѣтельствующія о полномъ равнодушіи или даже объ отвращеніи Петра къ невѣстѣ. Лирія писалъ: „Наблюдая церемонію

(сговора), я замѣтилъ, что его царское величество дѣлалъ все какъ-то равнодушно, не смотрѣлъ въ лицо своей невѣстѣ и не показавъ ни малѣйшаго признака любви къ ней“. Недѣлю позже испанскій посоль доносилъ слѣдующее: „Очень много обращаетъ вниманія на себя то обстоятельство, что царь вовсе не показываетъ нетерпѣнія видѣться со своею невѣстой. Со дня обрученія онъ видѣлъ ее только еще одинъ разъ, а когда онъ съ нею, онъ весьма скупъ на изъявленіе къ ней знаковъ вниманія; это показываетъ, что бракъ совершается вовсе не по любви, а по насилію, просто потому, что царь не имѣлъ достаточно силы воли воспротивиться постояннымъ преслѣдованіямъ Долгорукихъ“. Въ депешѣ Лиріи, отъ 9-го января 1730 г., сказано: „Царь не имѣетъ къ княжнѣ ни капли любви и относится къ ней весьма равнодушно; кромѣ того онъ начинаетъ ненавидѣть домъ Долгорукихъ и сохраняетъ еще тѣнь любви только къ фавориту. Ему еще недостаетъ рѣшимости; лишь только онъ обнаружитъ ее, погибли и фаворитъ, и его сестра, и здѣсь произойдутъ новыя и ужасныя перемѣны“.

Лефорть, побывавъ на придворномъ балу 5-го декабря ст. ст., писалъ: „Если отношенія жениха и невѣсты наединѣ не лучше, нежели при всѣхъ, признаюсь, ихъ будущее взаимное счастье незавидно. На балу я не только не видалъ, чтобы царь былъ любезно внимателенъ къ своей невѣстѣ, но даже онъ съ ней и не говорилъ; по открытіи бала, царь пробылъ тамъ нѣсколько минутъ, затѣмъ уѣхалъ и возвратился только въ десять часовъ. Я не замѣчаю никакой разницы между обращеніемъ царя со своею невѣстою и княжною Меншиковою; не знаю, правда ли, но на мой взглядъ ни онъ, ни она, не желаютъ брака. Княжна влюблена въ другого. Однимъ словомъ, я никогда не видалъ такихъ холодныхъ отношеній; мнѣ извѣстно, что царь былъ часто понуждаемъ отправляться къ своей невѣстѣ. Долгорукіе хотятъ извлечь выгоду изъ своего настоящаго положенія и стараются занять самыя важныя мѣста въ государствѣ. Алексѣй хочетъ быть генералиссимусомъ; Иванъ—генераль-адмираломъ; Василій—главнымъ канцлеромъ; Сергѣй—оберъ-шталмейстеромъ; Салтыкова, сестра Алексѣя—оберъ-гофмейстериною и такъ далѣе. Народъ этимъ оскорбленъ и не молчитъ“. Въ депешѣ Лефорты, отъ 15-го декабря, сказано: „Я вижу, что здѣсь всѣ недовольны женитьбою царя, не исключая даже семейства Долгорукихъ. Кромѣ сторонниковъ Алексѣя, никто и даже самъ царь нисколько не торопится женитьбою; напротивъ того, царь на каждомъ шагу показываетъ

холодность къ своей невѣстѣ; въ понедѣльникъ и вторникъ онъ не былъ у нея и предпочелъ оставаться дома... Говорятъ, что Алексѣй отказался отъ чина генералиссимуса, чтобы быть первымъ министромъ. Боже насъ упаси отъ этого".—19-го декабря: „Съ тѣхъ поръ какъ царь объявилъ себя женихомъ, онъ только два раза былъ у своей невѣсты, а она у него ни разу. Онъ ее даже и не приглашалъ. Онъ играетъ въ бириби и предпочитаетъ уединеніе веселой игрѣ любви; свѣточъ, быть можетъ, уже погасъ отъ пресмыщенія, сердце его занято другимъ. Судя по слухамъ, царь начинаетъ раскаяваться, что онъ предложилъ свою руку Долгорукой. Алексѣй тоже задумался, видя равнодушіе царя къ его дочери. Остерманъ бываетъ теперь часто у царя“. 29-го декабря: „Царя настойчиво просили почаще видѣться съ своей невѣстой. Онъ рѣшился исполнить это, чтобы только его не безповонило это властвующее семейство, которое, впрочемъ, видитъ, какъ мало вниманія оказываетъ царь своей невѣстѣ. Приготовленія къ свадьбѣ продолжаются, но можно сказать, что объ этомъ почти уже и не говорятъ, какъ будто бы ничего не будетъ; общественное мнѣніе оскорблено этимъ выборомъ и этого не скрываетъ“. Важны далѣе слѣдующія замѣчанія въ донесеніи Лейфорты, отъ 2-го января 1730 г.: „Царь начинаетъ свергать съ себя иго. На прошлой недѣлѣ онъ уѣхалъ отъ своей свиты и ночью пріѣхалъ къ Остерману, гдѣ разсуждалъ съ нимъ и съ двумя другими вельможами верховнаго тайнаго совѣта. Также онъ побывалъ у Елизаветы... Онъ найдетъ средство разорвать свои узы (*de briser ses liens*). Въ мишурномъ семействѣ Долгорукихъ (*la famille clinquante*)—разладъ и раздоръ. Отецъ не можетъ терпѣть фаворита; невѣста ненавидитъ его, потому что онъ удерживаетъ у себя драгоценныя вещи великой княжны и другіе подарки, данныя ей царемъ. Остальные Долгорукіе всѣ направлены противъ нихъ и составляютъ противоположную партію. Однимъ словомъ, въ высшей степени будетъ странно, если буря не произведетъ здѣсь страшныхъ замѣшательствъ“.

Менѣе пессимизма мы встрѣчаемъ въ донесеніяхъ австрійскихъ дипломатовъ: Между тѣмъ какъ Лирія не ожидалъ, чтобы княжна Екатерина Алексѣевна могла привлечь къ себѣ сердце своего супруга, потому что ея характеръ казался испанскому послу „властительнымъ и не мягкимъ“, графъ Вратиславъ хвалилъ ея скромность и другія добродѣтели, которыя, по мнѣнію австрійскаго дипломата, окажутъ благотворное вліяніе на молодого государя. Гогенгольцъ доносилъ, что старшая княжна, и

красотою, и добродушіемъ, превосходила младшую. Изъ неоднократно частныхъ бесѣдъ съ Екатериною Алексѣевною Гогенгольцъ вывелъ заключеніе, что она вкусомъ и наклонностями скорѣе соответствовала западно-европейской цивилизаціи, нежели чисто русскимъ нравамъ и приемамъ, и это обстоятельство, по мнѣнію Гогенгольца, обѣщало много хорошаго для будущности Петра II. Вратиславъ выставлялъ на видъ, что княжна Екатерина Алексѣевна имѣла весьма часто случай обращаться съ иностранцами, что она нисколько не предубѣждена противъ католицизма, и что еще въ то время, когда отецъ ея находился при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ, имѣла знакомство съ тамошними католическими монахинями. Хвала добродѣтели невѣсты Петра II, графъ Вратиславъ выразилъ надежду, что, быть можетъ, она сдѣлается орудіемъ Провидѣнія для исправленія права Петра. Вратиславъ, впрочемъ, также удивлялся необычайной холодности молодого государя въ обращеніи съ невѣстою, но, считая Петра II неоткровеннымъ, австрійскій дипломатъ думалъ, что все-таки въ душѣ онъ былъ расположенъ къ невѣстѣ. Алексѣй Долгорукій рассказывалъ графу Вратиславу, что Петръ II уже лѣтомъ 1729 г. высказалъ желаніе жениться на княжнѣ, но что онъ, Алексѣй Долгорукій, совѣтовалъ тогда царю подождать немного. Разумѣется, австрійскій дипломатъ не повѣрилъ этой баснѣ. Онъ узналъ отъ другихъ лицъ, что Долгорукіе, отецъ и сынъ, постоянно приставали къ Петру съ этимъ проектомъ; что молодой государь упорно избѣгалъ согласиться, и что наконецъ, не ранѣе какъ въ самый день торжественнаго сговора, рано утромъ, Ивану Долгорукому удалось уговорить царя, чтобы онъ согласился на этотъ бракъ. „Все это,—замѣчаетъ Вратиславъ,—было сдѣлано слишкомъ насильственно, и поэтому едва ли можно отъ этого ожидать чего-либо хорошаго“. Остерманъ рассказывалъ Вратиславу, что весь проектъ состоялся безъ его вѣдома; что еще наканунѣ сговора Долгорукіе увѣряли его, что они объ этомъ не думаютъ; что Петръ при этомъ случаѣ обнаружилъ неимовѣрное криводушіе, и что онъ, Остерманъ, даже въ присутствіи Долгорукихъ указывалъ царю на опасность необдуманнаго рѣшенія столь важнаго дѣла. Какъ полагалъ Остерманъ, явный протестъ противъ брака легко могъ бы повести въ смутѣ и кровопролитію.

Долгорукіе стали спѣшить свадьбою. Иванъ Долгорукій мечталъ о томъ, какъ бы устроить сначала бракосочетаніе неофициально въ январѣ, а послѣ Пасхи отпраздновать официальное торжество. Ожидали еще, что Долгорукіе уговорятъ Петра заодно короновать царицу-супругу.

Лириа, упоминая въ депешѣ, отъ 2-го января 1730 г., о тайныхъ свиданіяхъ царя съ Остерманомъ и Елизаветою Петровою, писалъ: „Все это, вмѣстѣ съ холодностью, которую царь оказываетъ своей невѣстѣ, заставляетъ меня думать, что въ воздухѣ собирается гроза, что вотъ-вотъ она разразится; нѣкоторые даже думаютъ, что все это случится скорѣе, чѣмъ мы воображаемъ, и что царь не женится на Долгоругой.—Впрочемъ, здѣсь ни за что нельзя отвѣчать: это—страна самыхъ внезапныхъ переменъ. Могу сказать только одно: Долгорукіе не увѣрены ни въ чемъ до тѣхъ поръ, пока не совершится самый бракъ царя, и они дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы бракъ былъ совершенъ тотчасъ же послѣ Крещенія. Если царь напередъ не приметъ твердой рѣшимости, то господство Долгорукихъ упрочится, и царь, по выраженію одной испанской комедіи, *очутится рабомъ въ золотой клеткѣ*“. Разсказавъ въ своихъ мемуарахъ, что царя насильно заставили согласиться на бракъ съ княжною Екатериною, которой онъ не любилъ, Лириа продолжаетъ: „Замѣчательно было то, что съ самаго того дня, какъ онъ объявилъ о намѣреніи своемъ вступить въ бракъ, онъ впалъ въ такую задумчивость, что ничто болѣе его не развлекало, и онъ даже говорилъ своимъ приближеннымъ, что умереть скоро, и что жизнь ему наскутила“.

IX.

Болезнь и кончина Петра II.

Иностранные дипломаты часто высказывали опасеніе, что Петръ II погубитъ себя нерегулярнымъ образомъ жизни. Порою ходили слухи о томъ, что молодой государь хвораетъ. Такъ, напр., англійскій консулъ Уардъ писалъ 7-го августа 1728 г.: „Здѣсь втайнѣ повторяютъ слухи, будто его величество въ Москвѣ заболѣлъ. Болезнь эта, вѣроятно, является послѣдствіемъ беспорядочной жизни, которой молодой монархъ, повидимому, предается со всѣмъ пыломъ юности и безконтрольной власти“. Мардефельдъ писалъ въ мартѣ 1728 г.: „Почти невѣроятно, какъ быстро изъ мѣсяца въ мѣсяць растетъ императоръ: онъ достигъ уже средняго роста взрослого человѣка, и притомъ такого сильнаго тѣлосложенія, что навѣрное достигнетъ роста покойнаго своего дѣда“. Въ донесеніи Лефорта, отъ 7-го апрѣля 1729 г., сказано: „Монархъ очень здоровъ, сильно растетъ, но худъ и загорѣлъ“. Графъ Вратиславъ замѣтилъ, при поздравленіи царя съ новымъ годомъ,

1-го января 1729, что Петръ II имѣлъ болѣзненный видъ, что онъ приписывалъ разстройству вслѣдствіе кончины великой княжны Натальи Алексѣевны. Въ этомъ же донесеніи австрійскій посланникъ высказалъ предположеніе, что Петръ не проживетъ долго, и что престолъ скоро будетъ упраздненъ. Въ Россіи тогда свирѣпствовала оспа. Жертвою этой болѣзни сдѣлались, между прочимъ, гвернантеа Петра II, г-жа Рокк, женихъ Елизаветы Петровны и др. Гогенгольцъ, въ апрѣлѣ 1728 г., высказалъ опасеніе, что молодой государь, еще не имѣвшій этой болѣзни, легко можетъ ею заразиться. Такъ и случилось—безъ малаго двумя годами позже.

Леди Рондо писала о церемоніи водосвященія на Москвѣ-рѣкѣ 6-го января 1730 г. Царь съ невѣстою присутствовалъ при этомъ: „Никогда въ жизни,—писала жена англійскаго консула,—я не помню дня болѣе холоднаго. Я боялась ѣхать на обѣдъ во дворецъ, куда всѣ были приглашены и собрались, чтобы встрѣтить молодого государя и будущую государыню при ихъ возвращеніи. Они оставались четыре часа сряду на льду, посреди войскъ. Тотчасъ какъ они вошли въ залу, императоръ сталъ жаловаться на головную боль. Сначала думали, что это слѣдствіе холода, но такъ какъ онъ продолжалъ жаловаться, то послали за докторомъ, который посоветовалъ ему лечь въ постель, найдя его очень нехорошимъ. Это обстоятельство разстроило все собраніе... На другой день у императора появилась оспа“.

Вратиславъ описываетъ въ своей депешѣ, отправленной 3-го февраля 1730 г., ходъ болѣзни слѣдующимъ образомъ: „До 16 (27) января врачи не считали положеніе царя особенно опаснымъ. Но состояніе его тѣлосложенія вообще и воспаленіе крови вслѣдствіе предыдущаго образа жизни содѣйствовали кончинѣ государя. Къ тому же, лишь нѣсколько поздно увидѣли, что болѣзнь была оспа, и поэтому не были приняты съ самаго начала нѣкоторыя мѣры предосторожности. Впрочемъ, доктора въ этомъ не виноваты“.

Въ депешѣ Гогенгольца, отъ этого же числа, сказано, что, какъ онъ узналъ отъ одного, знакомаго ему, медика, видъ оспы у государя былъ самый злокачественный, и опухоль языка и всей головы была ужасна. Лефортъ писалъ: „Существуютъ два различныхъ мнѣнія о причинѣ смерти царя. Одни приписываютъ худосочию его болѣзнь, которая усилилась вслѣдствіе усталости и изнуренія, испытываемыхъ на охотѣ, а другіе—тому, что доктора Блуентросты въ началѣ лечили лихорадку, предвѣщающую оспу, какъ обыкновенную лихорадку, и давали ему различные прохлаждающіе напитки, а докторъ Бидлоо былъ призванъ только

на третій день, когда уже болѣзнь развилась; онъ не одобрилъ способа леченія тѣхъ докторовъ“.

„Алексѣй Долгорукій, — доносилъ графъ Вратиславъ Карлу VI, — употребилъ всѣ старанія для того, чтобы еще въ то время, когда Петръ II былъ при смерти, обвинять его съ княжною Екатериною; но Остерманъ противодействовалъ этому, и фельдмаршалъ Долгорукій былъ такого же мнѣнія. Далѣе рассказываютъ, что Долгорукіе хотѣли заставить Петра сдѣлать завѣщаніе въ пользу невѣсты. Но Петръ не былъ въ полномъ сознаніи... Тогда Долгорукіе разсуждали такъ, что помолвка равносильна браку, и что такъ какъ Екатерина I была преемницею Петра I, невѣста Петра II должна унаслѣдовать престолъ. Этотъ аргументъ былъ очень слабъ... И безъ кончины Петра II паденіе Долгорукихъ сдѣлалось бы неизбежнымъ, — продолжаетъ Вратиславъ, — такъ какъ, вслѣдствіе принужденія государя къ сговору, они сдѣлались предметомъ ненависти и казались опасными для другихъ фамилій... Петръ II на смертномъ одрѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилъ о фаворитѣ, который лишь весьма рѣдко являлся у больного... „Странно, — замѣчаетъ Вратиславъ, — оставалось лишь восемь дней до свадьбы. Долгорукіе въ отчаяніи“... „Теперь увидимъ, — сказано далѣе въ депешѣ Вратислава, — рѣшеніе вопроса, останется ли Екатерина Долгорукая во владѣніи всѣми драгоценными подарками, которые она получила, и будетъ ли ей назначена сумма для приличнаго содержанія“. За нѣсколько дней до кончины Петра II, прусскій посланникъ доносилъ: „Семейство Долгорукихъ приложило много стараній, чтобы уговорить императора сочетаться бракомъ въ прошлое воскресенье, ибо они опасались, чтобы болѣзнь не приняла опаснаго оборота, и имѣли въ виду, чтобы въ случаѣ смерти императора настоящая невѣста его, по совершеніи брака, не встрѣтила препятствія въ наслѣдіи, подъ предлогомъ вѣроятной беременности. Баронъ Остерманъ, однако, действовалъ противъ этого несвоевременнаго бракосочетанія подъ тѣмъ предлогомъ, что отъ этого пострадаетъ здоровье императора; самъ царь былъ одинаковаго съ нимъ мнѣнія“. Въ депешѣ Мардефельда, отъ 2 февраля, сказано: „Фаворитъ во время болѣзни былъ рѣдко при государѣ; Остерманъ, напротивъ, постоянно былъ при немъ, и этотъ печальный случай ясно доказывалъ высокую степень любви и уваженія къ нему императора. Въ послѣдніе дни, потерявъ уже совсѣмъ зрѣніе, онъ непрерывно спрашивалъ, тутъ ли Андрей Ивановичъ, и когда тотъ отвѣчалъ и спрашивалъ, чтѣ прикажетъ государь, — послѣдній отвѣчалъ, что все хорошо, если онъ, Остерманъ, тутъ. Полагаютъ, что еслибы императоръ

остался въ разсудкѣ еще нѣсколько часовъ, то семейство Долгорукихъ рѣшилось бы на все, чтобы добиться исполненія обряда бракосочетанія“. Лефортъ доносилъ немного позже: „Молодой монархъ въ бреду не переставалъ звать своего Андрея Ивановича, ни на минуту не покидавшаго изголовья царя; передъ своею кончиною онъ нѣсколько разъ приказывалъ заложить сани, чтобы повидаться со своею сестрою“¹⁾.

Петръ II скончался въ ночь съ 18 на 19 января. Ему было четырнадцать лѣтъ и три мѣсяца.

А. БРИКНЕРЪ.

¹⁾ Сб. Ист. Общ. V, стр. 351. Лефортъ писалъ во время болѣзни Петра: „Многіе полагаютъ, что царь притворяется, желая отдалить срокъ своей свадьбы. Меня увѣряютъ, — когда онъ одинъ дома, то въ хорошемъ расположеніи духа, но какъ только прійдетъ кто-либо изъ Долгорукихъ, онъ бросается въ постель и притворяется больнымъ“. Тамъ же, стр. 340.

КНЯГИНЯ

Романъ въ двухъ частяхъ.

XXIX *).

— Васса Ивановна однѣ дома?—спросилъ Спѣшневъ у швейцара, войдя въ „чертогъ“.

Такъ называлъ онъ на своемъ жаргонѣ домъ Лопаревой, дѣйствительно похожій на чертогъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... И Ермолай Алексѣвичъ у себя, и у барыни гость.

Спѣшневъ удержался спросить: какой именно гость сидитъ у нея, хотя отъ этого вполне зависѣло—какъ пойдетъ ихъ разговоръ.

То, что дома самъ „Ермолай Алексѣвичъ“—прибавило только къ тревожному настроенію Спѣшнева.

Мужъ Вассы Ивановны былъ для него скорѣе мнѣомъ, чѣмъ живой личностью. Почти никогда не показывался онъ на ея половинѣ, обѣдалъ дома крайне рѣдко, и врядъ ли они больше пяти разъ сидѣли съ нимъ за однимъ столомъ.

Спѣшневу хорошо знакома была только его походка, съ легкимъ поскрипываньемъ, медленная и колеблющаяся; точно онъ крадется, а не идетъ. Онъ ее слышалъ всегда во второй или третьей комнатѣ, въ видѣ отдаленнаго шороха.

И до сихъ поръ ему стыдно встрѣчаться лицомъ къ лицу съ этимъ „исправляющимъ должность“ мужемъ, какъ его про-

*) См. выше: февраль, стр. 497.

звали въ листахъ мелкой прессы. Поведеніе такого мужа всей Москвѣ извѣстно какъ самое „покладистое“. Стѣсняться его присутствіемъ—по меньшей мѣрѣ наивно.

„Онъ достоинъ презрѣнія, —повторялъ всегда Спѣшневъ:—а я чѣмъ лучше его“?

И до сихъ поръ онъ еще не можетъ не обращать на него вниманія или пріятельски безцеремонно обращаться съ нимъ. За это Васса Ивановна не разъ издѣвалась надъ нимъ.

Первой гостиной, съ акваріумомъ и оркестріономъ—размѣромъ въ добрую церковь—Спѣшневъ прошелъ маленькими шагами, оглядываясь—не выплыветъ ли изъ какихъ-нибудь дверей фигура Ермолая Алексѣевича съ его „конфетной“ улыбкой и потираниемъ своихъ вѣчно холодныхъ пальцевъ?

Изъ второй гостиной—гдѣ всего чаще принимала Васса Ивановна—доходили до него взрывы знакомаго ему не смѣха, а „смѣшка“. О! какъ онъ зналъ этотъ „смѣшокъ“, вырывающійся у нея изъ груди съ какимъ-то щекотаньемъ всего ея существа. И плечи у нея, при этомъ смѣшкѣ, на особый ладъ поводить, и по щекамъ пойдутъ ямочки.

Онъ зналъ, когда именно эти смѣшки начнутъ высказывать въ разговорѣ, при какихъ встрѣчахъ.

Такъ же тихо проникнулъ Спѣшневъ во вторую гостиную.

И тотчасъ же ему бросилась въ глаза, ярко освѣщенная высовой лампой съ огненнымъ абажуромъ, спина военного, съ оранжевыми кавалерійскими лацканами, и лицо въ полупрофиль—темный, тонкій усъ, носъ съ горбинкой и возбужденный взглядъ статнаго самца.

Васса Ивановна сидѣла напротивъ, на углу диванчика, очень близко къ пуффу, на которомъ помѣстился драгунъ—и совсѣмъ другая, чѣмъ она была, когда давала ему порученіе къ Вѣрѣ Тимошеевнѣ.

Тогда она куталась въ пуховую накидку—ей нездоровилось, вся она потемнѣла или не успѣла придать себѣ обыкновенный цвѣтъ кожи. Да нѣтъ! Она не притирается, она изумительно сохранилась и въ лицѣ, и въ талии; но вчера передъ ней сидѣлъ онъ, тошный Никита Васильевичъ; а теперь она „заигрываетъ“ съ новымъ предметомъ своихъ аппетитовъ.

Вся въ „комкѣ“ розовая, немного пухлая, съ своими пепельными волосами и веуснымъ подбородкомъ, она, закинувъ голову и прищурившись, любовалась своимъ гостемъ.

Она не замѣтила сразу, что вошелъ Спѣшневъ.

— А-а! Это вы! — небрежно выговорила она. — Господинъ

Спѣшневъ, поручикъ Фастуновъ! — сейчасъ же познакомила ихъ и, сдѣлавъ жестъ рукой, прибавила: — Садитесь, гостемъ будете.

Они продолжали разговаривать, а онъ сѣлъ въ сторонкѣ, какъ союй человѣкъ, котораго хозяина не считаетъ нужнымъ вводить въ общій разговоръ.

Офицеръ — совсѣмъ новый. Откуда онъ? Когда и кѣмъ былъ представленъ? Или просто Васса Ивановна увидала его въ театрѣ и дала приказаніе кому-нибудь изъ своихъ прихвостней — привести его къ ней въ ложу, въ первый же антрактъ.

Да и не все ли равно? Откуда онъ и давно ли знакомъ — онъ „на очереди“. Теперь тонкій усъ и оранжевый воротникъ; а тамъ въ Крыму была сначала бурчавая голова кавказскаго князя, а потомъ лысина фокусника-итальянца.

Смѣшокъ Вассы Ивановны все вылеталъ. Драгунъ рассказывалъ ей, длинно и тягуче, но съ полковымъ юморомъ, исторію барыни, неудачно вздумавшей разводиться съ мужемъ, чтобы поскорѣе изловить какого-то миллионщика.

— Поторопилась, поторопилась, плохо разохла, — подсказывала Васса Ивановна, прерывая себя своимъ воркующимъ смѣхомъ.

И опять офицеръ завелъ исторію. Барыня очутилась „при пиковомъ интересѣ“, въ плохой „меблировкѣ“ и, совсѣмъ прожившись, поступила „въ бѣлицы“ въ одинъ изъ здѣшнихъ монастырей.

— Для души спасенья! — подсказала Васса Ивановна.

„Для души спасенья!“ — повторилъ про себя Спѣшневъ — и это выраженіе укололо его, точно раскаленной булавкой. Тамъ и пахнуло отъ него мучничихой изъ Даева переулка, на „Устретенкѣ“. Даже отъ такого языка не отгучилъ онъ ее за нѣсколько лѣтъ своего „постыднаго рабства“, онъ — пуристъ, восторженный обожатель Пушкина, съ культомъ изящной формы!

Еще съ полчаса рассказывалъ другую какую-то исторію драгунъ. Кажется, рѣчь шла о скачкахъ или о бѣгахъ и о какомъ-то „тренирѣ“, а можетъ, и о какой-то каскадной „пѣвичкѣ“ изъ театра Омона.

— Надо, надо ее послушать! — сказала Васса Ивановна, и онъ тогда убѣдился, что говорили не о тренирѣ, а о пѣвичкѣ.

Наконецъ, всталъ драгунъ. Стоя, онъ оказался небольшого роста, съ широкой, немного выпяченной грудью. Онъ два раза щельнулъ шпорами, наклоняясь къ ней, и звонко поцѣловалъ ея бѣлую, пухлую руку, тоже въ ямочкахъ.

Поднялся и Спѣшневъ. Офицеръ поклонился ему церемонно и руки не протанулъ.

Звяканье шпоръ смолкло, и тогда только Спѣшневъ приблизился къ дивану и сѣлъ, все еще молча, на тотъ самый пуффъ, гдѣ только-что сидѣлъ офицеръ.

— Что это вы, — спросила его Лопарева, закрывъ правый глазъ: — точно воды въ ротъ набрали? Сидитъ какъ истуканъ — и хоть бы чихнулъ!

— Вы такъ были заняты другъ другомъ...

— Скажите пожалуйста!

Это была самая ненавистная для него поговорка Вассы Ивановны.

— Завидно стало, что людямъ весело! Не всѣмъ же такимъ кисляемъ быть, какъ господинъ Никита Васильевичъ Спѣшневъ, огорченный сочинитель.

Онъ чуть замѣтно пожалъ плечами.

— Да нечего, нечего ѣжиться. Мы вѣдь видимъ васъ насквозь. Все та же болѣзнь — одна могила отъ нея исправить... Отелло — венеціанскій мавръ.

— Почему? — чуть слышно выговорилъ онъ.

— Да ужъ знаемъ васъ. Право, точно въ той французской пьесѣ... Еще мы тогда угодили вмѣстѣ въ Михайловскій театръ, и вы тоже изволили все ѣжиться.

Онъ сейчасъ вспомнилъ. Да, они вмѣстѣ попали въ театръ и сидѣли въ креслахъ. Она хоть и говоритъ своимъ рядскимъ жаргономъ, но по-французски обучена.

Пьеса оказалась „ужасной“ — для него. Въ ней любовникъ „Парижанки“ такъ поставленъ авторомъ, что зритель принимаетъ его за мужа.

Васса Ивановна все повторяла, восхищаясь героиней:

— Вотъ такъ умница! Такъ съ вашимъ братомъ и нужно!

Его это возмутило, и за ужиномъ, въ отелѣ, послѣ спектакля, она раскричалась на него и выгнала вонъ — какъ тамъ въ пьесѣ — схватила за плечи и стала толкать въ переднюю.

— Славное амплуа себѣ выбрали, нечего сказать! — продолжала Васса Ивановна, впадая въ презрительно-задирающій тонъ.

Смѣшокъ исчезъ, и губы ея поводила гримаса, точно она собирается проглотить ложку микстуры.

— Я отъ княгини Вѣры Тимофеевны, — кратко выговорилъ онъ.

— Ну и что-жь?

Лопарева подложила подъ себя одну ногу. Ей стало душно и она сбросила пуховую мантилью. Затавывая въ корсетъ грудь

ей вздымалась горой. Она стала тяжело дышать и немного по-сапывать.

— Она готова... съ своей стороны.

— А потомъ что? Ахъ, Господи! Какъ вы мямлите! Да я вижу, въ чемъ дѣло. Эта важнюга—ваша закадышная пріятельница, урожденная дѣвица Финикова—изволить ломаться. Такъ и не надо! Прогать передъ ней не намѣрена. Скажите пожалуйста!

Васса Ивановна опять набросила на плечи пуховую мантилью, встала и отошла въ другой уголь гостиной.

— И не надо! Не нуждаюсь ни въ какихъ дамахъ... какъ бышь ихъ зовутъ: акробатки благотворительности. Впередъ умнѣе буду! Мы ихъ тоже знаемъ—имъ только купъ отвали, а потомъ и воротать свои физин... Такъ добро бы ужъ настоящія аристократки, а то Степаниды Фодотовны Финиковой дочка, новоиспеченная княгиня!

— Да вы мнѣ не дали досказать.

— И не желаю!—оборвала Лопарева въ дверяхъ.—Мнѣ некогда съ вами растабарывать. Я на обѣдъ жду.

И, обернувшись къ нему, она проговорила:

— Была въ превосходномъ расположеніи — и надо же было напустить собою этой кислоты!..

Она скрылась за портьерой. Спѣшнень сидѣлъ съ поникшей головой.

XXX.

Пошелъ мелкій, назойливый дождь. Спѣшнень ѣхалъ отъ Лопаревой, мрачно-раскислый и голодный. Оставаться обѣдать у Вассы Ивановны онъ не былъ въ состояніи, да его и не просили. Она „ждала“ какихъ-то гостей, но не его.

Онъ велѣлъ остановиться у перваго знакомаго трактира, вошелъ, ни на кого не глядя, въ залу, гдѣ гремѣла машина, сѣлъ за колоннами и спросилъ себѣ рублевый обѣдъ.

Кажется, чаша переполнилась. Черезъ болѣе издѣвательство онъ еще не проходилъ отъ этой презрѣнной женщины, неокружимо-сильной своей цинической порочностью.

Ничто въ мірѣ не можетъ осадить ее—не то что уже пригнуть къ землѣ или заставить стоять на колѣняхъ въ одеждѣ вающейся грѣшницы. Ничто, кромѣ болѣзни и смерти. Да и въ болѣзни, если та не проберетъ ее, она останется все таковой же, подкупить и болѣзнь, найдетъ средство искусственно поддержи-

вать въ себѣ свои всеядные инстинкты. И на смертномъ одрѣ она, до послѣдняго издыханія, не попросить пощады.

Бѣжать отъ нея опрометью, безъ оглядки, куда бы ни упасть, хотя бы въ помойную яму — все лучше, чѣмъ продолжать свое гнусное пресмыкательство.

Развѣ страсть къ этой женщинѣ выѣла въ немъ все безъ остатка? И неужели онъ не въ силахъ теперь, хоть въ десяти стихахъ, вылить на бумагу весь ужасъ своего „я“, заставить всѣхъ, кто цѣнитъ поэзію — трепетно отеленинуться на страданія души?.. Неужели не въ силахъ? Пускай въ немъ погибъ человѣкъ, годный на осмысленную и дѣятельную жизнь — но вѣдь въ немъ былъ же талантъ? Не могъ же онъ испариться до послѣдней капли?..

Какъ ему отвѣчать на такой безпощадный допросъ? Голова ныла; но краска стыда не появлялась на щекахъ; въ груди внутрення рыданія не просились въ чарующій міръ звуковъ и образовъ.

А тутъ еще эта трескучая машина и пошлый опереточный мотивъ, врывающійся въ уши съ грохотомъ литавръ.

Обѣдъ онъ съѣлъ быстро — одно блюдо за другимъ, почти не видя, чтó ему подавали.

— Здравствуйте, Спѣшневъ! — обликнулъ его жидкій теноровый голосъ слѣва.

Онъ поднялъ голову и увидалъ передъ собою длиннаго молодого человѣка, блондина. Исхудалое лицо, маленькая борода и длинные волосы его сейчасъ же напомнили ему — кто его обликнулъ.

— А! Очень радъ! Не хотите ли присѣсть? Вы обѣдали?

Спѣшневъ узвалъ его; но не могъ припомнить — какая у него фамилія: чисто ли русская, или иностранная.

Они не видались больше двухъ лѣтъ. Этотъ стихотворецъ первый пришелъ къ нему за совѣтомъ и поощреніемъ.

— Благодарю, я уже кончилъ.

— Ну, кофею?

— Отъ кофею не откажусь.

Онъ говорилъ тихо, женоподобно и въ манерѣ выказывалъ церемонность, странную для писателя.

Вотъ уже второй годъ, какъ онъ печатаетъ, подъ псевдонимомъ — и псевдонимъ этотъ Спѣшневъ тутъ же вспомнилъ. Надъ нимъ подсмѣивались рецензенты, одинъ критикъ даже постоянно поднималъ на смѣхъ и пародировалъ его стихи. Его занесли въ цехъ декадентовъ и символистовъ. Но самъ Спѣшневъ не нахо-

даль его вещи ни дикими, ни смѣшными. Въ нихъ ему не нрави-
лась не форма, хотя часто и слишкомъ „перегнанная черезъ
кубъ“ — такъ онъ опредѣлялъ — а настойчивая проповѣдь какой-то
смѣси мистицизма съ чувственностью. Даже разъ онъ хотѣлъ на-
писать ему и предостеречь.

Какое бы онъ ни былъ — этотъ поэтень, все-таки онъ молодой
человѣкъ своего поколѣнія. Не можетъ быть, чтобы у нихъ не
было ничего за душой! Вѣроятно, они вполне искренни, даже
въ чудачествахъ формы и тона. Кому же, если не писателю,
какъ онъ, неспособному ни генеральствовать, ни завидовать, ни
носиться съ своей репутаціей, ни зря мудрить — чаще видаться
съ этой молодежью, признающей искусство и красоту своимъ
культомъ?

Ему захотѣлось задушевно поговорить съ этимъ „собратомъ“.
Но трактиръ былъ слишкомъ шуменъ, и онъ предложилъ поэтику
поѣхать къ нему. Тотъ тотчасъ же согласился, сохраняя все тотъ
же серьезно-чопорный тонъ.

Спѣшневъ занималъ двѣ меблированныхъ комнаты, на буль-
варѣ, и содержалъ ихъ очень опрятно. Стѣны первой покрывали
два большихъ шкапа съ книгами. Перестань онъ покупать ихъ
и читать — настанетъ послѣдній періодъ его „вырожденія“ — такъ
онъ самъ часто выражался.

Подали самоваръ. Хозяинъ самъ разливалъ. Гость немного
сбросилъ съ себя свою чопорную сдержанность, и Спѣшневу ни-
чего не стоило заставить его говорить о его „замыслахъ“ и но-
выхъ попыткахъ въ томъ родѣ творчества, которое онъ считалъ
единственно плодотворнымъ и достойнымъ „истинныхъ“ друзей
поэзии.

Долго слушалъ Спѣшневъ его, не перебивая, и спрашивалъ:
будь онъ также молодъ и свободенъ отъ рабства страсти, и славо-
любивъ, и влюбленъ въ свое призваніе — развѣ онъ могъ бы
пойти по тому же пути, вдаваться добровольно въ такое же точно
исканіе утонченныхъ пинтическихъ „выкрутасовъ“, питать въ себѣ
гордыню отрѣшенія отъ всякихъ здоровыхъ чувствъ, отъ состра-
стія страданіямъ и радостямъ простыхъ людей — какъ будто сердце
не у всѣхъ болитъ одинаково и не всѣмъ хочется хоть кусочка
счастья?...

— Послушайте, другъ мой, — заговорилъ онъ и голосъ его
дрогнулъ отъ проснушагося въ немъ протеста. — Вы помните —
когда вы въ первый разъ пришли ко мнѣ? Вѣдь я не окатилъ
васъ холодной водой... Я вамъ сказалъ: дерзайте, ищите свобод-
наго выхода вашему темпераменту и вашимъ поэтическимъ идеямъ.

Я не дидактикъ, не тенденціозникъ; но, воля ваша, господа, вы всё не знаете жизни и человѣка, не хотите черпать въ душѣ самыхъ цѣнныхъ ея даровъ. Вѣдь не озорство же говорить въ васъ!

— Надѣюсь, нѣтъ!—отвѣтилъ гость, брезгливо тряхнувъ волосами.

— Кто любить и кого любовь ранитъ, да есть у него талантъ—тотъ и заставляетъ всѣхъ насъ переживать его личныя утраты, какъ свои собственныя.

Быстро всталъ Спѣшневъ и взялъ съ полки томикъ съ золотымъ обрѣзомъ.

— Вотъ какую бы книжку вамъ всѣмъ, господа, сдѣлать настольной!

Онъ раскрылъ страницу и началъ читать медленно и задумчиво:

Ecouter dans son coeur l'écho de son génie,
Chanter, rire, pleurer, seul, sans but, au hasard,
D'un sourire, d'un mot, d'un soupir, d'un regard,
Faire un travail exquis, plein de crainte et de charme,
Faire une perle d'une larme,
Du poète ici-bas voilà la passion,
Voilà son bien, sa vie et son ambition...

— А? Вотъ это исповѣдь всякаго настоящаго поэта!—вскричалъ Спѣшневъ и глаза его стали влажны.

Блондинъ повелъ плечами и отряхнулъ пепель съ папиросы.

— И мы къ тому же стремимся, только гораздо смѣлѣе и съ ббльшей свободой. И вы, и тѣ, что „пѣли“ до васъ, — произнесъ онъ съ ироніей, — все требовали отъ женщины безусловной вѣрности себѣ, носились съ своими слезами и съ своимъ нытьемъ... Мы же извлекаемъ наслажденіе изъ всего... даже изъ боли, изъ ярости, изъ гнуснаго паденія, изъ всего...

— Потому что вы всё изломали себя.

Опять Спѣшневъ прочелъ въ отвѣтъ изъ книжки съ золотымъ обрѣзомъ:

Les plus désespérés sont les chants les plus beaux
Et j'en sais d'immortels, qui sont de purs sanglots.

— Подъ этимъ можно было бы, пожалуй, подписаться, — сказала блондинъ; — но съ оговоркой: это все-таки запоздалая сантиментальность — стало быть, фальшь!

— Фальшь? Ну, нѣтъ-съ! — крикнулъ Спѣшневъ. — Этого я вамъ не могу позволить бросать въ лицо поэту „Ночей“. Если

кто-нибудь изъ васъ пройдетъ черезъ настоящую страсть, онъ познаетъ, что есть великаго вотъ въ этихъ признаніяхъ:

J'ai perdu ma force et ma vie,
Et mes amis, et ma gaité,
J'ai perdu jusqu'à la fierté,
Qui faisait croire à mon génie.
Quand j'ai connu la vérité,
J'ai cru que c'était une amie,
Quand je l'ai comprise et sentie,
J'en étais déjà dégoûté,
Et ceux qui se sont passés d'elle
Ici-bas, ont tout ignoré;
Dieu parle, il faut qu' on lui réponde,
Le seul bien qui me reste au monde—
Est d'avoir quelquefois pleuré!

Слезы явственво задрожали въ голосѣ Спѣшнева. Онъ уже не читалъ послѣднихъ стиховъ, а провозносилъ ихъ наизусть. Слезы блестяи и на его рѣсницахъ. Книжка упала ему на колѣни.

— Нѣтъ,—выговорилъ рѣшительно блондинъ:—это не наше credo. Это слащавый скептицизмъ. Вашъ Мюссе не имѣетъ и понятія о высшихъ исканіяхъ красоты, о такихъ наслажденіяхъ и взрывахъ страсти, какіе мы не боимся воспроизводить, скандализируя ими филистеровъ.

Чопорность совсѣмъ пропала въ тонѣ. Испитое лицо разгорѣлось, и ноздри стали вздрагивать.

— Ну, что жъ такое, что женщина измѣнила вамъ?—продолжалъ онъ, выпрямляясь. — Но если она даетъ вамъ высшій трепетъ чувственнаго обладанія, каждый разъ какъ вы держите ее въ своихъ объятіяхъ—доходите до самаго дна паденія, на оцѣнку пошлыхъ моралистовъ, но выпейте до послѣдней капли всю чашу божественной животности, доберитесь до мельчайшихъ фибровъ сладострастія въ предметъ вашего обожанія, чтобы чувство отвращенія переполнило васъ—и поборите его, слейтесь—въ тотъ моментъ, когда исчезнетъ всякая мысль—съ безконечнымъ и всеобъемлющимъ торжествомъ жизни, въ которой нѣтъ ни добра, ни зла, а есть только символъ вѣчнаго бытія!

— И вы хотите задумать такую вещь?

— Я уже началъ ее,—сказалъ блондинъ, и блѣдныя губы его раскрылись въ улыбку полного довольства собою.

— Несчастный! Да вѣдь это садизмъ!

— Можетъ быть—на языкѣ учителей словесности. Мы не знаемъ такихъ дистинцій.

Спѣшнѣе замолчалъ, и ему стало еще тяжелѣе, чѣмъ было въ гостиной Вассы Ивановны, когда она ушла одѣваться къ обѣду.

XXXI.

Третій день гостилъ у Кунгуровыхъ родственникъ Вадима Дмитріевича—князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ Кунгуровъ.

Онъ приходился ему дальнимъ племянникомъ; но Вадимъ Дмитріевичъ принялъ его точно родного сына, отвелъ подъ него свой кабинетъ, носится съ нимъ, какъ никогда ни съ кѣмъ не носился, и безпрестанно даетъ понять Вѣрѣ, что вотъ молъ это—умница, не чета вамъ и вашему „либералишкѣ“—господину Остожину“. Несмотря, молъ, на то, что дѣлаетъ блестящую карьеру „въ городѣ Санктпетербургѣ“—раздѣляетъ, однако же, тѣ начала и „устои“, какихъ держится ея мужъ.

Послѣ обѣда, когда князь удалился соснуть—на этотъ разъ уже въ спальню, а не въ кабинетъ—Вѣра сидѣла у себя съ княземъ Ѳеодоромъ—довольная тѣмъ, что Лена ушла къ себѣ и оставила ихъ вдвоемъ. Лена успѣла уже приревновать къ ней петербургскаго кузена. Они были настолько въ дальнемъ родствѣ, что и она могла бы сдѣлаться княгиней Кунгуровой.

Князь Ѳеодоръ—бѣлокурый молодой мужчина, съ молодежьимъ обликомъ царскаго рынды, высокой и сухой въ станѣ, съ темными глазами правильнаго, чисто русскаго лица. Борода его была подстрижена также въ старо-московскомъ стилѣ. На видъ ему казалось не больше двадцати-пяти; на самомъ дѣлѣ ему уже было за тридцать.

Онъ сидѣлъ противъ Вѣры около столика съ чашкой кофе, скорѣе въ позѣ гостя, чѣмъ родного, одѣтый точно на званій обѣдѣ—въ смокингъ и двубортномъ бѣломъ жилетѣ.

Говорилъ онъ низкимъ груднымъ баритономъ, и голосъ его былъ гораздо старше его лѣтъ.

Во всей его повадкѣ чувствовалось признаніе своей личности и своихъ взглядовъ и правилъ—чѣмъ-то не допускающимъ колебаній и серьезныхъ возраженій.

Вѣра находила, что онъ нисколько не похожъ на дядю въ шумной и задорной рѣчистости. Даже и къ концу обѣда онъ не дѣлался разговорчивѣе, хотя не отказывался ни отъ какого вина. Говоръ у него сложился отрывистый, и онъ выработалъ себѣ манеру выражаться въ видѣ краткихъ и вѣскихъ изреченій. Игрою

лица онъ придавалъ своимъ отвѣтамъ и замѣчаніямъ вѣсъ и колоритъ.

Не трудно было Вѣрѣ съ перваго же дня разглядѣть—съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Ея, въ нѣкоторомъ родѣ, „племянничекъ“ вышелъ изъ закрытаго высшаго заведенія и очень гордился этимъ; въ низшихъ классахъ писалъ стихи, помня о томъ, что великій поэтъ учился въ томъ же заведеніи. Но когда на воротникѣ его вицмундира серебряныя петлицы превратились въ золотыя—онъ бросилъ рюмъ и скоро сталъ извѣстенъ начальству и профессорамъ, какъ „отлично-дѣльный“ воспитанникъ и по нѣкоторымъ юридическимъ предметамъ считался специально подготовленнымъ.

Уже тогда онъ склонялся къ сословной государственности и охранительнымъ началамъ, въ духѣ „просвѣтительной опеки надъ народомъ“, щеголялъ знаніемъ лѣтописей и старинныхъ актовъ, зналъ навзустъ цѣлыя тирады изъ книгъ толкователей до-Петровской Руси, съ особенной серьезностью говорилъ о своихъ предкахъ, Гедиминовичахъ и, по окончаніи курса, когда поступилъ на службу съ чиномъ девятаго класса и отдѣлявалъ себя квартиру, то наполнилъ ее разными вещами въ русскомъ вкусѣ и положилъ основаніе коллекціи старинныхъ складней и тельниковъ.

Не скрывалъ онъ и своей древле-болярской набожности или, по крайней мѣрѣ, считалъ обязательнымъ для себя соблюдать обряды, поститься и держать въ вѣотѣ неугасимую лампаду.

Въ нѣсколько лѣтъ онъ достигъ уже положенія, откуда можно мѣттить въ сановники, остался холостъ, поддерживалъ свѣтскія связи въ высшихъ сферахъ; но работалъ по четырнадцати часовъ въ день и почти не зналъ женщинъ.

Въ первый разъ встрѣчала Вѣра такой образчикъ петербуржца-барина, „натаскавшаго себя“ въ извѣстномъ духѣ, какъ выразился бы про него ея пріятель Остожинъ. Ей очень хотѣлось бы присутствовать при принципиальной схваткѣ ихъ обоихъ. И она устроить это на дняхъ—новый предлогъ попросить къ себѣ Владиміра Григорьевича.

„Да, племянникъ мало похожъ на своего дядюшку“,—думала она, поглядывая на его древне-русскую бѣлокурую голову царскаго рынды.

И, конечно, онъ давно составилъ себѣ настоящее мнѣніе о князѣ Вадимѣ Дмитріевичѣ; а если не успѣлъ, то здѣсь, въ два три дня, вѣрно опредѣлитъ его.

Вѣра уже замѣтила, что князь Федоръ улыбался довольно таки выразительно, выслушивая за обѣдомъ возбужденно-хвастливыя рѣчи дяди о ихъ фабричномъ предпріятіи. Авцій онъ у нихъ

не купить—нѣтъ! Состоянія своего—довольно большого—онъ не проживетъ ни на франтовство, ни на аферы.

Слегка онъ уже далъ понять дядѣ, что считаетъ весьма печальнымъ явленіемъ—погоню людей „служилаго сословія“ за живой. Для него дворянинъ былъ слуга государства и долженъ или сидѣть „въ думѣ царской“, или въ своей отчинѣ, пахать землю и творить судъ и расправу.

О своемъ имѣніи онъ говорилъ съ оттѣнкомъ отеческой заботы и радовался, что его служба позволяетъ ему каждое почти лѣто проводить въ усадьбѣ, такъ какъ въ „учрежденіи“, гдѣ онъ служить, полагаются вакаціи въ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Дядюшка,—сказалъ князь Ѳедоръ, понижая тонъ,—кажется, очень увлеченъ своимъ предпріятіемъ?

— Какъ видите,—отвѣтила Вѣра съ неопредѣленнымъ жестомъ головы.

— И вы ему сочувствуете?

Она не могла принять этихъ словъ за намекъ на то, что она—купческаго рода. Князь Ѳедоръ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ.

— Я держу нейтралитетъ,—сказала она и также неопредѣленно усмѣхнулась.

— Желаю ему всякихъ успѣховъ... но...

— Это не дворянское дѣло?—спросила она съ той же улыбкой и поглядѣла на него.

— Конечно! Прежде... лѣтъ сорокъ назадъ, при вотчинномъ правѣ—онъ избѣгалъ слова „крѣпостное“—такія предпріятія имѣли культурный смыслъ. И наконецъ нѣкоторые виды производства могли быть, по закону, только въ рукахъ дворянъ.

— Да, винокурение,—добавила она.

Князь Ѳедоръ откинулъ голову слегка назадъ и сказалъ съ удареніемъ:

— Иначе и не могло быть.

Въ его взглядѣ Вѣра схватила усмѣшку, говорившую:

„Я достаточно знаю, что вы, ma tante, выученица московскихъ радикаловъ“.

Но до этой минуты, съ самаго своего приѣзда, князь Ѳедоръ избѣгалъ всякаго разногласія съ нею, выслушивалъ ее серьезно и благосклонно. Ему, видимо, не хотѣлось чѣмъ-нибудь нарушить полного родственнаго лада съ нею. Да и ей сдавалось, что во всемъ домѣ онъ—хоть и считаетъ ее „радикалкой“, но чувствуетъ себя къ ней гораздо ближе, чѣмъ къ дядюшкѣ.

— Вашъ взглядъ я раздѣляю, Федоръ Сергѣевичъ,—вымолвила Вѣра, послѣ небольшой паузы.

— На что собственно, ма tante?

— Да на роль дворянства. Но у мужа нѣтъ достаточно... какъ бы это сказать...

— Вѣрности своему сословію,—подсказалъ князь Федоръ,—чтобы дѣлать только свое дворянское дѣло? Вы такъ хотѣли сказать?

— Не тѣми словами, но почти то...

— Мнѣ кажется, — продолжалъ князь, слегка наморщивъ лобъ:—теперь-то и слѣдуетъ служить землѣ.

— Вы думаете?

Она спросила только затѣмъ, чтобы онъ развилъ свою мысль.

— Какже иначе, ма tante? И когда всякій мѣстный представитель сословія могъ находить такую дорогу въ высшія сферы управленія, какъ не теперь? Сколько предводителей попали въ сановники!

— Но мнѣ кажется,—возразила Вѣра,—что это—на иной взглядъ—тоже измѣна своей земской независимости. Приманка чина, окладъ или расшитый мундиръ...

Онъ кивнулъ головой, какъ бы въ знакъ согласія.

„Тетенъка-то весьма неглупа!“—поставилъ онъ ей мысленно отмычку.

— Да, если хотите,—многіе мѣняютъ свое почетное званіе на окладъ губернатора или даже вице-губернатора—въ ожиданіи будущихъ благъ. Но это—дѣло ихъ нравственной устойчивости. Я говорю про возможность служить землѣ и государству. Всегда желательно, чтобы начальникъ края былъ, не выскочка-чинушъ, а человѣкъ, воспитанный въ лучшихъ традиціяхъ служилого сословія.

Послѣдняя фраза, произнесенная доктринерски, отзывалась жаргономъ князя Вадима Дмитріевича. Резонерская и упорная натура свазывалась въ томъ,—что и какъ говорилъ этотъ молодой петербуржецъ съ идеями. Но онъ—не пустой болтунъ. Живи онъ въ деревнѣ, какъ простой землевладѣлецъ, — онъ пошелъ бы въ гласные, въ предсѣдатели управы, въ предводители, былъ бы навѣрно замѣченъ высшимъ начальствомъ и въ извѣстныя лѣта занялъ бы „постъ“.

„Съ такимъ человѣкомъ,—неволью подумала Вѣра,—можно прожить умно и интересно. Страсти онъ не вызоветъ; но всегда будешь его уважать и даже охотно подпадешь подъ его вліяніе, пожелаешь ладить съ нимъ въ идеяхъ и симпатіяхъ“.

Когда она сближалась съ княземъ Вадимомъ Дмитриевичемъ— она считала его способнымъ быть такимъ же „служилымъ человекомъ“. Можетъ быть, она виновата въ томъ, что въ первый же годъ замужества не старалась отыскать въ немъ жилку сословнаго честолюбія.

Все бы это было лучше, чѣмъ теперешнее пустое фрондерство и хищническое дѣлчество, которое добромъ кончиться не могло.

— Я думаю,—сказала она, точно въ отвѣтъ на вопросъ, заданный самой себѣ,—съ характеромъ мужа ему трудно было бы выносить какую бы то ни было отвѣтственность.

— Очень жаль!—тономъ молодого педагога выговорилъ князь Федоръ.

XXXII.

Вѣра опустила голову и молчала. И когда подняла, то въ половинкахъ портьеры увидала лицо и расплывшее за лѣто туловище мужа.

Лицо въ особенности говорило за себя—припухлое отъ послѣобѣденнаго сна, съ выраженіемъ самодовольнаго задора.

Нѣтъ! Этого дворянина не превратишь ни во что такое, что требуетъ выдержки и серьезнаго служенія идеѣ. Да еслибы и можно было возбудить въ немъ честолюбіе, склонить къ карьеризму—развѣ это помогло бы ихъ супружеству, вызвало бы единеніе и теплое чувство? Тогда онъ сталъ бы, быть можетъ, еще болѣе чуждъ и даже ненавистенъ ей.

— La confidence bat son plein?—окликнулъ князь.

У него, съ нѣкоторыхъ поръ, голосъ сталъ болѣе хриплый.

— Развѣ у насъ съ вами, ma tante, была конференція?—шутливо спросилъ князь Федоръ и, обернувшись къ дядѣ, прибавилъ:—мы съ Вѣрой Тимошеевной во многомъ сходимся, хотя, кажется, не принадлежимъ къ одному лагерю.

— Ni moi non plus!—выговорилъ князь, сдерживая сладкій зѣвокъ, и сейчасъ же опустился въ мягкое кресло.

— У тебя, Théodore, вечеръ, надѣюсь, свободенъ?—спросилъ онъ, потягиваясь, довольно безцеремонно.

— Къ вашимъ услугамъ, mon oncle.

— То-то! Я, милый, собираюсь вести тебя въ одно пріятное мѣсто. Только ты уже забудь, гдѣ ты служишь и что своей особой представляешь.

— Pas dans un bouge — je suppose? — спросил князь Федоръ и поглядѣлъ на Вѣру.

— Въ театрѣ Омонъ! Ты не имѣешь понятія? Туда дамы не ѣздятъ.

— Я и не прошусь, — полу-шутливо отозвалась Вѣра.

— Я и не предлагаю.

— Это что же такое... кафе-шантанъ? — спросил князь Федоръ.

— Да, музыкальный кабачокъ. Теперь даетъ „Обозрѣнiе Москвы“... Есть номера очень веселые. У насъ тамъ своя ложа, — проговорилъ онъ.

Вѣра слушала спокойно. Она не огорчилась тѣмъ, что князь сталъ посѣтителемъ такого театра. „У нихъ — ложа“ — стало: у его клубскихъ прiателей. Она знаетъ, что мужъ все позднѣе и позднѣе возвращается домой и отъ него всегда пахнетъ виномъ.

Денежный успѣхъ „окрылилъ“ его — и онъ долженъ пить, ѣсть, играть въ карты, держать пари на бѣгахъ, ѣздить въ Омону — другого нельзя было и ожидать.

— Une loge infernale? — спросил князь Федоръ.

— Какъ жаль, что Погулянина нѣтъ — онъ прiѣдетъ не раньше декабря; а то онъ бы тебѣ показалъ всѣ влччныя мѣста Москвы.

Только тутъ Вѣра начала находить, что князь Вадимъ Дмитриевичъ уже слишкомъ мало сталъ стѣсняться при ней.

— Кажется, и вы, мой другъ, достаточно съ ними знакомы? — выговорила она тономъ старшей.

Князь поглядѣлъ на нее въ бокъ, и выраженiе его лица стало окисляться.

— Ты насъ удерживать не будешь, — сказалъ онъ, приподнимаясь. — Теперь еще рано. Мы сначала завернемъ въ клубъ, — обратился князь въ племяннику: — мнѣ хотѣлось бы сначала познакомить тебя съ моей компанiей. Только, милый, ты уже немножко распахнись на этотъ разъ.

— Развѣ я такъ зашнурованъ?

Князь Федоръ сдѣлалъ этотъ вопросъ Вѣрѣ и также поднялся. Она не стала ихъ удерживать. При мужѣ ей дѣлалось тяжело. Оставайся онъ дома по вечерамъ — непременно велись бы разговоры, которыхъ она должна была избѣгать.

Вошла Лена и сейчасъ же догадалась, что мужчины куда-то собрались.

— Дяда! Вы увозите князя? Куда? Въ клубъ?

— Въ театрѣ, — отвѣтила за него Вѣра.

— Въ какой?

— Въ такой, куда ни дамъ, ни дѣвицъ не берутъ,—пояснила Вѣра.

И она такъ поглядѣла на Лену, что та поняла,—что значить этотъ взглядъ.

Если носить трауръ по матери, то нельзя проситься въ театръ, когда еле прошло шесть мѣсяцевъ съ ея смерти.

Лену передернуло.

— Дядя, милый, вы все-таки скажите, въ какой театръ вы ѣдете?

— Какое любопытство!—остановила ее Вѣра.

Она совсѣмъ не желала „гувернантствовать“; но ей стало совѣстно за дядю этой дѣвицы. Вѣдь онъ былъ родной братъ ея матери. И вотъ теперъ сдѣлался посѣтителемъ такого театра, какъ „Омонъ“.

— Все будешь знать — скоро состаришься,—сказалъ князь, еще разъ сладко зѣвнувъ.

У племянника его было то же почти чувство, что и у Вѣры. Вчера дядя въ лирическомъ родѣ говорилъ о покойной сестрѣ, пуская въ ходъ тронутые звуки; а сегодня везетъ его въ увеселительное мѣсто, гдѣ даже мужчины изъ „общества“ скрываются въ литературныхъ ложахъ.

Князь Вадимъ Дмитріевичъ, замѣтивъ, что выходитъ какая-то неловкая пауза, потрепалъ племянника по плечу—что заставило того немного податься назадъ—и вскричалъ:

— Ъхать, такъ ѡхать!

— Дядя!—остановила его Лена за руку:—довези меня до Пусиковыхъ.

— Comment?—окликнулъ нѣсколько брезгливо князь Ѳедоръ и оглянулъ всѣхъ.

— Это нашъ компаньонъ,—объяснилъ благосклонно князь Вадимъ Дмитріевичъ:—мужъ ея подруги. Un jeune riche!

„Изъ купцовъ“? хотѣлъ спросить князь Ѳедоръ и точно поперхнулся.

— Въ Москвѣ мощна крѣпкая,—сказалъ онъ, довольный тѣмъ, что не вышло никакой неловкости.

Онъ, и безъ того, всѣ три дня, какъ живетъ у дяди, зорко слѣдитъ за собою—какъ бы не сказать чего-нибудь, что можетъ задѣть Вѣру Тимофеевну. И она это замѣтила.

Вотъ и сейчасъ могла выйти обмолвка. И всѣ трое—эти столбовые—дядя, племянникъ и племянница—молча поняли, что неловкость могла быть сдѣлана. И развѣ только князь Ѳедоръ

по своей строгой порядочности былъ этому радъ; а тѣ двое—врядъ ли.

Вѣра уже предвидѣла, что если она будетъ держаться въ домѣ какъ посторонняя, а не какъ настоящая хозяйка—князь не долго станетъ щадить ее. Лена, и безъ того, способна всегда на дерзкія выходки.

Князь Федоръ поцѣловалъ ея руку.

— Вы видите, ma tante, меня увлекаетъ... старшій въ родѣ!.. Я бы съ такимъ удовольствіемъ еще побесѣдовалъ съ вами.

— Успѣешь, успѣешь!—крикнулъ князь изъ гостиной.

Лена, по обыкновенію, не простилась съ теткой, и Вѣра не пошла провожать мужчинъ.

Прежде, мужъ, уѣзжая, спрашивалъ ее: какъ она проведетъ вечеръ, а съ возвращенія въ Москву, осенью, онъ освободилъ себя отъ такихъ формъ супружеской вѣзливости.

Дверь въ переднюю захлопнулась знакомымъ ей звукомъ. Въ домѣ сразу стало потише.

Вѣра позвонила.

— Господа поѣхали въ коляскѣ?—спросила она.

— Такъ точно.

— Возьмите мнѣ двумѣстную карету.

— Отъ Арбатскихъ воротъ прикажете?

— Откуда ближе.

Мать не ждетъ ее и сильно обрадуется. Она теперь еще за самоваромъ. Другого кровнаго друга у нея нѣтъ. Она не затѣмъ поѣдетъ въ ней, чтобы жаловаться. И та такъ деликатна, что никогда первая не коснется ея интимной жизни. Просто она будетъ слушать ея умныя рѣчи и глядѣть на ея милыя черты, попадетъ въ комнаты, гдѣ все ей говоритъ про года ласки, свободы, благородныхъ грезъ и чистыхъ радостей. Только тамъ она не одна—только тамъ!

Она медленнымъ взглядомъ обошла свой кабинетъ, и чувство отчужденности еще сильнѣе охватило ее. Одно средство слиться съ „господами“, это—быть суетной безъ конца и безъ перерыва. Обаяніе титула, барской обстановки, выѣздовъ, приемовъ—съ каждымъ днемъ выдыхается, если уже не выдохлось безвозвратно.

„А что же дальше-то будетъ?—спросила она почти съ ужасомъ. — Чтѣ Богъ дастъ!—какъ любить говорить маменька“,—отвѣтила Вѣра и сама загасила лампу.

XXXIII.

Остожинъ въ уютномъ кабинетѣ—въ домѣ-особнячѣ о пяти окнахъ—оканчивалъ свой туалетъ.

Онъ жилъ съ старухой-тетвой и двумя пожилыми кузинами и былъ ихъ единственной поддержкой. Вѣра давно это знала и считала его добрымъ и великодушнымъ, гораздо добрѣе и проще, чѣмъ онъ любилъ казаться въ обществѣ, въ особенности съ женщинами. Маленькая спальня, рядомъ съ кабинетомъ, въ одно окно—служила ему и уборной. Остальныя комнаты занимали его „дамы“—такъ онъ звалъ ихъ полу-шутливо.

Пробило половину девятого въ зальцѣ, выходявшемъ окнами въ тихій переулочекъ, гдѣ, объ эту пору, не было никакой ѣзды.

Онъ надѣлъ фракъ и бѣлый галстукъ, хотя его просили не на парадный вечеръ, но въ него засѣли нѣкоторыя англійскія привычки. И въ свѣтскіе дома, по вечерамъ, онъ надѣвалъ фракъ и часто бѣлый галстукъ, или бѣлый жилетъ при смокингѣ.

Вчера получилъ онъ записку отъ княгини Вѣры Тимоѣевны. Она, въ самомъ простомъ и миломъ тонѣ, спрашивала его—кончилась ли его „каторга“, и можетъ ли онъ быть у нихъ завтра, посидѣть вечерокъ. Она желала познакомиться его съ племянникомъ князя и надѣялась, что ему съ нимъ не будетъ скучно. О себѣ скромно умалчивала.

Вчера же онъ ей отвѣтилъ депешей, что будетъ.

Ему сдѣлалось неловко отъ признанія, что онъ ведетъ себя съ Вѣрой сухо и почти невѣжливо, даже и для „пріятельскихъ“ отношеній.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, не нашелъ онъ времени—съ перѣзда Кунгуровыхъ въ городъ—навѣстить Вѣру? Онъ даже не „загнулъ“ карточки.

Въ самомъ дѣлѣ, это было не по-пріятельски и главное—не „gentlemanlike“,—одно изъ его любимыхъ словъ.

Ему не хотѣлось, до той минуты, разобраться въ своихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ. Точно онъ чего-то боялся!

„Развѣ это правда?“—спросилъ себя Остожинъ, подходя къ небольшому поперечному зеркалу, висѣвшему надъ диваномъ—въ его кабинетѣ.

Да, что-то въ этомъ родѣ есть—и онъ не думаетъ, чтобы его побужденія были низменны или малодушны.

Вѣра „ожглась“ на своемъ выборѣ. Если суетность влекла ее къ княжескому титулу и положенію въ барскомъ кругу—она

достаточно наказана, и было бы слишком жестоко играть на этой струнѣ, растревлять ея рану.

Она не далека отъ „кривиса“. Помириться съ долей законной супруги такого „шенапана“—она не въ состояніи. Но это и опасно.

Опасно—для него. Она и прежде ему нравилась. Теперь, какъ женщина, стала еще больше „въ его нотахъ“. Нѣтъ ничего легче, какъ зарваться въ томъ полу-дружескомъ флиртѣ, который непременно установится между ними: онъ не фатъ, но не можетъ не предвидѣть этого.

Правда, встрѣчаться съ княземъ довольно таки противно. Но гдѣ же водятся пріятные мужья? Всѣ они—и въ среднемъ кругу, и въ свѣтѣ, и у разночинцевъ—болѣе или менѣе несносны. Помириться съ этимъ возможно, и даже слѣдуетъ, когда жена серьезно тебѣ нравится.

Безъ стыда признавался онъ себѣ, что инстинктивно боится сближенія съ Вѣрой. Такая женщина на тайную связь не пойдетъ, да и пошла бы—дѣло непременно кончится разводомъ и бракомъ.

Бракъ—въ такихъ условіяхъ—не прельщала его. Вѣдь она ему настолько нравилась въ дѣвушкахъ, что онъ могъ бы тогда жениться на ней.

Почему же не искалъ этого?

Со студенческихъ лѣтъ онъ сталъ безразлично смотрѣть на то, какъ разные „интеллигенты“—литераторы, врачи, адвокаты, профессора—женятся на купчихахъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ онъ всего менѣе прощаль такія женитьбы. И, вмѣстѣ, онъ не отрицалъ въ общественный ростъ „россейскаго гьерсъ-этѣ“—какъ онъ любилъ выражаться. Въ этомъ онъ, пожалуй, очутился бы единомышленникомъ князя Вадима Дмитріевича, хотя и съ другого конца.

Влюбись онъ сразу въ Вѣру, когда она была дѣвушкой—онъ и тогда врядъ ли бы сдѣлалъ ей предложеніе. Онъ бѣденъ и живетъ на свой умственный трудъ. Сдѣлаться мужемъ богатой купеческой невѣсты—значило, въ его глазахъ, оказаться жепорядочнымъ человѣкомъ, позволить подкупить себя, потерять ту независимость своей личности, безъ которой онъ не признавалъ супружества.

И сколько разъ, до послѣдняго времени, онъ радовался тому, что эта „чаша“ отошла отъ него. Тогда все въ домѣ и внѣ его было бы отравлено тѣмъ, что все это сдѣлано на деньги жены.

Увлекутся они оба теперь, дойдетъ у Вѣры дѣло до разрыва

съ мужемъ—онъ *обязанъ* жениться. Она не пойдетъ на положеніе разводки, имѣющей тайнаго или явнаго любовника.

И опять—женитьба на богатой купчихѣ, да еще съ такимъ осложненіемъ: каждый въ Москвѣ, изъ тѣхъ сферъ, гдѣ его терпѣть не могутъ за брезгливое отношеніе къ такимъ бракамъ—будетъ подмигивать и повторять:

„Каковъ нашъ гордецъ-безсребренникъ? Малый не промахъ! Отбилъ у князя жену и прикарманилъ ея капиталъ, а отъ маменьки еще достанется не малая толика“.

Именно въ такихъ пошлыхъ выраженіяхъ московскаго сплетничества слышались ему приговоры нѣкоторыхъ изъ его дорогихъ „волеговъ“ и „собратовъ“.

Пора было ѣхать. Остожинъ позвонилъ и прошелъ въ переднюю, черезъ зальцу, освѣщенную висячей лампой.

Горничная подала ему пальто на мѣху.

— Почему?—спросилъ онъ.

Днемъ моросило, но морозу не было.

— Снѣгъ, Владиміръ Григорьевичъ, первопутокъ.

Онъ пошелъ пѣшкомъ до угла сосѣдней большой улицы. Въ головѣ чередовались мысли, все въ томъ же направленіи.

Вѣроятно, у Кунгуровыхъ, и съ этимъ петербургскимъ племянникомъ, ему будетъ не особенно занимательно, но *тамъ* лучше. Бесѣды съ глазу на глазъ „ни до чего хорошаго не доведутъ“—рѣшилъ онъ, не стыдясь своего холостого благоразумія; только—во всякомъ случаѣ—слѣдовало выказывать Вѣрѣ Тимоѣевнѣ больше вниманія и чаще навѣщать ее.

Онъ вспомнилъ про дѣвицъ. Чего же лучше? Съ ними онъ умѣетъ болтать, и старшая хотя и ломается, но не глупа и съ пивантой наружностью.

По первому снѣгу бойко докатилъ онъ до Кунгуровыхъ. Домъ былъ освѣщенъ гораздо ярче, чѣмъ онъ ожидалъ.

„Неужели настоящій вечеръ?“—спросилъ онъ, и это его еще болѣе успокоило.

Но для званаго вечера было еще довольно рано—всего десять часовъ,

Въ передней не было ни одного чужого лакея въ ливреѣ. Изъ гостиной не раздавалось голосовъ.

Онъ пріѣхалъ первымъ.

Хозяинъ не встрѣтилъ его въ гостиной.

Изъ-за Остожина сегодня во время завтрака вышелъ „инцидентъ“, смягченный только присутствіемъ князя Федора.

Вѣра еще вчера утромъ, когда писала записку Остожину,

ничего не знала, что князь пригласил цѣлое общество—человѣкъ больше десяти, дамъ и мужчинъ—на интимный вечеръ съ ужиномъ.

Она должна была ему сказать, что будетъ Остожинъ, не дѣлая ему никакой сцены за то, что онъ приглашаетъ цѣлое общество, заранѣе не предупредивъ ее, хозяйку дома. Ему бы слѣдовало оцѣнить ее поведеніе, но онъ не поцеремонился „пройтись“ насчетъ „лжерадикалишки“ и вынудилъ ее переимѣнить тонъ, показать ему, что она имѣетъ такое же право приглашать своихъ гостей; князь унялся только тогда, когда замѣтилъ, что племянникъ поглядываетъ на него съ недоброй усмѣшкой.

Когда Остожинъ вошелъ въ гостиную, князь чѣмъ-то распроясался въ столовой. Вѣра сидѣла у себя съ княземъ Ѳедоромъ. Лена еще прихорашивалась; Маруся укалывала ей бантъ сзади, на шеѣ, и та кричала на нее.

Вѣра поблагодарила Остожина за то, что онъ пріѣхалъ пораньше. Князь Ѳедоръ чрезвычайно почтительно отрекомендовался ему и сейчасъ же сказалъ—съ какимъ интересомъ читалъ его книгу, вышедшую въ прошломъ году за границей.

„Племянникъ не въ дяденьку“, подумалъ Остожинъ и нашелъ тутъ же, что *такой* родственникъ въ домѣ—довольно опасная комбинація для молодой женщины, переживающей „кризисъ“.

Щемящее чувство тревоги ощутилъ онъ сейчасъ же и уже менѣе былъ доволенъ тѣмъ, что третье лицо нарушитъ ихъ tête-à-tête съ Вѣрой.

XXXIV.

Время подходило къ ужину.

Остожинъ и князь Ѳедоръ сидѣли нѣсколько поодаль; Вѣра часто подсаживалась къ нимъ.

Гости, приглашенные княземъ Вадимомъ Дмитриевичемъ, разсѣлись кружкомъ около углового дивана и довольно шумно разговаривали. Князя Ѳедора дядя усиленно знакомилъ съ *своими* гостями и старался втравить его въ общій разговоръ. Но это ему не очень удавалось, и племянникъ очутился въ отдѣльной группѣ съ Остожинымъ и княгиней.

Остожинъ немного поговорилъ съ Леной, но скоро предоставилъ ее драгуну—тому самому поручику Фастуну, котораго Спѣшневъ нашелъ у Вассы Ивановны. Этого офицера Вѣра видѣла въ первый разъ у себя въ домѣ и ничего не слыхала о немъ. Лена повнакомилась съ нимъ все у тѣхъ же Пусиковыхъ.

Но своего миллионщика-компаньона князь не пригласилъ.

Тутъ было только дворянское общество: два его клубскихъ прія-теля, одинъ заѣзжій предводитель, двѣ дамы, драгунъ и видный баринъ—директоръ одного изъ крупныхъ банковъ, гдѣ векселя князя и его кузена Погулянина всего чаще учитывались.

Изъ нихъ Остожинъ встрѣчалъ предводителя и одну даму—жену клубскаго пріятели Вадима Дмитриевича. Другая дама оказалась ему хорошенькой. Она манерно и картаво лепетала исключительно по-французски, и когда Вѣра представила ей Остожина, та спросила его: „гдѣ онъ служить“. Это его задѣло, хотя онъ и отдѣлался шуткой.

И петербургскій племянникъ мало интересовалъ его. Оба они держались все время около Вѣры и „занимали“ другъ друга въ сдержанномъ тонѣ, какъ два умныхъ человека, знающіе, что имъ лучше не задѣвать никакихъ щекотливыхъ предметовъ бесѣды.

Вѣра впервые, въ своей гостиной, почувствовала себя такой „отрѣшенной“ отъ всего, что тутъ дѣлается и говорится. Еще не такъ давно она всегда волновалась, когда у нихъ вечеръ или званый обѣдъ.

А сегодня она держала себя только вѣжливо съ гостями князя и даже ни разу не подумала о томъ—какъ будетъ сервированъ ужинъ. Его заказывалъ князь—это его дѣло.

И прекрасно, что онъ называлъ „свое общество“, не предупредивъ ее. Ей самой никого изъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, ни мужчинъ, ни женщинъ—видѣть у себя не хочется.

Не дѣйствовало на нее и то, что князь не обращалъ вниманія на ея гостя, Остожина, и во весь вечеръ врядъ ли сказалъ ему больше пяти словъ. Это даетъ ей только еще одинъ „козырь“ въ той игрѣ, которую она должна повести съ мужемъ, для того, чтобы поставить себя еще болѣе самостоятельно.

— Послушайте, Федоръ Сергѣевичъ,—сказала она вполголоса, наклоня къ нему голову:—какъ же вамъ нравятся наши *gongueuses*?

И она кивнула въ сторону дивана.

Князь Федоръ не сразу отвѣтилъ. По тону вопроса онъ понималъ, что его тетушка „фрондируетъ“.

— Вижу мало разницы съ Петербургомъ,—выговорилъ онъ, понижая голосъ.

— Вотъ Владиміръ Григорьевичъ еще недавно любилъ бывать въ нашемъ свѣтѣ,—замѣтила Вѣра и немного вызывающе посмотрѣла на Остожина.

Глаза ея досказали:

„Да и теперь еще за вами водится эта слабость“.

— Дѣла давно минувшихъ дней,—откликнулся Остожинъ...—

Москва въ послѣдніе годы очень опривинціалилась. Свѣтской жизни совсѣмъ нѣтъ.

— А я думалъ,—заговорилъ, оживляясь, князь Федоръ,—что здѣсь, до сихъ поръ, все по старому. Помните въ „Онѣгинѣ“...

Онъ началъ, вполголоса, читать медленно и, смакуя каждый стихъ:

У тетушки, княжны Елены,
Все тотъ же тюлевый чепецъ...

— Ха, ха!

Остожинъ подхватилъ въ тонъ:

У Пелагеи Николаевны
Все тотъ же другъ, мосѣ Финмушъ,
И тотъ же шницъ, и тотъ же мужъ.

Всѣ трое медленно и сдержанно разсмѣялись. У дивана разговоръ громко гудѣлъ.

— Въ одномъ остался вѣренъ себѣ такъ называемый свѣтъ, каковъ бы онъ теперь ни былъ,—сказала Вѣра болѣе серьезно.— Позвольте и мнѣ привести строфу оттуда же.

Немного прищуривъ глаза, она начала было выговаривать, глядя въ сторону дивана.

— Я знаю, что вы приведете!—вскричалъ Остожинъ.

— Что?

— Впечатлѣніе Татьяны.

— Вы угадали.

И, вспомнивъ строфу, Вѣра проговорила:

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ;
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ.

— Это пожалуй вѣрно и теперь,—сказалъ князь Федоръ;— но самъ-то Пушкинъ слишкомъ суетно тянулся въ знать.

— Онъ имѣлъ право на самое высокое положеніе,—замѣтилъ Остожинъ.— Но свѣтъ не цѣнилъ и не любилъ его. Да не цѣнить и до сихъ поръ ни знанія, ни ума, ни таланта. То же чувствовали и Лермонтовъ, и Тургеневъ. И про нихъ можно сказать, что они, какъ и Пушкинъ, заигрывали съ нимъ.

„А вы сами отъ этого свободны?“—спросилъ его взглядъ Вѣры.

И, словно въ свое оправданіе, Остожинъ сталъ говорить о совершенно законной потребности людей знанія и таланта въ изящныхъ впечатлѣніяхъ, какія можно найти тамъ, на Западѣ,

гдѣ все это цѣнится, гдѣ есть остроумный и содержательный разговоръ въ салонахъ.

Князь Федоръ не возражалъ ему прямо; но находилъ, что за границей, въ томъ свѣтѣ, который веселится — а только о такомъ и говорить — та же пустота; только тамъ больше всякаго дѣльческаго *tripatouillage*, — употребилъ онъ парижское жаргонное слово.

— И въ Петербургѣ, — прибавилъ онъ, — довольно толковъ о производствахъ и назначеніяхъ.

Оба — и Остожинъ, и онъ — почти разомъ подумали, что Вѣра, какъ хозяйка дома — завела нѣсколько смѣлый разговоръ; но каждому изъ нихъ это скорѣе понравилось.

Они и за ужиномъ сѣли около нея, и почти не принимали участія въ общемъ разговорѣ. Гости князя Вадима Дмитриевича шумно болтали, и эта болтовня вертѣлась все около тѣхъ же московскихъ „*topics of conversation*“ — какъ любила выражаться Вѣра.

Пили шампанское; баринъ-дѣлецъ свазалъ спичъ въ юмористическомъ родѣ; много хохотали, Лена и офицеръ чокались; картавая барынька обращалась съ фразами къ Вѣрѣ, на что-то намекая; кажется, пили и ея здоровье

А она все такъ же чувствовала себя гостьей, и, кажется, въ теченіе цѣлаго ужина, тянувшагося часа два, не перевинулась двумя словами съ мужемъ. Въ первый разъ князь Вадимъ Дмитриевичъ точно совсѣмъ не существовалъ для нея.

— Вы теперь свободнѣе? — спросила она Остожина подъ усилившейся гуль ужина.

— Немножко.

— Вѣдь сегодняшній вечеръ не въ счетъ. Я совсѣмъ не такъ мечтала провести его.

Выходило, какъ будто она слишкомъ явно ухаживаетъ за нимъ. Пускай! Это ее не смущало. Онъ не фатъ. Если не сердце, такъ умъ и характеръ его нужны ей теперь. Она не могла дольше оставаться въ такомъ полномъ душевномъ одиночествѣ.

Князь кого-то и что-то разносилъ; его хлѣсткія фразы долетали до ея слуха; но ей было все равно. Теперь онъ поватится внизъ — это она знала и предвидѣла.

— Вѣра Тимофеевна! — окликнулъ ее Остожинъ; гораздо тише: — вы позволите одинъ нескромный вопросъ?

— Зачѣмъ эти оговорки, Остожинъ? Между пріятелями ихъ не должно быть.

Ихъ никто не слыхалъ. Князь Федоръ говорилъ съ своимъ сосѣдомъ.

— Вы здѣсь, у себя дома...

— Какъ чужая?—довольно громко подсказала она.

— Именно.

— Вы угадали. Вы всегда угадываете.

— И давно?

— Не очень... но не со вчерашняго дня.

Онъ хотѣлъ задать еще вопросъ и воздержался.

Опять чувство осторожной порядочности помѣшало ему.

Ему искренно хотѣлось сказать ей: „мнѣ васъ отъ души жаль“; но онъ не могъ позволить себѣ такихъ словъ. Личность Вѣры дѣлалась для него гораздо заманчивѣе. Онъ не ожидалъ отъ нея такой смѣлой откровенности. Это льстило ему и, въ то же время, указывало на неизбежную опасность дальнѣйшей близости.

Послѣ ужина онъ не искалъ съ ней *a parte*, и уѣхалъ изъ первыхъ. Вѣра удержала его у дверей передней, и сказала ему вслѣдъ:

— Не забывайте друзей! Грѣшно будетъ!

По дорогѣ, на свѣжести свѣжаго воздуха, голова Остожина вступила въ свои обычныя права, и онъ построже спросилъ себя: — нужно ли было, въ концѣ ужина, позволять себѣ интимные вопросы? И не затруднился отвѣтить:—надобности не было!

XXXV.

Дядя съ племянницей, проводивъ гостей, не сразу разошлись. Они оба, возбужденные ужиномъ, сидѣли въ гостиной, и ихъ возгласы доходили до Вѣры, прошедшей, на минуту, въ свой кабинетъ.

Князь Федоръ распрощался раньше—и пошелъ спать. Дядя былъ имъ несовсѣмъ доволенъ.

— *Cousin Théodore fait fi de nos dames!*

Это сказала Лена.

— Насильно милъ не будешь! — откликнулся князь.

— А мой драгунъ, дядя? *Est-il acceptable?*

— *Oui, chérie.* Женихъ хоть куда.

— Ну, ужъ сейчасъ и женихъ!

— А почему же нѣтъ?

— Онъ, кажется, изъ бѣдненькихъ.

— И нуженъ реверсъ?

— Что?

— Реверсъ! Какъ будто ты не знаешь?

Князь захохоталъ, и звуки этого смѣха доложили Вѣрѣ, что мужъ ея выпилъ за ужиномъ больше, чѣмъ было бы желательно.

— *C'est la caution, n'est-ce pas?*—спросила Лена.

И въ ея голосѣ ноты отзывались выпитымъ шампанскимъ.

— Дай срокъ! Будетъ и реверсъ,—выговорилъ князь и потянулся. Кресло слегка крякнуло.

— А бѣдная Маруся неужели спитъ?—спросилъ онъ.

— Конечно. Я бы не послушалась.

И Вѣрѣ, прибивавшей что-то на своемъ бюро, представился жестъ, съ которымъ Лена произнесла эту фразу.

Она показала въ дверяхъ гостиной.

— Пора и спать,—выговорила она, ни къ кому особенно не обращаясь.

Князь, увидавъ ее, вытанулъ ноги и громко зѣвнулъ.

— *Ah! Vous voic!*—протянулъ онъ, и его красныя щеки растянулись въ кислосладкую усмѣшку.

Вѣра все еще стояла въ портьерѣ. Этотъ толстѣющій, подвыпившій баринъ, совершенно довольный собою и своимъ положеніемъ—ея мужъ. Съ нимъ ей надо жить много, много лѣтъ, до самой его смерти. Хорошо, если она умретъ раньше.

А все уже изжито. Это для нея ясно и неопровержимо.

— Вы не скучали?—спросилъ князь, поднимаясь.

Лена бокомъ взглянула на Вѣру и значительно улыбулась.

— Кажется, нѣтъ.

— Извините... гости были не по вашему вкусу.

— Они сами прекрасно занимали другъ друга. Чего же больше?

— Однако, *ma chère*,—заговорилъ князь, подходя къ ней:—*un peu plus de savoir vivre serait désirable.*

Взглядъ Лены сопровождалъ слова дяди.

Вѣра ничего на это не сказала. Пикироваться при Левѣ было бы недопустимо.

— Покойной ночи!—выговорила она спокойно, и вышла изъ гостиной.

Въ спальнѣ она тотчасъ же отпустила горничную и стала раздѣваться, не торопясь, аккуратно кладя всѣ вещи. Одножелала она—остаться здѣсь одной.

Ее удивляло, какъ—съ переѣзда сюда—она все еще спитъ

въ одной комнатѣ съ княземъ? Вѣдь и онъ самъ, сколько уже разъ, возвращаясь очень поздно, спалъ въ кабинетѣ.

Въ настоящую минуту кабинетъ занимаетъ князь Федоръ.

Совсѣмъ новое, гораздо болѣе брезгливое чувство завралось въ нее...

Осторожнѣе держать себя „насторожѣ“. Игра это въ немъ, или слишкомъ педантическая честность? Но ея поведеніе съ нимъ останется то же. Она жаждетъ человѣчныхъ, теплыхъ отношеній. Воображеніе ея не возбуждено. Доходить съ нимъ до тщеславнаго флѣрта было бы ей противно, хотя извинительно.

Бѣднѣе ея интимной жизни трудно было себя представить. И нѣтъ силъ найти выходъ. Князю ничего отъ нея не нужно. Теперь онъ торжествуетъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, онъ съ кузеномъ Погулянинымъ въ три-четыре года „реализируетъ“ большой капиталъ. Тогда зачѣмъ она ему? Онъ будетъ ею тяготиться; да и сейчасъ только терпитъ. Въ ней нѣтъ глупой гордости, не позволяющей признавать такую возможность. Пожалуй, и теперь онъ, походя, дѣлаетъ ей невѣрности съ пѣвицами изъ театра Омонъ.

Убѣдись она въ этомъ—развѣ его развратное поведеніе нанесетъ ей смертельный ударъ? Быть можетъ, такъ было бы лучше. По крайней мѣрѣ она заручилась бы положительнымъ фактомъ.

Внезапная радость овладѣла ею при этой мысли. Въ самомъ дѣлѣ случись что—тогда свобода, полная свобода! Она не стала бы, ни подъ какимъ видомъ, разыгрывать изъ себя жертву, она не взяла бы на себя вину, о, нѣтъ!

Но для этого нужно поймать съ поличнымъ. Какая грязь!

Чужая грязь къ ней не пристанетъ.

И съ какой радостью превратилась бы она въ „дѣвницу Финикову“. На это, кажется, она имѣетъ право по закону.

Да и сейчасъ развѣ она не отдала бы половины своихъ денегъ? Даже и тѣ, что она еще придержала, что не завязала въ аферу князя? Конечно, отдала бы!

Но надобно имѣть что-нибудь существенное и осязательное. Съ чѣмъ она выступить противъ него?

Скажетъ ему: „я васъ не люблю“.

Любви не было и тогда, когда она становилась передъ нимъ, въ церкви, на одинъ кусокъ полковой матеріи. Не имѣетъ она права и отъ него требовать пылкаго чувства.

Полюби онъ ее заново, страстно и самоотверженно, превратись въ ея раба—было бы еще хуже. Она не въ силахъ отвѣчать ему. Увлечение его не возродитъ вназя Вадима Дмитриевича.

Это—пустой романтизмъ. И любить онъ суждѣлъ бы только *по-своему*. Личность его не измѣнится ни на чуточку: она убѣждена въ этомъ.

Ночной туалетъ Вѣры былъ конченъ. Она легла и затушила свѣчу. Сонъ не шель. Въ спальнѣ, какъ всегда, горѣлъ ночникъ, за матовымъ щиткомъ.

Сна все не было. Она предвидѣла, что мужъ явится съ ка-кимъ-нибудь „репримандомъ“.

Пускай! Сцены она не желаетъ. Одно только сдѣлать слѣдуетъ: показать ему, еще разъ, что всегда и во всемъ она будетъ „сама по себѣ“.

Вотъ раздаются шаги въ коридорчикѣ. Она обернулась спиной.

Припомнила Вѣра ночь вскорѣ послѣ смерти сестры князя. Уже тогда супружескій червякъ началъ глотать ее. Давно ли? Полгода всего.

Тогда ея „положеніе“ еще сохраняло для него подобіе ка-кого-то престижа.

А теперь?

— Vous dormez?—услыхала она вопросъ мужа.

Вмѣсто отвѣта она обернулась лицомъ въ его сторону.

— Ce n'est pas tenable!—началъ князь, когда легъ и при-крылся одѣяломъ.

— Чтò такое?

— Позвольте, Вѣра Тимофеевна!—крикнулъ князь. И тутъ же сообразилъ, что изъ кабинета его племянникъ могъ слышать весь ихъ разговоръ.

Полу-шопотомъ, волнуясь и даже какъ-то пыхтя, началъ онъ „ставить на видъ“ ея „невозможную“ манеру вести себя хозяйкой дома.

И все, на чтò онъ жаловался, было, пожалуй, резонно. Она дѣйствительно держала себя почти какъ постороннее лицо.

— Вы кончили?—спокойно спросила его Вѣра и немного приподнялась въ кровати.

— Mais convenez-en!

— Вы все сказали?—такимъ же тономъ добавила она.

— Я васъ покорнѣйше прошу, въ другой разъ...

— Чтò?!—строго и вѣско остановила его Вѣра.

— Какъ чтò? Это великолѣпно!

— Позвольте, Вадимъ Дмитріевичъ,—продолжала Вѣра, не-много наклоняя голову въ сторону его кровати.—Я оправдываться не буду и еще менѣе просить прощенія. Но чтò же вы и ваши

гости отъ этого потеряли? Вѣдь вы ихъ пригласили, не сказавъ мнѣ ни слова.

— Это прекрасно! Я не могу принять тѣхъ, кого я хочу видѣть у себя въ домѣ?

— Нисколько. Вѣдь у меня бываютъ же люди вамъ прямо непріятные.

— Je me le demande!—опять слишкомъ громко крикнулъ князь.—Вашего Остожина я имѣю поводъ не терпѣть въ своей гостиной.

— Поводъ?—переспросила Вѣра.—Какой?

— Mais je ne suis pas un butor, madame! Вашъ mariage я не намѣренъ выносить... comme un mari complaisant...

— Довольно,—остановила его Вѣра.—Человѣка вы не выносите. Прекрасно. А я его считаю умнѣе и пріятнѣе всѣхъ вашихъ пріятелей и пріятельницъ. Гдѣ же мнѣ принимать его, какъ не у себя? Свиданій я ему не назначала, внѣ дома.

— Ça m'est bien indifférent!—вырвалось у князя.

— А-а!—протанула Вѣра.—Вамъ все равно! Я въ этомъ не сомнѣвалась. Лучше договориться.

Она повернулась и смолкла.

Князь долго ворочался и тяжело дышалъ.

Племянникъ могъ проснуться и слышать супружескую „пердоху“—такъ князь, на своемъ жаргонѣ, называлъ всякія сцены. Передъ племянникомъ ему прежде всего надо показывать—всегда и во всемъ—свою „истинно-бунгуровскую“ порядочность.

Что же дѣлать? Каждому суждено нести свой крестъ. Кажется, его супруга должна бы считать себя въ царствѣ небесномъ. Mademoiselle Finikoff—дочь краснорядца—и носить теперь такое имя, вхожа въ лучшіе дома, можетъ дѣлать, что ей угодно.

„Но только не издѣваться надо мной и моими гостями—у меня же подъ носомъ! Этому не бывать“!

И князь Федоръ—начни онъ ему изливаться—одѣвнеть всю „истинно-бунгуровскую“ порядочность его поведения.

XXXVI.

— Маменька, какъ у васъ здѣсь славно!

Это восклицаніе вырвалось у Вѣры, когда она, въ сумерки, сидѣла въ спальнѣ своей матери, передъ только-что затопленной печью.

И самоваръ весело гудѣлъ.

Степанида Федотовна совсѣмъ почти оправилась отъ своей недавней болѣзни, но оставалась больше у себя въ спальнѣ, чувствуя тяжесть въ ногахъ.

Она сидѣла, также у печки, противъ Вѣру, въ широкомъ креслѣ.

— Чтò больно понравилось, Вѣруна?

— Да такъ... Знаете, мнѣ бы хотѣлось иногда побыть тамъ вонъ, въ моихъ бывшихъ комнатахъ...

— Ишь ты!—отозвалась шуточно старуха.

— Право!.. Ихъ протапливаютъ?

— А то какже... Хочешь, прикажу отпереть?

— Да, маменька. Я сойду послѣ. Вотъ какъ-нибудь привезу книгъ... поставлю ихъ на мою полку... И буду читать.

— А дома-то развѣ нельзя, Вѣруна?

Въ глазахъ старухи вспыхивалъ огонекъ глубокаго материнскаго чувства. Она видѣла, что съ нѣкоторыхъ поръ ея „Вѣруна“ все чаще и чаще припадаетъ къ ней; ѣздитъ каждый день, иногда и по два раза на дню; является и вечеромъ посидѣть.

Можетъ быть, она боится за ея здоровье? Но не одно это. Ей теперь больше нужна ласка матери. Она должна чувствовать себя дома слишкомъ одинокой. Чтò два года назадъ еще тѣшило ее, то теперь опостылѣло. А „привязки“—то, видно, нѣтъ. Дѣтокъ Господь не посылаетъ.

Не хотѣла старуха смущать Вѣру новыми разспросами о князѣ, но она знала... Частенько навѣщала ее и узнавалъ о здоровьѣ Уминовъ. И каждый разъ что-нибудь и расскажетъ, и все про князя. Очень онъ его недолюбливаетъ, потому что до сихъ поръ влюбленъ въ Вѣру. Если ему вѣрить, выходитъ, что князь съ своими пріятелями бываетъ частенько у „мамзелекъ“—изъ театра, гдѣ „французенки“ перебираютъ кубками, въ Газетномъ переулкѣ. Пожалуй, и обзавелся, какъ слѣдуетъ, на сторонѣ.

Да и не одно это. Добыли они себѣ съ братцемъ компаньона—дурачка Пусикова. Его пай врядъ ли весь пошелъ на дѣло—князь-то слишкомъ ужъ шибко пошелъ „чертить“ по Москвѣ, и веселя его ходить по рукамъ. Старухѣ сдается даже, что Уминовъ держитъ такую мысль: скупать эти векселя и придерживать у себя, а потомъ и прикрутить.

— Такъ дома-то не сподручно?—спросила опять Степанида Федотовна.—Въ комнату свою потянуло тебя, Вѣруна? Что-жъ! Сколько душъ твоей угодно! Хоть сейчасъ.

Горничная сбѣжала внизъ отпереть дверь въ нижнее жильѣ.

Вѣра медленно спускалась по ступенямъ узкой лѣстницы, обитымъ ковромъ. Въ легкомъ поскрипываньѣ половицъ было для нея что-то отрадное. Сколько разъ она, бывало, взбѣжитъ и сбѣжитъ по этимъ ступенькамъ.

Нижнія комнаты были хорошо отопленныя, чистыя и веселыя. Ихъ было пять. До выхода замужъ и старшая сестра жила внизу. Помѣщеніе Вѣры состояло изъ спальни и довольно большой гостиной, служившей ей и рабочимъ кабинетомъ.

Горничная внесла лампу и поставила въ уголь, на тумбу, какъ ставили ее всегда при ней.

Вѣра осталась одна и долго сидѣла у письменнаго стола, гдѣ она когда-то такъ славно работала.

Давно ли это было? Всего два года. Куда дѣвался ея прежній умственный пылъ? Почему же она не можетъ тамъ, въ своемъ княжескомъ домѣ, дѣлать чтѣ ей угодно, въ своемъ кабинетѣ?

Неужели и она выдохлась, какъ выдохся для нея князь Вадимъ Дмитриевичъ, и все, чтѣ съ нимъ связано?

Дѣвушкой она сознавала въ себѣ личность и передъ ней вся будущность развертывалась, какъ радужный и свободный путь.

И теперь она не раба. Ни мужъ, никто на свѣтѣ не заставить ее отказаться отъ своего „я“. Но это „я“—въ чемъ оно себя проявляетъ?

„Да,—думала Вѣра, любовно оглядывая комнату:—буду здѣсь читать, поставлю пианино, привезу свои книги и свой бюваръ!“

Князь пропадаетъ по цѣлымъ днямъ. Вечеромъ его никогда не бываетъ дома. Вотъ она и будетъ проводить вечеръ около матери, посидитъ съ ней, попьетъ „чайку“ и спустится сюда, въ свою холостую келью.

Уходя, горничная освѣтила также и ея спальню. Вѣра взглянула въ нее.

Все стоитъ такъ, точно она сегодня еще ночевала тутъ. Когда она была невѣстой, Степанида Ѳедотовна упростила ее ничего не брать съ собою, оставить все какъ было—даже и спальное бѣлье.

— Господь одинъ знаетъ, чтѣ будетъ,—говорила она.—На все его святая воля! И что бы ни случилось—твоя комната всегда тебя ждутъ.

„Чтѣ бы ни случилось!“—повторила она теперь вѣщія слова Степаниды Ѳедотовны.

Ничего еще не случилось, никакого погрома... И это едва-ли не тяжелѣе.

Всякая катастрофа была бы лучше...

„Господи! — остановила себя Вѣра. — Неужели я до этого дошла“?

Зачѣмъ же лгать самой себѣ? Она на все готова и знаетъ, что никакой ударъ судьбы не озаритъ ея супружескую жизнь радостнымъ лучомъ.

Она вернулась опять въ первую комнату.

Здѣсь все было такъ прочно и разумно. Никто не заставилъ бы ее томиться въ какомъ-то выжидательномъ отчужденіи отъ всего, что для нея цѣнно и отрадно.

Безъ всякихъ погромовъ и краховъ, просто уйдти сюда, какъ уходять въ монастырскую келью. Какъ будто нужна непременно грязь супружеской невѣрности?

Она глубоко задумалась.

— Здравствуй, сестра! — раздался глухой мужской голосъ.

Въ дверяхъ стоялъ ея братъ, Герасимъ Тимоѣевичъ.

— Ахъ! Гаря! Войди, войди!

— Мнѣ маменька сказала, что ты захотѣла поглядѣть на твои комнаты.

Онъ, черезъ столъ, подаль ей руку. Родственной ласки въ немъ не было, и это заставило ее сжаться.

„Что-жь, — подумала Вѣра: — братъ все еще считаетъ меня тщеславной бабенкой, преисполненной тѣмъ, что она — титулованная барыня“.

И ей неудержимо захотѣлось упрекнуть его:

— „Гаря! Какъ тебѣ не стыдно? Я къ тебѣ всей душой, а ты меня презираешь“!

— Спасибо, что хотѣлъ повидаться со мной, — выговорила она взволнованно.

— Я собственно вотъ зачѣмъ, сестра...

Нервно поводитъ онъ плечами и ерошилъ бородку. Переносица болѣзненно вздрагивала.

— Что такое? — тревожно окликнула Вѣра.

— Ты знаешь, я въ твои дѣла не вмѣшиваюсь никогда, — заговорилъ онъ, тягостно выдавливая изъ себя слова. — А только... мой долгъ честнаго человѣка... поставить тебѣ на видъ...

„Неужели онъ что-нибудь насчетъ Остожина“...

Щеки ея стали розоветь.

— Положимъ, ты не отвѣтственна за поступки твоего сятельнаго супруга...

— Полно, Гаря! — остановила она его. — Говори просто. Кажется, со мною можно. Въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, что князь — я это доподлинно знаю — пустился въ самую отчаянную биржевую игру.

— Да? — спросила Вѣра довольно спокойнымъ тономъ.

— Другой я бы ничего не сказала, — продолжалъ Герасимъ Тимоѣевичъ. — Но ты всегда стояла за принципы. Ты проповѣдовала противъ всякаго хищничества. И я тебѣ вѣрилъ, сестра...

— А теперь считаешь... чѣмъ же?

— Кто же тебя знаетъ... Я не могу допустить, чтобы умная жена, которая что-нибудь значить для своего мужа, не могла хоть немножко сдѣлать его... солидарнымъ съ своими правилами.

Онъ пришелъ въ болѣе нервное состояніе.

— Какъ же ты допускаешь это? И обыкновенное-то торговое дѣло, и то довольно-таки претитъ человѣку высшаго развитія. А то игра! Безстыдная спекуляція! Прогорите вы или наживете миліоны — одинаково гнусно!

Герасимъ Тимоѣевичъ всталъ и сдѣлалъ такой жестъ, точно съ омерзѣніемъ хотѣлъ сбросить съ себя что-то.

Поднялась и Вѣра.

— Я ничего не знала объ этомъ, Гара, увѣряю тебя. Давно я не касаюсь интересовъ князя.

— Если такъ — значить, ты только титулъ носишь, а совсѣмъ чужая ему... Это еще красивѣе. Такъ или иначе, сестра, это не оправданіе. И съ твоей стороны это все-таки потачка... Извини, я больше ни слова не скажу.

И, не простясь съ ней, онъ быстро вышелъ.

„Биржевая игра! — подумала Вѣра. — Разумѣется! Какъ же можетъ быть иначе? А тамъ и крахъ“!..

Вмѣшиваться она не будетъ. Она будетъ только ждать.

XXXVII.

Въ „городѣ“, въ банкахъ и на биржѣ, стали еще чаще видать князя Вадима Дмитриевича.

Вотъ и сегодня онъ уже побывалъ въ двухъ банкахъ и у одного крупнѣйшаго дисконтера изъ раскольниковъ, въ старомъ гостининомъ дворѣ.

Тотъ сказалъ ему на прощанье, въ своемъ тѣсномъ и темномъ амбарѣ, гдѣ пахнетъ, однако, миліонами:

— Желаю вашему сѣятельству всякихъ успѣховъ; только не больно ли ужъ изволите на повышеніе играть. Дѣло это — обоюдоострое.

Они, почти каждый день, встрѣчаются на биржѣ. Такую лису не проведешь; да онъ ему и не предлагалъ акцій.

Какъ же не играть, когда нынче только всё и дышуть спекулятивными бумагами?

Небось, Погулянинъ куда какъ боекъ, а все-таки не онъ первый напалъ на идею серьезной и — князь вкусно выговорилъ — „систематической игры“.

Чтобы поднять свои акціи, надо и на чужихъ промышленныхъ акціяхъ играть, и также на повышение, а не на понижение.

И до сихъ поръ идетъ. Да еще какъ! Дурачка Пусыкова они тоже втянули въ игру, и тотъ, черезъ подставныхъ лицъ, набиваетъ цѣну на акціи ихъ предпріятія. Тому просто нравится игра. Онъ и спекулятивныя бумаги покупаетъ по уговору съ ними.

Послѣдній мѣсяць далъ блистательную разницу. Если такъ пойдетъ, можно, черезъ два года, положительно нажать миллионы чистоганомъ, и тогда ликвидировать.

Биржевая игра выше картъ, умѣе и задорнѣе. Въ ней смѣлость натиска и зоркость — не то что въ какихъ-нибудь макао или баккара. Это не мѣшаетъ ему играть въ двухъ клубахъ — въ Англійскомъ и въ Охотничьемъ; хотя вечеромъ ему и за зеленымъ столомъ тоска. Но карты поддерживаютъ связи и кредитъ, особенно въ Охотничьемъ.

Нужды нѣтъ, что партнеры твои — „хамьё“; но хамьё это — денежное: дисконтеры, биржевики, мануфактуристы, оптовые торговцы.

До поры, до времени, онъ будетъ „водить компанію“ со всѣмъ этимъ народомъ. Да и какое ему въ сущности дѣло до того — какъ о немъ говорятъ въ нѣкоторыхъ стародворянскихъ домахъ? Вѣроятно, даже завидуютъ. Нынче у всѣхъ одинъ кумиръ — кубышка. А денегъ добыть негдѣ; ложись и умирай. Или неурожай, голодъ; или таковой урожай, что хуже голода. Четверть гречи или овса дешевле на базарѣ, чѣмъ ее снять съ поля; а обо ржи стыдно и говорить... Хоть гнои на корню для удобренія.

Изъ-за чего же онъ сталъ бы интриговать, лѣзть на сословную службу? — Чтобы черезъ три трехлѣтія въ предводителяхъ ему предложили, положимъ, губернатора? Этакая сладость! Шесть тысячъ жалованья... Une misère! И сколько всякой возни, бумагомаранья, подвоховъ, умничанья и окриковъ изъ Петербурга!

Вотъ наживутъ они съ Погулянинымъ въ два-три года по миллиончику — тогда онъ и займетъ въ Москвѣ положеніе независимаго русскаго барина, будетъ держать открытый домъ, гдѣ все мыслящее такъ, какъ онъ, станетъ собираться, какъ въ тѣ

времена, когда еще живы были „Алексѣй Степанычъ“ и „Александръ Иванычъ“.

Можетъ быть, и свой органъ заведетъ.

Безъ прессы—нельзя. Онъ и теперь это чувствуетъ. У него уже заведены знакомства въ двухъ газетахъ: одна—всегда была ею газетой и другихъ онъ не читаетъ; другая — „Ѣрическая“, но ей вѣрятъ тѣ, кто ходитъ на биржу.

Сегодня, какъ разъ, долженъ у него завтракать одинъ сотрудникъ отсюда... изъ его газеты. Онъ ему лично не очень нравится по своему тону и манерѣ держать себя. Должно быть, „изъ кутейниковъ“; но зубастъ и ядовитъ и очень убѣжденъ, хотя, быть можетъ, изъ бывшихъ нелегальныхъ. Этакіе еще цѣннѣе, какъ всегда перебѣжчики. Имъ уже назадъ ходу нѣтъ.

Когда князь подъѣзжалъ къ дому, онъ началъ немного морщиться.

Напрасно онъ пригласилъ этого журналиста къ себѣ. Ему не хотѣлось завтракать съ нимъ въ общей залѣ Славянскаго Базара—могли бы сейчасъ сказать:—„Вотъ Кунгуровъ сталъ подмывать газетчиковъ“. Можно было въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Но вѣдь эти господа до-нельзя тщеславны. Въ приглашеніи на домъ гораздо больше почета.

Ну, разумѣется, Вѣра Тимоѣевна будетъ ѣжиться и гримасничать. Или заведетъ какія-нибудь, совершенно неумѣстныя, пренія.

Избаловалась она свыше всякой мѣры, и въ этомъ онъ винить прежде всего себя. Слишкомъ деликатничаетъ, обращается съ ней—точно она и въ самомъ дѣлѣ княгиня, а не дочь купчихи Финиковой. Вышла бы она за какого-нибудь Филата Пантеленча—и онъ бы ее скрутилъ по-своему, не посмотрѣлъ бы на то, что она по-аглицки говоритъ.

Но онъ, князь Кунгуровъ, хоть и считаетъ книгу попа Аввакума очень умной—будетъ вести себя по-прежнему, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ.

На той недѣлѣ онъ долженъ былъ дать ей понять всю безтактность ея „позы“. Вѣдь это „поза“—больше ничего, поза неудавшейся либералки, выученицы такого же лже-радикалишки, какъ господинъ Остожинъ. О! еслибъ онъ былъ помстительнѣе, онъ бы показалъ Вѣрѣ Тимоѣевнѣ... „les trente six mille chandelles“. Сталъ бы преспокойно утѣшаться на сторонѣ отъ сладостей супружеской жизни.

Чортъ возьми! Для него тайнство есть тайнство. Не будетъ же онъ ниже перваго попавшагося мужа, котораго не приучила

развратничать городская воля! Но надо, чтобы она это цѣнила, какъ слѣдуетъ цѣнила.

Правда, воображеніе у него совсѣмъ не играетъ въ сторону „de la petite bagatelle“. У него игрецкій темпераментъ, а рискъ, борьба съ удачей, работа спекулирующей мысли—вытѣсняють все остальное.

„Это научно дознано!“—выговорилъ князь, когда сани подъѣхали къ дому.

Въ передней онъ спросилъ лакея—не дожидается ли его кто-нибудь? Эта пишущая братія всегда вѣдь или рано заберется, или заставляетъ себя ждать.

Но журналистъ еще не явился. До завтрака оставалась добрая четверть часа.

Утромъ онъ, уѣзжая въ городъ, распорядился поставить еще одинъ приборъ; но княгиня ничего не сказала. Онъ сейчасъ это сдѣлаетъ.

Благоразумнѣе было бы предупредить ее—кто этотъ господинъ и гдѣ пишетъ. Никакихъ гримасъ онъ выносить больше не намѣренъ. Вѣдь онъ терпитъ же визиты Остожина—человѣка самыхъ вредныхъ и противныхъ ему лично замашекъ и „якобы“ возврѣній! Онъ имѣлъ бы полнѣйшее право заявить о своемъ оговчательномъ нежеланіи видать этого господина ихъ постояннымъ посѣтителемъ.

И, кажется, это будетъ не сегодня—завтра.

Но сегодня князь не хотѣлъ портить себѣ настроеніе. Ему слишкомъ везетъ, чтобы не быть пока выше всякихъ дразгъ. Женщинъ надо трактовать какъ дѣтей.

„Il faut les ragquer“,—выговорилъ онъ мысленно по-французски и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по своему кабинету.

Князь Федоръ уѣхалъ третьяго дня, и ему теперь гораздо легче. Племянникъ—въ концѣ концовъ—не совсѣмъ тѣ, что онъ приписывалъ ему, и выказывалъ своей „тетушкой“ слишкомъ много вниманія, какъ бы что-то этимъ подчеркивая.

Ну, и Богъ съ нимъ! Насильно милъ не будешь!

Съ улыбкой человѣка, вполне въ себѣ увѣреннаго, князь прошелъ въ гостиную и заглянулъ къ женѣ.

Вѣра что-то писала, и, слышавъ шаги, неторопливо подняла голову.

— Bonjour, bonjour!—кинулъ ей князь, все еще стоя въ дверяхъ.—Я не мѣшаю.

Она молча протянула ему руку.

Онъ подошелъ и пожалъ все съ тою же улыбочкой.

— Извини, я забылъ предупредить тебя: у насъ будетъ гость, въ завтраку.

— Очень рада,—проронила она.

— Ты, пожалуйста, не ужасайся. Это одинъ сотрудникъ моей газеты... Ты понимаешь—онъ мнѣ нуженъ.

— Какъ его фамилія?

Онъ назвалъ.

Имя было ей особенно антипатично. Она тотчасъ же вспомнила, какъ въ прошлую зиму, по поводу блестящихъ благотворительныхъ лекцій Остожина, этотъ господинъ разразился въ своей замѣткѣ выходками, которыя были инсинуаціями литературнаго сыщика.

— Пожалуйста... Вѣра... безъ всякихъ споровъ и—еще того хуже—вислосладкихъ минъ... У тебя есть свои гости, мнѣ лично не особенно пріятны. Но я стараюсь же выносить ихъ. *Chacun son tour!*

— Конечно,—выговорила она безъ всякаго выраженія и встала.—Это тѣмъ удобнѣе, что я сегодня не буду завтракать. Извини, я тоже не успѣла предупредить тебя. Ты рано уѣхалъ.

— Куда же ты?

— За мной мама пришлетъ сейчасъ лошадь. Я обѣщала ей еще вчера. Вамъ будетъ удобнѣе толковать съ этимъ господиномъ безъ меня.

Князь быстро покраснѣлъ и, повернувшись на каблукахъ, выговорилъ:

— Прекрасно-съ! Это совсѣмъ въ британскомъ вкусѣ. Должно быть, у одного изъ вашихъ любимыхъ инглишменовъ изволили вычитать?

Вѣра ничего не отвѣтила.

XXXVIII.

Въ глубинѣ ресторана Славянскаго Базара, гдѣ обыкновенно садится большая компанія, завтракали вдвоемъ князь Вадимъ Дмитріевичъ и кузень его Погулянинъ.

Онъ ввалился—его выраженіе—въ Москву только наканунѣ. Князь звалъ его остановиться у него; но тотъ вѣхалъ въ Славянскій Базаръ.

Они, съ самой встрѣчи у буфета, съ водкой и закуской, точно набросились другъ на друга, взапуски болтали, переби-

вали одинъ другого; то Погулянинъ хлопнетъ Вадима Дмитріевича по плечу; то тотъ его ударитъ по ляжкѣ.

И за столomъ, въ угловой комнатѣ, они продолжали также шумно бесѣдовать. Ихъ нисколько не стѣсняло то, что мимо арки то-и-дѣло проходитъ народъ, и ихъ голоса раздаются.

Многіе могли бы ихъ принять за настоящихъ московскихъ тузовъ-коммерсантовъ. Оба, за послѣднее время, располнѣли и въ туловищѣ, и въ лицѣ, были такіе краснощекіе, съ лоснящейся кожей, волосатые и пестро-одѣтые. Отдѣльныя французскія слова и возгласы вырывались, какъ всегда, у князя; но они пропадали въ шумѣ разговора.

Оба были безусловно довольны ходомъ ихъ дѣла. И обоимъ наполняли почти однѣ и тѣ же мысли, въ перемежку съ тѣмъ, чѣмъ каждый торопился подѣлиться другъ съ другомъ.

Имъ хотѣлось обоимъ показать кувишъ, прежде всего, всему купеческому „хамью“, которое тутъ ѣсть и пьеть, и обрабатываетъ свои дѣлишки.

„Вотъ, молъ, вы всѣ считаете дворянина пустельгой, неспособной пустить въ ходъ предпріятія—а у васъ не просили мы разрѣшенія. И посмотрите—чего мы въ какихъ-нибудь два года добились и чего еще добьемся въ ближайшемъ будущемъ. И капиталы у насъ—на двѣ трети—ваши, купеческіе. Такъ и должно быть. Пора намъ—дворянамъ—подбираться къ вашей кубышеѣ и заставляя васъ плясать по нашей дудкѣ“.

Князь Вадимъ Дмитріевичъ, къ концу завтрака, съ своего мѣста, увидалъ въ залѣ ресторана за однимъ изъ ближайшихъ столовъ вицмундирный скюртукъ съ жгутомъ и толкнулъ Погулянина подъ локоть.

— Узнаешь?

— Гдѣ?

— А вотъ тотъ... въ большихъ усахъ.

— Губернаторъ, что-ли?

— А какже, Каширинъ. Помнишь, дубровинскій предводитель былъ?

— Помню... Добился, наконецъ.

— Да гдѣ? Въ свернѣйшемъ польскомъ городишеѣ. Вотъ и пріѣхалъ показать свой околупъ и жгуты.

— Да вѣдь ему ѣсть нечего было. Какже, душа моя, безъ приварка?

Оба разсмѣялись.

— Нѣтъ!—вскричалъ князь.—Я желалъ бы, чтобы всѣ поскорѣ продали кулакамъ послѣдніе свои невыразимые и взялись

за умъ. И познали бы ту истину, что безъ экономической гегемоніи нѣтъ ни власти, ни вліянія на судьбу государства и страны.

— Это ты правильно, душечка!

Глаза Погулянина игриво вторили ему. Они уже выпили бутылку краснаго и бутылку шампанскаго, не считая рюмокъ водки.

— Вѣдь ты, небось, читалъ, Antoine?—заговорилъ князь съ особенной интонаціей:—въ Парижѣ санъ-симонисты, тогда, послѣ іюльской революціи?...

— Знаю, знаю. Они теплые ребята были. Только, кажется, все жиды?

— Разумѣется, mon cher. Но всѣ эти Перейры и какъ тамъ ихъ... они задались грандіозной идеей: сначала создать экономическую власть, а потомъ благодѣтельствовать всему роду человѣческому.

— Ну, Вадя, о человѣчествѣ-то они не больно, кажется, убивались. А миллионы нажили.

— Идея тутъ, милый мой, важна.

— Идея идей,—перебилъ князь Погулянинъ своимъ кадетски-балагурнымъ тономъ.—А неужто вѣрно, Вадя, все, что ты мнѣ писалъ на той недѣлѣ? А?

— Вотъ заѣдемъ къ Юнкеру. Тамъ подсчитаемъ при тебѣ.

— Молодчина!

Погулянинъ ударилъ его по плечу.

— Стало, коли такъ пойдетъ, въ этому, какъ бишь говорятъ... къ ѱльтимо, мы можемъ ухватить вотъ какую уйму сторублевокъ.

— Si, senor!—воскликнулъ князь по-испански.

— Только вотъ что, Вадя...

Юркіе глаза кузена проплыли по его лицу.

— Не зарываться, скажешь ты?

Этотъ вопросъ князь выговорилъ потише.

— Это—первымъ дѣломъ, хотя тутъ главное — верхнимъ чутьемъ дѣйствовать.

— А потомъ и стопъ, когда нужно? Легко сказать.

— Положимъ, ты оперируешь не на свое. Все тотъ же милашка Пусиковъ отдувается. Кстати! Надо бы тебѣ этого идіотика позвать къ себѣ обѣдать и позволить ему сказать спичъ. Его хлѣбомъ не корми, только дай поднести мотивированную здравицу. Вѣдь Ленина-то пріятельница, поди, обижается.

— Хорошо! Я давно бы это сдѣлалъ... Но ты знаешь...

„Супружница доѣзжаетъ!“—мысленно досказалъ Погулянинъ и подумалъ вслѣдъ: „Эхъ, Ваденька! Не можешь обработать на свой фасонъ купеческую дѣву... А еще Гедиминовичъ!“

— Ну такъ вотъ, любезный другъ,—заговорилъ Погулянинъ, отпивъ шампанскаго.—А! Это гурьевская?—крикнулъ онъ вошедшему лакею.

— Такъ точно, ваше сіятельство!

— Давай ее сюда, голубушку!

Оба накинулись на жирную и переслащенную кашу съ цукатами, залитую сиропомъ, и, почмокавъ и посопѣвъ, обработали быстро весь „балафончикъ“.

— Такъ вотъ что, милый ты мой Вадя,—заговорилъ опять Погулянинъ.—Возьми всѣ свои мозги въ руки и вникни въ ту гениальную идею, которая осѣнила твоего брата.

— Вникаю, вникаю, Antoine. Нахожу ее очень, очень удачной.

Съ завода Погулянинъ уже излагалъ ему свою „идею“, и сегодня, у себя въ номерѣ, передъ завтракомъ, шумно и многосложно, съ прибаутками всякаго рода, развивалъ ее.

Надо добиться заграничнаго экспорта ихъ продуктовъ и въ двухъ южныхъ портахъ устроить на широкую ногу комиссіонерства и склады. Князь считалъ кузена „довой“ и ничего не сумѣлъ возразить ему ни на письмо, ни сегодня въ разговорѣ. Его воображеніе, за завтракомъ, тоже заиграло, и онъ вызвался даже съѣздить на югъ и за границу.

Все дѣло въ „подтопѣ“, а подтопка есть. Онъ не зналъ только, какая на это потребуется доля свободнаго капитала.

Половина того, что внесено въ видѣ пая „дурачкомъ“—какъ онъ назывался—купчикомъ Пусиковымъ—уже была съѣдена эксплуатаціей. Вторая была въ рукахъ князя, и на нее онъ игралъ.

Когда Погулянинъ выговорилъ цифру, князь подался назадъ.

— А на что же мы здѣсь-то будемъ дѣйствовать?—спросилъ онъ.

Итоговъ еще они не подводили вдвоемъ. На извѣстную часть барышей за два послѣднихъ мѣсяца князь въ правѣ былъ смотрѣть какъ на свои карманныя деньги—на нихъ онъ будетъ играть, не спрашивая своихъ компаньоновъ.

Но онъ этого не сказалъ теперь Погулянину.

— Ваденька, голубушка моя, ежели этотъ огородъ городить, то къ новому году нужна мнѣ объ эфто мѣсто,—Погулянинъ ударилъ кулакомъ по столу,—безотлагательно...

— Une forte somme?—подсказалъ князь уже не такъ радостно, какъ велся разговоръ до того, а съ нѣкоторымъ налетомъ грусти.

— Знаешь, у нѣмцевъ есть такая пословица: кто выговорилъ Азь—долженъ сказать и Буки.

— C'est ça! Но вѣдь до этого можно еще заработать не одинъ десятокъ тысячъ.

— Однако, милый, слѣдуетъ сейчасъ же двѣ трети остающагося у тебя на рукахъ капитала сдѣлать неприкосновеннымъ.

— Mais c'est un suicide, ça! Игра въ мертвечину.

— Прѡцентъ пойдетъ.—произнесъ Погулянинъ по-мужичьи:— Оставь въ стоящихъ бумагахъ, которыя идутъ въ гору; но умѣренно.

Князь сжалъ губы. Погулянинъ говорить дѣло. Такъ онъ сдѣлаетъ, а на цѣлую треть, плюсъ то, что онъ выигралъ самъ— можно еще какъ поиграть... Чертямъ тошно будетъ!

— Такъ-то, голубушка! Ты пай мальчижь! Ъхать тебѣ не нужно... Я пошлю сначала вѣрнаго человека, а потомъ и самъ смахаю. А теперь не выпить ли намъ абрикотинцу? А?

Принесли абрикотинъ, и оба кузена, красные и потные, закурили по сигарѣ, прихлебывая кофе. Въ ресторанѣ уже совсѣмъ почти стихло.

Ничто не нарушало ихъ полного душевнаго и желудочнаго довольства.

— Такъ ты позовешь дурачка съ женой?—спросилъ Погулянинъ, обнявъ князя за одно плечо.

— Хорошо!

— Кузиночка все брыкается?

— Elle devient amusante comme la pluie!

Князь щелкнулъ даже языкомъ.

— Знаешь что, Вадя... поднеси ты ей вещественное доказательство своихъ дѣлецкихъ талантовъ.

— Un bijou?

— И солидное что-нибудь... Вотъ бы теперь завернулъ къ Болину, что-ли...

„Съ какой стати?“—подумалъ-было князь, но ничего не возразилъ.

— Обомнется и она. Ты самъ плохъ, братъ. Ребенка ей надо—вотъ что!..

Князь кивнулъ головой въ знакъ согласія.

XXXIX.

У одного изъ оконъ гостиной остановилась Вѣра и поглядѣла на улицу. Снѣгъ искрился и блестѣлъ. Морозъ былъ порядочный, и полозья саней свистѣли.

Слѣва къ подъѣзду подвезли сани съ медвѣжьей полостью. Промелькнулъ яркій околышъ офицерской фуражки.

„Кто это?“—спросила себя Вѣра.

Она не сразу узнала драгуна Фастунова.

Въ саняхъ сидѣла и дама въ черной ротондѣ. Это была Лена. Офицеръ выскочилъ изъ саней, молодцовато отмахнулъ полость и выпустилъ свою даму. Онъ же и повзвонилъ. А пока отперли—оба болтали и смѣялись.

Вѣра знала только, что „барышня“ завтракать „не будутъ“. Но куда та поѣхала—она не справлялась. Вѣроятно, въ своей пріятельницѣ Пусиковой.

Тамъ, вѣроятно, былъ и этотъ Фастуновъ и довезъ ее на своей лошади. Кучеръ показался Вѣрѣ лихачемъ.

Не дальше, какъ вчера, сидѣлъ у нея Спѣшневъ и рассказывалъ про свою Вассу Ивановну. У нея новый „предметъ“, и не кто иной, какъ этотъ самый офицеръ.

И, кажется, она его скоро „уволить“, потому что офицеръ уже заставилъ ее заплатить по двумъ векселямъ, а Лопарева не очень это любитъ. Иногда на нее найдетъ „стихъ“ щедрости, и тогда она своимъ любовникамъ дѣлаетъ богатые подарки, но вообще скупа.

Спѣшневъ выдумывать не станетъ.

Этотъ офицеръ, значить, чистопробный Альфонсъ, а Лена прочить его себѣ въ женихи. Онъ довозить ее въ своихъ саняхъ.

Какъ ни мало лежитъ у нея сердце къ этой выродившейся барышнѣ, но она обязана поговорить съ ней, и сейчасъ же.

Лена, въ шапочкѣ, съ порозовѣлыми щеками, вошла въ гостиную. Глаза ея блестѣли. Она ласковѣе обыкновеннаго поздоровалась съ теткой.

— Лена!—остановила ее Вѣра.—Одну минуту.

— Я вамъ нужна?

— Пройдите ко мнѣ.

— Хорошо!

Шапки своей Лена не сняла и не сразу сѣла.

— Вы знаете,—начала Вѣра вполголоса,—что я не вмѣшиваюсь въ то, какъ идетъ ваша жизнь. У васъ есть родной дядя. Да и вообще я сама стою за свободу молодой дѣвушки... конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ.

— И вы находите, Вѣра Тимоѣевна?..

Лена съ улыбкой поглядѣла на нее.

— Мой долгъ—предупредить васъ.

— Въ чемъ?

— Я видѣла сейчасъ, какъ этотъ офицеръ... господинъ Фастуновъ... довезъ васъ сюда.

— Что-жъ изъ этого? Онъ былъ у Пусиковыхъ.

— Но въ обществѣ, въ которому вы принадлежите, это не дѣлается... если молодой человѣкъ не женихъ.

— Почему же кто знаетъ, въ какихъ мы отношеніяхъ?

Лена разсмѣялась.

— Не желаю ставить вамъ вопроса о вашихъ интимныхъ дѣлахъ. Но, повѣрьте, я дѣйствую только въ вашемъ прямомъ интересѣ.

— Ахъ, Боже мой, Вѣра Тимофеевна! Вы все такъ торжественно... У меня никакихъ секретовъ нѣтъ. Съ Фастуновымъ я теперь часто выдаюсь... у знакомыхъ. Что-жъ изъ того, что онъ сегодня доведъ меня? Маманъ бы этого не позволила; но дядя гораздо проще.

— Вамъ онъ серьезно нравится?—съ удареніемъ выговорила Вѣра.

— Кто? Драгунъ? Если хотите—да. Въ немъ есть что-то... Enfin il est sâpe. Не очень уменъ. Если хотите—армейскій драгунъ. Но въ Москвѣ какія же партіи? Только студенты, да юнкера, да купчихи. Богъ знаетъ кто!..

— И сдѣлай онъ вамъ предложеніе,—строже спросила Вѣра, —вы за него пойдете?

Лена повела плечами.

— Онъ еще много лучше другихъ.

— Послушайте, Лена,—начала Вѣра другимъ тономъ:—этотъ господинъ извѣстенъ какъ... видите, мнѣ даже неловко выговорить вамъ.

— Чтò такое?..—Лена встала.—Вѣрно насчетъ—она хотѣла сказать: „купчихи“—насчетъ Лопаревой? Ха, ха!

— Ну да. Его роль...

— Ah, mon Dieu! — обронила Лена и опять засмѣялась.— Если разбирать прошедшее всѣхъ мужчинъ—on n'en finirait pas до второго пришествія. Что-жъ изъ этого?

— Какъ что-жъ изъ этого?—почти съ ужасомъ вскричала Вѣра. — Вы способны были бы сдѣлаться женой человѣка съ репутаціей...

— Какой? Вотъ вздоръ! Ce sont des potins! Она въ него влюблена. И онъ тамъ катается, какъ сыръ въ маслѣ. Et puis on gompт,—добавила Лена и засунула руки въ карманы своей кофточки.

Вѣра замолкла.

— Ah! Voici les deux oncles qui arrivent!—вскричала Лена и пошла на встрѣчу князю и Погулянину.

„Вотъ такъ дѣвица!“—думала Вѣра, все еще подавленная житейскими взглядами своей племянницы.

Въ гостиной сейчасъ же раздался смѣхъ, и противный ей голосъ Погулянина трещалъ громче обыкновеннаго.

— Что это, дядя?—радостно крикнула Лена.—Un bijou?

— Vas-y!—отвѣтилъ князь.

— C'est à moi? Ça?

Лена захлебывалась отъ радостнаго возбужденія.

— Да вы, сударыня, извольте оцѣнить,—пояснилъ Погулянинъ.—А кто выбиралъ? Ась?

— Дядя!—крикнула Лена.

— Нѣтъ, не дядя, а „жѣ“!

„Пошли подарки!“—думала Вѣра, не выходя къ нимъ на встрѣчу.—Какъ же иначе? У игроковъ всегда такъ!“

И весь разговоръ съ братомъ припомнился ей. Тотъ чуть не считаетъ ее пособницей своего мужа. Развѣ вообще женщины способны разбирать, откуда идутъ деньги? Вѣдь у денегъ нѣтъ запаха. Когда она, еще дѣвухой, попала въ игорныя залы Монте-Карло—она была охвачена чувствомъ почти омерзѣнія, видя, какъ сотни женщинъ и дѣвицъ, считающихъ себя честными и высоко-порядочными, алчно играли въ рулетку на деньги отцовъ, мужей, братьевъ или друзей, тутъ же выигранныхъ, на этой самой рулеткѣ.

— Mercі, дядя!

Слышно было, какъ Лена цѣловала князя.

— А меня? А меня?—кричалъ Погулянинъ.—Неблагодарная отроковица!

Лена вбѣжала въ кабинетъ Вѣры.

— Ma tante!

Она, кажется, въ первый разъ назвала ее такъ.

— Ma tante!—повторила она, вся красная.—Посмотрите, какую прелесть подарилъ мнѣ дядя!

Въ рукахъ ея вздрагивалъ экранъ съ браслетомъ.

— N'est-ce pas, c'est exquis?

Даже голосъ перехватило у Лены, и она чуть не поцѣловала Вѣру.

Сзади стояли князь и Погулянинъ. Въ рукахъ князя было еще что-то.

— Здравствуйте, кузиночка!

Погулянинъ, взявъ ея руку и поцѣловалъ.

Мужа она видѣла утромъ и полусоннаго.

— Тебѣ нравится браслетъ?—спросилъ онъ кротко и благодушно.

— Изящно! Прекрасная работа.

Она смылила въ камняхъ и любила художественную отдѣлку. Но очень рѣдко надѣвала что-нибудь, особенно брилліанты.

— Такой у насъ сегодня день былъ,—продолжалъ Погулянинъ.—На радостяхъ, знаете. Вадя—я вамъ скажу—магъ и волшебникъ по части нѣкоторыхъ операций. Ну, показывай, показывай,—толкала онъ князя.—Нечего конфузиться. Нужды нѣтъ, что ты мужъ. И моего тутъ меда есть капелька. Онъ колебался въ выборѣ, и настоялъ я. Да подноси же!

Князь, какъ бы немного сконфуженно, протянулъ Вѣрѣ экранъ нѣжно-голубоватаго бархата.

Погулянинъ открылъ крышку. На формѣ изъ бѣлаго бархата было надѣто ожерелье въ видѣ ошейника, изъ шести нитокъ жемчуга.

— Мы оба тебѣ это подносимъ,—сказалъ князь.

— Нѣтъ!—крикнулъ Погулянинъ.—Я только пѣтушкомъ... участвовалъ въ выборѣ—это точно; но Вадя—на свои заработанныя.

— Dieu, que c'est beau!

Возгласъ Лены разнесся по всей комнатѣ, и глаза ея жадно впивались въ парюру.

— Это мнѣ?—тихо спросила Вѣра, невольно любуясь жемчугомъ.

— А то кому же?—спросилъ князь и великодушно усмѣхнулся. У нея было двѣ-три минуты колебанія.

— Нѣтъ, я не могу этого принять,—выговорила она и опустила крышку.

— Почему?—полу-обиженно спросилъ князь.

— Не могу. Это слишкомъ цѣнная вещь.

— Кузиночка! Что за стоицизмъ! Вѣдь это только, какъ мужики говорятъ, слѣтки. Вадя это въ какихъ-нибудь полчаса заполучить.

— Не могу,—повторила она.

Мужъ ея понялъ—почему она не желаетъ принять подарка.

Она хотѣла сказать: „Лучше пожертвуй стоимость этого ожерелья въ наше общество“; но воздержалась.

— C'est sérieux?—выговорилъ князь съ улыбкой.—Ну, въ такомъ случаѣ,—онъ обернулся къ Ленѣ,—парюра пойдетъ тебѣ въ приданое. Была бы честь предложена.

— Дядя!

Лена повисла у него на шеѣ.

XL.

Въ домѣ все давно спитъ. И улица безмолвствуетъ. Окна разрисоваль морозъ; изъ-за узкихъ бѣлыхъ облачковъ смотреть луна.

Вѣра прошлась по темноѣ гостиной нѣсколько разъ вдоль ряда оконъ. Ея легкій и крупный шагъ чуть-чуть отдается по паркетнымъ половицамъ стараго дворянскаго дома, гдѣ полы не перебирались нѣсколько десятковъ лѣтъ.

На ней фланелевый пеньюаръ съ широкими разрѣзными рукавами. Руки немного засвѣжли, но она не чувствуетъ и этого, и нѣтъ-нѣтъ приложить ладони къ разгорѣвшимся щекамъ.

Она вся охвачена внутренней работой... Нѣсколько часовъ провела она тамъ въ своемъ кабинетикѣ, за столомъ, наклонясь надъ большой тетрадью, переплетенной въ сафьянъ.

Сегодня начала она писать свой дневникъ.

Больше не къ кому ей идти говорить о себѣ, съизнова перебирать всю свою жизнь, искать указаній и спасительныхъ совѣтовъ.

Почти не отрывая головы отъ стола, прописала она до двухъ часовъ ночи.

Не изъ смѣшной возни съ собственной особой завела она тетрадь. Но безъ нея она замотается.

Друга у нея нѣтъ. Еще недавно она повторяла это безъ полнаго убѣжденія; а теперь она знаетъ, что это правда.

Мать—какого же еще друга? Та не надышется на нее. И умна, и добра, и готова, какъ никто, войти въ каждую ее не то ужъ печаль, а матѣйшую забѣту.

Но матери она не можетъ дать понять — что теперь въ ней происходитъ.

Еслибъ еще налетѣла на нее блажь или серьезная любовь подняла въ душѣ ея грозную бурю... мать пойметъ, и проститъ, и первая скажетъ:

— Что-жъ, Вѣруна, видно такъ Господь попустилъ. Какъ ни больно — законъ нарушить, лучше по честному. Тяжко тебѣ самой мужу во всемъ признаться—я за тебя съумѣю постоять.

И въ томъ, что вышло между нею и мужемъ третьяго дня—мать врядъ ли—если не пожелаетъ кривить душой—станетъ на ее сторону.

Мужъ поднесъ ей цѣнный подарокъ, а она его не приняла, и сдѣлала это сухо, обидно для него. Почему же не приняла?

Потому что онъ играетъ на биржѣ, и выигранныя деньги она считаетъ какъ бы краденными.

— Слишкомъ ужъ строго, Вѣрочка, — скажетъ ей Степанида Федотовна. — По крайней мѣрѣ хоть вниманіе оказалъ женѣ.

Можетъ быть даже, мать прибавитъ:

— Все-таки лучше, чѣмъ въ клубѣ проиграть или на французеное пошли бы.

Она не можетъ требовать отъ матери своихъ взглядовъ. Да полно, одно ли тутъ было, и главное, побужденіе—ея честность, строгій взглядъ на всякое хищничество? Люби она мужа хоть немного—она бы не отказала ему. Ну, потомъ, съ его вѣденія или нѣтъ, могла бы продать это ожерелье и пожертвовать на доброе дѣло, но сразу все-таки бы приняла и поблагодарила.

И вотъ теперь ее наказали, какъ провинившуюся, строптивую дѣвчонку.

Когда вечеромъ того же дня она хотѣла, войдя въ кабинетъ мужа, вновь выяснитъ ему мотивъ своего отказа, если нужно—даже попроситъ у него прощенія, — онъ не далъ ей говорить:

— *Tève d'explications!* — отрѣзалъ онъ, и такимъ напыщенно-глухимъ тономъ.

Всѣ стануть на его сторону — и мужчины, и женщины, и пріятели, и тѣ, кто его ни въ грошъ не ставятъ.

„Что это за пуризмъ! Смѣху подобно!“ — вотъ что и теперь уже болтаютъ въ дворянскихъ домахъ.

„Совѣстцо стало: должно быть, у нея уже давно есть тайный возлюбленный“. — И такой толь болѣе чѣмъ возможенъ.

Оправдываться показалось ей слишкомъ тяжело, и она вышла изъ кабинета, чувствуя, что у нея нѣтъ охоты еще разъ объясняться и просить прощенія.

И вчера князь уѣхалъ съ Погулянинымъ въ имѣніе, на заводъ. Князь не простился съ ней, и она, до сихъ поръ, не знаетъ — когда онъ вернется.

Лена, съ разрѣшенія князя, поѣхала съ пріятельницей своей Пусиновой въ Петербургъ—на ея счетъ—и вернется черезъ недѣлю. Она тоже не разсудила придти къ ней проститься.

Маруся сегодня отпросилась къ подружѣ—готовиться по математикѣ—и тамъ ночуетъ.

Она одна во всемъ домѣ. Никто ее не заперъ и не приставленъ къ ней. Но и внѣ дома не къ кому ей идти и пересказать хоть то, что она такъ горячо набросала на нѣсколькихъ страницахъ своей тетради.

Это будетъ не дневникъ ея, а исповѣдь. Теперь было бы

стыдно передъ самой собой—то, что вылилось наединѣ, какъ передъ духовникомъ, который все пойметъ и все проститъ — отдавать точно на просмотръ кому бы то ни было.

Итоги подведены и отъ нихъ уже не уйдешь. И во всемъ она винить не судьбу, не людей, а одну себя.

Бракъ ея — обуза, безъ смысла, безъ правды, безъ поэзіи, безъ дальнѣйшаго просвѣта. Она не любитъ мужа и никогда не полюбитъ.

Но уйти отъ него — „нѣтъ резона“, какъ скажетъ даже ея мать. Она должна ждать, пока будутъ эти „резоны“.

Создавать *свою* жизнь, оградить себя, какъ китайской стѣной, отъ всего, что составляетъ царство князя Вадима Дмитріевича — возможно только въ теоріи. Въ дѣйствительности все пойдетъ, какъ оно идетъ теперь. Надо имѣть слишкомъ сильный завалъ души, чтобы обособиться вполнѣ. Ежедневно и ежечасно придется вести мелкую и унижительную борьбу.

Князя она не передѣлаетъ — на это у нея нѣтъ силъ, потому что нѣтъ любви — и этотъ итогъ самый тяжкій и безноворотный. Замкнуться въ себя — неизбежно, и это поведетъ къ совершенному отчужденію.

И тогда какъ же быть его женой? Какъ давать ему право на себя, быть его вещью?

Это отвратительно! Но формально, безъ разрыва, оно неизбежно. И она должна помириться съ этимъ, какъ мирятся кроткіе и сердобольные люди съ тѣмъ, что *надо* рѣзать тѣхъ самыхъ цыплятъ, которыхъ вотъ сейчасъ сами изъ рукъ кормили.

Минута *такого* разрыва придетъ неминуемо, если она не хочетъ упасть въ своихъ глазахъ, какъ падаютъ сотни и тысячи порядочныхъ женщинъ.

Но тѣ благовидно продаютъ себя. Онѣ живутъ на счетъ мужей и дрожатъ за свой комфортъ или просто за кусокъ хлѣба. А у нея есть свои средства. На ея деньги мужъ теперь — предприниматель и счастливый биржевой игрокъ. Стало, для нея въ сто разъ постыднѣе терпѣть положеніе законной даровой наложницы, дѣлится съ нимъ „ложе“, безъ всякой любви къ нему.

Когда она дошла въ своей исповѣди до этого вывода — щеки ея запылали и потъ выступилъ на лбу. Она схватилась за голову и долго сидѣла надъ тетрадью въ трепетномъ волненіи.

Что же дѣлать?

Бѣжать изъ этого дома? Бросить мужу все то, что онъ взял у нея, оставить ему письмо съ безповоротнымъ рѣшеніемъ: „я

вась не люблю и не могу уважать; я уйду и предоставляю вам свободу; требую ея и отъ вась“.

Бѣжать? Къ кому? Вѣдь ея нѣтъ! Того, кто въ ста случаяхъ ухода жены является духомъ-искусителемъ.

Вотъ теперь она одна въ домѣ. Куда хочется—туда и бѣги. Но почему же она не бросилась къ Остожину? Даже не написала ему, не пригласила его къ себѣ, не назначила ему свиданія гдѣ бы то ни было?

Потому что она не знаетъ его, не знаетъ: что его влечетъ къ ней, и влечетъ ли что? Не знаетъ и того: его ли „выскуеть“ ея душа, онъ ли предназначенъ ей въ „высшемъ совѣтѣ“, какъ вѣрила наивная Татьяна, не побоявшаяся отдать на позоръ скучающаго дѣнди бредъ своей дѣвичьей души.

Прійдетъ къ ней Остожинъ—и она не станетъ ему изливаться. Изліянія поведутъ за собою жалобы. А жаловаться ей не на кого, кромѣ себя самой.

Жаловаться даже и на себя—значить:

„Возьмите меня, увлеките, создайте мнѣ новую жизнь, оцѣните меня, какъ я этого стою“.

И въ отвѣтъ получить уклончивую ноту ухаживателя?...

Какой срамъ!

„Не знаю я его, не знаю!“—шептала Вѣра, опять надъ недописанной страницей толстой тетради.

И ей пришли неумолимыя—по правдѣ—слова ея любимаго англійскаго романиста:

„Женщины знаютъ еле-еле на половину и тѣхъ мужчинъ, съ кѣмъ живутъ въ бракѣ“.

— Даже и настолько не знаютъ!—прибавила она и захлопнула тетрадь.

II. Боворыкинъ.

НАРОДНИКЪ

ВЪ

ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ

Жизнь и сочиненія Мишле.

I.

Исторія представляет собою не только *рядъ* событій, но и ихъ *результатъ*, ибо каждое событіе порождает новыя, или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ на нихъ непосредственное вліяніе. Не менѣе сильно, однако, чѣмъ самыя событія, вліяютъ иногда на ходъ исторіи тѣ представленія, которыя складываются о нихъ въ обществѣ, тѣ образы, которыми потомство облакаетъ факты или историческія лица, поразившія его воображеніе. И чѣмъ болѣе эти образы прошлаго становятся легендарными, чѣмъ ярче или гуще наложенныя на нихъ краски, тѣмъ сильнѣе они приводятъ въ движеніе страсти и направляютъ стремленія людей. Историческія легенды о лицахъ и событіяхъ бывають при этомъ не только результатомъ наивнаго творчества фантазіи, но и болѣе или менѣе сознательнаго разсчета, приравливающаго образы и идеи прошлаго къ потребностямъ и стремленіямъ извѣстной эпохи или среды. Вслѣдствіе этого историческія лица и событія получаютъ легендарный обликъ не только въ тѣхъ слояхъ народа, гдѣ грамотность мало развита, но и тамъ, гдѣ чтеніе составляетъ одну изъ важныхъ потребностей духовной жизни: литература и печать могутъ способствовать возникновенію легендарныхъ пред-

ставленій о прошломъ не менѣе успѣшно, чѣмъ устное народное преданіе. Ни одно изъ крупныхъ событій европейской исторіи не заросло такимъ роскошнымъ легендарнымъ цвѣтомъ, какъ французская революція 1789 года. Долгое время чуть не всякая литературная обработка этого событія въ большей или меньшей степени содѣйствовала наростанію легенды, и лишь послѣ революціи 48-го года начинается собственно научное изученіе первой революціи. Это научное изученіе привело къ разоблаченію легенды, обвинившей дѣйствительный обликъ революціи, и выяснило, что полный разрывъ съ установившимися традиціонными взглядами на это событіе является существеннымъ условіемъ правильнаго его пониманія. Успѣхъ критическаго анализа имѣеть, впрочемъ, въ данномъ случаѣ не одно лишь теоретическое значеніе, какъ, напр., освобожденіе древнѣйшей римской исторіи отъ сложившейся относительно ея традиціи: принципы, провозглашенные революціей 1789 года, учрежденія, ею созданныя, возрѣнія, подъ ея влияніемъ сложившіяся, приобрѣли общеевропейское міровое значеніе, и потому—то, что сдѣлано въ этой области для пробѣрки традиціи, для обличенія ложной легенды, представляетъ собою самую существенную услугу, какую историческая критика могла оказать современному европейскому обществу. Изъ историковъ революціи никто, можетъ быть, не содѣйствовалъ въ такой степени ея обличенію въ легенду, какъ Мишлѣ. Въ виду этого критическій анализъ его знаменитой исторіи революціи представляетъ особый интересъ и можетъ значительно содѣйствовать выясненію самаго событія. Но не эту задачу ставимъ мы себѣ въ настоящее время. Легенды, проникающія въ историографію, складываются не случайно, не произвольно; онѣ отражаютъ собою различныя политическія представленія и общественныя настроенія, служатъ выраженіемъ идеаловъ и увлеченій своего времени и такимъ образомъ приобретаютъ сами по себѣ интересъ для исторіи общества и эволюціи идей. Въ особенности это можно сказать о тѣхъ представленіяхъ и идеалахъ, на которыхъ построено легендарное изображеніе революціи у Мишлѣ. Она обусловливается у него извѣстнымъ возрѣніемъ на общество и культуру, извѣстнымъ направленіемъ мысли и симпатій, которое мы сочли наиболѣе удобнымъ обозначить словомъ *народничество*, какъ ни чуждо представляется съ перваго взгляда такое выраженіе въ примѣненіи именно къ французской литературѣ. На самомъ дѣлѣ, однако, не трудно усмотрѣть поразительныя аналогіи между возрѣніями Мишлѣ и тѣми направленіями въ русской литературѣ, которыя можно подвести подъ вышеуказанное общее понятіе.

Эти аналогіи увеличиваютъ для насъ въ значительной степени интересъ той теоріи о народѣ, которую Мишле внесъ въ свою исторію революціи. Къ этому присоединяется еще и то, что воззрѣнія Мишле на народъ заслуживаютъ вниманія въ другомъ еще отношеніи. Это воззрѣніе привело его къ сознанію, что существуетъ въ мірѣ социальный вопросъ, и вызвало въ немъ, можно сказать, мучительныя усилія содѣйствовать разрѣшенію этой проблемы. Въ этихъ попыткахъ нѣтъ, правда, цѣльной системы, въ нихъ много фантастическаго; но эти фантазіи и мечтанія Мишле представляютъ собою любопытное явленіе въ исторіи социальныхъ идей; многое, что, можетъ быть, самому Мишле представлялось мечтою, стало осуществляться послѣ него, а наконецъ, что всего важнѣе, это—то, что въ основаніи социальной философіи Мишле заключается безусловно вѣрная истина, отъ распространенія и успѣха которой зависитъ благоденствіе какъ индивидуумовъ, такъ и всего общества.

Прежде всего намъ приходится спросить, какимъ образомъ писатель классической Франціи сталъ *народникомъ*?—какъ историкъ отъ ученыхъ работъ перешелъ къ изученію социальной проблемы?

Жюль Мишле родился въ 1798 году, въ семьѣ, которую онъ называетъ „крестьянской“. Онъ гордился своимъ происхожденіемъ и придавалъ ему большое значеніе, причисляя себя на этомъ основаніи къ *народу* (*peuple*). Но, какъ видно изъ воспоминаній Мишле, въ его семьѣ, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, было много лицъ, которыхъ ни по образованію, ни по занятіямъ, нельзя причислить къ крестьянскому сословію, и, между прочимъ, нѣсколько священниковъ. Дѣдъ Мишле былъ учителемъ музыки въ Ланѣ (*Laon*) и составилъ себѣ маленькое состояніе, которое онъ, во время революціи, употребилъ на устройство въ Парижѣ типографіи для одного изъ своихъ сыновей—отца будущаго историка. Типографія и квартира хозяина помѣщались въ одной изъ упраздненныхъ церквей, и за алтаремъ этой церкви родился, въ 1798 г., Мишле. Пока при республикѣ печать пользовалась относительной свободой, дѣла типографіи процвѣтали, но съ установленіемъ власти Наполеона семьѣ Мишле пришлось испытывать горе и нужду. Различныя стѣснительныя мѣры новаго правительства, ограниченіе числа газетъ, наконецъ, запрещеніе клерикальной газеты, печатавшейся въ типографіи Мишле, повергли семью ея хозяина въ такое бѣдственное положеніе, что всѣ ея члены,—и старикъ дѣдъ, и больная мать, и 12-лѣтній

спитъ—были принуждены поддерживать свое существованіе ручнымъ трудомъ. Чѣмъ однообразнѣе были работы маленькаго наборщика, чѣмъ скучнѣе для него было содержаніе пустыхъ книжонокъ, предназначавшихся для увеселенія публики, которыя ему приходилось набирать, тѣмъ болѣе привыкалъ онъ развлекать себя свободнымъ полетомъ своего воображенія. Одинокъ росъ мальчикъ въ семьѣ, одинокъ проводилъ онъ все время за работой; одиночество принесла ему и наступившая, наконецъ, пора ученія, которая обыкновенно другихъ одиночекъ вводитъ въ общество сверстниковъ. Его не отдали въ школу, но онъ ходилъ каждое утро къ старику книгопродавцу, бывшему сельскому учителю и пламенному приверженцу революціи, который передавалъ ему вѣсколю нѣсколькихъ латинскихъ словъ и какое-нибудь правило грамматики. Впечатлительный, чувствительный мальчикъ, исцвщій любви и болѣзненно сжимавшійся отъ прикосновенія безотрадной дѣйствительности, инстинктивно ощущалъ въ себѣ потребность религіознаго наставленія и утѣшенія, но росъ безъ всякаго понятія о религіи. Вдругъ ему случайно попалась въ руки извѣстная книга „О послѣдованіи Христу“. „Я еще вижу передъ собою, — говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — нашу просторную, холодную и пустую комнату; она показалась мнѣ озаренной таинственнымъ свѣтомъ, и мнѣ тогда впервые представилась за предѣлами этого печальнаго міра возможность избавленія отъ смерти, новая жизнь и надежда“. Этотъ великій памятникъ христіанскаго энтузіазма не сдѣлалъ, однако, изъ Мишле христіанина; онъ усвоилъ себѣ изъ книги Томы Кемпійскаго только то, къ чему былъ подготовленъ своимъ предшествовавшимъ развитіемъ. Идея сострадательной любви, которою проникнуто все сочиненіе, и его аскетическій духъ, еще болѣе развили въ Мишле чуткость къ страданіямъ; его потребность любви получила мистическій оттѣнокъ, а его религіозный инстинктъ принялъ пантеистическій характеръ. „Я не могъ вполне усвоить себѣ этой книги, не зная Христа, но я почувалъ Божество“.

Тяжелый для Франціи 1813-й годъ тяжело отразился и на семьѣ Мишле. Послѣднія ея средства были истощены. Одинъ изъ друзей отпа предложилъ ему помѣстить мальчика въ императорскую типографію. Испушеніе было очень сильно для семьи; но въ ней какъ бы укоренился обычай возлагать „всѣ надежды на одного изъ членовъ и обрѣкать себя на лишенія, чтобы дать ему возможность выйти въ люди“; 15-лѣтній мальчикъ былъ отданъ въ III классъ коллежа „Шарлеманъ“. Этотъ переходъ „изъ мрака къ свѣту“, изъ одиночества въ толпу, былъ для него очень страшенъ.

Первая встрѣча съ обществомъ наполнила душу молодого Мишле горечью и оставила въ ней неизгладимый слѣдъ. Наставникъ былъ къ нему добръ, но для него были невыносимы товарищи. „Встревоженный и озадаченный,—говоритъ онъ,—сидѣлъ я среди нихъ, какъ сова въ полдень. Они находили меня смѣшнымъ, и я думаю теперь, что они были правы. Но тогда я приписывалъ ихъ насмѣшки моему платью, моей бѣдности. Я сталъ замѣчать одно— что я бѣденъ. Я началъ считать всѣхъ богатыхъ дурными, и считалъ дурными всѣхъ людей, такъ какъ всѣ, кого я ни видѣлъ, мнѣ казались богаче меня. Я впалъ въ мизантропію, рѣдкую у дѣтей. Въ самомъ безлюдномъ кварталѣ Парижа я отыскивалъ безлюдныя улицы“¹⁾).

Къ этому описанію своихъ чувствъ Мишле прибавляетъ: „Я, однако, не зналъ никакой зависти“. Въ искренности этихъ словъ ему можно вполне повѣрить; но Мишле не отдавалъ себѣ отчета, что онъ сохранилъ на всю жизнь представленіе своего дѣтства о богатыхъ— „je suis tous les riches mauvais“,—и что горечь, испытанная имъ въ младенческомъ возрастѣ, глубоко запала въ его сердце и легла въ основаніе его общественной теоріи. Къ нравственнымъ страданіямъ присоединились у молодого Мишле и матеріальныя лишенія. Зима 1814 г., когда союзныя войска двигались на Парижъ, была холодная и снѣжная. Снѣгъ покрывалъ улицы и крыши домовъ въ Парижѣ. Съ чувствомъ оскорбленія, вынесеннымъ изъ школы, юноша возвращался вечеромъ въ нетопленную комнату и съ замороженными руками, въ раздумьѣ сидѣлъ передъ своимъ дубовымъ столомъ, не зная, будетъ ли у него хлѣбъ къ ужину. Въ такія минуты онъ привыкалъ соединять съ понятіемъ о *народѣ* мысль о бѣдности, связывать съ нимъ свою долю и считать своимъ призваніемъ ему служить. Когда — лѣтъ тридцать спустя — видъ сохранившагося у него дубоваго семейнаго стола и оставшіеся на рукѣ слѣды мороза напоминали ему ту тяжелую зиму, его тревожилъ контрастъ между прежней бѣдностью и довольствомъ, которое онъ теперь испытывалъ; внутренній голосъ нашептывалъ ему: „Тебѣ теперь тепло, другимъ же холодно... это несправедливо“... Тогда, глядя на свою руку, онъ утѣшалъ себя: „Еслибы ты работалъ вмѣстѣ съ народомъ, ты не могъ бы работать *для* него... Успокойся же... если ты дашь отечеству твою исторію (революція 1789 г.), твое благоденствіе тебѣ будетъ прощено (je t'absoudrai d'être heureux)“.

Годы испытанія и борьбы съ нуждою, впрочемъ, быстро мино-

¹⁾ Peuple, p. 28.

вали для Мишле. Спустя семь лѣтъ послѣ тяжелой зимы 1814 г., онъ былъ уже учителемъ въ коллежѣ „св. Варвары“, а затѣмъ, когда сдѣланное имъ извлеченіе изъ Виед и изданное имъ руководство къ новой исторіи доставили ему литературную извѣстность, онъ получилъ, въ 1827 г., мѣсто профессора въ „Нормальной Школѣ“. Съ этихъ поръ Мишле не зналъ болѣе нужды; но онъ нашелъ въ самомъ себѣ другой источникъ тонкой чуткости къ чужимъ страданіямъ. Мишле, хотя и прожилъ до 76 л., былъ слабого тѣлосложенія и постоянно страдалъ отъ физическихъ недуговъ. Одинъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, его ученикъ и другъ, историкъ Монд, посвятившій его памяти замѣчательный по тонкости анализа и по теплотѣ отзывъ, прямо ставитъ физическое состояніе Мишле, въ которомъ жизнь тѣла поддерживалась нравственной энергіей духа, въ связь съ его взглядомъ на человѣческую исторію: „Его возрѣнія на исторію, — говоритъ Моно, — какъ будто были внушены борьбой со страданіями, внутренней драмой, составлявшей содержаніе его собственной жизни“. Эта борьба съ тѣломъ, впрочемъ, мало мѣшала дѣятельности Мишле, какъ ученаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только количество написанныхъ имъ сочиненій, но и чрезвычайно правильный, никогда неизмѣнявшійся способъ его занятій. Онъ всегда вставалъ въ 6 ч., и, запершись въ своей комнатѣ, занимался до 12 или до часа, не дозволяя себя отрывать или разсѣивать. Даже во время своихъ лѣтнихъ путешествій къ берегу моря или по Швейцаріи, онъ держался того же порядка жизни. Послѣ ранняго обѣда онъ посвящалъ остальное время прогулкѣ, отдыху или знакомымъ, а около 10-ти часовъ возвращался къ себѣ и ложился спать. Это однообразіе жизни сдѣлалось для него до такой степени потребностью, что онъ никогда его не нарушалъ, и никогда не принималъ приглашеній на обѣдъ или на вечеръ. Хотя онъ былъ легко доступенъ и охотно бесѣдовалъ съ тѣми, кто его навѣщалъ, — усвоенный имъ образъ жизни долженъ былъ, особенно въ Парижѣ, содѣйствовать его уединенію среди общества и сосредоточенію въ самомъ себѣ. Его болѣзненная, нуждавшаяся въ участіи и любви натура искала успокоенія и восполненія въ семейной жизни, и онъ женился рано, 25 лѣтъ. Этотъ ранній бракъ, по собственному выраженію Мишле, еще болѣе содѣйствовалъ тому, что онъ сталъ чуждаться общества людей. — „Je désirais de moins en moins la société des hommes“. — Онъ, однако, потерялъ жену уже въ 1839 г., а выходъ замужъ его дочери окончательно разстроилъ его семейную жизнь; въ эту эпоху новаго одиночества, замкнутости въ самомъ себѣ и силь-

ной экзальтаціи чувствъ, были написаны первые томы его „Исторія Революціи“. Въ 1849 г., т.-е. 51 года, Мишле вступилъ во второй бракъ, который имѣлъ большое вліяніе на его жизнь и на дальнѣйшее направленіе его занятій. Подъ вліяніемъ жены онъ обратился къ изученію природы, и изданныя имъ затѣмъ сочиненія, по предметамъ этой области, — l'Oiseau, la Mer, l'Insecte, la Montagne, — написаны имъ съ участіемъ г-жи Мишле. При одинокомъ образѣ жизни, и семейная обстановка не могла сгладить тѣхъ чертъ въ характерѣ Мишле, которыя сложились въ его дѣтствѣ. Робкимъ и недовѣрчивымъ, по его собственнымъ признаніямъ, вступилъ онъ въ жизнь. Преподаваніе въ Ecole Normale лишь отчасти смягчило это болезненное чувство. „Молодежь, — говоритъ Мишле, — симпатичная и довѣрчивая, вѣрила въ меня и примирила меня съ человѣчествомъ“. Но одно поколѣніе слушателей быстро смѣнялось другимъ, прежде чѣмъ успѣвали установиться прочныя личныя отношенія: „A peine m'attachais-je que déjà ils s'éloignaient“. Эти постоянно зарождавшіяся и затѣмъ прерываемыя отношенія служили для Мишле новымъ поводомъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ и жить въ мірѣ своихъ фантазій, и мало-по-малу въ его воображеніи сложился отвлеченный образъ молодого поколѣнія, который сдѣлался для него предметомъ обожанія. Но и эта сдержка, которую представлялъ преподавательскій трудъ, порвалась, когда въ 1837 г. Мишле оставилъ „Нормальную Школу“, такъ какъ не могъ ужиться съ твердымъ и систематическимъ руководствомъ ея директора, Кувена. Уже въ 1834 году Мишле получилъ кафедру исторіи въ парижскомъ университетѣ (Сорбоннѣ), а въ 1838 году былъ переведенъ въ Collège de France; здѣсь его ожидала совершенно другая аудиторія. То была не учащаяся молодежь, а разнообразная и измѣнчивая по составу, жадная до духовныхъ ощущеній, публичная, съ которой у профессора не могло быть никакой личной связи, но зато характеръ новыхъ слушателей въ другомъ отношеніи сильно повліялъ на внутренній міръ Мишле и на его отношенія къ его предмету.

Пока Мишле состоялъ учителемъ въ коллежѣ „св. Варвары“, способъ школьнаго преподаванія и возрастъ учениковъ сдерживали его фантазію и отрезвляли его. И въ „Нормальной Школѣ“ еще задача преподавателя заключалась въ передачѣ небольшому числу слушателей точныхъ фактовъ въ простой формѣ и по строго опредѣленному плану. Но переходъ на кафедру публичныхъ лекцій послужилъ переломомъ въ жизни Мишле. Онъ вообще былъ склоненъ считать обученіе или передачу *сөнденій* (instruire)

дѣломъ второстепеннымъ, и видѣть въ преподаваніи лишь средство къ тому, чтобы растрогать сердце и повліять на направленіе воли. Ему недоставало, по замѣчанію его ученика и біографа, Монд, „безусловной любви къ истинѣ и любознательности ученаго изслѣдователя“.

Профессорская дѣятельность еще болѣе содѣйствовала развитію этой наклонности у Мишле и дала въ немъ перевѣсъ инстинктамъ проповѣдника надъ призваніемъ ученаго. Слышится какое-то грустное пророчество въ словахъ вступительной лекціи Мишле, посвященныхъ его предшественнику по кафедрѣ исторіи, Гизо. „Кто возвратитъ мнѣ день, когда на эту кафедру вторично вступилъ мой знаменитый учитель и другъ,—тотъ день, когда мы во второй разъ услышали это простое и сильное слово, прозрачное и плодотворное, освобождавшее науку отъ всякой эфемерной страсти, отъ всякаго пристрастія, отъ всякой лжи въ фактахъ и въ слогѣ и возвѣщавшее исторію, придавая ей достоинство закона (élevait l'histoire à la dignité de la loi)“?

Со вступленіемъ въ *вольную* аудиторію Collège de France воздерживаться отъ страстей и пристрастія стало еще труднѣе. Кафедра исторіи въ этомъ учрежденіи была вмѣстѣ съ тѣмъ кафедрою морали. Мишле поэтому дѣйствовалъ какъ бы въ духѣ своей кафедры, когда превратилъ ее въ трибуну, съ которой развивалъ свои идеи о политической и соціальной добродѣтели. Его лекціи все болѣе и болѣе принимали характеръ проповѣди; „сгѣет des âmes“—*создавать души*—все болѣе и болѣе становилось цѣлью его профессуры. Рядомъ съ нимъ и въ одномъ съ нимъ направленіи дѣйствовали его друзья, изъ которыхъ одинъ былъ историкъ съ поэтической душой, другой—геніальный поэтъ, принужденный обстоятельствами читать исторію литературы—Кинэ и Мицкевичъ. Эготъ блестящій триумвиратъ посвятилъ себя служенію идеѣ обновленія Европы путемъ всеобщаго братанія между классами и народами. Но проповѣдь любви была въ этомъ случаѣ неразлучна съ ненавистью ко всѣмъ, кто представлялся противникомъ и препятствіемъ къ осуществленію гуманитарныхъ мечтаній. При такихъ условіяхъ научный интересъ въ лекціяхъ и въ трудахъ Мишле все болѣе и болѣе приносился въ жертву публицистическому. Все это совершалось, однако, лишь постепенно, обнаруживаясь къ концу сороковыхъ годовъ, по мѣрѣ того, какъ ожесточалась борьба партій, приводшая къ революціи 1848 года. Между этимъ годомъ и началомъ ученой дѣятельности Мишле протекло двадцать лѣтъ, и первое десятилѣтіе этого періода ознаменовано рядомъ трудовъ, отмѣченныхъ тѣмъ равнодушіемъ между

полетомъ мысли и научной работою, на которое самъ Мишле указывалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Выпавшая мнѣ на долю необходимость преподавать поочередно, а иногда и одновременно, философію, исторію и языки, сдѣлала для меня осязательною и всегда присущею тѣснѣйшую связь между изученіемъ идей и изученіемъ фактовъ—идеала и дѣйствительности“.

II.

Потребность синтеза между философіей и исторіей, а также убѣжденіе, что *языки* заключаютъ въ себѣ древнѣйшія свидѣтельства для исторіи цивилизаціи остановили вниманіе Мишле на Вико, который, за сто лѣтъ предъ тѣмъ, искалъ въ психологіи человѣческаго языка откровеніе для созданной имъ философіи исторіи. Первый трудъ, который былъ обнародованъ молодымъ Мишле—сокращенный переводъ „Новой науки“ итальянскаго философа, съ предпосланнымъ переводу „разсужденіемъ о системѣ и жизни Вико“.

Исходной точкой для философіи исторіи Вико служила исторія Рима; ей посвящено первое ученое сочиненіе Мишле—„Исторія римской республики“, въ 2-хъ томахъ, 1831 г. Но, подходя къ Риму, нельзя было миновать гигантскаго образа Нибура, царившаго надъ обломками древнѣйшей римской исторіи. Гипотезы Нибура имѣли въ свое время значеніе поразительныхъ *открытій*. Мишле подпалъ подъ ихъ вліяніе и усвоилъ себѣ основную мысль Нибура о *дуализмѣ* въ происхожденіи и въ учрежденіяхъ Рима. Онъ краснорѣчиво изобразилъ чарующее впечатлѣніе Нибуровскихъ догадокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣніе, которое вызывали въ немъ разрушеніе и перестройка римской традиціи нѣмецкимъ ученымъ, этотъ какъ бы новый захватъ Капитолія завоевателемъ изъ Германіи. Онъ занялъ Римъ по праву оккупаціи и разбилъ свою палатку въ театрѣ Марцелла. Оттуда онъ производилъ дѣлежъ города между племенами, его основавшими... Онъ потревожилъ прахъ царей Рима и разогналъ ихъ тѣни. Италия стонала, но пророчеству суждено было осуществиться какъ во времена Алариха, что „варваръ размететъ кости Ромула“. Мишле пошелъ по стопамъ этого варвара и въ своей бойкой книгѣ попытался сдѣлать результаты Нибуровскихъ трудовъ достояніемъ французской публики. Французы остались, однако, неотзывчивы къ нововведеніямъ въ области традиціонной римской исторіи, и самъ Мишле вскорѣ не только покинулъ область археологическихъ изысканій, но такъ существенно измѣнилъ свой взглядъ на ходъ

римской исторіи и выдающіяся въ ней личности, напр. на Цезаря, что началъ предисловіе одного изъ позднѣйшихъ изданій своей книги словами: „Я не принадлежу къ числу тѣхъ, кто стыдится того, что былъ молодъ“.

Мишле ставилъ Вико чрезвычайно высоко и слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ его значеніе: „въ философіи исторіи Вико стоитъ между Боссюэтомъ и Вольтеромъ и одинаково возвышается надъ обоими. Боссюэтъ втиснулъ всемірную исторію въ узкую раму и поставилъ развитію человѣческаго рода неподвижный предѣлъ. Вольтеръ отрицалъ это развитіе и разбросалъ исторію, какъ пылъ по вѣтру, предоставивъ ее на произволъ слѣпому случаю. Въ книгѣ итальянскаго философа впервые блеснуло надъ исторіей божество всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ—Провидѣніе. Вико стоитъ даже выше Гердера. Человѣчество ему представляется не въ видѣ растенія, которое, въ силу органическаго развитія, цвѣтетъ на землѣ подъ небесной росой, но какъ гармоническая система гражданскаго порядка. Чтобы познать человѣка, Гердеръ помѣстился въ природѣ; Вико—въ самомъ человѣкѣ, въ человѣкѣ, пріобрѣтшемъ человѣчность посредствомъ общественной жизни. И въ этомъ еще отношеніи мой старшій Вико сталъ настоящимъ пророкомъ новаго порядка вещей, нынѣ зарождающагося, и его книга заслуживаетъ названіе, которое онъ дерзнулъ ей дать—„Новая Наука“.

Несмотря, однако, на это восторженное прославленіе Вико, Мишле не долго шелъ подъ его знаменемъ. Вліаніе романтической Германіи взяло въ немъ верхъ надъ классической Италіей: въ исторіи, въ наукѣ языка и права, его привлекали къ себѣ тогдашніе корифеи нѣмецкой науки, Нибуръ, Яковъ Гриммъ, Гансъ, авторъ ученаго сочиненія о римскомъ правѣ; въ философіи исторіи Гегель вытѣснилъ Вико.

Подъ вліаніемъ названныхъ лицъ развивалась дальнѣйшая ученая дѣятельность Мишле. Какъ въ римской исторіи, такъ и еще болѣе въ области *права*, нѣмецкая наука XIX вѣка осуществляла то, чтѣ своимъ пророческимъ инстинктомъ почувялъ Вико, заявляя, что „древняя юриспруденція полна поэзіи, что римское право въ первую свою эпоху было серьезной поэмой“. Римская исторія послужила для Вико преддверіемъ къ философіи исторіи, но въ самой римской исторіи онъ подошелъ со стороны римскаго права. За сухими формами позднѣйшаго гражданскаго права Вико увидѣлъ полноту жизни и драматической обрядности формулы стариннаго права. Какъ слова языка были въ его глазахъ *символами* первоначальной поэтической мысли героическаго

вѣка, такъ древніе юридическіе символы стали для него отраженіемъ первоначальной культуры, когда люди „мыслили въ поэтическихъ образахъ“. По слѣдамъ Вико—и Мишле увлекался этою обрядовою, символическою стороною древняго права, обѣщавшею богатое откровеніе прошлаго. И вдругъ его глазамъ предсталъ волшебникъ, обладавшій этимъ откровеніемъ: Мишле отъ него узналъ, что „изъ всѣхъ законовѣдній самое, безъ сравненія, богатое поэтическими формулами“—это древнее право германскихъ племенъ. Уже въ 1816 г. Яковъ Гриммъ, этотъ Дюканжъ нашего времени, какъ называетъ его Мишле, издалъ краткое, но интересное разсужденіе подъ заглавіемъ „Поэзія права“. Въ 1828 году появилось „гигантское“ сочиненіе того же автора— „Древности нѣмецкаго права“.—„Никакая книга,—говорить о ней Мишле,—не освѣщала болѣе внезапно, болѣе глубоко какой-либо науки. Она не оставляла мѣста ни недоумѣніямъ, ни сомнѣніямъ. То не была какая-нибудь болѣе или менѣе остроумная система—но великолѣпное собраніе формулъ, заимствованныхъ изъ всѣхъ *правдъ*, изъ всѣхъ нарѣчій Германіи и скандинавскаго Сѣвера. Въ этой книгѣ слышались не гипотезы одного человѣка, но живой голосъ самой древности, непреложное свидѣтельство двухъ или трехъ сотъ законовѣдовъ сѣдой старины, излагавшихъ въ своихъ наивныхъ и поэтическихъ формулахъ вѣрованія, домашніе обычаи, тайны очага и самой сокровенной нравственности Германіи. Эта книга безцѣнна сама по себѣ, какъ откровеніе юридической поэзіи своего народа, но она имѣетъ еще болѣе значеніе, какъ почва для сравненія съ поэзіей права всѣхъ другихъ народовъ. Такъ какъ ни одинъ народъ не обладаетъ въ этомъ отношеніи такимъ богатствомъ, какъ нѣмецкій, то все, что встрѣчается у другихъ, почти всегда находитъ въ собраніи Гримма соотвѣтствующее подтвержденіе или объясненіе. *Новая наука*, указанная Вико, стала возможною—какъ символика права“. И такъ какъ древнее нѣмецкое право широкою струей черезъ франковъ влилось во французское право, то Мишле, подъ руководствомъ книги Гримма, посвятилъ себя изученію правовыхъ обычаевъ и символовъ, и плодомъ этихъ занятій явилась въ 1837 году его интересная книга— „Происхожденіе Французскаго права, разыскиваемое въ символахъ и формулахъ Всеобщаго права“. Современная Франція представлялась Мишле какъ бы олицетвореніемъ принципа логики и отвлеченія. „Ея исторія,—говорить онъ,—живая логика—силлогизмъ“; централизація въ политикѣ—не что иное, какъ обобщеніе въ логикѣ, ибо обобщать, централизовать значитъ уничтожать оригинальныя частности, устранять все индивидуальное, сливая его въ вели-

вомъ единствѣ“. При такомъ взглядѣ на дѣло, Мишле задавался вопросами, всегда ли это такъ было?—отличается ли Франція отъ всѣхъ другихъ народовъ тѣмъ, что ея *право* начинается съ прозы! Является ли она собою единственный примѣръ націи прозаической съ перваго своего возраста, зрѣлой при самомъ рожденіи, разумной и логичной (*raisonneuse et logicienne*) уже въ колыбели, — или же ея поэтическія формулы, ея юридическіе символы навсегда погибли?

Книга Мишле не представляетъ собою систематическаго разслѣдованія и разрѣшенія этихъ вопросовъ, но заключаетъ въ себѣ на 500 слишкомъ страницахъ интересный матеріалъ изъ области юридическихъ обычаевъ и обрядовъ. Бѣльшая половина этого матеріала заимствована изъ книги Я. Гримма о правовыхъ обычаяхъ у германцевъ. Къ этому присоединены аналогическія явленія, заимствованныя у Дюканжа, изъ глоссарія Лорьера о древне-французскомъ правѣ, изъ изслѣдованія Бриссона о римскихъ формулахъ, изъ книги Мартене о древнихъ церковныхъ обычаяхъ, изъ законовъ Ману, изъ Ветхаго Завѣта, изъ путешествій по Востоку и т. д.

Собираемый такимъ способомъ со всѣхъ сторонъ матеріалъ соединенъ весьма слабою подчасъ связью. Синтезомъ ему, однако, служить общая, философская идея, которую Мишле выноситъ изъ разнообразія наблюдаемыхъ имъ формъ. Въ аналогіи символовъ онъ познавалъ „братство народовъ, братство идей“. На самомъ дѣлѣ, восклицаетъ Мишле, тому, кто не видитъ въ человѣческомъ родѣ великой семьи Бога, единства творенія и цѣли—эти столь согласно другъ другу вторящіе, хотя и не слышны другъ другу голоса, отъ Индуса до Темзы, должны представляться какою-то смущающей умъ диковиной! Мишле признается, что когда онъ впервые услышалъ этотъ всемірный хоръ, онъ былъ глубоко взволнованъ. Въ противоположность скептику Монтаню, который съ такимъ любопытствомъ справляется объ обычаяхъ у всѣхъ народовъ, чтобы отмѣтить нравственные диссонансы, Мишле подмѣчаетъ въ нихъ гармонію. „Чудо становилось нагляднымъ. Въ моей мелкой, мимолетной жизни, я, недостойный, осязалъ вѣчное общеніе (*communion*) рода человѣческаго“.

Къ этой философской мысли примѣшивается религиозный отѣнокъ. Мишле видитъ характерную черту нашего вѣка въ томъ, что человѣчество начинаетъ познавать гармоническое разнообразіе языковъ, правъ и нравовъ, узнавать въ этомъ свое единство, приходитъ къ самосознанію. Это самосознаніе человѣчества въ своемъ единствѣ, т.-е., прибавляетъ Мишле, въ своей божественности, слу-

жить для него вѣрнѣйшимъ залогомъ „нашего *религіознаго обновленія*“. Идея человечества и основанное на ней братство народовъ становятся для Мишле исходной почвой для новой религіи, долженствующей объединить народы и пробудить въ людяхъ съ новой силой заглохнувшій религиозный инстинктъ. Въ книгѣ о „просхожденіи французскаго права“ мы встрѣчаемъ и другую характерную черту міровоззрѣнія Мишле—его полу-поэтическое, полумистическое отношеніе къ природѣ. Изученіе юридическихъ символовъ, заимствованныхъ первобытнымъ человѣкомъ изъ окружающей его природы, должно было навести Мишле на вопросъ объ отношеніяхъ человѣка къ природѣ. „Въ глубокой древности,—говоритъ Мишле,—между человѣкомъ и природою еще не было отчужденія; они любили другъ друга. Но эта связь была не равна; человѣкъ былъ лишь слабымъ младенцемъ на колѣняхъ страшной красавицы; она заколдовывала его своимъ подвижнымъ взоромъ, смущала его своими могучими ласками“... „Нынѣ мы можемъ разгрызть, если хотимъ, роль гордыхъ царей творенія, но мы не должны забывать нашего воспитанія подъ руководствомъ природы. Растенія и животныя были нашими первыми учителями. Всѣ эти существа, которыми мы теперь управляемъ, въ то время руководили нами. Они направляли нашъ молодой разумъ своимъ болѣе вѣрнымъ инстинктомъ. Эти *мамы*, которыхъ мы теперь презираемъ, были тогда нашими совѣтниками. Намъ было полезно созерцать этихъ безпорочныхъ дѣтей Божіихъ. Спокойныя и чистыя, они въ своемъ молчаливомъ существованіи какъ будто хранили тайну, данную свыше. Дерево, изъ вѣка въ вѣкъ жившее, птица, вездѣ бывавшая, развѣ ничему насъ не могутъ научить?.. А эти крупныя волю, „величаво покоящіяся, по словамъ поэта, подъ темнымъ дубомъ“, развѣ нѣтъ мысли въ ихъ долгомъ раздумьѣ“?

III.

Міровоззрѣніе Мишле, котораго мы коснулись по поводу вышеуказаннаго спеціальнаго сочиненія, проявляется полнѣе въ его очеркѣ философіи исторіи, изданномъ въ 1831 году подъ заглавіемъ „Введеніе во Всеобщую Исторію“. Этотъ очеркъ особенно знаменателенъ для исторіи развитія самого Мишле, его научныхъ идей и общественныхъ стремленій. Основная мысль его заимствована у Гегеля; кромѣ того, и въ самомъ способѣ истолкованія фактовъ и примѣненія къ нимъ философской идеи встрѣчаются аналогіи съ философіей исторіи Гегеля; но эта фило-

софія исторіи лишена у Мишле своего метафизическаго смысла и значенія и приведена въ совершенно другому результату: у Гегеля вънцомъ всемірно-историческаго процесса является Германія, у Мишле — конечно Франція. У Гегеля всемірная исторія есть процессъ *освобожденія* міроваго духа, который путемъ этого процесса приходитъ къ сознанию своей духовности, къ *самосознанію* въ человѣчествѣ. Мишле усвоилъ себѣ понятіе *освобожденія* какъ конструктивный принципъ историческаго процесса; но придалъ ему реалистическій смыслъ борьбы съ природою. „Вмѣстѣ съ міромъ,—говоритъ онъ,—началась война, которая окончится лишь вмѣстѣ съ міромъ и не ранѣе—это борьба человѣка противъ природы, духа противъ матеріи, свободы противъ роковой необходимости. Исторія—не чтд иное, какъ повѣствованіе объ этой нескончаемой борьбѣ“... „Свобода уже подняла голову въ обществѣ; пора ей заявить о себѣ и въ наукѣ. Если это введеніе достигнетъ своей цѣли, исторія будетъ представляться вѣчнымъ протестомъ, прогрессивнымъ торжествомъ свободы“.

Объясняя свою мысль и заявляя, что борьба за свободу должна быть вѣчною, Мишле восклицаетъ: „да она будетъ продолжаться, не станемъ въ этомъ сомнѣваться,—пока воля человѣка будетъ ерѣпиться противъ преобладанія расы и климата, пока Байронъ будетъ оставлять промышленную Англію, чтобы жить въ Италіи и умирать въ Греціи, пока солдаты Франціи будутъ идти, во имя свободы міра, и безразлично ставить свои палатки на берегахъ Вислы или Тибра“. Вотъ это-то восхожденіе къ свободѣ Мишле беретъ прослѣдить „по пути солнца“, съ востока на западъ, „въ долгомъ движеніи человѣчества изъ Азіи въ Европу, изъ Индіи въ Францію“.

На исходѣ, въ Индіи, въ этой колыбели племенъ и религій, человѣкъ согбенъ, повергнутъ въ прахъ передъ всемогуществомъ природы! Подавленный ея произрастительной силою, онъ даже не пытается бороться и безусловно ей отдается. Съ отчаянія онъ впадаетъ въ пантеизмъ.

Впрочемъ онъ мститъ враждебной природѣ смѣлой логикой, отрицая дѣйствительность—или же бѣжить на западъ и, спасаясь въ Персію, начинаетъ длинный путь поступательнаго освобожденія человѣчества.

Персія—начало свободы среди роковой необходимости; свобода пробуждается и „проявляется въ ненависти къ предшествующему состоянію“, боги Индіи становятся злыми демонами; пантеизмъ замѣняется дуализмомъ, борьбою чистаго и разумнаго свѣта про-

тивъ материн; свѣтъ долженъ побѣдить, и его побѣда есть цѣль и назначеніе человѣка въ этомъ мірѣ.

Это — діалектика Гегеля, бойко и властно проводящая свою общую идею сквозозъ соотвѣтствующіе факты міеологіи и культурной исторіи Востока. Но мы встрѣчаемъ въ этомъ подражаніи и слабыхъ стороны такой діалектики, которая подчасъ выводитъ изъ абсолютной идеи культурные факты, обусловленные случайной обстановкой жизни. Такъ напр., Мишле старается придать затаенный смыслъ постройкамъ изъ обсушенныхъ на солнцѣ кирпичей, вывести съ натяжкой изъ философіи исторіи то, что объясняется отсутствіемъ болѣе прочнаго строительнаго матеріала. „Персія — великій *путь* человѣческаго рода; татары съ одной стороны, арабы съ другой, всѣ народы Азіи погостили, по очереди, въ этомъ каравансарай. Поэтому люди этой страны не заботились о томъ, чтобы возводить крѣпкія постройки. Въ современномъ Испаніи, какъ въ древнемъ Вавилонѣ, строятъ изъ кирпичей дома, легкіе кіоски, изящные павильоны, нѣчто въ родѣ палатокъ, разбитыхъ на время стоянки — сынъ не наследуетъ жилища своего отца“.

Однако нить, которая должна вести изъ Индіи во Францію, здѣсь обрывается у Мишле. Онъ ее снова завязываетъ въ Египтѣ, откуда свобода вырывается, спасаясь въ горахъ Іудей. Іудея прокляла египетскаго золотого тельца, какъ Персія ниспровергла идола Индіи. Принципъ Іудей — единый Богъ и единый храмъ; священный городъ хранитъ въ этомъ храмѣ безцѣнный залогъ единства, и міръ, свершивъ на Западѣ, въ Греціи и въ Римѣ свою задачу, идетъ въ Іерусалимъ преклонять колѣни. Такимъ *образнымъ* оборотомъ рѣчи устанавливается связь между Востокомъ и Европой, гдѣ человѣчество, „обгонецъ изъ Азіи“, обрѣтаетъ свободу. Живописнымъ *образомъ* начинается и исторія Европы. Она представляется исторіею въ лицѣ богатыря, голова котораго во Франціи, могучія руки протянуты къ Африкѣ, а ноги погружены въ плодородіе азіатскаго варварства. *Расчлененіе* составляетъ признакъ высшихъ организмовъ; превосходство Европы передъ Азіей — въ ея расчлененіи, а всего поразительнѣе это расчлененіе въ Греціи.

Греческій міръ — непрерывная борьба; въ этой борьбѣ три момента: Греція нападаетъ на Азію въ троянской войнѣ; она отражаетъ ее при Саламинѣ, она укрощаетъ ее въ лицѣ Александра. Но она еще лучше укрощаетъ ее въ самой себѣ, когда отвергаетъ съ многоженствомъ чувственную природу и ставитъ женщину въ уровень съ мужчиной, когда сводитъ гигантскіе идола къ человѣческимъ размѣрамъ и надѣляетъ ихъ способностью къ совершенствованію и къ красотѣ. Въ Греціи боги

выступаютъ изъ своего величественнаго символизма, становятся гражданами своего города и принимаютъ участіе въ быстромъ прогрессѣ гуманизаци. Но этотъ малепькій міръ самой своей красотой обреченъ на гибель. Красота должна миновать, молодость неминуемо уступаетъ мѣсто зрѣлости. Греція исполнена внутренней борьбы племенъ и городовъ—іонянъ и дорянъ, Спарты и Аѳинъ. Римъ вмѣщаетъ въ своихъ стѣнахъ *оба* племени—этрусское и латинское, *оба* города—священный и героическій, патриціанскій и плебейскій, *оба* принципа—восточный и западный, прочность и прогрессъ, природу и свободу.

Римъ не знаетъ исключительности: внутри—онъ даетъ къ себѣ доступъ плебеямъ; снаружи—латинянамъ, италиямъ, провинціаламъ. Подобно тому какъ римская семья усиливается путемъ усыновленія, расширяется и дробится посредствомъ эманципаци, городъ усыновляетъ гражданъ, потомъ цѣлые города подъ именемъ муниципій и въ то же время воспроизводитъ себя безъ числа въ своихъ колоніяхъ; во всякой завоеванной области онъ оставляетъ послѣ себя молодой Римъ, представляющей собою метрополию. Поэтому, тогда какъ греческій городъ, выводя колоніи, но не усыновляя ихъ, разбрасывался и долженъ былъ умереть отъ истощенія, Римъ растетъ съ правильностью живого организма и поочередно ассимилируетъ себѣ весь міръ. „Эго величественное усминовеніе народовъ заставило римлянъ думать, что они совершили дѣло человечества. Римъ, ошибаясь подобно Александру, мнилъ, что осуществилъ вселенскій, вѣчный городъ. А между тѣмъ варвары, христіане, рабы, протестовали, каждый по своему—Римъ не *мировой* городъ—и различнымъ способомъ разрушали это ложное единство.

Рабство *обезлюдило* римскую имперію; это былъ ракъ, который все болѣе и болѣе развѣдалъ страну, подъ конецъ его нечѣмъ было питать, негдѣ было взять новыхъ рабовъ. Такъ рабство подготовило мѣсто для варваровъ, которые скоро сами стали приходить на рынки Рима, но свободные, вооруженные, чтобы отомстить за своихъ предковъ.

А на аренѣ Колизея варваръ встрѣтился съ христіаниномъ, представителемъ свободы Востока и Запада. „Мы—чадо этого союза, мы и весь грядущій міръ“.

Въ введеніи къ „Всеобщей Исторіи“ у Мишле, этого сына XVIII-го вѣка, уже встрѣчается нерасположеніе къ духовенству. Въ Персіи духовенство (маги) является у него лишь для того, чтобы обнаружить свою немощь.

Въ Египтѣ „строители пирамидъ“, „братья Хеопсъ и Хев-

ремъ (sic)“, являются противниками жрецовъ; они запрещаютъ жертвоприношенія; ихъ гробницы должны затемнить блескъ храмовъ; и такимъ образомъ въ глазахъ Мишле самый великій памятникъ Египта становится „протестомъ человѣчности“.

Но это явное нерасположеніе въ духовенству не распространилось тогда у Мишле на христіанскую религію. Мы, напротивъ, находимъ у него полную пониманія, краснорѣчивую и даже восторженную оцѣнку ея мірового значенія. Упомянувъ о восточныхъ культахъ въ римской имперіи, которыя „пытались возродить человѣка, жаждавшаго искупленія“, Мишле замѣчаетъ: „глубоко, однако, было различіе между христіанствомъ и другими восточными религіями. Послѣднія погружали человѣка въ матерію, возводили на степень символа цинической знакъ жизни и рожденія. Христіанство усвоило себѣ принципъ духа, идею смерти. Жизнь, природа, матерія, роковая необходимость, были принесены имъ въ жертву. Тѣло и плоть, доселѣ обожествлявшіяся въ языческихъ храмахъ, были изображаемы добычею смерти и истребленія. Свобода, жаждавшая страданій, устремилась въ амфитеатръ, чтобы испытать наслажденіе казни.“

„Я искренно лобызалъ деревянный крестъ, возвышающійся посреди Колизея, имъ побѣжденнаго. Съ какою страстью молодая христіанская вѣра обнимала его, когда она здѣсь появилась среди львовъ и леопардовъ! И нынѣ еще,—какое бы будущее ни готовилось для этого креста, все болѣе и болѣе одинокаго,—равнѣ онъ не представляетъ единственнаго убѣжища для религіозной души? Алтарь утратилъ свои почести, человѣчество постепенно отъ него удаляется; но, я васъ прошу, скажите мнѣ, если вы знаете,—высился ли гдѣ-нибудь другой алтарь“?

Лишь нѣсколько страницъ посвящены среднимъ вѣкамъ, но онѣ полны поэзіи, потому что молодой историкъ былъ тогда еще въ состояніи черпать одушевленіе изъ поэтическаго спиритуализма среднихъ вѣковъ. Изображая ихъ, Мишле говоритъ: „Достойна удивленія система, въ которой организовались и расположились другъ противъ друга царство Божіе и царство человѣка. Сила матеріальная, плоть, наследственность—въ феодальной организаціи; въ церкви—слово, духъ, избраніе. Сила повсюду, духъ въ центрѣ и духъ, укрощающій силу. Люди желѣза въ *своихъ крѣпкихъ латахъ* сгибались передъ невидимымъ мечомъ, и сынъ холопа поставилъ свою ногу на голову Фридриха Барбароссы. Но духъ не только преобладалъ надъ силою, а увлекалъ ее за собою. Это торжество духа надъ силою выразилось въ крестовыхъ походахъ—въ войнѣ Европы противъ Азіи, въ войнѣ святой

свободы противъ чувственной и нечестивой природы. Эта борьба, однако, еще нуждалась въ матеріальномъ символѣ, который могъ служить непосредственною цѣлью: такою цѣлью было освобожденіе гроба Іисуса Христа. Всѣ, мужчины и женщины, старые и молодые, пускались въ путь безъ оружія, безъ хлѣба, безъ кораблей, увѣренные, что Господь ихъ накормитъ, ихъ защититъ, ихъ перенесетъ за море“...

Такъ совершалось въ теченіе тысячи лѣтъ это продолжительное чудо среднихъ вѣковъ, эта восхитительная легенда, слѣды которой съ каждымъ днемъ исчезаютъ на землѣ; въ ней можно было бы усомниться спустя нѣсколько вѣковъ, еслибы она не воплотилась, не кристаллизовалась въ безчисленныхъ стрѣльчатыхъ башенкахъ и остроконечностяхъ, въ оконныхъ розѣтахъ и аркахъ соборовъ Кельна и Страсбурга, въ пяти тысячахъ мраморныхъ статуй, увѣнчивающихъ миланскій соборъ. Кто, взирая на эту нѣмую рать апостоловъ и пророковъ, святыхъ и богослововъ, расположившихся лѣтвицей между землею и небомъ, не узнаетъ Божьяго гроба, воввышающаго до Него мысль человѣка? Каждая изъ этихъ башенокъ, которыя какъ будто хотятъ взвиться вверхъ — окаменѣлая молитва, безсильное вождѣніе, задержанное въ своемъ полетѣ тиранніей плоти. Остріе, которое рвется къ небу съ такимъ изумительнымъ порывомъ, свидѣтельствуетъ передъ Всевышнимъ, что въ воли, по крайней мѣрѣ, не было недостатка“¹⁾...

„Но чары исчезли для человѣческаго рода. Послѣднее слово христіанства въ искусствѣ—осталось недостроеннымъ“²⁾... Изъ темной толпы поднялись три образа: *законоутѣ* въ своей черной рясѣ выступилъ передъ священникомъ въ бѣлой рясѣ и противопоставилъ его праву *свое*; купецъ зазвонилъ въ вѣчевой колоколь и заградилъ путь рыцарю, а съ земли поднялся съ страшнымъ смѣхомъ холопъ. „Свобода побѣдила, справедливость преодолѣла“!.. „Поступательное торжество личности, исконное дѣло освобожденія человѣка шли своимъ чередомъ“.

Мы на порогѣ новой исторіи. „Какимъ образомъ,—спрашиваетъ Мишле,—совершилась въ Европѣ работа освобожденія человѣческаго рода“? Въ какихъ размѣрахъ этому содѣйствовала каждая изъ четырехъ политическихъ личностей, которыя называются Франція и Италія, Англія и Германія?

1) Насколько Мишле въ это время вѣрнѣе понималъ религіозный духъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ впоследствии, ослѣпленный борьбою противъ клерикализма, видно изъ того, что онъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій выражалъ раскаяніе въ томъ, что приписывалъ готическіе соборы аскетизму (Le Vanquet, p. 81).

2) Мишле разумѣлъ Кельнскій соборъ, нинѣ достроенный.

Мишле дѣлаетъ по этому поводу совершенно вѣрное замѣчаніе, что новая Европа— „*весьма сложный организмъ, единство, душа и жизнь котораго— не въ томъ или другомъ преобладающемъ членѣ, но въ отношеніяхъ и взаимномъ воздѣйствіи этихъ членовъ, въ ихъ сокровенной гармоніи*“. „Мы не можемъ сказать, что сдѣлала Франція,—продолжаетъ онъ,—что она представляетъ собою и чѣмъ она будетъ, не обратившись для рѣшенія этого вопроса въ совокупности европейскаго міра“.

Задача прекрасно поставлена, но она не исполнена. Въмѣсто того, чтобы опредѣлить роль четырехъ великихъ націй въ исторіи цивилизаціи, вторая часть *введенія* даетъ лишь характеристики нрава и духа этихъ націй; только въ изображеніе Франціи входятъ нѣкоторыя историческія данныя.

Характеристика Германіи написана съ большой симпатіей. Воспоминанія о лейпцигской битвѣ и Блюхерѣ не оставили горькихъ слѣдовъ въ душѣ историка, или смолкли передъ впечатлѣніями, вынесенными изъ университетовъ и книгъ Германіи. Народная поэзія, открытая Гриммомъ, поэзія миннезенгеровъ, литература, реформація, съ которыми Мишле былъ хорошо знакомъ, дали ему возможность взглянуть глубоко въ душу націи, которую онъ желалъ изобразить. Изрѣдка въ его работѣ проглядываетъ классически образованный парижанинъ, которому все еще становится жутко въ странѣ дебрей и варваровъ, описанныхъ Тацитомъ; онъ говоритъ съ удивленіемъ о *контрастахъ*, встрѣченныхъ въ Германіи, „объ ученыхъ библіотекахъ среди лѣсовъ“ и объ „оленяхъ, приходящихъ пить подъ балконами курфирстовъ“. Мишле приписываетъ современникамъ Гёте и Гегеля добродѣтели первобытныхъ варварскихъ народовъ; онъ подчеркиваетъ гостепріимство нѣмцевъ, ихъ расположеніе къ иноземцамъ, ихъ *пристрастіе* къ нимъ. „Швабы, столь пострадавшіе отъ нашихъ солдатъ, плавали при разставаніи съ ними“.

Основная черта германскаго духа, по Мишле, это легкость самоотверженія, отреченіе отъ своего я въ пользу чего-нибудь другого. Неудивительно, что Германія—колыбель феодализма, что тамъ впервые человѣкъ вкладывалъ свою руку въ руку другого и влялся умереть за него. Эта безкорыстная, безусловная преданность, надъ которой смѣются южные народы, составила величіе германской расы. Это *служеніе* другому просвѣчиваетъ въ нѣмецкомъ эпосѣ, въ идеализаціи женщины, въ нѣмецкой философіи. Принесши себя въ жертву своему сеньору, своей дамѣ, въ чемъ германецъ откажетъ своему Богу? Ни въ чемъ! онъ отступится даже отъ своей свободы, отъ нравственности! На этой почвѣ возникъ

нѣмецкій пантеизмъ. Мы снова въ Индіи! Пусть приходятъ всѣ религіи, всѣ философіи, всѣ народы съ своей исторіей; современный Фаустъ ихъ поглотитъ, ихъ отразитъ въ океанѣ своей поэзіи.

Но въ этомъ и обратная сторона: въ политическомъ отношеніи Германія для Мишле—страна „нерѣшительности“, лишенная твердыхъ очертаній и границъ, расплывчатая; это—не нація, а племя. Оно расплывалось по Европѣ, пока не было сдержано крѣпкими границами окружающихъ монархій. Отсюда и неустойчивость въ ея внутреннемъ развитіи—колебаніе между ярмомъ среднихъ вѣковъ и жаждой нововведеній. Отсюда тщетность усилий великихъ богатырей мысли—Лютера, Канта, Фихте; все кончается въ мистицизмѣ; философія Фихте, гѣсенъ Кѣрнера и 1814-й годъ заканчиваются своимъ, хотя и неспокойнымъ. Германія заслужила въ пантеизмѣ Шеллинга, и если Сѣверъ изъ него выпелъ съ Гегелемъ, то это было жертвою насилія надъ священнымъ убѣжищемъ человѣческой свободы, окаменѣнія исторіи. Последнее слово этой характеристики у Мишле, какъ бы результатъ всей исторіи Германіи—національная *летаргія*.

„Нѣтъ,—воскликаетъ Мишле,—великая, ученая, могучая Германія не имѣетъ права презирать бѣдную Италію, которую она сокрушаетъ. То, что обуславливаетъ униженіе Италіи, какъ націи—это именно неукротимая сила *личности*, не подчиняющаяся дисциплинѣ оригинальность, которая уединяетъ въ ней индивидуумовъ. Но дайте время этой древней владычицѣ міра, этой старинной соперницѣ Германіи!

Италіи чуждъ инстинктъ самоотреченія. Итальянецъ не склоненъ потеряться съ божествомъ и съ міромъ въ одномъ идеализмѣ. Онъ, напротивъ, заставляетъ Бога сходить къ себѣ, материализуетъ его, видитъ въ немъ предметъ для искусства. Онъ дѣлаетъ изъ религіи, и подчасъ совершенно искренно, орудіе политики. Религія искони представляется ему съ точки зрѣнія практической пользы. Для подтвержденія этой практичности итальянскаго духа Мишле указываетъ на дивинацію этрусковъ, на каноническое право, возникшее, какъ и аугуральное право, въ Италіи, на гражданскую архитектуру, въ которой Италія опередила другіе народы, на тактику, въ которой Италія была учительницей всѣхъ другихъ; на характеръ феодализма въ Италіи, не знавшаго основного феодальнаго принципа—вѣры или вѣрности челоуѣка челоуѣку! Героизмъ итальянца болѣе высокаго пошиба; онъ умѣетъ умирать, но за идею, за свободу. Всякая другая преданность—ребячество въ глазахъ соотечественника Макиавелли. Отысканіе ненужныхъ опасностей, обожествленіе женщины, энтузіазмъ

феодалной вѣрности, все это вызываетъ въ немъ нескончаемый смѣхъ. Рыцарская поэма итальянцевъ — сатира надъ рыцарствомъ (Orlando Furioso).

Въ новой, какъ и въ древней Италіи господствуетъ духъ *муниципальной* обособленности: Мишле находитъ его и въ поэзи, и въ философіи итальянцевъ, и потому отъ общей характеристики итальянскаго духа скоро переходитъ къ изображенію отдѣльныхъ провинцій и мѣстностей. Въ результатъ онъ отдаетъ предпочтеніе сѣверу: „голова Италіи, — говоритъ онъ, — которая въ древности была на югѣ, теперь — въ Романьѣ, Миланѣ и Піемонтѣ, въ кельтическихъ областяхъ Италіи“. „Это значить, что у Италіи мало надежды на оригинальность, и что долго по крайней мѣрѣ ея взоры будутъ обращены на Францію“.

Обзоръ Германіи и Италіи привелъ Мишле къ заключенію, что ни въ странѣ „племень“ (de la tribu), ни въ странѣ „городовъ“, нѣтъ настоящихъ условій для свободы. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, нравственная свобода подавлена мѣстными вліяніями расы и климата. Условія эти представляетъ лишь Франція. Прежде всего потому, что „скрещеніе расъ, смѣсь противоположныхъ цивилизацій — самые могущественные пособники свободы“, такъ какъ ими нейтрализуются роковыя вліянія расъ. „Что наименѣе просто, наименѣе естественно (naturel), наиболѣе искусственно (artificiel), то именно наиболѣе человѣчно и свободно въ мірѣ“! — восклицаетъ Мишле, разумѣя Европу. „Европу же по преимуществу представляетъ собою мое отечество — Франція“! Необходимо отмѣтить здѣсь это патетическое заявленіе, отождествляющее сложное и искусственное развитіе съ торжествомъ прогресса и свободы; Мишле потомъ круто измѣнилъ этому взгляду въ увлеченіи другимъ идеаломъ!

Другое преимущество Франціи, въ глазахъ Мишле — централизація ея жизни. Въ Германіи нѣтъ центра; Италія его имѣла, но утратила. Причину централизаціи Франціи Мишле страннымъ образомъ ищетъ не въ историческихъ условіяхъ ея роста, не въ монархическомъ прошломъ, а въ *физиономіи* той области, которая послужила ей колыбелью. „Центральная Франція (Иль-де-Франсъ и Шампанья) — страна низменная, ровная, однообразная, скучная; ея характеръ обусловливается отсутствіемъ характера и всякой провинціальной оригинальности“; въ силу этого она могла послужить общей связью, посредницей между остальными областями.

Итакъ, „тѣсное сліяніе расъ“ обусловливаетъ собою, по Мишле, то, что Франція является сильно развитою *личностью* (personnalité). Съ этимъ утвержденіемъ не совсѣмъ согласно изображеніе

французскаго *склада*, въ которомъ выступаютъ у Мишле „исконныя, всѣмъ извѣстныя черты гальской расы“; но во всякомъ случаѣ самое изображеніе французской націи написано у него мастерскою рукою и весьма напоминаетъ другого *мастера* въ изображеніи расовыхъ типовъ,—Тэна.

Основная черта (*le génie propre*) французской націи—*дѣятельность* (*l'action*); вотъ почему ей принадлежитъ міръ. Это народъ воиновъ и дѣльцовъ (*hommes de guerre* и *homme d'affaires*), а это въ сущности то же самое. „Юридическія препирательства—поприще, на которомъ никто насъ не превзойдетъ,—восклицаетъ Мишле:—прокуроръ—французскаго происхожденія“. Легистамъ же предшествовали богословы-схоластики парижскаго университета; въ его гимнастическія упражненія всѣ средневѣковыя знаменитости; здѣсь не менѣе, чѣмъ въ крестовыхъ походахъ и въ войнахъ съ англичанами, блисталъ воинственный духъ (*génie batailleur*) націи. Отсюда отправлялись въ походъ странствующие рыцари діалектики. Быстрота меча и зыбка, всегда готовый доводъ и софизмъ—свойство общее всѣмъ кельтическимъ народамъ. Но что свойственно однимъ французамъ, что ставитъ ихъ въ глазахъ Мишле выше всѣхъ другихъ народовъ—это ихъ *соціальное* призваніе (*le génie social*). Признаками этого соціальнаго призванія онъ считаетъ три *свойства*, „повидимому противорѣчивыя“—легкое *воспріятіе* чужихъ идей, пламенный *прозелитизмъ*, побуждающій распространять *свои* идеи, и *организаторскій* талантъ, способность приводить въ систему, кодифицировать тѣ и другія.

Мишле утверждаетъ, что Франція *италианизировалась* въ XVI, *англизировалась* въ концѣ XVIII вѣка; но зато она *офранцузила* въ XVII вѣкѣ всѣ прочіе народы. Но какой характеръ носить это стремленіе подчинить себѣ другіе народы? „Любовь къ завоеваніямъ—лишь предлогъ для войнъ Франціи; на этотъ счетъ французы обманывали сами себя; самое пламенное побужденіе къ ихъ войнамъ заключается въ *прозелитизмъ*. Французъ желаетъ прежде всего наложить на побѣжденныхъ свою личность; не какъ свою собственную, а какъ типъ добра и изящества—это его наивная вѣра“... Всеобщая ассимиляція, къ которой стремится Франція—не та, о которой мечтали въ своей эгоистической и матеріальной политикѣ Англія и Римъ. „Это ассимиляція умовъ; завоеваніе воли; никто не успѣвалъ въ этомъ лучше насъ; каждая изъ нашихъ армій оставляла послѣ себя новую Францію... Франція съ жаромъ вводитъ и выводитъ новыя идеи: она спавиваетъ ихъ въ одно съ удивительною силою и становится черезъ это народомъ-законодателемъ новаго времени,

какъ Римъ въ древности... Франція дѣйствуетъ и разсуждаетъ, издаетъ постановленія и сражается; она тревожитъ (гетше) міръ, она творитъ исторію и повѣствуетъ ее". Нигдѣ, кромѣ Франціи, нѣтъ мемуаровъ, личной исторіи. Во Франціи, какъ только человѣкъ что-нибудь сдѣлалъ или видѣлъ, онъ спѣшитъ записать это. Часто онъ преувеличиваетъ, но справедливо будетъ сказать, что это преувеличеніе часто безкорыстно. Оно происходитъ отъ обычнаго желанія произвести эффектъ. „Другими словами, это слѣдствіе ораторскаго и риторскаго духа, который составляетъ покровъ и силу нашего національнаго характера“.

Примиримся съ этимъ: литература Франціи состоитъ въ краснорѣчїи и въ риторикѣ, какъ искусство Франціи обнаруживается въ творествѣ моды. И литература, и мода, одинаково заняты тѣмъ, чтобы украсить, *увеличить* личность. Краснорѣчіе можетъ зародиться лишь въ обществѣ, на почвѣ свободы. Въ поэзіи природа обладаетъ надъ душою поэта; краснорѣчіе же—голосъ освободившагося отъ нея человѣка. Потому французскій народъ по преимуществу народъ реторики и прозы. „Франція,—восклицаетъ Мишле,—страна прозы“. Какіе прозаики міра могутъ стать рядомъ съ Боссюэтомъ, Паскалемъ, Монтескьё и Вольтеромъ? Но что такое проза? Это самая отвлеченная, чистая, прозрачная форма мысли, наименѣе матеріальная, наиболѣе свободная и общая всѣмъ людямъ, т.-е. самая *человѣчная*. Мы встрѣчаемся здѣсь съ идеями Вико, который признавалъ поэзію естественнымъ языкомъ героическаго вѣка, а прозу языкомъ гражданскаго быта—демократіи. Мишле примѣняетъ эту мысль къ Франціи. Въ преимущественно прозаическомъ характерѣ французской націи онъ видитъ особенно яркое проявленіе ея демократическаго духа и признакъ ея призванія поднять всѣ умы на одинъ уровень.

Но откуда этотъ демократическій духъ Франціи? Мишле ведетъ его начало не „со вчерашняго дня“. Въ его отвѣтъ слышатся уроки Гизо, которые, однако, имъ были весьма скоро забыты. Демократическій духъ Франціи росъ подъ покровительствомъ духовенства и монархіи. Уже друиды были союзниками „народа городовъ“ противъ аристократіи. Въ франкской монархіи священникъ и холопъ, къ классу котораго первый часто принадлежалъ, обращаютъ свои взоры къ королевской власти. Самые популярныя изъ королей всѣхъ трехъ династій отмѣнены расположеніемъ къ этому союзу жреческаго и народнаго элемента. Священникъ и король одинаково содѣйствуютъ освобожденію *сервовъ* и созданію *общинъ* (коммунъ). Но священникъ и монархъ, — говоритъ Мишле, — скоро раскаялись въ томъ, что

способствовали мятежной вольности коммунъ, обратившихся противъ нихъ. Короли приостановили паденіе феодальной аристократіи. Священникъ, отдѣленный отъ народа сословнымъ интересомъ, возсѣдалъ около монарха въ качествѣ министра и въ теченіе пяти вѣковъ управлялъ Франціей поочередно съ легистомъ. „*Медленное* искорененіе феодализма было однако полезно для Франціи: преждевременная свобода коммунъ покрыла бы Францію, какъ Италію, городскими республиками, и Франція никогда бы не стала націей. Подъ управленіемъ священника и короля росъ и крѣпнулъ народъ какъ бы подъ мистическимъ покровомъ, и, очнувшись однажды крѣпкимъ и сильнымъ, онъ выбросилъ пеленки изъ колыбели“.

„Продолжительная нивелировка Франціи подѣйствіемъ монархіи“ имѣла, въ глазахъ Мишле, еще другое преимущество: она глубоко отдѣлила ее отъ Англіи, съ которой ее „такъ упрямо сравниваютъ“. Мишле отвергаетъ всякое подобное сравненіе: „Англія,— говоритъ онъ,— служить объясненіемъ Франціи, но лишь какъ ея полная противоположность“. Германія и Италія изображены, какъ мы видѣли, у Мишле съ пониманіемъ ихъ исторіи и національнаго духа; изображеніе Англіи у него карикатура, внушенная воспоминаніями объ упорной борьбѣ „вѣроломнаго Альбіона“ съ республикой и Наполеономъ. „Англія— это олицетвореніе въ одномъ народѣ человѣческой гордости. Англичане властители моря — этого міра безъ законовъ и безъ предѣловъ—соединяютъ въ себѣ дивную жесткость датскаго пирата съ феодальнымъ высокомѣріемъ лорда, потомка нормандцевъ“... Сколько разъ нужно громоздить другъ на друга Тиръ и Карфагенъ, чтобы они могли поравняться въ нахальствѣ съ титанической Англіей“?

Этотъ міръ гордыни несетъ въ себѣ свою искупительную кару: онъ состоитъ изъ противорѣчій, изъ двухъ враждебныхъ принциповъ — промышленности и феодализма; эти два эгоистическихкія принципа сходятся лишь въ одномъ—въ страсти приобрѣтать богатство и наслаждаться имъ. У англичанъ поэтому золота—что въ морѣ песку. Пусть они глотаютъ его, если могутъ. Но нѣтъ, они хотятъ имъ насладиться и знать, что они наслаждаются, и потому они ищутъ убѣжища въ узкомъ благоуміи, въ „комфортабельности“. Однако точка пресыщенія и сюда проникаетъ. Тогда все потеряно; раздаются крики отчаянія и богохульства—разгулъ атеизма, нечестивый героизмъ порождаютъ въ литературѣ *сатанинскую* школу, которая вопіетъ съ Мильтономъ:

„Зло, будь моимъ добромъ!“ — и впадаетъ съ Байрономъ въ „бездонное отчаяніе вѣчной гибели“.

Сила этой гордыни не прочна. Не говоря объ Ирландіи, ненависть вездѣ подрываетъ англійское могущество: валлиецъ поетъ о возвращеніи Артура и Бонапарта и о предстоящемъ униженіи Англій; шотландецъ лишь изъ расчета слѣдуетъ за ней, а вѣрпкій потомокъ Сакса ломаетъ машины Манчестера. Правда, англійскій героизмъ положилъ начало современной свободѣ. Но вѣдъ вездѣ освобожденіе изъ-подъ власти совершалось сначала посредствомъ аристократіи и въ опьяненіи человѣческимъ я; однако героизмъ еще не свобода; героическій народъ Европы — Англія, но свободный народъ — Франція. Феодальная Англія — торжество древняго варварскаго героизма, аристократіи, свободы въ видѣ привилегій. Но свобода безъ равенства, свобода несправедливая и нечестивая — не чтѣ иное, какъ антисоціальный принципъ въ самомъ обществѣ. Франція же хочетъ свободы въ равенствѣ, и въ этомъ заключается ея соціальный инстинктъ (*le génie social*), ея соціальное призваніе. Свобода Франціи — справедливая и святая свобода. Поэтому Франція была достойна положить начало свободѣ міра и впервые объединить всѣ народы въ настоящемъ единствѣ разума и воли. Мишле по этому поводу дѣлаетъ весьма знаменательную оговорку, чтобы точнѣе опредѣлить свою мысль. „Нужно ли говорить, — спрашиваетъ онъ, — что здѣсь идетъ рѣчь о равенствѣ *правъ*, или точнѣе — о равенствѣ средствъ получить образованіе и о политическихъ правахъ, которыя должны быть съ этимъ связаны“. Онъ поясняетъ далѣе свой взглядъ словами, „что равенство въ свободѣ — идеаль, къ которому мы должны все ближе и ближе подходить, хотя никогда его не достигнемъ (*sans jamais y toucher*)“.

Установивъ такимъ образомъ насчетъ Англій міровое призваніе Франціи, Мишле высказывалъ, что національный складъ, доставившій Франціи роль руководительницы челоуѣчества, обуславливаетъ собою и неприятыя черты. „Духъ свободы и резонерства, призванный къ борьбѣ, обнаруживается въ неизящныхъ формахъ войны, промышленности, критики, діалектики. Насмѣшливая улыбка, самая страшная форма отрицанія — не украшаетъ устъ, на которыхъ появляется“. Мишле называлъ *гримасой* сатиру Раблэ, этотъ первый нашъ взглядъ, брошенный назадъ на средневѣковой міръ. Эта гримаса заставляетъ содрогнуться при сравненіи съ благородной ироніей Сервантеса и граціозной шуткой Аріосто. Въ одномъ изъ примѣчаній, приложенныхъ къ книгѣ, Мишле даже заявляетъ, что „французъ — тотъ злой мальчикъ, драчунъ, который всѣхъ дру-

гихъ билъ“, какъ говорила о своемъ сынѣ добрая мать Дюгес-клена.

Но зато едва ли какой-нибудь другой народъ въ сутолохѣ борьбы и жизни лучше сохранилъ свою чистоту. „Намъ дана привилегія предаваться пороку, не погибая въ немъ, не унижаясь безусловно. Это потому, что въ увлеченіи зломъ мы собственно тѣшимся сознаниемъ, что мы *дѣйствуемъ*,—а возможностью доказать самимъ себѣ *злоупотребленіемъ* свободы—что мы свободны! Поэтому нечего тужить; съ помощью здраваго смысла мы всегда возвращаемся къ идеѣ порядка“.

„При томъ много будетъ прощено нашему народу за его благородный социальный инстинктъ“. Онъ интересуется свободой міра; его приводятъ въ волненіе самыя отдаленныя бѣдствія. Все человечество вибрируетъ въ немъ. Въ этой живой симпатіи—его слава и его красота. Не смотрите на отдаленныхъ индивидуумовъ; берите ихъ въ массѣ и особенно въ моментъ дѣйствія. Никто не можетъ такъ живо наэлектризоваться общимъ чувствомъ, какъ французъ — на балу ли, или въ сраженіи. Благородные поступки, великія слова, исходятъ отъ него безъ усилія; онъ произноситъ то, чего никогда не зналъ. Божественный социальный духъ развязываетъ ему языкъ. Въ особенности въ минуту опасности, когда іюльское солнце озаряло торжество свободы, когда ружейный огонь вторилъ огню, когда пуля и смерть летали туда и оттуда—самая тупость становилась краснорѣчивѣе; трусость—храбра; эта трепещущая жизнью пыль поднималась, искрилась и сіяла удивительной красотой. Жгучая повѣя исходила изъ массы среди трезвона набата и грома перестрѣлки“...

Такъ сливаются у восторженнаго свидѣтеля іюльской революціи въ одинъ общій гимнъ патриотизмъ и любовь къ свободѣ. Изъ воспоминаній объ іюльскихъ дняхъ Мишле вынесъ еще одну идею, которой было суждено пустить въ его душѣ глубокіе корни. „Что особенно замѣчательно въ іюльской революціи, — продолжаетъ Мишле,—это то, что она представляетъ собою первый примѣръ революціи безъ героевъ, безъ собственныхъ именъ; въ ней нѣтъ ни одного индивидуума, къ которому слава могла прилѣпиться. Все сдѣлано обществомъ. Никто ничего не приготовилъ; никто не руководилъ; никто другихъ не затемнялъ. Послѣ побѣды стали искать героевъ—и нашли цѣлый народъ“...

„Никогда еще міру не представлялось такого удивительнаго единства. Пятьдесятъ тысячъ человекъ собрались вмѣстѣ, согласные умереть за идею. Но это были только самые храбрые; тысячи сердець бились за-одно съ ними; внезапное поднятіе трех-

цвѣтнаго знамени по всей Франціи выражало единодушіе многихъ милліоновъ людей. Но въ этомъ сильномъ порывѣ преобладала идея порядка. При временномъ отсутствіи правительства и какаго-либо вождя обнаружился невидимый властитель міра — *право и законъ*. Чтѣ всего болѣе умиляетъ Мишле, это то, что среди такой смуты въ теченіе трехъ дней не было ни одного убійства, ни одной кражи. „Въ другое время въ этомъ видѣли бы чудо; теперь мы видимъ въ этомъ лишь дѣло человѣческой свободы; но чтѣ болѣе божественно, чѣмъ порядокъ въ свободѣ“?

Эти воспоминанія внушаютъ Мишле надежду и довѣріе къ будущему, ибо онъ предвидитъ страшную эпоху смуты — „перипетію трагедіи, жертвой которой будетъ цѣлый міръ“, „эпоху разрушенія, разложенія, анализа и критики“. Человѣкъ переходитъ отъ одной системы къ другой: въ философіи — путемъ логическаго анализа; въ общественномъ быту — путемъ революцій и войнъ; всякій разъ, когда человѣчество сбрасываетъ съ себя какой-нибудь покровъ, чтобы облечься другимъ, болѣе духовнымъ, это дѣлается не безъ тяжелаго усилія; „нужно однако, чтобы дитя оставило грудь матери и попыталось стать на ноги и идти впередъ. Такъ воспрянь же, — восклицаетъ Мишле, — чадо провидѣнія; иди, ты не можешь остановиться: „На то воля Господа“, какъ гласилъ призывъ крестоносцевъ“. Мишле представляетъ себѣ долгій, историческій путь человѣчества, какъ перехода отъ Восточнаго Бога къ Соціальному. Его смущаетъ сознаніе, что наступитъ моментъ, когда первый исчезнетъ изъ вида, а второй еще не будетъ зримъ. „Какъ же изъ глубины этой пропасти подняться къ Богу“? Отвѣтомъ на этотъ тревожный вопросъ служить для Мишле вѣра въ историческій процессъ. Человѣчество вѣчно идетъ отъ разрушенія къ созиданію, отъ анализа къ синтезу. Во время анализа всѣ отношенія исчезаютъ, всѣ связи порываются, соціальное и божественное единство становится нечувствительнымъ. Но мало-по-малу связи снова обнаруживаются въ наукѣ и въ обществѣ; міръ покрывается цвѣтомъ новой формации, и человѣкъ узнаетъ въ ней въ бѣльшей красотѣ и чистотѣ образъ божественнаго порядка.

„Нынѣ наукѣ обрѣтается въ періодѣ анализа; она занята мелочнымъ наблюденіемъ подробностей; общество предается неприглядному и грязному дѣлу разрушенія; оно расчищаетъ почву отъ остатковъ сокрушившагося роковаго міра. Все это происходитъ весьма медленно, продолжается уже болѣе сорокъ лѣтъ; но чтѣ такое сорокъ лѣтъ въ жизни націи?.. Единство — и на этотъ разъ *свободное* единство — уже обнаруживается въ соціальномъ мірѣ: наука

наблюденіемъ надъ фактами добыла прочное основаніе для своего величественнаго зданія, и человѣчество узнаётъ гармонію двойнаго міра—физическаго и гражданскаго—въ благотворномъ Разумѣ, составляющемъ его связь. Всего же ближе человѣчество подойдетъ къ познанію всемірнаго порядка путемъ соціального инстинкта.

„Разъ этотъ порядокъ будетъ сознаны въ узкихъ границахъ отечества, эта идея распространится на все человѣческое общество.

„А если это такъ, если соціальный инстинктъ долженъ привести насъ къ религіи, то органомъ этого новаго откровенія, толмачомъ (*interprète*) между Богомъ и человѣкомъ долженъ быть народъ, по преимуществу обладающій соціальнымъ инстинктомъ. Правственный порядокъ міра имѣлъ свое *слово* въ христіанствѣ, чадъ Іудей и Греціи; слово же *соціального* міроваго порядка, возникающаго на нашихъ глазахъ, міру дастъ Франція“!

Но еще ранѣе этого, въ 1833 году, появился первый томъ классическаго труда Мишле: *Histoire de France*, надъ которымъ онъ непрерывно работалъ до 1844 года, выпустивши за это время шесть томовъ, обнимающихъ средневѣковой періодъ въ исторіи Франціи.

Успѣху этого перваго тома Мишле вѣроятно обязанъ тѣмъ, что Гизо назначилъ его въ слѣдующемъ году своимъ замѣстителемъ (*substitut*) по каедрѣ исторіи. Это назначеніе весьма знаменательно: оно показываетъ, какъ близко тогда стояли другъ къ другу два національныхъ историка Франціи, пути которыхъ потомъ далеко разошлись.

Гизо и Мишле разошлись между собою не только въ методѣ изслѣдованія и способѣ воспроизведенія прошлаго, но и въ самомъ пониманіи цѣлей науки и роли историка. Это различіе между ними объясняется, конечно, индивидуальностью и темпераментомъ обоихъ историковъ, болѣе же всего обусловливается тѣмъ, что каждый изъ нихъ былъ представителемъ другой исторической эпохи и другой культурной задачи въ своемъ отечествѣ. Гизо былъ монументальнымъ представителемъ эпохи *реставраціи*, понимаемой въ болѣе широкомъ и либеральномъ смыслѣ этого слова. Революція оторвала Францію отъ ея прошлаго; реставрація была попыткою связать выпешдшую изъ революціи Францію съ ея прошедшимъ; исконная династія, родовая знать и духовенство снова заняли видное мѣсто въ политической жизни; одновременно съ этимъ ощущалась потребность снова завязать въ самомъ сознаніи общества нить, которая соединяла бы народную жизнь новой Франціи съ ея коренными началами. Отсюда великое значеніе *историче-*

ской школы, возникшей тогда во Франціи, какъ и въ Германіи, изъ одинаковой потребности. Эту историческую школу съ присутіемъ ей стремленіемъ просвѣтить настоящее и примирить враждующіе въ ней интересы и страсти съ помощью прошлаго олицетворялъ собою Гизо.

IV.

Такимъ образомъ, философскій обзоръ всемірной исторіи, начатый подъ знаменемъ Гегеля, привелъ Мишле къ результату, совершенно несогласному съ Гегелевскимъ заключеніемъ. Различіе это прежде всего обуславливается національной окраской. У Гегеля носителемъ всемірно-историческаго процесса въ новое время является германское племя вообще, при чемъ выдвигаются на первый планъ культурные процессы, относящіеся къ исторіи самой Германіи. У Мишле, какъ мы видѣли, руководящая роль и главенство, какъ въ прошломъ, такъ и въ грядущемъ, принадлежитъ Франціи; при чемъ его патриотизмъ, выходя изъ области философскихъ отвлеченій, принимаетъ яркій воинственный колоритъ и проявляется въ сильной враждѣ къ исконной соперницѣ Франціи. Другое, еще болѣе существенное различіе заключается въ томъ, что у Гегеля послѣднимъ словомъ всемірно-историческаго процесса является *правовое* государство, въ которомъ *субъектъ* находитъ свое примиреніе съ *объектомъ*, т.-е. индивидуальная воля свободно и сознательно сливается съ общею волею; наиболѣе же совершеннымъ типомъ правового государства является конституціонная монархія. Отступая отъ Гегеля, философскій очеркъ Мишле заканчивается постановкою соціальной проблемы, отрывая перспективу новаго всемірно-историческаго періода. Правда, Мишле ограничивается лишь одною постановкою соціальнаго вопроса; но уже и это нужно признать знаменательнымъ фактомъ, и читатель спрашиваетъ себя, какимъ образомъ молодой историкъ пришелъ въ 1831 году къ тому, чтобы свести всемірно-историческій процессъ къ разрѣшенію соціальной задачи?

Объясненіе, конечно, нужно искать въ революціи 1789 года, которая имѣла не только политическій, но и соціальный характеръ—въ болѣе общемъ смыслѣ этого слова. Но и независимо отъ этого можно указать въ литературѣ того времени цѣлый рядъ явленій, обнаруживающихъ живой интересъ въ французскомъ обществѣ того времени къ соціальному вопросу. Съ 1819 г. стали появляться проекты соціальной реформы Сенъ-Симона; въ 1830 г.

создатель „Соціологіи“, Контъ, издалъ первый томъ своей „Системы“, а два года спустя послѣ появленія очерка Мишле вышла въ свѣтъ книга Ламеннэ — „Paroles d'un croyant“ — эта пламенная социальная проповѣдь, взывавшая къ состраданію къ бѣднымъ и къ борьбѣ во имя нравственного начала противъ социальнаго эгоизма.

При всемъ различіи, которое представляетъ между собою направление названныхъ писателей, ихъ соединяетъ одна общая черта — убѣжденіе въ возможности разрѣшить социальную проблему лишь посредствомъ религіознаго обновленія и новой, *общественной*, религіи. Сень-Симонъ и его послѣдователь Контъ взялись за созданіе особаго гуманитарнаго культа, а страстно вѣрующій аббатъ Ламеннэ противопоставилъ официальному католицизму новое, основанное на евангеліи, христіанство. Такое же стремленіе соединить социальную проблему съ религіозной находимъ мы и у Мишле, пытающагося установить болѣе правильное представленіе о Божествѣ, способное, съ его точки зрѣнія, сдѣлаться исходною точкою социальнаго перерожденія человѣчества. Кромѣ того, Мишле соединяло съ указанными писателями сильное нерасположеніе къ конституціонной монархіи. Но въ одномъ онъ рѣзко съ нимъ расходился — въ патриотизмѣ. Какъ сеньсимонизмъ, такъ и позитивизмъ являются по преимуществу космополитическими ученіями; Ламеннэ же, будучи противникомъ государственнаго деспотизма, отвергалъ всякое насиліе и былъ поклонникомъ *анархизма* — въ смыслѣ отрицанія свѣтской и духовной власти. У историка Мишле интересъ къ исторіи и патриотизмъ находятся въ тѣсной связи и взаимно другъ друга питаютъ. Даже философія исторіи усиливаетъ его патриотизмъ: всемірная исторія становится для него „Введеніемъ въ исторію Франціи“. Его патриотическое одушевленіе тѣмъ сильнѣе, что сопровождается наивнымъ убѣжденіемъ въ полномъ отсутствіи въ немъ національнаго увлеченія. „Въ своемъ глубокомъ уединеніи, — говоритъ о себѣ Мишле, — вдали отъ всякаго вліянія шесты, секты или партіи, авторъ пришелъ путемъ логики и исторіи къ одному и тому же заключенію, что его покрытое славою отечество отнынѣ стало рулевымъ на кораблѣ человѣчества“.

При такихъ условіяхъ два господствовавшіе въ немъ интереса — патриотическій и ученый — отвлекли его отъ *соціальной* проблемы, которую онъ такъ рѣшительно призналъ главной задачей новаго времени, и онъ посвятилъ все свои силы воспроизведенію историческихъ судебъ своего отечества.

Его влеченіе къ исторіи Франціи нашло себѣ поддержку еще

и въ томъ обстоятельствѣ, что онъ въ 1831 году былъ назначенъ начальникомъ историческаго отдѣленія въ національномъ архивѣ. Плодомъ его архивнаго занятія явилось изданіе „процесса тампьеровъ“ (I-й томъ въ 1841 г., II-й—10 лѣтъ спустя), вошедшее въ созданное по инициативѣ Гизо „Собраніе неизданныхъ источниковъ, относящихся къ исторіи Франціи“. Безпристрастное обсужденіе элементовъ, изъ которыхъ сложилось государство, должно было служить представителямъ исторической школы основаніемъ для другой, болѣе важной задачи — изучить общій ходъ исторіи, узнать проявляющіеся въ ней законы. И Мишле испыталъ на себѣ заманчивость научной программы, съ которою выступила историческая школа: „отрѣшить науку—какъ онъ самъ мѣтко опредѣлялъ эту программу—отъ всякой злобы дня, отъ всякаго пристрастія, и возвысить исторію на степень науки, устанавливающей законы“. Но это было для него преходящимъ увлеченіемъ. Онъ не могъ относиться къ прошлому спокойно. Онъ желалъ въ настоящемъ не реставраціи историческихъ правъ, созданныхъ прошлымъ, а *возстановленія* принциповъ и идеаловъ революціи, ниспровергнувшей это прошлое; онъ мечталъ не о *сдѣлкѣ* между элементами и силами національной жизни, но о торжествѣ самой младшей изъ нихъ — демократіи, и исторія Франціи была для него лишь повѣствованіемъ о постепенномъ ростѣ демократіи въ борьбѣ со всѣми другими силами.

И другое также направленіе въ тогдашней французской историографіи, соперничавшее въ славѣ съ направленіемъ Гизо, не удовлетворяло Мишле, хотя оно было ему гораздо родственнѣе по методу и цѣли. Оно заключалось въ томъ, чтобы по обломкамъ старины воспроизводить ее, и не въ легендарныхъ только чертахъ ея учреждений, а въ ея ежедневномъ бытѣ, съ мелкими подробностями и живыми красками вультурной жизни. Это направленіе нуждалось въ фантазіи и давало ей широкое мѣсто въ воспроизведеніи лицъ прошлаго и ихъ жизненной обстановки. Не даромъ представитель этого направленія, Ог. Тьерри, почерпнулъ свое вдохновеніе въ произведеніяхъ великаго творца историческаго романа — Вальтеръ-Скотта.

Мишле въ сильной степени обладалъ наклонностью, при видѣ какаго-нибудь остатка старины, уноситься фантазіей въ прошлое и *угадывать* его. Во времена его уединеннаго и печальнаго дѣтства, любимымъ его развлеченіемъ было посѣщеніе музея французскихъ историческихъ памятниковъ. Въ этотъ музей были перенесены надгробныя плиты съ разрушенныхъ гробницъ меровингскихъ королей въ монастыри Сень-Дени. Не безъ трепета, по

его разсказу, подходилъ Мишле къ тяжелымъ камнямъ, подъ которыми нѣвогда покоились Дагобертъ, Хильперихъ и Фредегунда; онъ наполнялъ опустѣвшія гробницы своимъ воображеніемъ, и „сквозь мраморныя плиты ощущалъ самихъ покойниковъ“.

Потомъ, когда онъ сталъ изучать исторію по лѣтописямъ, когда онъ зарывался въ архивъ, прошлое тысячами голосовъ заговорило вокругъ него. Онъ даже не нуждался въ такомъ обиліи свидѣтельствъ. Какъ онъ самъ говорилъ, „тамъ, гдѣ другому нужно двадцать текстовъ, мнѣ достаточно одного“. Мишле, какъ видно, вполне сознавалъ животворящую силу своей фантазіи и въ способности возстановлять прошлое во всей его жизненной силѣ усматривалъ свое преимущество передъ другими современными ему историками. Сравнивая себя съ своими предшественниками, Мишле не безъ гордости утверждалъ, что онъ первый „если не вполне достигъ, то по крайней мѣрѣ вѣрно намѣтилъ цѣль исторіи и далъ ей опредѣленіе, котораго никто ей еще не давалъ“. По опредѣленію Тьерри,—заявлялъ Мишле,—исторія есть повѣствованіе (*narration*), по опредѣленію Гизо—анализъ; я называлъ ее воскрешеніемъ (*résurrection*), и за ней останется это имя“.

Но развѣ Гизо не воскрешаетъ предъ нами средневѣкового общества въ его строеніи, съ его отдѣльными классами и ихъ взаимными отношеніями, съ его политическими и духовными потребностями? Конечно; но Мишле не былъ въ состояніи удовлетворяться исторіографіей, въ которой фантазія должна была уступить первое мѣсто политическому размышленію и не могла свободно предаваться своему творчеству въ воспроизведеніи быта и нравовъ. Но почему же въ такомъ случаѣ Мишле отрицаетъ за исторіографіей Тьерри способность воскрешать прошлое и сводитъ ее на степень простого повѣствованія? Дѣло въ томъ, что между возстановленіемъ прошлаго у Тьерри и Мишле можно указать такое же различіе, какое существуетъ между эпосомъ и лирикой. Мишле отрицалъ за повѣствованіемъ Тьерри силу воскрешать прошлое потому, что находилъ его слишкомъ холоднымъ и безстрастнымъ, потому, что въ спокойномъ эпическомъ тонѣ разсказовъ Тьерри не находилъ того, что составляло существенную потребность его чувствительной природы. Душевный органъ, посредствомъ котораго Мишле преимущественно ощущалъ прошедшее и воспроизводилъ его, это—чувство состраданія, *жалости*. Это чувство, которое пробудилось въ Мишле въ дѣтствѣ, когда онъ съ болью въ сердцѣ сознавалъ свое одиночество и бѣдность, и которое онъ сохранилъ въ себѣ на всѣхъ ступеняхъ жизни,

тотчасъ прорывалось въ немъ, когда воображеніе переносило его въ чуждую ему эпоху. Его фантазія работала преимущественно для того, чтобы доставлять пищу этому ощущенію. Какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ Мишле вездѣ искалъ и видѣлъ *страждущаго и плачущаго* человѣка (*l'homme qui souffre et qui pleure*), и, встрѣтившись съ нимъ, онъ начиналъ негодовать противъ жесткой, свирѣпой исторіи—*la dure, la sauvage histoire*. Оттого его вниманіе особенно приковывали къ себѣ эпохи страданія и бѣдствій, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ массъ—альбигойскій погромъ, процессъ тамплиеровъ. Онъ страдалъ вмѣстѣ съ жертвой, кто бы она ни была, и ненавидѣлъ гонителя. Оттого Мишле такъ любилъ останавливаться на изображеніи мучительнаго психическаго состоянія, которое переживали лица или общества. Читатель его средневѣковой исторіи, напримѣръ, никогда не забудетъ описанія смутнаго трепета, овладѣвшаго людьми передъ наступленіемъ второго тысячелѣтія, когда всѣ ожидали конца міра и страшнаго суда. Чуткость Мишле къ такимъ психическимъ страданіямъ усиливалась по мѣрѣ того, какъ въ нихъ проявляется патологическій оттѣнокъ. Къ самымъ яркимъ страницамъ французской исторіографіи принадлежатъ тѣ, на которыхъ Мишле изображалъ муки и страданія людей, терпѣвшихъ отъ навожденія дьявола, отъ вѣры въ колдовство и отъ жестокаго преслѣдованія этой страшной психической эпидеміи. Подобнымъ образомъ всего рельефнѣе выдаются у Мишле личности, въ сильныхъ страстяхъ которыхъ примѣшивается нѣчто демоническое или патологическое, какъ, напримѣръ, Людовикъ XI. Такое непрерывающееся изображеніе людскихъ страданій и угнетенія, психической уродливости и нравственнаго безобразія было бы слишкомъ тяжело для читателя, несмотря на художественную кисть автора, еслибы эта картина не смягчалась и не согрѣвалась другою страстью историка—его любовью къ отечеству, которая возгарается въ немъ по мѣрѣ того, какъ самый образъ Франціи все рельефнѣе вырастаетъ изъ хаоса галло-римской и феодальной эпохъ. Поэтому въ концѣ всего сочиненія является тотъ отдѣлъ его, гдѣ оба преобладающія чувства историка—его сострадательность и его патриотизмъ—сливаются въ поэтическомъ изображеніи крестьянской дѣвушки, спасшей Францію отъ иноземцевъ и погибшей на острѣ жертвою фанатизма и суевѣрія враговъ. Такимъ образомъ, притязаніе Мишле, что онъ одинъ направилъ исторію къ ея настоящей цѣли, научивъ ее воскресить прошедшее, можно признать справедливымъ въ томъ смыслѣ, что никто, подобно ему, не угадывалъ съ такою отзвучивостью

къ страданіямъ *страсти* прошлаго и не воскрешалъ ихъ съ такою *страстностію* и такимъ мастерствомъ.—Но заключало ли въ себѣ это свойство историка гарантію, что прошлое восстанавлилось имъ вѣрнѣе и полнѣе въ своей жизненной правдѣ, чѣмъ другими историками? Яркость красокъ легко смѣшать съ вѣрностію ихъ, и сила страстнаго внутренняго убѣжденія часто можетъ замѣнить историческія объективныя доказательства той правды, которую ему рисуетъ его воображеніе. Мишле самъ сознавалъ, что страстность историка нуждается въ извѣстномъ регуляторѣ, и весьма для него характерно, что онъ думалъ найти этотъ регуляторъ опять-таки въ *страсти*; онъ хотѣлъ основать научное безпристрастіе на очередномъ примѣненіи страсти къ различнымъ и противоположнымъ явленіямъ. Когда его однажды стали обвинять за пристрастіе, выказанное на лекціяхъ къ Лютеру, „за столыня бесѣды“ котораго онъ въ то время издавалъ въ переводѣ, Мишле слѣдующимъ образомъ оправдывался передъ своими слушателями: „Съ одинаковымъ основаніемъ можно было бы обвинить меня въ томъ, что я былъ пристрастенъ къ вальденскимъ еретикамъ или къ св. Терезѣ и къ св. Игнатію Лойолѣ. Вѣдь существенное условіе правды въ исторіи заключается въ томъ, чтобы входить во всѣ ученія, понимать всѣ партіи, пристращаться ко всѣмъ страстямъ (*se passionner pour toutes les affections*). Извѣстныя идеи появляются въ исторіи лишь потому, что заключаются въ человѣческомъ духѣ и помогаютъ общему развитію человечества. Поэтому онѣ всегда прекрасны, всегда полезны, всегда необходимы. Исторія развертываетъ передъ нами обширную психологическую панораму, представляющую въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ понятія, входящія въ человѣчeskій разумъ, всѣ способности и проявленія этого разума; каждое понятіе, каждая способность разума олицетворяется предъ нами поочередно въ образѣ извѣстной партіи, извѣстной націи или извѣстной доктрины и пробиваетъ себѣ дорогу въ міровой исторіи (*fait sa fortune dans le monde*). Какъ же послѣ того удивляться, если историкъ относится съ сочувствіемъ къ цѣлямъ и понятіямъ разныхъ людей, къ грезамъ ихъ воображенія и ощущеніямъ ихъ сердца, къ свободѣ и къ благодати, къ догмѣ и къ нравственности... если онъ тамъ и сямъ собираетъ отдѣльныя частицы, чтобы построить изъ нихъ цѣлое, если онъ почитаетъ и любитъ всѣ эти явленія, потому что во всѣхъ видитъ отраженіе того самаго священнаго образа, который Господь отпечатлѣлъ на человѣкѣ и только на немъ (*l'homme seulement*)“.— Прекрасныя слова и тѣмъ болѣе знаменательныя для Мишле, что онъ не долго со-

хранилъ высказавшееся въ нихъ настроеніе. Причину этого нужно искать въ томъ, что оно было у него основано болѣе на переходящемъ чувствѣ, чѣмъ на научномъ интересѣ; способность у Мишле „понимать всѣ партіи, пристращаться ко всѣмъ страстямъ“ походила скорѣе на тотъ художественный инстинктъ, который даетъ актеру возможность одинаково хорошо играть роль Отелло и Яго, Сиды и Тартюфа, чѣмъ на сознательное убѣжденіе мыслителя, который вездѣ въ разнообразіи исторіи видитъ передъ собою *человѣка* и ищетъ законы его бытія. Тотъ самый избытокъ чувства, который одно время давалъ Мишле возможность „сочувствовать и Лютеру, и Игнатію Лойолѣ“, лишилъ его скоро этой способности. Отзывчивость его къ чужимъ страстямъ была слишкомъ велика, чтобы онъ могъ оставаться безпристрастнымъ зрителемъ окружающихъ его страстей и сохранить среди нихъ внутреннее равновѣсіе съ помощью своего умѣнья понимать прошедшее. Страсти современниковъ, злобы дня—такъ сильно захватили душу впечатлительнаго историка, что онъ внесъ ихъ въ изученіе прошлаго. Настоящее совершенно взяло верхъ надъ прошлымъ; свѣтъ, проливаемый прошлымъ, пересталъ освѣщать для Мишле настоящее, и наоборотъ, настоящее стало окрашивать въ свой цвѣтъ прошлое и поработать его своимъ потребностямъ и идеаламъ. Не довольствуясь этимъ и горя нетерпѣніемъ дать торжество этимъ идеаламъ, Мишле соскочилъ въ арену, гдѣ боролись современные интересы, и промѣнялъ науку на публицистику. вмѣстѣ съ тѣмъ для него сталъ быстро суживаться кругъ интересовъ, къ которымъ онъ былъ способенъ пристращаться, и кругъ явленій, которыя онъ былъ способенъ понимать (*comprendre toutes les causes*). Его собственные страсти и идеалы все болѣе и болѣе брали верхъ надъ всѣми другими. Роль политическаго и нравственнаго проповѣдника, которую онъ уже давно себѣ усвоилъ на каюдрѣ, была перенесена имъ тогда и въ область исторіографіи. Съ какой быстротой совершался этотъ переходъ, указываетъ библіографія его сочиненій. Въ 1843 г. вышелъ 6-й томъ его „Исторія Франціи“, посвященный XV в. Хотя подготовительная работа для исторіи Франціи въ XVI в. у него была давно окончена,—уже въ 1834-35 гг. содержаніе университетскаго курса Мишле составляла исторія Ренессанса и Реформы,—Мишле не чувствовалъ себя въ силахъ продолжать работу въ томъ же духѣ и по тому же методу. Его привлекали къ себѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, другіе интересы и другія эпохи, и когда *десять лѣтъ* спустя Мишле возвратился къ прерванной

исторіи Франціи, онъ уже не понималъ среднихъ вѣковъ, которые онъ такъ увлекательно и поэтично изобразилъ ¹⁾).

Какіе же интересы и событія поглотили Мишле и взяли въ его богато-одаренной натурѣ верхъ надъ научнымъ интересомъ къ исторіи? Мишле былъ воспитанъ на XVIII вѣкѣ; несмотря на таинственный интересъ, который ему внушали въ дѣтствѣ надгробныя плиты меровингскихъ королей, Мишле глубоко впиталъ въ себя идеалы и страсти эпохи „просвѣщенія“. Двѣ страсти въ особенности онъ усвоилъ себѣ до упоенія: Вольтеровское „*écrasez l'infâme*“,—т.-е. ненависть къ католицизму и духовенству,—и культъ „народа“, которому положилъ начало Руссо. Эти двѣ страсти нашли благоприятную почву для своего развитія въ борьбѣ, волновавшей французское общество въ 40-хъ годахъ. Іюльская революція, ниспровергнувшая правленіе Карла X, правда, избавила враговъ клерикализма отъ страха, что французское правительство сдѣлается его орудіемъ, но этотъ страхъ скоро замѣнился опасеніемъ, что клерикализмъ воспользуется созданными революціей порядками для новаго торжества.

Свобода, провозглашенная основнымъ принципомъ іюльской монархіи, давала возможность развиваться на просторѣ и тѣмъ ученіямъ, которыя, какъ католицизмъ и социализмъ, заключали въ своихъ догматахъ отрицаніе свободы. Католицизмъ, не разрушенный, но еще сильнѣе сплоченный революціей 1789 г., напрягалъ всѣ свои вновь приобрѣтенныя силы противъ установленнаго революціей порядка вещей. Искусно примѣняясь къ своему новому положенію, онъ старался побѣдить своихъ враговъ ихъ собственнымъ оружіемъ. Еще въ дни реставраціи отдѣльныя пылкіе представители католицизма, какъ Ламеннэ, водрузили знамя свободы въ интересахъ ультрамонтанства. Послѣ 1830 г., весь французскій католицизмъ сталъ подъ это знамя; въ журналистическихъ и въ политическихъ сферахъ началась обширная агитація для того, чтобы осуществить въ интересахъ клерикализма обѣщанную, въ 69 § хартіи, свободу обученія и школы (*la liberté de l'enseignement*). Іезуиты съ различными развѣтвленіями своего ордена, снова ставшіе во главѣ французскаго католицизма, старались путемъ проповѣди, печати, интриги и агитаціи овладѣть школою, чтобы черезъ нее установить свою власть надъ подроставшими поколѣніями. „Свѣтскій духъ, столь мощно разившійся, относился,—по выраженію Гизо въ его мемуарахъ,—съ крайнимъ недовѣріемъ къ этому зрѣлищу“ (*restait àprement méfiant*). Ни въ

¹⁾ См. предисловіе къ VII тому „Исторіи“ Мишле, Renaissance, 1855.

комъ, можетъ быть, это недовѣріе не достигло такой страстности, такого негодованія, какъ въ Мишле и въ его другъ Кинё. Въ нихъ какъ бы воплотилась та сторона французскаго духа, которая бьетъ живой, все усиливающейся струей черезъ всю исторію Франціи, начиная отъ легистовъ и труверовъ XIII в., черезъ весь XVI в. (Рабле и гугеноты), XVII в. (Мольеръ) до Вольтера и Энциклопедіи. Подъ вліяніемъ этого настроенія оба историка обратили свою кафедру въ трибуну противъ клерикализма и въ то же время выступили въ литературѣ противъ его главныхъ вождей—іезуитовъ.

Изданный Мишле совмѣстно съ Кинё ожесточенный памфлетъ противъ іезуитовъ (*Des Jésuites*) получилъ громадное распространеніе: онъ появился въ газетѣ, расходившейся въ числѣ 48.000 экземпляровъ и перепечатывался провинціальными газетами; затѣмъ былъ пущенъ въ народъ съ помощью дешевыхъ изданій и „поддѣлокъ“, издававшихся спекуляціей помимо авторовъ; въ то же время онъ былъ переведенъ, по выраженію Мишле, „на всѣ языки міра“, и въ особенности проникъ въ Италію. То же самое можно сказать о другой книгѣ Мишле—*„Du Prêtre, de la Femme et de la Famille“*, которая, по свидѣтельству автора, была переведена даже на арабскій языкъ, хотя нельзя понять, какой она могла имѣть смыслъ для арабовъ. Въ этой книгѣ можно найти разумныя и симпатичныя страницы, напр. тѣ, на которыхъ авторъ развиваетъ—правда, слишкомъ библейскимъ слогомъ—направленную противъ іезуитскихъ духовниковъ мысль, что „краеугольнымъ камнемъ храма и фундаментомъ гражданской общины долженъ быть семейный очагъ“. Авторъ прекрасно говоритъ о безкорыстіи въ любви, о значеніи любви „въ существу свободному и равному“, о любви къ твореніямъ природы и въ социальной жизни. Много можно встрѣтить оригинальныхъ мыслей,—напр., что воинство и духовенство должны быть не званіемъ, а призваніемъ возраста, т.-е., что всякій долженъ пробыть извѣстные годы своей жизни солдатомъ и проповѣдникомъ. Иногда приходится удивляться, какъ справедливо отъявленный противникъ католицизма говоритъ о церкви,—напр., когда онъ ставитъ ей въ заслугу „божественную идею“ религіознаго освященія семьи (*d'avoir mis la famille sur l'autel*); или когда онъ признаетъ, что ученіе о благодати согласно съ разумомъ (*raison naturelle*),—хотя этотъ догматъ скоро сдѣлался предметомъ ожесточенныхъ и несправедливыхъ нападокъ съ его стороны. Приходится и въ этой книгѣ изумляться экзальтаціи патріотизма Мишле, напр., когда онъ восклицаетъ: „Франція—папа; центръ—Европа; всѣ другіе народы—въ центра

(*excentrique*)! Самъ авторъ видитъ главное значеніе книги въ ея антиклерикальной агитаціи. „Въ этой книгѣ,—восклицаетъ онъ,— врагъ былъ захваченъ у семейнаго очага, каждая семья предупреждена и непосредственно заинтересована въ революціи. Мы рѣшаемся сказать, что послѣ страшнаго процесса въ Тулузѣ ¹⁾ ничто такъ сильно не пробудило ума, не подорвало такъ глубоко духовной власти и ея сообщника, правительства, которое безумно полагало, что можетъ опереться на эту развалину“!..

Борьба Мишле противъ клерикализма освѣщаетъ намъ его идеалы преимущественно съ ихъ отрицательной стороны. Положительное содержаніе нужно искать въ области политическихъ и социальныхъ вопросовъ. Мишле привѣтствовалъ съ энтузіазмомъ переворотъ 1830 г. и прославлялъ его какъ вѣнецъ французской исторіи (*couponnement naturel*). Но это сочувствіе къ правительству, въ которомъ его „учитель и другъ“, Гизо, принималъ такое дѣятельное участіе, продолжалось у него недолго. Июльское правительство, вопреки своему революціонному происхожденію, оказалось равнодушнымъ къ принципамъ 1789 г. и весьма неуступчивымъ по отношенію къ демократическимъ требованіямъ пониженія ценза и расширенія избирательнаго права. Вслѣдствіе этого среди „династической“ или конституціонной оппозиціи, стремившейся лишь къ ниспроверженію министерствъ, стала быстро расти другого рода оппозиція, которая вдохновлялась преданіями „великой революціи“ и отъ демократическихъ требованій перешла къ *республиканскимъ* вождѣніямъ. Эта партія представляла въ 40-хъ годахъ незначительное, но страстное меньшинство, и въ его передовыхъ рядахъ мы находимъ и Мишле. Это настроеніе его оказалось въ тѣсной связи съ поворотомъ, замѣтнымъ въ его ученыхъ занятіяхъ. Оставивъ исторію Франціи на XV вѣкѣ, онъ предался изученію исторіи революціи 1789 года. Въ этомъ изученіи, усилившемъ его влеченіе къ республиканскому идеалу, онъ искалъ руководящей нити въ лабиринтѣ требовавшихъ разрѣшенія современныхъ вопросовъ. Мишле былъ тѣмъ болѣе озабоченъ этимъ разрѣшеніемъ, что для него вопросъ о торжествѣ демократіи заключалъ въ себѣ не политическую только, но и социальную проблему. Онъ понималъ, что борьба не кончится уничтоженіемъ избирательнаго ценза или провозглашеніемъ республики; что среди торжествующей демократіи обнаружатся новый раздоръ и новый антагонизмъ—соціальный. Съ тревогою Мишле озирался

¹⁾ Осужденіе и казнь парламентомъ старика гугенота Каласа за мнимое убійство перекрестца-сына. Процессъ былъ пересмотрѣнъ благодаря усиліямъ Вольтера, который подымалъ общественное мнѣніе всей Европы въ пользу „жертвъ фанатизма“.

кругомъ, въ надеждѣ найти способъ предупредить этотъ раздоръ, разрѣшить этотъ антагонизмъ. Во главѣ революціоннаго движенія, которому онъ сочувствовалъ, Мишле видѣлъ партію людей, идеаль которыхъ онъ не раздѣлялъ. Эти люди выступали съ притязаніемъ, что обладаютъ безусловно вѣрнымъ рѣшеніемъ социальнаго вопроса, и присвоивали себѣ названіе *соціалистовъ*. Ихъ программа, насколько она успѣла выясниться, вызывала къ себѣ сочувствіе среди рабочаго населенія, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣлъ успѣхъ желаемаго Мишле демократическаго переворота.

Но Мишле не сочувствовалъ этой программѣ; онъ отвергалъ социализмъ не на основаніи научной критики его началъ, а во имя своей любви къ *народу*, завѣтные идеалы котораго, по мнѣнію Мишле, находились въ полномъ и непримиримомъ противорѣчій съ социализмомъ. Основнымъ принципомъ социализма было уничтоженіе частной собственности, а жизненный и нравственный идеаль *настоящаго* народа, т.-е. *крестьянства*, обуславливался въ глазахъ Мишле именно обладаніемъ частною собственностью, имѣніемъ *своею* куска земли, *своею* поля. Быть французскаго крестьянства, къ которому Мишле себя причислялъ, выяснилъ ему нравственное значеніе частной поземельной собственности. „Поземельная собственность, — восклицаетъ онъ, — крупная ли она, или мелкая, нравственно возвышаетъ человѣка (*relève le coeur*)“. Это признаніе частной поземельной собственности кореннымъ началомъ народной жизни Мишле выводилъ не только изъ знакомства съ сельскимъ бытомъ, но и изъ своихъ историческихъ наблюденій. Онъ одинъ изъ первыхъ указалъ съ помощью историческихъ данныхъ на то, что крестьянская собственность была во Франціи не случайнымъ результатомъ революціи (*un accident de la Révolution*), а что, напротивъ, революція уже застала эту собственность и изъ нея сама возникла (*elle-même en sortait*). Соціальнымъ теоріямъ, напитавшимся душной атмосферой большихъ городовъ со скученнымъ фабричнымъ населеніемъ, Мишле противопоставлялъ ощущенія, которыя онъ выносилъ изъ своихъ прогулокъ по окрестнымъ деревнямъ. Книга Мишле „*Le Peuple*“ начинается съ поэтическаго описанія отношеній крестьянина къ своему полю. „Если вы хотите, — говоритъ Мишле, — узнать затаенную мысль французскаго крестьянина, то это очень легко сдѣлать. Отправьтесь въ воскресенье въ село и пойдите за крестьяниномъ“... „Вотъ онъ передъ вами; теперь 2 часа, его жена у вечера, а онъ куда-то идетъ въ праздничномъ нарядѣ. Ручаюсь, что онъ идетъ туда, куда его манитъ любовь (*il va chez sa maîtresse*). И я не ошабся — онъ идетъ на свое поле“. Мишле про-

возвратъ туда крестьянина: по случаю воскресенья онъ въ чистой рубахѣ и не станетъ работать, но онъ не можетъ утерпѣть, чтобы не выполоть сорной травы, не снять съ поля камешка; онъ замѣтитъ корешковъ, мѣшающихъ росту колосу, но, не имѣя при себѣ заступа, откладываетъ работу до другого раза. „И послѣ этого онъ складываетъ руки на груди и останавливается, глядя на свое поле задумчиво, озабоченно. Онъ глядитъ долго, очень долго и подъ конецъ впадаетъ въ какое-то самозабвеніе. Если онъ замѣтитъ прохожаго, онъ медленно удаляется. Но, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, онъ снова останавливается, оборачивается назадъ и бросаетъ на свое поле послѣдній взглядъ, глубокий и мрачный взглядъ; однако тотъ, кто умѣетъ читать въ его душѣ, пойметъ, что этотъ взглядъ полонъ страсти, полонъ чувства и преданности. Если это не любовь, то по какимъ признакамъ узнаете вы это чувство“?

Не располагая обстоятельными статистическими данными, Мишле преувеличивалъ число крестьянскихъ собственниковъ во Франціи. Въ одномъ мѣстѣ своей книги, противопоставляя Англій Францію, онъ восклицаетъ, что земля Франціи принадлежитъ 15 или 20 милліонамъ крестьянъ, которые ее обрабатываютъ. Въ другомъ мѣстѣ, протестуя противъ Прудоновскаго „*la propriété, c'est le vol*“, — онъ заключаетъ: — „Если это такъ, то передъ нами 25 милліоновъ воровъ, которѣ не такъ легко откажутся отъ своей добычи“.

Мишле такъ убѣжденъ въ благотворномъ значеніи частной поземельной собственности, что въ другомъ сочиненіи требуетъ въ ея интересахъ уничтоженія пережившихъ революцію остатковъ общественной собственности. „Раздѣлите общественную землю — *la terre communale*, — восклицаетъ онъ, — и она снова станетъ плодотворна“¹⁾. Онъ опровергаетъ „слухъ“, распространенный противниками, будто раздѣлъ общественной земли приведетъ къ захвату ея немногими (*assaragement*) и къ обезземеленію. Напротивъ, въ его глазахъ „варварскій обычай общественнаго выгона — не что иное, какъ настоящая война, поддерживаемая богатыми крестьянами противъ бѣдныхъ“.

Вышеуказанное преувеличеніе числа собственниковъ-крестьянъ у Мишле объясняется отчасти тѣмъ, что онъ включалъ въ этотъ разрядъ и тѣхъ мелкихъ владѣльцевъ, которые принуждены жить поденною работою у другихъ (*journaliers*). Мишле высоко цѣнилъ значеніе самой крохотной поземельной собственности для ея владѣльца. „Возьмите, — говоритъ онъ, — наугадъ изъ этой толпы

¹⁾ Le Banquet, стр. 120—127.

мелкаго поденщика (un petit journalier), который владѣетъ двадцатой частью арпана,—вы не найдете въ немъ вовсе чувствъ наймита (mercenaire)—онъ собственникъ—онъ герой! Въ виду этого Мишле предостерегалъ противъ ошибочнаго примѣненія къ сельскому быту социалистическаго термина „буржуазія“ и дробленія крестьянства на два класса. „Въ нашихъ деревняхъ,—говоритъ онъ,—одинъ и тотъ же человекъ то поденщикъ, то буржуа, потому что у него есть собственность. Вслѣдствіе этого, благодаря Бога, у насъ нельзя противопоставлять буржуазію народу, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ,—это было бы равносильно раздвоенію народа (n'aurait pas à moins qu'à créer deux nations). Наши мелкіе сельскіе собственники—называйте ихъ буржуазіей или нѣтъ—представляютъ собою *народъ* и самое сердце народа (le coeur du peuple)“. На основаніи этого Мишле приходитъ къ слѣдующему выводу относительно коммунизма: „Для его осужденія достаточно двухъ словъ: послѣдняя страна въ мірѣ, гдѣ собственность будетъ уничтожена—это Франція (c'est justement la France)“.

Другая причина антагонизма между Мишле и социалистами 40-хъ годовъ заключалась въ совершенно различномъ пониманіи съ его стороны идеи братства, подъ знамя котораго становились социалисты, и средствъ для практическаго осуществленія этой идеи. Мишле не понималъ братства безъ свободы, братства, основаннаго на принужденіи и на насиліи; его гуманная натура отвергала съ негодованіемъ всякія террористическія мѣры для осуществленія идеала любви. Между тѣмъ вожди социалистической оппозиціи нисколько не скрывали своего сочувствія въ якобинцамъ и террористамъ и избирали ихъ своими политическими руководителями. Они противопоставляли *буржуазной*, по ихъ выраженію, революціи 1789 г. революцію 1793 г., въ которой они видѣли попытку осуществить социалистическій идеалъ принципа братства. Въ Робеспьерѣ и террористахъ конвента они видѣли храбрыхъ воителей разума (vaillants soldats de la pensée), которые погибли въ своихъ начинаніяхъ только потому, что явились слишкомъ рано. Мишле возстаетъ противъ такого взгляда: „Братство,—говоритъ онъ,—неосуществимо безъ той свободы, которую хотятъ заклеить именемъ индивидуализма; братство безъ любви есть пустое слово, а любовь не можетъ быть вызвана гильотиной и страхомъ“. Протестуя противъ клика террористовъ: „братство или смерть“, противъ такого „братства рабовъ“, Мишле говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „Одна лишь свобода, провозглашенная въ прошломъ вѣкѣ, сдѣлала возможнымъ братство. И опять-таки, благо-

даря лишь свободѣ, нашъ вѣкъ, обращенный на путь истинной традиціи, будетъ въ состояніи начать свое дѣло. Онъ не впишетъ въ книгу законовъ: „будь мнѣ братомъ или я тебя убью“, но, искусно развивая лучшія чувства человѣческой души, онъ достигнетъ того, что всѣ, не тратя словъ (*sans le dire*), захотятъ въ дѣйствительности быть братьями“.

Въ особенности возмущался Мишле направлеиіемъ, которое соединяло сочувствіе къ насилию во имя братства съ клерикальнымъ фанатизмомъ, и усматривалъ поэтому въ террористахъ 1793 г. героевъ, осуществлявшихъ *христіанскую* идею братства, проводимую католицизмомъ. Такое уродливое сочетаніе противоположныхъ принциповъ тѣмъ болѣе тревожило Мишле, что грозило исказить исторію революціи. Оно нашло себѣ представителя въ Бюше, одномъ изъ издателей громаднаго сборника матеріаловъ, относившихся къ событіямъ 1789—1795 года. Съ ожесточеніемъ нападалъ Мишле въ лицѣ этого писателя на „фанатиковъ, отвергавшихъ возрожденіе и реформацію“, желавшихъ приурочить революцію къ средневѣковому суевѣрію, отождествить духовную тиранию со свободой—на „якобинскихъ поповъ“, которые оправдывали сентябрьскія убійства, потому что принимали ихъ за продолжателей изувѣрствъ Варооломеевской ночи“. Негодование противъ подобныхъ воззрѣній такъ сильно охватило Мишле, что оно изливалось у него цѣлымъ потокомъ фразъ, напоминающихъ гиперболическую и картинную рѣчь В. Гюго. Мишле упрекалъ Бюше въ томъ, что онъ, ничего не зная о средневѣковомъ католицизмѣ, всѣ свои сѣденія почерпнулъ изъ мистическихъ, туманныхъ писаній нѣмецкаго барона Эпштейна. Этотъ туманъ показался ему еще слишкомъ яснымъ, и потому онъ прибавилъ къ нему, сколько у него хватило, невѣжества, путаницы и недоразумѣній. „*Les ténèbres bien épaisses, —* продолжаетъ Мишле свою вычурную, неперевожимую на русскій языкъ рѣчь, — *redoublées par des nonsens, ils se sont là-dedans commodément établis et là ont fait un tel mélange de formules d'abracadabra que rien de pareil n'a eu lieu depuis la scène des trois sorcières de Macbeth. Vous entendez du dehors toutes sortes de doctrines violées, accouplées, torturées, hurler dans la nuit*“. Но, полемизируя противъ ложнаго представленія о „братствѣ“, Мишле былъ глубоко огорченъ существованіемъ такого раскола среди противниковъ іюльскаго правительства. Этимъ расколомъ обусловливалось въ его глазахъ внутреннее бесиліе демократической, республиканской оппозиціи. Главная опасность для свободы, — заявлялъ онъ, — всегда заключалась въ раздорахъ между друзьями свободы, въ раздроб-

леніи ихъ партіи на мелкія секты. Исторія революціи 1789 г. должна была бы служить современникамъ великимъ предостереженіемъ. „Секты,—воскликаетъ Мишле,—погубили революцію; безвѣрные приверженцы ея погибли, какъ скоро одинъ изъ нихъ становился защитникомъ конституціи 1791 г., другой жирондистомъ или монтаньяромъ. Нетерпимость, съ которой якобинцы и социалисты 40-хъ годовъ относились къ памяти другихъ партій въ исторіи революціи 1789 г., Мишле называлъ *пуританствомъ*, вреднымъ для общаго дѣла. Онъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые стараются внести въ политику систему исключительнаго, мелочнаго пуританства. „Начинаютъ,—жалуется онъ,—пренебрегать Вольтеромъ, проклинать Мирабо, осуждать м-мъ Роланъ; даже Дантона перестаютъ считать праведнымъ! Неужели только Робеспьеръ и Сентъ-Жюсть должны остаться героями въ глазахъ потомства“? Мишле умоляетъ пуритановъ отказаться отъ ихъ исключительности: „Ради Бога,—воскликаетъ онъ,—не будемте спорить о свѣтѣ египетскомъ, какъ дѣлали жители Константинополя, осажденнаго турками—Магометъ II у нашихъ воротъ“.

Такъ, въ интересахъ своего социальнаго идеала, въ интересахъ подготавливаемой революціи, Мишле считалъ необходимымъ взывать къ примиренію и единенію партій. Но былъ еще другой, не менѣе сильный для Мишле поводъ, заставлявшій его желать прекращенія всякихъ раздоровъ, всякаго дробленія на партіи—то былъ его патриотизмъ. Любовь была для Мишле нераздѣльна съ идеализаціей и съ жалостью. Онъ всегда былъ склоненъ представлять любимый предметъ страдающимъ и нуждающимся въ страданіи. Такого свойства былъ и его патриотизмъ. Какъ ни странно это намъ должно казаться, Мишле считалъ положеніе Франціи въ 40-хъ годахъ отчаяннымъ; въ его глазахъ Франція была на краю гибели. Онъ считалъ ее разоренной въ экономическомъ положеніи; въ политическомъ—угнетенною, подавленной. Такой взглядъ развился у Мишле отчасти подъ влияніемъ воспоминаній дѣтства, заставлявшимъ его съ грустью переживать дни Ватерлоо и оккупации Парижа. Къ этому присоединялись нѣкоторыя личныя впечатлѣнія, которыя онъ обобщалъ со своей раздражительной страстностью. Въ одномъ изъ своихъ путешествій Мишле былъ пораженъ контрастомъ между бѣдностью крестьянъ гористаго Франшъ-Конте и зажиточностью жителей сосѣдняго княжества (теперь кантона) невшательскаго, процвѣтавшаго отъ производства часовъ. Постоянно противопоставляя свое отечество богатой

Англіи, оплакивая судьбу Франціи, Мишле восклицаетъ, что это страна бѣдности—*c'est un pays de pauvreté*. Мишле даже изображаетъ Францію въ видѣ Иова, простертую на землѣ среди другихъ націй, болѣе счастливыхъ и гордящихся передъ нею своими преимуществами. Бѣдственное положеніе, которое Мишле приписываетъ Франціи, служитъ ему поводомъ идеализировать ея всемірно-историческую роль. Мишле любилъ представлять Францію благородною *жертвою*,—мученицей, которая пострадала за *Европу*, чтобы ее спасти. Главныя два бремени, подавлявшія Францію— ея государственный долгъ и ея армія—представлялись ему двумя жертвами, которыя она принесла міру. Ея долгъ произошелъ отъ выкупа, который она выплачивала Европѣ за то, что передала ей свой принципъ спасенія, тотъ законъ свободы, которому Европа подражаетъ, клевета на Францію. А французская армія? Это оплотъ міра; резервъ, который Франція держитъ на черный день, „когда придутъ варвары“ (Россія), когда Германія, все добивающаяся своего единства, котораго она ищетъ со времени Карла Великаго, будетъ принуждена или призвать себя Франціей, или сдѣлаться аванъ-гардомъ Россіи противъ свободы“. Столь же тревожно смотрѣлъ Мишле на настоящее Франціи; у него къ воспоминаніямъ 1812—14 годовъ примѣшивался страхъ, который внушала русская политика въ 40-хъ годахъ, и любопытно, что за 8 лѣтъ до осады Севастополя, Мишле болѣе всего опасается коалиціи между Россіей и Англіей. „Взгляните,—говоритъ онъ:— на черный дымъ, который поднимается надъ арсеналами Кронштадта и Портсмута“. Страхъ передъ коалиціей враждебныхъ Франціи державъ не мѣшаетъ, впрочемъ, Мишле въ другія минуты высказываться о силахъ Франціи съ гордою самоувѣренностью; на разстояніи, напримѣръ, нѣсколькихъ страницъ отъ приведеннаго мѣста, Мишле восклицаетъ: „Слава Богу, тотъ день, въ который европейскіе народы сговорятся между собою посѣтить Францію (*venir voir de près la France*), будетъ пріятствуемъ нашими солдатами, какъ лучший день въ ихъ жизни“. Но въ общемъ у Мишле при мысли о Франціи преобладаетъ элегическое настроеніе.

Вслѣдствіе внутренняго разоренія и вѣншей опасности Франціи, въ глазахъ Мишле, близка къ гибели. Она, по его мнѣнію, уже сошла на степень второстепенной державы. Ему даже представляется, что она съ часа на часъ погружается въ бездну, какъ новая Атлантида. Она гибнетъ отъ раздора партій, тогда какъ ей остается лишь одно средство къ спасенію—единство. „Мы разъединены,—жалуется Мишле,—а Европа считаетъ насъ

еще болѣе разъединенными, и это придаетъ ей смѣлость“. Франція кромѣ того гибнетъ отъ отсутствія вѣры въ себя. Съ этой точки зрѣнія Мишле строго осуждалъ современную ему французскую беллетристику, которая выводила на сцену порочныя стороны французскаго общества. Мишле упрекаетъ классическіе бессмертные романы за то, что они, раскрывая семейныя драмы богатыхъ классовъ, прочно утвердили въ мнѣніи Европы мысль, будто во Франціи нѣтъ болѣе семьи. Онъ сѣтуетъ на писателей, одаренныхъ большимъ талантомъ, страшной силой фантазмагоріи, которые выдавали за обычную жизнь городовъ то, что происходитъ въ мрачныхъ трущобахъ, гдѣ полиція сосредоточиваетъ подъ своимъ наблюденіемъ бывшихъ каторжниковъ. Мишле негодуетъ на жанровыхъ живописцевъ, способныхъ поразительно схватывать детали,—за то, что они подъ изображеніемъ какой-нибудь отвратительной деревенской харчевни ставятъ слово, обозначающее большинство населенія Франціи. „Европа съ жадностью смотритъ на грязный эскизъ и рукоплещетъ, узнаетъ ту или другую мелкую черту правды и отсюда заключаетъ, что изображеніе вѣрно. Міръ принимаетъ этотъ набросокъ за страшный приговоръ, который Франція сама произрела надъ собою. Ни одинъ народъ,—продолжаетъ Мишле,—не устоялъ бы передъ такимъ судомъ. Эта странная манія чернить самого себя, выставять на показъ свои раны и какъ бы напрашиваться на посрамленіе, должна постепенно повлечь за собою смерть“. Мишле допускаетъ, что многие корятъ настоящее для того, чтобы ускорить наступленіе лучшаго будущаго; „они преувеличиваютъ зло, чтобы заставить насъ скорѣе насладиться счастіемъ, которое ихъ теорія намъ сулитъ. Философы, социалисты, политики, всѣ они какъ будто вошли въ соглашеніе, чтобы уронить (амсіндріг) въ глазахъ народа идею Франціи“. Мишле видитъ въ „такихъ затѣяхъ“ двойную опасность: „Европа не пойметъ всѣхъ этихъ хитростей. Если мы будемъ выдавать себя за народъ достойный презрѣнія, она намъ повѣритъ“. Но еще страшнѣе другая опасность: народъ утратитъ вѣру въ себя, чувство своего единства, свою душу, забудетъ о самомъ себѣ и зачахнетъ. Революція уже вытравила изъ его памяти древнюю Францію, научила его, что ничто въ его прошломъ не заслуживаетъ добраго воспоминанія. Теперь всѣ правительства Европы въ теченіе 50 лѣтъ твердятъ, что Франція, созданная революціей, составляющей славу и вѣру французскаго народа, была не чѣмъ инымъ, какъ безпорядкомъ, бессмыслицей, чистымъ отрицаніемъ. Старая Франція исчезла изъ памяти; новая —поблекла. Для предотвращенія внѣшней опасности, грозившей

со стороны Европы, для нравственнаго возрожденія французскаго народа нужно было замѣнить, по мнѣнію Мишле, развѣдающій анализъ самообличенія—возваніемъ къ идеалу, внушеніемъ народу вѣры въ себя и въ свою славу. Для возвращенія Франціи силы и авторитета среди другихъ народовъ, нужно было бы во имя этого идеала объединить всѣ партіи, всѣ ученія, всѣ стремленія. Вотъ задача, которая сложилась для Мишле подъ вліяніемъ политическаго и соціальнаго броженія 40-хъ годовъ, задача, которая все больше и больше стала поглощать всѣ его помыслы, всѣ его страсти, все болѣе и болѣе отвлекала его отъ теоретическаго научнаго интереса.

Этотъ нравственный и политическій идеалъ, который долженъ былъ спасти Францію, Мишле отыскивалъ въ революціи 1789 г., и исторія этой революціи, которую онъ подготавливалъ, получала поэтому въ его глазахъ значеніе не простаго повѣствованія, а гражданскаго патріотическаго подвига. Но именно въ сужденіяхъ объ этой революціи и ея дѣятеляхъ каждый прославлялъ одну партію на счетъ другихъ, видѣлъ главнаго героя въ той или другой личности. Никто не указывалъ на настоящаго героя революціи 1789 года и никто поэтому не угадывалъ ея истиннаго смысла. И вотъ, за годъ до выхода въ свѣтъ перваго тома исторіи революціи, Мишле издалъ въ 1846 году свою книгу „*О Народъ*“ (Le Peuple).

В. ГЕРЬЕ.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ¹⁾.

I.

Въ тѣ времена, когда изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ можно было доѣхать только до Москвы, а отъ Москвы, извиваясь желтой лентой среди зеленыхъ полей, шло, по разнымъ направленіямъ шоссе въ глубь Россіи,—въ маленькой бѣлой станціи, стоящей у вѣзда въ уѣздный городъ Буяльскъ, съ шумомъ и грохотомъ подвигала большая четырехъ-мѣстная коляска шестерней съ фореиторомъ. Вѣроятно, эта коляска была когда-то очень красива, но теперь являла полный видъ разрушенія. Лиловый штофъ, которымъ были обиты подушки, совсѣмъ вылинялъ и мѣстами порвался; изъ княжескаго герба, нарисованнаго на дверцахъ, осталось такъ мало, что самый искусный геральдикъ затруднился бы назвать тотъ княжескій родъ, въ прославленію котораго былъ изображенъ гербъ. Старый, осанистый кучеръ былъ одѣтъ, несмотря на лѣто, въ армякъ зимняго покроя, а въ должности фореитора состоялъ дюжій паренъ въ красной рубахѣ и

¹⁾ „Неоконченная повѣсть“ покойнаго А. Н. Апухтина сдѣлалась извѣстною по тѣмъ двумъ небольшимъ главамъ (ч. I, гл. 9, и ч. II, гл. 1), которыя были помѣщены въ посмертномъ изданіи „Сочиненій А. Н. Апухтина“ (т. II, стр. 257—276; стр. 277—297). Первые двѣ части, состоящія изъ 20 главъ, совершенно окончены; третья часть останавливается на первой, — недоконченной главѣ. Время повѣствованія обнимаетъ 1856—58 гг., эпоху крымской войны; судя по отміткѣ на оригиналѣ, повѣсть была начата въ 1888 году. — *Ред.*

лаптяхъ. Лошади были разнокалиберныя, сбруя сборная, кое-гдѣ торчали веревки. Лакей въ ливреѣ и картузѣ сидѣлъ на мѣстечкѣ, придѣланномъ сзади коляски. На крыльцѣ станціи черноволосый человѣкъ, въ бѣломъ нанковомъ скюртукѣ, приложивъ руки ко лбу въ видѣ вонтика, всматривался въ подъѣзжавшій экипажъ. Это былъ смотритель, обрусѣлый еврей, извѣстный всей округѣ своимъ искусствомъ дѣлать кулебяки и какіе-то необыкновенные битки въ сметанѣ.

— Матушка, ваше сіятельство, по какому случаю пожаловать изволили?—подобострастно залепеталъ онъ, сбѣгая съ крыльца и помогая лакею отворить коляску.

Не безъ труда оттащили они общими усиліями разбухшую дверцу и вынули изъ коляски пожилую, тощую даму, съ усталымъ и недовольнымъ видомъ. Впрочемъ, съ перваго взгляда никакъ нельзя было опредѣлить ея лѣтъ. И лицо, и прическа, и платье—все въ ней какъ-то вылиняло и потерялось. Только большіе черные глаза говорили о прежней красотѣ.

— Здравствуй, здравствуй, Абрамычъ,—отвѣчала она, съ трудомъ попадая ногами на ступеньки коляски:—сына встрѣтить прѣѣхала. Вѣдь мальпость еще не пришелъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, съ минуты на минуту ожидаемъ; пожалуйста на станцію.

Вслѣдъ за пожилой дамой легко и граціозно выскочила изъ коляски молодая дѣвушка въ розовомъ ситцевомъ платьѣ. Ей было лѣтъ шестнадцать; она, видимо, еще не вполне сложилась, черты лица были неправильны, румяный загаръ покрывалъ ея смуглыя щеки. Глаза—большіе и черные, такіе же, какъ у пожилой дамы, смотрѣли далеко не по-дѣтски.

Было жаркое іюньское утро. Комната, въ которую вошли путешественницы, украшалась двумя жесткими диванами, обитыми черной кожей; передъ каждымъ диваномъ стоялъ столъ изъ корельской березы; въ простѣнкѣ висѣло большое зеркало, сверху до-низу испарившееся мухами. Несмотря на отворенныя окна, было невыносимо душно; цѣлыя міриады мухъ жужжали кругомъ и нисколько не смущались тѣмъ, что на каждомъ окнѣ стояла тарелка съ мухоморами.

— Охъ, устала же я!—говорила княгиня, опускаясь на диванъ:—ты, Соня, какъ хочешь, а-я подремлю немножко. Да вотъ чтд, Абрамычъ: ты намъ въ прѣѣзду мальпость быточковъ приготовь, да побольше, а то Сережа съ дороги проголодается. Ты моего Сережу не узнаешь—совсѣмъ большой сталъ. Шутка ли, зимой ужъ выйдетъ изъ лица, чиновникъ будетъ.

— Будьте покойны, ваше сіятельство, голодными не отпустимъ.

Абрамычъ пошелъ распоряжаться; княгиня задремала. Соня вышла на крылечко и, усѣвшись подъ тѣнью навѣса, вынула изъ кармана маленькую книжку. Это былъ одинъ изъ французскихъ романовъ, которые Соня систематически выкрадывала изъ отцовской библиотеки. Съ жадностью начала она читать; нѣкоторыя страницы такъ ей нравились, что она останавливалась и перечитывала ихъ снова. Время отъ времени она сходила съ крыльца и пылливо всматривалась въ дорогу. Она съ нетерпѣніемъ ждала брата: онъ былъ ея единственнымъ другомъ и повѣреннымъ всѣхъ ея тайнъ. Они ничего не таили другъ отъ друга и даже переписывались особеннымъ условнымъ языкомъ... Жаръ усиливался. Кругомъ все окончательно замерло и заснуло. Только нѣсколько блѣсоватыхъ куръ неутомимо клевали что-то посреди дороги; между ними важно прогуливался большой пѣтухъ и по временамъ провозительно выкрикивалъ.

Прошло болѣе часа. Старый ямщикъ, съ кнутомъ въ рукѣ, подошелъ къ Сонѣ.

— Взгляните-ка, барышня, на „сопу“: кажись, дилижанецъ идетъ. У меня глаза плохи стали, не разберу.

Съ горы медленно спускалась какая-то черная масса.

— Онъ, онъ и есть!—повторилъ ямщикъ:—надо ребятъ будить.

Станція зашумѣла. Соня, осторожно спрятавъ книгу въ карманъ, разбудила мать, которая, жалуясь на усталость, выплыла на крылечко. Черезъ нѣсколько минутъ раздался трубный звукъ, и совсѣмъ заморенныя лошади подвезли тяжелую почтовую карету.

— А вотъ и Сережа!—вскрикнула Соня, выбѣгая на дорогу.

Изъ наружныхъ мѣстъ мальпоста выѣзжала лицейская фуражка. Лица нельзя было разглядѣть—до того оно было покрыто густымъ слоемъ пыли. Въ два прыжка Соня очутилась около лицейста, обвила его шею руками и звонко поцѣловала въ губы. Потомъ она отшатнулась, едва не упала съ приступки, и, прошептавъ: „мамочка, это не онъ!“—убѣжала на станцію. Лицействъ, вытирая почти чернымъ платкомъ лицо, остановился на пол-дорогѣ въ величайшемъ смущеніи. Замѣшательство его было такъ велико, что онъ уже занесъ одну ногу назадъ, чтобы спрятаться на прежнее мѣсто. Княгиня остановила его.

— Молодой человекъ, простите мою вѣтренницу; она васъ приняла за брата. Ну, что же вы стоите на приступкѣ? Des-

sendez donc à la fin! Развѣ мой сынъ, князь Брянскій, не пріѣхалъ съ вами?

— Извините меня, княгиня, — забормоталъ бѣдный лицеистъ, рѣшившійся наконецъ спуститься на землю: — я такъ запыленъ... Сережа, т.-е., виноватъ, Брянскій, не досталъ мѣста въ мальпость и рѣшилъ съ однимъ товарищемъ ѣхать на перекладной...

— А! это вѣрно съ Горичемъ? Сережа писалъ, что привезетъ его въ деревню. А ваша какъ фамилія?

— Угаровъ, я товарищъ вашего сына и Горича.

Между тѣмъ они вошли въ станціонный домъ.

— Соня, рекомендую тебѣ: Угаровъ, товарищъ Сережи... Какъ имя и отчество?

— Владиміръ Николаевичъ.

Соня, еще не оправившаяся отъ постигшей ее катастрофы, церемонно присѣла, но въ то же время пытливо всматривалась въ вошедшаго. Средняго роста и довольно плотный лицеистъ былъ очень некрасивъ собой. Непричесанные бѣлокурые волосы торчали на головѣ какими-то вихрами, липкая пыль лежала пластами на лицѣ, глаза — добрые, но красные, выраженіе лица было симпатично и въ ту минуту глубоко несчастно. Княгиня не переставала допекать его.

— Позвольте, молодой человекъ, вы говорите, что сынъ мой рѣшилъ ѣхать на перекладной, но въ такомъ случаѣ онъ былъ бы здѣсь раньше васъ. Отчего же его нѣтъ?

— Вотъ видите, княгиня, — оправдывался Угаровъ: — Сережа и Горичъ встрѣтили въ Москвѣ одну знакомую, т.-е., виноватъ: одного знакомаго, и согласились вмѣстѣ обѣдать, а изъ Москвы выѣхать въ ночь...

— Да, знаю я этихъ знакомыхъ! — процѣдила сквозь зубы княгиня: — теперь застрянетъ въ Москвѣ на нѣсколько дней.

Разговоръ замолкъ. Всѣмъ было неловко.

Въ это время появился въ дверяхъ Абрамычъ съ блюдомъ битковъ.

— Съ пріѣздомъ честь имѣю поздравить, — громко пробасилъ онъ и, обратясь къ Сонѣ, прибавилъ: — Ну, и молодецъ же вашъ братецъ — весь въ васъ. — Сонѣ показалась такъ смѣшна мысль, что этотъ безобразный лицеистъ похожъ на нее, что она не выдержала и громко расхохоталась. Княгиня такъ же кисло засмѣялась и предложила Угарову позавтракать. При этомъ она спросила его, не сынъ ли онъ бывшаго медянскаго предводителя, и заявила, что съ матушкой его встрѣчалась когда-то на выборахъ, а съ отцомъ была хорошо знакома.

Вообще съ прїѣздомъ мальпоста княгиня оживилась. Она подозвала къ окну сѣдѣнаго старичка-кондуктора съ сумкой черезъ плечо и потребовала у него списокъ пассажировъ. Всѣ внутреннія мѣста кареты были взяты „подъ генеральшу Кублищеву“, которая ѣхала вдвоемъ съ компаньонкой. Компаньонка эта—толстая, красная дѣвица, изнемогавшая подъ тяжестью голубого шерстяного платья, не замедлила появиться на станціи и заказала лимонадъ для генеральши. Княгиня поговорила и съ ней, назвала себя и даже выразила желаніе повидаться съ почтеннѣйшей Анной Ивановной Кублищевой, которой она была давно знакома. На это предложеніе компаньонка только замахала руками.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, это никакъ, никакъ невозможно: вотъ ужъ четвертую станцію Анна Ивановна находятся въ очень нервенномъ состояніи, я даже доложить не смѣю.

И, подтвердивъ распоряженіе о лимонадѣ, она торопливо направилась къ спущеннымъ сторамъ кареты. Въ наружныхъ мѣстахъ, рядомъ съ Угаровымъ, значился надворный совѣтникъ Придошенскій.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула княгиня: — да это Тимоенчъ... Гдѣ же онъ?

Оказалось, что Придошенскій спалъ въ мальпостѣ, и княгиня приказала немедленно разбудить его.

Между тѣмъ биточки стыли на столѣ, и никто до нихъ не дотрогивался.

— Вашъ товарищъ Горичъ...—заговорила Соня: — скажите, какой онъ человекъ?

— Миѣ трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, княжна:—о немъ самыя различныя мнѣнія. Во всякомъ случаѣ онъ очень, очень уменъ.

— А онъ красивъ собой? Кто лучше: онъ или Сережа?

— Красивѣе Сережи у насъ никого нѣтъ. Сережа очень похожъ на васъ.

— Вотъ какъ! вы уже говорите миѣ комплименты.

Угаровъ покраснѣлъ какъ ракъ. Онъ и не воображалъ, что говорить комплиментъ. Замѣчаніе это вырвалось у него совершенно искренно.

На выручку ему явился Придошенскій. Заспанный и грязный, съ заплаканнымъ лицомъ и связнымъ носомъ, онъ былъ вѣрнымъ снимкомъ приказнаго допотопныхъ временъ. Когда-то онъ былъ засѣдателемъ змѣвской гражданской палаты, сколотилъ на этомъ мѣстѣ порядочный капиталецъ, вышелъ въ отставку и былъ

извѣстенъ по всей змѣвской губерніи, какъ искусный ходатай и нужный человѣкъ по всевозможнымъ дѣламъ.

— Хорошо Тимоѣичъ!—говорила, смѣясь, княгиня:—чуть не проспалъ насъ.

— Могъ ли я ожидать встрѣтить здѣсь мою повелительницу?—завопилъ сильнымъ басомъ Тимоѣичъ и подошелъ къ ручкѣ къ княгинѣ, потомъ къ Сонѣ.

— А мнѣ какъ разъ нужно дать тебѣ маленькое порученіе въ Змѣевъ...

Но оказалось, что у княгини былъ для Тимоѣича цѣлый ворохъ порученій. Онъ долженъ былъ поговорить съ купцомъ Лаптевымъ о процентахъ, взыскать съ купца Авилова деньги за овесъ, передать преосвященному Никанору жалобу княгини на благочиннаго, выѣхать въ губернаторской канцеляріи, когда губернаторъ побѣдетъ на ревизію въ Буяльскъ, и не забудетъ ли онъ къ ней, въ Троицкое, зайти въ кондитерскую къ Мальвиншѣ и заказать ей десять фунтовъ конфетъ къ Ольгину дню, да чтобъ Мальвиншна туда побольше помады положила, и т. д., и т. д. Придошпенскій только пыхтѣлъ и завязывалъ узелки на своемъ огромномъ кѣтъчатомъ платкѣ, отъ котораго такъ и разлило табакомъ и спиртомъ.

За другимъ столомъ разговоръ видимо оживился.

Какъ странно мы съ вами познакомились, Владиміръ Николаевичъ!—говорила Соня, щури глаза.—Но это, можетъ быть, къ лучшему. Такъ случно все, что обыкновенно. Вѣдь вы на меня не разсердились?

— Помилуйте, княжна, могу ли я за это сердиться?

— Ну, а если не сердитесь, исполните одну мою просьбу. Оставайтесь здѣсь и побѣдьте съ нами въ Троицкое.

— Этого я никакъ не могу сдѣлать.

— Отчего?

— Оттого что матушка ждетъ меня и вѣроятно выѣдетъ на встрѣчу ко мнѣ въ Медянскъ.

— А гдѣ это Медянскъ? Далеко отсюда?

— Около ста верстъ, это за Змѣевымъ.

— Ну, такъ вотъ что: въ Ольгинъ день мамини именины, и у насъ бываетъ много гостей. Общайте, что къ этому дню вы непременно къ намъ пріѣдете.

— О, это съ величайшимъ удовольствіемъ, если только княгиня мнѣ позволить...

— А вы очень любите вашу матушку?

— Да, очень; я никого не любилъ такъ, какъ ее.

— И вы увѣрены, что это всегда такъ будетъ, что вы никого не полюбите больше ея?

Угаровъ подумалъ немного и сказалъ:

— Да, совершенно увѣренъ.

Соня хотѣла еще что-то сказать, но въ это время подъ окнами раздался гнѣвный голосъ голубой компаньонки. — Генеральша приказали спросить, — приставала она къ кому-то: — что это значить? — Лошади давно заложены, а мы не двигаемся... Анна Ивановна очень, очень сердятся и непременно будутъ жаловаться...

Пришлось расставаться. Княгиня проводила Угарова до кареты и подтвердила ему приглашеніе побывать у нихъ въ Троицкомъ. Когда кондукторъ уже прилаживалъ свою трубу, чтобы дать сигналъ къ отъѣзду, княгиня вдругъ неожиданно вскрикнула: „Стой, стой!“ Оказалось, что она забыла дать Придошенскому какое-то очень важное порученіе къ губернскому землемѣру. Княжна смотрѣла изъ окна на отъѣзжавшую карету и думала, что этотъ Угаровъ совсѣмъ не такъ дурень, какъ показалось ей въ первую минуту. Княгиня вернулась въ комнату совсѣмъ усталая и очень недовольная тѣмъ, что даже издали ей не удалось увидѣть „эту дурищу Кублищеву, которая Богъ знаетъ что о себѣ воображаетъ“...

Черезъ четверть часа послѣ отъѣзда мальпоста, къ подъѣзду подкатила лихая тройка съ колокольчикомъ и бубенцами. Соня не успѣла подбѣжать къ окну, чтобы посмотреть, кто пріѣхалъ, какъ уже очутилась въ объятіяхъ брата. Вслѣдъ за Сережей вошелъ другой лицейскій, небольшого роста брюнетъ, съ вязанными, хотя слишкомъ самоувѣренными манерами и насмѣшливымъ взглядомъ. Обнимая брата, Соня успѣла шепнуть ему: „представь себѣ, Сережа, я сегодня поцѣловала Угарова“. Сережа не выразилъ никакого изумленія, но, представивъ матери своего товарища, выскочилъ съ сестрой на крыльцо, гдѣ долго шептался съ ней. Они видимо спѣшили наскоро сообщить другъ другу важнѣйшіе секреты. Княгиня, тѣмъ временемъ, разспросила Горича о всѣхъ его родныхъ. Съ отцомъ его — лицейскимъ профессоромъ — она познакомилась, когда отдавала Сережу въ лицей. Опять появился Абрамычъ съ свѣжими биточками, которые на этотъ разъ имѣли полный успѣхъ. Сейчасъ же приказано было закладывать лошадей, но кучеръ куда-то скрылся, и его долго не могли найти. Потомъ явилась необходимость двухъ лошадей подковать, потомъ въдумалось княгинѣ пить чай въ городскомъ саду, потомъ послали фореитора верхомъ на почту узнать, нѣтъ ли писемъ. Наконецъ, коляска была подана. Подсаживая княгиню, Абрамычъ шепнулъ

ей: — А за кушанье и за кормъ лошадей прикажете въ счетъ записать?

— Конечно въ счетъ, — отвѣчала княгиня совсѣмъ усталымъ голосомъ: — когда приплешь въ Троицкое за масломъ и мукой, — тогда сосчитаемся. Въ заключеніе произошла долгая борьба съ дверцей. Несмотря на соединенныя усилія всего общества, она ни за что не хотѣла захлопнуться, такъ что пришлось привязывать ее веревками. Почти уже стемнѣло, когда знаменитый рыдванъ съѣхалъ съ шоссе на проселочную дорогу, по направленію къ селу Троицкому, до котораго отъ станціи было, по мѣрнію княгини, „версть пятнадцать и никакъ не больше восемнадцати“, а по мѣрнію Абрамыча — „двадцать пять съ хвостикомъ“.

II.

Угаровъ уѣхалъ на свое мѣсто, совсѣмъ опеломленный встрѣчей съ Соней. Влюбивый отъ природы, онъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ любилъ свою сосѣдку, Наташу Дорожинскую, дочь медянскаго предводителя. Слова: въ теченіе трехъ лѣтъ — надо понимать буквально, т.-е. онъ влюблялся въ нее только лѣтомъ, а зимой онъ какъ-то забывалъ ее и усердно ухаживалъ за разными петербургскими барышнями, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Въ послѣднюю зиму онъ особенно часто бывалъ у своего товарища Миллера, и сестра его, голубоглазая и сентиментальная Эмилія, сразу ему приглянулась. Они вмѣстѣ читали стихи, играли въ четыре руки на фортепіано и говорили о любви. Весной, готовясь къ экзамену вмѣстѣ съ Миллеромъ, Угаровъ раза три украдкой поцѣловалъ пухленькую ручку Эмиліи, вслѣдствіе чего рѣшилъ, что онъ дѣйствительно влюбленъ. На прощаніе Эмилія подарила ему закладку для книгъ: по черному фону она разными шелками вышила слово Souffrance. Эту закладку Угаровъ не рѣшался уложить въ чемоданъ, а держалъ въ карманѣ куртки и на желѣзной дорогѣ нѣсколько разъ прижималъ ее къ сердцу. Въ Москвѣ, пересѣвъ въ мальпость, онъ невольно вспомнилъ свое прошлогоднее путешествіе, и Наташа Дорожинская начала понемногу чередоваться въ его воображеніи съ Эмиліей. Встрѣча съ Соней вытѣснила обѣихъ, и Угаровъ, глядя на спящаго Придошенскаго, старался вспомнить и шепталъ всѣ слова, сказанныя княжной. Онъ чувствовалъ ея горячій поцѣлуй на своихъ губахъ, хотя и повторялъ про себя, что поцѣлуй этотъ былъ предназначенъ для другаго, и никогда не повторится.

Придошенскій, проснувшись, конечно сейчас же заговорилъ о семействѣ Брянскихъ. Онъ осыпалъ ихъ всѣхъ большими похвалами, но похвалы его какъ-то болѣе относились въ прошедшему. Князь Борисъ Сергѣевичъ Брянскій былъ когда-то очень умный человекъ и хорошій генералъ, но лѣтъ шесть тому назадъ его разбилъ параличъ, и онъ теперь живетъ только въ тягость и себѣ и другимъ. Княгиня Брянская, изъ рода Карабачевыхъ, когда-то была первой красавицей въ губерніи, но такъ какъ Господь одарилъ ее хорошей памятью, то она „этой своей прежней красоты никакъ забыть не можетъ“. Состояніе у нихъ когда-то было огромное, но со времени болѣзни князя сильно поразстроилось. „Ну чтѣ бы имъ дать мнѣ полную довѣренность!— прибавилъ онъ съ наивной откровенностью.— Я бы конечно поживился, но и у нихъ дохода было бы не меньше прежняго. Кромѣ Сережи и Сони, у Брянскихъ была еще старшая замужняя дочь, Ольга, красавица и любимица князя. Мужъ ея, гусарь Маковецкій, былъ „прекрасный человекъ, даромъ что полякъ“, но въ послѣдніе годы, получая меньше содержанія отъ князя, пустился въ игру и разныя аферы. О Сережѣ Тимоѣевичъ сказалъ: „Ну, этого вы знаете лучше меня!“— а о Сонѣ выразился такъ: „Вотъ съ княжной Софьей Борисовной попробуйте сто лѣтъ въ одномъ домѣ прожить, и то не раскусите. Въ древней Греціи дѣвицы такихъ сфинксами называли“. И очень довольный высказанной имъ эрудиціей, Придошенскій вынулъ изъ табакерки огромную щепотку „цареградскаго“.

Версть за десять не доѣзжая до Змѣева, мальпость остановился у маленькаго мостика, соединявшаго шоссе съ широкой проселочной дорогой, обсаженной ракетами. За мостомъ стояла карета генеральши Кублищевой, и громадный домъ ея, съ зеленымъ куполомъ, видѣлся на горѣ. Ея сынъ, молодой, но уже почти лысый полковникъ, въ флигель-адъютантскомъ скруткѣ, почтительно держа въ рукѣ фуражку, отворилъ дверцу кареты. Анна Ивановна поздоровалась съ нимъ сухо, и, подовзавъ стоявшаго поодаль приказчика, начала распевать ихъ такимъ зычнымъ голосомъ, котораго никакъ нельзя было ожидать отъ слабой и нервной дамы. „Вотъ какъ вы меня бережете и почете! — кричала она:— въ самый день отъѣзда я узнаю, что dormireтъ сломанъ, и мнѣ пришлось прожить лишнихъ два дня въ Москвѣ, а потомъ ѣхать въ этомъ мерзкомъ ковчегѣ и еще чортъ знаетъ съ кѣмъ“. При этомъ ея гнѣвный взоръ скользнулъ по наружнымъ мѣстамъ, а Придошенскій, толкнувъ Угарова въ бокъ, прошепталъ ему: „Вотъ и намъ съ вами перепало“. Наконецъ, безчисленные сун-

лучки и ушлы были вынесены изъ кареты, и Анна Ивановна, нѣсколько успокоившись, начала вылѣзать изъ мерзкаго ковчега. Въ это время голубая компаньонка сочла нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ, и хотя рѣчь ея клонилась какъ бы въ пользу приказчика, но красное приказничье лицо при первыхъ звукахъ ея голоса выразило сильнѣйшее безпокойство.

— Осмѣлюсь доложить вамъ, Анна Ивановна, что Прокофій въ дорезѣ не виноватъ, онъ еще осенью объ этомъ писалъ. Тоже вотъ насчетъ того архитектора...

— Ахъ да, я забыла объ архитекторѣ. Какъ ты смѣлъ...

Снова разразилась буря, но мальпость въ это время тронулся, а Придошенскій, высунувшись изъ своего мѣста, произнесъ вполголоса: „Прощай, матушка, спасибо тебѣ, что ты и насъ, бѣдныхъ странниковъ, внесла въ свое поминаньице“.

Въ Змѣевѣ Придошенскій вышелъ, обѣщавъ навѣстить своего спутника въ теченіе лѣта. Оставшись единственнымъ путешественникомъ, Угаровъ, по предложенію кондуктора, перешелъ въ карету, всю пропитанную запахомъ одеколона и разныхъ лекарствъ, отворилъ окна и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Когда онъ проснулся, солнце уже зашло. вмѣсто лекарственнаго воспоминанія о генеральшѣ Кублицевой, въ окна кареты вривался свѣжій вечерній вѣтерокъ, внося съ собою сильный запахъ смолы. Карета ѣхала между двумя стѣнами густого лѣса. Угаровъ зналъ, что только-что этотъ лѣсъ кончится, до Медлянска останется не болѣе двухъ верстѣ. Теперь никакихъ любовныхъ мечтаній у него не было,—всѣ мысли были заняты предстоящимъ свиданіемъ съ нѣжно любимой имъ матерью. Подъѣзжая къ станціи, онъ высунулся изъ окна, надѣясь, какъ всегда, увидѣть ее на крылечѣ. Но ея не было; только старшій его слуга, Андрей, съ письмомъ въ рукѣ торопливо подходилъ къ мальпосту.

— Чтѣ матушка? Здорова?—закричалъ Угаровъ, выскакивая изъ кареты.

— Не такъ-то здоровы, батюшка Владиміръ Николаевичъ, съ прїѣздомъ имѣю честь поздравить,—говорилъ Андрей, подавая ему письмо и цѣлуя налету его руку.

Письмо было отъ тетки Угарова—Варвары Петровны, жившей съ его матерью. Она писала: „Милый Володя, прежде всего не пугайся. Мари не совсѣмъ здорова; и я уговорила ее не ѣхать на станцію. Пожалуйста, если найдешь въ ней какую-нибудь перемигну, не говори этого при ней. Твоя—Варя“. Тарантасъ, запряженный тройкой, стоялъ у подъѣзда. Угаровъ быстро перевесъ въ него, съ помощью Андрея, свой чемоданъ и, усѣвшись

въ тарантасѣ, велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе. Лошади помчались. Страшная тоска сжимала ему сердце. Въ первый разъ случилось, что мать не выѣхала къ нему на встрѣчу; онъ зналъ, что только серьезная болѣзнь могла остановить ее. Больше же всего пугали его слова записки: „не пугайся“. — „Вѣрно, меня приготовляютъ къ большому несчастію“, — думалъ онъ. — „Что, если ея уже нѣтъ въ живыхъ“? Воображеніе его разыгрывалось, и, проѣхавъ верстъ шесть, онъ уже представлялъ себѣ, какъ найдетъ ее въ залѣ на столѣ. Нѣсколько разъ пытался онъ допрашивать Андрея, но отъ этого выжившаго изъ ума, хотя и преданнаго человѣка не могъ добиться никакого толка: „больны-то, больны, только не совсѣмъ“, — твердилъ онъ. Подѣхавъ къ „капитанскому“ мосту, тарантасъ остановился.

— Извольте выходить, Владиміръ Николаевичъ! Я Марья Петровна передъ образомъ побожилса, что не повезу васъ въ тарантасѣ черезъ мостъ.

Угаровъ нѣхотя повиновался. Мостъ этотъ назывался „капитанскимъ“, потому что лѣтъ сорокъ тому назадъ на немъ провалился и утонулъ какой-то капитанъ; съ тѣхъ поръ его много разъ строили вновь, но никакъ не могли построить порядочно: онъ дрожалъ даже подъ ногами пѣшехода. Божба передъ образомъ, о которой разсказалъ Андрей, нѣсколько успокоила Угарова. „Значить, матушка жива“, — подумалъ онъ. Отъ капитанскаго моста оставалось пять верстъ. Вотъ миновали они безконечно тянувшееся казенное село Городище, казавшееся очень красивымъ при лунномъ освѣщеніи; вотъ и дубовая роща, послѣ которой начинались владѣнія Угарова. Теперь каждый кустъ, каждая извилина дороги были ему знакомы, но на всемъ лежалъ, какъ ему казалось, зловѣщій отпечатокъ. Большія деревья сада бросали на свѣтлую дорогу какія-то исполинскія, причудливыя тѣни; окна большого дома какъ-то вопросительно взглянули на него съ крутой горы. Едва отвѣчая на привѣты встрѣчавшей его дворни, Угаровъ быстрыми шагами вбѣжалъ въ залу, въ которую изъ противоположныхъ дверей входила высокая женщина въ бѣломъ ночномъ капотѣ. Угаровъ едва не вскрикнулъ — до того осунулись и измѣнились черты его матери.

— Ну что, Володя? Очень я перемѣнилась? — говорила она, судорожно сжимая его въ объятіяхъ.

— Нѣтъ, мама, ничего, очень мало! — лепеталъ онъ, едва удерживая рыданія.

— Ну, а теперь, Мари, спать! — властнымъ голосомъ заговорила тета Варя, на руку которой опиралась больная. — Петръ

Богданычъ позволилъ тебѣ встрѣтить Володю съ условіемъ, чтобы ты сейчасъ же шла спать; завтра вдоволь наговоритесь.

— Да, да, я пойду, а ты, дружокъ мой, скушай что-нибудь, ты, вѣрно, проголодался въ дорогѣ.

Въ столовой былъ приготовленъ цѣлый ужинъ, но Угаровъ не могъ ѣсть. Уложивъ больную, тетя Варя пришла къ нему и рассказала ему подробно о болѣзни Маріи Петровны. Она заболѣла довольно серьезно съ мѣсяць тому назадъ, но запретила писать объ этомъ Володѣ, „чтобы не помѣшать его экзаменамъ“. Потомъ она начала выздоравливать, но въ послѣдніе дни ей опять сдѣлалось хуже. По ночамъ она не могла спать и не переставала говорить о томъ, что съ Володей во время дороги должно случиться какое-нибудь несчастіе; особенно безпокоилась она въ этотъ послѣдній день. Послѣ полчасоваго разговора тетя Варя вышла и, вернувшись съ извѣстіемъ, что больная спитъ совсѣмъ хорошо, убѣдила Володю съѣсть цыпленка и выпить чаю. Долго еще бесѣдовала она съ племянникомъ, потомъ проводила его въ „дѣтскую“, заново отдѣланную въ его пріѣзду. Оставшись одинъ, Угаровъ бросился на колѣни и началъ горячо молиться. Очень набожный въ дѣтствѣ, онъ теперь считалъ себя невѣрующимъ и давно уже не молился; онъ и теперь не зналъ, кого и о чемъ онъ молить, но какое-то неизъяснимо-отрадное чувство проникло въ его душу послѣ молитвы. Угаровъ самъ удивился этому чувству, котораго онъ бы не могъ испытать въ Петербургѣ, которое было возможно и умѣстно только здѣсь, въ этомъ старомъ домѣ, въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ много и горячо молился ребенкомъ, гдѣ изъ каждаго угла на него смотрѣло его чистое, невозвратно-минувшее дѣтство...

III.

Марья Петровна Угарова была очень счастливая и въ то же время очень несчастная женщина. Обстоятельства ея жизни складывались довольно удачно. Дочь небогатаго, хотя и заслуженнаго генерала Дорожинскаго, она одна изъ сестеръ попала въ Смольный монастырь, гдѣ окончила курсъ съ шифромъ. Не будучи красивой, она имѣла необычайный даръ всѣмъ нравиться и уже не въ первой молодости сдѣлала, какъ говорится, „блестящую партію“. Мужъ ея—Николай Владиміровичъ Угаровъ—былъ очень добрый и очень богатый человекъ, любившій ее безъ памяти. Несчастіе же ея заключалось въ томъ, что она жила не

дѣйствительной, а какой-то эфемерной мечтательной жизнью. Дни ея катились свѣтло и ровно, но она всегда умѣла выдумать какое-нибудь горе и терзаться имъ. Такъ, напримѣръ, она была увѣрена въ безграничной любви мужа, а между тѣмъ измучила въ конецъ и его, и себя нелѣпой ревностью. Однажды она чуть не сошла съ ума отъ горя, найдя случайно въ бумагахъ мужа какое-то любовное письмо, полученное имъ за десять лѣтъ до женитьбы. Люди, ее знавшіе, думали, что смерть Николая Владиміровича убьетъ ее навѣрное, но, къ ихъ удивленію, Марья Петровна перенесла этотъ ударъ сравнительно спокійно. Тѣ, которые живутъ постоянно въ воображаемомъ горѣ, легче переносятъ настоящее. Марья Петровна столько разъ представляла себѣ болѣзнь и смерть мужа въ то время, какъ онъ былъ совсѣмъ здоровъ, что грозная дѣйствительность не удивила ее, а только еще болѣе убѣдила въ несомнѣнности ея предчувствій. Угаровъ еще при жизни перевелъ на имя жены все свое огромное состояніе, а потому, послѣ его смерти, Марья Петровна очутилась въ очень затруднительномъ положеніи, ничего не понимая ни въ хозяйствѣ, ни въ веденіи дѣлъ; но тутъ Провидѣніе послало ей неожиданную помощь въ лицѣ сестры ея, Варвары Петровны. Очень схожія между собою лицомъ—сестры представляли, по своимъ внутреннимъ свойствамъ, совершенную противоположность. Насколько одна парила въ небѣ, настолько другая твердо жалась къ землѣ. Привыкнувъ съ дѣтства управлять домою и небольшимъ имѣніемъ отца, Варвара Петровна осталась старой дѣвкой и по смерти Угарова переѣхала жить къ сестрѣ. Мало-по-малу она забирала въ руки бразды правленія, и черезъ годъ неограниченно властвовала надъ сестрой и всѣмъ ея имуществомъ. Она сама объѣзжала многочисленныя Угаровскія помѣстья, разсѣянныя по разнымъ губерніямъ, входила во всѣ мелочи, смѣняла приказчиковъ, быстро появившихъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, и въ нѣсколько лѣтъ настолько увеличила доходы сестры, что могла безъ угрызений совѣсти принять отъ нея въ подарокъ небольшую деревушку Жохово, которую та купила ей въ семи верстахъ отъ Угаровки. Варвара Петровна переименовала Жохово—въ Марьяинъ-Даръ и дѣятельно занималась постройкой въ немъ дома и разведеніемъ сада.

Сдавъ всѣ заботы по имѣнію сестрѣ, Марья Петровна исключительно занялась воспитаніемъ своего единственнаго семилѣтняго сына. Она любила его такой страстной и безпокойной любовью, что чувство это сдѣлалось для нея новымъ источникомъ непрерывнаго горя. Каждый его шагъ казался ей рискованнымъ,

въ его будущемъ она видѣла одинъ длинный рядъ опасностей всякаго рода. Эта постоянная нервность невольно сообщалась мальчику, но и тутъ помогло благотѣльное, отрезвляющее вліяніе Варвары Петровны. По ея настояніямъ и послѣ долгой борьбы, Марья Петровна рѣшилась помѣстить сына въ лицей. Поѣздка ея для этого въ Петербургъ и разлука съ сыномъ составляли самую яркую и грустную эпопею ея жизни. При ея большемъ состояніи, ей, конечно, было легко переселиться въ Петербургъ, но странно, что мысль покинуть свое насыщенное гнѣздо даже ни разу не пришла ей въ голову. Чуть не обезумѣвъ отъ горя и страха за Володю, вернулась она въ свою Угаровку и посвятила себя самой широкой деревенской благотворительности. Два раза въ недѣлю она получала письма отъ сына, и вся внутренняя жизнь ея проходила въ ожиданіи и перечитываніи этихъ писемъ. Въ теченіе шести лѣтъ она привыкла къ разлукѣ съ Володей, но опасенія за его будущее усиливались съ каждымъ годомъ...

На другой день послѣ пріѣзда Угаровъ былъ разбуженъ громкимъ голосомъ уѣднаго доктора—старога друга ихъ дома.

— Ну, молодецъ Володька, нечего сказать!—кричалъ Петръ Богдановичъ, стаскивая съ него одѣяло.—Пріѣхалъ на каникулы, чтобы у меня хлѣбъ отбивать. Да ты съ одного визита такъ помогъ матери, что мнѣ и ѣздить къ ней не нужно... Она и ночь проспала отлично, и теперь чай пьетъ на балконѣ. Этакъ ты у меня всю практику отобьешь!

Пока Угаровъ умывался и одѣвался, докторъ рассказывалъ ему весь ходъ болѣзни Марьи Петровны.

Я всегда говорилъ, что ничего серьезнаго не было. Правда, около печенки есть кое-какіе безпорядки, но главное дѣло въ нервахъ и воображеніи. Старайся только, чтобы она чѣмъ-нибудь не разстроилась—другого леченія не нужно.

Марья Петровна сидѣла на балконѣ, въ большемъ креслѣ, обложенномъ подушками. Лицо ея было блѣдно, но выражало счастливое настроеніе людей, чувствующихъ, что они выздоравливаютъ. Докторъ представилъ Володю какъ своего ассистента, которому онъ сдаетъ больную, и, объявивъ, что у него есть болѣе серьезные больные, уѣхалъ. Среди разсказа объ экзаменахъ и путешествіи, Володя вспомнилъ о встрѣчѣ въ Буяльскѣ, а при этомъ воспоминаніи вдругъ что-то жгучее кольнуло его въ сердце. Онъ передалъ матери поклонъ нягини Брянской и спросилъ, что это за женщина.

— Ну что, Богъ съ ней!—сказала Марья Петровна.

Володя зналъ, что въ устахъ его матери эта фраза была самымъ сильнымъ осужденіемъ, и потому промолчалъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Троицкое. Зато онъ очень распространился объ Эмилии, о которой его мать уже знала по его письмамъ. Онъ даже показалъ Souffrance. При видѣ этого вышитаго шелками страданія, Варвара Петровна разразилась гомерическимъ хохотомъ, а Марья Петровна, невольно улыбаясь, замѣтила:

— Ты всегда, Варя, смѣешься надъ чувствами, а эта бѣдная дѣвушка, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ страдаетъ.

Марья Петровна была всегда повѣреннымъ сердечныхъ тайнъ своего сына и до нѣкоторой степени имъ сочувствовала. Конечно, какое-нибудь серьезное увлеченіе преисполнило бы ея сердце ревностью, а когда ей приходила мысль о его женитьбѣ, это казалось ей хотя отдаленнымъ, но чудовищнымъ горемъ. Аванасій Ивановичъ Дорожинскій былъ ея двоюроднымъ братомъ, а потому любовь Володи къ его дочери, Наталѣ, не безпокоила Марью Петровну: бракъ между родственниками она признавала совершенной невозможностью.

Тихо и радостно катились дни для Угарова.

Вставалъ онъ поздно, Марья Петровна все утро бывала занята больными, стекавшимися къ ней въ огромномъ количествѣ изъ окрестныхъ селъ и деревень. Она не только лечила ихъ, но снабжала иногда бѣльемъ и деньгами, что больше всего способствовало ея медицинской популярности. Варвара Петровна ежедневно ѣздила въ свой Марьяинъ-Даръ и возвращалась къ обѣду. Вечеръ всѣ проводили вмѣстѣ на балконѣ, откуда открывался широкій видъ на окрестные лѣса и усадьбы; а если было сыро на воздухѣ, они усаживались въ уютной диванной, любимой комнатѣ Марьи Петровны, въ которой она зимой привыкла коротать у камина свои длинные одинокіе вечера. Варвара Петровна читала вслухъ какой-нибудь романъ; только когда въ трогательныхъ мѣстахъ она замѣчала, что въ голосѣ ея прорывается слезливая нота, она передавала книгу Володѣ, жалуясь на усталость. Больше всего на свѣтѣ она боялась, чтобы ее не заподозрили въ чувствительности. А когда всѣ въ домѣ укладывались спать, Володя приказывалъ осѣдлать своего Фортунчика и уѣзжалъ на нѣсколько часовъ далеко-далеко въ поле. Эти часы онъ всецѣло посвящалъ Сонѣ. Иногда она представлялась ему въ привлекательныхъ, но неясныхъ чертахъ; но бывали минуты, когда онъ сознавалъ себя безповоротно подъ властью этого новаго, сильнаго чувства. Онъ былъ убѣжденъ, что все рѣшится 11-го іюля, но какъ устроить эту поѣздку? Сначала, во время

болѣзни матери, онъ не рѣшался говорить о предстоящемъ ему путешествіи, чтобы не разстроить ее; но вотъ Марья Петровна совсѣмъ выздоровѣла, а Володя все не могъ рѣшиться. Случай помогъ ему.

Нѣсколько разъ Марья Петровна, гуляя по саду съ сыномъ, начинала говорить: „А у меня къ тебѣ, Володя, большая, большая просьба“... потомъ останавливалась и прибавляла: „нѣтъ, объ этомъ какъ-нибудь послѣ поговоримъ“. Однажды, — это было уже въ началѣ іюля, — они сидѣли на балконѣ, въ ожиданіи обѣда. Тетя Варя, только-что вернувшаяся изъ Марьино-Дара, взглянувъ на сестру, сказала:

— А у тебя, Мари, глаза не хороши, ты опять дурно спала. Да скажи же ему наконецъ, что тебя беспокоитъ. Что за охота мучиться и молчать?

Володя воспользовался этимъ случаемъ и сказалъ, что у него также большая просьба къ матери.

Тогда Марья Петровна рѣшилась высказать опасеніе, мучившее ее нѣсколько мѣсяцевъ и, вѣроятно, бывшее одной изъ причинъ ея болѣзни.

Большая грозная туча войны со всѣхъ сторонъ надвигалась на Россію; весной былъ объявленъ новый рекрутскій наборъ. Въ одномъ изъ писемъ Володя, говоря о патриотическомъ настроеніи, охватившемъ лицей, сказалъ, что всѣ его товарищи, при первой возможности, полетятъ на защиту отечества. Изъ этихъ строкъ Марья Петровна заключила, что сынъ ея рѣшился выйти въ военную службу. Цѣлый мѣсяць она тщетно ждала, что Володя заговоритъ объ этомъ, и наконецъ рѣшилась сама просить его, чтобы онъ не губилъ ея старости, идя на вѣрную смерть.

Володя сознался, что дѣйствительно у него было это намѣреніе, что его уговаривали нѣкоторые товарищи, особенно братья Константиновы — славные ребята, любимые всѣмъ классомъ, но что во всякомъ случаѣ онъ не сдѣлалъ бы такого важнаго шага безъ позволенія матери. Кончилось тѣмъ, что онъ далъ торжественное обѣщаніе выйти изъ лицея въ гражданскую службу. Марья Петровна горячо обняла сына, говоря, что онъ цѣлую гору свалилъ съ ея души, и просила его поскорѣй сказать, въ чемъ заключается его просьба, которая, конечно, будетъ исполнена.

— Видишь, мама, — началъ Володя, чувствуя, что краснѣетъ, а оттого еще болѣе смущаясь: — мой товарищъ и другъ Брянскій нѣсколько лѣтъ уже приглашаетъ меня пріѣхать къ нему въ деревню, а теперь и княгиня пригласила меня на 11-е іюля. Я

знаю, что ты меня не будешь удерживать, но понимаешь, я побѣду только тогда, когда ты мнѣ скажешь, что рѣшительно ничего, ничего противъ этого не имѣешь...

При этихъ неожиданныхъ словахъ что-то тревожное зашевелилось въ сердцѣ у Марьи Петровны, но она превозмогла это ощущение и спокойно отвѣчала:

— Конечно, поѣзжай, мой дружокъ; я даже рада, что ты разсѣбься... Только вернись ко дню твоего ангела.

— Еще бы, мама, я вернусь 12-го,—самое позднее: 13-го утромъ...

— Ну, и отлично, что объяснились!—воскликнула Варвара Петровна.—Теперь пойдѣте обѣдать.

Но въ это время раздался стувъ подъѣзжавшаго экипажа, и на балконъ, сѣменя ножками, вѣжала Наташа Дорожинская. Высокая, рыжая англичанка шла, едва поспѣвая за ней.

— Bonjour, ma tante!—лепетала Наташа, цѣлуя руку у Марьи Петровны.—Хотя папѣ еще не вернулся изъ Петербурга, но мнѣ такъ хотѣлось узнать о вашемъ здоровьѣ, что я уговорила миссъ Рэгъ пріѣхать къ вамъ сегодня. Вы намъ позволите остаться?

— Какой смѣшной вопросъ, Наташа, вѣдь мы не чужіе!—обиженнымъ голосомъ отвѣчала Марья Петровна, очень строгая въ вопросѣ родственныя отношеній.

— Bonjour, ma tante!—продолжала Наташа, обращаясь къ Варварѣ Петровнѣ нѣсколько холоднѣе, потому что знала, что та ее недолюбливаетъ.—Bonjour, mon cousin!—сказала она уже совсѣмъ холодно Володѣ и протянула ему одинъ палець.

Холодность къ Володѣ была наказаніемъ за то, что онъ въ цѣлый мѣсяцъ не собрался пріѣхать къ Дорожинскимъ.

Наташа была небольшого роста, довольно полная блондинка и съ перваго взгляда могла показаться хорошенькой, но, проведя съ ней цѣлыя сутки, вы на другой день могли не узнать ее: до того всѣ черты лица ея были неопредѣленны и безцвѣтны. Маленькіе глазки, которые она то щурила, то вскидывала вверхъ, уже начали заплывать легкимъ жиромъ. Ея рѣчь, походка, выраженіе лица, все состояло изъ какихъ-то недомолвокъ и намековъ.

Обѣдъ прошелъ вяло. Миссъ Рэгъ видимо на что-то негодовала, и хотя она умѣла съ грѣхомъ пополамъ говорить по-французски, но на всѣ обращенныя къ ней вопросы отвѣчала какими-то односложными междометіями. Наташа продолжала убивать Володю холодностью, безпрестанно вскидывала на него сво-

ими маленькими глазками, а встрѣтивъ его взоръ, немедленно отворачивалась. Тѣмъ не менѣе, тотчасъ послѣ обѣда, она предложила ему пойти вмѣстѣ къ пруду, чтобы посмотреть, какъ принялись молодыя липки. На полдорогѣ, у большого клена, она остановилась и, сѣвъ на скамью, сочла своевременнымъ начать объясненіе.

— Вотъ и правду говорятъ, *mon cousin*, что времена перемѣнчивы. Прежде, бывало, вы на другой день пріѣзда были у насъ, а теперь...

Угаровъ стоялъ передъ ней и въ душѣ совершенно соглашался съ ея мнѣніемъ о перемѣнчивости времени. Сколько разъ на этой самой скамейкѣ онъ клялся ей въ вѣчной любви, а теперь онъ смотрѣлъ на нее и никакъ не могъ понять, чтó ему могло въ ней нравиться. Онъ, конечно, началъ оправдываться болѣзнью матери.

— Это правда, но теперь *ma tante* здорова, пріѣзжайте къ намъ въ день именинъ моей крестницы Ольги; къ этому дню и папа вернется...

— Я бы съ удовольствіемъ пріѣхалъ, но какъ разъ въ этотъ день я обѣщалъ быть на именинахъ у одного товарища по лицю...

— Вотъ какъ! Я и не знала, что у насъ по сосѣдству завелись лицеисты, да еще такіе, которые бываютъ именинниками въ Ольгинъ день.—Кто же этотъ товарищъ?

— Товарищъ этотъ—Брянскій, т.-е. не онъ именинникъ, а его мать—княгиня Брянская.

— Вы какъ-то путаетесь къ отвѣтахъ; но все это вы мнѣ объясните дорогой. Вѣдь мы поѣдемъ верхомъ въ дубовую рощу? Я привезла амазонку. Велите осѣдлатъ лошадей.

Угаровъ съ грустью пошелъ дѣлать распоряженіе о лошадяхъ, но миссъ Рэгъ выручила его, рѣшительно запретивъ прогулку верхомъ. Наташа пробовала взять ее кротостью, потомъ начала возвышать голосъ, но англичанка вдругъ разразилась такимъ потокомъ шипящихъ и свистящихъ словъ, что амазонка притихла и смирилась. Послѣ этого прошло еще нѣсколько томительныхъ часовъ. Миссъ Рэгъ окончателно вознегодовала, не произнося никакихъ междометій и съ упорнымъ презрѣніемъ смотрѣла на клумбу георгинъ и душистаго горошка. Наташа безъ умолку рассказывала о томъ, какъ ея отецъ богатѣетъ ежегодно, и какія онъ изобрѣтаетъ улучшенія по хозяйству. Тета Варя изрѣдка ее останавливала и слегка язвила. Марья Петровна и Володя почти не принимали участія въ разговорѣ, но они такъ были счастливы

своими утренними разговорами, что даже и не испытывали скуки. А все-таки, когда они, проводивъ Наташу до экипажа, усѣлись въ диванной, вздохъ облегченія вырвался у нихъ одновременно.

— Ахъ, какъ хорошо безъ гостей!—воскликнула Варвара Петровна, и, придвинувъ къ себѣ лампу, вынула изъ своего объемистаго кармана небольшой томикъ „Давида Копперфильда“ во французскомъ переводѣ.

IV.

Десятаго іюля, въ десятомъ часу вечера, Угаровъ подъѣзжалъ къ ярко-освѣщенному дому села Троицкаго. Молодой, проворный казачокъ, встрѣтившій его у подѣзда, повелъ его въ отдѣльный флигель, гдѣ помѣщался Сережа. Угаровъ тщательно вымылся, причесался, надѣлъ мундиръ и чистыя перчатки и съ замираніемъ сердца отправился въ большой домъ. Онъ попросилъ доложить о немъ княгинѣ или вызвать Сережу, но казачокъ объяснилъ ему, что всѣ молодые господа уѣхали кататься, а княгинѣ докладывать нечего. „Пожалуйте!“—Угаровъ вошелъ въ огромную залу, въ два свѣта съ хорами. Голоса слышались справа изъ гостиной и слѣва съ большого балкона, выходящаго въ садъ. Угаровъ пошелъ направо. Княгиня сидѣла спиной къ двери и играла въ карты съ двумя старичками. На другомъ концѣ большой гостиной, у раскрытаго окна сидѣлъ флигель-адъютантъ Кублицевъ и также игралъ съ какимъ-то гусаромъ. Угаровъ нѣсколько разъ расшаркивался передъ княгиней, но та была такъ погружена въ игру, что даже не замѣчала его. Угаровъ хотѣлъ уже удалиться, но гусаръ—красивый блондинъ, съ изящно расчесанными бакенбардами, замѣтивъ эту сцену, пришелъ ему на помощь.

— Вы вѣроятно къ Сережѣ,—сказалъ онъ, любезно протягивая ему руку:—его дома нѣтъ. Позвольте мнѣ представить васъ хозяйкѣ дома.

И, спросивъ его фамилію, гусаръ подвелъ его къ княгинѣ.

— Матап, м-г Угаровъ...

Княгиня устремила на него усталый взоръ.

— Ахъ, Боже мой, да мы знакомы! Очень мило, что вы къ намъ пріѣхали... Вотъ, еслибы вы пошли въ черви,—немедленно обратилась она къ одному изъ старичковъ,—то Иванъ Ефимычъ былъ бы безъ двухъ.

— Ну, княгинѣ теперъ не до насъ,—сказалъ гусаръ съ улыб-

кой:—Сереза сейчасъ вернется, а пока позволите познакомиться васъ съ его старшей сестрой. Я ея мужъ—Маковецкій.

Балконъ, на который они вошли, былъ весь заставленъ цвѣтами и разнокалиберной мебелью. По серединѣ длиннаго стола, покрытаго всякими яствами, стояла большая карсельская лампа съ бѣлымъ матовымъ колпакомъ. Яркій свѣтъ падалъ отъ этой лампы на усыпанную пескомъ дорожку сада и захватывалъ часть газона, разстилавшагося зеленымъ ковромъ передъ балкономъ. Изъ-за чайнаго стола поднялась молодая, стройная женщина.

Ольга Борисовна Маковецкая была на шесть лѣтъ старше Серези. По нѣкоторымъ, едва уловимымъ очертаніямъ губъ и по складу лица она напоминала мать и сестру, но она была блондинка, да и по общему впечатлѣнію, производимому всей ея изящной фигурой, принадлежала къ другому типу. Ни въ одномъ ея движеніи не было и тѣни кокетства; голубые глаза смотрѣли прямо и ласково.

— Сереза очень будетъ радъ васъ видѣть,—сказала она, привѣтливо протягивая руку Угарову:—онъ васъ ждалъ. Саша,—обратилась она къ мужу:—когда же вы кончите съ Simon вашъ несносный пиветъ? У насъ гораздо веселѣе.

— Мы сейчасъ придемъ,—отвѣтилъ Маковецкій, и исчезъ за дверью.

Общество, которое Угаровъ засталъ на балконѣ, состояло изъ четырехъ лицъ. Возлѣ Ольги Борисовны сидѣлъ небольшого роста, довольно полный господинъ, котораго она назвала Иваномъ Петровичемъ Самсоновымъ,—съ мягкими, почти рыхлыми чертами лица, съ добродушной улыбкой и подслѣповатыми глазами. Впрочемъ ни на него, ни на его жену—пожилую даму съ лицомъ, покрытымъ веснушками, Угаровъ не обратилъ особеннаго вниманія, потому что оно было всецѣло поглощено человѣкомъ очень большого роста съ умнымъ, энергическимъ лицомъ. Онъ задумчиво смотрѣлъ въ садъ. Огромная голова его оканчивалась цѣлой гривой черныхъ, съ просѣдью волосъ, не особенно тщательно причесанныхъ, длинная борода была почти сѣдая. Звали его Николаемъ Николаевичемъ Камневымъ; одѣтъ онъ былъ въ плисовые шаровары и армякъ изъ тонкаго снѣга сукна.

— Присутствіе молодого лицейста не будетъ здѣсь лишнимъ,—заговорилъ онъ громкимъ, звучнымъ басомъ, когда всѣ опять усѣлись,—такъ какъ я только-что хотѣлъ прочесть вамъ стихотвореніе, принадлежащее перу одного лицейста.

И эффектно откинувшись на спинку кресла, онъ, понизивъ голосъ, началъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье...

Когда онъ кончилъ, Угаровъ робко спросилъ, какой Лиценствъ былъ авторомъ этихъ стиховъ. Камневъ задумчиво облокотился на столъ и отвѣчалъ глухимъ голосомъ:

— Лиценствъ этотъ плохо учился, плохо служилъ, плохо женился, и даже, какъ утверждали подъ конецъ его жизни иные критики, плохо писалъ... Лиценствъ этотъ былъ Пушкинъ.

При послѣднихъ словахъ Камневъ побѣдоносно и строго вскинулъ глазами на Угарова.

Угаровъ, знавшій наизусть Пушкина, сознался, что это стихотвореніе онъ слышалъ въ первый разъ.

— Мало ли чего еще вы не знаете и не можете знать!— воскликнулъ Камневъ и прочиталъ нѣсколько стихотвореній Пушкина, бывшихъ тогда подъ строгимъ запретомъ цензуры.

— Иванъ Петровичъ, теперь ваша очередь,—сказала Ольга Борисовна:—вы намъ давно ничего не читали.

Самсоновъ заволновался и завачался на своемъ стулѣ.

— Право, не знаю, что бы вамъ такое прочитать; вотъ развѣ...

Но Камневъ, любившій больше говорить, чѣмъ слушать, поспѣшилъ прервать его.

— Не знаю, рассказывалъ ли я вамъ, Иванъ Петровичъ, о моей послѣдней встрѣчѣ съ Пушкинымъ у Чаадаева...

Въ это время въ залѣ послышался цѣлый хоръ молодыхъ голосовъ, и Соня первая, запыхавшись, съ соломенной шляпой въ рукѣ, вбѣжала на балконъ.

— Выиграла, выиграла пари!—закричала она, увидѣвъ Угарова.—Представьте себѣ, мы подъѣзжаемъ къ дому и видимъ воалѣ конюшни неизвѣстный экипажъ, а прямо говорю: вы!—Горичъ говоритъ: не вы! Яковъ Ивановичъ, я съ васъ выиграла пари.

— Что дѣлать, княжна, я теперь въ вашемъ распоряженіи, можете приказать мнѣ, что хотите,—говорилъ Горичъ, входя на балконъ съ одной изъ дочерей Самсонова.

— И прикажу, будьте спокойны.

Вслѣдъ за ними вошли еще двѣ барышни Самсоновыхъ, хорошенькая Варя Спицына—дочь одного изъ старичковъ, игравшихъ въ карты, Сережа и два молодыхъ артиллериста изъ батареи, стоявшей въ Буяльскѣ. Шествіе замыкалось Христиной Осиповной, старой гувернанткой, съ незапамятныхъ временъ жившей въ домѣ Брянскихъ.

Ольга Борисовна спросила, не хочетъ ли это чаю, но Соня отвѣтила за всѣхъ, что и безъ того жарко, и предложила мо-

лодежи идти на гигантскіе шаги, устроенные на небольшой полянѣ, среди больших столбѣтнихъ дубовъ. Она называла это мѣсто своимъ царствомъ. Тамъ она тайно читала недозволенные книги, собѣщалась съ Сереей, мечтала и иногда плакала.

Угаровъ шелъ подъ руку съ Соней и рѣшительно не зналъ, о чемъ говорить съ ней. Цѣлый мѣсяцъ онъ жилъ мечтой объ этомъ свиданіи, и вотъ свиданіе состоялось, но какъ-то совсѣмъ не такъ, какъ онъ себя представлялъ его. Соня болтала безъ умолку, но тоже не находя предмета разговора, и нѣсколько разъ благодарила его за то, что онъ пріѣхалъ.

Угаровъ отказался занять лямку, потому что отъ гигантскихъ шаговъ у него кружилась голова, но не могъ оторвать глазъ отъ Сони и воображалъ себя дѣйствительно въ какомъ-то царствѣ, никогда невиданномъ и волшебномъ. Огромные дубы, какъ сказочные великаны, неподвижно стояли кругомъ, луна ударила прямо въ бѣлый столбъ, и придавала летающимъ людямъ какой-то совсѣмъ фантастической оттѣнокъ. Вдоволь налетавшись, всѣ усѣлись на скамьи и начали пѣть хоровую пѣсню, но Соня вдругъ остановила пѣніе и объявила Горичу, что онъ сейчасъ долженъ будетъ выполнить пари. Она отозвала его въ сторону и что-то приказывала ему; онъ отпѣкивался; наконецъ призвали судьей Сереею, и торжествующая Соня скомандовала возвращаться домой, говоря, что всѣмъ будетъ большой сюрпризъ. Когда молодая ватага подошла къ балкону, на немъ по-прежнему раздавался густой басъ Камнева:

— Вотъ что сказалъ мнѣ великій Гумбольдтъ, когда онъ посѣтилъ меня въ Москвѣ...

Но на этотъ разъ слушатели не узнали того, что сказалъ Гумбольдтъ, потому что произошло нѣчто неожиданное. Горичъ подошелъ къ Самсонову, сталъ передъ нимъ на колѣни и съ комической торжественностью произнесъ:

— Вы слышали, Иванъ Петровичъ, что я проигралъ княжѣ пари à discrétion. Поэтому она приказала мнѣ стать передъ вами на колѣни и просить васъ отъ имени всего общества прочесть намъ „Скупого Рыцаря“.

Самсоновъ совсѣмъ заволновался и запнулся на стулѣ.

— Помилуйте, какъ же это „Скупого Рыцаря“? Я сто лѣтъ его не читалъ, я вѣрно забылъ...

— Это какъ вамъ будетъ угодно, — продолжалъ спокойно Горичъ, — но только я долженъ стоять на колѣняхъ до тѣхъ поръ, пока вы не пообщаете...

— Ну, что же, если это общее желаніе, я попробую.

Соня въ два прыжка очутилась въ гостиной.

— Мама, Александръ Викентьевичъ, Семенъ Семенычъ, идите всѣ на террасу, Иванъ Петровичъ будетъ читать „Скупого Рыцаря“.

Всѣ повиновались. Княгиня по разсѣянности вышла даже съ картами въ рукахъ. Задвигались стулья, всѣ обступили Ивана Петровича. Соня сбѣжала въ садъ и, ставъ на скамью, прислоненную къ балкону, впилась глазами въ Самсонова. Угаровъ смотрѣлъ на этого робкаго, пухлаго отца трехъ некрасивыхъ дочерей и не понималъ причины общаго оживленія.

Между тѣмъ это оживленіе видимо доставляло Ивану Петровичу большое удовольствіе, потому что онъ радостно улыбался. Потомъ онъ облокотился на столъ и на минуту закрылъ лицо руками, какъ бы собираясь съ силами и входя въ роль. Когда онъ поднималъ голову, Угаровъ не узналъ его. Добродушная улыбка исчезла, все лицо исказилось какимъ-то страстно-хищническимъ выраженіемъ:

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья..

— началъ онъ разбитымъ старческимъ голосомъ, — но по мѣрѣ чтенія этотъ голосъ все росъ и возвышался, и безповоротно овладѣлъ слушателями, то доходя до какой-то дикой силы, то превращаясь въ слабый отчаянный шопотъ... Скоро Угаровъ совсѣмъ пересталъ видѣть Ивана Петровича. Онъ видѣлъ только мрачный подвалъ, раскрытые сундуки съ грудями золота и страшнаго старика, который тѣмъ страшнѣе, чѣмъ тише говоритъ. Когда этотъ старикъ, съ воплемъ отчаянія въ голосѣ, заговорилъ про совѣсть:

Совѣсть,

Когтистый звѣрь, скребащій сердце...

невольный стонъ вырвался у кого-то изъ слушателей, но никто на это не обратилъ вниманія. Когда монологъ кончился, въ теченіе секунды длилось мертвое молчаніе, уступившее мѣсто шумнымъ восторгамъ. Камневъ съ чувствомъ потрясалъ руку Ивана Петровича, повторяя:

— Превосходно, дѣйствительно превосходно, вы давно такъ не читали.

Отъ этихъ восторговъ первая опомнилась княгиня и предложила своимъ старичкамъ пойти кончить пульку. Маковецкій и Кублищевъ объявили, что послѣ этого чтенія они въ пиветъ играть не могутъ, и остались. Начался настоящій турниръ. Камневъ и Самсоновъ поочередно читали и старались превзойти другъ друга. Чувствуя себя побѣжденнымъ, Камневъ перешелъ въ область французской поэзіи, болѣе удобной для его декламации, и вос-

производилъ цѣлыя сцены изъ драмъ Виктора Гюго. Самсоновъ не остался въ долгу и съ большимъ блескомъ прочелъ монологъ изъ „Сида“. Общее настроеніе достигло, наконецъ, такой высоты, что всѣ почувствовали потребность спуститься на землю. По просьбѣ Ольги Борисовны, Кублищевъ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ путешествій госпожи Курдюковой. Послѣ столькихъ серьезныхъ впечатлѣній, это чтеніе, какъ контрастъ, имѣло большой успѣхъ. Только Камневъ, нагнувшись къ Ивану Петровичу, сказалъ ему вполголоса:

— Нивогда не понималъ я этого юмора; это не юморъ, а буйство...

Время летѣло такъ незамѣтно, что всѣ были очень удивлены, когда въ дверяхъ появился степенный дворецкій и соннымъ голосомъ проговорилъ:

— Кушать пожалуйста.

Во время ужина раздался колокольчикъ, и въ столовую ввалился Придошенскій, встрѣченный общимъ, дружнымъ смѣхомъ. Но Придошенскій былъ серьезенъ; онъ привезъ важное извѣстіе. Князь Холмскій, землевладѣльскій губернаторъ, долженъ былъ произвести ревизію въ Буяльскѣ, въ срединѣ августа; но утромъ, 10-го іюля, онъ получилъ какую-то эстафету изъ Петербурга, послѣ чего призвалъ правителя канцеляріи и велѣлъ ему немедленно готовиться въ путь. Завтра онъ пріѣдетъ къ обѣду въ Троицкое, а съ 12-го начнется ревизія.

Княгиня притворилась равнодушной къ этому извѣстію, однако сейчасъ же велѣла позвать въ переднюю повара Антона и долго совѣщалась съ нимъ о завтрашнемъ обѣдѣ. Камневъ заявилъ, что извѣстіе, привезенное Придошенскимъ, вѣроятно помѣшаетъ ему пріѣхать, такъ какъ въ прошломъ году проконсулъ сдѣлалъ ему выговоръ черезъ предводителя за то, что встрѣтилъ его однажды въ русскомъ платьѣ. Впрочемъ, послѣ всеобщихъ протестовъ, онъ обѣщаль порыться въ сундукахъ—и пріѣхать, если найдетъ какую-нибудь „старую, глупую европейскую хламиду“. Послѣ ужина княгиня пошла оканчивать свою пульку, которую все еще не успѣла доиграть. Изъ гостей уѣхалъ одинъ Камневъ, жившій въ пяти верстахъ отъ Троицкаго; остальные гости были свободно размѣщены по разнымъ комнатамъ громаднаго княжескаго дома. Когда Угаровъ и Горичъ пришли въ свой флигель, они, къ удивленію, увидѣли Сережу, только-что вертѣвшагося въ залъ, уже лежащимъ въ постели и укутаннымъ съ головой въ бѣлое одеяло. Едва они улеглись и потушили огонь,

въ комнату вѣжалъ казачокъ Филька съ письмомъ и карандашомъ въ рукѣ. Растворивъ барина, онъ зажегъ свѣчу и сказалъ:

— Сергѣй Борисовичъ, княжна ждетъ отвѣта.

Сережа лѣниво поднялся, прочиталъ записку, потомъ тщательно сжегъ ее на свѣчѣ, и началъ писать отвѣтъ.

— Ну, опять началась „почта духовъ“, — сердито проворчалъ Горичъ: — точно мало вамъ цѣлый день шептаться.

И повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, онъ захрапѣлъ.

А Угаровъ, несмотря на усталость, долго не могъ заснуть. Стихи, дорога, луна, летающіе люди, Соня, „Скупой-Рыцарь“, — всѣ разнообразныя впечатлѣнія дня путались въ его головѣ и заставляли сердце его биться какой-то сладкой тревогой.

V.

Въ Троицкомъ жилось беспорядочно и весело. Не было ни опредѣленныхъ занятій, ни опредѣленныхъ часовъ для какихъ бы то ни было занятій. Единственная аккуратная женщина въ домѣ — Христина Осиповна — ежедневно въ 9 часовъ утра являлась въ столовую и до самаго завтрака разсылала чай и кофе по разнымъ комнатамъ и флигелямъ. Завтракали — кто гдѣ хотѣлъ. Когда у знаменитаго Антона, сорокъ лѣтъ исполнявшаго въ Троицкомъ должность повара, спросили, въ которомъ часу его господа обѣдаютъ, онъ совершенно серьезно отвѣчалъ: „въ три—въ шестомъ“; но Антонъ былъ артистъ, и никакой беспорядокъ не могъ его смутить.

На одиннадцатое іюля ему былъ отданъ такой приказъ: завтракъ — когда вернутся отъ обѣдни; обѣдъ — тотчасъ по приѣздѣ губернатора.

Къ обѣднѣ, въ назначенный часъ, пришла одна Ольга Борисовна; княгиня прислала сказать священнику, что у нея разболѣлась голова, и чтобъ ее не ждали. Къ концу обѣдни пришелъ Кублицевъ и, выходя изъ церкви, поздравилъ Ольгу Борисовну.

— Я, надѣюсь, первый...

— Нѣтъ, милый Семенъ Семенычъ, — прервала она съ усмѣшкой: — мужъ уже поздравилъ меня.

Утро было не особенно жаркое, и Ольга Борисовна предложила идти домой дальней дорогой, т.-е. черезъ паркъ.

— Боже мой, сколько хорошихъ и тяжелыхъ дней напоминаетъ мнѣ это мѣсто! — говорилъ Кублицевъ, входя въ тѣнистую

липовую аллею:—вотъ если у васъ хорошая память, Ольга Борисовна,—скажите мнѣ, что было въ этотъ день, пять лѣтъ тому назадъ.

— Пять лѣтъ тому назадъ, въ этотъ день были мои именины.

— И только?

— Какой вы смѣшной, Семень Семенычъ, неужели вы думаете, что я могу забыть хоть одну подробность этого дня? Все помню, повѣрьте. Помню, какъ вы вошли съ незнакомымъ гусаромъ, какъ Саша покраснѣлъ, когда вы его мнѣ представили. Помню, что вы его шутя называли молодымъ послѣдователемъ Костюшки; помню, что послѣ обѣда онъ игралъ полонезъ и два ноктюрна Chopin. Вы видите, я ничего не забыла.

— Да, хорошая у васъ память, Ольга Борисовна, но разъ мы коснулись прошедшаго, отвѣтите мнѣ откровенно на одинъ вопросъ. Еслибы вы... однимъ словомъ, еслибы я не привезъ къ вамъ тогда Александра Викентьевича, были бы вы теперь моею женою?

Ольга Борисовна отвѣтила не сразу.

— Видите ли, на этотъ вопросъ отвѣтить очень легко, если хочешь отвѣтить что-нибудь, что попало, но я не могу говорить такъ съ вами. Была ли бы я вашей женой? Право, не знаю. Отецъ сердился за то, что наша свадьба была отсрочена на нѣсколько мѣсяцевъ, что ваша матушка соглашалась на нее какъ-то нехотя... Да и зачѣмъ теперь раздумывать объ этомъ? Видѣ мы съ вами друзья, настоящіе друзья, не правда ли? Повѣрьте, это чувство нельзя промѣнять ни на какое другое. Въ томъ, другомъ чувствѣ,—и голосъ Ольги Борисовны слегка дрогнулъ, когда она произносила это слово,—всегда бываетъ столько недосказаннаго, столько лишняго и мучительнаго, а въ дружбѣ все такъ хорошо и ясно.

Ольга Борисовна остановилась.

— Ну, а теперь, мой милый Simon, — сказала она, протягивая ему руку:—поставимте точку и не будемъ никогда говорить о прошломъ.

Кублищевъ потупилъ голову и молча поцѣловалъ протянутую ему руку.

Проходя мимо гигантскихъ шаговъ, они услышали какой-то монотонный голосъ и севозъ просвѣты между деревьями увидѣли на скамейкѣ Соню съ работой въ рукахъ. Горичъ сидѣлъ на пескѣ у ея ногъ и читалъ ей вслухъ французскій романъ. Ольга Борисовна слегка нахмурила брови и задумалась.

— Боюсь я за Соню,—сказала она, подходя въ дому.

— Мнѣ кажется, вы преувеличиваете, Ольга Борисовна: княжна такой еще ребенокъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, Simon, вся бѣда въ томъ, что она слишкомъ мало ребенокъ.

Въ домѣ въ это время еще не всѣ поднялись. Сережа только что проснулся и предложилъ Угарову пойти выкупаться въ рѣкѣ. Послали казачка Фильку за Горичемъ, но тотъ его не нашелъ, а взаменъ его привелъ артиллеристовъ, вставшихъ, по привычкѣ, въ семь часовъ, и не знавшихъ, куда имъ дѣваться. Послѣ купанья Сережа потребовалъ завтракъ во флигель, потомъ пошелъ показывать гостямъ паркъ, а также конюшни и другія постройки. Все было грандіозно и запущено. Придя послѣ продолжительной прогулки на балконъ, они застали тамъ все общество, кромѣ барышень, которыя ушли одѣваться къ обѣду. Черезъ нѣсколько минутъ раздался въ залѣ мѣрный и сухой деревянный стукъ.

— Вотъ и князь Борисъ Сергѣевичъ идетъ,—сказалъ Кублицевъ.

При этихъ словахъ Угаровъ вспомнилъ, что въ Троицкомъ живетъ хозяинъ, котораго онъ еще не видалъ, а Горичъ однимъ прыжкомъ перескочилъ четыре ступеньки и исчезъ въ зелени сада.

Стукъ медленно приближался, и, наконецъ, въ дверяхъ показалась высокая, сгорбленная фигура князя Брянскаго въ сѣромъ пальто и военной фуражкѣ. Угарова прежде всего поразили темный, почти земляной цвѣтъ лица и сѣдые брови, повисшія надъ впалыми потухшими глазами. Лѣвая, отнявшаяся рука была безпомощно уложена въ карманъ пальто, одной ногой князь также владелъ плохо, но видимо желалъ это скрыть, а потому шелъ очень тихо, опираясь на большой черный костыль. Въ это утро онъ былъ не въ духѣ, довольно холодно поздоровался со всѣми и очень сухо поздравилъ княгиню съ днемъ ангела. Усѣвшись въ большомъ креслѣ и увидавъ незнакомаго лицестя, онъ спросилъ вполголоса у Сережи:

— Это еще кто?

Сережа подозвалъ Угарова и представилъ его отцу.

— Говори громче, не слышу.

Сережа повторилъ. Князь уставилъ на Угарова тусклый и пристальный взглядъ.

— Не родственникъ ли вы повойному Николаю Владиміровичу Угарову?

— Какъ же, князь, я его сынъ.

— Прекрасный, достойнѣйшій былъ человекъ вашъ батюшка, и съ вами очень радъ познакомиться.

Князь ласково протанулъ руку Угарову, лицо его какъ-то посвѣтлѣло. Онъ началъ разсказывать о своей молодости, которую провелъ съ отцомъ Угарова, шутилъ съ гостями и даже—что было признакомъ совсѣмъ хорошаго расположенія духа—передавалъ свои разговоры съ маленькимъ Борей—трехлѣтнимъ сыномъ Ольги Борисовны, котораго онъ любилъ безъ памяти. Послѣ получасоваго разговора онъ объявилъ, что ему пора домой, „а то, пожалуй, адораторы и поздравители княгини Ольги Михайловны начнутъ съѣзжаться“. Онъ хотѣлъ встать молодцомъ и слабо оперся на костыль, который вслѣдствіе этого скользнулъ по полу. Князь едва не упалъ, все лицо его исказилось молчаливымъ страданіемъ. Ольга Борисовна быстрымъ движеніемъ поддержала отца и, совершенно спокойно сказавъ ему: „мы съ тобой вмѣстѣ пойдемъ разбудить Бору“, незамѣтно поправила ему костыль.

Когда ихъ шаги затихли, княгиня начала благодарить Угарова.

— Только благодаря вамъ сеансъ сегодня прошелъ благополучно. Вы не повѣрите, какъ мой бѣдный мужъ сдѣлался раздражителенъ. Напримѣръ, онъ такъ не влюбилъ Горича, не знаю за что, что тотъ долженъ прятаться при его появленіи.

Поздравители дѣйствительно начали скоро съѣзжаться. Сосѣди пріѣзжали—молодые и старые, съ дѣтьми и безъ оныхъ. Изъ Буальска явился баронъ Кнопфъ, высокій, рыжій командиръ батареи, съ миловидной женой и молодымъ адъютантомъ, тоже барономъ. Однимъ изъ послѣднихъ пріѣхалъ Камневъ. Ему не удалось отыскать въ своихъ сундукахъ старую хламиду, но за то онъ нашелъ очень изящный фракъ, причесался, подстригъ бороду, даже повѣсилъ на жилетку золотой дорнетъ, однимъ словомъ, явился тѣмъ элегантнымъ Камневымъ, который былъ украшеніемъ всѣхъ „умныхъ“ московскихъ салоновъ тридцатыхъ годовъ. Въ пятомъ часу вѣжалъ взволнованный исправникъ и объявилъ, что черезъ нѣсколько минутъ прибудетъ губернаторъ. Княгиня, бывшая въ залѣ, при этомъ извѣстіи ушла въ гостиную для сохраненія своего достоинства. Наконецъ, высокая губернаторская коляска остановилась у подъѣзда, и изъ нея бодро вышелъ очень толстый генералъ съ одутловатыми щеками и крашеными щетинистыми усами. Сережа встрѣтилъ его на крыльцѣ и повелъ въ гостиную.

— *Quelle charmante surprise, cher prince!*—сказала княгиня, поднимаясь съ дивана.

Губернаторъ поцѣловалъ руку княгини и объявилъ, что привезъ ей въ видѣ подарка очень пріятную новость, но скажетъ

ее за обѣдомъ, выпивъ ея здоровье. Князь Холмскій былъ змѣвскимъ губернаторомъ уже болѣе десяти лѣтъ, а потому зналъ почти все общество. Увидѣвъ Камнева, онъ покосился на его бороду, но, успокоенный видомъ фрака, подаль этому безпоясному человѣку два пальца. Угарова и Горича, тотчасъ же ему представленныхъ, онъ удостоилъ легкимъ кивкомъ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда дворецкій своимъ обычнымъ тономъ возвѣстилъ: „кушать пожалуйте“, — и княгиня, подавъ руку губернатору, отправилась съ нимъ въ первой парѣ въ большую залу, гдѣ былъ накрытъ столъ на пятьдесятъ человѣкъ.

Обѣдъ начался очень чопорно и скучно. Князь Холмскій много ѣлъ и пилъ, а потому говорилъ мало; другіе нѣсколько стѣснялись его присутствіемъ и разговаривали сдержанно. Самый обѣдъ удался на славу и въ кулинарномъ, и въ архитектурномъ отношеніи; Антонъ превзошелъ себя по части орнаментовъ. Ростбифъ былъ поданъ подъ какимъ-то величественнымъ балдахиномъ изъ тѣста, овощи были сервированы въ видѣ звѣздъ и разныхъ звѣрковъ, даже изъ моркови было надѣлано нѣсколько человѣческихъ фигурокъ. Когда разлили шампанское, губернаторъ предложилъ тостъ за здоровье дорогихъ именинницъ, послѣ чего торжественнымъ голосомъ произнесъ:

— Ну, а теперь, милая княгиня, самое время поднести вамъ мой подарокъ.

При этомъ онъ вынулъ изъ кармана письмо, полученное имъ наканунѣ эстафетой изъ Петербурга и, еще возвысивъ голосъ, прочиталъ, что графъ Василій Васильевичъ Хотынцевъ назначенъ министромъ.

Извѣстіе это произвело потрясающій эффектъ. Графъ Хотынцевъ былъ женатъ на Олимпіадѣ Михайловнѣ, родной сестрѣ княгини Брянской. Онъ давно уже былъ кандидатомъ на этотъ высокій постъ, но считался либераломъ, и его всякій разъ „обходили“. Всѣ гости вскочили съ мѣстъ и подходили съ бокалами въ рукахъ поздравлять княгиню. Внѣ себя отъ радости, она закричала, указывая на лицейство:

— Вотъ кого надо поздравлять! Теперь ихъ карьера обезпечена, они всѣ трое поступятъ въ Базилу.

Когда всѣ вернулись по мѣстамъ, поднялся Камневъ, котораго княгиня заранѣе упросила связать маленькій спичъ въ честь губернатора. Спичъ этотъ былъ бы очень хорошъ, еслибы оратора не погубила страсть къ историческимъ справкамъ, вслѣдствіе чего онъ счелъ умѣстнымъ вспомнить, что когда-то, въ тяжелую эпоху Руси, она была раздѣлена на опричнину и земщину. Воспо-

мнваніе объ опричникахъ почему-то обидѣло князя Холмскаго, и онъ захотѣлъ отплатить оратору колкостью. Поблагодаривъ за гость, которымъ заканчивался спичъ Камнева, онъ прибавилъ:

— Еще радуюсь и тому, что вижу земщину одѣтой какъ слѣдуетъ.

Камневъ, можетъ быть, проглотилъ бы молча эту проконсульскую выходку, но на бѣду одна изъ барышень Самсоновыхъ громко хихичнула, а этого ораторъ простить не могъ. Переждавъ нѣсколько секундъ, онъ обратился къ губернатору:

— Скажите мнѣ, князь, вѣдь князя Холмскаго происходятъ отъ Рюрика?

— Ну, да, отъ Рюрика,—отвѣчалъ неохотно тотъ, почувавъ что-то недоброе:—что за вопросъ?

— Вопросъ мой вызываетъ другой вопросъ. Почему присутствіе князя Рюрикова дома заставляетъ другого столбового дворянина промѣнять одежду, полученную имъ въ преемство отъ своихъ предковъ, на одежду по шутовскому образцу, какъ выразился нашъ гениальный Грибоѣдовъ?

Князь Холмскій побагровѣлъ отъ гнѣва и не зналъ, что отвѣтить. Только глаза его усиленно моргали и толстые пальцы барабанили по тарелкѣ. Неловкое молчаніе, воцарившееся въ залѣ, было прервано Кублищевымъ.

— Позвольте мнѣ, многоуважаемый Николай Николаевичъ,—началъ онъ своимъ мягкимъ голосомъ:—высказать по этому поводу свое мнѣніе, т.-е. даже не мнѣніе, а мое личное ощущеніе. Я, какъ вамъ извѣстно, всю жизнь носилъ военный мундиръ; теперь матушка требуетъ, чтобы я вышелъ въ отставку и поселился съ нею. Я долженъ буду исполнить ея желаніе... конечно, если не будетъ войны,—прибавилъ онъ въ сторону князя Холмскаго.—И вотъ я себя спрашиваю: какую одежду слѣдуетъ мнѣ носить въ отставкѣ? Вы изволили употребить выраженіе: по преемству. Мнѣ кажется, что именно въ силу этого самаго преемства я долженъ носить ту одежду, которую носилъ мой отецъ, а не ту, которую носили мои отдаленные предки.

— Прекрасно сказано! прекрасно сказано!—закричалъ обрадованный губернаторъ:—совершенно согласенъ!

Камневъ откинулся на спинку стула и началъ гладить свою бороду, что доказывало, что онъ готовитъ громовый отвѣтъ. Ольга Борисовна, бывшая его сосѣдкой, наклонилась къ нему и прошептала:

— Николай Николаевичъ, прошу васъ, прекратите этотъ

споръ. Послѣ обѣда мы пойдѣмъ на балконъ и вмѣстѣ отдохнемъ Simon, а теперь не возражайте,—сдѣлайте это для меня.

Слова ея смягчили суроваго оратора.

— Такъ и быть, откладываю на нѣсколько часовъ казнь этого преторьянца. Чего только не сдѣлаю я для васъ, моя Мадонна—

Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ!

Послѣдній стихъ онъ продекламировалъ уже громко.

Остальная часть обѣда прошла благополучно. Съ края, гдѣ сидѣла молодежь, слышался непрерывный смѣхъ; скоро всѣ разговоры слились въ одинъ нестройный и оживленный гулъ. Антонъ въ концу обѣда приберегъ свою затѣливую „штучку“. Мороженое было подано въ видѣ огромнаго зеленого холма, увѣнчаннаго княжеской вороной. Этотъ каламбурный комплиментъ по адресу князя Холмскаго былъ встрѣченъ шумными знаками одобренія. По общему желанію, Антонъ былъ вытребованъ въ залу, и губернаторъ ласково потрепалъ его по плечу.

Тотчасъ послѣ обѣда губернаторъ ушелъ на пять минутъ, „чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе князю Борису Сергѣевичу“, но пробылъ у него болѣе часа. Оказалось, что князь Брянскій показывалъ и объяснялъ гостю планы предстоящей войны, которая очень его занимала.

— Все шло хорошо,—разсказывалъ потомъ губернаторъ княгинѣ, опорожняая большую рюмку коньяку:—только я самъ испортилъ дѣло. Надо вамъ сказать, что князь Борисъ Сергѣичъ расписалъ на своемъ планѣ не только корпусныхъ командировъ, но даже роздалъ дивизіи и полки тѣмъ, кого по старой памяти считалъ способными. Не помню, какой корпусъ онъ далъ Звягину, Николаю Иванычу; тутъ чертъ меня и дернулъ сказать ему, что Николай Иванычъ умеръ. „Когда?“—Да ужъ третій годъ!—Ну, чтѣ тутъ произошло, вы и представить себѣ не можете. Закричалъ, затопалъ ногами... „Вы, говоритъ, видите, чтѣ у меня за семейка: такіе люди, какъ Звягинъ 2-й, умираютъ, а мнѣ два года объ этомъ никто не скажетъ“!.. Вы понимаете, что послѣ этого всѣ назначенія надо было начинать съизнова,—вотъ я и засидѣлся.

Княгиня предложила князю Холмскому партію въ вистъ, но тотъ отказался, говоря, что долженъ поспѣшить въ Буальскъ, „чтобы всѣхъ тамъ застать врасплохъ“. Развеселившійся и слегка подвыпившій, губернаторъ видимо хотѣлъ быть пріятнымъ и каждому обласкать на прощаніе.

— Sans gaucine, n'est-ce pas?—говорилъ онъ, добродушно по-

жимая руку Камнева.—Ну, так какъ же, по преемству, а? По преемству? Хорошо преемство!

И онъ залился громнымъ смѣхомъ.

— Хорошо преемство, нечего сказать!—повторялъ онъ уже въ передней, потрясая смѣхомъ свои густые эполеты.—По нашему это—кучерской армякъ, а по-ихнему это называется преемство.

Почти вся молодежь вышла на крыльцо провожать князя. Услышавъ въ коляскѣ, онъ снялъ фуражку, послалъ общій воздушный поцѣлуй, и губернаторская четверка помчалась, нагоняя исправника, который сломя голову летѣлъ въ Буяльскъ вѣстникомъ приближающейся грозы.

Вечеръ начался музыкой. Маковецкій сѣлъ за фортепiano и сыгралъ ритурнель. Всѣ взоры обратились къ Фелицатѣ Ивановнѣ, старшей изъ дѣвицъ Самсоновыхъ. Она начала-было отговариваться, но мать довольно грозно прикрикнула на нее, и Фелицата спѣла безконечный французскій романсъ, состоявшій изъ спряженія во всѣхъ временахъ и наклоненіяхъ глаголовъaimer и souffrir.

Потомъ Маковецкій сыгралъ сонату Quasi una fantasia. Княгиня объявила, что отъ серьезной музыки у нея голова болитъ, и увела своихъ старичковъ играть въ преферансъ. Четвертымъ они взяли барона Кнопфа. Едва только баронъ скрылся за дверью, Сережа подсѣлъ къ баронессѣ и началъ ей что-то нашептывать. Сережа вообще говорилъ мало, но вѣроятно рѣчь его была убедительна, потому что баронесса слушала его съ улыбкой, а передъ концомъ сонаты незамѣтно встала и перешла на балконъ. Сережа послѣдовалъ за нею.

Послѣ сонаты раздался голосъ Сони, пѣвшей романсъ Глинки: „Увѣритесь, волненія страсти“. Она никогда не училась пѣть, но ея густыя, бархатныя, контральтовыя ноты имѣли чарующую прелесть, и пѣла она съ такимъ выраженіемъ, какого никакъ нельзя было ожидать отъ шестнадцатилѣтней дѣвушки, почти ребенка. Въ себя отъ восторга, Угаровъ подбѣжалъ къ ней и просилъ ее спѣть еще что-нибудь.

— Нѣтъ, пожалуйста, княжна, не пойте ему больше!—сказалъ Горичъ, вертѣвшійся возлѣ фортепiano:—а то вы и второе пари выиграете съ меня...

— Я и безъ того выиграю... если захочу!—отвѣчала Соня, побѣдно взглянувъ на Угарова.

Угаровъ началъ спрашивать, въ чемъ состояло пари, но Маковецкій перебилъ его.

— Ну, Соня, ты сегодня такъ пѣла, что мнѣ хочется поцѣловать тебя. Можно?

Соня быстрымъ взглядомъ окинула залу и, сказавъ: „да, теперь можно“, — кокетливо подставила ему лобъ для поцѣлуя. Угаровъ также оглянулся и увидѣлъ, что въ эту минуту Ольга Борисовна входила изъ гостиной въ залу. Эта маленькая сцена почему-то больно уколола его.

Между тѣмъ Александръ Вивентьевичъ уже игралъ вальсъ, и Кублищевъ, подойдя къ Сонѣ, открылъ съ нею балъ. Угаровъ не любилъ танцовать, и при видѣ танцевъ ему всегда дѣлалось немного грустно. Теперь же у него еще кружилась голова отъ вина, выпитаго за обѣдомъ, — онъ пошелъ въ садъ. Въ лѣвомъ, темномъ углу балкона Сережа тихо, но оживленно разговаривалъ съ баронессой. Направо, около лампы, Камневъ громко говорилъ Самсонову:

— Позвольте замѣтить вамъ, милѣйшій Иванъ Петровичъ, что вы это мѣсто не такъ читаете. Вѣдь вы знаете, что стихъ: „И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“ — не принадлежитъ Грибоѣдову. Чацкій произноситъ его какъ цитату, а потому его нельзя говорить просто, а надо именно декламировать...

— Боже мой, сколько новаго я узналъ въ эти сутки, и какіе тутъ все умные люди! — думалъ Угаровъ, подходя къ гигантскимъ шагамъ и усаживаясь на скамейкѣ. Но свѣжесть и красота тихой лѣтней ночи неволью перевели его мысли на Соню.

— Какъ это странно, — думалъ онъ: — что въ теченіе цѣлыхъ сутокъ я почти не думалъ о Сонѣ, и только сейчасъ почувствовалъ, до какой степени люблю ее. Что это за чудное созданіе... только зачѣмъ она такъ кокетничаетъ со всѣми и даже съ Маковецкимъ, и какое пари держала она обо мнѣ съ Горичемъ?

Вдругъ Угарову послышались какіе-то шаги. Онъ всталъ со скамьи. Двѣ тѣни появились у входа. Тихій голосъ прошепталъ: „здѣсь это-то есть“, потомъ все серылось, и Угарову показалось, что при блѣдномъ свѣтѣ луны онъ узналъ стройную фигуру Сони. Сердце его застучало, почти бѣгомъ вернулся онъ въ домъ. На балконѣ по прежнему раздавались сдержанный голосъ Сережи и густой басъ Камнева. Въ домѣ всѣ были на лицо, кромѣ Сони и Горича. Черезъ нѣсколько минутъ они вошли изъ разныхъ дверей. Угарову сдѣлалось невыразимо тяжело. Онъ ушелъ во флигель, раздѣлся и бросился въ постель. Напрасно онъ повторялъ себѣ, что онъ не имѣетъ никакого права ни ревновать, ни сердиться на Соню, что онъ для нея совсѣмъ чужой человѣкъ. „Нѣтъ, не чужой“, — шепталъ ему какой-то другой, внутренній голосъ,

и все, что съ нимъ случилось, казалось ему невыносимой обидой. Угаровъ слышалъ, какъ черезъ нѣсколько часовъ пришли Сережа и Горичъ, но, не желая разговаривать съ ними, притворился спящимъ. Въ эту минуту онъ глубоко ихъ ненавидѣлъ. Онъ ненавидѣлъ еще и Соню, и барышень Самсоновыхъ, и всѣхъ этихъ умныхъ людей, говорящихъ такъ хорошо, и даже барона Кнопфа, голоса котораго онъ не слышалъ, но о рыжихъ бакахъ котораго не могъ вспомнить безъ отвращенія.

VI.

Семейство Самсоновыхъ, гостившее въ Троицкомъ болѣе двухъ недѣль, должно было уѣхать 12-го июля, а потому все общество собралось къ прощальному завтраку. Угаровъ долженъ былъ выѣхать вечеромъ вмѣстѣ съ Придошенскимъ, у котораго было дѣло въ Медлянскѣ и который былъ очень радъ найти попутчика. Только-что всѣ усѣлись за столъ, въ столовую вошелъ Дементій, старый камердинеръ князя Бориса Сергѣевича, бывший нѣкогда его деньщикомъ. Дементій никогда почти не выходилъ изъ половины князя и на остальные комнаты дома смотрѣлъ съ отѣнкомъ презрѣнія. Княгиня его не любила и слегка боялась, потому что онъ зналъ многое, что было тайной для всѣхъ. Подойдя къ Угарову, Дементій громкимъ голосомъ произнесъ:

— Его сиятельство проситъ васъ пожаловать фрыштукать къ нимъ въ кабинетъ.

Еслибы въ эту минуту пошелъ снѣгъ, это менѣе удивило бы присутствующихъ, чѣмъ слова Дементія. Завтракать съ княземъ— было постоянной прерогативой Ольги Борисовны. Иногда въ старину приглашался туда Маводецкій, но въ этомъ году и онъ ни разу не былъ удостоенъ этой чести.

Войдя въ кабинетъ, Угаровъ увидѣлъ князя сидящимъ въ большомъ креслѣ передъ круглымъ столикомъ, накрытымъ на четыре прибора. Возлѣ князя помѣщалась Ольга Борисовна, а напротивъ его на высокомъ стулѣ сидѣлъ Боря. Старая няня стояла за нимъ и разрѣзывала для него на мелкіе куски куриную котлетку. Лицо у князя было спокойное и довольное.

— Садись,—сказалъ онъ ласково Угарову, указывая на пустое мѣсто.—Я не хотѣлъ, чтобы сынъ моего друга уѣхалъ, не побывавъ у меня. Вѣдь тамъ ты не у меня; только здѣсь ты видишь мою, настоящую мою семью.

Ольга Борисовна при этихъ словахъ нахмурила брови, но промолчала.

Выпивъ шампанскаго за здоровье вчерашней именинницы, князь еще повеселѣлъ и велѣлъ Дементію снять со стѣны большую картину въ старинной рамѣ краснаго дерева. Картина изображала группу офицеровъ, и князь предложилъ Угарову найти между ними его отца. Угаровъ, видѣвшій множество портретовъ отца въ молодости, сейчасъ же нашелъ его.

— Молодецы!—воскликнулъ князь:—ну а теперь найди меня. —Угаровъ всмотрѣлся въ лицо и указалъ на молодого стройнаго офицера въ разстегнутомъ сюртукѣ и со стаканомъ въ рукѣ.

— Правда, это я; но неужели же я похожъ теперь на этотъ портретъ?

— Я узналъ васъ, князь, по сходству съ Ольгой Борисовной.

— Видишь, Оля, видишь!—закричалъ обрадованный князь:— вотъ чужой человѣкъ,—и тотъ прямо по сходству узнаетъ насъ. Да, мой милый, и по сходству, и по душѣ это единственная моя дочь. Она меня любитъ, она не холодна ко мнѣ, какъ тѣ другіе...

Ольга Борисовна не выдержала, лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ.

— Послушай, папа, ты сейчасъ назвалъ Владиміра Николаевича чужимъ человѣкомъ... Зачѣмъ же ты при чужомъ человѣкѣ заставляешь меня сказать тебѣ, что ты говоришь неправду? И Сережа, и Соня любятъ тебя такъ же, какъ я; не они къ тебѣ, а ты къ нимъ и холоденъ, и несправедливъ.

— Ну, довольно, довольно, Оля, прости меня, если я тебя огорчилъ, но мнѣнія моего ты не перемѣнишь... Борька!—вскрикнулъ онъ вдругъ, чтобы перемѣнить разговоръ:—на кого ты похожъ?

— Я похосъ на маму, — отвѣчалъ Боря, отрываясь отъ котлетки.

— А мама на кого похожа?

— Мама похозна на дѣдуску.

— А дѣдушка на кого похожъ?

Два первые вопроса, вѣроятно, предлагались Борѣ не разъ, а потому онъ отвѣчалъ на нихъ бойко. Но третій вопросъ засталъ его врасплохъ. Внимательно посмотрѣвъ на князя, онъ послѣ нѣкотораго раздумья отвѣчалъ:

— Дѣдуска похосъ на обезьяну.

— Ахъ, какой стыдъ, ахъ, какой срамъ!—закричала няня, всплеснувъ руками.—Развѣ можно такъ говорить? Ты долженъ сказать: я дѣдушку люблю и почитаю больше отца роднаго, а

ты вдругъ: на обезьяну. Ну, осрамилъ ты меня, Боренька, на старости лѣтъ!

Но дѣдушка заливался громкимъ веселымъ смѣхомъ.

— Молодецъ Борька, правду сказалъ, не слушай няньку! Ты великій сердцевъдецъ: дѣдушка твой именно обезьяна, старая, негодная обезьяна.

Боря обратилъ къ нянѣ свои серьезные глаза.

— Видись, няня, я казалъ тебѣ, дѣдуска похосъ на обезьяну.

Въ новомъ порывѣ негодованія няня схватила на руки великаго сердцевъдца и унесла его изъ кабинета.

Въ это время въ спальнѣ княгини, куда она послѣ завтрака увела Придошенскаго, происходилъ слѣдующій разговоръ.

— Какъ же, благодѣтельница, съ Лаптевымъ? Онъ мнѣ прямо сказалъ, что подастъ во взъсканію, если я не привезу процентовъ.

— Да откуда же я возьму денегъ? Къ мужу приступить нельзя. Еслибы третьяго дня Христина Осиповна не выключила у него триста рублей, я бы не знала, какъ и обернуться.

— Да вы, благодѣтельница, рассчитывали на симбирское имѣніе.

— Пріѣзжалъ приказчикъ на прошлой недѣлѣ, привезъ, говорятъ, восемь тысячъ, да я на грѣхъ въ тотъ день поздно встала. А князь, какъ узналъ, что приказчикъ тутъ, потребовалъ его въ кабинетъ, отобралъ всѣ деньги и велѣлъ сейчасъ же ѣхать обратно въ Симбирскъ. Когда я проснулась, его и слѣдъ простылъ.

— Да-съ, это штучка. Что же князь Борисъ Сергѣевичъ дѣлаетъ съ деньгами?

— Прячетъ, все прячетъ въ свой письменный столъ; тамъ у него десятки тысячъ лежатъ, а тутъ плати проценты...

— Не отдаетъ ли онъ денежки Ольгѣ Борисовнѣ?

— Нѣтъ, Оля сказала бы, она не такая. Да, Тимооенчъ, каждый день съ нимъ все труднѣе и труднѣе жить. Какіе-то капризы, странности. Сегодня, ты слышалъ, затѣмъ-то Угарова потребовалъ...

— А вотъ, благодѣтельница, къ слову сказать, не проѣзжайте этого женишка для княжны, какъ проѣзжали Кублицева для Ольги Борисовны...

— Какого женишка? Угарова? Да онъ, кажется, и не богатъ совсѣмъ.

— Ну, нѣтъ, матушка, у Марьи Петровны Угаровой денегъ куры не клюютъ, да и имѣніе богатѣйшее и сынъ одинъ. Вла-

димиръ Николаичъ, пожалуй, будетъ со временемъ самый богатый женихъ въ губерніи.

Княгиня задумалась.

— Какъ же, благодѣтельница, насчетъ Лаптева?

Переговоры насчетъ Лаптева кончились тѣмъ, что Придошенскій обязался внести проценты и сверхъ того далъ княгинѣ нѣсколько пятидесятирублевыхъ серій, а княгиня подписала „заемное письмо“, которое у Тимоѣенча было заготовлено на всякій случай.

Когда Угаровъ ушелъ отъ князя, онъ засталъ въ гостиной цѣлую баталію. Дѣвицы Самсоновы, подерѣпляемые всѣмъ остальнымъ обществомъ, уговаривали мать пробить еще нѣсколько дней въ Троицкомъ. Иванъ Петровичъ соблюдалъ нейтралитетъ, но супруга его была непреклонна; наконецъ у нея вырвалось согласіе пробить еще одинъ лишній день, а такъ какъ слѣдующій день приходился на тринадцатое число, то было рѣшено, что они уѣдутъ непременно 14-го іюля утромъ. Потомъ всѣ приступили съ такой же просьбой къ Угарову, который сопротивлялся слабо и скоро сдался. Княгиня пошла писать къ Марьѣ Петровнѣ извинительное письмо, которое Придошенскій взялся завести самъ на слѣдующій день въ Угаровку. Съ своей стороны и Угаровъ написалъ матери коротенькую записку.

Теперь всѣ помыслы Угарова были устремлены на то, чтобы объяснить съ Соней. Онъ не зналъ, въ чемъ именно будетъ состоять объясненіе, но чувствовалъ его необходимость. Какъ нарочно, случая не представлялось. Съ утра накрапывалъ дождь, гулять было немислимо, все общество по неволѣ находилось вмѣстѣ. Соня вовсе не говорила съ Угаровымъ и не обращала на него никакого вниманія. Княгиня, напротивъ того, была съ нимъ особенно любезна. За обѣдомъ она посадила его около себя и тихонько допрашивала его, чтѣ онъ дѣлалъ у князя и зачѣмъ тотъ приглашалъ его. Къ концу обѣда княгинѣ понадобилось спросить что-то у Серези, но, во всеобщему удивленію, его за обѣдомъ не оказалось. Никто изъ прислуги не могъ сказать, куда дѣлся молодой князь, котораго послѣ завтрака никто не видѣлъ. Соня также, повидимому, ничего не знала; но когда княгиня выразила опасеніе, не утонулъ ли Сереза, купаясь, и хотѣла послать людей на рѣку, Соня успокоила мать, сказавъ, что братъ, *кажется*, уѣхалъ въ Буяльскъ къ барону Кнопфу, и что, *впрямь*, онъ часамъ къ девяти вернется. Дѣйствительно, около этого времени Сереза вернулся и привезъ съ собой артиллеристовъ. Опять начались танцы. Угаровъ совсѣмъ упалъ ду-

хомъ и смотрѣлъ на танцующихъ съ такимъ мрачнымъ лицомъ, что Соня вѣроятно сжалилась надъ нимъ. Когда въ антрактѣ между кадрилими ее попросили пѣть, она, проходя мимо Угарова, сказала ему:

— Видите, я не забыла вашу вчерашнюю просьбу, я спую для васъ.

Этого слова было достаточно, чтобы Угаровъ воскресъ. Онъ неистово аплодировалъ поющимъ, танцевалъ безъ усталости и остальную часть вечера провелъ чрезвычайно весело, отложивъ объясненіе до слѣдующаго дня.

На слѣдующее утро погода прояснилась, а потому было рѣшено не завтракать, а обѣдать въ два часа и послѣ обѣда ѣхать всѣмъ обществомъ въ Камневу. Къ тремъ часамъ у подъѣзда стояли: знаменитый рыдванъ, долгуша, кабриолетъ и нѣсколько верховыхъ лошадей. Княгиня, выйдя на крыльцо, почувствовала внезапную усталость и рѣшила остаться дома. Соня первая вскочила въ кабриолетъ и взяла въ руки возжи. Горичъ, вертѣвшійся около кабриолета, хотѣлъ послѣдовать ея примѣру, но княгиня скомандовала съ крыльца:

— Владиміръ Николаичъ, садитесь съ Соней; вы еще не видали, какъ она хорошо править.

Соня сдѣлала недовольную гримасу, убившую мгновенно Угарова. Впрочемъ она скоро повеселѣла. Благодаря вчерашнему дождю, пыли не было, кабриолетъ катился быстро по гладкой дорогѣ и далеко оставилъ за собою остальные экипажи. Соня болтала, очень вѣрно передразнивала все общество, особенно хорошо подражала пѣнію Фелицаты Самсоновой. Въѣхавъ на небольшой пригорокъ, она заявила, что половина дороги уже сдѣлана. „Какъ только спустимся съ пригорка, подумалъ Угаровъ, начну объясненіе“. Но они проѣхали еще съ версту, прежде чѣмъ онъ рѣшился. Наконецъ онъ началъ очень запутанной и неуклюжей фразой.

— Знаете, княжна, когда кто-нибудь кѣмъ-нибудь интересуется, онъ дѣлается очень наблюдателенъ и проницателенъ. Вотъ я замѣтилъ, что вы были недовольны, что я сѣлъ въ кабриолетъ, потому что хотѣли ѣхать съ кѣмъ-нибудь другимъ.

— Что я была недовольна, это правда, — отвѣчала Соня, сдерживая лошадь: — но вовсе не оттого, что хотѣла ѣхать съ другимъ. Я вообще не люблю, чтобы мной распоряжались какъ вещью. Я, можетъ быть, хотѣла сама пригласить васъ...

Эта фраза совсѣмъ воскресила Угарова, и послѣ нѣсколькихъ

подходовъ онъ рѣшился спросить, какое пари Соня держала о немъ съ Горичемъ.

— Вы слишкомъ любопытны, а впрочемъ я, пожалуй, скажу. Я держала пари, что вы уѣдете отсюда влюбленнымъ... въ кого — это все равно... хотя бы въ Фелицату.

Кабріолетъ ѣхалъ шагомъ. Увидѣвъ, что экипажъ приближается, Соня ударила лошадь возжей и спросила:

— Ну, что же, я выиграю или проиграю?

— Право, не знаю. Можетъ быть, я уже пріѣхалъ сюда влюбленнымъ.

— Это невозможно: вы съ Фелицатой не были знакомы.

— Зачѣмъ вы смѣтаетесь, княжна, надъ чувствомъ, котораго вы не знаете? Впрочемъ, смѣйтесь, сколько хотите, но теперь я выскажу все, что накопилось у меня въ душѣ...

Кабріолетъ повернулъ налѣво и остановился у одноэтажнаго бѣлаго дома съ крыльцомъ изъ рѣзного дуба.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали! — воскликнула Соня, выскакивая изъ экипажа. — *Suite au prochain numégo.*

Камневъ, обѣдавшій по обычаю предковъ очень рано, пилъ кофе на балконѣ съ *m-lle Léontine*, смазливой швейцаркой, жившей у него *en qualité de lectrice*. Хотя гости не извѣщали его о пріѣздѣ, но были встрѣчены у подъѣзда изящнымъ лакеемъ въ штиблетахъ и ливреѣ. Когда молодая ватага съ шумомъ и крикомъ ворвалась на балконъ, *m-lle Léontine* встала, скромно поклонилась и немедленно исчезла. Камневъ встрѣтилъ гостей съ большою радостью и пошелъ показывать тѣмъ изъ нихъ; которые были у него въ первый разъ, свой домъ. Домъ былъ небольшой, но уютный и казался перенесеннымъ изъ города. Во всѣхъ комнатахъ стояла дорогая старая мебель, вездѣ были мягкіе ковры, бронза, статуи. Двѣ большія комнаты были заняты библіотекой, которую хозяинъ собиралъ неумоимо съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Въ простѣнкахъ между окнами висѣли портреты всевозможныхъ знаменитостей — древнихъ и новыхъ; послѣдніе были большей частью съ собственноручными подписями. Пока гости осматривали домъ, Иванъ Петровичъ Самсоновъ увидѣлъ на балконѣ новую, только-что полученную съ почты книжку „Современника“. Разрѣзавъ прежде всего страницы, на которыхъ были напечатаны стихотворенія, онъ остался ими недоволенъ, принялся за критическій отдѣлъ и сразу напалъ на очень мѣткую и злоую статью противъ славянофиловъ. Когда онъ прочиталъ ее Камневу, тотъ вознегодовалъ, и у нихъ начался ожесточенный споръ, а Соня объявила себя хозяйкой дома и повела

всѣхъ гостей въ садъ. Садъ, какъ и домъ, свидѣтельствовала объ изящномъ вкусѣ и сибаритскихъ наклонностяхъ его обладателя. Услышавъ невдалекѣ отъ дома какую-то веселую хоровую пѣсню, гости пошли на эти голоса и при входѣ въ большую аллею серебристыхъ тополей увидѣли нѣсколько красивыхъ бабъ въ пестрыхъ повѣзахъ и съ большими кичками на головахъ; на ихъ обязанности было чистить дорожки, и онѣ составляли садовый штатъ подѣ начальствомъ стараго садовника-нѣмца, выписаннаго Камневымъ изъ Риги. Старичокъ-садовникъ не замедлил тоже появиться и предложилъ гостямъ зайти въ грунтовый сарай и заняться вишнями. Потомъ онъ повелъ ихъ въ оранжерею, гдѣ показалъ нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ камелій. Цѣлыя сотни деревьевъ ломились подѣ тяжестью золотыхъ, еще не дозрѣвшихъ сливъ и зеленыхъ, слегка зарумянившихся персиковъ. Потомъ были осмотрѣны парники, огородъ и дальнѣй фрутовый садъ за рѣкой, которую надо было переѣзжать на паромѣ. Подходя къ дому послѣ двухъ часовой прогулки, гости услышали чей-то громкѣй, какъ будто декламировавшѣй голосъ.

— Не стихи ли опять читають?—спросилъ одинъ изъ артиллеристовъ.

— Ну, вѣтъ, вы ихъ не знаете,—отвѣчала Фелицата:—теперь имъ не до стиховъ. Ужъ если они заспорятъ, этому конца не будетъ. Вотъ увидите, что Николай Николаичъ поѣдетъ съ нами въ Троицкое, чтобы переспорить отца.

Спорщики сидѣли на балконѣ съ красными, воспаленными лицами, потъ лилъ съ нихъ градомъ.

— Подобный вздоръ—вричалъ Камневъ—могъ сказать только такой неисправимый западникъ, какъ вы...

— Да позвольте!—вричалъ также обозлившѣйся Иванъ Петровичъ:—вы гораздо болѣе западникъ, чѣмъ я. Приѣзжайте ко мнѣ въ деревню, и вы увидите чисто русскую усадьбу—почти въ томъ же видѣ, въ какомъ она стояла полтора ста лѣтъ тому назадъ. А какъ назвать то мѣсто, гдѣ мы теперь находимся? Это вилла—безспорно красивая, но все-таки вилла, это—chalet, все чтѣ угодно, но не русская усадьба. У меня прислуга вся русская, а у васъ садовникъ—нѣмецъ, поварь—французъ, чтица—швейцарка. Правда, платье на васъ русское, да и то, я думаю, потому, что оно въ родѣ халата, и вамъ въ немъ просторнѣе.

— Вотъ, вотъ она, привычка западниковъ останавливаться на поверхности вещей!—перебилъ Камневъ.—Я дѣйствительно заимствую у Европы удобства жизни, но поймите, что суть дѣла

не въ этомъ, а въ міросозерцаніи, въ воззрѣніяхъ, однимъ словомъ, въ духовной жизни человѣка...

— А армякъ и плисовые шаровары—это что такое: поверхность или внутренняя жизнь?

Обязанности хозяина помѣшали Камневу отвѣтить на этотъ вопросъ. Онъ пригласилъ гостей перейти въ столовую, гдѣ уже былъ накрытъ столъ съ чаемъ, фруктами, мороженымъ и всевозможными вареньями. Тамъ, однако, споръ возобновился и уже не прерывался вплоть до отъѣзда. Предсказаніе Фелицаты не сбылось, т.-е. Камневъ не поѣхалъ въ Троицкое, но зато Иванъ Петровичъ остался у Камнева и вернулся одинъ только въ утро.

Угаровъ безпрестанно смотрѣлъ на часы и съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты отъѣзда. Теперь онъ обдумалъ всѣ фразы своего объясненія и былъ увѣренъ, что не смутится, произнося ихъ. Но его ждалъ неожиданный ударъ. Выйдя на крыльцо, Соня предложила Фелицатѣ сѣсть въ кабриолетъ и посадила съ ней артиллериста, къ которому та была равнодушна, а сама схватила за руку Кублицева и повлекла его въ рыдванъ, гдѣ уже сидѣла мать Фелицаты съ Маковецкимъ. Угаровъ по неволѣ очутился въ долгушѣ кавалеромъ Ольги Борисовны. Онъ не умѣлъ владѣть собой, и лицо его выразило такое страданіе, что Ольга Борисовна, пристально взглянувъ на него, улыбнулась своей доброй, полной участія улыбкой. Угаровъ поблагодарилъ ее въ душѣ за эту улыбку и съ восторгомъ проговорилъ съ нею всю дорогу, повторяя про себя, что она красивѣе и добрѣе своей сестры, и что съ этого вечера онъ непременно полюбитъ ее.

— Пожалуйста, Владиміръ Николаевичъ,—сказала она ему между прочимъ:—не придавайте значенія тѣмъ словамъ, которыя отецъ говорилъ вчера при васъ. Это не онъ говорилъ, а его болѣзнь.

Въ Троицкомъ, въ передней висѣла военная шинель. Соня тотчасъ угадала, что это шинель барона Кнопфа. Дѣйствительно, баронъ сидѣлъ въ гостиной и игралъ въ преферансъ съ княгиней и Христиной Осиповной. Приѣхалъ же онъ въ Троицкое для того, чтобы пригласить все общество на балъ, который онъ устраивалъ въ честь губернатора на слѣдующій день въ буяльскомъ городскомъ саду. Опять начались приставанія къ госпожѣ Самсоновой, чтобы она отложила свой отъѣздъ. Она не соглашалась, ссылаясь на отсутствіе мужа, безъ котораго она будто бы ничего не можетъ рѣшить; но когда Кнопфъ ей заявилъ, что въ случаѣ ея отказа онъ долженъ будетъ отмѣнить балъ, этотъ аргументъ такъ на нее подѣйствовалъ, что она положила остаться

еще два дня, но уже безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, въ послѣдній разъ. Угаровъ на приглашеніе Кнопфа отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

— Однако, я не вижу, что вы выиграли пари, — говорилъ черезъ часъ послѣ этого Горичъ, ходя съ Соней по бальной залѣ. — Еслибы онъ былъ влюбленъ, онъ исполнилъ бы вашу просьбу.

— Во-первыхъ, — отвѣчала Соня, покраснѣвъ отъ досады, — я его не просила. А во-вторыхъ, если я его попрошу, то онъ, конечно, согласится.

— Ну хорошо, мы такъ и рѣшимъ. Если Угаровъ будетъ завтра на балѣ, я проигралъ; если не будетъ, проиграли вы.

Горичъ зналъ отношенія, существовавшія между Угаровымъ и его матерью, и думалъ, что онъ играетъ навѣрняка.

Угаровъ въ это время стоялъ въ дверяхъ балкона и инстинктивно слѣдилъ за Соней.

— Владиміръ Николаевичъ, мнѣ нужно поговорить съ вами, — сказала ему мимоходомъ Соня, сходя въ садъ.

Они направились къ гигантскимъ шагамъ.

— Вы, кажется, на меня обидѣлись? — спросила ласковымъ голосомъ Соня, когда они усѣлись на скамьѣ: — но, право, я не виновата. Фелицата просила меня уступить ей кабриолетъ. Не могла же я отказать ей.

— Я не могу обижаться на васъ, — отвѣчалъ Угаровъ голосомъ полнымъ обиды. — Но мнѣ больно, что вы даже не хотѣли выслушать все то, что меня мучило эти дни, что вы видимо смѣтаетесь надо мною... Когда я пріѣхалъ къ вамъ, вы были такъ со мной любезны, но потомъ все перемѣнилось. Чѣмъ я провинился передъ вами?

— Я буду съ вами откровенна, Владиміръ Николаевичъ. У васъ иногда такое мрачное лицо, что мнѣ, право, страшно подойти къ вамъ. Неужели, когда любишь, надо сейчасъ принимать похоронный видъ, неужели любовь всегда драма?

— Значить, вы поняли, что я люблю васъ, и не сердитесь за это? — воскликнулъ Угаровъ въ полномъ блаженствѣ.

— Да, и поняла, и не сержусь, и даже считаю себя въ правѣ поэтому обратиться къ вамъ съ большой просьбой. Вы ее исполните?

— Если вы потребуете мою жизнь, и та въ вашемъ распоряженіи.

— Нѣтъ, я ее не потребую, а только прошу васъ потанцевать со мною мазурку завтра у Кнопфа.

Угаровъ поблѣднѣлъ.

— Это совершенно невозможно. Вы вѣдь знаете, что я уже просрочилъ два дня. Будетъ непростительно гадко, если я не проведу съ матушкой день моихъ именинъ.

— Вы поспѣете, вѣдь балъ въ Буяльскѣ. Тотчасъ послѣ бала Абрамычъ дастъ вамъ свою лучшую тройку...

— Не мучьте меня, княжна; это совершенно невозможно.

— Ну, а если...—начала Соня и замаялась. То, что она собиралась сказать, показалось ей и страшно, и стыдно. Она хотѣла встать и уйти, но послѣ непродолжительной борьбы съ собою осталась. Очень ужъ ей было обидно понести поражение передъ Горичемъ.

— Ну, а если,—сказала она почти шопотомъ:—если повторится то, что было на станціи въ Буяльскѣ, тогда вы останетесь?

Угаровъ задрожалъ какъ въ лихорадкѣ и ничего не отвѣтилъ.

Соня схватила его голову обѣими руками, поцѣловала его въ лобъ и убѣждала прежде, чѣмъ онъ пришелъ въ себя.

Черезъ минуту она тихими, беззвучными шагами вошла на балконъ и, проходя мимо Горича, сказала совершенно спокойно:

— Яковъ Ивановичъ, вы проиграли пари.

VII.

Марья Петровна весело простилась съ сыномъ и старалась сохранить наружное спокойствіе при сестрѣ, но, оставшись одна, она заперлась въ спальнѣ, усѣлась въ красное сафьянное кресло, долго служившее ея покойному мужу, и дала полную волю слезамъ и горькимъ думамъ. Имя Брянскихъ напоминало ей очень тяжелую эпоху жизни. Князь Брянскій былъ другомъ Николая Владиміровича, нерѣдко посѣщалъ его въ Угаровѣ, и Марья Петровна питала къ нему большое расположеніе; но все это измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ на выборахъ въ Змѣевѣ она встрѣтилась съ княгиней Брянской—первой красавицей и кокеткой въ губерніи. Ей показалось, что мужъ ея неравнодушенъ къ княгинѣ, и чувство ревности—самое сильное, какое она когда-либо испытала въ жизни—отравило ей цѣлый годъ существованія. Самая крупная ссора съ мужемъ произошла какъ разъ въ этотъ день, 10-го іюля—семнадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ собирался ѣхать на балъ въ Троицкое, несмотря на слезы, мольбы и упреки Марьи Петровны, длившіеся цѣлую недѣлю. Кончилось тѣмъ, что она, какъ и всегда, побѣдила. Николай Владиміровичъ не поѣхалъ, но съ тѣхъ поръ всѣ отношенія между Угаровыми и

Брянскими прекратились. До Марьи Петровны доходили, правда, темные слухи о похождениях княгини; говорили, что и болѣзнь князя была послѣдствіемъ семейныхъ огорченій, но Марья Петровна не любила слушать сплетни. „Ну что, Богъ съ ней“, говорила она о княгинѣ и старалась забыть о ней.

И вотъ, черезъ восемнадцать лѣтъ, опять это ненавистное имя врывается въ ея жизнь, благодаря Володѣ. Къ ея великому огорченію, она даже не знала, изъ кого состоитъ семейство Брянскихъ. Она не могла допустить, чтобы Володя поѣхалъ за сто верстъ изъ дружбы къ товарищу, о которомъ прежде никогда не упоминалъ ни въ разсказахъ, ни въ письмахъ. Очевидно, кто-нибудь помимо товарища интересуется его въ этой семьѣ, но кто именно? Она не хотѣла допрашивать сына передъ отъѣздомъ, и теперь этотъ вопросъ не давалъ ей покоя. Когда на другой день она сообщила свои волненія Варварѣ Петровнѣ, та очень спокойно отвѣтила ей:

— О чемъ же тутъ беспокоиться, Мари? Завтра Володя вернется и самъ разскажетъ намъ.

— Какъ завтра?—воскликнула Марья Петровна.—Володя сказалъ, что вернется 12-го или 13-го. Надо всегда предполагать худшее...

— Ну, въ такомъ случаѣ узнаемъ послѣ завтра.

Тринадцатаго іюля, во время вечерняго чая раздался у подъѣзда звонъ колокольчика. Марья Петровна бросилась встрѣчать Володю и къ великому разочарованію увидѣла Придощенскаго. Тимооенчъ принадлежалъ также къ категоріи лицъ, о которыхъ Марья Петровна говорила: „Богъ съ нимъ“. Онъ самъ инстинктивно чувствовалъ это, и чтобы обезпечить себѣ хорошій пріемъ, поспѣшилъ заявить, что пріѣхалъ „съ добрыми вѣстями отъ Владиміра Николаевича“, при чемъ подалъ два письма. Володя писалъ, что ему очень весело, и что онъ пріѣдетъ непременно 14-го къ вечеру. Письмо княгини, написанное крупнымъ борявымъ почеркомъ, было пространно и безграмотно. Она напоминала Марьѣ Петровнѣ объ ихъ старомъ знакомствѣ и извинялась въ томъ, что насильно удержала Володю на два лишнихъ дня. Къ этому она прибавляла: „Впрочемъ, это ваша вина, что вы воспитали такого милаго и прекраснаго молодого человека во всѣхъ отношеніяхъ. Мой бѣдный мужъ по своей болѣзни никого не любитъ видѣть, но и онъ проводитъ цѣлыя часы въ разговорахъ съ Владиміромъ Николаевичемъ, и мнѣ было жаль отнять у моего страдальца это утѣшеніе“. Послѣдняя фраза вѣсколько примирила Марью Петровну съ княгиней, а похвалы

Володѣ невольно тѣшили ея материнское самолюбіе. Придошенскій весь вечеръ расхваливалъ семейство Брянскихъ, особенно распространялся о красотѣ и другихъ качествахъ Сони, которая, по его наблюденіямъ, очень приглянулась Володѣ. Марья Петровна была любезна какъ никогда съ Тимоѣенцемъ, навормила его ужиномъ и даже предложила ему почевать въ Угаровкѣ, но онъ отказался, и, уѣзжая, получилъ приглашеніе отпраздновать вмѣстѣ Володины именины.

На слѣдующій день Володя, по расчету Марьи Петровны, долженъ былъ пріѣхать часамъ въ восьми вечера, но уже десять часовъ пробило, и чай былъ отпить, а его не было. Марья Петровна сидѣла съ сестрой въ диванной на своемъ любимомъ мѣстѣ и раскладывала пасьянсъ. Ночь была такъ тиха, что пламя свѣчей стояло неподвижно, несмотря на широко открытыя окна. Пасьянсъ все не удавался; выходило, что Володя сегодня не пріѣдетъ. Марья Петровна загадала, пріѣдетъ ли онъ завтра—опять не вышло. Тогда она пустилась на хитрость и загадала, проведетъ ли онъ завтрашній день у Брянскихъ,—и пасьянсъ, несмотря на умышленную разсѣянность, вышелъ блистательно. Марья Петровна съ негодованіемъ бросила карты.

— Не понимаю я, Мари, изъ-за чего ты убиваешься,—сказала Варвара Петровна.—Ну, положимъ, что Володя не пріѣдетъ, что онъ влюбился въ эту княжну Брянскую, даже женится на ней—какое же въ этомъ несчастіе? Вѣдь долженъ же онъ когда-нибудь жениться, вѣдь Володѣ двадцать лѣтъ...

— Нѣтъ, Варя, нѣтъ, не говори этого. Ты слышала вчера, она, говорятъ, похожа на свою мать, а когда я вспомню эти черные глаза, эту вызывающую улыбку... нѣтъ, пусть бы онъ лучше женился на первой горничной... Двадцать лѣтъ проводила я вмѣстѣ съ Володей день его ангела, и вдругъ изъ-за этой дѣвочки...

— Да онъ, вѣроятно, еще пріѣдетъ, зачѣмъ горевать заранѣе?

Марья Петровна передвинула кресло къ окну. Двѣ липы и нѣсколько кустовъ сирени отдѣляли окно отъ забора, за которымъ виднѣлась широкая проѣзжая дорога. Каждый далекій звукъ явственно выдѣлялся среди глубокой тишины ночи. Вотъ гдѣ-то далеко-далеко прозвенѣло что-то въ родѣ колокольчика, прозвенѣло и замолкло. Вотъ зашелестѣли листья, и какая-то большая птица точно свалилась съ дерева, сдѣлала передъ самымъ окномъ кругъ по воздуху, потомъ высоко взвилась и исчезла. Какая-то собака хрипло завывала въ полѣ; цѣлый хоръ собакъ

отвѣчалъ ей со стороны деревни долгимъ пронзительнымъ лаемъ. Разбуженный собаками сторожъ ударилъ два раза въ чугунную доску. Потомъ опять все замолкло...

— Однако, Мари, пойдемъ спать, — сказала, зѣвая, Варвара Петровна. — Вѣдь оттого, что мы проведемъ ночь безъ сна, Володя не прійдетъ.

— Погоди, Варя, вотъ теперь навѣрное кто-то ѣдетъ. Слышишь? Хотя очень далеко, но явственно раздавался звонъ колокольчика, который то замолкалъ, то приближался; это продолжалось минутъ десять. Потомъ послышался спускъ экипажа, переѣзжавшаго мостокъ внизу, потомъ экипажъ медленно сталъ подниматься на крутую гору. Марья Петровна уже ясно слышала храпъ лошадей, мѣшавшійся съ побрякиваніемъ колокольчика, и скоро увидѣла высокую фигуру ямщика, курившаго трубку, а потомъ поднятый верхъ экипажа — не то коляски, не то тарантаса. „Эй вы, любезныя!“ — крикнулъ ямщикъ, стегнувъ вкнутомъ лошадей, и тройка пронеслась мимо воротъ по свѣтлой и ровной дорогѣ.

Марья Петровна рѣшила наконецъ, что Володя не прійдетъ, и ушла въ спальню, но долго не могла заснуть. Ей безпрестанно чудился звонъ колокольчика и слышались какіе-то голоса. Только къ утру забылась она тяжелымъ, тревожнымъ сномъ.

Первая мысль ея при пробужденіи была: не пріѣхалъ ли Володя, но, увидѣвъ грустное лицо своей старой и вѣрной горничной Лукерьи, она даже не рѣшилась спросить объ этомъ. Марья Петровна немедленно одѣлась и пошла въ церковь, построенную ея мужемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Когда она подошла къ кресту, отецъ Василій нанесъ ей первый ударъ, спросивъ ее о причинѣ отсутствія дорогого именинника. Второй подобный же ударъ былъ нанесенъ ей Придошенскимъ, пріѣхавшимъ очень рано. Потомъ пріѣхалъ съ дочерью Аѳанасій Ивановичъ Дорожинскій, только-что вернувшійся изъ Петербурга. Это былъ очень видный и представительный господинъ большого роста, съ пышными бѣлокурными усами, въ которыхъ уже пробивалась сѣдина. Онъ держалъ голову высоко, манеры имѣлъ серьезные, иногда величавыя. Варвара Петровна увѣряла, что прежде, когда онъ былъ простымъ Аѳоней Дорожинскимъ, въ котораго она была влюблена въ дѣтствѣ, манеръ этихъ у него не было; но, женившись на дочери откупщика Кабанова, которая скоро умерла, оставивъ ему большое состояніе, Аѳанасій Ивановичъ началъ поднимать голову все выше и выше. „Дайте ему еще немного разбогатѣть, — прибавляла Варвара Петровна: — и вы уви-

дите, что глаза у него совсѣмъ переѣдутъ на затылокъ". Специальностью Аеанасія Ивановича была выгодная покупка имѣній; увидѣвъ Придошенскаго, онъ сейчасъ же повелъ его въ садъ, чтобы узнать отъ него кое-какія нужныя ему свѣденія по этой части.

— Какъ это странно, ma tante, — говорила тѣмъ временемъ Наташа: — какъ это странно, что Володя не пріѣхалъ. Вѣдь онъ знаетъ, какъ вы его любите, какъ этотъ день дорогъ для васъ... Нѣтъ, это просто непростительно.

Каждое слово Наташи точно ножомъ рѣзало сердце Марьи Петровны, но она отвѣчала спокойно:

— Вѣроятно, что-нибудь важное задержало его. Я не могу и мысли допустить, что Володя сдѣлалъ это по невниманію или равнодушію...

— Но позвольте, ma tante, что же могло быть для него важнѣе вашего спокойствія? Онъ этихъ Брянскихъ почти не знаетъ. Вѣдь онъ долженъ знать, какъ вы его ждали, какъ...

— Послушай, Наташа, — заговорила вдругъ Варвара Петровна, потерявшая терпѣніе. — Отчего ты такъ безпокоишься объ отсутствіи Володи? Если это оттого, что тебѣ некому закатывать глазки, то успокой себя, пойди въ садъ, попокетничай съ Придошенскимъ. Чѣмъ онъ не мужчина?

Наташа собиралась отвѣтить на это какою-то убійственной дерзостью, и лицо ея уже приняло соответствующее выраженіе, но, взглянувъ на Варвару Петровну, она струсила и промолчала.

Послѣднимъ пріѣхалъ ближайшій сосѣдъ Угаровыхъ, Степанъ Степановичъ Брылковъ, плотный, коренастый человѣкъ, съ яркочернымъ лицомъ, одѣтый въ синюю венгерку съ черными жгутами. Брылковъ считался родствомъ съ цѣлой губерніей; Марью Петровну онъ называлъ кумой, Дорожинскаго — братцемъ. Съ Придошенскимъ ему было невозможно найти какую-нибудь степень родства, — онъ называлъ его землякомъ. Брылковъ былъ очень веселый и добродушный человѣкъ, но и онъ какъ-то чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Словно какая-то темная туча висѣла надъ всѣмъ обществомъ.

Прошло четыре часа, и Марья Петровна пригласила гостей перейти въ столовую, какъ вдругъ раздался стукъ подъѣхавшаго экипажа, и на балконъ вбѣжалъ Володя съ запяленнымъ, но сіяющимъ и радостнымъ лицомъ.

— Слава Богу, поспѣлъ къ обѣду! — воскликнулъ онъ, бросаясь на шею къ матери.

Перецѣловавшись со всѣми, Володя ушелъ переодѣться, а

Марья Петровна бросилась въ спальню. Цѣлый день она дѣлала невѣроятныя усилія, чтобы казаться спокойной и скрывать свое горе, но внезапной радости нервы ея вынести не могли: въ судорожныхъ рыданіяхъ упала она на кровать. Черезъ минуту Варвара Петровна стояла уже около нея съ стаканомъ воды и какими то каплями.

— Полно, Мари, успокойся, выпей это, сейчасъ пройдетъ. Будь же молодцомъ до конца,—уговаривала она ее какъ ребенка.

Съ прїѣздомъ Володи туча разсѣялась, и обѣдъ прошелъ весело. Аванасій Ивановичъ Дорожнинскій, питавшій въ душѣ разные честолюбивыя планы, ежегодно ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы „нюхать воздухъ“, какъ онъ выражался. Теперь онъ тономъ снисхожденія сообщалъ свои петербургскія впечатлѣнія. Тамъ всѣ разговоры были полны близкой войной и посольствомъ князя Меншикова въ Константинополь. Манифестъ о занятіи княжествъ нашими войсками уже вышелъ, и война была неизбежна. Что Англія и Франція подстрекали Турцію не исполнять нашихъ предписаній, это казалось всѣмъ очень естественнымъ; сердились только на Австрію за ея неблагодарность и двусмысленный образъ дѣйствій.

— Выборъ Меншикова очень удаченъ, — говорилъ важно Аванасій Ивановичъ. — Это человекъ чрезвычайно проницательный, его никто не проведетъ. Уже послѣ венгерской кампаніи онъ предложилъ выбить медаль крайне остроумную: съ одной стороны изобразить портретъ Государя и надпись: „Съ нами Богъ“, а съ другой стороны — портретъ австрійскаго императора и надпись: „Богъ съ ними“.

— Bravo, bravo! — закричалъ Брылковъ: — да это онъ, братецъ, укралъ у Марьи Петровны. Кума у насъ тоже, когда ей кто-нибудь не по нраву, только и говорить: — Богъ съ ними!

— Оно и лучше, — отозвалась Марья Петровна. — Не судите, да не судимы будете.

— Ну, это вы, кума, напрасно. Судите или не судите, — это ваше дѣло, а васъ другіе все-таки пересуживать будутъ. На томъ свѣтъ стоитъ.

Остальную часть обѣда Брылковъ посвятилъ приставаніямъ къ Придошенскому.

— Ну, насмѣшилъ меня сейчасъ Тимошеичъ, — рассказывалъ онъ съ громкимъ хохотомъ. — Надо вамъ сказать, что когда я еще мальчишкой былъ, онъ, бывало, все кланчилъ у покойнаго батюшки: „Дайте мнѣ, Степанъ Петровичъ, четверичокъ яблочковъ для моихъ ребятшекъ“. Только представьте себѣ, сегодня

предъ обѣдомъ просить онъ меня, чтобы я ему позволилъ прислать къ Успеневу дню работника за яблоками. Я его спрашиваю: „зачѣмъ тебѣ яблоки“? А онъ мнѣ опять: „для ребятишекъ, Степанъ Степанычъ“! Ну, объясни ты теперь намъ всѣмъ, землячокъ: какіе такіе ребятишки у тебя могутъ быть? Сорвалаѣтніе, что-ли?

— Чтѣ дѣлать, Степанъ Степанычъ, одарилъ Богъ плодородіемъ, — отшучивался Придошенскій, порадочно выпившій къ концу обѣда.

Когда гости разѣхались, а Варвара Петровна ушла въ свою комнату, чтобы не мѣшать „влюбленнымъ“, какъ она называла мать и сына, Угаровъ далъ Марьѣ Петровнѣ подробный отчетъ о своемъ путешествіи. Онъ рассказалъ ей все, рѣшительно все... кромѣ своей любви къ Сонѣ. Почему это такъ случилось, онъ и самъ не понималъ; какая-то непреодолимая сила удерживала его всякій разъ, какъ онъ хотѣлъ воснуться того, чтѣ составляло главный интересъ его жизни. Разъ онъ едва не выговорилъ страшнаго слова, но какъ нарочно въ эту минуту Марья Петровна остановила его.

— Ну, завтра еще наговоримся, дружокъ мой Володя, а теперь ступай спать, ты вѣдь двое сутокъ не спалъ...

Володя дѣйствительно чувствовалъ сильное утомленіе, но спать ему не хотѣлось, и когда онъ пришелъ въ свою комнату, ему показалось тамъ такъ тѣсно и душно, что онъ сошелъ въ садъ и незамѣтно дошелъ до своего любимаго мѣста, около пруда. Онъ улегся на траву, прислонилъ голову къ стволу старой липы и долго лежалъ такъ, съ жадностью вдыхая свѣжесть ночи, слушая неугомонное, безпокойное кваканье лягушекъ и глядя на усѣянное звѣздами небо. Онъ былъ въ томъ особенномъ состояніи полусна и полу-бдѣнія, когда физическая усталость одолеваетъ чело-вѣка и когда въ то же время ему жаль заснуть, жаль потерять нить пріятныхъ мыслей и воспоминаній. Но и воспоминанія Угарова были также чѣмъ-то въ родѣ сладкаго пятидневнаго сна. Самой свѣтлой точкой этого сна былъ послѣдній, вчерашній день. И все утро въ Троицкомъ, и вечеромъ въ Буальсеѣ, Соня была съ нимъ очаровательно ласкова. Она видимо оцѣнила жертву, которую онъ ей принесъ, и хотѣла показать ему это. И какъ она была красива въ бѣломъ балльномъ платьѣ! Ободренный ея лаской, Угаровъ вполнѣ „объяснился“, сказалъ, что безумно ее любить, что вся жизнь его принадлежитъ ей. Теперь ему казалось непостижимымъ, какъ онъ рѣшился произнести эти слова. По окончаніи мазурки, она сама напомнила ему о томъ, что пора ѣхать,

и оказалось, что у Абрамыча, по просьбѣ Сони, была уже приготовлена для него тройка. За это теперь онъ былъ ей особенно благодаренъ, потому что въ Буяльскѣ онъ былъ въ такомъ сердечномъ опьяненіи, что могъ совсѣмъ не уѣхать. Послѣднія слова ея были: „До свиданія! нѣтъ, лучше—до многихъ свиданій“.

Правда, были въ этомъ свѣтломъ сновидѣніи кое-какія черныя точки. Самой черной точкой былъ Горичъ. Вообще и въ лицѣ у Угарова были странныя отношенія съ Горичемъ: онъ то былъ съ нимъ друженъ и откровененъ, какъ ни съ кѣмъ, то чувствовалъ къ нему охлажденіе, граничившее съ ненавистью. Теперь онъ испытывалъ къ нему страшную, безумную ревность; болѣе всего обидно ему было то, что Соня говорила съ Горичемъ какимъ-то условнымъ, для нихъ однихъ понятнымъ языкомъ. Что она переговаривалась такъ съ Сережей, это Угаровъ допускалъ; но какіе намеки, какія тайны могли существовать между ею и Горичемъ? Второй черной точкой была княгиня; въ послѣдніе дни она вела себя какъ-то непонятно. Она сдѣлалась до того приторно-любезна съ Угаровымъ, что онъ нѣсколько разъ готовъ былъ обидѣться, принимая ея выходку за насмѣшку. Вчера, когда во время мазурки Горичъ выбралъ Соню, а Угаровъ безпокойными взорами слѣдилъ за уходящей парой, княгиня подошла къ нему и сказала ему съ улыбкой:

— Вижу, вижу, молодой человекъ, какъ вы любуетесь Соней. Не краснѣйте, тутъ ничего дурного нѣтъ. Вотъ такъ-то вашъ батюшка когда-то любовался мною... Чтѣ дѣлать, всѣмъ свой чередъ...

Этотъ намекъ княгини на любовь къ ней Николая Владиміровича Угарова, любовь, о которой онъ что-то слышалъ въ дѣтствѣ, былъ ему очень неприятенъ. Но и Горичъ и княгиня тоннули въ томъ морѣ счастья, которое онъ чувствовалъ вокругъ себя. Шестъ дней тому назадъ онъ такъ же сидѣлъ у этой липы и такъ же мечталъ о Сонѣ. Но какая разница! Тогда это было только смутное предчувствіе того, чтѣ теперь уже осуществилось.

Наконецъ Угаровъ рѣшилъ, что пора идти спать. Подходя къ дому, онъ увидѣлъ въ спальнѣ матери свѣтъ, блеснувшій ему яркимъ упрекомъ. „Боже мой,—думалъ онъ, стоя передъ этимъ освѣщеннымъ окномъ:—зачѣмъ я не рассказалъ всего той, которая живетъ только для меня, которую я самъ люблю больше всего на свѣтѣ? Двѣнадцать лѣтъ мы жили душа въ душу; неужели же любовь къ Сонѣ можетъ поколебать это святое чувство? Я воображаю, какъ она мучилась вчера, ожидая меня, и что же? Я не услышалъ ни одного слова упрека, не увидѣлъ строгаго

или недовольнаго взгляда. Вотъ и теперъ она не спитъ, все обдумываетъ, можетъ быть, догадывается... Да и отчего мнѣ не разсказать ей всего? Вѣдь любовь—самый лучшій цвѣтъ, самая свѣтлая радость жизни... Моя мать можетъ быть только счастлива моимъ счастьемъ“...

Володя рѣшительнымъ шагомъ вошелъ въ домъ и постучался въ спальню матери.

— Это я, мама, можно войти?

— Войди, войди, Володя... Что съ тобою?—раздался встревоженный голосъ Марьи Петровны.

Она сидѣла на своемъ красномъ креслѣ и перебирала старыя письма. Володя придвинулъ маленькій табуретъ и сѣлъ вольгѣ нея.

— Милая мама,—сказалъ онъ, цѣлуя у нея руку:—прости меня. Въ первый разъ въ жизни я обманулъ тебя, т. е. не обманулъ, а хотѣлъ скрыть то, чего не долженъ и не могу скрыть. Я люблю Соню всѣми силами души моей, моя жизнь принадлежитъ ей, рано или поздно она будетъ моей женой.

Еслибы Володя Угаровъ могъ быть постороннимъ и безпристрастнымъ наблюдателемъ того, что происходило въ спальнѣ Марьи Петровны, онъ никакъ бы не догадался, что между сыномъ и матерью шла рѣчь о лучшемъ цвѣтѣ, о самой свѣтлой радости жизни. Самъ онъ рыдалъ, прильнувъ головой къ плечу матери, а Марья Петровна, въ бѣломъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ, изъ-подъ котораго беспорядочно выпадали пряди сѣдыхъ волосъ, съ поблѣвшимъ отъ испуга лицомъ крестила его дрожащей рукой, какъ крестятъ человѣка, обреченнаго на вѣрную и неминуемую гибель...

А. Н. Апухтинъ.

ВЪ ГОРАХЪ

Изъ давнихъ воспоминаній.

Какихъ-нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ, прямое сообщеніе между Интерлакеномъ и Люцерномъ, или, правильнѣе, между Бриенцемъ и Альпнахомъ,—ближайшими другъ въ другу пунктами изъ лежащихъ на озерахъ тѣхъ же наименованій,—представляло неудобство переѣзда шагъ за шагомъ на лошадяхъ черезъ Брюнигскій переваль. Теперь перемѣщеніе это совершается часа въ два-три времени по желѣзной дорогѣ, притомъ, въ наибольшей своей части, посредствомъ локомотивовъ обыкновенной тяги. Только на самой крутизнѣ перевала паровозъ, тяжело пытая и цѣпляясь за зубцы приспособленной между рельсами широкой желѣзной полосы, съ усиленіемъ тащѣтъ за собою, или спускаетъ на себѣ, небольшіе два вагона, составляющіе вмѣстѣ съ локомотивомъ весь составъ поѣзда. За этимъ, переднимъ, шагахъ въ трехстахъ обыкновенно идетъ второй, заключающій въ себѣ, вмѣсто двухъ пассажирскихъ вагоновъ, одинъ пассажирскій и одинъ багажный. Вѣроятно, въ случаѣ большого наводненія публики, пускается вслѣдъ еще третій такой же поѣздъ.

Во многихъ мѣстахъ желѣзная дорога, можно сказать, виситъ надъ пропастью; а далеко внизу прежнее шоссе описываетъ кругую дугу или извивается зигзагами, въ томъ же направленіи, въ которомъ теперь прямою хордою протянулись рельсы. Страшно подумать, какая катастрофа должна произойти, еслибы, вслѣдствіе малѣйшей неправильности въ дѣйствіи механизмовъ, локомотивъ какъ-нибудь сорвался со сдерживающей его зубчатой полосы. Но пассажиры, какъ знающіе за-

коны механики, такъ и неизмѣющіе о нихъ понятія, повидимому, одинаково убѣждены, что здѣсь все предусмотрено, точно рассчитано и налажено, и за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ забываютъ о возможной случайности. Съ довѣріемъ отдавшись во власть силъ пара, они смиренно сидятъ по угламъ тѣсныхъ купе. Нѣкоторые по временамъ выходятъ на площадки вагоновъ и равнодушнымъ взглядомъ измѣряютъ окружающія громады, какъ бы затѣмъ только, чтобы въ бичливомъ самодовольствѣ констатировать еще разъ господство человѣческаго генія надъ совокупностью враждебныхъ или угрожающихъ элементовъ.

Между тѣмъ на живописную мѣстность Брюнигской дороги стѣбитъ взглянуть и не съ одной точки зрѣнія человѣческаго самовозвеличенія.

Описаніе ея, въ виду того, что это каждый можетъ прочесть въ любомъ путеводителѣ, было бы излишне. Притомъ красоты природы вообще, и горной природы въ особенности, воспринимаются и оцѣниваются преимущественно въ зависимости отъ субъективнаго настроенія и обстановки, въ которой освѣщеніе играетъ первенствующую роль. Въ этомъ отношеніи совершенно ясны, солнечные дни наименѣе благоприятны; чтобы оцѣнить всю прелесть горъ, надо быть среди нихъ въ дни облачные и преимущественно во время грозы. Въ такое именно время случилось мнѣ попасть на Брюнигскій перевалъ въ 1893 году.

Нѣсколько лѣтъ сряду, безвыѣдно, прожилъ я въ деревнѣ западной полосы Россіи, весь поглощенный хозяйствомъ, доходовъ съ котораго, за уплатою тяжелыхъ налоговъ и неизбѣжныхъ процентовъ въ банкъ, едва хватало на самую необходимую поддержку дѣла. Но вотъ нежданно выдался годъ особенно удачный: хорошій урожай и сносныя цѣны. Сколотивъ тысячу другую рублей, на которыя, по странной случайности, ничто на этотъ разъ въ хозяйствѣ не заявляло претензій, я позволилъ себѣ давно неизвѣданную роскошь — поѣхать отдохнуть и освѣжиться.

Если только ѣдетъ русскій за границу,
Посылай въ Палермо, въ Пизу или въ Ниццу,
Быть ему въ Парижѣ—

сказалъ поэтъ. Такъ и я, проведя короткое время на Женевскомъ озерѣ, потомъ въ Интерлакенѣ, устремился, черезъ Люцернъ, Цюрихъ и Базель, на морскія купанья въ Ламаншъ, а въ концѣ концовъ — къ тѣмъ самымъ сенскимъ берегамъ, къ которымъ всѣхъ насъ русскихъ искони „влечетъ невѣдомая сила“.

При переѣздѣ по Бриенцкому озеру погода стояла превос-

ходная; только страшно парило и чувствовалась духота даже среди обширной равнины водъ. Переѣздъ совпалъ съ часомъ второго завтрака (lunch'a), и путешественники, удѣливъ весьма мало вниманія и лазури озеру, и его цвѣтущимъ берегамъ, и живописному паденію Гисбаха, устремились толпою въ каюту для захвата мѣстъ у стола. На палубѣ кромѣ меня остались только католическій пасторъ и пожилой господинъ съ молодою спутницей. Съ послѣдними я думалъ завязать разговоръ; но они оказались такъ углубленными въ самихъ себя, такъ мало замѣчавшими окружающее, что знакомство съ ними представлялось невѣроятнымъ.

Между тѣмъ, чѣмъ болѣе смотрѣлъ я на нихъ, тѣмъ труднѣе становилось оторваться. Говорили они между собою по-французски, т.-е. обмѣнивались только отрывочными словами, которыя разобрать было трудно. Но интересъ заключался не въ словахъ, а въ выраженіи ихъ лицъ, въ фізіономіяхъ.

Онъ—небольшого роста, худощавый, съ сѣдиной въ рѣдкихъ волосахъ и бородѣ; почти при полномъ отсутствіи морщинъ, болѣзненно-блѣдный цвѣтъ лица; на щекахъ не менѣе болѣзненный, внезапно вспыхивающій и такъ же быстро потухающій румянецъ. Во всей фигурѣ—усталость, или апатія: разъ принявъ извѣстное положеніе, онъ, повидимому, весьма неохотно мѣнялъ его и безразлично смотрѣлъ на все, что въ зависимости отъ поворотовъ судна охватывалось кругозоромъ. Но неподвижность или безжизненность его фигуры представляла замѣчательный контрастъ съ выраженіемъ лица и въ особенности глазъ, небольшихъ, сѣрыхъ, въ глубокихъ впадинахъ. Они то оживлялись блескомъ, то застигались влагою, съ рѣзкими, непрестанными переходами отъ одного къ другому; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ соответствіи, отъ времени до времени, нервно сокращались тѣ или другіе мускулы лица, сдвигались брови и обнаруживались складки на высокомъ лбу. Болѣе подвижной фізіономіи мнѣ не случалось встрѣтить: онъ какъ будто бы постоянно съ кѣмъ-то велъ разговоры, или въ воображеніи передъ нимъ проходили картины, не имѣющія ничего общаго съ настоящимъ, съ дѣйствительностью.

Она—высокаго роста, блондинка, съ неправильными, но милыми, мелкими, можно сказать дѣтскими чертами лица, отличавшагося замѣчательною свѣжестью, бѣлизною и нѣжнымъ румянцемъ. По этимъ свойствамъ и съ перваго взгляда можно было дать ей не болѣе 18—19 лѣтъ. Но здѣсь опять являлся контрастъ съ глазами. Въ нихъ, подъ густыми темными бровями, велья было не замѣтить нѣчто строгое, твердое, вполне опре-

дѣлывшееся. Въ виду этого, всмотрѣвшись, надо было заключить, что она гораздо старше.

Заботливость ея о старикѣ проявлялась на каждомъ шагѣ: она то покрывала пледомъ его колѣни и поправляла какую-нибудь мелочь въ верхней его одеждѣ, то предлагала спросить что-либо ѣсть и вынести ему на палубу; при переходѣ отъ пристани въ вагоны, она тщательно собрала, сложила весь ручной багажъ и, такъ сказать, всунула, что слѣдовало, въ руки спутника. Онъ, съ видимымъ выраженіемъ глубокой симпатіи, покорно исполнялъ всѣ ея указанія. Изъ наблюденія ихъ обоихъ у меня вскорѣ выработалось такое представленіе. что въ этой парѣ силъ, составившихъ одинъ цѣльный, стройно дѣйствующій интеллигентный механизмъ, онъ былъ силою влекущею или рабочею, она—сдерживающею и направляющею. То немногое, что случилось мнѣ узнать далѣе, заставляетъ думать, что едва ли я ошибся.

По мѣрѣ того, какъ поѣздъ поднимался въ горы, надъ Бріенцимъ озеромъ все болѣе сгущались облака, сначала глыбами, чрезъ которыя кое-гдѣ показывалась водная поверхность, теперь далеко не лазурная, а мрачная, сталивидная. Когда мы были уже на значительной высотѣ, подъ нами все озеро утонуло во мглѣ; въ разныхъ мѣстахъ прорѣзывали ее молніи, а поднявшійся сильный вѣтеръ гналъ облака вслѣдъ за поѣздомъ. Клубясь, тянулись они по ущелью; то сливались въ сплошныя тучи, то расплывались въ прозрачную дымку и, разступаясь, оставляли просвѣты, чрезъ которые на молочномъ фонѣ особенно рельефно выдавались самыя разнообразныя очертанія чернѣющихъ скалъ. Вскорѣ все затянулось непроницаемымъ туманомъ; гроза разразилась кругомъ; молніи сверкали надъ нами, какъ и внизу, по всѣмъ направленіямъ; отъ ударовъ грома вздрагивалъ поѣздъ, а крыши вагоновъ гудѣли подъ потоками ливня, слѣдовавшими за каждымъ ударомъ. Горное эхо вторило почти-что несмолкающими перекатами. Всѣ пассажиры забрались въ купе и даже разговоры приумолкли...

Меня тянуло на площадку вагона; старикъ и его спутница были тамъ; остановившись тихо въ дверяхъ, я не былъ ими замѣченъ.

— Зачѣмъ?—именно въ эту минуту сказалъ онъ, какъ бы отвѣчая на ея вопросъ; а далѣе, съ явно напускною аффектаціей, на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, прибавилъ:

Чтобы въ борьбѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить?..

И оба засмѣялись: онъ — глухимъ ироническимъ смѣхомъ, она — только сдержанною, грустною улыбкой.

Я подошелъ къ балюстрадѣ площадки.

— Чудная картина! — сказалъ я, лишь бы чѣмъ-нибудь начать.

— Да, — отвѣчалъ, встрепенувшись, старикъ: — только разъ, на Кавказѣ, случилось мнѣ видѣть еще болѣе грандіозное явленіе грозы у ногъ своихъ.

— Вы жили на Кавказѣ и; разумѣется, какъ всѣ кавказцы, очень любите этотъ край?

— Я вообще люблю природу; а на Кавказѣ она величественна. Впрочемъ, все зависитъ отъ условій. Я предпочитаю Швейцарію.

Мы миновали перевалъ и въ это время уже спускались. Какъ въ первые дни творенія изъ хаоса, — теперь изъ густой, одноцѣтной, сѣрой мглы, мало-по-малу начали образовываться форменныя подвижныя массы, то облекавшія собою, то выставлявшія на видъ грозныя профили горныхъ исполиновъ. Вскорѣ черезъ разрывы облаковъ стали проглядывать солнечныя лучи. Еще пять, шесть минутъ — грозовыя тучи остались позади, въ ущельѣ, да вгльво — голову Пилата вѣнчала обычная чалма его; вправо, на зеленѣющемъ фонѣ склоновъ Риги, тянулись еще полупрозрачныя бѣлыя хлопья; а передъ нами, въ лучезарномъ блескѣ яркаго вечерняго освѣщенія, раскинулась изумрудная поверхность Люцернскаго озера.

Пароходъ, на который пересѣли мы изъ вагоновъ, направился прямо подъ двойную арку семицѣтнаго воздушнаго моста. На всемъ окружающемъ — на зелени деревьевъ, на черепичныхъ и желѣзныхъ крышахъ прибрежныхъ строеній — видны были слѣды недавняго дождя; остатки водяныхъ паровъ еще носились надъ озеромъ, и въ нихъ проявило солнце вѣдущую силу послѣднихъ передъ закатомъ лучей своихъ. Болѣе яркой радуги въ жизни своей не случалось мнѣ видѣть. За густотою красокъ одинаково большая и малая дуги казались чѣмъ-то компактнѣмъ, до такой степени, что на площади озера, въ самомъ небольшомъ отъ васъ разстояніи, казалось, можно было обозначить точки, въ которыя обѣ дуги упирались.

Отыскивая мѣсто на вымоченныхъ скамьяхъ палубы, я очутился вновь возлѣ соотечественниковъ.

— Ничего подобнаго на Кавказѣ вы не увидите, — сказалъ старикъ, какъ бы продолжая за полчаса передъ тѣмъ оборвав-

шійся разговоръ:—бѣдность воды составляетъ тамъ капитальный недостатокъ.

Онъ высказалъ еще нѣсколько дѣльныхъ, хотя отрывочныхъ, сужденій о геологическомъ строеніи почвы кавказскаго перешейка, но дальнѣйшаго развитія бесѣда наша, за краткостью переѣзда, получить не могла.

Черезъ четверть часа мы раскланялись на люцернской пристани, не рассчитывая еще когда-либо встрѣтиться. Въ два дня я совершилъ всѣ положенныя, такъ сказать, по штату экскурсіи изъ Люцерна; успѣлъ подняться на вершину Пилата, привѣтствовалъ восходъ солнца съ Риги-Кульмъ, провѣтвился вдоль всего озера Четырехъ-Кантоновъ до Флюэльна, и ровно черезъ двое сутокъ выѣхалъ на ночлегъ въ Цюрихъ.

Въ то время только-что была окончена постройкою и открыта новая гостинница (названія не помню), выходящая фасадомъ на озеро, съ открытымъ, широкимъ, вдоль всего зданія, балкономъ, на который ведутъ стеклянныя двери изъ каждаго номера бельэтажа.

Водворивъ меня въ одномъ изъ такихъ номеровъ и отворяя дверь на балконъ, кельнеръ сказалъ мнѣ:—„Гостинница наша еще не успѣла получить извѣстности;—пока у насъ почти нивого нѣтъ, такъ-что весь балконъ въ вашемъ распоряженіи; можете гулять вдоль всего фасада и любоваться на озеро.

Правду сказать, и любоваться-то было нечѣмъ. Слабо освѣщенное полу-мѣсяцемъ, озеро только отгадывалось по стоявшимъ надъ нимъ испареніямъ. Тѣмъ не менѣе, я приказалъ подать чай на балконъ и въ ожиданіи сталъ ходить, осторожно заглядывая въ окна темныхъ, пустыхъ номеровъ. Оказалось, однако, что на противоположномъ концѣ, изъ одной открытой двери выходилъ свѣтъ, а передъ нею у балюстрады балкона стояли знакомые мнѣ соотечественники, точь-въ-точь въ такой повѣ, какъ видѣлъ я ихъ на площадкѣ вагона при переѣздѣ черезъ Брюнигъ.

Старикъ, повидимому, не особенно обрадованъ былъ встрѣчею; но уйти съ балкона тотчасъ послѣ моего тамъ появленія было бы прямо-таки невѣжливо.

Я видѣлъ неловкость положенія, и для выхода изъ него ничего лучшаго не придумалъ, какъ предложить выпить вмѣстѣ чаю, для чего и приказалъ поставить столъ на нейтральной почвѣ, въ срединѣ балкона. Старикъ какъ бы нѣхотя согласился. Разговоръ, однако, не клеился; уставившись, какъ прежде, въ одну точку, новый знакомецъ лишь отрывистыми фразами отвѣчалъ на вопросы. Отъ молодой особы успѣлъ я узнать, что ея дядя былъ военнымъ

и служилъ между прочимъ на Кавказѣ, но много лѣтъ тому назадъ оставилъ Россію; за границею же ихъ мѣстопробываніе опредѣляется климатомъ и состояніемъ атмосферы, въ виду слабаго здоровья дяди. Старикъ все время, можно сказать, отсутствовалъ, напряженно стараясь какъ будто бы уловить что-то передъ собою въ вечернемъ сумракѣ. Племянница хотя и отвѣчала мнѣ, но почти не сводила съ него глазъ. На этомъ мы, пожалуй, и распрощались бы; но мнѣ пришло въ голову сдѣлать еще одну попытку.

Предложивъ старику вторую чашку чаю, чтобы какъ-нибудь привлечь его вниманіе:—Странно,—сказалъ я:—до сихъ поръ всё, кого случалось мнѣ встрѣчать изъ жившихъ сколько-нибудь на Кавказѣ, всегда отзывались о немъ съ энтузіазмомъ; въ васъ я этого не замѣчаю.

— Все зависитъ отъ условій,—повторилъ онъ прежде выраженную мысль.

— Да; но условія въ значительной мѣрѣ заключаются въ настроеніи или подготовкѣ воспринимающаго субъекта.

— Т.-е., вы хотите сказать, что замѣчаніе ваше или вопросъ къ тому собственно и клонились, чтобы узнать, какими именно свойствами воспринимающаго субъекта опредѣлились своеобразныя отношенія его къ Кавказу; или, говоря попросту, вамъ желательно вытянуть изъ меня какую-нибудь исторіюку...

Старикъ засмѣялся; потомъ пристально посмотрѣлъ на меня, задумался и, послѣ нѣкотораго молчанія, вдругъ оживившись, прибавилъ:—Да, странно... странно, что такой вызовъ является именно теперь, когда кавказскія воспоминанія, не знаю почему, стали какъ-то неотвязно, докучливо меня преслѣдовать.

Помолчавъ еще немного:—Извольте, — продолжалъ онъ:—я расскажу вамъ; можетъ быть, этимъ средствомъ отдѣлаюсь отъ назойливыхъ призраговъ прошлаго. Расскажу участіе мое въ одной изъ экспедицій, въ которой собственно и совмѣстились мои личныя отношенія къ Кавказу; хотя, предупреждаю заранѣе, въ рассказѣ моемъ не найдете ни интереса, ни поэзіи, которыхъ вы, можетъ быть, ожидаете.

Приказавъ убрать чай, я приготовился слушать. Молодая особа сдѣлала знакъ, чтобы на сосѣднемъ столѣикѣ оставили воду для питья, и недовѣрчиво, какъ бы съ укоромъ, на меня взглянула.

— Попалъ я на Кавказъ,—такъ началъ старикъ,—когда многолѣтняя борьба видимо клонилась уже къ концу. То съ тѣмъ, то съ

другимъ изъ горскихъ племенъ, населявшихъ западную часть предкавказья, происходили еще схватки; но это, можно сказать, были послѣднія вспышки лѣниво и тускло догоравшаго пламени. Вѣрно рассчитанный, рѣшительный планъ покоренія приводился въ исполненіе съ неумолимою послѣдовательностью. Отъ прочно занятой нами линіи Кубани, не особенно быстро, но твердо и настойчиво двигались наши войска по нѣсколькимъ притокамъ этой рѣки вверхъ, къ вѣчнымъ снѣгамъ главнаго хребта и наиболѣе доступнымъ черезъ него переваламъ. По пути слѣдованія военныхъ отрядовъ, въ долинахъ притоковъ Кубани, водворялись казачьи поселенія, до послѣднихъ предѣловъ горныхъ высотъ, на которыхъ пыталось начальство, хотя съ натяжкой, представить возможнымъ существованіе жилья и земледѣльческой культуры. Впослѣдствіи поселенія эти, много натерпѣвшіяся всякихъ невгодъ и положившія на мѣстѣ своего кратковременнаго, бѣдственнаго существованія не мало народа, были частью перенесены на другія, болѣе удобныя мѣста, частью совсѣмъ уничтожены. Но въ то время водвореніе ихъ, почти до снѣговой линіи, надо сознаться, имѣло большое значеніе. Въ понятіяхъ мѣстныхъ племенъ они нагляднымъ образомъ устанавливали фактъ безповоротнаго захвата русскими горныхъ тѣсинъ, гдѣ до той поры азіатъ считалъ себя полнымъ хозяиномъ, гдѣ лишь набѣгами появлялись наши войска, чтобы спугнуть дикарей съ насиженнаго гнѣзда, нанести возможный ущербъ ихъ первобытному хозяйству, всегда впрочемъ мало чувствительный, и возвратиться восвояси на плоскость, обыкновенно съ немалымъ транспортомъ убитыхъ и раненыхъ. Теперь горецъ видѣлъ крыши хатъ, обнесенныхъ плетнемъ по земляному валу и рвомъ; на окружающихъ отлогихъ поватостяхъ — свотъ, между хатами и ближайшими полянками — движеніе женщинъ и дѣтей. Значитъ, русскій здѣсь сидѣть будетъ, — говорилъ онъ, — и уходилъ со своимъ скарбомъ, приближаясь все болѣе и болѣе къ суровому району снѣговъ; а за нимъ по пятамъ, отъ своихъ послѣднихъ опорныхъ пунктовъ, представлявшихъ убогое подобіе станицъ, двигались военные отряды. Исполненіемъ роковаго плана руководилъ самъ составитель его, грозный для горцевъ „трехглазый“ генералъ — такъ называли они графа Н. И. Евдокимова. Страшную дилемму поставилъ онъ имъ: или выселяйтесь на плоскость, въ Маныческія степи ставропольской губерніи, или садитесь на турецкія кочермы* и на утлыхъ скорлупахъ этихъ переплывайте бурное Черное море до Трапезунда, Синопа и далѣе. Первое грозило постепеннымъ вымираніемъ поголовно всѣмъ, второе обѣ-

щало спасеніе хотъ немногимъ, цѣною немедленной гибели остальныхъ.

Горцы предпочли послѣднее и, тѣснимые все болѣе нашими войсками, перебирались черезъ перевалы на южный склонъ въ берегу моря.

Между ними большинство, не лишенное способности разсуждать, вполнѣ сознавало невозможность сопротивленія, — остальные не имѣли уже ни руководителей, ни вождей; направляющей мысли не было, но и въ поставленныхъ и стигиваемыхъ нами цѣпяхъ не перестала еще биться стихійная сила. Съ молокомъ матери всосавъ склонность, при появленіи гаура, инстинктивно хвататься за ружье, горцы, преимущественно молодежь, и въ настоящемъ случаѣ встрѣчали войска тѣмъ же инстинктивнымъ движеніемъ; изъ-за укрытія камней и вѣковыхъ деревьевъ спѣшили они выпустить послѣдніе заряды изъ своихъ плохихъ ружьишекъ, отъ которыхъ приходилось затѣмъ навсегда отказаться, какъ отъ ненужнаго болѣе инструмента.

Буря стихала, — говорю я: — но продолжалась мертвая зыбь; эта зыбь и выносила на поверхность свою манящіе дары, на добычу которыхъ снаряжали мы своихъ привычныхъ искателей жемчуговъ.

Дѣйствительно, только это, вошедшее въ привычку, искательство жемчуговъ способно было возводить на степень битвъ тѣ встрѣчи съ ухидившими горцами, которыя являлись результатомъ неотступнаго ихъ преслѣдованія; только повторенное эхо горъ могло дать подобіе перестрѣлокъ торопливымъ и большею частію безвреднымъ для обѣихъ сторонъ выстрѣламъ, раздававшимся отъ времени до времени то въ томъ, то въ другомъ ущельѣ. Очевидно было, что направленныхъ отъ Кубани черезъ хребетъ двухъ-трехъ отрядовъ вполнѣ достаточно, чтобы совсѣмъ порѣшить дѣло: прижатые къ морю, горцы не могли болѣе противиться какимъ бы то ни было требованіямъ; но, въ видахъ полнѣйшей внушительности, все же рѣшено было, на усиленіе идущихъ съ сѣвера, послать подкрѣпленія съ юга, частію по берегу моря, частію перевести на судахъ въ качествѣ десанта. Уже одно слово „десантъ“ пріятно ласкало военный слухъ. Такимъ образомъ, грозный, если не по силѣ своей, то по числительности, непріятель (принимая въ счетъ дѣтей, женщинъ, овецъ, коровъ и проч.) обхватывался желѣзнымъ кольцомъ, по всѣмъ правиламъ науки. Принципъ подавленія живыхъ человѣческихъ массъ въ тискахъ желѣзнаго кольца, правда, не былъ еще тогда санкціонированъ блестящими примѣрами Меца и Парижа; при томъ наше кольцо,

съ одной стороны, и безъ желѣза смыкалось водою; но при комбинированіи большихъ операцій; какъ извѣстно, нельзя безъ стратегіи.

Во главѣ одного изъ этихъ поддѣрпляющихъ отрядовъ былъ поставленъ нашъ генералъ, со своимъ штабомъ, тѣмъ самымъ, въ которомъ служилъ, т.-е., понемногу кропалъ бумажки, я многогрѣшный, уже около года, со времени прибытія своего на Кавказъ. Затрудняюсь сказать — зачѣмъ собственно и кому могъ я быть нуженъ въ отрядѣ: бумажекъ по моей части не ожидалось; въ принесеніи пользы моими военными способностями ни я самъ и, полагаю, никто другой не вѣрилъ; но назначать штабныхъ чиновъ въ отряды было въ обычаѣ, и разъ что выражена была на это воля начальства, разумѣется, уклониться отъ обычая не было цѣли. Жилъ я со дня выступленія на полномъ изживеніи нашего добрѣйшаго, всегда привѣтливаго генерала; потому, кромѣ бурки, запасной пары платья и нѣсколькихъ перемѣнъ бѣлья, ничего при себѣ не имѣлъ; взятыя на весь штабъ казенныя палатки служили для насъ укрытіемъ. По прибытіи, въ началѣ мая, къ мѣсту ожидаемыхъ операцій, бивакъ нашъ расположился въ ущельѣ, представлявшемъ собою рядъ уступовъ, порою спускавшихся къ рѣчкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ впаденія ея въ море. Привѣтливое влокотаніе этого горнаго потока лишь въ немногіе ночные часы не заглушалось обычнымъ шумомъ и говоромъ военного стана. Кругомъ все тонуло въ самой роскошной зелени; на нашемъ берегу деревья спускались до послѣднихъ уступовъ; на противоположномъ — болѣе уходили въ даль, отдѣляясь отъ рѣчки цвѣтущими полянами. Подъ густою тѣнью одной изъ чинаръ помѣщался обѣденный столъ на весь нашъ штабъ, въ составѣ до 25 человѣкъ.

Истиннымъ наслажденіемъ было пребываніе среди такой чудной природы. Но едва ли не это одно и осталось для меня отряднымъ воспоминаніемъ всей экспедиціи. Какъ извѣстно, военные всѣ считаютъ лучшимъ временемъ своей жизни то, которое проведено въ кампаніяхъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ они, и вѣроятно въ большинствѣ говорятъ искренно. Благополучно минувшія опасности, жизнь полная тревогъ и волненій — все это, подъ угломъ зрѣнія болѣе или менѣе отряднаго прошлаго, принимаетъ окраску романтизма, драпироваться въ который любимъ всѣ мы, слабые смертные. Къ тому же въ военныхъ дѣйствіяхъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, представляется случай испытать и выказать свой характеръ, твердость, мужество, свои дарованія. Все это такъ; все — мотивы весьма уважительные для сохраненія о войнѣ

самыхъ лучшихъ воспоминаній; только, въ сожалѣнiю, никакъ не могъ я найти ихъ въ условiяхъ нашей экспедици. Опасности прямо-таки не было; тревогъ и волненiй— также, по крайней мѣрѣ для маленькаго штабнаго чина, какъ я; выказать военныя дарованiя, имѣя въ своемъ вѣденiи, въ качествѣ исполнителей, половину писаря, т.-е. одного вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, и казака-драбанта— было довольно трудно, что же касается характера, т.-е. самообладанiя, подавленiя нервности, то къ проявленiю его хотя и представлялся случай, но далеко не въ той обстановкѣ, которая могла бы питать самолюбіе.

За время стоянки мы много разъ видѣли непріятеля вблизи, — только не грозящаго и вооруженнаго, а уже истощеннаго въ неравной борьбѣ, изнемогающаго, такъ сказать, въ послѣднихъ конвульсiяхъ. Верстахъ въ пяти-шести отъ нашего бивака располагались станомъ горцы, выходившіе къ морю съ семьями и скудными остатками имущества, въ ожиданiи очереди попасть на кочерму или фелюгу ¹⁾, становившуюся для очень многихъ ладью Харона.

Частію по службѣ, частію изъ любопытства, почти что каждый день прiѣзжали мы изъ своего лагеря посмотреть на этихъ несчастныхъ. Говорю, именно изъ любопытства, такъ какъ слово „участіе“ было бы здѣсь совсѣмъ неумѣстно: несмотря на весь ужасъ возмущающей душу картины, чѣмъ могъ облегчить положеніе страдальцевъ какой-нибудь маленькій штабный чинъ? Изгнаніе ихъ было рѣшено въ качествѣ государственной необходимости; въ перевозѣ на турецкихъ фелюгахъ усмотрѣнъ самый удобный или даже единственно возможный способъ исполненiя. Частный начальникъ уже ничего въ этомъ передѣлать не могъ. Владѣльцы судовъ, побуждаемые собственнымъ интересомъ, забирали переселенцевъ въ наибольшемъ числѣ, допускаемомъ вмѣстимостью фелюги, и, высадивъ ихъ на турецкомъ берегу, спѣшили, не теряя времени, вернуться за новымъ транспортомъ живого груза. Могли мы наблюдать только за тѣмъ, чтобы не было чрезмѣрнаго переполненiя судовъ, и это собственно поручалось намъ, отъ времени до времени, въ качествѣ служебной обязанности. Но здѣсь приходилось сталкиваться не съ одною личностью судовладельцевъ, а и съ личными стремленiями самого товара, нерѣдко добивавшагося пріема на явно перегруженную уже вочерму,

¹⁾ Такъ называютъ турецкія суда берегового плаванiя. Особенность ихъ заключается въ томъ, что, сидя очень неглубоко въ водѣ, они могутъ въ случаѣ непогоды безъ затрудненiй выбрасываться на берегъ. Суда мелкія, шарусныя.

чтобы только не отстать отъ своихъ родичей или близкихъ, и какъ можно скорѣе повинуть негостепріимный русскій берегъ.

И дѣйствительно, нужны были особенно крѣпкіе нервы и не малая доля самообладанія, чтобы въ безсиліи своемъ оставаться спокойнымъ зрителемъ того, что совершалось на этомъ берегу. Верстахъ въ двухъ-трехъ отъ впаденія рѣчки въ море, по теченію ея, на пескѣ и глыбахъ, наносимыхъ половодьемъ, недѣлями оставались партіи безпріютныхъ, лишенныхъ крова и очага. По нѣскольку тысячъ душъ помѣщались одновременно на небольшомъ пространствѣ, отведенномъ имъ для стоянки и наблюдавшемся военными постами. Дни и ночи проводили они то подъ палящими лучами солнца, то подъ дождемъ и вѣтромъ; ни деревца, ни другой тѣни вблизи; остатковъ сухой растительности, въ районѣ дозволенныхъ имъ передвиженій, едва хватало на то, чтобы изрѣдка нажарить кусокъ мяса или сварить какую-нибудь болтушку (подобіе супа). Не болѣе какъ въ трехъ-четырехъ мѣстахъ одновременно курился скромный огонекъ для этого торжественнаго акта, по труднодоступности своей составлявшаго нѣчто въ родѣ священнодѣйствія. Кое-гдѣ замѣчались прикрѣпленные на нѣсколькихъ кольяхъ бурки или обрывки какой-нибудь грубой ткани, для укрытія отъ зноя и непогоды только малолѣтнихъ дѣтей, стариковъ или больныхъ. Остальные не могли и мечтать о подобной роскоши. Атмосфера заражена была отъ накопленія на небольшомъ пространствѣ животныхъ и всякихъ другихъ отбросовъ. Громкій, ничѣмъ не сдержанный говоръ толпы, крики, плачь дѣтей, иногда что-то въ родѣ заунывнаго пѣнія и стоновъ, мычанье, лай, блеянье животныхъ,—все это сливалось въ глухой, злобщій стонъ, служившій какъ бы акомпаниментомъ разыгрывавшимся здѣсь же сценамъ возмутительнаго, насильственнаго торга. Выведа съ собою на берегъ часть домашняго скота, котораго своевременно не успѣлъ сбыть, вынеся кое-что изъ хозяйственнаго скарба, горецъ поставленъ былъ въ необходимость, такъ или иначе, отдѣлаться отъ всего этого до посадки на суда, на которыя дозволялось брать лишь очень небольшое количество, такъ сказать, ручного багажа. Потому лошадь шла въ цѣнѣ не дороже 5 рублей, корова не дороже 3 р.; оружіе и другіе предметы боевого снаряженія, допускавшіе перевозку, нѣсколько менѣе теряли цѣны; но предметы домашней утвари, какъ, напр., металлическіе тазы, до которыхъ горцы большіе охотники, котлы и т. п., отдавались почти за ни что. Покупателями являлись наши солдаты и особенно казаки, Богъ вѣсть какими способами рассчитывавшіе и дѣйствительно ухитравшіеся все накупленное доставить восвояси.

Кое-чѣмъ и между собою торговали переселенцы. Скотъ покупался исключительно на убой, что и совершалось иногда тутъ же, на мѣстѣ. Преимущественно случалось это, когда не сходились въ цѣнѣ, причемъ возмущенный прижимками продавецъ, внезапно выхвативъ винжалъ, наносилъ смертельный ударъ годами вырощенной, выхоженной скотинѣ. Средство это нерѣдко оказывалось дѣйствительнымъ, покупатель становился стоворчивѣе, и торгъ продолжался уже частями убитаго животнаго. У женщинъ приходилось силою вырывать проданные предметы, которые были имъ особенно дороги; борьба сопровождалась плачемъ, стономъ, проклятіями.

Особенно отчетливо сохранилась у меня въ памяти одна сцена. Возвращался я какъ-то подъ вечеръ отъ берега моря домой; дорога шла мимо лагеря одной изъ частей войскъ, ближайше расположенныхъ къ стану переселенцевъ. Начальникъ части, немного знакомый мнѣ, сидѣлъ передъ своею палаткою на складномъ стулѣ, со стаканомъ чая въ рукахъ; у палатки группировались нѣсколько офицеровъ и солдатъ, видимо привлеченные любопытствомъ. Передъ полковникомъ стоялъ горецъ, красивый мужчина среднихъ лѣтъ, въ папахѣ, надвинутой на глаза въ знакъ уваженія (находиться съ открытою головою передъ высокимъ лицомъ, какъ извѣстно, у туземцевъ считается неприличнымъ); свободно оставивъ ногу, правую руку, какъ всегда, держалъ онъ на рукояткѣ кинжала, лѣвую по ножнамъ шапки; во всей фигурѣ его было нѣчто гордое, полное достоинства. Возлѣ, схвативъ его одною рукою за поясъ, другою вѣдѣвившись въ получереску, стоялъ очень худенькій мальчикъ-арапченокъ лѣтъ 8 или 10. Мальчикъ этотъ, какъ узналъ я, былъ предметомъ торга, который при мнѣ и заключился въ суммѣ пяти рублей. Трудно было разобрать изъ словъ владѣльца, какимъ образомъ досталась ему эта оригинальная собственность. Полковникъ успѣлъ выяснить лишь одно, что у продавца была своя большая семья, что арапченокъ составилъ бы для него лишнюю обузу при переездѣ и при водвореніи на новыхъ мѣстахъ; но что мальчикъ былъ добрый и ласковый, и горецъ рѣшается уступить пріемное дитя свое только изъ уваженія въ высокому лицу, у котораго ребенку будетъ навѣрное лучше, чѣмъ въ Турціи, а тѣмъ болѣе на кошкѣ, съ которой его, какъ давно болѣющаго лихорадкою, пожалуй еще пришлось бы сбросить въ море. Полковникъ досталъ пятирублевку и вручилъ ее продавцу: оставалось получить товаръ. Но тутъ мальчикъ очевидно понялъ, что дѣло идетъ о немъ, и еще рѣвче вѣдѣвился въ своего хозяина, который сталъ гладить

его по головѣ и лицу, тихо и ласково что-то приговаривая. Какъ показалось мнѣ, при всей сдержанности продавца, въ строгомъ взглядѣ его выражалась искренняя нѣжность. Полковникъ также хотѣлъ приласкать мальчика, приказалъ подвести его къ себѣ, погладилъ и надѣлъ ему на голову красную феску, какъ разъ случившуюся у него подъ рукою. Но мальчикъ злобно сорвалъ съ себя и далеко отбросилъ этотъ головной уборъ, порывистымъ движеніемъ вновь отпрянулъ къ хозяину и еще сильнѣе впился въ него. Приказано было двумъ вѣстовымъ силою взять ребенка, но сколь возможно мягче съ нимъ обойтись, предложить ѣсть, надѣть на него чистую рубашу и красные чевяки. Съ пронзительнымъ вивгомъ забился этотъ дикій звѣрокъ въ рукахъ двухъ дюжихъ молодцовъ, царапая имъ руки, лицо и угрожая своими бѣлыми, блестящими зубами. Отъ души отлегло, когда они скрылись изъ виду, а совершившій продажу, понуривъ голову, медленно, какъ бы нѣхота пошелъ домой. Но не прошло четверти часа, какъ вѣстовые, запыхавшись, оба въ крови, прибѣжали сказать, что мальчикъ ихъ искусалъ, рубашку и чевяки съ себя сорвалъ и совсѣмъ голый побѣжалъ догонять отца (такъ называли они совершившаго продажу). Рѣшено было вновь силою доставить купленнаго къ новому владѣльцу и держать его связаннымъ нѣскольбо дней, по крайней мѣрѣ пока не сядетъ на фелюгу семья, которую привыкъ арапченокъ считать своими. Случайно, года черезъ два, мнѣ пришлось узнать дальнѣйшую судьбу этого ребенка. Мальчикъ дѣйствительно оказался замѣчательно добрымъ и понятливымъ. Семья полковника и всѣ домашніе полюбили и берегли его; ученіе русской грамотѣ, ни мало его не обременяя; шло особенно успѣшно. Но дитя странъ тропическихъ не вынесло даже относительно мягкаго климата Закавказья, а можетъ быть, хотя и улучшенныхъ, но чуждыхъ для него условій жизни; ровно черезъ годъ, на слѣдующую весну, тихо угасъ онъ отъ скоротечной чахотки...

Такъ, совершался разгромъ, разгромъ полный и безповоротный—того, что строилось и крѣпло вѣками. Въ непроглядномъ туманѣ времени отдаленныхъ кроется вопросъ о происхожденіи этихъ мелкихъ кавказскихъ народцевъ. Откуда взялось, какъ сформировалось и удержалось въ своихъ тѣснинахъ то или другое маленькое племя, иногда не болѣе какъ изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, хотя наружною, понятіями, обычаями и походящее на сосѣдей, но говорящее совершенно своеобразнымъ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ рѣчью рядомъ живущихъ обитателей ближайшихъ ущелій и горныхъ полянъ? Какъ бы то

ни было, но племена, народцы эти жили; вѣками развивали и упрочивали свой бытъ, соответствующій климату, почвѣ, флорѣ, фаунѣ, условіямъ сообщеній, обмѣна и проч. И вотъ, все, что въ строеніи жизни вносилось многими годами опыта, какъ результатъ приспособленія къ особенностямъ совсѣмъ своеобразной обстановки, какъ плодъ ежедневнаго кропотливаго труда, заботы, бережливости, все это вѣковое зданіе падало, рушилось до основанія, отчасти унося съ собою и дожившихъ до рокового часа строителей. И не единицами, не десятками, а сотнями и тысячами приходилось считать погибающихъ въ этомъ катаклизмѣ. Болѣзни и всякія невзгоды унесли многихъ еще до посадки на суда; сколько ихъ не досчитались при высадкѣ на турецкій берегъ, послѣ 15 и болѣе дней плаванія въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ — это никогда не было выяснено; да и зачѣмъ? Очень многимъ наконецъ, преимущественно въ младшемъ возрастѣ, пришлось лечь искупительными жертвами приспособленія къ совершенно новымъ условіямъ жизни въ суровой природѣ возвышенныхъ малоазіатскихъ плоскогорій.

Все это, т.-е. бѣдствія, день-за-день переживаемыя переселенцами, и перспектива предстоящихъ имъ впереди, было очевидно и понятно для насъ, ближайшихъ свидѣтелей погрома. Сердце сжималось и болѣло. Но, повторяю опять, въ чемъ должна была здѣсь проявиться наша дѣятельность, въ чемъ могли выразиться наше участіе, наша помощь? Время отъ времени докладывали мы, что слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, болѣе обезпечить переселенцевъ топливомъ, солью и другими предметами насущной потребности, или расширить районъ дозволенныхъ имъ передвиженій до первыхъ предгорій, не лишенныхъ древесной растительности. Генералъ нашъ сначала благосклонно выслушивалъ доклады, и, кажется, дѣлалъ какія-то попытки съ своей стороны; но потомъ сталъ обнаруживать явное нетерпѣніе, рѣзко отвѣчая, что все это не наше дѣло, что онъ только исполнитель; распоряженія же исходятъ отъ высшаго начальства, которое знаетъ, что дѣлаетъ, неуклонно преслѣдуя свой планъ, внушенный высшими соображеніями государственной необходимости.

Государственная необходимость — громкое, страшное слово! — воскликнулъ старикъ. — Сколько на свѣтѣ дѣлъ, совсѣмъ не вяжущихся съ христіанскою моралью, совершалось подъ его прикрытіемъ въ исторической жизни народовъ, отъ временъ отдаленнѣйшихъ до событій намъ современныхъ. Предъ христіанскимъ ученіемъ мы благоговѣнно падаемъ во прахъ, какъ предъ чистѣйшимъ, непогрѣшимымъ идеаломъ. Но именно въ виду воз-

вышности его и безусловной чистоты мы объявляемъ идеаль недостижимымъ и, какъ бы въ послѣдствіе этого, торопимся создать себѣ, такъ сказать, идеаль второй степени, — кодексъ морали, съ которымъ уже легко уживаются всякія наши дѣйствія, не только отступающія отъ христіанскаго ученія, но даже находящіяся въ прямомъ къ нему противорѣчіи. Вступивъ же разъ на наклонную плоскость аккомодаций, мы уже свободно продолжаемъ скатываться по ней, въ силу закона, непреложнаго въ области нравственнаго, какъ и физическаго міра. Діалектика, схоластика, не даромъ вѣками господствовавшія въ области человѣческой мысли, изъ богатаго арсенала своего даютъ готовое оружіе для объясненія и даже для оправданія всякаго выгоднаго для насъ положенія. Слово божественнаго Учителя, — говоримъ мы, — имѣло въ виду только дѣйствіе человѣка какъ единицы, какъ индивидуума, не касаясь союзовъ государственныхъ. Въ этомъ, — хитро прибавляемъ мы, — заключается источникъ всеобщности и вѣчности ученія; это именно опредѣлило господство его надъ міромъ, неизбежно установивъ примѣнимость его во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, на всякой ступени ихъ развитія, каково бы ни было политическое и гражданское ихъ устройство. Сужденіе, очевидно, лукавое, которое, будучи направлено какъ будто бы къ наибольшему возвеличенію христіанской морали, въ дѣйствительности ставитъ внѣ всякой отъ нея зависимости всю область взаимныхъ отношеній между государствами и народами, — отношеній, бесспорно влияющихъ на складъ мыслей частныхъ союзовъ, а за симъ и отдѣльныхъ личностей.

Принявъ, такимъ образомъ, въ области политики, вмѣсто принциповъ христіанской любви, справедливости, милосердія, господствующимъ принципомъ государственную необходимость, какую неправду, какое насиліе нельзя было бы во имя ея оправдать? Вѣдь въ сущности это то же самое, что: „цѣль оправдываетъ средства“, — девизъ монашествующаго ордена, безповоротно осужденный. Насильственное поглощеніе мелкихъ политическихъ организмовъ, или частей ихъ, сильнѣйшими; вѣковыя жестока гоненія обездоленныхъ племенъ, нарѣчій и вѣроваій; наконецъ, открытое, безъ зазрѣнія совѣсти, провозглашеніе политики „крови и желѣза“, — все, отъ чего въ частной дѣятельности содрогнулся бы человѣкъ самой обыкновенной, умѣренной морали — представлялось вполне дозволеннымъ, даже почетнымъ и славнымъ, когда оно рѣшало судьбу не одной, не двухъ личностей, а тысячъ и милліоновъ людей, когда совершалось во имя государственнаго блага, политической необходимости. Между тѣмъ, кто имѣлъ бы

право признать себя незаблуждающимся цѣнителемъ этой необходимости; кто съ увѣренностью могъ бы утверждать, что то, что онъ считаетъ государственнымъ благомъ, и въ дѣйствительности составляетъ благо для всей массы, или для большинства личностей, входящихъ въ составъ государственнаго союза; кто взялъ бы на себя гарантировать, что гоненія и жестокости, которымъ подвергаютъ однихъ, въ предвидѣніи пользы отъ этого для другихъ, не отзовутся впоследствии именно на этихъ другихъ равносильными, если не горшими бѣдствіями?...

По моему,—продолжалъ старикъ,—законъ возмездія составляетъ одинъ изъ замѣчательныхъ выводовъ философіи исторіи. Во взглядѣ этомъ, пожалуй, можетъ быть усмотрѣна избитая мораль старинныхъ романовъ, по которой добродѣтель должна торжествовать, порокъ—нести заслуженную кару. Смиѣйтесь, сколько угодно,—но оно такъ; почему такъ—этого вамъ никто не скажетъ, какъ не объяснить никто и причины взаимнаго притяженія тѣмъ; но что законъ возмездія въ жизни народовъ долженъ находить примѣненіе—въ этому заключенію можно приблизиться, независимо отъ наблюденія фактовъ, отчасти и путемъ дедукціи. Зло, совершаемое надъ другимъ, возникаетъ изъ внутреннихъ побужденій самого совершающаго. Этого, полагаю, оспаривать не станете. Дагѣ: побужденія эти, воплощая свою сущность въ формы гоненій или насилія, вмѣстѣ съ тѣмъ не изсякаютъ въ своемъ источникѣ; напротивъ, они неизбежно оставляютъ въ самомъ совершающемъ осадокъ или зародышъ зла, которое, если не встрѣчаетъ противодѣйствія въ какихъ-либо особыхъ обстоятельствахъ, естественнымъ путемъ развивается въ пріютившемъ его организмѣ и постепенно подтачиваетъ его, пока, набравъ силы, не обнаружится какимъ-нибудь острымъ или хроническимъ недугомъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, возьмемъ хотя бы поголовное изгнаніе съ западнаго Кавказа горцевъ, о которомъ у меня идетъ теперь рѣчь.

Мы рѣшились изгнать ихъ, очевидно, въ виду затрудненій или неумѣнья устроить дѣло такъ, чтобы, продолжая по прежнему жить въ горахъ, вдоль берега Чернаго моря, они могли стать полезными, или, по крайней мѣрѣ, безвредными для государства. Неспособность разрѣшить эту задачу, или нежеланіе потрудиться надъ нею, и составляли именно то пребывающее въ насъ самихъ внутреннее зло, которое должно было конкретно выразиться цѣпью неудачъ, встрѣченныхъ при попыткахъ заселенія края.

Неудачи эти хорошо извѣстны.

Рядъ глубочайшихъ, крутыхъ ущелий, покрытыхъ подавляющею всякую искусственную культуру природною растительностью; узкую прибрежную полосу, усѣянную глыбами наносныхъ камней и перерѣзанную трудно проходимыми оврагами; полное бездорожье и безлюдье на пространствахъ не менѣе 5.000 квадрат. верстъ, — вотъ что оставляли мы за собою въ этой мѣстности, отпраздновавъ окончаніе полувѣковой борьбы. Помириться съ такимъ положеніемъ края, очевидно, заключающаго въ себѣ источники большихъ богатствъ и еще въ древности покрытаго цѣпущими колоніями, — было бы явно невыгодно, можно сказать, просто неприлично и даже небезопасно. Вотъ и начались попытки заселенія. Греки, болгары, молдаваны, чехи, малороссы, русскіе сектанты — попеременно къ этому привлекались. И какія льготы, какіе приемы ни придумывались для облегченія имъ задачи! Но для борьбы съ могучею силою нужно было вѣками сформироваться и закалиться среди нея, какъ тѣ крѣпкія тѣломъ и духомъ племена, которыя были нами удалены; чтобы ужиться въ этихъ тѣснинахъ, не дрогнуть передъ первыми неудачами и не бѣжать отъ нихъ, нужно было, подобно Прометею, быть прикованнымъ въ грозной скалѣ цѣпью исторической необходимости, условіями, наглядно не допускающими выхода на просторъ. Переселенцы, выросшіе въ совершенно иной обстановкѣ, добровольно пришедшіе на зовъ, не подъ давленіемъ нужды насущной, а въ поискахъ за лучшимъ, и вмѣсто лучшаго встрѣтившіе лишения, болѣзни и смерть, почти съ такою же легкостью покидали край, какъ и появлялись въ немъ. Рядъ новыхъ могилъ близъ берега, нѣсколько тяжелыхъ, горькихъ воспоминаній въ душѣ самихъ переселенцевъ и предпринимателей-неудачниковъ — вотъ все, что осталось слѣдомъ короткаго пребыванія ихъ среди обольстительно-прекрасной, но неповоротливой, таящей въ себѣ ядъ — природы.

Можетъ быть, когда-нибудь пойдетъ лучше; но до сихъ поръ много денегъ и много жизней бесплодно потрачено въ видахъ заселенія кавказско-черноморскаго побережья, на которомъ такъ хорошо жили горцы.

Кромѣ этого примѣра, не трудно напомнить множество другихъ: отмѣна нантскаго эдикта, изгнаніе мавровъ изъ Испаніи; все это хорошо извѣстно и оцѣнено. Обратитесь, наконецъ, хоти къ исторіи нашего отечества. Вѣдь вы, кажется, житель западнаго края?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Но, можетъ быть, вамъ надоѣла философія, и вы пред-

почтете самый рассказъ, хотя, какъ я предупредилъ уже, вы въ немъ не встрѣтите ничего чрезвычайнаго или особеннаго.

— Напротивъ, ради Бога продолжайте то, что самихъ васъ болѣе интересуеть!—началь-было я, замѣтивъ, что старикъ видимо оживился; на блѣдныхъ, впалыхъ щекахъ его появился румянецъ, въ глазахъ особенно ярко стали мелькать искры свѣта.

Строгий, безпкойный и какъ бы умоляющій взглядъ молодой его спутницы заставилъ меня остановиться. Воспользовавшись нѣсколькими мгновеніями, когда старикъ, отвернувшись отъ насъ, пошелъ къ другому столу выпить воды, она успѣла шепнуть:

— Его надо беречь. Болѣзнь сердца.

Изъ этихъ немногихъ словъ я вывелъ заключеніе, что философъ, историческимъ воспоминаніямъ лучше положить предѣлъ; потому начатую фразу я поспѣшилъ закончить такъ:— Не скрою, однако, что нетерпѣливо желаю услышать самый рассказъ; а тамъ, можетъ быть, еще успѣемъ пофилософствовать.

— Извольте, постараюсь не отвлекаться, — сказалъ старикъ, усаживаясь на прежнее мѣсто, и за симъ продолжалъ:

— Какъ уже имѣлъ я случай упомянуть, не легко было дать рациональное объясненіе прибытію нашего отряда къ мѣсту настоящей его стоянки; тѣмъ болѣе непонятнымъ для насъ, небольшихъ чиновъ, представлялось бездѣтельное стояніе его въ теченіе почти двухъ недѣль на одномъ мѣстѣ, у берега моря. Долженъ, впрочемъ, сознаться, что меня собственно не особенно интересовали ни самый процессъ операций, ни цѣли ихъ, какъ ближайшія, такъ и конечныя. Экспедицію я отбывалъ какъ повинность, подобно отбыванію въ ранней молодости дивизионныхъ и другихъ кампанетовъ, или скучнѣйшихъ передвиженій въ составѣ своего полка по обширнымъ равнинамъ земли русской. Рѣдко вспоминая о томъ, каковы могли бы быть результаты экспедицій въ смыслѣ дѣла общаго или для начальствующихъ и для меня лично, болѣе всего желалъ я, чтобы поскорѣе все это кончилось и отпустили бы меня домой, къ моимъ чтеніямъ и размышленіямъ, не имѣвшимъ съ войною ничего общаго.

Штабъ нашъ, какъ сказалъ я, былъ довольно многочисленъ. Собственно постоянно служившихъ въ немъ было немного; составлялось же большинство изъ такъ называемыхъ „фазановъ“ — молодыхъ людей, принадлежавшихъ въ разнымъ другимъ войскамъ или управленіямъ и по протекціи назначавшихся въ экспедиционные отряды для полученія отличій. Молодежь эта все свое время отдавала азартной карточной игрѣ. Ухитрились какъ-то изъ нѣсколькихъ палатокъ составить одну и тамъ образовали нѣчто въ

родѣ клуба, въ которомъ кромѣ игры занимались также собира-
ніемъ и взаимною передачею всякихъ новостей и слуховъ, по-
просту сказать, сплетнями. Въ карты я не игралъ и потому съ
товарищами своими по экспедиціи имѣлъ мало общаго; но захо-
дилъ иногда въ клубъ послушать новости, т.-е. узнать, по крайней
мѣрѣ, все ли на завтрашній день остается безъ переменъ.

При этихъ почти ежедневныхъ посѣщеніяхъ не могъ я не
замѣтить, что и участвовавшіе въ игрѣ не обнаруживали ника-
кого увлеченія ею или страсти; всѣ играли вяло, апатично,
какъ бы по обязанности, потому лишь, что на войнѣ полагается
предаваться страстямъ—женщинамъ или картамъ; за отсутствіемъ
или полною недоступностью женщинъ въ настоящемъ нашемъ
положеніи, приходилось волею-неволею обратиться къ картамъ,
хотя бы для того только, чтобы положеніе это сдѣлать въ чемъ-
нибудь похожимъ на войну.

Все на свѣтѣ имѣеть, однако, конецъ. Такъ и однообразное
теченіе нашей жизни, послѣ двухнедѣльной стоянки, было нару-
шено праздникомъ одной изъ частей войскъ, входившихъ въ
составъ отряда. Праздникъ, какъ и всѣ подобныя торжества, —ничего
особеннаго. Начинается съ тостовъ, обычныхъ при всякихъ офици-
ціальнхъ собраніяхъ; далѣе, изъ присутствующихъ, кто желаетъ,
предлагаетъ свой тостъ. Солдаты, все это время поющіе пѣсни и
лишь изрѣдка промачивающіе горло, должны при каждомъ тостѣ
оставлять пѣніе и громко кричать „ура“. Число всѣхъ то-
стовъ считается десятками и нерѣдко приближается къ сотнѣ.
Одного глотка вина при каждомъ тостѣ достаточно, чтобы оту-
манить голову любому умѣренво пьющему. Но глотками обыкно-
венно не ограничиваются. Въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе;
подобіе войны не могло не внушить и не подсказать ряда самыхъ
трескучихъ тостовъ; потому многихъ воетелей пришлось торже-
ственно отнести на рукахъ прямо изъ-за стола въ постель; но
одинъ изъ вождей настоятельно требовалъ, чтобы его отнюдь не
несли, а вели подъ руки и переставляли ноги. Все въ порядкѣ
вещей, и я, разумѣется, не вспомнилъ бы объ этомъ, еслибы ко
дню праздника не приурочилось другое событіе, болѣе замѣтное.

Я поспѣшилъ оставить собраніе при первой въ тому возмож-
ности; но едва успѣлъ войти въ свою палатку, съ головою—нельзя
сказать отуманенною, но какъ бы распухшею отъ всей вошед-
шей въ уши чепухи, какъ потребовали меня къ генералу. На-
чальникъ нашъ также, по обязанности, присутствовалъ на тор-
жествѣ, но съ обычнымъ своимъ тактомъ удалился гораздо прежде,
чѣмъ началась оргія.

— Завтра выступаетъ въ горы колонна, получающая особое назначеніе,—сказалъ онъ:—и я командирую васъ въ распоряженіе ея начальника, къ которому вы теперь же явитесь.

— Слушаю,—отвѣчалъ я спокойно.

Генераль очень пристально посмотрѣлъ на меня. Какъ теперь вижу его доброе лицо, его изумленно-вопросительный взглядъ. Можетъ быть, съ перваго раза у него мелькнула мысль—не зашелъ ли и я черезъ край. Но послѣ нѣкоторой паузы, какъ бы желая извиниться и объяснить поводы къ внезапному распоряженію моему особому, онъ очень мягко прибавилъ:

— Вѣдь вы, кажется, еще никогда не были въ огнѣ. Пожалуй представится къ этому случай. Но еслибы и нѣтъ,—все же для васъ будетъ интересно; на колонну возлагается серьезная задача, а начальникъ ея, можетъ быть, привлечетъ васъ и къ исполненію какого-либо особаго порученія.

— Позвольте отъ души благодарить ваше превосходительство,—отвѣчалъ я, совсѣмъ смущенный. — Смѣю увѣрить, что первую мою мыслью будетъ—оправдать ваше довѣріе.

— Такъ съ Богомъ,—сказалъ генераль, подавая мнѣ руку.— Колонна выступитъ очень рано. Будьте готовы и, прошу васъ, прямо отсюда зайдите къ ея начальнику.

Тутъ старикъ-разсказчикъ остановился и опустилъ глаза, какъ видно чего-то конфузаясь или затрудняясь продолжать. Но послѣ минутнаго молчанія, не поднимая глазъ, очень тихо проговорилъ:

— Долженъ прежде всего просить у васъ извиненія въ очень плохой моей памяти. То-есть, если хотите, это не слабая память, а какое-то особое, очень странное состояніе этой умственной способности: весь ходъ событій, общій характеръ и виды мѣстности, даже фигуры и фізіономіи дѣателей—все это живо, какъ теперь, передо мною; но названія мѣстъ, имена лицъ совершенно ускользаютъ, какъ будто бы я никогда ихъ не зналъ. Оно и удивительно. Уже многіе годы свитаясь за границею, ежечасно слыша названія всѣхъ этихъ Giesbach'овъ, Staubach'овъ, Interlacken'овъ, Unterwalden'овъ и проч., немудрено забыть русскія имена и кавказскія названія. Да и нужно ли очень стараться держать ихъ въ памяти; чтò могли бы они измѣнить въ сущности дѣла?

What's in a name? that which we call a rose
By any other name would smell as sweet—

говорить Шекспиръ. Станемъ же и мы оцѣнивать благоуханіе или смрадъ дѣяній, не вознося и особенно не охуждая дѣателей,

какія бы имена они ни носили, въ какиѣ бы фамиліямъ ни принадлежали. Личности вѣдь только продукты времени и обстановки. Въ средѣ, ихъ воспитавшей, въ условіяхъ, которыми была обставлена ихъ дѣятельность, несомнѣнно найдутся объясненія и хорошихъ и дурныхъ ихъ поступковъ. Такъ постараемся возстановить въ истинномъ свѣтѣ только эту среду и эти условія, не называя никого и ничего. Къ тому же почти всѣ дѣйствующія лица разсказа или уже не находятся въ живыхъ, или по меньшей мѣрѣ сошли со сцены. Такъ или иначе они умерли для свѣта, и я отнюдь не желалъ бы чѣмъ-нибудь оскорбить память умершихъ. „De mortuis aut bene aut nihil“—даже въ нашей интимной бесѣдѣ. Если отъ опущенія именъ и названій разсказъ потеряетъ въ ясности, дѣлать нечего, надо какъ-нибудь съ этимъ помириться. Еще разъ простите отступленіе, которое, полагаю, на этотъ разъ сами признаете не лишнимъ. За симъ позвольте мнѣ продолжать...

Генераль, назначенный начальникомъ колонны, занималъ видное мѣсто въ военной іерархіи. Это былъ очень маленькаго роста человекъ, всегда серьезный, въ очкахъ и глубоко нахлобученной на голову бѣлой фуражкѣ, съ очень длиннымъ козырькомъ, изъ-подъ котораго выдавался почти столько же длинный орлиный носъ и густые русые усы. Я засталъ его за диктованіемъ на завтрашній день диспозиціи капитану, вступившему въ должность начальника штаба колонны. Пригласивъ меня съѣсть, онъ продолжалъ занятіе и когда кончилъ, громко крикнулъ по имени писаря, линейскаго казака, въ длинной черной черкескѣ и также въ бѣлой фуражкѣ съ козырькомъ, вмѣсто папахи (знакъ вестроевого франтовства).

— Хочешь, рубака, идти на войну,—не такую, какъ здѣсь, а на войну настоящую?—спросилъ маленькій генераль (такъ его и называла всѣ въ отрядѣ).

Рубака, въ жизни своей срубавшій головы только у гусиныхъ перьевъ перочиннымъ ножомъ, отвѣчалъ утвердительно.

— Ну такъ возьми это; распорядись переписать въ трехъ экземплярахъ и скорѣе разослать въ части, которыя въ концѣ поименованы; а завтра пойдешь со мною.

— Вы слышали диспозицію,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—болѣе ничего не имѣю вамъ передать; пока будете состоять при мнѣ, а потомъ увидимъ.—Онъ наклонился и вошелъ въ палатку.

Изъ диспозиціи узналъ я очень немного; но то, что заключала она въ себѣ, пополнялось слухами и пересудами, уже нѣ-

сколько дней занимавшими нашъ клубъ. Къ нимъ, для объясненія дѣла, нужно будетъ и обратиться. Но прежде всего позвольте познакомить васъ въ мѣрѣ возможности съ мѣстностью, на которой должны были разыгратъ дѣйствія нашей колонны. Буду называть ее „сѣвѣрною“ или „лѣвою“ колонною, въ отличіе отъ другой — „южной“ или „правой“, о которой скоро придется говорить.

Бивуакъ отряда нашего, какъ сказалъ я, расположенъ былъ на рѣчкѣ. Рѣчка эта получаетъ начало отъ ледниковъ главнаго хребта и на протяженіи всего своего теченія, верстъ около 70-ти, образующаго почти-что полукругъ, сопровождается другою, имѣющею приблизительно параллельное направленіе, по полукругу, какъ бы вписанному въ первый, верстъ отъ 5-ти до 10-ти южнѣе его. Пространство между этими двумя горными потоками заполняется высокимъ лѣсистымъ краемъ, болѣе полого спускающимся къ морю, но круто обрывающимся къ ободу потокамъ, и къ сѣверному, и въ особенности — къ южному. Въ разстояніи верстъ 25-ти отъ впаденія въ море этого послѣдняго, по теченію его, уже выше лѣснаго пояса, гдѣ древесная растительность смѣняется альпійскими пастбищами, склоны горъ къ рѣчкѣ становятся мягче, отложе, долина ея расширяется и въ одномъ мѣстѣ образуетъ довольно обширную котловину, искони пріютившуюся среди суровой природы, совсѣмъ отдѣльное племя, или родъ, численностью всего до 150 семействъ.

Это-то маленькое общество, неизвѣстно съ какихъ временъ здѣсь жившее своею обособленною жизнью, независимо отъ племенъ сосѣднихъ, не дало и на этотъ разъ увлечь себя общимъ движеніемъ. „Пусть уходятъ другіе, въ Турцію или куда хотятъ, — отвѣчали старіеи изъ этого общества подосланнымъ къ нимъ агентамъ: — мы сидимъ между двумя камнями и никого не трогаемъ; никто еще не доходилъ до насъ, какъ не дойдетъ и теперь. Кто захочетъ обижать насъ, да при этомъ разбивать лобъ и себѣ! Кому это нужно“?

Оказалось, однако, что было нужно. Прямая, безъискусственная логика дѣтей природы на этотъ разъ обманула ихъ. Въ приведеніи къ поворности этого упорствующаго рода усмотрѣнъ былъ какъ разъ весьма подходящій случай доказать фактически, какъ драгоценно было содѣйствіе прибывшихъ со стороны моря вспомогательныхъ войскъ, въ видахъ окончательнаго водворенія нашего господства въ краѣ. Изъ состава войскъ этихъ сформированъ былъ отрядъ, примѣрно въ три батальона, которому приказано было дойти до гнѣзда непокорныхъ и, такъ или иначе, заставить

ихъ поголовно спуститься къ морю, подобно прочимъ. Этотъ именно отрядъ составилъ „правую“ или „южную“ колонну, направившуюся вверхъ по теченію только-что упомянутаго южнаго горнаго потока, по которому считалось возможнымъ безъ затрудненій достигнуть указанной цѣли движенія въ одинъ, много— въ два дня.

Назначеніе этой колонны было встрѣчено въ войскахъ полнымъ одобреніемъ, можно сказать радостнымъ чувствомъ. Къ клубу безцѣльной до того времени стоянки присоединялось еще опасеніе, какъ бы она и до конца не осталась безцѣльной, т.-е. чуждою какихъ-либо военныхъ операцій. Въ клубѣ нашемъ было въ-то высказано возбуждавшее общій ужасъ предположеніе:— „ну что какъ вспомогательныя войска такъ и вернутся восвояси, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, и въ результатѣ будетъ, упаси Боже! полученіе нами орденовъ безъ мечей“ (а что получимъ ихъ— въ этомъ никто не сомнѣвался). Движеніе въ горы колонны разогнало подобные страхи: начальникъ ея—человѣкъ слишкомъ опытный и не позволитъ себѣ вернуться ни съ чѣмъ. Тѣмъ не менѣе, въ первые два дня по выступленіи колонны настроеніе у насъ было довольно нерѣшительное; въ ожиданіи извѣстій, надежды смѣнялись опасеніями: а вдругъ на бѣду дѣло пройдетъ безъ выстрѣла и мы выведемъ упорствовавшихъ подобно стаду барановъ?! На третій день, когда возбужденіе дошло до крайней степени, клубъ нашъ огласился, наконецъ, кликами ликованія:— дѣло, дѣло! Колонна на пути своемъ встрѣтила завалы и безъ сомнѣнія возьметъ ихъ, но не иначе, какъ съ боя. Прошло еще два дня—и опять тревога: препятствія оказались очень серьезными, завалы настолько крѣпкими и столь сильно занятыми, что колонна въ предвидѣніи чрезмѣрныхъ потерь остановилась, о чемъ начальникъ и прислалъ донесеніе. Опять, подобно взбаломученному морю, заходилъ, за метался клубъ, особенно когда, подъ строжайшимъ секретомъ, стало передаваться всѣмъ постояннымъ и случайнымъ его посѣтителямъ дошедшее изъ высшихъ сферъ предположеніе о посылкѣ другой, вспомогательной колонны на выручку. Кто же, какъ не клубъ, долженъ былъ порадовать объ огражденіи военной чести арміи и насущныхъ интересовъ служащихъ въ ней, кто лучше насъ могъ взвѣсить и оцѣнить всѣ шансы успѣха той или другой операціи? Вспомогательная „сѣверная“ колонна должна была подняться по теченію рѣчки, на которой мы стояли, перевалить черезъ лѣсистый кряжъ, уже выше заваловъ, устроенныхъ противъ „южной“ колонны, и такимъ образомъ появиться въ тылу ихъ. Но все ли при этой комбинаціи было хорошо обдуманно началь-

ствомъ? Имѣло ли оно въ виду, что одно обходное движеніе „сѣверной“ колонны можетъ повести къ очищенію заваловъ безъ выстрѣла, слѣдовательно поставить насъ опять лицомъ къ лицу съ тѣмъ кошмаромъ, который въ первыя двѣ недѣли экспедиціи нещадно душилъ насъ? Если же не послать этой колонны, то „южной“ пожалуй придется выдержать слишкомъ упорный бой, съ напрасными потерями, которыя обратятъ на себя вниманіе въ Петербургѣ. И безъ того уже нѣкоторые изъ авторитетныхъ въ составѣ отряда лицъ подозрѣвались въ частной съ Петербургомъ корреспонденціи, въ которой будто бы объясняли, и вообще бесполезность десанта войскъ, и въ особенности нецѣльность высылки „южной“ колонны по самой труднодоступной дорогѣ, съ прямою цѣлью вызвать во что бы ни стало вооруженное сопротивленіе. И то, и другое — сѣверно. Въ концѣ концовъ клубъ рѣшилъ, однако, что движеніе „сѣверной“ колонны необходимо, и выразилъ при этомъ надежду, что начальникъ ея сумѣетъ повести дѣло приличнымъ образомъ, не въ ущербъ интересамъ чиновъ отряда вообще и клуба въ особенности. Напутствуемая столь лестнымъ довѣріемъ, колонна выступила по назначенію. Диспозиція, ей данная, въ сущности не отличалась отъ подвергавшейся обсужденію въ клубѣ.

Было въ ней также около трехъ батальоновъ, т. е. двухъ съ тѣмъ-нибудь тысячъ человекъ... Собранные съ восходомъ солнца на берегу рѣчки, они въ 6 ч. утра поднялись и стали вытягиваться узкою нитью на возвышенность ближайшаго уступа. Впереди шла сотня милиціи одного изъ мѣстныхъ закавказскихъ племенъ, въ коричневыхъ курткахъ, широкихъ красныхъ кушакахъ въ родѣ шарфовъ и плоскихъ головныхъ уборахъ, изображавшихъ что-то похожее на блинъ, удерживаемое на густой шевелюрѣ тоненькимъ подбороднымъ ремешкомъ.

Почему именно въ головѣ отряда нужна была милиція — этого, полагаю, никто не сумѣлъ бы удовлетворительно объяснить. Ни въ мѣткости выстрѣловъ, ни въ стойкости, она далеко не можетъ сравниться съ нынѣшними регулярными войсками, а въ минуты критическія болѣе всего способна вносить смуту и беспорядокъ, что и въ данномъ случаѣ не замедлило обнаружиться. Но такъ съ давнихъ временъ было принято, — и отъ силы традиціи, вообще игравшей на Кавказѣ большую роль, не могли освободиться даже лучшіе генералы. Людямъ привязано было сухари, крупу, сало и соль на три дня имѣть на себѣ и варить пищу, еслибы къ тому представлялась возможность, въ носимыхъ на себѣ же котелкахъ. Имѣть лошадей въ колоннѣ вовсе не полагалось, кромѣ какъ

подъ свитою, штабъ-офицерами и ихъ вожатыми. И несмотря на это, все же взялись откуда-то вьюки, танувшіеся въ немаломъ числѣ за ротами и батальонами. То заботливый командиръ, въ видахъ ващнаго обезпеченія здоровья части, находилъ нужнымъ нагрузить лошадеу чѣмъ-нибудь въ родѣ кофейника и всякой тому подобной посуды; то услужливый адъютантъ, въ попеченіи объ удобствахъ начальника, хотя и вопреки приказанію послѣдняго, везъ для него на вьюкѣ бутылки съ сельтерскою водою и другими прохладительными или подерѣпительными. Устранить это, разумѣется, было не трудно, пропустивъ небольшую колонну мимо себя, при самомъ выступленіи, и отправивъ назадъ всѣ неразрѣшенные вьюки; но о такой мелочи не подумалъ нашъ „маленькій генералъ“. Я, съ своей стороны, не имѣя при себѣ ровно никакого походнаго хозяйства, не могъ передать много вещей своему вожатому-казаву. Но Гаврилычъ мой ¹⁾, ревнуя, безъ сомнѣнія, какъ и прочіе лишь о пользѣ начальника, успѣлъ забрать на своего Россинанта неизвѣстно какое и кому принадлежащее имущество, обратившее лошадь во что-то похожее на верблюда, между горбами котораго, прикрытыми для приличія моею бурною, возсѣдалъ самъ, повидимому вполне довольный, Гаврилычъ.

Утро было ясное, прохладное, на небѣ ни одного облачка; крупныя капли росы алмазами блестяли на листьяхъ вустарника и травъ; солдаты широкимъ шагомъ подавались впередъ; на загорѣлыхъ лицахъ ихъ явно выражалось удовольствіе. Послѣ полутора—двухъ часовъ движенія приказано было остановиться на привалѣ. Мы успѣли достигнуть послѣдняго изъ пологихъ уступовъ, и отсюда начинался очень тяжелый подъемъ; нужно было собраться съ силами. Солнце начинало припекать: облака коегдѣ одѣли отдаленныя пики горъ и бѣлымъ пухомъ стали липнуть къ деревьямъ на высотахъ. Прямо передъ нами, въ какой-нибудь полуверстѣ, поднимался высочайшій и, какъ казалось, совсѣмъ отвѣсный утесъ, покрытый мелкою древесною растительностью. Сплошною стѣною далеко тянулся онъ въ обѣ стороны, безъ всякаго замѣтнаго въ немъ разрыва, безъ всякой трещины. Зачѣмъ привели насъ къ такому непроницаемому барьеру—представлялось вопросомъ неразрѣшимымъ для моего непривычнаго взгляда.

— Гдѣ же дорога?—позволилъ я себѣ спросить одного изъ штабныхъ офицеровъ, при которомъ былъ проводникъ.

¹⁾ Такъ называли на Кавказѣ донскихъ казаковъ.

— А вотъ она, передъ вами, — коротко отвѣчалъ тотъ, указывая прямо на утесъ.

Я принялъ это за шутку или штабное фанфаронство и предположилъ, что пойдемъ вѣроятно вдоль горы у подножія ея, пока не достигнемъ какаго-нибудь еще невидимаго съ этого мѣста дефиле, по которому можетъ представиться доступный подъемъ къ вершинѣ кряжа, отдѣляющаго насъ отъ пути „южной“ колонны. Но передовыя части отряда тронулись, и не болѣе какъ черезъ полчаса стали мелькать красныя кушаки милиціонеровъ, успѣвшихъ уже довольно высоко подняться лентою, какъ бы прилѣпившеюся все выше и выше къ отвѣсному боку скалы. Къ обычнымъ въ горахъ движеніямъ по карнизу, вьющемуся спиральною тропкою отъ подножія къ вершинѣ болѣе или менѣе крутой возвышенности, я успѣлъ уже нѣсколько привыкнуть; но подъемъ такимъ способомъ на стѣну почти вертикальную, не могу скрыть, совсѣмъ озадачилъ меня своею необычайностью. Скоро однако и мнѣ, на моемъ молодомъ, ловкомъ и довольно горячемъ конѣ, пришлось начать этотъ далеко не безопасный подъемъ. Тропка карниза имѣла всего около $\frac{3}{4}$ аршина въ ширину; движеніе на ней еще болѣе стѣснялось выдающимися отъ скалы остріями камней; особенно трудно было слѣдованіе вьюковъ, безпрестанно задѣвавшихъ за эти камни. „Маленькій генералъ“ тутъ только понялъ свою ошибку и приказалъ всѣ вьюки пустить не иначе, какъ на хвостѣ колонны. Къ нимъ, весьма естественно, былъ причисленъ и мой Гаврилычъ. Приходилось или ѣхать верхомъ, имѣя отвѣсную стѣну съ одной стороны, пропасть — съ другой; или самому вести лошадей въ поводу. Не отдавая себѣ отчета, что лучше, я избралъ первое, а потомъ, какъ ни было жутко, особенно при изгибахъ и поворотахъ тропки, не могъ не сознавать, что переимѣна положенія являлась уже совсѣмъ немислимою, такъ какъ на пути въ $\frac{3}{4}$ аршина шириною пытаться сойти съ коня значило рисковать вмѣстѣ съ нимъ полетѣть внизъ. При неопытности, вмѣсто хорошо извѣстнаго въ горахъ приѣма — ослабить поводья, предоставивъ лошадей, такъ сказать, самой себѣ, я задерживалъ ее въ мѣстахъ, казавшихся особенно опасными; потому отставалъ отъ переднихъ и останавливалъ слѣдовавшихъ за мною. Лошади этихъ послѣднихъ горячились, глядя на мою, которая рвалась впередъ, пробуя отбиться отъ повода; они же сами, нѣтъ сомнѣнія, въ душѣ посылали меня ко всѣмъ чертамъ, и не разъ громко предостерегали, что, управляя такимъ образомъ, да еще на сумасшедшей лошади, я завѣрное упаду въ яручу. Голова кружилась и захватывало духъ при видѣ этого, подъ самими ногами зіяющаго, безконечнаго

обрыва; но еще болѣе страшно становилось при взглядѣ на верхъ, гдѣ прямо надъ головою, тонкою нитью, иногда въ пять-шесть и болѣе изгибовъ, взбирались пѣшіе и конные люди передовыхъ частей отряда. Неловкій шагъ и паденіе одного изъ нихъ,—болѣе того, случайно сброшенный ими камень—очевидно могли произвести великую суматоху и, какъ слѣдствіе ея, рядъ катастрофъ между двигающимися по нижнимъ зигзагамъ. Люди привычные къ горнымъ походамъ говорятъ, что въ подобныхъ положеніяхъ одно средство—поручить себя покровительству „великаго духа“ (какъ индійцы Купера), совсѣмъ не смотрѣть на окружающее и какъ можно менѣе думать о немъ. Впослѣдствіи я и на себѣ оцѣнилъ благотѣльное значеніе этой привычки; но приобретается она только годами; въ то же время, о которомъ я говорю, полагаю, не у меня одного усиленно билось сердце.

Послѣ проведенныхъ такимъ образомъ часовъ двухъ, если не трехъ, въ которые не безъ основанія можно было считать себя между жизнью и смертью, тропа сдѣлалась шире, спуски къ ней со стороны горы и отъ нея внизъ—отложе; на скалахъ, уже не очень крутыхъ, кустарникъ сталъ замѣняться крупными деревьями. Можно было вздохнуть свободно. Но отъ недавнихъ дождей въ горахъ и густой тѣни лѣса дорога оказалась очень грязною, лошади скользили и съ трудомъ подавались впередъ. Впопыхахъ раннихъ сборовъ я забылъ въ палаткѣ свои часы. Но, по положенію солнца, когда случалось ему проглянуть черезъ сплошную зелень листвы и по замѣтной въ отрядѣ усталости, можно было заключить, что уже далеко перевалило за полдень; а мы все продолжали двигаться, не имѣя рѣшительно никакого представленія ни о близости или отдаленности цѣли, ни о мѣстѣ предполагаемаго ночлега. Шли мы уже не по сѣверному склону кража, а по самому его хребту, или по водораздѣлу, такъ какъ покатости отъ пути нашего одинаково или попеременно направлялись то въ ту, то въ другую сторону. Частые стебли деревьевъ и вправо и влѣво ставили непроницаемую завѣсу, за которой въ пыломъ воображеніи могли возникнуть призраки всевозможныхъ ужасовъ. При безповойномъ, нервномъ настроеніи всѣхъ и каждого достаточно было пустѣйшаго повода для того, чтобы всполошить отрядъ, и этотъ поводъ, какъ всегда, не замедлилъ. Когда представилась возможность двигаться въ лѣсу по нѣсколькимъ человекъ въ рядъ люди безъ всякой команды начали принимать эту форму строя какъ бы жаться другъ къ другу; причемъ задніе, несмотря на усталость, все болѣе и болѣе ускоряли шагъ, перегоняя и нерѣдко сбивая другъ друга съ ногъ. Въ это-то время внезапно раздѣ

лись и прокатились по лѣсу необычайно пронзительные дикіе крики. Какъ отъ электрическаго удара все встрепенулось и бросилось впередъ; и безъ того ускоренный шагъ обратился въ настоящій бѣгъ. Нужно было много ловкости и осторожности, чтобы, слѣдуя за общимъ движеніемъ, не наткнуться на штыкъ. Никто и не думалъ о томъ, чтобы остановить порывъ, водворить порядокъ. Отчаянныя битвы въ лѣсахъ Ичверіи и Чечни, всѣ перешедшія въ исторію кровавыя событія кавказской войны—вдругъ ожили въ памяти, какъ у немногихъ, еще остававшихся въ рядахъ участниковъ ихъ, такъ и у тѣхъ, которые обо всемъ этомъ знали только по преданію. Слова: „измѣна“, „предательство“, „западня“—все чаще и чаще доносились до слуха, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе усиливалось стремленіе впередъ. Тамъ впереди было начальство; слѣдовательно, оттуда инстинктивно, если не осмысленно, ожидалось и разъясненіе и указаніе; крики то какъ будто ослабѣвали, то, еще болѣе рѣзкіе и оглушительные, раздавались среди лѣса. Послѣдовало наконецъ нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ; одинъ, два, три... и затѣмъ вскорѣ все смолкло. Отрядъ продолжалъ стягиваться. Стараясь не отстать отъ другихъ, я очутился наконецъ въ виду успѣвшихъ довольно стройно сгруппироваться передовыхъ ротъ. Между ними, среди небольшой лѣсной прогалины, находился „маленькій генералъ“ со своимъ штабомъ; впереди обозначались красные кушаки милиціи; дѣло клонилося къ сумеркамъ, въ чащѣ лѣса становилось темно.

Оказалось, что тревогу подняли милиціонеры, приносящіе, какъ вмѣлъ я случай сказать, всегда болѣе вреда, чѣмъ пользы, особенно въ головѣ отряда. Послѣ нѣсколькихъ часовъ скучнаго, ничѣмъ не прерываемаго движенія, случилось имъ, наконецъ, замѣтить между стеблями деревьевъ какого-то оборванца, въ черескѣ и при ружьѣ. Перебѣгая, отъ одного дерева къ другому и прачась за ними, очевидно высматривая, онъ черезъ нѣсколько мгновеній бросился на утекъ. Что милиціонеры массою ринулись за нимъ, желая поймать живымъ, въ этомъ не было ничего предосудительнаго; а что они подняли гвалтъ неимовѣрный, такъ это уже особенность азиатской тактики, слишкомъ хорошо извѣстная, переполошившая отрядъ только вслѣдствіе внезапности и нервнаго нашего настроенія въ таинственной обстановкѣ. Не болѣе какъ черезъ полчаса водворился обычный порядокъ; но если цѣлью нашею было скрытное движеніе, то нельзя не сказать, что крики милиціонеровъ сослужили непріятелю лучшую службу, чѣмъ какія бы ни было предупрежденія высланныхъ имъ соглядатаевъ.

Войскамъ данъ былъ привалъ. Начальники, офицеры, выйдя

изъ рядовъ, все большею и большею толпою группировались вокругъ генерала. Составился импровизированный военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе всѣ, кто только желалъ и находилъ въ себѣ смѣлость говорить. Къ возгласамъ объ „измѣнѣ“, „предательствѣ“, присоединились уже заявленія о необходимости расправы надъ измѣнниками—тремя несчастными туземцами, взятыми отрядомъ въ проводники.

— Расправа коротка!—говорилъ громче всѣхъ красивый, стройный, очень элегантный полковникъ:—высокія деревья кругомъ; очистить, оголить сколько нужно здоровыхъ сучьевъ, веревки найдутся—и дѣло въ шляпѣ. Судъ надъ этими мерзавцами очень простъ: они утверждали, что цѣль нашего движенія—гнѣздо непокорныхъ—находится всего въ пяти, много шести часахъ хода отъ лагеря; а теперь, послѣ двѣнадцати часовъ непрерывнаго, утомительнаго марша, они же говорятъ, что и половины не прошли. Предательство явное; за это только висѣлица и висѣлица немедленно, чтобы другимъ не было повадно; ни о чемъ иномъ рѣчи быть не можетъ...

Замѣчательно, что разсужденія эти ни съ чьей стороны возраженій не встрѣтили; напротивъ, на лицахъ окружающихъ вообще видны были знаки одобренія. вмѣстѣ съ тѣмъ самозванный совѣтъ, отправляясь, несомнѣнно, отъ посылки о критическомъ положеніи отряда вслѣдствіе измѣны проводниковъ, ни на секунду не остановился на вопросъ: чтѣ же надо сдѣлать въ виду этого положенія, какія мѣры принять для обезпеченія успѣха и безопасности движенія. Говорили только о возмездіи. Фактъ, встрѣчавшійся, впрочемъ, неоднократно и въ болѣе крупныхъ историческихъ событіяхъ, когда враждующіе народы и правительства, отуманенные страстью, съ жадностью искали истребленія и крови, не давая себѣ труда сколько-нибудь поразмыслить о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ, оказывавшихся какъ разъ противоположными тѣмъ, которыя должны были составить законный предметъ ихъ осмысленныхъ желаній.

Участъ несчастныхъ, стоявшихъ тутъ же въ отдаленіи и не подвергшихся даже никакимъ разпросамъ, казалась рѣшенною. Нашелся уже услужливый офицеръ, предлагавшій распорядиться исполнительными дѣйствіями. Остановила только случайность: за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, чрезъ толпу пробрался и сталъ въ первыхъ рядахъ маленький, пожилой штабъ-офицеръ, какъ потомъ выяснилось, должностное въ этотъ день лицо. Онъ принадлежалъ по наружности къ тому же типу, какъ самъ генералъ—начальникъ отряда: еще меньше ростомъ, въ нахлобучен-

вой большой фуражкѣ, изъ-подъ длиннаго козырька которой торчали только не русые, а уже значительно посѣдѣвшіе усы. Это былъ дежурный по отряду майоръ; въ ожиданіи времени вечерняго рапорта, онъ, не сводя глазъ, смотрѣлъ на генерала и какъ бы порывался что-то сказать. Послѣдній наконецъ замѣтилъ его и, не выжидая формальнаго рапорта, обратился съ обычнымъ вопросомъ: все ли благополучно, нѣтъ ли заболѣвшихъ и отсталыхъ? Вопросъ этотъ развязалъ майору языкъ. Отвѣтивъ, что все въ порядкѣ, онъ еще болѣе вытянулся, раза два прокашлялъ и, не отнимая отъ козырька руки съ высоко-поднятымъ локтемъ, продолжалъ:—Если позволите, ваше пр-ство, осмѣлюсь доложить, что повѣсить для примѣра можно; только что у насъ при отрядѣ всего три азіата; если повѣсимъ ихъ, никто изъ азіатъ и не узнаетъ, за чтѣ были казнены, такъ-что и примѣра никакого не выйдетъ; мы же въ этой глуши останемся совсѣмъ безъ языка. Эти хоть изъ-за страха что-нибудь скажутъ. Такъ не позволите ли, ваше пр-ство, мнѣ ихъ взять подъ караулъ, хорошенько скрутить да ночью попытать. Авось чего и добыюсь. А тамъ утро вечера мудренѣе, повѣсить и завтра успѣемъ.

— Ай да Тихончъ, молодецъ ты у насъ! Всегда говорилъ, что онъ своими крысьими глазками на три аршина въ глубь земли видитъ,—отозвался на это предложеніе элегантный полковникъ.—Предоставьте ему ихъ, ваше пр-ство: голову даю, что до утренней зари весь сокъ выжметъ.

Генералъ коротко отвѣчалъ согласіемъ. Майоръ приказалъ перевязать и вести за собою трехъ азіатъ, очевидно не понимавшихъ, въ чемъ дѣло. Полагаю, что того, кто отвратилъ или по крайней мѣрѣ остановилъ висѣвшій надъ ними ударъ, они принимали за злѣйшаго своего врага.

Этимъ временемъ совсѣмъ стемнѣло. Рѣшено было, не передвигая болѣе частей, ночевать тамъ, гдѣ стояли. Кстати, пока-тость, обращенная здѣсь уже не къ сѣверу, а къ югу, была довольно полого, слѣдовательно представляла собою относительно удобное мѣсто для бивуака. Изъ объемистаго вьюка Гаврилыча получилъ я только нѣсколько сухарей да жестаную кружку, въ которую удалось добыть хорошей воды. Скоро покончивъ съ этимъ скромнымъ обѣдомъ или ужиномъ, изнемогая отъ усталости, я рассчитывалъ заснуть подъ укрытіемъ наскоро устроеннаго Гаврилычемъ шалаша изъ древесныхъ вѣтвей. Но едва успѣлъ я расположиться, какъ начались выстрѣлы, сначала болѣе отдаленные, потомъ все ближе и ближе; вскорѣ стали вокругъ всего бивуака мелькать огоньки и, непосредственно за каждою вспыш-

кою, трескучіе раскаты лѣсного эхо. Опять, повторяю, привычка — въ жизни все: въ Севастополѣ, говорятъ, случалось крѣпко спать нашимъ богатырамъ подь непрерывныя громы канонады; но тому, кто подобную музыку слышалъ въ первый разъ, было не до сна. Я вертѣлся во всѣ стороны, безуспѣшно стараясь опредѣлить, откуда преимущественно направлялись выстрѣлы. Вмѣстѣ съ тѣмъ неотвязно, хотя и неопредѣленно преслѣдовала меня мысль о необходимости къ чему-то приготовиться, въ виду возможности перехода отъ обыденнаго сна прямо въ сонъ вѣчный. Чтѣ ни говорите, а и теперь, по прошествіи около тридцати лѣтъ, вдали отъ всякихъ выстрѣловъ и сабельныхъ ударовъ, остаюсь при мнѣніи, что умереть среди своихъ, въ разгарѣ боя, все же лучше, чѣмъ быть подстрѣленнымъ во время сна, такъ чтобы только черезъ нѣсколько часовъ безучастною рукою какого-нибудь Гаврилыча ощупанъ былъ похолодѣлый трупъ.

Не могу опредѣлить, сколько времени продолжались выстрѣлы, — для меня, понятно, время тянулось. Но когда и прекратились они, заснуть я не могъ. Возбужденіе ли нервовъ, пустой ли желудокъ, не знаю почему именно, но я въ своемъ драповомъ на байкѣ сюртукѣ и подь косматую грузинскую буркою прозябъ до костей.

Поднялись мы, какъ соображаю теперь, на высоту не менѣе 5.000 футовъ; ночь дѣйствительно была очень холодная и сырость въ лѣсу неимовѣрная. Не попадая зубъ на зубъ, я вышелъ изъ-подъ шалаша и осмотрѣлся. Совсѣмъ возлѣ, подь низкими походными шатрами, только-что начинавшими входить въ употребленіе такъ называемыми „tente-abri“, здорово храпѣли чины отряднаго штаба. Хорошо бы подь такой шатеръ, хоть на полчаса, сколько-нибудь отогрѣться, но какъ же пойти къ совсѣмъ незнакомымъ? — при томъ у нихъ навѣрное все переполнено. Какъ-то автоматически, безцѣльно, сталъ я бродить между спящими, медленно, ощупью, безпрестанно натываясь то на чьи-нибудь ноги, то на ранцевый мѣшокъ или ружейныя козлы. Наконецъ, отойдя, надо полагать, порядочно отъ своего шалаша, замѣтилъ слегка курящійся огонекъ и уже болѣе рѣшительно направился прямо на него. Это былъ задній карауль. У огонька, передь шипѣвшимъ чайникомъ, сидѣлъ, поджавъ по-азіатски ноги, майоръ — дежурный по отряду.

Увидѣвъ штабный сюртукъ, онъ было-всполошился (для армейскаго офицера всякій штабный есть болѣе или менѣе начальникъ, т.-е. по извѣстной военной грамматикѣ — предметъ рода опаснаго); но я поспѣшилъ заявить, что самъ ищу его покровительства, и успокоилъ стараго служаку.

— Теперь, извольте видѣть, ужъ не опасно,—свороговоркою началъ онъ. — Оборванцы, которые задали намъ непрощенный концертъ, успѣли порядкомъ подняться въ горы; стрѣлять по отряду больше не будутъ; такъ я вотъ и приказалъ раздуть угольки, чтобы немного отогрѣться чайкомъ. Не угодно ли и вамъ? у меня, правда, всего одинъ стаканъ, да мы будемъ чередоваться.

Я отъ души пожалъ руку майору. — Отчего же вы такъ увѣрены, что не будутъ болѣе стрѣлять? — спросилъ я, вспомнивъ выраженіе франта-полковника, что старый „Тихончъ“ на три аршина вглубь земли видитъ.

— Эти говорятъ,—коротко отвѣчалъ онъ, указывая на трехъ приговоренныхъ къ смерти азіатовъ, которыхъ я только теперь замѣтилъ тутъ же, по близости, но уже не связанными, а только подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ солдатъ: — да они и съ вечера то не по людямъ стрѣляли, т.-е. ни въ кого не мѣтили, а такъ, порохъ жгли.

— Неужто же серьезно пришлось вамъ пытатъ этихъ несчастныхъ? — нерѣшительно процѣдилъ я сквозь зубы, предполагая, что сказанное майоромъ слово „пытатъ“ пожалуй и въ самомъ дѣлѣ обозначало: „подвергатъ пытке“.

— Какое тамъ! — отвѣчалъ, добродушно засмѣявшись, майоръ. — Я вѣдь такъ и зналъ, что отъ нихъ можно добромъ все вывѣдать. Только поговорить по душѣ, такъ — чтобы они понимали. Безъ малѣйшаго принужденія они объяснили всю правду; люди хорошіе. Мы, говорятъ, пошли своимъ шагомъ, какимъ всегда ходимъ и навѣрное далеко до солнечнаго заката были бы на мѣстѣ; такъ видимъ — солдаты не поспѣваютъ... Да и въ самомъ дѣлѣ, сязавъ съ себя даже чевяки, они бѣгаютъ по горамъ какъ козы. Гдѣ же за ними нашимъ, въ длинныхъ сапогахъ, съ ношею за плечами, съ тяжелымъ ружьемъ да еще съ вонными вьюками позади? То, что онъ прошелъ бы въ часъ, мы идемъ пять. Ну и понятно, что запоздали; а все же привели куда нужно.

Эти простыя соображенія, какъ видно, не приходили въ голову непрощеннымъ судьямъ, съ легкимъ сердцемъ взявшимъ на свою совѣсть произнесеніе смертнаго приговора. Далѣе отъ майора узнавъ я, что въ настоящую минуту отрядъ стоитъ уже на южномъ горномъ потоцѣ, надъ самымъ обрывомъ къ нему, не болѣе какъ верстахъ въ двухъ выше заваловъ, преграждавшихъ путь нашему южному отряду, на выручку котораго сѣверная колонна была послана; такимъ образомъ отрядъ нашъ, хотя и запоздавшій, въ первый же день марша былъ приведенъ какъ разъ

въ тылъ заваловъ; еслибы не крики милиціонеровъ и не безплодныя совѣщанія о возмездіи, то можно было еще успѣть до наступленія темноты съ боя взять завалы съ тыла, для чего достаточно было отрядить какую-нибудь полуроту съ того самаго мѣста, гдѣ теперь бивуакируемъ, и вышло бы дѣло на славу. Теперь, — прибавилъ почтенный мой собесѣдникъ, — время уже упущено; тѣмъ не менѣе, цѣль достигнута, путь для южной колонны очищенъ; пальба же, которою побезпокоили насъ ночью, составляла не что иное какъ сигнальные выстрѣлы оставившихъ завалы, извѣщавшіе кого слѣдуетъ, что надо поспѣшно спасать свои личности и свое имущество, въ виду безпрепятственнаго дальнѣйшаго наступленія русскихъ. Понятно, что при такой обстановкѣ дальнѣйшихъ по отряду выстрѣловъ на мѣстѣ настоящаго бивуакированія нельзя было ожидать. Все это майоръ долженъ былъ высказать начальнику отряда при утреннемъ рапортѣ.

Правдивыя, разумныя слова его, вмѣстѣ съ двумя стаканами чая, отогрѣли мою застывшую душу. Заранѣ радуясь несомнѣнному помилованію ни въ чемъ неповинныхъ проводниковъ, я съ особеннымъ участіемъ смотрѣлъ на одного изъ нихъ — младшаго по возрасту, безбородаго парня, не болѣе какъ 17-ти — 18-ти лѣтъ; будучи прикрытъ лишь обрывками убогой чересски, онъ сидѣлъ на корточкахъ возлѣ лежавшихъ товарищей, жадно глядѣлъ на насъ, изрѣдка вздрагивалъ и нервно пожимался.

Я сталъ просить разрѣшенія майора отдать ему налитый для меня третій стаканъ чая.

— Ну, это уже баловство; а ихъ баловать не слѣдуетъ, — замѣтилъ Тихоньчъ. — Брысь! — огрызнулся онъ на молодого парня, потянувагося было къ огню, и съ добродушной своей улыбкой махнулъ на него ножнами шашки. — Впрочемъ, какъ будетъ угодно.

Парень поспѣшно взялъ поданный ему стаканъ и съ наслажденіемъ выпилъ, послѣ чего прижался къ товарищамъ, и, подобно имъ, припалъ къ землѣ. Начинало свѣтать. Подвинувшись еще ближе къ огню и завернувшись въ бурку, я тутъ же вѣрвко заснулъ.

Данныя проводниками объясненія въ счастію оказалось возможнымъ въ извѣстной степени подтвердить и фактически: за ночь въ отрядѣ никто не былъ задѣтъ даже шальной пулею. Солнце начинало проглядывать черезъ зелень деревьевъ, когда мы двинулись дальше, теперь уже вверхъ по теченію южнаго потока, то приближаясь къ его глубочайшему, крутому обрыву, то отдаляясь для обхода поперечныхъ, большею частію сухихъ

балокъ, которыя, начинаясь въ небольшомъ разстояніи иногда лишь ничтожными ложбинами, при впаденіи въ рѣчку образовывали овраги огромной глубины. Передъ одною изъ такихъ балокъ отрядъ остановился. Спускъ до дна ея, близъ рѣчки, на линіи пути нашего, составлялъ не менѣе версты; подъемъ—столько же; между тѣмъ обходъ показался слишкомъ продолжительнымъ, такъ какъ начало этой балки находилось, повидимому, далеко въ лѣсу. Ширина оврага, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, составляла не болѣе дальности выстрѣла изъ обыкновеннаго охотничьяго ружья; противоположный край его покрытъ былъ густымъ кустарникомъ; нашъ—болѣе оголенъ. Начальникъ милиціи, одинъ изъ туземныхъ князей, рѣшилъ переправиться здѣсь же, безъ обхода; но едва начали милиціонеры спускаться, какъ раздался выстрѣлъ, и передовой человекъ кубыркою полетѣлъ внизъ. Показался еще дымокъ надъ кустарникомъ съ той стороны оврага; и тотчасъ другой милиціонеръ, со стономъ присѣвъ къ землѣ, схватился за ногу. Солдатики передовой за милиціонерами роты, услышавъ выстрѣлы, но еще не видя потерь, ринулись впередъ, живо разсыпались вдоль линіи оврага и открыли пальбу на огоньки или дымки надъ кустарникомъ. Я пристроился къ отрядному штабу, находившемуся здѣсь же невдалекѣ за цѣпью, въ такъ-называемой складѣ мѣстности.

На частую пальбу нашихъ солдатъ и милиціонеровъ, которые также присоединились къ цѣпи стрѣлковъ, съ той стороны отвѣчали лишь очень рѣдкими выстрѣлами; но почти за каждымъ такимъ выстрѣломъ раздавался крикъ или стонъ, и громкое требованіе носилокъ, доктора или фельдшера. Штабъ нашъ за своимъ натуральнымъ укрѣпленіемъ былъ совсѣмъ внѣ опасности; тѣмъ не менѣе какой-то адъютантъ, молодой, курносенькій, вертлявый, обнаруживалъ предусмотрительность необычайную. Быстро подскакивалъ онъ то къ тому, то къ другому изъ столпившихся здѣсь чиновъ, съ указаніями и совѣтами. — „Вотъ сюда, сюда пожалуйте!—приглашалъ онъ франта-полковника:—здѣсь хорошо, вотъ за этими деревьями. — Вамъ нѣтъ надобности быть тамъ, впереди,—говорилъ онъ другимъ:—тамъ все дѣлается порядкомъ; а если будетъ нужно, вамъ дадутъ знать; ужъ я распоряжусь, скажу имъ, гдѣ вы. — Развѣ можно такъ стоять, — обратился онъ, наконецъ, ко мнѣ:—грудью прямо къ выстрѣламъ? кого вы этимъ удивите? видно, что въ первый разъ; надо стоять бокомъ, цѣль меньше; я человекъ бывалый, ужъ я знаю...“ Признаюсь, изъ-за укрытія, гдѣ мы находились, трудно было и замѣтить—это грудью, это бокомъ стоялъ къ выстрѣламъ. Мнѣ стало стыдно

и за себя, и за непрошеннаго доброжелателя. Сдѣлавъ видъ, что принимаю совѣтъ, я выждалъ его удаленія и потихоньку вышелъ изъ ложбины—ближе посмотрѣть, чтѣ дѣлается.

Пріятель мой, майоръ, успѣвшій смѣниться съ дежурства, уже хлопоталъ здѣсь въ авангардѣ.

— Ну, куда лѣзете, дураки! — спокойно, но внушительно говорилъ онъ, переходя отъ одного раненаго въ другому и наскоро распорядясь подаеніемъ помощи. — Это у васъ тамъ, въ московской губерніи; здѣсь, братъ, не то, здѣсь лбомъ не прошибешь; ложись скорѣй за камни и за пенъки, да оттуда хорошенько цѣлься. А за то, что зря казенный порохъ жжешь, вотъ тебѣ на орѣхи!—прибавилъ онъ, обращаясь къ молодому солдату, котораго какъ разъ въ этотъ моментъ слегка задѣла пуля, проведя ему царяпину по щекѣ и отхвативъ край уха. — Для тебя, братъ, фельдшера не потревожу; ступай скорѣе самъ перевяжись.

Майоръ взялъ солдата за руку, подбодрилъ его и вывелъ изъ строя.

Въ это время на встрѣчу ему показался генералъ, начальникъ отряда.

— Ну, чтѣ, почтенный Андрей Тихонычъ, какъ дѣла? — спросилъ онъ, подзывая къ себѣ майора, имя котораго успѣлъ узнать, вѣроятно, при его полковыхъ рапортахъ.

— Да нехорошо, ваше превосходительство: всего какихъ-нибудь четверть часа стоимъ, а ужъ восемь человѣкъ потери. Если позволите доложить, слѣдовало бы послать въ обходъ, т.-е. такъ только сдѣлать видъ, что поднимаемся вверхъ по этому краю балки; тогда они сами тотчасъ уйдутъ; иначе много народа перепятнаютъ. Хорошо еще, что ихъ тамъ какой-нибудь пятокъ человѣкъ, да и пороху, какъ видно, жалѣютъ; а то, пожалуй, по сіе время у насъ бы и полуроты какъ не бывало.

— Такъ распорядитесь, мой другъ, — отвѣчалъ генералъ, и черезъ нѣсколько секундъ бѣлыя шапки замелькали по склону вверхъ, вдоль нашего берега оврага. За симъ, съ противоположной стороны, послѣдовало два-три выстрѣла, нивого не задѣвшіе, и далѣе все смолкло. Милиціонеры тѣмъ же путемъ быстро спустились до дна балки, и уже безпрепятственно стали взбираться по тропѣй другого ея бока. Пѣхота пока еще не трогалась.

— Василій Кузьмичъ!—кричалъ майоръ вслѣдъ командовавшему обходомъ высокому красивому офицеру:—вы смотрите не торопитесь; дѣло почти сдѣлано... сейчасъ пошлю васъ вернуть.

Генералъ высказалъ неудовольствіе на то, что раньше не сдѣлали демонстраціи обхода, не опредѣливъ, однако, кто долженъ былъ этимъ распорядиться, въ присутствіи всѣхъ начальниковъ частей, входившихъ въ составъ колонны, всего отряднаго штаба и, наконецъ, его самого. Въ сущности и онъ, и вся свита, были вполне довольны случившимся: такъ или иначе—было дѣло, и доказательство на лицо—одинъ убитый, три тяжело раненыхъ, четверо легко, — потеря, которая еще по военной терминологіи гр. Толстого называлась „пустячкомъ“, въ виду результатовъ ея для участвовавшихъ. Лица свиты теперь наперерывъ ухаживали за ранеными, рассыпаясь въ похвалахъ ихъ храбрости и находчивости. Убитаго милиціонера товарищи какъ-то очень ловко привязали къ сѣдлу.

Дѣло, однако, этимъ не кончилось. Только-что стали передовыя роты подтягиваться къ спуску, какъ раздались на той сторонѣ оглушительные крики и трескотня пальбы. Небольшой перерывъ—и за симъ еще и еще то же самое. Черезъ милиціонеровъ, оставленныхъ по спуску и подъему въ качествѣ сторожевыхъ или махальныхъ, донеслась вѣсть, что тамъ дерутся, что приходится въ рукопашную выбивать изъ-за валовъ засѣвшихъ за ними, и что князь, начальникъ милиціи, уже взялъ пять заваловъ, ида самъ на выстрѣлы почти-что въ упоръ, впереди всѣхъ. Еще четверть часа остановки, пока не дали съ той стороны знать, что путь совершенно свободенъ. Отрядный штабъ тотчасъ же двинулся; а я, опередивъ всѣхъ, въ очень скоромъ времени нагналъ князя.

— Пять заваловъ взяли, — сколько потери? — спросилъ я.

— Какія завали, какіе патеры, зачѣмъ пять? — отвѣчалъ онъ въ недоумѣніи: — считай самъ; не знаю сколько.

Князь махнулъ рукой и поспѣшно поѣхалъ впередъ.

— Для реляціи не мѣшаетъ, — смѣясь, пояснилъ слѣдовавшій за мною штабный офицеръ. Нивакихъ болѣе раненыхъ между милиціонерами я не замѣтилъ.

Подвигаясь далѣе, все вдоль того же праваго берега южнаго потока, мы часа черезъ два остановились на привалѣ. Штабъ отряда находился при авангардѣ, впереди роты Василя Кузьмича, той самой, которая дѣлала демонстрацію обхода. Едва успѣли мы стать, какъ замѣтили движеніе массы народа по ту сторону рѣчки; сплошною нитью, которой не видно было ни начала, ни конца, люди эти очень скоро шли, правильнѣе сказать, бѣжали, въ томъ же направленіи, какъ и мы.

— Обходить, спѣшать опередить. Стрѣлять, стрѣлять! — раз-

дались возгласы кругомъ; солдаты стали уже приспособляться къ стрѣльбѣ черезъ рѣчку съ очень крутого въ этомъ мѣстѣ обрыва. Но приспособиться было не легко; притомъ, за густою зеленью и быстрымъ движеніемъ на противоположномъ берегу, трудно было не только намѣтить цѣль, но и разобрать, что именно она изъ себя представляетъ.

— Что же мѣшкаютъ? Стрѣлять, стрѣлять! — настойчиво повторялось изъ собравшейся близъ начальника толпы, среди которой неизвѣстно кто распоряжался.

— Рожокъ! — неистово гаркнулъ Василій Кузьмичъ, забывъ, какъ видно, и требованія дисциплины, и всѣ условія приличія въ присутствіи начальства. — Рожокъ! — повторилъ онъ: — вѣдь это наши, развѣ не видите бѣлыя фуражки? — Вмѣсто выстрѣла отъ насъ данъ былъ сигналъ рожкомъ, и на него послѣдовалъ такой же отвѣтъ изъ-за рѣчки. Это были войска правой колонны. Узнавъ, что мы уже въ тылу заваловъ, слѣдовательно впереди ихъ на пути въ неповорное общество, они, чтобы непременно быть тамъ первыми, поднялись ночью, на разсвѣтѣ прошли черезъ оставленные горцами завалы, выше ихъ нашли бродъ, переправились черезъ рѣчку, ускоренно двинулись впередъ по лѣвому ея берегу и почти уже обгоняли насъ въ то время, когда были замѣчены. Хитрость не удалась. Но изъ-за этой невинной игры въ „steerle-chase“ мы чуть не перестрѣляли другъ друга.

— Разсказъ мой близится къ концу, — продолжалъ послѣ короткой остановки старикъ. — Добавить приходится очень немногое. Уже достигая долины, служившей мѣстомъ жительства неповорнаго племени, мы еще разъ дали промахъ, и что всего досаднѣе — изъ-за невиннаго до пошлости обмана противника. На одной изъ высотъ, замыкающихъ входъ въ эту долину, показался бѣлый флагъ. Мы приняли это за изъясненіе поворности и просьбу, чтобы были приняты ихъ уполномоченные для переговоровъ. Болѣе часа стояли мы на мѣстѣ, въ расчетѣ на появленіе этихъ парламентаровъ, если можно ихъ такъ назвать. Когда же, послѣ напраснаго ожиданія, двинулись и приблизились къ флагу, то за нимъ не нашли ровно ничего; да и самая долина, съ разбросанными по ней нѣсколькими десятками хатъ, правильнѣе сказать, широкая котловина, лишенная на всемъ пространствѣ своемъ какой бы то ни было древесной растительности, оказалась полнымъ пустыремъ, безъ малѣйшихъ признаковъ жизни. Несмотря на это, мы съ театральною важностью прошли ее въ боевомъ порядкѣ, соблюдая военныя предосторожности, тщательно осматривая и обыскивая всякое жилище. Ни въ одномъ изъ нихъ — ни

людей, ни скота, ни вообще какого-либо имущества, даже ни утвари; всю добычу отряда составили около десятка пудовъ разсыпанной возлѣ одной изъ хатъ кукурузы да двѣ бурицы на сушъ начальнику.

— Вонъ они теперь гдѣ сидятъ! — говорили проводники наши, указывая на дымъ, который съ высотъ, окружавшихъ долину, виденъ былъ вдаль, надъ густымъ лѣсомъ одного изъ боковыхъ ущелій. Туда стали непокорные сгонять свой скотъ и свозить домашній скарбъ, какъ только узнали о движеніи къ нимъ первой нашей колонны. А для того, чтобы дать время совсѣмъ убраться послѣднимъ, запоздавшимъ, старались сколь возможно задержать насъ сначала завалами, потомъ перестрѣлкой на большой балкѣ и, наконецъ, выходкою съ бѣлымъ флагомъ, въ услѣхъ которой и сами едва-ли вѣрили. Гнаться за ними далѣе, въ мѣсту новой стоянки, было немислимо: взятый отрядомъ на три дня провіантъ и безъ того приходилъ къ концу; да и не было цѣли, такъ какъ ничто не мѣшало ушедшимъ, по мѣрѣ приближенія отряда, перекочевать въ другое мѣсто.

Для возвращенія на другой день, вмѣсто нашего прежняго пути, избранъ былъ тотъ, по которому шла „южная“ колонна, — путь, представлявшійся болѣе удобнымъ, чѣмъ нашъ на всемъ протяженіи, за исключеніемъ лишь самаго небольшого пространства, именно того, гдѣ были устроены завалы, преградившіе дорогу нашимъ сподвижникамъ. Взять эти завалы съ фронта, какъ теперь наглядно выяснялось, было очень трудно, по крайней мѣрѣ, стоило бы несоразмѣрно большихъ потерь; для обхода нужно было спуститься обратно, почти что до самаго моря, т.-е. слѣдовать совершенно инымъ путемъ. Но почему именно для „южной“ колонны избрали тотъ, по которому была она отъ моря направлена, для меня такъ и осталось вопросомъ.

Большая ли окружность этого пути, позднее ли наше выступленіе послѣ ночлега въ долину непокорныхъ, или иныя какія соображенія, не знаю, которая изъ этихъ причинъ, но вышло такъ, что въ два дня обратнаго марша мы не достигли своего лагеря и расположились на ночлегъ верстахъ въ десяти отъ него. На слѣдующее утро назначено было торжественное вступленіе въ лагерь побѣдоноснаго отряда; а къ мѣсту ночлега выѣхали встрѣтить его кое-кто изъ начальниковъ и штабовъ другихъ войскъ, въ послѣднемъ движеніи не участвовавшихъ, но умѣвшихъ воспользоваться плодами побѣды.

Вечеръ былъ превосходный. Остановились мы бивуакомъ въ самой живописной долині, при выходѣ изъ лѣсистаго ущелья.

Перерѣзывавшій ее все тотъ же южный потокъ шумѣлъ въ довольно высокихъ еще берегахъ, играя позлащенною солнцемъ рябью и кое-гдѣ въ брызги разбиваясь о каменья. Къ роскошной зелени и самымъ причудливымъ очертаніямъ горъ на востокѣ присоединялся на западѣ величественный видъ моря, въ широкой зеркальной глади котораго свѣтлою полоскою отражались лучи клонившагося къ закату свѣтила. Съ cadaго возвышеннаго пункта представлялись видоизмѣненія ландшафта, одно другого привлекательнѣе. Обладая кистью художника, трудно было бы рѣшить, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе для перенесенія на полотно.

Вдоль теченія рѣчки, части отряда раскинули немногія свои палатки, шалаши изъ древесныхъ вѣтвей и развели огонь подъ котлами, вывезенными изъ лагера на встрѣчу. Самыя разнообразныя группы людей, лошадей и предметовъ военного снаряженія оживляли и еще болѣе украшали картину.

Долго бродилъ я въ одиночествѣ, взбираясь то на одинъ, то на другой изъ пригорковъ, съ которыхъ видно было море. Составляя господствующую прелесть всякаго пейзажа, оно вѣдъ съ неотразимою силою тянетъ къ себѣ, въ особенности меланхолически настроенную душу. А что таково было мое настроеніе—полагаю, нѣтъ надобности прибавлять. Когда стало темнѣть, я спустился къ берегу рѣчки и, понемногу пробираясь къ расположенію отряднаго штаба, случайно прошелъ мимо нѣсколькихъ офицерскихъ и солдатскихъ группъ. Вездѣ шелъ разговоръ о только-что исполненномъ движеніи, и видимо начинала уже слагаться легенда о немъ. Ничтожнѣйшія обстоятельства принимали видъ крупныхъ событій; наростая другъ на друга, образовывали они цѣлую эпопею геройскихъ подвиговъ, и, замѣчательно, случалось какъ-то такъ, что выдающаяся роль въ каждомъ эпизодѣ выпадала на долю рассказчика.

— Et c'est ainsi qu'on fait l'histoire... По мѣрѣ отдаленія отъ событій утрачиваются слѣды многого, что могло бы быть рассказано или записано современниками, особенно участниками; а пока могутъ свидѣтельствовать современники, каждый стремится приписать себѣ большую долю участія въ совершившемся, большую близость къ выдавшимся личностямъ, чѣмъ было и могло быть въ дѣйствительности. Такъ происходило всюду, отъ временъ древнѣйшихъ до нашихъ дней; но, полагаю, ни въ чемъ раскрытіе истины или правдивости фактовъ не представляло такихъ трудностей, какъ въ описаніи событій военной исторіи. Здѣсь море бушующихъ страстей чаще, чѣмъ гдѣ-либо, поднимало на

гребни волнъ случайныхъ или ловчихъ, но въ сущности ничтожныхъ баловней фортуны. Прямые продукты вѣбалоумченной стихіи, они ничего, кромѣ пѣны, изъ себя представить не могли; но, подобно пѣнѣ, продолжали держаться на поверхности и, по минованіи бури, цѣлые годы заслоняя своею грязью отъ взора лѣтописца истинное значеніе проникающихъ въ глубь жизненнаго моря, создающихъ исторію элементовъ.

Въ честь начальствующихъ лицъ отряда приготовлялся, по распоряженію прибывшихъ для встрѣчи, можно сказать, монструозный ужинъ. Много молодыхъ барановъ покончило въ этотъ день жизнь подъ ножемъ убійцы; для приготовления изъ нихъ вкуснѣйшихъ по мѣстному способу шашлыковъ, много туземныхъ поваровъ было выписано изъ унылаго лагеря переселенцевъ; кахетинское вино разливалось въ чаши, ведра и кувшины изъ сложенныхъ грудой бурдюковъ. Въ ожиданіи трапезы хозяева и гости воссѣдали по-азиатски на буркахъ передъ пылающимъ костромъ; по бокамъ его два хора пѣсенниковъ, не смолкая и чередуясь между собою, какъ всегда, заливались то заунывными, то плясовыми напѣвами. Всякій разъ, при переходѣ въ веселый тонъ, въ средину круга пѣсенниковъ выскакивалъ лихой плясунъ-скomorохъ; молодецки встряхнувъ погремушками надъ головою, останавливаясь и продѣлывая колѣнца передъ товарищами, нествова пускался онъ подъ конецъ въ присядку. Иногда, вмѣсто солдата, подобнымъ же образомъ врывался въ кружокъ одинъ изъ офицеровъ, также вертѣлся и балагурилъ, отнюдь не уступая подчиненнымъ и даже превосходя ихъ. Только эти своеобразныя выходы офицеровъ отъ времени до времени вызывали смѣхъ сидѣвшей на буркахъ компаніи; вообще же на пѣсенниковъ, какъ всегда, мало кто обращалъ вниманія, предоставляя имъ безпрепятственно надирать горло и занимаясь, каждый, лично интересавшимъ его дѣломъ.

Здѣсь, у этого костра, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, превозносились подвиги отряда и его начальника. Говорилось, что въ первый день марша отряду угрожала величайшая опасность; что онъ былъ бы окруженъ и буквально разстрѣлянъ въ непроглядномъ лѣсу; что только своевременное открытіе западни передовыми частями и энергія, находчивость всѣхъ, быстро соединившихся вокругъ начальника, отвратили катастрофу. Утверждали также, что на другой день, при переправѣ черезъ большую балку, насъ встрѣтили огнемъ изъ-за заваловъ не менѣе тысячи человекъ, и не будь такъ ловко исполнено предложенное самимъ генераломъ обходное движеніе,—мы не досчитались бы сотенъ това-

рищей, и т. под. Словомъ, что начальникъ отряда все предвидѣлъ, все успѣлъ предупредить и самъ былъ во главѣ всякаго исполненія. Къ концу ужина, послѣ многихъ постовъ, уже и самъ нашъ „маленькій генералъ“ серьезно возмнилъ себя полководцемъ, имѣющимъ полное право на исключительную, почетную награду, и рѣшилъ требовать ее на основаніи правилъ. Находящійся здѣсь же, въ полномъ составѣ, клубъ энергически это поддерживалъ, втихомолку, на ухо другъ другу, поясняя: „чѣмъ больше ему, тѣмъ выгоднѣе всѣмъ“.

Въ это именно время, въ средину одной изъ группъ пѣсенниковъ вскочилъ средняго роста, съ сѣдвющими уже волосами, но еще очень молодцоватый штабъ-офицеръ. Сорвавъ съ кого-то фуражку и потрясая ею въ воздухъ, онъ крикнулъ: „Ну вы, такіе-сякіе, маменькины дѣти!“ Что все канючите? точно, прости Господи, ницаго за фалды тянете; нѣтъ того, чтобы повеселять отца-командира! Эй, ты, пострѣль-Софроновъ, ступай сюда ко мнѣ, затягивай „Мельника“!

Софроновъ-запѣвало вышелъ впередъ, снялъ шапку, но, конфузясь и закрываясь ею, не рѣшался начать.

— Ну, что жъ ты? красная дѣвка изъ коломенскихъ мамзелей! Стыдно небось?.. Нечего купоросничать, валяй!

Софроновъ глухо прокашлялъ, вытеръ кулакомъ ротъ и, все еще заслоня глаза шапкою, затянулъ тоненькимъ госсоскомъ: „Любилъ бабу мельникъ, любилъ въ понедѣльникъ“...

„Ельникъ ты мой ельникъ, чѣмъ же не трава!“ — стройно подхватилъ хоръ, и дѣло наладилось.

Далѣе въ пѣснѣ перечислялись всѣ дни недѣли, и съ разнуданностью, доходящею до предѣловъ цинизма, изображалось, какъ въ казой день мельникъ любилъ. За каждымъ куплетомъ слѣдовалъ взрывъ хохота и знаки одобренія.

— Ай да дядя Кондрать, истинно потѣшилъ! — крикнулъ кто-то. — Ура ему! — и съ этимъ веселая толпа бросилась качать развеселаго штабъ-офицера.

Слышалъ я это уже только издали, такъ какъ съ началомъ пѣсни отошелъ отъ компаніи. Изъ-за горъ сталъ выплывать мѣсяцъ на ущербѣ; но и онъ, какъ бы стыдлся, прятался въ дымчатыя, полу-прозрачныя облачка. Тусклый свѣтъ его дѣлалъ красивый контрастъ съ блескомъ сыплющаго искрами костра. По мѣрѣ удаленія все слабѣе доносились не только слова, но и самыя звуки пѣсенъ; вскорѣ только изрѣдка, по вѣтру, стали они налетать отрывочными волнами тихой мелодіи. Зло, неправда, цинизмъ, всѣ частныя проявленія мелкаго эгоизма, — все ушло въ

даль, все ступевалось предъ обаяніемъ величественнаго цѣлаго. Лицомъ къ лицу съ природою, я весь углубился въ созерцаніе и какъ бы застылъ на мѣстѣ. И вотъ, среди промежутка полной тишины, слабый, но отчетливый стонъ послышался очень близко, казалось, у самыхъ ногъ моихъ. Нѣсколько палатокъ было разбито у подножія холма, на которомъ я находился; между ними мерцалъ послѣдними вспышками догорающій огонекъ. То былъ отрядный лазаретъ, гдѣ нашли пріютъ наши раненные. Я зналъ, что двое изъ нихъ очень ненадежны, особенно одинъ, прострѣленный пулею въ бедро и очень страдавшій; потому въ палату я не вошелъ и опустился на влажную траву тамъ же, гдѣ стоялъ. Стоны становились все рѣже и слабѣе; между ними слышался какъ будто бы тихій говоръ. Еще какихъ-нибудь десять минутъ—и они совсѣмъ замолкли. „Кончился!—сказалъ вышедшій изъ палатки фельдшеръ;—соберись скорѣе, батюшку проводить“,—обратился онъ къ служителю. Затѣмъ сталъ отдавать скороговоркою еще какія-то приказанія; но словъ его я не могъ разобрать. Набѣжавшій какъ разъ въ эту минуту прямо отъ кюстра рѣзкій порывъ вѣтра зашумѣлъ между деревьями и захлопалъ полами палатокъ; огонекъ между ними, внезапно оживившись, ярко вспыхнулъ разъ-другой и потухъ окончательно.

„Ельникъ, ты мой ельникъ...“—на этотъ разъ ясно донеслось по вѣтру.

На другой день отрядъ молодежи промаршировалъ передъ начальникомъ и, для вступленія въ свой лагерь, направился къ переброшенному здѣсь черезъ рѣчку утлому мосту, качавшемуся, какъ на цѣпяхъ, на искусно сплетенныхъ канатахъ изъ дикаго винограда. Чтобы не перебивать дорогу войскамъ, свита и всѣ конные вообще потянулись къ броду, указанному вѣмъ-то въ сотнѣ шагахъ выше моста. Въ лагерь вступали съ пѣснями, и это, по весьма понятной ассоціаціи идей, перенесло меня къ воспоминаніямъ вчерашняго кутежа, а затѣмъ и дней предшествовавшихъ. Какое значеніе этихъ дней, какой смыслъ нашего движенія? Вывести непокорныхъ къ морю намъ не удалось; если впоследствии они и вышли, то никакъ не вынужденные къ этому нашимъ и южной колонны маршемъ, а подъ вліяніемъ цѣлой комбинаціи другихъ условій, ловко задуманныхъ и подготовленныхъ „трехглазыхъ“. Мы доказали, правда, что котловина, въ которой жили непокорные, не составляетъ недоступнаго для насъ убѣжища; но вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно выяснили, что обитающіе въ горахъ, родъ или племя, всегда успѣютъ, со всѣмъ своимъ

скарбомъ, перекочевать въ другое мѣсто, прежде чѣмъ дойдутъ до нихъ войска. Кому же и зачѣмъ это было нужно!

Между тѣмъ, зеленъ луговъ и лѣсовъ въ величественномъ просторѣ разстилалась кругомъ; по лазурно-голубому небу въ гордомъ спокойствіи плыли молочныя глыбы облаковъ, и одинъ лишь коварный потокъ строптиво бурлилъ вокругъ коня моего, который уже барахтался въ немъ, выбиваясь изъ силъ. Поглощенный своими думами, я машинально вслѣдъ за другими спустился въ рѣчку; усиленно направлялъ, казалось, лошадь противъ струи, и не замѣтилъ, какъ, несмотря на это, быстрымъ теченіемъ былъ снесенъ внизъ, въ глубину. Громкіе крики: „правѣе, держите правѣе!“ — на нѣсколько секундъ заглушили шумъ потока; что-то очень завозилось въ водѣ возлѣ меня и, дѣлая неимоверныя усилія, потащило подъ уздцы коня противъ теченія. Черезъ нѣсколько мгновеній лошадь уже опять твердо упиралась ногами въ дно рѣки и, рядомъ съ нею, не опуская поводьевъ, отдуваясь и отряхиваясь, брелъ по поясъ въ водѣ младшій изъ трехъ проводниковъ отряда. Припомнивъ, можетъ быть, мой стаканъ горячаго чая, онъ не задумался броситься за мною въ холодную ванну, гровившую весьма неприятными послѣдствіями.

При перечисленіи наканунѣ многочисленныхъ геройскихъ подвиговъ, никто и словомъ не обмолвился о томъ, что этотъ несчастный, съ двумя товарищами, въ первый день марша былъ общимъ совѣтомъ безвинно приговоренъ къ смертной казни, и, можетъ быть, не избѣгнулъ бы ея, еслибы не подоспѣла простодушная находчивость Андрея Тихонича.

Осмотрѣвшись, я замѣтилъ, что совсѣмъ отдѣлился отъ свиты, и, выбравшись на берегъ, почти присоединился къ войскамъ. Впереді одной изъ частей, понуривъ голову, шелъ онъ самъ — мой невзрачный герой. Я окликнулъ Андрея Тихонича и готовъ былъ броситься ему на шею, заранѣе протягивая обѣ руки. Но майоръ, видя невдалекѣ начальство, строго, даже не наклоняя головы, приложилъ руку къ козырьку и продолжалъ мѣрно отбивать тактъ передъ своимъ батальономъ. Впослѣдствіи узналъ я, что при общемъ представленіи къ наградамъ и онъ не былъ забытъ, — получилъ очередной орденъ, кажется — Станислава на шею. Адъютантикъ, подававшій во время перестрѣлки добрые совѣты, украсился золотымъ оружіемъ за храбрость.

Молодому проводнику я далъ денегъ, въ мѣрѣ того, чѣмъ могъ располагать. Прощаясь, мы горячо пожали другъ другу руку; на другой день онъ долженъ былъ сѣсть на кочерму. Я просилъ его дать о себѣ вѣсть и вручилъ даже написанный на

мое имя конвертъ; но вѣсти не дождался. Въ видѣ слуха очень темнаго дошло до меня, что при переѣздѣ по морю онъ тяжело заболѣлъ и едва-ли добрался даже до желаннаго турецкаго берега. Можетъ быть, холодная ванна не обошлась даромъ и этой закаленной натурѣ.

Черезъ нѣсколько дней было громко отпраздновано покореніе Кавказа. Но я на торжествѣ не присутствовалъ, нашедши какой-то предлогъ прямо съ первой стоянки войскъ уѣхать домой, къ мѣсту постоянного квартированія.

Старикъ умолялъ и уныло опустилъ голову. Очень хотѣлось мнѣ разузнать кое-что о дальнѣйшей его службѣ на Кавказѣ, о томъ, при какихъ условіяхъ оставилъ онъ этотъ край, когда выѣхалъ изъ Россіи и проч. Но на террасѣ становилось холодно; густой туманъ, распространившійся отъ озера, скрывалъ очертанія даже ближайшихъ предметовъ. Дама наша первая поднялась съ мѣста и простилась со мною. Когда на другое утро я вышелъ, около десяти часовъ, на террасу, то замѣтилъ, что въ нумерахъ соотечественниковъ шла обычная послѣ выѣзда путешественниковъ уборка; а портье сообщилъ, что они выѣхали съ самымъ раннимъ поѣздомъ и направились повидимому въ восточную Швейцарію. Первою моею мыслью было—не послѣдовать ли и мнѣ за ними; но это совсѣмъ выбило бы меня изъ намѣченной колеи. Притомъ, не великъ шансъ отыскать путешественниковъ, о которыхъ знаешь лишь одно—что ими взяты билеты на Рагацъ...

А. Староставскій.

СИЛА ВОЛИ

РОМАНЪ ФР. МАУТНЕРА.

Окончаніе.

XIX *).

Вечерній поѣздъ изъ Вѣны вошелъ подъ своды дрезденскаго вокзала, сталъ на мѣстѣ и дрогнулъ. Но, прежде чѣмъ онъ остановился, возбужденные взоры ванъ-Теніуса уже намѣтили среди пассажировъ женскую бѣлокурую головку, прикрытую черной траурной шляпой съ длиннымъ креповымъ вуалемъ. Радостно улыбаясь, онъ спокойно пошелъ на встрѣчу къ Маріаннѣ. Не бѣда, что пришлось немножко подождать!..

Маріанна уже замѣтила его, и на лицѣ ея тоже отразилась искренняя радость. Она оглянулась на кого-то въ вагонѣ и что-то сказала, а затѣмъ въ окно протянула руку ванъ-Теніусу.

— Благодарю васъ, другъ мой; я даже сама хотѣла васъ объ этомъ просить. Но ожидать васъ, признаюсь, я не ожидала.

Маріанна волновалась; слезы сверкнули у нея на глазахъ.

— Дядя! А мы видѣли двѣ Швейцаріи! — кричалъ ему изъ вагона Вельфи. — Сегодня саксонскую, а дня два тому назадъ швейцарскую!

— Ну, какъ поживаешь, Вельфи? — спросилъ адвокатъ, чтобы только что-нибудь сказать, и помогъ Маріаннѣ выйти изъ вагона.

Въ то время, какъ она сходила на платформу, ванъ-Теніусу показалось, что она пополнилась и стала будто меньше ростомъ.

*) См. выше: февраль, стр. 702.

Еще разъ здороваясь съ нею, онъ спросилъ, какъ бывало, много мѣсяцевъ тому назадъ:

— Все хорошо?

— Да.

— Нѣтъ, не просто *да*, а *хорошо!*— вотъ чтò хотѣлось бы мнѣ слышать.

— Оставь!.. Вѣдь ты же самъ видишь... Мнѣ надо будетъ много говорить съ тобою.

Вельфи уже былъ рядомъ съ ними и подаль „дядѣ“ букетъ „эдельвейсъ“.

Мальчикъ еще подростъ и въ своемъ траурномъ нарядѣ казался выше ростомъ. Онъ оживленно болталъ и хотѣлъ показать своему большому другу большое, „настоящее тирольское“ яблоко. Когда онъ скрылся въ купе, ванъ-Тениусъ замѣтилъ:

— Какъ Вельфи со мной ласковъ! Я буду горячо его любить...

На лицо Марианны налетѣла тѣнь... Но шалунъ уже вернулся... однако, съ пустыми руками: яблоко, вѣроятно, осталось у него въ желудкѣ,—какъ пошутилъ ванъ-Тениусъ.

Раздался звонокъ. Пассажиры заторопились; всѣ вернулись въ вагоны...

— А ты развѣ съ нами, въ Берлинъ? — спросилъ молодой баронъ.—Мама! Развѣ онъ имѣетъ право ѣхать въ первомъ классѣ?

— Вельфи, перестань!..

— Глупый мальчикъ!—воскликнулъ ванъ-Тениусъ, но смѣхъ его звучалъ довольно натянуто. Чтобы скрыть свое смущеніе, онъ досталъ билетъ изъ кармана: оказалось, что онъ дѣйствительно второго класса. Ванъ-Тениусъ доплатилъ, чтò слѣдовало, и тѣмъ помѣшалъ плану Вельфи, который хотѣлъ, вмѣстѣ съ мамой, перейти во второй.

— У насъ всегда было такъ!—объяснилъ онъ.—Если одному нельзя иначе, такъ и всѣ товарищи ѣдутъ классомъ ниже.

Видя, что кондукторъ принялъ спокойно доплату, Вельфи успокоился и безпрестанно вмѣшивался въ разговоръ старшихъ, болталъ о своихъ прогулкахъ и подвигахъ. По крайней мѣрѣ, ему самому казалось настоящимъ подвигомъ одержать побѣду надъ сорванцомъ мальчикомъ-швейцарцемъ, который обозвалъ его *пруссаконъ*.

— И досталось же ему! — говорилъ Вельфи, въ пылу разсказа.

Около девяти часовъ, мальчикъ шута началъ пробовать то

туть, то тамъ примоститься, и кончилъ тѣмъ, что вдругъ дѣйстви-
тельно заснулъ, протянувшись на скамейкѣ.

Ванъ-Теніусъ всталъ, прикрылъ его пледомъ и, задержувъ за-
навѣску на фонарѣ, сѣлъ опять на свое мѣсто — противъ Ма-
рианны.

Не въ силахъ удержать порыва страсти, онъ протянулъ ей
обѣ руки, заглядывая ей глубоко въ глаза, и горячо шепталъ:

— Наконецъ ты моя, моя!.. Жена моя...

Марианна грустно понизила головой, и ванъ-Теніусъ продол-
жалъ нашептывать ей тихо-тихо... Такъ тихо, что Вельфи, еслибъ
проснулся, ничего бы не слышалъ.

— Прощу тебя, сердце мое, забудемъ прошлое; попробуй,
изъ любви ко мнѣ, забыть все наше горе! Ты не была бы мнѣ
женой, въ душевномъ смыслѣ слова, еслибъ тебѣ легко досталось
все то тяжелое, что намъ пришлось перенести; но твой возъ—сви-
дѣтель, что это тяжелое уже не существуетъ! Не будемъ къ нему
непочтительны: будемъ ходить къ нему на могилу, когда будетъ
память; я же возьму на себя его заботы о васъ. Только ты, сле-
зами своими, не напоминай мнѣ объ этомъ, прошу тебя, сердце мое!

Марианна улыбнулась ему сквозь слезы и тихо отвѣтила:

— Это не совсѣмъ такъ, какъ тебѣ кажется, милый. Я цѣ-
лые мѣсяцы ничего не думала и не желала, какъ чтобъ намъ
быть счастливыми; но какъ только я додумалась до своего рѣ-
шенія, я тотчасъ же собралась домой. Тетуску я отправила впе-
редъ, чтобы она всѣмъ распорядилась, а сама, выждавъ время,
поспѣшила обратно, вмѣстѣ съ моимъ Вельфи. Вотъ тебѣ моя
рука, что я къ тебѣ ничуть не измѣнилась: клянусь тебѣ, что я
говорю правду! Но рѣшеніе мое, можетъ быть, и не совсѣмъ съ
этимъ согласно...

— Что съ тобой? Ты меня пугаешь!

— Нѣтъ, не теперь... и не сегодня... Только не въ отелѣ
и не дома... а тамъ, въ саду, гдѣ мы съ тобой когда-то встрѣ-
чались одни, наединѣ... на зеленой лужайкѣ...

— Я былъ тамъ еще недавно...

— И вспомнилъ обо мнѣ?

— Конечно, нѣтъ, сердце мое!—смѣясь, шепнулъ онъ ей въ
отвѣтъ.

— Тамъ я скажу тебѣ, что я рѣшила. Тамъ ты меня пой-
мешь... Поймешь и то, что намъ съ тобой возможно и что нѣтъ!

— Ну, что же это, что намъ не возможно?

— Не спрашивай, прошу тебя!

— Марианна!

— Да! Для тебя немислимо быть... моимъ мужемъ!

Сама того не замѣчая, она невольно обѣими руками ухватилась за него; но онъ отшатнулся.

— Любимый мой! Родной! Бездѣнный! — страстно шептала она, принимая къ нему. — Я твоя всей душой, всѣмъ тѣломъ, всѣми помыслами моими! И никогда не перестану я тебѣ принадлежать, никогда ничто не угаситъ моей любви къ тебѣ; съ послѣднимъ вздохомъ отлетитъ со мной моя любовь къ тебѣ, сердце мое и жизнь моя!.. Но быть твоей женой я не могу.

Не помня себя, крѣпко прижалъ ванъ-Тениусъ къ груди своей любимую женщину. Она не защищалась и смотрѣла на него горячо и любовно.

— Нѣтъ!.. Оставь меня! — вдругъ отстранила она его тихонько.

— А, такъ ты думаешь, Марианна, что такъ можетъ долго продолжаться?.. Я думалъ, что тебѣ удалось превозмочь свои ужасныя воспоминанія...

— Нѣтъ, милый, нѣтъ! Это не то: я знаю, что мой долгъ велитъ мнѣ свято хранить волю мужа. И безъ того ужъ я... Тебѣ я вѣдь могу признаться: мой трауръ даже кажется мнѣ, съ моей стороны, обманомъ! Мнѣ кажется, порой, что и самая смерть его явилась для меня спасеньемъ; я бы не вынесла притворства, я бы... съума сошла! Но онъ, несчастный... Въ минуту отчаянія, онъ обратился ко мнѣ, онъ довѣрился мнѣ и... взялъ съ меня клятву, что сына... нашего сына я не дамъ воспитать...

— Весьма любезно съ твоей стороны, Марианна, что ты меня не величаешь такъ, какъ онъ, тогда. Я живо могу себя представить весь вашъ разговоръ. У меня самого, незадолго передъ тѣмъ, былъ съ нимъ такой же...

— Знаю. Ты ему все сказалъ...

— Ну-да, сердце мое: какъ видишь, имя *труса* не совсѣмъ ко мнѣ пристало. Все, что хочешь, только не трусь тотъ чело-вѣкъ, котораго ты не рѣшаешься назвать отцомъ своего мальчугана. Противъ твоей клятвы я ничего не скажу; но скажу только, что я готовъ, — если нужно, — еще столько же и даже дольше ждать тебя, изъ уваженія къ его волѣ. Однако, съ своей стороны, и я тоже клянусь тебѣ ненарушимой клятвой: мы оба созданы другъ для друга, и я люблю тебя одну на свѣтѣ, и не отдамъ никому, никому!

Нагнувшись къ ней, онъ горячо обнималъ и осыпалъ ее поцѣлуями. Они шептали другъ другу нѣжныя, страстныя, прерывистыя слова, сами не понимая, что они говорятъ.

— Зачѣмъ?.. Я не просила твоей клятвы, я и такъ тебѣ вѣрю, Робертъ! Но я такъ счастлива... О, милый!.. Ты самъ не знаешь, какую силу дала мнѣ твоя любовь. За послѣднее время я много думала и пришла къ заключенію, что подъ вліяніемъ ея я могу... поступиться многимъ, что до тѣхъ поръ считала непреложнымъ... Прошу тебя: не смѣйся надо мной, Робертъ! Ты и вообразить себѣ не можешь, чего мнѣ стоило побороть въ себѣ былыя убѣжденія!

— Маріанна, ты...

— Поймай! Имѣй терпѣніе. Насчетъ всего другого я ужъ не сомнѣваюсь; но Вельфи... Я твердо убѣждена, что была права, давая ему эту клятву... Назови мой поступокъ, назови меня какъ тебѣ угодно: я права! Ты и *мальчианъ* (какъ ты его называешь)— совершенно разные люди, — въ этомъ тебѣ меня не разубѣдить. Я—его мать, и я люблю его; но вѣрь мнѣ, любовь къ нему ни въ чемъ не умалитъ моей любви къ тебѣ. Она совсѣмъ другая, но она такъ же горяча и непривосновенна, какъ и та. Онъ обѣ есть и будутъ во мнѣ; я не хочу лишиться ни той, ни другой; но я твердо знаю (по тому чувству сповѣдствія, которое во мнѣ явилось), что мое рѣшеніе должно быть единственное правильное. Ради сына я *не должна* быть твоею женою.

— Маріанна!—остановилъ ее страстный возгласъ.— Да развѣ мыслимо терпѣть такую муку? Могу ли я, ради воспитанія твоего ребенка, отказаться отъ тебя? Надолго ли у меня хватить силы?..

— Знаю, что это невозможно, и этого не требую...

— Но что-жъ ты хочешь, Маріанна?

— Все, что тебѣ угодно, мой любимый!.. Будемъ жить, какъ мы жили до сихъ поръ, пока силъ нашихъ хватить... а потомъ, потомъ, Робертъ... Не заставляй же меня... прямо говорить...

— Не заставляй *ты* меня понимать!

— Значить, ты меня уже понялъ?

— Въ умѣ ли ты, Маріанна? Не пугай меня! Ты отказываешься быть моей женой, но хочешь быть моей...

— Ну, да!.. Я даже не *хочу*: я вѣдь и безъ того твоя!

Еслибъ ванъ-Теніусъ ее не поддержалъ и не приподнялъ своими сильными руками, она бы такъ и осталась на полу, у ногъ его. Онъ посадилъ ее, а самъ отодвинулся въ противоположный уголъ купе и сѣлъ противъ Вельфи. Маріанна сидѣла съ закрытыми глазами неподвижно и словно дремала; но отъ времени до времени она вскидывала на него свой тревожный взоръ, и онъ не могъ этого не замѣтить.

Нетерпѣливымъ движеніемъ всталъ онъ на ноги и швырнулъ

на сѣтку свою шляпу; затѣмъ сѣлъ на прежнее мѣсто, но вскорѣ всталъ опять и, глядя на спящаго Вельфи, сдвинулъ въ сторону завѣску на фонарѣ.

— Просыпайся! Пора!—сказалъ онъ мальчику.—Но тотъ не повелънулся. Ванъ-Теніусъ стащилъ съ него пледъ—и ребенокъ не замедлилъ открыть глаза.

— Чтѣ? Ужинать пора?—пробормоталъ онъ спросонокъ.

— Вставай же, мальчуганъ! А то проспшишь всѣ чудные виды, которые мы проѣзжаемъ. Здѣсь самый лучший уголокъ Европы, и еслибы не такая темень, ты могъ бы видѣть все вокругъ, даже прекрасную богиню, покровительницу этихъ дивныхъ мѣстъ, которую тебѣ позднѣе, въ школѣ придется изучать. Ей имя: *домъ святой*, но ее по-просту зовутъ на обыденномъ языкѣ: *безпреломное почитовеніе*.

— Мама! А почему тамъ не освѣщено? Почему надо ѣхать ночью?

— Пожалуйста! — начала Маріанна, просительнымъ тономъ обращаясь къ ванъ-Теніусу.

— Молодой баронъ могли бы простудиться, еслибы сразу вышли на воздухъ; а такъ они понемножку свыкнутся со свѣжимъ воздухомъ и никакого вреда не приключится ихъ изыщному и сильному тѣлцу...

— Пожалуйста!—умоляла его Маріанна; но онъ движеніемъ руки какъ бы отстранилъ ея внимательство и продолжалъ болтать съ мальчуганомъ.

На вокзалѣ ванъ-Теніусъ держался любовно и почтительно; помогъ ей въ обычныхъ мелочахъ, связанныхъ съ прїѣздомъ, и даже посадилъ ее и сына въ экипажъ.

— А вы не довезете насъ?

— Нѣтъ, простите.

— Да я не понимаю... Мнѣ кажется, нельзя и придумать большаго доказательства...

— Вы во мнѣ ошиблись, позвольте вамъ сказать. Не смѣю спорить: даръ, которымъ вамъ угодно меня осчастливить, дѣйствительно царскій, достойный боговъ. Повѣрьте, съ моей стороны это даже не фигуральное выраженіе. Прошу васъ не считать меня невѣжей, но... для меня—онъ слишкомъ малъ. Вы какъ разъ это-то соображеніе и упустили изъ виду. Покойной ночи! Бучеръ! Hôtel de Rome!.. Спи, мальчуганъ, спокійно!

Ванъ-Теніусъ шелъ домой пѣшкомъ.

Злоба, которой онъ не находилъ ни дѣли, ни исхода, душила его, влокотала въ груди, отнимая способность мыслить разсудительно... Вотъ ужъ чего онъ никакъ не ожидалъ! Кажется, ничего подобнаго не могло свершиться во всей подлунной, во всемъ древнемъ и новомъ мѣрѣ, который стоитъ съ незапамятныхъ временъ. Но нѣтъ, это такъ и есть! Такъ и слѣдовало ему въ наказанье! Слишкомъ занесся онъ въ своихъ вождельнѣяхъ, слишкомъ близко подошелъ къ типу сытаго мѣщанина, который мнить себя выше бѣдняковъ и относится къ нимъ не сочувственно, а покровительственно. Онъ допустилъ себѣ вообразить, что принадлежать и самъ къ высшему обществу, а оно, это самое общество... вышвырнуло его вонъ, за-бортъ, какъ нѣчто низшее! И подѣломъ: не забывайся, не мѣть выше! Марианна, его сокровище, его жена, сама прогнала его отъ себя, сама назвала пролетаріемъ! Украдкой, она и не прочь его любить, какъ человѣка, который ей пришелся по вкусу, но признать его открыто, отказаться отъ своего дворянскаго достоинства—какъ можно! Необходимо сохранить въ неприкосновенности свою родословную...

Было около полуночи, когда ванъ-Тениусъ вошелъ въ себѣ въ комнату и бросилъ мимоходомъ на диванъ свой плащъ и шляпу. Большими шагами заходилъ онъ взадъ и впередъ, не зная, куда дѣваться отъ волненія. Пусть они берегутся, эти пошленькіе аристократы! Онъ дастъ имъ знать свою силу, свое негодованіе: пощады не будетъ ни ей, ни всѣмъ ея „дворянамъ“...

За дверью послышался шорохъ и вслѣдъ затѣмъ осторожный стукъ въ дверь. Ничего не соображая, ванъ-Тениусъ сказалъ:— Войдите!—и на порогѣ появилась полураздѣтая „племянница“, въ бѣлой юбкѣ и свободной рубашкѣ, поверхъ которой былъ накинутъ красный клѣтчатый платокъ, чтобы прикрыть ея голыя плечи. Раза два она не мѣшала этому платку соскользнуть, чтобы на мигъ открылись ея пышныя, красивыя плечи, но затѣмъ дѣлала видъ, что устыдилась, и съ притворной застѣнчивостью запахивала концы платка на груди.

— Простите! Пожалуйста, простите!—говорила она своему жильцу:—Я такъ беспокоилась о васъ! Вы вдругъ исчезли и такъ неожиданно вернулись... и теперь такъ волнуетесь, что мнѣ были слышны ваши торопливые шаги... Я не посмѣла бы васъ потревожить, но мнѣ хотѣлось предложить вамъ что-нибудь покушать...

Ванъ-Тениусъ еще не успѣлъ собраться съ мыслями; его взглядъ разсѣянно скользнулъ по плечамъ дородной смуглянки.

— Что-жь, пожалуй, это было бы недурно. Я, вѣроятно, былъ бы спокойнѣе, еслибы не былъ такъ голоденъ.

— Вотъ и прекрасно! Кстати осталось немножко колбасы и сыру, и бутылка пива. Я, собственно, никогда бы не посмѣла и, вдобавокъ, въ такомъ видѣ... Но вамъ есть телеграмма...

— Знаю, знаю.

— И у васъ тутъ была одна особа. Она уже два раза заходила... насчетъ этого поляка. Онъ проситъ, чтобъ вы зашли къ нему; дѣло серьезное. Это убійство такъ интересно, оно такъ всѣхъ занимаетъ!..

— Позвольте, но... чего же вамъ меня бояться?—какъ-то нерѣшительно перебилъ ее ванъ-Теніусъ.—Я, кажется, никогда не выказывалъ къ вамъ непочтенія, фрейлейнъ...

„Племянница“, однако, дрожала, застыдившись.

— Простите, я не знаю, какъ васъ зовутъ,—смущенно проговорилъ онъ.

— Камилла!—отвѣчала она, и въ ея темныхъ глазахъ свернула радость; грудь дышала тяжело и прерывисто. Медленно спустился съ ея праваго плеча красный платокъ и совсѣмъ упалъ, открывъ пышныя, стройныя плечи. На мгновеніе, дѣвушка имѣла видъ такой задорной, словно знала, что никто не въ силахъ устоять противъ обаянія ея дѣйствительно красиваго стана... Но затѣмъ потупилась, и краска стыда залила ей лицо и шею, и даже ея склоненный затылокъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что вы „слишкомъ“ со мною почтительны,—возразила она, и въ голосѣ ея слышалось искреннее чувство.—Со мной это лишнее, я вамъ правду говорю! Я уже не такая... я знаю, что такое любовь...

Ванъ-Теніусъ отшатнулся и, собравшись съ духомъ, грубо спросилъ:

— Къ чему вы мнѣ это говорите?

— Къ чему?.. Къ чему?..—горячо и страстно шептала она, глядя на него широко-раскрытыми, сверкавшими страстью глазами.

Не помня себя, ванъ-Теніусъ обвилъ одною рукою ея пышный станъ, а другая потонула въ роскошныхъ волнахъ ея черныхъ волосъ.

По неволѣ ей пришлось откинуть голову назадъ, и, застонавъ отъ радости и боли, она повернулась лицомъ къ нему.

— Полно! Мнѣ только показалось, что я разсерженъ. Все пустыя, прошло!

— Но какъ же?.. Кушать?..

— Не надо! Ты...

XX.

Ванъ-Теніусъ проснулся, по обыкновенію, въ семь часовъ утра, живо одѣлся и позвонилъ, чтобъ ему подали кофе и газету.

Онъ рѣшилъ больше не вспоминать ни про Маріанну, ни про то ужасное разочарованіе, которымъ она поразила его. Это, пожалуй, и удавалось ему; не удавалось только заглушить въ себѣ неловкаго, тяжелаго чувства, которое время отъ времени подымалось въ глубинѣ души и словно напоминало ему, что вчера онъ поставилъ жизнь свою на карту и... злился на себя, и страдалъ невыносимо отъ сознанія чего-то унижительнаго, непріятнаго.

„Племянница“ принесла ему на поднось кофе и газету. Она вошла, гордо улыбаясь и самодовольно раскачиваясь своими пышными боками. Дойдя до ванъ-Теніуса, она потянулась къ нему черезъ поднось и подставила для поцѣлуя свои красивыя алыя губы. Но ванъ-Теніусъ вспомнилъ не сразу... и она обиженно отошла, поставивъ передъ нимъ поднось.

— Здравствуйте, Камилла!

Она повернулась къ нему, порывистымъ движеніемъ схватила его за голову обѣими руками, поцѣловала нѣсколько разъ подрядъ и тихо проговорила:

— Ну хорошо!.. Хоть и за то спасибо, что вы меня зовете просто Камиллой. Такому человѣку, какъ вы, даже не пристало только и думать, что о бабьихъ нѣжностяхъ. Я бы тогда васъ вовсе не любила. Читайте себѣ свою газету и пейте скорѣе кофе. Мнѣ было-хотѣлось заварить вамъ его сегодня покрѣпче, да тетя помѣшала. Она ужъ все провидить!.. Ну, до свиданья же!

— До свиданья, Камилла.

Однако, не успѣлъ онъ еще дочитать газету, какъ она снова появилась на порогѣ.

— Опять „эта“ пришла...

— Кто „эта“?

— Та дѣвушка, насчетъ вашего, того... поляка!

— А! хорошо; вы ужъ мнѣ говорили. Позовите сюда.

— Но она вѣдь хорошенькая...

— Уже не лучше же васъ, Камилла!—возразилъ ванъ-Теніусъ, чувствуя себя какъ бы обязаннымъ сказать ей что-нибудь любезное.

Смуглянка вспыхнула, улыбаясь, какъ будто ее ни вѣсть чѣмъ подарили, и вышла позвать незнакомку.

Ванъ-Теніусъ былъ пораженъ: „эта“ оказалась не грязной,

неряшливой женщиной, отталкивающей наружности, какъ онъ ожидалъ. Глядя на нее, ему даже смѣшно стало. Передъ нимъ была замѣчательно-опрятно одѣтая миловидная дѣвушка лѣтъ двадцати, не больше, бѣлокурая, покрытая краснымъ платкомъ, какіе носятъ польки-поденщицы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Войдя, она поставила на-поль у порога свою бѣлѣвую корзину и, красиво присѣвъ раза два, скорыми шагами подошла къ адвокату:

— Вы защитникъ Твардкаго?—спросила она, бойко смотря ему прямо въ глаза.

— Да, я. А вы сами кто такая?

— Меня вы не знаете; онъ вѣдь меня не выдастъ.

— Такъ вы... „шальная“?

Дѣвушка громко разсмѣялась.

— Ну, говорите же скорѣй, кто вы и откуда? Мы ищемъ васъ уже давнымъ давно; но если и полиція себѣ васъ представляла такую же, какъ я...

— Вотъ-то потѣха!.. Ну, да: я та самая, „шальная“, какъ меня прозвали лѣтъ семь тому назадъ. Тогда я была еще совсѣмъ бессмысленной дѣвчонкой; мнѣ было все равно, какъ бы меня ни звали... Ну, такъ вотъ: я пришла вамъ сказать, что Твардкій ни въ чемъ не виноватъ. Душой своей клянусь,—онъ никого не убивалъ!

— Это я и самъ знаю, и его, конечно, оправдаютъ. Но для него-то самого необходимо, чтобъ вы мнѣ все сказали откровенно.

— А вы не донесете? Вамъ все можно сказать?

— Все, все! Я васъ не выдамъ, можете быть спокойны! Прежде всего скажите мнѣ: какъ васъ зовутъ?

— Марта Нейбродъ...

— А Твардкій вашъ...

— ...Мой „милый“.

— Вы знаете, что онъ женатъ?

— Вотъ еще что! Да не готовились ли вы сдать экзаменъ на пастора?—засмѣялась дѣвушка и опять бойко глянула на защитника.

— Прошу прощенья, но на судѣ вамъ могутъ предложить эти самые вопросы.

— Ну, тамъ и видно будетъ, что я имъ отвѣчу. А только очень ужъ я недолюбливаю этихъ пасторовъ!—и она откровенно, безъ тѣни робости или смущенія, рассказала все, что случилось въ ту ночь у нея съ Твардкимъ; не забыла и про мѣшки

для краденаго картофеля, изъ-за котораго не хотѣлъ Твардкій ее выдать, чтобы не подвести ее подъ судъ.

— Вотъ и прекрасно, только бы вы пришли теперь къ убѣжденію, что и на судѣ надо вамъ все рассказать чистосердечно и подробно,—выслушавъ ее и сдѣлавъ въ своей записной книжкѣ кой-какія отмѣтки, проговорилъ ванъ-Тениусъ.

— Хорошо, скажу все, что можетъ быть полезно для него, но... ни слова больше!—стояла на своемъ „шальная“.

Однако ванъ-Тениуса тоже не легко было сбить съ толку. Онъ, наконецъ, тонкимъ образомъ, намекнулъ ей, что ему надо бы знать подробности о ней самой.

— А! вотъ вы что! Будьте покойны: я честная дѣвушка и хожу работать поденно. Полиція меня не тронетъ. Я говорю, что хожу по домамъ, а при себѣ ношу на всякій случай, чтобы не попасть врасплохъ этимъ собакамъ, всегда на-готовѣ вотъ эту самую корзину!—и она проворно поставила ее передъ ванъ-Тениусомъ, какъ вѣрнѣйшее доказательство своего ремесла. Откинувъ крышку, она пригласила его взглянуть на мужскую вращальную рубашку, совершенно чистую, не пошенную, подъ которой лежало нѣсколько кусковъ мыла самыхъ рѣзкихъ цвѣтовъ и еще болѣе рѣзкаго запаха.

— Это я только для виду, чтобы полиція не приставала. И прачешнаго свидѣтельства у меня нѣтъ, а спросить, я скажу, что стираю на своего брата. Вы съ нимъ-то не знакомы, съ моимъ братомъ?.. Да и я тоже. Я его сама себѣ нажила... придумала,—и мнѣ эта выдумка уже не разъ сослужила службу.

Ванъ-Тениусъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Надѣюсь, впрочемъ, что ничего подобнаго и не спросить у васъ на судѣ, но повторяю, я говорю съ вами теперь не какъ судейскій, а какъ другъ и доброжелатель Твардкаго. Повѣрьте мнѣ—стоитъ замѣтить, что вы сказали неправду въ одномъ случаѣ, вамъ и въ другомъ уже не повѣрять!

Но и это Марту не смутило. Она собралась уходить и, взявъ на руку свою корзину, проговорила, доверчиво положивъ свободную руку на рукавъ ванъ-Тениуса.

— Вы вѣдь меня совсѣмъ не знаете. Я ничего не боюсь и твердо увѣрена, что мальчишки родятся съ готовой смекалкой въ головѣ, а дѣвчонки—съ двумя. Вы это не забудьте, а я ужъ знаю свое дѣло и не дамъ въ обиду вашимъ „судейскимъ“!

Они разстались дружелюбно.

Оставшись одинъ, ванъ-Тениусъ не могъ отогнать отъ себя

нахлынувшее на него воспоминание о происшедшем накануне, о своемъ разрывѣ съ Маріанной. Онъ вышелъ на улицу и поспѣшно направился къ дому предварительнаго заключенія, гдѣ, кромѣ Твардкаго, у него было еще двое кліентовъ, обвинявшихся въ участіи въ социалистическихъ агитаціяхъ. Сдѣлавъ тамъ все, что было нужно, онъ закончилъ свои служебныя хлопоты свиданіемъ съ полякомъ, но и на этотъ разъ краснорѣчіе его разбилося о непрístupную твердыню хитрости и упрямства, съ которыми не могъ разстаться облѣившійся рабочій. Выйдя отъ него, Ванъ-Тениусъ опять почувствовалъ, какъ его охватили неотвязныя мысли о своемъ погибшемъ счастьѣ, и грустно, медленно направился домой, давая себѣ слово осилить свое горе, помнить, что его удѣлъ—думать о благѣ бѣдныхъ и сирыхъ, а не о своемъ собственномъ. Личное счастье, поэзія любви—не для него! Уныло и одиноко состарится онъ у своего безсемейнаго очага, старымъ холостякомъ, сурово доживетъ онъ свой вѣкъ...

Дома его ожидало письмо—отъ Маріанны.

„Другъ мой, единственный, любимый!“—писала она.

„Ты не можешь... не смѣешь такъ меня оставить!

„Не вѣрю я, чтобы такая преданность, такая любовь и самоотверженіе, какъ твое, послѣ долгихъ лѣтъ могли привести къ мгновенной, безповоротной разлуцѣ!

„Если ты можешь такъ легко, такъ необдуманно со мною разстаться,—значитъ, чувства твои во мнѣ—обманъ, ложь и пустое притворство! Значитъ, я ошибалась, полагаясь на ихъ полную искренность! Еслибъ во мнѣ не была такъ тверда вѣра въ тебя, я не могла бы вынести цѣлые годы муки и безнадежной любви... Тѣмъ презрѣннѣе покажусь я тебѣ, когда опять повторю, что для тебя на все готова. Я люблю, люблю тебя горячо и никакая жертва для меня не страшна! Если я приношу тебѣ въ даръ свою честь, жизнь свою—будь великодушенъ, прими отъ меня этотъ даръ такъ же искренно, какъ я тебѣ его приношу. Жду отъ тебя хоть единого добраго слова.

„Ты для меня единственный на свѣтѣ; тебя я одного люблю, какъ никого никогда не любила; но въ то же время знаю, что отъ тебя же, отъ своей любви должна оградить свое дитя. Мое рѣшеніе твердо и неизмѣнно. Если же оно разбило въ прахъ жизнь мою... Но нѣтъ! ты откликнешься; ты вернешься къ твоей,—въ радости и въ горести твоей навсегда—Маріаннѣ“.

Ванъ-Тениусъ напряженно вчитывался въ каждое слово; голова его тяжело опустилась на грудь; жилы на лбу надулись, а

губы сложились въ суровую складку, какъ бы готовыя разразиться проклятьемъ.

Разорвавъ письмо въ мелкіе кусочки, онъ взялся за перо и только-что началъ:

„Дорогая“...

— какъ вдругъ скомкалъ бумагу и началъ новый листокъ болѣе оффиціально:

„Глубоко-уважаемая баронесса!

„Я самъ воздвигъ между нами непреодолимую преграду: я болѣе васъ не достоинъ! Вы сами не пустили бы меня къ себѣ на глаза, еслибы знали, къ чему меня привелъ неудержимый порывъ овлбленія.

„Вы ошибаетесь, если можете допустить, что я обманывалъ васъ, притворялся: я васъ любилъ такъ искренно и горячо, какъ только вы могли бы того желать въ глубинѣ вашей самой гордой, возвышенной, недосыгаемой мечты. Еслибы я не принялъ ваше рѣшеніе, какъ твердое и безповоротное, я бы такъ не старался побороть его; но вы не уважили моей просьбы; вы, въ лицѣ моемъ, тяжко оскорбили мужчину; вы сами заставили меня разобратся въ моихъ чувствахъ.

„Но я не пустословъ-влюбленный, которому то, что вы предлагаете, можетъ замѣнить его честь, освятить его тяжелый, упорный трудъ, облагородить всю его жизнь!.. Нѣтъ, положительно, мы съ вами разной крови!..

„Будьте здоровы, баронесса, и помните, что я отвергаю ваше великодушное предложеніе, чтобы вамъ самой не пришлось потомъ краснѣть за человѣка, къ которому вы съ нимъ обращаетесь. Вѣрите мнѣ, я даже въ этихъ строкахъ не нахожу силы, чтобы разстаться съ вами: до того мнѣ это тяжело и грустно.

„Еще разъ: будьте здоровы!.. Будьте здоровы“!..

Черезъ часъ, посыльный принесъ отвѣтъ Маріанны.

„Въ эту ужасную, рѣшительную минуту, я ничего не знаю, не думаю, не понимаю. Могу только сказать тебѣ, что мнѣ пришло сейчасъ въ голову и что я сдѣлаю: я уѣду изъ Берлина и поселюсь въ Дрезденѣ вмѣстѣ съ Вельфи или поближе къ нему. Тамъ, въ Дрезденѣ, меня всегда можно будетъ найти. Жизнь моя какъ бы распалась на-двое, да, именно на-двое: все, что не принадлежитъ моему ребенку, я буду хранить неприкосновенно для... другого; я его буду ждать.

„Мнѣ кажется, я понимаю, на что вы намекаете; мужчины поступаютъ иной разъ необдуманно и грубо... Да, я понимаю.

васъ и уважаю ваше желаніе... А потому остаюсь, все-таки, и всегда вашей... Маріанной“.

„P.-S. Не будьте обо мнѣ дурного мнѣнія: я васъ не поняла и... не хочу понимать, что вы можете быть, какъ вы говорите, „недостойны“ меня. Прошу васъ только объ одномъ: оставайтесь вѣрны себѣ; несите свое горе, какъ я несусь—свое. Будемъ несчастны; но въ несчастіи не будемъ унижаться... хотя бы и передъ самими собою. Будьте здоровы!.. Я и сама не знаю, какъ разстаться съ вами... и думаю, что, можетъ быть, это еще не послѣднее слово между нами“...

Маріанна поселилась въ ближайшемъ пригородѣ Дрездена и ежедневно видалась съ воспитательницей своего сына, которая охотно бесѣдовала съ нею и снабжала ее педагогическими сочиненіями, чему мать Вельфи была особенно рада. Только теперь, когда подлѣ нея не было ни мужа, ни его друга, чувствовала она, до какой степени они ее приучили имѣть потребность и въ духовныхъ интересахъ. Теперь нѣкому ей было растолковать все, чтò ей было непонятно въ книгахъ и газетахъ; и это отъивалось на ней гораздо ощутительнѣе, чѣмъ она могла ожидать.

Но и съ своими берлинскими родными и знакомыми она почти порвала всякія сношенія и переписывалась изрѣдка только съ тетуськой, которая охотно писала ей по двѣнадцати страничекъ своей неутомимой болтовни; а Маріанна съ неизмѣннымъ добродушіемъ и даже съ нѣкоторымъ умиленіемъ терпѣливо читала эту болтовню.

Кузень-Рихардъ писалъ ей одинъ только разъ въ своемъ обыкновенномъ галантномъ и изящно-„поручичьемъ“ тонѣ; сообщалъ ей свѣтскія и полковыя новости—между прочимъ свой „случайный“ провалъ на экзаменѣ въ академію—и, продолжая все въ томъ же веселомъ духѣ, намекалъ, что берлинскій сезонъ только въ томъ случаѣ былъ бы для него сносенъ, еслибы его оживила нѣкая берлинская уроженка, несравненная ни съ кѣмъ красавица—блондинка...

Маріанна отвѣтила ему въ томъ же духѣ, весело и привѣтливо; просила писать еще такія же милыя письма... но тѣмъ дѣло и кончилось. Второго письма „милый кузень“ такъ ей и не прислалъ.

Главнымъ развлеченіемъ Маріанны были берлинскія газеты—тѣ самыя, которыя она получала еще при жизни мужа. Разъ она прочитала извѣстіе, въ которомъ упоминалось его имя по по-

воду капитала, пожертвованнаго имъ въ пользу рабочихъ. Говорилось еще, что этимъ капиталомъ и процентами съ него покойный поручилъ завѣдывать ярому защитнику рабочихъ, адвокату ванъ-Теніусу. Кстати, тутъ же сообщалось и о предстоящемъ разбирательствѣ дѣла, которое велъ послѣдній. Наконецъ, найдена была „особа“, на показанія которой возлагались большія надежды, и все дѣло, должно быть, скоро выяснится окончательно...

Вельфи вернулся изъ школы и такъ и сыпалъ важными новостями изъ школьнаго быта, не получая отвѣта отъ своей мамы.

— Мама! Да ты не слушаешь? Опять эта противная газета!.. — горячился онъ.

— Въ этой противной газетѣ прекрасно написано про твоего папу, — замѣтила она. — Написано тоже и про дядю-адвоката.

— Ну, вотъ еще? — усомнился мальчикъ. — Чего о нихъ-то писать, объ этихъ адвокатахъ? Умеръ онъ, что-ли?

— Нѣтъ, Вельфи. Вотъ смотри: видишь, тутъ, гдѣ стоятъ: „одинъ изъ нашихъ самыхъ энергичныхъ адвокатовъ“ ...

Вельфи нашелъ и прочелъ вполголоса указанное мѣсто; но затѣмъ круто повернулся лицомъ къ своей мамѣ и безапелляціонно произнесъ:

— Ну, ужъ нѣтъ! Папа былъ въ тысячу разъ энергичнѣе, понимаешь. У насъ есть мальчикъ, у котораго папа адвокатъ: такъ тотъ и лысый, и такой.. Куда ему!..

— Но вѣдь ванъ-Теніусъ же не такой, какъ тотъ.

— Понятно! Зато онъ и былъ другомъ папы! Онъ не совсѣмъ какъ всѣ, другіе адвокаты... Понимаешь?

Маріанна, улыбаясь, схватила своего шалуна за обѣ щечки и звонко его расцѣловала.

XXI.

Незадолго передъ Рождествомъ, въ газетѣ съ твердымъ демократическимъ направленіемъ Маріаннѣ попалась статья, настолько серьезная, что она не сразу ее поняла; да и поняла-то весьма немного, хотя это немного и было самымъ существеннымъ, а именно: что ванъ-Теніусъ окончилъ свой большой ученый трудъ о состояніи рабочихъ и фабричныхъ, и что этотъ трудъ обратилъ на себя вниманіе если не всего ученаго міра, то по крайней мѣрѣ его единомышленниковъ. Въ заслугу автору ставилась безпристрастность, съ которой онъ отнесся къ статистическимъ даннымъ о бытѣ рабочихъ, горячность и искренность, которыя ска-

зались въ этомъ —еще безпримѣрномъ—трудѣ, добросовѣстность и усердіе котораго сквозили въ малѣйшихъ мелочахъ. Такая книга — неизскаемое сокровище для спеціалиста по фабричному вопросу; но только спеціалистъ и способенъ оцѣнить ея разностороннія заслуги. Смыслъ всего сочиненія такъ же коротокъ и ясенъ, какъ коротокъ и самый выводъ, помѣщенный въ концѣ книги, послѣ оглавленія; а энергиченъ онъ настолько, что его бы слѣдовало (съ точки зрѣнія демократовъ и защитниковъ рабочаго люда) отпечатать отдѣльно. Ужъ чего, кажется, яснѣе и короче? „Преобразованія или возмущеніе!“ — такова новая социальная программа этого смѣлаго труженика и поборника идеи справедливости!..

Далѣе, въ самой статьѣ приводились (въ извлеченіи, конечно) главные, основныя мысли интереснаго автора-труженика.

„Цѣлыя вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ люди возымѣли смѣлость назвать себѣ подобныя машинами, орудіями.

„Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ сдѣлался для насъ отчасти непреложнымъ фактомъ, а отчасти и психологическимъ вопросомъ въ томъ смыслѣ, что эти живыя машины думаютъ и чувствуютъ и подвержены такимъ же естественнымъ фیزیологическимъ измѣненіямъ, какъ и всѣ имъ подобныя — не-машины... какъ и все человѣчество вообще! Сильнѣе всякихъ другихъ разгараются въ наше время социальныя вопросы, и уже не сегодня установленъ фактъ, что не только рабочіе-мужчины, но даже женщины и дѣти являются не чѣмъ инымъ, какъ машинами, живыми машинами въ рукахъ капитала и... капиталиста! Такія машины обходятся дешевле искусственныхъ и не требуютъ поправки. Но эти живыя машины, однако, помогая своимъ трудомъ удовлетворенію своихъ лишь самыхъ насущныхъ и, такъ сказать, животныхъ потребностей, въ то же время выказываютъ и способность мыслить и чувствовать тягость своего безвыходнаго, поработченнаго состоянія.

„Коммунизмъ и анархизмъ — все это звукъ пустой; неясныя мечты, которыя способны привести лишь къ полному хаосу, какъ слѣдствію недоразумѣній и увлеченій излишней горячностью въ любви или въ ненависти между ихъ послѣдователями и представителями. Они не приведутъ ни къ чему! По-прежнему, какъ и множество вѣковъ тому назадъ, рабы денежной мощи, живыя машины, которыя куютъ своими трудами золото и серебро, будутъ чувствовать гнетъ своей безпросвѣтной жизни.

„Денежныя мѣшки, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе живыхъ машинъ, работающихъ на нихъ же, должны будутъ со временемъ, подчиниться давленію, которое сильнѣе и выше ихъ. Тогда положеніе самихъ рабочихъ, женщинъ и дѣтей станетъ

по крайней мѣрѣ такимъ же обеспеченнымъ, какъ положеніе настоящихъ (паровыхъ и др.) машинъ, о которыхъ люди заботятся, которыя подмазываютъ, чистятъ и чинятъ своевременно, чтобы не дать имъ придти въ совершенную негодность.

„Соціальныя реформы—вотъ наименьшее, что можетъ сдѣлать человѣчество для себя подобныхъ; и ихъ будетъ достаточно для того, чтобы удовлетворить требованіямъ большинства. Но все-таки останется еще неутоленной духовная, умственная жажда этихъ самыхъ труженниковъ и бѣдняковъ.

„Мы не жалѣли ни времени, ни трудовъ, чтобы хотя отчасти, съ помощью статистическихъ данныхъ (опирающихся на бесспорно-научные факты и слѣдствія), освѣтить положеніе рабочихъ въ наше время. Съ этой цѣлью мы собрали цифровыя данныя за многіе десятки лѣтъ, въ надеждѣ, что теперь уже настало время отъ слова перейти къ дѣлу. Живыя машины громко вопіютъ, требуя, чтобы ихъ освободили отъ вѣкового гнета. И ихъ надо, ихъ необходимо освободить! Горе намъ, если среди насъ не найдется героя, который намъ же во спасеніе выполнитъ бы эту великую задачу“!..

Маріанна терпѣливо прочла все, что говорилось о трудѣ ванъ-Тениуса, и даже нѣсколько разъ перечитывала газетную статью; затѣмъ выписала самую книгу, сдѣлала изъ нея выписки, и даже Вельфи научился быть ей въ этомъ помощникомъ. Не сразу давались ей въ толкъ многіе изъ столбцовъ цифръ и вычисленій; но она, все-таки, умѣла добиться того, что въ концѣ концовъ хоть отчасти ихъ понимала.

Дни шли за днями. Миновали рождественскія вакаціи, и Вельфи опять сталъ ходить въ школу. Цѣлый день Маріанна оставалась одна, но она не скучала. Дѣло Твардкаго было назначено къ слушанію; затѣмъ стали появляться въ газетахъ ежедневные отчеты о засѣданіяхъ: о самомъ докладѣ, о рѣчи прокурора и о возраженіяхъ защитника во время допросовъ на судѣ. Маріанна все читала, всѣмъ интересовалась; ей близко было все, что касалось ванъ-Тениуса и его защиты. Похвалы, которыя одинъ консервативный органъ, а другой либеральный, расточали его уму и знанію дѣла, радовали и волновали ее, какъ еслибы онѣ касались ея самой.

На судѣ Твардкій прежде всего произвелъ неблагоприятное для себя впечатлѣніе: онъ держался крайне равнодушно и злобно, самоувѣренно улыбался на высказываемыя противъ него обвиненія; да и бумаги, въ которыхъ значилось, что онъ уже былъ два раза подъ судомъ, не могли не повредить ему въ общественномъ мнѣніи.

Его пріятельница, также нимало не смущаясь, давала показанія, но съ замѣчательной ловкостью избѣгала въ своихъ отвѣтахъ всего, что могло бы набросать тѣнь на ея возлюбленнаго, который такъ же внимательно поступалъ относительно ея. Прислуга фрау Шаде и она сама вполне сходились въ своихъ показаніяхъ; разногласія относительно личности убитаго вообще подъ конецъ разбирательства уже не было. Свидѣтели, которыхъ защитникъ до тѣхъ поръ въ глаза не видалъ, наглядно доказали всю непорядочность поступковъ фонъ-Церпена. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила публика за подробностями его неблагоприятныхъ генешфтовъ, которые какъ на ладони обрисовались изъ словъ двухъ банкировъ, двухъ отставныхъ офицеровъ и одного адвоката. Они всѣ показали, что убитый былъ у нихъ свой человѣкъ; но что они терпѣли его лишь изъ боязни, такъ какъ онъ зналъ кой-какія тайны, которыя они считали для себя лучшимъ хранить про себя; бывало (и даже не разъ), что тотъ же фонъ-Церпенъ занимался и вымогательствомъ.

Громкимъ и твердымъ голосомъ защитникъ (ванъ-Тениусъ) заявилъ, что дальнѣйшіе разспросы считаетъ излишними, но въ заключеніе „лишь просить присяжныхъ на-вѣки сохранить въ памяти эту минуту, когда предъ ихъ духовными очами развернулась потрясающая картина общества, которое могло терпѣть, чтобы въ немъ безпрепятственно жилъ и вращался такой низкій и позорный негодяй, какимъ оказался фонъ-Церпенъ,—и сносить его только потому, что онъ зналъ слишкомъ многое изъ того, что оно, это общество, желало хранить въ тайнѣ“...

Вся зала пришла въ волненіе.

Особенно блистательно вышло заключеніе предсѣдателя суда, объявившаго, что разбирательство дѣла закончено, и что защита вполне успѣшно доказала все, къ чему стремилась.

Газета—сторонница социалистовъ—въ восторженныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ привѣтствовала въ лицѣ защитника „неустранимаго героя,—творца смѣлаго, „рѣшительнаго“ сочиненія,—который не побоялся бросить въ лицо обществу дерзновенный, до-голъ неслыханный укоръ“!..

Щеки Маріанны пылали, а въ головѣ ея быстро слагалось неожиданное рѣшеніе...

На-скоро пославъ тетѣ телеграмму, она стала собираться въ дорогу и, собравшись, дождалась, пока Вельфи улегся въ постельку, чтобы, по обыкновенію, посидѣть около него, пока онъ не уснетъ.

— Прощай, дорогой! Не случай безъ мамы,—говорила она

ему.—Будь умница, слушайся фрау-Бригеръ, и вотъ увидишь, незамѣтно пройдутъ двое сутокъ...

— А это сколько часовъ, мама?

— Ну—сорокъ... сорокъ-восемь часовъ.

— А сколько это будетъ... минутъ, пока ты... вернешься?

— Ну, это уже сосчитай ты самъ, дружокъ!

Совсѣмъ сонная головка Вельфи не слушалась его, не хотѣла работать...

— Часъ имѣть... шестьдесятъ минутъ. Шестьдесятъ на-сорокъ... на-сорокъ... Мамочка, а что тамъ... дядь ванъ-Тениусу... голову... отрубать?.. Возьми меня!.. Дядь... шестьдесятъ... рубать...

И мальчикъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Поджидая ночной поѣздъ на вокзалѣ, Маріанна только удивлялась нетерпѣнью и брюзжанью пассажировъ; ей же, наоборотъ, становилось съ каждой минутой легче на душѣ, веселѣе. Въ такомъ настроеніи она сѣла въ вагонъ и, убаюканная его колыханьемъ, сладко задремала, вспоминая своего Вельфи и во снѣ улыбаясь его милому полу-сонному лепету...

Въ ярко-освѣщенномъ берлинскомъ вокзалѣ поджидала ее тетушка, которая, дрожа, куталась въ свой неразлучный сѣрый плащъ и, повидимому, искренне радовалась и пріѣзду племянницы, и тому, что у нея есть два входныхъ билета на судоговореніе въ Моабитѣ.

— Самъ сенаторъ прислалъ, и—вообрази!—на мое имя!—болтала она возбужденно.—Премилую записку написалъ... самъ встрѣтитъ насъ на нашихъ мѣстахъ и самъ усадитъ!..

Дома, несмотря на раннее утро, тетушка заставила Маріанну позавтракать и, не переставая, рассказывала ей о своей предусмотрительности и о томъ, что необходимо подкрѣпиться; но ея живые глаза такъ выразительно смотрѣли на племянницу, какъ будто она все поняла и все извиняла. Въ десять часовъ онѣ были уже въ залѣ суда.

— Ты молодецъ, дитя мое!—волновалась она и съ удивленіемъ смотрѣла на Маріанну, которая смѣло прошла по всѣмъ корридорамъ.—А мнѣ такъ жутко было! Мнѣ все казалось, что изъ-за каждой двери на насъ выскочитъ разбойникъ или убійца... Ахъ, посмотри! На судьяхъ черныя тоги... Фу, какой ужасъ! Можно съ ума сойти отъ страха!..

Маріаннѣ хотѣлось бы тотчасъ же внимательно оглядѣть всю залу, но любезный, хоть и пожилой кавалеръ,—сенаторъ, встрѣ-

тившій ихъ при входѣ, не давалъ ей опомниться и забросалъ изощреннѣйшими любезностями и замѣчаніями насчетъ разбираемаго дѣла.

— Я почитаю за особую честь быть возатымъ самой юной и самой прекрасной изъ представительницъ рода Оссендорфовъ,— говорилъ онъ; но ея нетерпѣніе не укрылось отъ него, и онъ— „самъ бывшій юристъ!“—принялся называть ей членовъ суда и различныхъ представителей закона.

— А этотъ ванъ-Тениусъ преинтересный господинъ! Весьма неглупый и горяченькій, могу васъ увѣрить! Онъ очень мнѣ по вкусу. Право, онъ—краса всѣхъ нашихъ адвокатовъ; ничего, кромѣ самаго хорошаго, про него не слышно... Онъ такъ принимаетъ къ сердцу этотъ процессъ, какъ еслибы онъ былъ на строго-политической подкладѣ. Если вамъ интересны, баронесса, психологическія стороны человѣка, рекомендую вамъ этотъ въ высшей степени интересный субъектъ...

Тѣмъ временемъ, разбирательство дѣла продолжалось (Маріанна опоздала къ началу).

— А этотъ свидѣтель, вѣрно, кучеръ?—перебила она своего собесѣдника.

— Да; и, собственно говоря, даже излишній. Не понимаю, къ чему такъ настаивалъ защитникъ, чтобы его допресли!.. Даже удивительно!..

Опять кучеру были предъявлены карточки убитаго; опять онъ не нашелъ въ нихъ никакого сходства; но зато поразительно было его заявленіе о томъ, что онъ возилъ тогда въ Грюневальдъ какихъ-то мужчину съ дамой, и что убитый шелъ мимо, когда раскланялся съ его сѣдокомъ, что его сѣдокъ вышелъ и пошелъ къ *тому* на встрѣчу; осанка же и походка явно изобличали въ немъ военнаго въ партикулярномъ платьѣ.

— Голову отдамъ на отсѣченіе, что мой сѣдокъ—военный офицеръ!—проговорилъ онъ горячо.—А *тотъ*—не тотъ, да и только!—съ невозмутимой серьезностью подтвердилъ онъ, что вызвало взрывъ смѣха въ публикѣ...

— Однако, прошу васъ еще разъ присмотрѣться и дать окончательное показаніе: все-таки, какихъ лѣтъ, по-вашему, былъ покойный?—услышала, наконецъ, Маріанна голосъ ванъ-Тениуса.

— Да лѣтъ на-двадцать помоложе г. защитника, сколько я смекаю!—съ юмористическою важностью порѣшилъ кучеръ, забавно поглядывая на него.

По залъ пробѣжалъ шопоть, а Маріанна, взглянувъ на лицо кучера, какъ будто вспомнила, что гдѣ-то уже видѣла его... Вѣдь

и она съ ванъ-Тениусомъ иногда ѣздила кататься въ Грюневальдъ!.. Однако, что за вздоръ лѣзеть въ голову въ этихъ страшныхъ стѣнахъ!

— Имѣеть ли г. защитникъ предложить свидѣтелю еще вопросъ?—обратился къ нему предсѣдатель.

— Я крѣпко стою за то,—отвѣчалъ ванъ-Тениусъ:—что именно въ воскресенье вечеромъ было совершено убійство, и совершенно тѣмъ самымъ офицеромъ, про котораго говорить свидѣтель. На этомъ фактѣ или предположеніи—назовите его какъ угодно—построена моя защита. Долгъ совѣсти повелѣвалъ мнѣ просить вызвать только-что допрошеннаго свидѣтеля... Я больше ничего не имѣю сказать, г. предсѣдатель!

Рѣчь прокурора, довольно убѣдительная, понятно, клонилась къ тому, чтобы съ помощью законовъ и экспертизы доказать, какъ дважды два—четыре, что убійство совершено въ понедѣльникъ, на зарѣ и никѣмъ другимъ, какъ Твардвимъ,—это неоспоримо.

— Господа присяжные засѣдатели! — продолжалъ онъ нѣсколько горячѣе:—повторяю вамъ еще разъ: я ни минуты не сомнѣваюсь въ искренности г. защитника. Я твердо увѣренъ, что онъ чистосердечно убѣжденъ въ невинности обвиняемаго, и это дѣлаетъ ему честь, какъ, впрочемъ, и вся его блестящая карьера: г. защитникъ—краса и грядущее свѣтило, которое грозитъ затмить славу его товарищей по профессіи. Но... (извиняюсь заранѣе за выраженіе!) г. защитникъ—идеалистъ!

Маріанна взглянула на ванъ-Тениуса.

Онъ видимо сдерживалъ свое возбужденіе и на его высокомъ лбу надулись жилки. Ей до слезъ стало больно и обидно за него: ей уже показалось, что его дѣло проиграно безповоротно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, ей было и отрадно слышать, съ какимъ уваженіемъ о немъ отзывался даже прокуроръ. Тетушка тоже это замѣтила и ласково кивнула племянницѣ въ знакъ того, что она понимаетъ ея мысли и вполнѣ имъ сочувствуетъ.

— Это и твой мужъ говорилъ!—прошептала она въ отвѣтъ на слово прокурора: „идеалистъ“! Тѣмъ временемъ, прокуроръ продолжалъ:

— Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Марта Нейбродъ, до знакомства своего съ обвиняемымъ, была порядочной дѣвушкой; но кого не испортитъ дружба съ преступникомъ, который уже не разъ побывалъ на скамьѣ подсудимыхъ? Ему (одному ему!) она обязана тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ сошлась!.. Будемъ надѣяться, что еще не слишкомъ глубоко

проникло въ нѣдра ея души вредное вліяніе ея... пріятеля. Будемъ надѣяться, что мы, какъ чутвіе психологи, разгадали тайну ея дѣвичьего сердца, и что ея поведеніемъ, ея скрытностью передъ судомъ, руководило хорошее, возвышенное чувство: желаніе—не выдавать подсудимаго! Въ такомъ случаѣ есть хоть одна отрадная сторона въ этомъ ужасномъ дѣлѣ; а дальше—пусть самъ Богъ разсудитъ, кто изъ нихъ и передъ кѣмъ правъ или виноватъ? Небесное правосудіе дальновиднѣе насъ: отъ Него ничто не укроется, и... думается мнѣ, что Оно повелѣваетъ намъ, Его представителямъ на землѣ, не оставлять этого дѣла безнаказаннымъ!

Свидѣтельница Марта Нейбродъ, на которую теперь было обращено все вниманіе Маріанны, горько заплакала. Смутился и принялся сморкаться, на нее глядя, также и подсудимый.

Защитникъ, съ тревогой на лицѣ, наклонился къ нему...

— Добрый онъ человѣкъ!—замѣтила шопотомъ тетушка.

Вкратцѣ, но довольно не-кратко, прокуроръ снова представилъ всю картину убійства и побужденій къ нему, а затѣмъ сказалъ въ заключеніе:

„Итакъ, гг. присяжные засѣдатели, передъ вами, одна за другой, развертывались картины самаго ужасающаго свойства. Онѣ глубоко запечатлѣлись у васъ на душѣ и долго будутъ вамъ памятны. Сочувствую вамъ и понимаю, что главное волнующее васъ чувство въ настоящую минуту заслоняетъ отъ вашихъ духовныхъ очей всѣ другія... И это чувство... чувство жалости и милосердія!

„Прошу васъ горячо и убѣждаю: не довѣряйтесь ему всецѣло! Не давайте ему воли надъ собою! Не обманывайтесь насчетъ слезъ, которыя проливаютъ подсудимый и его преступная подруга! Исполняйте не колеблясь свою священную обязанность, свой долгъ передъ обществомъ, которое оказало вамъ безграничное довѣріе, поручивъ это дѣло рѣшенію вашей совѣсти. Проникнитесь этимъ сознаніемъ,—и вы не колеблясь, со спокойною совѣстью, вынесете подсудимому... обвинительный приговоръ“!..

По залѣ пронесся сдержанный гулъ.

Судьи и члены суда нагнулись другъ къ другу и обмѣнялись неслышными замѣчаніями. Подсудимый растерянно взглянулъ на защитника.

Первоприсутствующій всталъ и во всеуслышаніе объявилъ перерывъ на полтора часа. Судъ удалился въ одну дверь, присяжные—въ другую.

Въ залѣ поднялся шумъ и гамъ.

XXII.

Во время перерыва оказалось, что завтракать можно было не ходить въ буфетъ: у тетушки въ ридикюль былъ припрятанъ кусочекъ ростбифа на бутербродахъ и съ дюжину альбертовъ.

— Кушай, кушай, Анна-Марія, смѣло: это настоящіе альберты!—проговорила она.—Не стѣсняйся! Знаю я, что за аппетитъ развивается отъ судоговоренья!.. Я могу хоть цѣлый день ничего не ѣсть!

Маріанна тоже думала, что ей въ ротъ кусокъ не полѣзетъ, но мало-по-малу преисправно скушала всѣ припасы, которыми угощала ее добрая тетушка. Когда же сенаторъ, желая окончатально заявить себя предусмотрительнымъ и любезнымъ кавалеромъ, прислалъ дамамъ сельтерской и по стаканчику бордо, дамы—не только Маріанна, но и тетушка—сдѣлали честь присланному; второе было какъ нельзя болѣе кстати: въ залѣ было душно и жарко.

Вернувшись въ залу, сенаторъ постѣшиль успокоить Маріанну.

Онъ увѣрялъ ее, что ничего страшнаго еще нѣтъ и не будетъ: просто-на-просто, у себя въ комнатѣ присяжные потолекутъ по душѣ между собою и безъ малѣйшаго стѣсненія выскажутся откровенно. Положимъ, большинство увѣрено въ преступности поляка; но это еще далеко не значить, чтобы его осудили. Конечно, защитнику не легко придется; но если ему удастся доказать, что вина подсудимаго еще не такъ велика, какъ это явствуетъ изъ рѣчи прокурора,—присяжные могутъ признать его если и не совсѣмъ *невиновнымъ*, то хоть *заслуживающимъ снисхожденія*.

— А этотъ вѣдь защитникъ, кажется, весьма знающій юристъ?—осторожно спросила тетушка.

— Члены суда вообще весьма сочувственно относятся къ нему; но присяжные... Ихъ какъ-то не поймешь!.. Про него ходятъ слухи, что онъ будто бы хочетъ перемѣнить свою карьеру. Положимъ, держалъ онъ себя на судѣ все время безукоризненно; но черезчуръ ужъ онъ, по-моему, плѣнился своимъ скромникомъ-полякомъ. Слишкомъ неблагоприятная задача—доказывать, что тотъ невиновенъ!

— А!.. Вы такъ думаете?—тревожно спросила Маріанна.

— Но, кажется, защитникъ...—начала-было тетушка и не успѣла продолжать.

Перерывъ кончился...

— Слово принадлежитъ защитѣ!—объявилъ предсѣдатель

— Г. присяжные!

„До сихъ поръ мнѣ приходилось защищать лишь такихъ обвиняемыхъ, которые сознавали свою вину; не отрицались отъ своихъ преступныхъ дѣйствій и открыто заявляли, что они—противники существующаго общественнаго строя. Для меня были ясны ихъ поступки и побужденія, и цѣль моей защиты была единственно—оправдать эти побужденія, не вступая въ споръ съ представителемъ обвинительной власти относительно самаго факта преступленія.

„Что же касается настоящаго случая, я, благодаря ему, являюсь новичкомъ на знакомомъ мнѣ поприщѣ, и прошу не пропускать мнѣ промаховъ, которые могутъ у меня случиться. Вторяю: для меня совершенно ново то положеніе, въ которомъ находится въ данномъ случаѣ защита. На этотъ разъ цѣль ея—выяснить недоказанность причинъ къ подозрѣнію обвиняемаго въ убійствѣ. Мы совершенно расходимся съ прокурорскимъ надзоромъ въ самомъ основномъ фактѣ,—фактѣ убійства, которое я рѣшительно отрицаю!

„До настоящей минуты я надѣялся, что по моимъ вопросамъ и замѣчаніямъ, занесеннымъ по моей просьбѣ въ протоколъ, г. прокуроръ уже могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о моихъ воззрѣніяхъ на текущее дѣло и, такимъ образомъ, получить возможность еще заранѣе ослабить вліяніе всего, что я могъ бы сказать въ пользу подсудимаго. Не могу не отдать г-ну прокурору полной справедливости: онъ воспользовался этой возможностью крайне добросовѣстно. Мы открыто выступаемъ одинъ противъ другого; мы открыто расходимся въ мнѣніяхъ, и не скрываемъ своей судебной враждебности; мы честно и искренно отстаиваемъ каждый свое воззрѣніе. Мнѣ очень жаль, что какъ въ основныхъ, такъ и во второстепенныхъ положеніяхъ мнѣ приходится выступать противникомъ г. прокурора. Поборотъ его личныя убѣжденія я не считаю себя въ силахъ и не надѣюсь достигнуть этого единственно своимъ краснорѣчіемъ; но г. прокуроръ не отказываетъ мнѣ въ чистосердечности, и вотъ, опираясь на его лестное мнѣніе обо мнѣ, я рѣшаюсь приступить къ защитѣ, и прежде всего начать ее заявленіемъ, что я не вѣрю и никогда, ни на одну минуту, не вѣрилъ въ виновность подсудимаго! Мало того,—говорю предъ лицомъ всего суда открыто:—будь это не въ наше время, а въ среднихъ вѣкахъ, когда былъ такъ силенъ духъ рыцарства и чести, я бы тутъ же передъ вами протянулъ руку своему вліенту и отъ души пожалъ бы ее въ знакъ того, что я не считаю его способнымъ на убійство.

„Что же касается неумолимаго приговора, высказаннаго г. прокуроромъ, я бы старался смягчить его тѣми данными, которыя говорятъ далеко не въ пользу убитаго и отчасти оправдываютъ самый фактъ убійства.

„Эгонъ Герръ, самовольно присвоившій себѣ титулъ „фонъ-Церпена“, равно какъ и званіе журналиста, былъ, безспорно, членъ нежелательный въ порядочномъ обществѣ. Можетъ быть,—я даже самъ готовъ это допустить,—въ средѣ его прежнихъ знакомыхъ, еслибы онъ остался живъ, удовлетворились бы только тѣмъ, что, узнавъ о его продѣлкахъ и предосудительномъ поведеніи, покачали бы неодобрительно головою и назвали его просто „бездѣльникомъ“, „шалопаемъ“, „дрянь-человѣкомъ“, „обманщикомъ“ или „опаснымъ игрокомъ“... Но мнѣ приходится защищать передъ вами жизнь человѣческую, и борьба, которая выпала мнѣ сегодня на долю,—борьба не на жизнь, а на смерть!

„Это — борьба съ подозрѣніемъ, запятнавшимъ обвиняемаго; подозрѣніемъ, которое привело его на скамью подсудимыхъ!

„Что же за причина породила это подозрѣніе? Кто прямо или косвенно виновенъ въ томъ, что подсудимый заклеименъ страшнымъ именемъ „убійца“? Все тотъ же фонъ-Церпенъ,—вредный членъ общества, на которое позоромъ ложится его жалкое, безчестное существованіе. Вотъ что мнѣ придаетъ силы прямо называть вещи своимъ именемъ и, ради живого, не щадить память мертваго... потому что этотъ мертвый, и по смерти своей, недостоинъ пощады, которой ему слишкомъ много было оказано при жизни. Эгонъ Герръ былъ человѣкъ злоредный, человѣкъ преступный, и не разъ уже тяготѣло надъ нимъ справедливое обвиненіе суда; въ трехъ городахъ судъ его заклеимилъ позорнымъ именемъ преступника, прежде чѣмъ онъ самъ явился предъ судомъ въ качествѣ жертвы преступленія. Г. прокуроръ такъ горячо нарисовалъ исторію убійства, что возбужденіе присутствующихъ противъ убійцы справедливо могло достигнуть высшей своей степени; но я, съ своей стороны, считаю своей обязанностью горячо принять къ сердцу положеніе убійцы, и по мѣрѣ силъ и возможности привлечь присутствующихъ... на его сторону!

„Разберемъ основательнѣе этотъ ужасный терминъ: „убійца!“ и посмотримъ, можно ли дѣйствительно примѣнить его къ человѣку, который, волею судьбы, послужилъ правосудію, освободивъ общество отъ тлетворнаго вліянія самаго позорнаго изъ его членовъ!.. Но повторяю: я не вѣрю въ виновность подсудимаго и постараюсь наглядно васъ убѣдить въ томъ, что онъ не убійца“!..

Увлекательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и наглядно ванъ-Те-

ніусть подробно описавъ всю жизнь, всѣ интересы и поступки Твардкаго, которые могли бы пролить свѣтъ на его личность, какъ непрічастную къ данному преступленію. Защитникъ, видимо, возлагалъ большія надежды на его „alibi“, утверждая, что убійство скорѣе могло быть совершено вечеромъ въ воскресенье или въ ночь на понедѣльникъ, но только не въ понедѣльникъ утромъ или на зарѣ. Наконецъ, на послѣднее не было, да и нѣтъ строго-научныхъ доказательствъ; а научныя данныя (и ванъ-Тениусть привелъ нѣсколько весьма ученыхъ и доказательныхъ изслѣдованій и опытовъ надъ разложеніемъ труповъ) сводятся къ тому, что убійство могло совершиться съ одинаковою вѣроятностью какъ за двадцать-четыре часа до открытія трупа, такъ и за тридцать-шесть. Въ сущности (съ точки зрѣнія защитника), сами медъки и другіе спеціалисты предъ судомъ являются не болѣе, какъ свидѣтелями въ пользу или во вредъ подсудимаго. Что же касается психологической стороны дѣла — отвѣтственность за нее всецѣло лежитъ на присяжныхъ, на ихъ приговорѣ!

Съ каждымъ словомъ, все ярче и образнѣе, все злѣе и юмористичнѣе становилась рѣчь защитника. Онъ горячо нападалъ на самоувѣренность и непогрѣшимость экспертизы, установившей, что „смертельный ударъ нанесенъ не иначе, какъ ломомъ“... потому что убійца по профессіи землекопъ; будь онъ каменщикомъ... О! тогда безусловно фонъ-Церпенъ былъ бы убитъ... трамбовкой; такъ, по крайней мѣрѣ, гласило бы „окончательное заключеніе“ экспертовъ-спеціалистовъ.

„Гг. присяжные засѣдатели! — горячо продолжалъ ванъ-Тениусть: — Я иду дальше въ своихъ предположеніяхъ: я допускаю, что убійца изящнаго „журналиста“ былъ не кто иной, какъ простой пастухъ... Но его вина не можетъ оставаться тайной для гг. экспертовъ: чѣмъ же, какъ не бичомъ, прикончилъ онъ свою жертву? Они такъ прямо и говорятъ, что экспертизой „установлено“, и т. д.

„Но вѣдь вы, гг. присяжные, не эксперты, не „люди науки“! Вамъ надо самимъ наглядно убѣдиться и сознать, что именно и какъ произошло. Вамъ предстоитъ не „устанавливать“ фактъ, что Твардкій убійца, а убѣдиться въ томъ: дѣйствительно ли онъ убійца?

„Какъ только вы придете къ убѣжденію, что орудіе, которымъ было совершено преступленіе, было не „найдено“, а „вымышлено“ гг. экспертами, — вы сами поймете, что это могло случиться въ силу психологическаго процесса, который необходимо

должно было вызвать въ нихъ отношеніе слѣдователя къ обвиняемому.

„Я ихъ и не виню; я только утверждаю, что ошибаться свойственно каждому... не исключая и людей науки!

„Я хотѣлъ бы только напомнить вамъ, гг. присяжные, что эксперты сначала пришли къ заключенію, что черепъ убитаго такъ плохо сросся, что его легко могъ раскроить ударъ обыкновенной палки, но вслѣдъ затѣмъ они же остановились на томъ предположеніи, что ударъ былъ нанесенъ ему желѣзнымъ ломомъ...

„Итакъ, вернемся къ самому убійству; припомнимъ показанія кучера и другихъ ближайшихъ свидѣтелей, и по ихъ показаніямъ постараемся возстановить вѣроятную картину убійства.

„Сколько помнится, раздраженіе, въ которомъ въ шесть часовъ вечера вышелъ фонъ-Церпенъ отъ фрау Шаде—достаточно установлено слѣдствіемъ и допросомъ.

„Идя по большой дорогѣ Грюневальда, онъ, понятно, былъ далеко не въ розовомъ настроеніи...

„Сумерки уже наступали; но это не мѣшало ему разглядѣть, прямо передъ собой, проѣзжавшее мимо открытое ландо. Помахивая тросточкой, онъ шелъ себѣ впередъ, какъ вдругъ остановился въ коляскѣ сидѣли господинъ съ дамой, выѣхавшіе, очевидно, покататься безъ свидѣтелей, чтобы свидѣться наединѣ. По словамъ кучера, который вѣроятно подтвердилъ бы мое предположеніе (еслибъ его не вызвали изъ залы суда обязанности службы, о чемъ я глубоко сожалью!), что этотъ господинъ дѣйствительно былъ, повидимому, военный въ партикулярномъ платьѣ, и отнюдь не походилъ на „штафирку“. Чего естественнѣе также допустить, что его спутница была въ то же время и дамой его сердца? Въ Грюневальдѣ никто не могъ имъ помѣшать вдоволь наговориться, насмотрѣться другъ на друга.

„Но судьба судила иначе.

„Фонъ-Церпенъ зналъ всѣхъ и cadaго въ свѣтскомъ кругу, и узналъ графиню (отчего бы не допустить, что прекрасная незнакомка дѣйствительно была графиня). Она бросила стариву-шарманщику талеръ: такая милостыня—пустяки лишь для богатыхъ! Ну, если это и не графиня, скажемъ: во всякомъ случаѣ, богатая свѣтская женщина. И эта женщина, на его глазахъ, сидитъ въ коляскѣ рядомъ... не съ мужемъ—нѣтъ! а съ человекомъ, который ее любитъ, и которому она, по всей вѣроятности, платитъ тѣмъ же...

„Прекрасное дѣло! Тутъ будетъ чѣмъ поживиться!..—думаетъ

негодяй, который всёхъ знаетъ въ лицо, и уже строитъ планы, какъ „заворкуютъ“ у него въ когтяхъ эти голубочки...

„Дама не видала прохожаго, но зато его хорошо видѣлъ ея спутникъ, офицеръ, и несмотря на легкій, но вѣжливый поклонъ шантажиста, мигомъ сообразилъ всё послѣдствіи этой встрѣчи.

„Онъ взволнованъ; онъ горитъ негодованіемъ, и готовъ своей кровью заплатить за то, чтобы негодяй не смѣлъ коснуться ни единого волоса на головѣ любимой женщины!.. Выйдя изъ колески, онъ отпускаетъ молодую женщину одну, а самъ идетъ на встрѣчу негодяю“!

Волненіе защитника все возростало.

Онъ тихо спросилъ себѣ стаканъ воды и, опершись локтемъ, задумчиво склонилъ голову на руку.

Публика, затанувъ дыханіе, глазъ съ него не сводила.

Тетушка повернулась къ Маріаннѣ и прошептала:

— Это гораздо интереснѣе, нежели я думала! Но... что съ тобою? На тебѣ лица нѣтъ! Не лучше ли домой?..

Неподвижно, блѣдная какъ полотно, сидѣла Маріанна и молчала, не отрывая своего испуганнаго взора отъ защитника. Въ отвѣтъ на замѣчаніе тетки она только отрицательно, чуть замѣтно махнула рукой.

— Да, да... потрясающее впечатлѣніе! — подхватила та. — Но если ты сама не хочешь уходить, то и я съ удовольствіемъ останусь...

„Итакъ, гг. присяжные засѣдатели, — продолжалъ защитникъ: — позвольте мнѣ изобразить вамъ картину того, что потомъ случилось, и при какихъ именно обстоятельствахъ негодяй и преступникъ самъ палъ отъ руки невѣдомаго намъ убійцы... На слѣдствіи намъ не хватало показаній еще одного свидѣтеля; но пусть это насъ не смущаетъ, — мы вѣдь достаточно ознакомились въ жизни съ тѣми типами, представителями которыхъ являются два моихъ главныхъ дѣйствующихъ лица: убійца и убитый.

„Одинъ изъ нихъ, безспорно, негодяй, — человѣкъ самыхъ безчестныхъ правилъ и стремленій. Другой, — какъ надо полагать, человѣкъ нашего круга, самый обыкновенный, — какъ большинство изъ насъ: ни дурной, ни особенно хорошей; человѣкъ, не застрахованный отъ необузданной вспышки гнѣва... не говорю даже, чтобы всегда справедливаго. Молодой, влюбленный, впечатлительный, но стойкій („сейчасъ видно: военная восточка!“ — какъ характеризуетъ его вучерь), офицеръ прежде всего, не те-

ря самообладанія, пробуетъ убѣдиться, узналъ ли фонъ-Церпенъ его прекрасную спутницу?..

„Какъ отъявленный негодай и привычный мошенникъ, фонъ-Церпенъ недолго оставляетъ своего собесѣдника въ невѣденіи: онъ грозитъ учинить скандалъ, разгласить видѣнное. И офицеръ знаетъ прекрасно, какъ тяжело можетъ этотъ скандалъ отразиться на женщинѣ, которую онъ боготворитъ, и, можетъ быть, на счастье многихъ другихъ, близкихъ къ ней людей. Почему знать?.. Онъ можетъ потребовать „только“ денегъ... за свое молчаніе. Но легче ли этотъ второй исходъ, чѣмъ первый? Можетъ быть, его требованія превзойдутъ все жалованье, все состояніе офицера... и что тогда? Нужда, необходимость могла бы его тогда заставить прибѣгнуть за помощью къ любимой женщинѣ, которой до сихъ поръ приходилось лишь обижаться на его отказы пользоваться при случаѣ ея кошелькомъ: вѣдь она (не забудьте!) богатая женщина!.. Я думаю, мы можемъ и дальше пойти въ своихъ предположеніяхъ. Допустимъ еще, что фонъ-Церпенъ потребовалъ отъ него даже большаго:—что онъ хотѣлъ быть съ нимъ официально на правахъ „друга“ и „близкаго человѣка“, и требовалъ отъ него рекламы, какъ „честнаго малаго, порядочнаго человѣка“; наконецъ, предлагалъ ему рѣшить вопросъ чести поединкомъ... Но кто жъ выходитъ на дуэль съ... негодаемъ?

„Помните, они были одни, и офицеръ—единственный свидѣтель подлости бевстыднаго нахала—видѣлъ передъ собой уже не человѣка, а просто зловредное существо, угрожавшее жизни и спокойствію тѣхъ, которые были ему дороги!..

„Вокругъ было тихо, безлюдно... Они были близко отъ кучи полѣнъ...

„Не знаю, какъ и въ какой именно моментъ (этого, впрочемъ, и никто не знаетъ!).. я лишь предполагаю, что въ порывѣ гнѣва, негодованія и сердечной боли, офицеръ машинально схватилъ первое попавшееся полѣно и имъ нанесъ оскорбителю смертельный ударъ. Замѣйте: я допускаю самый фактъ убійства, но не допускаю даже мысли, чтобы виновный дѣйствительно *хотѣлъ убить!*

„Почему знать, что могло привести несчастнаго въ такое изступленіе? Фонъ-Церпенъ могъ оскорбительно отозваться о его спутницѣ,—о женщинѣ, которую тотъ боготворилъ... И, сдерживая гнѣвъ, пока рѣчь касалась больше его самого, офицеръ не въ силахъ былъ совладать съ собою, когда негодай затронулъ ее, несравненную, страстно любимую!..

„Онъ не стерпѣлъ... И негодай палъ мертвымъ.

„Гг. присяжные! Прошу васъ отнюдь не думать, что я сни-

сходительно отношусь къ убійцѣ: ни вамъ, ни мнѣ онъ не извѣстенъ и, какъ бы ни было невольное его преступленіе, я не считаю его вправѣ отнимать жизнь у себѣ подобнаго, т.-е. у человѣка вообще, хотя бы человѣкъ этотъ и не заслуживалъ много прозвища, какъ *негодяй!*

„Повѣрьте мнѣ, убійцѣ и самому, конечно, не легко пришлось его безумная вспышка. Онъ самъ, навѣрное, испугался своего поступка, и теперь тѣнь убитаго омрачаетъ доселѣ безоблачную любовь, ради которой онъ сдѣлался преступникомъ. Безнаказанность не многимъ облегчить его совѣсть; она, повѣрьте, тяжелою тайной встанетъ между нимъ и любимой женщиной!..

„Предъ вами, предъ лицомъ суда, я сознаюсь чистосердечно, что, не задумываясь, осудилъ бы настоящаго убійцу, хотя я и не допускаю, ни въ какомъ случаѣ, съ его стороны умысленности въ убійствѣ!

„Но Тврдкій,—подсудимый, котораго я защищаю,—не есть *настоящій* убійца; и я приложу всѣ старанія, чтобы сдѣлать это для васъ такъ же очевиднымъ, какъ оно очевидно мнѣ.

„Для человѣка нашего круга вовсе уже не такое обычное дѣло убить (хотя бы и нечаянно) другаго; поэтому естественно допустить, что офицеръ (какъ его называютъ кучеръ) испугался, увидя, къ чему привела его горячность. Не будемъ вдаваться въ подробныя догадки, что долженъ былъ думать и чувствовать несчастный передъ бездыханнымъ трупомъ, кровь котораго онъ пролилъ самовольно. Скажемъ только, что его первой мыслью, придя въ себя, было и *должно было* быть, что надо, во что бы то ни стало, отстранить отъ себя подозрѣніе, изъ любви къ дорогой ему женщинѣ, имя которой будутъ таскать по судамъ и позорить!..

„Прежде всего, ему показалось наиболѣе правдоподобнымъ убійство съ цѣлью грабежа, и онъ тотчасъ же привелъ свою мысль въ исполненіе. Настоящій воръ и убійца обшарилъ бы прежде всего карманы и кошелекъ своей жертвы. Офицеръ же не могъ знать (какъ не зналъ бы, впрочемъ, и воръ), что этотъ свѣтскій щеголь имѣлъ обыкновеніе носить деньги въ жилетѣ. Воръ не оставилъ бы на мѣстѣ преступленія массивнаго серебрянаго портсигара и спичечницу, которая бросается въ глаза своимъ изяществомъ. Но для нашего невѣдомаго убійцы самое прикосновеніе къ убитому уже было противно; онъ рѣшился снять съ него лишь золотыя часы и, судорожно сжимая ихъ въ рукѣ, побѣжалъ прочь, подальше отъ ужаснаго мѣста, гдѣ лежалъ трупъ съ пробитой головою, ясно сознавая лишь одно (да и то больше инстинктивно!): что нельзя бѣжать по направленію къ людной мѣстности Вест-

знда, гдѣ недалеко былъ (по всей вѣроятности) и домъ, въ которомъ жила она, любимая женщина!

„Сумерки окончательно окутали окрестность, и нашъ бѣглець, которому въ темнотѣ было еще страшнѣе, только о томъ и могъ думать, какъ бы скорѣй добѣжать до рѣки и въ нее бросить зловѣщую улику—часы убитаго. Но Шпрее—далеко въ сторонѣ, а мысли у него съ каждой минутой все болѣе и болѣе мутились... Холодный потъ проступалъ на лбу...

„Вдругъ, добѣжавъ до шоссе, онъ остановился и почувствовалъ, что еще держать въ рукѣ роковые часы. Ни на мигъ не задумываясь о томъ, какія могутъ отъ этого быть послѣдствія для него или для кого другого, онъ, содрогаясь отъ ужаса, швырнулъ ихъ въ сторону, насколько хватило его силъ...

„Вы слышали, гг. присяжные, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ были найдены эти часы, и можете изъ всего, вами слышаннаго, убѣдиться, что послѣднее подтверждается съ математическою точностью: часы дѣйствительно были найдены на такомъ мѣстѣ и на такомъ разстояніи отъ шоссе, куда они могли упасть именно вслѣдствіе сильнаго размаха человеческой руки. Кромѣ того, мѣсто ихъ нахожденія подтверждается еще и присутствіемъ подъ крышею часовъ тончайшихъ глиняныхъ и песчаныхъ пылинокъ, рассмотрѣнныхъ въ увеличительное стекло и микроскопъ.

„Я, можетъ быть, и вышелъ изъ рамокъ обыкновенной защиты; но, гг. присяжные, я взялъ на себя эту смѣлость единственно съ цѣлю изобразить вамъ нагляднѣе положеніе неизвѣстнаго намъ, настоящаго убійцы, чтобы тѣмъ рѣзче и тѣмъ яснѣе выступила передъ вами непричастность къ убійству обвиняемаго!

„Я больше ничего не имѣю сказать: я увѣренъ, что вашъ приговоръ будетъ постановленъ свободно, безпристрастно!..

„Пусть не смущаетъ васъ и то, что оправданіе Твардкаго, т.-е. мнимаго, кажущагося убійцы, дастъ настоящему виновнику преступленія ускользнуть безнаказанно и безслѣдно изъ рукъ закона. Допустимъ, что надъ Твардкимъ уже произнесенъ обвинительный приговоръ;—что его ждетъ смертная казнь... И что же? Настоящій убійца можетъ самъ явиться, чтобы заявить о себѣ, лишь бы спасти другого,—ни въ чемъ неповиннаго!.. Но вы не должны, вы не вправѣ до этого допустить и не допустите себя играть въ опасную игру съ жизнью человеческой. Ваша задача, вашъ священный долгъ—не въ томъ, чтобы раскрыть тайну никому неизвѣстнаго и, можетъ быть, уже достаточно наказаннаго человѣка, но въ томъ, чтобы освободить отъ подозрѣнія невиннаго. И я знаю, я увѣренъ, что вы оправдаете его!..

„Да, гг. присяжные! Вы оправдаете, вы *должны* его оправдать“!..

XXIII.

Горячее, прочувствованное воззвание защитника замерло въ воздухѣ, и послѣ мгновенной гробовой тишины въ залѣ суда вдругъ поднялся тотъ особый шумъ, который ясно говорить, до чего были взволнованы внимательные слушатели.

Своеобразный кашель, которымъ, будто бы, можно прикрыть свою чувствительность, сморканье и нервный говоръ—слышались со всѣхъ сторонъ, несмотря на присутствіе судей. Какой-то полный, почтенныхъ лѣтъ и таковой же почтенной наружности старичокъ, одинъ изъ присяжныхъ, не стѣсняясь, вытиралъ себѣ полныя слезы глаза. Прокуроръ шевельнулся, какъ бы порываясь встать; но только сдѣлалъ головой какое-то неопредѣленное движеніе и, нервно проведя карандашомъ по листу бумаги, который лежалъ передъ нимъ, откинулся на спинку кресла.

Ванъ-Тениусъ, который слѣдилъ за движеніями прокурора, вздохнулъ свободно, отеръ потъ со лба и снова надѣлъ свою форменную шапочку.

Первоприсутствующій всталъ и въ краткихъ, повидимому безпристрастныхъ, выраженіяхъ резюмировалъ сущность дѣла. Какъ ни кратко, какъ ни сухо было его изложеніе, онъ однако весьма умѣстно и въ мѣру сумѣлъ отдать должное и слѣдственной комиссіи, и прокурору; но изъ его же словъ можно было заключить, что усилія защиты обѣлить подсудимаго, вѣроятно, должны одержать побѣду.

Шумъ и волненіе въ залѣ усилились невообразимо, какъ только, вслѣдъ за судомъ, ушли совѣщаться и присяжные.

Свидѣтели, большинство которыхъ еще оставалось въ залѣ, бесѣдовали между собою, и защитникъ серьезно и привѣтливо что-то говорилъ обвиняемому.

Тетушка опять обратилась къ Марианнѣ:

— Право, ты ужасно блѣдна! Я бы, кажется, ни минутки дольше не выдержала... Какъ тебѣ кажется: вѣдь его оправдаютъ?

— Я всю ночь провела въ дорогѣ!—беззвучно отвѣчала Марианна.

Членъ суда, знакомый Оссендорфовъ,—подошелъ къ дамамъ:

— Изумительная, превосходная защита! — проговорилъ онъ возбужденно. — По всей вѣроятности, его оправдаютъ... Теперь

ужь ванъ-Тениусъ только держись: ему со всѣхъ сторонъ будутъ навязывать самые страшные уголовные процессы. А если онъ каждый разъ будетъ такъ же горячо принимать въ сердце дѣло своего клиента,—его самого не надолго хватить!

Тетушка съ видимымъ удовольствіемъ принялась бесѣдовать съ членомъ суда о томъ, что теперь можетъ происходить въ комнатѣ присяжныхъ, какъ вдругъ Маріанна прервала ее на минуту:

— Позволь мнѣ не надолго занять твое мѣсто.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! — спохватилась добродушная старушка.—И какъ это я, право, не сообразила раньше, что съ моего мѣста лучше видно! Прости меня, старую эгоистку: я не подумала спросить тебя, а ты... Ты бы давно такъ и сказала, моя голубушка! Моя старая шляпа, какъ на грѣхъ, мѣшала тебѣ видѣть всю залу... Зато теперь, видишь, какъ все чудесно видно?.. Впрочемъ, это можетъ быть даже къ лучшему: приговоръ суда, вѣроятно, будетъ самымъ эффектнымъ моментомъ,—и, обернувшись къ члену суда, тетушка стала спрашивать его, какъ себя чувствовалъ сегодня Твардѣй и давали ли ему обѣдать?

Молча помѣнялась Маріанна съ тетушкой мѣстами. Сердце у нея билось и такъ больно замирало, что она невольно закрыла глаза. Но затѣмъ, когда она взглянула на залу суда, ее поразило, до чего близко отъ нея сидѣлъ ванъ-Тениусъ: просто рукой подать! Ей стало жутко; но защитникъ не поднималъ глазъ и тихо говорилъ съ обвиняемымъ.

Бъ нему подошелъ прокуроръ и, чуть замѣтно шевеля губами, что-то любезно сказалъ; они пожали другъ другу руки... Въ эту минуту въ залу суда уже входилъ председательствующій.

Губы защитника подернула нервная улыбка; но это былъ одинъ только мигъ. Онъ снова принялъ неподвижную позу и невозмутимое выраженіе лица.

Не сводя съ него глазъ, всѣми силами души желая, чтобы онъ на нее оглянулся, Маріанна тихо-тихо прошептала, едва шевеля губами:

— Робертъ!

Ванъ-Тениусъ по прежнему сидѣлъ неподвижно, очевидно не чувствуя ея настойчиваго взгляда, не слыша сердцемъ ея шопота.

— Робертъ!—повторила она.

И на этотъ разъ, словно повинуюсь какой-то невѣдомой силѣ, ванъ-Тениусъ обвелъ глазами всю залу и пристально всмотрѣлся въ ту сторону, гдѣ сидѣла Маріанна. Она чуть шевельнула рукою и по лицу его увидала, что онъ замѣтилъ ее и какъ бы

безъ словъ укоряетъ, зачѣмъ она пришла. Ихъ взоры встрѣтились, и на тонкихъ чертахъ молодой женщины мгновенно не осталось и тѣни тревоги, напряженности. На ея полу-открытыхъ губахъ появилось милое, знакомое ему, спокойное выраженіе и только рядокъ бѣлоснѣжныхъ зубовъ сверкалъ при свѣтѣ газоваго освѣщенія. Его гнѣмой укоръ вызвалъ въ ней только слабый протестъ — движеніе дрожащей руки, а въ ея большихъ темныхъ глазахъ загорѣлся непрерывный, настоятельный вопросъ...

Ванъ-Тениусъ наморщилъ лобъ, нервно поджалъ губы и медленно опустилъ голову на грудь.

Маріанна задумчиво откинулась на спинку стула.

Въ залѣ стало такъ тихо, что, казалось, было бы слышно, какъ муха пролетитъ. Присяжные вынесли *единогласный* приговоръ:

— *Нѣтъ, не виновна!*

Послѣ обычныхъ формальностей и поясненій, защитникъ горячо пожалъ руку оправданному и объявилъ ему, что онъ — свободенъ.

Марта Нейбродъ и другіе его знакомые поляки подошли къ своему товарищу и поздравляли его. Твѣрдый весело смѣялся.

Тетюшка звала Маріанну домой, и Маріанна уже хотѣла встать, чтобы идти... но пошатнулась и ухватилась за спинку стула.

— Ну, ну, полно! Какъ тебѣ не стыдно! — шутя, журила ее старушка. — Вотъ что значить съ непривычки...

Членъ суда предложилъ руку Маріаннѣ, и она покорно оперлась на нее.

— Благодарю васъ, — прошептала она. — Только бы дойти до кареты!..

Въ корридорѣ и въ большихъ сѣняхъ суда толпилась масса публики. У самыхъ дверей тетюшка замѣтила ванъ-Тениуса и громко окликнула его. Онъ оглянулся и увидѣлъ Маріанну подъ руку съ членомъ суда. Постепенно придвигаясь къ нимъ въ толпѣ, онъ не слышалъ, какъ Маріанна смущенно шептала теткѣ:

— Пожалуйста, тетя... Мнѣ бы хотѣлось... сказать доктору...

— Да, да, Анна-Марія: надо его поздравить! Онъ такъ прекрасно говорилъ, что даже я оправдала бы подсудимаго!.. Идите, идите сюда, ванъ-Тениусъ! Мы хотимъ васъ поздравить съ успѣхомъ. И, знаете... Здравствуйте, здравствуйте!.. Знаете, Маріанна чуть въ обморокъ не упала: до того разволновалась!.. Нашъ милый членъ суда такъ былъ любезенъ, что...

Но ванъ-Тениусъ уже здоровался съ членомъ суда, съ которымъ былъ немного знакомъ. Маріанна еще не проронила ни слова.

Вынувъ свою руку изъ-подъ локтя члена суда, она сказала, смущенно улыбаясь:

— Благодарю васъ: вотъ я и окрѣпла! Здравствуйте, докторъ. А я боялась, что мы еще не скоро васъ увидимъ. Но теперь... какъ видите, я ужъ вернулась...

Тяжело дыша, она не могла продолжать. Улыбка не сходила съ ея губъ, но она больше ужъ не брала подъ-руку своего любезнаго спутника.

Какъ-то неувѣренно смотрѣлъ на нее ванъ-Тениусъ.

— Неужели мы и теперь не такъ скоро увидимся опять, баронесса?

— Право, не знаю, какъ вамъ сказать. Я теперь... Я пробуду. Можетъ быть, даже до завтра я еще буду здѣсь, у тети. Загляните къ намъ... Если вы меня не застанете, значить, я ужъ уѣхала... только потому, что уѣхала...

— Бѣдненькая!.. Въ какомъ она смущеньѣ! Ну, да, Анна-Марія, ты, вѣрно, хочешь сказать, что если уѣдешь, такъ лишена будешь возможности принять ванъ-Тениуса... не такъ ли?

Маріанна съ трудомъ переводила духъ.

— Приходите пораньше,—тихо проговорила она и, два раза пробуя протянуть ему свою дрожащую руку, наконецъ рѣшилась, прибавивъ:

— Приходите пораньше, мой другъ. Можетъ быть, я еще и не уѣду... Вотъ, г. членъ суда такъ добръ, что проводить насъ до кареты...

— Такъ до свиданья!—проговорилъ ванъ-Тениусъ съ какимъ-то особымъ, совершенно необъяснимымъ выраженіемъ въ голосѣ.

— Удивительно!—замѣтилъ членъ суда, идя съ дамами впередъ.—Онъ былъ сейчасъ какой-то совсѣмъ другой, чѣмъ обыкновенно. Чтѣ значить успѣхъ! Такая передрыга, хоть и приятная, конечно, а все же перевернетъ хоть кого... Впрочемъ, у него и вообще вырываются нѣкоторые какъ бы театральные приемы... Впрочемъ, извините: вы съ нимъ, кажется, ближе знакомы, чѣмъ я?..

— Да, ванъ-Тениусъ былъ другомъ моего покойнаго племянника. Вольфгангъ очень его цѣнилъ.

Тетушка продолжала болтать въ то время, какъ они подходили къ дрожкамъ и усаживались въ нихъ.

— Осмѣлюсь просить разрѣшенія зайти къ вамъ завтра,

баронесса, узнать о вашемъ здоровьи?—спросилъ Маріанну ея изящный и благовоспитанный провожатый.

— Весьма любезно съ вашей стороны. Благодарю васъ!

Всю дорогу домой молодая женщина ѣхала молча и только отвѣтила теткѣ, чтобъ ее успокоить, что она „здорова, только очень устала. Пустяки, не стоитъ беспокоиться“... Да и сама „дѣвица Оссендорфъ“ была въ такомъ волненіи, что могла вполне сочувствовать состоянію своей племянницы. Одного только она не могла: молчать! Не умолкая ни на секунду, она болтала, разбирая различные моменты процесса; слушая ее, можно было понять все, что угодно, хоть, на примѣръ, то, что убили молодую одинокую даму, а не мужчину-процальгу,—но только не настоящую суть дѣла.

Впрочемъ Маріанна и не слушала ее. Дрожа какъ въ лихорадкѣ, она ужъ готова была представить себѣ, что ей предстоитъ серьезно заболѣть, много долгихъ дней или даже недѣль быть между жизнью и смертью... и только тогда дожидаться ванъ-Тениуса, когда она будетъ уже бездыханнымъ трупомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, ее трясла лихорадка. Она съ трудомъ поднялась въ четвертый этажъ, въ крохотную квартирку тетуски.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!..—охала добрая старушка:— А я-то нарочно забралась повыше: доктора говорятъ—здоровье! Какъ, право, больно видѣть тебя въ такомъ состояніи!.. Не даромъ же я всегда говорила, что судебное разбирательство не для насъ, женщинъ!

Добравшись до маленькой уютной гостиной, гдѣ тетуска усадила ее въ мягкое низенькое кресло, Маріанна скоро пришла въ себя и за чашкой горячаго чаю оправилась совершенно.

— Да, да!—проговорила тетуска:—мой чай ужъ такой особенный, старый, ароматный. Въ старину все не то было: теперешнее никуда не годится! Покушай, дитя, вотъ цыпленочка.

Добрая старушка заказала цѣлый обѣдъ, котораго смѣло хватило бы для цѣлыхъ семи карликовъ. Маріанна и кушала дѣйствительно какъ птичка, а тетуска ухаживала за ней какъ за ребенкомъ, поминутно вскакивая съ мѣста.

Въ гостиной приготовили тетускину кровать для гостя; сама же хозяйка дома рѣшила прилечь на короткомъ диванчикѣ. Однако она, даже и хлопоча, должно быть, не очень уставала, потому что, уложивъ племянницу и старательно прикрывъ ее старымъ, полинявшимъ, но шолковымъ одѣяломъ, усѣлась на постели у нея въ ногахъ.

— Знаю, знаю, голубушка, что тебѣ очень хочется спать,

но я... я только два слова... я сейчас, въ одну минуту!—заговорила она.—Ты говорила, что хочешь ѣхать завтра, рано утромъ? Но какъ же... у насъ уже есть на завтра цыпленокъ, и еще что-нибудь можно сдѣлать на прибавку... Все-таки, мнѣ бы хотѣлось знать...

— Все равно, тетя, я не могу завтра рано ѣхать. Устала я и попрошу тебя приютить меня еще на нѣсколько часовъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, душа моя! Ты уже назвала на завтра гостей. Можетъ быть, къ намъ зайдетъ самъ сенаторъ, а ванъ-Тениусъ навѣрное и даже пораньше, какъ ты приказала. Ну, а чтѣ это можетъ значить: *пораньше*? желала бы я знать... Дѣвушкамъ будетъ не мало работы все прибрать въ-время и хорошенько; надо успѣть вынести кровать и протопить каминъ... Вотъ потому-то мнѣ бы и хотѣлось знать, въ какомъ часу ты рассчитываешь проснуться?

— Да очень, очень рано, тетюшка, если ты мнѣ дашь сейчасъ же уснуть. Я страшно устала!

— Ну, такъ усни, дитя, спокойной ночи! Только, пожалуйста, ужъ не сердись, если мнѣ, можетъ быть, придется раздругой проскользнуть черезъ твою комнату. Ты понимаешь, что у меня только двѣ комнаты, и эта проходная: иначе, какъ черезъ нее, не попадешь на кухню, а мало ли чѣмъ приходится распорядиться по хозяйству, особенно же когда ждешь гостей... И, вдобавокъ, съ самаго утра... Ну, ну, я уйду!.. Повойной ночи!

Тетюшка привѣтливо нагнулась и горячо поцѣловала въ обѣ щеки свое „дитя“.

Оставшись одна, Маріанна почувствовала непреодолимое желаніе вскочить, суетиться, бѣгать по комнатамъ или даже по улицѣ. Возбужденіе минувшаго дня, которое ей по необходимости приходилось скрывать, душило ее, просилось наружу... Да, чудесно бы теперь скоро-скоро одѣться, хоть какъ ни попало, и убѣжать подальше, на воздухъ, на просторъ, дать отдохнуть напряженнымъ нервамъ. Но это невозможно, немисливо, неприлично!.. Надо терпѣть, покоряясь необходимости, и самымъ прозаическимъ образомъ переработать свое возбужденіе... во снѣ!

Нечего дѣлать, Маріанна положила руку подъ голову и добросовѣстно старалась уснуть.

Перебирая въ памяти все, чтѣ произошло, она старалась отдать себѣ отчетъ въ каждой мелочи всего происшедшаго и безпристрастно обсудить, какихъ можно ожидать отъ этихъ мелочей послѣдствій, если судить о себѣ строго и здраво. Дольше

другихъ остававливалась она на томъ мѣстѣ защиты, когда Робертъ, не видя ее и не подозрѣвая, что она сидитъ тутъ же, почти рядомъ съ нимъ, такъ горячо, такъ трогательно и красно-рѣчиво говорилъ о своей любви къ ней... любви еще не угасшей.

На томъ она, по всей вѣроятности, и уснула.

XXIV.

Сквозь сонъ Марианнѣ чудилось, что кто-то крадучись пробирался черезъ ее комнату и даже стоялъ, глядя на нее, у самой постели, но затѣмъ все смѣшалось, и сны поплыли своимъ чередомъ. Подъ утро, должно быть, оно такъ и было: Марианна почувствовала, еще во снѣ, что яркое солнце беспокоитъ ее, заставляя открыть глаза, чтобы уйти отъ его назойливой ласки. Она повиновалась, и первое, что воснулось ее слуха, былъ—командующій голосъ хозяйки дома. Въ окна дѣйствительно свѣтило веселое утреннее солнце... Дѣлать нечего, пора вставать!

Не прошло и получаса, какъ она встала, одѣлась и вышла пожелать старушкѣ добраго утра.

— Ну, милая моя! Ну, голубушка моя, что ты за прелесть! Совсѣмъ молодая барышня, свѣженькая, какъ майскій день!.. Не то что вчера, послѣ этого процесса! Вотъ и умница, что хорошо выспалась! А я бы, кажется, цѣлую ночь готова была простоять надъ тобою, такъ ты прелестно спала! Счастливица ты, еще полна жизни и молодости!

Безъ всякой видимой причины, тетушка прослезилась и расцѣловала племянницу.

— Ну, а затѣмъ надо раннюю птичку и покормить хорошенько. Надо ей, маленькой, и разговѣться послѣ вчерашняго поста! — шутила тетушка. — Пойдемъ, пойдемъ; я обо всемъ уже позаботилась; не забыла и того, что мы ждемъ гостей... Все будетъ прилично, будь покойна! Только прости, если прислуга не будетъ намъ прислуживать, чтобы скорѣй прибрать комнаты. Было бы ужасно, еслибъ насъ застали врасплохъ!.. Кушай, пожалуйста, на здорье!

На кругломъ столѣ, передъ диваномъ, красовался вчерашній цыпленокъ, такъ ловко разрѣзанный и снова сложенный, что отсутствіе кусочковъ, съѣденныхъ наканунѣ Марианной, вовсе не было замѣтно. Тутъ же кучками стояли миниатюрныя тарелочки, полбутылки венгерскаго, три вазочки съ альбертами и еще двама

другими сортами печеній, наконецъ, нѣсколько штукъ аппетитныхъ бѣлыхъ хлѣбцевъ.

Сначала Маріанна довольно небрежно принялась за завтракъ, но затѣмъ, мало-по-малу, почувствовала, что ей дѣйствительно хочется ѣсть и съ видимымъ аппетитомъ скушала парочку хорошенькихъ румяныхъ хлѣбцевъ.

— Молодецъ, молодецъ!.. Умница!—поощряла ее тетушка, искренно радуясь, что племянница „оживаетъ“.

Когда же Маріанна объявила, что она сыта и до обѣда ужъ не въ состояніи будетъ съѣсть больше ни кусочка, тетушка сама прибрала и припрятала въ свой старомодный буфетъ весь свой сказочно-миниатюрный столовый приборъ.

Наконецъ, насуетившись и наболтавшись вволю, тетушка присѣла къ Маріаннѣ и нѣжно положила ей на плечо свою маленькую, аристократически-тонкую, сухонькую руку.

— Послушай, дитя!—начала она:—скажи мнѣ откровенно: если тебѣ пріятнѣе, чтобы я промолчала, я не скажу ни слова; если же ты мнѣ разрѣшишь говорить... Впрочемъ, ты сама знаешь, что я предпочитаю послѣднее.

Маріанна въ отвѣтъ ласково взяла ее за руку.

— Конечно, тетушка, говори не стѣсняясь, прошу тебя!

— Ну, такъ вотъ видишь, мой дружокъ. Тогда, какъ я уѣхала отъ тебя, изъ Швейцаріи, мнѣ дѣйствительно было нужно присмотрѣть за хозяйствомъ... Да и время ужъ подошло встать такое, когда порядочное общество разъѣзжается по домамъ. Я еще тогда замѣчала, что между нами есть что-то такое, невыясненное, въ чемъ мы съ тобою не сходимся, а между тѣмъ, кромѣ меня, вѣдь у тебя нѣтъ никого изъ числа родныхъ, на кого ты могла бы положиться. И, знаешь, я считаю, что узы крови все-таки гораздо больше значать, нежели принято это считать. Положимъ, ты мнѣ родная только по мужу, но зато онъ былъ настоящий, безъ подмѣси, аристократъ и дворянинъ. Нужды нѣтъ, что ты сама не могла съ нимъ сравниться благородствомъ происхожденія,—его дворянства и не на двоихъ бы хватило!.. Ну, такъ вотъ. Каждый разъ, какъ ты начинала говорить о ванъ-Тениусѣ, —ты и сама до сихъ поръ не подозрѣваешь, до чего это случилось часто и... горячо!—я понимала, къ чему это приведетъ. Поэтому я ужъ не разъ рѣшалась хоть вскользь предостеречь тебя, чтобъ дать тебѣ понять, что это невозможно. Все-таки, твой второй мужъ долженъ быть по крайней мѣрѣ хоть благороднаго происхожденія!.. Но ты и сама это поняла, какъ умная и рѣшительная женщина: ты не осталась, ты уѣхала изъ Берлина...

— Тетушка! Это, пожалуй, вѣрно, но только не совсѣмъ!

— А вотъ теперь ты вернулась нарочно для того, чтобы попасть на его защиту... И противъ этого также я ничего не имѣю! Право же, на самомъ дѣлѣ, я вовсе ужъ не такъ глупа, какъ можетъ показаться, судя по моей болтовнѣ. Но ты теперь сама позвала его къ себѣ, и дѣло стало опять на ту же точку, на которой стояло еще три мѣсяца тому назадъ. Твои старанія пропали даромъ...

Марианна сложила руки и вытянула ихъ на столѣ, подавшись впередъ; на лицѣ ея было написано удивленіе: неужели такъ ничего и не переизмѣнилось?..

— Послушай же меня, дитя мое! Я напомню тебѣ лишь про двоихъ Оссендорфовъ, а ты потомъ вольна смѣяться надо мной, если тебѣ покажется смѣшно. Конечно, старуха-тетка не была свидѣтельницей ни крестовыхъ походовъ, ни тридцатилѣтней войны и, слѣдовательно, не была лично знакома со своими главнѣйшими предками, но тетка, все-таки, знаетъ ихъ лучше, тѣмъ вы, молодые! Ну, такъ вотъ. Первымъ изъ моихъ героев пусть будетъ рыцарь Готье фонъ-Оссендорфъ. Я и сама знаю, что лѣтописи говорятъ о немъ какъ о легендарномъ, мюнхенскомъ герцѣ. Но тѣмъ трогательнѣе, тѣмъ возвышеннѣе является сама легенда.

— Готье задался единственною цѣлью въ жизни: не имѣть иной возлюбленной, кромѣ св. града Іерусалима, и подъ его сѣнью окончить дни свои. Пѣшкомъ, босой, рыцарь шелъ мѣрнымъ шагомъ, минуя по дорогѣ города и веси, неуклонно слѣдуя по пути во Святую Землю. Препятствія для него не существовали: взмахомъ меча, силою длани и могучей вѣры рыцарь Готье ихъ преодолевалъ и шелъ все дальше, дальше, не слѣша, но и не останавливаясь, не забывая ни на одинъ мигъ своей высокой цѣли. Власть сатанинская ставила ему на пути препоны и являлась то въ видѣ ядовитыхъ змѣй, то недруговъ-силачей, то обольстительныхъ красавицъ... Но они безпощадно гибли, сокрушенные его мечомъ и силой вѣры. Мечъ его сокрушилъ на пути въ Іерусалимъ три змѣя, тридцать-три силача и семь красавицъ. Рыцарь дошелъ до Святого Града, со слезами поклонился ему и сдѣлался отшельникомъ, но, умирая, считалъ себя тяжкимъ грѣшникомъ за то, что для достиженія своей святой цѣли лишилъ жизни другія живыя созданія: онъ такъ и покаялся передъ смертью, что убилъ на пути въ Іерусалимъ трехъ змѣевъ, тридцать трехъ-силачей и семерыхъ женщинъ-красавицъ.

— Въ эту минуту надъ нимъ раздался голосъ свыше:

„Приди въ лоно Мое, о, сынъ мой возлюбленный! Ты истинно и долготерпѣливо хранилъ славу благородныхъ германцевъ“!

Маріанна задумалась.

— Тетущка! Вѣдь это, по всей вѣроятности, и былъ родоначальникъ Оссендорфовъ? Мнѣ нравятся его энергія и постоянство! Такимъ и долженъ быть настоящій мужчина, который не колеблясь пускаетъ въ ходъ свой мечъ, когда встрѣчаются ему препоны на пути къ его желанной цѣли...

— Вотъ видишь, видишь, Анна-Марія! Ты и сама чувствовала бы себя неловко съ такимъ мужемъ, который былъ бы не благороднаго происхожденія...

— Ну, а полковникъ фонъ-Оссендорфъ, второй изъ моихъ героевъ, прославился во время тридцатилѣтней войны. Въ лѣтописяхъ онъ зовется по-просту „Фридрихъ Оссендорфъ“; но исторически доподлинно извѣстно, что онъ былъ также нашего рода. Такъ вотъ, этотъ самый Фридрихъ, который взялъ себѣ богатую добычу при Магдебургѣ, не задумываясь проволочь насъ сквозь дерзкаго, осмѣливавшагося оспаривать у него его новыя богатства. Видишь ли, я его понимаю, этого безстрашнаго молодца-полковника, и не ставлю ему въ упрекъ его жестокость: я вижу въ ней сознательную силу и силу права, которымъ онъ считалъ унижительнымъ для себя поступиться...

— Какъ хочешь, а все-таки, по моему, пріятно знать, кто именно были наши предки и чѣмъ они отличились! Все-таки, что ни говори, а такъ чудесно возстановлять въ памяти ихъ славное прошлое и мечтать о будущемъ, быть можетъ, еще болѣе славномъ будущемъ именитаго рода!.. Тогда, еще въ Швейцаріи, я уже думала объ этомъ, но не рѣшалась высказаться прямо; теперь же я тебѣ скажу, въ чемъ именно я считаю своей обязанностью тебя предупредить: ради сына, ради своего Вельфи, ты не имѣешь права даже думать объ этомъ! Вельфи ужъ знаетъ всю исторію подвиговъ своихъ славныхъ предковъ; и объ отцѣ своемъ никогда не будетъ говорить иначе, какъ о героѣ; и самъ будетъ стремиться на него походить—быть *настоящимъ Оссендорфомъ*! Просто немислимо замѣнить его отца—другимъ, а тѣмъ болѣе такимъ, который самое большее, что можетъ помнить своего дѣда или пра-дѣда; и, вдобавокъ, еще такого, котораго, быть можетъ, наказывалъ плетью пра-дѣдъ или пра-пра-дѣдъ нашего Вельфи?.. И вообще... Ну, это невозможно, невозможно! Твой Вельфи—Оссендорфъ, баронъ и дворянинъ съ головы до пятъ... и еслибы у него явился еще братъ... Анна-Марія! Пусть это такъ и будетъ;

во пусть и тотъ, *второй*, будетъ все-таки благороднаго происхожденія!..

Марианна серьезно и сосредоточенно смотрѣла на тетушку, которая въ волненіи уже не сидѣла, а стояла передъ нею, гордо выпрямившись во весь свой ростъ.

— Но, тетя, милая! Скажи мнѣ только: кого же слѣдуетъ считать *благороднымъ* и кого—нѣтъ?..

— Не болтай попусту, дитя? Одни рѣшительно *благородные*, а другіе—рѣшительно нѣтъ. Чего же проще? Середины нѣтъ и не бываетъ.

— Тетушка!.. Да я же и не спору; но ты такая умная женщина...

— Полно, полно: съ которыхъ это поръ?

— Да всегда!.. Только, я думаю, ты размышляла же сама и не привыкла же повторять лишь заученное съ дѣтскихъ лѣтъ... Вотъ я и просила бы тебя, чтобы ты объяснила мнѣ, чтѣ именно такое это *благородство*: наследственное ли оно, и чтѣ оно даетъ тому человѣку, который уже родится благороднымъ?

— Ахъ, Боже мой!.. Не пускайся, пожалуйста, въ резонерство!

— Нѣтъ, тетя: мнѣ именно необходимо и уже сознательно хотѣлось бы поразсуждать! Не можетъ быть, чтобы это благородное происхожденіе давало исключительно богатое движимое и недвижимое имущество, военную добычу—и только! Есть же на свѣтѣ не мало бѣдняковъ самаго благороднаго, древняго рода...

— Ахъ, дитя мое...

— Значить, и ты это допускаешь, тетя... Высшаго образованія, высшаго развитія также не даетъ дворянство: развѣ теперь не попадаютъ намъ сплошь да рядомъ люди, которые по своему умственному и душевному складу стоятъ неизмѣримо выше и благороднѣе *благородныхъ*?..

— Ну, да; конечно—ты права! Но это просто знаменіе времени...

— Ну, такъ чтѣ же такое, по твоему, благородство? Я вѣдь сама ярая аристократка и даже еще болѣе аристократка, нежели ты! Ты вѣдь вотъ полагаешь аристократизмъ въ благородствѣ происхожденія, въ длинной родословной; но я иду глубже... Я задаюсь вопросомъ, насколько въ человѣкѣ отразилось благородство его предковъ; въ какой мѣрѣ онъ дѣйствительно и умственно, и душевно-благородный? Это возрѣніе мнѣ также привилъ мужъ, Вольфгангъ фонъ-Оссендорфъ. Онъ всегда говорилъ, что истому дворянину полагается неукоснительно быть прекраснымъ собой, добрымъ и сильнымъ волей... Вотъ почему онъ, бѣдный, такъ

негодовалъ на свое несчастье: оно отняло у него его красивую наружность, сердечную доброту и силу воли, все, въ чемъ (по его мнѣнію) должно проявляться благородство происхожденія и кровный аристократизмъ... Я думаю объ этомъ такъ же точно, какъ и онъ самъ бы думалъ...

— Ахъ, Анна-Марія!.. Ахъ, неужели ты и въ самомъ дѣлѣ?.. Надѣюсь, ты говоришь серьезно?

— Совершенно; и никогда не думала иначе!..

— Но въ такомъ случаѣ я рада всей душой, что ты... Я такъ боялась... Но твой покойный мужъ... Обыкновенно, артиллеристы—такой передовой народъ и современный, а онъ... онъ меня просто изумляетъ!..

— А я, милая тетя, вѣрная ученица моего Вольфганга. Гдѣ бы ни видѣла я красоту, доброту сердца и силу воли, тамъ вижу я и настоящее благородство!

— Анна-Марія!.. Да ты съума сошла!.. Если ты въ комъ увидишь...

— Ну, да: и этого съ меня довольно! Такой человекъ въ моихъ глазахъ *красивъ*... хотя бы у него и былъ *волосій затылокъ*, какъ ты говоришь; и *добръ*... хотя бы онъ и казался всему міру черствымъ и сухимъ.

— Но твой мужъ былъ неправъ: о красотѣ и о добротѣ сердечной нашихъ предковъ въ лѣтописяхъ ничего не говорится. Упоминается тамъ только о ихъ глубокой вѣрѣ и о томъ, что ты сейчасъ назвала *силой воли*; но вѣдь ни той, ни другой ванъ-Тениусъ не проявилъ на дѣлѣ.

— Нѣтъ, именно послѣднюю-то онъ и проявилъ изъ любви ко мнѣ столько, сколько ни одинъ изъ предковъ Оссендорфа.

— Ради самого Бога!.. Гдѣ это и когда? Что же: онъ дрался на дуэли? И... изъ любви къ тебѣ?

Лицо Марианны приняло рѣшительное выраженіе, и она твердо отвѣчала:

— Да, тетя милая: онъ изъ любви ко мнѣ убилъ... да, на дуэли!.. убилъ двоихъ... Одного онъ убилъ за то, что тотъ мѣшалъ нашему счастью...

— Анна-Марія!..—въ ужасѣ воскликнула добродушная старушка.

— Но, тетя... это былъ негодяй!

— Ну, слава Богу!.. Я, значить, ошиблась...

— Другого онъ убилъ своего однофамильца, двойника... прежняго ванъ-Тениуса, переродившагося изъ любви ко мнѣ.

— Какъ? Самого себя?

— Ну, да: тотъ, прежній, былъ такъ же добръ и красивъ, и силенъ духомъ, но не принадлежалъ къ „современной“ аристократіи... Этого новаго ванъ-Тениуса я горячо люблю, и если онъ еще захочетъ — буду его женой!

— Дитя мое! Анна-Марія! Ради Бога, не навлевай ты на насъ такой бѣды!.. Правда, онъ много сдѣлалъ, какъ ты говоришь, изъ любви къ тебѣ... и ты такъ картинно это представляешь... Но право же... право, это невозможно!

— Но, тета! Я еще молода... Я тоже хочу быть счастливой! И для меня мое единственное счастье — въ немъ, въ его близости и любви! Милая, дорогая тетя! Клянусь тебѣ, между нами были самыя чистыя отношенія, и онъ даже не знаетъ, до чего я его люблю! Но тебѣ я говорю теперь, что люблю его горячо, люблю невыразимо, безгранично!..

Маріанна бросилась на шею тетѣ и, крѣпко обнимая ее, рыдала какъ дитя. Старушка гладила ее по головѣ, шепча слова успокоенія, и усиленно моргала своими большими глазами. Въ душѣ ея неожиданно шевельнулось чувство, которое давнымъ-давно не находило въ ней отголоска.

Тетушка — маленькая, сухонькая старушка — думала, что въ ней засохла самая способность сочувствовать молодому, сердечному горю; и вдругъ, со всей горячностью и болью, которую она тогда испытала, ожило въ ней самой ея собственное, лѣтъ сорокъ тому назадъ, постигшее ее горе!..

Медленно, незамѣтно для нея самой, накопились въ глазахъ ея слезы и крупными каплями текли по щекамъ; оставляя блестящія борозды на ихъ старчески-пожелтѣлой кожѣ. Впала, усохшая грудь, къ которой прижалась горячая грудь молодой женщины, дышала глубоко и въ отвѣтъ ей горѣла искреннимъ, пылкимъ, какъ въ молодости, чувствомъ. Бѣдная тетушка! Впервые за сорокъ лѣтъ она нашла отголосокъ своимъ скрытымъ страданіямъ; впервые рада была возможности выплакать давно уже не проливавшіяся слезы!

Долго не могла старушка вымолвить ни слова и только дрожащею рукой проводила по свѣтлорусой головкѣ своей любимицы, и ея тяжелыя, долголѣтнія слезы капали на ея старческую маленькую ручку и на волнистыя пряди волосъ Маріанны...

Но вотъ, вздохнувъ еще разъ глубоко, тетушка тихонько высвободила свою руку, достала носовой платокъ, вытерла съ своего лица и съ волосъ Маріанны слезы и начала шутливо:

— Вотъ такъ прекрасно, нѣчего сказать! Мы обѣ...

Но голосъ ея оборвался, и она съ трудомъ перевела духъ.

— Видишь ли, милое, любимое дитя!—начала она снова:— Было то ужь давнымъ-давно; не помню хорошенько, въ 49-мъ, или въ 48-мъ, или въ 50-мъ году... Только стояла тогда чудная весна, такая, какой съ тѣхъ поръ и не бывало! Не смѣйся надо мной, старухой!.. мы были страстно влюблены другъ въ друга...

— Въ тотъ годъ, казалось, приближался конецъ свѣту: король и власти, и все вокругъ какъ будто угрожало рухнуть и распасться... И вотъ тогда-то... тогда мы обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ.

Послѣднія слова вырвались у нея какъ ликующей и вмѣстѣ съ тѣмъ полный муки возгласъ.

Маріанна знала изъ преданій семьи Оссендорфовъ, что тетушка въ юности любила молодого и богатаго юриста, сына богатыхъ родителей изъ рейнскаго Пфальца.

— Да, да! И тогда отецъ мой, дядюшки и братья—все фонъ-Оссендорфы—убѣдили меня... Я ихъ послушала: ихъ доводы и возрѣнія были мнѣ дороже моего собственнаго я... потому что я также была членомъ знатнаго рода Оссендорфовъ. И я ему послала... я ему написала... послѣднее письмо... А тамъ они вызвали его на дуэль, и онъ... погибъ отъ руки Оссендорфовъ! Но, увѣряю тебя, я все-таки горжусь тѣмъ, что онъ... что они...

Маріанна нѣжно ласкала старческія ручки, дрожавшія у нея на колѣняхъ.

— Постой, тетушка! Одну минутку!.. Чтд, еслибы твой милый...—перебила она вдругъ старушку.

— Ахъ, Анна-Марія! Какъ можешь ты...

— Ну, чтд же тутъ такого? Еслибы онъ выказалъ нѣкоторую силу воли и, вмѣсто того, чтобы самому умереть, убилъ изъ любви къ тебѣ двухъ-трехъ Оссендорфовъ, онъ бы остался живъ и ты... Развѣ ты не была бы счастлива тогда?

Дѣтски-вопросительно и робко вскинула на нее тетушка своими большими, горячо сверкавшими глазами и въ нихъ словно мелькнулъ отблескъ счастья и любви... и даже красы прежнихъ дней. Крѣпко сжимая руки Маріанны, тетушка наскоро вытерла глаза и проговорила:

— Нѣтъ!.. Много бессонныхъ ночей провела я въ раздумьѣ. Я звала къ себѣ милаго, я боролась съ своимъ еще не угасшимъ чувствомъ; я старалась доказать сама себѣ, что, на все воля Провидѣнія... Тяжело далось мнѣ смиренье!.. Но теперь!.. Теперь я сознательно говорю тебѣ: нѣтъ!

Маріанна спокойно встала съ мѣста.

— Ну и не будемъ больше объ этомъ говорить! Значить, я совсѣмъ другая, нежели ты!.. И вотъ еще чтд я тебѣ скажу:

я и сама не знаю, какъ и что между нами будетъ; можетъ быть, мнѣ и придется покориться его желанью... если оно у него еще не пропаало. Но, каково бы ни было это желанье, я не спрочу на него разрѣшенья ни у своей семьи (которой, впрочемъ, у меня и нѣтъ), ни у семьи Оссендорфовъ, какъ здѣшнихъ, такъ равно и „Кельнскихъ“. Но я вѣдь сама въ душѣ членъ Оссендорфовскаго именитаго рода, и только теперь начинаю это понимать...

— Анна-Марія!.. Не подумай, пожалуйста... Я вовсе не хотѣла... Да нѣтъ! Тогда, въ мое время, возрѣвнн были совсѣмъ иныя...

Старушка вышла поспѣшно въ другую комнату. Но когда, четверть часа спустя, она снова появилась въ гостиной, на лицѣ ея не было и тѣни пережитого волненія. Пряди сѣдыхъ волосъ лежали, какъ всегда, тщательнн приглаженныя по обѣ стороны ея старческаго лба, а глаза, только-что горѣвшіе оживленіемъ и давно позабытой страстью, потухли и приняли свое обыденное выраженіе.

Маріанна принялась писать ффрау Кригеръ телеграмму, чтобы дать знать, что ее задержали въ Берлинѣ, и попросила разрѣшеніи послать дѣвушку на телеграфъ.

— Ну, да! Ну, да, конечно! На нее вполне можно положить: она знаетъ, какъ и куда пойти, когда ей дадутъ снести телеграмму. А ффрау Кригеръ черезъ часъ, черезъ полтора уже ее получить... Тебѣ часто случается посылать телеграммы?—и тетушка, изъ любопытства заглянула въ готовый листокъ бумаги, удивляясь, что дешену такъ легко составить.

— Самое трудное—необходимость составить ее коротко. Потому-то телеграмма и не такъ изящна, какъ письмо. Съ нею та же исторія, что съ поѣздомъ желѣзной дороги, который также идетъ скоро, но зато некрасивъ снаружи и непріятенъ внутри.

Разговоръ оборвался.

Послѣ краткаго молчанія, тетушка завела рѣчь о Вельфи. Маріанна, слушая ее и отвѣчая ей, то-и-дѣло поглядывала на часы; а тетушка инстинктивно переводила взглядъ на пустой простѣнокъ, который, казалось, только для того и былъ созданъ, чтобы на немъ висѣли стѣнные часы.

XV.

Было уже около одиннадцати часовъ утра, когда въ прихожей (да и во всей тетушкиной миниатюрной квартиркѣ) раздались, одинъ за другимъ, два рѣзкихъ звонка.

Минуту спустя, прислуга вернулась и на серебряномъ подносикѣ подала карточку.

— „Докторъ правъ ванъ-Тениусъ“, — прочла полу-вопросительно хозяйка дома. — Положимъ, еще довольно рано для визитовъ; но если уже ты сама просила его придти пораньше, — обратилась она къ Маріаннѣ, — въ виду твоего скорого отъѣзда, я полагаю, надо ужъ его принять.

— Скажите: очень рады; приказали просить...

Прислуга вышла вонъ.

Старушка взяла племянницу за обѣ руки и убѣдительно еще разъ повторила:

— Пожалуйста!.. Прошу тебя: не надо!..

— Но, тетя... Я такъ его люблю!.. И... если онъ захочетъ, буду его женой...

Тетушка притянула къ себѣ Маріанну и нѣжно, но задумчиво поцѣловала ее въ лобъ:

— Ну, такъ ступай же и веди себя благоразумно: хоть въ этомъ-то вы, молодые, старайтесь походить на стариковъ!..

Дамы вышли въ гостиную, привѣтливо поздоровались со своимъ раннимъ гостемъ и принялись толковать о вчерашнемъ процессѣ.

Тетушка была мила и словоохотлива, но чувствовала себя очень не у мѣста. Она умолила и кстати извинилась, что у нея „такъ тѣсно“.

— Я, видите ли, родилась на Рейнѣ, на широкое рейнское пространство, — снова начала она, обращаясь къ ванъ-Тениусу: — и съ дѣтства привыкла, чтобы мнѣ было изъ оконъ видно далеко вокругъ. А тутъ, видите ли, на моемъ четвертомъ этажѣ (чуть не подъ небесами!) простору много и видъ чудесный, особенно весной и лѣтомъ, когда я сверху вижу зеленныя макушки раскидистыхъ, старыхъ деревь... Никто изъ васъ, берлинцевъ, и вообразить не можетъ, какъ иной разъ пріятно чувствуешь себя на вышѣ!..

Опять молчаніе.

— Ахъ, Боже мой! Чуть, было, не забыла! — всполошилась старушка: — хорошо, что еще сейчасъ вспомнила!.. Дѣвushку лучше не посылать. Я сама пошлю твою телеграмму. А? Какъ ты думаешь?.. Не правда ли, докторъ, телеграфная станція тутъ недалеко? Въ Ораніенштрассе, или пройдя Герсона?

— Нѣтъ, не совсѣмъ; но телеграмму вы можете сдать въ ближайшемъ почтовомъ отдѣленіи.

— Ахъ, да. Да... я припоминаю! Но важныя депеши лучше,

все-таки, по прежнему идти съ той станціи, подальше Герсона? Ну, и прекрасно!.. Ну, такъ я живо къ вамъ вернусь... Такъ, до свиданія!

Но, дойдя до дверей, тетушка-хлопотунья сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, по направленію къ своему гостю:

— Смотрите же, ванъ-Тениусъ, дожидитесь меня!.. Спасибо вамъ ужъ и на томъ, что вы могли бы послать меня на край свѣта и... не послали! Съ вашей стороны это безмѣрная любезность.

Она еще разъ пожала ему руку, на обѣ щеки расцѣловала Маріанну и, наконецъ, дѣйствительно ушла.

Когда въ воздухѣ умолкъ стукъ наружной двери, которая затворилась за тетушкой, Маріанна посмотрѣла на ванъ-Тениуса.

Отрадное для нихъ обоихъ рѣшеніе вопроса казалось ей такимъ естественнымъ, понятнымъ...

Но она вдругъ въ испугѣ содрогнулась: до того холодно, сурово смотрѣлъ на нее любимый человѣкъ, и въ его взорахъ отражалась глубокая дума, ожиданіе чего-то новаго... и для него рокового.

Молча опустил онъ руку въ карманъ и положилъ на столъ револьверъ и запечатанный конвертъ. Печать на немъ была большая, красная, да и въ самомъ конвертѣ было, повидному, больше листовъ, нежели въ обыкновенномъ письмѣ. Револьверъ былъ толстый, шестиствольный.

— Еслибы мнѣ не удалось вырвать изъ бѣды моего поляка, я этимъ самымъ револьверомъ покончилъ бы расчеты съ его неулыблмымъ защитникомъ. Тогда пришлось бы вскрыть эти бумаги, которыя я за нѣсколько дней до судопроизводства представилъ суду на храненіе, съ поясненіемъ, что это—мое завѣщаніе. Но въ этомъ конвертѣ его напрасно было бы искать: это не моя послѣдняя воля, а просто... отчасти разоблаченіе, отчасти же отрывки изъ дневника. Сегодня я захелъ взять ихъ обратно, и вотъ... вручаю тебѣ ихъ... и револьверъ, если ты не боишься!

Маріанна встала и, блѣдная какъ полотно, но спокойная, взяла револьверъ въ руки.

— Я не боюсь, но все-таки мнѣ кажется, что лучше бы такія вещи не держать подъ рукою. Надо, чтобы всегда хоть три-четыре шага раздвѣляли насъ... отъ окончательныхъ расчетовъ съ жизнью.

Она, не спѣша, осторожно донесла его до противоположнаго

конца комнаты и такъ же осторожно, но не боязливо, положила его на старинное тетушкино зеркало, рядомъ съ разными раковинами и бездѣлушками.

— Онъ и здѣсь отъ насъ не уйдетъ, — проговорила Маріанна, возвращаясь на свое мѣсто. — А твое завѣщаніе читать я не хочу.

— Да, не хочу! — воскликнула она опять. — Брось его въ огонь!

— Весьма благоразумно съ твоей стороны, — сказалъ въ отвѣтъ ванъ-Теніусъ и, съ конвертомъ въ рукѣ, подошелъ къ печкѣ.

— Постой! — остановила его Маріанна. — Пожалуй, если ты думаешь... Мнѣ все-таки хотѣлось бы узнать твое... послѣднее слово.

Ванъ-Теніусъ придвинулъ къ печкѣ одинъ изъ миниатюрныхъ стульевъ и тяжело опустился въ него. Затѣмъ, надорвавъ конвертъ, вынулъ изъ него всѣ бумаги, а его остатки бросилъ на раскаленные уголья. Вслѣдъ за ними, поочередно бросая всѣ бумаги, кромѣ самой послѣдней, ванъ-Теніусъ пояснялъ.

— Это — мартовскій листокъ; а этотъ былъ написанъ въ первые же дни... Вотъ обстоятельное изложеніе судебного разбирательства въ тотъ „чудный мѣсяцъ май“... А вотъ мои философскія „мудрствованія“, когда ты была въ отъѣздѣ... Ты хочешь, кажется, знать мое „послѣднее слово“?

— Пожалуйста!.. Прочти, — только не громко!

— ...Итакъ, въ заключеніе ко всему вышесказанному, — началъ послушно ванъ-Теніусъ: — я прибавлю еще, что на этомъ кончаются мои записки, и что я сегодня же снесу ихъ въ судъ на храненіе, на случай моей скоростижной смерти. Быть можетъ, эти записки послужатъ для судебно-психологическихъ изысканій.

„Мнѣ уже сдѣлалось безразлично, будетъ ли, или не будетъ отомщена смерть фонъ-Церпена. Кровь мертвецовъ вовсе не вопіетъ о возмездіи; но пролитая кровь живого человѣка вызываетъ сочувствіе во всѣхъ ему подобныхъ. Страхъ передъ убійцей дѣлаетъ людей близкими, какъ бы родными между собою. „Кровь за кровь“!... но кровь, пролитая изъ боязни, изъ страха за свое существованіе — вотъ гдѣ настоящее правосудіе!

„Если все обойдется благополучно, я не буду больше предлагать никакихъ стараній, чтобы оправдать себя, а постараюсь жить, насколько силъ моихъ хватить. И вотъ путемъ какихъ разсужденій я къ этому пришелъ.

„Я вырванъ изъ общества; я приговоромъ моей собственной совѣсти долженъ считать себя если не выродкомъ, то хоть безумцемъ. Я нахожусь подъ судомъ... подъ своимъ собственнымъ судомъ. На мнѣ тяготѣетъ строгость моихъ собственныхъ воззрѣній; но тяготѣетъ не потому, чтобы я сожалѣлъ о своемъ несчастномъ проступкѣ, не потому, чтобы совѣсть меня укоряла,— нѣтъ! Сонъ мой по ночамъ спокоенъ, его не тревожатъ мучительные привраки и думы.

„Я выбылъ изъ общественнаго „стада“,—и только потому, что его мысли и стремленія, законы и обычаи больше меня не привлекаютъ. Я сдѣлался имъ чуждъ. Я выше ихъ стою!..

„Я одинокъ; и мое одиночество лишь слѣдствіе свободы моихъ правилъ и стремленій. Одиночество—естественная кара того вольнодумца, того измѣнника исконнымъ правиламъ и порядкамъ, и врожденнымъ инстинктамъ толпы, который отдѣлился отъ всѣхъ и не хочетъ примкнуть къ другимъ измѣнникамъ, чтобы съ ними вмѣстѣ основать новое общество, свое особое „стадо“.

„И ни одного-то... ни одного единого нѣтъ на свѣтѣ живого существа, которое рѣшилось бы помочь одинокому отщепенцу нести бремя его одиночества“!..

Ванъ-Тениусъ умоляетъ, не поднимая глазъ на Маріанну; и въ тишинѣ слышался ея тихій, подавленный вздохъ.

„Для меня больше нѣтъ исхода; — нѣтъ иного спасенія, кромѣ...

„Когда въ воздухѣ вѣетъ осенняя стужа; когда ужъ наступила птицамъ перелетнымъ пора отлетѣть на югъ, въ теплые края, — ихъ инстинкты, обычаи или, можетъ быть, ихъ вожди учатъ ихъ, что для этого надо собраться въ густую стаю. Эта стая—и птицы это знаютъ—сильнѣе и выносливѣе, чѣмъ каждая изъ нихъ въ отдѣльности. Стая легче разрываетъ воздухъ, незамѣтнѣе и съ меньшимъ утомленіемъ пролетаетъ большія пространства, на которыя у отдѣльныхъ птицъ не хватило бы силы. Если же которая изъ птицъ отпадаетъ отъ стаи, если у нея не хватаетъ силы крыльевъ, сознанія возможности или устойчивости, она, обезсиленная, ослабѣвшая, падаетъ на землю и погибаетъ!..

„Для противозаконника,—такого именно, какимъ я въ сущности являюсь,—есть только одинъ путь къ спасенію: онъ долженъ быть „сильнѣе сильныхъ“—сильнѣе всѣхъ другихъ во всей стаѣ. Онъ долженъ самъ стать во главѣ ея, какъ вождь, какъ высшій ея руководитель. Онъ долженъ всѣхъ вести и привести въ новую, лучезарную страну; на тотъ далекій и желанный

югъ, гдѣ вѣчное тепло и довольство; туда, гдѣ брезжитъ цѣль его душевныхъ стремленій, его собственныхъ страстныхъ думъ, и правилъ, и... законовъ!

„Но кто рѣшится быть этимъ вождемъ? У кого хватить силы воли и стремленій, чтобы стать во главѣ безчисленной и еще неизвѣданной стаи?

„Пусть тотъ и станетъ“!

Медленно опустилъ руку ванъ-Тениусъ и протянулъ ее къ огню. Послѣдній листокъ его исповѣди, какъ и предыдущіе, истлѣлъ на пылавшихъ угольяхъ... испепелился.

Тихо, задумчиво смотрѣлъ онъ, какъ бумага постепенно загоралась, вспыхивала яркимъ огнемъ, потухала и тлѣла...

Когда она истлѣла и рассыпалась на мелкіе черные клочья, ванъ-Тениусъ поднялъ голову.

Марианна сидѣла, откинувшись на спинку кресла, опустивъ руки.

— Я... я...—слабо и нерѣшительно пролепетала она.

— Я сталъ тебѣ противенъ... да? Сознайся: вѣдь противенъ?—допытывался ванъ-Тениусъ, съ натянутымъ спокойствіемъ.

Марианна отрицательно качнула головой и силилась улыбнуться.

— Нѣтъ... нѣтъ!—прошептала она.

— Но я же вѣдь преступникъ!

— Нѣтъ!—воскликнула Марианна и оперлась на ручку кресла крѣпко сжатymi руками.—Я этого не знаю и этому не вѣрю!.. Какъ плохо знаешь ты сердце женщины!..

Ванъ-Тениусъ всталъ, подошелъ къ Марианнѣ и какъ въ желѣзныхъ тискахъ сжалъ ей руки.

— Ну, такъ докажи же свою силу на дѣлѣ! Путь нашъ ясенъ передъ нами; но у насъ не всегда достанетъ смѣлости идти по немъ, не колеблясь. Теперь же... часъ насталъ! Будь моей спутницей!.. Не бойся, у меня рука не дрогнетъ. Сначала ты, а послѣ я. Все будетъ кончено, прежде чѣмъ съ твоего лица сойдетъ улыбка.

Но Марианна и въ самомъ дѣлѣ улыбалась.

Она не мѣшала его властному движенію, когда, не выпуская ея руки, онъ вынудилъ ее подняться во весь ростъ и стать рядомъ съ нимъ. Руки ея были подъ его грубыми руками; она чувствовала себя въ его власти и вмѣстѣ радовалась, что чувствуетъ себя свободной...

— Нѣтъ!—громко крикнула она.—Нѣтъ, не надо! Если ты самъ не хочешь непременно лишить меня жизни! Нѣтъ, нѣтъ:

я жить хочу! Я хочу быть твоей женой! Я буду помогать тебѣ; буду товарищемъ твоимъ и вѣрнымъ другомъ!

Ванъ-Тениусъ притянулъ ея руки къ себѣ на грудь и прижалъ ихъ такъ крѣпко, что она тихо вскрикнула отъ боли. Обѣими руками обхвативъ ея свѣтлорусую головку, ванъ-Тениусъ порывисто поглаживалъ ее, шепча:

— Нѣтъ... не хочу тебя... я самъ себѣ далъ клятву! Говорю тебѣ: и думать объ этомъ не хочу! Ты вѣдь сама не знаешь, чему идешь на встрѣчу... что за жизнь тебя ожидаетъ? Но я мужчина, и я знаю, на что я иду, отдѣлившись отъ другихъ; знаю, что въ жизни мнѣ осталось жить не для себя, а только для другихъ. Никогда больше мнѣ нельзя принадлежать себѣ; нельзя радоваться, беззаботно отдаваясь впечатлѣнію минуты; нельзя думать только о настоящемъ, не тревожась о будущемъ... Нѣтъ, ты только представь себѣ, сердце мое, что тебя ожидаетъ! Такъ, какъ ты—я уже больше не могу... Я ужъ не въ состояніи любить! Слышишь? Я тебя заранѣе предупреждаю. Да! И вотъ еще что: мое предупрежденіе, все равно, тебѣ ни къ чему. Все равно, разъ ужъ ты моя,—я тебя отъ себя не отпущу: ты—моя! Ты—моя собственность, моя вещь, орудіе въ моихъ рукахъ! Ты будешь мнѣ повиноваться, какъ вѣрное орудіе, какъ гранильный камень въ рукахъ каменотеса... какъ вѣрный мой помощникъ въ трудахъ и лишеніяхъ! Я буду вѣдь тобой повелѣвать; ты будешь въ моей власти... вотъ какъ сію минуту!

Нѣжно и ласково касались ея головы его сильныя руки.

— Я тебя не боюсь!—проговорила Маріанна.—А *мальчуана* моего... ты вѣдь немножко любишь?

Въ ея послѣднихъ словахъ отозвалась нѣкоторая робость.

— Будь же покойна, дорогая! Я его люблю, и если онъ захочетъ, я займусь его воспитаніемъ; я буду самъ его учителемъ и другомъ. Намъ нужны будутъ новые люди, новыя силы. Сама увидишь, что предводительствовать цѣлой „стаей“ не легко; а я понадоблюсь имъ... и ужъ скоро!

— Будущее придетъ къ намъ само собою,—возразила Маріанна:—подгонять его мы не должны... Ну, полно, Робертъ, успокойся! Садись вотъ тутъ, въ тетино кресло, и вздохни свободнѣе... а я пока приведу кое-что въ порядокъ.

Маріанна подошла къ печкѣ и сгребла въ кучу тлѣвшіе лоскутки бумаги; затѣмъ подошла къ зеркалу и взяла въ руки револьверъ.

— Берегись: онъ зараженъ!—предупредилъ ванъ-Тениусъ.

— Понятно!—возразила она и по всѣмъ правиламъ искусства разрядила револьверъ. Прежде всего, она осторожно и самоувѣренно вытянула шомполь, а затѣмъ откинула курокъ и вынула изъ пространства между замкомъ и дуломъ, поочередно, всѣ шесть зарядовъ съ патронами, лежавшими въ барабанѣ.

Задумчиво поглядывая на смертоносное орудіе и на его разобранныя части, Маріанна тщательно, не спѣша, вычистила его, продула и вытерла его своимъ тонкимъ носовымъ платкомъ.

— Вотъ это,—и она отодвинула въ сторону патроны,—я буду хранить у себя, пока въ своей дорожной сумкѣ, а потомъ, позднѣе—съ нашей перепиской. Все остальное пусть останется у тебя въ пальто. Мы должны дружно все это беречь; желанія наши также пусть будутъ всегда дружны. Но когда мы оба единодушно того пожелаемъ,—и только тогда, сердце мое, мы можемъ снова привести револьверъ въ порядокъ. Только тогда получимъ мы полное право вмѣстѣ отправиться въ иной и... безвозвратный путь... А до тѣхъ поръ—мы должны *жить*... жить вмѣстѣ, неразлучно!..

А. Б—г—

МАРКСЪ

и

ЕГО ШКОЛА

— Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. Bd. I—III. 1867—1894.

Было время, когда у насъ серьезно обсуждались вопросы: что важнѣе для народа—матеріальное благосостояніе, или нравственное совершенствованіе? Какія реформы болѣе настоятельны и благотворны — экономическія, общественно-юридическія, или морально-воспитательныя? Что лучше и полезнѣе для человѣка — естественныя науки, или нравственные идеалы?

Самая постановка подобныхъ вопросовъ свидѣтельствовала о нѣкоторой путаницѣ понятій. Ясно какъ Божій день, что для сноснаго человѣческаго существованія одинаково необходимы извѣстныя матеріальныя и моральныя условія, и что экономическія и нравственныя улучшенія, въ свою очередь, не могутъ быть прочны безъ соотвѣтственной общественно-юридической обстановки. Если не единымъ хлѣбомъ живѣтъ человѣкъ, то и безъ хлѣба вовсе жить невозможно; а для того, чтобы трудящійся могъ спокойно пользоваться плодами рукъ своихъ, необходимы справедливые законы, примѣненіе которыхъ не зависѣло бы отъ доброй воли исполнителей. Прежде чѣмъ разсуждать о высшихъ общественныхъ идеалахъ, надо имѣть возможность жить по-человѣчески, съ сохраненіемъ своего человѣческаго достоинства: *primum vivere, deinde philosophari...*

Точно такъ же очевидно, что отсутствіе положительныхъ

научныхъ знаній не можетъ ни для чего служить опорой. Нравственное чувство беспомощно при невѣжествѣ; оно пріобрѣтаетъ широкую и разумную почву только благодаря умственнымъ и культурнымъ успѣхамъ, составляющимъ главную силу современныхъ государствъ. Научное знаніе, стремящееся къ истинѣ, неспособно колебать какія бы то ни было истины; оно не колеблетъ поэтому ни истинной религіи, ни истинной нравственности, а подрываетъ лишь заблужденія и предрассудки.

Не трудно исторически объяснить причину тѣхъ странныхъ споровъ, которые когда-то занимали нашу журналистику. Разнородные интересы, общественные и политическіе, законодательные и нравственные, культурные и научные, стали сразу доступны печатному обсужденію въ шестидесятыхъ годахъ, и среди этого обилія внезапно нахлынувшихъ задачъ надо было разобраться, выдѣлить наиболѣе существенныя и симпатичныя въ данный моментъ, — при чемъ большинство писателей руководствовалось въ своемъ выборѣ принципиальными соображеніями, исключавшими возможность уступокъ и компромиссовъ. О равномѣрномъ и безразличномъ отношеніи къ предметамъ и вопросамъ различныхъ категорій не могло быть и рѣчи. То, что не подходило къ господствовавшему настроенію, отвергалось, какъ враждебное и нежелательное. Изъ богатой иностранной литературы, къ которой открылся намъ доступъ, заимствовалось съ особенною горячностью все то, что имѣло связь съ великими историческими задачами того времени. Крестьянская реформа выдвинула на первый планъ интересы и вопросы народно-хозяйственные, экономическіе; а отсталость въ научномъ образованіи и въ научной техникѣ, обнаруженная крымскою войною, направила умы въ сторону естественныхъ наукъ. Отвлекать вниманіе общества отъ этихъ двухъ главныхъ умственныхъ теченій значило, по тогдашнему взгляду, задерживать ходъ прогресса; вотъ почему такъ страстно отрицались и оспаривались тогда философскія идеи, относящіяся прямо или косвенно къ области метафизики. Назрѣвшія потребности страны и народа имѣли положительный, утилитарный характеръ; такое же положительное направленіе приняла и общественная мысль, насколько она могла выразиться въ печати.

Въ послѣднее время замѣчалось у насъ возрожденіе нѣкоторыхъ особенностей шестидесятыхъ годовъ. Съ одной стороны, послѣ долгаго затишья и застоя въ области умственныхъ интересовъ, сильно оживился спросъ на произведенія научной литературы и публицистики, на переводныя и оригинальныя книги по исторіи культуры, по философскимъ, социальнымъ и экономи-

ческимъ вопросамъ. Даже тѣ самыя сочиненія, которыя четверть вѣка назадъ пользовались наибольшою популярностью, вновь расходятся теперь въ необычайныхъ количествахъ; укажемъ для примѣра на новое изданіе Бюля, предпринятое г. Павленковымъ и разошедшееся въ двадцати тысячахъ экземпляровъ,—успѣхъ несмѣнный на нашемъ книжномъ рынкѣ. Въ сравнительно короткое время потребовалось два изданія сочиненій покойнаго Шелгунова, которыя при жизни его шли довольно туго,—фактъ тоже довольно характерный. Съ другой стороны, опять выступаетъ на сцену воображаемый антагонизмъ между задачами материальными и нравственными, между интересами экономическими и общественно-юридическими, между идеями морально-философскими и утилитарными,—при чемъ одностороннія увлеченія тѣми или другими взглядами доходятъ нерѣдко до сектантской исключительности.

Вопросы отвлеченной морали получили у насъ значеніе, какого они прежде не имѣли; этика и философія отчасти оттѣснили собою естественныя науки и заняли видное мѣсто въ общемъ литературномъ движеніи, какъ это свидѣлствуется уже внѣшнимъ успѣхомъ специально-философскаго журнала, основаннаго въ Москвѣ, и появленіемъ множества книгъ и брошюръ философскаго содержания за послѣдніе годы ¹⁾. „Этика“ Спинозы въ переводѣ г. Модестова разошлась въ двухъ изданіяхъ; „Задачи этики“ покойнаго К. Д. Кавелина возбудили оживленную полемику въ печати и въ обществѣ; нравственное ученіе графа Л. Н. Толстого, несмотря на всѣ преграды, распространялось съ поразительною быстротою и находило многочисленныхъ послѣдователей.

Интересъ къ вопросамъ этики и философіи несомнѣнно отличается наше время отъ эпохи шестидесятыхъ годовъ; мы говоримъ, конечно, объ интересѣ серьезномъ, а не фактивномъ, имѣющемъ характеръ личной или журнальной рекламы. Но рядомъ съ этимъ идетъ усиленное поклоненіе экономическимъ теоріямъ, возводящимъ узко-матеріальный промышленный эгоизмъ на степень господствующаго, основнаго фактора исторической жизни народовъ. Ученіе Маркса вновь вошло въ моду и сдѣлалось предметомъ особаго культа среди нѣкоторой части нашей образованной публики; оно имѣетъ горячихъ поклонниковъ и толкователей, искренно убѣжденныхъ, что всякое слово учителя есть истина.

¹⁾ Потребовалось даже изданіе особаго „Философскаго Ежегодника“ для того, чтобы помочь читателямъ ориентироваться въ массѣ появляющихся сочиненій, статей и замѣтокъ философскаго содержанія; такъ, въ „Философскомъ Ежегодникѣ“ за 1898 годъ, старательно составленномъ г. Я. Колубовскимъ, приведены названія 950 работъ и замѣтокъ подобнаго рода, преимущественно на русскомъ языкѣ.

Откуда взялся у насъ этотъ возрожденный „марксизмъ“ и въ чемъ онъ находитъ почву для своего развитія и процвѣтанія—опредѣлить не легко; тутъ дѣйствовали, повидимому, и другія причины, кромѣ логической стройности и научной тяжеловѣсности самаго ученія, придающихъ ему исключительный авторитетъ въ глазахъ большинства читателей. Книга Маркса принадлежитъ у насъ почему-то въ числу запретныхъ, хотя по содержанію и по способу изложенія она всего менѣе можетъ считаться опасною для кого бы то ни было; запретъ въ этомъ случаѣ есть отчасти дѣло недоразумѣнія. Кто одолѣлъ подлинный трактатъ о „капиталѣ“ и усвоилъ его основныя идеи и выводы, тотъ не можетъ сочувствовать революціоннымъ утопіямъ и долженъ видѣть въ нихъ лишь безцѣльныя и нежелательныя попытки задержать естественный ходъ вещей, имѣющей свои неизбѣжные законы. Экономическія явленія, изслѣдуемая Марксомъ, рассматриваются имъ какъ необходимыя стадіи естественно-историческаго процесса, подготовляющаго почву для будущаго преобразованія экономическаго строя, который, въ свою очередь, послужитъ основою для новыхъ политическихъ и юридическихъ формъ; а такъ какъ безъ предварительнаго измѣненія экономическихъ условій невысказанно и политико-юридическія преобразованія, то остается только пассивно выжидать неизбѣжныхъ результатовъ упомянутаго процесса или даже способствовать скорѣйшему его развитію, смягчая лишь по возможности его тяжелыя и мрачныя стороны. Такова точка зрѣнія Маркса, какъ ученаго теоретика: по существу она вполне консервативна, а по выводамъ она переноситъ въ неопредѣленное будущее тѣ начала, которыя предлагаются реформаторами для кореннаго улучшенія экономическаго быта въ настоящемъ. Западно-европейскій социализмъ превращаетъ выводы Маркса въ программу практическихъ требованій, относящихся къ современной дѣйствительности, или вѣрнѣе, наоборотъ, Марксъ подыскалъ научное объясненіе и оправданіе для программы, существовавшей до него, при чемъ поставилъ будущее ея выполненіе въ зависимость отъ условій, не поддающихся произвольному воздѣйствію реформаторовъ. Философско-историческіе взгляды Маркса могутъ внушить читателю фаталистическое равнодушіе къ современнымъ челоувѣческимъ бѣдствіямъ, и дѣйствительно, послѣдовательные марксисты являются иногда холодными противниками крестьянской земельной общины, кустарной промышленности, артелей и всякихъ вообще организацій, направленныхъ къ охранѣ и обезпеченію экономической самостоятельности крестьянства. Въ такихъ тенденціяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго въ общепринятомъ цен-

зурномъ смыслѣ, и онѣ пользуются даже поощреніемъ и поддержкою реакціонной печати. Правда, Марсь крайне непочтительно отзывается о промышленномъ классѣ, играющемъ роль „вампировъ“ по отношенію къ труду рабочихъ; но у насъ фабриканты и заводчики не имѣютъ еще политическаго вліянія, и объ эксплуатаціи труда капиталомъ можно бы еще говорить безъ стѣсненій. Далѣе, книга Марса настолько нагружена ученостью и написана такъ тяжело и туманно (за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ), что ее нельзя считать общедоступною, и чтеніе ея никому не покажется соблазнительнымъ; а между тѣмъ наложенный на нее запретъ окружаетъ ее особымъ обяніемъ, усиливаетъ ея авторитетъ и, не мѣшая распространенію идей автора, затрудняетъ ихъ безпристрастную критическую оцѣнку. Недостатокъ свободнаго обсужденія приводитъ къ тому, что теорія—быть можетъ, несостоятельная сама по себѣ—пріобрѣтаетъ важность, которой она не имѣла бы у насъ при другихъ условіяхъ.

Ученіе Марса не разъ излагалось и комментировалось въ нашей печати; но спокойной и полной критики его у насъ нѣтъ до сихъ поръ. Мы вовсе не думаемъ пополнять этотъ пробѣлъ въ настоящей статьѣ; намъ казалось только своевременнымъ высказать нѣкоторыя критическія замѣчанія о доктринѣ, претендующей опять на руководящую роль въ области нашихъ народнохозяйственныхъ идей и направленій.

I.

Въ трехъ огромныхъ томахъ о цѣнности и капиталѣ, Марсь обстоятельно анализируетъ экономическія явленія, свойственныя крупной промышленности въ современныхъ ея формахъ, и придаетъ получаемымъ при этомъ выводамъ значеніе общихъ и даже основныхъ научныхъ истинъ политической экономіи.

„Форма цѣнности, имѣющая свой готовый образъ въ денежной формѣ,—говоритъ онъ,—вполнѣ безсодержательна и несложна. Однако человѣческій умъ тщетно пытался изслѣдовать ее въ теченіе *болѣе двухъ тысячъ лѣтъ*, тогда какъ анализъ гораздо болѣе сложныхъ и содержательныхъ формъ былъ приблизительно удаченъ. Почему? Потому что образовавшееся уже тѣло легче звучается, чѣмъ его кѣточва. Кромѣ того, при анализѣ экономическихъ формъ не могутъ служить ни микроскопъ, ни химическіе реактивы. Сила абстракціи должна замѣнить и то и другое. А для гражданскаго общества товарная форма трудового про-

дукта или форма цѣнности товара составляетъ экономическую кѣточку“.

Итакъ, Марксъ доводитъ до благополучнаго конца то изученіе цѣнности, надъ которымъ тщетно трудился человѣческій умъ болѣе двухъ тысячелѣтій; слѣдовательно, и предметъ изученія принадлежитъ къ числу постоянныхъ и всеобщихъ экономическихъ явленій. Но этотъ предметъ изученія опредѣляется авторомъ какъ принадлежность особой формы народнаго хозяйства, развившейся лишь въ новѣйшее время и достигшей наибольшаго процвѣтанія въ современной Англій. „Въ настоящемъ трудѣ, — говоритъ Марксъ, — я поставилъ себѣ цѣлью изслѣдовать капиталистическій способъ производства и соотвѣтствующія ему отношенія по производству и обращенію товаровъ. Классическое мѣсто этой формы производства до сихъ поръ — Англія“. Поэтому авторъ въ своемъ изслѣдованіи почти исключительно руководствуется фактическимъ матеріаломъ, относящимся къ англійской промышленности. Марксъ беретъ понятія цѣнности и капитала въ томъ ихъ значеніи, какое они имѣютъ въ переходномъ, сравнительно недавно устроенномъ мірѣ промышленнаго капитализма; и въ то же время онъ утверждаетъ, что надъ этими понятіями работалъ человѣческій умъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Онъ говоритъ объ „естественныхъ законахъ“ капиталистическаго производства, дѣйствующихъ и пробивающихъ себѣ дорогу „съ желѣзною необходимостью“; но если самое капиталистическое производство есть только временная историческая форма, осужденная на исчезновеніе, то и его законы могутъ быть только временными и условными, и никакой общей теоретической силы имъ приписывать нельзя. Изслѣдованіе фактовъ и тенденцій, присущихъ современной организаціи крупной промышленности, даетъ практическіе, а не научные выводы; оно не приводитъ и не можетъ приводить къ обобщеніямъ, касающимся основныхъ началъ какой бы то ни было науки. Подобно тому, какъ подробнѣйшій анализъ сложныхъ механическихъ приспособленій во внутреннемъ устройствѣ англійскихъ фабрикъ не могъ бы прибавить ни одной истины къ положеніямъ научной механики, такъ и изученіе спеціальныхъ особенностей промышленнаго капитализма не внесетъ и не можетъ внести ничего новаго въ теоретическую часть политической экономіи. Вотъ почему, — какъ признается и самъ Марксъ, — фактическія данныя объ англійской промышленности служатъ ему только иллюстраціею для теорій, развиваемой независимо отъ нихъ, путемъ дедуктивнымъ; но самая эта теорія есть всецѣло продуктъ англійской промышленной атмосферы и имѣетъ смыслъ единственно лишь

при условіи значительнаго развитія торгово-промышленной дѣятельности, рассчитанной на обширный внѣшній сбытъ.

Въ исходной точкѣ изслѣдованій Маркса заключается непримиримое противорѣчіе: онъ предполагаетъ, что двигаетъ науку разъясненіемъ ея основныхъ понятій и элементовъ, а между тѣмъ онъ анализируетъ только понятія и явленія, свойственныя извѣстной формѣ народнаго хозяйства и не имѣющія въ себѣ ничего всеобщаго и постояннаго. Въмѣсто политической экономіи, изучающей или долженствующей изучать условія хозяйственнаго развитія и благосостоянія народовъ, предлагается специальная торгово-промышленная экономія, трактующая о товарахъ и цѣнностяхъ. Свѣденія и разсужденія объ одной изъ отраслей хозяйственной предпримчивости у даннаго народа и въ данную эпоху выдаются за экономическое знаніе вообще, и взгляды, выработанные въ области чисто-промышленной и торговой, непосредственно примѣняются во всѣхъ остальныхъ областяхъ народнаго труда и во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ страны, въ томъ числѣ и въ отношеніяхъ поземельнымъ и земледѣльческимъ. Эта коренная ошибка экономистовъ классической англійской школы вполне усвоена Марксомъ и даже доведена имъ до крайности; ни одинъ изъ теоретиковъ не вдавался въ такія подробности фабричной и торговой промышленности въ общемъ теоретическомъ трактатѣ по политической экономіи, и никто еще не вносилъ этихъ подробностей въ науку съ такою серьезною убѣжденностью, какъ Марксъ. Въ рукахъ Маркса политическая экономія не только не приобретаетъ характера широкой общественной науки, но напротивъ, совершенно утрачиваетъ связь съ другими отраслями общественнаго знанія и суживается до степени специальной доктрины товарнаго производства и обращенія. Экономисты-классики держались этихъ промышленныхъ рамокъ потому, что существующія формы промышленности представлялись имъ нормальными и окончательными; они не иначе понимали народное хозяйство какъ въ видѣ обширной фабрики или рынка для производства и обмѣна товаровъ. Марксъ отрицаетъ прочность и долговѣчность современнаго промышленнаго строя, и тѣмъ не менѣе онъ изъ анализа его особенностей извлекаетъ свою абстрактную науку. Онъ не выходитъ изъ круга промышленности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — въ этомъ главнѣйшій и основной недостатокъ экономическаго ученія Маркса. Его книга о „капиталѣ“ названа также „критикою политической экономіи“; но въ дѣйствительности критика касается лишь нѣкоторыхъ сторонъ промышленной организаціи, не затрогивая вовсе ни научной системы, ни обыч-

наго содержанія политической экономіи. Марсъ ни въ чемъ не отступаетъ отъ старыхъ шаблоновъ, установленныхъ экономистами-классиками, и для него экономическая наука исчерпывается вопросами о производствѣ и распредѣленіи товаровъ, о цѣнности и прибыли; и для него товарная цѣнность есть основная экономическая вѣточка гражданскаго общества.

Исконный фундаментъ хозяйственнаго и политическаго быта каждаго народа — строй поземельныхъ и земледѣльческихъ отношеній,—занимаетъ лишь подчиненное, второстепенное мѣсто въ той промышленной доктринѣ, которая по традиціи называется политической экономіею. Казалось бы, что у насъ сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо должна бы чувствоваться потребность въ экономическомъ ученіи, которое выдвигало бы на первый планъ и самостоятельно освѣщало бы вопросы поземельные и сельско-хозяйственные; и всего менѣе можно было ожидать, чтобы у насъ увлекались теоріею, предполагающею господство крупной промышленности, въ родѣ англійской. Первостепенная важность землевладѣнія и земледѣлія даже для промышленныхъ странъ настолько очевидна, что Марсъ долженъ былъ коснуться и поземельныхъ отношеній въ Англій; но онъ сдѣлалъ это только съ точки зрѣнія исторіи промышленнаго развитія, въ главѣ о „первоначальномъ накопленіи“ капитала.

Возведеніе крупной промышленности на степень важнѣйшаго предмета теоретическихъ изслѣдованій въ политической экономіи оправдывается у Маркса тѣмъ, что всѣ народы должны пройти ту же стадію капитализма, которую проходитъ нынѣ Англія, и что „болѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна показываетъ менѣе развитымъ картину ихъ собственнаго будущаго“. Эта мысль высказывается, однако, слишкомъ отрывочно, мимоходомъ, безъ всякихъ логическихъ или историческихъ подтвержденій, и вообще философско-историческіе взгляды Маркса, которымъ придаютъ такое большое значеніе его послѣдователи, выражены у него крайне скудно и бездоказательно, въ видѣ отдѣльныхъ краткихъ замѣчаній, что особенно удивительно въ трактатѣ, отличающемся необычайнымъ многословіемъ въ изложеніи и разборѣ самыхъ элементарныхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ. По словамъ Маркса, послѣднею цѣлью его труда было „равоблачить экономическій законъ движенія современнаго общества“, а это движеніе есть „естественно-историческій процессъ“, котораго естественные фазисы развитія не могутъ быть ни обойдены, ни устранены. Гдѣ и какъ доказываетъ онъ эти историко-философскія истины? Можно сказать положительно, что онъ даже не пы-

тается подвергнуть ихъ принципиальному обсужденію, а просто провозглашаетъ ихъ по отдѣльнымъ поводамъ и случаямъ. Въ книжкахъ и брошюрахъ, предшествовавшихъ изданію „Капитала“, онъ не разъ говорилъ о послѣдовательномъ возвышеніи и новѣйшемъ владычествѣ буржуазіи, о борьбѣ ея съ рабочимъ классомъ и о предстоящемъ торжествѣ послѣдняго, въ связи съ переменами въ условіяхъ производства; въ „Капиталѣ“ онъ подробно объясняетъ постепенный переходъ англійской промышленности отъ ремесленныхъ цеховъ и кустарныхъ промысловъ къ мануфактурѣ, и отъ мануфактуры къ крупному машинному производству, но нигдѣ онъ не останавливается надъ вопросомъ, почему и при какихъ условіяхъ обязательно для каждаго народа прохожденіе извѣстныхъ стадій экономическаго развитія, и почему въ частности господство промышленнаго капитализма въ Англійи должно повториться въ другихъ странахъ. „Экономическій законъ движенія общества“, какъ и всякій законъ явленій, означаетъ лишь, что при данныхъ условіяхъ и при отсутствіи достаточныхъ противодѣйствующихъ вліяній должны произойти такіе-то факты въ такомъ-то послѣдовательномъ порядкѣ; но факты не произойдутъ или примутъ другое направленіе, если условія будутъ другія, или если вмѣшаются постороннія задерживающія вліянія. Изъ закона паденія тѣлъ вовсе не слѣдуетъ, что предметы должны падать на землю съ возрастающею скоростью при всякихъ вообще обстоятельствахъ, и что естественные фазисы паденія не могутъ быть ни обойдены, ни устранены; камень остановится въ своемъ паденіи, если встрѣтитъ на пути препятствіе, и нельзя сказать, что его тенденція къ паденію будетъ дѣйствовать во всякой средѣ одинаково съ желѣзною необходимостью. Морское положеніе Англійи и промышленная предпримчивость ея обитателей создали ей особую исторію, какъ политическую, такъ и народно-хозяйственную, и никто не станетъ утверждать, что эта исторія можетъ повториться у народа земледѣльческаго, поставленнаго въ совершенно другія условія существованія. Англійскій промышленный классъ развился и достигъ своего нынѣшняго господства при обстоятельствахъ, которыхъ не было и нѣтъ, напр., у насъ въ Россіи; такъ же точно французская буржуазія выросла на иной почвѣ и съ давнихъ поръ занимала совсѣмъ иное положеніе, чѣмъ наше купечество или мѣщанство. Нѣтъ поэтому ни малѣйшаго основанія думать, что у насъ должно водвориться такое же владычество промышленнаго капитала и притомъ въ такихъ же формахъ, какъ въ Англійи или во Франціи. Если не всѣмъ народамъ суждено быть націями мореплавателей,

то и промышленный капитализмъ, процвѣтающій въ Англіи, не составляетъ обязательнаго удѣла всѣхъ вообще государствъ. Наконецъ, въ самой Англіи естественныя тенденціи капитала къ порабощенію рабочихъ проявлялись съ желѣзною необходимостью только до тѣхъ поръ, пока не приняты были энергическія мѣры противодѣйствія, въ видахъ охраны рабочаго класса отъ злоупотребленій промышленной эксплуатаціи.

„Естественный законъ“ Маркса, обязывающій будто бы всѣ культурные народы идти по стопамъ Англіи въ дѣлѣ односторонняго развитія промышленнаго капитализма и не допускающій ни предупрежденія, ни устраненія извѣстныхъ его фазисовъ, противорѣчатъ, очевидно, элементарнымъ правиламъ научной логики и опровергается на каждомъ шагѣ положительными фактами, указываемыми отчасти самимъ Марксомъ. Что доказываетъ вся излагаемая имъ исторія англійскаго фабричнаго законодательства, какъ не возможность своевременнаго ограниченія зловредныхъ тенденцій капитализма даже въ классической странѣ крупной промышленности? Въ странахъ менѣе подвластныхъ промышленному классу ограничительное воздѣйствіе могло бы идти гораздо дальше и коснуться самой сущности капиталистическаго строя, и никакой „естественный законъ“ не помѣшалъ бы успѣху такого начинанія.

Марксъ восхваляетъ безпристрастіе, энергію и правдивость парламентскихъ и правительственныхъ комиссій, изслѣдовавшихъ положеніе рабочихъ въ Англіи и раскрывавшихъ вопіющія злоупотребленія фабрикантовъ; онъ превозноситъ дѣятельность англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ и особенно одного изъ нихъ, Леонарда Горнера, которому приписываетъ великія заслуги въ дѣлѣ охраны интересовъ рабочаго класса. Авторъ „Капитала“ несомнѣнно подрываетъ этимъ свою собственную теорію объ исключительномъ господствѣ экономическихъ мотивовъ и классовыхъ стремленій въ законодательной и политической дѣятельности государствъ; онъ говоритъ иногда о государственной власти, какъ объ общественной силѣ, призванной водворять справедливость въ человѣческихъ отношеніяхъ, забывая уже, что, по его опредѣленію, эта власть есть только надстройка къ существующей экономической организаціи, выработанной борьбою матеріальныхъ интересовъ въ обществѣ. Противъ фабрикантовъ и капиталистовъ дѣйствовала не одна только аристократическая торійская партія, и проведеніе фабричныхъ законовъ нельзя объяснять антагонизмомъ между землевладѣльческою аристократіею и промышленнымъ классомъ. Члены слѣдственныхъ комиссій и фабричные инспектора, какъ и поддерживавшіе ихъ члены парламента, не были

аристократами, заинтересованными въ пониженіи и ослабленіи промышленнаго капитализма; большею частью они сами принадлежали въ тому же среднему промышленному классу и слѣдовательно, по теоріи Маркса, должны были дѣйствовать не въ пользу рабочихъ. Большинство палаты общинъ, утверждавшее фабричныя законы, не могло состоять изъ членовъ аристократическихъ семействъ или изъ представителей рабочаго класса. Откуда же появились эти восхваляемые Марксомъ безпристрастные и энергичскіе защитники рабочихъ въ средѣ буржуазіи, если узко-классовая борьба опредѣляетъ весь ходъ общественнаго движенія? Марксъ обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ, потому что удовлетворительнаго отвѣта не нашлось бы съ точки зрѣнія его матеріалистическаго пониманія исторіи.

Причина, побудившая многихъ добросовѣстныхъ англичанъ близко принимать къ сердцу бѣдственное положеніе фабричныхъ рабочихъ, кроется въ простомъ человѣческомъ чувствѣ справедливости, въ сознаніи вопіющей несправедливости того факта, что трудъ, создающій непомерныя богатства промышленныхъ хозяевъ, не доставляетъ рабочимъ даже необходимѣйшихъ условій сноснаго человѣческаго существованія. Нравственное чувство, освѣщенное знаніемъ, дѣлаетъ и промышленника человѣкомъ; оно дѣйствуетъ сильнее всякихъ классовыхъ и сословныхъ интересовъ, когда выражается въ сознательныхъ убѣжденіяхъ и идеяхъ. Это чувство заставляло представителей буржуазіи посвящать свои силы заботамъ объ улучшеніи и обезпеченіи быта рабочаго класса; оно давало рабочимъ убѣжденныхъ заступниковъ и руководителей изъ среды промышленныхъ капиталистовъ, къ которымъ слѣдуетъ причислить и Карла Маркса, Фердинанда Лассала и Фридриха Энгельса. Нравственныя идеи, достигши известной степени напряженія, не только пересиливаютъ матеріальные расчеты, но приводятъ въ рѣшимости отдавать самую жизнь для блага другихъ, и этими самоотверженными порывами двигается впередъ исторія. Представленіе о буржуазіи, какъ объ особомъ замкнутомъ классѣ, которому недоступны никакія человѣческія чувства и понятія, кромѣ алчности, — есть очевидная карикатура, которую Марксъ напрасно кладетъ въ основу своихъ экономическихъ и историко-философскихъ обобщеній. Борьба идей и направленій въ передовой части общества не зависитъ отъ сословныхъ и классовыхъ переговоровъ; она регулируетъ борьбу интересовъ и часто отодвигаетъ ее на задній планъ, какъ свидѣтельствуемъ вся исторія рабочаго вопроса въ Англій и въ другихъ странахъ. Соціализмъ повсюду выросталъ и находилъ вождей внутри буржуазіи, и сами теоре-

тивъ и проповѣдники классовой борьбы служатъ живымъ опроверженіемъ своей собственной теоріи.

Разсматривая капиталистическое производство, какъ историческую форму народнаго хозяйства, Марсъ связываетъ самое понятіе капитала съ новѣйшимъ ростомъ крупной промышленности и торговли, начиная съ XVI-го вѣка. Капитализмъ есть для него порожденіе новыхъ экономическихъ условій, неизвѣстное будто бы въ болѣе раннія историческія эпохи. Этотъ узкій взглядъ, пренебрегающій всею предшествовавшею исторіею человѣчества, приводитъ къ явнымъ несообразностямъ.

Во-первыхъ, капиталъ, какъ необходимый элементъ всякой производительной дѣятельности, не имѣетъ самъ по себѣ ничего общаго съ капитализмомъ, какъ особою формою хозяйства и орудіемъ угнетенія рабочихъ. Еще въ сороковыхъ годахъ Луи-Бланъ возставалъ противъ софизма, смѣшивающаго полезность капитала съ полезностью его обладателей. Значеніе капитала,—писалъ онъ,—постоянно подмѣняется тѣмъ, что можно назвать капитализмомъ, т.-е. присвоеніемъ капитала одними въ ущербъ другимъ. „Кричите: да здравствуетъ капиталъ,—и мы будемъ рукоплескать; но съ тѣмъ болшею живостью мы станемъ нападать на его смертельнаго врага—капитализмъ“¹⁾. Капиталъ играетъ роль въ производствѣ независимо отъ того, принадлежитъ ли онъ самимъ трудящимся или постороннимъ лицамъ, поставленъ ли онъ въ равноправныя отношенія съ трудомъ или же имѣетъ возможность угнетать его. Никакое производство не можетъ обойтись безъ орудій, матеріаловъ и запасовъ, составляющихъ на экономическомъ языкѣ капиталъ. Марсъ этого не отрицаетъ, и тѣмъ не менѣе онъ относитъ къ капиталу то, что примѣнимо лишь къ капитализму, т.-е. впадаетъ въ грубый софизмъ, который поддерживали буржуазные экономисты, вызывавшіе негодованіе Луи-Блана. Если допустить мысль, что при другой, не-капиталистической организаціи производства капиталъ не нуженъ или не имѣетъ самостоятельнаго значенія, то понятіе капитала должно быть исключено изъ числа общихъ теоретическихъ понятій политической экономіи, чего Марсъ, конечно, не думаетъ.

Во-вторыхъ, отдѣленіе работниковъ отъ орудій и средствъ производства, составляющее основу и сущность капитализма, есть одинъ изъ древнѣйшихъ фактовъ экономической жизни, и относить этотъ фактъ къ новѣйшей эпохѣ, начиная съ XVI-го вѣка,—значитъ игнорировать исторію или предполагать въ далекомъ

¹⁾ Organisation du travail, l. IV, ch. I.

прошломъ тѣ утопическія идилліи, отъ которыхъ отверчиваются марсесисты по отношенію къ настоящему. Въ евангельской притчѣ о хозяинѣ виноградника, нанимающемъ рабочихъ съ платою по одному динарію въ день, упоминаются уже всѣ существенные признаки капиталистическаго хозяйства, кромѣ одного—производства для сбыта; но что вино приготавливалось тогда для продажи—это не подлежитъ сомнѣнію. Хозяинъ нанимаетъ рабочихъ на торжищѣ, т.-е. на рынкѣ, гдѣ предлагаются свободныя рабочія руки; онъ нанимаетъ по нѣскольку человѣкъ въ разные часы дня и къ вечеру беретъ, наконецъ, остальныхъ, не нашедшихъ себѣ нанIMATEЛЕЙ; затѣмъ онъ поручаетъ своему управителю заплатить всѣмъ работникамъ одинаково по динарію, и противъ этого ропщутъ люди, нанятые раньше другихъ, ссылаясь на то, что они трудились съ утра и перенесли тягость дня и зной, тогда какъ пришедшіе послѣдними работали только одинъ часъ. Отвѣтъ хозяина одному изъ недовольныхъ рабочихъ вполнѣ выражаетъ точку зрѣнія современнаго капиталиста: „не за динарій ли ты договорился со мною? Возьми свое и поиди; развѣ я не властенъ въ своемъ дѣлать, что хочу“? Тутъ имѣется на лицо и свободный наемный трудъ, и нанIMATEль-капиталистъ, владѣющій орудіями и средствами производства, и довольно обширное хозяйство, съ управителемъ и съ большимъ количествомъ наемныхъ рабочихъ, и избытокъ рабочихъ рукъ на рынкѣ, и даже требованіе соотвѣтствія платы количеству рабочихъ часовъ, и недовольство рабочихъ распоряженіями хозяина, и ссылка послѣдняго на свое право собственности и на свободу договоровъ. Такое хозяйство едва ли могло имѣть цѣлью только снабженіе виномъ самого владѣльца и его семьи; во всякомъ случаѣ оно могло вырабатывать продукты и для продажи. Обширная торговля существовала и въ тѣ времена; англичане древности, финикіяне, производили различныя ткани, крашенныя шерстяныя и льняныя издѣлія, разныя вещи изъ стекла, домашнюю утварь, украшенія изъ слоновой кости, золота и другихъ металловъ; они торговали также египетскими льняными тканями, глиняною посудою и винами Греціи, драгоценными камнями, металлическими издѣліями, мѣхами, растительными продуктами всякаго рода. Индія славилась своими издѣліями изъ мѣди, золота и серебра, хлопчато-бумажными, шерстяными и шолковыми тканями. Нѣтъ основанія предполагать, что при обезпеченномъ внѣшнемъ сбытѣ всѣ эти продукты производились домашнимъ способомъ, безъ наемныхъ рабочихъ и безъ участія капиталистовъ; по крайней мѣрѣ у финикіянъ производство не было устроено на болѣе первобытныхъ началахъ, чѣмъ

у того хозяина, о которомъ говорится въ евангельской притчѣ. Такимъ образомъ, взглядъ Маркса и его послѣдователей на капитализмъ, какъ на своеобразное явленіе новой промышленной исторіи, основанъ на очевидномъ недоразумѣніи.

II.

Главною научною заслугою Маркса считается выработанная имъ теорія цѣнности, поставленная въ основу дѣлаемаго имъ анализа капиталистическаго производства. Эта теорія цѣнности вноситъ нѣкоторыя дополненія и поправки въ доктрину англійскаго экономиста и банкира, Давида Рикардо, которому Марсъ слѣдуетъ не только въ общемъ, но и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, и въ самомъ методѣ изслѣдованія.

Какъ Рикардо строитъ политическую экономію на условіяхъ англійской крупной промышленности, такъ и Марсъ смотритъ на экономическія судьбы народовъ чрезъ призму англійскаго промышленнаго строя. Рикардо, вслѣдъ за Адамомъ Смитомъ, принимаетъ трудъ за источникъ и мѣрило цѣнности; Марсъ подробно истолковываетъ это положеніе и дѣлаетъ изъ него очень сложные выводы, при помощи діалектики, напоминающей буквальное толкованіе законовъ юристами. Геніальный англо-еврейскій банкиръ высказываетъ свои мысли сжато и ясно, ведетъ свою аргументацію въ строгомъ стилѣ математической логики, относится къ своей задачѣ замѣчательно скромно и отбываетъ съ уваженіемъ о работахъ своихъ предшественниковъ и современниковъ;—нѣмецкій послѣдователь его развиваетъ на сотняхъ страницъ самыя элементарныя идеи, запутываетъ ихъ обиліемъ повтореній и примѣровъ, заявляетъ о необычайной важности открытыхъ имъ истинъ и ядовито высмѣиваетъ или игнорируетъ многихъ своихъ предшественниковъ и соперниковъ въ экономической литературѣ, особенно тѣхъ, съ которыми долженъ былъ бы чувствовать себя солидарнымъ.

Поклонники Маркса называютъ его основателемъ новой экономической школы, хотя не могутъ отрицать, что онъ самъ принадлежитъ къ школѣ Рикардо. Дѣйствительно ли его теорія цѣнности окончательно разрѣшила вопросъ, надъ которымъ тщетно трудились человѣческіе умы болѣе двухъ тысячъ лѣтъ? Ученики его увѣряютъ, что такъ и есть, и что не признаютъ этой теоріи только вульгарные, буржуазные экономисты, столь безпощадно преслѣдуемые насмѣшками Маркса. Извѣстный профессоръ Луйо

Брентано, убѣжденный защитникъ интересовъ рабочаго класса, не можетъ быть причисленъ къ вульгарнымъ экономистамъ; однако онъ категорически свидѣтельствуетъ, что „теорія цѣнности Маркса не имѣетъ въ настоящее время никакихъ послѣдователей въ научныхъ кругахъ“¹⁾. Компетентность Брентано въ пониманіи и оцѣнѣ того, что происходитъ въ нѣмецкихъ научныхъ кругахъ, не подлежитъ сомнѣнію, и въ этомъ случаѣ ему надо вѣрить. Въ специальномъ критическомъ обзорѣ различныхъ ученій о цѣнности, Роберта Цукеркандля, насчитано до 90 авторовъ, съ особыми теоріями или отдѣльными теоріями по этому вопросу, при чемъ классическая доктрина Рикардо отнесена къ числу устарѣлыхъ и несостоятельныхъ. Марксу удѣлено въ этомъ обширномъ обзорѣ всего семь страницъ, и заключеніе, къ которому приходитъ авторъ,—вполнѣ отрицательное. Въ теоріи цѣнности,—говоритъ онъ,—„Марксъ поддерживаетъ всѣ заблужденія и предразсудки ортодоксальной политической экономіи и въ своемъ довѣрїи къ дедукціямъ изъ выдуманныхъ предположеній идетъ гораздо дальше Рикардо“. Ученіе Маркса, возстановляющее старую доктрину классической англійской школы, есть „шагъ назадъ, а не впередъ“; социалисты остаются теперь „единственными представителями теоріи цѣнности, выработанной этою школою“²⁾. Авторъ долженъ былъ бы сказать—„нѣмецкіе социалисты“, потому что ни французскіе, ни англійскіе, ни американскіе теоретики социализма не считали нужнымъ, подобно Марксу, входить въ діалектическія подробности споровъ о цѣнности для оправданія своихъ общихъ положеній и выводовъ. Въ экономической литературѣ Франціи и Англїи теорія Маркса мало извѣстна, а тѣ ученые экономисты, которые съ нею знакомы, какъ, напр., Эмиль де-Лавелей, находятъ въ ней „искусное сплетеніе заблужденій и тонкостей, смѣшанныхъ съ нѣкоторыми истинами“. У насъ въ Россіи политико-экономическія, какъ и прочія знанія—заимствуются главнымъ образомъ изъ Германіи, гдѣ наши кандидаты въ профессора обыкновенно готовятъ въ научной дѣятельности; русскіе переводы нѣмецкихъ книгъ пользуются у насъ наибольшимъ распространеніемъ, и нѣмецкія научныя системы и теоріи издавна господствуютъ въ нашей наукѣ и литературѣ. Оттого и наши экономисты, вслѣдъ за нѣмецкими, больше интересовались чисто-промышленнымъ вопросомъ о цѣнности товаровъ, въ

¹⁾ Lujo Brentano, Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth. Lpz., 1889, стр. 7.

²⁾ Dr. Robert Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises mit besonderer Berücksichtigung der geschichtlichen Entwicklung der Lehre. Lpz., 1889, стр. 289—296.

ущербъ болѣе близкимъ намъ политико-экономическимъ задачамъ, касающимся поземельной собственности и земледѣльческаго хозяйства. У насъ существуетъ цѣлый рядъ диссертаций о цѣнности—Н. И. Зибера, проф. Патлаевскаго, Н. Н. Коссовскаго, В. Ф. Залѣскаго, г. Дена и другихъ, независимо отъ обширныхъ отдѣловъ въ трактатахъ о деньгахъ и въ общихъ курсахъ политической экономіи. Достигнуто ли что-нибудь положительное этими многочисленными изслѣдованіями и разсужденіями, и не принадлежитъ ли самая разработка вопроса къ числу тѣхъ бесплодныхъ словопреній, которыя никогда ни къ чему привести не могутъ? Въ упомянутомъ выше обзорѣ г. Цукерманда разбирается множество теорій и взглядовъ, и въ концѣ концовъ читатель выноситъ одно впечатлѣніе,—что всѣ мнимо-научные споры о цѣнности вертятся около словесныхъ опредѣленій и имѣютъ вполне схоластическій характеръ. По меланхолическому признанію автора, „результаты, добытые доктриною, не таковы, чтобы даже при самомъ старательномъ элективизмѣ можно было овладѣть полною истиною или только значительною долею ея;—рѣшеніе проблемы о цѣнности должно быть испробовано на новыхъ, недавно установленныхъ, основаніяхъ“. Послѣ разбора мнѣній почти цѣлой сотни выдающихся экономистовъ оказывается, что вопросъ еще не исчерпанъ и требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія на какихъ-то новыхъ „реалистическихъ“ началахъ! То же самое было бы и въ естественныхъ наукахъ, еслибы представители ихъ занимались анализомъ понятій и словъ, вмѣсто изученія и анализа реальныхъ явленій. Неудивительно поэтому, что и въ трехъ объемистыхъ томахъ Маркса вопросъ о цѣнности не доведенъ до разрѣшенія, достаточно убѣдительнаго для безпристрастныхъ умовъ.

Казалось бы, нѣтъ ничего проще той общезвѣстной истины, что мѣншую цѣнность имѣютъ только предметы, для производства или добыванія которыхъ необходимъ человѣческій трудъ. То, что всякому доступно даромъ, безъ употребленія какихъ-либо усилій и затратъ, не имѣетъ цѣны. Чѣмъ больше труда требуется для приготовленія извѣстной вещи, тѣмъ цѣнность ея выше, и наоборотъ. Въ этомъ смыслѣ Адамъ Смитъ и Рикардо утверждали, что трудъ есть источникъ и мѣрило цѣнности. Но количество труда, употребленнаго на производство, сводится къ количеству издержекъ, которыя должны быть возмѣщены въ цѣнѣ продукта, съ присоединеніемъ прибыли; а издержки покрываются и прибыль получается только при достаточномъ спросѣ на товаръ со стороны потребителей. Все это, повидимому, не даетъ матеріала

для метафизики. Рикардо оговаривается притомъ, что цѣнность измѣняется количествомъ затраченнаго труда только при двухъ условіяхъ,—если производство товаровъ можетъ увеличиваться неограниченно по мѣрѣ приложенія человѣческаго труда, и если оно подлежитъ дѣйствию свободнаго соперничества. Цѣны продуктовъ могутъ быть значительно выше сдѣланныхъ затратъ, но товаръ, требующій вдвое больше труда, будетъ и стоить вдвое дороже, чѣмъ другой; поэтому только относительная цѣнность товаровъ при обмѣнѣ опредѣляется относительными количествами труда, посвященнаго на ихъ производство. Ничего абсолютнаго нѣтъ въ этомъ представленіи о трудѣ, какъ мѣрилѣ цѣнности. Рикардо прилагаетъ свою теорію и къ заработной платѣ. Естественная цѣна труда зависитъ отъ количества средствъ, необходимыхъ для существованія рабочихъ и ихъ семействъ, а размѣръ этихъ средствъ опредѣляется потребностями, которыя въ каждой странѣ зависятъ отъ нравовъ и степени культуры народа. „Друзья человѣчества,—замѣчаетъ Рикардо,—должны желать, чтобы рабочіе классы повсюду имѣли потребность въ удобствахъ и наслажденіяхъ, и чтобы они были поощряемы въ доставленіи ихъ себѣ всѣми законными средствами. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ бѣдные классы имѣютъ менѣе потребностей и довольствуются самой дешевой пищей, народъ подвергается величайшимъ превратностямъ и нищетѣ. Онъ не имѣетъ никакой защиты отъ бѣдствій; онъ не можетъ искать себѣ убѣжища даже въ болѣе скромномъ положеніи; онъ и безъ того уже достигъ такой низкой ступени, что не можетъ опуститься еще ниже. Для замѣны главнаго продукта, служащаго для поддержанія ихъ жизни, существуетъ лишь весьма незначительное количество другихъ вещей, а дороговизна этихъ вещей сопровождается для нихъ почти всѣми бѣдствіями года“¹⁾.

Такъ говорить теоретикъ, котораго французы называли экономистомъ „sans entrailles“, — типическій представитель промѣшленнаго класса, столь ненавистнаго другому представителю этого класса, Марксу. По ученію Рикардо, заработная плата возвышается, а прибыль падаетъ, вмѣстѣ съ развитіемъ народнаго хозяйства; возвышеніе заработной платы понижаетъ прибыль, и наоборотъ,—такъ что между капиталистами и рабочими существуетъ естественная противоположность интересовъ. Указаніе на этотъ антагонизмъ, въ связи съ принятіемъ труда за единственный источникъ богатства, должно было оживить обществен-

¹⁾ Сочиненія Давида Рикардо, въ переводѣ Н. Зибера. Спб., 1882, стр. 51.

ное вниманіе къ рабочему вопросу и способствовать болѣе энергической его постановкѣ. Трудъ создаетъ богатство, а трудящіеся обречены на бѣдность и страданія;—это внутреннее противорѣчіе особенно ярко выясняется въ трактатѣ Рикардо. Сопоставленіе бѣдствій рабочаго класса съ создаваемыми имъ промышленными богатствами настолько общедоступно и краснорѣчиво само по себѣ, что не требуется вовсе никакихъ дальнѣйшихъ теоретическихъ доводовъ въ пользу болѣе справедливаго участія рабочихъ въ выгодахъ производства. То, что прежде вызывалось простымъ челоуѣколюбіемъ, опирается уже на чувство правды и сознаніе права; эти ясныя, понятныя всѣмъ мотивы легли въ основу французскаго социализма, независимо отъ вліянія англійскихъ экономическихъ теорій.

Нѣмецкіе систематики не могли довольствоваться безыскусственными разсужденіями Луи-Блана или Прудона, обращающимися прямо къ здравому смыслу и къ сердцу читателя; ученые нѣмцы должны были построить цѣлое научное зданіе, хотя и на чужомъ фундаментѣ. Теорія Рикардо сдѣлалась оплотомъ новѣйшаго научнаго социализма, преимущественно нѣмецкаго. Простыя и краткія указанія англійскаго экономиста породили весьма значительную литературу, которая болѣею частью только затемнила и спутала ихъ. Самъ Рикардо вѣрилъ еще въ незыблемую прочность и нормальность промышленнаго порядка, основаннаго на господствѣ капитала надъ трудомъ и на свободѣ конкуренціи; нѣмецкіе послѣдователи его внесли свою историческую точку зрѣнія и въ то же время превратили его ученіе въ схоластику, которую стали вдобавокъ загромождать огромнымъ и все болѣе возрастающимъ фактическимъ и литературнымъ балластомъ. Рикардо ставилъ извѣстныя гипотезы и освѣщалъ ихъ примѣрными комбинаціями и разсчетами, относительно произвольности которыхъ онъ не оставлялъ никакого сомнѣнія въ читателѣ; истолкователи и продолжатели его приняли гипотезы за истины, а примѣры— за доказательства. Такъ дѣйствуетъ, между прочимъ, Марксъ, соединяющій въ себѣ всѣ характерныя черты нѣмецкаго ученаго теоретика.

Сущность разсужденій Маркса о цѣнности, трудъ и капиталъ можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ. Трудъ есть источникъ цѣнности товаровъ; извѣстныя количества челоуѣческаго труда кристаллизуются въ его продуктахъ и опредѣляютъ мѣру ихъ мѣнновой стоимости. Разумѣется, принимается во вниманіе только то количество труда, которое необходимо для приготовленія товара при данныхъ общественныхъ условіяхъ производства.

Товары обмѣниваются по трудовой ихъ стоимости; продукты, заключающіе въ себѣ равныя количества труда, равноцѣнны, и при обмѣнѣ ихъ черезъ посредство денегъ не можетъ возникнуть никакой прибыли. Прибыль капитала образуется въ періодѣ производства, вслѣдствіе того, что наемный трудъ рабочихъ производитъ больше, чѣмъ стоитъ онъ капиталисту. Цѣнность труда опредѣляется количествомъ средствъ, необходимыхъ для содержанія работника и его семьи; нѣкоторая часть рабочаго дня достаточна для покрытія этой наемной цѣны труда, и, слѣдовательно, въ теченіе остальныхъ часовъ работы создается уже прибавочная цѣнность, не оплаченная хозяиномъ и присвоиваемая имъ даромъ безъ соотвѣтственнаго эквивалента. Эта прибавочная цѣнность, создаваемая трудомъ наемныхъ рабочихъ, есть единственный источникъ богатства капиталистовъ. Рабочій продаетъ не свой трудъ, а свою рабочую силу, изъ которой хозяинъ старается извлечь какъ можно больше производительнаго труда; другими словами, рабочій отдаетъ себя въ распоряженіе капиталиста безъ всякихъ условій о количествѣ ежедневной работы; онъ продаетъ самого себя, а не то или другое количество своихъ рабочихъ часовъ, заранее определенное при наймѣ.

Въ опредѣленіи мѣновой стоимости труда Марксъ такимъ образомъ существенно отступаетъ отъ основнаго понятія цѣнности. Онъ ставитъ цѣнность труда въ зависимость не отъ того, сколько стоитъ его приготовленіе и доставленіе на рынокъ, или сколько требуется для содержанія и постояннаго возстановленія рабочей силы, а отъ того, какую пользу можетъ трудъ принести покупателю; излишекъ же пользы, извлекаемой покупателемъ, признается неоплаченнымъ, несмотря на фактъ продажи труда самимъ рабочимъ по условленной цѣнѣ. Между тѣмъ, относительно всѣхъ другихъ товаровъ нѣтъ и рѣчи о соображеніяхъ подобнаго рода, хотя вполне возможны товары, доставляющіе особыя выгоды пріобрѣтателю,—напримѣръ, усовершенствованныя орудія и машины, увеличивающія производительность труда. По Марксу, только живой человѣческой трудъ производитъ цѣнность; капиталъ, какъ мертвый продуктъ труда, не производителенъ самъ по себѣ; онъ только всасываетъ въ себя живую работу, какъ вампиръ, и оживаетъ трудомъ для производства. Капиталъ только возстановляетъ свою цѣнность въ производствѣ, не прибавляя ничего къ цѣнности производимыхъ товаровъ. Машины только оплачиваютъ свою стоимость; производительность ихъ—даровая, какъ и производительность силъ природы. Такъ какъ прибыль доставляется лишь тою частью капитала, которая идетъ на оплату наемнаго

труда рабочихъ, то капиталисты должны были бы быть заинтересованы въ употребленіи возможно большаго числа рабочихъ; но по разнымъ причинамъ хозяева, напротивъ, стремятся къ сокращенію числа рабочихъ и къ болѣе широкому примѣненію машинъ, при чемъ вознаграждаютъ себя удлиненіемъ рабочаго дня и увеличеніемъ интенсивности работы.

Разные виды труда, начиная съ научно-техническаго и кончая простымъ мускульнымъ, приводятся Марсомъ къ одной и той же нормѣ—къ абстрактной человѣческой работѣ, воплощаемой въ производимыхъ товарахъ. Высшія формы труда оплачиваются дороже, но болѣе высокая оцѣнка ихъ сравнительно съ черною работою не измѣняетъ сущности и не мѣшаетъ опредѣлять стоимость товаровъ по количеству заключающагося въ нихъ простого человѣческаго труда. Въ дальнѣйшемъ своемъ анализѣ Марксъ уже говоритъ исключительно объ эксплуатаціи простыхъ наемныхъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, совершенно оставляя въ сторонѣ участіе высшаго техническаго труда—тоже наемнаго—въ производствѣ. Прибыль создаютъ только простые рабочіе, отдающіе капиталисту излишнее количество рабочихъ часовъ сверхъ оплаченныхъ, т.-е. необходимыхъ для возмѣщенія заработной платы; только высасываніе этого труда обогащаетъ капиталиста. Если представить себѣ, что нѣсколько женщинъ и дѣтей приводятъ въ движеніе сложный механизмъ обширной фабрики, то эти женщины и дѣти, наблюдающія за дѣйствіемъ огромныхъ машинъ, производятъ всю прибавочную цѣнность товаровъ и вырабатываютъ весь чистый доходъ предпріятія. Въ одномъ мѣстѣ самъ Марксъ допускаетъ такое усовершенствованіе машиннаго производства, что одинъ простой работникъ будетъ въ состояніи управлять всѣмъ ходомъ фабрики; въ такомъ случаѣ, по теоріи Маркса, этотъ одинъ чернорабочій будетъ производителемъ всей прибыли, доставляемой фабрикою.

На этой капитальной ошибкѣ, какъ увидимъ далѣе, построены всѣ положенія Маркса о прибавочной цѣнности и прибыли,—положенія, признаваемые наиболее важными и оригинальными въ его доктринѣ.

Л. Слонимскій.

ВОЙНА И МИРЪ

СОНЕТЪ ИЗЪ КЛИМАНА МАРО.

Настанеть миръ... Ликуеть край счастливый...
Не счесть плодовъ румяныхъ и зерна;
Въ подвалахъ—бочки, полныя вина...
И выше всѣхъ, и гордъ богачъ спѣсивый...

Но зло и гибель—въ гордости строптивой!
Вотъ вспыхнулъ гнѣвъ, вотъ ссора зажжена—
И ужъ гремитъ кровавая война,
Горить село съ дымящеюся нивой...

Бѣднѣеть край... Смиряется народъ...
И землешапецъ вновь идетъ за плугомъ;
Вновь спѣеть хлѣбъ и снова зрѣеть плодъ...

И за трудомъ—земли любимымъ другомъ—
Опять—довольство, вновь—счастливый годъ!..
Такъ жизнь идетъ, вращаясь мѣрнымъ кругомъ...

В. Леваевъ.

ВОСТОЧНЫЯ ОСНОВЫ

РУССКАГО

БЫЛИННАГО ЭПОСА

Собирание русских былинъ закончено; весь запасъ, сохранившійся въ памяти народа, извлеченъ изъ нея и напечатанъ—теперь наступаетъ періодъ изученія, которое должно дать отвѣты на вопросы, какъ возникъ русскій былинный эпосъ: продуктъ ли это самостоятельнаго творчества русскаго народа, или это заимствованіе изъ чужого богатства, и если заимствованіе, то откуда оно сдѣлано и когда, съ Востока или съ Запада, путемъ устнаго разсказа или изъ книжнаго запаса; если что-нибудь заимствовано съ Востока, то въ какое время: во время ли монгольскаго нашествія, или въ до-монгольскій періодъ? Вопросы эти возбуждены въ русской наукѣ давно,—еще до того, какъ завершилось собираніе былинъ,—но обсужденіе ихъ все еще продолжается. Ученые, занимавшіеся этими вопросами, дали нѣсколько гипотезъ; занятія тюрко-монгольскимъ фольклоромъ привели насъ къ особому мнѣнію о происхожденіи русскихъ былинъ; цѣль этой статьи и заключается въ изложеніи нашей особенной гипотезы; выступая съ нею, я не забываю, что я специально не подготовленъ къ рѣшенію подобнаго вопроса; я не филологъ и не ориенталистъ; но путешествія дали мнѣ знакомство съ жителями степей; я самъ записывалъ конспекты ордынскихъ сказокъ и преданій; я перечиталъ, хотя и не все, что доступно мнѣ было въ русской и отчасти въ западно-европейской литературѣ и что относилось до этого предмета; въ записанномъ мною есть нѣкоторые новые ма-

теріалы, которые не находились подъ рубами лицъ, занимавшихся обличеніями русскихъ былинъ съ чужестранными сюжетами; начитанность моя, хотя и небольшая, происходила въ исключительномъ направленіи,—въ цѣляхъ найти въ письменныхъ памятникахъ Востока параллели къ былиннымъ темамъ.

Эти два обстоятельства,—новость нѣкотораго матеріала и исключительный характеръ моей начитанности,—мнѣ кажется, даютъ мнѣ право высказать нѣсколько новыхъ положеній по вопросу о русскихъ былинахъ, и надѣяться, что они могутъ быть одобрены компетентными въ этой области учеными, которые сами если не пришли къ тѣмъ же положеніямъ, то только потому, что были лишены тѣхъ указанныхъ выше случайныхъ преимуществъ, какія имѣлись у меня.

I.

Прежде чѣмъ излагать свою гипотезу, я долженъ сказать нѣсколько словъ о существующихъ другихъ. Самая старая гипотеза, которую защищали профессора Э. И. Буслаевъ и покойный Орестъ Миллеръ, называется миеологическою; по этой гипотезѣ былинный эпосъ представляетъ отголоски русско-славянской миеологии; въ князѣ Владимірѣ воплощено солнце; Илья Муромецъ—богъ-громовникъ и т. п. Общія представленія объ этихъ божественныхъ силахъ были уже образованы на арійской пра-родинѣ; выселившись отсюда, русско-славянское племя принесло съ собою на новую родину ростки миеологии и самостоятельно развило изъ нихъ свой національный эпосъ. Миеологическая гипотеза не допускала заимствованія извнѣ; образы былиннаго эпоса созданы, по ея мнѣнію, воображеніемъ русскаго народа. Гипотеза эта оставлена вполнѣ, но я долженъ былъ сказать о ней нѣсколько словъ, потому что хотя предлагаемая нами новая гипотеза и не есть возвращеніе къ ней, но она имѣетъ съ нею нѣкоторое сходство.

Иную гипотезу высказалъ Л. Н. Майковъ; она носитъ названіе исторической. Имена нѣкоторыхъ былинныхъ героевъ, какъ, наприм., Добрыни, Алеши Поповича (собственно, Александра Поповича), Садко (Сотко) и др., встрѣчаются въ лѣтописяхъ. По мнѣнію г. Майкова, эти Добрыня, Алеша, Илья—были историческія лица, о которыхъ были сложены пѣсни, впоследствии видоизмѣнившіяся и дошедшія до насъ въ видѣ былинъ,—и никакой тутъ миеологии нѣтъ.

Послѣ этого появляются двѣ новыя гипотезы: одна гипотеза заимствованія съ Востока, другая—заимствованія съ Запада. Пер-

вая изъ нихъ была провозглашена В. В. Стасовымъ; сюжеты, содержащіяся въ нашихъ былинахъ, зародились въ Индіи; отсюда, получивъ буддійскую окраску, онѣ пошли въ Монголію; монголы передали ихъ тюркамъ, а тюрки съ монгольскимъ нашествіемъ принесли ихъ въ Россію. Добрыня, Алеша, Илья—были сначала тюрскіе или татарскіе богатыри.

Мифологическая гипотеза Ѳ. И. Буслаева и Ор. Миллера, до нѣкоторой степени также и историческая г. Майкова, допускали народное творчество и видѣли въ былинахъ продуктъ его; г. Стасовъ отвергъ всякое творчество русскаго народа въ дѣлѣ созданія русскаго эпоса; мы ничего не имѣемъ тутъ, кромѣ простой пересадки произведеній инородческой фантазіи на русскую почву, съ легкимъ наложеніемъ русской вышности, черезъ которую сквозитъ старая костюмировка героевъ.

Гипотеза г. Стасова сначала потерпѣла-было судьбу мифологической школы; она подверглась сильнымъ нападеніямъ, была разбита и забыта. Она возбудила противъ себя ропотъ возмущеннаго національнаго чувства; безпристрастная критика также стала не на ея сторонѣ, и ее заслонила собою гипотеза заимствованія съ Юга и Запада, изъ Византіи и изъ романо-германскаго міра. Главный представитель этой гипотезы—А. Н. Веселовскій; къ нему примыкаютъ также В. Ѳ. Миллеръ, Дашкевичъ, Халанскій, Сумцовъ и Ждановъ. В. Ѳ. Миллеръ, впрочемъ, въ послѣднее время отклонился нѣсколько въ направленіи къ г. Стасову.

Въ нѣкоторой части русскаго эпоса, именно въ сюжетахъ объ Ильѣ Муромцѣ, онъ видитъ иранскій источникъ, но былинный матеріалъ принять нами не прямо изъ иранскаго міра, а прошель предварительно черезъ тюркскую среду.

По мнѣнію А. Н. Веселовскаго, обогащеніе памяти русскаго народа сюжетами происходило главнымъ образомъ изъ Византіи; отсюда они начали притекать, послѣ принятія русскимъ народомъ христіанства, въ видѣ книжныхъ повѣстей, христіанскихъ легендъ и апокрифовъ. Въ Византію этотъ матеріалъ приходилъ вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Палестины, а христіанскую литературу сюжетами отчасти снабдила Индія. Изъ Византіи сюжеты распространялись частью на сѣверо-востокъ черезъ болгаровъ въ Русь, частью на западъ, въ Италію, Францію, Англію и Германію.

Изученіе былинъ показало, что участіе сюжетовъ книжныхъ легендъ и повѣстей въ сложеніи былинъ несомнѣнно. Мы находимъ тутъ библейскія тѣмы и детали, и тѣмы изъ христіанскихъ легендъ. Подробность изъ легенды о царѣ Давидѣ, стрѣлявшемъ по птицѣ и увидавшемъ въ это время могущуюся красавицу Вир-

саию, указывается въ былинѣ о Добрынѣ, который также увидѣлъ чешущую волосы Маринку въ то время, какъ стрѣлялъ по голубямъ. Самсонъ съ семью волосами попалъ въ былинку подъ своимъ именемъ. Тѣмъ о Давидѣ, отнимающемъ жену у Урія, находимъ въ былинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ. Юго-славянская легенда о Михаилѣ изъ Потока, убившемъ змѣя, залегавшаго въ пещерѣ, имѣетъ отраженіе въ былинѣ о Михаилѣ Потокѣ. Указаны также и сказочные мотивы въ былинахъ. Былина объ Ильѣ Муромцѣ подверглась вліянію сказки объ Урусланѣ. Былина о Потокѣ находится въ связи съ распространенной по всей Европѣ сказкой объ увезенной женѣ, какъ на это указалъ А. Н. Веселовскій. Южно-русскія легенды о Михаилѣ и былина о Михаилѣ Игнатьевичѣ можетъ быть отголосокъ апокрифическаго преданія о византійскомъ императорѣ Михаилѣ. Въ виду всего этого гипотеза представляетъ былинку компиляціей изъ книжныхъ и устныхъ сюжетовъ, преимущественно книжныхъ. Устные рассказы, какъ средство аргументаціи, школой избѣгаются, какъ матеріалъ ненадежный и недатированный.

Недоумѣніе, которое можетъ возникнуть—почему былинослагатель не просто обращалъ книжную легенду въ былинку, а комбинировалъ тѣмъ около русскаго имени, не взятаго изъ книжнаго источника, и какъ будто изъ данныхъ письменности создавалъ цѣлые образы, типичные былинные персонажи?—предупреждается заимствованнымъ у исторической гипотезы предположеніемъ, что въ основѣ былинъ лежатъ историческія пѣсни, что былинные персонажи были историческія лица: Илья—сторожевой казакъ; Добрыня—дядя Владиміра; Романъ—князь Галицкій, и пр.; что о нихъ были сочинены пѣсни, которыя пѣлись скоморохами; что скоморохи съ теченіемъ времени исказили ихъ именно тѣмъ, что наполнили ихъ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ письменности или изъ сказокъ.

Терминъ „историческая“ въ гипотезѣ г. Майкова прилагается не въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ онъ понимается у Гастера (M. Gaster, *Pechester lectures on greeco-slavonic literature*. London, 1887), не въ смыслѣ исторія расцеленія сюжетовъ; историческою школою называется по тому частному обстоятельству, что былинные лица: Илья, Алеша, Добрыня, принимаются ею за историческія личности. Теперь, когда двѣ школы, историческая и заимствованія, слились, за школой заимствованія можно бы удержать названіе исторической, понимая работы сторонниковъ гипотезы заимствованія какъ работы по исторія расцеленія сюжетовъ.

Для того, кто желаетъ поставить на мѣсто существующихъ

гипотезъ—свою, обязательно выставить причины неудовлетворенія предыдущими гипотезами, уже высказанными въ науцѣ, или уже ею усвоенными. По установившейся гипотезѣ былинные лица были историческіе дѣятели, русскіе подвижники и храбрые витязи, о которыхъ сначала были сложены пѣсни, рассказывавшіе эпизоды изъ ихъ дѣйствительной жизни; пѣвцы воспѣли также и иностранцевъ, гота (Годиновича, Хотена), франковъ (Шленковича, Дюка), хазаровъ (Казаренина), служившихъ въ княжеской дружинѣ; потомъ пѣвцы, т.-е. скоморохи, стали видоизмѣнять эти пѣсни подъ влияніемъ книжныхъ сюжетовъ, принесенныхъ извнѣ, преимущественно изъ Византіи. Лицо, носившее имя Добрыни, дѣйствительно встрѣчается въ лѣтописи; это былъ современникъ Владиміра, что, конечно, располагаетъ въ пользу отождествленія этого Добрыни съ былиннымъ. Алеша Поповичъ подъ видомъ Александра Поповича также встрѣчается въ лѣтописи, но уже приуроченъ къ болѣе поздней эпохѣ. Наконецъ, Илья Муромецъ, равно какъ и Потокъ, вовсе отсутствуютъ въ лѣтописяхъ. Относительно всѣхъ этихъ случаевъ можно сказать, что непоколебимой увѣренности въ историческомъ происхожденіи былинь объ этихъ персонажахъ—нѣтъ. Александръ Поповичъ могъ быть внесенъ въ лѣтопись позднѣйшимъ переписчикомъ изъ преданій о богатырѣ Алешѣ Поповичѣ, существовавшемъ въ народной памяти задолго до битвы при Калкѣ. Такъ на это мѣсто лѣтописи смотритъ и кievскій профессоръ Дашкевичъ, специально занимавшійся былиной объ Алешѣ Поповичѣ (Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. III. Кіевъ, 1889 г., стр. 15—16). То же можно сказать и о Добрынѣ; преданія о Добрынѣ, или пѣсни объ этомъ богатырѣ, могли предшествовать времени Владиміра; въ народѣ могъ существовать обычай давать дѣтямъ при рожденіи имена богатырей, и дядя Владиміра могъ получить такое имя; историческій Добрыня могъ существовать, но безъ тождества съ былиннымъ Добрыней. Еще менѣе устойчивъ историческій характеръ Ильи; можно подумать, что такой исторической личности вовсе не было. Точно также и князь Романъ Галицкій, съ которымъ сближается былинный Романъ Никитичъ, лѣтописный Сотко, отождествляемый съ былиннымъ Садко, въ дѣйствительности, можетъ быть, не имѣютъ никакого отношенія къ былинамъ. Мѣста о Сотко и Василю Буслаевѣ, также какъ и мѣсто объ Алешѣ Поповичѣ, могли быть внесены въ лѣтопись изъ былинь, существовавшихъ до составленія лѣтописи.

Гипотеза стояла бы нѣсколько прочнѣе, еслибъ въ лѣтописяхъ нашлись всѣ имена былинныхъ лицъ, и еслибъ въ лѣтописяхъ

было найдено объясненіе, почему въ Добрынѣ приурочена тѣма о женѣ, во время его отлучки принуждаемой выйти замужъ; въ Ильѣ Муромцѣ—борьба отца съ сыномъ, въ Роману Галицкому—тѣма объ убитой женѣ и проч.,—еслибъ въ письменныхъ памятникахъ эти имена являлись уже связанными съ тѣми же тѣмами, какъ и въ былинахъ; но этого нѣтъ. Да еслибъ это все и нашлось въ письменныхъ памятникахъ, и тогда еще нужно было бы разобратъся, насколько ихъ свидѣтельства независимы отъ былинъ и народныхъ преданій; показанія письменныхъ памятниковъ могли бы тогда только ослабить возраженія противъ гипотезы, но не устранить ихъ. Удивительно также, почему до насъ дошли имена какихъ-то Буслая, Пленко, Чурилы, Садки, Ильи Муромца, а не дошли имена князей и витязей, дѣйствительно совершавшихъ подвиги въ борьбѣ съ чужеземцами? Почему не дошло переходныхъ формъ, на которыхъ видно было бы, какъ историческая дума переходитъ въ былинку, обогащаемую изъ сказокъ и апокрифовъ?

Могутъ сказать, что все-таки приуроченіе искужа пришедшихъ тѣмъ къ исторической личности часто практикуется въ народной литературѣ, и могутъ быть указаны многочисленные примѣры такого приѣма. Многіе древніе сюжеты прицѣплены къ такимъ историческимъ именамъ, какъ Константинъ Великій и Карлъ Великій на Западѣ, или какъ Иванъ Грозный и Петръ Великій—у насъ. Но между отношеніями сюжетовъ къ этимъ лицамъ и отношеніями тѣхъ сюжетовъ, которые приурочены къ нашимъ былиннымъ героямъ, есть разница. Въ первомъ случаѣ произошла замѣна какой-то фигуры другою, болѣе новою, болѣе знакомою; былъ на этомъ мѣстѣ какой-то славный, богатый царь; старое имя выдохлось, устарѣло; въ новѣйшей исторіи народъ нашелъ подходящую фигуру царя, выдающагося славой, богатствомъ, властью; въ Византіи это былъ Константинъ Великій; у нѣмцевъ и французовъ—Карлъ Великій; у насъ—Иванъ Грозный.

Исторію литературы не ищетъ далеко, почему та или другая легенда пристроена къ такому-то историческому лицу; для него достаточно это объясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что Константинъ Великій или Карлъ Великій были славными и могущественными царями. Содержаніе тѣмы тутъ никакой роли не играло. Не то относительно, на примѣръ, Добрыни; когда дѣло идетъ о его продолжительной отлучкѣ, во время которой его жена принуждается выходить замужъ, говорятъ, что вѣроятно въ жизни историческаго Добрыни случилось что-то похожее, и этотъ эпизодъ его жизни послужилъ тѣмой для исторической думы; значитель-

ность исторической роли Добрыни никакого вліянія на приуроченіе къ нему тѣмъ не имѣла. То же самое и относительно Ильи Муромца; когда рядомъ съ нимъ находятъ тѣму о боѣ отца съ сыномъ, думаютъ, вѣроятно, было въ его жизни какое-нибудь событіе, имѣвшее сходство съ этой тѣмой, заимствованной изъ иранскаго эпоса о Рустемѣ. Историческая значительность Ильи въ расчетъ не принимается; она намъ совсѣмъ не извѣстна, и мы ничего не можемъ сказать, что было общаго у Ильи Муромца съ Рустемомъ, за исключеніемъ приуроченной къ нимъ тѣмы о боѣ отца съ сыномъ. Развѣ то, что оба они богатыри?

Рустемъ—великій богатырь; Илья—тоже; и вотъ одна изъ тѣмъ Рустеміады перешла на Илью. Однако такое предположеніе не совпадаетъ съ положеніями гипотезы. Илья Муромецъ, по гипотезѣ, не родился въ народномъ творествѣ богатыремъ; это сторожевой казакъ, простой смертный, который уже потомъ выросъ въ богатыря, благодаря прикрѣпленію къ нему (неизвѣстно, по какимъ мотивамъ) богатырскихъ тѣмъ. Предположить, что Илья могъ въ народномъ представленіи явиться богатыремъ прежде, чѣмъ къ нему стали прикрѣплять сюжеты о богатырѣ—невозможно; тогда останется неразрѣшеннымъ вопросъ, почему Ильѣ, обыкновенному сторожевому казаку, присвоены черты богатыря; мотивы народнаго творчества, по которымъ на простого смертнаго перенесены сверхъестественныя черты, останутся тайными, необъясненными. Тѣмы о Карлѣ Великомъ—это обрывки, случайно нанесенныя на историческую фигуру; между эпическими тѣмами, наклеившимися на нее, и событіями жизни этого историческаго лица никакой связи нѣтъ; многочисленныя тѣмы, связанныя съ нимъ, объединяются единственно только тѣмъ, что это такой же славный царь, какъ тѣ персонажи, которые имъ вытѣснены. Поэтому эпическіе рассказы о Карлѣ, напримѣръ, не представляютъ эволюцію одной первоначальной тѣмы; искать какой-нибудь общей идеи во всѣхъ разсказахъ о Карлѣ было бы нелѣпостью; никакая идея, никакое представленіе, не обобщаютъ ихъ; они объединены случайно, механически, фигурой могущественнаго царя ¹⁾.

Тутъ мы имѣемъ вполне типическій образецъ литературнаго заимствованія.

Мы не можемъ того же сказать объ Ильѣ Муромцѣ. Тутъ твердой увѣренности нѣтъ въ томъ, что дѣло происходило такъ,

¹⁾ Конечно, это только въ томъ случаѣ, если поводомъ къ приуроченію заимствованныхъ сюжетовъ послужила выдающаяся историческая роль Карла, а не его имя, въ которомъ рассказчики легендъ могли усмотрѣть сходство съ какимъ-нибудь именемъ въ легендахъ.

какъ его представляетъ гипотеза, будто существовалъ нѣкогда Илья Муромецъ, сторожевой казакъ, о которомъ пѣлись историческія думы, обратившіяся потомъ въ богатырскія былины. Рядомъ можно поставить другую гипотезу, что тѣмы объ Ильѣ Муромцѣ представляютъ развитіе одной идеи, что онѣ связаны между собой творческой послѣдовательностью, что въ былинахъ объ Ильѣ мы имѣемъ страницу изъ исторіи культовой легенды; такая гипотеза, какъ мы будемъ доказывать ниже, имѣетъ такое же право на наше вниманіе, какъ и предыдущая. Эпосъ о Карлѣ Великомъ похожъ на древнюю фреску съ миеологическимъ содержаніемъ, взятую изъ развалинъ и вставленную въ стѣну зданія, построеннаго въ гораздо позднѣйшее время. Ея содержаніе и стиль не имѣютъ никакого отношенія къ стилю и подробностямъ зданія. Но если Илья и Добрыня—фигуры культовыхъ легендъ, какъ мы думаемъ, то тѣмы, съ ними связанныя, не стоятъ только въ механической, случайной связи съ ихъ легендарнымъ фономъ, среди котораго мы ихъ находимъ помѣщенными. Былинный эпосъ и съ точки зрѣнія оспариваемой гипотезы представляется собраніемъ древнихъ фресокъ и обломковъ, но разница въ томъ, что по этой гипотезѣ обломки эти были предварительно разрознены и равнены по пространству, и потомъ, послѣ того, какъ эти обломки достаточно перетасованы, изъ нихъ начинаютъ строиться новыя зданія; одно изъ такихъ зданій—русскій эпосъ; въ него входитъ только часть матеріала; обломки соединяются по новому плану безъ всякаго напоминанія о ихъ прежнихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Иначе представится нашимъ взорамъ эта картина, если мы усвоимъ себѣ исторію заимствованія въ видѣ переноса на почву южной Россіи цѣлаго культа съ полнымъ составомъ его легендъ. И тутъ обломки перепутаны, но далеко не въ такой степени, и мы не лишены здѣсь счастливыхъ случаевъ, когда можно изъ обломковъ возсоздать прежнее цѣлое; вотъ колонна, для которой мы можемъ здѣсь подыскать капитель и базу; участокъ фреска, къ которому мы можемъ приставить продолженіе. Господствующая гипотеза не даетъ возможности смотрѣть на тѣмы, связанныя съ однимъ и тѣмъ же именемъ, какъ на генетически связанныя, какъ на нѣчто—нѣкогда бывшее однимъ цѣлымъ. Къ имени Ильи Муромца пристегнуты тѣмы: бой отца съ сыномъ и умерщвленіе насильника; въ Добрынѣ—тѣмы: продолжительная отлучка, во время которой его жену принуждаютъ выходить замужъ, обращеніе богатыря въ животное и разливъ рѣки; съ точки зрѣнія господствующей гипотезы нѣтъ надобности разсматривать бой отца съ

сыномъ, стоящимъ въ зависимости отъ тѣмы объ умерщвленіи насильника: бой отца съ сыномъ взятъ русскимъ былинослагателемъ, можетъ быть, изъ нѣмецкой повѣсти; эпизодъ о насильникѣ—изъ мѣстной сказки, или это фантазія самого былинослagателя, задумавшаго оформить въ такомъ видѣ какое-нибудь дѣйствительное событіе отечественной исторіи. То же самое и въ былинахъ о Добрынѣ; тѣма о продолжительной поѣздкѣ взята изъ сѣверно-европейскихъ балладъ, обращеніе въ тура—изъ мѣстныхъ народныхъ сказокъ и т. п. Въ иномъ взаимномъ отношеніи будутъ эти тѣмы съ точки зрѣнія гипотезы, представляющей у русскаго эпоса культовое происхожденіе; цѣлый мнeологическій организмъ былъ перенесенъ на нашу почву, —здѣсь онъ рассыпался, части его раскрошились, отчасти растерялись, отчасти подмалеваны и подправлены въ новомъ стилѣ, но онѣ находятся *in situ*, на прежнемъ мѣстѣ. Для этой гипотезы не безразлично, что такія-то двѣ или три тѣмы объединены однимъ какимъ-нибудь именемъ; въ этомъ обстоятельствѣ можетъ заключаться намекъ на древнюю комбинацію.

Школа частныхъ заимствованій накопила богатый матеріалъ изъ области книжныхъ запасовъ для сравненія съ былинными тѣмами, и нѣкоторые факты указываютъ несомнѣнно на вліяніе христіанской литературы. Это не подрываетъ гипотезы, которую мы проводимъ. Факты могутъ быть примирены съ нею; тѣма о Самсонѣ, попавшемъ въ былину подъ собственнымъ именемъ, существовала уже въ варварской редакціи и пришла къ намъ съ до-историческимъ багажемъ; имѣя сказку или былину съ содержаніемъ, напоминающимъ библейскій рассказъ, русскій былинописатель или рассказчикъ внесъ въ свой рассказъ библейское имя.

Въ господствующей гипотезѣ самое слабое мѣсто—неясность мотивовъ, которые заставляли былинослagателей нагнѣплять на богатырей тѣмы изъ сказокъ, книжныхъ повѣстей и даже христіанскихъ легендъ и апокрифовъ. Если у пѣвца была потребность прозу перелить въ пѣсню, зачѣмъ ему было переносить сюжетъ на богатыря, отыскивать изъ памяти библейское имя и замѣнять его языческимъ?

Гипотеза, которую мы предлагаемъ замѣнить господствующую нынѣ, опирается, между прочимъ, на убѣжденіе, что переселеніе въ Европу кочевыхъ племенъ, начавшееся съ III в. по Р. Х., должно было оставить какой-нибудь духовный слѣдъ по крайней мѣрѣ въ Восточной Европѣ; нашъ былинный эпосъ, по этой гипотезѣ, отчасти есть духовное наслѣдство, оставленное этими

племенами. Загадочный вопросъ о томъ, какимъ путемъ, по какому поводу, мотивы нижнихъ повѣстей попали въ былинны, разрѣшается предположеніемъ, что эти мотивы жили не только у культурныхъ народовъ юга, но и у кочевниковъ, населявшихъ центральную часть материка; что эти сюжеты расселились отсюда на западъ не однимъ только южнымъ путемъ, по южную сторону Каспія, черезъ культурныя области, Иранъ, Сирію, Палестину и Византію, въ формѣ книжныхъ повѣстей, но еще и сѣвернымъ, обходя Каспійское море съ сѣвера, по тому пути, которымъ шли переселявшіяся въ Европу кочевныя орды; что расселились они въ формѣ устныхъ разсказовъ, а можетъ быть также и въ книжной формѣ; что этимъ сѣвернымъ путемъ тѣ самыя сюжеты, которые, придя въ переднюю Азію, получили христіанскую редакцію и въ видѣ легендъ и апокрифовъ пошли далѣе на западъ, могли придти въ южную Россію ранѣе распространенія христіанства въ своей до-христіанской варварской редакціи; южное теченіе изъ Византіи заворачивалось на сѣверо-востокъ и на русской почвѣ встрѣчалось съ ордынскимъ теченіемъ; тутъ происходила встрѣча параллелей въ двухъ редакціяхъ — христіанской и варварской; пѣвцы узнавали ихъ, сливали въ одну редакцію, и въ варварскую редакцію вводили имена изъ христіанской редакціи.

Гипотеза частичныхъ заимствованій даетъ позднюю дату для русскаго эпоса; тѣмъ его древни, идутъ изъ первобытчины, но комбинація новѣйшая, и возникла она послѣ принятія нами христіанства. Нами предлагаемая гипотеза отодвигаетъ эту дату въ неизвѣстную даль вѣковъ; нѣкоторыми авторитетами, принявшими восточное ордынское происхожденіе европейскихъ сказокъ, приносъ ихъ приписывался монголамъ; но эта миссія можетъ быть приписана ордынцамъ и болѣе древнихъ нашествій; цѣлый рядъ народностей переселился изъ Азіи въ Европу; за гуннами, пришедшими въ III в., приходятъ авары, хазары, болгары; при Юстиніанѣ какама-то тюркская орда вторгается въ южную Россію, и ея предводитель, принцъ Турксантъ, поддерживаетъ связь съ своимъ отцомъ, властвующимъ въ степяхъ Монголіи; это, повидимому, прецедентъ позднѣйшихъ завоеваній Чингисъ-Хана — другой, болѣе древній случай объединенія азіатскихъ степей въ одну огромную кочевую имперію отъ Орхона до Волги; нѣкоторые предшественники монголовъ имѣли не менѣе, чѣмъ они, импозантную исторію; гунны основали на равнинахъ Венгріи азіатскую монархію, и завоеванія ихъ простирались до окрестностей Шалона во Франціи; хазары основали государство на низовьяхъ

Волги и отсюда господствовали надъ сѣвернымъ Кавказомъ, Крымомъ и кievскою областью. Уже апріорно можно заключить, что эти народности должны были оставить если не большое, то какое-нибудь наслѣдство.

Сильное впечатлѣніе гуннскаго владычества отразилось на нѣмецкомъ эпосѣ тѣмъ, что центральное мѣсто въ немъ занялъ Аттила. Можетъ быть, гуннское вліяніе не ограничивается однимъ введеніемъ его имени; дальнѣйшая разработка восточныхъ сказочныхъ сюжетовъ можетъ открыть болѣе глубокія связи между нѣмецкимъ эпосомъ и восточнымъ фольклоромъ. Однѣ народности заходили въ своихъ нашествіяхъ дальше на западъ, другія оставались въ восточной Европѣ, но всѣ проходили черезъ послѣднюю и дѣлали въ ней болѣе или менѣе продолжительную остановку; поэтому на восточной Европѣ, т.-е. на южной Россіи, отпечатокъ восточныхъ воздѣйствій долженъ лечь гуще. Русскій эпосъ долженъ заключать въ себѣ болѣе восточныхъ отраженій, чѣмъ нѣмецкій, и эти отраженія здѣсь должны быть свѣжѣе, чѣмъ на Западѣ.

Южныя страны Европы рано достигли высокой степени культуры, но и онѣ не избѣжали вліянія Востока даже въ культурный періодъ ихъ исторіи. Западъ обогащался съ Востока не только произведеніями богатой фантазіи, но и философскими идеями и уроками нравственности. Племена, населявшія среднюю и сѣверную Европу, продолжали въ это время оставаться варварами, отрѣзанными отъ южно-европейскаго міра. Въ такомъ состояніи застало ихъ великое переселеніе народовъ, и у нихъ и ихъ потомковъ неизбѣжно должны остаться какіе-нибудь слѣды культурныхъ воздѣйствій этихъ пришлыхъ насильниковъ, если послѣдніе были культурнѣе туземцевъ,—а что они были культурнѣе, это непременно надо предполагать. Давно уже въ южной Сибири и въ Монголіи въ долинѣ Енисея были открыты каменные памятники, покрытые руноподобными письменами; позднѣйшія изслѣдованія показали, что подобные памятники находятся и въ долинѣ Орхона; и эта послѣдняя находка дала возможность дешифровать надписи; руны оказались тюркскими, и памятники, покрытые ими, оріенталисты относятъ теперь къ VIII вѣку; этими открытіями признается, что за цѣлый вѣкъ до основанія русскаго государства, въ центральной Азій, въ пространствѣ между Енисеемъ и Орхономъ, существовало уже племя, которое имѣло культуру и письмо и ставило историческіе памятники. Если первыя орды, вторгшіяся въ южную Европу, двинулись изъ Азій еще въ такое время, когда эта культура не воз-

никала, то позднѣйшіе переселенцы изъ Азіи, наводнявшіе южную Россію передъ эпохой основанія русскаго государства, непременно должны были придти съ нѣкоторымъ духовнымъ багажомъ.

Въ сожалѣнію, извѣстія о народностяхъ, обитавшихъ въ центральной Монголіи въ періодъ съ I по XIII в., крайне скудны; мы имѣемъ только лапидарныя надписи, которыхъ количество, собранное до сихъ поръ, пока очень невелико, да еще сухія хроники, сохранившіяся въ исторической литературѣ китайцевъ. По этимъ даннымъ мы не въ состояніи воссоздать картину духовнаго состоянія древняго населенія Монголіи. Тѣмъ не менѣе мы должны допустить, что если оно гравировало письмена на камнѣ, то оно, конечно, имѣло и книги, потому что писать на кожѣ или берестѣ легче, чѣмъ гравировать на камнѣ. Орхон-енисейскія руны—мѣстное изобрѣтеніе, во всякомъ случаѣ мѣстное измѣненіе чужого изобрѣтенія: это національная азбука тюрковъ, или ими самими изобрѣтенная, или изъ чужой азбуки переработанная и потомъ влѣтенная уйгурской азбукой, принесенной изъ Сиріи. Вѣроятно, изобрѣтеніе или усвоеніе рунъ было сдѣлано задолго до VIII вѣка, до эпохи постановки писанныхъ камней и сдѣлано въ интересахъ культа. Оно заставляетъ насъ думать, что въ краѣ былъ уже ко времени изобрѣтенія сложный культъ, обставленный обрядностью, украшенный легендами и поддерживаемый особо установленнымъ духовнымъ сословіемъ. Племена, приходившія изъ Азіи въ Европу, должны были приносить съ собою тѣ культы, которыхъ держались въ Азіи. Если этотъ культъ въ народномъ ихъ творчествѣ былъ выраженъ цикломъ легендъ, то они приносили съ собой эти легенды въ видѣ связнаго цѣлаго; на новой родинѣ, напримѣръ въ степяхъ южной Россіи, они должны были продолжать ту духовную жизнь, которую вели на Востоку; ихъ духовенство, или монахи, продолжали отправлять то богослуженіе, которое они совершали подъ небомъ Монголіи; набожныя свѣтскія власти вѣроятно строили такіе же храмы, какіе имѣло кочевое племя на Востоку: эти храмы тѣмъ легче сооружались, что у кочевыхъ племенъ они представляютъ легкія, не рассчитанныя на долговѣчность и потому дешевыя зданія, а иногда имѣютъ видъ переносныхъ палатокъ; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ возникли постоянные центры культа, должны были приурочиться тѣ самыя легенды, которыя были локализованными въ духовныхъ центрахъ Монголіи. Отъ этого культурнаго пришлаго племени религіозныя идеи и сюжеты должны были распространяться между туземцами, стоявшими въ религіозномъ

отношеніи на низшей ступени, подобно тому, какъ теперь буддйскія легенды распространяются у шаманистовъ южной Сибири, сойотовъ, алтайцевъ и бурятъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ еще буддйскихъ храмовъ.

Въ этимъ постояннымъ центрамъ культа, прославленнымъ легендами и богатымъ убранствомъ, могли совершаться паломничества, какъ и теперь это существуетъ въ монголо-тибетскомъ буддйскомъ мірѣ.

Въ такимъ апіорнымъ заключеніямъ приводятъ насъ размышленія о прошломъ южной Россіи. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы должны указать на факты, которыми наши соображенія подтверждаются. Мы должны выяснитъ, какіе матеріалы могла дать дальняя Азія для переноса въ южную Россію. Мы это сдѣлаемъ при помощи тюрко-монгольскаго фольклора, въ которомъ мы можемъ видѣть наслѣдство, оставленное прежними обитателями Монголіи и южной Сибири современнымъ жителямъ этихъ странъ. Затѣмъ намъ будетъ необходимо указать на сходныя черты въ этихъ матеріалахъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ былинахъ и легендахъ южной Россіи. Если наше представленіе вѣрно,—что мы имѣемъ въ русскомъ эпосѣ цѣльный организмъ, перенесенный съ отдаленной родины,—то въ русскихъ былинахъ мы должны указать свидѣтельства органической комбинаціи, а не механической. Напримѣръ, къ Добрынѣ приурочены двѣ тѣмы: одна — продолжительная отлучка, во время которой жену его принуждаютъ выйти замужъ, и другая—обращеніе его въ тура; по теоріи литературнаго заимствованія, эти тѣмы объединились именемъ Добрыни случайно, механически, безъ внутренней связи; но если въ восточномъ фольклорѣ откроется такое же объединеніе однимъ именемъ этихъ же самыхъ тѣмъ, то это будетъ говорить въ пользу нашей теоріи. Точно также, если на Востоцѣ въ одномъ и томъ же рассказѣ ояжется и тѣма: бой отца съ сыномъ, и тѣма: умерщвленіе насильника, какъ онѣ соединены въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ,—это также будетъ говорить за то, что тѣмы эти соединились на одномъ лицѣ не случайно; что это соединеніе вызывалось внутреннимъ содержаніемъ цѣльной схемы, связность которой въ позднѣйшихъ обломкахъ преданія утрачена. Мы надѣемся, что намъ удастся намѣтитъ такіа комбинаціи въ восточномъ фольклорѣ.

Ближайшая наша задача состоитъ въ опредѣленіи того легендарнаго достоянія, съ которымъ должны были приходиться въ южную Россію пришельцы изъ Азіи.

II.

Между легендами, которыя живутъ теперь въ Монголіи, несомнѣнно скрываются и тѣ, которыя жили тутъ нѣсколько вѣковъ назадъ. Но рядомъ съ ними, можетъ быть, живутъ и повднѣе принесенныя, — напримѣръ, съ буддизмомъ изъ Индіи. Чтобы выдѣлать туземное отъ пришлаго, нужно сравнить легендарный багажъ южнаго цейлонскаго буддизма съ сѣвернымъ ламайскимъ или монголо-тибетскимъ. Тутъ мы прежде всего должны остановить наше вниманіе на божествѣ Арья-Бало; культъ котораго встрѣчается теперь только въ Монголіи, Тибетѣ и Китаѣ, а прежде былъ распространенъ и въ сѣверной Индіи, но не былъ извѣстенъ на Цейлонѣ. Культъ этотъ обставленъ легендами, которыя изображаютъ этого бога въ обаятельномъ свѣтѣ. Это самый симпатичный и въ научномъ отношеніи самый интересный богъ въ монголо-тибето-китайскомъ пантеонѣ. У монголовъ и тибетцевъ онъ изображается во многихъ видахъ, но всѣ его изображенія стереотипны. Онъ изображается съ двумя руками, съ четырьмя, и съ восемнадцатью, и съ тысячей рукъ. Въ одной изъ правыхъ рукъ (повидному, главной на этой сторонѣ тѣла) онъ держитъ лукъ, въ одной изъ лѣвыхъ (тоже, вѣроятно, главной) — три стрѣлы. У китайцевъ два рода изображеній этого бога: одно такое же стереотипное, какъ и монголо-тибетское изображеніе, другое — въ видѣ китайской дамы, такъ какъ въ Китаѣ господствуетъ представленіе объ Арья-Бало какъ о женщинѣ; можетъ быть, и это послѣднее стереотипно, также какъ и монгольскія изображенія, но сравнительно представляетъ такое разнообразіе, что, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ кажется, будто тутъ имѣешь дѣло съ свободнымъ творчествомъ. У китайцевъ это божество называется Гуань-инь-пуса, и имя это прилагается одинаково, какъ къ многорукому изображенію, такъ и къ изображеніямъ въ видѣ женщины. По мнѣнію изучавшихъ буддизмъ въ Китаѣ, представленіе Арья-Бало въ видѣ женщины возникло въ повднѣйшее время, но это, кажется, основано только на отсутствіи показаній въ древнихъ памятникахъ. Другіе высказываютъ мнѣніе, что культъ богини Гуань-инь-пусы — до-буддійскаго происхожденія. Эти два мнѣнія не будутъ противорѣчать другъ другу, если дѣло представить въ такомъ видѣ, что культъ богини существовалъ до введенія буддизма, но слить съ культомъ Арья-Бало только въ повднѣйшее время.

Повидному, культъ Арья-Бало выработался изъ культа солнца.

Благодѣтельное дѣйствіе солнца на органическую жизнь воплотилось въ легенды о безконечномъ милосердіи и любви бога къ людямъ. Богъ является имъ, по увѣренію легендъ, въ лучезарномъ, сіяющемъ видѣ. Изображенія бога со множествомъ рукъ вѣроятно представляютъ солнце, протягивающее тысячи лучей.

Въ нѣкоторыхъ легендахъ дѣла Арья-Бало приписываются Буддѣ, а подвиги перваго переносятся иногда на второго.

Изъ монголо-тибетскаго фольклора для привлеченія къ сравненію съ русскимъ эпосомъ мы остановимся только на трехъ группахъ сказокъ: 1) варианты легенды о введеніи буддизма въ край, 2) книжная повѣсть о Гэсэрѣ, и 3) книжныя и устныя сказанія о Чингисъ-ханѣ. Всѣ три группы, намъ кажется, относятся къ культу Арья-Бало, и онѣ-то, повидимому, составили главное легендарное достояніе народностей, обитавшихъ въ центральной Азіи; ихъ-то и должны были принести изъ Азіи въ Европу кочевники, наводившіе Западъ послѣ первыхъ вѣковъ христіанства.

Легенда о введеніи буддизма рассказывается и въ Тибетѣ, и въ Монголіи; въ Тибетѣ она приурочена къ главному храму въ городѣ Лассѣ, въ Монголіи—къ монастырю Эрдени-цзу. Въ Китаѣ также есть легенда о введеніи буддизма. Въ Тибетѣ легенда о введеніи буддизма имѣетъ двѣ редакціи: одна редакція книжная, другая устная; по крайней мѣрѣ, эту другую я не знаю изъ другихъ источниковъ, кромѣ устныхъ рассказовъ. И въ той, и въ другой, исторія введенія новой вѣры соединена съ тѣмой о сватаньи для царя невѣсты. Въ книжной легендѣ тибетскій царь проситъ руки царевны у сосѣда-царя, получаетъ отказъ, идетъ войной на будущаго тестя и, наконецъ, получаетъ невѣсту и вмѣстѣ съ ней сватыню, съ приносомъ которой въ тибетскомъ царствѣ и водворяется буддизмъ. Въ устной—завоеванія невѣсты нѣтъ; царь посылаетъ за невѣстой свата, мудраго своего совѣтника, который и исполняетъ порученіе съ успѣхомъ, привозитъ и невѣсту, и сватыню. Подъ сватыней варианты книжной легенды разумѣютъ статую Будды, устная же—статую богини Дара-эка, которую рассказчики сливаютъ въ своемъ умѣ съ самой невѣстой.

Монгольская версія заключаетъ въ себѣ нѣсколько общихъ деталей съ устной тибетской, но отличается тѣмъ, что въ ней нѣтъ сватовства царевны, а привозится въ край только статуя бога Гомбогуру. Мы въ другомъ мѣстѣ привели доводы въ пользу мнѣнія, что въ первоначальной редакціи на мѣстѣ бога Гомбогуру стоялъ Арья-Бало; именно въ тибетской легендѣ, помѣщенной въ книгѣ Даранаты: „Исторія буддизма въ Тибетѣ“, есть рассказъ о приносѣ божества; нѣкоторыми подробностями эта

легенда напоминает монгольскую; въ ней такъ же, какъ и въ монгольской, лицо, исполняющее царское порученіе, Шантиварманъ, вручается изъ затрудненія женщиной, и такъ же богъ останавливается на пути. Въ этой тибетской легендѣ богъ названъ Авалокитешвара, т.-е. другимъ именемъ бога Арья-Бало. Вѣроятно, и въ книжной тибетской легендѣ о введеніи буддизма въ Тибетъ первоначально стоялъ не Будда, какъ теперь, а Арья-Бало, какъ и въ другихъ легендахъ; Будда замѣщаетъ иногда этого бога. Арья-Бало считается покровителемъ Лассы; и, вѣроятно, первоначальная редакція говорила о введеніи культа Арья-Бало и о приносѣ его статуи, и только позднѣе Будда вытѣснилъ его. Устная легенда вмѣсто Будды говоритъ о статуѣ Ногонъ-дара-экэ, т.-е. о Зеленой Дара-экэ. И эта богиня наводитъ на культъ Арья-Бало. Есть какія-то отношенія ея къ Арья-Бало; на иконахъ, изображающихъ Арья-Бало, часто подлѣ него помѣщаются двѣ богини, Цаганъ-Дара-экэ и Ногонъ-Дара-экэ, т.-е. Бѣлая и Зеленая Дара-экэ. Встрѣчаются и кумирни, въ которыхъ поставлены рядомъ три статуи—Арья-Бало и по одну сторону его Бѣлая Дара-экэ, по другую—Зеленая. Книжная легенда о введеніи буддизма въ Тибетъ говоритъ, что статуи этихъ двухъ богинь были принесены первыми въ Тибетъ, а именно Зеленая Дара-экэ получена тибетскимъ царемъ изъ Китая, въ приданое за невѣстой, китайской царевной; Бѣлая—изъ Непала, въ приданое за другой женой того же царя непальской царевной. Эти сопоставленія трехъ божествъ, которыя дѣлаетъ сама церковная практика монголо-тибетскихъ буддистовъ, уже внушаютъ догадку, не приписывался ли богу Арья-Бало приносъ статуи этихъ двухъ богинь въ Лассу. Очень легко допустить предположеніе, что въ Лассѣ, которая теперь служитъ центромъ культа Арья-Бало, гдѣ этотъ богъ почитается покровителемъ страны, гдѣ находится мѣсто постоянного жительства далай-ламы, живого фетиша тибетской народности, который считается воплощеніемъ бога Арья-Бало, жила такая легенда, въ которой рассказывалось, какъ этотъ богъ очистилъ страну прежняго невѣрія и варварства, принесъ первую святыню и водворилъ культъ милосердія. И въ самомъ дѣлѣ, есть одна легенда, въ которой можно усмотрѣть намеки на такую редакцію. Въ тридцатыхъ годахъ петербургскій академикъ Шмидтъ перевелъ съ монгольскаго и напечаталъ въ приложеніи къ своему переводу монгольской лѣтописи Сананъ-Сэцэна легенду, въ которой герою Эрдени-харалику, признаваемому самой редакціей легенды за воплощеніе бога Арья-Бало, приписывается доставленіе въ царство своего отца статуи богини, приносящей съ собою

благоденствіе. Подъ этой статуей, мы подразумѣваемъ, скрывается Дара-экэ. Изложенные факты, какъ намъ кажется, позволяютъ намъ высказать предположеніе, что въ тибетской и въ монгольской легендѣ первоначально говорилось о введеніи культа не Будды, а Арья-Бало ¹⁾).

Въ Китаѣ легенда о введеніи буддизма имѣетъ видъ разсказа о доставленіи въ Пекинъ изъ Индіи статуи Будды. Но и въ Китаѣ жилъ вариантъ легенды о приносѣ статуи Арья-Бало, какъ надо догадываться по одному отрывку изъ легендъ объ островѣ Путо. Этотъ островъ служитъ центромъ поклоненія богинѣ Гуань-инь-пусъ, которая почитается за воплощеніе бога Авалокитешвары или Арья-Бало; названіе острова то же самое, какое носитъ какъ та миеологическая гора, которая почитается за мѣстопребываніе Авалокитешвары, такъ и та, на которой теперь живетъ далай-лама, жившій воплощенный Арья-Бало; по-тибетски эта гора называется Потала, т.-е. гора Пота. Одно изъ преданій объ островѣ Путо разсказываетъ о человѣкѣ, переплывавшемъ черезъ проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка, и остановленномъ на пути густо спутавшимися морскими растениями—повидному, въ этой легендѣ сохранился отрывокъ изъ сказанія о богоносцѣ, который шелъ съ священной ношей, подобно Шантиварману, доставившему на свою родину бога Авалокитешвару, или подобно монгольскому хану Абатаю, несшему статую бога Гомбогуру въ Монголію; сходно съ тѣмъ, какъ Авалокитешвара не дошелъ до родины Шантивармана и остановился на дорогѣ на высокомъ деревѣ, или подобно тому, какъ статуя Гомбогуру, не дошедши до родины Абатая, остановилась на высокомъ перевалѣ—и китайскій богоносецъ былъ пріостановленъ на своемъ пути. Современная редакція китайской легенды представляетъ крайне искаженный отрывокъ изъ первоначальной редакціи.

Легенда о введеніи новаго культа съ болѣе или менѣе сходными подробностями, какъ мы видимъ изъ изложенныхъ фактовъ, разсказывалась въ Тибетѣ, Монголіи и Китаѣ. Въ Тибетѣ она была локализована къ горѣ Потала, на которой живетъ далай-лама; въ Монголіи—къ монастырю Эрдени-цзу на р. Орхонѣ; въ Китаѣ—къ острову Путо. Въ тибетской и китайской версіяхъ святины приносятся на гору Поталу или на островъ Путо; въ легендѣ о Шантиварманѣ она приносится съ горы Поталы. Въ

¹⁾ Тибетскій царь Сронцзанъ-Гамбо, при которомъ въ Тибетъ прибыли китайская и непальская царевны (воплощенія Бѣлой и Зеленой Дары), почитается за воплощеніе Арья-Бало; отсюда вытекаетъ заключеніе, что Бѣлая и Зеленая Дары были жены бога Арья-Бало.

двухъ легендахъ, въ легендѣ объ Абатаѣ и въ легендѣ о Шанти-варманѣ, богъ останавливается на пути; намекъ на то же обстоятельство есть и въ третьей легендѣ, китайской; въ четвертой устной тибетской также есть намекъ на ту же тему; кортежъ съ невѣстой, ѣдущій изъ Китая въ Тибетъ, задерживается на перевалѣ смущеніемъ невѣсты, которая оглядывается назадъ и останавливается въ нерѣшимости—продолжать ли путь, повидать ли родину навсегда. Такое постоянное совмѣщеніе этой темы съ темой о приносѣ святыни ведетъ насъ къ обобщенію съ легендой о введеніи новаго культа и другихъ легендъ, заключающихъ въ себѣ упоминаніе о богѣ, не дошедшемъ до мѣста. Такой эпизодъ мы находимъ въ ряду легендъ, приуроченныхъ къ городу Хотану, лежащему на окраинѣ юго-западной Монголіи. Къ западу отъ этого города былъ городъ, въ которомъ находилась статуя, принесенная изъ Кашмира по договору, заключенному послѣ войны; когда статуя прибыла въ страну, не могли двинуть ее ни впередъ, ни назадъ; ее окружили цыланомъ, т.-е. надъ ней построили храмъ (Abel Remusat, Histoire de la ville de Khotan. Paris, 1820, p. 45). Изъ сопоставленія этой легенды съ предыдущими вытекаетъ заключеніе, что къ Хотану также былъ приуроченъ рассказъ о введеніи новаго культа.

Въ виду того, что область, въ которой разсѣяны мѣста приуроченія этой легенды, была охвачена общей исторической жизнью, можно думать, что источникъ этой легенды былъ одинъ и тотъ же, и что варианты ея расселились изъ одного мѣста. Гдѣ же была первоначальная родина этой легенды, или, по крайней мѣрѣ, изъ приведенныхъ пунктовъ приуроченія ея, въ которомъ она явилась прежде? Вопросъ этотъ, конечно, совпадаетъ съ другимъ, о томъ, гдѣ появился раньше культъ божества, о введеніи котораго говоритъ легенда, потому что несомнѣнно легенда распространялась рядомъ съ культомъ. Богъ, не дошедшій до Хотана, шелъ въ этотъ городъ съ запада, но этому показанію не нужно давать никакого значенія, потому что оно могло появиться позднѣе; въ позднѣйшее время къ западу отъ Хотана появилась вліятельная народность, и вотъ подъ воздѣйствіемъ этого новаго событія редакция могла видоизмѣнить маршрутъ бога. Точно также указанія тибетской легенды на происхожденіе первыхъ святынь Тибета изъ Китая и Непала также могли явиться только позднѣе, послѣ того, какъ Китай и Непалъ сдѣлались вліятельными умственными центрами въ глазахъ Тибета. Важнѣе тотъ фактъ, что китайскіе буддійскіе монахи Фа-сянь и Сюань-цань, а можетъ быть и другіе паломники первыхъ вѣковъ буддизма въ Китаѣ, ходили въ

Индію для поклоненія святынямъ и изученія закона черезъ южную Монголію, Туркестанъ и Афганистанъ. Хожденія въ источнику ученія, естественно, должны идти на встрѣчу направленію, по которому ученіе распространялось; страннической же путь китайскихъ монаховъ свидѣтельствуєтъ скорѣе за то, что въ Китай буддизмъ пришелъ съ запада, изъ южной Монголіи, а если это и не совсѣмъ такъ, если кромѣ этого западнаго теченія въ Китай было и другое изъ Индіи по океану, какъ о томъ рассказываютъ нѣкоторые китайскія преданія, то во всякомъ случаѣ культъ Арья-Бало или Гуань-инь-пусы былъ принесенъ въ Китай черезъ Монголію; онъ не могъ быть принесенъ моремъ, такъ какъ въ южномъ буддизмѣ этого культа не было.

По привычкѣ мы разсматриваемъ культъ Арья-Бало въ связи съ буддизмомъ, но онъ могъ существовать отъ него отдѣльно, могъ быть предшествующимъ культомъ, до-буддѣйскимъ, и смотрѣть на нихъ раздѣльно при обсужденіи нашего предмета удобнѣе. Еслибы убѣжденіе ученыхъ склонилось въ пользу мнѣнія о культѣ Арья-Бало, какъ о до-буддѣйскомъ культѣ, существовавшемъ въ Монголіи, то можно было бы предложить для этого древняго культа названіе „арьябализмъ“. Полагаемъ, что мы меньше возбудимъ недоумѣнія и меньше надѣлаемъ ошибокъ, если вмѣсто того, чтобы говорить о заносѣ въ южную Россію буддизма, мы будемъ говорить, что азіатскія племена, шедшія на западъ, были арьябалисты.

III.

Вторая группа сказаній связана съ именемъ Гэсэра. Монголы и тибетцы имѣютъ книжную повѣсть о герояхъ этого имени. Монгольская версія была напечатана въ Пекинѣ, переведена Шмидтомъ на нѣмецкій языкъ, и въ 1839 г. переводъ напечатанъ въ Петербургѣ. Тибетская версія, кажется, существуетъ только въ рукописяхъ; одинъ экземпляръ ея вывезенъ въ Европу Шлагинтвейтомъ, два другихъ находятся въ Петербургѣ, одинъ—въ Публичной библиотекѣ, другой у профессора Ивановскаго. Перевода тибетской версіи ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ еще не сдѣлано. И среди монголовъ, и среди тибетцевъ есть не мало сказочниковъ, которые знаютъ повѣсть о Гэсэрѣ наизусть и рассказываютъ ее; въ Тибетѣ отрывки изъ Гэсэра поютъ на свадьбахъ. Монгольскіе устные рассказы, кажется, точно передаются по отпечатанному тексту; согласна ли устная передача тибетцевъ съ тибет-

скимъ рукописнымъ текстомъ, судить не могу. Среди бурятъ также есть сказочники, знающіе Гэсэра, и эта бурятская версія имѣетъ въ себѣ замѣчательныя отличія отъ монголо-тибетской. Бурятскій вариантъ въ русской передачѣ, записанный г. Хангаловымъ, помѣщенъ мною въ моей книгѣ „Тангуты-тибетская окраина Китая“.

Монголы отождествляютъ съ Гэсэромъ китайскаго героя Гуань-юя, который считается покровителемъ нынѣ царствующей манджурской династїи, и европейцами иногда титулуется китайскимъ Марсомъ; исторїю его, которая излагается въ китайской книгѣ Сань-го-чжи, монголы выдаютъ за исторїю Гэсэра, а также многочисленныя кумирни, построенныя въ Китаѣ въ честь Гуань-юя, считаютъ за храмы Гэсэра, который будто бы китайцами принимается за одного изъ боговъ.

У тюрковъ нѣтъ полной повѣсти о Гэсэрѣ. У сайотовъ г. Радловъ записалъ небольшой отрывокъ, изложенный стихотворнымъ размѣромъ, но это можетъ быть принято за позднѣйшее заимствованіе у монголовъ. У алтайцевъ, качинцевъ и у якутовъ не открыто никакихъ слѣдовъ Гэсэриады. Но у тюрковъ, населявшихъ Монголію до монголовъ, повидимому, была эта повѣсть; она въ тюреской редакціи исчезла, но была усвоена ихъ преемниками и сосѣдями, и сохранилась въ монгольскомъ и тибетскомъ переводахъ. У киргизъ, населяющихъ наше степное генералъ-губернаторство, мы находимъ въ сказкахъ сходныя тѣмы, или даже и сходныя комбинаціи, которыя могутъ быть приняты если не за обломки и отростки Гэсэриады, то за тюрескіе элементы, изъ которыхъ въ другомъ тюрескомъ, не-киргизскомъ, мѣрѣ, сложилась Гэсэриада. Какъ на сказки, въ которыхъ открываются подобныя намеки на монголо-тибетскую повѣсть, можно указать на киргизскія сказки о Козаѣ и о Кову-Курпешѣ. Нахожденіе одной подробности и въ киргизской сказкѣ о Козаѣ, и въ тибетской Гэсэриадѣ, при чемъ встрѣчается сходное имя, навело насъ на предположеніе, что монголо-тибетской повѣсти предшествовала тюреская, и что монголы и тибетцы отъ тюрковъ заимствовали свою редакцію ¹⁾.

Содержаніе повѣсти распадается на множество эпизодовъ; нѣкоторые изъ нихъ даютъ поводъ отнести Гэсэриаду къ кругу легендъ, которыми былъ окруженъ культъ бога Арья-Бало, особенно эпизодъ о построеніи храма Гэсэромъ и о добываніи имъ „эрдени“, т.-е. драгоценностей. Въ первомъ эпизодѣ прямо гово-

¹⁾ Ср. нашу статью въ „Вѣстникѣ Европы“, 1890 г., сент., 121 стр.

рится, что храмъ строится въ честь бога Арья-Бало. Изъ подробностей, которыми обставлена эта постройка, есть одна, которая намъ напоминаетъ рассказъ о построении храма въ ласской легендѣ, о введеніи новаго культа, какъ мы думаемъ, культа Арья-Бало. Именно, въ Гэсэриадѣ рассказано, что предварительно строители покрыли водную поверхность сводомъ, и на немъ уже соорудили храмъ въ честь Арья-Бало. Въ ласской легендѣ постройка возводится также надъ водами, и предварительно была сдѣлана на водѣ настилка изъ бревенъ и углей, и на этой уже настилкѣ былъ воздвигнутъ храмъ для привезенной святыни. Другой эпизодъ въ повѣсти о Гэсэрѣ рассказываетъ, какъ Гэсэръ добылъ „эрдени“, драгоцѣнности. Этотъ эпизодъ мы также готовы присоединить къ тому же кругу легендъ, какъ и предыдущія. Терминъ „эрдени“, драгоцѣнность, встрѣчается и въ монголо-тибетской легендѣ о введеніи новаго культа. Тибетская версія есть рассказъ о привозѣ въ Тибетъ святыни, которая называется въ рассказѣ Чжу-рембучи, что по-тибетски значитъ: „драгоцѣнность чжу“. Въ монгольской версії приводится богъ Гомбогунуру, но я слышалъ одинъ вариантъ, въ которомъ привезенной статуѣ дано было имя Эрдени-цзу, т.-е. то же самое, какъ и въ тибетской, потому что монгольское слово „эрдени“ — драгоцѣнность — есть переводъ тибетскаго „рембучи“. Монастырь, въ которому прикрѣплена монгольская легенда, такъ и называется Эрдени-цзу — какъ бы по имени привезенной святыни. Тѣмъ же именемъ Эрдени-цзу монголы называютъ и тотъ храмъ въ Лассѣ, въ которомъ хранятся статуи, привезенныя въ Тибетъ, согласно тибетской версії, изъ Китая и Непала.

Драгоцѣнность „эрдени“ часто является и въ монгольскихъ и тибетскихъ сказкахъ и священныхъ легендахъ. Въ сказкахъ подъ „эрдени“ разумѣется предметъ, одаренный сверхъестественной силой; по большей части онъ представляется въ видѣ драгоцѣннаго камня, который витязю или богатырю приходится добывать. Это самоцѣльный камень нашихъ сказокъ и былинъ. Въ культовыхъ легендахъ подъ „эрдени“, какъ это видно изъ ласской и орхонской легенды, подразумѣвалась статуя или, въ болѣе отдаленное и менѣе культурное время, можетъ быть какой-нибудь болѣе грубый предметъ поклоненія, деревянный или каменный фетишъ. Могъ это быть и живой фетишъ, животное или, наконецъ, человекъ, въ родѣ нынѣшнихъ монгольскихъ и тибетскихъ гегеновъ, или воплощенцевъ. Объ Ундуръ-гегенѣ, т.-е. о первомъ ургинскомъ хутухтѣ, дѣйствительно есть легенда о томъ, какъ онъ былъ потерянъ Монголою, скрывался на чужбинѣ, и какъ

вѣтъ Батырь-бейли отыскалъ его и доставилъ въ Монголію. На почвѣ вѣрованій о сверхъестественныхъ чудесныхъ свойствахъ неорганическихъ и органическихъ фетишей или онгоновъ, возникъ многочисленный рои сказокъ и легендъ о добываніи „эрдени“. Трудно, а можетъ быть и совсѣмъ невозможно рѣшить, что чему предшествовало, сказка ли о добываніи чудодѣйственного камня, или священная легенда о приносѣ центральной фигуры мѣстнаго культа. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ сказка и легенда переходили одна въ другую, легенда или рассказъ о священномъ предметѣ пополнялся тѣмами изъ сказокъ, и въ свою очередь терялъ свое культовое значеніе и превращался въ анекдотъ. Доступнѣе рѣшеніе вопроса о томъ, имѣло ли какое вліяніе на возникновеніе тѣмы о приобрѣтеніи „эрдени“ принятіе буддизма. Намъ кажется, что въ положительномъ смыслѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ сомнителенъ. Утверждать, что тибетскіе и монгольскіе рассказы о „эрдени“ появились только съ буддизмомъ, что эти рассказы — не что иное, какъ только отголоски или извращенія сказанія о принесеніи новаго культа, культа „трехъ драгоценностей“, по-монгольски „гурбанъ-эрдени“, значило бы отвергать самостоятельность монголо-тибетскаго фетишизма и увѣрять, что вѣра въ божественную силу фетишей или онгоновъ позднѣе буддизма. Этого никто не скажетъ, и мы думаемъ, что сказочное „эрдени“ не только не вышло изъ церковнаго „гурбанъ-эрдени“, но что послѣднее скорѣе было взято буддизмомъ изъ фетишизма. Можетъ быть, именовъ „Гурбанъ-эрдени“ назывался какой-нибудь предметъ поклоненія, въ которомъ слово „гурбанъ“ (три) есть народное домышленіе, пока еще не разгаданное, или, можетъ быть, съ этимъ поклоннымъ предметомъ дѣйствительно было связано понятіе о числѣ три; напримѣръ, это могло быть какое-нибудь созвѣздіе, состоящее изъ трехъ звѣздъ, въ родѣ Оріона. Толкованіе же термина „три драгоценности“ понятіемъ о трехъ сущностяхъ буддизма — „ученіе, духовная община и Будда“, есть позднѣйшее издѣліе монаховъ.

Именовъ „эрдени“ назывался въ періодъ монгольскаго фетишизма или онгонизма предметъ, присутствію котораго приписывалось благоденствіе края. Въ лицѣ, которое доставило этотъ предметъ, слѣдовало также признать виновника благоденствія; такимъ образомъ, это лицо раздѣляло съ онгономъ поклоненіе, и могло даже смѣшиваться и отождествляться съ нимъ. По одному сюжету сильный духомъ человекъ приноситъ „эрдени“; по другому, самъ этотъ человекъ носить названіе „эрдени“; примѣры этого послѣдняго мы и находимъ, во-первыхъ, въ одной народной

урянкайской сказкѣ, гдѣ богатырь Эрдени-Мергенъ приноситъ бога Коаду-бурхана, за которымъ уходятъ слѣдомъ всѣ табуны прежняго обладателя этого онгона; во-вторыхъ, въ буддѣйской легендѣ Эрдени-харалигъ (воплощеніе Арья-Бало) приноситъ въ царство своего отца дакини (небесную дѣву), съ присутствіемъ которой связано народное счастье. У Даранаты Шантиварманъ приноситъ на свою родину бога Арья-Бало, а въ легендѣ объ Эрдени-харалигѣ самъ Арья-Бало изображается доставщикомъ святыни.

Въ числѣ вариантовъ сказанія объ „эрдени“ были такіе, въ которыхъ включался рассказъ о постройкѣ зданія для помѣщенія „эрдени“. Такъ въ ласской легендѣ тибетскій царь, по доставленіи въ Лассу невѣсты и святыни, начинаетъ строить дворець или храмъ. Въ западныхъ легендахъ о построеніи храма Соломономъ, въ которыхъ много сходнаго съ ласскою легендой, рассказа о добываніи святыни нѣтъ, но есть рассказъ о приобрѣтеніи чудодѣйственнаго камня (тамира), только при помощи котораго можетъ быть достроенъ храмъ.

Въ Гэсэриадѣ рассказъ объ „эрдени“ получилъ новый смыслъ. Эрдени понадобились не для постройки храма, какъ тамиръ въ сказаніи о Соломонѣ, а для того, чтобы спасти народъ, впавшій въ состояніе омертвѣлости, и вновь вызвать въ немъ жизненную дѣятельность; слѣдовательно, назначеніе этихъ „эрдени“ такое же, какъ и въ другихъ сказкахъ—доставленіе благоденствія народу. Въ этой версіи „эрдени“ добываются на небѣ; бурятскій вариантъ Гэсэриады даже вставляетъ въ этотъ эпизодъ звѣздный мифъ. Чтобы добыть „эрдени“, Гэсэръ долженъ былъ подпортить ихъ обладательницу виномъ, поднесеннымъ въ семи чашахъ; потерпѣвшая отъ воровства, совершеннаго Гэсэромъ, пришла въ ярость и бросила семь чашъ; онѣ стали семью звѣздами Большой Медвѣдицы.

Третій эпизодъ повѣсти—значительно крупнѣе обоихъ предыдущихъ—рассказываетъ объ увозѣ жены Гэсэра, о войнѣ съ похитителями и о возвращеніи увезенной жены. Ласская легенда, кромѣ привоза святыни и постройки храма, рассказываетъ еще о сватовствѣ за принцессу для тибетскаго царя; въ книжномъ преданіи вмѣсто посланки посла для сватовства стоитъ рассказъ о войнѣ съ будущимъ тестемъ. Этотъ элементъ—рассказъ о женщинѣ—можетъ быть и слѣдуетъ усмотрѣть въ этомъ третьемъ эпизодѣ повѣсти о Гэсэрѣ. Хотя тутъ дѣло идетъ о насильственномъ увозѣ женщины, а въ ласской легендѣ только о привозѣ невѣсты, но полная комбинація могла быть такою: 1) привозъ невѣсты (или приобрѣтеніе святыни), 2) похищеніе невѣсты (или святыни), и 3) возвращеніе похищеннаго. Эти отдѣльныя части могли раз-

единиться и рассказываться независимо одна отъ другой. Въ лаской и орхонской легендахъ мы имѣемъ только первую тѣму; въ особомъ отрывкѣ орхонской легенды (о набѣгѣ хана Галдана) содержится рассказъ о попыткѣ похитить „эрдени“, т.-е. камень, изъ орхонскаго монастыря, а въ Гэсэриадѣ похищеніе камня замѣнено похищеніемъ женщины. Все, что мы здѣсь рассказали относительно повѣсти о Гэсэрѣ, ведетъ къ убѣжденію, что эта повѣсть принадлежитъ въ кругу легендъ о доставленіи „эрдени“, къ которому также относятся и легенды о введеніи новаго культа и о построеніи храма. Последняя тема есть и въ Гэсэриадѣ, и даже соединенная съ именемъ бога Арья-Бало. Рассказъ о томъ, какъ Гэсэръ добылъ „эрдени“ кончается тѣмъ, что Гэсэръ обращаетъ оживленное имъ царство въ новую вѣру, т.-е. въ буддизмъ. Гэсэриада выросла изъ легенды о введеніи новаго культа; эта самая легенда послужила ядромъ повѣсти, только она измѣнена; постройка храма отдѣлилась отъ рассказа объ „эрдени“ въ независимый эпизодъ; добыванію „эрдени“ приданы другая цѣль и другой способъ, вмѣсто повѣсти поставлена жена, которую похищаютъ. Къ этому ядру приставлено нѣсколько побочныхъ эпизодовъ; были ли они объединены съ главнымъ ядромъ какою-нибудь органическою связью; объ этомъ можно судить только послѣ подробнаго изслѣдованія.

IV.

Третью группу легендъ, принимаемыхъ нами за культовые древней Монголіи, составляютъ сказанія о Чингисъ-ханѣ. Сказанія эти, частью книжныя, частью устныя, были отнесены къ историческому хану, объединившему подъ своей властью всѣ степи центральной Азіи и сдѣлавшему обширныя завоеванія въ Китаѣ и въ передней Азіи. Тѣмы, которыя содержатся въ этихъ сказаніяхъ, изображаютъ Чингиса божественной натурой. Сказанія приписываютъ ему сверхъестественное рожденіе. Другая версія рассказываетъ о немъ, что русская сказка рассказываетъ о царевичѣ Сбудѣ Сбудовичѣ: онъ заключенъ вмѣстѣ съ матерью въ ящикъ, и ящикъ брошенъ въ море. Ему приписывалось, по видимому, то же свойство, какимъ обладали огноны или „эрдени“: онъ приносилъ счастье народу. Его вѣкъ былъ счастливый вѣкъ, вѣкъ довольства въ скотѣ и обилія въ молокѣ; въ его время не было ни падежей, ни мора, ни войнъ. Это народное богатство въ скотѣ и молокѣ связано было между прочимъ съ мутовкой,

обладаніе которой приписывается Чингисъ-хану; съ похищеніемъ мутовки и богатство оставляетъ народъ Чингисъ-хана. Въ другихъ вариантахъ вмѣсто мутовки стоитъ знамя. Въ честь Чингисъ-хана и теперь устраивается ежегодно въ Ордосѣ общественное жертвоприношеніе; интереснѣйшая часть этого обряда состоитъ въ выставкѣ человѣка, который долженъ во все время обряда, т.-е. цѣлый день, стоять неподвижно и который называется „алтынъ-хатасынъ“, „золотой колъ“, тѣмъ же именемъ, какимъ называется по-монгольски Полярная Звѣзда. Народное повѣрье, живущее въ Ордосѣ, говоритъ, что Чингисъ-ханъ былъ нѣкогда свирѣпымъ божествомъ, но онъ укрощенъ духовнымъ лицомъ Банченъ-эрдени. При его останкахъ, которые и теперь еще хранятся въ Ордосѣ, состоитъ особое сословіе, которое называется дархатами. Все это свидѣтельствуетъ, что Чингисъ народныхъ легендъ былъ лицо отдѣльное отъ историческаго завоевателя, что это было божество древней Монголіи, и что культъ этого бога, судя по названію „Алтынъ-хатасынъ“, былъ въ связи съ культомъ звѣздъ. На связь этого обряда съ Полярной Звѣздой указываетъ, кромѣ названія, и неподвижность, которая обязательна для человѣка, изображающаго „Алтынъ-хатасына“. Легенда, которая служитъ поясненіемъ обряда, рассказываетъ, что у Чингисъ-хана былъ золотой приколъ для привязыванія лошади (по киргизскимъ представленіямъ, Полярная звѣзда есть желѣзный колъ, къ которому привязаны двѣ лошади, другія двѣ звѣзды), но онъ былъ украденъ; Чингисъ-ханъ присудилъ зарыть вора въ землю по горло. Этотъ обрядъ ежегодно потомъ повторялся надъ однимъ изъ потомковъ вора, но впоследствии, когда нравы стали мягче, зарываніе по горло замѣнили зарываніемъ въ песокъ однѣхъ ступней ногъ. Легенда о покражѣ прикола, повидимому, видоизмѣненіе тѣмъ о похищеніи мутовки, вращательное движеніе которой также напоминаетъ Полярную Звѣзду и вращающійся кругомъ нея небосклонъ.

Понятіе о счастьѣ, связанномъ съ Чингисомъ и его мутовкой, сводитъ и это сказаніе о древнемъ божествѣ съ тѣми объ „эрдени“. Мутовка—одна изъ тѣхъ святинь, съ приобрѣтеніемъ которыхъ соединено народное счастье; это—онгонъ. Чингисъ, какъ обладатель благодѣтельной мутовки, можетъ быть и самъ былъ живымъ онгономъ, съ пребываніемъ котораго въ край соединялось благоденствіе населяющаго его народа. Къ Чингису не приурочено легендъ о приобрѣтеніи чудеснаго предмета, зато говорится объ утратѣ его. Впрочемъ, въ одномъ книжномъ сказаніи о Чингисѣ ему приписывается доставленіе къ китайскому императору (вѣроятно императоръ тутъ на мѣстѣ какого-нибудь свазочнаго царя

какого-то Мучжинъ-Сульте, принятаго редакціей за мятежника. Мы догадываемся, что подъ Мучжинъ-Сульте скрывается названіе Плеядъ, составленное изъ тюрко-монгольскаго Мечинъ, какъ и теперь по-монгольски называется созвѣдіе, и тюркскаго джудусъ, сульдусъ — звѣзда. Легендарное знамя Чингиса называется также сходнымъ именемъ — „едженъ-сульту“, „юсунъ-сульте“; во время ордосскаго праздника передъ ордосскимъ стилитомъ „Алтынъ-хатысыномъ“ втыкается въ землю девять травяныхъ стеблей съ навязанными пучками шерсти, т.-е. девять бунчуковъ, и этотъ рядъ бунчуковъ называется „юсунъ-сульдэ“. Легенда о погребеніи Чингиса рассказываетъ, что колесница съ его останками остановилась въ одномъ пунктѣ и не захотѣла двигаться дальше; эта деталь, по нашему мнѣнію, говоритъ, что съ именемъ Чингисъ-хана связана была тема о приносѣ въ край святыни.

Нѣкоторыя лѣтописи рассказываютъ о томъ, какъ небесный посолъ провозгласилъ рѣшеніе неба сдѣлать Чингисъ-хана обладателемъ или правителемъ всего міра; въ этомъ лѣтописномъ отрывкѣ также скрывается намекъ на божественную природу Чингиса; легенда, повидимому, смотритъ на Чингиса какъ на Чакарвартина, „вращателя чакры“, т.-е. какъ на міроправителя. Буддизмъ такимъ міродержцемъ считаетъ Будду; въ народныхъ преданіяхъ о Чингисѣ есть элементы изъ легендарной исторіи Будды. Въ ордосскомъ разсказѣ объ измѣненіи свирѣпаго нрава Чингиса на кроткій мы видимъ отраженіе легенды о царѣ, замѣнившемъ свою жестокость кроткимъ управленіемъ, или о царевичѣ, ведшемъ сначала жизнь беззаботную, полную свѣтскихъ удовольствій и прекратившемъ ее для жизни отшельнической, словомъ, той легенды, которая на Западъ зашла въ видѣ исторіи царевича Иосафата, теперь наукой признанной за пересадку на западную почву легенды о Буддѣ.

Изложенные сейчасъ факты могутъ быть истолкованы въ смыслѣ позднѣйшаго приуроченія къ исторической личности Чингиса сюжетовъ, принесенныхъ въ Монголію съ буддизмомъ, и тогда они теряютъ значеніе для нашей гипотезы, потому что дата ихъ появленія въ Монголіи переносится на періодъ послѣ XIII в., тогда какъ мы думаемъ, что элементы для нашего русскаго вылиннаго эпоса занесены были въ южную Россію до основанія русскаго государства, т.-е. до IX-го вѣка. Но сказанія о Чингисѣ имѣютъ такой характеръ, ихъ элементы стоятъ въ такихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ другимъ фактамъ монгольскаго фольклора, что мы склоняемся къ мнѣнію о мѣстномъ, не-буддійскомъ ихъ происхожденіи. Напримѣръ, едва ли возможно объяснить буддій-

скимъ происхожденіемъ легенды появленіе въ ней мутовки, заключающей въ себѣ залогъ народнаго благоденствія. Если на Чингиса перенесено съ Будды представленіе о Чакравартинѣ, то едва ли индійская чакра могла быть превращена въ мутовку; едва ли такое превращеніе можетъ быть безъ затрудненія оправдано па-стухскимъ міросозерцаніемъ обитателей Монголіи, подъ воздѣйствіемъ котораго индійская чакра, будто, должна превратиться въ предметъ скотоводческаго быта. Чингисъ раздѣляетъ съ Буддой сверхъестественное рожденіе, но версія, по которой онъ младенцемъ брошенъ въ степи подъ деревомъ и выкармливается сокомъ этого дерева, имѣетъ параллель не въ легендѣ о Буддѣ, а въ преданіяхъ о царѣ Асохѣ, которыя могутъ быть сближаемы съ легендой о Буддѣ только благодаря тѣмъ о царѣ, измѣнившимъ свое поведеніе и превратившемся изъ гонителя вѣры въ ея покровителя. Если эту тѣму вмѣнить буддійскому вліянію, то придется и на другіе случаи подобнаго рода распространить это вмѣненіе; придется и олетское преданіе о родоначальникѣ ихъ князей, и бурятскія преданія о ихъ предѣхъ, и якутское объ одномъ изъ якутскихъ сказочныхъ героевъ—приписать буддійскимъ внушеніямъ, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ говорится о младенцѣ, вывормленномъ безъ кормилицы самой природой или чрезъ посредство дерева, точащаго сокъ, или чрезъ посредство быка, сосаніе шерсти котораго даетъ пищу.

Всѣмъ этимъ мы хотимъ сказать, что преданія о Чингисѣ возникли независимо отъ легенды о Буддѣ, что они сложились самостоятельно изъ до-историческихъ элементовъ, и если они не туземны, то принесены въ Монголію задолго до принятія Монголіей буддизма. Это были легенды о какой-то другой божественной личности, въ честь которой приносились жертвы; для вознесенія молитвъ ему, или по крайней мѣрѣ для принесенія жертвъ, были особыя лица; слѣды этого культа мы видимъ теперь въ ордосскихъ обрядахъ, остатки служащаго класса—въ нынѣшнихъ дархатахъ ¹⁾. Отношенія этого культа къ культу Арья-Бало туманны; родство ихъ видно только въ нѣкоторыхъ общихъ чертахъ; въ легендѣ объ Арья-Бало мы видѣли сюжетъ о приносѣ святыни, благодѣтельной для края; здѣсь самъ Чингисъ очевидно понимался какъ такой благодѣтельный онгонъ, дарившій край счастьемъ и богатствомъ; былъ, повидимому, и рассказъ о доставленіи въ этотъ край такой святыни, на что намекаетъ преданіе о погребальной колесницѣ Чингиса, приостановившейся на пути.

¹⁾ Дархаты—особое сословіе, обязанное охранять останки Чингисъ-хана.

Итакъ, культовой эпосъ средней Азіи состоялъ изъ трехъ отдѣловъ: філіація легендъ о введеніи новаго культа (культа Арья-Бало), варианты Гэсэриады и преданія о Чингисѣ. Если народы средней Азіи двигались въ Европу не съ пустыми руками, если они несли съ собой какой-нибудь эпической багажъ, то онъ долженъ былъ состоять изъ тѣхъ легендъ, которыя мы только-что разсмотрѣли.

Мы не проводимъ мысли о не-арійскомъ происхожденіи сюжетовъ; они могли быть созданы арійскимъ племенемъ, которое, можетъ быть, жило по сосѣдству съ Монголіей, или въ самой Монголіи, и могли быть переданы не-арійцамъ, населявшимъ Монголію, или впоследствии ее населившимъ. Народное переселеніе понесло эти сюжеты на западъ; первые сюжеты были, можетъ быть, занесены арійцами; потомъ двинулись изъ Азіи въ Европу не-арійцы; оставшіеся въ Азіи народы продолжали хранить старину въ своей памяти; но сюжеты подвергались здѣсь измѣненіямъ вслѣдствіе вліяній, шедшихъ изъ Индіи и Китая; новыя выселенія въ Европу заносили туда и эти повдвѣйшія редакціи. Съ распространеніемъ греко-римской культуры въ сѣверной Европѣ крайній предѣлъ, до котораго доходили орды на западъ, отодвигался къ востоку; гунны дошли до Франціи, монголы—только до Венгріи, калмыки въ XVII в.—только до Волги. Самыя древнія редакціи мы должны рассчитывать найти на крайнемъ западѣ Европы, самыя повдвѣйшія—на востокѣ, въ южной Россіи.

Отсутствіе прямыхъ указаній въ современныхъ европейскихъ литературныхъ памятникахъ едва ли можетъ служить свидѣтельствомъ, что эти племена и дѣйствительно были лишены духовнаго имущества. Мыслимо ли, чтобы такое могущественное племя, какъ хазары, сплоченное въ сильную монархію, существовавшую въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, не имѣло цвѣтущаго культа, не имѣло обильнаго запаса легендъ, и прожило, не оставивъ никакого слѣда своего вліянія, не вперивъ въ память сосѣднихъ народовъ никакихъ своихъ сюжетовъ. Хазары подчинили своей власти всю южную Россію; имъ принадлежали низовья Волги, сѣверная подошва Кавказа, Дагестанъ, Донъ, Крымъ и Кіевъ. Названія урочищъ, напоминающія ихъ власть, встрѣчаются на Дону и въ Кіевѣ. Они входили въ сношенія съ Византіей, и византійскіе императоры женились на хазарскихъ царевнахъ и во время междоусобій искали у хазарскаго хагана убѣжища и защиты. Если императоры вступали въ родственныя связи съ хазарами, то простые греки въ Крыму и по городамъ сѣвернаго берега Чернаго моря подавно женились на хазаркахъ. Эти хазарскія женщины могли

вносить въ греческую жизнь новые, чуждые ей дотогѣ элементы; царица Ирина вводитъ при византійскомъ дворѣ хазарскій обычай носить *цицакию* ¹⁾. Много такихъ заимствованій было, вѣроятно, сдѣлано греками у хазарь, какъ это и теперь дѣлается европейцами при столкновеніи не только съ культурными расами Азии, но даже и съ совершенными дикарями Америки и Африки.

Вѣроятно, знатныя хазарскія дамы, выходяшія замужъ въ Византію и въ греческіе города, являлись туда со свитами изъ хазарь, которые и проживали при нихъ. Едва ли было иначе. Это были ученые жрецы, гадатели или доктора, которые считались необходимыми, какъ помощники въ случаяхъ болѣзней и какъ совѣтники въ другихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Эти-то хазарскія колоніи могли вводить въ оборотъ среди грековъ хазарскія устныя легенды и даже хазарскія книги, если таковыя были. На греческомъ языкѣ могли появляться пересказы этихъ книгъ или даже ихъ переводы. Въ знатныхъ домахъ, находившихся въ родствѣ съ хазарами, вѣроятно пѣлись пѣсни хазарскія, какъ половецкія пѣлись въ домахъ русскихъ князей. Это воздѣйствіе кочевой культуры могло производить измѣненія во вкусахъ въ области народнаго творчества; греческія былины или героическія поэмы среднихъ вѣковъ отличаются особенной манерой, которая не напоминаетъ классическую; въ былинѣ объ Армури, намъ кажется, ясно слышны отголоски восточныхъ образцовъ. Армури поднимается на лѣстницу, чтобы высмотрѣть неприятельское войско, которое, повидимому, увело въ плѣнъ его отца; такое же влѣзаніе на лѣстницу или дерево мы встрѣчаемъ въ одной киргизской (о Козаѣ) и монгольской сказкѣ (объ Иринѣ-Сайнѣ). Два одновременно обнаруживаемыхъ настроенія, улыбка при взглядѣ въ одну сторону и слезы въ другую, — такая эпическая деталь

¹⁾ Нѣкоторыя догадки о *цицакии* были высказаны г. Гаркави въ его статьѣ: „Опытъ объясненія названія одного хазарскаго платья помощью еврейскаго языка“ (въ Трудахъ Восточн. Отдѣленія имп. русск. Археологич. общества ч. XIV, Спб., 1869, стр. 153). Къ словамъ Константина Порфиророднаго: „И надѣвають влстители свои *цицакии*“ — приложена схолия: „надо знать, что *цицакии* приносятъ изъ Хазаріи; переняты онѣ у хазарской императрицы“. Г. Гаркави сближаетъ это хазарское слово съ еврейскимъ *цицитъ*, ед. ч. *цицъ*, обшивка, бахрома, кисть на краяхъ платья, и догадывается, что въ 732 г., когда Константинъ Копронимъ женился на хазарской царицѣ, вполнѣдствіи Иринѣ, обычай носить платье съ кистями былъ уже усвоенъ хазарами у евреевъ; еврейское „цицъ“ перешло на платье съ прибавленіемъ „акъ“. Тутъ же г. Гаркави, ссылаясь на г. Мухлинскаго, указываетъ на существованіе турецкаго *чичель*, дешевая матерія, родъ выбойки, и ставитъ другую догадку, что *цицакии* означало ситцевое платье. Въ Ордохъ именовъ *чачакъ* (въ халхас. произношеніи будетъ *цицакъ*) называется бахрома изъ конской гривы, подвѣшенная къ вершинѣ священнон матчи или бунчука.

очень часто встрѣчается въ монгольскихъ, тюркскихъ и калмыцкихъ сказкахъ, чаще, чѣмъ въ европейскихъ. Стараніе наглядно изобразить быстроту, съ которою богатырь на конѣ исчезаетъ съ глазъ родителей, распространено въ сказкахъ инородцевъ по всей Сибири; наприм., въ якутской—родители хотятъ схватить богатыря руками, но въ сжатыхъ горстяхъ своихъ находятъ только пыль, которую они схватили съ земной поверхности. А. Н. Веселовскій отмѣтилъ сходство манеры этой былины съ русскими былинами; не думаемъ, чтобы это сходство исключительно слѣдовало объяснять воздѣйствіемъ греческихъ образцовъ на русское творчество; въ виду нахождения той же манеры и въ былинахъ, и сказкахъ орды, это съ равнымъ или даже, можетъ быть, болѣшимъ правомъ можетъ быть объяснено и тѣмъ, что и на греческой, и на русской эпосъ вліяли образцы ордынскіе.

Не тѣмъ ли же хазарскимъ вліаніемъ слѣдуетъ объяснить черты сходства между откровеніемъ Андрея Юродиваго, о которомъ сказано, что онъ былъ скиѣз родомъ,—и страницами лѣтописи тибетскаго царства? Какъ въ византійской литературѣ, такъ и въ живописи и въ орнаментикѣ, нужно ожидать открытія слѣдовъ восточно-ордынскаго вліанія. Нельзя не обратить вниманія на сходство нашей картины Страшнаго Суда и буддійской картины Сансарій-инъ-курдэ. Исслѣдованіямъ въ этомъ направленіи много мѣшаетъ отсутствіе собранныхъ на Востокъ матеріаловъ; изданія по иконографіи буддійскихъ монастырей въ Тибетѣ и Монголіи и монгольской орнаментики еще такъ ничтожны, что европейскому ученому не съ чѣмъ сравнивать западные образцы. А еще нужно согласиться съ тѣмъ, что для правильнаго сужденія о взаимномъ вліаніи Запада и Востока мало, чтобы на Востокѣ были сдѣланы сборники легендъ и изображеній храмовой обстановки, но нужно, чтобы эти матеріалы были разработаны; если европейскій ученый встрѣчаетъ въ восточныхъ матеріалахъ тѣму, сходную съ какою-нибудь западной, онъ долженъ быть поставленъ въ извѣстность, какъ эта тѣма относится къ остальному восточному матеріалу, не коренится ли она глубоко въ восточной почвѣ, не представляетъ ли она мѣстный продуктъ этой почвы. Въ противномъ случаѣ, отношенія восточныхъ тѣмъ къ западнымъ могутъ быть ложно поняты, и восточныя тѣмы могутъ показаться заимствованіями съ Запада, занесенными, наприм., несторіанствомъ или исламомъ, только потому, что такое мнѣніе не встрѣчаетъ отпора со стороны ордынской фольклористики. Ученый, снискавшій себѣ репутацію осторожнаго судьи при обращеніи съ данными европейской старины, встрѣтивъ у китайскаго лѣтописца

подробность изъ апокрифа о Св. Дѣвѣ, съ легкимъ сердцемъ объясняетъ это палестинскимъ вліаніемъ, ни минуты не задумываясь надъ тѣмъ, какимъ путемъ, съ какимъ историческимъ теченіемъ явилось это мѣсто въ китайской книгѣ, сопутствуется ли оно рядомъ другихъ подобныхъ заимствованій и проч., что считается необходимымъ, когда дѣло идетъ о западныхъ древностяхъ.

Сходство тѣмъ само по себѣ одно еще не ведетъ къ положительнымъ заключеніямъ объ исторіи ихъ распространенія. Задача современной фольклористики намѣтитъ пути непосредственнаго заимствованія. Для этого мало одного сходства тѣмъ; къ этому нужно еще прибавить другія доказательства. Къ этой цѣли могутъ служить: 1) нахожденіе при сходныхъ темахъ и сходныхъ именъ; 2) указаніе на генетическую связь тѣмы съ мѣстнымъ эпосомъ и мѣстнымъ культомъ или обрядностью, и 3) сходная комбинація тѣмъ. Такъ, на примѣръ, если къ какому-нибудь русскому богатырю (Добрыня или Ильѣ) приурочены двѣ тѣмы и мы находимъ, что и въ ордынскомъ фольклорѣ эти двѣ тѣмы также приурочены къ одному лицу, то это уже больше говоритъ въ пользу какой-то связи обоихъ эпосовъ, нашего и степного, чѣмъ еслибы эти двѣ тѣмы въ степномъ эпосѣ нашлись разрозненными.

Послѣ всѣхъ этихъ общихъ соображеній мы можемъ приступить къ подробному разбору русскихъ былинь.

I. Потанинъ.

АМЕРИКАНСКІЙ ЖЕНСКІЙ КЛУБЪ

0

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ

Однимъ изъ средствъ къ тому, чтобы осязательно доказать „грубой“ половинѣ человѣческаго рода свою умственную зрѣлость и способность къ пользованію всѣми человѣческими правами, до сихъ поръ монополизированными мужчиной, американская „новая женщина“ избрала спеціальныя женскіе клубы, за послѣднее время чрезвычайно размножившіеся по всему Союзу и пользующіеся большой популярностью и, обыкновенно, большимъ успѣхомъ. Мужчины, въ большинствѣ случаевъ, въ члены не принимаются, и допускаются на засѣданія только какъ гости, по приглашенію или бюро клуба, или членовъ-женщинъ. Организация такихъ клубовъ совершенно тождественна съ мужскими учрежденіями того же рода, и общераспространенныя въ Америкѣ требованія парламентаризма соблюдаются ими со всѣми ихъ мельчайшими деталями, даже нерѣдко съ чопорнымъ педантизмомъ. „Новая женщина“ не безъ основанія думаетъ, что успѣхъ такихъ клубовъ, какъ наружный, выражающійся порядкомъ и стройностью преній о ходѣ дѣлъ, такъ и внутренний, заключающійся въ интересѣ и значеніи разрабатываемыхъ ими вопросовъ и задачъ, — успѣхъ, достигаемый безъ всякаго участія и помощи мужчины, лучше всего другого можетъ доказать законность и основательность ея современныхъ стремленій, и произвести тотъ переворотъ въ традиціяхъ общественнаго мнѣнія, который ей необходимъ для достиженія этихъ стремленій и проведенія ихъ въ дѣйствительную жизнь. Главнымъ мужскимъ возвра-

женіемъ противъ одного изъ самыхъ существенныхъ этихъ стремленій—достиженія политической равноправности съ мужчиной и права голоса во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ—было, именно, предположеніе неспособности женщины къ хладновровному, основательному, зрѣлому обсужденію извѣстнаго дѣла и къ соблюденію при этомъ требованій современнаго парламентаризма. Женскіе клубы въ Америкѣ являются, дѣйствительно, осязательнымъ опроверженіемъ этого предубѣжденія, и, вѣроятно, больше всего другого послужать къ постепенному его искорененію. Въ настоящій моментъ даже самые ярые противники женской равноправности не рискуютъ больше прибѣгать къ этому аргументу.

Въ современной общественной жизни Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ „новая женщина“ несомнѣнно составляетъ самую существенную, самую жгучую „злобу дня“, и потому женскіе клубы, какъ одно изъ самыхъ наглядныхъ ея проявленій, естественно крайне интересуютъ всякаго наблюдателя американскихъ нравовъ, и мнѣ давно хотѣлось поближе съ ними познакомиться. И въ городѣ Лосъ-Анжелесѣ, и во всѣхъ другихъ, меньшихъ городахъ южной Калифорніи, существуетъ многое множество такихъ женскихъ клубовъ—есть даже южно-калифорнскій женскій парламентъ, насчитывающій нѣсколько тысячъ членовъ, обнимающій всѣ семь графствъ южной части штата и имѣющій и центральную организацію, и отдѣльныя бюро съ вице-президентомъ и секретаремъ въ каждомъ изъ этихъ графствъ, такъ что онъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ общей женской лиги для всей южной половины штата. Нѣкоторые изъ этихъ женскихъ клубовъ поставили себѣ спеціальныя, опредѣленныя задачи, политическія, благотворительныя, духовно-нравственныя; другіе, въ томъ числѣ и вышеупомянутый парламентъ, занимаются исключительно женскимъ вопросомъ, разработкой различныхъ его частныхъ и агитаціей въ этомъ направленіи; наконецъ, третьи не стѣсняютъ себя чѣмъ-либо въ своихъ уставахъ и занимаются публичнымъ обсужденіемъ вопросовъ дня и общими литературно-научными и социальными задачами. Ихъ девизъ— „ничто человѣческое мнѣ не чуждо“—и, само собой разумѣется, они-то и дѣйствуютъ больше всего на общественное мнѣніе, всего нагляднѣе доказывая способность женщины къ обсужденію и разрѣшенію обще-человѣческихъ проблемъ. Однимъ изъ передовыхъ женскихъ клубовъ этого типа въ городѣ Лосъ-Анжелесѣ, торговомъ и промышленномъ центрѣ всей южной Калифорніи, считается „Friday Morning Club“, принявшій это имя потому, что

его еженедельныя публичныя засѣданія происходятъ по пятницамъ, утромъ (буквальный переводъ—утренний клубъ пятницы). На одно изъ засѣданій этого клуба, посвященное русской литературѣ, мнѣ удалось получить приглашеніе отъ бюро клуба, и вотъ это-то интересное въ высшей степени засѣданіе и побудило меня написать настоящую статью. Русская литература, обсуждаемая американской „новой женщиной“ на берегахъ Тихаго океана, подъ сѣнью апельсиновыхъ и лимонныхъ рощъ еще такъ недавно баснословной Калифорніи, этой американской Колхиды съ неистощимымъ золотымъ руномъ—согласитесь сами, читатель, что это не совсѣмъ заурядное явленіе, а потому заслуживающее серьезнаго вниманія; такимъ, по крайней мѣрѣ, показалось оно мнѣ.

Клубъ занимаетъ цѣлый этажъ дома на одномъ изъ самыхъ бойкихъ дѣловыхъ угловъ города; его помѣщеніе состоитъ изъ залы засѣданій и нѣсколькихъ гостиныхъ и кабинетовъ для постоянного бюро, совѣта управителей (Board of Managers) и отдѣльныхъ комитетовъ. Бюро состоитъ изъ почетнаго президента (основательницы клуба и его перваго президента, очень уважаемой и вліятельной старушки), президента, двухъ вице-президентовъ, секретаря и казначея; совѣтъ—изъ двѣнадцати членовъ, завѣдующихъ программами занятій клуба; кромѣ того, имѣются постоянные комитеты: княжный и по приему гостей (Hospitality Committee). Всѣ эти чины—выборныя, и мѣняются каждый годъ, на годичномъ собраніи клуба. Новые члены платятъ пять долларовъ вступительныхъ и по четыре доллара въ годъ на расходы. Жалованья не получаетъ никто, и расходъ ограничивается наймомъ помѣщенія и на печатаніе и разсылку программъ и извѣщеній. Дѣйствительныхъ членовъ около пятисотъ, и число ихъ растетъ съ каждымъ годомъ.

Когда, около десяти часовъ утра, я вошелъ въ залу засѣданія, она была уже совершенно полна. Огромная, высокая комната, футовъ 70 въ длину и около 45 въ ширину, съ небольшою платформой для бюро по срединѣ одной изъ длинныхъ стѣнъ, и съ многочисленными рядами стульевъ противъ него—я насчиталъ около трехсотъ женщинъ. Мужчинъ оказалось только двое—я да молодой англичанинъ-туристъ, какъ объяснила мнѣ предсѣдательница клуба, пригласившая меня на платформу; я былъ нѣсколько знакомъ съ нею и раньше, и она представила меня остальнымъ членамъ бюро. Американская женщина всегда и вездѣ прекрасно, щеголевато одѣта, всегда бойка и самоувѣренна; и эти представительницы борьбы за эмансипацію женщины ничѣмъ, повидимому, не выдѣлялись изъ общей массы,—только,

можетъ быть, были нѣсколько сдержаннѣе и молчаливѣе. Общій видъ залы ничѣмъ рѣшительно не отличался отъ партера театра, церкви, публичной лекціи, торжественнаго школьнаго акта—вообще такихъ сборищъ, гдѣ женщина обыкновенно преобладаетъ. Какъ разъ въ назначенную для открытія засѣданія минуту, маленькій молоточекъ президента застучалъ по столу, украшенному вазой съ живыми цвѣтами, и засѣданіе началось чтеніемъ секретаремъ протокола предшествовавшаго засѣданія. Маленькая, худенькая молодая женщина, бойко, но съ самымъ дѣловымъ видомъ, прочла этотъ протоколъ, коротко и дѣловито составленный. По утвержденіи протокола, были представлены на усмотрѣніе клуба два-три дѣловыхъ вопроса, касавшихся хозяйственныхъ частей управленія; пренія были коротки, безъ малѣйшаго удаленія отъ существа дѣла, безъ многословія — и вопросы были быстро рѣшены. Мнѣ много разъ приходилось принимать участіе въ митингахъ и общественныхъ собраніяхъ разнаго рода, и даже предсѣдательствовать на нихъ — я хорошо знакомъ съ нашими парламентарными порядками, усвоилъ ихъ на практикѣ, и потому не могъ не замѣтить, что и весь этотъ женскій клубъ, и его предсѣдательница, также были хорошо съ ними знакомы, и вполне усвоили то умѣнье быстро и разносторонне разобрать извѣстный вопросъ, которое пріобрѣтается американскимъ ребенкомъ еще въ школѣ, и которое такъ бросается въ глаза европейцу во всѣхъ американскихъ общественныхъ собраніяхъ. Не было ни неуверенности, ни замѣшательства; глаза предсѣдательницы обнимали всю залу; она коротко и ясно резюмировала вопросы, стенографистка ихъ записывала, и въ четверть часа были продѣланы три голосованія, и вся дѣловая программа дня покончена. Конечно, не было дебатовъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, потому что не было возраженій, а только разъясненія, и всѣ предложенія бюро были приняты единогласно; но я вынесъ совершенную уверенность, что будь и возраженія, и раздѣленіе мнѣній, дѣло точно также было бы разрѣшено быстро и съ абсолютнымъ соблюденіемъ всѣхъ парламентарныхъ требованій. Способность къ этому извѣстнаго общественнаго собранія сразу чувствуется по ходу засѣданія, по тому, какъ ставятся и мотивируются вопросы, и по тому, какъ собраніе отзывается на руководство предсѣдателя. Само собою разумѣется, что разрѣшенные этимъ клубомъ въ этомъ засѣданіи грошовой хозяйственные вопросы не могли имѣть значенія политической или соціальной жгучей „злобы дня“, и было бы излишнимъ оптимизмомъ утверждать, что этотъ юный женскій парламентъ съ такимъ же умѣньемъ и спокойствіемъ обсудилъ

бы, напримѣръ, и новый законъ о разводѣ, зная, что его введеніе будетъ зависѣть отъ этого рѣшенія: этого я не знаю, и не берусь утверждать, но думаю въ то же время, что, во-первыхъ, почва для возможности и даже вѣроятности именно такого обсужденія несомнѣнно существуетъ, а во-вторыхъ, что и въ мужскихъ собраніяхъ, въ родѣ, напримѣръ, французской палаты депутатовъ или нижней палаты англійскаго парламента, нерѣдки самыя безобразныя столкновенія и даже чуть ли не драка между членами.

Покончивъ съ этими хозяйственными дѣлами, клубъ перешелъ къ вопросу дня—русской литературѣ и четыремъ сообщеніямъ разныхъ членовъ о Гоголѣ, Достоевскомъ, Тургеневѣ и графѣ Львѣ Толстомъ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что какъ весь клубъ, такъ и эти четыре референтки, знаютъ о русской литературѣ вообще, и объ этихъ четырехъ писателяхъ въ частности, исключительно по переводамъ. Тургеневъ и Толстой, въ особенности послѣдній, переведены цѣликомъ — и нѣсколько разъ; Достоевскій, и въ особенности Гоголь, переведены только отчасти, далеко не сполна. Только самое незначительное число этихъ переводовъ сдѣлано прямо съ оригинала; больше всего попадаются переводы съ французскаго, затѣмъ съ нѣмецкаго. Русскій языкъ совершенно неизвѣстенъ въ Америкѣ, и считается вообще крайне труднымъ, почти абсолютно недоступнымъ для иностранца; всякому извѣстно, какимъ непреодолимымъ камнемъ преткновенія являются для иностранцевъ вообще, и для англичанъ въ особенности, русскія фамиліи и русскій выговоръ. Да и вообще изученіе живыхъ иностранныхъ языковъ распространено въ Америкѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Европѣ, и въ особенности въ Россіи; только самый незначительный процентъ кровныхъ американцевъ, даже изъ богатыхъ культурныхъ классовъ, можетъ говорить, даже понимать одинъ, много два иностранныхъ языка, преимущественно нѣмецкій, и на югѣ и юго-западѣ—испанскій.

Мнѣ не разъ приходилось просматривать многіе изъ этихъ переводовъ, якобы съ русскаго; они, въ большинствѣ случаевъ, просто невозможны. Въ нихъ не только почти всегда безвозвратно утрачена индивидуальная прелесть извѣстнаго писателя, но почти на каждой страницѣ попадаются самыя непростительныя извращенія и даже прямые абсурды. Конечно, иностранецъ, незнакомый съ оригиналомъ, не такъ сильно ихъ чувствуетъ, не такъ нервно къ нимъ относится; тѣмъ не менѣе мнѣ не разъ приходило въ голову, замѣчая то громадное впечатлѣніе, которое

производить здѣсь эти писатели даже въ этихъ оскорбительныхъ переводахъ, какой фуроръ они бы произвели, еслибъ была хоть какая-нибудь возможность передать ихъ съ полнымъ сохраненіемъ ихъ неподражаемыхъ талантовъ. Здѣшніе ежемѣсячные журналы абсолютно отказываются отъ какихъ бы то ни было переводовъ — и переводная литература вся находится въ рукахъ нѣсколькихъ издательскихъ фирмъ, торгующихъ дешевыми книгами; переводы всякаго рода вообще оплачиваются плохо, крайне небрежно и грязно издаются, но зато и очень дешевы; полное собраніе сочиненій Тургенева или Толстого можно купить здѣсь втрое дешевле, чѣмъ въ Россіи. Мнѣ лично пришлось разъ принять невольное участіе въ такомъ переводѣ. Прошлой весной я былъ въ гостяхъ у президента академіи наукъ, въ штатѣ Тексасъ, профессора высшей математики въ университетъ этого штата, Гальстеда, считающагося единственнымъ ученымъ Сѣверной Америки, знакомымъ съ русскимъ языкомъ, переведшимъ нѣкоторыя статьи знаменитаго казанскаго геометра Лобачевского и стремящагося издать на англійскомъ языкѣ полное собраніе его сочиненій. Онъ какъ разъ переводилъ въ это время съ корректурныхъ листовъ рассказъ Толстого „Хозяинъ и Работникъ“ — и, Боже мой, какая это была для него страшная египетская работа, какое изумительное терпѣніе и самоотверженіе онъ проявилъ при этомъ! Онъ не только не можетъ выговорить ни одного слова, но и прочесть фразы безъ помощи лексикона; выучился тому, что знаетъ самоучкой, исключительно посредствомъ самоучителей и словарей, и переводить беллетристическія вещи не только не зная русской жизни и ея особенностей, но и, очевидно, и русскаго языка! Многія фразы и даже отдѣльныя слова ставили его въ тупикъ и приводили въ совершенное отчаяніе — а во всемъ городѣ не было ни одного человѣка, который бы хоть сколько-нибудь понималъ русскій языкъ, исключая его самого да польскаго еврея съ прусскою границы!

Первая же референтка, дама, сдѣлавшая сообщеніе о Гоголѣ, вполне выяснила очевидное даже для нея несовершенство и неполноту имѣвшихся въ ея распоряженіи переводовъ. Она остановилась почти исключительно на „Мертвыхъ Душахъ“, передала вратцѣ ихъ содержаніе, очевидно совершенно правильно понимая какъ сущность самой фабулы, такъ и ея значеніе для характеристики тогдашнихъ русскихъ порядковъ; сравнила положеніе Гоголя въ области русскаго реализма съ положеніемъ Золя въ области современнаго французскаго, и поставила перваго несравненно выше втораго. Затѣмъ, очень удачно указала на полное

отсутствіе, какъ женскихъ, такъ и въ особенно, мужскихъ положительныхъ типовъ во всѣхъ тѣхъ произведеніяхъ Гоголя, которыя ей удалось прочесть — у нея не было ни „Ревизора“, ни „Женитьбы“, ни „Тараса Бульбы“, хотя она и знаетъ о нихъ изъ исторіи русской литературы. Вообще Гоголь въ Америкѣ только-что начинаетъ входить въ моду—его только недавно открыли, если можно такъ выразиться, по сю сторону Атлантическаго океана; нѣтъ сомнѣнія, что онъ произвелъ огромное впечатлѣніе и что въ самомъ близкомъ будущемъ его переведутъ сполна и онъ займетъ надлежащее ему мѣсто.

Рефератъ о Достоевскомъ, прочтенный очевидно очень нервной, вѣроятно больной женщиной, оказался очень одностороннимъ, но, тѣмъ не менѣе, очень сильнымъ сообщеніемъ. Достоевскаго здѣсь знаютъ лучше, чѣмъ Гоголя, и первое изданіе перевода „Преступленіе и Наказаніе“ вышло много лѣтъ тому назадъ, было много разъ переиздано, и до сихъ поръ расходится въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Референтка, извинившись тѣмъ, что знакома только съ очень небольшимъ числомъ произведеній Достоевскаго, всего съ тремя-четырьмя его романами, не попыталась дать общей характеристики этого писателя, а остановилась исключительно на „Преступленіи и Наказаніи“, и, изложивъ довольно подробно его содержаніе, занялась отношеніями Раскольникова къ Сонѣ и той чудной способностью къ тонкому психологическому анализу, которая, по мнѣнію референтки, не имѣетъ параллели во всей всемірной литературѣ. Сообщение было замѣчательно свободно отъ всяческихъ „аховъ и оховъ“, отъ всякой риторической напыщенности, такъ обычной американскому ораторскому искусству—тѣмъ не менѣе мнѣ было очевидно, что эта женщина не только нѣсколько разъ прочла весь романъ, но и изучила съ любовью всѣ его детали и сама почувствовала многое вмѣстѣ съ его несчастными героями. Когда обычная американская обстоятельность соединяется съ развитой нервной чувствительностью, свойствомъ гораздо болѣе рѣдкимъ въ англо-саксонской натурѣ, чѣмъ въ славянской,—чуткость пониманія получается поразительная, и только такое соединеніе и могло, конечно, дать референткѣ въ данномъ случаѣ способность такъ глубоко и сильно оцѣнить дѣйствительно единственный въ своемъ родѣ талантъ Достоевскаго; для меня же, кромѣ того, было существенно важно и то обстоятельство, что женщина эта въ своемъ сообщеніи, отъ перваго его до послѣдняго слова, несомнѣнно передавала именно свое личное впечатлѣніе, не приправленное шаблонной энциклопедической критикой, что, до извѣстной степени, чувствовалось мною въ сообщеніи о

Гоголь—хотя, конечно, я, можетъ быть, и ошибаюсь въ своихъ заключеніяхъ, основанныхъ исключительно на тонѣ и выраженіяхъ этихъ двухъ сообщеній. Первое показалось мнѣ бойкимъ, осмысленнымъ, толковымъ литературнымъ разборомъ; второе — глубоко прочувствованнымъ, симпатичнымъ отзывомъ чуткой, нервной женской души.

Я, признаться, шелъ на это засѣданіе съ серьезными сомнѣніями, съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ и даже смущеніемъ за этихъ храбрыхъ барынь, рѣшающихся публично толковать о величайшихъ писателяхъ чуждой имъ литературы, безъ малѣйшаго знанія русской жизни и руководствуясь исключительно изъ рукъ вонъ плохими, извращенными переводами, даже переводами съ переводовъ. Я думалъ, что съ моей стороны потребуется значительный запасъ великодушія и снисхожденія. Выслушавъ первое сообщеніе, я былъ пріятно успокоенъ; второе же несомнѣнно возбуждало во мнѣ живой интересъ, и своей искренностью и безыскусственностью, и вѣрнымъ пониманіемъ самыхъ тонкихъ деталей самаго сложнаго изъ всѣхъ русскихъ писателей. Мое заготовленное заранѣе великодушіе оказывалось не только излишнимъ, но и мнѣ же предоставлялся этими дамами случай узнать многое для меня новое и существенное, особенно въ смыслѣ разницы въ освѣщеніи, о моихъ же родныхъ, любимыхъ авторахъ. Оказывалось, что эти чужестранки, съ ихъ различными отъ русскихъ жизненными условіями, любили и понимали русскихъ авторовъ точно такъ же, какъ и я самъ, несмотря на то, что ихъ произведенія дошли до нихъ и въ неполномъ, и въ искаженномъ видѣ. Даже безцеремонный торгашъ-издатель, даже варваръ-переводчикъ, даже переводчикъ съ переводчика, не могли загроздить своимъ невѣжествомъ этихъ перловъ человѣческаго творчества—эти женщины добирались до нихъ, несмотря на скрывавшую ихъ, мучившую меня скорлупу, и наслаждались ими совершенно такъ же, какъ и я самъ. Я съ усиленнымъ интересомъ ожидалъ сообщенія о Тургеневѣ, котораго я самъ, между прочимъ, всегда считалъ величайшимъ писателемъ второй половины нашего просвѣщеннаго столѣтія.

На платформу вышла молодая, красивая женщина, костюмъ которой носилъ нѣкоторые намеки на подверженность его хозяйки идеямъ реформы женскаго костюма вообще. Не то чтобы она выдѣлялась какъ-нибудь рѣзко, но на ней, очевидно, не было корсета, рукава ея свободной жакетки были умѣренныхъ размѣровъ, юбка была короче обыкновеннаго и не топырилась во всѣ стороны, не изобличала при каждомъ движеніи конскій волосъ и

картонъ; шляпка поддалась бы описанію, не требуя для этого цѣлаго печатнаго листа и всѣхъ цвѣтовъ радуги. Она предпослала своему реферату замѣчаніе о томъ, что Тургеневъ—ея любимый писатель, и что она заранѣе проситъ извиненія у своихъ слушательницъ, если ея сообщеніе, можетъ быть, покажется имъ нѣсколько пристрастнымъ. Затѣмъ бойко, плавно, очевидно привычнымъ тономъ, дала полную біографію писателя, описала его дѣтство, вліяніе властной старухи-матери, его служебныя попытки, его заграничныя странствованія, жизнь въ Парижѣ, значеніе ш-ше Виардо, наконецъ его смерть и похороны, особенно отгнѣвивъ его послѣднее предсмертное письмо къ графу Льву Толстому, или, вѣрнѣе, ту его часть, которая опубликована. Послѣдовавшее затѣмъ описаніе наружности, манеръ, привычекъ, львиной головы и шевелюры покойнаго было такъ живо, что его могучая, симпатичная фигура, казалось, выросла передъ глазами застывшей въ своемъ вниманіи дамской аудіенціи. Когда она, наконецъ, добралась до его произведеній, она дольше всего остановилась на „Запискахъ Охотника“, на этихъ неподражаемыхъ крестьянскихъ обликахъ, потрясшихъ крѣпостное право въ самыхъ его основаніяхъ, и мастерски очертила ту роль, которую они въ свое время сыграли въ освобожденіи крестьянъ, сравнивъ ихъ съ значеніемъ „Хижины дяди Тома“ Бичеръ-Стоу для американскаго негра. Затѣмъ перешла къ „Рудину“, съ сокрушеніемъ подчеркнула тяготивніе русскаго интеллигента къ переходу въ пустоцвѣтъ, объяснивъ это, впрочемъ, очень снисходительно ненормальными жизненными условіями того времени; говоря о „Дворянскомъ Гнѣздѣ“, съ большимъ чувствомъ воспронизвала трудно понятный привычному ко всяческимъ компромиссамъ американцу величавый образъ Лизы и странную, для жителей свободнаго Запада, привычку русскіхъ людей увлекаться безконечными отвлеченностями и спорить о нихъ вдвоемъ по цѣлымъ ночамъ. Въ „Наканунѣ“ отмѣтила то обстоятельство, что для единственнаго своего положительнаго типа Тургеневу пришлось обратиться къ Болгаріи—онъ, какъ и Гоголь, не могъ найти его среди сотни милліоновъ своего собственнаго народа. На „Отцахъ и Дѣтяхъ“ она остановилась довольно долго, выяснила всю ошибочность современнаго пониманія виѣ Россіи слова „нигилистъ“, всю ту глухую борьбу, которая происходила въ то время между старой и новой Россіей, и указывая на то, что и самъ авторъ несомнѣнно считалъ Базарова типомъ отрицательнымъ, особенно подчеркнула его знаменитую фразу о томъ, что, по его замѣчаніямъ, свободно мыслить между женщинами только уроды. О „Дымѣ“ упоминала только вскользь, а въ „Нови“

остановилась на сильно идеализированной ею фигурѣ Маріанны, на удивительной, непонятной для англо-сакса способности русскаго человѣка къ самопожертвованію и самоотрицанію; даже не совсѣмъ удавшійся автору, нерѣшительный, далеко не такой величавый, какимъ его можно бы было съ полной добросовѣстностью сдѣлать, типъ Маріанны вызвалъ въ ней глубокое уваженіе къ русской женщинѣ вообще. Блѣдный, безцвѣтный обликъ тѣхъ грандіозныхъ женскихъ типовъ, которые такъ хорошо памяты русскимъ людямъ семидесятыхъ годовъ, горячо отделинулся въ современной американской „новой женщинѣ“, и она отнеслась къ нему даже съ благоговѣніемъ. Покончивъ съ отдѣльными произведеніями, референта перешла къ общимъ художественнымъ особенностямъ Тургенева, и отчетливо, ясно очертила характерную прелесть его описаній природы, мягкость и тонкость его личныхъ характеристикъ, удивительную обдуманность положеній и строгую логичность дѣйствія; она говорила съ необычнымъ для холодныхъ англо-саксовъ энтузіазмомъ, съ любовью, съ жаромъ. Это было самое длинное сообщеніе; оно продолжалось около часа, и референта только по временамъ обращалась къ рукописнымъ замѣткамъ—очевидно было, что она серьезно обдумала и хорошо знала все то, что она имѣла сказать. Ея предисловіе о томъ, что Тургеневъ—ея любимый авторъ, было не пустымъ комплиментомъ—она дѣйствительно не только любила его, но и изучила всѣ детали всѣхъ его произведеній, усвоила всѣ его особенности и поняла вполне все его значеніе.

Я былъ больше чѣмъ изумленъ—я былъ уничтоженъ. Я запаса снисхожденіемъ—а когда дѣло дошло до моего самаго любимаго русскаго писателя, на которомъ я выросъ и воспитался, молоденькая американская „новая женщина“, жена незначительнаго кассира завалящаго сберегательнаго банка съ крошечнымъ капиталомъ и на глухой улицѣ, не знающая ни слова ни на одномъ языкѣ, кромѣ англійскаго, родившаяся и выросшая въ глуши тихо-океанскаго побережья (я собралъ потомъ всѣ эти біографическія о ней свѣденія), дала такую блестящую, такую талантливую и, главное, такую вѣрную его характеристику, что и я самъ, еслибъ мнѣ дали мѣсяць на приготовленіе и всѣ необходимые источники, конечно, не сумѣлъ бы дать что-нибудь болѣе понятное и серьезное; мало того, я бы несомнѣнно ударился въ детали, и—или пропустилъ бы что-нибудь существенное, или вышелъ бы изъ предѣловъ предназначеннаго для меня времени; а этотъ юный женскій парламентъ дорожить имъ, такъ какъ его членамъ нужно поспѣть домой къ завтраку своихъ благо-

вѣрныхъ, и строго слѣдить за каждой минутой. Этой способности американцевъ вратко, точно и ясно выразаться я всегда завидовалъ и завидую; конечно, этому много помогаетъ ихъ неподражаемый языкъ—и все-таки и до сихъ поръ не могу отдѣлаться и самъ отъ такъ присущаго всѣмъ намъ, русскимъ, многословія.

Графъ Левъ Толстой уже нѣсколько лѣтъ какъ безусловно признанъ за наиболѣе читаемаго, за наиболѣе распространеннаго въ Америкѣ писателя. И серьезная часть читающей публики занята имъ, и на него мода, *fad*: существуетъ масса изданій его сочиненій; каждая его новая вещь поглощается съ жадностью; о немъ пишутъ больше, чѣмъ о какомъ-либо другомъ живущемъ авторѣ; масса специальныхъ женскихъ клубовъ занимается исключительно изученіемъ его произведеній. Ни одинъ современный писатель не пользуется такой безспорной, такой прочной популярностью. Въ немъ видятъ не только самаго гениальнаго современнаго беллетриста, но философа-учителя. Его біографія, обстановка его личной жизни, его семья, его усадьба, его недавняя борьба съ голодомъ—все это обсуждается и описывается до мельчайшихъ подробностей. Посѣтившіе его туристы-американцы дѣлаются „львами“ минуты, и всякое слово, всякая строчка, которую они могутъ сообщить о немъ и его жизни, перепечатываются въ тысячахъ изданій и цѣнятся чуть ли не на вѣсь золота. Это какое-то еще небывалое поклоненіе живому автору, доходящее чуть ли не до идолопоклонства. Нужно жить въ Америкѣ, нужно знать обычное теченіе ея жизни, чтобы вполне сознавать всю силу этого увлеченія и его изумительное распространеніе. Даже безграмотные негры на Югѣ знаютъ это имя. Словомъ, графъ Левъ Толстой по сую сторону Атлантическаго океана считается, безспорно, величайшимъ изъ живущихъ писателей, и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ его произведеній извѣстны всякому грамотному человѣку. Произведенное недавно однимъ изъ здѣшнихъ наиболѣе распространенныхъ литературныхъ изданій частное голосованіе между представителями науки и литературы дало свыше 90% голосовъ въ пользу Толстого, какъ величайшаго изъ живущихъ писателей; впрочемъ, такое же голосованіе по вопросу, кого эти мудрецы считаютъ величайшимъ историческимъ человѣкомъ міра, дало 70% въ пользу Петра Великаго; какъ видно, Россія,—можетъ быть, въ виду столкновенія съ Англіей и могущихъ за нимъ воспослѣдовать пертурбацій,—нынѣ здѣсь въ большой модѣ вообще.

Я зналъ и о поголовномъ знакомствѣ американцевъ съ Тол-

стымъ ¹⁾, и о томъ серьезномъ почтеніи, съ которымъ они къ нему относятся, и о томъ серьезномъ разборѣ и изученіи каждой его строчки, которыми добросовѣстно и упорно занимаются и пресса, и вся читающая публика. Мнѣ казалось, что рѣшительно все, что только иностранцу можно было сказать о немъ, давно уже сказано на цѣлые десятки ладовъ. Кромѣ того, я болѣе или менѣе знакомъ съ практическими результатами и послѣдствіями въ самой Россіи его философскихъ, если можно такъ выразиться, ученій. Читатель, конечно, пойметъ, что именно я хочу этимъ сказать. Америка, само собою разумѣется, во-первыхъ, не имѣетъ точнаго о нихъ понятія, — я подразумеваю результаты и послѣдствія, — а, во-вторыхъ, поняла и истолковала ихъ по своему, отчасти невѣрно, отчасти пристрастно. Идолопоклонство какого бы то ни было рода, какъ извѣстно, нигдѣ и никогда не способствуетъ правильнымъ понятіямъ о вещахъ. Вполнѣ соглашаясь съ вышеприведенной американской оцѣнкой Толстого, какъ писателя, художника, беллетриста, я преклоняюсь передъ „Войной и Миромъ“, знаю многія тирады наизусть, но въ то же время, каюсь, очень хладнокровно пропускаю его философскія поученія и, будучи съ давнихъ поръ обуреваемъ свойственнымъ россійскому интеллигенту скептицизмомъ, не ощущаю при этомъ упрековъ совѣсти и даже признаковъ какого бы то ни было къ нимъ благоговѣнія. Принимая все это въ соображеніе, я не ощущалъ особеннаго интереса къ послѣднему реферату засѣданія, такъ какъ мнѣ казалось, несмотря на урокъ, уже полученный мною по поводу Достоевскаго и въ особенности Тургенева, что если ужъ при оцѣнкѣ мало, сравнительно, извѣстнаго Гоголя восторжествовали до извѣстной степени общіе шаблонные взгляды, — при оцѣнкѣ всѣмъ извѣстнаго полубога Толстого они, конечно, тоже не преминутъ проявиться такъ или иначе. Но я опять ошибся.

Послѣдняя референтка, очень молодая женщина, одѣтая, какъ бы для рѣзкаго контраста съ своей предшественницей, по самой что ни на есть послѣдней модѣ, со всѣми ея крайностями, жена довольно извѣстнаго адвоката-популиста съ сравнительно крайними, для Америки, политико-экономическими взглядами, — давъ краткую біографію и описаніе деревенской жизни писателя, только слегка, какъ бы невольно, упомянула о философской его дѣятельности, и посвятила все свое сообщеніе художественному значенію его чисто беллетристическихъ произведеній. „Война и Миръ“,

¹⁾ Необходимо замѣтить, что Толстой, въ общемъ, и переведенъ, и изданъ гораздо лучше всѣхъ остальныхъ.

„Анна Каренина“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“—одно за другимъ были вкратцѣ изложены и разобраны. Референтка особенно подчеркивала тотъ фактъ, что мѣстный колоритъ въ этихъ произведеніяхъ чувствуется очень мало, гораздо меньше, чѣмъ у Гоголя или даже у Тургенева—что высокая ихъ художественность и ихъ, такъ сказать, всемірное значеніе всего больше объясняются именно дивной способностью великаго художника обобщать, такъ сказать, человѣческую природу и человѣческое сердце въ своихъ герояхъ и героиняхъ и сдѣлать ихъ близкими и дорогими и русскому, и французу, и американцу, и англичанину, несмотря на глубокую между ними національную разницу. Этимъ же она объяснила и его баснословную популярность и распространенность. На „Хозяинъ и работникъ“, какъ на позднѣйшемъ произведеніи, все еще сохранившемъ значеніе непосредственной новизны, она остановилась дольше другихъ и очень искусно отгѣнила нѣкоторыя его выдающіяся особенности. „Крейцерову Сонату“ она не то чтобы забрала, а приписала именно ее болѣзненной напряженности извѣстную характеристику Толстого Максомъ Нордау въ его „Вырожденіи“, хотя и абсолютно не согласилась съ этимъ новымъ взглядомъ на гениальность вообще. Тогда какъ сообщавшая о Гоголѣ и Тургеневѣ старалась прежде всего выяснить ихъ значеніе для Россіи вообще и русской литературы въ частности,—сообщеніе о Толстомъ, напротивъ, особенно подчеркивало его всемірное значеніе, и референтка наивно удивлялась тому факту, что въ такой варварской, по всѣмъ видностямъ, странѣ могъ развиться такой гениальный писатель, съ такимъ всемірнымъ вліяніемъ и значеніемъ.

Я болѣе или менѣе знакомъ съ педантическими приемами американскихъ литературныхъ клубовъ и классовъ, введенныхъ въ обычай и освѣщенныхъ построчнымъ, такъ сказать, изученіемъ англійскихъ классиковъ, преимущественно Шекспира,—очень боюсь этихъ сухихъ методовъ,—и былъ крайне удивленъ, что совсѣмъ не встрѣтился съ ними ни въ одномъ изъ сообщений этого заведенія. О Тургеневѣ, и въ особенности о Толстомъ, существуетъ такая масса печатнаго критическаго матеріала, которымъ референтки могли воспользоваться для своихъ сообщений, что имъ, конечно, не было необходимости прибѣгать къ этимъ сухимъ, въ сущности, учебнымъ методамъ, но о Достоевскомъ и въ особенности о Гоголѣ, такого матеріала очень мало, или даже почти нѣтъ, и потому мои опасенія относительно разборовъ этихъ писателей имѣли законныя основанія; то, что ни одна референтка не обратилась къ этимъ методамъ, что по здѣшнимъ нравамъ

было бы вполне законно и естественно, ясно доказывать, что онѣ были хорошо знакомы и сами съ авторами, и самостоятельно воспользовались этимъ знакомствомъ. Россія такъ мало извѣстна въ Америкѣ, въ здѣшней печати попадаетъ такая масса самыхъ смѣшныхъ; о ней абсурдовъ, самыхъ невозможныхъ извращеній и нелѣпостей, что заурядному американцу отдѣлать пшеницу отъ плевелъ крайне трудно, а пожалуй и невозможно; если дамы эти не сдѣлали въ своихъ сообщеніяхъ ни одного серьезнаго промаха, не повторили ни одной изъ ходячихъ басенъ и несообразностей, то я приписываю это только ихъ дѣйствительному серьезному знакомству съ этими писателями и обстоятельному изученію ихъ произведеній—имъ не было необходимости прибѣгать ни къ обычнымъ педантическимъ методамъ, ни къ сказкамъ, такъ какъ онѣ сумѣли найти самостоятельными путями въ самихъ писателяхъ достаточный матеріалъ для своихъ сообщеній.

Послѣ засѣданія, которое продолжалось около трехъ часовъ, при неослабѣвавшемъ ни на минуту вниманіи аудиторіи, меня познакомили со всѣми референтками, и мнѣ пришлось отвѣтить на безчисленное множество вопросовъ, касавшихся исключительно тѣхъ особенностей русской жизни, на которыя онѣ наткнулись въ произведеніяхъ этихъ писателей, и которыя не могли себѣ объяснить. Меня все болѣе и болѣе поражало то добросовѣстное, обстоятельное изученіе авторовъ, которое было очевидно во всѣхъ этихъ вопросахъ. Эти госпожи несомнѣнно знали этихъ русскихъ писателей, знали ихъ не поверхностно, какъ знаетъ, напримѣръ, большинство русской читающей публики нѣкоторыхъ французскихъ и нѣмецкихъ романистовъ, въ родѣ Золя и Шпильгагена, а подробно, основательно настолько, что онѣ имѣли самостоятельное, ясное и точное представленіе объ общемъ значеніи и отдѣльныхъ произведеній, и всего писателя. Мало того, онѣ, очевидно, обладали довольно вѣрными свѣденіями и о русской литературѣ вообще; знали Пушкина, Лермонтова, Щедрина, Некрасова и горько сътовали о томъ, что недоступность русскаго языка срываетъ отъ нихъ такіе драгоценные перлы. Какъ личность Тургенева, такъ и его долговременная жизнь въ Парижѣ, съ одной стороны, и великіе романы Толстого—съ другой, несомнѣнно послужили тѣми главными факторами, которые привлекли вниманіе западныхъ народовъ къ русской литературѣ; эти западные народы, а вслѣдъ за ними и Америка, остановились съ изумленіемъ передъ громадными талантами, открытыми ими въ „варварской“ Россіи, и съ ихъ легкой руки появился огромный спросъ и на русскую литературу вообще. Этотъ спросъ долго теперь ничто не остано-

вить, и я не сомнѣваюсь, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ всѣ русскіе классики будутъ переведены цѣликомъ, и дорогія всякому русскому имена сдѣлаются, наконецъ, всемірнымъ достояніемъ.

Недавно появилась книжка переводовъ лучшихъ стихотвореній Пушкина, затѣмъ „Морозъ Красный-носъ“, Некрасова,—я самъ, съ помощью нѣсколькихъ лицъ, преимущественно одной мѣстной поэтессы, уже года два какъ занимаюсь усердно подготовленіемъ къ изданію перевода полного собранія сочиненій Лермонтова въ стихахъ. Короленко переведенъ почти весь; есть также переводы изъ Гаршина, Боборыкина, Потапенко; я знаю одного русскаго еврея, который живетъ такими переводами и всегда заваленъ работой... Не больше пятнадцати лѣтъ тому назадъ, когда я только-что пріѣхалъ въ Америку, здѣсь и понятія не имѣли о русской литературѣ, и только, вѣроятно, смутно подозрѣвали о ея существованіи; теперь же она несомнѣнно составляетъ the fad, и интересъ къ ней растетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ здѣшняя читающая публика болѣе и болѣе знакомится съ ея выдающимися представителями. Описанное мною засѣданіе Friday Morning Club въ Лосъ-Анжелесѣ, интересное и само по себѣ, является только типическимъ отголоскомъ современныхъ вліяній великихъ русскихъ писателей на Америку, такъ какъ, судя по газетамъ, почти во всѣхъ большихъ городахъ Союза русская литература изучается и обсуждается съ тѣми же знаніемъ и интересомъ.

П. А. ТВЕРСКОЙ.

Joanosa, San Bernardino County,
California.

* *
* *

Хоть разумъ говорить, что ужъ надежды нѣтъ,
Но съ ней и тяжело разстаться мнѣ, и больно—
Въ ней счастье, любовь, и жизнь моя, и свѣтъ,
Созвучье легкихъ грѣзъ, источникъ пѣсни вольной.

Ее развѣтъ жизнь, но я не отрекусь
Отъ красоты ея, хотя и быстротечной.
Пусть ошибался я,—я правды не боюсь;
Мечты развѣются, но память будетъ вѣчной.

Грозой поверженный въ лѣсу я видѣлъ клѣнъ:
Поблѣнули листья, и птицы въ немъ не пѣли,
Но землю вырвалъ онъ, въ которой былъ рожденъ,
И травы, и цвѣты, что вокругъ корней пестрѣли.

Листву иссушить зной и вѣтеръ размететь,
Осыплется земля межъ цѣпкими корнями,
Осыплются цвѣты, и съ ними клѣнъ умретъ...
Умретъ поверженный, но окруженъ цвѣтами.

Борисъ Каховскій.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

o

ПЕЧАТИ ВЪ ГЕРМАНИИ

I.

Въ прошлую зиму намъ случилось увидѣть, на одной изъ берлинскихъ сценъ, „Журналистовъ“ — Густава Фрейтага. Комедія написана еще въ началѣ 50-хъ годовъ и рисуетъ нравы, которые для нѣмецкаго писателя нынѣ принадлежать уже къ отдаленной эпохѣ, но мѣстами она еще захватываетъ какъ будто современную дѣйствительность. Въ редакціонной комнатѣ газеты „Union“ вѣетъ духомъ свѣжей молодости и чувствуется бодрая мысль, которая перешагнетъ черезъ всѣ поставленныя ей препоны. Правда, издатель Геннингъ, сомнѣвающійся, слѣдуетъ ли писать: кондиторъ или кандиторъ? — трусливый заяцъ, уже суетъ свой носъ въ редакцію. — „Передовая статья, любезный Больцъ, хороша, очень хороша, но въ ней слишкомъ много перца и горчицы... Das wird Aergerniss geben! пишите, главное, кратко и человеколюбиво, милый Больцъ!“ Но Геннингъ практической человѣкъ и понимаетъ, что талантливые люди всегда пишутъ „съ перцемъ“, и знаетъ, что Больцъ и въ статьѣ объ Австраліи проведетъ мысль, имѣющую отношеніе къ нѣмецкимъ порядкамъ.

Очень многое, однако, измѣнилось за эти 40 лѣтъ въ Германіи. Профессоръ Ольдендорфъ, сокрушавшійся тогда, что въ политикѣ люди другъ на друга смотрятъ какъ на злодѣевъ, оттого только, что одинъ на нѣсколько оттѣнковъ иначе окрашенъ, чѣмъ другой —

сталъ теперь національ-либераломъ. Онъ поклонился великому объединителю Германіи и недавно готовъ былъ голосовать за „Umsturzgesetz“, хотя „образованный человѣкъ долженъ уважать убѣжденія противника“. Редакторъ Больцъ сталъ нынѣ вѣроятно социаль-демократомъ и уже не такъ весело смѣется—*Gemüthlichkeit* вообще стало меньше въ Германіи. Нынѣшній Геннингъ знаетъ, что нужно писать: „кондиторъ“, и самъ сталъ крупной персоной. Онъ и его другъ Пивенбринкъ издають большія газеты, которыя берлинскій юморъ сравниваетъ съ „пѣтушками“ на дѣтскомъ рождественскомъ рынкѣ, аттестуемыми уличными продавцами такъ: „Vorne nickt er, hinten nickt er“—„передомъ клюетъ, а задомъ присѣдаетъ“. Въ газетахъ этого рода мы и теперь еще встрѣтимъ нашего стараго знакомаго Шмова, сотрудника „Коріолана“. Тамъ легионъ Шмоковь, и всѣ они жалуются, что имъ много вычеркиваютъ и мало платятъ. Помните жалобу Шмова?—„Мой редакторъ несправедливый человѣкъ“,—жалуется онъ полковнику.—„Обращайте вниманіе на стиль, хорошій стиль—главное; пишите глубокомысленно, Шмокъ: теперь отъ газетъ требуютъ, чтобы онѣ были глубоки“,—говоритъ мнѣ редакторъ.—Хорошо! я пишу глубоко, стараюсь быть логичнымъ и приношу ему работу. „Это чтъ такое?—кричитъ онъ и бросаетъ манускриптъ:—не годится! тяжело, педантично... Вы должны писать блестяще, Шмокъ, гениально: теперь читатель требуетъ, чтобы ему давали пріятное чтеніе...“—Чтд мнѣ тутъ дѣлать? Ну, я пишу гениально, вставляю въ статью много блестящаго. Мой редакторъ беретъ красный карандашъ и вычеркиваетъ все обыкновенное, оставляя одни брилліанты. Такъ мнѣ нельзя существовать. Какъ писать одни брилліанты по пяти пѣнниговъ за строчку?..

Рядомъ съ легиономъ такихъ „чернильныхъ кули“, какъ называютъ современныхъ Шмоковь въ Германіи, нѣмецкія газеты, однако, обладаютъ нынѣ и выдающимися публицистами, вполне заслуживающими уваженія общества. Анонимность газетныхъ статей не даетъ, правда, ихъ авторамъ широкой извѣстности, но въ литературныхъ кружкахъ ихъ знаютъ и цѣнятъ; въ парламентѣ дорожатъ ихъ отзывами; въ искусствѣ и даже наукѣ внимательно относятся къ ихъ критикѣ. Въ то время, когда написаны были „Журналисты“ Фрейтага, участіе профессора въ ежедневной газетѣ еще составляло крайне рѣдкое явленіе. Шлюссеръ даетъ классическое выраженіе исключительности нѣмецкой науки, замѣчая по поводу „Исторіи Индіи“ Рейналя: „Нужно признать, что Рейналь своей декламацией, по легко понятнымъ причинамъ (популярность, доступность большому кругу читателей), больше содѣйствовалъ рас-

пространенію здоровой философіи жизни и разрушенію средневѣковыхъ предрасудковъ, чѣмъ Шлёцеръ и Бюшингъ при всей ихъ основательности (Gründlichkeit). Другой вопросъ, однако, какую заслугу должны предпочесть серьезный чело­вѣкъ? Теперь серьезные люди науки не считаютъ ниже своего достоинства участвовать въ періодической прессѣ. Въ гейдельбергскомъ университетѣ даже читаются спеціальныя лекціи объ исторіи и организаціи журнализма. Ученые, какъ Фёрстеръ, Трейче, Дельбрюкъ, Вирховъ, Моммзенъ, принадлежатъ къ постояннымъ сотрудникамъ газетъ и журналовъ, и если есть еще въ университетахъ цеховые ученые, мнящіе, что они высоко стоятъ надъ газетною литературой, то о нихъ можно сказать, что Лотаръ Бухеръ (Bucher) разъ сказалъ о подобныхъ профессорахъ: „публика ничего не потеряла отъ ихъ отсутствія, и ничего не выиграла бы отъ ихъ присутствія“. Ученые не только отдають теперь газетамъ свое перо, но и сами учатся у нихъ, пользуясь огромнымъ фактическимъ матеріаломъ, который появляется въ ежедневныхъ изданіяхъ. По примѣру одного англійскаго профессора, рекомендовавшаго своимъ слушателямъ изучать явленія соціальной жизни по „Times“, боннскій профессоръ Дидель недавно назвалъ, въ теоретическомъ трудѣ по политической экономіи, газетный матеріалъ однимъ изъ главныхъ источниковъ, изъ котораго слѣдуетъ черпать факты народно-хозяйственной дѣйствительности.

Составляетъ ли нынѣ періодическая печать въ Германіи силу, крупный факторъ въ общественной жизни? Безъ сомнѣнія. Правда, при общественномъ строѣ Германіи журналистъ не переходитъ изъ редакціи на кресло министра, хотя и здѣсь можно назвать не мало публицистовъ, игравшихъ роль въ качествѣ крупныхъ правительственныхъ дѣятелей, напр. Лотара Бухера, Михаэ­лиса Вагенера и др. Но если въ Германіи журналистъ не становится министромъ, то министры становятся журналистами. Каприви, какъ извѣстно, пересталъ быть канцлеромъ потому, что императоръ приписалъ ему, или его вліянію, статью въ „Kölnische Zeitung“. Величайшій примѣръ газетничающаго министра представляетъ самъ Бисмаркъ, страстный журналистъ по призванію, писавшій въ „Kreuzzeitung“, когда онъ еще былъ г-мъ фонъ-Бисмаркомъ; доставлявшій статьи для „Norddeutsche Allgemeine“, когда онъ былъ всемогущимъ канцлеромъ, и не перестающій откликаться на всякій вопросъ текущей жизни въ „Hamburger Nachrichten“, съ тѣхъ поръ, какъ онъ не-у-дѣлъ. Никто, однако, не внесъ въ германскую печать столько деморализующихъ при­емовъ, какъ этотъ нашъ великій „воллега“, травившій черезъ под-

ручную печать — и католиковъ, и демократовъ, и ненавистную англичанку“, супругу императора Фридриха III, низведшій оффиціозную печать до орудія фальсификаціи общественнаго мнѣнія и окружившій себя рептиліями, которымъ бросались подачки изъ „фонда ганноверскаго короля“. Но и помимо тлетворнаго моральнаго вліянія на печать, Бисмаркъ оказывалъ на нее прямой механической гнетъ, пользуясь всѣмъ своимъ вліяніемъ на парламентъ, чтобы отстоять и консервировать въ имперскихъ законахъ цѣлый рядъ „*Verbotesken*“ старой Пруссіи, направленныхъ противъ свободы мнѣнія. Не забыты и теперь еще многочисленныя обвиненія въ оскорбленіи канцлера, принявшія почти значеніе „оскорбленія величества“...

Находясь еще подъ вліяніемъ Бисмарка, имп. Вильгельмъ II, въ первые годы своего царствованія, отозвался о журналистахъ въ пренебрежительномъ тонѣ, какъ о людяхъ полу-голодныхъ, — *Nungercandidaten*, — ни къ чему не приставшихъ и не нашедшихъ себѣ настоящей профессіи. Впослѣдствіи Вильгельмъ II, очевидно, получилъ лучшее мнѣніе о дѣятеляхъ печати, — несмотря на то, что нѣкоторыя изреченія императора подвергались критикѣ, и оппозиціонная пресса неоднократно выражала свое несогласіе съ его мнѣніями. Въ прошлое лѣто, при открытіи канала въ Килѣ, представители германской и иностранной печати пользовались гостепріимствомъ императора, столь широкимъ, что въ журналистахъ увидѣли дѣйствительныхъ пословъ „великой державы“. Въ самые послѣдніе мѣсяцы, послѣ празднованія годовщины Седана, отношеніе правительства къ радикальной печати стало рѣзче, что, впрочемъ, не помѣшало тому, чтобы на пріемахъ у канцлера Гогенлоэ канцлеръ и министръ ухаживали за редакторами „свободомыслящихъ“ газетъ. Имѣя въ виду познакомить читателей когда-нибудь въ другой разъ съ періодической печатью Германіи въ ея выдающихся органахъ и дѣятеляхъ, я желаю на этотъ разъ остановить вниманіе ихъ на законодательствѣ, нормирующемъ права и обязанности печати. Для пониманія дѣйствующаго права намъ придется, прежде всего, коснуться въ самыхъ краткихъ чертахъ исторіи развитія этого законодательства, или вѣрнѣе, только нѣкоторыхъ эпизодовъ. Они лежатъ другъ отъ друга на большемъ разстояніи, но указываютъ, по какому пути прошла печать, прежде чѣмъ, по крайней мѣрѣ въ отмежеванныхъ закономъ предѣлахъ, осуществлены были слова: „каждый нѣмецъ имѣетъ право свободно выражать въ печати свое мнѣніе“.

II.

Между историками еще не установлено—считать ли Германию, или Италию, родиной современной газеты? Мы, однако, не станем заглядывать въ глубь исторіи, и для насъ въ настоящемъ случаѣ безразлично, были ли прототипомъ современной газеты „Франкфуртскія Почтовые Извѣстія“ (*Zeitung*—слово, впервые встрѣчающееся въ 1505 г.), или венеціанскія „*Avisi*“. Любопытно, что какъ только *scrittori d'avisì*, или *gazettanti*, появились въ Римѣ, какъ Пій V, въ 1572 г., издалъ буллу, въ которой, подъ угрозою клейменія и ссылки на галеры, газетчикамъ строго запрещено было заниматься столь вреднымъ дѣломъ ¹⁾. „*Censura graevia*“, какъ извѣстно, тоже продуктъ католицизма, появилась на 100 лѣтъ раньше газеты, вслѣдъ за изобрѣтеніемъ Гутенберга.

Въ Германіи послѣ реформаціи свѣтская власть пыталась подражать папству; но до укрѣпленія полицейской территоріальной власти всѣ имперскія угрозы и запрещенія не достигали цѣли. Однако даже при Фридрихѣ Великомъ и его преемникѣ газеты не часто давали поводъ къ жалобамъ. „*Leipziger Zeitung*“, въ Саксоніи, по времени, кажется, первая ежедневная газета (1660) въ Европѣ, но она, какъ и возникшія въ началѣ прошлаго столѣтія „*Hamburger Correspondent*“, „*Vossische Zeitung*“ и др., была крошечнымъ листкомъ придворныхъ извѣстій, со списками наградъ и краткимъ репортерскимъ текстомъ. Если Фридрихъ-Вильгельмъ II жаловался, что „*die Pressfreiheit hat in Berlin in Pressfreiheit ausgeartet*, то это не могло относиться къ газетамъ, а только къ научно-философской и эстетической литературѣ, подчиненной, впрочемъ, суровой цензурѣ, такъ что выраженіе „свобода печати“ въ устахъ короля—чистая гипербола. Каковы были стѣсненія даже для дѣятелей науки, это мы недавно только еще узнали изъ новѣйшей біографіи Канта, сообщающей, какія предупрежденія и наставленія приходилось выслушивать этому величайшему нѣмецкому философу.

Идеи Руссо и Канта и вліяніе французской революціи не прошли однако безслѣдно для Германіи, и вскорѣ по вступленіи на престолъ Фридриха-Вильгельма III, Гентцъ (F. Gentz) обращается къ королю съ знаменитымъ письмомъ (1797), въ которомъ

¹⁾ R. Prutz, *Geschichte des Journalismus*, т. I-й (единственный). Hannover. 1846. Превосходна монографія проф. K. Bücher, *Die Anfänge des Zeitungswesens*, въ его собраніи рѣчей (*Die Entstehung der Volkswirtschaft*. Tübingen 1893, p. 169—208).

заключается требованіе свободы мнѣній и отиѣны цензуры. Образованное общество было уже проникнуто убѣжденіемъ, что право мыслить и сообщать свои мысли другимъ—прирожденное и неотъемлемое право человѣка. Эти идеи захватываютъ и выдающихся представителей бюрократіи; многіе изъ циркуляровъ и докладовъ записокъ Штейна еще теперь читаются, какъ трактаты либеральнаго публициста. На югѣ Германіи, въ особенности же на Рейнѣ, французское нашествіе сразу выбрасываетъ за бортъ слои пыли и грязи священной римской имперіи германской націи. Какъ ни реакціонна эпоха Наполеона I по отношенію къ своей предшественницѣ, но даже ея начала—гигантскій шагъ впередъ отъ тогдашнихъ нѣмецкихъ порядковъ. Она внесла въ Германію свободу промышленности, вмѣсто цеховой исключительности; Code Napoléon—вмѣсто путаницы изъ римскихъ и средневѣковыхъ обрывковъ права; свободу личности и энергичную инициативу—вмѣсто рутинны и ограниченнаго „Unterthanenverstand“. Косвенно нашествіе Наполеона оказало большую услугу и культурному развитію Пруссіи. Оповоренная, доведенная до ничтожества власть Гогенцоллерновъ искала опоры въ народѣ; интеллигентные люди, бывшіе ея сановниками, воспользовались случаемъ, чтобы уничтожить крѣпостное право, ввести всеобщее народное обученіе и призвать всѣ живыя силы общества на службу отечеству. Въ воззваніи къ народу Фридрихъ-Вильгельмъ III обѣщалъ ему, послѣ изгнанія врага, участіе въ законодательствѣ и свободу печати.

Свободу печати обѣщалъ и „Deutsche Bundesacte“ 1815 г.; его статья 18-я гласила: „союзное собраніе (т.е. собраніе правительствъ) въ первомъ своемъ засѣданіи займется изданіемъ однородныхъ правилъ о свободѣ печати“. Вмѣсто того, карлсбадскія постановленія 1819 г. принесли—союзный законъ о печати, возстановлявшій цензуру и отдававшій печать на произволъ администраціи. Меттернихъ еще стѣснялся признать цензуру постояннымъ явленіемъ, и карлсбадскій законъ изданъ былъ только на пять лѣтъ, но потомъ онъ былъ возобновленъ на неопредѣленное время. Началась беспощадная травля „молодой Германіи“, преслѣдованіе делегатовъ, запрещеніе произведеній изящной литературы, въ которой политическая мысль искала убѣжища. Только на югѣ Германіи, несмотря на могущество Меттерниха, она еще иногда пользовалась нѣкоторою свободою.

Но мысли, искавшей себѣ выхода, не могла убить даже беспощадная, въ своемъ родѣ, гениальная власть Меттерниха. Въ исторіи эпохи Фридриха-Вильгельма IV ¹⁾, Трейчке даетъ намъ очень жи-

¹⁾ Heinrich v. Treitschke, Deutsche Geschichte im XIX Jh. Bd. V, въ особенности стр. 189—218.

вую характеристику печати въ „до-мартовской“ Германіи (1848 г.). Газета начинала играть роль въ общественной жизни, хотя о такой распространенности, какую уже тогда имѣли нѣкоторыя англійскія газеты, въ Германіи еще не могло быть рѣчи. Одно изъ самыхъ распространенныхъ политическихъ изданій 40-хъ годовъ, „Kölnische Zeitung“, имѣла 9.000 подписчиковъ. Когда пруссакъ Карль Грюнъ, пользуясь сравнительною либеральностью баденской цензуры, основалъ въ Мангеймѣ газету „Abendzeitung“, это было событіемъ, о которомъ громко говорило все образованное общество. Грюнъ такъ талантливо и умѣло касался язвавъ прусскаго режима, что, по словамъ Трейчке, „всѣ нѣмецкія правительства дрожали предъ нападками изъ Мангейма“. На настойчивыя требованія изъ Берлина — запретить газету, баденское правительство отвѣтило, что стѣбитъ Пруссіи запретить почтовую пересылку „Abendzeitung“, и послѣдняя сама должна будетъ прекратиться, потому что всѣ ея подписчики — въ Пруссіи. Навели справку, и оказалось, что газета, передъ которою дрожало прусское правительство, имѣла 134 подписчика!

Въ Берлинѣ до 1848 года существовали только двѣ большія газеты: „Vossische Zeitung“, стоящая и теперь во главѣ берлинской прессы, и „Spenersche“, слившаяся, въ 1874 г., съ „Nationalzeitung“. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ неоднократно дѣлались попытки основать въ Берлинѣ новую газету, въ которой независимое мнѣніе могло бы найти хотя слабый отголосокъ; но всѣ эти „Ганимеды“, „Пандоры“ и т. п. были недолговѣчны и прекращались или за отсутствіемъ читателей, или же, что еще чаще случалось, вслѣдствіе столкновенія съ цензурой. Робость печати доходила до того, что газеты вовсе не рѣшались печатать передовыхъ статей. Между редакторами, даже консервативнаго направленія, съ правительствомъ шла упорная война; не имѣя возможности выступать открыто, газеты прибѣгали къ условному языку, намекамъ, выходкамъ, совершенно немислимымъ въ свободной печати. Степенная, крайне умѣренная „Vossische“, помѣстила въ 1842 г., когда всѣмъ ненавистный министръ Роховъ получилъ отставку, слѣдующее объявленіе: „Heute habe ich meinen Haisknecht Rochow entlassen. Friedrich-Wilhelm König“¹⁾.

Во всѣхъ серьезныхъ кругахъ общества, каково бы ни было ихъ направленіе, господствовало отвращеніе къ тупости и произволу бюрократіи вообще и цензурной въ особенности. Аугсбургская

¹⁾ Dahms, Das litterarische Berlin, p. 3—4: „Сегодня я отпустилъ моего дворника Рохова. Фридрихъ-Вильгельмъ Кёнигъ (фамилія, будто бы, домоладѣльца).“

и лейпцигская „Allgemeine“, — первая благодаря своимъ связямъ въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, вторая — вслѣдствіе того, что книгопродавцы составляли въ Лейпцигѣ силу, восвѣнно вліявшую и на положеніе печати, — часто бывали отдушинами раздраженія, накоплавшагося въ Берлинѣ. Интеллигентные чиновники не стѣснялись разоблачать безобразія, которыя творились на глазахъ у короля; а изъ знаменитой красной комнаты въ берлинской кондитерской „Stehely“ остроты, предметомъ которыхъ чаще всего бывалъ король, облетали городъ. Противъ насмѣшекъ и сплетенъ, циркулировавшихъ какъ въ высшихъ слояхъ общества, такъ и въ народѣ, цензура была бессильна. Что ей было дѣлать противъ каррикатуръ, въ родѣ той, которая изображала толстаго господина съ двумя бутылками шампанскаго въ объѣмахъ рукахъ, пошатывавшагося по пути, указанному Фридрихомъ Великимъ? Во всѣхъ такихъ случаяхъ выражалась тенденція, враждебная носителю короны, тогда какъ при независимости и свободѣ общественнаго мнѣнія формы критики всегда становятся сдержаннѣе, и сущность ея направляется не противъ лицъ, а противъ учреждений; если же лица дѣлаются отвѣтственными, то король только выигрываетъ, когда суду общественнаго мнѣнія подлежатъ отдѣльные представители этихъ учреждений.

Историкъ Трейчке, котораго никакъ нельзя заподозрить въ симпатіяхъ къ радикаламъ, приходитъ къ заключенію, что стремленіе „обуздать печать“, господствовавшее въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, одинаково деморализовало и обуздывавшихъ, и обузданныхъ. Съ точки зрѣнія изслѣдователя, рассматривающаго положеніе печати въ связи со всѣми явленіями той эпохи, онъ произноситъ суровый приговоръ надъ близорукостью власти, не сумѣвшей своевременными реформами предупредить бурныя вспышки. Еслибы еще власть не понимала своихъ поступковъ, — но это можно развѣ сказать о самомъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, отношеніе котораго къ печати опять лучше всего характеризуетъ карриатура; король топчетъ ногами газеты и кричить: — я хочу имѣть мужественную печать, полную правды! — Его совѣтники отлично понимали, что самыми драконовскими мѣрами нельзя предупредить того, чтобы правда, подчасъ даже въ рѣзкой формѣ, не проникла въ общество. На Рейнѣ при жестокихъ цензорахъ возникла „Rheinische Zeitung“ въ Кельнѣ, въ которой молодые люди изъ образованныхъ и богатыхъ семействъ, кельнскіе патриціи, какъ Мевиссенъ, Оппенгеймъ, Юнгъ, заговорили съ неслыханною смѣлостью о государствѣ и церкви, прибываясь фразами о миссіи Германіи въ Европѣ и жаргономъ Гегелевской философіи. Въ послѣднемъ уже тогда былъ артистомъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ членовъ молодой редакціи, Карлъ

Марксъ, изъ Трира, „сильный, плотный молодой человекъ 24-хъ лѣтъ, властный, страстный и съ огромнымъ самоувѣреніемъ, но глубоко серьезный и ученый, неподобный діалектикъ, своею неумолимой логикой доводившій каждое положеніе гегеліанства до его крайнихъ послѣдствій“.

Бороться съ идеями, которыя вносила интеллигентная молодежь въ прессу, трудно было цензорамъ, даже еслибы это были люди съ всестороннимъ образованіемъ, большимъ опытомъ и тактомъ. Такихъ именно желалъ себѣ Фридрихъ-Вильгельмъ; но образованные и опытные люди не шли въ цензуру; эта служба ставила въ отвѣтственное положеніе, въ которомъ люди напрасно теряли бы силы и лишались уваженія общества. Когда Дюмонъ, издатель „Kölnische Zeitung“, жаловался оберъ-президенту рейнской провинціи на тупость и придирки цензоровъ, онъ получилъ въ отвѣтъ: — неужели вы думаете, что лучшихъ своихъ чиновниковъ я пушу въ цензуру? — Въ провинціи должность цензора часто поручалась молодому ассессору. Въ Кельнѣ одинъ изъ цензоровъ, графъ Эйленбургъ, послѣ пирушки избилъ ночного сторожа. Хотя молодого человекъ за это наказали, но вся германская печать подняла такой шумъ, „какъ будто, — острить Трейчке, — никогда еще не случалось, чтобы отколотили нѣмецкаго ночного сторожа“. Такіе примѣры показываютъ лишь, что положеніе было крайне ненормальное, и прусскій историографъ вѣрно характеризуетъ положеніе, говоря: „дворъ, король и чиновничество, несмотря на стѣсненія печати, были въ сущности беззащитны. Цензора не могли подавить воздуха и того, что было въ воздухѣ. Въ сентябрѣ 1847 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Бодельшвингъ уже читалъ цензурѣ отходную. Цензура, — признавался онъ, — страдаетъ старческою дряхлостью, гнѣсь ея спѣта. Спрашивается только, чѣмъ ее замѣнить“?

Событія 1848 года дали отвѣтъ. Еще прежде чѣмъ цензуру отмѣнили формально, печать фактически была уже свободна. Послѣ мартовскихъ дней никто не заботился о формальныхъ запрещеніяхъ. Многія изъ выдающихся берлинскихъ газетъ, существующихъ и до сихъ поръ, возникли въ это время: „Nationalzeitung“, „Volkszeitung“, юмористическій „Кладдерадачъ“; даже „Kreuzzeitung“ основана въ „безумный“ — эпитетъ ея партіи — годъ, хотя появленіе крупнѣйшаго ультраконсервативнаго органа, рядомъ съ либеральными и демократическими, свидѣтельствуетъ, что при свободѣ печати всѣ мнѣнія нашли себѣ выраженіе. Фридрихъ-Вильгельмъ IV неоднократно раньше старался о развитіи консервативной прессы, но она не находила ни подписчиковъ, ни талантливыхъ сотруд-

никовъ. Дальманъ, когда ему предложили издавать въ Берлинѣ большую консервативную газету, отвѣтилъ, что онъ приметъ предложеніе только подъ условіемъ отмены цензуры, но иначе его будутъ считать наемнымъ писакой, и мнѣнія его не будутъ имѣть цѣны ¹⁾.

Еще въ 1848 г., въ Саксоніи и Баваріи свобода печати признана была закономъ. Саксонскій законъ о печати 18-го ноября 1848 г., въ ст. 1-й постановляетъ: „печать пользуется полною свободою, безъ всякихъ ограниченій концессіей, залогомъ, налогами или почтовыми запрещеніями“. Въ Баваріи „произведенія печати освобождаются отъ всякихъ стѣсненій и не нуждаются больше въ предварительномъ разрѣшеніи, ни въ какомъ-либо административномъ дозволеніи“. „Reichsverfassung“ 1849 г. провозглашаетъ абсолютную свободу печати, которая не можетъ быть „ни ограничена, ни приостановлена, ни отменена“. Замѣчательно, однако, то, что уже въ началѣ реакціи Пруссія въ „Verfassungsurkunde“, 31-го января 50 г., ст. 27 и 28, заявляетъ: „каждый пруссакъ имѣетъ право свободно выражать свои мнѣнія въ словахъ, письмѣ, печати и графическомъ изображеніи. Цензура не должна быть возстановляема; всякое же другое ограниченіе свободы печати возможно только путемъ законодательнымъ“.

Конечно, когда самый духъ 1848 года былъ изгнанъ, на печать, какъ и на всѣ остальные факторы общественной жизни, наложены были большія ограниченія. Однако убѣжденіе въ бесполезности и вредѣ цензуры было такъ велико, что не поднялся ни одинъ голосъ за возстановленіе цензуры. Съ печатью пытались бороться косвенными средствами; наказанія закона были суровы, но мысль имѣла исходъ. Прусскій законъ о печати 1851 г. созданъ былъ при реакціонномъ министерствѣ и при участіи палаты, которую одинъ изъ депутатовъ называлъ ипе *chambre introuvable*; иначе говоря, она старалась перецеголовать сервиллизмомъ даже верхнюю палату (Herrenhaus). Слова эти вполне подтверждаются изумительнымъ фактомъ, что законопроектъ о печати, нашедшій одобреніе парламента, былъ исправленъ въ духѣ большей свободы при обсужденіи въ Herrenhaus'ѣ (при чемъ извѣстный Герлахъ оказался еще защитникомъ прессы). Тѣмъ не менѣе, ни правительство, ни реакціонное большинство палаты, уже не рѣшались возстановить

¹⁾ Проф. Макс Зейдель впоследствии также замѣтилъ, что даже при абсолютномъ режимѣ свобода печати въ Пруссіи необходима въ интересахъ самой власти, какъ потому, что она помогаетъ высшему правительству раскрывать злоупотребленія, такъ и оттого, что она избавляетъ его отъ отвѣтственности за дѣянія неумѣлыхъ и глупыхъ прислужниковъ.

цензуру. Въмѣсто нея, средствами предупрежденія и пресѣченія служить концессія и денежный залогъ; путемъ конфискаціи и суровыхъ судебныхъ каръ законъ полагалъ возможнымъ бороться съ проявленіями злой воли въ печати. Прусское уголовное уложеніе заключало статью, которая гласила: „кто публично высказываетъ или распространяетъ вымышленныя и извращенныя свѣденія, или публично осмѣиваетъ государственныя учрежденія и распоряженія властей, навлекая на послѣднихъ ненависть или презрѣніе, подлежитъ штрафу до 200 талеровъ или тюремному заключенію до двухъ лѣтъ“. Прусской печати неоднократно приходилось страдать подъ дѣйствіемъ этого параграфа, прозваннаго за свою растяжимость „каучуковымъ“. Чтобы уничтожить оппозиционную печать, правительство предоставило себѣ также право отказывать въ почтовой разсылкѣ изданіямъ, „преслѣдующимъ злобную и враждебную государственному управленію тенденцію“. Специальными законами 1854 и 1861 гг. прусское правительство дополнило систему „предупредительныхъ“ и репрессивныхъ мѣръ, изымавъ преступленія по дѣламъ печати изъ компетенціи суда присяжныхъ и обложивъ газеты особымъ штемпельнымъ сборомъ. Само правительство было убѣждено, что дальше уже по пути обузданія некуда идти, а когда союзный совѣтъ издалъ въ 50-хъ годахъ законъ о печати, прозванный закономъ противъ печати, Пруссія его у себя не опублиговала.

Какъ ни великъ былъ контрастъ новаго порядка съ только-что испытанной полной свободой, и какъ ни стѣснительны были правила о печати, шедшія руку объ руку съ другими мѣрами „zur Volksverdummung“, какъ тогда выражались, но въ сравненіи съ до-мартовской цензурной системой это все-таки былъ почти правовой порядокъ. Писатель зналъ, что за смѣлую идею ему грозитъ кара; газета рисковала концессіей и залогомъ; но десятки, сотни газетъ все-таки появлялись во всѣхъ концахъ страны, и если въ одной издателъ былъ трусливъ, то писатель находилъ себѣ мѣсто въ другой. Желѣзныя дороги, колоссальное развитіе промышленности и торговли сблизили отдѣльныя части Германіи; чего нельзя было открыто сказать въ Берлинѣ—говорили въ Мюнхенѣ, Лейпцигѣ и перепечатывали потомъ въ прусскихъ газетахъ. Отдѣльныя изданія, особенно прогрессистскія, приобрѣли неслыханное прежде распространеніе. Берлинская „Volkszeitung“ въ концѣ 50-хъ годовъ имѣла уже 35.000 подписчиковъ. Печать становилась необходимостью, и силу ея въ особенности испыталъ Бисмаркъ въ эпоху конфликта 60-хъ годовъ.

За исключеніемъ „Kreuzzeitung“, вся берлинская печать стала

въ 1863 г. на сторону палаты, отказавшейся дать Вильгельму I кредитъ на реорганизацію арміи. Многократныя распущенія палаты не имѣли успѣха, и Бисмаркъ рискнулъ распорядиться бюджетомъ безъ парламента. Печать подняла на ноги страну и, несмотря на всѣ стѣсненія, изображала министра-президента измѣнникомъ. Бисмаркъ, уже рѣшившійся разъ нарушить конституцію, отвѣтилъ отмѣной свободы печати. По рецепту бонапартизма, изученнаго имъ въ Парижѣ, онъ самовольно подчинилъ (распоряженіемъ 1-го іюля 1863 г.) печать не суду, а администраціи, которая впервые присвоила себѣ право закрыть газету послѣ двукратнаго предостереженія. Ничто такъ не обострило конфликта, какъ это насиліе надъ печатью. Не только Вирховъ и Говербекъ, но и Зибель, и Гнейстъ, называли этотъ поступокъ преступленіемъ, за которое министръ долженъ быть преданъ суду. Бисмаркъ впоследствии самъ призналъ свои дѣйствія незаконными, оправдывая ихъ тѣмъ, что страна находилась наканунѣ войны, и онъ дѣйствовалъ при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Еще недавно, когда одинъ изъ посѣтителей въ Фридрихсруэ, національ-либеральный юристъ, восхулся эпохи конфликта и пытался найти юридическія оправданія для тогдашнихъ дѣйствій правительства, Бисмаркъ, смѣясь, ему отвѣтилъ:—Нѣтъ, профессоръ, не законъ меня оправдалъ, а Кёнигсгрецъ простилъ мнѣ всѣ грѣхи.

III.

Послѣ побѣды надъ Австріей, между Бисмаркомъ и палатой произошло примиреніе. Въ промежутокъ между 1866 и 1872 г. созданы мѣры безусловно прогрессивнаго свойства. Безъ поддержки всѣхъ интеллигентныхъ и живыхъ силъ націи невозможно было сломить сепаратизмъ дворовъ; безъ народнаго одушевленія трудно было бы совершить капитальную ломку государственнаго устройства, необходимую для объединенія. Несмотря на большую власть, которую давало правительству устарѣвшее законодательство, отношеніе къ печати было дружелюбное, и гдѣ Бисмарку нужна была ея поддержка, онъ находилъ ее или у безкорыстныхъ патріотовъ, или у пенсіонеровъ „фонда пресмыкающихся“. Всеобщее избирательное право, свобода промышленности, отмѣна паспортныхъ стѣсненій, гражданскій бракъ,—все это мѣры, которыя искренно могли быть привѣтствованы передовою частью общества.

Если однако печать въ эти годы не чувствовала надъ собою прежняго гнета, то избавленіе ея отъ опеки и, признаніе дѣйствительной свободы слова стояло на очереди. Конституція сѣверо-германскаго союза, хотя и оставляла законодательство о печати компетенціи за отдѣльными союзниками, но внесла одно важное добавленіе: отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ, если они только соответствовали дѣйствительности, избавлены были отъ всякихъ преслѣдованій. Еще болѣе существенныя улучшенія внесены закономъ о свободѣ промышленности (Gewerbeordnung, 1869, распространенное на имперію). Занятіе типографа признано было свободнымъ отъ всякаго разрѣшенія; изданіе газеты также уравнено было со всякимъ другимъ промышленнымъ занятіемъ. Уставъ о промышленности, правда, не отменялъ залога (Caution) издателя, но всякій внесшій залогъ имѣлъ право издавать газету, и это право не могло быть отнято администраціей.

Въ почтовомъ законѣ 1871 г. категорически запрещено (ст. 3) дѣлать различіе между газетами по направленію: почта не въ правѣ отказать въ приемѣ, подпискѣ и пересылкѣ ни одной газетѣ, выходящей въ предѣлахъ Германіи. На основаніи этого закона и теперь можно подписаться въ почтовой конторѣ на любую оппозиціонную газету.

„Объединеніе права“ послѣ 1871 года стало въ Германіи одною изъ первыхъ задачъ „объединенной имперіи“, и оно не могло не коснуться законодательства о печати. При полной свободѣ передвиженія, существованіе различныхъ законовъ о печати стало анахронизмомъ: съ установленіемъ одинаковыхъ политическихъ и социальныхъ интересовъ на всемъ пространствѣ Германіи, пресса должна была пользоваться равными правами, или быть подчинена одинаковымъ обязанностямъ. Между тѣмъ, въ Пруссіи оставались въ силѣ законы о печати 1851 г., штемпельный сборъ и представленіе залога, тогда какъ въ Саксоніи дѣйствовалъ либеральный законъ 1870 г., уничтожившій весь аппаратъ полицейскихъ стѣсненій. Въ Пруссіи за цѣлый рядъ проступковъ печать подлежала предварительной конфискаціи; въ Баденѣ же законъ 1868 г. не только крайне ограничивалъ полицейское вмѣшательство, но еще давалъ печати гарантію, что въ случаѣ конфискаціи безъ достаточнаго основанія казна обязана возмѣстить издателю его убытки. На разстояніи какихъ-нибудь 20 минутъ желѣзно-дорожнаго сообщенія дѣйствовали различныя системы: чтд, напр., въ Галле составляло нарушеніе закона, въ Лейпцигѣ считалось дозволеннымъ. Несмотря на любимое выраженіе кн. Бисмарка: „Wir sind dem Süden zu liberal“ (мы, т.-е. пруссаки, на взглядѣ южныхъ

нѣмцевъ, слишкомъ либеральны), прусское законодательство о печати было самымъ реакціоннымъ въ Германіи. Канцлеръ очень хорошо понималъ, что „объединеніе права“ въ этомъ случаѣ будетъ шагомъ впередъ, и что отъ него потребуютъ гарантій полной независимости печатнаго слова, но, не полагаясь на свой огромный авторитетъ въ рейхстагѣ, онъ на всякій случай приберегъ очень существенное ограниченіе въ прусскомъ законѣ — штемпельный сборъ. Въ прусской палатѣ настойчиво требовали отмены налога на печать; Бисмаркъ не соглашался, говоря, что еще не время здѣсь разрѣшать этотъ вопросъ, — о немъ будетъ рѣчь въ рейхстагѣ. Изъ среды рейхстага уже представленъ былъ проектъ закона о печати, въ которомъ Бисмарку многое, особенно компетенція суда присяжныхъ и отмена конфискаціи, было не по душѣ. Чтобы добиться желательныхъ правительству ограниченій, канцлеръ и тутъ спекулировалъ на дурные инстинкты. Капиталистъ-издатель составлялъ силу, и издателю важнѣе всего было освободиться отъ штемпельнаго сбора, а не отъ произвола администраціи.

Въ началѣ 1874 г. правительство выработало свой проектъ. При обсужденіи его въ рейхстагѣ, даже ближайшіе друзья правительства соглашались, что для осуществленія задачъ независимой прессы необходимо устраненіе многихъ стѣснительныхъ постановленій. Ласкеръ, тогда еще правая рука Бисмарка во всѣхъ парламентскихъ дебатахъ, сознался, что гарантіи новаго закона „стоятъ неизмѣримо ниже того, чего ожидали и желали отъ закона и печати. Я лично, — увѣрялъ онъ, — даже не колебался бы отклонить этотъ проектъ, еслибъ мнѣ не пришлось ожидать упрека: вы въ другихъ, очень существенныхъ законахъ, проявляли склонность въ компромиссамъ, до крайнихъ границъ возможнаго, — почему же вы теперь поступаете иначе“? Ласкеръ не могъ взять на себя отвѣтственность за то, что ради принципа онъ откажетъ въ содѣйствіи закону, который въ его глазахъ всегда лучше стараго прусскаго порядка. Другіе депутаты, готовые идти на компромиссы, также сознаются, что имъ, ради уничтоженія системы, господствовавшей въ Пруссіи, приходится жертвовать убѣжденіями.

Преобладающая часть рейхстага была противъ статей, допускаящихъ въ извѣстныхъ случаяхъ конфискацію, и притомъ не только со стороны судебныхъ органовъ, но и полиціи. При первомъ обсужденіи закона, Ласкеръ, ссылаясь на авторитетъ Гнейста, пытался смягчить дурное впечатлѣніе отъ этой статьи. Въ сущности это, будто, только „eine Bureaufrage“: полицейскій чи-

новникъ сейчасъ же, при правильныхъ отношеніяхъ, найдетъ прокурора, прокуроръ слѣдователя, — значить, судъ сейчасъ же, гдѣ понадобится, займетъ мѣсто полиціи. — „Я не могу поднять руку за мѣры, которыя содѣйствуютъ стѣсненію суда и полиціи, — отвѣтилъ Виндгорстъ: — Боже сохрани насъ отъ того, чтобы судьи начали привывать смотрѣть на себя какъ на полицейскихъ. Уже теперь, къ сожалѣнію, наши судьи не всегда стоятъ твердо на точкѣ зрѣнія закона въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится имѣть дѣло съ политической и религіозной борьбой, происходящей въ обществѣ“. Однако Марквардсену удалось еще найти компромиссъ, вставивъ въ первоначальную редакцію ограниченіе, которое дозволяетъ конфискацію, лишь когда грозитъ *непосредственная* опасность, т. е., что возмутительныя слова перейдутъ въ такіе же поступки. Другая статья, вызвавшая многочисленныя возраженія, касается отвѣтственности типографа, фактора и др. за чисто-литературныя проступки, отъ которой они могутъ избавиться лишь указавъ автора, редактора или издателя. Въ рейхстагѣ уже тогда предвидѣли, что если чрезмѣрная отвѣтственность редактора можетъ на практикѣ повести къ явленіямъ, одинаково дискредитирующимъ и юстицію, и печать, то распространеніе наказаній на персоналъ, стоящій внѣ редакціи, дастъ поводъ къ грубѣйшей несправедливости ¹⁾.

Какъ ни желательно было издателямъ газетъ избавиться отъ обязательнаго залога и въ особенности отъ уплаты штемпельнаго сбора ²⁾, но представители двухъ большихъ газетъ, сидѣвшіе въ рейхстагѣ, вообще не могли согласиться съ законами, осуществлявшими тамъ мало прежнія надежды. Зоннеманъ, собственникъ демократической „Frankfurter Zeitung“, и Малонке, редакторъ клерикальной „Germania“, были въ числѣ рѣзкихъ критиковъ проекта. Клерикальный судья Рейхеншпергеръ, напр., заявилъ, что принять законъ, дающій такія минимальныя гарантіи свободѣ слова, значитъ „продать свободу за чечевичную похлебку“. Центръ тогда испытывалъ на себѣ произволъ сильной власти и позналъ цѣну гарантіямъ. — „Кто знаетъ, однако, — спрашивалъ Виндгорстъ, —

¹⁾ Институтъ такъ называемыхъ „Sitzredakteure“ обязанъ своимъ распространеніемъ излишней суровости закона. Въ Берлинѣ въ 70-хъ годахъ полагались въ газетахъ объявленія, въ которыхъ „ищутъ носильнаго на мѣсто редактора“. Появленіе такихъ редакторовъ въ литературныхъ процессахъ принимало характеръ общественнаго скандала.

²⁾ Wuttke, Die deutsche Zeitschriften und die Entstehung der öffentlichen Meinung, 2-te Auflage. Leipzig, 1875: „издатели Vossische Zeitung, напр., отъ отмены налога выиграли 50.000 талеровъ въ годъ“.

кому въ будущемъ предстоитъ быть молотомъ и кому—наковальной“?

Въ редакціи, которая ему придана рейхстагомъ, законъ исходитъ изъ основного положенія, что свобода—нормальное состояніе, всякое ограниченіе котораго должно быть точно указано и формулировано. „Свобода печати,—гласитъ ст. 1-ая, подлежитъ только тѣмъ ограниченіямъ, которыя предписаны или допущены въ настоящемъ законѣ“. Прежде всего законъ требуетъ, чтобы на каждомъ печатномъ произведеніи обозначены были фамиліи издателя и типографа, а на каждомъ номерѣ періодическаго изданія—имя и мѣстожителство отвѣтственнаго редактора. Журналы и газеты могутъ имѣть нѣсколько отвѣтственныхъ редакторовъ, но въ такомъ случаѣ ими должно быть точно указано, за какой отдѣлъ каждый изъ нихъ беретъ за себя отвѣтственность. Редакторами періодическихъ изданій могутъ быть всѣ лица, пользующіяся гражданскими правами и живущія въ Германіи (ст. 8). Лишить кого-либо права быть редакторомъ, издателемъ, или заниматься вообще какимъ-либо промысломъ, связаннымъ съ литературой, не можетъ не только администрація, но и судъ (ст. 4). Какъ назначеніе редактора, такъ и замѣна одного другимъ, совершенно не касается властей. Отъ каждаго номера періодическаго изданія одинъ экземпляръ долженъ быть представленъ издателемъ мѣстной полиціи, какъ только началась раздача его или разсылка подписчикамъ. Безъ судебного постановленія, администрація имѣетъ право конфисковать печатное произведеніе только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если изданіе нарушило формальныя требованія этого закона, касающіяся отвѣтственнаго редактора, издателя и типографа; 2) если во время войны, или опасенія войны, въ изданіи, вопреки послѣдовавшему заявленію имперскаго канцлера, приведены свѣденія о передвиженіи войскъ и другихъ военныхъ дѣйствіяхъ; и 3) если содержаніе произведенія имѣетъ признаки преступленій, указанныхъ въ слѣдующихъ статьяхъ уголовнаго уложенія: 85-ой (призывъ къ измѣнѣ), 95-й (оскорбленіе монарха), 111-й (возбужденіе къ нарушенію законовъ) и 130-й (возбужденіе различныхъ классовъ общества къ насильственнымъ дѣйствіямъ другъ противъ друга).

Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ конфискація дозволена, однако, лишь при существованіи данныхъ, указывающихъ на то, что печатный призывъ къ возмущенію *немедленно* можетъ повести къ совершенію преступныхъ дѣйствій (ст. 23).

Не позже, какъ черезъ двѣнадцать часовъ послѣ конфискаціи, полиція обязана представить свое распоряженіе на разрѣшеніе

прокурора суда, который или отменяет конфискацию немедленно, или же в течение ближайших двенадцати часов вносить в суд предложение об утверждении ее. Постановление суда должно также последовать через двадцать-четыре часа. Если суд подтверждает действие администрации, но в течение двух недель не возбуждает уголовного преследования против ответственного редактора (автора или издателя), конфискация отменяется.

Кроме указанного уже случая, когда, по распоряжению канцлера, печати запрещено касаться передвижения войск и действий военного ведомства, закон содержит еще два прямых запрещения, касающихся содержания печатных произведений: статья 16-я запрещает печатать приглашения к пожертвованиям для покрытия судебных издержек и штрафов, назначенных судом вследствие преступных действий; и ст. 17-я запрещает печатать обвинительный акт и другие официальные документы в уголовных процессах до обнародования их в публичном заседании. С другой стороны, ответственный редактор обязан напечатать извещения казенных учреждений и органов самоуправления, но за плату по тарифу объявлений. Большинство изданий, впрочем, добывается печатания казенных объявлений, следовательно эта обязанность не принадлежит к числу неприятных. Другое дело — постановление следующей (11-й) статьи, гласящей: „ответственный редактор периодического издания обязан поместить, по требованию каждого общественного учреждения и частных лиц, опровержения или поправки сведений, их касающихся, насколько опровержение содержит факты; оно должно быть помещено в ближайшем номере, в том же отделе и тем же шрифтом, как опровергаемое, и притом бесплатно, доколе оно не превосходит последнего своим объемом“. Свобода печати, разумется, от этого требования не нарушается, но для редактора она подчас истинная пытка, ставя его в необходимость отдавать место в газете опровержениям всевозможных, часто совершенно невинных, репортерских замечаний.

От обязательства представлять экземпляры полиции освобождены все научные, художественные и торгово-промышленные издания. Формальные требования закона не касаются изданий государственных, общественных учреждений и парламента. Вовсе не подчинены никаким постановлениям и ограничениям закона о печати все литографированные, гектографированные и т. п. корреспонденции, имеющие своими подписчиками редакции газет. Сюда относятся преимущественно чрезвычайно расплодившиеся в Берлине корреспонденции так-называемых литературных и по-

литическихъ бюро, снабжающихъ свѣдѣніями провинціальную прессу. Что касается иностранныхъ періодическихъ изданій въ Германіи, то они уже въ меньшей степени, чѣмъ мѣстныя, пользуются защитой закона. Ст. 14 постановляетъ, что если въ теченіе года такое періодическое изданіе дважды подвергалось преслѣдованію за статьи, угрожающія спокойствію Германіи, то имперскій канцлеръ въ правѣ запретить ему доступъ въ Германію въ теченіе двухъ лѣтъ.

Наказанія въ законѣ о печати за проступки, составляющіе нарушеніе этого закона, состоятъ, смотря по характеру нарушенія, въ денежномъ штрафѣ до 1000 марокъ, арестѣ и заключеніи въ крѣпость и тюрьму на срокъ до одного года. Наиболее щекотливая статья 21-я, давшая въ послѣдніе годы поводъ къ многочисленнымъ нареканіямъ, предусматриваетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣтственность издателя, типографа и даже экспедитора и равносчиковъ, за соучастіе, или за „непринятіе“ мѣръ въ предупреденію нарушенія закона“. Хотя отвѣтственность прекращается, какъ только издатель или типографъ уважаетъ автора произведенія, но въ Германіи справедливо возмущаются тѣмъ, что законъ вообще здѣсь смѣшиваетъ техническихъ исполнителей съ литературными дѣятелями. Упомянемъ еще въ заключеніе, что срокъ давности для всѣхъ проступковъ по дѣламъ печати сокращенъ до шести мѣсяцевъ.

Таковы главныя постановленія закона, еще и теперь составляющаго по понятію однихъ—хартію, по утвержденію другихъ—узду германской печати; въ рейхстагѣ при обсужденіи закона уже высказана была мысль, которая теперь чаще и чаще повторяется дѣятелями печати, а именно, что недостатки закона не въ томъ, что онъ заключаетъ, а въ томъ, чего въ немъ нѣтъ. Въ немъ нѣтъ защиты или изыятія отъ нѣкоторыхъ, наиболѣе стѣснительныхъ для печати, постановленій матеріальнаго и процессуальнаго уголовнаго права. Въ немъ нѣтъ наконецъ,—и это очень важно—суда присяжныхъ для всѣхъ проступковъ по дѣламъ печати; послѣдніе подлежатъ теперь суду шеффеновъ и коронныхъ судей. Только Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Ольденбургъ сохранили для себя и въ этомъ случаѣ присяжный судъ.

Правительство кн. Бисмарка успокоивало всѣхъ и заявляло о своемъ уваженіи къ истинной гражданской свободѣ. „Законъ о печати,—говорилъ представитель союзнаго совѣта (Гельдъ),—имѣетъ только въ виду дать великой державѣ печать, приличествующую ея конституціи, допускающую служеніе культурнымъ задачамъ, не нарушая при этомъ интересовъ другихъ державъ. Основная

мысль закона та, что выраженію мнѣній въ печати не должны стоять на пути препятствія; если же выраженное мнѣніе становится въ конфликтъ съ законами страны, оно должно быть подвергнуто наказанію,—но только судомъ¹⁾.

„Общество литераторовъ“ въ Лейпцигѣ считало нужнымъ обратиться къ рейхстагу съ петиціей, въ которой вообще отрицается необходимость въ законѣ о печати. „Печать не должна быть подчинена другимъ законамъ, кромѣ тѣхъ, которые существуютъ для всѣхъ гражданъ. Если же вводить особыя постановленія для печатнаго слова, то они должны быть аналогичны „основнымъ правамъ нѣмецкаго народа“ и должны заключать въ себѣ, какъ гарантію свободы, такъ и надѣленіе суда присяжными. Петиція далѣе указываетъ, что отдѣльныя статьи правительственнаго проекта (нѣсколько смягченныя въ редакціи рейхстага) носить въ себѣ черты реакціи, такъ что для Германіи новый законъ будетъ не объединеніемъ, а ухудшеніемъ законодательства²⁾).

Какъ ни справедливы, можетъ быть, высказанныя здѣсь мысли, но онѣ заключали въ себѣ крупную ошибку, представляя подчиненіе печати общему праву—идеаломъ. Въ дѣйствительности же наиболѣе стѣснительныя для печати постановленія заключались не въ законѣ о печати, а въ общемъ уголовномъ законѣ, въ уголовномъ процессѣ.

Въ первые мѣсяцы послѣ вступленія въ силу новаго закона о печати, можно было думать, что правы были тѣ, которые предсказывали, что законъ внесетъ прусскую суровость во всѣ углы Германіи. Наступила эпоха „культуръ-вампа“. По отчету министра юстиціи Леонарда, представленному прусской палатѣ, во второе полугодіе 1874 г., 86 разъ возбуждено было преслѣдованіе противъ печати, почти исключительно клерикальной. Съ января по май 1875 г., въ 137 случаяхъ клерикальные редакторы были присуждены къ крупнымъ штрафамъ или тюремному заключенію. Противъ одной только газеты „Germania“ возбуждено было 14 процессовъ. Если мы, однако, рассмотримъ, въ чемъ заключалось преступленіе редакторовъ, то окажется, что они наказаны были за нарушенія не закона о печати, а той или иной статьи уголовного уложенія, имѣющей отношеніе также къ печатному слову. Мы выше назвали тѣ преступленія, совершеніе которыхъ даетъ поводъ къ конфискаціи печатнаго изданія. Въ большинствѣ слу-

¹⁾ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des D. Reichstages. 1-te Session. 1884, Bd. I, p. 149—162, 374, и Bd. II, p. 1083—1098.

²⁾ Wuttke, p. 340—341.

чаевъ за конфискаціей слѣдуетъ преданіе суду автора или редактора. Преслѣдованіе возможно, однако, и за проступки, совершеніе которыхъ въ печати еще не даетъ полиціи и прокурору право конфисковать книгу или номеръ періодическаго изданія. Проступки эти—приглашеніе къ неповиновенію закону или распоряженію властей, не выходящему изъ предѣловъ ихъ компетенціи, *сознательное* и *умышленное* распространеніе ложныхъ свѣденій, поворачивающихъ государственное учрежденіе, и, наконецъ, распространеніе ложныхъ свѣденій, беспокоящихъ общество. Последнее постановленіе, извѣстное въ Германіи подъ названіемъ параграфа о „grober Unfug“, распространительнымъ толкованіемъ имперскаго суда примѣнено и къ ложнымъ свѣденіямъ печати, хотя о послѣдней законъ не упоминаетъ. Статья эта, впрочемъ, не столько страшна, сколько неприятна редакторамъ газеты; штрафъ не превышаетъ 150 марокъ, но пристрастная администрація можетъ воспользоваться невѣрной репортерской замѣткой, чтобы отдать редактора подъ судъ.

IV.

Мы не станемъ, далѣе, касаться измѣненій, наступившихъ съ введеніемъ исключительнаго закона 1878 года, который, въ числѣ прочихъ ограниченій гражданской свободы, заключалъ въ себѣ и право администраціи закрывать социаль-демократическія изданія. Замѣтимъ, однако, что даже въ печальный періодъ 1878—90 г. въ Германіи не рѣшались наложить руку на передовыя, либеральныя и демократическія изданія, не принадлежавшія въ социалистической партіи. Берлинская „Volkszeitung“, мужественно боровшаяся все время противъ злоупотребленій режима канцлера и защищавшая гонимыхъ, одинъ разъ подверглась конфискаціи, но послѣдняя признана была сейчасъ же противорѣчащей закону. Точно также „Frankfurter Zeitung“, „Vossische“ и нѣкоторыя другія либеральныя газеты, никогда не переставали осуждать общую политику правительства и отдѣльныя его мѣры, не рискуя при этомъ судьбой изданія и не сталкиваясь съ постановленіями закона о печати 1874 г., до сихъ поръ составляющаго дѣйствующее право.

Если, однако, въ Германіи не прекращаются, а въ послѣдніе мѣсяцы, послѣ отклоненія „Umsturzgesetz“ ¹⁾ и седанской го-

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что и этотъ проектъ, вызвавшій такую бурю и отвергнутый огромнымъ большинствомъ нѣмецкаго народа, не заключалъ въ себѣ ни одного постановленія, въ которомъ выражена была бы попытка предоставить печать произволу администраціи.

довщины, даже усиливаются жалобы на стѣсненія печати, то источникъ ихъ лежитъ въ общемъ уголовномъ законодательствѣ и въ судебной практикѣ. Статьи уголовного кодекса, которыя мы выше цитировали, отличаются „гуттаперчевою“ растяжимостью и суровыми наказаніями. Постановленія объ оскорбленіяхъ и возбужденіи ненависти между классами имѣли въ виду совершенно другія условія, другой способъ выраженія мнѣній, тѣмъ печатное выраженіе, но они даютъ часто возможность къ преслѣдованію мысли, вовсе не рассчитанной на насильственное осуществленіе. Общее постановленіе процессуальнаго права объ обязательности свидѣтельства предъ судомъ превращается, при примѣненіи его къ редактору, въ принужденіе къ выдачѣ профессиональной тайны, или къ безчестному доносу.

Десятки выдающихся общественныхъ дѣятелей Германія выступали уже противъ жестокости этихъ пріемовъ. Приведу для примѣра самый сдержанный отзывъ. Одинъ изъ наиболее уважаемыхъ и заслуженныхъ нѣмецкихъ юристовъ, тайный совѣтникъ юстиціи и профессоръ уголовного права въ Боннѣ, фонъ-Шульте (F. v. Schulte), выступилъ въ послѣдней книжкѣ „Deutsche Revue“ ¹⁾ съ обстоятельно сформулированнымъ предложеніемъ къ измѣненію статей уголовного уложенія, касающихся критики дѣйствій должностныхъ лицъ и публичныхъ оскорбленій. Рядъ процессовъ, обращавшихъ на себя въ послѣдніе мѣсяцы вниманіе общества, привелъ стараго ученаго къ убѣжденію, что „духовной жизни отечества грозитъ серьезная опасность“, и что долгъ всякаго любящаго свою родину—предостеречь отъ дальнѣйшаго шестія по этому пути. „Въ интересъ самого государства, — говорить Шульте, — дѣйствія правительства, поступки должностныхъ лицъ и приговоры суда должны подлежать свободной критикѣ, и какъ бы рѣзка она ни была, она всегда полезна, лишь бы она не превращалась въ брань и личные нападки, не имѣющія прямой связи съ дѣломъ. Открытая, честная и даже рѣзкая критика — единственное средство къ предупрежденію злоупотребленія или ошибокъ въ управленіи страны. Печать, руководящаяся въ своихъ отзывахъ одною правдою и не стѣсняющаяся въ выраженіи своихъ мнѣній, — въ полномъ смыслѣ слова, служить тому, что мы называемъ „berechtigte Interessen“, а это инымъ бюрократамъ хотѣлось бы сѣзвить до понятія личныхъ интересовъ, тогда какъ высшіе и справедливѣйшіе интересы суть благосостояніе и развитіе отечества“ ... „Если писатель, при обсужденіи общественныхъ

¹⁾ Deutsche Revue, herausg. von Fleischer. Febr. 1896, p. 248—252.

дѣлъ, долженъ власть на вѣсы каждое слово и на каждомъ шагѣ спрашивать себя, не нарушаетъ ли онъ статьи уголовного закона, — мысль его парализуется. И если въ такомъ положеніи находятся писатели, гонящіеся не за сплетнями, а искренно одушевленные правдой и любовью къ народу, то это указываетъ на ненормальные порядки. Благоразумные люди, къ какой бы партіи, къ какому бы направленію въ церкви и государствѣ они ни принадлежали, должны понять, что когда честному мнѣнію закрываютъ ротъ, въ обществѣ усиливается раздраженіе, которое въ той или другой формѣ найдетъ себѣ выходъ. Ничто такъ не опасно для государства, какъ нѣмое неудовольствіе, глухой ропотъ и злословіе, нашептываемое на ухо. Но законы эти не только суровы, — исполнители ихъ вносятъ въ свое толкованіе еще много произвола, политической страсти. Фраза о томъ, что есть „еще судьи въ Пруссіи“, становится анахронизмомъ. Здравый смыслъ отказывается понимать такіа ухищренія, какъ понятіе „*dolus eventualis*“; народная совѣсть возмущается, если редактора, какъ это было на дняхъ въ Берлинѣ, подвергнуть наказанію за то, что онъ, разоблачая безнравственность и обративъ своимъ разоблаченіемъ вниманіе властей на несомнѣнное, признанное этою же властью зло, назвалъ безнравственность по имени „... Проф. Шульте поэтому приходитъ къ заключенію, что не только законы нуждаются въ измѣненіи, но и дѣла о проступкахъ печати должны подлежать суду присяжныхъ.

Одно необходимо сказать, однако, въ заключеніе: какъ ни многочисленны недостатки нынѣ дѣйствующаго въ Германіи законодательства, но современное положеніе печати все-таки несравненно выше, чѣмъ — въ до-мартовскую цензурную эпоху. Дѣателямъ печати часто приходится страдать за свои убѣжденія, но эти страданія лишь не останавливаютъ движенія мысли, выраженія честнаго мнѣнія. Самая несправедливость, которой подвергается журналистъ, публична, на виду у всего общества, тогда какъ прежде она происходила за дверьми цензурнаго комитета или въ административной канцеляріи. Каждое нарушеніе чувства справедливости въ тенденціозномъ процессѣ журналиста встрѣчаетъ сдержанное, но открытое порицаніе въ печати же, и часто въ органахъ самыхъ противоположныхъ партій. Въ высоко-культурной странѣ такіа отклоненія отъ народной совѣсти, какія замѣчаются теперь въ Германіи, — случайные моменты, за которыми очень скоро наступаетъ отрезвленіе. Преслѣдующіе и преслѣдуемые одинаково понимаютъ, какою глуповатой смыслъ заключается въ словахъ, которыя Гентцъ написалъ, будучи правой рукой Меттерниха:

„Я никогда не могъ отдѣлаться отъ сознанія,—писалъ онъ г-жѣ фонъ-Гельвицъ,—что, несмотря на все величїе и всю силу моихъ соратниковъ, и несмотря на отдѣльныя побѣды, которыя намъ удавалось одержать,—духъ времени въ концѣ концовъ окажется сильнѣе насъ. Печать, какъ я ни презираю ее за ея злоупотребленія, не потеряетъ своего превосходства надъ всею нашею мудростью, и ни ловкостью, ни силою, намъ не удастся остановить колесъ прогрессивнаго развитія“.

Берлинъ, 10 (22) февраля.

Г. Б.

БИРЖЕВАЯ РЕФОРМА

I.

Въ концѣ 1894 года, при министерствѣ финансовъ происходили засѣданія особой Высочайше учрежденной комиссіи для пересмотра узаконеній о биржахъ и акціонерныхъ компаніяхъ. На этотъ разъ предметомъ занятій комиссіи послужило обсужденіе проекта нормальнаго биржевого устава, выработаннаго при ближайшемъ участіи проф. Цитовича. Надо сказать, что почти одновременно вопросъ о биржевой реформѣ поставленъ на очередь и законодательствами большинства государствъ западной Европы. Побудительнымъ мотивомъ въ данномъ случаѣ явилось все сильнѣе и сильнѣе обнаруживавшееся несоотвѣтствіе между значеніемъ биржъ въ современной экономической жизни и ихъ организаціей. Дѣло въ томъ, что клиентура биржъ постоянно расширяется, въ дѣятельности ихъ начинаетъ быть заинтересованнымъ значительная часть населенія, тогда какъ фактически, а иногда и юридически, полными хозяевами этихъ учреждений является небольшая группа крупныхъ дѣльцовъ. Въ частности по отношенію къ фондовымъ биржамъ причины такого расширенія ихъ клиентуры лежатъ въ ростѣ капиталовъ и демократизаціи ихъ распредѣленія. Въ прежнее время, такъ называемая „публика“ помещала свои сбереженія исключительно въ государственные фонды и государственныя же кредитныя учрежденія. Но усиливающійся ихъ притокъ повлекъ за собою значительное пониженіе процента, уплачиваемаго по государственнымъ долгамъ. Отсюда для частной публики явилась необходимость искать болѣе прибыльнаго помѣщенія для ея капиталовъ; потому она и обратилась къ услугамъ биржъ. Хозяева послѣднихъ, конечно, постарались воспользоваться этимъ обстоятельствомъ въ своихъ выгодахъ, и посредничество ихъ принимало иногда характеръ чуть ли не правильно организованнаго мошенничества. Начались выпуски займовъ за счетъ мало извѣстныхъ государствъ,

акцій—за счетъ разныхъ сомнительныхъ предприятий и т. д. Достаточно сказать, что на берлинской биржѣ курсъ многихъ изъ подобныхъ бумагъ упалъ со 100 проц. до 30 проц. ихъ номинальной цѣнности.

Рядомъ съ этимъ, усложненіе торговыхъ оборотовъ, въ виду поглощенія мѣстныхъ торговыхъ центровъ общимъ международнымъ рынкомъ, усилило и значеніе товарныхъ биржъ. Онѣ устанавливаютъ цѣны на товары въ зависимости отъ условій, въ которыхъ находится этотъ международный рынокъ въ каждый данный моментъ. Естественно, что такое положеніе биржъ, въ свою очередь, дало ихъ хозяевамъ орудіе для извлеченія выгодъ на почвѣ разныхъ злоупотребленій. При помощи фиктивныхъ сдѣлокъ и разныхъ приемовъ, цѣны на какой-либо товаръ можно временно или дѣйствительно понизить или показать пониженными въ котировочныхъ вѣдомостяхъ. Такъ поступаютъ, напримеръ, крупныя биржи ежегодно осенью съ хлѣбомъ, зная, что огромное большинство сельскихъ хозяевъ вынуждено въ это время продавать его при всякомъ установившемся уровнѣ цѣнъ. Принять отъ производителя товаръ возможно дешевле и составляетъ искусство той корпораціи дѣльцовъ, которая является теперь хозяиномъ биржи.

Эта роль биржъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ ясно наглядѣетъ и тѣ начала, которыя должны быть положены въ основаніе ихъ преобразованія. Пока биржи служили лишь для надобностей небольшой группы крупныхъ дѣльцовъ, до тѣхъ поръ эти учрежденія могли быть и оставлены въ ихъ же полномъ распоряженіи. Но дѣло совершенно измѣнилось, когда услугами биржъ началъ пользоваться сравнительно весьма широкій кругъ лицъ, заинтересованный въ правильномъ выполненіи ими своихъ функций, но лишенный возможности проявлять непосредственно свое вліяніе въ этой области. Несомнѣнно, что сельскій хозяинъ, сбывающій при посредствѣ биржи продуктъ своего урожая, капиталистъ, обращающійся время отъ времени къ ея услугамъ для покупки или продажи небольшихъ партій бумагъ, и всѣ прочіе мелкіе клиенты этого учрежденія—всегда будутъ оставаться во власти профессиональныхъ торговцевъ-посредниковъ, коль скоро за ними будетъ сохранена по прежнему роль безконтрольнаго хозяина. Такимъ образомъ явилось сознаніе необходимости внести въ организацію управленія биржами новый элементъ въ видѣ представителей интересовъ массы мелкихъ ихъ клиентовъ, общіе обороты которыхъ въ совокупности составляютъ весьма почтенную величину. Съ наибольшею послѣдовательностью эти требованія осуществлены въ германскомъ проектѣ биржевой реформы. Авторы ея исходятъ изъ того справедливаго положенія, что биржи представляютъ собою общественныя торговыя учрежденія, управленіе которыми должно

поэтому находиться въ рукахъ общественной же власти, а не частныхъ лицъ, преимущественно пользующихся ими для производства торговыхъ операций. Выработка правилъ на основаніи этого общаго положенія предоставляется въ отношеніи отдѣльныхъ биржъ правительствамъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи. Но необходимымъ условіемъ дѣятельности каждой биржи является присутствіе на ней правительственнаго комиссара, который обязанъ слѣдить за ходомъ операций и обращать вниманіе правительствъ на практикующіяся злоупотребленія. Затѣмъ, союзный совѣтъ издаетъ правила, на основаніи которыхъ составляются котировочныя отѣтки, производятся выпуски къ обращенію на биржахъ новыхъ бумагъ и совершаются срочныя сдѣлки. Управление биржами находится въ рукахъ высшаго учрежденія, издающаго обязательныя постановленія, и низшаго, слѣдящаго за ихъ исполненіемъ. Личный составъ ихъ пополняется въ зависимости отъ усмотрѣнія правительства. Всякія нарушенія порядка устраняются вторымъ изъ этихъ органовъ, пользующимся и соотвѣтствующею дисциплинарною властью. Для разбора всякихъ недоразумѣній между посѣтителями биржи и вообще для преслѣдованія предосудительныхъ поступковъ, совершаемыхъ ими, учреждается судъ чести. Привлеченіе къ суду чести по частной жалобѣ можетъ быть отклонено лишь съ согласія правительственнаго комиссара. Точно также комиссаръ имѣетъ право привлекать къ этому суду и по собственной инициативѣ. Наконецъ, органы надзора обязаны доносить ему объ всѣхъ такихъ поступкахъ посѣтителей, которые могутъ послужить поводомъ для привлеченія ихъ къ суду чести. Въ видѣ наказанія судъ пользуется правомъ дѣлать посѣтителямъ выговоры, а также временно или навсегда исключать ихъ изъ состава биржевыхъ обществъ. Самое пользованіе биржами для производства торговыхъ операций, по общему положенію, является доступнымъ для всѣхъ полноправныхъ лицъ мужского пола.

Надо сказать, что въ нашемъ отечествѣ биржевая торговля находится въ зачаточномъ состояніи. Единственнымъ, вполнѣ сформировавшимся ея представителемъ является петербургская фондовая биржа. Затѣмъ, нѣкоторымъ значеніемъ для обращенія мѣстныхъ бумажныхъ цѣнностей пользуются биржи варшавская и отчасти кievская. Что же касается торговли товарами, то она почти вовсе не производится на биржахъ. Даже въ такомъ крупномъ хлѣботорговомъ центрѣ, какъ Петербургъ, сдѣлки съ хлѣбомъ совершаются въ трактирѣ. Такихъ трактировъ-биржъ, специализированныхъ по роду товаровъ, имѣется обыкновенно нѣсколько во всѣхъ крупнѣйшихъ торговыхъ центрахъ. Самое число биржъ, сравнительно съ другими европейскими государствами, весьма незначительно. По даннымъ ми-

нистерства финансовъ, всего ихъ насчитывается двадцать-четыре. Но изъ этого числа биржъ нѣкоторыя „или еще не существуютъ— даже номинально, а нѣкоторыя вѣроятно не существуютъ, по крайней мѣрѣ не отвѣчаютъ на запросы“. Затѣмъ, значительная часть биржъ какъ бы дѣлаетъ видъ, что существуетъ: при нихъ имѣется биржевой комитетъ, есть биржевые, а слѣдовательно, и незаконные маклера,—для первыхъ даже изданы инструкціи,—публикуются и бюллетени, но ни биржевыхъ собраній, ни дѣлъ, ни сношеній, ни даже свиданій на биржѣ не происходитъ. И есть основаніе предполагать, что изъ общаго числа биржъ, какое официально извѣстно министерству финансовъ, едва ли болѣе пяти существуютъ въ дѣйствительности, а не только по названію“. Въ Одессѣ, напримѣръ, занимающей первое мѣсто среди нашихъ портовыхъ городовъ по размѣрамъ хлѣбнаго отпуска, у биржи вовсе нѣтъ даже собственнаго помѣщенія. Собранія бывають два раза въ недѣлю въ залѣ городской думы. На нихъ являются исключительно представители биржевой администраціи, въ числѣ около 5—6 человекъ, и, на основаніи имѣющихся у нихъ свиданій, составляютъ бюллетени. Въ Либавѣ биржа имѣетъ свое весьма удовлетворительное помѣщеніе, она посѣщается даже довольно охотно, но лишь для разговоровъ, тогда какъ самыя сдѣлки совершаются исключительно въ частныхъ конторахъ. То же происходитъ и въ Москвѣ. Здѣсь биржа „продолжаетъ оставаться встрѣчнымъ мѣстомъ для свиданій, разговоровъ и наблюденій. Но уже успѣхъ и то,—говорится въ объяснительной запискѣ комиссіи,—что въ настоящее время биржа посѣщается безъ содѣйствія полиціи“. Главнымъ мотивомъ къ учрежденію биржъ во всѣхъ этихъ городахъ служили, по видимому, тѣ удобства, которыя доставляются торговцамъ институтомъ маклеровъ, такъ какъ простая маклерская книжка замѣняетъ собою разныя условія и нотаріальные акты. Поэтому даже поставки дровъ производятся часто по маклерскимъ запродажнымъ запискамъ.

II.

Такимъ образомъ, объ упорядоченіи биржевой торговли у насъ можно говорить собственно по отношенію къ петербургской фондовой биржѣ и нѣсколькимъ второстепеннымъ провинціальнымъ. Что же касается товарной биржевой торговли, то ее предстоитъ еще создать. Къ сожалѣнію, успѣшному выполненію обѣихъ этихъ задачъ весьма мало отвѣчаетъ проектъ нормальнаго биржевого устава. Вообще составители его какъ бы усвоили себѣ лишь внѣшнюю организацію биржъ и весьма мало прониклись ихъ значеніемъ въ строѣ совре-

менной экономической жизни. Проектъ остается при старомъ основномъ положеніи, по которому биржи должны служить частнымъ нуждамъ небольшой группы торговцевъ, вслѣдствіе чего и управление этими учрежденіями должно быть почти всецѣло передано въ ихъ руки. Эта группа торговцевъ, имѣющихъ право на непосредственное пользованіе услугами биржи, должна составлять строго замкнутую корпорацію, биржевое общество, набирающее свой исполнительный органъ въ видѣ биржевого комитета. Последнему предоставляются самыя широкія, почти диктаторскія полномочія и, будучи избранъ биржевымъ обществомъ, онъ въ своихъ дѣйствіяхъ становится уже внѣ всякаго его контроля. „Проектъ,—говорится въ официальномъ сообщеніи,—предоставляетъ управленіе биржею, ея имуществомъ и вообще завѣдываніе всѣми ея дѣлами исключительно биржевому комитету; надъ нимъ установленъ лишь высшій надзоръ, осуществляемый департаментомъ торговли и мануфактуръ или министромъ финансовъ“. Отъ комитета же зависитъ также пріемъ въ составъ биржевого общества новыхъ членовъ и исключеніе изъ него за разные неблаговидные поступки. Затѣмъ, подъ отвѣтственностью комитета выдаются биржевыя бюллетени и допускаются къ обращенію на биржѣ новыя цѣнныя бумаги.

Тотъ же узкій, не соответствующій дѣйствительному значенію биржъ, взглядъ на нихъ со стороны составителей проекта нормальнаго устава отразился и на составѣ комиссіи, призванной къ обсужденію его. Въ составъ ея приглашены были изъ такъ называемыхъ свѣдущихъ людей исключительно дѣатели столичныхъ и провинціальныхъ биржъ. Въ большинствѣ случаевъ люди безъ всякаго сколько-нибудь широкаго образованія, они могли сообщить комиссіи лишь свѣденія, касающіяся техники биржевыхъ оборотовъ и слабыхъ ея сторонъ. Но въ данномъ случаѣ и этого не было, такъ какъ среди свѣдущихъ людей преобладали представители несуществующихъ фактически биржъ. Съ другой стороны, конечно, такая реформа, которая устраняла бы или затрудняла бы для биржевыхъ дѣателей возможность злоупотребленій своимъ положеніемъ,—такая реформа вовсе не въ ихъ интересахъ. Очевидно, слѣдовательно, что въ этой области комиссія не могла получить отъ подобнаго рода свѣдущихъ людей особенно цѣнныхъ указаній.

III.

Не удивительно, что въ проектѣ биржевого устава совершенно игнорируются интересы той части населенія, которая должна вступать въ сношенія съ биржей въ качествѣ общественнаго торговаго

учрежденія. По мнѣнію составителей устава, гарантіей правильнаго и здороваго развитія биржевой торговли явится прежде всего „обезпеченіе высокаго нравственнаго и имущественнаго ценза биржевого общества“, достигаемое соблюденіемъ тѣхъ правилъ, которыми обставлено вступленіе въ составъ его. Затѣмъ, если люди „съ высокимъ нравственнымъ цензомъ“ проявятъ попытки къ злоупотребленіямъ и совершенію неблаговидныхъ поступковъ, то на сцену выступаетъ „сильная и единая власть“ въ лицѣ биржевого комитета, которая своевременно и пресѣкаетъ подобныя попытки, устраняя изъ состава биржевыхъ обществъ лицъ, не оправдавшихъ довѣрія.

Едва ли нужно много говорить объ эфемерности такихъ гарантій. Люди съ „высокимъ нравственнымъ цензомъ“ вообще рѣдко избираютъ для себя карьеру биржевыхъ дѣльцовъ. Во всякомъ же случаѣ трудно рассчитывать, чтобы въ составѣ биржевыхъ обществъ преобладали лица этой категоріи; здѣсь можетъ быть рѣчь только о высокомъ имущественномъ, а не нравственномъ цензѣ, далеко не всегда совпадающихъ. Еще менѣе основаній имѣется рассчитывать на бдительность и нелицепріятіе „сильной и единой власти“ въ дѣлѣ преслѣдованія „неблаговидныхъ поступковъ“ отдѣльныхъ дѣятелей биржи или цѣлыхъ ея группъ. Составители проекта устава, повидимому, совсѣмъ забыли, что представители создаваемой ими власти не перестаютъ орудовать на биржѣ и имѣть на ней свои личные интересы, сплошь и рядомъ могутъ вступать въ самые непріятные конфликты съ обязанностью преслѣдовать неблаговидные поступки или приемы торговли. Слѣдуетъ ли онъ въ подобныхъ случаяхъ отрѣшиться отъ своихъ личныхъ интересовъ и остаться на высотѣ нелицепріятнаго блюстителя чистоты биржевыхъ нравовъ? Это весьма сомнительно. Представьте себѣ, что „понижатели“ для достиженія своихъ цѣлей прибѣгли къ какому-либо неблаговидному приему, а большинство представителей „сильной и единой власти“ также играетъ на пониженіе. Мы не думаемъ, чтобы они отнеслись къ своимъ союзникамъ особенно строго. Скорѣе слѣдуетъ опасаться, что комитетъ будетъ пользоваться своею „сильною властью“ въ интересахъ торжества именно той группы биржевыхъ дѣльцовъ, къ которой въ данный моментъ принадлежитъ большинство лицъ, входящихъ въ его составъ. Такая опасность въ особенности вѣроятна теперь, когда на биржахъ сплошь и рядомъ организауются синдикаты для болѣе успѣшнаго осуществленія разныхъ комбинацій. Съ другой стороны, своимъ правомъ принимать или не принимать въ составъ биржевого общества новыхъ членовъ комитетъ можетъ воспользоваться для монополизациі биржевой торговли въ пользу данной „замкнутой корпораціи“. Въ какомъ-нибудь торговомъ цензѣ новая торговая фирма рискуетъ

быть забракованной просто потому, что она является конкурентомъ уже существующихъ, въ распоряженіе которыхъ уже отдана биржа. Дѣйствительно, мы видимъ, что и въ комиссіи, при обсужденіи проекта устава, этотъ порядокъ приѣма новыхъ членовъ въ составъ биржевого общества былъ признанъ крайне неудобнымъ. Вообще составители проекта увлеклись, повидимому, тѣмъ общимъ теченіемъ въ пользу „сильной власти“, въ основѣ котораго какъ бы лежитъ предположеніе, что хотя бы эта власть вручена была первому встрѣчному, она непременно будетъ направлена на водвореніе правды, а не для достиженія другихъ какихъ-либо цѣлей.

Но если при нѣкоторыхъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ и можно разсчитывать еще на то, что биржевой комитетъ будетъ пользоваться своею „сильною властью“ для нелегитимнаго разрѣшенія недоразумѣній, возникающихъ въ средѣ „заменуты корпорации“ биржевыхъ торговцевъ, то уже вовсе нѣтъ никакихъ основаній ожидать, чтобы онъ выступалъ на защиту лицъ, стоящихъ внѣ этой корпорации, въ видѣ огражденія „публики“ отъ неблагопріятныхъ приѣмовъ посредничества. Эту сторону дѣятельности биржъ проектъ устава почти совершенно игнорируетъ. Такъ, онъ удѣляетъ очень много вниманія организаціи посредничества, или такъ называемому маклерству. Но здѣсь, повидимому, также подразумѣвается лишь посредничество между членами биржевой корпорации при совершеніи сдѣлокъ, а не выполненіе порученія лицъ постороннихъ биржѣ. Въ этомъ отношеніи весьма поучительнымъ является опять-таки заглянуть въ германскій законопроектъ о биржахъ. Тамъ мы находимъ цѣлый рядъ правилъ, ограждающихъ интересы посторонняго кліента отъ злоупотребленій посредника, который у насъ при выполненіи сдѣлки произвольно выбираетъ изъ цѣнъ дня ту, которая для кліента наименѣе выгодна, оставляя разницу, иногда весьма почтенную, въ свою пользу. По германскому законопроектѣ, если сообщеніе о сдѣлкѣ послѣдовало по заключеніи биржевого дня, то обозначенная комиссіонеромъ цѣна не должна отклоняться, къ невыгодѣ кліента, отъ средней. Въ проектѣ же нашего биржевого устава объ этой сторонѣ посредничества вовсе даже не упоминается.

Рядомъ съ этимъ составители проекта биржевого устава пошли чрезвычайно далеко въ стремленіи оградить публику отъ злоупотребленій, съ которыми часто соединяются эмиссіонныя операціи биржъ въ видѣ выпуска новыхъ цѣнныхъ бумагъ. Въ этомъ отношеніи они дошли до полного упраздненія важнѣйшаго значенія биржъ въ современномъ строѣ экономической жизни, выражающемся въ ихъ посредничествѣ между предпринимателями и капиталистами при осуществленіи крупныхъ предпріятій. Централизація капиталовъ для

подобныхъ цѣлей составляетъ главную заслугу биржъ въ ея содѣйствіи промышленному развитію страны. Между тѣмъ составители проекта желаютъ, чтобы такое собраніе капиталовъ производилось помимо этихъ учреждений и въ обращенію на биржѣ допускались только акціи уже вполнѣ сформировавшихся предпріятій, которыя, какъ говорится въ объяснительной запискѣ къ проекту, „доказали свою жизнеспособность“. Сроку для доказательства такой жизнеспособности предпріятія устанавливается въ одинъ годъ, раньше какого срока акціи не обращаются на биржѣ. Кроме того, лицо или группа лицъ, при посредствѣ которыхъ бумага вводится въ обращеніе, или такъ называемые „патроны“—должны, согласно проекту, взять на себя и матеріальную отвѣтственность въ извѣстныхъ предѣлахъ передъ ея приобретателями, т.-е. вознаградить ихъ, если цѣнность бумаги въ теченіе извѣстнаго періода (по проекту — двухъ лѣтъ) упадетъ ниже даннаго обезпеченнаго уровня.

Еслибы предлагаемая мѣра даже и дѣйствительно устраняла злоупотребленія, практикующіяся при эмиссіонныхъ операціяхъ, то и въ такомъ случаѣ ее слѣдовало бы отвергнуть, какъ чрезвычайно затрудняющую возникновеніе новыхъ предпріятій ¹⁾. Если необходимость въ объединеніи капиталовъ главнымъ образомъ и вызвала самое учрежденіе фондовыхъ биржъ, укрѣпила ихъ важное значеніе въ современной экономической жизни, то упраздненіе этой функціи почти равносильно упраздненію самаго ихъ такого значенія. Съ другой же стороны, ни годовой срокъ для проявленія жизнеспособности предпріятія, ни матеріальная отвѣтственность „патроновъ“ нисколько не гарантируютъ отъ обращенія на биржѣ разныхъ сомнительныхъ цѣнностей. Прежде всего годъ — срокъ слишкомъ небольшой, чтобы предпріятіе, просуществовавшее въ теченіе его, могло считаться прошедшимъ искусь, проявившимъ свою „жизнеспособность“. При посредствѣ весьма простыхъ и весьма распространенныхъ бухгалтерскихъ приѣмовъ не трудно даже выдать въ первый же годъ и высокій дивидендъ. Затѣмъ акціи такого предпріятія поступаютъ на биржу, будучи обезпечены, со стороны „патрона“, допустимъ, даже въ размѣрѣ полной своей нарицательной цѣнности. Но вѣдь котироваться онѣ могутъ, какъ это почти всегда и бываетъ, выше этой нарицательной цѣны. Очевидно, что патрону въ лицѣ какаго-нибудь синдиката или крупныхъ капиталистовъ, вовсе не трудно будетъ поддерживать курсъ этихъ бумагъ, пока не истечетъ двухлѣтній срокъ ихъ отвѣтственности, а самыя бумаги не перейдутъ въ другія руки.

¹⁾ Большинство въ комиссіи, дѣйствительно, отнеслось къ этой мѣрѣ отрицательно, но взявъ въ нее ничего не было предложено.

Здѣсь гораздо важнѣе тотъ фактъ, что самыя цѣнности допускаются къ обращенію биржевымъ комитетомъ, въ составѣ котораго очень легко могутъ находиться и лица, непосредственно въ этомъ заинтересованныя. На безпристрастіе и строгое отношеніе къ качеству цѣнностей со стороны подобнаго органа во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній разсчитывать.

Составители проекта нормальнаго устава признаютъ установленную имъ „гарантію“ чуть ли не упрощеніемъ и усовершенствованіемъ соотвѣтствующихъ пунктовъ германскаго законопроекта о биржахъ. Въ дѣйствительности—общаго въ нихъ очень мало. Германскій законопроектъ прежде всего не устанавливаетъ никакихъ ограниченій, лишаящихъ биржу важной роли посредника въ дѣлѣ эмиссіонныхъ операцій. Онъ имѣетъ въ виду предупредить лишь возможность призмѣненія разныхъ неблаговидныхъ приѣмовъ, которыми сопровождается производство подобныхъ операцій. Съ этою цѣлью законопроектъ требуетъ, чтобы въ комиссіи, на которую возлагается оцѣнка благонадежности допускаемыхъ къ обращенію на биржѣ бумагъ, по крайней мѣрѣ одна треть ея состава принадлежала къ числу лицъ, „не дѣлающихъ промысла изъ торговли цѣнными бумагами“, тогда какъ нашъ проектъ такую оцѣнку всецѣло отдаетъ въ руки же биржевыхъ дѣльцовъ. Затѣмъ „патроны“ отвѣчаютъ передъ покупателями бумагъ за убытки въ тѣхъ случаяхъ, когда они произошли вслѣдствіе сообщенія невѣрныхъ свѣдѣній объ этихъ цѣнностяхъ, или завѣдомаго умолчанія о нѣкоторыхъ существенныхъ обстоятельствахъ. Подобная отвѣтственность устанавливается въ полномъ размѣрѣ понесенныхъ убытковъ, а не въ суммѣ, обозначенной самими патронами, какъ это мы видимъ въ нашемъ проектѣ. Съ другой стороны, по германскому законопроекту срокъ отвѣтственности установленъ въ пять лѣтъ, во избѣжаніе, какъ говорится въ объяснительной къ нему запискѣ, искусственнаго поддержанія курса бумагъ при меньшей продолжительности его. Изъ этого сопоставленія наглядно видно, насколько проектъ нашего устава относится въ сущности снисходительнѣе къ отвѣтственности биржевыхъ дѣльцовъ, участвующихъ въ эмиссіонныхъ операціяхъ.

По отношенію же къ товарной биржевой торговлѣ проектъ нашего устава въ значительной мѣрѣ способенъ затормозить ея развитіе. Такъ какъ задача биржъ заключается въ сближеніи покупателей съ продавцами, то чѣмъ онѣ общедоступнѣе, тѣмъ подобная цѣль достигается полнѣе. Между тѣмъ, проектъ обставляетъ пользованіе услугами этихъ учреждений массою ограниченій. Для совершенія сдѣлокъ на биржѣ требуется приобрѣтеніе званія торговца, что, какъ извѣстно, обставлено уплатой довольно значительныхъ сборовъ

въ пользу казны. Затѣмъ, требуется еще пріемъ въ составъ биржевого общества. Такимъ образомъ, отъ пользованія услугами биржъ устраняется весьма значительный контингентъ лицъ, хотя и не торгующихъ извѣстнымъ товаромъ, но по роду своего промысла продающихъ или покупающихъ этотъ товаръ въ довольно крупныхъ размѣрахъ. На хлѣбную биржу, на примѣръ, не можетъ явиться для продажи сельскій хозяинъ, или для покупки — владѣлецъ пекарни, извозопромышленникъ и т. д. Для всѣхъ ихъ одна выборка торговыхъ документовъ можетъ послужить достаточнымъ въ этомъ отношеніи препятствіемъ. Заслуживаетъ вниманія, что, одновременно съ происходившими засѣданіями комиссіи по обсужденію биржевой реформы, министерствомъ финансовъ утвержденъ уставъ калашниковской биржи, изъ котораго видно, что господа калашниковскіе торговцы отнеслись къ дѣлу гораздо правильнѣе. Они пожелали сдѣлать свою биржу общедоступною. Дѣйствительно, для крупныхъ торговцевъ гораздо выгоднѣе, чтобы даже мелкіе продавцы и покупатели обращались прямо къ нимъ, минуя второстепенныхъ и третьестепенныхъ посредниковъ. Если же нормальный уставъ, при введеніи его въ дѣйствіе, воспрепятствуетъ подобному сближенію, то очень вѣроятно, что обѣ стороны предпочтутъ остаться при своихъ нынѣшнихъ общедоступныхъ биржахъ-трактирахъ. Съ другой стороны, при выполненіи сдѣлокъ съ товарами возникаетъ гораздо больше недоразумѣній, чѣмъ это наблюдается въ отношеніи цѣнныхъ бумагъ, гдѣ, на примѣръ, не можетъ быть спора о добротности или тождественности всей партіи съ пробомъ. Естественно, что при разрѣшеніи подобныхъ недоразумѣній требуется и большее нелицепріятіе, котораго нельзя ожидать отъ „сильной власти“ въ лицѣ проектируемаго комитета, представляющаго собою лишь интересы замкнутой корпораціи профессиональныхъ биржевыхъ торговцевъ.

Въ общемъ, такимъ образомъ, составители проекта нормальнаго биржевого устава желаютъ повести наше биржевое законодательство именно по тому пути, который въ столь рѣзкихъ формахъ забракованъ практикой западной Европы. Не говоря уже о многихъ крупныхъ несообразностяхъ, проектъ этотъ какъ бы стремится укрѣпить за нашими биржами тѣ ихъ недостатки, необходимость устраненія которыхъ вызвала реформы въ другихъ государствахъ.

Вл. Бирюковичъ.

Декабрь, 1895 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1896.

Новая критика суда присяжных и связанные съ нею проекты.—Недостатки, приписываемые присяжнымъ: беспомощность, неустойчивость репрессій, стремленіе стать выше закона.—Значеніе опыта, сдѣланнаго съ судомъ сословныхъ представителей.—Смѣшанное присутствіе изъ судей и присяжныхъ, какъ мнимая панацея противъ всѣхъ судебныхъ золъ.

Когда, почти два года тому назадъ, была открыта министромъ юстиціи комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, къ числу ея задачъ было отнесено: „всестороннее изслѣдованіе дѣятельности суда присяжныхъ“ и присканіе „мѣръ, которыя изъ этого изслѣдованія должны возникнуть съ цѣлью упорядоченія участія въ судѣ общественнаго элемента“. Такая постановка вопроса не устранила опасеній за будущность суда присяжныхъ, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ вступительной рѣчи министра юстиціи присяжные засѣдатели были отнесены,—наряду съ временными судьями, *свидѣтелями и понятими*,—къ числу „обывателей, несущихъ государственную повинность содѣйствовать правосудію“ ¹⁾. Болѣе успокоителенъ для сторонниковъ суда присяжныхъ былъ результатъ состоявшагося въ декабрѣ 1894 г. совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, громадное большинство которыхъ (18 изъ 20) признало судъ присяжныхъ не только удовлетворяющимъ своей цѣли, но и „лучшей формой суда для разрѣшенія бѣльшей части серьезныхъ дѣлъ“ ²⁾. Такое заключеніе судебныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ вопросомъ и менѣе всего расположенныхъ къ одностороннимъ увлеченіямъ, должно было, повидимому, положить конецъ попыткамъ поколебать институтъ присяжныхъ, созданный судебными уставами императора Александра II-го. На самомъ дѣлѣ, однако,

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1894 г.

²⁾ См. Обществ. Хроникъ въ № 3 „Вѣстн. Европы“ за 1895 г.

случилось совсѣмъ не то. Продолжающаяся агитація реакціонной печати, надавна враждебной суду присяжныхъ, находитъ для себя новыя точки опоры въ проектахъ преобразованія этого суда, въ сущности равносильныхъ его уничтоженію. За статьей г. Дейтриха („Журн. Министерства Юстиціи“ 1895 г. № 6), долго остававшейся единственною въ своемъ родѣ ¹⁾, послѣдовали недавно аналогичныя статьи г. За-кревскаго („Ж. М. Ю.“ 1895 г. № 12) и г. Кичина („Юридич. Газета“ 1896 г. № 2). Для суда присяжныхъ опять наступаетъ, повидимому, критическій моментъ, можетъ быть болѣе серьезный, чѣмъ предшествовавшіе.

Подобно всѣмъ другимъ главнымъ началамъ великой судебной реформы, судъ присяжныхъ сталъ подвергаться нападкамъ очень скоро послѣ введенія его въ дѣйствіе, и притомъ подѣ влияніемъ отдѣльных, случайныхъ фактовъ, тенденціозно перетолкованныхъ и послѣшно обобщенныхъ. Первымъ изъ такихъ фактовъ былъ оправдательный приговоръ по дѣлу Протопопова, судившагося за оскорбленіе своего начальниа. Слишкомъ, однако, еще было тогда свѣжо настроеніе, вызвавшее реформу; ея противникамъ удавалось только исказить ту или другую ея подробность, но не подкопаться подѣ ея основы. Болѣе рѣшительный шагъ сдѣлался возможнымъ только въ виду исключительныхъ условий, при которыхъ состоялось рѣшеніе присяжныхъ по дѣлу Вѣры Засуличъ. Законъ 9 мая 1878 г. изгналъ изъ вѣденія суда присяжныхъ цѣлый рядъ дѣлъ, прямо или косвенно затрогивающихъ общественный порядокъ, и подчинилъ ихъ суду съ сословными представителями, созданному судебными уставами исключительно для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Черезъ эту брешь поведенъ былъ новый штурмъ противъ суда присяжныхъ, начавшійся въ 1888 г. воплями „Московскихъ Вѣдомостей“ и ихъ подголосковъ и закончившійся изданіемъ закона 7 іюля 1889 г. Почти все взятое этимъ закономъ у присяжныхъ было отдано суду съ сословными представителями. Дальше идти по той же дорогѣ не было и нѣтъ возможности. Судъ съ сословными представителями—машина сложная и дорого стоящая; пускать ее въ ходъ по *всѣмъ* дѣламъ, подвѣдомственнымъ суду присяжныхъ, было бы слишкомъ убыточно и неудобно—да и дѣйствуетъ она далеко не такъ успѣшно, чтобы можно было рекомендовать ее какъ панацею противъ всѣхъ судебныхъ болѣзней. Дважды испытанное средство представляется, такимъ образомъ, непригоднымъ; нужно придумать что-нибудь новое. Всего проще

¹⁾ Статья г. Дейтриха вызвала сильное возраженіе со стороны Г. А. Джанинѣа, напечатанное сначала въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, а потомъ вышедшее отдѣльной брошюрой („Судъ надъ судомъ присяжныхъ“), въ короткое время выдержавшей два изданія.

было бы, повидимому, замѣнить судъ присяжныхъ судомъ короннымъ — но именно крайняя простота этого приѣма дискредитируетъ его въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто, по самому положенію своему, не расположенъ идти напроломъ и разрушать очерта голову. Реакціонной газетѣ, всецѣло отдающей себя во власть своихъ антипатій и предубѣжденій, ничто не мѣшаетъ быть прямолинейной; но ея примѣру не могутъ слѣдовать судебные дѣятели, хорошо знакомые съ недостатками короннаго суда и связанные, притомъ, предрѣшеніемъ вопроса о необходимости участія „общественнаго элемента“ въ отправленіи правосудія. Для нихъ боевымъ орудіемъ противъ существующаго судебного строя можетъ служить только такая комбинація, которая, сохраняя *присяжныхъ*, уничтожала бы *судъ присяжныхъ*, т. е. измѣняла бы въ самомъ корнѣ *содержаніе* судебныхъ порядковъ, по возможности удерживая ихъ *форму*. Понятно, что для суда присяжныхъ такая комбинація опаснѣе прямого отрицанія, опаснѣе попытки вновь расширить кругъ дѣйствій суда съ сословными представителями. Прежде чѣмъ ознакомиться съ самымъ существомъ проектируемаго преобразования, посмотримъ, что именно гг. Дейтрихъ, Закревскій и Кичинъ ставятъ въ вину дѣйствующему суду присяжныхъ.

„Первое, что бросается въ глаза всякому внимательному и непредубѣжденному наблюдателю,—говоритъ г. Дейтрихъ,—это полная *беспомощность и неспособность* присяжныхъ справиться со слѣдственнымъ матеріаломъ въ сложныхъ и запутанныхъ процессахъ“; отсюда „шаткость, неосновательность и неправильность“ многихъ вердиктовъ, постановляемыхъ присяжными. Второй недостатокъ присяжныхъ—стремленіе ихъ „*сйти изъ предѣловъ власти*, предоставленной имъ какъ судьямъ факта, и стать въ нѣкоторомъ родѣ законодателями“. Третій недостатокъ—„*величайшая измѣнчивость* рѣшеній присяжныхъ, выражающаяся въ *неодинаковости ихъ репрессивной дѣятельности*“. Къ тѣмъ же пунетамъ сводится, въ сущности, и аргументація г. Закревскаго. „Чтобы правильно рѣшать уголовное дѣло,—говоритъ онъ,—недостаточно одного здраваго человѣческаго смысла. Нужна способность охватить нерѣдко множество сложныхъ обстоятельствъ, нуженъ логическій умъ, нужна привычка оцѣнивать улики, отдѣлять существенное отъ несущественнаго, нужно присутствіе чувства законности, нужно, наконецъ, пониманіе смысла закона. Все это отсутствуетъ у большинства присяжныхъ. Взвѣшивать непредубѣжденно улики и отбрасывать все незаслуживающее вниманія они *обыкновенно* не умѣютъ и рѣшаютъ *нерѣдко* дѣло на основаніи какого-нибудь вздорнаго соображенія или неимѣющаго отношенія къ предмету обстоятельства, какъ напр. услышанный ими колокольный

звонъ и т. п... Чтобы сознавать, что каждое дѣяніе, которое по уголовному уложенію называется преступленіемъ, должно непремѣнно вызывать возмездіе, хотя бы не тяжкое, хотя бы для формы, но все-таки возмездіе, нуженъ юридическій складъ ума, нужна подготовка совершенно иного разряда чѣмъ та, которую воспользовалось большинство присяжныхъ... Для общественной этики вся суть въ томъ, господствуетъ ли въ судахъ послѣдовательность и строгая законность при разрѣшеніи всѣхъ дѣлъ безъ различія, или же судебные приговоры напоминаютъ собою лоттерей, игру въ кости, орлянку и тому подобныя азартныя развлеченія". Въ статьѣ г. Кичина, примыкающаго вообще къ доводамъ гг. Дейтриха и Закревскаго, на первый планъ выдвигается *безотѣтственность и анонимность* суда присяжныхъ, обуславливаемая немотивированностью его приговоровъ и обуславливающая собою, въ свою очередь, постоянныя нарушенія закона, путемъ оправданія преступниковъ.

Чтобы упростить, по возможности, нашъ отвѣтъ противникамъ суда присяжныхъ, мы соединимъ въ одно цѣлое аргументы, касающіеся „неустойчивости“ и „беспомощности“ присяжныхъ. Связь между ними очевидна: если рѣшенія присяжныхъ похожи на лоттерей, если присяжные, при одинаковыхъ условіяхъ, сегодня оправдываютъ, завтра обвиняютъ, то это зависитъ именно отъ неспособности ихъ отнестись къ дѣлу спокойно и объективно, какъ подобаешь судьямъ. На чемъ же, спрашивается, основанъ тезисъ, столь рѣшительно обращаемый въ смертный приговоръ надъ судомъ присяжныхъ? Прежде всего—на личномъ опытѣ авторовъ. Безспорно, они всѣ имѣли случай изучить, на практикѣ, дѣятельность присяжныхъ—но вѣдь не въ болѣе-шей же мѣрѣ, чѣмъ восемнадцать старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ, участвовавшихъ въ упомянутомъ нами совѣщаніи, не больше чѣмъ А. О. Кони, столько разъ воздававшій должное такту и принципиальности присяжныхъ, не больше чѣмъ М. О. Громницкій, еще недавно назвавшій судъ присяжныхъ „верхомъ человѣческой мысли въ области уголовного суда“¹⁾. Передъ гг. Дейтрихомъ, Закревскимъ и Кичинимъ—М. О. Громницкій имѣетъ одно громадное преимущество: онъ не только видѣлъ присяжныхъ съ высоты судейскаго помоста—онъ самъ находился въ ихъ средѣ, и, по его словамъ, двѣ недѣли, проведенныя имъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, были „однимъ изъ лучшихъ моментовъ его жизни“. Въ виду этого мы, конечно, не сдѣлаемъ большой ошибки, если сбросимъ со счетовъ личный опытъ гг. Дейтриха, Закревскаго и Кичина. Дальше идетъ указаніе на от-

¹⁾ См. его статью: „Судъ съ сословными представителями“ въ № 5 „Журнала М-ва Юстиціи“ за 1895 г.

дѣльныя дѣла: у г. Дѣйтриха—на дѣла общезвѣстныя, въ свое время прогрѣвшія въ печати; у г. Закревскаго — на дѣла, занимаемыя имъ „на выдержку“ изъ практики одной провинціальной судебной палаты. Дѣла общезвѣстныя меньше всего могутъ служить матеріаломъ для общихъ выводовъ, какъ вслѣдствіе ихъ исключительности, такъ и въ виду страстей, ими возбужденныхъ: около каждаго изъ нихъ образовалось нѣчто въ родѣ легенды, сквозь которую нелегко теперь разсмотрѣть истину. Въ большинствѣ случаевъ подробный, безпристрастный разборъ каждаго отдѣльнаго дѣла могъ бы дать ключъ къ рѣшенію загадки, какою представляется, *съ перваго взгляда*, вердиктъ присяжныхъ; но еслибы такого ключа и нельзя было найти, единичный фактъ все-таки не составлялъ бы доказательства противъ системы, *при* которой, но можетъ быть вовсе не *вслѣдствіе* которой—онъ имѣлъ мѣсто. Еще меньше доказательной силы въ тѣхъ двадцати-девяти безыменныхъ оправдательныхъ вердиктахъ, которые перечисляетъ г. Закревскій. Мы видимъ здѣсь почти одни заглавія дѣлъ и не узнаемъ ровно ничего ни о силѣ уликъ, ни о ходѣ судебного слѣдствія, ни о способѣ защиты обвиняемыхъ—однимъ словомъ, о всемъ томъ, что могло бы объяснить приговоръ присяжныхъ. Только по двумъ дѣламъ указаны мотивы оправданія (въ одномъ случаѣ съ прибавкою слова: *вѣроятный*)—но изъ чего они выведены г. Закревскимъ, остается неизвѣстнымъ. „Трудно предположить—воскликаетъ авторъ,—чтобы прокурорскій надзоръ по всемъ указаннымъ дѣламъ *окажетъ* обвиняемыхъ и *сочинилъ* тѣ обстоятельства, за которыя они были преданы суду“. Да, сдѣлать *такое* предположеніе дѣйствительно трудно или даже невозможно—но вѣдь оно вовсе и не нужно, чтобы разрушить значеніе перечня, составленнаго г. Закревскимъ: для этого достаточно предположить, что обвиненіе было построено на шаткихъ, плохо доказанныхъ данныхъ—а что подобныя обвиненія встрѣчаются на практикѣ, и не особенно рѣдко, этого не станеть отрицать даже самый усердный представитель прокуратуры. Допустимъ, наконецъ, что въ нѣкоторыхъ изъ числа дѣлъ, приводимыхъ г. Закревскимъ, присяжные, завѣдомо или по непростительной оплошности, оправдали несомнѣнно и тяжело виновныхъ. Ошибки и неправильности возможны, даже неизбежны при всякомъ судебномъ устройствѣ, при всякомъ составѣ суда, при всякой системѣ доказательствъ, при всякой формѣ процесса; весь вопросъ въ томъ, когда и гдѣ онѣ особенно вѣроятны. Что присяжные *обыкновенно* не умѣютъ справиться съ своей задачей, что они *нерѣдко* рѣшаютъ дѣло на основаніи какого-нибудь *вздорнаго* соображенія или посторонняго обстоятельства—этого нельзя утверждать въ виду *несколькихъ* фактовъ, хотя бы и бесспорныхъ. Чтобы придти къ *общему* заключенію, неблагоприятному для суда присяж-

ныхъ, нужно либо единодушное показаніе *многихъ*, весьма многихъ судебныхъ дѣателей, относящееся къ продолжительнымъ періодамъ времени и къ самымъ различнымъ мѣстностямъ имперіи, либо нѣмое, но краснорѣчивое свидѣтельство цифръ, также охватывающихъ крупныя единицы времени и пространства. Чтò говоритъ громадное большинство судебныхъ дѣателей, высказавшихся по вопросу о судѣ присяжныхъ — это мы уже знаемъ; что касается до цифръ, то, насколько онѣ оглашены во всеобщее свѣденіе, онѣ идутъ прямо въ разрѣзъ съ положеніями гг. Дейтриха и Закревскаго. Еслибы отличительной чертой репрессивной дѣятельности суда присяжныхъ была неустойчивость, неодинаковость, случайность, — то это неизбѣжно повлекло бы за собою рѣзкія противоположности въ цифрахъ обвинительныхъ приговоровъ, какъ по годамъ, такъ и по отдѣльнымъ судебнымъ округамъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ дѣйствительности: наоборотъ, скачковъ и колебаній въ приговорахъ короннаго суда больше, чѣмъ въ приговорахъ суда присяжныхъ. Такъ напримѣръ, въ продолженіе шести лѣтъ (1873—78) процентъ оправдательныхъ вердиктовъ, произнесенныхъ присяжными, не поднимался выше 38% и не спускался ниже 32¹/₂, между тѣмъ какъ въ судебныхъ палатахъ разница между наибольшей и наименьшей процентной цифрой оправданій превышала 16%. Разсматриваемая, въ тѣ же годы, по округамъ, разница въ числѣ оправдательныхъ приговоровъ только немногимъ больше для суда присяжныхъ, чѣмъ для короннаго суда. Такъ напримѣръ, въ 1878 г. она составляла для перваго—14³/₄%, для втораго—10¹/₂%, при чемъ необходимо замѣтить, что необыкновенно большимъ количествомъ оправданій, въ области суда присяжныхъ, отличался только одинъ (одесскій) округъ ¹⁾; если скинуть его со счетовъ, то разница упадетъ съ 14³/₄% до 4%. Въ 1879 г., разница по округамъ выше для короннаго суда, чѣмъ для суда присяжныхъ: для перваго она составляетъ около 20% (39¹/₂% оправданій въ харьковскомъ округѣ, 19¹/₂ въ саратовскомъ), для послѣдняго—только 12¹/₂%. Очень велика, съ этой точки зрѣнія, разница между отдѣльными судами — но велика какъ по отношенію къ суду присяжныхъ, такъ и по отношенію къ коронному суду. Если, напримѣръ, въ 1880 г. въ двухъ окружныхъ судахъ тверской губерніи она достигала для суда присяжныхъ 15% (въ тверскомъ судѣ—30% оправдательныхъ вердиктовъ, въ ржевскомъ — болѣе 45%), то еще больше она была, въ 1877 г., въ судахъ привислянскаго края, дѣйствующихъ безъ участія присяжныхъ (въ плоч-

¹⁾ Высокая цифра оправдательныхъ вердиктовъ въ округѣ одесской судебной палаты—явленіе не случайное, а повторявшееся постоянно, въ продолженіе многихъ лѣтъ. Каковы бы ни были его причины, во всякомъ случаѣ „неустойчивостью“ присяжныхъ его объяснить нельзя.

комъ окружномъ судѣ 45% оправданій, въ петроковскомъ—41¹/₂%, а въ варшавскомъ—23%, въ сѣдлецкомъ—11%!). Не ясно ли, что суду присяжныхъ „неустойчивость“ репрессіи свойственна'вовсе не въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ суду коронному? А вотъ еще любопытныя цифры, относящіяся къ суду съ сословными представителями—любопытны въ особенности потому, что этотъ судъ, съ 1878 г., имѣетъ цѣлью усилить и упорядочить репрессію по дѣламъ, прежде подвѣдомственнымъ суду присяжныхъ: въ 1879 г. процентная цифра оправдательныхъ приговоровъ, произнесенныхъ судомъ съ сословными представителями, составляла 33¹/₂, въ 1880 г.—35²/₂, въ 1881 г.—53%!). Во что обращаются, въ виду этихъ несомнѣнныхъ фактовъ, нареванія на неустойчивость репрессіи суда присяжныхъ? А если колебанія ея ничуть не больше, чѣмъ соответственныя колебанія суда короннаго или суда съ сословными представителями, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что присяжные вовсе ужъ не такъ „безпомощны“, какъ полагаютъ гг. Дейтрихъ и Закревскій?

Статья г. Закревскаго начинается запальчивой выходкой противъ тѣхъ „спасителей“ суда присяжныхъ, которые въ критическіе моменты его жизни жертвуютъ, ради его защиты, всѣми остальными органами судебной власти, выдаютъ головою судебного слѣдователя, обвинительную камеру, прокурора, предсѣдателя, лишь бы только отстоять „непогрѣшимость“ присяжныхъ, и затѣмъ, съ той же цѣлью, подбираютъ, путемъ очевидныхъ натажекъ, поводы къ отмінію оправдательнаго приговора, подрывая этимъ самымъ достоинство и авторитетъ кассационнаго суда. Негодованіе г. Закревскаго противъ „спасителей“, болѣе опасныхъ, чѣмъ „хулители“, доходитъ до того, что онъ заподозриваетъ ихъ искренность, ихъ честность; ему кажется, что они „лгутъ“, „хитрятъ“, „вербуютъ себѣ поклонниковъ и поклонницъ“, „выставляютъ себя, ради личныхъ своихъ соображеній, поклонниками института присяжныхъ“. Изъ этихъ бездоказательныхъ и неопредѣленныхъ обвиненій, изъ этихъ намековъ „на то, чего не вѣдаетъ никто“, вытекаетъ съ достаточною ясностью только одно: г. Закревскій противъ кого-то сильно раздраженъ—такъ сильно, что теряетъ способность взвѣшивать свои слова. Стремленіе доказать, что въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ отвѣтственность за явную ошибку падаетъ не на самихъ присяжныхъ, а на магистратуру, возводится г. Закревскимъ на степень „фарисейскаго отреченія отъ всего что есть лучшаго и цѣннаго въ судебныхъ уставахъ“. Какъ! признать, что судебный слѣдователь черезчуръ расширилъ предѣлы слѣдствія; что обвинительная камера утвердила обвинительный актъ (или составила опредѣленіе о преданіи суду), въ которомъ помѣщены подробности излишнія и безъ нужды оскорбительныя для

подсудимаго; что прокуроръ или защитникъ, внесшій въ свою рѣчь элементъ личнаго раздраженія, не былъ своевременно остановленъ предсѣдательствовавшимъ на судѣ; что судъ допустилъ крупную неправильность въ постановкѣ вопросовъ или оставилъ безъ изслѣдованія существенно важную сторону дѣла—это значитъ отречься отъ основъ судебной реформы? Да развѣ онѣ исключаютъ собою возможность ошибокъ со стороны органовъ судебной власти? Развѣ неправильныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, не вытекающія изъ самаго ихъ положенія, могутъ быть поставлены въ вину цѣлому вѣдомству? Развѣ для поддержанія авторитета судебныхъ уставовъ необходима вѣра въ личный авторитетъ каждаго судьи, каждаго прокурора? На какомъ основаніи г. Закревскій, возмущающійся попытками доказать непогрѣшимость присяжныхъ ¹⁾, возстаетъ противъ констатированія прегрѣшеній, допущенныхъ кѣмъ-либо изъ магистратуры? Само собою разумѣется, что *выдумывать* такіа прегрѣшенія, отыскивать и находить ихъ во что бы то ни стало, съ цѣлью свалить вину съ больной головы присяжныхъ на здоровую голову слѣдователя, судьи или прокурора, было бы весьма непохвально; но вѣдь г. Закревскій не утверждаетъ, чтобы „спасители“ прибѣгали къ выдумкамъ, къ искаженію фактовъ. Онъ негодуетъ на нихъ только за слишкомъ усердное подчеркиванье погрѣшностей, допущенныхъ магистратурой—подчеркиванье желанное и пріятное для „хулителей“ новаго суда. „Вотъ видите“—говорятъ, будто бы, послѣдніе,—„каковы наши судебскіе, каковы дѣатели, каковы порядки! отъ нихъ отрекаются поневолѣ даже ближайшіе сторонники ихъ. То ли было прежде“... Не споримъ, такіа рѣчи возможны (хотя за послѣднее время мы ихъ что-то не припомнимъ: нынѣшняя реакціонная печать рѣдко нападаетъ на коронныхъ судей); но вся отвѣтственность за нихъ падаетъ на тѣхъ, кто ихъ держитъ, а не на тѣхъ, кто далъ для нихъ кажушійся поводъ. Мы говоримъ: *кажушійся*, потому что нѣтъ такихъ порядковъ, при которыхъ не оставалось бы мѣста для упущеній или злоупотребленій, нѣтъ такой профессіи, всѣ члены которой стояли бы на одинаковой умственной и нравственной высотѣ. Можно, притомъ, погрѣшить недостаткомъ или избыткомъ рвенія—и все-таки быть полезнымъ и хорошимъ дѣтелемъ... „Хулители“ судебныхъ уставовъ легко могутъ обойтись и безъ аргументовъ, которыми ихъ, будто бы, снабжаютъ „спасители“; у нихъ всегда имѣются въ запасѣ болѣе тяжелые снаряды, въ видѣ страшныхъ словечекъ: „судебная

¹⁾ Въ сущности такихъ попытокъ не было вовсе: можно утверждать, что судъ присяжныхъ—„лучшая форма суда“, и все-таки признавать возможность частныхъ его ошибокъ.

республика“, „государство въ государствѣ“, „посагательство на права верховной власти“ и т. п.

Можетъ ли, однако, вердиктъ присяжныхъ зависѣть, въ той или другой степени, отъ образа дѣйствій учреждений и должностныхъ лицъ, которымъ предоставлены подготовка и веденіе уголовного процесса? Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и признается, между прочимъ, французскимъ писателемъ, на котораго очень охотно ссылаются гг. Закревскій и Бичинъ. Вотъ что говоритъ Жанъ Крюппи: („Revue des deux Mondes“, 1 ноября 1895 г.): „вердиктъ присяжныхъ—не феноменъ произвольнаго самозарожденія. Онъ опредѣляется сложнымъ дѣйствіемъ органовъ, созданныхъ законодателемъ. Судъ присяжныхъ—только одно изъ колесъ машины, произведеніемъ которой является обвинительный или оправдательный приговоръ. Это произведеніе—коллективное дѣло многочисленныхъ работниковъ. Наряду съ присяжными необходимо, поэтому, изучить присутствіе суда, составленное изъ профессиональных юристовъ, и въ особенности президента, которому принадлежитъ на ассизахъ первенствующее мѣсто; прокуратуру, защиту, свидѣтелей, экспертовъ и самого обвиняемаго; публику, несомнѣнно вліяющую, хотя бы и молча, на ходъ и результатъ судебного слѣдствія; прессу, внѣ-судебная дѣятельность которой переплетается съ официальнымъ изслѣдованіемъ; письменное, негласное слѣдственное производство, плохо соединенное съ устнымъ разбирательствомъ, то исчезающее, то появляющееся вновь и вообще играющее на судѣ роль двусмысленную и недостаточно опредѣленную. Всѣми этими элементами, и многими другими, вердиктъ обуславливается въ такой же мѣрѣ, какъ и самымъ составомъ присяжныхъ“. Въ заключительномъ выводѣ Крюппи есть доля преувеличенія—но во всякомъ случаѣ онъ ближе къ истинѣ, чѣмъ взглядъ г. Закревскаго, отрицающаго тѣсную связь между вердиктомъ присяжныхъ и всей предшествующей судебной процедурой. „Въ виду самыхъ элементарныхъ началъ уголовного процесса,—воскликаетъ г. Закревскій,—о судебной палатѣ не должно быть и рѣчи послѣ того, какъ открыто главное, судебное слѣдствіе, когда судъ, разсматривающій дѣло по существу, сталъ уже, такъ сказать, хозяиномъ его и обязанъ самъ, по собственному почину, предпринять все, что требовалось для обнаруженія истины“. Какимъ же образомъ, однако, можно забыть о судебной палатѣ, когда именно она поставила дѣло на судъ, формулировала обвиненіе, предрѣшила, до извѣстной степени, предѣлы судебного слѣдствія? Какимъ образомъ можно утверждать, что первое слово, выслушанное присяжными,—обвинительный актъ или замѣняющее его опредѣленіе судебной палаты—пройдетъ для нихъ незамѣтно и

безслѣдно? Напротивъ того, именно первое впечатлѣніе чрезвычайно важно. Оно можетъ быть измѣнено, ослаблено, изглажено послѣдующимъ ходомъ дѣла, но далеко не всегда; какъ уничтожить, напримеръ, въ умахъ присяжныхъ значеніе факта, оглашеннаго въ опредѣленіи судебной палаты, если этотъ фактъ, будучи неблагоприятнымъ для подсудимаго и нисколько не относясь къ дѣлу, представляется, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно достовѣрнымъ? Оспаривать его нельзя; можно только просить присяжныхъ, чтобы они о немъ забыли—но исполнить такую просьбу не легко, потому что предубѣжденіе, однажды возникшее, часто продолжаетъ существовать помимо воли и даже сознанія судей, сообщая извѣстную окраску всему происходящему передъ ихъ глазами. И пускай намъ не говорятъ, что возможность подчиненія впечатлѣніямъ и предубѣжденіямъ составляетъ аргументъ противъ суда присяжныхъ; эта возможность существуетъ и для коронныхъ судей, хотя, можетъ быть, и въ нѣсколько меньшей степени—но разница въ степени уравнивается тѣми свойствами суда присяжныхъ, которыя даютъ ему преимущество передъ судомъ короннымъ... У другого противника присяжныхъ, болѣе сдержаннаго, чѣмъ г. Закревскій, мы находимъ слѣдующее драгоцѣнное признаніе: „присяжные освѣдомляются о существѣ обвиненія *лишь изъ чтенія часто дурно составленнаго и почти всегда дурно прочтеннаго обвинительнаго акта*“. Это совершенно справедливо: но что же отсюда слѣдуетъ? Во-первыхъ, что болѣшая или меньшая удовлетворительность судебной процедуры принадлежитъ къ числу условій, вліяющихъ на вердиктъ присяжныхъ; во-вторыхъ, что всѣ усилія должны быть направлены къ такому улучшенію процедуры, которое, облегчая и регулируя дѣятельность суда присяжныхъ, устранило бы, тѣмъ самымъ, болѣшую часть сыплющихся на него нареканій. Г. Дейтрихъ совершенно правъ, говоря, что обвинительные акты часто составляются не такъ, какъ слѣдуетъ; ergo—нужно стремиться къ тому, чтобы они составлялись какъ можно лучше, т. е. отличались краткостью, сжатостью, не исключаящею полноты, точностью, ясностью, безпристрастіемъ, спокойнымъ тономъ, устраненіемъ всего лишняго. Столь же правъ г. Дейтрихъ и въ томъ, что обвинительные акты почти всегда читаются дурно; слѣдовательно—нужно устранить этотъ недостатокъ, болѣе важный, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Чѣмъ хуже читается обвинительный актъ, тѣмъ меньше воспринимаются присяжными, тѣмъ меньше удерживаются въ ихъ памяти тѣ предварительныя свѣденія, которыя должны служить для нихъ руководящею цѣлью при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. При нѣкоторой требовательности со стороны предсѣдательствующаго, при отсутствіи торопливости, которою слишкомъ часто грѣшитъ у насъ веденіе судебного слѣдствія, осо-

бенно по дѣламъ менѣе важнымъ, секретари и ихъ помощники скоро приучатся читать обвинительные акты (и все остальное, подлежащее чтенію на судѣ) „съ толкомъ и разстановкой“—и отъ этой, повидимому маленькой перемѣны получатся весьма крупные результаты... Составленіе и чтеніе обвинительнаго акта—только одинъ изъ многихъ пунктовъ неизбѣжнаго водѣйствія судейскаго персонала и судебной процедуры на присяжныхъ. Мы остановились на немъ, потому что его выдвинулъ г. Дейтрихъ; но то же самое, *mutatis mutandis*, можно сказать и о предварительномъ слѣдствіи, о допросѣ свидѣтелей и экспертовъ, о чтеніи актовъ обыска и осмотра, о повѣркѣ вещественныхъ доказательствъ, о судебныхъ преніяхъ, о постановкѣ вопросовъ, о заключительномъ словѣ предсѣдателя. Поднять все это на должную высоту, не столько путемъ пересмотра законодательныхъ актовъ, сколько путемъ улучшенія судебныхъ обычаевъ и нравовъ, значило бы уменьшить сторицею шансы ошибокъ со стороны присяжныхъ. И теперь, конечно, уровень нашего уголовного процесса, насколько онъ зависитъ отъ магистратуры, отнюдь не можетъ быть названъ низкимъ; но едва ли можно отрицать, что онъ былъ выше въ первые годы послѣ судебной реформы и долженъ подняться вновь, чтобы оказаться на высотѣ первоначальныхъ намѣреній законодателя...

Приписываемое присяжнымъ стремленіе стать выше закона, играть роль законодателей, на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Если присяжные оправдываютъ сознавагося или несомнѣнно виновнаго подсудимаго (хотя, въ сущности, о *несомнѣнной* виновности можетъ быть рѣчь *только* при признаніи, и то не всегда), то это обуславливается либо упущеніями магистратуры (сбивчивостью и запутанностью вопросовъ, неточными разъясненіями предсѣдательствующаго, непостановкою вопроса, соответствующаго, по убѣжденію присяжныхъ, дѣйствительной винѣ обвиняемаго, отказомъ въ освидѣтельствованіи его умственныхъ способностей, непривлеченіемъ къ отвѣтственности главныхъ виновныхъ и т. п.), либо опасеніемъ наказанія, превышающаго мѣру вины, либо—въ исключительныхъ случаяхъ—конфликтомъ между понятіями о винѣ юридической и о винѣ нравственной, тяготящимъ надъ совѣстью присяжныхъ и не допускающимъ ихъ до произнесенія слова: *виновенъ*. Устранить первую изъ этихъ причинъ или, по крайней мѣрѣ, довести ее до минимума—зависитъ отъ прокуратуры и короннаго суда; вторая исчезнетъ сама собою, когда новое уложеніе расширитъ свободу дѣйствій суда въ выборѣ наказанія, а постановленія карательнаго закона не будутъ болѣе тайной для присяжныхъ. Останется только третья причина, сама по себѣ ни мало не угрожающая ни интересамъ правосудія, ни интересамъ госу-

дарственного порядка. Какъ учрежденіе, постоянно мѣняющееся въ своемъ составѣ, судъ присяжныхъ не можетъ преслѣдовать никакихъ цѣлей, чуждыхъ его непосредственной задачѣ: онъ не можетъ и думать о присвоеніи правъ, ему не принадлежащихъ, о завоеваніи области, для него закрытой. Если его вердикты являются иногда показателями несовершенствъ уголовного закона или общественнаго строя, то это происходитъ помимо его воли и намѣренія. Постановляя приговоръ, отдѣльное присутствіе присяжныхъ не стремится ни къ чему другому, какъ къ возможно-справедливому разрѣшенію участи отдѣльнаго обвиняемаго; иное, болѣе широкое значеніе оправдательные вердикты по дѣламъ извѣстнаго рода приобрѣтаютъ только въ совокупности, при сравнительно частомъ ихъ повтореніи — и въ этомъ смыслѣ они являются весьма цѣннымъ матеріаломъ для законодательныхъ соображеній. Къ помилованію, исходящему отъ верховной власти, оправдательный, несмотря на сознаніе обвиняемаго, вердиктъ присяжныхъ не можетъ быть приравниваемъ уже потому, что онъ исходитъ изъ отрицанія вины, между тѣмъ какъ при помилованіи вина признается существующею и упраздняются только ея юридическія послѣдствія.

До какой степени всякому суду, не ушедшему съ головой въ бездушный формализмъ, трудно избѣжать оправданія сознавшихъ подсудимыхъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ съ поразительною ясностью пригѣръ суда съ сословными представителями. Созданный съ спеціальной цѣлью усиленія репрессіи, составленный исключительно изъ должностныхъ лицъ, съ обезпеченнымъ преобладаніемъ постоянного судебного элемента надъ временнымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, произноситъ иногда приговоры, ничѣмъ не отличающіеся отъ только-что упомянутыхъ нами оправдательныхъ вердиктовъ суда присяжныхъ. Молодая женщина, обвинявшаяся съ женатымъ человѣкомъ, признаетъ себя на судѣ виновною, т. е. знавшею, до свадьбы, что мужъ ея уже связанъ узами брака: палата, съ участіемъ сословныхъ представителей, оправдываетъ ее. Крестьянинъ, женившійся по принужденію, еще во времена крѣпостнаго права, и затѣмъ оставленный женою, вступаетъ, много лѣтъ спустя, во второй бракъ, предполагая, что первая жена его умерла; она оказывается живою; преданный суду за двоеженство, онъ откровенно объясняетъ суду, какъ было дѣло; представитель обвинительной власти требуетъ его осужденія, предлагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайствовать о совершенномъ его помилованіи; палата, съ участіемъ сословныхъ представителей, оправдываетъ обвиняемаго ¹⁾. Не ясно ли, что при извѣстныхъ условіяхъ произ-

¹⁾ Мы заимствуемъ эти факты изъ названной нами выше статьи М. О. Громницкаго.

несеніе обвинительнаго приговора, съ формальной точки зрѣнія неизбежнаго, непосильно, невозможно не для однихъ только присяжныхъ?.. Съ другой стороны, какъ много случаевъ, въ которыхъ обвинительный приговоръ, въ сущности совершенно заслуженный, не произносится судомъ короннымъ и даже судомъ съ сословными представителями только потому, что виновность обвиняемыхъ доказывается исключительно косвенными уликами! Рекомендуемъ всякому, сѣдущему на „недостаточность репрессіи“ присяжныхъ, прочесть въ статьѣ г. Громницкаго разсказъ объ убійствѣ, въ которомъ былъ заподозрѣнъ сильный черкесь, или разборъ приговора, постановленнаго судебною палатою, съ участіемъ сословныхъ представителей, по одному банковскому дѣлу. По убѣжденію г. Громницкаго, присяжные непременно оправдали бы одного изъ директоровъ банка, погрѣшившаго только излишнимъ довѣріемъ къ своимъ товарищамъ, а также бухгалтера, ограничивавшагося слѣпымъ исполненіемъ чужихъ приказаній — но зато обвинили бы двухъ членовъ ревизіонной комиссіи, принадлежавшихъ къ той небольшой привилегированной группѣ, которая главнымъ образомъ сгубила банкъ. Палата, съ участіемъ сословныхъ представителей, поступила какъ разъ наоборотъ... Замѣтимъ, что сознавшіеся обвиняемые, оправдываемые присяжными — почти всегда преступники случайные, дѣйствовавшіе подъ вліяніемъ мимолетнаго, страстнаго порыва или неблагоприятной комбинаціи обстоятельствъ, и потому мало опасные для общества, между тѣмъ какъ подсудимые на самомъ дѣлѣ виновные, но не сознающіеся и оправдываемые судомъ короннымъ (при участіи или безъ участія сословныхъ представителей) за недостаточностью доказательствъ, сплошь и рядомъ принадлежатъ къ числу закоренѣлыхъ преступниковъ и будущихъ рецидивистовъ...

Сравнивая судъ присяжныхъ съ судомъ сословныхъ представителей, мы подошли весьма близко къ схемѣ преобразованія, проектируемаго гг. Дейтрихомъ, Захревскимъ и Бичинимъ. Сознавая, что разрѣшеніе важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ не можетъ быть возлагаемо, безъ явнаго ущерба для правосудія, на однихъ профессиональныхъ судей, они предлагаютъ замѣнить нынѣшній судъ присяжныхъ смѣшанною коллегіею (изъ трехъ судей и девяти присяжныхъ), которая рѣшала бы совмѣстно какъ вопросы факта, такъ и вопросы права (за исключеніемъ процессуальныхъ, предоставляемыхъ однимъ судьямъ), т.-е. опредѣляла бы какъ виновность, такъ и наказаніе. Между такимъ заключеніемъ и обосновывающими его мотивами существуетъ явное противорѣчіе. Введенные въ составъ смѣшанной коллегіи, присяжные или обезличатся, подчинятся вліянію судей — чего не желаютъ, повидимому, сторонники проекта — или останутся самими собою.

Если они останутся самими собою, то гдѣ же гарантія въ томъ, что, составляя большинство, они не внесутъ въ смѣшанную коллегію всѣ особенности, свойственныя нынѣшнему суду присяжныхъ? Что помѣшаетъ имъ подавать голосъ за оправданіе сознавшихся или „несомнѣнно виновныхъ“ подсудимыхъ и, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, одерживать верхъ надъ голосомъ коронныхъ судей? Развѣ рѣшенія смѣшанной коллегіи—постановляемыя (подобно рѣшеніямъ суда съ сословными представителями) безъ изложенія соображеній, по которымъ подсудимый обвиненъ или оправданъ, признанъ или не признанъ заслуживающимъ снисхожденія,—будутъ менѣе „анонимны“, чѣмъ нынѣшніе вердикты присяжныхъ? Правда, въ коллегіи будутъ участвовать судьи, по самому положенію своему болѣе отвѣтственные, чѣмъ присяжные; но развѣ справедливо будетъ считать судей отвѣтственными за рѣшеніе, состоявшееся, быть можетъ, вопреки ихъ мнѣнію? Хранить тайну совѣщаній въ смѣшанной коллегіи столь же необходимо, какъ и въ судѣ присяжныхъ; нельзя будетъ, поэтому, означать въ ея рѣшеніи, кто именно остался при особомъ мнѣніи. Еслибы, впрочемъ, такое означеніе и было признано возможнымъ, рѣшеніе *десяти* присяжныхъ все-таки было бы „анонимнымъ“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ „анонимно“ рѣшеніе теперешнихъ двѣнадцати—т.-е. немотивированнымъ и исходящимъ отъ лицъ, вышедшихъ изъ толпы и опять смѣшивающихся съ нею. Исходя изъ этихъ безспорныхъ положеній, попробуемъ вообразить себѣ, къ чему привело бы на практикѣ, у насъ въ Россіи, осуществленіе разбираемаго нами проекта. Примѣръ суда съ сословными представителями удостовѣряетъ, что смѣшанный составъ коллегіи—не гарантія противъ такихъ рѣшеній, какія ставятся въ вину присяжнымъ. Между тѣмъ, сословные представители составляютъ меньшинство и избираются изъ числа должностныхъ лицъ, отъ которыхъ, съ нѣкоторою вѣроятностью, можно ожидать солидарности съ коронными судьями: отъ однихъ (волостные старшины, иногда городскіе головы)—вслѣдствіе зависимаго ихъ положенія, отъ другихъ—вслѣдствіе принадлежности къ той же общественной и служебной средѣ. Если, при всемъ томъ, участіе сословныхъ представителей склоняетъ иногда вѣсы на сторону неформальной справедливости, то тѣмъ чаще это будетъ случаться въ смѣшанной коллегіи, гдѣ общественный элементъ количественно втрое сильнѣе, а качественно—свободенъ отъ сословнаго и служебнаго характера. Какое же впечатлѣніе будетъ производить неожиданно-оправдательное рѣшеніе, произнесенное смѣшанною коллегіею? Очевидно—еще гораздо болѣе сильное, чѣмъ такое же рѣшеніе нынѣшнихъ присяжныхъ. Громы, теперь обрушивающіеся всецѣло на присяжныхъ, упадутъ тогда преимущественно на судей. Какъ могли коронные

судьи—воскликнуть, съ напусеннымъ или искреннимъ негодованіемъ, ревнители формальной правды—допустить столь явное нарушеніе закона, превышеніе власти, присвоеніе чужого права, и т. д., и т. д.!? Что они—не съумѣли, или не захотѣли подчинить присяжныхъ своему авторитету, принудить ихъ къ корректному образу дѣйствій? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, они не исполнили своей обязанности и должны нести всю отвѣтственность за возмутительный приговоръ!.. Перспектива такихъ нападеній не останется безъ вліянія на самихъ судей; они будутъ, во многихъ случаяхъ, стараться дѣйствовать на присяжныхъ не только доводами, почерпнутыми изъ существа дѣла, но и посторонними соображеніями, а если это не приведетъ къ желанному результату—прямо выразить свое несогласіе съ рѣшеніемъ присяжныхъ, обвиняя ихъ въ упрямствѣ, въ неуваженіи къ закону, въ непониманіи истинныхъ цѣлей правосудія. Походъ противъ присяжныхъ перейдетъ, такимъ образомъ, изъ сферъ внѣ-судебныхъ въ сферу самого суда, внося туда печальную рознь и вредный антагонизмъ. Ошибочно было бы думать, что нормальнымъ исходомъ развогласія между присяжными и судьями будетъ служить присужденіе обвиняемаго къ незначительному наказанію или возбужденіе ходатайства о совершенномъ его помилованіи. Есть преступленія, за которыя и по новому уложенію нельзя будетъ назначить очень мягкую кару—а ходатайство о помилованіи, какъ мѣру чрезвычайную, сами коронные судьи едва ли будутъ предлагать особенно часто. Возбудить такое ходатайство значить, притомъ, признать наличность вины и возможность наказанія (если ходатайство уважено не будетъ)—а на это присяжные едва ли согласятся, когда убѣжденіе и совѣсть подскажутъ имъ полную невиновность подсудимаго.

Другое противорѣчіе между мотивами проекта и его содержаніемъ заключается въ томъ, что присяжные признаются „безпомощными“, неспособными справиться съ сложнымъ слѣдственнымъ матеріаломъ, стоящими, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, ниже средняго уровня, лишенными, болѣею частью, всѣхъ условій, необходимыхъ для постановленія правильнаго приговора—и вмѣстѣ съ тѣмъ призываются въ составъ судебной коллегіи, въ числѣ значительно болѣею, чѣмъ коронные судьи, для рѣшенія не только вопросовъ факта, но и вопросовъ права! Неужели общеніе, въ продолженіе нѣсколькихъ дней или часовъ, съ коронными судьями дастъ такимъ присяжнымъ все то, въ чемъ отказывается имъ г. Закревскій—логическій умъ, привычку отдѣлять важное отъ второстепеннаго, чувство законности, пониманіе смысла закона? Очевидно—нѣтъ; если присяжные такъ безнадежно плохи, то плохими они останутся и послѣ совѣщанія съ коронными судьями. Или, быть можетъ, имъ предназначается въ смѣшанной

коллегіи второстепенная, служебная роль какихъ-то говорящихъ понятыхъ, объясняющихъ короннымъ судьямъ непонятныя для нихъ особенности мѣстнаго нарѣчія и народнаго быта, а во всемъ остальномъ слѣпо повинующихся указаніямъ судей? Но вѣдь это значило бы, во-первыхъ, „сводить счетъ безъ хозяина“; кто и что заставитъ присяжныхъ удовольствоваться такою жалкою ролью, разъ законъ провозглашаетъ ихъ равноправными съ коронными судьями? Во-вторыхъ, это значило бы забывать о возможности разногласія между коронными судьями, при которомъ присяжные по неволѣ должны были бы выйти изъ своего пассивнаго положенія и стать на ту или другую сторону... На самомъ дѣлѣ присяжные вовсе не такъ безпомощны, не такъ неспособны къ самостоятельной дѣятельности, какими они являются въ статьяхъ гг. Дейтриха и Закревскаго. Объ этомъ свидѣлствуютъ трудныя и сложныя дѣла, во всѣхъ отношеніяхъ блистательно проведенныя присяжными (назовемъ, для примѣра, хотя бы извѣстный процессъ о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможенѣ, рассмотрѣнный харьковскою судебною палатою съ участіемъ присяжныхъ), а также наблюденія многихъ лицъ, исполнявшихъ обязанности присяжныхъ ¹⁾. Нельзя отрицать, однако, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при извѣстномъ составѣ обоихъ элементовъ смѣшанной коллегіи, присяжные могутъ не найти въ себѣ силы противодѣйствія вліянію коронныхъ судей. Весь вопросъ въ томъ, желательна ли единодушіе судей и присяжныхъ, достигаемое путемъ нравственнаго подчиненія послѣднихъ?..

Отъ проектируемой „смѣшанной коллегіи“ гг. Закревскій и Кичинъ ожидаютъ не только болѣе правильнаго разрѣшенія дѣлъ, подвѣдомственныхъ, въ настоящее время, суду присяжныхъ, но и уничтоженія суда съ сословными представителями, учрежденнаго и затѣмъ распостраненнаго именно подъ вліяніемъ недоувѣрія къ присяжнымъ. Г. Закревскій идетъ еще дальше. „Реформированному суду присяжныхъ,—говоритъ онъ,—должны были бы подлежать всѣ преступленія безъ изыатія, за исключеніемъ маловажныхъ, въ томъ числѣ и преступленія государственныя, по дѣламъ печати и противъ по-

¹⁾ Пишущему эти строки нѣсколько разъ приходилось быть присяжнымъ, какъ въ подольскомъ городѣ, гдѣ составъ присяжныхъ мало отличается отъ петербургскаго, такъ и въ провинціальной глуши—и онъ вездѣ и всегда встрѣчалъ между присяжными одинаково внимательное, одинаково осмысленное и самостоятельное отношеніе къ дѣлу. Впечатлѣнія свои онъ изложилъ въ Общественныхъ Хроникахъ № 7 Вѣстн. Европы за 1887 г. и № 4 за 1890 г. Въ Обществ. Хроникѣ № 7 за 1892 г. приведены отрывки изъ воспоминаній присяжнаго, напечатанныхъ въ „Мословскихъ Вѣдомостяхъ“—очень интересныя тѣмъ, что нѣкоторую справедливость вынужденъ былъ отдать присяжнымъ даже сотрудникъ реакціонной газеты, болѣе всего возстающей противъ этого института.

рядка управленія. Съ улучшеніемъ судебного механизма могло бы быть отмѣнено примѣненіе административныхъ мѣропріятій, направленныхъ противъ личной свободы и тѣлесной неприкосновенности (кстати сказать, вопросъ о подобныхъ мѣропріятіяхъ принадлежитъ къ самымъ настоятельнымъ, самымъ вопіющимъ потребностямъ дѣятельности)^а. Вполнѣ соглашаясь съ послѣднимъ замѣчаніемъ г. Закревскаго, мы никакъ не можемъ раздѣлить надеждъ, соединяемыхъ имъ съ введеніемъ „улучшеннаго судебного механизма“. Широкое распространеніе „административныхъ мѣропріятій“ зависитъ отнюдь не отъ слабости или недостаточности судебной репрессіи. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣропріятій (напр., массовыя экзекуціи послѣ „безпорядковъ“) вовсе не замѣняютъ собою судебного преслѣдованія, иногда являясь только вступленіемъ къ нему (припомнимъ „Брожское дѣло“, доходившее до разсмотрѣнія виленской судебной палаты), иногда постигая людей, судебной отвѣтственности вовсе не подлежащихъ. Съ другой стороны, репрессія, исходящая, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ военнаго суда или отъ суда съ сословными представителями, ничего не оставляетъ желать съ точки зрѣнія внушительности и строгости. Для того, чтобы положить конецъ „административнымъ мѣропріятіямъ“, нуженъ не усовершенствованный „судебный механизмъ“ — нужна перемѣна во взглядахъ на законъ и законность, на достоинство и права личности, на взаимныя отношенія власти и подвластныхъ. Пока такой перемѣны не произошло, не помогутъ никакія „смѣшанныя коллегіи“ — и наоборотъ, когда она произойдетъ, интересы правосудія окажутся достаточно обезпеченными и судомъ присяжныхъ. Еслибы, наконецъ, смѣшанная коллегія, проектируемая гг. Дейтрихомъ, Закревскимъ и Кичинимъ, и была признана подходящимъ судомъ для политическихъ преступленій, проступковъ печати и т. п., то почему бы не предоставить ей эти дѣла (что, конечно, было бы значительнымъ шагомъ впередъ сравнительно съ настоящимъ), сохранивъ, рядомъ съ нею, судъ присяжныхъ? Вѣдь существуетъ же онъ въ настоящее время рядомъ съ судомъ сословныхъ представителей.

Возставая противъ проектовъ преобразованія, равносильныхъ упраздненію, мы далеки отъ мысли, чтобы въ нашемъ судѣ присяжныхъ все было доведено до послѣдней степени совершенства. Путемъ частныхъ поправокъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ломкой, кое-что могло бы быть и въ немъ измѣнено къ лучшему. Мы поговоримъ о нихъ подробно въ другой разъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1896 г.

Восстановленіе дипломатическихъ связей съ Болгаріею.—Правительственное сообщеніе.—Празднества въ Софіи и русскіе корреспонденты.—Отношеніе нашихъ патріотовъ къ бывшему „лже-князю“.—Сужденія турецкаго султана объ армянскомъ вопросѣ.—Министерство Вуржуа и его противники во Франціи.

Официальное примиреніе съ Болгаріею совершилось скорѣе и проще, чѣмъ ожидали наши газетные „патріоты“. Еще недавно, наканунѣ самаго событія, значительная часть нашей печати доказывала очень настойчиво, что никакія усилія принца Фердинанда не заставятъ Россію отступить отъ разѣ усвоенной точки зрѣнія, и что присоединеніе его наслѣдника къ болгарской церкви еще не рѣшаетъ вопроса о признаніи законности существующаго порядка вещей въ болгарскомъ княжествѣ. Усердые истолкователи русской политики на Балканскомъ полуостровѣ, не перестававшіе говорить о самозванствѣ „лже-князя“, вдругъ оказались сами самозванцами: они, оказывается, совершенно напрасно приписывали нашей дипломатіи такіе взгляды, которыхъ она вовсе не раздѣляла.

Дипломатическій разрывъ съ Болгаріею былъ съ самаго начала несомнѣнною политическою ошибкою; онъ произошелъ, главнымъ образомъ, благодаря недостаточному нашему знакомству съ освобожденнымъ нами же народомъ, при одностороннемъ участіи неподготовленныхъ военныхъ дѣятелей въ разрѣшеніи политическихъ вопросовъ, требовавшихъ большого такта и пониманія. Никто не станетъ теперь отрицать, что миссія генерала Каульбарса въ 1886 году была неудачно задумана и выполнена; что тогдашнія наши желанія и требованія были неясны для насъ самихъ, и что вообще у насъ не было опредѣленной и обдуманной программы дѣйствій относительно Болгаріи; даже мѣстные исполнители, дипломаты и генералы, дѣйствовали разрозненно, противорѣчили другъ другу и большею частью были предоставлены самимъ себѣ, безъ точныхъ указаній изъ Петербурга. Дипломатическіе агенты подбирались случайно, болѣе по соображеніямъ служебной карьеры, чѣмъ ради пользы дѣла; знатоки балканскихъ дѣлъ переводились потомъ въ Бразилію, а знатоки Японіи или Китая назначались въ Болгарію или Сербію. Когда возникли недоразумѣнія съ болгарями, мы могли отнестись къ послѣднимъ снисходительно, какъ сильныя къ болѣе слабымъ, безъ раздраженія и обидчивости. Съ нашей

стороны не было основанія придавать чрезмѣрную важность отдѣльнымъ спорнымъ пунктамъ, которые въ сущности имѣли лишь формальное значеніе и часто касались мелочей. Разногласія легко улеглись бы со временемъ, и наши связи прочно утвердились бы въ странѣ, при нѣкоторомъ терпѣніи, обязательномъ въ подобныхъ случаяхъ. Прямолинейная категоричность нашихъ требованій и заявленій привела къ разрыву, который продолжался затѣмъ десять лѣтъ; въ теченіе всего этого срока все русское совершенно отсутствовало въ Болгаріи, и мы добровольно уступили свое мѣсто австрійцамъ и англичанамъ. Безъ нашего участія и вопреки нашимъ возраженіямъ водворилась въ княжествѣ новая династія, непріязненная намъ на первыхъ порахъ; власть перешла въ руки нашихъ рѣшительныхъ противниковъ, подъ руководствомъ Стамбулова и подъ ближайшимъ покровительствомъ Австро-Венгрии и Англии. Суровый Стамбуловскій режимъ возбудилъ неудовольствіе въ болгарскомъ народѣ, и въ видѣ естественной реакціи замѣчалось въ послѣдніе годы значительное оживленіе болгарскихъ симпатій къ отдаленной Россіи. Принцъ Кобургскій, хотя и не признанный официально княземъ, крѣпко держался на мѣстѣ и постепенно завоевывалъ себѣ положеніе законнаго правителя страны; онъ могъ уже и помимо насъ обойтись безъ тяжелой опеки Стамбулова, призваншаго его на престолъ, и сталъ дѣйствовать самостоятельно, приспособляясь по возможности къ національнымъ чувствамъ и стремленіямъ болгаръ. Онъ при этомъ пытался и идти на встрѣчу Россіи; его попытки, поддерживаемыя общественнымъ мнѣніемъ Болгаріи, увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ онѣ соотвѣтствовали и нашимъ, правильно понятымъ въ послѣднее время, прямымъ политическимъ интересамъ. Паденіе Стамбулова и его партіи очистило почву для сближенія, а рѣшимость принца Фердинанда присоединить своего наследника, двухлѣтняго принца Бориса, къ болгарской церкви послужила удобнымъ поводомъ для принятія окончательной мѣры, которая уже раньше была рѣшена въ принципѣ. Принцъ обратился къ Государю Императору съ письмомъ, на которое получилъ благосклонный отвѣтъ, послѣ чего наши официальные связи съ княжествомъ были восстановлены назначеніемъ въ Софію русскаго дипломатическаго агента, г. Чарыкова.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 27-го января, напечатанъ былъ слѣдующій переводъ телеграммы Его Императорскаго Величества къ его высочеству принцу Фердинанду, въ Софію:

„С.-Петербургъ, 25-го января 1896 года.—Искренно поздравляю ваше высочество съ принятіемъ патріотическаго рѣшенія, о коемъ вы сообщаете Мнѣ въ письмѣ вашемъ, отъ 21-го сего января.

„Свиты Моей генералъ-майоръ, графъ Голенищевъ-Кутузовъ, везетъ

вамъ отвѣтъ Мой, и ему поручается присутствовать, отъ Моего Имени, при обрядѣ присоединенія возлюбленнаго сына вашего къ церкви народа болгарскаго“.

Вотъ и текстъ правительственнаго сообщенія, которымъ сопровождалось обнародованіе этого важнаго документа:

„Вызывая въ 1886 году своихъ агентовъ изъ княжества Болгарскаго, Императорское правительство тогда же заявило, въ сообщеніи своемъ отъ 28-го ноября, что оно этою мѣрою отнюдь не имѣло въ виду порвать узы, связующія Болгарію съ Россією. Болгарія—созданіе Россіи и обязана своимъ существованіемъ тяжкимъ жертвамъ и усиліямъ русскаго народа; уже въ силу этого Императорское правительство не могло не относиться съ живѣйшимъ участіемъ ко всѣмъ явленіямъ ея гражданскаго устройства, къ настоящему ея положенію и къ будущимъ судьбамъ ея.

„Мы неоднократно заявляли, что ждемъ лишь чистосердечнаго сознанія самихъ болгаръ въ необходимости поворота къ лучшему, чтобы предать забвенію прошлое и положить начало возстановленію сношеній съ княжествомъ, основанныхъ на взаимномъ довѣрїи и чуждыхъ всякаго своекорыстнаго побужденія.

„Первый шагъ въ этомъ направленіи нынѣ сдѣланъ; принцъ Фердинандъ обратился къ Государю Императору съ письменнымъ ходатайствомъ о присылкѣ въ Софію особаго русскаго представителя, для присутствованія при обрядѣ присоединенія къ православной церкви малолѣтняго принца Бориса.

„Три года тому назадъ, по полученіи извѣстія о намѣреніи тогдашнихъ болгарскихъ правителей внести на утвержденіе народнаго собранія проектъ измѣненія 38-й ст. тырновской конституціи, обезпечивавшей принадлежность княжескаго дома къ православной церкви, Императорское правительство не могло не возвысить голоса своего противъ этого нововведенія. Оно тогда же, въ сообщеніи своемъ отъ 21-го февраля 1893 года, предостерегало всѣхъ болгаръ, безъ различія партій, о той опасности, которая грозитъ народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священнѣйшихъ своихъ преданій.

„Голосъ Россіи, искони сострадавшей бѣдствіямъ и неустройству единовѣрнаго племени на Востокѣ, проникъ въ сердца болгаръ: народъ болгарскій и его правители сознали необходимость оградить и укрѣпить господство въ странѣ православной вѣры, являющейся залогомъ неразрывной духовной связи, соединяющей Россію съ освобожденною ею Болгарією. Извѣстіе это повсюду въ Россіи встрѣчено было радостнымъ сочувствіемъ.

„Одупевляемый чувствами великодушія и искренняго доброжелательства къ Болгаріи, Государь Императоръ вынулъ просьбѣ принца Фердинанда и Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе ходатайства его командированіемъ въ Софію отъ Своего Имени, какъ свидѣтеля-воспріемника при совершеніи таинства миропомазанія надъ малолѣтнимъ сыномъ принца, Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-майора графа Голенищева-Кутузова“.

Въ манифестѣ 22-го января было объявлено болгарскому народу о присоединеніи принца Бориса къ болгарской церкви, и черезъ нѣсколько дней, при приѣмѣ членовъ народнаго собранія, принцъ Фердинандъ произнесъ рѣчь, въ которой объяснилъ значеніе дѣлаемаго шага и сообщилъ, между прочимъ, о согласіи Россіи прислать своего представителя для присутствованія при торжественномъ религіозномъ обрядѣ, назначенномъ на 2-е февраля. Въ телеграммахъ нашихъ газетъ эта рѣчь была передана крайне неточно, и нѣкоторыя мѣста ея производили впечатлѣніе безтактностей, мало правдоподобныхъ со стороны принца Кобургскаго; такъ, онъ выразился будто бы, что для принесенія великой жертвы, требуемой интересами Болгаріи, ему пришлось „ослабить семейныя узы“; это выраженіе могло быть понято въ смыслѣ намека на размолвку съ принцессою, которая собиралась даже уѣхать съ младшимъ сыномъ за границу. Въ подлинномъ текстѣ рѣчи, напечатанномъ въ болгарскихъ газетахъ, нѣтъ этой странной фразы, а сказано только, что рѣшеніе принца отдѣлило его „отъ Запада, т.-е. отъ родины и родственниковъ“. Принцъ не говоритъ также, что принесъ „такую великую, жестокую и глубоко потрясшую его жертву, какихъ не было еще въ исторіи“; послѣднія слова прибавлены были, очевидно, корреспондентомъ или переводчикомъ „Agence Valcanique“, отъ котораго заимствованы наши газетныя телеграммы изъ Софіи отъ 27-го января. По этому же невѣрному отчету, принцъ будто бы воспользовался случаемъ, чтобы весьма рѣзко отозваться о дѣятельности оппозиціи и о свободѣ печати. Онъ надѣется, какъ сообщали наши газеты, что „день 2-го февраля послужитъ краеугольнымъ камнемъ для оздоровленія общественнаго мнѣнія, что отнынѣ въ Болгаріи не окажется болѣе мѣста для недостойной печати, которая служитъ только низменнымъ интересамъ интригановъ, равно какъ для безсовѣстной оппозиціи, оскверняющей своими оскорбленіями государя“; онъ „высказалъ также увѣренность въ томъ, что статья органическаго устава, гласящая, что особа государя священна и неприкосновенна, не будетъ впредь обозначать пустой фразы и что чувства всѣхъ болгаръ объединятся подъ вліяніемъ лозунга: „одинъ Богъ, одинъ государь, одно отечество“. Въ

дѣйствительности принцъ Фердинандъ былъ гораздо болѣе кратокъ; онъ ничего не говорилъ ни о „недостойной печати“, ни о „бесовѣстной оппозиціи“, ни о „низменныхъ интересахъ интригановъ“, а ограничился заявленіемъ надежды, что „народъ сумѣетъ оцѣнить его жертву и что впредь статья конституціи о священности и неприкосновенности личности государя будетъ соблюдаться, что нападки отдѣльныхъ лицъ или фракцій прекратятся и народъ проникнется мыслью, что въ Болгаріи одинъ Богъ, одинъ князь и одинъ народъ“. Рѣчи принца Фердинанда не имѣютъ, конечно, большого политическаго значенія, но излишне было передавать ихъ въ извращенномъ и произвольно дополненномъ видѣ. Наша печать могла бы, наконецъ, располагать самостоятельными источниками свѣденій относительно балканскихъ дѣлъ, не прибѣгая къ услугамъ иностранныхъ агентовъ; особенно желательно это въ настоящее время, когда опять возстановлены дружественныя отношенія съ Болгаріею.

Обрядъ присоединенія принца Бориса къ православію совершился въ Софіи съ большою торжественностью, при участіи главы болгарской церкви, въ присутствіи чрезвычайныхъ посланниковъ Россіи и Турціи, среди общаго энтузіазма населенія. Всякій понималъ, что прибытіе русскихъ и турецкихъ представителей означаетъ формальное признаніе законности установленнаго политическаго порядка въ княжествѣ; а такое признаніе прекращало хроническій кризисъ, который сильно тяготилъ болгаръ. Министръ-президентъ Стоиловъ ѣздилъ въ Константинополь, чтобы устроить необходимое соглашеніе съ Портою, и къ концу января дѣло было уже улажено съ дипломатической стороны. Это обстоятельство придавало событію 2-го февраля нѣкоторый отблескъ національнаго торжества. Въ празднествахъ участвовали и русскіе корреспонденты, которые и на этотъ разъ очутились въ положеніи частныхъ политическихъ дѣятелей. Представитель газеты, долго называвшей принца Фердинанда не иначе какъ „лжекняземъ и самозванцемъ“, телеграфировалъ въ свою редакцію: „Сегодня я обѣдалъ у князя. Князь былъ со мною особенно любезенъ и выразилъ мысль, что мы присутствуемъ при жатвѣ, посѣвъ которой начала моя первая поѣздка въ Болгарію въ 1894 году. Я буду имѣть специальную аудіенцію у князя“. На слѣдующій день другая телеграмма: „Князь вторично бесѣдовалъ со мною и показывалъ портретъ принца Бориса, посылаемый въ Россію. Имѣлъ разговоры съ первымъ министромъ Стоиловымъ, а также съ другими министрами. Мы, русскіе журналисты, послали поздравительную телеграмму князю Лобанову-Ростовскому“. Журналисты, обыкновенно столь скромные у себя дома, почувствовали вдругъ приливъ политической смѣлости и высказали нашему министру иностранныхъ дѣлъ свое мнѣніе о „не-

обыкновенномъ успѣхѣ русской дипломатіи, на благо Россіи, славянства и православія“. Принцъ Фердинандъ пригласилъ корреспондентовъ во дворецъ на завтракъ; они говорили хорошія политическія рѣчи, послѣ чего ихъ поздравили съ пожалованіемъ болгарскими орденами разныхъ наименованій и степеней. Болѣе важные ордена даны были журналистамъ, выразившимъ въ свое время примирительныя чувства по отношенію къ „лже-князю“; наименьшимъ орденомъ былъ награжденъ представитель непримиримыхъ „Московскихъ Вѣдомостей“, громившихъ „самозванца“ съ наибольшимъ усердіемъ. Очень трогательно описанъ въ депешѣ одной газеты прощальный обѣдъ, который давала русскимъ гостямъ болгарская народная партія. Поэтъ Вазовъ предложилъ тостъ за „Новое Время“; товарищъ предсѣдателя народнаго собранія Даневъ пилъ за „Московскія Вѣдомости“; корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ читалъ стихи (см. телеграмму въ „Новомъ Времени“ отъ 9 февраля). Полная идиллія! Болгарскіе патріоты чествовали недавнихъ обличителей Болгаріи и суровыхъ противниковъ ея „самозваннаго князя“; наши журналисты съ достоинствомъ выслушивали заявленія о заслугахъ своихъ газетъ и легко вошли въ новую роль друзей болгарскаго княжества и его правительства. Вчерашній лже-князь сдѣлался для нихъ истиннымъ государемъ своей страны; въ немъ обнаружены блестящія качества и дарованія, о которыхъ прежде не было и рѣчи,—и безконечнымъ толкамъ о незаконности его власти положенъ конецъ. Забыты прежнія ссылки на берлинскій трактатъ, разногласія исчезли, и духъ примиренія овладѣлъ нашею патріотическою печатью въ тотъ день, когда стало извѣстно рѣшеніе призвать принца Фердинанда болгарскимъ княземъ. Для нѣкоторыхъ публицистовъ переходъ отъ прежняго тона къ новому былъ слишкомъ рѣзокъ, но онъ смягчался временною сдержанностью въ сужденіяхъ и не особенно затруднялъ людей, умѣющихъ приспособляться къ обстоятельствамъ. Одна только газета нарушала эту общую гармонію, продолжая до конца отстаивать старую точку зрѣнія; она рѣшительно осуждала поступокъ принца даже наканунѣ обнародованія правительственнаго сообщенія, и за это ее дружно высмѣивали болѣе ловкіе газетные дѣатели, сопоставляя ея странную недалковидность съ заявленными ею неосторожными притязаніями на офиціозность. Газета была за то обойдена болгарскимъ орденомъ, такъ какъ не послала своего представителя въ Софію для описанія торжествъ, которымъ не сочувствовала.

Всѣ эти мелкія, скорѣе—комическія черты событія 2 февраля, разумѣется, не умаляютъ его политическаго значенія для Болгаріи и отчасти также для Россіи. Возстановленіе нормальныхъ отношеній между болгарскимъ княжествомъ и державою-освободительницею устраняетъ

послѣдніе поводы къ замѣшательствамъ на Балканскомъ полуостровѣ и упрочиваетъ миръ въ такой области, гдѣ издавна сталкивались между собою интересы могущественныхъ европейскихъ державъ. Пока болгарскій вопросъ оставался открытымъ, всегда возможны были пререканія и столкновенія, крайне нежелательныя даже при мирномъ дипломатическомъ ихъ характерѣ. Русская дипломатія вновь приобретаетъ свое законное вліяніе въ Болгаріи, и теперь оно не будетъ уже давать матеріалъ для обвиненій и подозрѣній, какъ въ былое время. Десятилѣтній разладъ имѣлъ одну хорошую сторону: онъ заставилъ забыть прошлое и подготовилъ фактическую почву для болѣе спокойной и сдержанной роли дипломатическихъ представителей въ болгарскомъ княжествѣ. По предложенію султана, какъ созерена Болгаріи, съ предварительнаго одобренія и согласія Россіи, принцъ Фердинандъ утвержденъ великими державами въ званіи болгарскаго князя и генераль-губернатора Восточной Румелии; страна имѣетъ нынѣ свою законную власть, дѣйствующую на основаніи конституціи, и свое самостоятельное управленіе, отвѣтственное предъ народнымъ собраніемъ. Дипломатія не имѣетъ уже надобности вмѣшиваться во внутреннія дѣла княжества и можетъ спокойно представить ихъ обычному мирному теченію, такъ какъ нѣтъ болѣе матеріала для раздражающей политической агитаціи. Принцъ Фердинандъ достигъ своей цѣли упорнымъ восьмилѣтнимъ пребываніемъ въ Софіи, несмотря на всѣ окружавшія его невзгоды и препятствія; онъ разрѣшилъ задачу, которая оказалась не по силамъ болѣе талантливому предшественнику его, принцу Александру Баттенбергу. Отвергнутый Россією, не признаваемый ни Турцією, ни Европою, онъ въ первые годы былъ лишь избранникомъ болгарскихъ народныхъ представителей, руководимыхъ Стамбуловымъ; онъ по неволѣ долженъ былъ связать свое положеніе съ судьбою диктатора, владычество котораго поощрялось западно-европейскими кабинетами. Въ началѣ пассивный и терпѣливый, внимательно присматриваясь къ новой для него обстановкѣ, изучая языкъ и нравы народа, онъ постепенно приучилъ болгаръ видѣть въ немъ настоящаго князя, проникнутаго сознаніемъ своихъ обязанностей и привилегій. Устранивъ Стамбулова, онъ нашелъ себѣ поддержку въ общемъ сочувствіи населенія и могъ уже смѣло взять на себя роль правителя. Онъ не поддавался увлеченіямъ, которыя были столь пагубны для его предшественника; онъ дѣйствовалъ осторожно и расчетливо, въ духѣ традицій Кобургскаго дома. Настойчивость и выдержка принадлежатъ къ числу характеристическихъ качествъ многихъ представителей этой фамиліи; благодаря этимъ качествамъ утвердились Кобурги въ Бельгіи, гдѣ ихъ также долго не признавала часть европейской дипломатіи.

Принцъ Фердинандъ, хотя и выбранный безъ нашего участія и даже противъ нашего желанія, представляетъ для насъ больше гарантій, чѣмъ принцъ Баттенбергъ, обязанный своимъ назначеніемъ Россіи; гарантіи эти заключаются не только въ его личномъ характерѣ, но и въ тѣхъ условіяхъ, которыя побуждали его сознательно стремиться къ приобрѣтенію русской благосклонности. Такимъ образомъ успѣхъ принца Фердинанда есть въ то же время большой политической успѣхъ и для нашей дипломатіи, а та рѣшительность, съ какою сразу повонченъ десятилѣтній споръ, столь долго раздуваемый quasi-патріотическою печатью, должна составлять въ глазахъ Европы несомнѣнную и весьма значительную заслугу нашего министерства иностранныхъ дѣлъ: это былъ истинно миролюбивый шагъ, дающій намъ свободу дѣйствія, взаимъ прежней свободы бездѣйствія, которую такъ превозносили наши „патріоты“.

Признаніе принца Фердинанда законнымъ княземъ Болгаріи должно отразиться извѣстнымъ образомъ на внутреннихъ дѣлахъ этой страны; оно прежде всего усиливаетъ положеніе правителя и возвышаетъ его авторитетъ, чѣмъ косвенно ослабляетъ роль народнаго собранія и отдѣльныхъ политическихъ партій. Оппозиція вынуждена будетъ измѣнить свои способы дѣйствія и отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ надеждъ; противники династіи теряютъ почву и обязаны такъ или иначе примириться съ совершившимся фактомъ. Первымъ результатомъ наступленія „новой эры“ было принятіе новаго закона о печати, который, впрочемъ, представляется, сравнительно говоря, весьма невиннымъ по содержанію, насколько можно судить о немъ по краткимъ газетнымъ свѣденіямъ; по этому закону, отвѣтственные редакторы должны имѣть образовательный цензъ средняго учебнаго заведенія и возрастъ не менѣе 28 лѣтъ. Мотивомъ такого требованія выставляется „грубость полемики болгарской печати по отношенію къ иностраннымъ государствамъ“; но зато еще ничего не слышно пока о попыткахъ ограничить свободу печати во внутреннихъ вопросахъ, какъ ожидали многіе на основаніи упомянутыхъ выше ошибочныхъ отчетовъ о рѣчи принца къ членамъ народнаго собранія. Принцъ Фердинандъ, правда, намекалъ тогда на „нападки отдѣльныхъ лицъ и фракцій съ нечистыми цѣлями“ и на необходимость соблюдать уваженіе къ его особѣ, согласно конституціи; по всей вѣроятности, онъ имѣлъ въ виду нѣкоторые органы, отрицавшіе его право на титулъ законнаго государя. Нападки на князя едва ли могутъ встрѣчаться въ болгарской журналистикѣ за послѣднее время, если не относить къ нимъ простыхъ критическихъ сужденій объ его дѣйствіяхъ и рѣчахъ. Въ немногихъ болгарскихъ газетахъ, получаемыхъ нами, мы находимъ, напротивъ, избытокъ даже льстиваго тона; на первомъ мѣстѣ всегда стоятъ двор-

цовья извѣстія, сообщающія о каждомъ шагѣ принца и его свиты, при чемъ бросается въ глаза обиліе громкихъ придворныхъ званій, не вполне соответствующихъ скромному характеру болгарской столицы. Военные смотры, парадные обѣды, приемы и выѣзды происходятъ въ Софіи съ такимъ же строгимъ соблюденіемъ дворцовыхъ правилъ, какъ гдѣ-нибудь въ Вѣнѣ или Берлинѣ, и этотъ элементъ, перенесенный на болгарскую почву, доходитъ до явнаго излишества и производитъ впечатлѣніе чрезмѣрнаго подражанія неподходящимъ заграничнымъ образцамъ. Культурное и зажиточное болгарское общество не настолько многочисленно и богато, чтобы для него могли быть безвредны великосвѣтскіе обычай, прививаемые искусственно и связанные съ легкостью правовъ и расточительностью; въ странѣ нѣтъ аристократіи, и не предвидится удобныхъ для нея элементовъ, при отсутствіи крупнаго частнаго землевладѣнія и опредѣленныхъ общественно-политическихъ традицій. Создавать особый высшій классъ изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ извѣстнаго ранга было бы безцѣльно, такъ какъ составъ чиновничества и офицерства не можетъ тамъ пополняться иначе, какъ изъ всѣхъ слоевъ населенія; наследственные же привилегіи не имѣли бы смысла, еслибы онѣ не соединялись съ достаточною матеріальною обезпеченностью, которой именно и недостаетъ большинству искателей служебной карьеры. Возбуждать извѣстныя потребности и вкусы, не доставляя средствъ для ихъ удовлетворенія, было бы особенно неразумно въ странѣ чисто демократической, только недавно достигшей полу-независимаго государственнаго существованія. Быть можетъ, впечатлѣніе наше ошибочно, и въ дѣйствительности дворцовые обычай, вводимые принцемъ Фердинандомъ, могутъ не имѣть того значенія, которое мы предполагаемъ; но нѣкоторыя болгарскія газеты невольно вызываютъ мысль о какомъ-то странномъ и для Болгаріи театральномъ придворно-аристократическомъ направленіи, искусственно поддерживаемомъ въ обществѣ вліяніемъ княжескаго дворца. Но рядомъ съ этимъ практикуются крайне рѣзкіе полемическіе приемы, употребляются оскорбительныя выраженія и грубыя ругательства по отношенію къ противникамъ, и этотъ родъ полемики процвѣтаетъ даже въ такихъ газетахъ, которыя имѣютъ своею задачею общее умиротвореніе, напр. въ газетѣ „Миръ“, органѣ народной партіи. Слово „Миръ“, поставленное въ заголовкѣ газеты, звучитъ какою-то насмѣшкою, когда подъ его фирмою печатаются грубѣйшія ругательства по адресу противниковъ. Подобныя литературныя или вѣрнѣе анти-литературныя нравы едва ли поправятся отъ назначенія извѣстнаго образовательнаго ценза для отвѣтственныхъ редакторовъ. Надо думать, что характеръ болгарской журналистики измѣнится со вре-

менемъ самъ собою, по мѣрѣ культурнаго и умственнаго роста болгарскаго общества; а многіе признаки указываютъ, что болгарское общество быстро идетъ впередъ во многихъ отношеніяхъ.

Англійское правительство обнаруживало дипломатическую переписку по армянскому вопросу, и въ этой перепискѣ мы встрѣчаемъ очень интересные документы, характеризующіе систему турецкаго управленія. Между прочимъ, въ подробномъ отчетѣ о разговорѣ султана съ британскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, сэромъ Филиппомъ Керри (въ мартѣ прошлаго года), излагаются сужденія турецкаго повелителя о благополучіи, царствующемъ въ его имперіи. Султанъ выражалъ твердую увѣренность, что извѣстія о несправедливостяхъ, совершаемыхъ турками относительно армянъ, распространяются лишь злонамѣренными людьми и не имѣютъ реальнаго основанія, такъ какъ они противорѣчатъ безусловно точнымъ официальнымъ свѣденіямъ, сообщеннымъ ему, султану. По этимъ свѣденіямъ, только въ трехъ пунктахъ происходили политическіе беспорядки, вслѣдствіе которыхъ произведены были многочисленныя аресты; но султанъ великодушно простилъ многихъ изъ замѣшанныхъ лицъ, такъ что всего осталось арестованныхъ не болѣе тридцати человекъ. Посланникъ никакъ не могъ убѣдить султана, что доходящія до него официальныя свѣденія противорѣчатъ истинѣ, и что мѣстныя власти произвольно заключаютъ обывателей въ тюрьму, гдѣ держать ихъ безъ всякой законной причины въ теченіе долгаго времени, не назначая никакого суда. Султанъ рѣшительно не допускалъ возможности такого положенія вещей. „Политическіе аресты,—говорилъ онъ,—производятся только послѣ политическихъ замѣшательствъ и волненій, а такія замѣшательства несомнѣнно случились только въ трехъ городахъ. Мѣстныя власти не могли бы оставлять арестованныхъ въ тюрьмѣ безъ суда, ибо это было бы прямо незаконно“. На категорическія увѣренія посланника, подтверждаемыя цифрами и фактами, султанъ отвѣчалъ неоднократно, что этого быть не можетъ, что это похоже на сонъ. По словамъ султана, онъ и его предшественники всегда относились благосклонно къ армянамъ; но въ послѣдніе годы армяне вели себя нехорошо, часто нападали на мусульманъ и возставали противъ законной власти, за что и подвергались надлежащимъ взысканіямъ. Гдѣ бывали кровопролитія, тамъ виноваты были одни армяне; турки только защищались отъ нападеній, а администрація восстанавливала порядокъ и преслѣдовала виновныхъ. Въ доказательство султанъ сослался на беспорядки въ Токатѣ; армяне начали тамъ волноваться и шумѣть на базарѣ, затѣмъ собра-

лись въ церкви и стали стрѣлять въ мусульманъ, изъ которыхъ ранили двадцать человекъ, при чемъ одинъ армянинъ былъ убитъ. Порядокъ былъ съ трудомъ восстановленъ военною властью, послѣ чего султанъ повелѣлъ сивасскому губернатору отправиться на мѣсто, произвести безпристрастное слѣдствіе и наказать виновныхъ. Султана очень оскорбляло то обстоятельство, что армяне недобольны его режимомъ и жалуются иностраннымъ правительствамъ и комитетамъ; что англичане вѣрятъ злонамѣреннымъ армянскимъ выдумкамъ и выказываютъ изъ-за нихъ нерасположеніе къ турецкой имперіи. Посланникъ напоминалъ, что онъ опирается не на выдумки, а на точныя фактическія сообщенія мѣстныхъ британскихъ консуловъ; султанъ съ своей стороны ссылаясь на благодѣтельные указы своихъ предшественниковъ, обезпечившіе законныя права всѣхъ христіанскихъ подданныхъ, и подтверждалъ свои личныя хорошія намѣренія относительно армянъ, а эти указы и намѣренія обязательны для исполнителей.

Весь ходъ этой оригинальной бесѣды между турецкимъ султаномъ и британскимъ посланникомъ обнаруживаетъ коренное взаимное непониманіе: султанъ неизмѣнно стоитъ на той фантастической точкѣ зрѣнія, будто его личная власть господствуетъ въ имперіи, и что все совершается согласно его волѣ и его указаніямъ, потому что онъ ничѣмъ неограниченный властелинъ; а собесѣдникъ не можетъ и не желаетъ разрушить эту иллюзію личнаго могущества монарха, отъ котораго онъ самъ же добивается извѣстныхъ уступокъ въ пользу армянъ. Окруженный льстивыми сановниками, не видя и не слыша ничего, кромѣ извѣстій объ общемъ благополучіи и о нѣкоторыхъ козняхъ враговъ отечества, султанъ повидимому искренно убѣжденъ въ несправедливости или преувеличенности обвиненій, взводимыхъ на турецкую администрацію. Онъ знаетъ, что мѣстныя власти исполняютъ или должны исполнять его ничѣмъ неограниченную волю, что надъ ними стоятъ бдительные начальники, которые въ свою очередь подчинены строгому контролю министровъ и великаго визира, а послѣдніе дѣйствуютъ подъ личнымъ и непосредственнымъ наблюденіемъ могущественнаго падишаха. При такой системѣ машина должна двигаться правильно, и никакихъ напрасныхъ беззаконій произойти не можетъ. Отдѣльныя же неприятыя событія всегда находятъ себѣ какое-нибудь правдоподобное объясненіе, предупредительно доставляемое придворными пашами, и султанъ можетъ пребывать многіе годы въ самомъ благодушномъ настроеніи относительно внутреннихъ дѣлъ своей разлагающейся имперіи.

Какъ добиться серьезныхъ реформъ при этой замкнутости турецкаго дворцоваго міра, съ его искусственно поддерживаемою вѣрою въ общее

благополучіе? Что помогут наилучшіе указы и намѣренія при существованіи этой глухой стѣны, закрывающей для султана всякій доступъ къ ознакомленію съ дѣйствительною жизнью его имперіи? Оттого и армянскій вопросъ не могъ привести ни къ чему существенному, когда выяснилось, что далѣе дружественныхъ мирныхъ совѣтовъ европейская дипломатія не пойдетъ. Обезпеченіе личныхъ и общественныхъ интересовъ турецкихъ армянъ можетъ быть достигнуто только на почвѣ мѣстной автономіи, подъ охраною иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ; а надѣяться на добровольныя турецкія реформы было бы слишкомъ большою наивною, какъ это давно уже признано и доказано практикою восточнаго вопроса. Султанъ на дѣлѣ безсиленъ, при всей номинальной широтѣ своей власти, и въ этомъ заключается секретъ неудачи всѣхъ проектовъ внутренняго преобразованія Турціи посредствомъ переговоровъ и соглашеній съ ея повелителемъ.

Во Франціи произошло политическое столкновение между палатою депутатовъ и сенатомъ; печать заговорила о конституціонномъ кризисѣ, и министерство Буржуа было поставлено въ весьма затруднительное положеніе. Сенатъ возсталъ противъ кабинета, поддерживаемаго палатою депутатовъ; палата подтвердила свое довѣріе къ правительству, а сенатъ, съ несвойственною ему смѣлостью, высказался вторично противъ министерства и противъ палаты. Когда сенатъ въ засѣданіи 11-го февраля (нов. ст.) выразилъ свое порицаніе министрамъ, — глава кабинета, Буржуа, перенесъ дѣло на разсмотрѣніе палаты депутатовъ, которая два дня спустя, 13-го числа, одобрила его дѣйствія значительнымъ большинствомъ. Министерство не только не вышло въ отставку, какъ предполагали сенаторы, но нашло еще болѣе энергическую поддержку въ палатѣ депутатовъ. Тогда оскорбленный сенатъ, въ засѣданіи 15-го числа, постановилъ, что принятое имъ рѣшеніе остается въ полной силѣ. Многие полагали, что кабинетъ не можетъ сохранить власть вопреки сенату, такъ какъ по конституціи министры отвѣтственны передъ обѣими палатами; другіе находили, что по конституціонной практикѣ главное значеніе принадлежитъ палатѣ депутатовъ, которая одна только вліяетъ непосредственно на составъ и судьбу министровъ. Такъ называемые радикалы воспользовались случаемъ, чтобы опять поставить на очередь вопросъ о пересмотрѣ конституціи съ цѣлью ограниченія или даже упраздненія сената. Горячая газетная полемика по этому предмету напомнила сенату, что онъ никогда не пользовался популярностью въ странѣ, и что даже общественное мнѣніе высшихъ классовъ относится къ нему по меньшей мѣрѣ равнодушно. Передовыя

республиканскія группы сената приняли сторону министерства, и по зрѣломъ размысленіи, сенатъ объявилъ, что онъ не имѣлъ вовсе въ виду требовать удаленія кабинета, пользующагося довѣріемъ палаты депутатовъ. Сенатская декларація 21-го февраля означаетъ несомнѣнную побѣду правительства, и хотя сенатъ отступилъ съ достоинствомъ, но фактъ отступленія никѣмъ не отрицается. Такъ возникъ и окончился неожиданный конституціонный кризисъ, волновавшій общественное мнѣніе Франціи въ теченіе десяти дней.

Впрочемъ, на этотъ разъ столкновеніе обѣихъ палатъ не возбудило широкаго общественнаго интереса, такъ какъ оно не затрогивало никакихъ крупныхъ вопросовъ политической жизни. Поводы къ конфликту были сравнительно мелкіе, и они послужили, очевидно, только прикрытіемъ для существеннаго внутренняго разлада, который прямо ни въ чемъ не выразался. Умѣренные республиканскіе элементы въ палатѣ депутатовъ доставляютъ радикальному кабинету большинство, котораго онъ самъ по себѣ не имѣлъ бы, еслибы опирался только на свою собственную партію; министерство твердо держится потому, что оно дѣйствуетъ въ духѣ общественнаго настроенія и старается удовлетворить не однихъ своихъ приверженцевъ, а всѣхъ вообще передовыхъ республиканцевъ, оставаясь на почвѣ своей радикальной программы. Сенатъ недоволенъ поведеніемъ умѣренныхъ группъ палаты депутатовъ, ибо мѣры и проекты министерства ему очень не нравятся; онъ и высказалъ свое недовольство, чтобы побудить министровъ удалиться, но въ концѣ концовъ отрекся отъ своего намѣренія, встрѣтивъ слишкомъ рѣшительный отпоръ со стороны кабинета и палаты депутатовъ. Истинные мотивы раздраженія сенатскаго большинства остались невыясненными, и вся эта парламентская распря не выходила изъ предѣловъ мелочного и скучнаго спора. Парламентъ и печать вынуждены были цѣлыхъ десять дней заниматься обсужденіемъ подробностей замѣны одного слѣдственнаго судьи другимъ для скорѣйшаго окончанія слѣдствія о южныхъ желѣзныхъ дорогахъ, по распоряженію министра юстиціи Рикара. Въ телеграммахъ нашихъ газетъ сообщалось, что министръ незаконно смѣнилъ слѣдственнаго судью и назначилъ другого на его мѣсто; отсюда можно было заключить, что дѣло идетъ о произвольной отставкѣ одного изъ членовъ магистратуры, и тогда вопросъ дѣйствительно имѣлъ бы серьезное значеніе. На дѣлѣ не было и не могло быть и рѣчи о подобной незаконной мѣрѣ, противорѣчащей основнымъ началамъ французскаго судебнаго устройства; министръ юстиціи никого не смѣнялъ, а только отобралъ производившееся специальное дѣло у одного слѣдователя, чтобы передать его другому, болѣе энергичному. Слово „dessaisir“, „dessaissement“, понято было

почему-то въ смыслѣ смѣщенія или отставки, и этотъ неточный переводъ телеграфныхъ извѣстій ввелъ въ заблужденіе нѣкоторыя наши газеты. Слѣдствіе о подкупахъ въ дѣлѣ южныхъ желѣзныхъ дорогъ должно было сильно интересовать правительство, которое торжественно обязалось предъ парламентомъ раскрыть всѣ злоупотребленія, допущенныя администраціею этихъ дорогъ при участіи многихъ депутатовъ и сенаторовъ. Прежній кабинетъ былъ свергнутъ палатою за то, что не соглашался обнародовать слѣдственные документы по этому дѣлу и не находилъ ничего преступнаго въ дѣйствіяхъ политическихъ личностей, принимавшихъ финансовое участіе въ дѣлахъ упомянутыхъ желѣзныхъ дорогъ; новое радикальное министерство назначено было именно для того, чтобы пролить былъ полный свѣтъ на темныя и сомнительныя аферы, въ которыхъ замѣшаны члены парламента. Теперь прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, и дѣло подвигалось впередъ довольно туго; министръ юстиціи нашелъ, что судебный слѣдователь Ремплеръ, производившій слѣдствіе, дѣйствуетъ слишкомъ вяло и медленно, и что онъ останавливается передъ сомнѣніями, которыя лишены основательности; поэтому министръ рѣшилъ поручить слѣдствіе болѣе дѣятельному судѣ, де-Пуатвену. На запросъ по этому поводу министръ юстиціи имѣлъ неосторожность заявить, что самъ слѣдственный судья Ремплеръ не возражалъ противъ передачи дѣла другому лицу; такое заявленіе возмутило сенатора Мониса, который съ своей стороны предпринялъ на этомъ основаніи цѣлый походъ противъ министерства. Сенаторъ Монисъ зналъ частнымъ образомъ, что слѣдователь послалъ прокурору протестъ противъ отобранія у него дѣла; онъ и сообщилъ сенату объ этомъ протестѣ и обвинилъ министра—въ явной лжи. Министръ Рикаръ могъ только повторить свое увѣреніе, что о протестѣ или возраженіи слѣдственного судьи ему ничего не было извѣстно, и что только въ послѣднюю минуту ему доложено содержаніе письма Ремплера; такимъ образомъ, онъ сказалъ правду, и у него не было никакого мотива для того, чтобы вводить палату въ заблужденіе по этому пункту. Парламентскіе дебаты долго вертѣлись около этихъ ничтожныхъ фактовъ; сенаторъ Монисъ горячо доказывалъ, что письмо слѣдственного судьи не могло остаться неизвѣстнымъ министру, и что если оно ему было неизвѣстно, то виновата прокурорская власть, не сообщающая своевременно начальству о полученіи столь важныхъ документовъ. Конечно, письмо судебного слѣдователя къ прокурору не могло казаться важнымъ и значительнымъ въ моментъ его полученія, ибо никто въ мірѣ не могъ предвидѣть, что оно послужитъ предметомъ шумнаго разбирательства въ парламентѣ и сдѣлается удобнымъ орудіемъ для низверженія министерства. Самъ сенаторъ

Монисъ возбудилъ всю эту исторію только благодаря случайному обстоятельству, не имѣющему никакой связи съ подитикою; и судья Ремплеръ не приобрѣлъ бы своей теперешней извѣстности, еслибы въ сенатѣ не засѣдалъ его тестъ, Тристанъ, съ которымъ близко знакомъ сенаторъ Монисъ. Тестю неудобно было выступать, и онъ передалъ нужные документы своему коллегѣ, который и затѣялъ громкое дѣло, едва не погубившее кабинетъ Буржуа. Можно сказать, что въ данномъ случаѣ было много шума изъ-за пустяковъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1896.

- Исторія полувѣковой дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1845—1895. Составилъ по порученію совѣта Импер. Р. Географ. Общества вице-предсѣдатель Общества П. П. Семеновъ при содѣйствіи дѣйств. члена Общества А. А. Достоевскаго. Три тома, въ пяти отдѣлахъ. Спб. 1896. Съ приложеніемъ Карты Азіатской Россіи и смежныхъ съ нею владѣній, г. Коверскаго.

Въ ряду нашихъ ученыхъ обществъ, теперь уже довольно многочисленныхъ, Географическое Общество занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто: ни одно не бывало въ одно и то же время такъ близко и къ задачамъ науки, и къ массѣ образованнаго общества. Оно не ограничивалось тѣснымъ кругомъ специалистовъ и, напротивъ, всегда привлекало множество дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, соединяя ихъ въ общей цѣли науки. Въ концѣ прошлаго года Общество завершило и въ началѣ нынѣшняго года отпраздновало полувѣвка своего существованія, и вышедшая теперь исторія его полувѣковой дѣятельности, рассказанная П. П. Семеновымъ, представляетъ въ высшей степени любопытную картину научнаго труда, любопытную и для исторіи самой науки, въ которую эта дѣятельность его внесла множество по истинѣ драгоцѣнныхъ приобрѣтеній, и для исторіи нашего общественнаго развитія, гдѣ Географическое Общество также заняло свое почетное мѣсто.

Этотъ особенный и рѣдкій у насъ успѣхъ дѣятельности ученаго учрежденія имѣлъ свою главную основу въ подъемѣ тѣхъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ, которые стали сказываться у насъ въ особенности съ сороковыхъ годовъ и искали себѣ выхода и примѣненія—между прочимъ и въ томъ изученіи Россіи и русскаго народа, которое поставлено было цѣлью учрежденія, основавшагося въ 1845 году. Вышедши изъ различныхъ научныхъ, а также и административныхъ соображеній, Общество въ поставленной имъ цѣли

могло поэтому съ самаго начала опереться на сочувствіе цѣлой массы ученыхъ и образованныхъ людей въ Петербургѣ и цѣлой массы скромныхъ дѣятелей въ глубинахъ провинціи. Въ сороковыхъ годахъ значительно поднялся сравнительно съ прежнимъ уровень образовательныхъ интересовъ и съ особенною силою стало сказываться стремленіе къ изученію государства и народа, такъ какъ въ этомъ изученіи правильно видѣли основу нашего національнаго самосознанія, на которомъ должны были утверждаться успѣхи и матеріальнаго и нравственнаго преуспѣянія. Географическое Общество могло именно дать возможность выяснитъ это стремленіе и начать систематическую работу въ этомъ направленіи. Это было одно изъ условий его быстраго успѣха уже въ сороковыхъ годахъ: къ нему тотчасъ прикнули многія замѣчательныя силы едва нарождавшейся русской науки въ области землѣвѣденія и въ частности этнографіи, которая особенно близко могла отвѣчать уже развивавшемуся интересу къ народнымъ изученіямъ. Другимъ условіемъ успѣха была счастливая постановка самой организациі новаго учрежденія, такъ какъ она именно доставляла возможность широкаго участія въ научномъ трудѣ общественныхъ силъ. Первые устроители Общества умѣли выработать для его дѣятельности такую форму, которая открывала доступъ въ Общество для всякаго, кто могъ предложить ему свой научный вкладъ и содѣйствіе: составивъ программы для собиранія свѣденій о народной жизни и обильно рассылая ихъ въ провинцію, Общество само вызывало новыхъ дѣятелей на мѣстахъ, и дѣйствительно находило ихъ въ такомъ обиліи, что уже вскорѣ могло воспользоваться ихъ сообщеніями для своихъ изданій, которыя съ самаго начала приобрѣли большую научную цѣнность.

Но эта организациа далась не вдругъ и была достигнута только послѣ борьбы довольно упорной, судя по намекамъ „Исторіи“, которая говоритъ объ этомъ съ извѣстной официальной сдержанностью.

Возникновеніе Географическаго Общества, по разсказу „Исторіи“, произошло слѣдующимъ образомъ. Первая мысль объ его учрежденіи явилась въ 1844 году, тотчасъ по достиженіи вторымъ сыномъ императора Николая I, Константиномъ, семнадцатилѣтняго возраста. „Великій князь Константинъ Николаевичъ съ ранняго дѣтства былъ возведенъ Державнымъ Родителемъ въ званіе генералъ-адмирала. Весьма естественно, что воспитаніе его было поручено одному изъ славнѣйшихъ моряковъ того времени и направлено къ приобрѣтенію необходимыхъ для великаго князя свѣденій въ наукахъ физико-математическихъ и географическихъ. Необыкновенная любознательность юнаго и талантливаго великаго князя, для котораго разностороннее изученіе обширной территоріи нашего отечества казалось предметомъ

первостепенной важности, навела какъ главнаго руководителя воспитаніемъ великаго князя, вице-адмирала генераль-адъютанта Ѳ. П. Литке, такъ и преподавателя географіи и статистики у двухъ старшихъ сыновей императора Николая I, К. И. Арсеньева, на мысль объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ вышедшаго изъ малолѣтства великаго князя, русскаго Географическаго Общества*. Мысль объ основаніи Общества, которое направило бы лучшія молодыя силы на изученіе родной земли, встрѣтила живое сочувствіе въ четырехъ различныхъ кружкахъ, близко принимавшихъ къ сердцу интересы науки и отечества. Одинъ изъ этихъ кружковъ составляли моряки, уже составившіе себѣ большую славу своими кругосвѣтными плаваніями и открытіями: изъ нихъ вошли тогда въ составъ учредителей Общества Литке, Крузенштернъ, баронъ Врангель и Рикордъ. Другой кружокъ былъ академическій: это были знаменитый естествоиспытатель Бэръ, астрономъ Струве, геологъ Гельмерсенъ, статистикъ Кенпенъ. Третій кружокъ состоялъ изъ офицеровъ главнаго штаба, которые впоследствии оказали большія заслуги въ области географическихъ наукъ и отчасти въ кругу дѣятельности Географическаго Общества; изъ нихъ въ число учредителей вошли Ѳ. Ѳ. Бергъ, М. П. Вронченко, М. Н. Муравьевъ. „Наконецъ, четвертый кружокъ состоялъ изъ тѣхъ въ 1844 году еще немногочисленныхъ дѣятелей по различнымъ отраслямъ русской науки, которые съ серьезною научною подготовкою соединяли несомнѣнную талантливость и горячій патріотизмъ, и могли служить достойными представителями тѣхъ свободныхъ силъ русскаго общества, содѣйствіе коихъ должно было принести обширную пользу географическимъ наукамъ, при всестороннемъ изученіи Россіи“. Изъ этого кружка въ составъ членовъ учредителей Общества вошли К. И. Арсеньевъ, А. И. Левшинъ, извѣстный путешественникъ Платонъ Чихачевъ, Даль и кн. В. Ѳ. Одоевскій. „Около этого, исключительно *русскаю*, кружка по преимуществу и группировались болѣе молодые, истинно русскіе дѣятели, не вошедшіе въ составъ членовъ-учредителей, но или игравшіе съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія Общества видную роль въ его дѣятельности, или оказавшіе впоследствии (въ обширномъ циклѣ дѣятельности Географическаго Общества) выдающіяся услуги Россіи“. Изъ многихъ лицъ, вступившихъ въ эти первые годы въ составъ Общества, назовемъ въ особенности Заблоцкаго-Десятовскаго, Надеждина, А. В. Головина, Д. А. и Н. А. Милютиныхъ, П. С. Савельева, Кавелина, Ю. Самарина и др.

Первые годы Общество дѣйствовало на основаніи временнаго устава, который былъ сколкою съ устава лондонскаго Географическаго Общества съ небольшими видоизмѣненіями; предсѣдателемъ

Общества былъ съ самаго начала в. кн. Константинъ Николаевичъ и вице-предсѣдателемъ Литке; первымъ секретаремъ Общества былъ Головинъ. Въ концѣ 1847 года изъ среды членовъ была назначена коммиссія для выработки окончательнаго устава взаимнѣ временнаго. „Коммиссія,—говоритъ историкъ,—открыла свои занятія въ февралѣ 1848 года и, окончивъ ихъ къ началу весны, внесла свои предположенія въ совѣтъ Общества въ апрѣлѣ. Совѣтъ, при участіи 4 лицъ, избранныхъ Обществомъ, приступилъ къ обсужденію устава и окончилъ свои занятія въ срединѣ лѣта (28 іюня). Самыми дѣятельными членами при разсмотрѣніи устава оказались Д. А. и Н. А. Милютины, изъ коихъ послѣдній внесъ *нѣсколько страстный* элементъ въ дебаты коммиссіи, но принесъ ей большую пользу, такъ какъ въ концѣ концовъ много статей проекта было изложено согласно съ его взглядами. Впрочемъ первоначальный проектъ устава былъ составленъ совѣтомъ такъ, что Д. А. и Н. А. Милютины, вмѣстѣ съ В. С. Порошинымъ не только остались при отдѣльномъ мнѣніи, но и отказались даже отъ участія въ послѣднихъ весеннихъ засѣданіяхъ совѣта. Затѣмъ проектъ разосланъ былъ въ лѣтнее время на заключеніе всѣхъ членовъ Общества, изъ коихъ 75 представили совѣту свои замѣчанія, разсмотрѣніе коихъ было поручено К. В. Чевкину и Н. И. Надеждину. Съ октября 1848 г. началось новое разсмотрѣніе устава, въ которомъ опять приняли живое участіе избранный членомъ совѣта Д. А. Милютинъ, также какъ и оба остальные представителя общаго собранія, Н. А. Милютинъ и В. С. Порошинъ. Пересмотръ былъ приведенъ къ окончанію только въ половинѣ апрѣля 1849 г.“

Въ юбилейной исторіи могло не быть мѣста для болѣе подробнаго разсказа о дебатахъ, которыми устанавливался, однако, будущій характеръ дѣятельности Общества. Присутствіе „страстнаго элемента“, и особливо со стороны лица, которому уже вскорѣ потомъ предстояло составить себѣ почетное историческое имя въ дѣлѣ крестьянской реформы, указываетъ, что въ вопросѣ объ организаціи Географическаго Общества замѣшаны были живые и весьма серьезные общественные интересы. Время было крайне глухое; между тѣмъ въ средѣ болѣе образованнаго круга нарождалась уже потребность дѣятельности на почвѣ интересовъ, не только вполне естественныхъ и законныхъ, но необходимыхъ тамъ, гдѣ просвѣщеніе будило лучшія нравственныя силы. Мы привыкли судить о стремленіяхъ сороковыхъ годовъ по ихъ литературному выраженію; но самая страстность, съ которой высказывались идеи двухъ главныхъ литературныхъ направленій того времени, указываетъ, какое великое значеніе имѣли для нихъ эти идеи, которымъ обѣ стороны желали, конечно, осуществленія и въ самой

жизни. Но общественная жизнь той эпохи не давала никакой возможности для практическаго проявленія этихъ стремленій: общественной инициативѣ не было никакого мѣста,—только изрѣдка общественное настроеніе могло до извѣстной степени высказаться и высказывалось дѣйствительно съ увлеченіемъ, которое свидѣтельствовало о запасѣ общественныхъ силъ, искавшихъ выхода и работы. Таковъ былъ, напримѣръ, необычайный успѣхъ лекцій Грановскаго въ Москвѣ; таково было, въ болѣе широкихъ размѣрахъ и на этотъ разъ уже въ практической формѣ, увлеченіе Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ въ Петербургѣ, въ основаніи котораго игралъ такую дѣятельную роль кн. В. Ѡ. Одоевскій; таковъ сталъ теперь вопросъ о Географическомъ Обществѣ. Задачи, имъ поставленныя, именно представляли не только чисто научную важность, какъ, напримѣръ, область физической географіи, но и общественный интересъ, когда поставленъ былъ вопросъ объ изученіи русскаго народа и народной жизни. Достаточно просмотрѣть списокъ лицъ, вступившихъ въ члены Общества въ первые годы его существованія; это были люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, люди, не только желавшіе внести въ дѣятельность Общества долю своего спеціальнаго труда, но и люди безъ всякой научной спеціальности, съ однимъ интересомъ нѣсколько образованнаго человѣка къ высокой задачѣ Общества. Этотъ общественный интересъ былъ живо почувствованъ именно въ томъ „четвертомъ кружкѣ“, который отмѣченъ историкомъ при первомъ возникновеніи Общества. Мы видѣли выше, что въ основаніи Общества приняли участіе самыя разнообразныя силы, какими обладала тогдашняя русская наука; эти силы много поработали потомъ въ области географіи, научныхъ экспедицій и т. д. и сослужили великую службу въ дѣлѣ науки; но если мы обратимся въ частности къ вопросу объ изученіи русскаго народнаго быта, то здѣсь главная заслуга принадлежитъ именно инициативѣ того „четвертаго кружка“, который установилъ и передалъ своимъ преемникамъ задачу широкаго этнографическаго изученія. Уже тогда этотъ кружокъ проникнутъ былъ не только научнымъ убѣжденіемъ (въ то время еще не весьма распространеннымъ) въ важности изслѣдованія народно-бытовыхъ явленій, но и тѣмъ общественнымъ чувствомъ, которое въ тѣ, еще крѣпостныя, времена хотѣло видѣть въ народѣ не одно крѣпостное простонародье, но главную массу „націи“ и, соединяя научныя теоріи съ народолюбивымъ идеализмомъ (замѣтимъ: не только славянофильскимъ), надѣялось открыть въ изученіи народа тайну истинно національнаго русскаго развитія. Какъ ни были велики мореходные подвиги и научныя заслуги другихъ кружковъ, участвовавшихъ въ основаніи Общества, нѣтъ сомнѣнія, что *эта* сторона будущей пред-

полагаемой дѣятельности Общества, т.-е. эти такъ много общавшія изученія народной жизни, была близка и горячо принималась въ сердцу именно только въ этомъ „четвертомъ кружкѣ“. Историкъ Общества отдастъ полную справедливость тѣмъ ученымъ, именно академическимъ силамъ, которыя съ самаго начала приняли участие въ основаніи Общества и потомъ въ его послѣдующихъ работахъ. Назвавъ имена Бэра, Струве, Гельмерсена, Кеппена, историкъ говоритъ: „Все это поколѣніе славныхъ ученыхъ, высоко державшихъ знамя русской науки, несмотря на свои нѣмецкія имена и даже на нѣсколько замкнутый партикуляризмъ своего кружка, было искренно предано Россіи и глубоко убѣждено въ томъ, что живое его общеніе съ молодыми силами несомнѣнно растущаго и развивающагося русскаго общества можетъ оказать самое плодотворное вліяніе на развитіе, въ дорогую для всѣхъ общемъ русскомъ отечествѣ, тѣхъ наукъ, въ которыхъ, какъ въ наукахъ географическихъ, всего болѣе выражается національное самопознаніе“. „Живое общеніе“, конечно, могло быть благотворно; но отношеніе академическихъ ученыхъ (за исключеніемъ развѣ Кеппена) къ русской жизни и литературѣ было довольно странное—не по ихъ личной винѣ, а по винѣ давняго положенія русской науки, о которой слишкомъ долго не прилагалось особенной заботы. Напримѣръ, не говоря о спеціальныхъ астрономическихъ изслѣдованіяхъ, въ тѣ самые годы Бэръ и Гельмерсенъ излагали свои ученныя изслѣдованія о Россіи на нѣмецкомъ языкѣ (многотомные „Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches“, какъ и множество другихъ академическихъ изслѣдованій, касающихся русской археологіи, исторіи, географіи и т. д.): этотъ нѣмецкій языкъ, при всей важности содержанія самыхъ трудовъ, невольно отчуждалъ эти труды отъ русской литературы и общества, какъ бы не допуская возможности ученой литературы на русскомъ языкѣ, и если въ новое учрежденіе вступали съ особеннымъ авторитетомъ тѣ же лица, могла являться мысль, какъ это учрежденіе можетъ отнестись къ тѣмъ интересамъ, которые, какъ мы видѣли, были тогда возбуждены въ средѣ русской общественной жизни и литературы? На этой почвѣ и возникло то разногласіе, о которомъ упоминаетъ историкъ Географическаго Общества и которое, по его словамъ, принимало, наконецъ, страстный характеръ. Указывая первоначальный составъ Совѣта Географическаго Общества, г. Семеновъ замѣчаетъ, что „изъ 4-хъ вышепоименованныхъ кружковъ, изъ соединенія которыхъ образовалось Общество, преобладающимъ оказался академическій (изъ 13 членовъ Совѣта—5, въ томъ числѣ три управляющихъ Отдѣленіями, а нѣсколько позже, при избраніи замѣстителемъ отсутствующаго Ѡ. П. Литке, П. Н. Фуса, непремѣннаго секретаря академіи наукъ, изъ 14 чле-

новъ—6)“. Если прибавить, что съ академиками были солидарны и нѣкоторые изъ „мореходовъ“, то для членовъ „четвертаго кружка“ естественно было опасеніе, что организація Общества можетъ сложиться неблагопріятно для тѣхъ стремленій, которыми сами они были исполнены. Предметомъ разногласія, а потомъ страстнаго спора явился именно вопросъ о степени самостоятельности отдѣленій Общества относительно власти Совѣта: „четвертый кружокъ“ желалъ, чтобы отдѣленія, въ которыхъ именно собирались бы настоящія дѣйствующія силы Общества, обладали достаточной инициативой и, напримѣръ, имѣли бы голосъ въ назначеніи самихъ членовъ Совѣта; другая сторона, напротивъ, настаивала на авторитетѣ и административномъ вліяніи Совѣта, которое, по мнѣнію четвертаго кружка, могло только стѣснить свободную дѣятельность цѣлаго Общества. Въ особомъ мнѣніи Д. А. и Н. А. Милютиныхъ и Порошина о проектѣ Устава Общества установлена такая общая мысль значительнаго числа членовъ относительно опредѣленія дѣятельности Общества: желалось „1) оживить ученую дѣятельность Общества привлеченіемъ къ участию въ трудахъ его *наибольшаго числа членовъ*; 2) сообщить этой совокупной ихъ дѣятельности правильный ходъ и единство“. Поэтому Милютины и Порошинъ указывали необходимость слѣдующихъ основаній:

„во-первыхъ, чтобы членамъ Общества, побуждаемымъ къ участию въ его трудахъ одною лишь безкорыстною любовію къ наукѣ, представлена была и *должная степень вліянія* на рѣшеніе главныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ ученой дѣятельности Общества;

„во-вторыхъ, чтобы точнымъ опредѣленіемъ предметовъ занятій и взаимныхъ соотношеній Общаго Собранія Членовъ, Отдѣленій и Совѣта устраненъ былъ всякій поводъ къ несогласіямъ и неудовольствіямъ между ними;

„наконецъ, въ-третьихъ, чтобы Совѣтъ не составлялъ отдѣльной отъ Общества части, а былъ бы дѣйствительнымъ выраженіемъ и представителемъ его во всей его цѣлости, для чего необходимо выборъ членовъ Совѣта предоставить Обществу вполнѣ, безо всякаго, со стороны Совѣта, ограниченія“.

Эти предложенія были тогда Совѣтомъ отвергнуты и вмѣсто того было принято, что Совѣтъ Общества изъ двѣнадцати членовъ пополняетъ самъ себя и сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ дѣла Общества, ученныя, хозяйственныя и распорядительныя. „Такимъ образомъ,—заключало особое мнѣніе,—явно отдѣляясь отъ всего Общества, Совѣтъ тѣмъ самымъ ограничиваетъ собственныя свои средства: прочіе члены, не имѣя опредѣленнаго участія въ дѣлахъ Общества, не могутъ имѣть и побужденія къ совокупной дѣятельности въ пользу науки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣль ученаго Общества исчезаетъ“.

(т. III, стр. 1320). На другой сторонѣ преобладало мнѣніе, что именно Совѣтъ долженъ сохранять господствующее вліяніе и, между прочимъ, заявлено было возраженіе противъ мнѣнія большинства, которое при пересмотрѣ временнаго устава сочло нужнымъ допустить ничѣмъ не стѣсненный выборъ отъ Общества всѣхъ членовъ Совѣта, въ томъ числѣ вице-предсѣдателя и секретаря. Самъ тогдашній вице-предсѣдатель возсталъ противъ этого послѣдняго предположенія и въ особомъ письменномъ мнѣніи заявилъ, что считаетъ это предложеніе „неудобнымъ и вреднымъ въ настоящемъ и опаснымъ для будущности Общества“. Въ этомъ письменномъ мнѣніи говорилось: „Неудобство такого избиранія, по безусловному произволу (?) Общаго Собранія, вижу я въ томъ, что въ эти три должности, отъ которыхъ главнѣйше зависитъ направленіе всей дѣятельности Общества, какъ въ ученomъ, такъ и во всѣхъ отношеніяхъ, могутъ быть избраны лица, другъ съ другомъ незнакомыя, различествующія въ образѣ мыслей и взглядѣ на дѣла, или даже состоявшія въ непріязненныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Ясно, что въ такомъ случаѣ невозможно ожидать какого-либо успѣха въ теченіи дѣлъ Общества... *Опасность* въ будущемъ отъ такого способа выборовъ предвижу я въ томъ, что выборъ въ предсѣдателя (или вице-предсѣдателя) можетъ пасть на лицо, неизвѣстное правительству (?) или неполюющееся его довѣренностью. За кандидатовъ, предлагаемыхъ Совѣтомъ, Совѣтъ же и ручается. Ни одно изъ лицъ, составляющихъ Совѣтъ, не захочетъ компрометировать себя предложеніемъ кандидата недостойнаго. За выборы въ Общемъ Собраніи, производящіеся *во мракъ* (?), иногда и подготовленные *во мракъ* (?), никто не отвѣчаетъ. Я не имѣю надобности распространяться о томъ, какія послѣдствія для Общества могъ бы имѣть такой выборъ“ (тамъ же, стр. 1322).

Приведенные образчики указываютъ на двѣ совершенно противоположныя точки зрѣнія и изъ ихъ сличенія становится понятна возможность того страстнаго отношенія къ дѣлу, какое внесено было представителями „четвертаго кружка“. Въ этомъ кружкѣ были именно люди, заинтересованные широкой постановкой вопроса; они желали какъ того, чтобы Общество пріобрѣло сколько возможно большее число дѣятелей и трудъ его отвѣтилъ потребности общественной инициативы, такъ и того, чтобы изслѣдованіе дѣйствительно подошло непосредственно къ народной жизни. Къ счастью, организація Общества получила такой видъ, что дѣятельность, въ особенности Этнографическаго Отдѣленія, могла принять тотъ объемъ, какого желалъ четвертый кружокъ. Великая заслуга принадлежитъ здѣсь особенно Надеждину, который былъ послѣ Бэра избранъ, по желанію Этнографическаго Отдѣленія, его предсѣдателемъ. Послѣ того, какъ Бэръ изложилъ свои общіе

взгляды на этнографическое изученіе въ замѣчательной статьѣ, читанной въ Обществѣ 6 марта 1846 года, Надеждинъ въ своей рѣчи 29-го ноября того же года изложилъ въ частности свои мысли объ изученіи русской народности, и можно сказать, что эта рѣчь послужила исходнымъ пунктомъ всей дѣятельности Географическаго Общества по русской этнографіи до настоящей минуты. Надеждинъ исходилъ изъ того положенія, которое было принято и Обществомъ, что тѣ свойства, тѣ отличительныя черты, которыя составляютъ родовую принадлежность русскаго человѣка, сохранились въ чистотѣ своей наиболѣе въ простомъ народѣ, и изученіе этого простого народа стало основною задачею Этнографическаго Отдѣленія: программы для собиранія этнографическихъ свѣденій, составленныя и разосланныя Отдѣленіемъ, призывали къ общему труду всѣхъ, кто обладалъ такими свѣденіями, особливо на мѣстахъ; задачи Общества становились общимъ интересомъ, и въ этомъ былъ первый залогъ той плодотворной дѣятельности, которая считаетъ теперь свою полулѣтнюю исторію... Это настроеніе будетъ вполне понятно, если вспомнить, что въ это самое время начинается новый благотворный поворотъ въ изученіи русской исторіи, старины и народности (труды Соловьева, Кавелина, Калачова, Буслаева, Надеждина, первыхъ нашихъ славистовъ); что въ это время созрѣваетъ интересъ къ народу въ литературѣ поэтической (Тургеневъ, Григоровичъ, вскорѣ потомъ Островскій, Потѣхинъ и т. д.), и наконецъ въ изученіяхъ политико-экономическихъ—скрытно по тому времени, но положительно—сказывается сознаніе необходимости въ измѣненіи народно-хозяйственныхъ отношеній, ожиданіе и предчувствіе крестьянской реформы (труды Заблоцкаго, Порошина и пр.).

Исторія полулѣтней дѣятельности Географическаго Общества,—вѣтви котораго доходятъ теперь до самыхъ далекихъ окраинъ русской территоріи,—интересна и поучительна вдвойнѣ, и какъ важное явленіе въ исторіи нашей науки, приносящей богатыя вклады въ общечеловѣческое знаніе, и какъ фактъ нашей общественности, потому что очень многое въ этой исторіи было именно дѣломъ общественной самодѣятельности. Историкъ Общества могъ съ полнымъ правомъ сказать въ предисловіи къ своему труду: „...На будущность дорогаго намъ Русскаго Географическаго Общества мы, люди прошлаго, можемъ смотрѣть свѣтлымъ и спокойнымъ взглядомъ. Свободная и открытая для всѣхъ, кто проникнуть любовью къ родной землѣ и глубокою несокрушимою вѣрою въ будущность русскаго государства и русскаго народа, корпорація будетъ, какъ и прежде, постоянно пополняться и обновляться тѣми лучшими людьми русскаго общества, которые, по собственному почину, отдадутъ лучшія свои

силы изученію родной земли съ ея разноплеменными обитателями и преобладающею между ними русскою народностью“. Упомянувъ о покровительствѣ Обществу со стороны русскихъ Вѣнценосцевъ, историкъ продолжаетъ: „учрежденіе, черпающее свои силы непосредственно изъ лучшихъ силъ всего русскаго общества, имѣеть одинаковыя съ нимъ условія развитія и успѣха и не можетъ оскудѣть до тѣхъ поръ, пока во всемъ русскомъ обществѣ не оскудѣеть сочувствіе къ широко поставленнымъ прошедшими дѣятелями русскаго Географическаго Общества задачамъ, требующимъ непрерывной работы *русскаго самопознанія*“.

Сложный трудъ и вмѣстѣ честь составленія исторіи Общества по справедливости возложены были Совѣтомъ на П. П. Семенова, который въ теченіи сорока шести лѣтъ, почти все время этой исторіи, принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Общества, совершилъ въ немъ важные труды (назовемъ изданіе Риттеровой „Азіи“ съ обширными дополненіями и изданіе „Географическо-Статистическаго Словаря Россійской Имперіи“) и съ 1871 года состоитъ вице-предсѣдателемъ Общества. Въ „Исторіи“ съ большою подробностью собраны всѣ главные факты дѣятельности Общества по всѣмъ его отдѣленіямъ, подробно разсказаны многочисленныя экспедиціи, какія были имъ организованы, между прочимъ совмѣстно съ другими учрежденіями, изложена издательская дѣятельность Общества. Подробный именной указатель даетъ возможность прослѣдить дѣятельность всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ трудахъ Общества. Приложеніемъ къ „Исторіи“ служитъ замѣчательная „Карта Азіатской Россіи и смежныхъ съ нею владѣній“, составленная г. Коверскимъ по свѣденіямъ, имѣющимся въ министерствахъ: императорскаго двора, военномъ, морскомъ, путей сообщенія, государственныхъ имуществъ и юстиціи. На картѣ означено множество географическихъ данныхъ: съѣмокъ, сдѣланныхъ чинами различныхъ вѣдомствъ, и путей болѣе ста сухопутныхъ и морскихъ экспедицій, предпринимавшихся для изслѣдованія Сибири и смежныхъ съ нею земель, начиная съ XVIII вѣка.—А. П.

— А. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Спб. 1896.

Въ началѣ книги, въ которой собраны написанныя въ разное время статьи по исторіи новой русской литературы, авторъ помѣстилъ вмѣсто предисловія также одну изъ прежнихъ статей, гдѣ онъ разбираетъ общій вопросъ о значеніи и объемѣ исторіи литературы, и прибавляетъ къ ней нѣсколько словъ, въ которыхъ объясняетъ интересъ значенія нашей литературы слѣдующимъ общимъ

положеніемъ: „Исторія русской литературы относится къ исторіи литературы вообще, какъ часть къ цѣлому, часть, небольшая по объему, но очень важная по своему содержанію и значенію. Изображая духовную жизнь даровитаго, много сдѣлавшаго и еще больше общающаго молодого историческаго народа, она въ обѣихъ своихъ половинахъ—древней, до-петровской, и новой—даетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи литературы, какъ науки, представляя рядъ интересныхъ фактовъ, изъ которыхъ одни пополняютъ крупныя пробѣлы въ литературахъ новой Европы, а другіе до наглядности ясно указываютъ на обобщенія и законы, обязательныя для всѣхъ племенъ и періодовъ“. Въ настоящее время для насъ еще болѣе обязательнъ интересъ къ изученію своей литературы. „Теперь,—говоритъ авторъ,—когда самобытность нашей новѣйшей поэзіи общепризнана, когда въ передовой Франціи рѣчь идетъ не о томъ, чтобы между прочимъ обратить и на нашу литературу благосклонное вниманіе, а о томъ, какъ бы освободиться изъ-подъ ея вліянія, которое жизнерадостнымъ парижанамъ представляется мрачнымъ и тяжелымъ, было бы невозможной нецѣпостью, еслибъ мы сами не отнеслись съ живымъ интересомъ ко всѣмъ, даже, повидимому, не крупнымъ и рано забытымъ явленіямъ нашей новой литературы“. Поэтому авторъ рѣшился переиздать свои прежнія работы въ предположеніи, что онѣ могутъ послужить небезполезнымъ матеріаломъ для объясненія русской литературы. Люди, заинтересованные предметомъ, будутъ только благодарны автору за эту мысль, потому что въ его трудахъ дѣйствительно находится не мало полезныхъ указаній для специалистовъ, а кромѣ того для обыкновеннаго читателя они доставятъ много полезнаго и занимательнаго.

Въ книгѣ собраны слѣдующія статьи: Московскія Вѣдомости въ 1789 г. и начало французской революціи; Кургановъ и его „Письмовникъ“; Антоній Погорѣльскій, эпизодъ изъ исторіи русскаго романтизма; Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ; Одесса и Пушкинъ; Критическія и библиографическія замѣтки о Крыловѣ; В. И. Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки; Н. В. Гоголь (биографическій очеркъ); А. В. Дружининъ; Достоевскій и Писемскій (опытъ сравнительной характеристики); Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и гр. Толстого; Изъ исторіи умственной жизни Одессы.

Какъ писатель съ обширнымъ историко-литературнымъ знаніемъ и опытомъ, авторъ умѣлъ собрать не мало любопытныхъ наблюденій по этимъ разнообразнымъ темамъ, и его наблюденія послужатъ съ пользой для будущихъ изслѣдователей, — тѣмъ болѣе, что наши историко-литературные вопросы, особливо изъ новѣйшаго періода

нашей литературы, представляют до сихъ поръ много спорнаго. Такое спорное найдется и въ настоящемъ случаѣ. Время еще слишкомъ близко, и сколько бы „художникъ“ ни былъ служителемъ чистаго искусства, онъ тою или другою стороною своихъ произведеній едва ли можетъ избѣжать пріязненной или непріязненной встрѣчи съ теченіями времени, съ борьбой общественныхъ направленій, а такимъ образомъ критикъ по неволѣ и самъ вовлекается въ вопросы общественной жизни. Какъ подобаешь ученому изслѣдователю, авторъ старается быть безпристрастнымъ судьей; его сочувствія принадлежать, конечно, интересамъ просвѣщенія и искусства, онъ желаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возстановлять забытыя права того или другого писателя на историческое уваженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не скрываетъ и слабыхъ сторонъ писателей, которыхъ беретъ подъ свою защиту. Но вопросы, которые онъ ставитъ, иногда еще такъ мало объяснены съ исторической и біографической стороны, а иногда даже такъ мало доступны въ настоящее время для настоящей исторической оцѣнки, какъ, наиримѣръ, недавнее время съ пятидесятихъ годовъ, что окончательное рѣшеніе во многихъ случаяхъ представляется еще очень труднымъ. Историко-литературныя явленія, излагаемыя авторомъ, безъ сомнѣнія, будутъ еще много разъ пересматриваться и вызывать новыя рѣшенія, которыя, быть можетъ, не всегда совпадутъ съ рѣшеніями г. Кирпичникова.

Въ бібліографической замѣткѣ нѣтъ возможности коснуться всѣхъ частныхъ подобнаго рода, и мы ограничимся нѣсколькими примѣрами. У насъ вообще осталось впечатлѣніе, что авторъ едва ли достаточно выяснилъ тѣ пункты, гдѣ излагаемая имъ исторія соприкасается съ общественными явленіями пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, и освѣщеніе этихъ пунктовъ остается нѣсколько смутно. По поводу статьи нашего автора о Дружининѣ (послѣ перваго появленія ея въ печати) однимъ критикомъ было уже, наиримѣръ, замѣчено, что вопросъ о томъ, почему Дружининъ былъ забытъ впоследствии, не представляется столь загадочнымъ, какъ думаетъ авторъ. Если г. Кирпичниковъ, быть можетъ, яснѣе указалъ привлекательныя черты Дружинина, какъ человѣка и писателя, чѣмъ г. Венгеровъ, то послѣдній вѣрнѣе объяснилъ, почему Дружининъ потерялъ значеніе въ концѣ своей дѣятельности. Причина была простая: Дружининъ былъ мало приготовленъ къ тѣмъ вопросамъ, которые съ конца пятидесятихъ годовъ съ полнымъ правомъ поглощали общественное вниманіе, и въ концѣ концовъ былъ къ нимъ довольно равнодушенъ. Самъ авторъ, мимоходомъ характеризуя личность Дружинина, отмѣчаетъ ту черту, которая и повела къ тому, что онъ былъ забытъ: „блестяще образованный, горячій поклонникъ

западной культуры, грѣшащій подчасъ *индифферентизмомъ*, подчасъ способный зубоскалить надъ тѣмъ, что должно бы вызывать не смѣхъ, а слезы" (стр. 242)... и этого было достаточно. Но, какъ мы замѣтили, это время оживленія русской литературы и общественности въ эпоху крестьянской реформы авторъ выяснилъ себѣ недостаточно: по крайней мѣрѣ историку довольно странно говорить о томъ времени такими выраженіями: „Послѣ долговременаго поста начался такой кутежъ русскаго ума, что у него до сихъ поръ съ похмѣлья голова болитъ" (стр. 253; тутъ же извѣстный Мусинъ-Пушкинъ названъ графомъ,—таковымъ онъ не былъ). Неужели возбужденіе общества при одномъ изъ величайшихъ событій нашей внутренней жизни, какія только знаетъ русская исторія, было „кутежомъ мысли"? Высокомѣрное, какъ будто даже презрительное отношеніе къ той эпохѣ, которое сквозитъ въ этихъ словахъ, едва ли подобаешь историку, да и вообще человѣку нашего времени. Дальше читаемъ: „Дружининъ-фельетонистъ не ушелъ, конечно, отъ тогдашняго *поэтриа* (принесшаго, несмотря на нѣкоторыя смѣшныя крайности, огромную пользу)—обличать" (стр. 254). Историкъ опять забываетъ, что въ этомъ обличеніи—т.-е. обличеніи глубокаго зла, развѣдавшаго русскую общественную и народную жизнь,—принимали участіе, или даже стояли во главѣ его, между прочимъ лучшія силы и знаменитыя имена тогдашней литературы: не говоря о публицистахъ, назовемъ, напримѣръ, Тургенева, Хомакова и Аксаковыхъ и т. д.

Въ статьѣ о Достоевскомъ и Писемскомъ авторъ хотѣлъ дать „сравнительную характеристику". Мы опасаемся, что здѣсь очень мало, а пожалуй и совсѣмъ нѣтъ матеріала для сравненія: можно, конечно, поставить рядомъ два имени и вести параллельно ихъ литературную біографію, но изъ этого не выйдетъ никакого сравненія. Самъ авторъ долженъ былъ это почувствовать и сравненіе ихъ сводить къ слѣдующему: „Какъ ни несходны Писемскій и Достоевскій по темпераментамъ, по условіямъ жизни, оба они честные русскіе писатели 60-хъ годовъ, ученики однихъ и тѣхъ же учителей, люди съ сильной демократической жилкой, съ ненавистью къ лицемерію и любовью къ правдѣ" (стр. 315—316). Для сравненія, конечно, этого мало, потому что въ русской литературѣ было, слава Богу, не мало честныхъ писателей съ любовью къ правдѣ, съ ненавистью къ лицемерію; кромѣ того, если авторъ хотѣлъ сдѣлать удареніе на какой-либо исключительной правдивости этихъ двухъ писателей (къ которымъ онъ питаетъ особое пристрастіе), это было бы преувеличеніемъ. Оба писателя были, безъ сомнѣнія, совершенно искренни, но и они, какъ всѣ смертные, не были свободны отъ увлеченій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ошибокъ, и если въ однихъ произведеніяхъ ихъ

искренность служила высокой правдѣ, то случалось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ „искренность“ къ этой правдѣ вовсе не вела, и самъ историкъ признаетъ, что правды не было, наиримѣръ, въ романѣ Писемскаго „Взбаламученное море“, или что Достоевскій въ „Бѣсахъ“ поддавался личному озлобленію противъ Тургенева...

Способъ выраженія нашего историка бываетъ иногда нѣсколько туманенъ, такъ что читателю иногда остается не совсѣмъ доступна самая мысль. Высказывая сожалѣніе о томъ, что Писемскій покинулъ изображенія народнаго быта, въ которыхъ онъ былъ такъ силенъ, авторъ замѣчаетъ: „И теперь, черезъ 40 лѣтъ, дѣлается ужасно досадно (?), что Писемскій не позналъ, въ чемъ его главная, почти исполинская сила, что онъ не сдѣлался художникомъ-этнографомъ и вмѣсто неисчерпаемо богатыхъ россыпей народной жизни сталъ разрабатывать тонкій пластъ нашей интеллигенціи, высшіе интересы которой по своей зѣирности и противорѣчивости были и не симпатичны и не вполне понятны его сильной и умной, но немного грубоватой натурѣ“ (стр. 291). Эта „зѣирность“ совсѣмъ не вразумительна.

Далѣе, авторъ полагаетъ, что „Горькая Судьбина“ Писемскаго вмѣстѣ съ „Записками Охотника“ представляетъ „самый сильный протестъ противъ крѣпостнаго права“ и прибавляетъ, что „тѣмъ сильнѣе этотъ протестъ, что авторъ вовсе не задавался мыслью протестовать, а только старался остаться вѣрнымъ дѣйствительности“ (стр. 298). Сопоставленіе, безъ оговорокъ, опять не совсѣмъ правильное: историкъ не принялъ во вниманіе, что „Записки Охотника“ явились въ разгаръ крѣпостничества, когда прямая рѣчь противъ крѣпостнаго права была совсѣмъ невозможна, а пьеса Писемскаго явилась чуть не наканунѣ 19-го февраля, когда крестьянская реформа была давно заявлена самимъ правительствомъ и была предметомъ открытыхъ обсужденій въ литературѣ. Прибавимъ, что не было бы большой бѣды, еслибы Писемскій даже „задался мыслью“ протестовать, лишь бы остался вѣренъ требованіямъ художественности.

Дальше, однако, мы читаемъ, что какъ будто не было даже надобности въ протестахъ. „Только тенденціозное невѣжество могло думать,—пишетъ г. Кирпичниковъ,—что образованные представители правящаго класса въ Россіи были когда-нибудь довольны варварствомъ крѣпостныхъ порядковъ. Слезы императрицы Екатерины въ спорѣ съ Сумароковымъ очень краснорѣчивое доказательство того, какъ тяжело было покоряться этой тяжелой необходимости. Суровыя мѣры противъ потрясателей этой „основы“ объясняются именно сознаніемъ ея непригодности и антипатичности въ принципѣ (?);

известно, что люди больше всего раздражаются тогда, когда ихъ упрекаютъ въ недостаткѣ, ими вполне и съ болью сердца сознаваемомъ "... Странно даже быть вынужденнымъ опровергать такія положенія. Достаточно справиться съ самыми обыкновенными свѣденіями по исторіи крестьянскаго вопроса, чтобы знать, что во времена императрицы Екатерины розданы были тысячи крестьянъ свободныхъ въ крѣпостное рабство; что во времена Николая I освободительныя намѣренія самого императора встрѣчались, въ многочисленныхъ комитетахъ, именно съ крѣпостнической оппозиціей „образованныхъ“ представителей правящаго класса; наконецъ, что такіе же представители употребляли всѣ усилія, чтобы затормозить крестьянскую реформу при Александрѣ II...

Въ томъ же родѣ странно объясненіе „разрыва съ народомъ“ (стр. 325), изображеніе достоинствъ „Дневника писателя“ Достоевскаго (стр. 334), или замѣчанія о томъ, какъ Писемскій могъ бы не написать „Взбаламученнаго моря“ (стр. 316) и т. д. Въ изложеніи общихъ идей Достоевскаго, и напр. знаменитой рѣчи о Пушкинѣ, авторъ повидимому не имѣлъ въ виду тѣхъ замѣчаній, какія эта рѣчь вызвала въ свое время,—принявши ихъ въ соображеніе, онъ, вѣроятно, долженъ былъ бы нѣсколько измѣнить свои заключительные выводы.—Т.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Ажировъ, Р. М. — Первые шаги. Стихотворенія. Баку. 96. Стр. 83. Ц. 50 к.
Багалый, Д. И., проф.—Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. По неизданнымъ матеріаламъ. Т. I (1802—1815 г.). Вып. 2. Харьк. 96. Стр. 203—483. Ц. 1 р. 70 к.

Б-ва, Е. — Нѣсколько мыслей по поводу предполагаемыхъ реформъ въ системѣ женскаго образованія. Спб. 96. Стр. 24. Ц. 25 к.

Бернацкий, А. А.—Кустарно-промышленныя товарищества и артели въ пермской губ., организованныя при содѣйствіи кустарно-промышл. банка Пермскаго губернскаго земства. Пермь, 95. Стр. 13.

Берновъ, М. А.—Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму. Письма русскаго пѣшехода. Спб. 96. Стр. 218. Ц. 25 к.

Бестерева, В., проф.—Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представлений о пространствѣ Спб. 96. Стр. 52.

Винитокъ, В. Д. — Изъ недавняго прошлаго. Спб. 96. Стр. 242. Ц. 1 р.

Вѣла Фельдемъ. — Охрана металлическихъ запасовъ. Перев. съ нѣм. п. р. А. Гурьева. Спб. 96. Стр. 81.

Ванковъ, С. Н. — Ледники и искусственное охлажденіе. Практическое руководство для архитекторовъ, инженеровъ, техниковъ, строителей, домовладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Съ 94 рис. въ текстѣ. Спб. 96. Стр. 103. Ц. 1 р. 50 к.

- В., К.* — Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи. Спб. 96. Стр. 360. Ц. 3 р.
- Волынъ, А.* — Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (В. В.). Критическій этюдъ. Спб. 96. Стр. 283. Ц. 2 р.
- Гартицъ, В.* — Проектъ монетной реорганизаціи. Спб. 96. Стр. 67.
- Головинъ, Д. Н.* — Обь орошенія въ Сѣв.-Америкѣ. Соедин. Штатахъ. Съ 33 рис. и 8 таблиц. чертежей. Спб. 96. Стр. 96.
- Гюи де-Мопассанъ.* — На водѣ. Перев. Е. Е. Гохъ. Спб. 96. Стр. 136. Ц. 50 к
- Даніель-Бекъ, А. И.* — Значеніе электричества въ медицинѣ. Какія болѣзни должны быть лечимы электричествомъ? Для лицъ, незнакомыхъ съ медициной. Спб. 96. Стр. 165.
- Джаншиевъ, Гр.* — Судъ надъ судомъ присяжныхъ, съ приложеніемъ: Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя. 2-е дополн. изд. М. 96. Стр. 179. Ц. 50 к.
- Добролюбовъ, Н. А.* — Сочиненія. Томъ I. Съ портретомъ Н. А. Добролюбова и его біографіей, составленною А. М. Скабичевскимъ. Изданіе пятое. Цѣна за всѣ четыре тома семь рублей. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 96.
- Дюнанъ, Альф.* — Народное законодательство въ Швейцаріи. Историческій обзоръ. Спб. 96. Стр. 125. Ц. 50 с.
- Годль, Фр.* — Исторія этики въ новой философій. Т. I. До конца XVIII в. Перев. съ нѣм. п. р. Влад. Соловьева. М. 96. Стр. 284 и 71. Ц. 2 р.
- Жидъ, Шарль.* — Основы политической экономіи. Перев. съ 4 франц. изд. Л. Шейнниса. Спб. 96. Стр. 312. Ц. 1 р. 25 к.
- Карлсъ, Н.* — Старые и новые этюды обь экономическомъ материализмѣ. Спб. 96. Стр. 304. Ц. 1 р.
- Коровинъ, А.,* вр. — Послѣдствіе алкоголизма и общественная борьба съ нимъ. М. 96. Стр. 60. Ц. 35 к.
- Крижъ, В. О.* — Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. 2. М. 96. Стр. 204. Ц. 30 к.
- Куно-Фишеръ,* — Артуръ Шопенгауэръ. Перев. съ нѣм. п. р. В. П. Преображенскаго. М. 96. Стр. 521. Ц. 3 р.
- Купчикскій, П. А.* — Театръ: Надо умереть, сп. въ 3 д. — Ну и влетѣлъ, ком. въ 3 д. — И въ рукахъ было, да сплыло, ком. въ 4 д. — Ядъ ревности, др. въ 4 д. — Огнемъ и мечомъ, др. въ 5 д. М. 96. Стр. 231. Ц. 1 р. 30 к.
- Кюи, Ц. А.* — Русскій романсъ. Очеркъ его развитія. Спб. 96. Стр. 209.
- Лавренъева, С. И.* — Пятьдесятъ лѣтъ артистической дѣятельности Эрнесто Россі. По мемуарамъ Э. Россі и съ его предисловіемъ. Спб. 96. Стр. 317. Ц. 2 р.
- Лебединскій, П. М.* — Современное положеніе замужней женщины. Тифл. 96. Стр. 22. Ц. 20 к.
- Михневичъ, Вл.* — Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе этюды. Кіевъ 96. Стр. 402. Ц. 1 р. 25 к.
- Морлей, Дж.* — О компромиссѣ. Перев. съ англ. М. Ц., съ приложеніемъ статей того же автора: О воспитательномъ значеніи литературы. Изд. 2-е. М. 96. Стр. 344. Ц. 75 к.
- Мясодовъ, А. Д.* — Иванъ Стамезкинъ, пов. Спб. 96. Стр. 167. Ц. 1 р. 25 к.
- Никифоровъ, Л. П.* — Джонъ Рескинъ, его жизнь, идеи и дѣятельность. Біограф. очеркъ. М. 96. Стр. 47. Ц. 15 к.
- Новоринскій, А.* — Систематическій указатель русской литературы по судо-

устройству и судопроизводству гражданскому и уголовному. Спб. 96. Стр. 834. Ц. 4 р.

Окуловъ, П. И.—Общественныя крестьянскія потребительныя лавки. Киевъ 95. Стр. 48. Ц. 15 к.

Риббинъ, Севедъ, д-ръ.—Половая гигиена и ея нравственныя послѣдствія. Перев. д-ра Лейненберга. Од. 96. Стр. 182. Ц. 50 к.

Розенбергъ, С. С.—Судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры. Спб. 96. Стр. 41.

Самборскій, С. И.—Вредъ и опасность употребленія молока отъ больныхъ коровъ и плохого его сохраненія. Спб. 96. Стр. 114. Ц. 50 к.

— Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Спб. 96. Стр. 284+54. Ц. 80 к.

Семеновъ, П. П.—Исторія полулѣтковой дѣятельности Имп. Русскаго Географическаго Общества. 1845—95 г. Въ трехъ частяхъ. Спб. 96. Стр. 1377.

Сербиновичъ, Яр. А.—Наша публицистическая печать и экономическіе вопросы. Спб. 96. Стр. 53. Ц. 50 к.

Сергѣевскій, Н. Д.—Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Изд. III. Спб. 96. Стр. 378. Ц. 2 р.

Солтъ, Г.—Гуманитарное ученіе или гуманитаризмъ. М. 95. Стр. 144. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д. И.—Вѣшніе всходы. Первая послѣ азбуки книга и вторая для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школахъ и въ семьѣ. М. 96. Стр. 155 и 244. Ц. 30 и 35 к.

— Вѣшніе всходы. Руководство для учителя въ первой и второй книгѣ для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письм. упражненій. М. 96. Стр. 96. Ц. 30 к.

Толстой, А. К., графъ. Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого. Т. IV. Спб. 96. Стр. 359. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Л. Н. Произведенія послѣднихъ годовъ. Вып. II. М. 96. Стр. 270. Ц. 50 к.

Тулуповъ, Н. В.—Народныя бібліотеки и читальни. М. 96. Стр. 46.

Федоровъ, Ал. Новый принципъ воздухоплаванія, исключаящій атмосферу какъ спорную среду. Спб. 96. Стр. 16. Ц. 20 к.

Цетковъ, Н.—Практическій курсъ русскаго правописанія. Согласованъ съ „Руководствомъ“ Я. К. Грота. Ч. I. Тула 90. Стр. 172. Ц. 50 к.

Щеловъ, В. Г.—Государственный совѣтъ въ царствованіе импер. Александра I. Вып. I. Яросл. 95. Стр. 501. Ц. 3 р.

Южаковъ, С. Н.—Соціологическіе этюды. Т. II. Спб. 96. Стр. 344. Ц. 1 р. 50 к.

— Mouvement commercial de la Bulgarie avec les pays étrangers. Novembre 1895. Sophia, 96. Стр. 111. Ц. 1 левъ.

— *D'Alheim, Pierre.*—Moussorgski. Paris, 1896. Стр. 322. 3 fr. 50 с.

— Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Кн. V. П. р. Смольянинова. Саратовъ, 94. Стр. 472. Ц. 3 р.

— Библіотека экономистовъ. Вып. VI: Франсуа Кенэ. Выбранныя мѣста, перев. А. Горбунова. М. 96. Стр. 279. Ц. 1 р.—Вып. VII: Ж. В. Сэ, Трактатъ

политической экономіи, перев. Е. Каменецкой. Фр. Бастіа, перев. З. Яновской. М. 96. Стр. 240 и 112. Ц. 1 р.

— Извѣстія Спб. биологической лабораторіи. П. р. П. Лесгафта. Т. I, вып. I. Спб. 96. Стр. 79.

— Матеріалы въ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Вып. VIII: Нижегородскій уѣздъ. Н.-Новг. 95. Стр. 135.

— Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Изданіе Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 96. Стр. 540. Ц. 3 р.

— Сборникъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1895 г. въ Ново-Александрійскомъ Институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ пользу недостаточн. студент. Института. Варшава. 95. Стр. 193. Ц. 1 р. 25 к.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1894 годъ. Н.-Новг. 95. Стр. 206.

— Сцена. Вып. XXIV: „Битва бабочекъ“, ком. въ 4 д., Г. Зудермана, перев. съ нѣм. Ив. Владимірова. М. 96. Стр. 83.

— Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи за 1894 г. Бердянскъ. 95. Стр. 171.

— Отчетъ о Таганрогской исправительной колоніи, образованной въ память 25-лѣтія Таганрогскаго окружного суда. Таганр. 95. Стр. 32.

— Труды Общества дѣтскихъ врачей въ С.-Петербургѣ. IX и X годы. Спб. 96. Стр. 154. Годовое изданіе 2 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— *Laura Marholm. Karla Bühring. Ein Frauendrama in 4 Akten. Leipzig. 1895. Стр. 131.*

Лаура Маргольмъ, выступившая въ литературѣ сравнительно недавно, сразу создала себѣ большую извѣстность, благодаря своему несомнѣнному литературному таланту и той спеціальности, которую она отмежевала себѣ въ современной литературѣ. Женская психологія и, главнымъ образомъ, сложная психологія современной женщины имѣетъ въ лицѣ Лауры Маргольмъ одну изъ самыхъ блестящихъ истолковательницъ. Мы имѣли уже случай говорить объ ея психологическихъ очеркахъ, посвященныхъ нѣсколькимъ выдающимся женщинамъ нашего времени. Драма „Karla Bühring“ переноситъ ту же психологію на сцену и выводитъ нѣсколько любопытныхъ женскихъ типовъ.

Если „Карлу Бюрингъ“ слѣдуетъ причислить къ разряду пьесъ „à thèse“, то во всякомъ случаѣ это одна изъ талантливыхъ пьесъ этого рода. Она задумана очень своеобразно и выполнена со смѣлостью, отличающей все, что пишетъ Л. Маргольмъ. Всѣ дѣйствующія лица драмы очень современны; она имѣетъ мужество давать новую постановку разнымъ вопросамъ житейской нравственности, не довольствуясь традиціонными рѣшеніями ихъ. Нравственная атмосфера пьесы полна отголосками Ибсена и Гауптмана, а нервный, изломанный характеръ главныхъ женскихъ типовъ пьесы напоминаетъ романы Буржэ, нѣкоторыя изъ послѣднихъ пьесъ Дюжэ и другія однородныя съ ними произведенія послѣднихъ лѣтъ. Что же касается самой пьесы и ея основной идеи, то къ ея автору какъ нельзя болѣе примѣнимо изреченіе Мюссэ: „mon verger n'est pas grand, mais je bois dans mon verger“. Идея, воодушевляющая автора, не высока сама по себѣ; она не касается тайнъ души, не возноситъ человѣка надъ непосредственной дѣйствительностью, не создаетъ новаго пониманія правды внутренней въ отличіе отъ правды внѣшней. Лаура Маргольмъ принимаетъ условія жизни такими, какъ они есть; дѣйствующія лица ея драмы не являются, на подобіе Ибсеновскихъ героевъ, бойцами новыхъ идеаловъ, возставшими противъ основъ существующаго строя общества. Но, оставаясь однородными съ создавшей ихъ нравственной средой, героини Л. Маргольмъ сознательно

относятся къ внутреннимъ мотивамъ своихъ чувствъ, ищутъ исхода изъ рокового антагонизма духа и страстей и погибаютъ жертвами своихъ стремлений уйти отъ всевластiя природы. Ограниченность замысла Л. Маргольмъ заключается въ томъ, что она изображаетъ не общечеловѣческую, а специально „женскую“ психологiю, т.-е. рисуетъ чувства и положенiя, созданныя извѣстными историческими условiями. Она называетъ свою пьесу „женской драмой“, и психологiя женщины сводится ею слишкомъ часто къ „женскому вопросу“, т.-е. къ чему-то узкому и условному. Л. Маргольмъ не только ставитъ, но и рѣшаетъ этотъ женскiй вопросъ такъ, какъ будто бы проблемы душевной жизни можно было рѣшать по классамъ и группамъ — одна правда для женщинъ, другая для мужчинъ и т. д. Въ драмѣ „Karla Bühning“, какъ и въ прежнихъ книгахъ Л. Маргольмъ, замѣчается стремленiе вернуться къ нѣсколькимъ устарѣлымъ взглядамъ въ этомъ вопросѣ: она не стремится поднять женщину до общечеловѣческаго уровня, разбивъ перегородки, созданныя исторiей; напротивъ того, она устанавливаетъ рѣзкую границу между женщиной и мужчиной и проповѣдуетъ отдѣльную мораль для каждой изъ этихъ категорiй. Уклоненiе женщины отъ созданнаго для нея природой обособленнаго пути она считаетъ пагубнымъ, и драма ея основана главнымъ образомъ на томъ, что какъ бы ни былъ разнообразенъ и сложенъ внутреннiй мiръ современной женщины, она роковымъ образомъ подпадаетъ подъ дѣйствiе основныхъ законовъ женской природы, и чѣмъ сильнѣе былъ ея протестъ, тѣмъ безопазднѣе и грубѣе побѣда природы. Въ этихъ границахъ Л. Маргольмъ выводитъ на сцену интересные типы и рисуетъ ихъ взаимныя отношенiя съ большою оригинальностью и силой.

Согласно своему раздѣленiю психологiи и морали на мужскую и женскую, Л. Маргольмъ проводитъ въ своей драмѣ двѣ идеи,—одну, относящуюся къ женщинамъ, другую къ мужчинамъ. Первая изъ нихъ такова: всякая женщина, если даже она живетъ интенсивной духовной жизнью (героиня пьесы—артистка), не можетъ развернуть всего своего „я“—„das Weib-ich“,—проявить всѣ силы души, пока она не подпадетъ подъ власть мужчины; всѣмъ своимъ существомъ, сознательно или безсознательно, она стремится къ индивидуальной сердечной жизни: ея творчество будетъ чѣмъ-то незаконченнымъ, будетъ состоять изъ однихъ порывовъ, пока она не подчинится голосу природы.—„Я все еще св. Цецилiя со скрипкой въ рукахъ,—говоритъ героиня драмы.—Я передаю въ игрѣ мои порывы, мое стремленiе куда-то, тоску ожиданiя—вотъ секретъ моего непонятнаго обаянiя. И если женщина въ своемъ инстинктивномъ стремленiи не встрѣтитъ челоуѣка достойнаго ея любви, она сдѣлается жертвой первого,

кто сумѣетъ разбудить ея спящія инстинкты, играть на ея утонченныхъ нервахъ. Тѣмъ хуже для нея, если пробужденіе женственности совершилось безъ участія сердца — если любовь придетъ потомъ, она найдетъ свое сердце уже неспособнымъ испытывать чистое и сильное чувство*.

Нѣсколько женскихъ типовъ иллюстрируютъ эту роковую силу природныхъ инстинктовъ. Гильдегарда Колландеръ, ревнивая, истеричная жена мелкаго Донъ-Жуана—одна изъ жертвъ женской подчиненности въ прошломъ; она утратила всякое чувство своего достоинства, цинично говорить о своемъ нравственномъ паденіи, о низменныхъ средствахъ, которыми она отъ времени до времени отвоевываетъ своего мужа у его многочисленныхъ возлюбленныхъ и, въ общемъ, воплощаетъ торжество инстинкта, убивающаго всякую тѣнь свободы въ душѣ. Показавъ на Гильдегардѣ результаты рабской женской привязанности, Л. Маргольмъ рисуетъ въ своей героинѣ, Карлѣ Бюрингъ, самый ходъ этого порабощенія. Въ основѣ всего, что она дѣлаетъ, лежитъ безумная жажда жизни, проявленіе своего „я“ во всей его силѣ, боязнь смерти и пустоты, стремленіе достигъ всего, даже самаго невозможнаго.—„Вѣдь въ сущности все на свѣтѣ неопредѣленно, неустойчиво, и потому всего можно достигнуть“... Самое это стремленіе къ чему-то всеобъемлющему и ужасъ пустоты въ сердцѣ, не знающемъ любви, покоряютъ ее Колландеру, гипнотизирующему ее своей донъ-жуанской виртуозностью. Когда обнаруживается низкая натура этого мелкаго соблазнителя и когда Карла слышитъ слова любви отъ человѣка, близкаго ей по душѣ и безсознательно любимаго ею прежде, ей ничего не остается какъ искупить свое нравственное паденіе смертью. Тутъ вмѣшивается, конечно, нѣсколько рискованное разграниченіе того, что дозволено мужчинамъ и недопустимо въ женщинахъ. Прошлое любимаго человѣка ей неизвѣстно, но она не требовала бы отъ него той чистоты, которой сама требуетъ отъ себя.

Третьимъ женскимъ типомъ въ пьесѣ является молодая дѣвушка, Лили Блумъ, будущая жертва своей женской натуры. Она еще совершенно нетронута жизнью, душа ея спитъ,—только смутная жажда любви сказывается въ ея отношеніяхъ къ людямъ. И пока она останется такой, она не будетъ возбуждать любви. Въ этомъ заключается вторая идея драмы, относящаяся уже къ мужской психологіи. Сама героиня, Карла Бюрингъ, выражаетъ эту идею въ рѣзкихъ, исполненныхъ горечи словахъ:—„Таковъ общій недостатокъ мужчинъ. У нихъ нѣтъ инстинкта. Они никогда не приходятъ, когда для нихъ накрытъ столъ. Только когда другой уже воспользовался тѣмъ, что ожидало ихъ, тогда“—и т. д. Въ другомъ мѣстѣ она же,

отказывая въ своей рукѣ любимому человѣку и отсылая его къ чистой, неиспорченной Лили Блумъ, говоритъ ему о ней: „Она представляетъ изъ себя простую пѣснь, разыгранную въ одной октавъ... Это не сложная оркестровая пьеса съ рыданіями и восторгами и созвучіемъ двадцати инструментовъ. Но этотъ неспѣлый плодъ, который вскорѣ будетъ столь сладкимъ,—вамъ онъ не нуженъ. Только тогда, когда отъ прикосновенія жизни мы становимся немножко попорченными,—тогда мы влечемъ васъ. Когда мы сами горимъ, тогда только мы воспламеняемъ васъ. Вы никогда не видите, когда васъ любятъ съ надрывающей душой, такъ какъ никогда предлагающая себя любовь не умѣетъ любить. Вы слишкомъ близоруки, и потому отъ васъ ускользаетъ самое драгоцѣнное, остающееся навсегда непознаннымъ“.

Представителями этой мужской психологіи являются пользующіеся жизнью Колландеръ и всегда запаздывающій добродѣтельный Веттербергъ. На этомъ непримиримомъ контрастѣ женской и мужской психологіи Лаура Маргольмъ строитъ драму любви: женская натура требуетъ любви, несовершенна безъ любви,—но жизнь коверкаетъ благотворность этого чувства и превращаетъ его въ торжество инстинкта.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1896.

Пятидесятилѣтіе первой реформы городского самоуправления.—Еще о законности и законникахъ.—„Отсталый“ законъ и передовая административная практика.—Междоусобіе въ средѣ консервативной прессы.—Опальная историческая тѣма.—Юбилей А. М. Жемчужникова.—Н. Н. Страховъ †.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени изданія, 13-го февраля 1846 г., Положенія объ общественномъ управленіи С.-Петербурга, послужившаго первымъ шагомъ къ реформѣ городского самоуправления. „Русскія Вѣдомости“ весьма кстати напомнили, по этому поводу, о мотивахъ законодательнаго акта, мало гармонизировавшаго съ общимъ характеромъ эпохи. Городское хозяйство находилось въ то время въ совершенномъ упадкѣ, самоуправленіе существовало только по имени, лучшіе люди уклонялись отъ службы по общественнымъ выборамъ—и главною причиною этого признавалась, даже въ официальныхъ сферахъ, слишкомъ заботливая правительственная опека, „тягостная для самого правительства и вредная для гражданственности на разумныхъ началахъ“. Съ тѣхъ поръ многое переѣнилось къ лучшему—но въ послѣднее время поступательное движеніе, начавшееся въ 1846 г. и сдѣлавшее большой шагъ впередъ въ городскомъ положеніи 1870 г., уступило мѣсто застою или даже регрессу: городское положеніе 1892 г. опять усилило власть администраціи надъ городскимъ представительствомъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда только-что входило въ моду отрицательное отношеніе къ самоуправленію, И. С. Аксаковъ написалъ слѣдующія знаменательныя слова: „имѣете вы дѣло съ общественными корпораціями—не угашайте въ нихъ духа; признайте за ними нравственныя права сборной личности, дорожите ихъ чувствомъ самостоятельности“. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, пожеланіе покойнаго московскаго славянофила и теперь не утратило значенія современности...

Говоря, въ февральскомъ Внутреннемъ Обзорѣни, о различныхъ взглядахъ на законность, существующихъ въ нашемъ обществѣ и выражаемыхъ въ нашей печати, мы замѣтили, между прочимъ, что у насъ до сихъ поръ не перевелось прямое отрицаніе законности, не прекратились попытки доказать „преимущество незаконнаго или беззаконнаго надъ законнымъ“. Новое подтвержденіе этому мы нахо-

димъ въ послѣдней книгѣ „Русскаго Вѣстника“ (№ 2, „Литературно-общественныя замѣтки“). Консервативный журналъ оправдываетъ и одобряетъ всѣ правонарушенія, бывшія предметомъ спора между „Московскими Вѣдомостями“ и „Вѣстникомъ Европы“ (см. январское Внутреннее Обзорѣніе). Пьянаго банщика, нагрубившаго высокопоставленному лицу, „нужно наказать, и ничего болѣе“; на торговца, пустившаго въ продажу негодный продуктъ, нужно произвести *спечатаніе* моментальной административной расправой, потому что судебное производство у насъ медленно и тяжело; уходящихъ рабочихъ нужно задержать, чтобы избавить землевладѣльца отъ „незаслуженной напасти“. Находить, что во всѣхъ этихъ—и имъ подобныхъ—случаяхъ долженъ быть соблюденъ законный порядокъ преслѣдованія и взысканія, значитъ—быть „холоднымъ формалистомъ, оторваннымъ отъ жизни“; стоять за судебную отвѣтственность торговца, значитъ „защищать его въ ущербъ обывательскимъ интересамъ“. Не ограничиваясь этими частными возраженіями, „Русскій Вѣстникъ“ формулируетъ цѣлую теорію, направленную противъ равенства передъ закономъ. Въ силу этой теоріи законъ „не только можетъ, но и долженъ рѣзко разграничить темную обывательскую массу отъ просвѣщеннаго общества“, подобно тому, какъ онъ различаетъ несовершеннолѣтнихъ гражданъ отъ совершеннолѣтнихъ. „Сообразно съ этимъ должно быть и наказаніе, и приемы примѣненія закона. Просвѣщенный человѣкъ не нуждается въ томъ, чтобы карающая рука правосудія постоянно была передъ его глазами. Наоборотъ, человѣкъ невѣжественный только тогда и боится этой карающей руки, когда она можетъ опуститься на его голову *немедленно* (курсивъ въ подлинникѣ)“.

До чего, однако, мы дожили, если такія вещи говорятся совершенно серьезно, съ претензіей на глубокомысліе, на „широкій масштабъ“, на пониманіе „существенно важныхъ потребностей десятковъ милліоновъ людей“! Въ то самое время, когда новое уголовное уложеніе готовится стереть послѣдніе слѣды неравенства передъ уголовнымъ закономъ, насъ увѣряютъ, что наказаніе должно быть одно—для „темной массы“, другое—для „просвѣщеннаго общества“! Въ то самое время, когда одною изъ задачъ новой судебной реформы признается возможно большее объединеніе процессуальныхъ формъ, намъ предлагаютъ приспособлять „приемы примѣненія закона“ къ степени умственного развитія тяжущихся или обвиняемыхъ! Путь, рекомендуемый „Русскимъ Вѣстникомъ“, завелъ бы насъ далеко за предѣлы до-реформенныхъ порядковъ, при которыхъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, „приемы примѣненія закона“ были одинаковы для знатныхъ и незнатныхъ. Мы склоняемся къ мысли, что самъ „Русскій Вѣстникъ“ не далъ себѣ яснаго отчета въ значеніи словъ, съ легкимъ сердцемъ

пущенныхъ имъ въ обращеніе. Вѣдь если „человѣкъ невѣжественный только тогда и боится карающей руки, когда она можетъ опуститься немедленно“, то единственная форма суда, умѣстная по отношенію къ „темной обывательской массѣ“, это—полицейскій протоколъ для маловажныхъ проступковъ, военный полевой судъ для важныхъ преступленій! Не нужно, значить, въ громадномъ большинствѣ случаевъ ни разслѣдованія до суда, ни защиты во время суда, ни жалобы на судебный приговоръ; все это — привилегія „просвѣщенныхъ людей“, а не права „невѣжественной черни“!.. Не въ этомъ, однако, суть вопроса, спорнаго между нами и „Русскимъ Вѣстникомъ“. Рѣчь идетъ не о томъ, что долженъ установить законъ, а о томъ, долженъ ли онъ быть исполняемъ. Быть можетъ, когда-нибудь *ria desideria* „Русскаго Вѣстника“ и осуществляются на практикѣ; быть можетъ, мы доживемъ и до узаконенія перегородокъ, которыя онъ хотѣлъ бы воздвигнуть между толпой и меньшинствомъ — но пока такія перегородки легально еще не существуютъ, и торговецъ, рабочій, даже „пьяный банщикъ“ еще не лишены охраны общаго для всѣхъ закона. Появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ безобразно-пьяномъ видѣ, продажа недоброкачественныхъ продуктовъ, самовольный уходъ съ работы признаются проступками, подлежащими судебной отвѣтственности; въ объектѣ административныхъ мѣропріятій они обращаются помимо и внѣ всякихъ правилъ, вопреки буквѣ и смыслу закона. Еслибы законодатель считалъ нужнымъ предоставить „градоправителямъ“ карательную власть по отношенію къ „пьянымъ буянамъ“, недобросовѣстнымъ торговцамъ, дерзкой прислугѣ¹⁾, онъ такъ бы и сдѣлалъ,—и тогда можно было бы говорить о нецѣлесообразности, несправедливости закона, но отнюдь не о незаконности основанныхъ на немъ распоряженій. Нельзя допускать какое-то противорѣчіе между намѣреніями и дѣйствіями законодателя; нельзя предполагать, чтобы соблюденіе или несоблюденіе процессуальныхъ формъ, установленныхъ глубоко-обдуманномъ законодательнымъ актомъ и съ тѣхъ поръ не отмѣненныхъ, зависѣло отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ органовъ административной власти. Составителямъ судебныхъ уставовъ „обывательскіе интересы“ были, конечно, не менѣе дороги и близки, чѣмъ „Русскому Вѣстнику“—и однако они нашли возможнымъ предоставить наказаніе торговца „тухлой дичью“ суду, а не полиціи. Почему? Потому что здѣсь, какъ и вездѣ, возможны неоснова-

¹⁾ „Русскому Вѣстнику“ не нравится равенство господъ и прислуги передъ судомъ, не нравится невозможность наказать „грубую кухарку“ иначе, какъ по жалобѣ барина. Какъ помочь горю—этого онъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ. Ужъ не возвратится ли къ полицейской расправѣ съ прислугой, процвѣтавшей въ блаженные времена крѣпостного права?..

тельныя и придирчивыя обвиненія—а охрана нужна и для маленькихъ правъ маленькаго человѣка. Для предупрежденія вреда отъ испорченныхъ продуктовъ совершенно достаточно немедленное изыятіе ихъ изъ обращенія, о которомъ мы и говорили въ январьскомъ обзорѣніи... До какой степени разсужденія „Русскаго Вѣстника“ идутъ въ разрѣзъ съ самыми элементарными началами права—это съ особенною ясностью обнаруживается въ вопросѣ о самовольномъ уходѣ рабочихъ. По мнѣнію консервативнаго журнала, нѣтъ ничего естественнѣе и проще припущенія рабочихъ, срокъ найма которыхъ еще не истекъ, къ продолженію работъ у нанимателя. Между тѣмъ, эта „простая“ мѣра, послѣ продолжительныхъ колебаній ¹⁾, была окончательно отвергнута. Законодательною властью „водвореніе“ рабочихъ не включено въ законъ 12 іюня 1886 г., до сихъ поръ регулирующій положеніе сельскихъ рабочихъ ¹⁾. Пока этотъ законъ сохраняетъ свою силу, всякое дѣйствіе администраціи, направленное къ принудительному возстановленію или продолженію отношеній между рабочими и нанимателемъ, является явно противозаконнымъ превышеніемъ власти. Допускать, оправдывать и даже возводить въ систему принятіе администраціей такихъ мѣръ, которыхъ сознательно и намѣренно не разрѣшилъ законодатель, значитъ ставить вверхъ дномъ взаимное отношеніе властей и отрицать всякую возможность законмѣрнаго управленія. Кто этого не видитъ, тому не мѣшало бы возвратиться на школьную скамейку; кто этого *не хочетъ* видѣть, тому слѣдовало бы откровенно применить къ извѣстному взгляду на законъ, выраженному однимъ изъ Щедринскихъ помпадуровъ...

По мнѣнію „Русскаго Вѣстника“, мы понимаемъ законность въ томъ смыслѣ, что „каждое дѣйствіе должно непремѣнно опираться на извѣстный писанный законъ; нѣтъ подлежащаго закона—нѣтъ и дѣйствія; дискреціонная власть совершенно уничтожается и въ государствѣ не остается ни одного лица, которое имѣло бы право дѣйствовать сколько-нибудь самостоятельно и не по строго отчеканенному шаблону“. Ничего подобнаго изъ нашихъ словъ не вытекаетъ; напротивъ того, мы прямо признавали, что „въ *примѣненіи* закона администрація сохраняетъ громаднѣйшій просторъ, такъ какъ именно въ сферѣ управленія законъ даетъ только общія нормы, не предусматривая и не регулируя деталей“. Все дѣло въ томъ, чтобы администрація, *примѣняя* законъ, не допускала его *нарушенія*. „Пьянаго

¹⁾ Подробная исторія этихъ колебаній изложена въ Внутр. Обзорѣніи № 9 „Вѣстн. Европа“ за 1886 г.

²⁾ Между возвращеніемъ рабочихъ уже ушедшихъ и удержаніемъ намѣревающихся уйти нѣтъ, очевидно, никакой существенной разницы: и тамъ, и тутъ одинаково неизбѣженъ элементъ насильственнаго водворенія.

буяна“, наприимѣръ, полиція можетъ либо задержать впредь до вытрезвленія, либо отдать на попеченіе близкимъ къ нему лицамъ, съ обязательствомъ не допускать его до новаго буйства—но она не можетъ и не должна подвергать его какой бы то ни было *карѣ*. „Тухлую дичь“, найденную у торговца, полиція можетъ либо оставить у него, взявъ съ него подписку не пускать ее въ продажу, либо отдать ее на храненіе, впредь до освидѣтельствованія, другому торговцу, либо прямо направить въ участокъ, для освидѣтельствованія,—но она не можетъ и не должна уничтожать ее собственною властью, безъ формальнаго осмотра, не можетъ и не должна налагать на торговца взысканіе, которому онъ подлежитъ не иначе какъ по суду. Даже „дискреціонная власть“, о которой говоритъ „Русскій Вѣстникъ“, никогда не бываетъ неопредѣленною, безграничною; ея предѣлы назначаются закономъ, и безповоротными могутъ считаться только распоряженія, не выходяція изъ этихъ предѣловъ. Безповоротность распоряженія, притомъ, вовсе не равносильна безответственности лица, отъ котораго распоряженіе исходитъ. Неправильнымъ можетъ быть признано и такое дѣйствіе, при совершеніи котораго должностное лицо формально не нарушило своихъ полномочій.

По истинѣ забавнымъ „Русскій Вѣстникъ“ становится тогда, когда старается приискать общее теоретическое основаніе для вѣтъ-законныхъ и незаконныхъ административныхъ распоряженій. Законъ—такова аргументація консервативнаго журнала—*всегда* отстаётъ отъ жизни. Законъ, на основаніи котораго мы дѣйствуемъ сегодня, представляетъ сумму опыта вчерашняго дня; онъ собираетъ во-едино и санкціонируетъ множество частныхъ случаевъ, успѣвшихъ сложиться въ общее и повсемѣстное явленіе, а регистрацію и санкціонированье такихъ же случаевъ сегодняшняго дня откладываетъ до завтра. Законъ по необходимости медлителенъ и неповоротливъ. Онъ по необходимости запаздываетъ и отстаётъ отъ жизни. Представьте себѣ теперь, что все дѣлается по закону, ни малѣйшихъ уклоненій и отступленій отъ него не допускается. Тотчасъ же всё, отъ непримиримѣйшаго консерватора до самаго распущеннаго либерала, хоромъ заявятъ, что такъ жить нельзя, что при такихъ условіяхъ не можетъ развиваться ни одна отрасль дѣятельности. Гдѣ же поправка къ малоподвижному и, такъ сказать, провиденціально запаздывающему закону? Этой поправкой является дискреціонная власть, предоставляемая закономъ или источникомъ его—волею Государя—различнымъ представителямъ администраціи. Хотя и въ малой мѣрѣ, хотя отчасти она заполняетъ пробѣлы, оставляемые не быстро подвигающимся впередъ закономъ, регулируетъ его вынужденныя несовершенства и согласуетъ слишкомъ прямолинейныя требованія съ условіями текущей

жизни". Справедливо здѣсь только то, что законъ не предусматриваетъ и не можетъ предусмотрѣть всѣхъ вновь зарождающихся потребностей, всѣхъ безконечно разнообразныхъ житейскихъ комбинацій; но выходъ изъ обусловливаемыхъ этимъ затрудненій—вовсе не въ дискреціонной власти, а въ *интерпретаціи* закона, допускаемой и юридическою наукой, и положительными законодательствами. Оставаясь на почвѣ права, интерпретація постепенно приспособляетъ его къ новымъ условіямъ и подготавливаетъ тѣ перемѣны, которыя затѣмъ осуществляются закономъ. Вѣдь не задыхаются же западно-европейскія государства отъ неподвижности и запоздалости своихъ законодательствъ—а между тѣмъ дискреціонная власть, восхваляемая нашими апологетами произвола, существуетъ у нихъ лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и вовсе не посягаетъ на пополненіе и регулированіе закона. Комизмъ разсужденій „Русскаго Вѣстника“ заключается въ томъ, что „дискреціонная власть“ предполагается идущей *отереди* „запаздывающаго“ и „отстающаго“ закона, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ отсталой, повторяющей зады въ огромномъ большинствѣ случаевъ является именно—она. Законъ давно уже отказался отъ наказанія возможныхъ, предполагаемыхъ виновниковъ преступленія, отъ массовыхъ экзекуцій, отъ личной отвѣтственности всѣхъ за одного—а на практикѣ все это допускается въ силу административныхъ распоряженій. Законъ требуетъ, чтобы приговору предшествовало разслѣдованіе—а на практикѣ эти моменты соединяются въ одинъ, т.-е. разслѣдованіе, въ сущности, не производится. Законъ вычеркиваетъ тѣлесное наказаніе изъ общей лѣстницы карательныхъ мѣръ—а практика опять его туда вводитъ. Законъ никого не заставляетъ работать въ пользу частнаго лица—а практика и здѣсь не отступаетъ передъ принужденіемъ. Въ довершеніе комизма, „Русскій Вѣстникъ“, по примѣру „Московскихъ Вѣдомостей“, заканчиваетъ свою замѣтку словами: „никто не будетъ отстаивать беззаконія и подготавливать торжество произволу“—какъ будто бы все сказанное имъ раньше не было прямой защитой беззаконія и панегирикомъ произволу!

Въ той же книгѣ „Русскаго Вѣстника“, гдѣ напечатана замѣтка о „законности и законникахъ“, помѣщена рѣзкая выходка противъ тѣхъ словъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, которыя были приведены нами въ предыдущей хроникѣ, какъ единственный противовѣсъ многочисленнымъ прегрѣшеніямъ новой редакціи. Это вполнѣ понятно: отрицаніе законности всегда идетъ рука объ руку съ патріотизмомъ извѣстнаго сорта. „Русскому Вѣстнику“ ужасно не нравится, что отзывъ о книгѣ гр. Лелины появился въ газетѣ, украшенной госу-

дарственнымъ гербомъ и посящей, слѣдовательно, „вѣщій признакъ принадлежности правительству“. Чтобы уменьшить значеніе этого отзыва, консервативный журналъ усматриваетъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ стремленіе обновиться „въ горахъ языческаго Кафиристана и среди буддійскихъ идоловъ бурятскаго издѣлія“— т.-е. повторять, въ еще болѣе обостренной формѣ, нападенія газетъ, укладывавшихъ кн. Ухтомскаго въ „азіатскую колыбель“ и приписывавшихъ ему „азіатскую точку зрѣнія“ на вѣротерпимость. Какъ бы то ни было, тяжесть обвиненія, высказаннаго кн. Ухтомскимъ, сознаетъ и „Русскій Вѣстникъ“—и берется за его опроверженіе путемъ разбора книги гр. Леливы („Русско-польскія отношенія“). Путь избранъ совершенно правильно; къ сожалѣнію, онъ не пройденъ до конца, отчасти по винѣ „Русскаго Вѣстника“, отчасти, вѣроятно, по обстоятельствамъ отъ него не зависящимъ. Настаивая на „самой широкой гласности“, на „самомъ обстоятельномъ выясненіи“ фактовъ, затрогивающихъ „достоинство государственной власти, бодрость духа русскаго населенія западнаго края, спокойствіе совѣсти всей православной Россіи“, „Русскій Вѣстникъ“ приводитъ, однако, весьма мало выписокъ изъ книги гр. Леливы—а такъ какъ для громаднаго большинства русскихъ читателей самая книга совершенно недоступна, то неразъясненнымъ, въ концѣ концовъ, остается и вопросъ, спорный между консервативнымъ журналомъ и столь же консервативной газетой. Судя по словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, книга гр. Леливы посвящена въ особенности „казенной обрядности“, дѣйствующей притѣснительно во имя узкаго націонализма. Въ статьѣ „Русскаго Вѣстника“ случаевъ, подходящихъ подъ эту рубрику, приведено только три, между тѣмъ какъ въ книгѣ гр. Леливы ихъ, безъ сомнѣнія, гораздо больше. Гдѣ же ручательство въ томъ, что аргументація журнала—если и признать ее убѣдительною по отношенію къ тремъ даннымъ случаямъ—распространяется и на всѣ остальные? Въ статьѣ „Русскаго Вѣстника“ нѣтъ, на примѣръ, ни слова объ извѣстномъ Крожскомъ дѣлѣ, которое едва ли обошелъ молчаніемъ гр. Лелива. Съ достаточною ли полнотою, наконецъ, переданы „Русскимъ Вѣстникомъ“ хотя бы тѣ факты, на которыхъ онъ счелъ нужнымъ остановиться? Цѣликомъ ли приведено, на примѣръ, письмо попечительницы женскаго пансіона въ гор. Шавляхъ? Цѣликомъ ли приведена резолюція, вызванная этимъ письмомъ? Мы имѣемъ основаніе думать, что нѣтъ. Читателямъ журнала данъ, такимъ образомъ, не весь матеріалъ даже для разрѣшенія тѣхъ немногихъ вопросовъ, которые передъ ними поставлены. Повятно, что выводы, получаемые такимъ образомъ, не могутъ имѣть большой убѣдительной силы.

Присмотримся поближе къ одному изъ нихъ. На стр. 283 мы

читаемъ слѣдующую выписку изъ книги гр. Леливы: „по постановленію педагогическаго совѣта ковенской гимназіи, въ 1887 г. установлена была въ рекреационномъ залѣ ежедневная общая молитва передъ ученіемъ для учениковъ всѣхъ исповѣдавій, совершаемая православнымъ священникомъ. Ученики-католики естественно уклонялись отъ этой молитвы и за уклоненіе такое подвергались болѣе или менѣе тяжкимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ. Особенно стѣсняло этихъ послѣднихъ то обстоятельство, что послѣ молитвы предъ ученіемъ, православный священникъ читалъ и толковалъ дневное евангеліе, между тѣмъ какъ толкованіе Св. Писанія для мірянъ римско-католической церковью безусловно не допускается“. На это „Русскій Вѣстникъ“ возражаетъ, что уклоненіе учениковъ-католиковъ отъ слушанія толкованій на Евангеліе не можетъ быть названо *естественнымъ*, въ виду свойственнаго юношамъ стремленія къ приобрѣтенію знаній; оно, очевидно, внушалось имъ духовными ихъ наставниками, т.-е. ксендзами. Допустимъ, что это такъ; сущность дѣла отъ того нисколько не мѣняется. Понятно, что католическій священникъ стремится къ соблюденію его паствой предписаній католической церкви; понятно, что духовныя дѣти поддаются влиянію своего духовнаго отца и считаютъ грѣхомъ нарушеніе его наставленій; понятно, что при такихъ условіяхъ въ душѣ учениковъ возникаетъ тягостный конфликтъ между голосомъ совѣсти и требованіями житейскаго благоразумія. Мы желали бы знать, что сказалъ бы „Русскій Вѣстникъ“, еслибы гдѣ-нибудь за предѣлами Россіи православные ученики были приглашаемы, подъ страхомъ отвѣтственности передъ начальствомъ, присутствовать при толкованіи Св. Писанія, исходящемъ отъ духовнаго лица другого исповѣданія?.. Цѣль, которою задался консервативный журналъ, остается, такимъ образомъ, недостигнутою. Судить о томъ, въ какой степени основателенъ или неоснователенъ отзывъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о книгѣ гр. Леливы, можно будетъ только тогда, когда эта книга будетъ допущена къ обращенію въ Россіи, и все содержаніе ея сдѣлается предметомъ свободнаго, всесторонняго обсужденія. Самъ „Русскій Вѣстникъ“ признаетъ, что весьма многіе изъ сообщаемыхъ въ ней „фактовъ“ (кавычки въ подлинникѣ, выражающіе, очевидно, сомнѣніе въ достовѣрности сообщеній) „можно объяснить и къ выгодѣ, и къ невыгодѣ существующей системы управленія краемъ“. Истина можетъ быть раскрыта только путемъ сопоставленія и сравненія этихъ противоположныхъ объясненій...

Есть ли въ исторіи такіе періоды или отдѣлы, которые должны быть по возможности обходимы университетскимъ преподаваніемъ, въ качествѣ неблагонадежныхъ? Съ перваго взгляда подобный вопросъ можетъ показаться совершенно непонятнымъ. Исторія читается въ университетахъ какъ *наука*—а изъ науки, какъ изъ пѣсни, „слова не выкинешь“. Какую бы окраску ни носили событія въ данной мѣстности или въ данное время, они образуютъ звено въ неразрывной цѣпи историческихъ фактовъ и подлежатъ изученію, объемъ и подробность котораго должны зависѣть исключительно отъ общихъ границъ и условій университетскаго курса. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о русской исторіи, гдѣ остается еще такъ много необработаннаго и невыясненнаго. Чѣмъ дальше мы отходимъ въ прошлое, тѣмъ меньше можетъ быть рѣчь объ опальныхъ предметахъ. Что было нѣкогда враждебно государству, то составляетъ теперь такую же часть его прошедшаго, какъ и элементы, наиболѣе благоприятствовавшіе развитію государственной идеи. Всѣ эти положенія, повидимому, совершенно безспорны—но не такими они оказываются на практикѣ. Въ одной изъ недавнихъ книжекъ „*Ученыхъ Записокъ Императорскаго казанскаго университета*“ въ протоколахъ совѣтскихъ засѣданій встрѣчается, по словамъ казанскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 43), указаніе на слѣдующій фактъ. Приватъ-доцентъ историко-филологическаго факультета казанскаго университета, г. Фирсовъ, читалъ лекціи по русской исторіи. Вопросъ о вознагражденіи его въ усиленномъ размѣрѣ восходилъ на разрѣшеніе министерства, которое ассигновало требовавшуюся на вознагражденіе сумму, но „при этомъ, — сказано было въ предложеніи министерства на имя попечителя, — господинъ министръ не могъ не обратить вниманія на избранный приватъ-доцентомъ Фирсовымъ для чтенія курсъ: „*Исторія средняго и нижняго Поволжья*“. Настоящій курсъ, имѣющій предметомъ изученіе той окраины русскаго государства, историческое прошлое которой своими односторонними и мятельными проявленіями постоянно шло въ разрѣзъ съ культурною дѣятельностью русскаго правительства, едва ли удобенъ, и не слѣдовало ли бы замѣнить его инымъ, болѣе соответствующимъ программамъ и экзаменнымъ требованіямъ курсовъ“. О содержаніи этого отзыва министра попечитель увѣдомилъ ректора, который сообщилъ его факультету. Послѣдній обратился съ просьбой разъяснить, какъ слѣдуетъ понимать предложеніе относительно предмета чтенія г. Фирсова: слѣдуетъ ли немедленно принять его къ исполненію и предложить г. Фирсову избрать другой предметъ для своихъ чтеній въ предстоящемъ полугодіи (весеннее полугодіе 1895 г.), или, предоставляя ему продолжать свои чтенія, имѣть

въ виду указанія г. министра на будущее время. Въ отвѣтъ на это попечитель обратился къ ректору съ просьбою предложить привать-доценту Фирсову избрать другой предметъ для чтеній въ предстоящемъ полугодіи, и г. Фирсовъ долженъ былъ прервать свой курсъ по исторіи Поволжья. — Итакъ, предметомъ подробнаго изученія можетъ служить въ университетѣ культурная дѣятельность правительства, но не препятствія, съ которыми ей приходилось бороться. Можно ли, однако, понять, какъ слѣдуетъ, первую, не зная послѣднихъ? Всякая борьба предполагаетъ два элемента, неотдѣлимые одинъ отъ другого, какъ свѣтъ отъ тѣни. Исключить изъ общаго курса русской исторіи всѣ народныя мятежи невозможно—а если о нихъ упоминается въ общемъ курсѣ, то нѣтъ, очевидно, причины устранять частный курсъ только въ силу того, что здѣсь о нихъ пришлось бы сказать нѣсколько больше. Монографія Пушкина о главномъ изъ русскихъ бунтовъ появилась безпрепятственно въ такое время, когда русская историческая наука едва зарождалась и вовсе не пользовалась правами гражданства; какимъ же образомъ теперь можетъ оказаться неудобно детальное изслѣдованіе, въ которомъ, рядомъ съ мятежами, широкое мѣсто заняли бы мирныя теченія народной жизни? Развѣ среднее и нижнее Поволжье только и дѣлало, что противилось культурнымъ начинаніямъ правительства? Развѣ оно не сыграло крупную, благотворную роль въ исторіи русскаго народа, хотя бы колонизаціоннымъ движеніемъ, отрывшимъ для великорусскаго племени новое, громадное поприще дѣятельности? Развѣ мало привлекательнаго и мало важнаго въ этомъ русскомъ „стремленіи на Востокъ“, предрѣшившемъ, въ значительной степени, судьбу русскаго государства?.. Не совсѣмъ понятна для насъ и ссылка на несоотвѣтствіе курса исторіи Поволжья „программамъ и экзаменнымъ требованіямъ“. Рядомъ съ общими курсами, болѣе или менѣе приспособленными къ государственному экзамену, въ нашихъ университетахъ сплошь и рядомъ читаются частныя курсы, имѣющіе цѣлью развить въ студентахъ любознательность, привычку къ самостоятельнымъ занятіямъ, умѣнье сосредоточиваться на отдѣльныхъ темахъ, избираемыхъ изъ безконечной области науки. Именно такой характеръ имѣлъ курсъ привать-доцента Фирсова, допущенный факультетомъ и, слѣдовательно, признанный согласнымъ съ правилами университетскаго устава...

Многимъ изъ нашихъ поэтовъ, начавшихъ свою дѣятельность на рубежѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, дана „долгота дней“. Этотъ даръ, иногда тяжелый самъ по себѣ, становится драгоцѣн-

нымъ для поэта и для всего общества, когда рука объ руку съ нимъ идетъ душевная свѣжесть. Такое счастливое соединеніе мы видимъ въ Я. П. Полонскомъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ бодро вступившемъ въ четвертую четверть вѣка. Въ началѣ февраля 75 лѣтъ исполнилось и А. М. Жемчужникову, въ стихотвореніяхъ котораго по прежнему нѣтъ ничего старческаго. Если въ „Думѣ“, недавно напечатанной имъ въ нашемъ журналѣ, чувствуется смущеніе передъ „грозою приближающимся концомъ“, если поэта гнететъ мысль, что не время „искупать прошлыя прегрѣшенія“, не время „исправлять бѣду прежней праздности“, то въ этихъ словахъ мы видимъ только выраженіе того „святого недовольства“, о которомъ говорилъ другой поэтъ, давно почившій. Безъ горькаго сожалѣнія о томъ, что не удалось сдѣлать больше, подходитъ къ заветному рубежу только тотъ, кто никогда не старался что-нибудь сдѣлать или, сдѣлавъ немного, воспиталъ въ себѣ вѣру въ значительность сдѣланнаго... Настроеніе поэта, до суровости строгаго къ самому себѣ, намъ вполне понятно, но иначе смотрять на дѣло его читатели; они знаютъ, что онъ не „зарывалъ въ себѣ зиждательный даръ“ и никогда не былъ „работъ лѣнивымъ и лукавымъ“...

Въ концѣ января скончался Н. Н. Страховъ; окончивъ (въ 1855 г.) курсъ въ бышемъ педагогическомъ институтѣ, онъ имѣлъ въ виду посвятить себя научной и педагогической дѣятельности, и въ 1857 г. получилъ степень магистра зоологін; съ того же времени началась и его литературная дѣятельность, не прерываваясь до самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Какъ критикъ, публицистъ и философъ, Н. Н. давно обратилъ на себя вниманіе, сотрудничая въ періодическихъ изданіяхъ; собранныя имъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ труды вполне опредѣлили его личный характеръ и дали ему то выдающееся мѣсто въ нашей литературѣ, которое онъ справедливо занималъ до самой своей смерти. Мы имѣемъ въ виду посвятить его памяти и оцѣнкѣ его трудовъ особый этюдъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Въ 1896 году, 2/14 мая, исполнится столѣтіе со дня открытія предохранительнаго прививанія оспы (вакцинаціи). Въ этотъ день, сто лѣтъ назадъ, докторъ *Эдвардъ Дженнеръ* публично произвелъ замѣчательный опытъ прививанія коровьей оспы отъ человѣка человѣку (гуманизированная вакцина). Съ тѣхъ поръ блестящіе результаты открытія *Дженнера* не перестаютъ служить человѣчеству вѣрнѣйшимъ средствомъ предохраненія отъ жесточайшей болѣзни „оспы“, той болѣзни, которая въ прежнее время уносила безчисленное множество жертвъ въ могилу, а на оставшихся въ живыхъ накладывала безпощадное клеймо уродства. Ученіе *Дженнера*, быстро распространившееся по всему міру, не только дало возможность низвести заболѣваемость и смертность отъ оспы до минимальнаго предѣла, но оно послужило еще основой и для развитія современнаго намъ способа предупрежденія и леченія цѣлаго ряда болѣзней животныхъ и человѣка (бѣшенство, сибирская язва, дифтеритъ и др.).

Великая заслуга открытія *Дженнера*, составившаго эпоху въ медицинѣ, побудила нынѣ различныя ученые общества всѣхъ культурныхъ государствъ подобающимъ образомъ почтить столѣтній юбилей этого торжества человѣческаго генія. Лучшимъ разрѣшеніемъ такой задачи являлось, несомнѣнно, подведеніе всемірнаго итога наличнымъ знаніямъ по оспѣ и борьбѣ человѣчества съ нею.

Русское Общество охраненія народнаго здравія постановило ознаменовать юбилей открытія оспопрививанія возможно болѣе широкимъ выполненіемъ упомянутой задачи. Съ этою цѣлью Общество черезъ своего Почетнаго Предсѣдателя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича испросило Высочайшее Государя Императора соизволеніе на слѣдующее предложеніе: 1) Назначить четыре премии за лучшія сочиненія по оспопрививанію. 2) Собрать и издать при участіи правительственныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, ученыхъ обществъ, гг. врачей и частныхъ лицъ матеріалы по исторіи развитія и результатамъ оспопрививанія въ Россіи. 3) Издать въ переводѣ на русскій языкъ сочиненія *Дженнера*. 4) Устроить выставку относящихся къ оспопрививанію предметовъ. 5) Созвать торжественное Общее Собраніе Общества въ самый день столѣтія открытія *Дженнера*.

Въ настоящае время Совѣтомъ Общества уже приступлено къ осуществленію этой программы, опредѣлены условія конкурса на сочиненія по оспопрививанію, а также намѣченъ планъ и объявлена подписка на предполагаемое юбилейное изданіе. Юбилейное изданіе Общества будетъ состоять: а) изъ историческаго обзора развитія и результатовъ оспопрививанія въ Россіи въ связи съ краткою исто-

рією этого дѣла въ Западной Европѣ и б) изъ перевода на русский языкъ сочиненій *Дженнера* (съ его біографіей, портретомъ, рисунками оспы).

Обработку всего изданія принялъ на себя членъ Общества д-ръ *В. О. Губертъ*.

Объемъ юбилейнаго изданія предполагается въ размѣрѣ около 50 печатныхъ листовъ; цѣна 3 руб. за экземпляръ.

Совѣтъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія обращается съ покорнѣйшею просьбою о присылкѣ въ канцелярію Общества (Петербургъ, Дмитровскій пер., 15) матеріаловъ, свѣденій, сочиненій, рисунковъ и вообще данныхъ или предметовъ, относящихся къ оспопрививанію. Общество проситъ не стѣсняться объемомъ или неполнотою посылаемыхъ матеріаловъ и свѣденій. Все присланное будетъ принято съ благодарностью, при чемъ имена учреждений и лицъ, доставившихъ тѣ или другіе матеріалы или предметы, будутъ напечатаны въ юбилейномъ изданіи. Доставленные матеріалы и предметы, по желанію владѣльцевъ, будутъ возвращены, по минованіи въ нихъ надобности, или переданы въ бібліотеку и музей Общества.

ПОПРАВКА.

Въ февральской книгѣ, на стр. 863, въ 13-й строкѣ снизу, напечатано: „держави-правительница“, вмѣсто: „держави-покровительница“.

Издатель и редакторъ: **М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Опыт исторіи Харьковского Университета. По мекаданимъ матеріаламъ. Проф. Д. Н. Багалія. Т. I (1802—1815). Вып. 2: 208—483 стр. Харь. 96. Ц. 1 р. 70 к.

Харьковский университетъ былъ однимъ изъ плодотворнѣйшихъ знаменательныхъ эпохи, когда и правительство, и общество, впервые признали, что народное просвѣщеніе есть не только прочный фундаментъ, но и вѣрный залогъ будущаго благосостоянія страны. Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, эта мысль вызвала въ первые годы царствованія имп. Александра I „огромную симпатію, заботливость и рвеніе, доходившія до экстаза и восторженности; Александръ I считалъ просвѣщеніе важнѣйшимъ дѣломъ своего царствованія и основой благополучія своихъ подданныхъ“. Дѣйствительно, въ одно его царствованіе было открыто 4 университета, 4 лицея, 68 гимназій, болѣе 100 учебн. и множество народныхъ училищъ, не считая спеціальныхъ учебн. заведеній — военныхъ и духовныхъ, обезпеченныхъ впервые доходами съ свѣчнаго сбора. Тогда же было учреждено и особое министерство народнаго просвѣщенія (1802 г.) съ главнымъ правленіемъ училищъ; до эпохи министра народнаго просвѣщенія Шишкова было тогда еще далеко (1824 г.). Въ Харьковѣ представителемъ просвѣдательскихъ идей начала шестидесяти лѣтъ былъ известный В. Н. Каразинъ. Онъ доказывалъ тогда, что всѣ прочія министерства „служатъ другъ другу только какъ части одного общаго управленія, работаютъ только для настоящаго; министерство же просвѣщенія должно бы взять на дѣятельность всѣхъ другихъ, имѣя само въ предметъ умноженіе и признательность вѣковъ грядущихъ; если что-либо можетъ сдѣлать Россію истинно независимою отъ всякаго внѣшняго давленія — какъ бы громадно оно ни было — то это только просвѣщеніе“. Последнія слова напоминаютъ собою то, что, 70 лѣтъ спустя, повторялось въ другой формѣ въ Германіи: „обиднѣе народный учитель!“ Новый выпускъ этого почтеннаго и интереснаго труда состоитъ изъ двухъ главъ: университетское самоуправленіе по уставу 1804 г. и матеріальныя средства университета въ первое его десятилѣтіе.

Старые и новые этюды объ эконоическомъ материализмѣ. Материалы для исторіи и критики эконоическаго материализма. — Н. Карпова. Сиб. 96. Стр. 304. Ц. 1 р.

Авторъ, въ своихъ этюдахъ, стоитъ исключительно на теоретической точкѣ зрѣнія, и потому сосредоточивается на одномъ вопросѣ: насколько правильно можно сводить всю исторію изъ одной эконоіи, и насколько такой пріемъ основанъ на научныхъ доводахъ? Въ настоящемъ изданіи резюмированы предъидущіе этюды автора, которые уже были имъ собраны въ статьѣ объ эконоическомъ материализмѣ въ исторіи, помѣщенной въ нашамъ журналѣ (Юль, авг. и сент. 1894 г.), а потому знакомой читателямъ. Вторую половину книги составляютъ новыя замѣтки автора, оставленныя въ резервѣ его статьѣ, въ видѣ дополненій къ ихъ тексту; цѣны главы, посвященныя разсмотрѣнію книгъ гг. Струве и Бейтсона, и одна заключительная глава, гдѣ авторъ перечисляетъ недостатки доктрины эконоическаго материализма, грѣшащей, по его

мнѣнію, главнѣйше тѣмъ, что она „заставляетъ принимать основныя положенія на вѣру, являясь ученіемъ чисто догматическимъ“.

Русское уголовное право. — Пособіе къ лекціямъ. Орд. проф. Сиб. Имп. Университета Н. Д. Сергѣевскаго. Часть общая. Изд. 3-е. Сиб. 96. Стр. 378. Ц. 2 р.

Настоящая книга предназначена прежде всего — служить пособиемъ для аудиторіи профессора и, какъ то видно изъ предисловія къ ней, составлена отчасти изъ самостоятельныхъ трудовъ автора въ области уголовного права, отчасти же изъ обзора другихъ трудовъ въ той же области, которые рекомендуются для желающихъ подробнѣе и ближе ознакомиться съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ книги. Такихъ отдѣловъ въ этомъ выпускѣ всего четыре: основаніе и предметъ карательной дѣятельности; наказаніе; преступное дѣяніе и приложеніе къ нему наказаній.

Судъ надъ судомъ присяжныхъ. По поводу статей Дейтриха и „Гражданина“. Съ приложеніемъ: Изъ воспоминаній присяжнаго за сѣдателя. Гр. Джамшѣва. 2-е допозн. изд. М. 96. Стр. 179. Ц. 50 к.

Новое изданіе этюда вполнѣ говоритъ о его успѣхѣ и соответствуетъ тому интересу дня, какой представляетъ судьба суда присяжныхъ, ожидаемая обществомъ. Этотъ интересъ увеличивается тѣми нападами нашихъ неумѣренныхъ консерваторовъ, которыхъ авторъ называетъ „судомъ надъ судомъ присяжныхъ“; въ послѣднее время въ такія флибустьерамъ, какъ „Гражданинъ“, присоединились и нѣкоторые голоса въ официальной средѣ самого судебного вѣдомства, какъ то читатель увидитъ выше изъ „Внутренняго Обзорнаго“. „Старая бюрократическая традиція, — говоритъ авторъ, — саншмомъ глубоко сидитъ въ нашихъ чиновникахъ, чтобы отъ нихъ могли скоро отдѣлаться всѣ чины судебного вѣдомства. Нужно время. Подождемъ еще немного! Припомнимъ, что всего какихъ-нибудь сорочкѣ тому назадъ, русскій народъ былъ юридическою фикціей и что, по официальному произсезерцію, „Россія, удоставляетъ П. А. Валуевъ, кончалась XIV классомъ“. Но оказывается, что „нужно было время“ — для того, чтобы дождаться вызова противъ суда присяжныхъ отътуда, откуда можно было меньше всего ожидать чего-нибудь подобнаго.

Государственный Советъ въ царствованіе императора Александра I. Историко-юридическое изслѣдованіе проф. Демьян. лива. В. Г. Щеглаова. Т. II. Вып. 1. Ярос. 95. Стр. 501. Ц. 3 р.

Новый выпускъ, представляя собою самостоятельное, по своему предмету, изслѣдованіе, служить въ то же время продолженіемъ изслѣдованія того же автора о государственномъ советѣ Россіи, сравнительно съ подобными же западноевропейскими учрежденіями. Авторъ сосредоточивается теперь на исторіи высшаго русскаго управленія въ XVIII в., въ его связи съ реформами Александра I, и дѣлаетъ въ поглубинныхъ главахъ сжатый очеркъ дѣятельности впервѣнаго совета, и законодательной — государственнаго совета.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1896 г.

(Тридцать-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересылкой	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. сборахъ	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январь и іюль, и по четвертямъ года: въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Принимается подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1896 г.

Книжки казначей, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лн., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Почковской, Петровскія линіи. — *Иногородные и иностранцы* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редацію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый поросъ* долженъ включать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерціи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редацію журнала, если подписка была слѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Вылеты* на получение журнала высылаются Конторою только гдѣ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF TORONTO
APR 2 1896

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЪ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1896.

ПЕТЕРБУРГЪ.

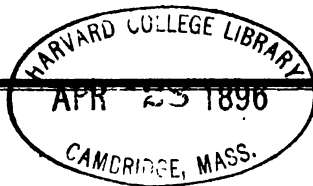
Издатель: М. М. Стасюлевичъ

Ч. 62/518

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1896.

Стр.

I.—НАРОДНИКЪ ВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.—Книга Мишлэ о Народѣ. I-X.—Окончаніе.—В. И. Герье	457
II.—ВНИГНИЯ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: I-XX.—П. Д. Боборичина	521
III.—ВОСТОЧНЫЯ ОСНОВЫ РУССКАГО ВЫЛННАГО ЭПОСА.—V-VIII.—Г. Нотанина	604
IV.—НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВѢСТЬ.—Въ трехъ частяхъ.—Часть первая: VIII-X.—Часть вторая: I-III.—А. Анухтина	635
V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Съ вѣг. — II. Прошлогодній лѣстокъ.—А. М. Федорова	698
VI.—ЧЕРНЫЙ АЛМАЗЪ.—Diamant noir. Roman, par J. Aicard.—I-VI.—Съ франц. А. Б-г.	696
VII.—НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ.—I. Степень общенародности и степень неизмѣнности преданія въ народной поэзи.—Ея вѣтшая судьба въ древнемъ періодѣ.—А. Н. Пышина	741
VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—* Повержена во прахъ вчерашня святиня.—М. Марикъ	786
IX.—ВИЗАНТИЗМЪ И РОССИЯ.—IX-XIV.—Владимира Соловьева	787
X.—ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МАРКСА.—I.—Л. З. Сломинскаго	809
XI.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Совѣщаніе губернскаго предводителя дворянства.—Официальныя и неофициальныя заявленія о нуждахъ дворянъ-землепльщцевъ.—Мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій—и комиссія для пересмотра постановленій по судебной части.—Инциденты въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ	837
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пораженіе итальянскихъ войскъ при Адубѣ.—Высшая политика и ея результаты въ Италіи.—Красно и Эритрея.—Новое министерство Рудина.—Вѣтшая предпріятія Англій.—Экспедиція въ Донголу и ея международное значеніе	859
XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Иліада Гомера, перев. Н. Мисскаго.—Подробный Словарь русскихъ глаголовъ, Д. А. Рованскаго.—Повѣсти и рассказы А. И. Плещеева, т. I.—"Починъ". Сборникъ Общества любит. рос. словесности.—Т.—Новыя книги и брошюры	871
XIV.—ПИСЬМО ВЛ. Я МИХ. СОЛОВЬЕВЫХЪ КЪ РЕДАКТОРУ.—По поводу "извлеченій" изъ записокъ историка С. М. Соловьева	889
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—J. Barbey D'Aureville. Journalistes et polémistes, chroniqueurs et pamphlétaire.—В. В.	890
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Продолженіе полемики о "русско-польскихъ" отношеніяхъ.—Статьи двухъ газетъ о вѣротеримости.—Драгоценное приращеніе "Московскихъ Вѣдомостей".—Самарскіе и казушскіе оретники.—Два старинные указа.—В. С. Пругавинъ †	895
XVII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, т. X.—Сочиненія В. Г. Вѣлнскаго, т. I-IV.—Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (В. В.), А. Волгана.—Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англій, П. Мажуева	
XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ—I-XVI стр.	

НАРОДНИКЪ

ВЪ

ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ

КНИГА МИШЛЕ О НАРОДѢ *).

„J'ouvris ma poitrine, j'y lus le Livre du Peuple“...

Окончаніе.

I.

Книга Мишле: „Le Peuple“, появившаяся въ свѣтъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, за годъ до перваго тома его „Исторіи Французской Революціи“, представляетъ собою ключъ къ этому послѣднему сочиненію; въ немъ звучитъ тотъ идеальный „мотивъ“, который Мишле внесъ въ свое повѣствованіе о великомъ подвигѣ „народа“, и этимъ приблизилъ его болѣе къ поэмѣ, чѣмъ къ исторіи.

Но названная книга заслуживаетъ вниманія и помимо этого. Она заключаетъ въ себѣ мысли Мишле о социальномъ вопросѣ, разрѣшеніе котораго онъ считалъ призваніемъ своего отечества. Намѣтивъ въ концѣ своей „Философіи исторіи“ социальный вопросъ, какъ главную проблему будущаго, онъ самъ въ 40-хъ годахъ

*) См. выше: мартъ, 94 стр.

перешелъ отъ философіи исторіи къ общественной философіи, и изложилъ ее въ своей книгѣ о „Народѣ“. Отражая на себѣ интересы и страсти, волновавшіе французское общество передъ революціей 1848 года, эта книга является вмѣстѣ съ тѣмъ характернымъ памятникомъ въ *соціологической* литературѣ.

Самъ Мишле слѣдующимъ образомъ характеризуетъ свою книгу. Упомянувъ о своей полемикѣ противъ клерикализма, онъ говоритъ: „Въ этихъ боевыхъ книгахъ я не былъ настолько поглощенъ борьбою, чтобы, свергая алтари ложныхъ боговъ, не намѣчать мѣста для другого алтаря. Необходимо было, въ пылу борьбы, среди отрицанія *отрицательнаго* ученія (католицизма!) дать вѣчто положительное, указать предметъ дѣйствительный, истинный, живой—лицо; устраняя увлеченіе, надо было вмѣсто всякой теоріи, показать реального человѣка. И я, забывъ всякій споръ, сбросивъ съ себя литератора, удалился отъ всѣхъ, остался наединѣ съ самимъ собою—я раскрылъ свое сердце и прочелъ въ немъ „Книгу о Народѣ“...“

Уже въ этомъ признаніи можно отмѣтить экзальтацію автора, его преклоненіе предъ народомъ, возведеніе народа въ предметъ религіознаго культа—и затѣмъ—крайне субъективное отношеніе автора къ своему произведенію. Эта книга— „я самъ“ (*c'était moi!*)—воскликаетъ Мишле. Это значитъ, что авторъ вложилъ въ книгу о „Народѣ“ всю свою душу, а это была душа поэта.

Одаренный живою фантазіей, Мишле вноситъ свою поэтическую душу всюду. Даже предметы безжизненные, искусственные, созданные рукою человѣка, въ его глазахъ становятся живыми лицами, чувствительными и страдающими, подобно ему. Описывая кораблекрушеніе, Мишле видитъ въ выброшенномъ на берегъ кораблѣ трупъ убитаго моремъ человѣка—*assommé, éreinté*; маяки для Мишле—усердные, неустанные въ своей бдительности стражи, караульщики моря; во время бури онъ видитъ въ нихъ мучениковъ, страдающихъ отъ яростныхъ ударовъ океана. Стремленіе олицетворить, очеловѣчить, идеализировать, проявляется у Мишле еще сильнѣе, когда онъ имѣетъ дѣло съ явленіями природы, какъ, напр., въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, специально посвященныхъ жизни природы: „Птица“, 1856; „Насѣкомое“, 1857; „Море“, 1861; „Гора“, 1868. Антропоморфизмъ является здѣсь не только источникомъ поэтическихъ уподобленій, но главнымъ методомъ для объясненія затаеннаго смысла и причины явленій. Даже въ стихіяхъ Мишле видитъ дѣйствіе какаго-то органическаго начала, которому онъ иногда приписываетъ стремленія нравственнаго свойства. Приливъ и отливъ ему представляются бѣженіемъ

пульса океана, воды котораго разносятъ жизнь по земному шару, подобно крови, текущей по жиламъ человѣка.

Воздымающіяся кверху горы онъ выставляетъ результатомъ стремленій (aspirations) земли къ солнцу, „къ ея обожаемому возлюбленному“. Въ области органической природы Мишле, конечно, еще чаще видитъ проявленіе нравственныхъ стремленій, или откровеніе безконечнаго божественнаго начала. Въ легкомъ полетѣ птицъ подъ небесами, въ ихъ способности „плавать по воздуху безъ усилія“, какъ бы во снѣ, онъ видитъ воплощеніе силы, которая влечетъ все земное къ материнскому очагу божественнаго упоенія. Растенія и животныя для Мишле—безпорочныя дѣти Божіи. Спокойныя и чистыя, они въ своемъ молчаливомъ бытіи какъ бы хранятъ великую тайну, повѣданную имъ свыше. Мишле сопоставлялъ животныхъ съ дѣтьми: „подобно дѣтямъ, они—смиранные сыны инстинкта, но притомъ самые простодушные, самые невинные и самые, быть можетъ, несчастные“. Мишле приводитъ замѣчаніе одного естествоиспытателя, что молодое животное при своемъ рожденіи болѣе развито (plus intelligent), и потому представляетъ ббльшее сходство съ ребенкомъ, чѣмъ впоследствии. По мѣрѣ того, какъ оно растетъ, оно грубѣетъ и опускается (il devint brute et tombe à la bête). Какъ будто его бѣдная душа изнемогаетъ подъ бременемъ тѣла, она уступаетъ влеченіямъ природы—великой волшебницы (Circe).

Съ такой точкой зрѣнія животное царство представляется Мишле мрачной тайной, непредѣльнымъ міромъ сновидѣній и нѣмыхъ страданій. Онъ видитъ въ животныхъ — дѣтей, развитіе которыхъ остановлено злой феей, дѣтей, которыя оказались не въ состояніи высвободиться изъ первыхъ сновъ колыбели — это души караемыя, униженныя, страдающія подъ бременемъ роковой необходимости. Животное, подобно спящему человѣку, находится въ полной зависимости отъ окружающаго. Но именно потому, что оно поводитъ во снѣ, оно имѣетъ доступъ къ области непостижимыхъ для насъ видѣній. Человѣкъ видитъ свѣтлый ликъ міра; животное — его темный ликъ, и ѣто знаетъ—который изъ нихъ болѣе обширенъ!... Во имя такого мистическаго взгляда, Мишле возстаетъ противъ неблагодарности человѣка, относящагося къ животнымъ съ пренебреженіемъ и жестокостью. Онъ хвалитъ Востоку, особенно Индію, за то, что тамъ животныя представляются заснувшими или заколдованными душами, за то, что тамъ сохранилось преданіе о всемірномъ братствѣ существъ. Въ этомъ состраданіи къ животнымъ Мишле видитъ источникъ индійской роскошной поэзіи и неисчерпаемаго плодородія этой страны. Грече-

скій міръ, напротивъ, и римскій—относились къ животнымъ съ такимъ же высокоуміемъ, какъ и къ рабу. Римская имперія за это поплатилась всеобщимъ опустѣніемъ. Одинъ Виргилій представлялъ исключеніе—этотъ мантуанскій крестьянинъ, со своими длинными волосами, со своей робостью „красной дѣвушки“, былъ истиннымъ жрецомъ и обнималъ въ своемъ сердцѣ единою любовью все живущее. Христіанство же, по мнѣнію Мишле, несмотря на свой духъ кротости, сохранило древне-еврейскій предразсудокъ и провело глубокую пропасть между животнымъ и человѣкомъ. Подобно язычнику, и животное осталось внѣ-христіанскаго закона, и было заподозрѣно въ сообщничествѣ со злымъ началомъ. Отсюда суевѣрный страхъ средневѣковаго человѣка передъ животными. Дѣти первыя, приближая къ себѣ животныхъ, начали снимать съ нихъ опалу, наложенную церковью, и, ободренный дѣтми, народный инстинктъ, болѣе наивный и глубокий, чѣмъ священная софистика, робко началъ „возстановленіе природы въ ея правахъ“. Этотъ инстинктъ породилъ поѣтическія легенды, въ которыхъ животнымъ предоставлялась благородная роль; этотъ инстинктъ, наконецъ, заставилъ самую церковь отворить двери животнымъ и допустить ихъ къ участию въ празднованіи священныхъ мистерій. Но соборы снова закрыли для животныхъ церковныя двери. Философы—преемники богослововъ—по гордости и сухости души порѣшили, что у животныхъ нѣтъ души. Возмущаясь противъ жестокости людей, возмимѣвшихъ такую нечестивую мысль, произнесшихъ такой приговоръ надъ столькими невинными и страдающими существами, Мишле прославляетъ современную науку за то, что она открыла въ эмбриологій человѣка метаморфозу животнаго царства. „Вотъ истинная реабилитация—воскликаетъ онъ—низшихъ ступеней жизни. Животное—этотъ рабъ-рабовъ—оказывается прародителемъ владыки земли“¹⁾.

Замѣчаніе Мишле объ отношеніяхъ среднихъ вѣковъ къ міру животныхъ нельзя оставить безъ оговорки. Мишле въ этомъ случаѣ слишкомъ рѣзко противопоставляетъ вліяніе церкви народному инстинкту (*génie populaire*). Характерной чертой средневѣковаго католицизма является именно его уступчивость народнымъ представленіямъ, его „ассимиляция“ ихъ.

Мишле говоритъ, напр., что народъ, не останавливаясь передъ сопротивленіемъ церкви, создалъ животному юридическое поло-

¹⁾ „Ainsi au sein de la femme, au vrai sanctuaire de la nature s'est découvert le mystère de la fraternité universelle... Grâces soient rendues à Dieu...“ Эти слова были написаны Мишле подъ вліяніемъ научныхъ исследованийъ Жоффруа Сентъ-Илера отца и его сына Изидора.

женіе, призналъ за нимъ характеръ личности, допустивъ животныхъ къ участию въ уголовныхъ процессахъ въ качествѣ свидѣтелей и обвиняемыхъ. Но вотъ интересный культурный фактъ, свидѣтельствующій—до какой степени католицизмъ, даже въ концѣ среднихъ вѣковъ, раздѣлялъ эту народную точку зрѣнія: въ 1479 г. жители Берна обратились къ своему епископу съ жалобой на хрущей, производившихъ сильное опустошеніе. Тогда епископъ приказалъ священникамъ своей епархіи прочесть на паперти слѣдующее воззваніе къ хрущамъ:

„Неразумная, несовершенная тварь, хрущи; вашей породы не было въ Ноевомъ ковчегѣ; отъ имени моего милостиваго господина, епископа лозаннскаго, силою св. Троицы, заслугами Спасителя нашего Иисуса Христа и повиновеніемъ св. церкви, я приказываю вамъ всѣмъ и каждому въ теченіе шести дней оставить всѣ мѣста, гдѣ растутъ пища для человѣка и животнаго“.

На случай неповиновенія, хрущи, на основаніи правилъ тогдашняго судопроизводства, были призываемы къ суду епископа на 6-ой день, въ 1 ч. пополудни въ Виѣлисбургъ. По наступленіи срока, было сдѣлано второе обычное воззваніе къ хрущамъ въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Когда и это не помогло, послѣдовало, наконецъ, формальное проклятіе ихъ церковью: „Мы, Бенедиктъ де-Монферранъ, епископъ лозаннскій, выслушали жалобу вельможныхъ господъ Берна противъ хрущей, и, вооружившись св. Крестомъ и помyslomъ о Господѣ Богѣ, отъ Котораго идутъ всѣ справедливые приговоры, мы осуждаемъ окаянныхъ червей и отлучаемъ и проклинаемъ ихъ именемъ Отца и Сына и св. Духа, и постановляемъ, чтобы они были заклинаемы въ лицѣ Іоанна Пародита, ихъ заступника, для того, чтобы отъ нихъ ничего не осталось, развѣ сколько нужно для потребности человѣческой“.

Всматриваясь въ глубокую симпатію Мишле къ міру животныхъ, мы убѣждаемся, что помимо его поэтическаго чутія и сострадательности къ міру, порабощенному человѣкомъ, эта симпатія всего болѣе обуславливается его высокою опѣнкой *инстинкта*, присущаго животному. По внутреннему отношенію Мишле къ инстинкту, легко узнать современника натурфилософіи и романтизма. Мишле отъ всего сердца присоединился бы къ словамъ Шеллинга, заявившаго, что „для мыслящаго человѣка нѣтъ явленія, которое бы касалось болѣе важныхъ вопросовъ и служило бы лучшимъ мѣриломъ истинной философіи, какъ явленіе животнаго инстинкта“. Но Мишле въ своемъ прославленіи инстинкта идетъ далѣе философа, для котораго инстинктъ—предметъ фило-

софскаго изученія и ступень въ развитіи духа отъ бессознательнаго бытія къ сознательному. Для Мишле инстинктъ есть *преимущество*. Благодаря инстинкту, животныя являются у него первыми *наставниками* человѣка; они руководятъ молодымъ человѣческимъ разумомъ. Въ силу этого инстинктъ ставится выше разума; мало того, онъ возводится на степень достоинства, признается источникомъ нравственнаго совершенства. Въ такомъ взглядѣ на инстинктъ лежитъ ключъ къ социологіи Мишле. Свое представленіе о преимуществѣ инстинкта животнаго передъ разумомъ человѣка и о его нравственномъ значеніи Мишле перенесъ на человѣческія отношенія и учрежденія. Чѣмъ ниже какой-нибудь слой въ своемъ общественномъ развитіи, чѣмъ ближе какая-нибудь общественная форма къ бессознательной жизни, тѣмъ живѣе въ нихъ, по мнѣнію Мишле, источникъ нравственности и правильнаго пониманія вещей. При такой точкѣ зрѣнія Мишле долженъ былъ придти къ прославленію не-культурнаго состоянія, къ увлеченію прошлаго вѣка, ставившаго дикарей въ образецъ цивилизованнымъ европейцамъ. Сожалѣя, что не можетъ остановиться въ своемъ сочиненіи о „Народѣ“ на характеристикѣ дикарей, Мишле, однако, не пропускаетъ случая, чтобы высказать имъ свое сочувствіе, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые погибли въ борьбѣ съ цивилизованными народами — племенамъ Сѣверной Америки, Кавказа ¹⁾ и т. п. Дикія племена представляются нашему историку не только предметомъ глубокаго этнологическаго интереса; ихъ нравы и бытъ должны служить объясненіемъ нравамъ и психическому состоянію простаго народа. „Африка, — говоритъ Мишле, — племена которой такъ близко подходятъ къ народамъ европейскаго юга, Африка, которую я иногда узнаю въ моихъ лучшихъ друзьяхъ изъ Пиренеевъ, изъ Прованса, окажетъ Франціи великую услугу; она объяснитъ многое, къ чему относятся съ пренебреженіемъ и чего не понимаютъ. Съ ея помощью мы лучше поймемъ крѣпкіе народные сови нашихъ горныхъ обитателей, — нашихъ областей, наименѣе подвергавшихся примѣси. Та или другая бытовая черта, которую нахо-

¹⁾ Любопытно противорѣчіе, въ которое Мишле впадаетъ, осуждая англичанъ и русскихъ за истребленіе героическихъ расъ Сѣв. Америки и Кавказа и затѣмъ вспоминая о войнахъ французовъ въ Африкѣ. Здѣсь уже нѣтъ рѣчи объ осужденіи, Мишле говоритъ только о печальномъ недоразумѣніи, которое слѣдуетъ разъяснить: Алжирцы борются противъ французовъ только потому, что считаютъ ихъ врагами своей религіи — монотеизма; „они не знаютъ, — восклицаетъ онъ, — что Франція, и съ нею почти вся Европа, стяхнула изысканія вѣрованія, поирачавшія въ средніе вѣка идею Единства Божьяго“!

дять грубою и которая дѣйствительно есть остатокъ варварства, связываетъ нашъ народъ съ этими, правда, дикими, но не пошлыми племенами. Однако, среди такихъ гуманныхъ заявленій или вѣрныхъ бытовыхъ указаній проявляется и влияніе Руссо въ частыхъ и страстныхъ выходкахъ Мишле противъ современной культуры. Мишле приписываетъ образованію, которое онъ получилъ, самое вредное влияніе на свое развитіе. Эта культура была причиною, что онъ такъ поздно прозрѣлъ истину. „Огвлеченное воспитаніе, которое мы получаемъ,—говоритъ Мишле,—меня долго изсушало. Мнѣ нужно было много лѣтъ, чтобы изгнать изъ себя софиста, котораго во мнѣ воспитали. Я пришелъ къ самому себѣ лишь путемъ освобожденія отъ этой чуждой примѣси; я позналъ себя отрицательнымъ путемъ“. Мишле приписываетъ этому печальному обстоятельству то, что онъ не сумѣлъ достигнуть въ жизни идеала, который носилъ въ душѣ.

Итакъ, согласно съ этимъ, идеаль для человѣка нужно искать на низшихъ ступеняхъ развитія. Онъ достается даромъ, безъ труда; всякое умственное напряженіе, всякое развитіе, только удаляютъ отъ него. Такой взглядъ, логически примѣненный къ исторіи, долженъ былъ бы привести къ положенію, что эпоха друидовъ была самымъ лучшимъ періодомъ въ жизни французскаго народа, и что вся дальнѣйшая исторія Франціи не что иное, какъ паденіе, удаленіе отъ идеала. Но Мишле когда-то слишкомъ энергично проводилъ принципъ прогресса въ исторіи человѣчества, онъ слишкомъ горячо любилъ исторію своей страны, чтобы допустить подобное заключеніе. Зато онъ безъ всякаго колебанія и ограниченія примѣнилъ этотъ взглядъ къ современному обществу, послѣдствіемъ чего являются два основныхъ положенія его соціологіи: во-первыхъ, что ребенокъ совершеннѣе взрослого человѣка, и во-вторыхъ, что простой народъ обладаетъ всевозможными преимуществами передъ образованнымъ обществомъ, стоитъ ближе чѣмъ оно къ человѣческому идеалу! Эти два положенія тѣсно связаны между собою въ представленіяхъ Мишле — можно сказать, сливаются въ одно. Ребенокъ для него—представитель народа (*l'interprète du peuple*), его символъ; мало того — дѣти и есть самый народъ (*le peuple meme*); они представляютъ образъ народа въ его подлинности, прежде чѣмъ онъ былъ обезображенъ; они представляютъ народъ безъ его вульгарности, безъ грубости, безъ зависти, безъ всего того, что внушаетъ недовѣріе въ нему и отталкиваетъ отъ него. Ребенокъ служить, такимъ образомъ, для Мишле средствомъ не только къ тому, чтобы опредѣлить и изобразить народъ, но и чтобы идеализировать его. При

этомъ слѣдуетъ замѣтить, что мы встрѣчаемся и здѣсь съ обычнымъ смѣшаннымъ понятіемъ, къ которому даетъ поводъ неопредѣленность слова: *народъ*. Это слово—то обозначаетъ у Мишле націю въ ея совокупности, на зарѣ ея историческаго бытія, когда ее еще не коснулась цивилизація,—то какой-то неопредѣленный слой народа, въ который наименѣе проникла эта цивилизація.

Мишле справедливо указываетъ на аналогію между языкомъ, т. е. способомъ мышленія дѣтей—и поэтическимъ, эпическимъ языкомъ первобытныхъ народовъ, отчасти сохранившимися среди простонародья. „Вашъ сынъ,—говоритъ Мишле,—подобно крестьянину Бретани и Пиренеевъ, на каждомъ шагу выражается языкомъ Библии и Илиады“... „А потому самая смѣлая критика Вико, Вольфовъ и Нибуровъ—ничто въ сравненіи съ лучезарнымъ и глубокимъ откровеніемъ, которымъ какое-нибудь дѣтское выраженіе вамъ вдругъ освѣтитъ мракъ древности“. Это замѣчаніе вѣрно въ томъ смыслѣ, что дѣтскій языкъ представляетъ любопытный матеріалъ для наблюденій лингвистовъ и психологовъ. Но въ воображеніи Мишле, невольно преувеличивающемъ всѣ образы, дѣти въ силу этого становятся учителями взрослыхъ, наставниками мудрецовъ. „Недостаточно того, — восклицаетъ онъ, — чтобы мудрецы помнили слово: „пусть придутъ къ намъ младенцы“; а нужно, чтобы они сами шли въ нимъ. Они найдутъ среди этихъ дѣтей многое, чему научиться. Лучшее, что они могутъ сдѣлать, это бросить свою науку, крѣпко закрыть свои книги, которыя принесли имъ такъ мало пользы, и по-просту отправиться въ среду матерей и кормилицъ, чтобы разучиться и забыть. Забыть?—нѣтъ, лучше сказать, исправить свою мудрость, провѣрить ее инстинктомъ тѣхъ, кто ближе къ Богу“. Главный результатъ, вынесенный изъ посѣщенія дѣтскихъ, заключался бы въ томъ, что взрослые разучились бы разсуждать, отвыкли бы отъ отвлеченной мысли. „Въ ребенкѣ,—говоритъ Мишле,—какъ у молодыхъ народовъ, все еще сосредоточено, все еще конкретно, живо. Достаточно взглянуть на дѣтей, чтобы понять, до какой степени наше сознаніе необычайно *отвлеченно*. Множество пустыхъ отвлеченій не выдержали бы предъ такимъ испытаніемъ. Дѣти, эти невинные критики, ставятъ мудреца въ затруднительное положеніе. Ихъ наивные вопросы слишкомъ часто напоминаютъ ему неразрѣшимую сторону дѣла. Они не привыкли, какъ мы, обходить затрудненія, избѣгать извѣстныхъ проблемъ, въ которыя мудрецы какъ бы условились не углубляться. Ихъ смѣлая дѣтская логика прямо идетъ впередъ. Никакія священныя нелѣпости не удержались бы въ мірѣ, еслибы человекъ не заставлялъ молчать

возраженія дѣтей". Такимъ образомъ, выходомъ изъ всѣхъ затрудненій религіознаго сознанія и философской мысли выставляется здѣсь *логика* дѣтей.

Но это только одно изъ многочисленныхъ противорѣчій, которыя встрѣчаются у Мишле. На слѣдующихъ страницахъ появленіе логики у ребенка осуждается имъ, какъ переходъ отъ инстинктивной жизни къ жизни сознательной (*réflexion*); этотъ переходъ, конечно, есть успѣхъ — необходимое условіе дальнѣйшей жизни; но если это успѣхъ въ извѣстномъ смыслѣ, то онъ тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ паденіе (*chute*)! Ребенокъ становится человѣкомъ, а онъ былъ маленькимъ богомъ. Итакъ, должны мы отсюда заключить, вся жизнь ребенка также не чтѣ иное, какъ постепенное паденіе—отпаденіе отъ первоначальнаго божественнаго состоянія. Вышимъ моментомъ въ жизни ребенка, а слѣдовательно въ жизни человѣка, должно считать моментъ его рожденія. „На самомъ дѣлѣ, человѣкъ,—по выраженію Мишле,—*рождается благороднымъ*, и утрачиваетъ свое благородство лишь въ продолженіе жизни.

Гдѣ же искать причину этого паденія? Кто въ немъ виновенъ? Если младенецъ, вступающій въ жизнь, *маленькій богъ* — „*Vousz cet enfant, que sa mère à genoux pommait si bien son Jésus*“, — то причину паденія невозможно, конечно, искать въ немъ самомъ, его паденіе не слѣдуетъ приписывать естественному развитію природы младенца. Дѣйствительно, всю вину совершающейся въ младенцѣ перемѣны къ худшему Мишле слагаетъ на общество, на воспитаніе. То *безпредѣльное*, чтѣ въ немъ было, — говоритъ Мишле, — чтѣ его обожествляло, — постепенно исчезаетъ... Логика, критика — немилосердно урѣзываютъ, разсѣваютъ его душу, какъ скульпторъ разбиваетъ безчувственный кусокъ мрамора; каждый ударъ рѣзца отсѣкаетъ цѣлые слои, а то, чтѣ остается, — узко, искажено! Хуже всего то, что подъ вліяніемъ такого жестокаго воспитанія человѣкъ не только становится слабымъ и бесплоднымъ, но пошлымъ (*vulgaire*)... Съ этой точки зрѣнія Мишле требуетъ переворота въ педагогій. Она не должна болѣе *отправляться* отъ безчеловѣчнаго принципа, будто человѣческая натура дурна; она должна ставить своею задачей не *исправленіе* этой природы, а мудрое *сбереженіе* ея; искусство и человѣческая мудрость не должны урѣзывать, исправлять инстинктовъ, данныхъ намъ Богомъ.

Что касается педагогій, особенно школьной, то всякій, конечно, согласится, что въ ней даже и теперь еще слишкомъ много насильственнаго и неестественнаго; что она слишкомъ много

ломаеть и сдавливаеть потому, что держится общихъ пріемовъ, рутинъ, и слышкомъ мало индивидуализируетъ, не принимая во вниманіе природы воспитанника. И происходитъ это оттого, что педагогія неизбежно становится ремесломъ, за которое, какъ и за другія, люди берутся далеко не всегда по призванію, а по случайности или по необходимости; а кромѣ того еще потому, что никакое другое ремесло не подлежитъ, по условіямъ жизни, такой регламентаціи и господству такого формализма.

Но въ словахъ Мишле заключается не этотъ упрекъ; въ основаніи его упрековъ лежитъ полнѣйшее непониманіе дѣтскаго возраста. Гоббсъ (Hobbes) нѣкогда сказалъ: „homo malus—puer robustus“ (дурной человекъ—это сильный ребенокъ). Въ этихъ словахъ много правды, въ нихъ вѣрно указана связь, которая такъ часто проявляется между порочностью и слабою степенью умственного развитія. Но если замѣчаніе Гоббса вѣрно по отношенію къ „дурному человекъ“, то оно въ извѣстномъ смыслѣ приложимо и къ дѣтскому возрасту: и здѣсь умственная неразвитость составляетъ благоприятную почву для дурныхъ поступковъ и для развитія дурныхъ влеченій, открывая этимъ широкое поприще благотворному вліянію педагогіи. Недаромъ дѣтскій возрастъ представляетъ столько аналогическаго съ той ступенію развитія, на которой стоятъ первобытные народы—въ этомъ сходствѣ можно убѣдиться изъ всякаго обстоятельнаго описанія быта дикарей. Этотъ бытъ отличается тѣмъ, что въ немъ человѣческіе *инстинкты* проявляются на полномъ просторѣ; въ борьбѣ съ ними и заключается цивилизація, но въ томъ же самомъ заключается и задача воспитанія ¹⁾, которое собственно и есть повтореніе того же процесса въ жизни каждаго отдѣльнаго человекъ, который совершался въ исторіи цѣлаго народа или цивилизованной части человечества.

II.

Усвоенная Мишле точка зрѣнія на инстинкты и на человѣческую природу завлекла его дальше и заставила его ополчиться не только на педагогію, но и на католицизмъ или, точнѣе, христіанство—за его ученіе, будто природа человекъ порочна. Протестъ противъ этого ученія входилъ въ страстную полемику противъ іезуитовъ, которой Мишле именно въ то время предавался. Въ

¹⁾ Одинъ изъ современныхъ французскихъ психологовъ, Рибо, о которомъ придется говорить подробнѣе, сказалъ по этому поводу: „Si les enfants avaient une morale à eux, elle serait fort mauvaise“.

этой полемикѣ онъ не только отстаивалъ свободу гражданскаго общества и государства отъ господства духовенства или папы, не только защищалъ современную науку и цивилизацію отъ притязаній ультрамонтановъ, но сталъ проповѣдовать противоположный христіанству этической принципъ. Для этой борьбы онъ вооружается не философскими идеями или заимствованными изъ психологіи доводами; самымъ любимымъ его орудіемъ становится кисть живописца, который набрасываетъ передъ зрителями картину страданій и вызываетъ въ нихъ отвращеніе къ ихъ виновникамъ. Мишле искусно переноситъ борьбу въ средніе вѣка и изображаетъ—сколько горя причиняло тогда ученіе о грѣховности человѣка въ примѣненіи къ младенцамъ; онъ выводитъ плачущихъ матерей, потерявшихъ своихъ дѣтей, и описываетъ, какъ скорбь о понесенной уtratѣ доходитъ у нихъ до полного отчаянія при мысли, что ихъ дѣти преданы страшнымъ мученіямъ ада. Онъ ведетъ, напр., читателя на Лудернское кладбище и показываетъ ему наивную надгробную надпись: „Я двухлѣтній ребенокъ... Какъ ужасно для таковаго малютки идти на Страшный Судъ и предстать такъ рано предъ лицомъ Божиимъ“!... „Нужны были,—восклицаетъ Мишле,—цѣлые вѣка для того, чтобы человѣческой разумъ прозрѣлъ настолько, чтобы младенецъ представился ему тѣмъ, чѣмъ онъ есть—невиннымъ“.

Суровая средневѣковая догматика по отношенію къ младенцамъ отмѣчена, въ глазахъ Мишле, еще другимъ заблужденіемъ; она считаетъ младенцевъ грѣховными потому, что они родились отъ грѣховныхъ родителей—слѣдовательно, допускаетъ въ этиѣ и въ правѣ принципъ *наслѣдственности*, признаетъ одно лицо виновнымъ за вину, совершенную другимъ лицомъ. Въ введеніи къ „Исторіи Революціи“ Мишле возвращается къ полемикѣ противъ католической догматики и противопоставляетъ ей *новое*, высшее *право*, провозглашенное революціей, отвергнувшей всякую *наслѣдственность* въ добрѣ и злѣ, уничтожавшей всякую отвѣтственность дѣтей за вину родителей и всякое преимущество дѣтей, основанное на заслугахъ предковъ.

Во всемъ этомъ вопросѣ нашъ историкъ является сграшнымъ полемистомъ, не внемлющимъ голосу исторіи. Упрекая католицизмъ въ несправедливости, Мишле забываетъ, что на обсуждаемой имъ точкѣ зрѣнія стоялъ весь древній міръ. Развившаяся изъ родового быта солидарность предковъ и потомковъ вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь древнихъ народовъ и была усвоена какъ религіей, такъ и гражданскимъ правомъ ихъ; вотъ въ какихъ выраженіяхъ

отстаиваетъ этотъ принципъ въ началѣ христіанской эры Плутархъ, одинъ изъ самыхъ гуманныхъ моралистовъ древности:

„Существа, происходящія путемъ рожденія, непохожи на произведенія искусства. То, что родится, происходитъ отъ самой сущности своихъ родителей и такимъ образомъ заключаетъ въ себѣ нѣчто такое, что по справедливости подлежитъ награжденію или карѣ, ибо оно тождественно съ нимъ. Дѣти порочныхъ и злыхъ людей представляютъ собою отложеніе самой сущности своихъ отцовъ. То, что въ отцахъ было существенно, что въ нихъ жило, питалось, мыслило и говорило—это именно они передали дѣтямъ. Поэтому не должно казаться страннымъ или неправдоподобнымъ мнѣніе, что между существомъ, производимымъ и родившимся отъ него, существуетъ извѣстное таинственное тождество, способное навлечь на послѣднихъ всѣ послѣдствія дѣяній, совершенныхъ первымъ“.

Проявляющаяся въ этой цитатѣ аналогія или, точнѣе, *пресмственность* классической и христіанской этики въ признаніи принципа наслѣдственности не предрѣшаетъ, конечно, вопроса по существу. Но, съ другой стороны, авторитетъ самаго принципа не подрывается тѣми ложными или несимпатичными для насъ выводами, которые извлекла изъ него практика и этика прошлыхъ временъ. Въ этомъ случаѣ современная наука пришла на помощь мудрости предковъ: она признала принципъ наслѣдственности не только какъ фактъ, какъ коренной законъ развитія всего органическаго міра, но и какъ могущественный факторъ цивилизаціи. Вотъ въ какомъ свѣтѣ представляется то, что вызвало рѣзкія осужденія Мишле, одному изъ лучшихъ представителей психологической науки, французскому ученому Рибо, въ его изслѣдованіи о „наслѣдственности“:

„Наука подтверждаетъ (*vérifie*) то, что многія религіи сознавали и выражали на своемъ языкѣ. Между религіями довольно распространено убѣжденіе, что человѣкъ представляетъ собою падшее существо, что онъ несетъ на себѣ пятно первоначальнаго преступленія, передаваемое по наслѣдству. Наука истолковываетъ эту неопредѣленную гипотезу. Не вдаваясь въ вопросъ о первоначальномъ состояніи человѣчества, мы можемъ считать достовѣрнымъ, что оно начало свое развитіе съ весьма скромной ступени. Первобытный человѣкъ, невѣжественный и лишенный идей, былъ постоянной добычею своихъ влеченій и инстинктовъ и представлялъ собою не что иное, какъ зрѣлище буйства въ немъ силъ природы; только мало-по-малу онъ сталъ возвышаться къ идеалу. Искусство, поэзія, наука, нравственность—всѣ эти наи-

болѣе возвышенныя проявленія человѣческой души, подобныя слабому и цѣнному росту, поздно развившемуся, утверждались только съ помощью долгой работы поколѣній. Руководить жизнью безъ идеала такъ же невозможно, какъ управлять кораблемъ безъ компаса и безъ звѣздъ. Но этотъ идеаль проявился не за одинъ разъ, а слагался постепенно. Всякій народъ имѣетъ свой идеаль, даже всякое поколѣнiе; ихъ общая цѣль, которой способствовали слѣдующія поколѣнiя, заключалась въ томъ, чтобы устремиться выше, къ идеалу болѣе совершенному, подобно тому, какъ на высокихъ горахъ чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ обширнѣе раскрывается горизонтъ. Въ этомъ медленномъ завоеванiи, посредствомъ котораго человечество старается сбросить съ себя свои грубыя задатки (*ce qu'il y a en elle d'inférieur*), первоначальныя инстинкты, которые, конечно, представляютъ собою первородное пятно, постоянно проявляются вновь—неизгладимыя, хотя и въ ослабленномъ видѣ,—напоминая намъ не паденiе, но ту низкую ступень, съ которой мы начали подниматься¹⁾.

Безъ наслѣдственности, безъ возможности передать слѣдующимъ поколѣнiямъ приобретенныя физическiя и духовныя способности—это поступательное движенiе человечества было бы весьма затруднено. Мишле самъ признаетъ такое перерожденiе потомковъ путемъ наслѣдственности. Мы уже говорили о томъ, съ какимъ сочувствiемъ онъ относился къ открытiю обоихъ Сентъ-Илеровъ въ области эмбриологiи, указывавшихъ на непрерывность цѣпи въ развитiи организмовъ; помимо этого, Мишле усвоилъ себѣ приложенiе эволюционной теорiи и къ умственной и нравственной области человѣка. Мы встрѣчаемъ у него идею, которую современная психологiя старается возвести въ научное положенiе, когда въ одномъ мѣстѣ онъ восклицаетъ, что инстинкты человѣка—не что иное, какъ помыслы его предковъ (*nos premiers instincts sont la pensée des ancêtres*); но если это такъ, если въ прирожденныхъ инстинктахъ отражаются наслѣдственно переданныя и какъ бы кристаллизованныя помыслы предковъ, которые, конечно, заключали въ себѣ съ правдою и заблужденiя, съ добрыми влеченiями и порочныя,—то вмѣстѣ съ этимъ падаетъ главное основанiе его полемики противъ принципа, который представляется ему въ столь одностороннемъ свѣтѣ.

¹⁾ Ribot, 500.

III.

Изъ предшествовавшихъ разсужденій Мишле выяснились два положенія: превосходство инстинкта надъ разсудкомъ—и нравственное преимущество ребенка передъ взрослымъ. Эти два положенія Мишле кладетъ въ основаніе своего понятія о *народѣ* и своей социологіи.

Въ своей книгѣ о „Народѣ“ и въ своей „Исторіи Революціи“ Мишле разумѣетъ подъ народомъ не весь народъ въ его совокупности, въ единствѣ его созданной исторіей индивидуальности, а только низшій, плотный слой его. Противопологая такимъ образомъ *массу* народа верхнимъ слоямъ его, Мишле сходится съ социалистами; подобно имъ, онъ соединяетъ съ понятіемъ о народѣ представленія о бѣдности и страданіи; но Мишле далеко расходится съ ними въ томъ, что не собственность служить у него чертою, раздѣляющей народъ отъ буржуазіи. Существеннымъ признакомъ, разбивающимъ націю на двѣ части,—неравныя ни по количеству, ни по достоинству,—является у Мишле *инстинктъ*. Въ народѣ преобладаетъ инстинктъ, въ буржуазіи — разсудокъ (*réflexion*). Благодаря такому преобладанію инстинкта, *народъ* находится, по мнѣнію Мишле, еще въ состояніи первобытной невинности и совершенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отличается передъ буржуазіей такими свойствами, которыя мы не находимъ у первобытныхъ дикихъ племенъ. Народъ обладаетъ безцѣннымъ сокровищемъ—способностью къ самопожертвованію (*la vertu du sacrifice*). „Главная, существенная черта,—говоритъ Мишле, — всегда особенно поражавшая меня во время моего продолжительнаго изученія народа, среди всей его беспорядочности и пороковъ, происходящихъ отъ безпомощности и бѣдности,—это такое изобиліе чувства, такая доброта сердца, которыя очень рѣдко встрѣчаются среди богатыхъ классовъ. Во время холеры, кто усыновлялъ сиротъ?—бѣдные! Только бѣдный бываетъ настоящимъ отцомъ (*le pauvre seul est père*). Богатый никогда не испытываетъ великаго наслажденія, высшаго блаженства для человѣка—постоянно сознавать, что онъ кормитъ семью лучшимъ, чтò имѣетъ въ жизни—своимъ трудомъ; бѣдный ежедневно становится вновь творцомъ своей семьи“.

Вслѣдствіе этого, въ низшихъ слояхъ народа болѣе любви, болѣе горячности. „Этнологія,—говоритъ Мишле,—представляетъ намъ то же, чтò и геологія—теплота обрѣтается внизу; опуститесь пониже—и вы увидите, что она возрастаетъ на глубинѣ; въ

самыхъ низкихъ слояхъ она становится *жаромъ*. Бѣдные любятъ Францію, съ чувствомъ благодарности признаютъ за собою обязанности относительно ея; богатые любятъ ее, считая ее своимъ достояніемъ, полагая, что она имъ обязана. Патріотизмъ первыхъ основанъ на чувствѣ долга; патріотизмъ вторыхъ—на требовательности, на притязаніяхъ права.

„Какая стужа охватываетъ меня, когда я поднимаюсь наверхъ; какъ въ Альпахъ, я приближаюсь къ области вѣчнаго льда! Нравственная растительность понемногу исчезаетъ; цвѣтъ національности блѣднѣетъ. Предо мною міръ, который какъ будто въ одну ночь побитъ внезапнымъ морозомъ эгоизма и страха... Я поднимаюсь еще на одну ступень—тутъ даже страхъ застылъ—тутъ господствуетъ чистый эгоизмъ спекулятора, не имѣющаго отечества; тутъ не люди, а цифры,—настоящій ледникъ, отъ котораго отеклась природа ¹⁾. Теплота есть принципъ жизни; поэтому на сторонѣ *народа* преимущество живучести, жизненности; *народъ* является источникомъ обновленія и въ будущемъ. „Нерѣдко,—говоритъ Мишле,—въ наше время сравниваютъ возвышеніе и торжество народа съ нашествіемъ *варваровъ*. Это выраженіе мнѣ нравится, я его принимаю... да, варвары, полные свѣжихъ силъ, живыхъ и молодыхъ! Варвары, т.-е. путники, идущіе къ Риму *будущаго*, подвигающіеся медленно, ибо каждое поколѣніе дѣлаетъ лишь нѣсколько шаговъ, останавливается и умираетъ, но слѣдующія тѣмъ не менѣе идутъ впередъ. Да, мы, варвары, обладаемъ естественнымъ преимуществомъ; если на сторонѣ высшихъ классовъ—культура, то у насъ зато гораздо болѣе жизненной теплоты. Имъ неизвѣстны ни тяжелый трудъ, ни напряженіе, ни устойчивость и добросовѣстность въ трудѣ. Ихъ модные писатели (*élégants*), настоящіе баловни общества, какъ будто скользятъ по облакамъ или въ своей горделивой эксцентричности брезгаютъ взглянуть на землю; да развѣ они могутъ ее оплодотворить? Она требуетъ, эта земля, чтобы ее поили пдтомъ чловѣка, чтобы ее согрѣли его жизненной теплотой. Наши варвары все это ей даютъ, и она ихъ любитъ“...

Этотъ внукъ учителя музыки, рука котораго, маленькая, нѣжная, выхоленная, какъ у женщины, свидѣтельствовала, какъ давно

¹⁾ Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Мишле еще оговаривается: „Нѣтъ, этотъ ледникъ не обладаетъ безстрастнымъ равнодушіемъ альпійскихъ ледниковъ, собирающихъ свои плодотворныя воды и спускающихъ ихъ безразлично къ окружающимъ націямъ. У евреевъ, что ни говори, есть отечество—это лондонская биржа! Поэтому они любятъ страну застоа—Англію—и ненавидятъ страну движенія и прогресса—Францію“.

уже его предки не поили землю своимъ потомъ—причислялъ себя въ варварамъ и своимъ происхожденіемъ отъ нихъ объяснял то, что онъ ставилъ себѣ въ заслугу, а именно, что онъ внесъ въ искусство новую жизнь и молодость, отодвинулъ дальше и поставилъ выше, чѣмъ другіе, цѣль исторіи, справляясь не съ своими силами, а съ сердцемъ...

Восхваляя народъ за горячность сердца и обиліе чувства, Мишле въ то же время находитъ у него и то, чего недостаетъ подчасъ самымъ блестящимъ писателямъ—здравый смыслъ. Нигдѣ, — говоритъ Мишле, — нельзя найти человѣка, одареннаго такимъ здравымъ смысломъ и вѣрнымъ сужденіемъ, какъ старый французскій крестьянинъ. Не говоря уже о его смысленности во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ замѣшанъ интересъ, онъ хорошо понимаетъ людей, онъ разгадываетъ общество, которое ему неизвѣстно. У него много внутренняго размышленія и замѣчательное предвидѣніе естественныхъ событій. Онъ судитъ о небѣ и иногда о землѣ лучше, чѣмъ всякій „авгуръ“. Передъ этимъ преимуществомъ народа—здравымъ смысломъ—отличительное свойство верхнихъ слоевъ—культура, наука—теряютъ всякое значеніе. Люди, воспитанные въ нашей современной схоластикѣ,—воскликаетъ Мишле,—не обновятъ міра... нѣтъ, это сдѣлаютъ лишь люди инстинкта, вдохновенія, люди *безъ* культуры, или,—прибавляетъ онъ,—*иной* культуры, чуждой нашего метода, и которую мы не въ состояніи оцѣнить. Вотъ они-то и принесутъ жизнь людямъ науки, а людямъ дѣла—тотъ практическій смыслъ, котораго намъ совершенно не доставало въ послѣднее время.

Еще одно преимущество народа передъ культурнымъ слоємъ заключается въ томъ, что преобладающій въ народѣ *инстинктъ* есть вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ всякой энергіи—принципъ дѣйствія. Сознательная, анализирующая мысль превращается въ дѣйствіе только благодаря цѣлому ряду посредствующихъ звеньевъ размышленія и обсужденія; она идетъ окольнымъ путемъ, и иногда вовсе не достигаетъ цѣли. Напротивъ, мысль инстинктивная соприкосновенна дѣйствию, почти есть самое дѣйствіе. Такимъ образомъ, Мишле возводитъ отличительную черту психологическаго состоянія дикарей въ идеалъ для современныхъ народовъ, великій спасительный принципъ современной цивилизаціи ¹⁾.

¹⁾ См., напр., у Рибо характеристику дикарей Австраліи на основаніи описанія Дюмонъ-д'Юрвиля: „Comme chaque individu est emporté à chaque instant par des passions violentes et soudaines, comme sa vie n'est qu'un tourbillon de caprices et que la réflexion n'étant point rien, il n'y a presque jamais chez lui d'intervalle entre le désir et l'action, il en résulte une vie turbulente et sanguinaire où il n'y a aucune apparence d'ordre ou de raison“.

„Тѣ классы, — говоритъ Мишле, — которые мы называемъ низшими, и которые болѣе слѣдуютъ инстинкту, — именно поэтому замѣчательно способны къ дѣйствию, всегда готовы дѣйствовать. Мы, люди образованные, мы болтаемъ, разсуждаемъ, выпускаемъ въ словахъ всю нашу энергію. Мы расслабляемъ себя, разбираемъ свой умъ, доставляя себѣ пустое удовольствіе перебѣгать отъ одной книжки къ другой или опровергать одну изъ нихъ другою. Мы исполняемъ великаго гнѣва изъ-за пустяковъ... Мы легко находимъ выраженія весьма оскорбительныя, сильныя угрозы; но, сказавши *все*, мы ничего не дѣлаемъ, мы не дѣствуемъ... а переходимъ къ другимъ преніямъ... Они же, они менѣе говорятъ, не теряютъ голоса отъ крика, подобно ученымъ и старухамъ. Но пусть наступитъ случай — они безъ шума имъ воспользуются, они будутъ дѣйствовать энергично. Скупость на слова пойдетъ въ пользу силъ дѣйствія.

„Если это такъ, — говоритъ Мишле, — то пригласимъ судьями между классами народа героевъ древности или среднихъ вѣковъ и спросимъ ихъ: кто же — тѣ ли, кто говорятъ, или тѣ, кто дѣйствуютъ — представляютъ собою настоящую аристократію? Они намъ отвѣтятъ, ни минуты не колеблясь: — тѣ, кто дѣйствуютъ“.

Вотъ какимъ образомъ Мишле убѣждаетъ читателя въ основномъ положеніи своей социологіи, что инстинктъ, преобладающій въ низшихъ слояхъ народа, не тронутыхъ культурою, представляетъ собою крѣпкій якорь спасенія, принципъ, способный избавить современное общество отъ удручающаго его социализма и нравственныхъ бѣдствій. Мишле сознается, что онъ „зашелъ далеко, можетъ быть, очень далеко въ увлеченіи своего сердца“. Но онъ оправдывается тѣмъ, что ему нужно было указать тотъ источникъ жизни, гдѣ культурные слои должны въ наше время искать обновленія — гдѣ Господь сохраняетъ запасъ живого инстинкта, сокровищницу вѣчной юности для народовъ — и такимъ образомъ *доказать* культурнымъ слоямъ, что *имъ необходимо сближеніе съ народомъ*. Этотъ выводъ можно назвать вторымъ основнымъ положеніемъ социологіи Мишле. Чтобы облегчить это сближеніе, Мишле старается устранить задерживающія его препятствія. Главнымъ изъ нихъ онъ считаетъ страхъ буржуазіи передъ народомъ, и онъ пытается поэтому доказать всю неосновательность такого страха. Мишле указываетъ по этому случаю на различіе между старой буржуазіей, до 1789 г., и современной. До-революціонерная буржуазія отличалась увѣренностью въ прочности своего положенія. Опираясь или на государственныя должности, которыя признавались частною собственностью, или на монополію различ-

софскаго изученія и ступень въ развитіи духа отъ безсознательнаго бытія къ сознательному. Для Мишле инстинктъ есть *преимущество*. Благодаря инстинкту, животныя являются у него первыми *наставниками* человѣка; они руководятъ молодымъ человѣческимъ разумомъ. Въ силу этого инстинктъ ставится выше разума; мало того, онъ возводится на степень достоинства, признается источникомъ нравственнаго совершенства. Въ такомъ взглядѣ на инстинктъ лежитъ ключъ къ социологіи Мишле. Свое представление о преимуществѣ инстинкта животного передъ разумомъ человѣка и о его нравственномъ значеніи Мишле перенесъ на человѣческія отношенія и учрежденія. Чѣмъ ниже какой-нибудь слой въ своемъ общественномъ развитіи, чѣмъ ближе какая-нибудь общественная форма къ безсознательной жизни, тѣмъ живѣе въ нихъ, по мнѣнію Мишле, источникъ нравственности и правильнаго пониманія вещей. При такой точкѣ зрѣнія Мишле долженъ былъ придти къ прославленію не-культурнаго состоянія, къ увлеченію прошлаго вѣка, ставившаго дикарей въ образецъ цивилизованнымъ европейцамъ. Сожалѣя, что не можетъ остановиться въ своемъ сочиненіи о „Народѣ“ на характеристикѣ дикарей, Мишле, однако, не пропускаетъ случая, чтобы высказать имъ свое сочувствіе, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые погибли въ борьбѣ съ цивилизованными народами — племенамъ Сѣверной Америки, Кавказа ¹⁾ и т. п. Дивія племена представляются нашему историку не только предметомъ глубокаго этнологическаго интереса; ихъ нравы и бытъ должны служить объясненіемъ нравамъ и психическому состоянію простаго народа. „Африка, — говоритъ Мишле, — племена которой такъ близко подходятъ къ народамъ европейскаго юга, Африка, которую я иногда узнаю въ моихъ лучшихъ друзьяхъ изъ Пиренеевъ, изъ Прованса, окажетъ Франціи великую услугу; она объяснитъ многое, къ чему относятся съ пренебреженіемъ и чего не понимаютъ. Съ ея помощью мы лучше поймемъ крѣпкіе народныя соки нашихъ горныхъ обитателей, — нашихъ областей, наименѣе подвергавшихся примѣси. Та или другая бытовая черта, которую нахо-

¹⁾ Любопытно противорѣчіе, въ которое Мишле впадаетъ, осуждая англичанъ и русскихъ за истребленіе героическихъ расъ Сѣв. Америки и Кавказа и затѣмъ вспоминая о войнахъ французовъ въ Африкѣ. Здѣсь уже нѣтъ рѣчи объ осужденіи, Мишле говоритъ только о печальномъ недоразумѣніи, которое слѣдуетъ разъяснить: Алжирцы борются противъ французовъ только потому, что считаютъ ихъ врагами своей религіи — монотеизма; „они не знаютъ, — восклицаетъ онъ, — что Франція, и съ нею почти вся Европа, стяхнула языческія вѣрованія, помрачавшія въ средніе вѣка идеею Единства Божьяго“!

естественнѣе, что, по его мнѣнію, чуть не всѣ буржуа 40-хъ годовъ непосредственно вышли изъ народа. Въ подтвержденіе онъ приводитъ отрывъ изъ брошюры, написанной руанскимъ „ткачомъ“, гдѣ было сказано: „Всѣ наши фабриканты по происхожденію—простые рабочіе (Nos manufacturiers sont tous ouvriers d'origine)“, и далѣе: „большая часть современныхъ (1836 г.) фабрикантовъ—не чтѣ иное, какъ трудолюбивые и бережливые рабочіе первыхъ годовъ реставраціи“.

Мишле считаетъ себя въ правѣ подтвердить этотъ выводъ руанскаго промышленника. Онъ ссылается на различныхъ знакомыхъ ему подрядчиковъ, говорившихъ ему, что они были рабочими, пришли въ Парижъ простыми каменщиками, плотниками и т. д. „Если,—говоритъ Мишле,—простые рабочіе были въ состояніи стать во главѣ такихъ сложныхъ предпріятій, какъ постройка домовъ, то несравненно легче было для нихъ подняться въ другихъ отрасляхъ труда, требующихъ меньшаго капитала—въ ремеслахъ и мелкой торговлѣ. По его разсчету, число фабрикантовъ и купцовъ увеличилось съ 1815 года приблизительно на 600.000. Но такъ какъ во Франціи всякій, кто имѣетъ на что прожить, крѣпко держится за свой капиталецъ и не отваживается на рискъ промышленной дѣятельности, то,—заключаетъ Мишле,—смѣло можно сказать, что полмилліона рабочихъ стали за это время хозяевами и приобрѣли своимъ трудомъ то, чтѣ называется независимымъ положеніемъ. По мнѣнію Мишле, всѣ эти бывшіе рабочіе (ouvriers parvenus), сдѣлавшіеся фабрикантами и торговцами, вышли изъ Наполеоновской арміи, распущенной въ 1815 г. Оттого поступательное промышленное движеніе было особенно быстро въ десятилѣтіе 1815—25 гг. Эти молодцы шли впередъ какъ на приступъ и брали съ боя свое положеніе. Ихъ вѣра въ себя была такъ велика, что они внушили вѣру и капиталистамъ, снабжавшимъ ихъ деньгами. Вотъ откуда взялось быстрое промышленное развитіе Франціи, въ которомъ многіе находили возмездіе (revanche) за понесенныя ею прежде пораженія. Вотъ откуда замѣчательныя способности новыхъ фабрикантовъ, ихъ отвага, предпріимчивость, ихъ вѣрный взглядъ.“

Однако деморализація эпохи отразилась и на нихъ. Изъ своего прежняго военнаго быта они большею частію сохраняли не чувство чести, но насильственность; они не принимали въ соображеніе ни людей, ни вещи, но лишь собственную будущность, и жестокосердно поступали съ двумя классами людей: съ рабочими и съ потребителями. Промышленная буржуазія, забывъ о своемъ происхожденіи, боится народа, потому что не узнаетъ его въ

своёмъ собственномъ прошедшемъ и не понимаетъ его; но такое же непониманіе народа господствуетъ и среди мыслящей части буржуазіи (*les hommes spéculatifs*). „Какъ трудно, напр., намъ, образованнымъ людямъ,—воскликаетъ Мишле,—понять то, что въ народѣ хорошаго! Мы приписываемъ ему тысячи свойствъ, которыя связаны почти неминуемо съ его положеніемъ; мы часто останавливаемся передъ внѣшностями, передъ презрѣнными формами, и не видимъ добраго сердца, великодушнаго сердца, которое такъ часто подъ ними скрывается.

„Зато, съ другой стороны, и *народъ* не знаетъ классовъ, стоящихъ выше его. Онъ не подозрѣваетъ, какая энергическая душа можетъ заключаться въ слабомъ тѣлѣ. Народъ смѣется надъ образомъ жизни, который ведетъ ученый. Это въ его глазахъ бездѣльникъ. Народъ не имѣетъ никакого понятія о могучей силѣ размышленія. Всякое преимущество въ общественномъ положеніи, которое добыто не военною службою, представляется ему незаслуженнымъ. Полное взаимное незнакомство другъ съ другомъ, въ которомъ пребываютъ различные классы, доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ, а главная причина этого незнанія заключается въ нашемъ мнѣніи, что это знакомство намъ и не нужно. Да, между народомъ и культурнымъ слоемъ существуетъ недоразумѣніе. Народу невѣдомо значеніе науки, стойкаго размышленія, которое порождаетъ изобрѣтателей. Намъ невѣдомъ инстинктъ вдохновенія, энергіи, которыя создаютъ героев...

IV.

Итакъ, то, что всего нужнѣе, это—*сближеніе*. Такое сближеніе буржуазіи и интеллигенціи съ народомъ, по мысли Мишле, не должно имѣть *механическаго* характера. Смѣшеніе различныхъ классовъ не должно имѣть своимъ послѣдствіемъ искусственное привлеченіе людей изъ народа въ ряды буржуазіи. Мишле относится поэтому весьма неодобрительно къ такимъ явленіямъ, какъ, напр., браки между лицами, принадлежащими въ народу и буржуазіи. Мишле съ негодованіемъ возстаетъ противъ такого рода браковъ, если они были заключены по *расчету*, и подробно описываетъ безвыходное положеніе дѣловаго человѣка изъ народа, женившася на богатой невѣстѣ, которая его разоряетъ роскошью и, что еще хуже, внушаетъ его силы, его энергію, необходимыя для дѣла, свѣтскимъ образомъ жизни. Подобнымъ бракамъ по *расчету* Мишле даже приписываетъ физическое и нравственное

одряхлѣніе современной буржуазіи. Съ другой стороны, правда, онъ въ поэтическихъ краскахъ изображаетъ счастье, которое бы выпало на долю богатаго буржуа, еслибы онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ, которая его любитъ, но которую онъ покинулъ изъ расчета, хотя бы былъ способенъ ее любить. Однако, въ той же главѣ, Мишле заявляетъ, что ему извѣстны всѣ неудобства, проистекающія изъ брака съ женщиной неравнаго положенія и воспитанія. Въ такихъ бракахъ жена приноситъ съ собою и свою родню, съ ея грубыми привычками. Что же касается до нея самой, то мужъ обыкновенно надѣется ее воспитать, развить въ уровень съ собою и для себя; но очень часто оказывается, что, несмотря на свою одаренную натуру и мягкость нрава, такая женщина неспособна къ воспитанію (*point élevé*). Такія запоздалыя попытки развитія рѣдко оказываютъ вліяніе на здоровую, но негибкую природу людей изъ народа. Еще болѣе несочувственно относится Мишле къ провинціальному „книжному“ образованію въ ряды самихъ рабочихъ, и въ яркихъ краскахъ изображаетъ умственное состояніе и нравственный міръ простолюдина, надломленнаго полуобразованіемъ и чтеніемъ.

„Рабочій, — говоритъ Мишле, — котораго родители предназначали въ артисты или ученые, и который, не доучившись, остался рабочимъ — погибшій человекъ, вмѣстѣ съ собой губящій и семью. Всю свою жизнь онъ проклинаетъ судьбу. Его душа не участвуетъ въ его трудѣ. Онъ страдаетъ отъ постоянного дерганья въ ту или другую сторону. И между тѣмъ вы не можете ему вашими совѣтами: они опоздали, и онъ ихъ злобно отвергаетъ. Вы увидите его всегда читающимъ, углубленнымъ въ себя; онъ читаетъ и въ короткіе часы обѣденнаго отдыха, и вечеромъ, и еще ночью; все воскресенье онъ проводитъ за книгою, одинокій и мрачный. Нельзя себѣ представить, какъ мучительна такая жажда чтенія при такомъ состояніи развитія! Какъ безконеченъ день, такъ проведенный; какъ раздражаютъ рабочаго его послѣдніе часы въ ожиданіи звонка! Онъ проклинаетъ медленность времени, и ненавистная мастерская съ приближеніемъ сумерекъ представляется ему какимъ-то призракѣмъ! Въ этой мрачной жизни утрачивается способность любить. Какъ жаль семью такого рабочаго; если у него дома семья — она ему въ тягость; онъ отворачивается даже отъ своего отечества, ставя ему въ вину несправедливую судьбу!

„Отецъ этого грамотнаго рабочаго, болѣе грубый и неотесанный, стоялъ во многомъ ниже сына, но имѣлъ передъ нимъ большое преимущество: національное чувство было въ немъ не-

сравненно сильнѣе; онъ менѣе думалъ о челоувѣчествѣ, но зато больше любилъ Францію.

„Образованіе,—говоритъ Мишле по этому поводу,—само по себѣ не сушитъ сердца, не заставляетъ его остывать. Если же оно въ данномъ случаѣ имѣло такія послѣдствія, то это потому, что доходило въ сильно искаженномъ видѣ, подобно косымъ лучамъ обманчиваго полусвѣта, падающаго въ погребъ. Такое образованіе возбуждаетъ чувство злобы и зависти не тѣмъ, что сообщаетъ познаніе, но тѣмъ, что многое утаиваетъ (*parce qu'elle laisse ignorer*). Тотъ, напр., кто не знаетъ сложнаго процесса, посредствомъ котораго создается богатство, конечно, будетъ думать, что оно вовсе не создается, не увеличивается на этомъ свѣтѣ, что оно только перемѣщается; онъ будетъ воображать себѣ, что всякій, кто наживаетъ—отнимаетъ что-нибудь у другого. Всякое приобрѣтеніе будетъ поэтому представляться ему грабежомъ, и онъ будетъ ненавидѣть всякаго, кто что-нибудь имѣетъ“...

Не сочувствуя механическому сближенію, Мишле не усматриваетъ разрѣшенія соціальнаго вопроса въ томъ естественномъ потокѣ, который поднимаетъ самые сильные или способные индивидуумы изъ народа въ верхніе слои. Существованіе такого потока онъ вполне признаетъ, заявляя, что богачи большею частью—разбогатѣвшіе бѣдняки вчерашняго дня (*le pauvre d'hier*); а въ другомъ мѣстѣ—„что всякая волна, поднимающаяся изъ народа, приноситъ съ собою волну новаго богатства“. Таковъ процессъ, поддерживающій живой обмѣнъ силъ въ народномъ организмѣ, постоянно доставляя на верхъ, на свѣтъ, новые жизненные соки—представляетъ въ глазахъ Мишле мало утѣшительнаго. Причина такого взгляда заключается въ превратномъ понятіи Мишле о культурной эволюціи,—въ его убѣжденіи, что всякое возвышеніе надъ народомъ есть паденіе, удаленіе отъ источника совершенной жизни, т.-е. инстинкта. „Современный челоувѣкъ,—говоритъ Мишле,—понижается (*décroit*) на каждой новой ступени, на которую онъ, повидимому, поднимается. Бывши крестьяниномъ, онъ отличается строгимъ нравомъ, трезвостью и бережливостью; ставши рабочимъ, онъ былъ добрымъ товарищемъ, охотно помогать своимъ; сдѣлавшись фабрикантомъ, онъ былъ дѣятеленъ, энергиченъ, одушевленъ промышленнымъ патріотизмомъ, напрягалъ всѣ усилія въ борьбѣ съ иностранною промышленностью. Всѣ эти преимущества онъ побросалъ теперь по дорогѣ и ничѣмъ ихъ не замѣстилъ; его домъ наполнился, его казна также, а душа его опустѣла“! — Подъ влияніемъ идеи, что соціальное возвышеніе сопряжено съ нравственнымъ паденіемъ, Мишле говоритъ уже

съ сожалѣніемъ о томъ общественномъ процессѣ, который вывелъ въ „люди“ столько тысячъ Наполеоновскихъ солдатъ, дѣтей крестьянъ и рабочихъ, создалъ во Франціи фабричную промышленность, обогатилъ ее и снова поставилъ во главѣ другихъ націй. Имѣя въ виду нравственно вредныя послѣдствія такого стремленія выйти въ „люди“, Мишле отзывается съ огорченіемъ объ ослѣпленіи родителей, особенно изъ крестьянъ, толкающихъ своихъ дѣтей на этотъ путь. Отправляясь отъ своего идеала—крестьянина, Мишле выражаетъ удивленіе тому, что этотъ смысленный, благоразумный человѣкъ страдаетъ мономаніей — желаніемъ, чтобъ его сынъ не остался крестьяниномъ, чтобы онъ поднялся выше, вступилъ въ ряды буржуазіи. „И этотъ сынъ слишкомъ хорошо достигаетъ своей цѣли!—восклицаетъ Мишле.— Онъ проходитъ классы гимназій, и вотъ онъ становится m-g le curé—священникомъ, m-g l'avocat—адвокатомъ, фабрикантомъ,—вы его едва узнаете. Краснощекій и крѣпкій, онъ за все берется, все захватываетъ своей пошлой дѣловитостью; онъ сталъ говорунъ, политикомъ, вліятельнымъ лицомъ, человѣкомъ высокаго полета, у котораго уже нѣтъ ничего общаго съ мелкимъ людомъ. Вы его вездѣ встрѣтите: въ обществѣ онъ все покрываетъ своимъ голосомъ, скрывая грубыя отцовскія руки въ лайковыхъ перчаткахъ. Нѣтъ,—оговаривается Мишле,—я не такъ выразился:—у отца руки были крѣпкія, а у сына только грубыя. Отецъ, безъ сомнѣнія, отличался большею тонкостью натуры и ума (était plus nerveux et plus fin). Онъ былъ гораздо ближе къ аристократіи. Онъ меньше говорилъ и прямо шелъ къ цѣли“...

Возвысился ли сынъ, покинувши занятіе и положеніе отца? совершился ли прогрессъ въ этомъ переходѣ отъ одного къ другому? *Да*, конечно,—въ смыслѣ культуры и знанія!.. и *нѣтъ*—по отношенію къ оригинальности и къ истинному достоинству (distinction). „Всѣ въ наше время выступаютъ изъ положенія, которое занимала ихъ семья; всѣ возвышаются, или воображаютъ, что возвышаются. Полмилліона рабочихъ въ 30 лѣтъ взяли свидѣтельство на промыселъ и сдѣлались хозяевами. Число сельскихъ поденщиковъ, ставшихъ собственниками, безмѣрно (ne peut se calculer). Такъ-называемыя либеральныя профессіи вербуютъ въ свои ряды безчисленное количество рекрутъ изъ низшихъ слоевъ. Они теперь всѣ наполнены и переполнены“...

Результатомъ всего этого былъ,—по мнѣнію Мишле,—глубокой переломъ въ идеяхъ и въ нравственныхъ идеалахъ, „ибо душа человѣка несетъ на себѣ отпечатокъ его судьбы“.

Мишле приписываетъ этому общественному перевороту по-

шлость, паденіе вкуса и эгоизмъ современнаго ему общества. Онъ допускаетъ, что такое смѣшеніе классовъ было необходимо, чтобы устранить непреодолимые препятствія, которыя встрѣчала новая идея равенства. „Но тѣмъ не менѣе этотъ переворотъ представляетъ обратную сторону: онъ наложилъ на искусство, на литературу и на промышленную печать ужасную пошлость! Люди состоятельные, даже богатые, необыкновенно легко довольствуются посредственными произведеніями, лишь бы они были дешевы; всѣ хотятъ искусства съ *уступочкой* (au gabais). Разбогатѣвшему недостаетъ того, что составляетъ печать истиннаго аристократизма—способности жертвы (la puissance du sacrifice). Ему недостаетъ этой способности какъ въ области искусства, такъ и въ *политикѣ*; онъ ничего не можетъ принести въ жертву—даже въ своемъ собственномъ интересѣ“...

Чтобы изобразить всю ненормальность такого рѣшенія социальной проблемы, Мишле *приводитъ* его въ связь съ *машинизмомъ*, который Мишле называетъ главнымъ недугомъ нашего времени. Корни „машинизма“ онъ ищетъ во мракѣ среднихъ вѣковъ. Эти вѣка провозгласили руководящимъ принципомъ жизни—*любовь*, но на самомъ дѣлѣ порождали лишь ненависть. Освящая неравенство и несправедливость, они дѣлали любовь невозможною. Происшедшая отсюда насильственная реакція любви и природы, называемая „ренессансомъ“, была бессильна создать новый порядокъ и породила лишь хаосъ. Тогда міръ, которому порядокъ необходимъ, объявилъ:— „такъ не станемъ же любить! достаточно тысячеклѣтнаго опыта! Будемъ искать порядка и силы въ соединеніи силъ, изобрѣтемъ машины, которыя соединять людей безъ любви, которыя такъ хорошо сѣрвятъ, привинтятъ и привеютъ ихъ, что они, несмотря на взаимную ненависть, все-таки будутъ дѣйствовать сообща“... „И тогда-то изобрѣли двѣ административныя машины,—на подобіе древне-римскихъ—*бюрократію à la* Кольберъ, *армію à la* Лувуа. Эти машины представляли то преимущество, что употребляли въ дѣло людей какъ организованную силу, допускали жизнь, но безъ уклоненій и вспышекъ. Однако и это показалось недостаточнымъ; люди все-таки остаются людьми, сохраняютъ нѣчто человеческое. Чудо машинизма заключалось бы въ томъ, чтобы вовсе обходиться безъ людей. И тогда стали искать такихъ силъ, которыя, будучи приведены въ дѣйствіе людьми, могли бы дѣйствовать безъ людей, подобно колесамъ въ часовомъ машинизмѣ. И этимъ еще не удовлетворились: все же и тутъ нуженъ человекъ. Пусть же природа доставитъ не только матеріалъ для машины, но и самую движущую силу. И вотъ

тогда были изобрѣтены эти желѣзные рабочіе, которые своими сотнями тысячъ рукъ, сотнями тысячъ зубьевъ вычесываютъ, прядутъ, ткутъ; силу свою они берутъ, подобно Антею, изъ нѣдръ матери-природы, изъ стихій, изъ воды; растянута до состоянія пара, она даетъ машинамъ душу, поднимая ихъ своимъ могучимъ стономъ. Такъ настала вѣкъ машинъ—машинъ *политическихъ*, чтобы придать нашимъ социальнымъ отправлениямъ одинаковую автоматичность, сдѣлать для насъ излишнимъ патріотизмъ,—и машинъ *промышленныхъ*, которыя, разъ устроенныя, до безконечности размножаютъ однообразныя произведенія, искусство минуты—и дѣлаютъ для насъ излишнимъ быть *всегда* художниками, творцами. Но какъ будто бы этого еще мало, и машинизмъ еще требуетъ дальнѣйшаго развитія. Какъ будто бы человѣкъ еще недостаточно обращенъ въ машину,—у него хотятъ отнять философію, понятіе о чистой истинѣ, свободу фантазіи, поэзію, любящую и творящую по произволу. Результатомъ всего этого является: государство—безъ отечества; промышленность и литература—безъ искусства; философія безъ критики; человечество—безъ человѣка. Какъ послѣ всего этого удивляться, что мѣръ страдаетъ, не въ состояніи дышать подъ этой пневматической машиной! Онъ нашелъ возможность обойтись безъ того, что составляетъ его душу, его жизнь, т.-е. безъ *любви*. Вотъ въ чему приводитъ *механическое* сближеніе! Но не такое сближеніе соотвѣтствуетъ идеалу Мишле. Сближеніе, при которомъ часто народы становятся буржуазіей, представляетъ, по его словамъ, не объединеніе или союзъ (*union et association*), а спѣшную и грубую помѣсь (*mélange rapide et grossier*). Результатомъ такой помѣси должно быть *безплодіе*, подобное безплодности ублюдковъ въ царствѣ животныхъ. Мишле высказываетъ увѣренность, что въ будущемъ оригинальные творческіе гени будутъ выходить изъ рядовъ тѣхъ людей, которые не станутъ себя губить вступленіемъ въ эту ослабляющую характеръ „мѣшанину“; онъ выражаетъ надежду, что „найдутся со временемъ сильныя люди (*des hommes forts*), которые не захотятъ возвышаться, которые, родившись среди *народа*, захотятъ остаться *народомъ*. Пусть они улучшаютъ свое положеніе, достигаютъ благосостоянія (*s'élever à l'aisance, à la bonne heure*); но вступать въ буржуазію, измѣнять свои привычки и настроеніе—этого они не пожелаютъ; они чувствуютъ, что не будутъ въ выигрышѣ. Сильныя соки, широкій истинный массъ, бодрость духа,—все это лучше сохраняется у рабочаго, когда онъ не надломленъ работой, когда жизнь его становится нѣсколько легче, доставляетъ нѣкоторый досугъ—но рабочій

и крестьянинъ не должны повидать рядовъ народа“. Мишле выражаетъ надежду, что такъ именно и будетъ, и въ подтвержденіе своихъ надеждъ приводитъ два примѣра: какого-то рабочаго, который не захотѣлъ принять мѣсто мастера (*contre-maitre*) и предпочелъ работать наединѣ съ своими мыслями,—и сына одного башмачника, который, окончивъ курсъ въ гимназій и на юридическомъ факультетѣ и получивъ свидѣтельство адвоката, безъ ропота уступилъ обстоятельствамъ, въ которыхъ была поставлена его семья, и принялся за отцовское ремесло. „Онъ былъ вознагражденъ!—восклицаетъ Мишле:—онъ не искалъ славы, но прославился въ своемъ сынѣ, который сдѣлался однимъ изъ величайшихъ художниковъ своего времени“.

Въ виду всего этого Мишле выставляетъ, какъ необходимое условіе соціального прогресса, требованіе, чтобы народъ оставался тѣмъ, чтó онъ есть—*народомъ*. Но какой же характеръ должно имѣть сближеніе между народомъ и его верхними слоями? Въ чемъ же должно заключаться рѣшеніе соціального вопроса? „Общество,—заключаетъ Мишле,—тогда достигнетъ высшей степени гармоніи и плодотворности, когда размышляющіе и образованные классы, воспринимая въ себя и усыновляя людей инстинкта и дѣйствія (*les hommes d'instinct et d'action*), будутъ проникаться *теплотою* ихъ чувства, давая имъ *сѣмъ*“. Въ этихъ словахъ заключается основаніе соціальной философіи Мишле. Примиреніе народа съ верхними слоями должно состоять не въ механическомъ смѣшеніи классовъ, а въ духовномъ, основанномъ на взаимной любви,—въ объединеніи двухъ противоположныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ націи. Въ поясненіе такого разрѣшенія соціальной проблемы, Мишле приводитъ свою теорію о геніѣ.

Вопросъ о свойствахъ и значеніи *генія* или вообще „великаго человѣка“ весьма занималъ современниковъ Мишле. Послѣ того какъ Кузенъ, подъ вліяніемъ философіи Гегеля, посвятилъ цѣлую лекцію своего знаменитаго курса 1828 года этой проблемѣ, она сдѣлалась надолго любимой тѣмой во французской литературѣ. Мишле примѣнилъ ее къ практической соціологіи. *Типомъ* того соціального процесса, который можетъ установить въ обществѣ нормальный строй—плодотворное единство—онъ выставляетъ *творчество геніальнаго* человѣка. Творчество генія обуславливается гармоническимъ сочетаніемъ въ немъ двухъ элементовъ—инстинкта и разума. Первый встрѣчается въ жизни и олицетворяется по преимуществу въ трехъ видахъ—въ особомъ классѣ людей, которыхъ Мишле называетъ *les simples* (простыя натуры), въ дѣтяхъ и въ *народѣ*. Свойство *простыхъ натуръ* Мишле

опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: онѣ мало анализируютъ, но охотно сближаютъ и связываютъ. Всякій анализъ не только труденъ для ихъ ума, но вызываетъ въ нихъ чувство жалости—представляется имъ раздробленіемъ чего-то живого. Они не любятъ разсѣкать жизнь и вездѣ видятъ жизнь. Это свойство обыкновенно основано на природной мягкости и на добротѣ сердца: въ жизни ихъ называютъ также *добрыми* людьми. Они не только сами не разлагаютъ, но какъ скоро встрѣчаютъ разрозненные части—сочетаютъ ихъ съ такой быстротой воображенія, какой нельзя было бы ожидать отъ ихъ природной медленности. Они не только заключаютъ отъ части къ невидимому цѣлому, но нерѣдко по какому-нибудь легкому признаку догадываются о невидимомъ, о томъ, что еще не проявилось, хотя это заставляетъ другихъ смѣяться и считать ихъ сумасшедшими. Видѣть то, чего никто не видитъ, называется галлюцинаціей (*la seconde vue*). Видѣть же то, что нарождается—это пророчество. Эти два свойства, вызывающія удивленіе толпы и насмѣшку умниковъ, составляютъ большею частью прирожденную способность простыхъ натуръ и въ то же время объясняютъ ихъ таинственное родство съ гениемъ.

Они часто, безъ усилій, достигаютъ того, что дается гению въ силу его могучей способности—упрощенія. Такимъ образомъ, *перые* между людей (гении) и тѣ, которые кажутся *последними*, встрѣчаются на своемъ пути и отлично другъ друга понимаютъ. На этомъ же преобладаніи инстинкта основана взаимная симпатія между гениальными людьми, дѣтьми и народомъ. Большинство гениальныхъ людей чрезвычайно охотно ищетъ общества дѣтей. Последнія, съ своей стороны, робкія передъ толпой, передъ умными людьми, полны довѣрія къ гению; въ его присутствіи ихъ душа раскрывается, языкъ развязывается. На этой же симпатіи основано и могучее вліяніе гения на толпу: народъ нерѣдко называетъ гения добрымъ или простымъ человекомъ, но въ то же время масса приходитъ въ движеніе при первомъ словѣ гения, шумъ океана умолкаетъ при его голосѣ, волны народныя улегаются у его ногъ.

Поэтому простые природы, дѣти и народъ, могутъ служить объясненіемъ гения. Гений совмѣщаетъ ихъ всѣхъ въ себѣ. Гений, это—самая простая натура изъ простыхъ, самая дѣтская среди дѣтей (*l'enfant des enfants*); это—*народъ* болѣе чѣмъ самый народъ. Гений представляетъ въ себѣ каждый изъ этихъ элементовъ, но въ большемъ совершенствѣ. Въ простомъ человѣкѣ многое неясно, бессмысленно—простота же гения подобна могучему

свѣту, который повсюду проникаетъ. Въ ребенкѣ неопредѣленный, безпредѣльный инстинктъ рано нарушается разсужденіемъ — геній сохраняетъ природный инстинктъ въ его величіи, въ его первобытной силѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ту благодать Божию, которую ребенокъ къ несчастію утрачиваетъ—вѣчно юную надежду. Точно также геній представляетъ собой и истинное воплощеніе народа. Идею народа въ высшемъ ея проявленіи трудно найти въ самомъ народѣ (*Le peuple, en sa plus haute idée, se trouve difficilement dans le peuple*)... Куда ни помотришь, это не *народъ*, но какой-то классъ, какая-то частная форма народа, искаженная, временная. Народъ въ своемъ истинномъ смыслѣ, въ своей полной мощи существуетъ лишь въ геніѣ—въ немъ проявляется душа народа. Потому геній есть голосъ народа; нѣмой въ самомъ себѣ, народъ говоритъ только устами генія, и съ нимъ—Богъ. О немъ собственно и можно сказать: *vox populi, vox Dei*.

Но инстинктъ представляетъ только одну, хотя и существенную сторону генія. Творчество генія, его изобрѣтательная и производительная сила—основаны на томъ, что въ немъ одинъ и тотъ же человекъ одаренъ двумя противоположными способностями; что онъ соединяетъ въ себѣ, такъ сказать, оба пола духа—инстинктъ простыхъ и разсудокъ мудрыхъ. Онъ, можно сказать, представляетъ собою мужчину и женщину, дитя и взрослого, варварство и цивилизацію, народъ и аристократію. Этотъ дуализмъ генія, вслѣдствіе котораго онъ часто представляется пошлomu уму чѣмъ-то страннымъ, уродливымъ, придаетъ ему въ полномъ смыслѣ характеръ нормальнаго человека. Собственно говоря, онъ одинъ представляетъ собою *человѣка*,—кромѣ него, нѣтъ людей. И человекъ инстинкта представляетъ собою только половину человека; критикъ—также половину; ни тотъ, ни другой не въ состояніи *творить*; еще менѣе способны къ этому средніе люди, не имѣющіе ни того, ни другого пола. Только у генія полная натура; поэтому только онъ одинъ способенъ производить; на него возложена задача продолжать божественное творчество... хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, творческая сила генія была объяснена тѣмъ, что геній возводитъ въ *единство* противоположности инстинкта и разума. Мишле, однако, въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ аналогическихъ, придаетъ гораздо большее значеніе одному изъ этихъ двухъ элементовъ—и именно, низшему. Когда, говоритъ онъ, геній, повинувшись живущему въ немъ критическому духу, устремляется какъ бы къ безпредѣльному анализу, инстинктъ удерживаетъ въ немъ образъ единства. Онъ сохраняетъ въ немъ сознаніе жизни, пониманіе

ея нераздѣльности. Любовь къ живой гармоніи, нѣжное уваженіе къ жизни такъ велики въ геніѣ, что хотя онъ и обладаетъ обѣими способностями, но онъ всегда готовъ принести въ жертву изслѣдованіе, даже самую науку, если она достижима лишь путемъ раздробленія предмета. Изъ двухъ натуръ, въ немъ сливающихся, геніѣ въ случаѣ выбора отвернулся бы отъ той, которая анализируетъ, и оставилъ бы за собою инстинктъ съ его невѣдущей силой (*ignogante*) гаданія и творчества.

Причину этого нужно искать, по мнѣнію Мишле, въ сердцѣ. Это—тайна сердца. Если геніѣ среди анализа, среди мнимой анатоміи науки, всегда сохраняетъ въ себѣ инстинктъ, никогда не допускающій полного раздѣленія, всегда стремящійся къ единству, опасующійся разрушенія жизни въ самомъ мелкомъ существованіи, то это такъ потому, что сущность геніа заключается въ *любви* къ жизни, любви, побуждающей сохранять ее, любви, ее творящей.

Итакъ, творческая сила геніа сводится къ *любви*. Но какая это любовь? По приведенному выше опредѣленію—это любовь къ жизни, къ единству, стало-быть къ *цѣлому*; такое опредѣленіе, однако, не выдержано у Мишле, и въ дальнѣйшемъ развитіи его идеи любовь къ цѣлому превращается у Мишле въ любовь къ *частному*, въ предпочтеніе *части* цѣлому, въ *одностороннюю любовь*. Плодотворность геніа, говоритъ онъ, въ значительной части, конечно, обуславливается его добротой, снисходительностью и сердечной простотою, съ которою онъ ободряетъ слабыя потуги инстинкта (*les faibles essais*). Въ геніѣ размышленіе не имѣетъ въ себѣ ничего горькаго, ироническаго: разумъ относится снисходительно къ *ребячеству* инстинкта (*les enfances*). Эта инстинктивная половина человѣка нуждается въ томъ, чтобы другая ее щадила; слабая и неопредѣленная (*vague*), она подвержена беспорядочнымъ движеніямъ, потому что она, полная стремленій, ослѣпленная любовью, бросается на встрѣчу свѣту. Разумъ знаетъ хорошо, что если онъ выше инстинкта тѣмъ, что уже обладаетъ свѣтомъ, то онъ, однако, уступаетъ ему въ плодотворной теплотѣ, въ жизненной силѣ. Они различаются между собою скорѣе возрастомъ, чѣмъ внутреннимъ достоинствомъ. Ибо все начинается въ формахъ инстинкта. Разумъ нынѣшняго дня былъ вчера инстинктомъ. Который изъ нихъ выше (*lequel vaut mieux*)? Кто это скажетъ?.. Можетъ быть, преимущество на сторонѣ младшаго и болѣе слабаго“!

Вотъ къ этимъ свойствамъ геніа, къ творческому процессу, совершающемуся въ *душѣ* геніальнаго человѣка, нужно обра-

щаться за руководствомъ въ жизни; здѣсь можно найти законы искусства, образцы для педагогики и социологии. Въ душѣ гения, гдѣ разумъ и инстинктъ приведены въ такую гармонию, должны мы искать типъ для всякаго социальнаго устройства (*oeuvre sociale*). Душа гениальнаго человѣка—душа явно божественная, ибо она творитъ подобно Богу; это—внутреннее царство (*la cité intérieure*), по типу котораго нужно строить гражданское царство, для того, чтобы и оно было божественнымъ. Мишле признаетъ, что ему можно сдѣлать тотъ же упрекъ, который былъ сдѣланъ Платону, за его политическіе совѣты въ сочиненіи о „республикѣ“, а именно, что все это не болѣе какъ сравненіе. Но онъ отвѣчаетъ на это, что имъ предложено не простое сравненіе, а указана самая сущность дѣла. Въ психическомъ явленіи, которое представляетъ собою гений, философія должна искать тайну политики, педагогики и социологии. Правда, основаніе такой науки еще не положено—*cette science est à créer*; это—вина философіи, которая ея не воснула, вращаясь цѣлые вѣка все около однихъ и тѣхъ же идей. Въ то же время Мишле обращается съ мольбой къ гениальнымъ людямъ, прося ихъ содѣйствовать социальной философіи раскрытіемъ совершающагося въ нихъ самихъ творческаго процесса.

Хотя изложенная нами теорія о генияхъ мало содѣйствуетъ разрѣшенію проблемы, какъ устранить раздвоеніе въ народѣ, между живущей инстинктомъ массой и интеллигенціей—она характерна для Мишле, какъ историка. Она показываетъ, что онъ стремился къ органическому, цѣльному пониманію народной жизни. Социальная правда, которую онъ ищетъ въ творчествѣ гениевъ, сводится къ слѣдующему положенію: какъ гений гармониченъ и плодотворенъ, когда оба элемента, въ немъ заключающіеся—человѣкъ инстинкта и размышленія, способствуютъ другъ другу,—такъ и творчество, проявляющееся въ исторіи народа, плодотворно, когда низшіе и верхніе слои его дѣйствуютъ во взаимномъ пониманіи и согласіи. Но, требуя гармоническаго сочетанія инстинкта, живущаго въ массѣ, и разсудка, олицетворяемаго образованнымъ классомъ, Мишле на самомъ дѣлѣ даетъ перевѣсъ первому элементу. Народъ въ смыслѣ Мишле, т.-е. народная масса, является у него на самомъ дѣлѣ носителемъ не только инстинкта, но и тѣхъ преимуществъ, которыя, повидимому, даются только культурой.

„Всмотритесь хорошенько,—говоритъ, напр., Мишле,—въ бойкую (*spirituelle*) и испорченную толпу нашихъ большихъ городовъ; прислушайтесь къ ея языку, обратите вниманіе на ея остроты

(saillies), нерѣдко весьма удачныя, и вы откроете то, чего еще никто не замѣчалъ, а именно, что у этихъ людей, которые иногда не умѣютъ читать, тѣмъ не менѣе на свой ладъ очень *развитой умъ* (des esprits très cultivés).

И не въ одномъ только пролетариатѣ большихъ городовъ, легко заимствующемъ обороты рѣчи образованныхъ классовъ, усматриваетъ Мишле высокое умственное развитіе, но и въ самой глуши сельской жизни. По словамъ Мишле, нигдѣ нельзя встрѣтить такихъ умныхъ людей (plus sensé), какъ среди пожилыхъ французскихъ крестьянъ. То, что въ молодости крестьянину является инстинктивнымъ видѣніемъ (gêve)—становится у старика размышленіемъ, мудростью. Люди образованные, —говоритъ Мишле,—имѣютъ въ своемъ распоряженіи всевозможныя средства, помогающія имъ вызывать, поддерживать и фиксировать размышленіе. „Но въ то же время, болѣе развлекаемые жизнью, удовольствіями, пустыми разговорами, мы рѣдко въ состояніи размышлять; еще рѣже мы этого желаемъ. Человѣкъ же изъ *народа*, напротивъ, часто по неволѣ предоставленъ самому себѣ. Уединяемый работою въ полѣ, уединяемый шумными ставками, создающими вокругъ него пустыню среди толпы, онъ долженъ, если не хочетъ погибнуть отъ скуки, обратиться внутрь себя, бесѣдовать съ своей душой“.

Особенно же высоко ставитъ Мишле умственное развитіе женщинъ изъ народа (les femmes du peuple), принужденныхъ болѣе другихъ быть провидѣніемъ семьи, самихъ мужей своихъ —онѣ „достигаютъ со временемъ удивительной степени зрѣлости“. „Я зналъ такихъ,—говоритъ Мишле,—которыя сохраняли среди трудныхъ испытаній лучшіе инстинкты и, постоянно развивая себя размышленіемъ вслѣдствіе жизни, полной преданности и чистоты, не принадлежали уже ни къ какому классу, но стояли выше всѣхъ. Онѣ обладали такимъ ясновидѣніемъ, что имъ по неволѣ можно было приписать способность угадывать будущее (divination). Нигдѣ я не видалъ таковаго соединенія двухъ свойствъ, которыя обыкновенно считаются столь различными и даже противоположными: мудрости міра сего и духа Божьяго“!

При такомъ взглядѣ на дѣла можно спросить у Мишле, для чего онъ такъ настаиваетъ на необходимости гармоническаго сочетанія между *народомъ* и верхними классами? Вѣдь оно является излишнимъ, если простой народъ уже носить въ себѣ не только инстинктъ, но и результатъ развитія разума и культуры? Значитъ, въ немъ одномъ уже заключается вся *цѣльность* народной жизни. И что, наконецъ, могутъ внести въ общій союзъ эти

верхніе классы, когда, по мнѣнію Мишле, даже тѣ изъ нихъ, которые сами только-что вышли изъ народа (*nées d'hier*), уже *износились*? Когда всякій человѣкъ, выходящій изъ *народа*, съ каждой новой ступенью, имъ достигаемой, все ниже и ниже падаетъ? На самомъ дѣлѣ, по временамъ Мишле какъ будто самъ признаетъ, что верхніе классы съ ихъ культурой совсѣмъ не нужны, что спасеніе, обновленіе міра еще разъ предоставлено *варварами*!

При такой постановкѣ вопроса всякое примиреніе напрасно; конечною цѣлью процесса объединенія является не гармоническое сочетаніе элементовъ, а поглощеніе одного другимъ. И несмотря, однако, на такую односторонность, во взглядѣ Мишле заключается глубокая правда; несмотря на все пристрастіе Мишле къ массѣ, отыскающееся демагогическою лестью 40-хъ годовъ, въ немъ звучитъ могучая и вѣрная нота—это проповѣдь *любви* къ народу, требованіе *жертвы* для него отъ высшихъ классовъ. Въ равнодушномъ непониманіи массъ, въ эгоистической политикѣ правящаго класса заключался недугъ іюльскаго монархіи и одна изъ причинъ постигшей ее катастрофы.

Но „правда“ Мишле выходитъ далеко за предѣлы французской политики 40-хъ годовъ. Совѣтъ Мишле былъ бы въ высшей степени умѣстенъ и въ современной Франціи. За нимъ, наконецъ, нужно признать общее, не-преходящее значеніе. Интересъ и любовь къ народной массѣ составляютъ главное условіе нормальнаго, культурнаго развитія націи, а способность къ самопожертвованію, постоянная жертва—главный признакъ истиннаго призванія и источникъ права верхнихъ слоевъ на руководство народомъ.

V.

Въ томъ же принципѣ, въ *любви*, Мишле видитъ средство устранить другое раздвоеніе въ народной жизни, уврачевать другой недугъ—антагонизмъ между имущими и неимущими классами, между собственниками и пролетаріатомъ. Съ этой своей точки зрѣнія Мишле относится довольно скептически къ различнымъ реформамъ и законодательнымъ проектамъ, предлагавшимся противоположными политическими партіями. Онъ видѣлъ въ нихъ частныя средства, спеціальныя лекарства, прилагаемыя къ отдѣльнымъ частямъ тѣла. Эти лекарства могутъ, конечно, принести пользу, но настоящимъ средствомъ можетъ послужить лишь общее лекарство. Нужно, прежде всего, излечить душу людей!

„Бѣдные предполагаютъ, что если скрутить богатыхъ такимъ-то закономъ, то все пойдетъ хорошо. Богатые думаютъ, что если подчинить бѣдныхъ такой-то религіозной формулѣ, уже два вѣка омертвѣвшей, то общество будетъ упрочено! Они, повидимому, воображаютъ себѣ,—воскликаетъ Мишле,—что политическія или религіозныя формулы заключаютъ въ себѣ каббалистическую силу, способную связать міръ, какъ будто ихъ мощь не зависитъ отъ того, какъ отзовется на нихъ сердце! Все зло виждется въ сердцѣ; и лекарство противъ зла должно оказаться въ сердцѣ! Бросьте ваши старые рецепты. Нужно, чтобы сердце раскрылось и вмѣстѣ съ нимъ—ваши объятія... Развѣ вы забыли, что это ваши братья“? Среди нравственной проповѣди, съ ея поэтическимъ и подчасъ мистическимъ языкомъ, у Мишле встрѣчаются отдѣльныя замѣчанія, поражающія яснымъ взглядомъ на вещи и глубокимъ пониманіемъ исторіи,—напр., примѣчаніе къ страницѣ 251, гдѣ Мишле вскользь говоритъ о проектахъ реорганизациі общества, предлагавшихся въ его время различными партіями. Чтобы помочь рабочимъ ограничить конкуренцію, регулировать отношенія капитала въ труду, хозяевъ къ мастерамъ, французскіе консерваторы 40-хъ годовъ требовали возвращенія къ средневѣковому принципу промышленныхъ корпорацій и цеховъ. Мишле восклицаетъ по этому поводу: „возстановить старинныя формы *корпораціи*, промышленную тираннію, снова возложить на себя оковы, чтобы лучше идти впередъ, раздѣлять дѣло революціи, разрушить съ легкой руки то, чего люди добились въ теченіе многихъ вѣковъ—это мнѣ представляется бессмысленнымъ“. Соціалистамъ, предлагавшимъ возложить на государство руководство всей экономической жизнью народа, организаціей труда и распредѣленіемъ прибылей, Мишле отвѣчаетъ: „воображать, что государство, которое дѣлаетъ такъ мало въ собственнo принадлежащей ему области, было бы въ состояніи исполнить функцію всеобщаго фабриканта и торговца, не значить ли это предоставить все чиновнику (*fonctionnaire*)! А чтѣ же этотъ чиновникъ—ангелъ? Если онъ будетъ снабженъ такимъ чудовищнымъ полномочіемъ,—развѣ онъ окажется болѣе чистымъ, чѣмъ фабрикантъ или купецъ? Вѣрно одно, что онъ никакимъ образомъ не будетъ обладать ихъ энергическою дѣятельностью“.

Другой шельмъ соціалистовъ, которая все спасеніе видѣла въ общинѣ, Мишле возражаетъ: „Что касается до общины, то достаточно двухъ, трехъ словъ: община *естественная* (*naturelle*) представляетъ собою учрежденіе очень древнее, очень варварское, очень непроизводительное. Община *добровольная* основана на ми-

молетномъ возбужденіи (*blap passager*), на героическомъ движеніи, порожденномъ новою вѣрою и быстро спадающемъ. Община же *принудительная* (*forcée*), насильственно устроенная, есть вещь невозможная въ эпоху, когда собственность безконечно раздѣлена, — и нигдѣ она до такой степени невозможна, какъ во Франціи“.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, чтобы Мишле отвергалъ принципъ рабочихъ ассоціацій — напротивъ, онъ ихъ страстно желалъ, но считалъ невозможнымъ создать ихъ одною регламентаціей безъ живой духовной связи. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ для Мишле и поучителенъ самъ по себѣ слѣдующій задушевный его *разсказъ*.

„Въ одно изъ моихъ паломничествъ въ Ліонѣ, — говоритъ онъ, — я посѣтилъ нѣсколько ткачей и по моему обыкновенію справлялся у нихъ о причинахъ ихъ бѣдственнаго положенія, о средствахъ противъ него. Я особенно настаивалъ въ моихъ вопросахъ на томъ, почему бы имъ, хотя бы они и расходились въ мнѣніяхъ, не соединиться (*s'associer*) въ интересѣ извѣстной хозяйственной цѣли. Одинъ изъ нихъ, человекъ большого ума и высокой нравственности, который чувствовалъ, сколько любви и добрыхъ намѣреній я вносилъ въ мои изысканія, далъ мнѣ возможность глубже проникнуть въ вопросъ, тѣмъ мнѣ это когда-либо удавалось. — „Бѣда, — сказалъ онъ, — заключается прежде всего въ пристрастіи правительства къ фабрикантамъ“, — а затѣмъ, „въ монополіи, тиранніи, требовательности послѣднихъ!“ — „И это все?“ — спросилъ я. Онъ промолчалъ двѣ минуты и потомъ со вздохомъ произнесъ глубокое слово: — „Нѣтъ, есть еще одно зло — мы не способны къ ассоціаціи (*nous sommes insociables*)“. — Это слово, — говоритъ Мишле, — горестно отозвалось въ моемъ сердцѣ, поразило меня какъ смертный приговоръ. Какъ умирающій, я ухватился за свое сознаніе, старался дать себѣ отчетъ, живъ ли я? Изъ этого тяжелаго душевнаго состоянія его вывело, какъ онъ говоритъ, его самознаніе. Онъ увидѣлъ передъ собой человека, соединявшаго въ себѣ нѣсколько классовъ, принадлежавшаго по уму и сердцу къ народу, носившаго въ себѣ его мысли. Этотъ человекъ былъ не кто иной, какъ онъ самъ, онъ, который хотя и жилъ одиноко и не искалъ общества людей, тѣмъ не менѣе всегда сохранялъ въ себѣ симпатію къ другимъ и способность къ общенію (*sociable*). Отъ себя Мишле дѣлалъ заключеніе къ другимъ. Онъ находилъ въ массахъ, хотя и глубоко зарытою, неизмѣнную, неизгладимую способность къ общенію (*fonds de sociabilité*). Онъ находилъ въ современной исторіи объясненіе, почему эта способность, кото-

рую всё другія націи признавали за французскимъ народомъ, какъ бы притаилась. Надежды, обманутыя политическими партіями, эксплуатація промышленниковъ, подозрительность правительства, вліяніе революціи и Наполеоновскихъ войнъ, военная служба, особенно въ Алжирѣ, развивавшая индивидуализмъ,—вотъ причины, сдѣлавшія французовъ, по мнѣнію Мишле, менѣе способными къ общенію между собой. „Для такихъ людей,—заключаетъ отсюда Мишле,—не пригодны тѣ формы ассоціаціи, которыя принялись у другихъ народовъ, союзы, въ которыхъ никакой роли не играетъ *любовь*. Француза нельзя запретъ въ какой-нибудь „отрицательный союзъ“, куда не входитъ душа, въ родѣ тѣхъ общинъ, какія составляются нѣмецкими рабочими, живущими сообща, безъ любви, изъ экономіи и по прирожденному добродушію, какъ, напр., въ Цюрихѣ. Не болѣе пригодны для французовъ и кооперативные союзы англичанъ, члены которыхъ отлично соединяются ради какого-нибудь спеціальнаго дѣла, ненавидя другъ друга и противодействуя одинъ другому тамъ, гдѣ ихъ интересы расходятся. Французы не способны соединяться подобно волкамъ, сбѣгающимся вмѣстѣ, чтобы сообща загнать добычу. Во Франціи возможны только ассоціаціи друзей; въ этомъ заключается невыгода Франціи въ области промышленности, но и преимущество ея въ общественномъ отношеніи“.

Итакъ, существеннымъ условіемъ для составленія ассоціаціи во Франціи является любовь; при этомъ условіи всякая форма хороша. Союзы рабочихъ возникнутъ во Франціи и будутъ прочны, какъ скоро члены ихъ станутъ любить другъ друга. А если члены такихъ союзовъ будутъ *очень любить* другъ друга, то они даже сдѣлаются способными къ фабричному производству—безъ помощи и руководства предпринимателя. Но эта любовь не заключается только во взаимномъ расположеніи; для нея недостаточны симпатія характеровъ, сходство вкусовъ. Эта любовь должна быть основана на преданности, приносящей въ жертву самую природу, на всегдашней готовности къ *самопожертвованію*.

Итакъ, безъ *самопожертвованія* нѣтъ *любви*. „Что можете вы сдѣлать на этомъ свѣтѣ,—восклицаетъ Мишле,— безъ жертвы? Безъ нея рухнулъ бы міръ. Предположите лучшіе инстинкты, самые честные характеры, самыя совершенныя натуры (такія, какихъ нѣтъ на землѣ),—все погибло бы безъ этого верховнаго средства спасенія. Но какъ принести себя въ жертву другому? какъ пожертвовать собой ради человѣка, который сдѣлать менѣе васъ, губить изъ-за пустяка то, что имѣетъ безвѣчную цѣну“?

Въ этомъ нужно видѣть,—говоритъ Мишле,—главное затруд-

неніе. Человѣкъ можетъ жертвовать собой только ради того, что онъ считаетъ безпредѣльнымъ. Для того, чтобы была жертва, нужно божество, нуженъ алтарь, нужна религія, въ которой люди могли бы познать и любить другъ друга. Но гдѣ же этотъ алтарь?

VI.

Установивъ, что социальная рознь и антагонизмъ въ народѣ могутъ быть побуждены лишь принципомъ *любви* и самопожертвованія, Мишле сталъ искать источниковъ этой любви и средствъ ее воспламенить. Какъ преемникъ традиціи XVIII-го вѣка и подъ влияніемъ своей полемики противъ клерикаловъ, Мишле не былъ склоненъ искать готовой на жертвы любви тамъ, гдѣ ее черпали предшествовавшіе вѣка. „Та религія, — восклицаетъ Мишле, — которая въ средніе вѣка обѣщала дать міру единство и любовь, привела только къ злобѣ и всеобщей враждѣ“. На мѣсто прежняго алтаря Мишле пытается воздвигнуть другой и проповѣдуетъ новую религію, изъ которой онъ надѣется почерпнуть неиссякаемый источникъ социальной любви и самопожертвованія.

Средствомъ для развитія социальной любви должна быть, въ глазахъ Мишле, *народная школа*. Возбужденіе этой любви должно быть высшею цѣлью педагогіи и служить исходнымъ пунктомъ для организаціи школъ. Революція 1789 года, по мнѣнію Мишле, не осуществила своего идеала, потому что не сумѣла преобразовать, перевоспитать человѣка. Революція находилась въ безвыходномъ кругу (*cercele vicieux*). Чтобы осуществить революцію, нужны были люди; но чтобы создать людей, нужно было, чтобы она совершилась. Такимъ образомъ, революція не имѣла возможности совершить переходъ изъ одного міра въ другой; ей нужно было перешагнуть черезъ пропасть, а у нея для этого не было крыльевъ.

Для достиженія этой цѣли Мишле предлагаетъ организовать великую *національную*, т.-е. общенародную (*la grande école nationale*) школу. Въ этой общей школѣ должны пребывать годъ или два дѣти всѣхъ классовъ, всякаго состоянія. За этой школой можетъ начаться высшее или спеціальное образованіе; первоначальное же воспитаніе должно служить къ сближенію классовъ, насколько школа теперь содѣйствуетъ разъединенію ихъ. При такихъ условіяхъ школа сдѣлается нравственной школой для всего народа. Еслибы дѣти обоихъ классовъ, — говоритъ Мишле, — бѣднаго и богатаго, посидѣли на одной скамьѣ, еслибы они,

различныя по правамъ, но соединенныя дружбой, познали другъ друга, они достигли бы большихъ результатовъ, чѣмъ всѣ политики, всѣ нравственныя догмы міра. Они завязали бы въ своей безкорыстной невинной дружбѣ священный союзъ, на которомъ должно зиждиться государство. Богатый узналъ бы жизнь, равенство, и сталъ бы отталкивать его; онъ весь проникся бы стремленіемъ подѣлиться (*tout son effort serait de partager*), а бѣдный бы проникся великодушіемъ и сталъ бы утѣшать товарища въ его богатствѣ (*le consolerait d'être riche*). Утѣшая богатаго, бѣдный и самъ бы утѣшился въ своей долѣ! Онъ узналъ бы съ своей стороны и, можетъ быть, запомнилъ, что если богатый богатъ, то не по своей винѣ, и что богатство часто дѣлаетъ его бѣднымъ относительно главнаго блага—воли, дѣлаетъ его нищимъ въ „нравственной силѣ“! Что же касается до богатаго, то пусть онъ на первой порѣ жизни узнаетъ, что значить быть бѣднымъ, пусть онъ страдаетъ отъ неравенства, пусть добивается права подѣлиться, пусть потрудится посильно для восстановленія равенства; пусть еще на деревянной скамьѣ предъ нимъ выяснится земной строй, и онъ начнетъ строить царство Божіе! Что можетъ теперь знать богатый при всемъ своемъ знаніи свѣта? — спрашиваетъ Мишле: —именно потому, что жизнь ему легка, онъ не постигаетъ силы и глубины дѣйствительности. Не углубляясь ни во что, ни на что не опираясь, онъ стремится впередъ, скользить какъ по льду; ни во что не входя, все беретъ съ его наружной стороны; въ своемъ мимолетномъ существованіи, внѣшнемъ и поверхностномъ, онъ завтра достигнетъ предѣла и исчезнетъ въ такомъ же невѣденіи жизни, съ какимъ явился на свѣтъ. Его душѣ не доставало твердой точки опоры, чтобы, отъ нея отправляясь, углубиться въ жизнь. Бѣдный же, напротивъ, весь устремленъ на одну темную точку, и не видитъ ни неба, ни земли. То, чего ему недостаетъ, это—способности подняться, вздохнуть свободно, взглянуть на небо. Онъ прикованъ судьбою къ своему мѣсту, а ему слѣдовало бы расширить свое существованіе, обобщить свои страданія, жить внѣ той точки, гдѣ онъ страдаетъ, и такъ какъ въ немъ бессмертная душа, то дать ей безпредѣльно развернуться (*s'épanouir infiniment*)... Но онъ самъ этого не можетъ, законы тутъ бессильны—для этого нужна дружба. Люди досуга, образованія, размышленія, должны освободить эту скованную душу и поставить ее въ правильныя отношенія къ міру; измѣнить ее?—нѣтъ, но помочь ей развиться, устранить препятствія, мѣшавшія ей расправить крылья!

Всего этого,—говоритъ Мишле,—было бы легко достигнуть,

еслибы каждая изъ сторонъ поняла, что только въ другой найдеть свое освобожденіе. Человѣкъ знанія и образованія, вынѣ рабъ отвлеченностей и формулъ, достигнетъ свободы только въ сопряженіи съ человѣкомъ инстинкта. Его юность, его жизнь, которую онъ надѣется обновить посредствомъ отдаленныхъ путешествій, она тутъ, около него, она—въ томъ, что составляетъ молодость общества, въ народѣ. А народъ, съ другой стороны, котораго невѣжество и уединеніе держатъ какъ бы въ тюрьмѣ, расширитъ свой кругозоръ, выйдетъ на свободу, войдетъ въ общеніе съ наукой, и вмѣсто того, чтобы чернить ее изъ зависти, станетъ уважать въ ней накопленіе трудовъ человѣчества, усилія предшествовавшихъ поколѣній.

Но такая взаимная помощь, такое серьезное и плодотворное взаимное обученіе предполагаютъ съ обѣихъ сторонъ дѣйствительное великодушіе, и потому Мишле призываетъ всѣхъ къ героизму. Героическій подвигъ бѣднаго долженъ заключаться, по опредѣленію Мишле, въ томъ, чтобы принести въ жертву зависть и настолько возвыситься надъ собственной бѣдностью, чтобы даже не имѣть желанія справляться, хорошими или дурными путями приобрѣтено богатство.

Героизмъ же богатаго долженъ состоять въ томъ, чтобы, при всемъ сознаніи *правъ* бѣднаго, любить его и идти къ нему на встрѣчу.

Но развѣ это можно назвать героизмомъ, — спрашиваетъ Мишле, — развѣ это не самая простая обязанность? Безъ сомнѣнія, но именно потому, что это обязанность, сердце отъ нея сжимается. Въ этомъ, оказывается, печальная слабость нашей природы: мы любимъ только тѣхъ, которымъ мы ничего не должны, — беспомощныя, безоружныя существа, которыя не заявляютъ никакого права относительно насъ.

Итакъ, посредствомъ взаимнаго сближенія дѣтей богатыхъ и бѣдныхъ народная школа сдѣлается школою любви для народа; но для того, чтобы эта любовь стала дѣйствительна, чтобы она была способна превратиться въ героизмъ, необходимо, чтобы школа опиралась еще на другое начало, развивало другой принципъ — *тѣру*.

Главный вопросъ въ воспитаніи, — говоритъ Мишле, — состоитъ вотъ въ чемъ: внушаете ли вы ребенку вѣру? — Необходимо, чтобы ребенокъ имѣлъ вѣру.

Развивать въ ребенкѣ *духъ разсужденія*, преній, критики — бессмысленно. Постоянно и произвольно перекапывать только что посеянные зерна — развѣ это земледѣліе?

Ставить же главной цѣлью воспитанія *знаніе* также бессмысленно. Обременять память ребенка хаосомъ полезныхъ и бесполезныхъ познаній, дѣлать изъ нея безобразный складъ для тысячи мертвыхъ, отрывочныхъ фактовъ... значить—убивать духъ.

Прежде чѣмъ расти, чѣмъ накоплять, нужно *быть*, нужно сознать и укрѣпить живой зародышъ молодого существа. Ребенокъ же начинаетъ *быть*, становится существомъ, только посредствомъ *тѣры*.

Вѣра есть общее основаніе всякаго вдохновенія и дѣйствія; безъ нея нѣтъ ничего великаго. Дѣти, а съ ними государство и весь міръ, могутъ быть спасены только однимъ—если вы имъ внушите вѣру!

Какая же вѣра должна быть внушаема дѣтямъ, и должна составлять основаніе воспитанія? Мишле отвѣчаетъ на это: „*вѣра въ самоотверженіе, вѣра въ великую ассоціацію, которой всѣ приносятъ себя въ жертву, т.-е. въ отечество. Съ дѣтства человѣкъ долженъ привыкать видѣть въ своемъ отечествѣ живое божество (un Dieu vivant)*!*

Мишле считаетъ спасительной и пригодной въ педагогикѣ только такую вѣру, которая вполне подтверждается разумомъ. Ребенку слѣдуетъ внушать только такую вѣру, которую онъ, сдѣлавшись взрослымъ, будетъ въ состояніи провѣрить своимъ разсудкомъ. Но предметомъ такой вѣры можетъ быть только *отечество*. Аѳинянинъ вѣрилъ, что всякая человѣческая культура сошла съ аѳинскаго акрополя; что ея Паллада, вышедшая изъ головы Юпитера, зажгла свѣточъ искусства и науки. Это было провѣрено на опытѣ (*cela s'est vérifié*); этотъ городъ въ 20.000 гражданъ озарилъ міръ своимъ свѣтомъ; погибнувъ, онъ все еще его освѣщаетъ. Римлянинъ вѣрилъ, что живая, кровоточивая голова, найденная на Капитоліѣ, обѣщаетъ ему сдѣлаться главой, судьей, защитникомъ міра. Это осуществилось на дѣлѣ (*cela s'est vérifié*); если его владычество и миновало, его *право* остается и продолжаетъ управлять народами.

Христіанинъ вѣрилъ, что Богъ, сошедши въ человѣка, сдѣлаетъ изъ людей народъ братьевъ и рано или поздно объединитъ міръ общей любовью. Это еще не осуществилось, но оно осуществится въ насъ (*se vérifiera par nous*).

„Недостаточно было заявлять, что Богъ сошелъ въ человѣка; эта истина, въ такихъ общихъ выраженіяхъ, не оказалась плодотворной. Нужно искать, какимъ образомъ Богъ открылся въ *человѣкѣ*, представляемомъ каждою отдѣльною національностью; *какъ* въ разнообразіи національныхъ индивидуумовъ общій Отецъ нис-

ходить въ потребностямъ своихъ дѣтей. Единство, которое онъ намъ далъ,—не однообразіе, но гармоническое единство, въ которомъ всѣ различія притягиваются другъ другомъ (*s'aiment*). Пусть же они входятъ въ согласіе, но пусть и сохраняются, пусть приобрѣтаютъ болѣе блеска, чтобъ лучше освѣщать міръ, и пусть человѣкъ съ дѣтства привыкаетъ узнавать животворящаго Бога (*un Dieu vivant*) въ своемъ отечествѣ. Итакъ, въ любви къ отечеству *вѣра* согласуется съ *разумомъ*. Еслибы *вѣра* и *разумъ* были противоположны, еслибы у насъ не было *разумнаго* средства достигнуть *вѣры*,—пришлось бы, подобно мистикамъ, оставаться ни при чемъ, вздыхать, ждать. Но *вѣра*, *достойная* человѣка—любовная *вѣра* въ то, что подтверждается *разумомъ*. Такимъ именно предметомъ является отечество, представляющее не случайное чудо, а постоянное чудо природы и исторіи“.

Вотъ эта-то *вѣра* въ отечество должна быть главной задачей школы. По мысли Мишле, школа должна сначала наглядно научить *вѣрѣ* въ отечество, во-очію показать его. Средствомъ для этого должна послужить организація *обще-народной* школы. Еслибы всѣ дѣти одного народа, по крайней мѣрѣ на время, соединились на одной скамьѣ, видѣли и узнали другъ друга прежде, чѣмъ познать пороки бѣдности и богатства, эгоизмъ и зависть—они получали бы въ школѣ неизгладимое впечатлѣніе отечества; отечество было бы для нихъ не только предметомъ изученія, но предстало бы имъ на яву, подобное имъ самимъ, въ образѣ дѣтской общины, предшествующей общинѣ гражданской и лучшей, чѣмъ она—общины равенства, гдѣ всѣ члены садятся за одну общую духовную трапезу.

Мишле желалъ бы, чтобы дѣти не только узрѣли въ школѣ живой образъ родины, но почувствовали, испытали ее на себѣ, какъ Провидѣніе, узнали бы въ ней свою мать, свою кормилицу по ея укрѣпляющему млеку, по ея животворной теплотѣ...

Главное препятствіе къ посѣщенію школы бѣдными составляетъ именно ихъ бѣдность; въ этомъ отношеніи государство и должно было бы, по мысли Мишле, явиться для нихъ Провидѣніемъ... „Боже, избави насъ,—воскликаетъ онъ,—лишать ребенка школы, не давать ему духовной пищи, потому что ему недостаетъ тѣлесной... Горе нечестивой скупости, которая тратитъ милліоны на масоновъ и на патеровъ, щедря на то, чтобы снаряжать всевозможные средства и способы наносить смерть, но расцѣтлива по отношенію къ дѣтямъ, составляющимъ надежду, дорогую жизнь Франціи, самое сердце ея!

„Для маленькихъ дѣтей мы всѣ должны быть отцами и при-

нимать ихъ съ открытыми объятіями; шеола должна быть для нихъ убіжищемъ, мѣстомъ любви и великодушія; нужно, чтобы имъ тамъ было хорошо, чтобы они сами шли туда, чтобы они любили шеолу, этотъ домъ отечества, и даже еще болѣе, чѣмъ свой отцовскій домъ... Если твоя мать не въ состояніи тебя накормить, если твой отецъ жестокъ къ тебѣ, если ты не одѣтъ, если ты голоденъ, приходи, сынъ мой, двери широко для тебя открыты, и на порогѣ стоитъ Франція, чтобы обнять и принять тебя. Она не постыдится, эта великая мать, взять на себя заботы кормилицы, она своей геройскою рукой сваритъ тебѣ солдатскую похлебку; а еслибы у нея не было чѣмъ тебя прикрыть, пригрѣть твои окоченѣлые члены, она готова для этого оторвать цѣлую полосу отъ своего знамени!

„Утѣшенный, обласканный, счастливый, свободный духомъ ребенокъ будетъ охотно принимать на своей скамьѣ пищу истины. Предметомъ обученія опять-таки будетъ отечество. Ребенокъ долженъ воспринять его двоякимъ образомъ: какъ догматъ и какъ легенду или повѣствованіе, т.-е. онъ долженъ усвоить себѣ отечество какъ принципъ и познать его въ его историческомъ развитіи. Пусть онъ сначала узнаетъ, что Богъ облагодѣтельствовалъ его отечествомъ, которое обнародовало, написало своею кровью законъ божественнаго равенства и братства, пусть онъ узнаетъ, что Господь народовъ говорилъ устами Франціи.

„Затѣмъ пусть онъ изучитъ исторію своего отечества, наше двукратное избавленіе (pos deux rédempctions) св. дѣвой Орлеанской и революціей; пусть онъ услышитъ объ энтузізмѣ 1792 г., о чудесахъ молодого трехцвѣтнаго знамени, о нашихъ юныхъ полководцахъ, которымъ удивлялся міръ, которыхъ онъ оплакивалъ; о душевной чистотѣ Марсо, о великодушій Гоша... Пусть узнаетъ то, что еще выше, славу нашихъ правительственныхъ собраній, миролюбивый и истинно гуманный духъ 89 года, когда Франція предлагала всѣмъ съ такой задушевною добротой свободу и миръ... Наконецъ, что дороже всего, пусть узнаетъ, какъ главное поученіе, о безпредѣльной способности къ любви и къ самопожертвованію, которую обнаружили наши отцы, и о томъ, какъ Франція столько разъ приносила свою жизнь въ жертву міру (a donné sa vie pour le monde)! Дитя, пусть это будетъ твоимъ первымъ евангеліемъ, опорой твоей жизни, пищей твоего сердца. Ты будешь вспоминать объ этомъ среди неблагоприятнаго суроваго труда, въ который тебя скоро повергнетъ житейская нужда. Это воспоминаніе будетъ радовать тебя въ долгій рабочій день среди мертвящей скуки фабрики; среди африканской пустыни оно послужитъ

тебѣ лекарствомъ противъ тоски по родинѣ, противъ утомленія отъ походовъ и бессонныхъ ночей, когда ты будешь стоять одинокимъ часовымъ противъ дикарей.

„Ребенокъ узнаетъ мѣръ, но пусть онъ сначала узнаетъ самого себя—въ томъ, что въ немъ лучшаго, т.-е. во Франціи. Все остальное онъ узнаетъ черезъ нее. Она должна его посвятить въ свою исторію. Она повѣдаетъ ему три откровенія, которыя она сама получила: какъ Римъ научилъ ее справедливости; Греція—художеству, Іудея—святости. Она приведетъ въ связь свое наставленіе съ первымъ урокомъ, который ему дала мать; родная мать научила его имени Бога, а великая мать научить его любви. *Любовь*, невозможная во времена ненависти и варварства, въ средніе вѣка, — *была внесена въ законы революціей* и этимъ сдѣлала возможнымъ откровеніе божественнаго начала въ человѣкѣ (que le Dieu intérieur de l'homme pût se manifester)“.

Мы не рѣшались остановить этого потока патриотическихъ чувствъ и соціальныхъ иллюзій, производящихъ теперь впечатлѣніе вѣнка увядшихъ цвѣтовъ, сорванныхъ ровно полвѣка тому назадъ. Не слѣдуетъ забывать, *когда* были писаны эти слова (1846 г.) и къ кому они были обращены. Мишле жилъ среди общества, испытавшаго на себѣ самый крутой демократическій переворотъ, усвоившаго себѣ принципъ безусловнаго равенства и не имѣвшаго на дѣлѣ ни демократическихъ учреждений, ни нравовъ демократіи. Это общество было жертвой раздора и страстной борьбы партій и находилось наканунѣ политической и соціальной катастрофы. Изъ этого зла Мишле усматривалъ одинъ выходъ—*перевоспитаніе* общества.

Школа должна была сблизить враждующіе между собою классы, заставить ихъ взаимно познать себя и полюбить другъ друга. Съ помощью этой усвоенной съ дѣтства гражданской любви Мишле считалъ возможнымъ достигнуть *идеальнаго* государства.

Строй этого идеальнаго государства основанъ не на безусловномъ равенствѣ, а напротивъ, на *неравенствѣ*. Мишле въ этомъ отношеніи несогласенъ съ Платономъ и, приводя возраженіе Аристотеля, беретъ его сторону противъ Платона: „Государство должно быть построено,—говоритъ Мишле,—не изъ *одинаковыхъ* людей, а изъ *различныхъ*“,—и къ этому Мишле прибавляетъ отъ себя: „*различныхъ*, но приведенныхъ въ гармонію посредствомъ любви, все болѣе и болѣе ею уравниваемыхъ. Это значитъ, что Мишле предпочиталъ искусственной демократіи Платона живую демократію Аристотеля, внося въ послѣднюю христіанскій принципъ любви. Только при неравенствѣ возможно проявленіе соціальной любви, т.-е. осуществленіе того идеальнаго отношенія, которое

Мишле обозначаетъ словами: „усыновленіе слабыхъ сильными“, или неравенствомъ въ интересъ меньшей братіи (au profit des moindres). Въ другомъ мѣстѣ, Мишле поясняетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „принципъ равенства, провозглашенный революціей, уничтожилъ (но только на время!) предшествовавшій ему отеческій принципъ благосклоннаго патроната (protection bienveillante) и усыновленія.

„Вслѣдствіе этого богатый сталъ теперь обращаться къ бѣдному съ жестокими словами: „ты требуешь равенства и званія брата (le gang de frère); хорошо, но съ этой минуты не рассчитывай на помощь отъ меня. Господь возложилъ на меня обязанности отца; требуя равенства, ты самъ ихъ снимаешь съ меня“! Мишле желаетъ предотвратить такой исходъ дѣла: пока на свѣтѣ будетъ различіе состояній, богатый, хотя бы онъ теперь по закону сталъ братомъ бѣднаго, долженъ по прежнему относиться къ нему какъ отецъ. „Величайшій подвигъ и спасеніе міра, — восклицаетъ Мишле, — заключаются въ примиреніи двухъ принциповъ — братскаго и отцовскаго (paternité)“!

Это поученіе обращено преимущественно къ коммунистическимъ сектамъ, требовавшимъ передѣла богатствъ, общенія имуществъ, уничтоженія собственности. Этимъ утопіямъ Мишле противопоставляетъ свою *утопическую* школу, гдѣ всѣ научаются той *любви*, которая, сохраняя всѣ различія, примиряетъ ихъ въ общей гармоніи.

VII.

Нужно, однако, сказать, что, стараясь примирить противоположности, Мишле не всегда равномерно держитъ вѣсы. Мы уже замѣтили это по вопросу объ отношеніяхъ *мыслящей* и *инстинктивной* части народа. Вопреки господствовавшему въ его время взгляду, такъ умно и краснорѣчиво поддержанному Кузеномъ и Жюффруа, Мишле отдаетъ преимущество инстинкту въ національной жизни. Такъ и въ вопросѣ экономическомъ, Мишле, желая примирить тажущіяся стороны, не остается безпристрастнымъ судьей. Во многихъ мѣстахъ своей книги онъ горячо отстаиваетъ принципъ собственности, вооружается всею силою своего паюса противъ краснаго призрака коммунизма; но всякій разъ, когда самъ говорить о богатыхъ, онъ выставляетъ ихъ такими ничтожными и разслабленными, такими ограниченными и бездушными, богатство всегда является такимъ источникомъ невѣжества, душевной пустоты, физической и моральной немощи, что приходится спросить

автора, для чего была нужна такая краснорѣчивая защита принципа собственности? И кромѣ того, самый взглядъ Мишле на собственность не вездѣ у него выдержанъ. Богатство нерѣдко выставляется какою-то *виною*, которая нуждается въ великодушномъ прощениі со стороны бѣднаго. И когда Мишле ставитъ лицомъ въ лицу бѣдныхъ и богатыхъ, чтобы примирить ихъ взаимнымъ сближеніемъ и самопожертвованіемъ, условія, въ которыя поставлены обѣ стороны, оказываются совершенно неодинаковыми. *Права* признаются только за бѣдными по отношенію къ богатымъ; богатымъ же предоставляется только надежда на великодушіе со стороны бѣдныхъ; подобнымъ образомъ неравномѣрно распределены и обязанности; только на богатаго возлагаются обязанности. И такъ какъ у Мишле обязанности богатаго не опираются на право, то онѣ перестаютъ быть нравственнымъ долгомъ, истекающимъ изъ свободной воли. А вмѣстѣ съ тѣмъ для богатаго исчезаетъ возможность *жертвы* и „самопожертвованія“, о которомъ такъ много говорилось; самопожертвованіе и героизмъ становятся привилегіей бѣднаго; для него они являются высокимъ нравственнымъ подвигомъ; со стороны же богатаго *героизмъ* сводится на простую, хотя и трудно исполнимую обязанность. Такимъ образомъ, Мишле самъ подчасъ подрываетъ высокій принципъ *любви*, на которомъ построена его теорія примиренія культурныхъ и экономическихъ противоположностей. Но есть еще *третья* область, въ которой примиреніе противоположныхъ элементовъ во имя любви въ общемъ высшемъ началѣ еще менѣе удалось Мишле, гдѣ еще болѣе бросается въ глаза пристрастіе чувства и склонность отождествлять часть съ цѣлымъ!

Это — область національныхъ и международныхъ вопросовъ, проблема объ отношеніи національнаго въ общечеловѣческому.

Нужно отдать справедливость Мишле, что *ему* патриотизмъ не помѣшалъ понимать *общее* значеніе принципа національности. Ему помогло въ этомъ отношеніи его призваніе историка, и въ его книгѣ о „Народѣ“ еще слышны отзвуки той философіи, которая видѣла въ историческихъ народахъ откровенія всемірнаго духа. Мишле указываетъ на то, что, несмотря на всѣ успѣхи въ области международнаго права и смягченіе нравовъ, несмотря на то, что человѣчество изъ полныхъ злобы среднихъ вѣковъ вступило наконецъ въ эпоху взаимнаго расположенія и братства народовъ, — духъ національности вездѣ развивается и укрѣпляется. Различіе въ свойствахъ и характерѣ между національностями все болѣе увеличивается, націи все болѣе и болѣе дифференцируются между собой. Англія съ своими машинами, кораблями, пятнад-

цатью миллионами рабочихъ, теперь еще менѣе похожа на другія націи, чѣмъ во времена Елизаветы. Германія, ощупью искавшая себя въ XVII и XVIII вѣкахъ; наконецъ нашла себя въ Гёте, въ Шеллингѣ и Бетховенѣ; и только съ этого момента она могла серьезно стремиться къ политическому объединенію.

Духъ національности укрѣпляется по мѣрѣ того, какъ въ предѣлахъ каждой націи исчезаютъ провинціальныя отличія и мѣстные интересы приносятся въ жертву общему единству. Принимая эти жертвоприношенія областныхъ національностей и поглощая ихъ въ себя, великая общая нація стираетъ много интересныхъ, живописныхъ частныхъ, но содѣйствуетъ развитію общаго духа. „Въ тотъ самый моментъ, когда Франція уничтожила въ себѣ индивидуальность своихъ провинцій — всѣ расходившіяся между собою областныя Франціи (*toutes les Frances divergentes*)—она достигла самаго высокаго и оригинальнаго откровенія своего національнаго гения. Она нашла себя и, провозгласивъ принципы того права, которое сдѣлается *всемирнымъ*, она тѣмъ самымъ *отличила* себя болѣе, чѣмъ когда-либо, отъ остального міра. Это постепенное развитіе національностей согласно съ общимъ ходомъ жизни; всякій человѣкъ въ своемъ дѣтствѣ лишь темно сознаетъ самого себя; въ дальнѣйшей жизни онъ углубляется въ себя, онъ *проявляетъ* себя своими поступками и дѣйствіями, *характеризуетъ* себя и достигаетъ полной индивидуальности.

„Думать, что національности скоро исчезнутъ, возможно только въ двухъ случаяхъ: для этого нужно не имѣть понятія объ исторіи, знать ее только въ безжизненныхъ формулахъ, или нужно не знать самой природы, забыть то, что національные характеры возникли не случайно, но глубоко кореваты въ естественныхъ условіяхъ климата и страны“... Развитіе и сохраненіе національностей имѣетъ въ глазахъ Мишле провиденціальное значеніе. Одно изъ самыхъ могучихъ средствъ божественнаго творчества заключается въ гармоническомъ распредѣленіи міра между тѣми великими и стройными порядками жизни, которые называются націями.

Каждая изъ нихъ отерываетъ человѣку особое поле духовной дѣятельности, становится для него школою живого воспитанія. Чѣмъ болѣе человѣкъ вникаетъ въ духъ своего отечества, тѣмъ лучше онъ содѣйствуетъ мировой гармоніи; онъ начинаетъ познавать это отечество, какъ въ его абсолютномъ значеніи, такъ и въ относительномъ, какъ отдѣльную ноту въ великомъ аккордѣ вселенной; черезъ посредство своей родины онъ принимаетъ участіе въ этомъ аккордѣ; въ лицѣ родины онъ полюбитъ міръ. Ро-

дина есть поэтому необходимое посвященіе въ универсальное отечество.

Общее *единеніе* такимъ образомъ постоянно растетъ, не подвергаясь опасности перейти въ *единство*, ибо каждая нація съ каждымъ шагомъ, который она дѣлаетъ на пути къ общему согласію, достигаетъ все большей оригинальности. Еслибы, что невозможно, различія исчезли, еслибы наступило полное единство и всѣ націи брали одну и ту же ноту, тогда замолкъ бы и самый аккордъ, слившись въ единый звукъ; гармонія стала бы пустымъ гуломъ.

Такимъ образомъ, Мишле старался привести въ гармонію части съ цѣлымъ, индивидуальное начало въ жизни народовъ — съ радостнымъ, чувство національности въ индивидуумѣ — съ сознаниемъ въ немъ общечеловѣческихъ интересовъ и задачъ, патриотизмъ — съ гуманизмомъ!

Но эта гармонія нарушается у Мишле въ двухъ пунктахъ, въ которыхъ беретъ верхъ субъективное или національное французское чувство. Теоретически, Мишле готовъ былъ признать индивидуальный характеръ и личные стремленія отдѣльныхъ націй различными *тонами*, сливающимися въ общемъ концертѣ. Но когда ему на практикѣ казалось, что политическія и экономическія стремленія другой націи противоположны интересамъ Франціи — тогда воззваніе къ согласію превращалось у него въ негодование на рѣзкіе диссонансы дѣйствительности. Такіе диссонансы онъ находитъ на каждомъ шагу между Франціей и Англійей. Правительство Англии и Франціи въ 40-хъ годахъ вовсе не находились во враждебныхъ отношеніяхъ, но именно эта возростающая интимность между С.-Клу и Виндзоромъ особенно тревожила пугливый патриотизмъ Мишле. По его мнѣнію, дружеская связь между Англійей и Франціей вся клонилась къ ущербу послѣдней. Въ надеждѣ на эту дружбу „индустриализмъ“ развился во Франціи до небывалыхъ размѣровъ; но тутъ вдругъ оказалось, что всѣ мѣста сбыта на Востокѣ и Западѣ захвачены англичанами и промышленность Франціи „блокирована“, „замурована какъ въ могилѣ“.

А между тѣмъ Франція, великая Франція съ 25 милліонами земледѣльцевъ и воиновъ, въ угоду промышленникамъ Англии, оставалась неподвижна; изъ-за нихъ она не взяла въ 1840 году Рейна и теперь оплакиваетъ свою близорукость! Она, впрочемъ, — прибавляетъ Мишле, — всегда понимала, что англичане останутся англичанами.

Еще болѣе, однако, чѣмъ воспоминаніе о неосуществившемся захватѣ лѣваго берега Рейна и о промышленной конкуренціи,

антипатія Мишле къ Англіи обусловливалась его политическимъ идеаломъ. Къ концу сороковыхъ годовъ Мишле все болѣе и болѣе склонялся къ демократіи и республикѣ и все сильнѣе начиналъ ненавидѣть конституціонную монархію, главнымъ оплотомъ которой служилъ примѣръ Англіи и успѣхъ, къ которому тамъ привела эта форма. Въ виду этого онъ ожесточенно возстаетъ противъ „доктринеровъ“, буквально списавшихъ англійскую конституцію, не понимая ея, и внесшихъ въ политическую жизнь Франціи самый чуждый ей элементъ. Онъ возмущается, что Франція усвоила себѣ даже въ области искусства и моды англійскіе образцы съ ихъ сухостью и неуклюжестью. Мишле заклинаетъ Францію, во имя ея всемірнаго значенія, не идти по пути подражанія, т.-е. самоубійства, — подражанія особенно пагубнаго въ томъ случаѣ, когда тотъ, у кого заимствуешь, не только чуждъ и различенъ, но враждебенъ. „Что сказать вамъ, — обращается онъ къ своимъ соотечественникамъ: — если вы пойдете за чужимъ именно къ тѣмъ, кого сама природа вамъ дала въ противники, кого она вамъ систематически противопоставила? если вы станете искать обновленія жизни у того, кто представляетъ отрицаніе вашей собственной жизни? если Франція пойдетъ вспять, наперекоръ своей исторіи (au rebours de son histoire) и своей природѣ, передѣлывая себя по образцу Анти-Франціи, т.-е. Англіи“?

Эта страница Мишле возбуждаетъ сомнѣнія въ цѣлесообразности его педагогическаго плана — основать воспитаніе въ все-народной школѣ на экзальтаціи патріотизма. Еслибы такая школа и привела къ сближенію классовъ, то лишь цѣною искусственнаго развитія въ дѣтяхъ чувства вражды и фанатизма. А что станется съ идеей о божественномъ назначеніи національностей, если окажется, что сама природа одну націю противопоставила другой, что жизнь одной есть смерть другой?

Мишле обходитъ это затрудненіе тѣмъ, что въ избыткѣ патріотизма все человѣчество видитъ въ *своемъ* народѣ!

Антагонизмъ между человѣческимъ и національнымъ въ его глазахъ исчезаетъ въ лицѣ Франціи; любовь къ человѣчеству сводится на любовь къ Франціи; Франція является для Мишле *матерью* не только для французовъ, но и для всѣхъ другихъ народовъ, ибо она должна возродить ихъ всѣхъ къ свободѣ (enfantier toute nation à la liberté). Франція есть *общее отечество* (la grande patrie) не только потому, что она совершила столько славныхъ дѣлъ, но потому, что она представительница свободы міра, что изъ всѣхъ странъ она наиболѣе симпатичная

и потому служить для всѣхъ посвященіемъ въ всеобщую любовь (l'initiation à l'amour universel).

„Конечно, — восклицаетъ Мишле, — всякій великій народъ представляетъ собой извѣстную идею, имѣющую значеніе для всего человѣчества. Но насколько это, великій Боже, болѣе справедливо относительно Франціи! Представимъ себѣ, что она померкла, что она исчезла — тотчасъ ослабѣетъ, развяжется и, вѣроятно, порвется связь симпатій, соединяющая міръ. Любовь, составляющая условіе жизни на землѣ, была бы поражена въ самомъ жизненномъ своемъ началѣ. Земной шаръ вступилъ бы въ ледяной періодъ, въ который около насъ уже вступили другія небесныя тѣла“.

Итакъ, общечеловѣческое значеніе Франціи зиждется на двухъ основаніяхъ: на томъ, что исторія Франціи есть *всеобщая* исторія, ибо она представляетъ собой непрерывное продолженіе общечеловѣческой традиціи, идущей отъ древняго Востока черезъ Грецію и Римъ къ новымъ вѣкамъ; во-вторыхъ, Франція въ революцію 1789 года зажгла маякъ грядущихъ вѣковъ, на который устремлены взоры міра.

Развивая первую мысль, Мишле говоритъ: — исторія всякаго другого народа изувѣчена (mutilée); одна исторія Франціи полна; исторіи Италіи недостаетъ послѣднихъ вѣковъ; въ исторіи Германіи и Англій нѣтъ первыхъ. Германія и Англія по своей расѣ, по языку и по инстинкту, чужды великой всемірной традиціи — римско-христіанской и демократической. Онѣ заимствовали отсюда кое-что, но не привели въ гармонію съ принципомъ, который имъ одиѣмъ свойственъ; онѣ производятъ это заимствованіе косвенно, неуклюже, нерѣшительно. Оттого у этихъ народовъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ быту, какой-то разладъ жизни; — та дисгармонія принциповъ, которая всегда будетъ мѣшать міру искать у нихъ образцовъ и учиться у нихъ. Франція же непосредственно идетъ отъ Рима; она несетъ въ себѣ двойную традицію права — права гражданскаго и права христіанскаго; оттого духовная гегемонія (la papauté) была всегда у Франціи — кто станетъ отрицать ея богословскую гегемонію въ лицѣ Герсона и Боссюэта; гегемонію философскую въ Декартѣ и Вольтерѣ; гегемонію юридическую въ Кюжасѣ (Cujas) и Дюмуленѣ; политическую — въ Монтескьѣ и Руссо. Законы Франціи, которые не чтѣ иное, какъ законы разума, владычествуютъ даже у ея враговъ. Недавно англичане ввели французскій кодексъ на островѣ Цейлонѣ!

Исторія Франціи представляетъ собою не только непрерыв-

дять грубою и которая дѣйствительно есть остатокъ варварства, связываетъ нашъ народъ съ этими, правда, дикими, но не пошлыми племенами. Однако, среди такихъ гуманныхъ заявленій или вѣрныхъ бытовыхъ указаній проявляется и вліяніе Руссо въ частыхъ и страстныхъ выходкахъ Мишле противъ современной культуры. Мишле приписываетъ образованію, которое онъ получилъ, самое вредное вліяніе на свое развитіе. Эта культура была причиною, что онъ такъ поздно прозрѣлъ истину. „Отвлеченное воспитаніе, которое мы получаемъ,—говоритъ Мишле,—меня долго изсушало. Мнѣ нужно было много лѣтъ, чтобы изгнать изъ себя софиста, котораго во мнѣ воспитали. Я пришелъ къ самому себѣ лишь путемъ освобожденія отъ этой чуждой примѣси; я позналъ себя отрицательнымъ путемъ“. Мишле приписываетъ этому печальному обстоятельству то, что онъ не счумѣлъ достигнуть въ жизни идеала, который носилъ въ душѣ.

Итакъ, согласно съ этимъ, идеаль для человѣка нужно искать на низшихъ ступеняхъ развитія. Онъ достается даромъ, безъ труда; всякое умственное напряженіе, всякое развитіе, только удаляютъ отъ него. Такой взглядъ, логически примѣненный къ исторіи, долженъ былъ бы привести къ положенію, что эпоха друидовъ была самымъ лучшимъ періодомъ въ жизни французскаго народа, и что вся дальнѣйшая исторія Франціи не что иное, какъ паденіе, удаленіе отъ идеала. Но Мишле когда-то слишкомъ энергично проводилъ принципъ прогресса въ исторіи человѣчества, онъ слишкомъ горячо любилъ исторію своей страны, чтобы допустить подобное заключеніе. Зато онъ безъ всякаго колебанія и ограниченія примѣнилъ этотъ взглядъ къ современному обществу, послѣдствіемъ чего являются два основныхъ положенія его соціологіи: во-первыхъ, что ребенокъ совершеннѣе взрослого человѣка, и во-вторыхъ, что простой народъ обладаетъ всевозможными преимуществами передъ образованнымъ обществомъ, стоитъ ближе чѣмъ оно къ человѣческому идеалу! Эти два положенія тѣсно связаны между собою въ представленіяхъ Мишле — можно сказать, сливаются въ одно. Ребенокъ для него—представитель народа (*l'interprète du peuple*), его символъ; мало того — дѣти и есть самый народъ (*le peuple meme*); они представляютъ образъ народа въ его подлинности, прежде чѣмъ онъ былъ обезображенъ; они представляютъ народъ безъ его вульгарности, безъ грубости, безъ зависти, безъ всего того, что внушаетъ недовѣріе къ нему и отталкиваетъ отъ него. Ребенокъ служить, такимъ образомъ, для Мишле средствомъ не только къ тому, чтобы опредѣлить и изобразить народъ, но и чтобы идеализировать его. При

вать ему нравственное преимущество передъ верхними слоями. Но любовь къ Франціи не позволяла Мишле остановиться на такой точкѣ зрѣнія, спасала его отъ *народничества*. Идеализация народной массы, обособленіе ея, разбивали дорогое для патріота *единство* Франціи, съ такими жертвами установленное революціей, и, чтобы поддержать это единство, Мишле сталъ искать въ патріотическомъ порывѣ выходъ изъ соціального антагонизма, увязывать народу и буржуазіи на любовь къ общему отечеству, какъ на средство сближенія и примиренія.

Но Мишле не удовлетворился тѣмъ рѣшеніемъ вопроса, которое представляетъ собой его книга о „Народѣ“. И послѣ выхода ея въ свѣтъ, это единеніе съ народомъ продолжало быть для Мишле предметомъ новыхъ размышленій и новыхъ заботъ. Такимъ образомъ, книга о „Народѣ“ получила эпилогъ, не совсѣмъ съ нею согласный. Во взглядахъ Мишле на народъ, высказанныхъ послѣ 1846 года, нельзя найти цѣльной и связной системы, но можно встрѣтить мысли, которыя потомъ нашли себѣ осуществленіе,—хотя и не во Франціи,—и представляютъ поэтому практическій интересъ; а что еще существеннѣе—въ основаніе позднѣйшихъ мечтаній и вождельній Мишле о народѣ положенъ принципъ, заключающій въ себѣ глубокую правду.

Въ этой новой фазѣ Мишле струя чистаго народничества значительно ослабѣла; въ ней уже не такъ замѣтенъ тотъ горячій, безпредѣльный оптимизмъ относительно *народа*, который въ извѣстной мѣрѣ объясняется и оправдывается протестомъ противъ „порядковъ“ господствовавшей въ тридцатыхъ годахъ буржуазіи. Въ своемъ желаніи привлечь къ народу сочувствіе верхнихъ классовъ, Мишле его идеализировалъ. Онъ превозносилъ народный *инстинктъ* и отдавалъ ему преимущество передъ книжной разсудочностью образованныхъ классовъ; онъ приписывалъ народу горячность, любовь, способность къ подвигу и самопожертвованію въ противоположность холодному эгоизму обеспеченныхъ классовъ. При такихъ условіяхъ народу нечему было учиться у „интеллигенціи“; ему слѣдовало оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ всегда былъ; верхніе слои ничего не могли ему дать, а сами должны были стараться приблизиться къ нему, усвоить его духъ.

Но, поднимая *народъ* на такую высоту, Мишле самъ увеличивалъ разстояніе, отдѣлявшее народъ отъ верхняго слоя. Такимъ образомъ, книга о „Народѣ“ въ результатѣ раскрыла самому Мишле всю глубину общественнаго *разлада*—*divorce social*, какъ энергически онъ опредѣлилъ его. Два элемента народной жизни, которымъ надлежало жить въ тѣсномъ союзѣ, составлять одно цѣ-

лое, находились въ полномъ *разводѣ*. „Между вами и народомъ, — воскликнулъ однажды съ кассидры Мишле, — цѣлая пропасть“ — il y a un abîme entre vous et le peuple!

Какъ рассказываетъ Мишле, онъ лишь „смутно сознавалъ тяжесть такого рокового положенія“; но явившееся къ нему вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ его книги, незнакомое ему лицо выяснило ему, „въ чемъ дѣло“. Это была дама, съ которой онъ ни до, ни послѣ этого не встрѣчался; наведя разговоръ на его книгу, хваля ее и критикуя, она сказала: „Ваши книги, очевидно, написаны въ интересъ народа; но можно ли ихъ назвать *народными*? И — короче сказать — довольно ли вы сдѣлали для народа“? Мишле согласился, что его книга о „Народѣ“ не можетъ считаться народной, и оправдывался тѣмъ, что обладаетъ лишь однимъ языкомъ и только на немъ можетъ писать, что сама революція 1789 года, столь мощная и плодотворная, не произвела ни одной народной книги, и т. п. Но по уходѣ собесѣдницы онъ остался въ раздумьѣ; его не покидала неотвязчивая мысль: „довольно ли мы дѣлаемъ для народа“?

Недовольный собственнымъ отвѣтомъ, онъ отправился къ „геніальному“ человѣку, съ которымъ всегда совѣтовался, какъ съ своею совѣстью, „такъ какъ онъ въ высшей степени обладалъ народнымъ духомъ“, и сказалъ ему: — „Не поражены ли вы нашимъ глубокимъ социальнымъ разладомъ? Вы видите, какія стѣны, какія преграды повсюду между нами поднимаются; открыта ли дверь богача для бѣдняка? а дверь бѣдняка, можетъ быть, еще крѣпче закрыта для богача! Но можемъ ли мы оставаться при этомъ разладѣ, въ этомъ уединеніи? развѣ это жизнь? У васъ такой глубокой смыслъ; не скажете ли, какъ устранить эти преграды, какъ возстановить порвавшуюся связь“. И собесѣдникъ Мишле отвѣтилъ ему: „Оставьте народъ; къ чему вы хотите присвоить себѣ аристократическую привилегію его просвѣщать? оставьте его, онъ самъ выйдетъ на свѣтъ, и онъ будетъ лучше видѣть при своемъ свѣтѣ, чѣмъ при нашемъ“!

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій Мишле назвалъ своего собесѣдника, тогда уже умершаго, и точнѣ передалъ его отвѣтъ. Именно, знаменитый народный поэтъ Франціи, Беранжé, сказалъ своему другу: „Оставьте народъ; онъ самъ найдетъ себѣ дорогу. Нужно, чтобы онъ самъ создалъ свою новую политику; онъ можетъ одинъ импровизировать свои книги, свои пѣсни, свои празднества. Никто не въ состояніи для него это сдѣлать“.

Мишле не поддался на эти доводы, его „сердце запротестовало“, и онъ возразилъ: „Какъ бы ни была велика наша общая

вѣра въ творческую силу народа, но какъ она можетъ свободно проявиться? развѣ этотъ несчастный, исхудалый народъ, подталкиваемый голодомъ изо дня въ день, обладаетъ полною силою мысли и тою свѣжестью духа, которая дѣлаетъ человѣка изобрѣтательнымъ? И, наконецъ, главное условіе всякаго дѣла — *время!* развѣ вы не видите, что ему недостаетъ времени?"

Мысли Мишле получили новый оборотъ: онъ сталъ думать не о томъ, чтѣ такое народъ, а чтѣ можно сдѣлать для народа? Этому вопросу онъ посвящалъ два сочиненія: небольшой курсъ, прочитанный имъ въ коллежѣ-де-Франсъ, и, противъ его обычая, тогда же изданный (1848), и книгу, напечатанную въ 1854 г., подъ заглавіемъ „Le Banquet“, „Всеобщая трапеза“.

Обѣ эти книги носятъ на себѣ чрезвычайно субъективный, можно сказать, лирической характеръ. Это *импровизации*, иногда высоко парящія надъ житейской дѣйствительностью, быстро перелетающія къ самымъ разнообразнымъ и отдаленнымъ вопросамъ и сильно отражающія на себѣ взволнованное и скорбное настроеніе автора. Мишле едва успѣлъ прочесть три лекціи своего курса — онъ читалъ по одной лекціи въ недѣлю — какъ этотъ курсъ былъ 3-го января 1848 г. приостановленъ. Поводомъ къ этому послужило, повидимому, не содержаніе курса, — цѣлью котораго, по опредѣленію Мишле, было установленіе „нравственнаго и соціальнаго единства“, — а шумныя демонстраціи въ аудиторіи со стороны приверженцевъ и противниковъ его направленія. Февральская революція сняла запрещеніе, но послѣдовавшій затѣмъ государственный переворотъ 1851 года, положившій конецъ республикѣ, окончательно лишилъ Мишле кафедръ.

Эти волненія и усиленная работа тяжело отразились на нервной системѣ Мишле; онъ дошелъ до крайняго изнуренія и былъ отправленъ врачами на югъ осенью 1853 г. Онъ поселился въ Нерви, близъ Генуи; средства его были скудны, силы слабы — онъ долгое время могъ питаться однимъ только молокомъ; но теплое итальянское солнце, отражаясь отъ береговыхъ скалъ, согрѣло его сердце и оживило его мысль. Все располагало его къ грусти: тяжелыя минуты, имъ самымъ переживаемыя (*la tristesse de l'heure présente*), меланхолія, навѣянная безбрежнымъ моремъ (*l'infini mélancolique de la mer*), состраданіе къ бѣдной странѣ съ ея бесплодными береговыми скалами, съ ея бѣднымъ людомъ (*rovera gente*), для котораго жизнь была вѣчнымъ, невольнымъ постомъ. Отъ личнаго страданія мысль Мишле поднялась къ общему страданію, и онъ проводитъ часы невольнаго досуга „на роскошной мраморной террасѣ передъ своимъ бѣднымъ домомъ“,

въ раздумьѣ о „царствѣ Божіемъ, въ которомъ всѣ, и смиренныя и простые, крестьяне и рабочіе, невѣжды и безграмотныя, варвары и дикари, имѣютъ свое мѣсто, имѣютъ право на справедливость, которая тождественна съ любовью“. Размышленія Мишле вращались около вопроса, какъ сдѣлать, чтобы „столъ былъ для всѣхъ накрытъ“, чтобы достигнуть того, что онъ называлъ *le Banquet Universel* (всеобщая трапеза). Мишле устранялъ отъ себя рѣшеніе матеріальной стороны дѣла; — онъ вѣрилъ, „что хотя не легко при настоящемъ социальномъ порядкѣ всѣмъ обезпечить кусокъ хлѣба (*la suffisante vie*), но другіе предложатъ и несомнѣнно найдутъ дѣйствительныя и практическія средства осуществить все это“; не считая себя призваннымъ заниматься этимъ, онъ имѣлъ въ виду лишь нравственную цѣль, духовную трапезу, установленіе того, что онъ называлъ „братской жизнью“. Эти двѣ книги, „Курсъ“ и „Банкетъ“, написанныя при различныхъ условіяхъ и при весьма различномъ настроеніи, при всей аналогіи содержанія и направленія различны по основной мысли, по нимъ проходящей. Авторъ „Курса“ еще находится подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ книги, въ которой онъ идеализировалъ народъ; въ его патетической рѣчи слышится возбужденіе умовъ и страстей, предшествовавшее февральской революціи, и оптимистическое ожиданіе чего-то новаго и великаго; онъ обращается къ публикѣ, большинство которой составляла университетская молодежь, и въ этой обстановкѣ у него естественно зарождается мысль о великой социальной роли этой молодежи. Выяснивъ, какъ мало сдѣлали и могли сдѣлать для народа періодическая печать, литература и театръ, Мишле возлагаетъ свое упованіе на молодыхъ людей „высшихъ школъ“, и приписываетъ имъ призваніе установить союзъ между различными классами, быть *посредниками*, естественными миротворцами гражданской общины (*de la cité*); при ихъ голосѣ исчезнутъ недоразумѣнія, пустые споры. Великодушію юнаго сердца онъ предлагаетъ духовную миссію (*le glorieux sacerdoce*) новаго міра.

„Васъ, молодые люди, — восклицаетъ онъ, — призываю я къ величайшей миссіи, которая предоставлена людямъ, къ новому жречеству умиротворенія: вы, любимые всѣми, привѣтствуемые всѣми, расширьте ваше сердце (*agrandissez le coeur*), чтобы оно всѣхъ обнимало. Богатые и бѣдные, буржуазія и народъ — будутъ видѣть въ васъ дѣтей своихъ, и станутъ слушать васъ, и между ними не будетъ раздора, такъ какъ вы станете между ними“.

Мишле хорошо объясняетъ, почему онъ считаетъ молодежь способною къ социальному посредничеству; онъ „предполагаетъ

въ ней не только пылкую любовь къ справедливости, которую еще никакой интересъ не нарушаетъ, но еще и въ особенности великодушную склонность рѣшать дѣло въ ущербъ *себѣ*, благородно держать вѣсы, т.-е. неравновѣрно, несправедливо къ *собственному* интересу“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ объясняетъ, почему народъ и бѣднякъ легко сближаются съ молодымъ человѣкомъ? По двумъ причинамъ, неясно сознаваемымъ самимъ народомъ: сынъ богача еще не богатъ, не собственникъ; онъ относительно бѣденъ, въ зависимости, въ ожиданіи; студентъ получаетъ отъ отца какъ бы заработную плату за свои занятія, и между нимъ и отцовской казной возникаетъ не мало недоразумѣній. А затѣмъ, его юная энергія, сердечность, свойственная возрасту, откровенность рѣчи и способность легко сходиться—облегчаютъ ему доступъ къ народу. Наступитъ минута, когда онъ будетъ сосредоточенъ, связанъ спеціальнымъ занятіемъ; онъ будетъ врачомъ, адвокатомъ, дѣловымъ человѣкомъ; теперь онъ просто *человекъ*, и онъ еще интересуется людьми“.

Но этой, присущей возрасту, способности, еще недостаточно для успѣха. Для этого молодому человѣку нужно *перевоспитать* себя. „Такое перевоспитаніе достигается главнымъ образомъ наблюденіемъ надъ жизнью, въ самомъ поучительномъ ея проявленіи—въ формѣ труда и горя (*douleur*)“. „Въ виду такого зрѣлища, юноша—по инстинкту и безъ размышленія—сброситъ съ себя современнаго человѣка (*l'homme du temps*), жизнь ничтожную и вульгарную, почувствуетъ въ себѣ другого человѣка, мужественную силу и душу народа“. Этимъ путемъ было бы достигнуто великое дѣло: нравственное единство; а нравственное единство и социальное единство—двѣ вещи весьма близкія и почти тождественныя. Въ виду этого Мишле восклицаетъ: „чтобы сойтись съ народомъ, нужно усвоить себѣ его сердце (*Jeune homme, soyez peuple de coeur, et le peuple est à vous*)“. „Молодой человѣкъ, богатый сердцемъ и любовью, воздержный и щедрый, становится добровольнымъ бѣднякомъ (*soyez le pauvre volontaire*)“.

Въ поясненіе этихъ словъ Мишле говоритъ своимъ слушателямъ: „Если вы хотите, чтобы всѣ вамъ вѣрили, всѣ внимали вашимъ словамъ, то подтвердите ихъ вашими поступками, явите собою новый примѣръ, примѣръ безкорыстія, поднимите національные нравы на высоту республики, ищите безвозмездныхъ должностей, бѣгите отъ должностей выгодныхъ (*emplois lucratifs*); относительно ихъ будьте повоинны—для нихъ всегда найдется до-

статочно людей. Мы вступаемъ на высокій путь, на путь чести, на путь жертвы“...

По мнѣнію Мишле, однако, мѣръ нуждается не столько въ крайнемъ (excessive) отреченіи, сколько въ другой чертѣ необходимаго перевоспитанія. Препятствіе къ социальному обновленію заключается, — говоритъ онъ, — „не въ нашемъ нерасположеніи (éloignement) къ самопожертвованію“ — „оно серьезнѣе, глубже“ — и онъ рѣшается назвать его „безъ обиняковъ“: „Кто желаетъ равенства? Никто!“ — „Я встрѣчалъ, — поясняетъ Мишле, — много поклонниковъ свободы, но еще ни одного приверженца равенства, ни одного настоящаго приверженца, который бы выдержалъ пробу. Никто не хочетъ, не чувствуетъ равенства — ни народъ, ни богатые классы. Интеллигентъ (le lettré) говоритъ о человѣкѣ изъ народа: „это невѣжда, я буду имъ руководить“. А народъ говоритъ о немъ: „это человѣкъ слабый, бездѣльный, ни на что непригодный“!

По этому поводу Мишле весьма мѣтко изображаетъ умственное высокомеріе молодого выучки, который возвращается въ семью изъ Парижа, и тамъ „всѣ — дѣдъ, отецъ, мать, братья и сестры — становятся народомъ въ присутствіи этого аристократа, маящаго себя демократомъ“; онъ всѣхъ и все забираетъ въ руки, нерѣдко разоряя семью. „Какъ хотите вы, — восклицаетъ Мишле, — чтобы мы при такихъ условіяхъ не сохранили въ нашемъ обществѣ аристократическаго инстинкта? Какъ можетъ тотъ, кто такъ презрительно распоряжается своими родными братьями, смотрѣть какъ на брата на этого чужака, работника, бѣдняка“?

„Курсъ“, какъ и книга о „Народѣ“, пронизуется убѣжденіемъ въ нравственномъ преимуществѣ народа передъ верхнимъ слоемъ. Поэтому, проповѣдуя образованной молодежи сближеніе съ народомъ, Мишле говоритъ лишь о пользѣ, которую это сближеніе принесетъ молодежи, проводитъ взглядъ, что „она болѣе нуждается въ народѣ, чѣмъ онъ въ ней“. „Тотъ не пойметъ грядущаго, кто не будетъ руководиться интересомъ того класса, который называютъ невѣжественнымъ, — я же называю инстинктивнымъ, — и который кромѣ инстинкта обладаетъ тяжелымъ опытомъ“. „Въ народѣ, — говоритъ Мишле, обращаясь къ юношеству, — вы найдете то, чего недостаетъ среднему классу, и въ чемъ вы въ особенности нуждаетесь — нравственную энергію, великую волю, силу, чтобы дѣйствовать и страдать“.

Этимъ убѣжденіемъ — помимо, впрочемъ, общаго характера самого Мишле и его обстановки — объясняется, почему въ его книгѣ такъ мало практическихъ указаній на социальную роль

образованной молодежи, на то, что она может сдѣлать для народа. Мишле имѣетъ въ виду сына помѣщика и фабриканта, когда возлагаетъ на молодого человѣка „магистратуру“ въ интересахъ бѣдняка. „Пусть онъ станетъ за столомъ богача голосомъ справедливости въ устахъ еще безпорочныхъ. Пусть онъ сторожить между, не дозволяя отцовскому полю распространяться на счетъ поля слабого сосѣда. Пусть онъ внимательно слѣдитъ, чтобы заработная плата устанавливалась не со скидкой, дозволяемой конкуренціей, а согласно съ потребностями человѣка. Пусть онъ постойтъ за честь отца, не давая ему вести иску противъ бѣдняка передъ судомъ богачей. Естественнымъ судьей, самымъ справедливымъ, потому что онъ самый великодушный, долженъ быть здѣсь сынъ (le fils de la maison)“.

Несмотря на неопредѣленность своихъ указаній, Мишле полонъ надеждъ: онъ чувствуетъ необыкновенное „движеніе всѣхъ на встрѣчу всѣмъ, крестовый походъ людей къ людямъ“ — и вѣрить, что этотъ походъ близокъ.

Обращенный къ французской молодежи призывъ Мишле прозвучалъ безслѣдно, но высказанная имъ при этомъ надежда не была напрасна. Въ основаніи его мечтаній лежала естественная и правильная мысль, что цивилизованные классы призваны своимъ положеніемъ къ посильному служенію „народу“, и что впереди всѣхъ по этому пути должны идти тѣ, кто, благодаря своему образованію, раньше или глубже поняли это призваніе. Мечта Мишле нашла себѣ осуществленіе раньше всего тамъ, гдѣ онъ наименѣе этого ожидалъ — въ странѣ, которая для него воплощала собою гордыню и эгоизмъ, — въ Англіи!

IX.

Когда Мишле въ курсѣ 1847 года высказывалъ свою увѣренность въ наступленіи великаго соціального движенія, онъ основывалъ ее не только на новой роли, отводимой имъ французской образованной молодежи, но и на предстоящемъ, по его мнѣнію, обновленіи французской литературы. Неудовлетворительность существовавшей литературы была для него очевидна. Въ французскомъ народѣ, — жалуется онъ, — не существуетъ самой сильной связи, соединяющей людей, *общности мысли*. Нѣтъ общей для всего народа культуры, общей литературы и нѣтъ желанія имѣть ее. Образованные пишутъ для образованныхъ; лите-

раторы, въ числѣ коихъ не мало замѣчательныхъ людей, пишутъ въ формахъ литературныхъ и не пишутъ для народа“.

„Не для народа? Но развѣ мы принадлежимъ не *est* къ народу? Я разумѣю, — полагаетъ Мишле, — подъ этимъ тѣ 30 или, вѣрнѣе, 32 милліона людей, которые не имѣютъ никакого понятія ни о вашихъ книгахъ, ни о вашихъ газетахъ, ни о вашихъ театрахъ, ни даже о законахъ, которымъ они повинуются.

„Бросьте, — обращается Мишле къ своимъ слушателямъ, — обманчивую статистику, произвольно увеличивающую число посѣщающихъ школу дѣтей — какое мнѣ до этого дѣло, когда они ничему не научаются! — или число рекрутъ, умѣющихъ поддѣлывать свою подпись! Господа! болѣе 30 милліоновъ людей не имѣютъ ничего общаго съ вами; вотъ изъ чего надо исходить; вы — народъ въ 2 или 3 милліона; постарайтесь, чтобы это было не такъ“.

Итакъ, „ни печать, ни газеты, ни театръ недостаточны, чтобы соединить два разъединенныхъ народа“? Развивая эту мысль, Мишле доказываетъ, что періодическая печать не достигаетъ до народа; что нѣтъ народной литературы, что книжонки, разносимыя по деревнямъ офенами, или вредны, или непонятны народу — такъ, напр., по деревнямъ продается Шатобрианъ (*l'écrivain le plus travaillé, le plus tourmenté, le plus subtilement ingénieux*)! — наконецъ, что не существуетъ народнаго театра.

Несмотря, однако, на это, Мишле полонъ иллюзій. „Я не сомнѣваюсь, — восклицаетъ онъ, — что время обновленія близко! Возникаетъ цѣлая литература, о которой ни одно изъ существующихъ произведеній не даетъ вамъ понятія — литература сильная, молодая, плодотворная“. Онъ предупреждаетъ своихъ слушателей, что восходящее движеніе начнется въ томъ же году!

Мишле вернулся къ этому вопросу въ иномъ настроеніи. Шесть лѣтъ прошло со времени демократической февральской революціи, и сближеніе „двухъ народовъ“ Франціи нисколько не подвинулось впередъ. Мишле приписываетъ вину духовенству, которое въ теченіе вѣковъ было единственнымъ воспитателемъ народа и оставило его безъ всякаго образованія (*culture*). И Мишле задается тревожнымъ вопросомъ: какъ „пробить стѣну“ между обоими народами?

„Мы думали до послѣдняго времени, — заявляетъ онъ, — что печать, это великое орудіе, достигнетъ этого. Но журналисты сами признаются, что только два милліона людей изъ тридцати-пяти ихъ понимаютъ. Даже для малочисленнаго образованнаго слоя печать съ ея быстрыми, блестящими обзорами (*résumé*),

скользящими лишь по поверхности вещей, иногда болѣе вредна, чѣмъ полезна: она создаетъ пятнадцатилѣтнихъ стариковъ, которые обо всемъ говорятъ: „это *извѣстно*“.

„Всякая книга, заглавіе которой они прочли, всякая наука, названіе которой они слышали, заставляетъ ихъ повторять любимое слово: *извѣстно, извѣстно!* Люди же съ дѣйствительно молодымъ умомъ, которые сохраняютъ силу и жизнь, всегда, напротивъ, говорятъ: „это мнѣ неизвѣстно“.

„Но рѣчь идетъ о великомъ народѣ, нѣмомъ и глухомъ, обреченномъ своими учителями на невѣжество! Какъ вызвать его душу, пробудить его изъ долгаго сна, который можетъ обратиться въ холодное оцѣпенѣніе смерти? Вотъ трудная задача, самая мысль о которой изумляетъ, устрашаетъ и лишаетъ бодрости.“

„Кто станетъ писать для народа? Кто дастъ ему книги для воскреснаго чтенія? Кто расскажетъ ему его исторію, исторію великаго подвига, которымъ этотъ великій труженикъ создалъ самъ себя? Цѣлая литература для этого нужна! недостаточно научить читать, нужно предварительно воспитать самую школу и печатъ“...

Мишле набрасываетъ мысли, даетъ совѣты, какъ создать народную литературу; но всѣ его указанія полны недоумѣній и недоразумѣній. Онъ заявляетъ, что нужна книга для удовлетворенія „религіозной потребности“—но религія, которую онъ разумѣетъ, не та, которую исповѣдуетъ „народъ“. Нужны альманахи—но какіе? Въ словахъ Мишле звучитъ воспоминаніе о „якобинскомъ календарѣ“. „Нельзя ли,—спрашивалъ онъ, старый бессмысленный календарь замѣнить другимъ, съ настоящими святыми“? Каждому изъ нихъ можно отвести страницу, что дастъ въ итогѣ 365. Но въ какомъ порядкѣ размѣстить ихъ?—вотъ въ чемъ затрудненіе. Къ какому мѣсяцу отнести Марка Аврелія? распределить ли ихъ по вѣкамъ, или по народамъ?

Упоминаніе о Маркѣ Авреліѣ показываетъ, въ какихъ иллюзіяхъ еще вращался самъ Мишле относительно *народной* литературы. Но его уже не удовлетворяетъ якобинская традиція; онъ мечтаетъ о календарѣ, напоминающемъ календарь, обнародованный въ 1849 г. Окюстомъ Контомъ: „я бы не исключилъ,—заявляетъ онъ,—христіанскихъ святыхъ, но сдѣлалъ бы изъ нихъ строгій выборъ“.

Нужны, далѣе, небольшія патріотическія драмы, комедіи и историческіе рассказы (*légendes de la vérité*, какъ выражался Мишле), напр., о Колумбѣ, Галилеѣ, рассказъ о подвигахъ любви

—Бандіеры, Песталоцци. „Но какъ,—спрашиваетъ Мишле,—понять повѣствованіе о Колумбѣ и Галилеѣ, не имѣя представленія о наукѣ? Какъ понять рассказъ о Бандіерахъ, не зная сколько-нибудь исторіи“?

Новое громадное затрудненіе. *Кто* станетъ писать эти книги? „Для этого необходимы три вещи, весьма рѣдко встрѣчающіяся вмѣстѣ: геній и умѣнье очаровывать (*le charme*), — не думайте, чтобы народу можно было навязать что-нибудь посредственное (*de faible, de fade*), — наконецъ, божественная наивность, дѣтская возвышенность! Какая проблема — быть старымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ молодымъ, мудрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ребенкомъ“!

И Мишле приходитъ къ грустному заключенію: „Всю мою жизнь я обдумывалъ эти мысли. Онѣ всегда во мнѣ возникали и меня смущали. Если по смерти моей раскроютъ мое сердце, въ немъ прочтутъ идею, меня преслѣдовавшую: — какъ сдѣлать, чтобы у насъ появились народныя книги? *Comment viendront les livres populaires*“?

Сколько было писателей, у которыхъ изъ глубины души вырывался тотъ же вздохъ: какъ нужно писать для народа? — Далеко не всѣ были въ этомъ отношеніи такъ счастливы, какъ венгерскій писатель Юкай, недавно праздновавшій пятидесятилѣтіе своей литературной дѣятельности. Когда одинъ изъ его рассказовъ былъ прочтаны вслухъ крестьянкѣ, она сказала; „такъ и я могла бы написать“! Въ своихъ запискахъ Юкай замѣчаетъ, что никакая похвала не доставила ему такого удовольствія.

Х.

Хотя Мишле съ такою сворбью мечталъ о появленіи „народной“ литературы, — онъ, повидимому, самъ мало вѣрилъ въ ея спасительную силу. Не книги нужны народу: „когда, — рассказываетъ Мишле, — испанскій священникъ Вальвердо подалъ туземцу Америки катехизисъ, приказавъ ему вѣрить тому, что эта книга ему скажетъ, — дикарь, приложивъ ее къ уху и прислушавшись, отвѣтилъ: „она ничего мнѣ не говоритъ“... „Массы, — прибавляетъ Мишле, — вообще походятъ на этого американца; они мало воспринимаютъ путемъ чтенія и много путемъ слова, зрѣлицъ, музыки, т. е. путемъ жизни“. Въ особенности Мишле примѣняетъ это къ Франціи и Италіи: — въ нихъ, по его мнѣнію, печать всегда будетъ лишь второстепеннымъ средствомъ воздѣйствія. На эти „въ высшей степени электрическіе народы можно повліять

лишь путемъ устной рѣчи, празднествъ, зрѣлищъ. Пусть это будетъ иначе у народовъ съ библейской культурой“, гдѣ человекъ привыкъ носить въ карманѣ и въ памяти книгу, бесѣдовать съ ней, слушать ее! Но Италия и Франція, не получившія этой культуры, утратившія — католическую, съ каждымъ днемъ ее болѣе ненавидящія, ничѣмъ ее не замѣнившія, представляютъ собою *tabula rasa*, на которой свобода кровью и огнемъ начертала свое слово. Имъ нужны „безчисленные празднества, зрѣлища, драмы, — драма значить дѣйствіе, — которыми Греція воспитывала народъ, путемъ жизни научая жить“. Мысль Мишле переноситъ его туда, „гдѣ свободныя дѣти Атики слушали на солнцѣ у ступени великой трибуны, въ виду моря — этого царства Аѳинъ — голосъ единственнаго оратора, эхо котораго стараются уловить вѣка. Съ этого праздника слова они шли на священныя празднества въ театрѣ Діониса, которыя научали свободѣ посредствомъ трагическихъ приключеній и судьбы древнихъ тиранновъ“. Отсюда Мишле переносится въ эпоху первой революціи, когда „Франція сражалась и проливала свою кровь для спасенія человѣческаго рода“. Поднимая революцію на высоту подвига самопожертвованія со стороны цѣлаго народа, Мишле идеализируетъ и празднества того времени съ ихъ искусственнымъ символизмомъ, съ ихъ волосьями, зажигательными стеклами и деклараціей правъ на „алтарѣ народа“.

Но всегда у Мишле среди риторическаго паѳоса и преувеличенія звучитъ не только искренняя, но и правдивая нота. Онъ вспоминаетъ слово, „тридцать лѣтъ не покидавшее его памяти, вложенное Фукидидомъ въ уста Перикла при чествованіи имъ воиновъ, павшихъ за отечество. Перечисляя благодѣянія, оказываемыя отечествомъ гражданамъ, историкъ восхваляетъ его за то, что оно установило празднества, „чтобы усладить ими въ нашихъ сердцахъ скорбь жизни“.

Мишле возвращается къ своему дѣтству — почему оно было такъ *безотраднo*? — онъ, наконецъ, это постигъ: „Мое дѣтство, — говоритъ онъ, — не знало празднествъ“. Правда, родители водили его два раза на шумныя, *безмысленныя* (*vides de sens*) празднества, которыя давалъ народу въ Парижѣ Наполеонъ по возвращеніи изъ побѣдоноснаго похода — съ ихъ щедрымъ угощеніемъ толпы, фонтанами вина и блестящимъ фейерверкомъ. Мальчикъ бывалъ изумленъ, ослѣпленъ, но удрученъ. Это было шумно-величественно, но мрачно (*lugubre*).

Не такія празднества разумѣлъ Мишле, восклицая: „празднествъ, дайте намъ празднествъ“! Если они были нужны сло-

навшемуся на свободѣ и досугѣ аеинскому народу, чтобъ забыть „тяжелое въ жизни“, то насколько они нужны современному рабочему населенію, въ его тяжеломъ трудѣ. „Des fêtes! Donnez-nous des fêtes! вотъ крикъ,—воскликаетъ Мишле,—который сто разъ вылеталъ изъ моей сдавленной груди, когда я ходилъ по сыршъ и однообразнымъ улицамъ промышленныхъ кварталовъ Парижа, Руана и Нанта, по темнымъ глубокимъ корридорамъ лѳонскихъ улицъ! Я видѣлъ у оконъ блѣдныя лица повинутыхъ безъ утѣшенія женщинъ,—если мужъ не на работѣ, онъ въ кофейной, — хилыхъ дѣтей, блѣдныя, поблекшіе до поры цвѣтки, растущіе безъ свѣта и солнца“. И не менѣе нужны празднества для самого рабочаго, котораго „спеціальность схватила своей желѣзной рукой“, уединила, пригнула къ его верстаку, къ его станку! „Нѣтъ, мой сынъ,—должно сказать ему отечество:—ты не вещь, ты не „одинокое колесо“,—иди и почувствуй себя братомъ среди братьевъ“.

Но какъ организовать народные празднества? Въ этомъ вопросѣ указаніе Мишле еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ по отношенію къ созданію народной литературы. Порвавъ съ народной традиціей, онъ хочетъ создать новую и примкнуть къ революціи 1789 года.—„Она,—говоритъ онъ,—была на прекрасной дорогѣ, собирая всѣхъ; каждый шелъ на празднество съ своимъ рабочимъ орудіемъ; она призывала туда и „обдѣленныхъ міра сего“, стариковъ, слѣпцовъ, сиротъ, дѣтей въ колыбели, представляя ихъ на усыновленіе отечествомъ. Но у нея не было достаточно актеровъ и дѣятелей; у нея не хватало по краткости времени творческой силы“. Будущее должно восполнить этотъ громадный пробѣлъ. Его празднества должны имѣть характеръ коллективный, призывая всѣхъ къ лицедѣйствію. „Великій народъ молодежи выдвинетъ изъ себя цѣлыя легіоны апостоловъ,—изъ нихъ одни будутъ актерами, другіе проповѣдниками. Поучая непосредственно, они будутъ проповѣдовать право и самопожертвованіе; поучая косвенно, они будутъ представлять драму прошлаго, борцовъ, побѣдителей и мучениковъ. Задачею этихъ представленийъ будетъ увѣковѣченіе преданія, воскресеніе исторіи“. Переходя къ частностямъ, Мишле ограничивается указаніемъ, что народный театръ во Франціи долженъ „вселить въ сердце народа душу его древнихъ героевъ, Дантона и Сень-Жюста, Гопа, Клебера, Дезе“!

Какъ страненъ этотъ подборъ новыхъ народныхъ угодниковъ, и какія нежелательныя для самого Мишле послѣдствія имѣла бы ихъ канонизація! Его симпатія къ погибшимъ въ молодости гене-

радамъ первой республики понятна, но какъ установить искусственную грань между ихъ прославленіемъ и пропагандой военнаго и завоевательнаго тщеславія, которое Мишле только-что клеймилъ съ такимъ пафосомъ въ лицѣ Наполеона? И какъ оторвать Сентъ-Жюста отъ Робеспьера и возвести этого террориста въ символъ братства по любви и безъ насилій, идеи жертвы и принципа самопожертвованія, проповѣдь которыхъ взялъ на себя Мишле ¹⁾).

Въ этой проповѣди и въ ясной постановкѣ основного вопроса социальной философіи заключается заслуга Мишле. Онъ высказалъ этотъ взглядъ двукратно: въ прямой формулировкѣ своего принципа и въ критикѣ противоположнаго направленія — социалистическаго. Краткое и мягкое обличеніе социализма у Мишле краснорѣчиво и убѣдительно; оно тѣмъ болѣе сильно, что обставлено оговорками и смягченіями, на дѣлѣ усиливающими основной упрекъ, дѣлаемый социализму. Когда Мишле писалъ свой „Банкетъ“, онъ имѣлъ много поводовъ шадить социалистовъ: многіе изъ нихъ пострадали, подобно республиканцамъ, отъ Наполеонскаго переворота. Мишле видѣлъ въ нихъ товарищей по несчастью, героевъ, мучениковъ; бывшіе противники стали союзниками; съ своей трогательною способностью къ иллюзіямъ чувства, Мишле аналогію въ внѣшнемъ положеніи партій переноситъ въ сферу внутренняго сближенія. Онъ пытается приписать теоретическимъ вождямъ социализма „благородную“ непослѣдовательность и доказать, что ихъ приверженцы на дѣлѣ обратились на истинный путь и отреклись отъ стараго заблужденія своей партіи. Какое же было это заблужденіе? „Первоначальныя представленія социализма, — говоритъ Мишле, — безусловно противоположны духу самопожертвованія, противоположны даже чувству отечества“!

Мишле объясняетъ эти два коренныя заблужденія *по своему*, исходя изъ своей идеализаціи революціи. Революція 1789 г. представляется ему воплощеніемъ социальной любви и патриотизма, и потому онъ приписываетъ ошибки социализма уклоненію отъ рево-

¹⁾ Отношенія Мишле къ памяти Наполеона существенно измѣнились, согласно съ обстоятельствами и настроеніемъ этого впечатлительнаго писателя. Въ 40-хъ годахъ, онъ, подъ вліяніемъ патриотизма и своего друга Беранже, увлекался культомъ Наполеона. Въ „Курсѣ“ 1847—48 г. онъ возноситъ Наполеоновскую легенду на одинъ уровень съ идеей революціи: „Vous avez une légende, la plus sublime comme idée, qui est la Révolution, la plus héroïque comme fait, qui est l'Empire“ (p. 88). Послѣ декабрьскаго переворота имперія для него — un x, une énigme; у него осталась въ памяти лишь „la misère de ces temps monotones“; онъ не можетъ вспомнить за все это время ни одного свѣтлаго, солнечнаго дня (qu'il ait fait beau un seul jour, ni que le soleil se soit levé brillant une seule fois)“. „Banquet“, p. 219.

люціонной традиціи. Въ анализъ представленій Мишле о революціи здѣсь не мѣсто входить; они привлекаютъ здѣсь на себя наше вниманіе потому, что обусловливаютъ его критику социализма.

Съ своей точки зрѣнія на революцію, Мишле дѣлаетъ социализму новый упрекъ: „исходя изъ революціи, социализмъ сначала не хотѣлъ ее знать... У Сенъ-Симона и Фурье эта неблагодарность навивна и въ значительной степени обусловливала ихъ оригинальность. Оба они, заключенные въ тюрьму въ 1793 г., обязаны жизнью 9-му термидору, и, не узнавая великую мать, носившую ихъ въ себѣ и все будущее, они инстинктивно возненавидѣли ее, не подозрѣвая, что они—первые ея сыны.

Фурье, чтобы основать свой фаланстерій, обращается къ королямъ; Сенъ-Симонъ, другъ банка, серьезно предлагаетъ соединить подъ однимъ управленіемъ оба народа, которые, по его мнѣнію, имѣютъ тождественные финансовыя интересы—Англію и Францію. Что такое отечество?—спрашиваетъ онъ—шайба или союзъ (*une bande ou une ligue*?).

Мишле извиняетъ эти „странныя слова“ тѣмъ, что они были сказаны послѣ 18-го брюмера, когда Франція перестала быть *собой*, тѣмъ, что мысль объ отечествѣ стѣсняла „свободу ихъ гипотезъ“. Сенъ-Симонъ нуждался для своихъ построеній въ неопредѣленной почвѣ, съ которой исчезли всѣ географическія предѣлы, всѣ индивидуальныя расы и традиціи; Фурье мечталъ объ *общемъ* отечествѣ съ однимъ языкомъ и однимъ государствомъ. Но, отрицая отечество въ ихъ сухихъ (*rigides*) формулахъ, оба „они примыкаютъ къ нему своимъ живымъ духомъ, который все болѣе и болѣе освобождается отъ первоначальной схоластики“! Мишле приводитъ въ доказательство „умилительное противорѣчіе“ у Фурье, „тронувшее его болѣе, чѣмъ онъ можетъ сказать“. Основывая свою теорію на страсти и на интересѣ, Фурье, однако, возлагаетъ непріятныя и опасныя работы въ своихъ фаланстеріяхъ на пылкую молодежь; но для привлеченія ея не находитъ лучшаго вознагражденія какъ установленіе *меньшей* платы за эту работу, т.-е., какъ толкуетъ это самъ Мишле, прибѣгаетъ къ принципу героическаго *подвига* самопожертвованія.

Такъ, по выраженію Мишле, „эти великіе умы, сами себя освободившіе отъ заповолившей ихъ *формы*, становятся достойными занять мѣсто въ ряду „древнихъ отцовъ національной традиціи, рядомъ съ Раблѣ, рядомъ съ Вольтеромъ, рядомъ съ тѣми, которые сказали: „чашу народу!“ , рядомъ съ героями, про-

лившими свою кровь въ эту чашу и соорудившими для будущаго царственный народный пиръ (banquet) свободы“!

Всѣ эти натажки и иллюзи, весь мистическій туманъ, исходящій изъ національныхъ увлеченій Мишле, озаряется, однако, одною свѣтлою истинною. Легкомысленной приманкѣ современнаго утописта, который мѣшаетъ рабочему— „пирушекѣ избалованныхъ (gâtés) дѣтей, питаемыхъ экстатическими надеждами“, онъ противопоставляетъ „серьезный пиръ жизни, согласный съ человѣческой природой“. „Соціальное искусство,—говоритъ Мишле,—заключается не въ уничтоженіи жертвоприношенія (sacrifice), но въ томъ, чтобы такъ обставить душу человѣка, чтобы, согласно съ величіемъ своей природы, она охотно приносила себя въ жертву. Всякій хранитъ у себя въ сердцѣ священную искру, скрытый очагъ героизма. Задача въ томъ, чтобы вызвать пламя, которое само пробивается лишь у немногихъ людей, чтобы обобщить героизмъ, сдѣлать, чтобы онъ проявлялся все болѣе и болѣе свободно, обнаруживался у *всѣхъ*, и сталъ бы *нагляднымъ* элементомъ человѣческой природы.

„Не станемъ рассчитывать, чтобы усиліе и подвигъ стали когда-нибудь излишними. Самое могучее, самое полное гражданское воспитаніе никогда этого не достигнетъ.

„*Нужно*, чтобы въ этомъ мірѣ существовалъ подвигъ и трудъ въ потѣ лица, и тяжелая жертва. *Условіе* пира, которое стѣбитъ самаго пира и уже есть высокій пиръ сердца,—заключается въ безкорыстномъ подвигѣ, въ неустанномъ трудѣ, въ героическомъ самопожертвованіи... Таковъ міръ; бери его *какимъ* онъ есть... Подвигъ, облегчаемый братской симпатіей, всегда останется столбовой дорогой, по которой ты *грядешь впередъ* (tu marches au progrès)“.

Такъ—великій *труженикъ*, который болѣе чѣмъ кто-либо въ своемъ трудѣ руководился *сердцемъ*, чутьемъ своего сердца прозрѣлъ великій принципъ соціальной философіи. Этотъ результатъ придаетъ особый интересъ его подчасъ фантастическимъ разсужденіямъ о *народѣ* и его не всегда состоятельнымъ мечтаніямъ о *соединеніи* съ нимъ.

В. ГЕРЬЕ.

КНЯГИНЯ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Болѣе недѣли нѣтъ никакихъ извѣстій отъ князя Вадима Дмитриевича.

Изъ Петербурга онъ только одинъ разъ телеграфировалъ. Можетъ быть, онъ оттуда пробрался въ имѣнiе Погулянина.

„А вдругъ какъ бѣжалъ за границу“?..

Этотъ вопросъ каждый день приходитъ на умъ его женѣ. Она знаетъ, что надо ждать „краха“—и въ очень скоромъ времени.

Цѣлый годъ прошелъ для нея въ полномъ душевномъ одиночествѣ. Отношенiй къ мужу не было никакихъ. Она продолжала не вмѣшиваться въ его личную жизнь и дѣла.

До новаго года все шло на усиленныхъ парахъ. Дивиденды по своему предпрiятiю кузены показали блистательный.

Но онъ былъ дутый. Погулянинъ зарвался по расширенiю дѣла, устроилъ заграничный экспортъ, и двѣ огромныхъ партiи товара сѣли.

А тѣмъ временемъ князь продолжалъ шальную игру на биржѣ, упорно игралъ на повышенiе, и къ веснѣ понесъ огромный проигрышъ.

Все это онъ скрывалъ отъ нея; она узнала кое-что отъ брата, отъ матери и сестры... Одинъ изъ кузеновъ оказался—какъ она

*) См. выше: мартъ, стр. 45.

и ожидала—способнымъ на подлогъ; другой очутился въ сообщникахъ. Ихъ компаньонъ Пусиковъ—купчикъ, женатый на пріятельницѣ Лены — за что-то кровно обидѣлся на князя, и къ веснѣ же началъ выводить ихъ на чистую воду, и пригрозилъ даже прокурорскимъ надзоромъ. Они обошлись съ нимъ „по дворянски“ — чуть не побили его и выгнали изъ кабинета князя Вадима Дмитриевича.

Купчикъ сталъ мстить не сразу. Онъ точно нарочно далъ имъ время запутаться еще больше, и пустилъ сначала въ одной газетѣ цѣлый рядъ слуховъ и инсинуаций; потомъ и корреспонденцію изъ того уѣзда, гдѣ находится заводъ — съ фактами и цифрами, и въ такомъ тонѣ, какъ будто прокурорскій надзоръ уже вмѣшался въ дѣло.

Кузены напечатали сначала довольно задорное объясненіе въ газетахъ. Погулянину удалось отстоять правленіе на экстренномъ собраніи. Но тутъ мстительный купчикъ повелъ настоящую обличительную кампанію, и запахло скандаломъ подсудимыхъ.

И вотъ теперь князь, уѣхавшій внезапно, неизвѣстно гдѣ находится. Вѣра готова ко всему. Она уже помирилась съ тѣмъ, что болѣе половины ея средствъ погибло. Князю въ послѣдніе два мѣсяца она ни разу не задала ни одного вопроса о своихъ деньгахъ. И онъ молчалъ. Когда пошла травля въ газетахъ, онъ возмущался, громилъ „презрѣнныхъ купчишекъ“ — даже въ ея присутствіи — и, кажется, еще вѣрилъ въ честность своего кузена. Послѣ напечатанія ихъ общаго объясненія, онъ замолчалъ, и только изрѣдка пускалъ сдержанные возгласы о своей честности. Безумную биржевую игру на чужія деньги онъ, повидимому, считалъ совершенно позволительною.

Игралъ онъ до послѣдней возможности. Изъ-за этого между нимъ и Погулянинымъ вышла крупная схватка, и только общая опасность заставила ихъ бросить всѣ счеты.

Вѣрѣ нравилось хоть то, по крайней мѣрѣ, что князь выдерживалъ свою роль мужа-джентльмена, не желающаго вымаливать у жены послѣднія ея деньги. Онъ весь послѣдній годъ велъ себя съ нею какъ съ женщиной безъ сердца и пониманія, которая не заслуживаетъ ни искренности, ни ласки. Не желая никакого скандала, онъ терпѣть ее — и только.

На Вѣру все это уже больше не дѣйствовало. Она не хотѣла никакихъ объясненій, и рада была тому, что ее оставляли въ покое. Гордость не позволяла ей вмѣшиваться въ денежные дѣла князя. Много разъ она имѣла случай говорить и матери, и брату съ сестрой:

— Спасать мои деньги поздно. Мне не жаль князя — каюсь в этом чистосердечно. А входить в его дѣла безъ участія къ нему — это значило бы биться изъ-за одного своего интереса, и я считаю это слишкомъ низменнымъ.

И все время она жила „на свой страхъ“. Друга у нея не было. Матери она не могла говорить о себѣ, не желая ее разстроить. Остожинъ — за границей, и вернется не раньше зимы. Они не переписывались, и она старалась какъ можно меньше думать о немъ.

Сегодня она встала съ головной болью. Протянется длинный день безъ возможности читать. Врядъ ли она будетъ въ состояніи захватить въ одно изъ своихъ „обществъ“.

Она очень мало выѣзжаетъ. Въ послѣдніе два мѣсяца ей дѣлается неловко въ обществѣ, особенно въ стародворянскомъ. Ее никто еще безцеремонно не спрашиваетъ насчетъ „исторіи“ князя; но всѣ уже знаютъ и ждутъ скандала.

Одна только графиня Боровицына особенно ласкова съ ней. Разъ начала даже наводить ее на интимный разговоръ. Въ остальныхъ домахъ держатся уклончиво. Князя не любятъ; да и нѣтъ въ его кругу даже и сословнаго чувства. Никому ни до кого нѣтъ дѣла. Не пойманъ — не воръ. Всѣ готовы всякими правдами и неправдами поживиться, гдѣ и какъ только возможно. Не нашлось во всемъ ихъ кругу ни одного старика или сверстника ея мужа, который бы хоть однимъ словомъ показалъ, что ему дорого доброе имя „своего брата дворянина“.

Разумѣется, кричатъ о „подлыхъ газетчикахъ“; но навѣрно сами сплетничаютъ хуже всякаго мелкаго газетнаго вѣстовщика.

Племянницы продолжаютъ жить у нихъ. Лена совсѣмъ собралась за офицера Фастунова. У нихъ, конечно, сильный флиртъ; но формальнаго предложенія онъ еще не дѣлалъ. Она больше не бываетъ у Пусиковыхъ изъ-за дяди, и это ее очень гложетъ. Она постоянно скучаетъ и окисляется. Маруся дотягиваетъ въ гимназіи и должна кончить весной. И съ ними у Вѣры нѣтъ никакихъ отношеній. Сценъ также нѣтъ, — даже съ Леной.

Лежать въ кровати Вѣрѣ стало несносно. Она въ одиннадцати часамъ вышла въ свой кабинетикъ. Въ немъ было сыро и сумрачно. Въ этой комнатѣ, въ поздніе часы, за цѣлый годъ, записывала она свою одинокую и „ненужную“ жизнь изо дня въ день.

Дневникъ сдѣлался для нея единственнымъ дѣломъ, куда она клала душу. Но онъ же расслаблялъ ее, отнималъ энергію, пре-

вращался въ записываніе разъядающихъ мыслей, могъ перейти въ опасную игру.

Нѣсколько разъ она хотѣла бросить его, и не могла.

И теперь вотъ достала она его изъ ящика бюро, отперла замочекъ и, пересиливая сильный мигрень, проглядывала то, что написала наканунѣ.

Въ гостиной кто-то ходилъ. Она отняла голову, прислушалась и узнала шаги Лены.

— Это вы, Лена?—спросила она громко.—Вамъ нужно меня?

Лена показала въ дверяхъ—въ блузѣ, плохо причесанная, вѣки красныя и лицо землистое. Видно было, что она всю ночь проплакала.

Въ первый разъ—съ тѣхъ поръ, какъ эта барышня жила у нихъ—она забыла, что тетка ея—„купчиха во дворянствѣ“. Не здороваясь съ нею, она опустилась на кресло и съ полуистерическимъ смѣхомъ вскричала:

— Вотъ чѣмъ я обязана дядѣ!

Вѣра подошла къ ней и участливо спросила:

— Что такое?

— Разумѣется,—продолжала Лена со слезами въ голосъ.— Развѣ теперь кто-нибудь—хоть студентикъ изъ жидовъ—возьметъ меня? Мало того, что отецъ съ матерью прожились и оставили насъ съ Марусей нищими... дядя прославленъ теперь на всю Москву. Ему предстоитъ банкротство, и хуже того... свамья подсудимыхъ... *Que sais-je!*

Не за дядю она испугалась—Вѣра это сейчасъ же поняла—а за себя.

Вѣра присѣла къ ней и взяла за руку.

— Зачѣмъ же такъ, Лена?—остановила она ее вполголоса.

— Только вы не хотите вѣрить,—продолжала Лена, возбуждаясь.—Онъ и васъ разоритъ, *ma tante*,—едва ли не въ первый разъ назвала она ее такъ... — И вотъ какой-нибудь армейскій драгунъ Богъ знаетъ съ какой репутаціей...

— Уходитъ отъ васъ?—выговорила Вѣра просто, безъ всякой ироніи.

— И какъ гадо! Какъ подло! Все еще притворялся... наводилъ справки. А теперь—*il se dérobe comme un lâche, comme un...*

Отъ накипѣвшей ярости у нея не хватило браннаго слова. Ее всю затрясло, и она разразилась рыданіями, упавъ головой на грудь Вѣры.

Но черезъ нѣсколько секундъ она встала, точно устыдившись

того, что показала себя въ такомъ видѣ, и стремительно выбѣжала, повторяя:

— Lâche, lâche, lâche!

II.

Вѣра не пошла утѣшать Лену. Чтѣ же тутъ дѣлать? Значить, „крахъ“ такъ близокъ, что даже для офицера, въ родѣ этого Фастунова, родная племянница князя Кунгурова не имѣетъ никакой цѣны на биржѣ невѣсть и жениховъ.

Обѣ эти барышни на рукахъ у нея съ мужемъ. Куда ихъ дѣвать? Онѣ теперь уже совсѣмъ безприданницы. И содержать ихъ придется опять-таки ей же вмѣстѣ съ мужемъ.

Она давно приготовилась къ этому. Кому же, какъ не ей, взять на себя всю тяжесть того, чтѣ неминуемо должно случиться? Не разореніе смущаетъ ее, а потеря добраго имени человѣкомъ, съ которымъ она прожила нѣсколько лѣтъ „въ законномъ бракѣ“.

Вѣдь онъ—мужъ ея, избранъ былъ ею по доброй волѣ, обладалъ ею, какъ женщиной, не насильно. Онъ не измѣнялъ ей,—по крайней мѣрѣ она не знаетъ до сихъ поръ: есть ли у него связь на сторонѣ. Въ обществѣ конечно нѣтъ—въ этомъ она увѣрена. Если онъ съ послѣдней зимы охладѣлъ къ ней очень замѣтно, то она должна быть ему признательна. Онъ избавлялъ ее отъ униженія и грязи принимать ласки отъ человѣка, съ которымъ нѣтъ никакой душевной связи.

Каковъ бы онъ ни былъ—ея долгъ помочь ему, спасти доброе имя. Князь не плутъ. Онъ не таковъ, какъ его кузень. Его „сообщничество“ было неизбѣжно. Такъ бываетъ всегда въ дѣлахъ, когда одинъ главный дѣлецъ зарвется и начнетъ плутовать, а другой не имѣетъ достаточно характера, чтобы сразу выгородить себя и заставить въ-время ликвидировать предпріятіе.

Тутъ она не должна ни отъ чего уклоняться, рискуя, что тотъ же князь будетъ навидываться на нее и выкажетъ себя хуже, чѣмъ она ожидаетъ; даже отъ него.

— Ваше сіятельство!—раздался въ дверяхъ окликъ лакея.

Онъ подалъ ей на серебряномъ подносѣ карточку.

— Прикажете принять? Онѣ отъ князя Вадима Дмитріевича... по особенному дѣлу.

На карточкѣ она прочла:

„Модестъ Яковлевичъ Архузовъ—присяжный повѣренный.“

И внизу карандашомъ:

„Отъ князя Вадима Дмитріевича.“

— Попросите въ кабинетъ. Я сейчасъ приду.

Ей надо было поправить прическу и навинуть что-нибудь на пеньюаръ. Голова продолжала болѣть—нѣсколько слабѣе.

Кабинетъ свой князь, уѣзжая, не заперъ, только взялъ съ собой ключи отъ ящичковъ письменнаго стола и шкафовъ.

Она не заставила ждать адвоката больше пяти минутъ. Такой фамиліи—Архузовъ—она не слыхала по Москвѣ. Можетъ быть, петербургскій.

Однако, что-то она начала припоминать. Это имя попадалось ей въ отчетахъ о судебныхъ процессахъ. Одно время она была большая охотница и до такого чтенія.

И вдругъ, когда она оправляла передъ зеркаломъ прическу, Вѣра вспомнила бойкіе репортерскіе очерки громкаго процесса по поводу краха одного банка. Главный подсудимый былъ также князь очень древняго рода, дѣлецъ, съумѣвшій въ нѣсколько лѣтъ поставить дѣло блистательно. Онъ всѣхъ запуталъ и обвинялся въ дѣломъ рядѣ подлоговъ и хищеній. И защищалъ его не кто иной, какъ этотъ адвокатъ Архузовъ.

Ясно—мужъ ея считаетъ себя накануне судебного преслѣдованія, если бросился въ такому именно специалисту.

При входѣ ея въ кабинетъ адвокатъ поднялся съ дивана.

Онъ похожъ былъ гораздо больше на музыканта, чѣмъ на повѣреннаго: средній ростъ, худоба, узкое лицо съ заостреннымъ подбородкомъ, плохо покрытымъ жидкими волосами, рѣдкіе и длинныя темнорусые волосы, морщины землястаго лица, очки и широкій, выразительный ротъ съ гнилыми зубами. На немъ мѣшковато сидѣлъ фракъ со значкомъ. Вырѣзъ жилета прикрывалъ широкій черный шарфъ.

— Прошу васъ, княгиня, великодушно извинить меня...

— Въ чемъ?—остановила его Вѣра.

— Явился, не предупредивъ васъ особымъ письмомъ.

— Зачѣмъ же, если вы съ дѣломъ и отъ мужа.

— Да-съ. Князь просилъ меня передать вамъ вотъ эту цидулочку.

Глазки адвоката—совсѣмъ монгольскіе, желтоватыя съ крапинками—прищурились. Голосъ у него былъ надтреснутый, съ своеобразнымъ произношеніемъ. Говорилъ онъ неторопливо и каждому почти слову придавалъ особый звукъ.

Вѣрѣ стало дѣлаться не совсѣмъ ловко.

Въ засѣданіяхъ суда она бывала рѣдко. Такого голоса она не слыхала. Здѣшній онъ, московскій, или выписной—она не рѣшилась спросить у него.

— Я къ вашимъ услугамъ,—выговорила она твердо и сухо-вато, прося его сѣсть; а сама помѣстилась въ креслѣ у письменнаго стола.

Взглядъ прищуренныхъ калмыцкихъ глазъ адвоката все ей открылъ. Изъ этихъ щелокъ сочилось большое презрѣніе къ людямъ вообще... быть можетъ, и къ самому себѣ. Для такого повѣреннаго врядъ ли что-нибудь на свѣтѣ имѣло безусловную силу, достоинство, право или значеніе.

— Въ чемъ дѣло, княгиня,—началъ адвокатъ, поведя головой вбокъ:—вы потрудитесь прочесть въ запискѣ вашего мужа.

— Вы желаете, чтобы я это сдѣлала при васъ?

— Пожалуйста. Вы должны дать ваше согласіе.

Адвокатъ оглянулся на дверь, стоявшую полуоткрытой. Жестъ этотъ Вѣра поняла.

— Насъ никто не слышитъ.

— Знаете, княгиня, береженаго Богъ бережетъ. Помните у Щедрина: *Филиппъ исы?*

Онъ засмѣялся короткимъ глуховатымъ звукомъ.

И съ этими словами поднялся и затворилъ половинку двери.

— Мы можемъ бесѣдовать и по-французски... Я не очень бойко изъясняюсь на этомъ діалектѣ; но все-таки могу.

— Въ этомъ нѣтъ надобности,—отвѣтила Вѣра и, взглянувъ на него исподлобья, спросила:—Вы позволите?

Она разорвала конвертъ записки.

— Сдѣлайте одолженіе!

Записка была всего на одной страницѣ. Князь просилъ ее оказать полное довѣріе адвокату и выслушать отъ него „спокойно и разумно“ то, что онъ найдетъ нужнымъ сообщить ей.

— Князь вамъ не объясняетъ ничего по существу?—спросилъ Архузовъ, и его глазки забѣгали.

— Ничего... Я должна все узнать отъ васъ.

— Такъ, такъ... Это только вѣрительная грамота, удостоверяющая мою личность.

— Мужъ въ Петербургѣ?—перебила его Вѣра.

— Нѣтъ-съ. Онъ теперь тамъ... у другого моего кліента... главнаго,—прибавилъ онъ, и его блѣдныя извилистыя губы сложились въ шутивную гримасу.

— У Погулянина?

— Да-съ. У вашего кузена. Если дѣло дойдетъ до такъ называемой скандала подсудимыхъ, то имъ придется дѣйствовать сообща.

— Вы развѣ считаете князя такъ же виновнымъ, какъ и его двоюроднаго брата?

Вопросъ Вѣры заввучалъ нервнѣе, чѣмъ бы ей самой хотѣлось. И краска прилила къ ея щекамъ.

— На это, княгиня, я не могу вамъ отвѣтить категорически. Я только знакомлюсь съ подробностями. Можетъ быть, мои кліенты забили слишкомъ рано тревогу. Одно дѣло—ликвидация и сопряженные съ ней неприяности; другое дѣло—уголовное преслѣдованіе.

— Чтѣ же князь просилъ васъ передать мнѣ устно?

Адвокатъ перемѣнилъ позу, отвашпнулся въ платокъ, поправилъ очки и, не глядя на нее, выговорилъ:

— Штука самая простая и пока—протянулъ онъ—вполнѣ законная.

— Я готова...

Вѣра не договорила. Ее что-то удержало дать впередъ свое согласіе.

— Отъ князя и Антона Николаевича Погулянина мнѣ извѣстно, что въ ихъ предпріятіе положенъ былъ и вашъ довольно значительный капиталъ.

— Я не была пайщицей.

— Знаю-сь. Вы имѣете отъ мужа вашего долговой документъ. Это еще болѣе сильный мотивъ за ту операцію, которую князь желаетъ, черезъ меня, произвести какъ можно скорѣе и въ вашу прямую пользу.

Взглядъ Вѣры попросилъ его поскорѣе сказать ей—въ чемъ же дѣло.

— Всю движимость—здѣсь и въ усадьбѣ—князь желалъ бы перевести на ваше имя.

Адвокатъ произнесъ это скорѣе небрежнымъ тономъ, точно дѣло шло о самой пустой формальности.

— На мое имя? — переспросила Вѣра.

— Если не ошибаюсь... и здѣсь, въ этомъ домѣ, половина вещей приобрѣтены на ваши деньги, также и въ деревнѣ.

— Нѣкоторыя—да. Но домъ отдѣлывалъ князь на свой счетъ.

— Согласитесь, княгиня, что для князя, въ данномъ случаѣ, является нѣкоторый *cas de conscience*. По вашему документу чтѣ же вы получите? Простите, что я, быть можетъ, впервые обнажаю передъ вами суровую правду.

— Это все равно.

Она встала и прошлась по комнатѣ.

— Васъ это серьезно затрудняетъ?—спросилъ, помолчавъ, адвокатъ.

И въ тонѣ его вопроса звучало сомнѣніе. Это ее сильно обидѣло. Вѣра круто повернулась и близко подошла къ дивану.

— Я не могу на это согласиться, господинъ Архузовъ, — выговорила она и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Окончательно? — спросилъ онъ съ той же усмѣшкой и поднялся.

— Окончательно!

III.

Протащился тагучій осенній день. Голова къ вечеру прояснилась, но передъ обѣдомъ еще сильно болѣла; Вѣра долго лежала, одѣтая, на кушеткѣ.

Но и съ сильной болью она не могла не думать.

Думать — мало. Надо дѣйствовать.

Теперь она видитъ и знаетъ, чего ей ждать отъ обоихъ „кузеновъ“. Погулянинъ будетъ дѣйствовать какъ настоящій плутъ, который надѣется на собственную изворотливость и на ловкость адвоката. Князь, быть можетъ, и воздержится отъ прямого плутовства, но и онъ долженъ подать руку кузену. Дворянскій гоноръ не позволить ему выгородить себя.

Да и какъ же иначе? Еслибъ онъ ставилъ выше всего безусловную честность, развѣ бы онъ такъ повелъ себя? Его безумная игра на биржѣ удвоила дефицитъ. А это — прямое доказательство того, что для князя хищническій выгрызъ былъ высшей цѣлью.

Задумался ли онъ хоть одинъ разъ надъ тѣмъ — какъ онъ гадко поступаетъ? Для нея — какъ и для всякой сколько-нибудь мыслящей головы и для каждой мало-мальски честной натуры — азартная игра непростительна, особенно если играешь на чужія деньги. Она для нея хуже воровства.

Князь спускалъ деньги пайщиковъ, и не только ихъ, но и кузена своего, долженъ былъ долгое время обманывать или, по крайней мѣрѣ, скрывать отъ него правду.

Да и какая можетъ быть мораль у человѣка, которому, въ сущности, ничего не дорого? У него и „шляхетскаго-то“ чувства (она подумала прибауточнымъ словомъ Погулянина) нѣтъ. Серьезный защитникъ сословныхъ традицій не будетъ пускаться въ аферы на чужія деньги, не станетъ водиться съ тѣми самыми „купчишками“, которыхъ онъ презираетъ, и хуже всякаго биржевого зайца „трипотировать“: это слово было уже изъ жаргона князя, и оно ей вспомнилось.

Мужа ей не жаль, и она сознаёт это безъ всякаго ложнаго стыда.

Взять хоть бы этотъ засылъ адвоката. Прикрывается князь заботой о ней. Для нея самой—видите ли—онъ предлагаетъ ей сдѣлаться законной собственницей всей движимости. Но не будь ея—она не поручится, что онъ то же самое не продѣлалъ бы, до начала разбирательства, ну хоть съ своей племянницей или съ кѣмъ-нибудь другимъ, такъ какъ она еще не вполне совершеннѣющая. Да еслибы она и повѣрила искренности его желанія—это только оскорбительно. Значить, князь считаетъ ее способной быть его сообщницей?

Когда адвокатъ, послѣ ея отказа, началъ-было приводить разные хитросплетенные доводы, она остановила его замѣчаніемъ:

— Ничего противозаконнаго я не желаю!

Онъ на это довольно дерзко спросилъ ее, глядя на нее своими калмыцкими глазами:

— Вы, стало, боитесь могущихъ произойти осложненій?

— Ничего я не боюсь, — отвѣчала она ему строго:—но еслибы и согласилась, то князь только ухудшилъ бы свое положеніе, если это дойдетъ до суда.

И на это адвокатъ сталъ пронизывать—и совершенно нестати: что, молъ, время еще есть, и врядъ ли прокуратура станетъ придираться къ тому, что переходъ движимости къ ней произошелъ незадолго до начала дѣла— „буде таковое состоится“, —прибавилъ онъ съ гнилой усмѣшкой.

Какъ строго ни смотритъ она на поведеніе своего мужа, но она все-таки страдала за князя отъ тона и гримасъ его будущаго защитника.

Ясно, что для этого циника-адвоката между княземъ и всѣми его бывшими клиентами—отъявленными мошенниками—нѣтъ никакой разницы „по существу“, какъ любятъ выражаться судейскіе.

Будь здѣсь ея мужъ—она бы сказала ему сейчасъ:

— „Даже въ собственныхъ интересахъ вы надумали рискованное дѣло. Что такое наша движимость? Она пойдетъ съ аукціона въ двѣ-три тысячи. Этимъ вы ни себя, ни меня не обезпечите“...

Ее немного удивило, что адвокатъ не намекнулъ на то—можетъ ли князь надѣяться на нѣкоторую матеріальную поддержку съ ея стороны?

Это, вѣрно, будетъ при личномъ свиданіи. Но если онъ и ломается, изъ дворянскаго гонора—все равно, она же должна спастъ его.

„Должна?..“ —повторила она:

„Почему должна?“ — Вѣдь она ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ не участвовала въ крахѣ мужа. На себя она тратила съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ, меньше, чѣмъ въ свои дѣвичьи годы. Она не скупилась, отдала двѣ трети капитала на предпріятіе кузеновъ, и если, по настоянію матери, отказала ему въ послѣдней трети, то потому только, чтобъ сохранить хоть что-нибудь на „черный день“.

И вотъ этотъ *черный* день пришелъ и стучится въ дверь.

Когда, передъ обѣдомъ, головная боль начала немного проходить, Вѣра стала думать о томъ, въ какомъ видѣ представить все Степанидѣ Ѳедотовнѣ, — передъ ней всплывалъ вопросъ:

А ея мать — развѣ она такъ же отнесется къ предложенію князя?

Вѣрѣ стало стыдно подозрѣвать Степаниду Ѳедотовну. Но вѣдь въ купеческомъ быту на деньги смотреть по своему. Банкротство въ этомъ быту — дѣло самое обыкновенное. Матери, прежде всего, будетъ дорогъ интересъ ея „Вѣруни“.

„Хоть что-нибудь спасти“. — И если она такъ именно и скажетъ, Вѣрѣ придется огорчить ее, показавъ, что честно поступить значитъ — поступить такъ, какъ она рѣшила.

О сестрѣ или зятѣ и говорить нечего. Тѣ непременно будутъ за такую сдѣлку. Можетъ быть, одинъ только братъ Герасимъ, не желающій считать себя „лавочникомъ“, скажетъ, что и онъ поступилъ бы такъ же, какъ она.

Не поговорить съ матерью — она не можетъ. Тамъ уже известно все, чтѣ случилось въ послѣднее время.

Старуха такъ взволновалась, когда пошли толки въ газетахъ, что опять слегла на цѣлую недѣлю.

Теперь ничего новаго для нея уже не будетъ. Она знаетъ и то, что князь внезапно собрался, и неизвестно — въ Петербургѣ онъ или въ другомъ какомъ мѣстѣ.

За полчаса до обѣда Вѣра встала и прошлась по комнатамъ. Она рѣшила, что вечеромъ поѣдетъ къ Степанидѣ Ѳедотовнѣ.

Лена не показывалась. Вѣра желала узнать, будетъ ли она кушать въ столовой, и приказала сказать, что если барышня здорова, то она проситъ „пожаловать“ къ ней на минутку передъ обѣдомъ.

Лена сейчасъ же пришла. Лицо было такъ же измято и глаза заплаканы.

Послать за Леной и поговорить съ ней Вѣра сочла своимъ долгомъ.

Какова бы ни была эта барышня — для нея ударъ будетъ всего ужаснѣе. Надо ее приготовить и ничего отъ нея не скрывать.

Вѣра безъ всякихъ вступленій сообщила ей, съ чѣмъ явился адвокатъ отъ ея дяди, но сразу не сказала, какой отвѣтъ дала ему.

Лена вся подтянулась и слушала напряженно.

— Значить, все правда?—спросила она упавшимъ голосомъ и по-французски.

— Больше я ничего не знаю,—отозвалась Вѣра.

— Но это ясно! Гдѣ же дядя?

— И этого я не знаю.

— Значить, онъ скрывается?

Возгласъ былъ раздраженный, и глаза злобно заиграли.

Эта дѣвица не простить дядѣ ничего. Ей нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до того—какъ и почему онъ запутался. Она знаетъ одно: отъ нея даже армейскій драгунъ отъезывается, и этотъ отказъ уже извѣстенъ всѣмъ ея знакомымъ.

— По крайней мѣрѣ хотъ что-нибудь спасти!—вырвалось у нея послѣ маленькой паузы.

— Стало бытъ, вы считаете, что надо согласиться на предложеніе князя?—спросила Вѣра, медленно выговаривая и глядя на нее въ упоръ.

— Dame!

Этотъ французскій возгласъ вылетѣлъ у нея самымъ искреннимъ звукомъ.

„Вотъ они—дворянскіе выводы!“—подумала Вѣра и сразу ничего не сказала.

— Успѣете ли вы?—уже по-русски спросила Лена.

Но и это было сказано безъ особаго участія въ судьбѣ дяди.

— Вотъ видите, Лена,—начала Вѣра:—если князь прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ, значить его положеніе критическое...

— Ça va de soi!

Лена перевела плечомъ: „ничего, молъ, повторять такіа банальности“.

— Ваша матеріальная судьба связана съ его положеніемъ.

— Какъ будто это ему не все равно!

— Поэтому,—продолжала Вѣра въ томъ же тонѣ, который племянница находила про себя „глупо-торжественнымъ“:—я сочла своей обязанностью предупредить васъ.

— Въ чемъ же?—не безъ удивленія спросила Лена.

— Тутъ вопросъ... совѣсти. Вы, напримѣръ, еслибъ были на моемъ мѣстѣ, развѣ пошли бы на такую сдѣлку?

— „У! Хитрая вупчиха!“—выговорила про себя Лена.—„Хочетъ меня поддѣть“!

— Дядя прислалъ адвоката къ вамъ, а не ко мнѣ,—сказала Лена и опять пожала плечами.

— Это не отвѣтъ, Лена, извините меня.

— Вы, какъ вѣрная жена, поступите, конечно, въ его интересахъ,—выговорила Лена опять по-французски.

— Я не могу пойти на это,—сказала Вѣра, вставая.—Можетъ быть, вы меня и осудите. Но я должна была предупредить васъ.

— Ваше дѣло!—рѣзнула Лена по-русски и также поднялась.—Стало быть, полный разгромъ? Ça sera du progrès!

И съ этими словами она вышла.

IV.

Въ передней дома Финиковыхъ, когда Вѣра вошла въ нее, братъ ея Герасимъ Тимоѣевичъ надѣвалъ пальто.

— Ты отъ маменьки?—спросила его Вѣра, думая, что иначе онъ прошелъ бы другимъ ходомъ.

— Да, заходилъ. Она сегодня опять что-то кохлится.

Братъ помягче съ нѣкоторыхъ поръ, но въ его тонѣ и взглядахъ сквозить особое брезгливое чувство жалости къ ней.

„Вотъ, молю, ты теперь начинаешь нести возмездіе за твой тщеславный выходъ замужъ. Ты сама можешь убѣдиться въ томъ, какіе господа дворяне теплые ребята“.

Герасимъ Тимоѣевичъ былъ первый, кто заговорилъ съ нею почти какъ съ неизбежной сообщницей „двухъ братцевъ“.

Она раза два отвѣчала ему довольно горячо и обидчиво; но сегодня, еслибъ онъ началъ въ такомъ же родѣ, она бы смолчала. Этотъ мертвенный книжникъ былъ адски гордъ, почти помѣшанъ на своемъ достоинствѣ и личной чести. Ни за однимъ дворяниномъ онъ не признавалъ такихъ же свойствъ.

Но она ни за что не скажетъ ему сейчасъ про то, что было сегодня у нея въ домѣ.

— Лежитъ маменька?—спросила она, задержавъ брата у выходной двери.

— На кушеткѣ... одѣта... Жалуются на боль въ боку. Иди. Она обрадуется. Сегодня она тебя не ждала.

Онъ нахлобучилъ теплую шапку и запахнулся въ длинное мѣховое пальто.

— Прощай, Гара!—ласково сказала ему Вѣра съ лѣстницы.

Герасимъ Тимоѳеевичъ повернулся отъ двери и, понизивъ голосъ, спросилъ ее:

— Гдѣ же изволить пребывать его сіятельство?

Она хотѣла сказать: „не знаю“, потому что адвокатъ не могъ или не хотѣлъ сообщить ей, гдѣ именно въ эту минуту князь Вахимъ Дмитріевичъ.

— Въ Петербургѣ, — поспѣшно отвѣтила она и взбѣжала на первую площадку.

Братъ сдѣлалъ жестъ рукой, говорившій:

„Въ бѣгахъ — и ты его прикрываешь“.

Этотъ жестъ заставилъ ее покраснѣть.

Она его прикрываетъ! Надо бы сейчасъ остановить его и сказать, какъ она себя повела съ адвокатомъ.

Но это показалось ей чрезчуръ мелкимъ, недостойнымъ ея. Она повернула влѣво по слѣдующему подъему лѣстницы.

Поднималась она въ Степанидѣ Ѳедотовнѣ съ тревогой и колѣбаніемъ, — какъ и въ какой мѣрѣ все рассказывать матери.

Если ей опять нездоровится — нельзя! Бокъ болитъ — значить, печень снова даетъ о себѣ знать; а припадки дѣлаются все мучительнѣе. Въ ея года опасность не за горами.

Передъ дверью Вѣра остановилась и оправила волосы — совершенно машинально, точно затѣмъ только, чтобы выиграть время.

Она тихонько приотворила половинку двери.

Степанида Ѳедотовна полу-сидѣла на кушеткѣ съ высокой спинкой.

Рядомъ стоялъ столикъ съ одной свѣчой подъ цвѣтнымъ колпачкомъ.

Кажется, она немного задремала. Отъ двери видна была часть ея головы въ бокъ.

Вѣра на цыпочкахъ подвигалась, боясь разбудить ее.

У старухи сонъ былъ чуткій.

— Кто тутъ? Ты, Маша? — окликнула она, не поднимая головы.

— Это я, маменька!

— Кто? Вѣруня!.. Голубка моя!..

Степанида Ѳедотовна повернулась всѣмъ корпусомъ и взялась рукой за ободокъ кушетки.

— Лежите, маменька, умоляю васъ.

Вѣра быстро подошла, опустилась — по своей привычкѣ — на колѣни и стала цѣловать руку матери.

Трепетность ея собственной руки сейчасъ же дала почувствовать Степанидѣ Ѳедотовнѣ, что дочь чѣмъ-то взволнована.

— Вѣруша,—заговорила она довольно сильнымъ голосомъ:— ты за меня не бойся. Тебя, поди, Герасимъ напугалъ? Ты его, небось, на подъѣздѣ встрѣтила...

— Что вы чувствуете, маменька? За докторомъ бы...

— Ахъ, ужъ опостылѣли мнѣ эти... прости, Господи, коновалы! Всякое противное пошло вливай въ себя; а какой толкъ? Отъ погоды, Вѣрочка, отъ погоды! Нынче съ утра и вѣтеръ, и моросить. Ну, сейчасъ и началось сверленье. А ты вотъ невзначай... меня навѣстила. Милая ты моя дѣвочка...

Она—въ минуты самой умиленной нѣжности къ дочери—любила звать ее „дѣвочкой“.

— Да сядь ты, сядь. Что это ты на колѣняхъ все... Точно провинилась передо мной.

Ее глубоко тѣшила эта ласковость Вѣры и дѣтская форма обхожденія съ нею.

Она взяла ее за шею руками и два раза поцѣловала въ лобъ и глаза.

„Какъ я ее буду разстроивать?“—думала Вѣра.—„А скрывать тоже нельзя. Не нынче-завтра кто-нибудь скажетъ“...

— Вернулся муженекъ?—почти на ухо спросила Степанида Ѳедотовна.

Она уже знала, что князь „скоропостижно“ скрылся.

— Его еще нѣтъ, маменька.

— Да ты, Вѣруня, чтой-то никакъ хоронишься отъ меня? Я всѣ эти дни въ такомъ сумѣннѣ. Того и жди, что вотъ-вотъ прочтемъ опять въ газетахъ.

— Ничего я новаго не читала,—выговорила Вѣра, не поднимая головы.

— Да ты сядь... вотъ хоть сюда на краешекъ... или въ кресло хорошенько. Ну, вотъ хоть этакъ.

Рукой Степанида Ѳедотовна потрепала по плечу Вѣру, приставившуюся на краю кушетки.

— Ахъ, Вѣрунюша,—продолжала она сразу упавшимъ голосомъ:—чувствуй мое сердце, что втннулъ тотъ братецъ-то любезный твоего князя въ настоящую уголовщину. Я и его самого не могу выгораживать: безъ ума, безъ разума зарвался, и опять же на чужія деньги; однако, все же не то...

Вѣра молчала.

— Ужъ ты теперь амбицію за его сіятельство оставь, Вѣруня. Нѣтъ у тебя другого друга, кромѣ матери твоей.

— Еще бы!—вырвалось у Вѣры, и она прильнула къ Степанидѣ Ѳедотовнѣ.

И тутъ Вѣру охватила потребность все рассказать матери, не за тѣмъ, чтобы выставять мужа въ еще болѣе печальномъ свѣтѣ, а чтобы опереться на ея умъ и совѣсть и не готовить ей въ ближайшемъ будущемъ такихъ неожиданностей, которыя совсѣмъ добыютъ ее.

— Вадимъ Дмитриевичъ, — начала она вполголоса и низко нагнувшись къ лицу старухи: — прислалъ мнѣ адвоката.

— Изъ какихъ мѣстъ?

— Онъ, кажется, петербургскій.

— Какъ его фамилія?

— Какой-то Архузовъ. Имя это я видала въ отчетахъ.

— Ну, и что жъ? Молить спасти, чай?

Старуха спросила это шопотомъ.

— Нѣтъ, маменька.

— Да ты скажи! Не скрывай ты отъ меня ничего, ради Христа Спасителя.

— Я ничего не скрываю.

И вдругъ какъ Степанида Федотовна скажетъ ей:

„Ты должна согласиться“.

— Ой, Вѣруня, ты не хочешь мнѣ всю правду говорить.

— Клянусь вамъ, маменька!

— Денегъ не просить, — выручить его?

— Нѣтъ, не просить.

— Такъ съ чѣмъ же онъ васлалъ повѣреннаго? Навѣрно ужъ этотъ адвокатъ изъ самыхъ дошлыхъ?

— Князь хочетъ, чтобы вся движимость считалась моею.

— Какая движимость? — построже переспросила старуха.

— Все, что есть въ домѣ — здѣсь и въ имѣніяхъ.

— А для чего же не вся вотчина? И какой его тутъ умыселъ?

— Адвокатъ говорить, что это въ моихъ интересахъ... чтобы...

— Не нуждаемся мы въ этомъ! — вскричала Степанида Федотовна сильно и приподнялась. — Одинъ подходъ! Пойми ты это! Чтобы тебя только запутать! Что же въ этой движимости? Какая ей цѣна? Твоихъ денегъ ухнули десятки тысячъ, а его сіятельство хочетъ улажить тебя такимъ пустякомъ. И ты — когда дойдетъ до суда — очутишься его сообщницей! Все равно что вкраденое добро!

— Маменька, — остановила ее Вѣра. — Я сразу отказала адвокату.

— Отказала? Умница... Вѣруня, моя болѣзненная!

Старуха горячо поцѣловала ее въ лобъ.

— Но я отказала... потому, главнымъ образомъ... что такая сдѣлка противна мнѣ.

— Ужъ тамъ по тому ли, по сему ли,—но отказала. И ни въ какія прокураціи ты съ нимъ не входи! Ни въ какія...

Вѣру рѣзнуло по сердцу, что мать недостаточно поняла и оцѣнила мотивъ ея поступка.

По крайней мѣрѣ не вышло никакого тяжкаго объясненія.

— Коли до того дошло, Вѣруня,—старуха стала говорить очень тихо:—значитъ, надо ждать погрома. Неужели и послѣднія твои деньги уйдутъ на его сіятельство?

Вѣра помолчала.

— Маменька,—отвѣтила она медленно, но твердо:—лучше всего лишиться, чѣмъ быть женой опозореннаго человѣка... Онъ ничего до сихъ поръ не требуетъ отъ меня, но я не въ силахъ не спасти его отъ потери добраго имени.

Степанида Федотовна привлекла ее къ себѣ и долго держала у своей груди. Она не расплакалась; только два-три раза глубокіе вздохи колебали ея грудь.

— Что-жъ,—вымолвила она, наконецъ:—по міру не пойдете... У меня всегда будетъ и уголь, и щей горшокъ—и тебѣ, и твоему мужу.

V.

Громоздко гудѣлъ длинный вагонъ перваго класса съ отдѣленіями. Уже вечерѣло. Поѣздъ долженъ былъ придти въ Москву безъ пяти минутъ семь.

Онъ имѣлъ уже „опозданіе“ на четверть часа.

Въ отдѣленіи лежалъ на триповомъ диванѣ князь Вадимъ Дмитріевичъ. Онъ былъ одинъ. По тѣсному пространству отдѣленія ходили волны сиваго дыма. Князь усиленно курилъ. Еслибъ въ коридорчикѣ не было сквозняковъ—онъ ихъ особенно боялся—онъ вышелъ бы туда и сталъ бы бѣгать взадъ и впередъ.

Ему необходимо было—когда онъ думалъ или волновался—постоянно двигаться. И въ вагонѣ онъ то встанетъ, то опять ляжетъ, и нервно трясеть ногой.

Еще недѣлю назадъ онъ ощущалъ подъ ногами какую-то почву. Онъ не зналъ всей сути насчетъ операций бузена своего Погулянина и самъ не былъ поставленъ въ такую неотложную необходимость—все сказать ему о своихъ собственныхъ тратахъ. До совѣщанія съ адвокатомъ Архузовымъ онъ не испытывалъ

ходить къ потребностямъ своихъ дѣтей. Единство, которое онъ намъ далъ, — не однообразіе, но гармоническое единство, въ которомъ всѣ различія притягиваются другъ другомъ (*s'aiment*). Пусть же они входятъ въ согласіе, но пусть и сохраняются, пусть приобрѣтаютъ болѣе блеска, чтобы лучше освѣщать міръ, и пусть человѣкъ съ дѣтства привыкаетъ узнавать животворящаго Бога (*un Dieu vivant*) въ своемъ отечествѣ. Итакъ, въ любви къ отечеству *вѣра* согласуется съ *разумомъ*. Еслибы *вѣра* и *разумъ* были противоположны, еслибы у насъ не было *разумнаго* средства достигнуть *вѣры*, — пришлось бы, подобно мистикамъ, оставаться ни при чемъ, вздыхать, ждать. Но *вѣра*, *достойная* человека — любовная *вѣра* въ то, что подтверждается разумомъ. Такимъ именно предметомъ является отечество, представляющее не случайное чудо, а постоянное чудо природы и исторіи“.

Вотъ эта-то *вѣра* въ отечество должна быть главной задачей школы. По мысли Мишле, школа должна сначала наглядно научить *вѣрѣ* въ отечество, во-очію показать его. Средствомъ для этого должна послужить организація *обще-народной* школы. Еслибы всѣ дѣти одного народа, по крайней мѣрѣ на время, соединились на одной скамьѣ, видѣли и узнали другъ друга прежде, чѣмъ познать пороки бѣдности и богатства, эгоизмъ и зависть — они получали бы въ школѣ неизгладимое впечатлѣніе отечества; отечество было бы для нихъ не только предметомъ изученія, но предстало бы имъ на яву, подобное имъ самимъ, въ образѣ дѣтской общины, предшествующей общинѣ гражданской и лучшей, чѣмъ она — общины равенства, гдѣ всѣ члены садятся за одну общую духовную трапезу.

Мишле желалъ бы, чтобы дѣти не только узрѣли въ школѣ живой образъ родины, но почувствовали, испытали ее на себѣ, какъ Провидѣніе, узнали бы въ ней свою мать, свою кормилицу по ея укрѣпляющему млеку, по ея животворной теплотѣ...

Главное препятствіе къ посѣщенію школы бѣдными составляетъ именно ихъ бѣдность; въ этомъ отношеніи государство и должно было бы, по мысли Мишле, явиться для нихъ Провидѣніемъ... „Боже, избави насъ, — восклицаетъ онъ, — лишать ребенка школы, не давать ему духовной пищи, потому что ему недостаетъ тѣлесной... Горе нечестивой скупости, которая тратитъ милліоны на масоновъ и на патеровъ, щедра на то, чтобы сжигать всевозможные средства и способы наносить смерть, но разсчетлива по отношенію къ дѣтямъ, составляющимъ надежду, дорогую жизнь Франціи, самое сердце ея!

„Для маленькихъ дѣтей мы всѣ должны быть отцами и при-

Погулянинъ.— Она только и можетъ спасти тебя. Возьми ты свою княжескую башку въ руки и глади чорту въ глаза, любезнѣйшій мой братецъ! На Вѣру Тимофеевну ты только фыркаешь, а мизинца ея не стоишь.

— Будто бы?—насмѣшливо остановилъ онъ кузена.

— Полмизинца не стоишь! Экая сласть, что ты—Гедимовичъ, а она родилась въ купеческой семьѣ. Вѣдь небось ты не отказался отъ ея „пенѣндзовъ“, и она, братецъ, совершенно уже по-плахетски поступила съ тобою, дала тебѣ болѣе половины своего капитала подъ вексель. И ни единымъ словомъ не вмѣшивалась въ наши дѣла, не считала себя даже пайщицей.

— Это—купеческій подходъ! Ей все равно! У нея нѣтъ сердца!

— Больше, чѣмъ у тебя. И еслибъ ты съ ней совѣтовался, ты бы такъ не зарвался. Мнѣ—чортъ съ тобою! Но ты долженъ теперь бросить свои фасы и на колѣняхъ передъ ней ползать...

— И клянчить у нея?.. Никогда!..

— А по Владиміръѣ желаешь прогуляться?

— Вѣдь и ты туда же пойдешь?—взвизнулъ князь.

— Тебѣ отъ этого легче не будетъ! Дурень, дурень! Ахъ, еслибъ мнѣ святые угодники послали такую женщину... Нужды нѣтъ, что она меня не жалуетъ... Это при ней останется. Но я, братецъ, съумѣлъ бы оцѣнить твою жену и большихъ бы дѣлъ съ ней надѣлалъ.

— Я унижаться не намѣренъ!

— Врешь! Когда приспичитъ—явишься въ одеждѣ кающагося грѣшника, какъ императоръ Генрихъ IV на дворѣ замка Каноссы... Небось, помнишь изъ учебника Иловайскаго? Она—гордой и благородной души женщина. Даже если она къ тебѣ и охладѣла—а виноватъ въ этомъ ты!—то она все-таки не останется холодна въ вопросу о потерѣ чести ея мужа... И мать—ты самъ говорилъ—души въ ней не чаешь.

— Ничего не дастъ... старая бестія!

— Ужъ во всякомъ случаѣ по-міру васъ не пустить... Тебѣ только на „hôtel Finikoff“ и осталось надежды, князенька. А то у кого же ты найдешь поддержку? У какихъ это высокопоставленныхъ особъ? Ты, я думаю, и глазъ не кажешь въ дворянскія гостинныя. Врядъ ли и къ тебѣ много ѣздить. Перебери... Кто приметъ въ тебѣ участіе... Ну, назови хоть одного стоющаго человѣка! Или вліятельную старушенцію... Тутъ, братъ, административнымъ давленіемъ не многого добьешься. Тутъ деньгъ нужна.

— Однако...—завизнулъ было князь.

— Назови!.. Хотя два дома, гдѣ тебѣ хоть двѣ-три тыщи рублей дадутъ. Кто еще держится—тѣ свареды. Да и трусы, эгоисты... боятся не то что ужъ уголовщины, а всякой павостной газетной замѣтки.

И вотъ теперь, ёрзая по триповому дивану, князь Вадимъ Дмитріевичъ перебиралъ—кто могъ бы его выручить изъ людей его общества?

Изъ свѣтскихъ домовъ?.. Гордячка княгиня Полканова, скупердяйка и злоязычица?! Къ ней онъ и прежде былъ не охотникъ ѣздить на поклонъ... А теперь она способна при всѣхъ, на приемѣ, начать отчитывать ему его „недворянское“ поведеніе.

Или чета Узловскихъ—тоже княжеская? Мужъ—добрякъ, жена—кутилка. Они не злые, но шалые. И вѣчно безъ копѣйки, хоть и отъ двадцати тысячъ доходу.

Цѣлую дюжину и титулованныхъ, и простыхъ стародворянскихъ именъ перебралъ онъ... Ближе знакомыхъ нашлось дватри дома. Тамъ его примутъ безъ гримасы; но и только. Поддержать его—значить, отвалить кушъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ. А у кого же они есть?

Клубскіе пріятель—или игроки, живущіе на выигрышъ, или совсѣмъ промотавшіеся? Если кто-нибудь изъ нихъ и предложитъ свои услуги, то затѣмъ, чтобы получить что-нибудь за „маклачество“, за переговоры съ какимъ-нибудь „жидомъ“ или съ дисконтеромъ изъ „ихъ степенствъ“. И никто изъ нихъ не дастъ ни копѣйки наканунѣ погрома.

Капельки пота стали выступать на лбу и вискахъ князя. Онъ снялъ дорожную шапочку и закурилъ новую папиросу.

Погулянинъ, разумѣется, правъ. Кто же, кромѣ Вѣры Тимоѣевны, можетъ выручить его? И безъ кузена онъ прекрасно это знаетъ. Но унижаться передъ ней онъ не намѣренъ.

Она уже достаточно заявила себя на-дняхъ. Адвокатъ телеграфировалъ ему въ Тулу, гдѣ онъ остановился на одинъ день, что Вѣра отказалась отъ принятія на свое имя движимости.

Это значить—она хочетъ себя выгородить, показать ему, чтобы онъ ни въ чемъ на нее не рассчитывалъ.

Она—чужая, гордячка, радикалка, считающая себя жертвой супружеской неволи. Ни въ чемъ она ему никогда не сочувствовала, неспособна ни на ласку, ни на веселый разговоръ, ни на хорошее товарищество.

Теперь она, вѣроятно, и спитъ, и видитъ, какъ бы ей благодѣйше разойтись съ нимъ и кинуться на шею своему „профессоришнѣ“ Остожину.

И передъ такой женщиной онъ долженъ становиться на колѣни и вымаливать у нея денегъ?!

Будь она доброй женой,—она еще мѣсяцъ назадъ сама бы предложила ихъ.

Князь ни разу не задалъ себѣ вопроса: что же у нея останется, если она все ему отдастъ изъ своего приданого?

И чѣмъ ближе подходилъ поѣздъ къ Москвѣ, тѣмъ противнѣе ему было возвращаться къ себѣ въ домъ. Онъ умышленно не телеграфировалъ о днѣ своего приѣзда. Не хочетъ онъ фальшивыхъ встрѣтъ; да она и не выѣхала бы на вокзалъ.

И опять точно какой-то запахъ сталъ онъ ощущать въ себѣ и вокругъ себя. Прежній князь Вадимъ Дмитриевичъ отошелъ назадъ, совсѣмъ назадъ. Его замѣнилъ прогорѣвшій аферистъ, съ перспективой „Владимірки“,—слѣдуя жаргону кузена Погулянина.

VI.

Извозничья карета со звономъ стеколъ и гаекъ потащила князя и его багажъ внизъ по Тверской.

Фонари слѣпо мигали свозъ дождевую пелену октябрьскаго вечера. Князь глядѣлъ въ запотѣлыя окна и точно совсѣмъ не узнавалъ Москвы. И такъ ему казалось все тоскливо, сонно, грязно и провинциально въ этомъ городѣ, изъ-за котораго онъ всегда горячился въ частыхъ спорахъ о Петербургѣ и Москвѣ.

Онъ даже такъ былъ настроенъ, что, сдѣлавъ гримасу, выговорилъ вслухъ:

— Велика Федѣра, да дура!

И не только „дура“, но и „дрянь“. Два слова: „татарщина“ и „византійщина“, ненавистныя ему еще такъ недавно, когда какой-нибудь либералишка обличалъ „первопрестольную“, напращивались безпрестанно.

Да, двоедушная византійщина. Обнимаются, цѣлуются, хвалятся своимъ добродушіемъ и хлѣбомъ-солью, а въ сущности всѣ — и купцы, и дворяне, и ученые, и актеры, и всякій артельщикъ или водовозъ—сильно „себѣ на умѣ“.

Небось, никто до сихъ поръ искренно не отнесся къ нему. Со сколькими онъ на „ты“ по клубу и гостинимъ; а хотъ бы одинъ единственный обратился къ нему съ желаніемъ войти въ его положеніе!

Деликатность?—Вздоръ! Бездушіе и трусость! Ругаютъ прессу;

а сами, какъ смерти, боятся всякой газетной шавки, каждой печатной строки, въ обличительномъ или ругательномъ духѣ.

Быль уже восьмой часъ на исходѣ. Князь гдѣ-то поѣлъ и очень скверно—горькой осетрины и рубленыхъ котлетъ, отъ которыхъ отзывало тряпками. Обѣда онъ уже не могъ захватить. У нихъ подавали не позднѣе шести часовъ.

Онъ и радъ этому. Ему совсѣмъ не хотѣлось бы попасть домой, когда жена и дѣвицы сидятъ за столомъ.

Вотъ карета повернула на бульваръ. Скоро и Арбатскія ворота. Вездѣ такъ же мокро и неприглядно. Трескъ дрожекъ раздражаетъ князя, даже сквозь окна кареты.

— Этакая поганая трескотня!—выбрался онъ, когда карета взяла вправо, въ сторону Поварской.

Черезъ нѣсколько сажень долженъ быть ихъ домъ. Подъѣздъ въ концѣ, такъ-что придется проѣхать мимо всего фасада.

Князь ладонью, въ перчаткѣ, вытеръ кружокъ на запотѣвшемъ стеклѣ и пристально вглядѣлся въ окна дома.

Всѣ стояли темными.

Значить, гостей никого нѣтъ.

Да и какіе могутъ быть гости? У Вѣры нѣтъ пріятельницъ. Она всѣхъ начала „игнорировать“. Къ счастью, и своихъ купчихъ и купцовъ она къ себѣ не зоветъ. Развѣ ея жидкій ради-валишка Остожинъ...

Да, кажется, его еще нѣтъ въ Москвѣ. Онъ гдѣ-то слоняется по „заграницѣ“ на государственныя деньги и клеветаетъ всюду на свое отечество.

Извозчикъ ошибся и проѣхалъ мимо воротъ.

Князь сердито опустилъ одно изъ переднихъ оконъ и крикнулъ ему:

— Назадъ, болванъ! Проѣхалъ!..

Приходилось поворачивать. Громоздкая четырехъ-мѣстная карета неуклюже поворачивалась на оси, встряхивая князя.

Выходя, онъ уронилъ въ грязь связку изъ зонтика и палокъ. Это еще болѣе разстроило его.

Звонить пришлось нѣсколько разъ.

— Чортъ знаетъ что такое!—нѣсколько разъ выбрался онъ, стоя подъ короткимъ навѣсомъ крыльца; а дождь хлесталъ ему прямо въ лицо.

Можетъ быть, никого нѣтъ? Барыня изволила уѣхать и взяла выѣздного.

Тѣмъ лучше. По крайней мѣрѣ не сейчасъ произойдетъ свиданіе.

Князь чувствовал что-то въ родѣ боязливаго безпокойства отъ мысли, что вотъ сейчасъ надо говорить съ Вѣрой Тимоѣевной и выносить— „tous ses airs de rimèche“.

Про себя онъ уже частенько такъ звалъ ее.

Наконецъ-то отворили. Не человѣкъ показался въ полуотворенную половинку двери, а горничная—Ольга, уже немолодая дѣвушка, пришедшая въ домъ вмѣстѣ съ своей барыней, жившая всегда по купечеству, худая, нѣсколько хмурая и „до гадости“ чистоплотная, въ люстриновомъ платьѣ съ пелеринкой, дѣлавшей ее похожей на сестру милосердія.

— А Степанъ?—спросилъ князь.

— Его нѣтъ, Вадимъ Дмитріевичъ.

Эта „старая дѣва“ рѣдко говорила ему: „ваше сіятельство“.

— Княгиня дома?

— Никакъ нѣтъ. Онѣ у маменьки. Тамъ и обѣдали.

— Кто же вещи вынесетъ изъ кареты?

— Позвольте мнѣ. Или я вухольнаго мужика спрочу.

— Только поскорѣе.

Князь поднялся, грузно ступая по ступенькамъ короткой лѣстницы. За послѣдніе полгода онъ сильно ожирѣлъ.

— Гдѣ же Степанъ?—спросилъ онъ у Ольги, снимавшей съ него пальто.

— Отпросился въ баню.

— А барышни?

— Барышни у себя-съ. У Елены Вячеславовны головка болитъ.

— Онѣ дома обѣдали?

— Дома-съ.

— Ну, идите поскорѣе.

Князь снялъ калоши и оглядѣлся. Передняя освѣщалась лампой; но гостиная стояла въ темнотѣ.

— „Точно выморочный домъ“,—подумалъ онъ.

— „Или домъ банкрота“,—точно кто шепнулъ ему въ ухо.

Звать было нѣкого. Онъ рисковалъ разбить себѣ лобъ, и долженъ былъ зажечь спичку. Въ гостиной стояла лампа, но зажигать ее было слишкомъ долго.

Никогда онъ еще не чувствовалъ себя дома такимъ „мизераблемъ“. Точно онъ въ какихъ-нибудь плохенькихъ меблированныхъ комнатахъ.

Надо же было такъ случиться, что лакей отпросился въ баню. Мѣсяца два назадъ у него было два лакея; но онъ расчѣлъ

второго, какъ пьяницу, и не распорядился, чтобы на его мѣсто сейчасъ же нанять другого.

Ему было не до того.

Спичка догорѣла и слегка обожгла ему палецъ, даже сквозь перчатку.

Князь опять выбранился, зажегъ другую. Въ гостиной не имѣлось ни одной свѣчи. Онъ прошелъ въ кабинетъ жены. Тамъ навѣрно была свѣча.

Кабинетъ тоже не освѣщали.

— Чтѣ за мѣщанство!—вслухъ выговорилъ онъ.

На письменномъ столѣ стояли двѣ свѣчи въ низкихъ мраморныхъ подсвѣчникахъ. Одну изъ нихъ онъ зажегъ, чтобы пойти съ нею въ свой кабинетъ. Зажегъ и другую—поставить ее въ гостиную, черезъ которую надо было нести дорожныя вещи.

Толстая сафьянная тетрадь съ замочкомъ обратила его вниманіе.

Почему-то онъ сейчасъ же подумалъ: не дневникъ ли это или что-нибудь въ такомъ родѣ?

„То-то я думаю,—выговорилъ онъ про себя,—написано про всѣхъ насъ грѣшныхъ въ ввинтилиановскомъ штѣлѣ. И воображаетъ себя, каждый вечеръ, ни больше, ни меньше, какъ непонятой гениальной женщиной и мученицей“!

Онъ взялъ тетрадь въ руки, поднесъ въ глазамъ очень близко, оглядѣлъ со всѣхъ сторонъ и положилъ обратно.

Съ двумя свѣчами въ рукахъ онъ перешелъ въ гостиную, оставилъ тамъ одну изъ нихъ на столѣ и обликнулъ въ переднюю:

— Есть тамъ кто-нибудь?

— Это мы, ваше сіятельство.

Отвѣчалъ вухонный мужикъ Ермолай, молодой малый, съ высокимъ фартукомъ.

— Все внесли?

— Какъ есть все, ваше сіятельство.

Ермолай показался съ чемоданомъ на правомъ плечѣ и съ двумя сумками въ лѣвой рукѣ.

Князь зналъ, что топка печей лежитъ на немъ.

— Отчего здѣсь такой холодъ и сырость?—остановилъ онъ его.

— Сегодня топили только у барыни—въ спальнѣ, значить.

— А въ гостиной?

— Нивакъ нѣтъ.

— И въ кабинетѣ не топили?

— Нивакъ нѣтъ.

— Вотъ это мило! Сейчасъ же затопить!

Ему прежде всегда и вездѣ было жарко; но сегодня онъ рѣшительно дрожить.

И ему вспомнилось, что Вѣра находила домъ слишкомъ старымъ и холоднымъ, когда прїѣзжала въ него еще невѣстой.

— Сейчасъ затопить!—крикнулъ князь, входя въ кабинетъ.

Ольга несла связку изъ палокъ и зонтика и пледъ.

Ермолай прошелъ съ чемоданомъ въ маленькую уборную. Ольга зажгла лампу на столѣ и, уходя, спросила:

— Вы изволили кушать?

— Обѣдать уже поздно. Поваръ дома?

— Кажется, отлучился.

— Вы, стало, всё разбредились по своимъ надобностямъ? Превосходно!

Онъ винулся на кушетку съ ногами, пока Ольга зажигала лампу.

— Да здѣсь замерзнешь! Ермолай! Сейчасъ же дровъ!

— Слушаю.

— Барышнямъ доложить?—спросила Ольга у дверей.

— Онѣ, я думаю, сами слышали, что я прїѣхалъ.

— Оттуда плохо слышно.

— Я позвоню,—сказалъ князь и, совсѣмъ разбитый, поднялся съ кушетки.

VII.

И ему вдругъ очень захотѣлось пить.

Князь позвонилъ. Пришелъ сначала кухонный мужикъ. Онъ его прогналъ. Его оскорбляла красная рубаха, фартукъ и смазные сапоги Ермолая, отъ которыхъ шелъ запахъ воровани.

Пришла опять Ольга.

— Осталось что-нибудь отъ обѣда?—спросилъ князь и перемѣнилъ лежачее положеніе на сидячее.

— Не могу знать. Поваръ ушелъ. Посмотрю въ чуланъ.

— Ну, что-нибудь! Зеленаго сыру, сардинъ. И скорѣе. А вино есть?

— Ключъ отъ погреба у Степана.

— Это Богъ знаетъ что!

Жажда стала его мучить отъ прогорѣлой осетрины, которую онъ закусилъ на одной изъ станцій.

— За квасомъ пошлите. Квасу мнѣ! Только хорошаго.

Ольга серылась въ дверяхъ.

Князь опять разлегся на диванъ. Вагонъ утомилъ его. Въ

затылкѣ ныло, и одинъ бокъ онъ отлежалъ. Еслибъ онъ такъ не усталъ отъ дороги—онъ сейчасъ бы поѣхалъ въ трактиръ. Въ клубъ уже поздно—для ѣды; да онъ и не желаетъ теперь встрѣчаться ни съ кѣмъ.

„Однако какъ же это?—остановилъ онъ себя.—Неужели я буду ото всѣхъ прятаться“?

Въ кабинетъ вбѣжала Маруся и довольно шумно окликнула его.

— Дядя, милый! Какъ ты неожиданно!

Она наклонилась къ нему и чмокнула его въ щеку.

Отъ нея такъ и пышило здоровьемъ. Бюстъ былъ слишкомъ роскошенъ для ея лѣтъ.

— Здравствуй, здравствуй!.. Лена нездорова?

— Мигрень... Она одѣнется.

Князь подумалъ: „Могла бы и не трудиться“.

Между нимъ и Леной давно уже нѣтъ большихъ ладовъ. Она не сразу перестала бывать у своей подруги—жены купчика Пусикова—и это князь считалъ „измѣной“.

Горничная, съ помощью все того же Ермолая, надѣвшаго сверхъ фартука пиджакъ, внесла ломберный столъ, совсѣмъ накрытый. На блюдѣ лежали двѣ половины холоднаго рябчика, на тарелкѣ кусокъ сыру и розанецъ.

Онъ очень всему этому обрадовался.

— А ввась?—крикнулъ онъ.

— Сейчасъ, ваше сіятельство!—откликнулся Ермолай.

— Садись,—указалъ князь Марусѣ на стулъ около кушетки; а самъ принялся съ жадностью за половину рябчика.

— Княгиня не обѣдала дома? — спросилъ онъ, когда горничная и кухонный мужикъ скрылись.

— Нѣтъ, не обѣдала... А мы, дядя, стали безпокоиться... Ты точно въ воду кануль.

Князь нашелъ это выраженіе довольно безцеремоннымъ для „дѣвчонки“, но промолчалъ.

О своихъ племянницахъ онъ совсѣмъ не думалъ за послѣднія недѣли ежедневныхъ тревогъ и волненій.

Когда произойдетъ „погромъ“—а онъ неизбеженъ, даже и безъ всякой „уголовщины“—куда же онѣ дѣнутся? Кромѣ него, у нихъ нѣтъ близкихъ родственниковъ. Отъ ихъ состоянія ничего не осталось. Онѣ не приняли наслѣдства. Если завтра онъ откажется кормить ихъ и одѣвать—онѣ очутятся „на улицѣ“.

„Лена, впрочемъ, почти невѣста, — успокоительно подумалъ князь.—Ну, а эта толстуха будетъ жить съ сестрой“.

Но претендентъ Лены — армейскій драгунъ. И по Москвѣ

ходятъ слухи, что онъ „прохаживался“ насчетъ богатыхъ купчихъ. Вѣроятно, онъ считалъ ее съ хорошимъ приданымъ. А теперь?

— Ты совсѣмъ вернулся, дядя?—спросила Маруся и какъ-то особенно поглядѣла на него.

— Не знаю, можетъ быть, и еще придется съѣздить.

— А мы думали съ Леной, что ты совсѣмъ не вернешься.

— Глупости какія! — построже отозвался князь и поднялъ вверхъ ножъ.

— Право... Ты не сердись!—Маруся заговорила, понизивъ голосъ.—Мы были въ такомъ волненіи. И Вѣра Тимофеевна ничего не знала. Ты вѣдь не писалъ, и вотъ пріѣхалъ скоропостижно.

— Скоропостижно!—фыркнулъ онъ.—Какъ ты выражаешься! Это только о покойникахъ такъ говорятъ.

— Извини.

„И зачѣмъ я съ ними на „ты“!—подумалъ князь.—Каждая дѣвчонка отъ одного этого „ты“ Богъ знаетъ какого съ вами тона“.

Опять у него зажгло подъ ложкой отъ жажды.

— Сбѣгай туда!—приказалъ онъ Марусѣ.—Что-жъ они не несутъ мнѣ квасу...

— Я позвоню, топ опле.

— Экая ты лѣнтяга! Оттого такъ и толстѣешь... Точно кормилица! Просто неприлично дѣлается.

И онъ жестомъ указалъ на чрезмѣрно развитой ея бюстъ.

— Ахъ, дядя!—полу-стыдливо откликнулась Маруся и встала, чтобы позвонить.

Поднялась она грузно, съ легкимъ скрипомъ ботинокъ и съ переваломъ.

„Неужели она кому-нибудь не приглянется... Хоть студенту изъ купцовъ?.. Съ Богомъ! И кончатъ ей курсъ совершенно лишнее“.

Ермолай принесъ бутылку кваса, захватившись. Онъ громко дышалъ.

— Чтѣ ты сопишь?—далъ на него окрикъ князь.—Поставь... Я самъ налью,—остановилъ онъ рукой Ермолая, когда тотъ хотѣлъ откупоривать.

— Сгупай!.. И скажи Ольгѣ, чтобы мнѣ сварили кофе—кряпкаго. И подать безъ сливокъ.

— Слушаю, ваше сіятельство.

— По наукамъ у тебя успѣхи все такіе же? — съ язвой спросилъ князь племянницу.

— То-есть, какіе?

— То-есть, посредственные.

— Ошибаетесь, дядя, — обидчиво отвѣтила Маруся и стала ходить по кабинету, засунувъ руки въ карманы кофточки.

Князь не выносилъ ни того, ни другого.

— Сядь!.. Скрипишь подошвами!

Первы его и отъ ѣды не улеглись еще.

„Да и не до ученья теперь!“ — чуть было не сказалъ онъ вслухъ.

— Вотъ и Лена, mon oncle.

Князь быстро повернулъ голову къ двери. Старшая племянница подвигалась развинченной походкой, съ повязкой на головѣ и кутаясь въ шаль. Она очень подурнѣла за то время, какъ онъ не видалъ ее.

И глаза ея — красные и съ темными кругами — смотрѣли на него совсѣмъ не родственно.

— Здравствуй! — крикнулъ онъ ей и продолжалъ ѣсть.

— Bonjour, mon oncle, — глухимъ голосомъ отозвалась Лена и присѣла къ письменному столу, продолжая глядѣть на него съ тѣмъ же недобримъ выраженіемъ.

— Все мигрень? — спросилъ онъ и сталъ изъ стакана тануть квасъ съ густой пѣной.

— Je suis très souffrante! — выговорила Лена и прибавила: — au physique comme au moral.

— Чтò еще?

— Вы не понимаете? — продолжала она по-французски, не обращая вниманія на то, что онъ желалъ вести разговоръ по-русски.

— Съ теткой опять повздорили? — спросилъ онъ, тряхнувъ своей курчавой головой, сильно посѣдѣвшей.

— Il ne s'agit pas de cela, mon oncle.

— Лена! — оборвалъ онъ ее. — Пожалуйста безъ этихъ тоновъ. Ты точно предсѣдатель суда... Я не подсудимый.

— „Vous le serez tantôt!“ — хотѣла она ему крикнуть.

Она встала и распахнула свою шаль нервнымъ движеніемъ.

— C'est à vous que je dois ça! — съ дрожью въ голосѣ проговорила она.

— Что такое „ça“? Извольте выразаться прямо, а не экивоками.

Князь отрѣзалъ себѣ большой кусокъ сыру, взялъ его въ руку и откусилъ безъ хлѣба.

— Ça! — подхватила она, разозлившись. — А то, что изъ-за васъ, дядя, мы пойдемъ по-миру. On me traite comme la nièce

d'un oncle compromis... sans le sou et sous le coup d'une saisie judiciaire.

Все это она выговорила разомъ, отчетливо, съ горькой интонаціей.

— Что такое?! Что такое?!

Щеки князя побурѣли. Онъ бросилъ салфетку и ногой отодвинулъ столъ.

— Фастуновъ пошелъ... на попятный дворъ, — пояснила Маруся.

— Не твое дѣло! — замѣтила ей сестра и, запахнувшись опять въ шаль, подсѣла на диванъ, рядомъ съ княземъ.

— Да развѣ онъ былъ объявленъ твоимъ женихомъ? — спросилъ онъ уже менѣе задорно.

— C'était tout comme, — тономъ бывалой дамы отвѣтила Лена. — Et je suis une déclassée! Une déclassée! Même pour un soudard de cette espèce!

Ее всю подернуло. Она тотчасъ же схватилась рукой за голову и застонала.

— Только пожалуйста безъ встерики!.. Выносить я этого не могу!

Князь выскочилъ изъ-за стола и заходилъ по кабинету.

Въ передней зазвонили.

— Это Вѣра Тимошеевна! — крикнула Маруся и убѣжала отворять дверь.

VIII.

Столъ съ остатками ѣды и бутылкой кваса все еще стоялъ передъ диваномъ.

Барышни удалились, но не сразу. Лена пустила дядѣ еще двѣ-три шпильки. Вѣра боялась, что выйдетъ сцена.

Она, узнавъ отъ горничной, что князь вернулся и закусываетъ въ кабинетѣ, и что барышни тамъ же, прошла сначала въ спальню — снять шляпу.

Ей не хотѣлось встрѣтиться съ княземъ при племянницахъ, но нельзя было не придти сейчасъ же.

Не за себя ей дѣлалось неловко, а за князя. При племянницахъ онъ станетъ лгать. Отмалчиваться же, по натурѣ своей, врядъ ли способенъ.

Встрѣча вышла приличной. Она поцѣловала его въ високъ, онъ ее въ руку.

Отъ всякихъ вопросовъ она воздержалась. И когда князь

сталь ѣжиться отъ колкихъ фразъ Лены, она раза два значительно поглядѣла на нее.

Подали кофе, и этой паузой воспользовался князь, чтобы отдѣлаться отъ присутствія племянницъ.

Но когда Лена и Маруся ушли и мужъ съ женой остались съ глазу на глазъ—неловкость усилилась.

Князь закурилъ и въ полулежащей позѣ облокотился о валикъ дивана.

Вѣра сидѣла у стола.

— Ты голоденъ,—сказала она довольно мягко.

Суховатое „вы“ почему-то не вышло у нея.

— Нѣтъ, ничего,—отозвался князь.

— Мы не ждали тебя.

— Извините, пожалуйста,—слишкомъ кротоко выговорилъ онъ.

— Не до писемъ и не до телеграммъ было.

Она видѣла, что ему надо говорить, и говорить въ протестующемъ тонѣ. И она впередъ знала—о чемъ.

И, не дожидаясь, съ чего онъ начнетъ, она спросила его:

— Адвоката... господина Архузова ты видѣлъ гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ, не видалъ, но онъ мнѣ телеграфировалъ о вашемъ отказѣ.

Это „вашемъ“ давало ноту.

— Я иначе не могла поступить,—вымолвила Вѣра и опустила голову.

— Какъ знаете...

Князь всталъ, отошелъ въ уголъ комнаты и разставилъ широко ноги.

— Не могла,—повторила тише Вѣра и тутъ только остановила на немъ взглядъ—полное отсутствіе какаго бы то ни было смущенія.

— Другими словами—ваша хата съ краю... Чтò бы ни произошло, вы игнорируете...

— Полно, Вадимъ,—остановила она его и подошла къ нему. —Такая сдѣлка, еслибъ я даже и согласилась на нее, ничего бы не спасла и могла бы только вызвать...

— Ахъ, Боже мой!—глухо крикнулъ онъ — Говорите вы проще... какъ пристало женщинѣ... а не прокурорскимъ штилемъ!

— Я говорю, какъ умѣю. Твой адвокатъ посовѣтовалъ тебѣ это, потому что ему рѣшительно все равно... Онъ циникъ.

— А вамъ не все равно?

Она вернулась къ своему мѣсту и, садясь, сказала строже.

— Я такъ говорить не желаю, Вадимъ Дмитриевичъ. Мнѣ не

известно, какъ велика сумма вашего дефицита; но то, что наша подвижность стоитъ — валя. Ни для меня, ни для тебя, — перешла она опять на „ты“ — это не обезпеченіе.

— Знаю-сь... это крохи; но я ихъ предложилъ изъ понятнаго чувства... Что могу, то и предлагаю... Больше мнѣ нечего предложить — не взыщите... Вы отказываетесь отъ того, что я вамъ предложилъ. У васъ — высшее благородство чувствъ. Намъ куда же до этого! И скажите... тамъ, у васъ... дома раздѣляютъ такую строгость воззрѣній?.. Намъ куда же до нея, ха, ха, ха!..

Смѣхъ князя разнесся по кабинету съ носовымъ привкусомъ. Вѣра сдѣлала жестъ ладонью правой руки.

— Затѣмъ ты такъ говоришь? — спросила она съ легкой дрожью въ голосъ... Только, чтобы сказать мнѣ что-нибудь горькое или обидное... Я имѣла бы право, Вадимъ, сейчасъ уйти отсюда.

— Какъ вамъ угодно.

— Но я не сдѣлаю этого... Моя обязанность...

— Обязанность! Обязанность!.. — глухо крикнулъ онъ. — Вы олицетвореніе добродѣтели и гражданскаго долга. Вы все это говорите, чтобы только самоѣ себя возвеличить. На здоровье! Но я не умиляюсь передъ такою добродѣтелью... Ни мало! Ни крошки! Слышите!.. Все это — сушь и рисовка!

— Рисовка? — повторила Вѣра, и губы ея повела усмѣшка.

— Да-сь! Рисовка! Вамъ рѣшительно все равно... Разорится вашъ мужъ, сохранить онъ доброе имя или нѣтъ, пустить себѣ пулю въ лобъ или нѣтъ... Вамъ что-жь!

И только-что князь все это выговорилъ — ему вспомнился безцеремонный возгласъ кузена Погулянина о томъ, что онъ „не стоитъ мизинца своей жены“.

Это его еще сильнѣе возбудило. Какъ бы онъ ни провинился — онъ ея мужъ, князь Кунгуровъ, превратившій ее изъ купеческой дочери Финиковой въ жену Гедиминовича. И не ей разгрызать передъ нимъ какую-то римскую матрону, въ родѣ матери Граковъ, и всѣмъ своимъ нестерпимымъ тономъ показывать — какъ она выше его.

— Вамъ угодно выслушать отъ меня исповѣдь? Я долженъ каяться? И клянчить прощенія — какъ это дѣлается въ вашемъ быту... Ха, ха! Вотъ ваша родственница — Вахрамѣева... миллионщица... У ея степенства муженекъ какъ только здорово надѣлаетъ долговъ — тысячекъ на сто, на двѣсти — попадетъ въ опеку, тогда всѣ друзья дома обращаются съ нимъ какъ съ провинившимся лакеемъ. А когда онъ достаточно восчувствуетъ свое окаян-

ство, „сама“—выговорилъ князь съ удареніемъ—потребуется его къ себѣ въ спальню, утромъ, и, въ присутствіи всѣхъ друзей, онъ становится на колѣни и вымаливаетъ у нея прощеніе. Но ему денегъ на руки не даютъ—ни-ни! а вручаютъ чекъ одному изъ друзей и приказываютъ распорядиться уплатой векселей. И такъ разъ въ два года—обязательно!.. Ха, ха!

Вѣра слушала, глядя на него спокойно и пристально... и не могла возмущаться. Онъ былъ близокъ къ нервному припаду... Жалость закралась къ ней въ душу—жалость и стыдливое чувство за него.

Князь не выдумывалъ. Такія исторіи ходятъ по всей Москвѣ о четѣ Вахрамѣевыхъ. И она всегда возмущалась, и въ дѣвицахъ, и послѣ, подобными отношеніями супруговъ. Ей вспомнилась и чета Лопаревыхъ, гдѣ мужъ, напротивъ, скаречно вопилъ и, состоя приващикомъ у своей развратной Вассы Ивановны, дисконтировалъ каждую ея любовную интригу.

Вѣра ждала—что будетъ дальше.

— Я вамъ долженъ. Можете сейчасъ же подавать ко вскрытію, Вѣра Тимофеевна... Теперь еще есть время. И вашъ документъ будетъ, кажется, по закону удовлетворенъ раньше всѣхъ. Вы до нашего паевого товарищества можете не имѣть никакого вассательства. Ха, ха! У меня еще есть имѣніе.

Вѣра тихо поднялась и опять подошла къ мужу.

— Полно, Вадимъ!—сказала она искренно и вѣско.—Къ чему все это? Что я такое сдѣлала? Я не допрашиваю тебя... Ты все отъ меня скрывалъ. На то была твоя добрая воля. Не желаю я вовсе, чтобы ты унижался предо мною. Поддержать тебя готова.

— Отъ поддержки избавьте!

„Дуракъ!—вскричалъ про себя князь, съ интонаціей кузена Погулянина.—Болванъ! На кого же ты надѣешься?.. Вѣдь кубышка-то у нея и у маменьки ея Степаниды Ѳедотовны“!

— Избавьте отъ поддержки!—ослабѣвшимъ голосомъ повторилъ онъ и повалился съ ногами на диванъ.

Князь сталъ тяжело дышать. Вѣра опять подумала, что съ нимъ что-нибудь случится. Такой сангвиникъ—и въ его лѣта—не застрахованъ отъ удара.

— Пожалуйста, не волнуйся такъ! — сказала она, подсаживаясь на диванъ.

Она все еще ждала, что онъ перестанетъ такъ печально выказывать себя, и безъ всякаго униженія, искренно поговорить съ нею, не скроетъ отъ нея: какъ дѣйствительно стоитъ дѣло и

можно ли ожидать чего-нибудь больше, чѣмъ простое банкротство ихъ предпріятія.

— Послушай, — вполголоса вымолвила она. — По крайней мѣрѣ вы съ Погуляниннымъ не ждете чего-нибудь хуже ликвидация?

— Не боюсь я ничего! — протянулъ онъ ноющимъ звукомъ. — Я не воровалъ и не поддѣлывалъ документовъ. Прошу васъ вѣрить! — сказала онъ болѣе рѣзко.

Въ дверяхъ кабинета показалась голова лакея, успѣвшаго вернуться.

— Депеша вашему сіятельству.

Вѣра взяла ее изъ рукъ Степана и спросила у него:

— Вы подписались?

— Подписался, ваше сіятельство.

— Что такое? — крикнулъ князь, вскочилъ съ дивана и почти вырвалъ телеграмму изъ рукъ жены.

IX.

Князь подошелъ къ столу, чтобы, при свѣтѣ лампы, прочесть телеграмму. Вѣра глядѣла на него, охваченная волненіемъ.

Пальцы его вздрагивали, когда онъ разорвалъ бумажную печать депеши. Она была въ нѣсколько строкъ.

Кровь быстро прилила къ его щекамъ. Онъ щурилъ одинъ глазъ, разбирая слова телеграммы, написанныя карандашомъ.

— Вотъ что! — выговорилъ онъ и, отходя отъ стола, сжалъ листовъ депеши въ кулакѣ.

— Ну и превосходно! Я не испугался, я на все готовъ.

Онъ широко развелъ руками по воздуху.

— Отъ кого это? — спросила очень тихо Вѣра.

— Отъ Архузова.

— И что же?

Онъ не подаль ей листа, а все держалъ его въ кулакѣ.

Ему не хотѣлось выговорить вслухъ то, о чемъ адвокатъ предупреждалъ его. На-дняхъ онъ могъ получить повѣстку отъ судебного слѣдователя. Погулянинъ уже приготовленъ къ этому.

Внутри онъ ощущалъ дрожь. И боялся, что если онъ заговорить, то губы его задрожать. Это его оскорбляло и бѣсило. Но страха онъ преодолѣть не могъ сейчасъ же, такъ, чтобы жена его ничего не замѣтила.

— Une saisie? — спросила Вѣра.

Французское слово вылетѣло у нея само собою. Русское было бы слишкомъ рѣзко.

— Une saisie! Une saisie! — повторилъ князь, шагая по кабинету и жестикулируя. — Pis que cela!..

„Прокурорскій надзоръ“? — хотѣла она спросить и воздержалась.

— Ты можешь и не отвѣчать мнѣ, — точно про себя вымолвила она.

— Ничего я скрывать не желаю, — пробормоталъ князь и опустился на диванъ.

Лобъ его сдѣлался влаженъ. Можно было даже видѣть, какъ капельки пота блестѣли около висковъ. Скомканный листокъ депеши выпалъ изъ рукъ на полъ.

Онъ тотчасъ же его поднялъ и протянулъ ей.

— Но если тебѣ неприятно...

— Ахъ, Боже мой! Читайте! — хныкающимъ голосомъ крикнулъ князь.

Вѣра взяла у него листокъ и начала разглаживать.

Ей дѣлалось неловко, немного стыдно... Зачѣмъ она увеличиваетъ его расстройство? Она и впередъ могла знать, что князь Вадимъ Дмитриевичъ врядъ ли окажется героемъ въ рѣшительную минуту.

Изъ депеши она поняла, что дѣло пахнетъ уголовнымъ преслѣдованіемъ, хотя текстъ былъ составленъ вносказательно, особеннымъ жаргономъ.

— Eh bien? — спросилъ князь и разстегнулъ двѣ пуговицы жилета.

— Тутъ нѣтъ ничего неожиданнаго для тебя, — проговорила она, опустя голову.

Ей вступило въ виски. Мужъ ея не считаетъ себя виновнымъ. Онъ не плутъ въ прямомъ смыслѣ. Но его привлечь и посадить на скамью подсудимыхъ и, быть можетъ, осудить наравнѣ съ Погулянинымъ, какъ его сообщника. И можно ли отрицать то, что онъ — несомнѣнный сообщникъ?

Надо дѣйствовать — и сейчасъ же.

Вѣра подѣлала къ мужу на диванъ и положила длинную, мужественную кисть руки на его колѣни.

— Послушай, — заговорила она нѣсколько глухо и прерывисто. — Не волнуйся, безъ пользы для себя... И скажи мнѣ — чего ты больше всего боишься?

— Я совсѣмъ не...

Онъ не докончилъ. Слишкомъ было ясно, что депеша нагнала на него панику.

— Полно, полно! Это понятно! Будетъ ли доказана твоя виновность или нѣтъ—ужаснѣе всего для тебя попасть подъ уголовный судъ. И я это понимаю.

— Но не вѣрите мнѣ? — вдругъ съ презрительной горечью спросилъ князь и съ пылающими щеками воззрился на нее. — Вы считаете меня способнымъ на подлогъ... Я для васъ и для всей вашей родни... жуликъ?

— Вадимъ!—строже остановила она его. — Къ чему же ты себя унижаешь такъ? Но ты вотъ что мнѣ скажи: кузена своего — ты самъ считаешь виноватымъ только въ томъ, что онъ неудачно торговалъ? Или и въ чемъ-нибудь... уже прямо нечестномъ?

— Это его дѣло! Онъ самъ пускай себя и защищаетъ!

Жалость къ мужу чередовалась въ душѣ Вѣры съ чувствомъ, похожимъ на возмущеніе его дрянностью... Онъ струсилъ, готовъ сейчасъ же скрыться и все-таки задорно бурлить; въ немъ нѣтъ ни логики, ни достоинства, даже простого смысла, или того point d'honneur, какой есть и у профессиональныхъ воровъ, которые держатся другъ за друга.

— Значить, ты разрываешь съ Погулянинымъ? — спросила она, поглядѣвъ на него вбокъ. — И наконецъ, дѣло не въ томъ — какъ ты на него теперь смотришь — какъ на честнаго человѣка, или какъ на плута... Если его будутъ преслѣдовать, то и тебя непременно притянутъ... Адвокатъ тебя и предостерегаетъ.

— Это только финты! Чтобы содрать кушъ покрупнѣе...

— Да вѣдь вы съ нимъ, вѣроятно, сладились?

— Что-жъ ты думаешь, онъ изъ-за нашихъ „прекрасныхъ глазъ“ будетъ готовить свою брехню?

— Изъ какихъ же денегъ вы заплатите ему?

— Изъ собственныхъ!

— У васъ ихъ нѣтъ теперь. Все, что у васъ есть... принадлежитъ вашимъ пайщикамъ и кредиторамъ.

„Ехидная купчиха“!

Этотъ возгласъ, про себя, выскочилъ въ мозгу князя, точно ракета, — и онъ близокъ былъ къ взрыву.

Какъ эта сухая и бездушная женщина ломается надъ нимъ! Хуже всякаго судейскаго врючка. Каждымъ своимъ вопросомъ она хочетъ припереть его.

— Позвольте-съ, Вѣра Тимоѣевна, — началъ онъ, отойдя къ двери. — Позвольте-съ. Я здѣсь у себя въ кабинетъ, а не въ ка-

мерѣ слѣдователя, не въ сыскной полиціи... Такого бездушія я и отъ васъ не ожидалъ-съ!

— Я тебя ничѣмъ не обидѣла, Вадимъ... Ты долженъ же теперь дѣйствовать, такъ или иначе.

— Да зачѣмъ вы меня допрашиваете?—перехваченнымъ звукомъ вырвалось у него.

— Ты называешь это допросомъ... Благодарю тебя.

Она поднялась и тихо пошла къ двери.

Никакой жалости къ нему въ ней уже не было.

— Пойдите!

Онъ схватилъ ее за руку.

— Ты не хочешь меня понять.

Вѣра продолжала говорить ему „ты“. Иначе у нея не выходило. Она какъ бы хотѣла показать ему этимъ „ты“, что они, въ эту минуту, мужъ и жена, члены союза, которому она оставалась до сихъ поръ вѣрна, что имъ надо и чувствовать, и поступать сообща. Но онъ этого не понималъ и своимъ „вы“ показывалъ ей, что не довѣряетъ ей, считаетъ ее женщиной неспособной отнестись къ нему искренно.

— Я уже сказалъ вамъ, Вѣра Тимофеевна, что отъ меня вы не дождетесь того, какъ мужья милліонщицъ—изъ вашего міра—холопствуютъ передъ своими дражайшими половинами.

— Развѣ я чего-нибудь подобнаго добивалась?

Она поглядѣла на него такъ, что онъ немного смутился.

— Въ отвѣтъ буду я—и вамъ нечего беспокоиться.

— Вадимъ!—голосъ ея зазвучалъ съ легкой вибраціей.—Я лучше уйду... Ты не вѣришь мнѣ. Выслушивать твоихъ выходокъ я не хочу... Но ты напрасно думаешь, что я бездушна, что твоя бѣда меня не касается. Это наша общая бѣда,—выговорила она, замедляя темпъ своей рѣчи.

Князь притихъ и, вернувшись къ дивану, опустил на него. Руки его болтались.

— Допрашивать тебя я не имѣю права,—договорила Вѣра.—Но я вижу, что у тебя нѣтъ никакой *règle de conduite*. Вотъ сейчасъ ты получилъ такую депешу. Ты горячишься... и малодушничаетъ, Вадимъ. Одно изъ двухъ—или скрываться, или ждать повѣстки отъ слѣдователя.

Онъ заморгалъ.

„Ехидная купчиха“—читала Вѣра тамъ у него внутри. Первая его мысль была—уйхать изъ Москвы. Но онъ въ этомъ не сомнѣвается... особенно ей.

— Я еще не такой идиотъ!—вскричалъ онъ.

— Стало быть, надо ждать. Но не пассивно же. Отчего же не сдѣлать всѣхъ усилій, чтобы поладить съ вашими пайщиками и кредиторами?

Онъ махнулъ рукой.

И тотчасъ же ему послышался окрикъ Погулянина: „Дуракъ! болванъ! Что ты фыркаешь на свою жену? Она только и можетъ спасти насъ“!

Конечно—никто больше. Это онъ чувствуетъ каждымъ своимъ фибромъ. Но что-то внутри его не позволяло ему стряхнуть съ себя княжескій гоноръ, смириться, растрогать эту женщину, отдать всего себя въ ея руки.

— *C'est une mer à boire!*—выговорилъ онъ глухо, избѣгая ея взгляда.

— И Погулянинъ того же мнѣнія?—дѣловито спросила Вѣра, нагнувъ голову.

Приходилось лгать. Онъ молчалъ.

— Твой темпераментъ не позволяетъ тебѣ говорить со мною... какъ бы я заслуживала, Вадимъ. Богъ съ тобою! Но знай, что я готова—потому что таковъ мой долгъ—сдѣлать все, чтобы не доводить тебя... до суда.

Вѣра смолкла. Князь сидѣлъ все въ той же неловкой, безпомощной позѣ и, усиленно дыша, посапывалъ.

„Ну да, ну да...—подумалъ онъ.—Закабалить желаетъ“!

И онъ еще болѣе возненавидѣлъ жену.

Х.

Въ сумеркахъ, передъ обѣдомъ, въ комнатѣ барышень происходилъ возбужденный разговоръ шопотомъ.

Лена ходила по комнатѣ. Маруся, поджавъ ноги, приутилась на коротенькой кушеткѣ. Говорили онѣ, какъ обыкновенно, перескакивая отъ французскихъ фразъ въ русскія. Маруся вообще не очень бойко французила и всегда боялась, что Лена ее оборветъ на ошибкѣ.

— Какъ же намъ быть, Лена милая?

Этотъ возгласъ Маруси прозвучалъ громкимъ шопотомъ, порывисто и наивно.

Маруся кое-что знала про дѣла дяди; но она не могла себя представить: чтѣ же именно случится, и не совсѣмъ вѣрила этому. Она считала дядю очень любимымъ и удачнымъ.

— Какъ быть?

Лена отвѣчала злобной, вибрирующей нотой:

— Nous allons crever...

— Sur la paille?—спросила полу-смѣшливо Маруся. Она припомнила, что ея покойная мать безпрестанно употребляла выраженіе: „mourir sur la paille“.

— Тутъ нечего паясничать, Маруська.

— Развѣ я?..

— У тебя въ головѣ ходитъ вѣтеръ.

— Ты всегда такъ...

Маруся собралась хныкать.

— Pas de pleurnicherie!—дала на нее окрикъ Лена.

Она присѣла на кушетку. Въ комнатѣ стало еще темнѣе.

— Дядя такъ запутался, что... будетъ „дѣло“.

— Притянуть?

— Ахъ, какъ ты глупа, Маруся!

— Не глупѣ тебя.

— Ты пойми... Мы—нищіе. Дядя совсѣмъ растерялся. Трусить... Пожалуй кончить самоубійствомъ.

— Чтò ты!

— И очень... La marchande serait enchantée!

Онѣ уже давно положили между собою, что Вѣра Тимоѣевна мужа своего терпѣть не можетъ, и что Остожинъ—ея „ami de coeur“.

До сихъ поръ, Лена и сама какъ-то не допускала, что онѣ съ сестрой очутятся „на улицѣ“. Дядю она нисколько не жалѣла. Его тонъ сталъ для нея невыносимъ. Она понимала, что если кто можетъ спасти дядю—то это жена его.

Смириться передъ нею Лена не хотѣла. Она считала это низкимъ. Лучше идти въ чужіе люди, чѣмъ унижаться передъ этой ненавистной „купчихой“.

Вчера дядя дошелъ Богъ знаетъ до чего. На самое простое ея замѣчаніе онъ, за столомъ, при людяхъ и „по-русски“, сталъ попрекать житьемъ въ его домѣ, послѣ смерти отца и матери. Даже жена его замяла разговоръ.

Какъ онъ не постыдился дѣлать такіе попреки, зная, что онъ и самъ-то жилъ на счетъ жены?!

И вотъ теперь у Лены явилась мысль во время разговора съ Марусей—„lui river son clou“—осрамить его, показать ему, до какой степени она выше его по благородству своихъ чувствъ.

— Что-жъ!—вдругъ воскликнула Маруся громче и вся завозилась на кушеткѣ.—Я пойду въ актрисы.

— Дура! Съ тебя станется!—Лена презрительно передернула

плечами.—Развѣ съ тобой можно о чемъ-нибудь серьезномъ говорить?

Она пошла за перегородку, зажгла свѣчу, и Марусѣ слышно было, какъ Лена потянула къ себѣ одинъ изъ ящичковъ своего комода и начала тамъ перебирать.

„А ты куда пойдешь?“—спрашивала Маруса про себя не безъ задора.

Лену она боялась гораздо меньше, съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ ожидался „крахъ“. Это слово употребляла она безпрестанно. Если за дядю заплатить „вупчиха“—значить, онъ будетъ жить тамъ, въ домѣ ея „просвирни“—такъ онъ прозвали Степаниду Федотовну, никогда ее не выдавъ въ глаза.

И она переѣдетъ съ ними?

Этотъ вопросъ не пугалъ ее. Развѣ не все равно, гдѣ ни жить? Можетъ быть, тамъ найдется особенная комната для нея... Съ Вѣрой Тимофеевной она не ссорится. Но вѣдь она „ехидная“. Теперь она ни одной изъ племянницъ князя въ свой „Финиковскій“ домъ не возьметъ.

„Ну такъ что-жь!—подумала она.—И пойду въ актрисы!“

Она умѣла передразнивать и часто въ перемѣны смѣшила весь классъ. Хоть Лена и считаетъ ее „дурой“, но она говоритъ по-французски, какъ и всѣ барышни ея дѣтъ. Вотъ она и поступить въ богатый домъ болтать съ дѣтьми по-французски—непремѣнно къ миллионерамъ. И они будутъ ее на рукахъ носить... Походить одну зиму въ классы, гдѣ учать играть на сценѣ. Одна ея подруга, кончивъ курсъ въ гимназiи, поступила въ „Филармонiю“ на Большой Никитской. И какъ тамъ весело... Учатъ актеры и литераторы...

Щеки Маруси разгорѣлись. Она, лежа въ темнотѣ на кушеткѣ, размечталась.

— Идемъ!—скомандовала Лена, показываясь со свѣчей въ рукѣ въ портьерѣ перегородки.

— Куда?

— Въ кабинетъ дяди... Онъ долженъ быть тамъ въ эту минуту.

— Зачѣмъ?

— Ты увидишь зачѣмъ.

Маруса нѣхота поднялась. Ей такъ вкусно лежалось.

Свѣчу Лена поставила. Въ другой рукѣ она держала что-то завязанное въ тонкую шольвовую бумагу.

— Что это?—спросила Маруса.

— Вотъ увидишь... Идемъ... До обѣда осталось всего десять минутъ.

Маруся начала догадываться.

— Это какая-нибудь вещь?—спросила она, когда онѣ вышли въ коридорчикъ.

„Должно быть, она хочетъ отдать спрятать?—спрашивала себя Маруся.—Боятся, что здѣсь опечатаютъ“.

Она и за свои вещи стала пугаться. Послѣ смерти матери она сильно боялась „аукціона“ и „продажи съ молотка“.

Ихъ мебель всю и продали.

„Но вещи развѣ отбираютъ“?

„Отбираютъ—и какъ еще!“—увѣренно отвѣтила она сама себѣ.

Лена остановилась передъ дверью въ кабинетъ и постучала въ дверь.

Тамъ разговаривали. Онѣ обѣ узнали голосъ Вѣры Тимофеевны.

— Tant mieux!—вполголоса сказала Лена и, не дожидаясь отклика изъ кабинета, широко распахнула дверь.

Князь ходилъ по кабинету. Вѣра сидѣла около письменнаго стола.

Лена сейчасъ же разглядѣла на кушеткѣ письмо большого формата, брошенное сгибомъ внизъ. И по лицу дяди она поняла, что онъ очень сильно встревоженъ.

— Чтѣ надо?—рѣзко спросилъ онъ.

Вѣра оглядѣла ихъ обѣихъ и замѣтила въ рукахъ Лены коробку въ глянцевиной бумажкѣ. Маруся остановилась у дверей и ждала—что изъ всего этого будетъ?

— Ты видишь... Мнѣ не до васъ... — выговорилъ князь и сдѣлалъ движеніе къ Ленѣ, точно хотѣлъ выпроводить ее.

— Одно слово.. дядя... Это важно для меня,—прибавила она строго и оглядѣла ихъ обѣихъ.

Вѣра встала. Она ожидала сцены между дядей и племянницей.

Лена,—не торопясь,—развязала и высвободила изъ бумаги экранъ.

— Mon oncle,—торжественно выговорила Лена.—Je ne veux pas vous être à charge... Voici le collier que vous m'avez donné... Reprenez-le!

Она поставила экранъ на край стола и отошла къ двери.

— Чтѣ такое! Съ какой стати!—запыхаясь, заговорилъ князь.

Вѣра молчала. Поступокъ Лены могъ бы тронуть ее, еслибъ она не догадывалась, что это сдѣлано въ отместку за недавніе окрики дяди.

— Не хочу я этого!

Князь схватилъ экранъ и совалъ его въ руки Лены.

— Non, mon oncle... Je ne le prendrai pas!..

И, сдѣлавъ кивокъ Марусѣ, Лена быстро вышла и захлопнула за собою дверь.

— Этакая...

Онъ хотѣлъ сказать „дрянь“ — и удержался.

Экранъ торчалъ у него въ рукѣ.

Отъ подарка, годъ назадъ, Вѣра отказалась. Вся сцена встала передъ нею. Была ли она права?

На этотъ вопросъ она могла отвѣтить одно: совѣсть не позволяла ей поступить иначе.

— Лена сильно обидѣлась тогда, — вполголоса выговорила Вѣра.

— Скажите на милость! Злюка... И кривляка!

Пальцы его вздрагивали и онъ все еще держалъ экранъ.

— Это колье, Вадимъ, цѣнная вещь.

— Чтѣ я подарилъ, то я не беру назадъ.

— Можно обратить въ деньги... и онѣ пригодятся имъ обѣимъ... У Лены это пройдетъ. Только не настаивай.

Опять была права его жена! И это его подавляло.

Вотъ сейчасъ прочелъ онъ ей письмо адвоката.

Вѣра доказывала ему необходимость взять другого повѣреннаго. Одно имя этого Архунова уже отзывается защитой шайки червонныхъ валетовъ. Надо ладиться съ пайщиками и кредиторами, дѣйствовать открыто, отдать все, чтѣ осталось.

А она явится спасительницей. И онъ долженъ стать передъ ней на оба колѣна и прославлять величіе ея души.

И каждымъ своимъ словомъ, каждой миной она показываетъ ему, что не любимаго человѣка готова она спасти отъ позора, а мужа, чье имя носить. Таковъ ея „долгъ“, и тѣмъ выше она поднимается въ глазахъ своихъ, чѣмъ меньше онъ самъ по себѣ значитъ для нея.

XI.

Съ ранняго утра идетъ крупный снѣгъ. Дворъ дома Финиковыхъ покрытъ точно скатертью. Сквозь пелену хлопьевъ едва видны службы изъ оконъ нижняго этажа, теперь жилого, съ конца декабря.

Низковатая и уютная комнаты стоятъ въ полусвѣтѣ. Тихо во всемъ домѣ. Только по нижнему коридору, нѣтъ-нѣтъ, раздаются шаги прислуги, заглушенные дорожкой ковра.

Наверху Степанида Ѳедотовна давно уже проснулась. Ге-

расимъ Тимоѳеевичъ еще спитъ. Онъ поднимается поздно. До двухъ и до трехъ—читаетъ въ постели книжки.

Внизу господа встали. Вѣра Тимоѳеевна еще не выходила изъ своей маленькой спальни. Мужъ ея, уже одѣтый, бродитъ по своей комнатѣ, гдѣ, въ альковѣ, видна односпальная кровать.

Стаканъ чаю стоитъ на столѣ. Онъ отхлебнетъ и направится къ одному изъ низенькихъ оконъ, выходящихъ на дворъ.

Этотъ дворъ—съ саваномъ пухлаго снѣга и пеленой снѣжныхъ хлопьевъ—наводитъ на него тоску. И вотъ уже больше двухъ часовъ, какъ онъ на ногахъ—и одинъ. Ложится онъ теперь въ „невозможные часы“—поэтому и просыпается, когда еще мгла.

Душно ему непомѣрно въ этихъ тѣсноватыхъ комнатахъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя какъ настоящій „колodникъ“.

Со второго же дня онъ сталъ, какъ арестантъ, мечтать о побѣгѣ.

Но куда и на какія средства?

Теперь онъ—„купеческій нахлѣбникъ“. У него нѣтъ ни единого гроша своего. И онъ не имѣетъ права протестовать. Вѣдь его супруга спасла его. Еще удивительно, какъ онъ съ маменькой Степанидой Ѳедотовной не заставили его поступить къ нимъ въ привазики и торчать за прилавкомъ.

На комодѣ стояло небольшое зеркало въ орѣховой оправѣ. Князь подошелъ къ нему и съ гримасой поглядѣлся въ него.

Какъ онъ опустился въ какихъ-нибудь два мѣсяца! Старикъ! Совсѣмъ старикъ! Волосы на головѣ страшно сѣдѣютъ, подъ глазами мѣшки, вдоль крыльевъ носа залегли рѣзкія складки.

Да и какъ можетъ быть иначе! Столько пережить въ два три мѣсяца—это стодитъ изнурительной органической болѣзни.

Князь отошелъ отъ зеркала къ окну и опять началъ вглядываться въ снѣжную пелену.

Ненавистенъ ему этотъ „скитъ“ съ его купеческой домовитостью, тишиной и порядкомъ. Все ему противно—и эти комнаты-квѣтушки, гдѣ онъ живетъ „на хлѣбахъ изъ милости“, и верхнее помѣщеніе съ его чистѣйшими половиками, дубовыми перилами лѣсенокъ, слащавымъ запахомъ и чопорной разстановкой мебели.

Ненавистна ему и его „бель-мѣрочка“, какъ называлъ ее кузень Погулянинъ. И еще ненавистнѣе „братецъ“—Герасимъ Тимоѳеевичъ. Въ немъ есть что-то для него принципиально невыносимое. Этотъ „обдлтусъ“, высохшій на книжкахъ, мнитъ о себѣ выше всякой мѣры. Онъ, съ первыхъ же дней ихъ житья въ домѣ старухи, сталъ подпускать разныя ехидныя шпильки,

спорить съ нимъ тономъ профессора и усмѣшками своего гнилого рта давалъ ему понять, какъ онъ презираетъ его—пустельгудворячника, неспособнаго ни на какой мозговой трудъ, болтающаго зря въ славянофильскомъ духѣ. Цѣлую лекцію прочелъ онъ ему разъ въ присутствіи Вѣры Тимоѣевны о его „столпахъ“, которыхъ, видите ли, онъ не понимаетъ, да и не читалъ ничего толкомъ изъ ихъ сочиненій о Хомяковѣ и братьяхъ Кирѣевскихъ, и Самаринѣ, и Кошелевѣ.

— А самъ онъ, видите-ли, „позитивистъ“ и, кромѣ „строгонаучнаго метода“, никакого другого не признаетъ, а всякое „квасное“ отношеніе къ родинѣ считаетъ достояніемъ „межеумковъ“.

Положимъ, онъ его отбрилъ и больше не будетъ допускать такихъ рацей; но вѣдь отъ него не уйдешь—этотъ зазнавшійся сидѣлецъ, бездарный психопатъ, запибленный книжками, живетъ съ нимъ въ одномъ домѣ. Они часто обѣдаютъ вмѣстѣ, у старухи, и встрѣчаются на лѣстницѣ, въ снѣгахъ.

И обѣды наверху—чистая мука! Вѣра Тимоѣевна впала въ усиленное обожаніе своей маменьки. Ей онъ обязанъ тѣмъ, что долженъ обѣдать наверху.

Видите ли—внизу нѣтъ столовой. И пришлось бы готовить два раза. Вмѣсто седьмого часа, они садятся въ пять, да и то ему „поставлено было на видъ“, что Степанида Ѳедотовна поступилась своей стародавней привычкой обѣдать гораздо раньше.

Встрѣчи съ „сестрицей“—Антонидой Тимоѣевной—и ея мужемъ—Ардальономъ Ильичемъ—также ему противны до-нельзя. Эта ядреная и самодовольная купчиха каждымъ своимъ звукомъ, жестомъ и миной коробитъ его. Въ ней еще грубѣе и безцеремоннѣе сквозитъ желаніе показать, что ей дѣла нѣтъ до его княжескаго титула.

„Что, моль, князьенка,—говорятъ ея нахальные взгляды:—профершился и поступилъ къ маменькѣ на прокормленіе! Небось, какъ ни фордыбачилъ, а теперь поджалъ хвостъ. И цѣна тебѣ грошъ! Ни на что ты негоденъ. И въ околоточные, поди, не возьмутъ“.

Всѣмъ существомъ своимъ позналъ онъ, что такое „купчишки“, на которыхъ онъ, еще такъ недавно, смотрѣлъ „черезъ плечо“—„ragdessus l'épaule“—когда подъ ногами чувствовалъ твердую почву, когда онъ былъ московскій баринъ „съ традиціями“.

Это—саранча, та страшная саранча, что упоминается въ Апокалипсисѣ, съ человѣческимъ обличемъ, которой повелѣно глотать грѣшниковъ цѣлыхъ полгода, не доводя ихъ до смерти.

Они—сила, настоящая сила въ этой „паршивой“ Москвѣ“.

„Первопрестольный градъ“ опостылѣлъ ему. У него теперь двѣ темницы; одна—вотъ эти приживальческія влѣтушки, другая—Москва. Онъ не иначе зоветъ ее про себя, какъ „Федра—дура“.

Всѣ выказали себя самымъ гнуснымъ образомъ въ его „несчастьѣ“. Газеты ославили его банкротомъ и чуть не поддѣльвателемъ подписей на векселяхъ. Люди его „вруга“—ни въ чемъ не поддержали, сторонились или, встрѣчаясь, говорили, какъ говорятъ съ тѣми, кого терпятъ только по старой памяти, изъ чувства состраданія.

И съ каждымъ днемъ шло все хуже и хуже. Еслибы у него и были теперь свои, „порядочныя“ деньги—сыграть пульку,—онъ не поѣдетъ въ клубъ—въ тотъ, въ свой, гдѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ членовъ.

И останься въ его портмонѣ всего одна зелененькая, и тогда онъ не унижится до того, чтобы „клянчить“ у жены карманныхъ денегъ.

Да у нея и нѣтъ уже больше ни одного рубля изъ того капитала, что дали ей при выходѣ замужъ.

Вотъ это—самый тяжкій изъ тѣхъ пудовниковъ, которые гнетутъ его, съ той минуты, какъ Вѣра Тимоѣевна „спасла“ его вмѣстѣ съ кузеномъ Погулянинымъ.

Тому—спасогора! Онъ уже попалъ въ агенты куда-то въ Ростовъ-на-Дону, или въ Таганрогъ.

„Спасанье“ стоило женѣ его всѣхъ ея личныхъ средствъ и немалой энергіи. Онъ это не могъ не признать. Онъ долженъ былъ окончательно смириться. Она диктовала ему—какъ вести себя; нашла другого адвоката, приструнила Погулянина, сдумѣла поддѣйствовать и на ихъ главнаго пайщика—Пусикова. Вѣжала и въ окружный судъ къ прокурору, хотя объ этомъ ходатайствѣ ничего не говорила ему.

Словомъ, ослѣпляла его своей добродѣтелью. И стала ему точно такъ же ненавистна, какъ и братецъ ея. Больше чѣмъ маменька, Степанида Федотовна.

Въ доброе чувство жены онъ не вѣритъ. Она его ни капельки не любитъ. Все это дѣлалось „aus Prinzip“, на аглицкій манеръ, въ отместку за то, что она выносила отъ него.

А что она такое выносила? Ровно ничего! Жила себѣ барыней, принимала своихъ пріятелей изъ интеллигенціи, держала себя какимъ-то „идоломъ“. Какъ мужъ, онъ передъ ней тоже не провинился. У него не было любовницъ, даже и въ самый разгаръ его биржевой игры.

Она вымещала ему за то, что онъ не преклонялся передъ

ней, что онъ охладѣлъ къ ней и какъ къ женщицѣ. Экое преступленіе! Она и болѣе молодого мужчину можетъ заморозить. И ея „чичисбей“ — Остожинъ — тоже не очень пылаетъ. Что-то и глазъ не кажетъ.

Своимъ обхожденіемъ она его поджариваетъ на медленномъ огнѣ. Обращается съ нимъ, — точно онъ „несчастненькій“; на каждомъ шагу желаетъ показать высокую деликатность своихъ чувствъ и при матери напускаетъ на себя тонъ вѣрной и благодушной подруги, готовой нести свой „крестъ“ безропотно.

Счастливица Лена! Та не захотѣла переѣзжать сюда — на купеческіе хлѣба, осталась вѣрна своей дворянской натурѣ. Сдумала найти себѣ приютъ у родственниковъ отца, уѣхала въ глушь, въ Вологду, и взяла съ собою Маруську. Хоть и будетъ тамъ жить впроголодь, да не придется просить прокормленія у „тетеньки“.

Въ Москву она глазъ не поважетъ иначе, какъ если сдѣлаетъ хорошую партію.

Князь допилъ стаканъ, взялъ со стола газету и опустился въ кресло.

А когда прочтеть онъ газету — чѣмъ ему наполнить цѣлый день, даже если и лечь спать въ десять часовъ?

— Господи, Господи! — громко вздохнулъ онъ и, вмѣсто телеграммъ и передовой статьи, сталъ читать объявленія на четвертой страницѣ.

Къ женѣ онъ по утрамъ никогда не ходилъ. Спали они въ одиночку.

ХII.

Степанида Федотовна просыпается равьше всѣхъ.

Теперь у нея весь домъ жилой. Прибавилась цѣлая „фамилія“. Надо о всемъ позаботиться, особенно насчетъ стола. Князь привыкъ къ тонкой, барской ѣдѣ. Она взяла повара, учившагося въ англійскомъ клубѣ. А свою старуху-бухарку оставила для себя, когда ѣла постное.

Вѣра вызвалась помогать ей по хозяйству; но она не допустила.

Могутъ выйти неудовольствія. Лучше уже она сама будетъ вести; а дочь ей станетъ говорить, что и какъ надо заказывать.

Чувствуетъ она, что князю не очень-то „занятно“ подниматься обѣдать къ нимъ; да и ей — по правдѣ сказать — стѣснительно бываетъ. Боится она, каждый разъ, какъ обѣдаетъ Гера-

симвъ, что между сыномъ и „зятькомъ“ выйдетъ что-нибудь неприятное.

Предлагала она Вѣрѣ—отдѣлать для нихъ особую столовую наверху; комната стоитъ нежилой. Вѣра нашла, что этого не нужно. Должно быть, посовѣстилась, что будутъ лишніе расходы.

Ужъ такъ деликатна, такъ деликатна!

И сердце старухи болитъ и ноетъ оттого, что ея любимому чаду пришлось испытать за послѣднее время.

Но и за то надо благодарить Господа Бога, что есть. Могло быть и еще хуже. По крайности, избавила и себя, и всю свою родню, отъ срама, отъ банкротства мужа и отъ уголовного разбирательства. Съ ея-то горделивой душой, какой бы крестъ она на себя приняла, еслибы и то, и другое, случилось въ одно и то же время, или одно послѣ другого?..

Денно и ночью благодарить Бога Степанида Федотовна, когда становится на молитву, за то, что Вѣруня—при ней, и теперь врядъ ли куда уйдетъ до ея смерти. Увести ее мужъ нигуда не можетъ. Имѣнье „было, да сплыло“. Должности онъ самъ не добьется. И никто за него—и въ дворянскомъ кругу—хлопотать не будетъ. Развѣ куда въ уѣздъ, въ земскіе начальники или въ исправники. Такъ онъ и таковой должности не добьется. Отъ всѣхъ онъ теперь хоронится, и опять-таки „не по разуму“! Мало ли со сколькими случается „вылетѣть въ трубу“, съ первѣйшими миллионщиками, самыхъ старыхъ торговыхъ семей.

Гоноръ дворянскій все бурлитъ въ немъ. Да и безпутство... Ни на какое дѣло онъ неспособенъ, и то ѣжится да фордыбачить, то всѣмъ въ глаза тычетъ, что онъ, дескать,—несчастнѣйшій человѣкъ, долженъ одолжаться у жены своей, состоятъ на изживеніи тещи, жить въ „хамской обстановкѣ“.

И обстановка была бы другая: она предлагала Вѣрѣ перейти самой внизъ, а имъ предоставить всю свою половину. Вѣра—и руками, и ногами!

— И такъ,—говорить,—маменька, мы вамъ сѣли на шею! Съ какой стати!

Вотъ муженекъ ей и этого простить не можетъ.

И то ладно, что немного, кажется, присмирѣлъ. Да и Вѣра теперь не та, что три года назадъ. Если она, по благородству своихъ чувствъ, отдала все, что у ней было, то впередъ она не позволить ему втягиваться ни въ какія аферы, а тѣмъ паче въ игру. Это она ему сказала передъ тѣмъ, какъ переѣхать сюда, въ домъ.

Умретъ мать—она и тогда не впадетъ ни въ какую сла-

бость передъ мужемъ, который не стоитъ ея мизинца. Другой бы—на его мѣстѣ—ручки у нея лизалъ, на колѣняхъ бы стоялъ по цѣлымъ часамъ, видя ея высокую душу. А онъ ни одного ласковаго слова не скажетъ, ни на людяхъ, ни съ глазу на глазъ.

Степанидѣ Ѳедотовнѣ до сихъ поръ жаль дочерняго капитала, который князь такъ безобразно спустилъ въ три года—и не изъ скардености, а потому, что человекъ-то дрянъ. На эти деньги сколько можно бы было надѣлать дѣла, хотя бы и не для приращенія своего достатка, а „для души спасеня“.

Не могла же она оставить Вѣру съ мужемъ безъ копѣйки на личные расходы? Она положила имъ по столько-то въ мѣсяцъ, деньги эти будетъ выдавать дочери на руки и настояла на томъ, чтобы больше одной трети она не давала мужу. На первыхъ порахъ князь выдерживалъ характеръ и самъ не просилъ—можетъ быть, и утаилъ какія деньжонки. Вотъ подойдетъ первое число, и ему положить въ пакетъ—на письменный столъ; хочешь бери, хочешь нѣтъ.

И сейчасъ же она сказала сыну и старшей дочери:

— Васъ я не обижу—передъ сестрой Вѣрой. Сколько вамъ приходится, столько, послѣ меня, и получите. Ежели я проживу дольше, чѣмъ мнѣ полагается, доля Вѣры будетъ меньше, и въ ту сумму, какую израсходуетъ она съ мужемъ, живя у насъ въ домѣ, войдутъ и мои собственные сбереженія. Я ими вольна—какъ передъ Господомъ Богомъ—распорядиться по собственному выбору.

И Герасима, и Антонида, она знаетъ. Ни тотъ, ни другая никакой обиды не почувствуютъ. Онъ—слишкомъ самъ гордъ; а она сестру любитъ и мать почитаетъ; да и собственный у нихъ достатокъ—слава тебѣ, Господи!

Сегодня она хотѣла поѣхать въ амбаръ; но съ ранняго утра ей вступило въ крестецъ—отъ снѣга—и она еле-еле поднялась съ постели; однако одна умылась и одѣлась.

Когда горничная принесла ей чай въ спальню, она спросила—всталъ ли Герасимъ Тимошеевичъ, и если одѣлся, то попросить зайти къ ней, когда поѣдетъ „въ городъ“.

Сыну теперь приходится больше заниматься ихъ торговымъ дѣломъ; а она знаетъ—какъ ему это въ тягость. Она помирилась съ тѣмъ, что ведетъ онъ его—спустя рукава. Все на рукахъ стараго Ѳедосѣича—довѣреннаго приказчика, котораго еще ея свекоръ взялъ въ мальчики, изъ той же деревни, откуда самъ былъ родомъ.

Федосѣичъ является въ ней каждую недѣлю—для доклада. Живеть онъ не въ домѣ, а при амбарѣ.

Съ Герасимомъ Тимоѣевичемъ ей надо поговорить не о торговомъ дѣлѣ, а совсѣмъ о другомъ.

Прошло съ полчаса. Степанида Федотовна прочла сначала нѣсколько главъ изъ Новаго Завѣта, потомъ просмотрѣла газету. Вѣра придетъ въ началѣ двѣнадцатаго. Времени еще достаточно на разговоръ съ сыномъ.

Заслышались на площадкѣ шлепающіе шаги Герасима Тимоѣевича. Онъ откашлялся глухо и нервно и вошелъ въ комнату матери весь какъ-то перекошенный, плохо причесанный, въ потертомъ сюртукѣ, съ помятымъ воротничкомъ рубашки. Онъ весь пропахъ дымомъ ерѣвскихъ папирсовъ, и ногти у него давно были изжелта-бурые.

Какъ всегда, онъ съ почтительнымъ наклоненіемъ головы подошелъ къ рукѣ.

Мать поцѣловала его въ високъ и сейчасъ же подумала:

„И какой же ты неряха! Голова—что твой овинъ“!

— Извини, Гаря, что побезпокоила. Ты чай пилъ?

— Пилъ, маменька.

— Присядь.

Степанида Федотовна наклонилась къ нему и заговорила вполголоса:

— Вотъ чтѣ, дружокъ. Ты ужъ меня, старуху, извини... А только я тебя должна объ одномъ просить.

— Что прикажете, маменька? — хмуро-поворнымъ тономъ произнесъ Герасимъ Тимоѣевичъ.

— Ужъ ты пожалуйста, голубчикъ, для меня и для Вѣруни сдержи себя...

— Въ какомъ же это смыслѣ, маменька?

Голова старухи опустилась еще ниже, и она почти шопотомъ сказала:

— Да насчетъ князя.

— А чтѣ же такое?

— Не вындсите вы другъ дружку.

— Мнѣ до него мало дѣла.

— Подержи себя, Гаря... Ты пойми... Вѣрунѣ и безъ того тяжело.

— Никто его, кажется, не задѣвалъ... умышленно.

— Полно... Ты его такъ глазами, нѣтъ-нѣтъ, да и прои- жешь... И усмѣшка у тебя такая особенная, когда онъ что-нибудь скажетъ. Опять же споришь... И такъ все у тебя выходитъ...

какъ бы сказать—съ подковыркой,—веселѣе добавила Степанида Федотовна.

— Ничего онъ не знаетъ... свистунъ. И на всѣхъ насъ смотреть какъ на... чумазыхъ.

— Ему и безъ того не очень-то вкусно обѣдать наверху.

— Никто и не приглашалъ!

— Полно, Герасимъ!—строже остановила его Степанида Федотовна.—Я сама предлагала имъ кушать у себя. Вѣруня не пошла на это—изъ деликатности и любви къ старухѣ-матери.

— И напрасно.

— Она не глупѣе тебя, и сердце у нея чудесное. И ты, съ своей стороны, какъ старшій братъ, долженъ бы стараться поддерживать ее. Потерпи... Немного мнѣ жить осталось.

— Полноте, маменька!

— Да ужъ про это я знаю. Вѣрочку я никогда не разстроиваю... насчетъ моего здоровья. Ты—мужчина. Тебѣ можно и сказать, какъ я смотрю на свою комплекцію. Умру,—тогда поступайте каждый по своему разуму. Да и тогда твой долгъ, Герасимъ, отъ сестры не отходить, а быть ей братомъ и другомъ. А для этого слѣдуетъ свою натуру поддерживать. Каковъ бы ни былъ Вадимъ Дмитриевичъ, онъ—ея мужъ и живетъ съ ней въ законѣ. Уйти отъ него она не желаетъ... или прогнать его. На это у Вѣры слишкомъ достаточно страха Божья и благородныхъ чувствъ.

— Не знаю, зачѣмъ жить вмѣстѣ, коли нѣтъ любви и уваженія.

— Это ея дѣло, Герасимъ. И Господь одинъ знаетъ—къ чему приведетъ ихъ обоихъ. Тебя же я въ послѣдній разъ прошу—быть съ княземъ помягче. Ежели тебѣ тяжело за столомъ сидѣть, я не требую, чтобы ты часто обѣдалъ со мною. У тебя свои привычки... На это твоя добрая воля.

— Задирать я его не намѣренъ, но и ублажать также.

— Больше я къ этому не вернусь, Герасимъ; а теперь я тебя не удерживаю.

Сынъ тяжело поднялся и, волоча ноги, вышелъ изъ комнаты.

XIII.

Вѣра уѣхала съ утра, забѣжала на минуту къ Степанидѣ Федотовнѣ и сказала, что спѣшитъ въ школу, гдѣ она состояла попечительницей.

Возвращалась она домой въ третьемъ часу, голодная. Она не успѣла позавтракать дома; да и рано еще было для ѣды.

Торопилась она и домой. Ровно въ три назначила она быть у нея своей товаркѣ по курсамъ, той самой учительницѣ изъ деревенскаго захолустья, которую она встрѣтила разъ на Кузнецкомъ, въ первый годъ своего замужества.

Мать предлагала ей приказать заложить; но она отправилась гѣшкомъ. И возвращалась гѣшкомъ.

Такъ ей было пріятнѣе. Она теперь постоянно ходитъ гѣшкомъ. И только изрѣдка прокатится. Визитовъ она почти-что не дѣлаетъ. Князь Вадимъ Дмитріевичъ не находитъ для себя „удобнымъ“ поддерживать свои свѣтскія знакомства. Она—и подавно. Скрываться она не желаетъ. Если кто сохранилъ о ней добрую память—она приметъ. Но сама рѣшила не дѣлать визитовъ.

Ея мужъ ведетъ себя малодушно. Такъ оно и должно было случиться. Онъ могъ бы держать себя совсѣмъ иначе. Другой бы на его мѣстѣ съумѣлъ пережить „кризисъ“ съ тактомъ и достоинствомъ, и послѣ того, какъ потерялъ состояніе — показать, что онъ не считаетъ себя нисколько „падшимъ“ и „выбывшимъ изъ строя“.

До уголовного дѣла — не дошло. Ликвидация удовлетворить кредиторовъ. Его „гражданская“ честь не запятнана.

Изъ-за чего же ему такъ хоронить себя? Даже не ѣздить въ клубъ! Разумѣется, онъ не выдержитъ и станетъ снова знаться съ тѣмъ же обществомъ клубскихъ вивѣровъ. Но ему стыдно изображать изъ себя тамъ фигуру „вылетѣвшаго въ трубу“ барина и сидѣть въ читальнѣ, когда его бывшіе партнеры играютъ въ макао и баккара.

Доставить ему средства играть—она не можетъ. Мать предложила ей на общіе съ мужемъ расходы опредѣленную сумму ежемѣсячно. Она раздѣлитъ на три части: одну на свои „альтруистическіе“ расходы, другую на себя, третью мужу. Вотъ придетъ первое число, она положитъ ему въ конвертъ на письменный столъ—„хочетъ беретъ, хочеть вѣтъ“, повторила она выраженіе матери.

Возьметъ, хотя и поломается, будетъ говорить разныя ненужныя дворянскія слова.

Дома—съ мужемъ соединено для нея чувство только чего-то неизбѣжнаго и ненужнаго. Именно, *ненужнаго*—она уже не стыдится такого слова.

Но сама она не прежняя Вѣра Тимоеевна—два и даже годъ тому назадъ. Тратить себя на бесполезную и изнурительную

борьбу съ личностью князя Вадима Дмитриевича — она не желаетъ. Свою жизнь она устроиваетъ теперь такъ, какъ она жила въ дѣвушкахъ. Если это эгоизмъ, то онъ пойдетъ ей „во спасенье“ — какъ произноситъ Степанида Федотовна. Переродись ея мужъ, начини онъ жить разумно и дѣятельно — она съ радостью раздѣлитъ его интересы. Убиваться же надъ его пустотой и бездушіемъ — не станеть.

День свой она раздѣлила на клѣточки. Иначе нельзя. Встаетъ рано и со свѣчами работаетъ; начинаетъ всегда съ пересмотра того, что на ночь записала въ свою тетрадь. До часу, до двухъ, иногда до трехъ, ходитъ по своимъ дѣламъ; потомъ читаетъ ооло Степаниды Федотовны; иногда и ей прочтеть вслухъ. Послѣ обѣда, во всякую погоду, идетъ гулять. Почти каждый вечеръ у нея засѣданіе или какое-нибудь очередное сборище въ тѣхъ кружкахъ, съ которыми она теперь заново завязала связи. Она готовить рефераты въ общество женщинъ, интересующихся самыми важными вопросами для всякой, кто бы она ни была — мать семейства, жена, сестра, учительница, артистка. Онѣ приглашаютъ профессоровъ и писателей. Въ послѣдній разъ читался докладъ на психологическую тему, и пренія прошли оживленно. Одинъ молодой психіатръ нападалъ на референтку, и она защищалась очень удачно.

На такихъ сборищахъ ей опять — двадцать лѣтъ, она молодая дѣвушка, курсистка, жаждущая знать, мыслить, защищать свои идеи, любить все человѣчество и людей въ одиночку, страдать за нихъ, учить тѣхъ, кто ходитъ въ потемкахъ, помогать всѣмъ, кому надо протянуть руку.

Ускореннымъ шагомъ идетъ она внизъ по Тверской. Ей надо еще завернуть къ Ильинскимъ воротамъ — заказать цѣлый наборъ книжекъ Сытинскаго изданія. Оттуда она возьметъ извозчика.

Снѣгъ пересталъ падать хлопьями. Слегка попархивало въ морозномъ, ядреномъ воздухѣ. Ей такъ легко двигаться въ короткой кофточкѣ съ барашковой отдѣлкой.

По асфальтовому троттуару поднимается она вдоль бокового фасада историческаго музея. Слѣва синимъ, позолоченнымъ пятномъ выступала часовня Иверской.

Вѣра оглянулась влѣво и перекрестилась.

И сейчасъ же ее точно изнутри кто дернулъ за шнурочекъ нерва. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она отстала отъ дѣтской привычки сбѣгать себя крестнымъ знаменіемъ, проѣзжая подъ Воскресенскія ворота.

И въ самыя тяжелыя минуты своихъ супружескихъ испи-

таній она не обращалась къ „Владычицѣ“ и—когда проѣзжала мимо—не крестилась.

Она не утратила вѣры—даже въ разгарѣ чтенія книгъ съ „положительной“ окраской. Бывало, князь Вадимъ Дмитріевичъ придирался однако къ ея „люторской“ вѣрѣ.

И вотъ она сейчасъ сдѣлала символическое движеніе такъ же инстинктивно, какъ и всѣ тѣ монашки, что стоятъ въ два ряда на паперти, и всѣ купцы, купчихи, дворянки, военные, мужики, извозчики, какіе пройдутъ и проѣдутъ мимо „Владычицы“ въ теченіе сутокъ.

Что-жъ! Такъ, быть можетъ, лучше, теплѣе. Она дочь—Москвы, и съ тѣхъ поръ какъ переселилась опять въ тотъ домъ, гдѣ родилась и выросла—ей родной городъ сдѣлался вдвое милѣе. Будь она свободна и совсѣмъ одинока, безъ всякой кровной связи съ Москвой, и предложи ей самое блестящее положеніе въ Петербургѣ—она бы ни за что не переѣхала туда.

Нужды нѣтъ, что Москва „провинція“—такъ опредѣляютъ ее петербуржцы. Никогда этотъ городъ не можетъ наскучить, никогда онъ не опустылѣетъ, какъ прямолинейный „прешпектъ“, по которому петербуржцы двигаются въ безпрестанной сырой мглѣ.

На Красной площади Вѣра—по асфальтовой же дорожкѣ—пересѣкла проѣздъ у Казанскаго собора и пошла вдоль Верхнихъ рядовъ.

Когда они строились, она ими мало интересовалась. Не жалѣла она Старыхъ рядовъ съ ихъ Ножевой линіей и темными переходами, гдѣ можно было, на каждомъ шагу, вывихнуть себѣ ногу. Когда очистили отъ лѣсовъ фасадъ Верхнихъ рядовъ—она нашла его очень удачнымъ—и только.

Но теперь почти ежедневно приходится ей проѣзжать или проходить мимо нихъ, и она все больше влюбляется въ это зданіе.

И сегодня, дойдя до угла Ильинки, Вѣра отошла на нѣсколько сажень, на линію столбовъ съ электрическими фонарями, и бросила долгій взглядъ вдоль площади.

Сквозь тонкое мерцаніе снѣжныхъ пушинокъ на фонѣ зимняго, слегка уже просвѣтлѣвшаго неба обшивка Верхнихъ рядовъ—съ мягкимъ желтоватымъ вѣдромъ—выступала точно окаменѣлое кружево. Заостренныя крыши и посрединѣ ихъ двѣ башенки надъ главнымъ входомъ—противъ памятника Минину и Пожарскому—высились легко и нарядно надъ удлиненной громадою всего зданія. Окна верхняго этажа, съ старо-московскими украшеніями, дышали истовой своеобразностью теремнаго кремлевскаго дворца.

А въ глубинѣ площади, точно прислонясь о что-то, темнѣла бурая кирпичная масса музея, въ видѣ неправильной пирамиды, съ двумя рогами своихъ фигурныхъ минаретовъ. Угловая башня, на спускѣ къ Александровскому саду, и стѣны Кремля привлекали своимъ пыльно-розовымъ налетомъ.

Вѣра вспомнила, какъ тотъ французъ-археологъ, что не хотѣлъ ни за что признать въ ней „une marchande“, восхищался этимъ окрашиваньемъ стѣнъ и нѣкоторыхъ башенъ, называя его любовно и пѣвуче: „le rose délicieux du Kremlin“.

Никольскія ворота бѣлымъ пятномъ своей штукатурки нарушали гармонию этихъ красокъ, на которыя время наложило свою художественную лапу.

— „La ratine des temps“, — припомнился опять Вѣрѣ любительскій терминъ французъ-археолога.

Снѣговая простыня площади — побурѣлая отъ ѣзды тамъ и сямъ — хранила свой обычный, будничныи видъ: рядъ саней, вдоль линіи электрическихъ фонарей, двое крестьянскихъ пошевней и одна карета. Дальше, мельканіе ванекъ отъ Никольской въ ворота и рѣдкіе пѣшеходы, ближе къ Василию Блаженному и Лобному мѣсту.

„Да, Москва — мужицко-торговый городъ. Да, она не Европа и даже не столица!“ — думала Вѣра, направляясь вверхъ по Ильинкѣ, гдѣ сейчасъ усилилось движеніе. Но и тутъ движеніе было купеческое, армарочное, мастеровое и мужицко-извозчичье.

И это ей рѣшительно правилось, какъ, быть можетъ, никогда раньше. Вѣдь изъ такой же бытовой жизни вышли ея ближайшіе предки, весь ея чисто-крестьянскій родъ, еще и „по сейчасъ“ здравствующій въ приволжскомъ большомъ селѣ. Пожалуй, найдутся и здѣсь, въ приказчикахъ или мальчикахъ, ея однофамильцы.

Только теперь она искренно винилась самой себѣ, винилась въ измѣнѣ своему мужицкому роду. И развѣ не правы были всѣ, кто заподозривалъ ее въ тщеславіи, въ томъ, что она промѣняла свою свободную, разумную жизнь на титулъ и положеніе выскочки въ стародворянскомъ обществѣ?

И если титулъ не будетъ давить ее и связывать по рукамъ и ногамъ, то потому только, что она вернулась къ своей прежней дѣвичьей жизни.

Вѣра такъ задумалась, что незамѣтно дошла до Ильинскихъ воротъ и повернула вправо по троттуару, идущему параллельно стѣнѣ.

Ей надо торопиться. Ее ждутъ дома.

XIV.

Князь—протомившись въ своей комнатѣ до трехъ часовъ—смотрѣлъ въ окно, когда Вѣра вѣхала во дворъ на плохомъ извозчикѣ.

Это его не возмутило. Съ усмѣшкой продолжалъ онъ глядѣть на то, какъ вихрастая вляченка ваньки пятилась и не хотѣла подъѣзжать къ крыльцу, такъ что Вѣра должна была сойти за нѣсколько шаговъ до подъѣзда.

Его усмѣшка точно хотѣла сказать:

„Такъ-то лучше! Больше похоже на дѣвицу Финикову!“

Но тотчасъ же глаза его перемѣнили выраженіе.

Все это дѣлается его супругой не просто, а—„aus Prinzip“. Всѣмъ этимъ она какъ бы желаетъ показать, что имъ обоимъ надо присмирѣть и собратиться, жить настоящими обѣднѣвшими родственниками хозяйки дома.

„Вѣра Тимоѣевна—продолжалъ говорить про себя князь—могла бы ѣздить на лошадяхъ своей матери, но она этого не хочетъ... Ей необходимо показать—какой она высокой добродѣтели. Шлепаетъ по снѣгу, трясется на ванькахъ. Скоро, быть можетъ, будетъ прикрываться ковровымъ платомъ или носить купеческую „головку“...

Головки не надѣнетъ, но превратится въ разночинскую интеллигентку, будетъ дружить съ „профессоришками“ и разными „дѣвулями“, промышляющими радикализмомъ.

Вотъ одна „лохматая“ уже дожидается ее.

Вѣру, дѣйствительно, ждала учительница Переживина. Она сидѣла скромненько, у двери, въ кабинетъ Вѣры, куда входъ былъ прямо изъ тѣсноватой прихожей. Князь заглянулъ туда, пріотворивъ дверь; но не разсудилъ подойти къ ней и заговорить.

— Ахъ, запоздала! — воскликнула Вѣра, торопливо снимая съ себя шапку и пуховый оренбургскій платокъ, которымъ была прикрыта шея... — Милая! Какъ я рада!

Онѣ поцѣловались. Учительница — худощавая, широкоплечая блондинка, въ темной рабочей вофточкѣ, съ боковымъ приборомъ курчавыхъ русыхъ волосъ—приходилась Вѣрѣ немного выше плеча.

— Садитесь, садитесь, Валентина Матвѣевна.

Переживина получила недавно мѣсто помощницы въ одномъ изъ отдаленныхъ городскихъ училищъ. Вѣра втягивала ее въ жизнь самаго интереснаго кружка, гдѣ та, на-дняхъ, прочла рефератъ, увлекшій всю аудиторію яркой картиной того, что она

пережила за нѣсколько зимъ, воясь изо дня въ день съ своими милыми чумазыми ребятишками.

— Еще разъ поздравляю васъ, милая Валентина Матвѣевна, съ блестящимъ успѣхомъ!

Онѣ говорили другъ другу „вы“, какъ и прежде, на курсахъ, но Вѣрѣ очень бы хотѣлось быть съ ней на „ты“.

Отъ всего существа этой некрасивой и плохо одѣтой дѣвушки исходили точно какіе лучи беззавѣтной преданности „святому“ дѣлу. Тонъ ея началъ отзываться деревней, голосъ сталъ рѣзче отъ постоянного напряженія въ классѣ; но душа трепетала въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ фибрѣ ея загорѣлаго и широковатого лица, съ замѣтными рябинками.

— Успѣхъ!.. Полноте!.. Я такъ рада, Вѣра Тимоеевна, что наши ученые психологи заинтересовались. Ихъ вѣдь и господа педагоги побаиваются, — прибавила она съ юморомъ. — А то вѣдь у насъ все очень до сихъ поръ шаблонно. Хорошіе люди и вѣрны идеямъ шестидесятыхъ годовъ... Но многихъ заѣла теорія... А мы вѣдь—въ самомъ пеклѣ.

Она поправила за уши волосы привычнымъ жестомъ.

— Чаю хотите?—спросила Вѣра, подсаживаясь къ Переживиной на диванъ.

— Спасибо... Пила недавно... Послушайте, Финикова, — обмолвилась она, и сейчасъ же схватила Вѣру за руку. — Простите. У меня сорвалось съ языка. Мимовольно!.. По старой памяти.

— И прекрасно!—оживленно откликнулась Вѣра и пожала руку Переживиной. — Хотите, зовите меня просто: Кунгурова.

— Ну, хорошо!

— Или—Вѣра, а я васъ—Валентина.

Князю, изъ его комнаты, былъ слышенъ весь разговоръ—объговорили громко и возбужденно.

— Quelle idylle! — замѣтилъ онъ про себя, и началъ по-свистывать.

Ему дѣлалось до гадости тошно.

Въ его дверь постукались, и горничная вошла съ письмомъ на подносѣ.

— Это вамъ-съ.

До сихъ поръ никто изъ старухиной прислуги не приучился говорить ему: „ваше сіятельство“.

— Подайте.

Письмо было изъ Петербурга. Онъ не сразу узналъ руку своего племянника — князя Федора.

Не особенно обрадовался онъ этому посланію и не торопился надрывать конвертъ перочиннымъ ножомъ.

За стѣнной разговоръ двухъ товаровъ продолжался, но князь ушелъ въ чтеніе письма.

— Я къ вамъ, Вѣра, съ большой просьбой,—говорила Переживина.

— Что такое?

— Слышали вы, что подъ Москвой... одна богатая женщина... изъ коммерческаго міра—разомъ учреждаетъ цѣлыхъ двѣ образцовыхъ школы?

— Нѣтъ, не слыхала... А васъ туда потянуло? — спросила Вѣра, и тихо размѣялась.

— Да, голубчикъ, тяга большая. По ночамъ не сплю...

— Какъ же вы бросите здѣсь... и всѣхъ насъ? Развѣ вамъ плохо, Валентина?

— Нѣтъ, не плохо. Я не изъ честолюбія. Нужды нѣтъ, что я только помощница. Мы съ моей старшой, — шутливо произнесла она съ удареніемъ на „д“, — ладимъ, и характеръ у нея покладливый. Но, все-таки, починокъ не мой, я должна сообразоваться съ тѣмъ, какъ уже ведется дѣло. И это бы ничего. А главное — здѣсь не тотъ матеріалъ. Училище наше, хоть и на окраинѣ, но слишкомъ пышно устроено. Классъ — бывшая зала барскаго дома. Потолки до сихъ поръ расписаны. Ребятки не плохіе, но они не деревенскіе, а городскіе. У меня тона съ ними нѣтъ.

— Приобрѣтете... вы-то! — вскричала Вѣра.

— Въ душу ихъ я не могу проникать такъ, какъ въ моихъ деревенскихъ. Увѣряю васъ. Я просто боюсь, что меня будетъ засасывать особая ностальгія.

— По деревнѣ?

— Именно!.. Милая! Поймите вы меня!

Голосъ Переживиной сталъ вздрагивать.

— Такая „тяга“? — повторила Вѣра слово учительницы.

— Въ родѣ морфія... Особаго рода запой.

— Какъ же мы... въ кружкѣ?.. Вы намъ нужны, Валентина, очень нужны.

— Да вѣдь это — всего тридцать верстъ отъ Москвы... По чугункѣ. А отъ станціи—слышно—не больше, какъ версты четыре. Я въ двѣ недѣли разокъ сюда. Подгоню такъ, чтобы послѣ класса на чугунку, хоть съ товарнымъ поѣздомъ.

— Не заполучишь васъ! — огорченно вымолвила Вѣра.

— Честное, благородное слово, Финикова! — крикнула Перживина, уже не поправляясь.

Это слово: „Финикова“ — долетѣло до князя.

— Qu'est-ce? — вслух воскликнул онъ, и поднялся съ короткой кушетки, на которой читалъ письмо отъ племянника.

Онъ не могъ слышаться. Стриженная „дѣвуля“ называетъ его жену ея дѣвичьей фамиліей, и та не протестуетъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! — выбранился онъ, и заходилъ по комнатѣ.

Письмо держалъ онъ въ рукѣ.

Кончатся, пожалуй, тѣмъ, что и въ его присутствіи будутъ называть Вѣру Тимофеевну: „мамзель Финикова“.

Ему сильно захотѣлось выйти къ нимъ и „дать по носу“ этой учительницѣ, которую онъ сейчасъ бы турнулъ, будь онъ попечителемъ школы. Но теперь его усадьбу купить какой-нибудь прасоль-кабатчикъ.

Письмо князя Федора подвинуло его, и онъ желалъ бы сейчасъ показать женѣ, что у него можетъ явиться настоящая поддержка. Не пройдетъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ — и онъ „пошлетъ во всѣмъ чертамъ“ это унижительное прозябаніе въ „дѣтскихъ“ комнатахъ купеческихъ хоромъ „рода Финиковыхъ“.

Голоса больше не доносились изъ комнаты Вѣры.

Князь прислушался и вышелъ въ коридоръ. „Подруги“ прощались въ передней. Онъ переждалъ, и когда за учительницей заперли дверь, онъ вошелъ, по коридору, къ Вѣрѣ, черезъ узенькую дверку.

И она въ ту же минуту показалась въ дверяхъ.

Они еще не видались сегодня.

— Здравствуй, Вадимъ, — сказала она ему, не подавая руки, и сейчасъ же присѣла къ письменному столу.

— Письмо отъ Федора. Онъ будетъ проездомъ здѣсь.

— Очень рада его видѣть. Только у насъ ему неудобно остановиться.

— Я и не прошу. И не въ томъ вовсе дѣло. Онъ предлагаетъ мнѣ...

— Мѣсто? — подсказала Вѣра.

— Почему же вы знаете?

— Догадываюсь.

— А вы, конечно, не желали бы.

— Если въ провинціи — мнѣ было бы тяжело оставить маму. Но до поры до времени зачѣмъ же разстраивать себя?

— И мнѣ нѣтъ охоты забираться въ какую-нибудь дыру...

хотя бы мнѣ предложили... постъ, ну, хоть вице-губернатора... Три тысячи оклада. Une misère!

Вѣра промолчала и оглянулась на окно.

— Это ко мнѣ! Извини, я пойду принять, наверху.

Она быстро вышла. Князь остался одинъ, все еще съ письмомъ въ рукѣ.

XV.

Подходилъ часъ обѣда. Вѣра сидѣла наверху у Степаниды Ѳедотовны. Той нездоровилось. Съ утра чувствовала себя сносно; но часу съ перваго начались боли въ печени и поясницѣ.

— Право, Вѣруня,—говорила она, лежа на кушеткѣ:— вамъ будетъ лучше обѣдать съ Вадимомъ Дмитриевичемъ особенно. И тебѣ самой способнѣе. Къ пяти часамъ иной разъ ты и не упрaviшься. Мнѣ столовой совсѣмъ не надо. Вотъ часто стала прихварывать. Сидѣть за столомъ тяжело бываетъ.

— Какъ вамъ угодно, маменька.

— Вотъ нынче бы...

Старуха стала говорить потише.

— Герасимъ пускай у себя обѣдаетъ.

— Почему же, маменька?

— Да они съ княземъ все на контрактъ... Я ужъ ему замѣчала.

— Зачѣмъ же стѣснять брата?

— Да никакого стѣсненія не будетъ. Ему же лучше. Онъ вѣдь и со мною-то не каждый день обѣдалъ.

Вѣра промолчала. Ей предстояли обѣды en tête-à-tête съ мужемъ. Это не очень ее тѣшило; но мать права—такъ будетъ лучше.

Внизу, въ передней, раздался сильный звонокъ, и тотчасъ же потомъ громкіе женскіе голоса затараторили.

— Кто это?—спросила Степанида Ѳедотовна.—Никакъ Аня?

— Кажется. Но кто-то съ нею... еще...

— Голосъ-то не признаешь?

— Сразу не могу что-то узнать.

Горничная Маша пріотворила дверь и, просунувъ голову, доложила:

— Матушка Степанида Ѳедотовна!—Антонида Тимошеевна пожаловали.

— Зови! Зови!

— Только онѣ не одни. Гостья... съ ними.

— Кто такая?

— Вот карточку приказали передать барышнѣ.

Маша до сихъ поръ называла всегда Вѣру „барышней“.

На карточкѣ Вѣра прочла: „Васса Ивановна Лопарева“.

Глазами мать спрашивала ее—кто гостя.

— Я сейчасъ сойду.

— Да зачѣмъ?—остановила ее Степанида Федотовна.—А гостиная-то на что?

— Лопарева,—полушопотомъ выговорила Вѣра.

— Васса?

— Да, маменька.

Усмѣшка повела характерный ротъ старухи.

— Надо принять,—вымолвила Вѣра тоже съ улыбкой.

— Прими.

Старуха не водила особеннаго знакомства съ Лопаревой; но не любила никого „порочить“ и съ годами снисходительнѣе смотрѣла на „бабенку“ въ родѣ Лопаревой, обвиняя гораздо больше мужей, чѣмъ женъ—въ такихъ дѣлахъ.

— Попроси ту барыню въ гостиную. Скажи, что Вѣра Тимоеевна сейчасъ выйдутъ.

Антонида—такъ же осторожно, какъ Маша, растворивъ половину двери—проникла въ спальню.

— Мамочка! Чтѣ это вы опять хохлитесь?.. Милочка моя!

Шумно расцѣловалась Антонида съ матерью и сестрой.

Съ тѣхъ поръ какъ Вѣра поселилась въ родительскомъ домѣ, Антонида стала съ ней гораздо нѣжнѣе, а съ вняземъ держалась на чопорной купеческой ногѣ.

— Вмѣстѣ прѣехали сюда съ Вассой Ивановной,—вполголоса сказала Антонида, оглядываясь на дверь.—Къ тебѣ, Вѣрочка. По дѣлу, говорить... И какъ ее раздуло въ лицѣ-то отъ веселой жизни!

Сдерживая смѣхъ, Антонида подмигнула и стала снимать съ шеи модный воротничокъ изъ собольяго мѣха.

— Иди въ ней, Вѣруня. А то еще въ амбицію вломится.

— Иду, иду.

Гостиная верхняго этажа стояла въ чехлахъ—просторная и церемонная, съ лоскомъ отъ паркета и большой кафельной печи.

Васса Ивановна уже размѣстилась на диванѣ. Она вошла въ бархатной шубѣ съ широчайшими отворотами изъ свѣтло-сѣраго шеншила. Воротничкомъ подпирало ей голову. Съ морозу щеки такъ и блестяли. Волосы, взбитые на лбу и вискахъ, дѣлали

родъ подковы надъ лбомъ подъ шапочкой, отороченной тѣмъ же мѣхомъ.

Каждый разъ какъ Вѣра видитъ Лопареву—ее схватить за сердце мысль о Спѣшневѣ. Его она не видала больше четырехъ мѣсяцевъ. И ей совѣстно стало, что изъ-за своихъ домашнихъ испытаній она забыла о немъ, до сихъ поръ сама не поѣхала къ нему и не заставила бывать у нея чаще.

— Голубчикъ, Вѣра Тимофеевна! Извините, что я являюсь... невпопадъ.

Лопарева жала ей руку и подставляла щеку. Пришлось поцѣловать. Щеки у нея были твердыя и засвѣжѣли отъ мороза.

Вѣра предложила ей сѣсть жестомъ руки.

— Почему же невпопадъ?—сказала она ласковѣе, чѣмъ бы это было годъ назадъ.

— Да маменька-то у васъ хвораетъ.

— Такъ, немножко. Она не въ постели.

— Ну, и слава Богу. А вы опять въ отчій домъ вернулись. Знаете... я недавно такую пьесу видѣла у Корша, съ нѣмецкаго. „Отчій Домъ“ называется. Только тамъ артистка изъ дому ушла когда-то. А вы, голубчикъ, нигуда не бѣгали... Въ законномъ бракѣ состояли. Ха, ха!

Лопарева смотрѣла на нее весело и немножко задорно.

„Что, молъ, душечка? Теперь съ тобой и разговоръ другой будетъ. Ты ужъ изъ себя принцессу разыгрывать не станешь“.

— Простите, голубчикъ! — Лопарева протянула свою пухлую руку въ перчаткѣ къ ея колѣну...—Я вѣдь шутиха... И не злопамятна я.

— Какое же зло вы можете помнить, Васса Ивановна?

— А въ прошломъ-то году?.. Какъ вы меня изволили тогда принять? Ась? Ха, ха! Самымъ, душечка, кислосладкимъ тономъ. Нѣшто не правда?

— Я что-то не помню, Васса Ивановна.

— А мнѣ помнится. Но, знаете, въ опереткѣ... тоже нѣмецкой, есть присловье: „швамз-дрюберъ“!.. Такъ кажется? Въ „Нищемъ Студентѣ“? И я то же скажу. И вотъ теперь, когда узнала, что вы у маменьки — Васса Ивановна на особый ладъ перевела губами—должны скучать... томиться...

— Нисколько, увѣряю васъ.

— Ну, полноте. Нелегко все это перенести на своей спинѣ.

Въ первый еще разъ Вѣра слышала подобныя сожалѣнія. Дворянскіе салоны она не посѣщаетъ, кромѣ дома графини Бо-

ровицной, а тамъ, гдѣ она каждый день бываетъ, никто еще не позволялъ себѣ ничего подобнаго.

Но она не обидѣлась. Теперь ей надо быть приготовленной ко всему.

— Вотъ я и разсудила, душечка Вѣра Тимоѣевна, опять-таки къ вамъ обратиться. Вы, небось, забыли, съ какой идеей я тогда къ вамъ разлетѣлась, не спросившись броду?

— Я помню. Идея была очень хорошая.

— Только вы меня изволили...

Лопарева показала рукой—какъ ее вывели.

— Я тогда же говорила графинѣ.

— Ну ладно, ну ладно. А теперь никакой мнѣ графини не надо. Мы и сами все устроимъ наилучшимъ образомъ. Васъ прошу принять участіе. Вашихъ совѣтовъ и указаній жажду. Знаю, что вы на Вассу Ивановну Лопареву изволите вкось смотрѣть. А все-таки уважаю васъ... Очень высоко ставлю... Мнѣ вѣдь все извѣстно!

Лопарева прищурила одинъ глазъ и потрясла указательнымъ пальцемъ.

— Что же такое?—нѣсколько тревожно окликнула Вѣра.

— Не зазорное! Вы вѣдь у насъ праведница. А вотъ какъ вы себя повели въ крахѣ муженька вашего. Съ какимъ благородствомъ. Только ужъ слишкомъ. Мужчинъ благородствомъ не пробьешь, душечка вы моя, Вѣра Тимоѣевна. Всего своего капитала лишились... Шутка! И даже вотъ съ эстолько—она зацѣпила нготъ зубами—съ эстолько не пожелали вознаградить себя.

Вѣра опустила рѣсницы, и лицо ея затуманилось.

— Вы извините меня... Вѣдь я мужикъ... какъ есть мужикъ. Ничего обиднаго я вамъ не желала сказать, голубчикъ вы мой. Толкъ такой идетъ по всей Москвѣ. Никому не завяжешь ротъ. И удивляюсь я—какъ же это маменька ваша допустила такъ васъ обзегорить.

— Оставимъ это, Васса Ивановна, прошу васъ!

Глаза Вѣры строже оглянули гостью.

— Простите, простите, голубчикъ. Болтать лишняго не буду. А моя новая идея—вотъ въ чемъ состоитъ. По Москвѣ подбирать... дѣвушекъ простаго званія... которыя—высокимъ слогомъ выражаясь—пали... давать имъ работу, продержавши малую толку на особомъ, исправительномъ положеніи.

— Это будетъ нѣчто въ родѣ Магдалининскаго убѣжища?—спросила Вѣра и съ трудомъ воздержалась отъ улыбки.

Сопоставленіе, дѣйствительно, выходило курьезное. Почетная

гражданка Лопарева и—спасанье падшихъ дѣвушекъ! Надо было имѣть апломбъ Вассы Ивановны, чтобы выступать учредительницей Магдалининскаго убѣжища.

— Нѣтъ, мы такъ не назовемъ! — воскликнула Лопарева и откинулась назадъ всѣмъ своимъ жирнымъ туловищемъ.— Оно теперь не въ модѣ. Повыходилось! И сколько насчетъ этого чесали языкъ. Мы по другому назовемъ, чтобы не зазорно было. И опять не такихъ дѣвушекъ будемъ подбирать, которыя въ лоскъ уже избаловались и въ промыселъ пошли. А на первыхъ порахъ которыя... по неопытности и изъ нужды.

— Идея прекрасная,—искренно вымолвила Вѣра.

— Только вы все-таки не будете со мною вмѣстѣ дѣйствовать?—наклонясь къ уху Вѣры, спросила Лопарева.

Уклончиво, по-барски, какъ княгиня Кунгурова, Вѣра не хотѣла отвѣчать.

— Если я что-нибудь смыслю въ этомъ, — сказала она искренно:—готова принять участіе въ обсужденіи дѣла. Но больше не общаю. У меня—увѣряю васъ—еле достаетъ времени и на другія хорошія вещи.

— Ну и на томъ спасибо! Вы теперь не та барыня... что тамъ, на Поварской. Позвольте васъ поцѣловать.

Лопарева вскочила и звонко чмокнула Вѣру въ самыя губы.

XVI.

Въ гостиной было слишкомъ свѣжо — тамъ никто почти не бываетъ въ послѣднее время, и ее протапливали только черезъ день. Вѣра предложила Лопаревой сойти внизъ.

Пришла туда и Антонида.

Разговоръ повернулъ въ другую сторону. Антонида хоть и считала Вассу Ивановну „зазорнаго поведенія“, но милліоны Лопаревой, ея видъ и тонъ—дѣйствовали, и Антонида держала себя съ нею очень любезно, даже съ отгѣнкомъ „аттенціи“. Обѣихъ объединяло и чувство своего купеческаго достоинства.

Отъ Антониды Вѣрѣ не разъ приходилось слышать о Лопаревой такіа замѣчанія:

— Ну, она—кутилка... Но если выбирать, кто хуже — она или ея благовѣрный, то конечно—онъ. Всякая бы, при ея натурѣ, стала погуливать съ такимъ мужемъ. Онъ—презрѣнный, а не она. И опять тоже,—умѣла себя поставить. Нужды нѣтъ, что ее срамить въ газетахъ, а всѣ ѣздятъ, всѣ на заднихъ лапкахъ передъ

ней. А она ни передъ кѣмъ не лебезитъ. Купчиха — купчихой и живетъ, и въ барыни не тянется.

Онѣ сейчасъ же затараторили, попивая чай, поданный внизъ разлитымъ. И глаза у нихъ заблестали, щеки залоснились.

— Люблю посудачить! — вскрикивала Лопарева, повертывая свою короткую шею въ высокомъ воротникѣ накладки, которую она и тамъ не сняла.

Она такъ забавно подмигнула однимъ глазомъ, что и Вѣра тихо рассмѣялась.

— А у Синегубовыхъ-то разошлось дѣло? — спросила Антонида.

— Разошлось. Видите ли, женихъ-то облыжно выдавалъ себя за раскольника.

— А они по какой вѣрѣ?

— По австрійской... И самые, знаете, приверженные.

— По Рогожскому, значить, кладбищу? — осведомилась Антонида.

— Какже, какже.

— А я думала по Преображенскому.

— Нѣтъ, тѣ — безпоповцы. Ихъ родственники — отъ Вавилы Спиридонича которые идутъ — тѣ вотъ той самой вѣры, какъ и вашъ родственничекъ...

— Какой? — спросила Антонида.

— А Умновъ-то Петръ Степанычъ?!

И, повернувъ голову въ сторону Вѣры, Лопарева окликнула ее.

— Вѣра Тимоѣевна! Теперь дѣло прошлое... Сильно онъ по васъ сохнуть?

— Не знаю, — отозвалась Вѣра.

— Да ужъ не скромничайте! Такъ страдалъ, — дурачливо протанула Лопарева: — что и Боже мой! Ко мнѣ сталъ ѣздить въ родѣ какъ на исповѣдь. Ха, ха! До слезъ себя доводилъ!

— Было дѣло! — весело подхватила Кусова.

— Онъ даромъ что заядлый раскольникъ... и въ ихъ сеетъ въ родѣ какъ главный руководитель, а пошелъ бы даже къ никоньянамъ вѣнчаться.

— Да, онъ — безпоповецъ, — увѣренно сказала Кусова.

— Да! Только и безпоповецъ-то самый заворенѣлый. Они какого-то князя... не то Ухтомскаго, не то Мышецкаго почитаютъ. При Петрѣ Великомъ угодникомъ у нихъ объявился... въ самой той... какъ бишь, дай Богъ памяти, Выговской пустыни... гдѣ знаменитый свить былъ.

— Какъ вы все это знаете? — спросила Вѣра.

— Калякаю... со всякимъ народомъ. И владыкъ старовѣрскихъ у себя принимала не разъ. Занятно! Съ однимъ даже въ пренія вступала. Онъ изъ здѣшнихъ торговцевъ. Гдѣ-то на Волгѣ архіеремъ... Однако больше на Москвѣ проживаетъ, въ собственномъ домѣ. Даже облегченіе находила въ бесѣдѣ съ нимъ. Умный мужикъ! И строгой жизни...

— Такъ какъ же... свадьба-то у Синегубовыхъ и разошлась?—спросила вдумчиво Антонида Тимошеевна.

— Да, казацкій-то офицеръ ихъ поднадуть хотѣлъ. Я, говоритъ, по старой вѣрѣ. Анъ оказалось—враки... Только дѣвочку осрамилъ. Онъ уже на правахъ жениха былъ.

— Все это жулики!—вскричала Кусова.—И скоро ли наконецъ перестанутъ отдавать своихъ дочерей за...

Она запнулась, сообразивъ, что при сестрѣ не очень-то хорошо говорить въ такомъ духѣ, да еще при таковой гостьѣ.

— Не перестанутъ!—подхватила Васса Ивановна.—И дочки, и сыны—всѣ бредятъ, какъ бы имъ только отъ самихъ себя отказаться.

— Именно!

Объ онѣ сразу смолкли. Вѣра это замѣтила; но ей хотѣлось сказать имъ обѣимъ:

„Пожалуйста, не стѣсняйтесь“!

Въ дверь просунулась хохлатая голова Герасима Тимошеевича.

— А! Гаря! Здравствуй!—окликнула его Антонида и пошла съ нимъ цѣловаться.

— Герасимъ Тимошеевичъ! И со мной не грѣхъ бы такимъ же манеромъ... Вы вѣдь кумъ мнѣ приходитесь!

Лопарева поднялась и подставила ему щеку.

— Когда же мы покумились?—нѣсколько брезгливо спросилъ онъ.

— Какъ же?! А еще въ ученыхъ состоите. Что же у васъ за память? Лѣтъ будетъ пятнадцать, мы у одного вашего служащаго... въ Зарядѣ тамъ гдѣ-то... дѣвчонку врестяли. И насъ еще цимлянскимъ угощали. Я и это помню.

— Извините!

— А цѣловаться не хочетъ! Стара стала? Ну, Богъ съ вами, коли такъ—по-англійски „шевендсъ“, что-ли?

Герасимъ Тимошеевичъ подаль ей руку и силился усмѣхнуться.

Будь онъ глава семьи, желай онъ поднимать голосъ—онъ бы не допустилъ своихъ сестеръ водить компанію съ этой „вавилонской блудницей“—онъ любилъ употреблять этотъ терминъ. Но ему, въ сущности, было все равно. Никто, на его оцѣнку, въ

купеческомъ быту, ему извѣстномъ—не ведетъ себя такъ, какъ бы слѣдовало. И мужчины, и женщины, и полуграмотные, и яко бы образованные не умѣютъ отстаивать свое достоинство, показывать, на собственномъ примѣрѣ, что они не менѣе дворянъ способны на высшую интеллигентную жизнь.

— Маменька послала меня,—обратился онъ къ Вѣрѣ:—не угодно ли вамъ закусить?

— Мерси,—поблагодарила Лопарева за всѣхъ остальныхъ.— До обѣда мало времени осталось. Вотъ еще по чашечкѣ выпьемъ—и довольно.

— Присядь, Гара,—пригласила Вѣра, довольная тѣмъ, что братъ пришелъ въ ея комнату.

Она не боялась за то, чтобы чего-нибудь не вышло между нимъ и княземъ. Тотъ ни за что не покажется, слышавъ разговоръ „купчихъ“.

Но Вѣра забыла, до какой степени въ комнату ея мужа было все „какъ пролито“—когда разговоръ у нея шелъ въ полный голосъ.

Князь лежалъ на кушеткѣ и читалъ какой-то французскій романъ въ желтой обложкѣ.

Онъ слышалъ весь разговоръ о разстроенной купеческой свадьбѣ и про „братца“ Умнова—все, что особенно громко говорила Лопарева; только онъ не узналъ ея голоса.

Вспомнилась ему „приятная сценка“, какъ его супруга изволила прочесть ему и Погулянину нотацию, когда они заикнулись объ этомъ самомъ раскольникѣ Умновѣ.

И выходило, въ самомъ дѣлѣ, неблагоприятно. Вѣра Тимофеевна могла предполагать, что ему извѣстны пылкія чувства Умнова къ ней, когда она была еще въ дѣвушкахъ.

„За него бы и шла!“—вырвалось у князя, и смутно онъ почувствовалъ—какое бы было для него облегченіе, еслибы жена его очутилась купчихой Умновой, а онъ—на полной свободѣ и до погрома.

Неужели онъ помирится съ своимъ теперешнимъ положеніемъ?

Этотъ вопросъ всталъ передъ нимъ опять и дразнилъ; а въ уши ему врвался трескучій разговоръ купчихъ.

Вотъ „затявкала“ гостя.

— А у Синцовыхъ былъ вчера обѣдъ со здравицами,—разсказывала она, и каждое слово вздрагивало у него въ ухѣ.

— По какому случаю?—спросила „сестрица“ Антонида Тимофеевна.

— Столѣтіе подходитъ ихъ фирмѣ. И старику Спиридону Иванычу было предложено дворянство. Самъ министръ писалъ.

— И что же?—окликнулъ братецъ Герасимъ Тимоѣевичъ.

— А онъ отказался. Я, говоритъ, торговцемъ всю свою жизнь былъ и умереть хочу въ томъ же званіи. Довольно мнѣ и почетнаго гражданства.

— Молодецъ!— глухо крикнулъ Герасимъ. — Такъ и давно пора.

— За обѣдомъ ему и говорилъ цѣлую рѣчь Максимъ Тихонычъ Дерейщиковъ. Умница! Въ студентахъ былъ. Съ медалью кончилъ. „Это, говоритъ, новую эру составляетъ—вашъ поступокъ, многоуважаемый Спиридонъ Иванычъ. Довольно, говоритъ, намъ, представителямъ третьяго сословія, бѣгать за подачкой чиновъ и сословныхъ отличій“...

— Такъ и сказалъ?—спросилъ Герасимъ.

— Да, вотъ такими именно словами. И дальше еще лучше! Всѣ хлопали, кричали браво, и старикъ прослезился.

„Ахъ вы подлые!—вдругъ выбранился про себя князь и подскочилъ на кушеткѣ грузнымъ корпусомъ.—Каковы“!

Краска бросилась ему въ лицо. Сейчасъ бы вбѣжать къ нимъ и разнести ихъ, какъ зазнавшееся „хамьё“, которое смѣетъ такъ говорить о дворянскомъ званіи. И тутъ сидитъ его супруга, княгиня Вѣра Тимоѣевна Кунгурова.

И хотя бы однимъ словомъ она осадилъ ихъ! Зачѣмъ же она-то сама лѣзла въ дворянки, да еще въ титулованныя?

Искренно они такъ чувствуютъ или только форсать, но довольно того, что у какого-то Спиридона Иваныча, главы фирмы, которая производила канифасъ или торговала столярной политурой, вдругъ явилась такая фанаберія, чтобы отклонять отъ себя потомственное дворянство и давать, по этому „случаю“, у себя банкеты съ тостами и спичами...

Князя душило. Онъ всталъ и однимъ духомъ очутился въ передней, надѣлъ мѣховое пальто и калоши и нахлобучилъ шапку. Дверь онъ громко отворилъ и рѣзко позвонилъ снаружи.

Разнести развѣ ихъ? Они и этого не стоятъ. Просто бы крикнуть имъ изъ двери:

— Цыцъ!

XVII.

Домой князь не возвращался къ обѣду и не сказалъ прислугѣ, что обѣдать дома не будетъ. Пускай ждуть—ему все равно.

Такъ продолжаться не можетъ. Чтò бы ни предложилъ ему

князь Ѳедоръ—хоть мѣсто предводителя въ западномъ краѣ, отъ правительства—онъ схватится обѣими руками и уѣдетъ.

Вѣра Тимоѣевна можетъ „пробывать въ Hôtel Finikoff“, можетъ обзавестись какимъ угодно „радикалишкой“, только бы его оставили въ покоѣ. А если она будетъ „аффишировать себя“, тогда онъ потребуетъ развода.

На улицѣ князь почувствовалъ себя въ первый разъ свободнѣе. Разумѣется, малодушно: сидѣть въ купеческой „мурьѣ“ и никуда носа не показывать. Чего ему стыдиться? Многіе ли изъ людей его общества поступили бы такъ безупречно, какъ онъ? Только „изувѣры“ своей педантской честности—какъ его жена—могутъ быть и этимъ недовольны. Въ клубъ, куда ему неловко показываться—*rougquoi, Dieu des dieux, rougquoi!*—за двѣ трети сочленовъ онъ не поручился бы.

Остаться нищимъ—и на половину по чужой винѣ—и не припрятать ни копѣйки! Кто на это, по нынѣшнимъ временамъ, способенъ? Если онъ ажіотировалъ на чужія, то вѣдь онъ и платился. Все его состояніе пошло съ молотка.

Бодро шелъ онъ по бульварамъ вплоть до Тверскихъ воротъ. У памятника Пушкина взялъ хорошаго извозчика „въ часы“—и поѣхалъ дѣлать визиты.

Онъ сдѣлалъ ихъ съ поддюжины—почти вездѣ его принимали и встрѣчали радушно, не дѣлали никакихъ лишнихъ разспросовъ, не спрашивали и про жену, чего онъ и прежде не любилъ и на неизбѣжный вопросъ:

— *Et comment va la princesse?*—отвѣчалъ всегда:

— *Elle se porte comme le Pont-Neuf,*—съ особенной интонаціей.

И по этой части онъ слишкомъ нервничалъ. Совсѣмъ не такъ бездушно относятся къ нему. Въ двухъ гостининыхъ прямо даже сказали:

— *Vous vous êtes comporté en vrai gentilhomme!*

Денегъ не даетъ никто. Это точно. Но ихъ ни у кого нѣтъ свободныхъ. Да еслибы пришлось ему даже попрошайничать, то лучше у своего брата дворянина, чѣмъ у презрѣнныхъ купчишекъ.

Послѣ визитовъ князь поѣхалъ въ клубъ и спросилъ себѣ обѣдъ. Былъ день простыхъ обѣдовъ. Въ столовой сидѣли—за разными столами—не больше четырехъ человекъ; съ двоими онъ не былъ знакомъ. Одинъ изъ нихъ ѣлъ противъ него и сидѣлъ лицомъ къ нему. Князь на *такихъ* членовъ всегда смотрѣлъ какъ на самый „непристойный элементъ“.

Ему показалось, что этотъ „милостивый государь“ ухмыляется на особый ладъ, взглядывая на него.

Въ отвѣтъ на это князь устался на него, послѣ третьяго блюда, и съ добрую минуту глядѣлъ въ упоръ, какъ онъ умѣлъ глядѣть въ самое свое блистательное время.

„Милостивый государь“ смутился и опустил рѣсницы.

Фамилія у него русская; но онъ—„перекрестъ“, брехунецъ изъ присяжныхъ, по-еврейски былъ какимъ-нибудь Мошеей Абрамовымъ. А теперь корчитъ изъ себя настоящаго русскаго и кореннаго москвича; кажется, кромѣ адвокатской практики, и ученые книжки сочиняетъ.

Въ биллиардной князь сыгралъ партію съ однимъ полковникомъ генеральнаго штаба, и тотъ былъ съ нимъ чрезвычайно внимателенъ, какъ подобаетъ быть съ такимъ крупнымъ „столпомъ“ клуба, какъ онъ.

У него еще настолько карманныхъ денегъ, чтобы позволить себѣ и обѣдъ въ клубѣ, и бутылку вина, партію на биллиардѣ или мѣсто въ театрѣ. Но и эти бумажки неприятно беспокоютъ его. Не желаетъ онъ—на неопредѣленное время—состоять на изживеніи своей супруги. Чтѣ бы ни предложилъ ему князь Федоръ—онъ схватится за всякую должность.

Въ Большомъ театрѣ шелъ балетъ.

Онъ давно не заглядывалъ ни въ Большой, ни въ Малый. Балетъ именно такой спектакль, какой ему надо было. Взять къ Омону—рискованно. Пришлось бы взять кресло. Ложи дороги, да и глупо сидѣть въ ложѣ одному. Въ креслахъ много всякаго „хамья“. Еще нарвешься на скандалъ. Потянетъ и на сцену, гдѣ онъ, въ прошломъ году, былъ „persona grata“. Но тамошнія дѣвочки—и русскія, и французженки—дерзки. Иная сейчасъ бравада:

— Ecoute! On te dit exécuté à la bourse?..

Да и русская „пѣвчичка“ тоже прогнусить:

— Чтѣ, князенька, или въ карманѣ чахотка завелась?

Когда онъ подходилъ къ кассѣ, въ сѣняхъ Большаго театра, въ первый разъ онъ испыталъ колебаніе:—въ какомъ ряду брать мѣсто?

Прежде, кромѣ перваго, онъ не признавалъ никакого. Но теперь...

На кресло, хотя бы и перваго ряда, у него хватить.

„Конечно, возьму въ первомъ“,—рѣшилъ онъ. Съ какой же стати прибѣдливаться и держать себя банкротомъ, когда онъ остался съ незапятнаннымъ именемъ!

„Сажу въ первомъ ряду потому, что имѣю на это средства, и никому до этого дѣла нѣтъ“.

Съ этимъ мысленнымъ возгласомъ входилъ князь въ партеръ театра. Спектакль уже начался. Зала была наполовину пуста.

Пожилой капелдинеръ, сутуловатый и съ повязанной щекой, съ низкимъ поклономъ встрѣтилъ его у средняго выхода и затрусилъ впередъ показывать ему мѣсто.

— Я найду самъ,—остановилъ его князь прежнимъ, снисходительно-барскимъ звукомъ.

— Третье отъ прохода, по правой сторонѣ, ваше сіятельство. Значить, его и здѣсь еще знаютъ и помнятъ.

Двигался онъ по ковру средней дорожки медленно, переступая съ ноги на ногу и съ особымъ покачиваньемъ всего туловища: эту походку онъ давно завелъ для входа въ театръ или въ залу Дворянскаго Собранія.

Первое—директорское кресло, запертое мѣднымъ пруткомъ—стояло пустое. Рядомъ сидѣлъ черноватый господинъ въ бѣломъ жилетѣ и смокингѣ, съ брилліантовой булавкой и множествомъ брелокъ на цѣпочкѣ.

„Опять жидъ!“—выбрался князь, узнавъ сейчасъ же этого брюнета. Онъ видалъ его, изо дня въ день, за завтраками Славянскаго Базара, когда игралъ на биржѣ. Это былъ крупный биржевой „заяцъ“ изъ евреевъ, содержавшій танцовщицу.

Но они не были знакомы и не предстояло опасности, что этотъ „хамъ“ заговорить съ нимъ.

Справа отъ него кресло стояло пустымъ. Дальше сидѣли два студента изъ богатыхъ купчиковъ, съ лицами драгунскихъ воротниковъ, откормленные и усатые, въ высочайшихъ воротникахъ своихъ сюртуковъ и въ узенькихъ рейтузахъ.

„Ихъ степенства“,—подумалъ князь и, протирая ринсе-пез, навелъ на нихъ взглядъ, по которому эти „мальчишки“ должны были почувствовать всю пропасть между нимъ—Гедиминовичемъ—и внуками или сынками хотя бы и того Спиридона Иваныча, что отказался отъ потомственнаго дворянства.

На сцену высочила худенькая бѣлокурая балерина. Студенты и биржевой еврей захопали въ тавтъ, высоко поднимая ладони.

Блондиночка протанцовала свои „варьяціи“ нервно и легко; ей стали аплодировать и въ партерѣ, и на верхахъ. Похлопалъ и князь.

Она повторила нумеръ, и когда подходила къ концу своихъ батмановъ и пируэтовъ, справа отъ князя сѣлъ кто-то. Въ полу-

тѣмъ залы лицо его князь не сразу разглядѣлъ, хотя и обернулся на него.

Черезъ десять минутъ опустился занавѣсъ и электрическія лампочки разомъ заиграли. Сосѣдъ князя приподнялся немного и очень вѣжливо поклонился, проговоривъ:

— Мое почтеніе, князь.

Это былъ „братецъ“—тотъ самый раскольникъ архимилліонщикъ Умновъ, къ которому Вѣра Тимоѣевна не пожелала обращаться за помощью.

Князь вспомнилъ сейчасъ, что этотъ раскольникій „главарь“ былъ неизмѣнный посѣтитель балета и, кажется, успѣлъ уже переимѣнить, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, три или четыре „предмета“ изъ балетныхъ. Прежде онъ всегда избѣгалъ раскланиваться съ этимъ набобомъ съ Таганки. И тотъ не искалъ его знакомства; держалъ себя всегда чопорно.

Неловко было не отвѣтить на его привѣтствіе.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ благодушнѣе, чѣмъ бы даже слѣдовало.—Вы вѣрны балету, а?

Умновъ усмѣхнулся и поправилъ свой тупейчикъ.

Онъ былъ также въ смокингъ и бѣломъ жилетѣ.

— Я человекъ постоянный,—съ усмѣшкой выговорилъ онъ.

XVIII.

Въ слѣдующемъ антрактѣ Умновъ очутился рядомъ съ нимъ, у рампы. Оба оглядывали залу. Капельдинеръ подаль князю бинокль.

— Какъ здоровье княгини, Вѣры Тимоѣевны?—спросилъ Умновъ, наклонивъ голову вбокъ.

— Благодарю васъ.

— Ведеть, кажется, очень дѣятельную жизнь? Все по общественнымъ дѣламъ?

Тонъ у него былъ очень почтительный и самый звукъ, на оцѣнку князя, „не хамскій“.

— А Степанида Ѳедотовна? Кажется, стала припадать въ послѣднее время?

— Да, ей часто нездоровится.

И, мѣняя разговоръ, Умновъ, оглянувшись на сцену, выговорилъ:

— Большіе успѣхи сдѣлала эта московская итальяночка. Только ужъ худа—Богъ съ нею... А замѣтили вы, князь, одна

изъ семи корифеекъ въ большомъ *бальябиле*, съ каштановыми волосами... Чтò за прелесть! Не правда ли?

Князь согласился.

— А вы, кажется, одинъ изъ нашихъ самыхъ коренныхъ балетомановъ?—немного насмѣшливо выговорилъ онъ, поглядывая бокомъ на Умнова.

— Грѣшный человѣкъ... Не отрицаюсь, князь, и считаю это искусство самымъ изящнымъ.

„Какъ выражается! Даромъ, что раскольникъ!“ —подумалъ князь.

— И труднымъ,—продолжалъ Умновъ все такъ же тихо и мягко.—Сколько работы! Вотъ такая дохленькая блондиночка, черезъ какую дрессировку она, бѣдная, проходитъ. Видите—краще въ гробъ владуть. А когда разойдется, сколько силы и какой подъемъ души!

„Ну, души-то ты здѣсь не ищешь, а просто женскаго тѣла посвяще“,—добавилъ про себя князь.

Но ему не было противно говорить съ этимъ милліонщикомъ, разыгрывающимъ роль настоящаго фешенебля съ аглицкими фасонами.

И опять ему припомнился разговоръ въ кабинетѣ Вѣры Тимоѣевны на тѣму объ этомъ самомъ „братцѣ“. Чтò стоило тогда хоть нащупать почву съ такимъ раскольничьимъ набобомъ? А она взобралась на пьедесталъ и давай поучать ихъ съ Погулянинымъ вышей честиности!

„Недурно было бы свести ихъ теперь и посмотрѣть, чтò изъ этого выйдетъ!“—злорадно подумалъ князь.

Въ послѣдній антрактъ онъ спросилъ Умнова:

— Вы съ вашей дальней родственницей, кажется, не въ особенныхъ ладахъ?

Тотъ опустил рѣсницы и перевелъ губами, потомъ поглядѣлъ на него исподлобья.

— Вѣра Тимоѣевна мало меня знаютъ,—выговорилъ онъ сдержанно.—Онѣ привыкли вѣрить многому, чтò въ Москвѣ болтаютъ зря.

Князь чуть-было не перебилъ его вопросомъ:

„А правда, что вы по ней сильно страдали и готовы были даже перейти въ единоувѣрїе, чтобы жениться на ней“?

— Мнѣ это было всегда весьма прискорбно,—продолжалъ Умновъ и опять полу-закрывъ глаза.—И еслибъ только Вѣра Тимоѣевна относилась ко мнѣ съ нѣкоторымъ довѣрїемъ, я бы

всѣчески могъ заявить свое неизмѣнное желаніе быть ей полезнымъ... во всякомъ разѣ.

Это уже былъ прямой намекъ.

— Лично я тутъ не причемъ!—веселѣе сказалъ князь.—Моя жена думаетъ и чувствуетъ по-своему. Къ сожалѣнію, она довольно упорна въ своихъ взглядахъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ.

— Есть немножко,—со вздохомъ обронилъ Умновъ.

Оркестръ заигралъ и разговоръ ихъ дальше не пошелъ.

Умновъ разсѣянно смотрѣлъ на сцену. Его взволновало то, что они сейчасъ говорили о Вѣрѣ Тимошеевнѣ. И прежде, когда только-что пошли слухи о вражѣ ея мужа, и позднѣе, когда онъ узналъ, что послѣ ликвидаціи они поселились у Степаниды Федотовны, онъ готовъ былъ „оправдать себя“ въ глазахъ этой гордой и строгой Вѣры Тимошеевны. Еслибъ хоть съ однимъ родственнымъ словомъ обратились къ нему, онъ показалъ бы, какъ умѣетъ быть щедрымъ и великодушнымъ, не помня зла, забывая о постоянно обидномъ для него обхожденіи княгини Кунгуровой.

Какое бы ни былъ ея мужъ—онъ мягче и повладливѣе; съ нимъ можно было бы ладить. И держать онъ себя теперь прилично, не жалуется, не ёжится, хотя на душѣ, навѣрное, скребутъ кошки. Долженъ состоять „на иждивеніи“ тещи и каждую красненькую бумажку выпрашивать у жены.

Умновъ не ожидалъ отъ него и такой „чистой“ ликвидаціи. Положимъ, спасла его жена; но другой объявился бы несостоятельнымъ и приберегъ бы женины деньги.

Можно его поощрить. Нашлось бы и мѣсто для него, если онъ не больно будетъ брыкаться. Разумѣется, нельзя ему поручить никакого отвѣтственнаго дѣла; но синекуру не трудно и выдумать.

Конецъ послѣдняго акта Умновъ совсѣмъ почти не смотрѣлъ на сцену и даже не „отличилъ“ красивую корифейку съ каштановыми волосами, взбитыми на лбу. А она усиленно смотрѣла въ его сторону.

За кулисами знаютъ, что Петръ Степановичъ временно „свободенъ“. Съ „прежней“ своей онъ разошелся—кто говорить: засталъ ее съ какимъ-то драгуномъ, кто говорить—просто „здорово живешь“. Корифейка съ каштановыми волосами нравится ему съ прошлаго сезона. Подарки пошли съ начала этой зимы, но настоящаго „предложенія“ онъ ей еще не дѣлаетъ.

Опустили, въ послѣдній разъ, занавѣсъ. Раздались вызовы. Князь и Умновъ разомъ встали съ своихъ мѣстъ; ни одинъ изъ нихъ не апплодировалъ.

— Мой почтительный поклонъ супругѣ вашей, — сказала Умновъ, не подавая руки князю первымъ.

— Передамъ, передамъ, — отозвался князь и протянулъ ему руку.

— Былъ бы счастливъ и лично засвидѣтельствовать ей мое почтеніе. Но боюсь беспокоить.

— До трехъ она не бываетъ дома.

— А вы, князь? — несовсѣмъ увѣренно спросилъ Умновъ.

— Я цѣлыми днями... Милости прошу.

Они еще разъ пожали другъ другу руку и шли вмѣстѣ до средняго выхода. Капельдинеры винулись подавать имъ верхнее платье. Первымъ одѣлся князь и въ шапкѣ кивнулъ головой Умнову, передъ тѣмъ какъ спуститься въ сѣни главнаго подъѣзда.

Умновъ старательно застегнулъ свою короткую шубку на соболяхъ. Онъ носилъ цилиндръ круглый годъ, даже въ трескучіе морозы. Подпираясь тростью съ серебряной ручкой, онъ медленно, маленькими шажками, пошелъ къ подъѣзду противъ магазина Мюръ-и-Мерилизъ.

Для моціона онъ часто возвращался домой пѣшкомъ, на дальній конецъ Покровки, въ свои палаты. Тамъ онъ жилъ со всѣмъ одинъ, въ двухъ этажахъ, гдѣ значилось до сорока комнатъ.

Шелъ онъ вверхъ по Кузнецкому, плохо освѣщенному и пустынному въ этотъ часъ, съ понижшею головой, постукивая по мерзлому снѣгу тростью.

Эта встрѣча съ мужемъ Вѣры Тимофеевны всколыхнула его душу. Никакъ онъ не ожидалъ такого „оборота“.

И ярко представлялась ему Вѣра, вся въ бѣломъ, такая, какъ она пріѣхала въ домъ сестры, на Пасху, больше года назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ почти не видалъ ее.

Кто знаетъ! Быть можетъ, „замѣнка“ съ мужемъ сдѣлала ее помятче. Какъ ни какъ, а своего состоянія у нея теперь нѣтъ. Въ дворянскомъ обществѣ прежнее положеніе рухнуло, хотя ее и уважаютъ, зная, какъ она себя повела; но изъ одного уваженія „шубы не сошьешь“.

Голова его заиграла. Мало ли какія „комбинаціи“ могутъ выйти, если не терять куражу и бить все въ одну точку? Каждая женщина на чемъ-нибудь „ловится“... самая строгая и неприступная. Не на деньгахъ, такъ на преклоненіи.

Муза она не должна любить. Это и раньше было видно. Теперь онъ ей еще болѣе въ тягость. Да и онъ къ ней относится съ холодомъ, боится и держитъ камень за пазухой, — не

можетъ простить ей того, что она его спасла; къ ея же матери онъ „взять въ домъ“ и сѣлъ имъ всѣмъ на шею.

Развѣ то нашла бы она въ мужѣ, способномъ привязаться къ ней?

Что же ему лгать себѣ самому? Не въ силахъ онъ вырвать ее изъ своего сердца. Отъ чего-нибудь да сталъ онъ тяготиться связью съ той танцовщицей, которую онъ отставилъ отъ своей особы, такъ—ни съ того, ни съ сего. Хорошенькая балерина съ каштановыми волосами нравилась ему еще вчера; а сегодня онъ ни разу почти не взглянулъ на нее въ бинокль. Всѣ онѣ—на одну стать; и лица-то у нихъ точно по одному трафарету дѣланы. И все, какъ каждая изъ нихъ будетъ держать себя—онъ наизусть знаетъ: всѣ ихъ мины, словечки, ужимки, жесты и повадки. До гадости знаетъ!

Теперь у него есть заручка въ домѣ Финиговыхъ. Князь сказалъ ему: „милости прошу“. Отъ него самого, отъ его умѣнья и ловкости будетъ зависѣть такъ себя поставить въ домѣ, чтобы и Вѣра Тимоѣевна сбавила тону.

Вѣдь ей нужны средства для разныхъ либеральныхъ затѣй. Изъ матери она не будетъ тянуть „на сей предметъ“. Чего же прямѣе воспользоваться этимъ? Отказу быть не можетъ. Время додѣлаетъ остальное.

Петръ Степановичъ не замѣтилъ, какъ онъ уже прошелъ почти всю Покровку.

Въ эту минуту князь Вадимъ Дмитриевичъ былъ уже дома и передъ отходомъ ко сну злорадно думалъ о томъ, подъ какимъ соусомъ поднесетъ онъ „братца“ Вѣрѣ Тимоѣевнѣ.

XIX.

— Навонецъ-то! Владиміръ Григорьевичъ! Милый!

Вѣра жала обѣ руки Остожина и вглядывалась въ его лицо радостно и немного смущенно.

Свѣтъ отъ лампы, стоявшей въ углу на высокой тумбѣ, освѣщаль и лицо Остожина, и всю его невысокую и гибкую фигуру. Онъ немного похудѣлъ, и въ лицѣ, и въ тѣлѣ, и какъ бы загорѣлъ. И то, и другое шло къ нему.

Лобъ обнажился побольше прошлогодняго и выказывалъ теперь еще явственнѣе красивыя линіи черепа и вдавленность на вискахъ. Въ глазахъ игралъ блескъ. И бѣлые зубы блестяли. Одѣтъ онъ былъ въ очень длинный лондонскій сюртукъ, при бѣломъ

жилетѣ и атласномъ шарфѣ, перехваченномъ золотымъ кольцомъ. И духами онъ пахнулъ англійскими.

Остожинъ, въ свою очередь, оглядывалъ Вѣру, не выпуская ея рукъ изъ своихъ.

На его взглядъ она тоже похудѣла въ лицѣ и въ станѣ. Но щеки сдѣлались зато прозрачнѣе, глаза нѣсколько впали и стали съ новымъ выраженіемъ; въ немъ больше глубины и чего-то очень милого... Какая-то смѣсь тихой грусти и рѣшимости—*жить по новому.*

Это онъ сразу распознавалъ, прежде чѣмъ она что-либо сказала ему про себя.

И чѣмъ-то *дьявольскимъ* пахнуло на него — точно это опять прежняя Вѣра, жившая въ этихъ самыхъ комнатахъ; но только съ прибавкой всего опыта и всего обаянія *женщины.*

— Наконецъ-то! — повторила Вѣра и еще разъ крѣпко пожала объ его руки.

Это пожатіе дѣйствовало на него какъ-то заново, согрѣвало и дѣлало для него всю личность этой „старой пріятельницы“ ближе и завлекательнѣе.

— Сядьте, сядьте сюда, Владиміръ Григорьевичъ! — пригласила его Вѣра на тотъ самый диванчикъ, гдѣ они когда-то часто сиживали.

Онъ оглядѣлъ всю комнату.

— Какъ здѣсь *gemüthlich!* — выговорилъ онъ молодо и весело. — И вамъ здѣсь хорошо, скажите?

— Очень хорошо, Владиміръ Григорьевичъ.

— Лучше, чѣмъ было тамъ? — спросилъ онъ потише и нагнувшись къ ней.

— Лучше!.. Гораздо лучше!

Вѣра вдругъ подумала, что изъ ея кабинета черезъ стѣну, съ заклеенной обоями дверью, могло быть все слышно въ комнатѣ ея мужа. Его въ настоящую минуту нѣтъ дома; но еслибъ онъ тамъ сидѣлъ, ей бы не было пріятно чувствовать за стѣной его присутствіе.

Остожина она будетъ принимать наверху, въ маленькой угловой комнатѣ, гдѣ, бывало, она сиживала съ своими подругами по гимназіи и курсамъ, и гдѣ они вели, безъ свѣчей, долгіе разговоры.

— Неужели только-что вернулись? — спросила она, подавшись немного назадъ, къ ручкѣ дивана.

— А вы думали какъ? — что я давно здѣсь и глазъ не кажу?

— Еще недавно—это бывало такъ, — обронила она полу-

шутливо. — Ну, да теперь мы всякіе счеты бросимъ, Владиміръ Григорьевичъ.

— Въ добрый часъ!

Помолчавъ, Остожинъ сказалъ вполголоса:

— Вамъ, быть можетъ, неприятно будетъ говорить со мною о томъ, что вы пережили за этотъ годъ?

Фраза вышла у него тяжеловатая, оттого что онъ стѣснялся. И Вѣра это сейчасъ же поняла.

— Напротивъ!—отозвалась она. Глаза ея заволоклись мимовольнымъ налетомъ тихой грусти.

— Одна я была, — выговорила она. — Совсѣмъ одна. Мать мою я во многое не хотѣла вводить.

— И не лучше ли такъ?—спросилъ Остожинъ. — Надо все самому дѣлать и выносить. Извините за такой трузимъ; но я прямо изъ страны, которую вы любите. Тамъ надѣются, прежде всего, на себя.

— Да, это правда. Матеріальный погромъ—не главное, Владиміръ Григорьевичъ... Но я не скрою... произошла ливвидація и чего-то другого.

— Вашего супружества?—подсказалъ Остожинъ.

— Всеи моей недавней жизни,—отвѣтила Вѣра и опустила голову.—Я на десять лѣтъ постарѣла, Владиміръ Григорьевичъ.

— Полноте!

— Увѣряю васъ. Но ни умирать; ни прозябать не желаю!—почти вскричала Вѣра, поднявъ голову, и вся выпрямилась. — Мнѣ теперь легче, я вольнѣ дышу; я вернулась къ старому, вотъ въ этихъ милыхъ для меня комнатахъ. Скажу вамъ больше—только теперь я начинаю сознавать себя. И я ничего не боюсь. И никакихъ не имѣю иллюзій о собственной особѣ. Вы—такой пушенинскій... Лучше не скажешь, какъ онъ: „Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“... Но страдать такъ, чтобы было изъ-за чего! И страдать, и жить всѣми фибрами... А главное—не бояться!

— Чего же лучше!

Возгласъ у Остожина вылетѣлъ искренно и молодо; но тотчасъ же въ глазахъ промелькнула скептическая усмѣшка.

Вѣра ее подмѣтила.

— Вы увидите, — выговорила она и повела кистью правой руки. — На вашихъ глазахъ будетъ проходить моя жизнь. Если что—вы, какъ другъ, сейчасъ же дадите мнѣ предостереженіе.

Они разомъ разсмѣялись и невольно продили рукопожатіе.

— Продолженіе впредь, — заговорила Вѣра возбужденнѣе и

веселѣе.—А теперь—разскажите мнѣ про себя. Правда, что вы были выбраны въ доктора чего-то въ Оксфордѣ?

— Правда.

— И ничего-то вы не написали.. Я сколько разъ...

— Сбирались?—шутливо досказалъ онъ.—Однако не собрались... Да и не до того было,—добавилъ онъ серьезно.

— И вы продѣляли всю церемонію?

— Продѣлалъ.

— Надѣвали на васъ мантию?

— И шапку, и всякую штуку!

Они опять вразъ разсмѣялись. Имъ было весело, какъ никогда не бывало.

— А теперь вы нашъ, и надолго?

— По крайней мѣрѣ, на годъ.

— Не стремитесь туда, на западъ! Полюбите немного нашу старушку.

— За что?

— Такъ, полюбите. Какъ бы васъ тамъ, на берегахъ Темзы, ни чествовали... здѣсь вы свой, и у васъ испытанные друзья. И вы здѣсь нужны больше, чѣмъ тамъ.

— Словомъ, отечество надо любить.

— Да, надо любить, Владиміръ Григорьевичъ.

— Наука—всемирное достояніе. Тамъ меня... цѣнятъ. Между нами, я чуть было не соблазнился однимъ предложеніемъ.

— Чего? Каѳедры? Въ Англии?

— Въ Америкѣ. Такой окладъ предложили, что и не выговоришь сразу.

Вѣра вскинула свои длинныя рѣсницы.

— И вы колеблетесь?

— Колеблюсь.

— Не дѣлайте этого, Владиміръ Григорьевичъ! Не бѣгите изъ дому.

— Да вѣдь это было бы въ самомъ древне-русскомъ стилѣ! Припомните... Еще при Годуновѣ посылали за границу студентовъ... И ни одинъ изъ нихъ не вернулся. Всѣ застряли на западѣ. Значитъ, и тогда уже тѣ, кто вкусили чужой жизни—по доброй волѣ домой не возвращались.

— Нѣтъ! Я не хочу вѣрять!

Голосъ Вѣры дрогнулъ.

Остоженъ протянулъ руку. Она пожала.

— Ничего еще не рѣшено,—выговорилъ онъ, тронутый ея возгласомъ.

— Вы напечатали... еще книгу на англійскомъ?—спросила Вѣра.

— Напечаталъ.

— А другу—ни одного экземпляра.

— Большая сушь. Совсѣмъ специальная, со множествомъ латинскихъ средневѣковыхъ цитатъ.

— Вы мнѣ переведете. Возьмите меня подъ свой надзоръ... Руководите моимъ чтеніемъ. Мнѣ надо многое начать съ азовъ, увѣряю васъ. Два цѣлыхъ года, если не всѣ три, прошли у меня совсѣмъ не такъ, какъ бы я хотѣла.

— Полноте!

Остожинъ махнулъ рукой пріятельски.

— Почему полноте?

— Очень ужъ это отзывается комиссіей по вопросу о самообразованіи!.. Ха, ха! Пора и жить начать, Вѣра Тимофеевна... Чтѣ вы сейчасъ повторяли изъ Пушкина?.. Не все книжки! Довольно ихъ!

За стѣной пробило пять.

„Не оставить ли его обѣдать?“—мелькнуло въ головѣ Вѣры. Чего же ей стѣсняться? Здѣсь она будетъ принимать кого хочетъ и когда ей угодно. Но сегодня она не желала бы портить своего настроенія. Князь Вадимъ Дмитріевичъ за столомъ: на все ляжетъ что-то кислое, если не прямо враждебное.

— Никакихъ дней мы назначать не станемъ, Владиміръ Григорьевичъ. Каждый день я дома съ трехъ. По вечерамъ также довольно часто. Вы всегда будете знать—въ какой вечеръ я дома.

Остожинъ поднялся.

— Куда такъ спѣшите?

— Обѣдаю въ гостяхъ.

— Столько хотѣлось сказать вамъ!..

Она провожала его въ прихожую.

— А князь—въ Москвѣ?—спросилъ Остожинъ, застегивая пальто.

— Въ Москвѣ,—отвѣтила Вѣра, безъ всякаго выраженія; но глазами досказала: „вы теперь у насъ въ домѣ, а не у князя Вадима Дмитріевича. Онъ—самъ по себѣ; мы—сами по себѣ“.

XX.

— Князь у себя? — спрашивалъ чей-то мужской голосъ въ прихожей.

Вѣра только-что спустилась сверху. Ей предстояло обѣдать одной съ мужемъ.

Она не узнала голоса.

— А Степанида Федотовна?

— Дома-съ.

— И къ нимъ можно?

— Я сейчасъ доложу. Пожалуйте въ гостиную наверхъ.

Вѣра тутъ только узнала голосъ Умнова.

Ее удивило, что Умновъ спрашивалъ князя.

Гость откашлялся въ передней и сталъ передъ зеркаломъ охорашиваться.

— Пожалуйте наверхъ! — пригласила горничная. — Я сейчасъ доложу князю.

Послышалось поскрипыванье вверху по лѣстницѣ маленькихъ шажковъ Умнова. И вся его прилизанная и „галантерейная“ фигура представилась ей мысленно, съ его тупейчикомъ, и галстучкомъ, и перстнями.

Что могъ значить его визитъ князю? Неужели опять что-нибудь денежное, долговое? Можетъ быть, этотъ развратный и фальшивый безпопонецъ притаилъ у себя векселя князя и въ-время ихъ не представилъ.

Она считала его способнымъ на это.

Ей было бы особенно тяжело видѣть въ немъ кредитора. Да и чѣмъ заплатить? И сколько?

Горничная доложила князю. Онъ сидѣлъ у себя, рядомъ съ кабинетомъ Вѣры.

И черезъ стѣну она, какъ всегда, явственно разслышала слова князя:

— Я сейчасъ поднимусь въ гостиную.

И это было связано такимъ голосомъ, какъ будто онъ ждалъ визита Умнова.

Любопытство Вѣры считала большимъ порокомъ и никогда себя на немъ не ловила.

Но она не могла спокойно читать.

Если Умновъ всплылъ съ крупнымъ документомъ въ рукахъ, — она не будетъ вмѣшиваться. Довольно! У нея нѣтъ больше

ни копѣйки своихъ денегъ. Тащить съ матери крупную сумму было бы постыдно.

Спасать доброе имя князя—она въ силахъ была одинъ разъ. Теперь пускай справляется, какъ умѣетъ. Взять съ него—ничего. Держать его подъ предварительнымъ арестомъ—это самое обыкновенное дѣло. И плакать она не будетъ!

Не можетъ она обвинить себя въ бездушіи. Ни по какимъ законамъ и правиламъ не обязана она закабалить себя мужу и весь свой вѣкъ отвѣчать за его безпутство. И любить его она не въ состояніи заставить себя.

Вѣра оставила книгу и тревожно прошлась по комнатѣ.

Такое волненіе — малодушно! Лучше сейчасъ же пойти и узнать, въ чемъ дѣло.

Она завернула на минуту въ свою спальню—маленькую боковую комнату, поправила волосы, торопливо накинула короткую шелковую мантильку и поднялась наверхъ.

Мужскіе голоса раздавались изъ гостиной.

Значитъ, Умновъ побывалъ уже у Степаниды Федотовны.

Князь посадилъ гостя на диванъ; а самъ присѣлъ ближе къ двери, на одномъ изъ кресель, чопорно стоявшихъ по-парно. Говорили они совсѣмъ не о дѣлахъ, а о балетѣ.

При входѣ, Вѣра схватила слова Умнова:

— Эта дѣвочка съ будущностью, у нея носокъ—превосходный.

„Вотъ что!“—подумала Вѣра.

Умновъ тотчасъ же вскочилъ съ дивана и весь согнулся, отвѣщая ей поклонъ.

Потомъ короткими шажками подошелъ къ ней и еще разъ поклонился, протягивая руку.

Она подала свою. Рукопожатіе его было мягко и продолжительно.

— Какъ давно не имѣлъ удовольствія! — выговорилъ онъ своимъ слащавымъ, нутрянымъ голосомъ.— Воспользовался любезнымъ приглашеніемъ князя. Мы встрѣтились въ Большомъ театрѣ.

— Monsieur Умновъ—отозвался князь—великій знатокъ балета. И вотъ сейчасъ мы говорили про одну восходящую звѣзду.

— Да... дѣвочка съ будущимъ,—повторилъ Умновъ.

Онъ дождался, пока Вѣра сядетъ. Она помѣстилась на диванѣ—уже спокойная и вполне владѣющая собою.

Этотъ „братецъ“, котораго она такъ недолго любила, показался ей смѣшноватымъ, но менѣе „гнуснымъ“, чѣмъ прежде.

Можетъ быть, онъ и задумалъ какой-нибудь „подходъ“—и не сразу придавить ея мужа долговымъ документомъ. Но теперь все это отошло отъ нея. Вмѣшиваться она не станетъ. Нивакихъ счетовъ у нея съ этимъ молодымъ женолюбомъ быть не можетъ.

Прежде она была слишкомъ „прямолинейна“,—какъ сказалъ бы ея другъ Остожинъ. Стоитъ ли портить свое настроеніе изъ-за того, что есть на Москвѣ раскольникъ Умновъ, считающійся „адамантомъ“ благочестія и подозрѣваемый ею въ самомъ утонченномъ сластолюбіи?

— Видѣли мамашу? — довольно привѣтливо спросила она Умнова.

— Какже. Только я не хотѣлъ ихъ беспокоить. Онѣ немного утомлены. И вообще, если позволите,—онѣ понизилъ тонъ—ихъ видомъ я не совсѣмъ доволенъ. Будемъ надѣяться, что это все временное.

— И я недовольна ея здоровьемъ,—отозвалась Вѣра.

— Лѣта берутъ свое.

Умновъ повелъ плечомъ и опустилъ голову, жестомъ родственнаго соболѣзнованія.

Князь не садился. Онъ собрался сегодня въ клубъ, на очередной обѣдъ, и могъ опоздать.

Вчера—на своемъ письменномъ столѣ—князь нашелъ пакетъ со вложеніемъ. На конвертѣ онъ прочелъ сумму. Онъ понялъ, что это отъ жены. Первое движеніе было сейчасъ же возвратить эти деньги по принадлежности. Но онъ одумался.

„Съ какой стати начинать исторію?“—подумалъ онъ и оставилъ деньги у себя.

Сегодня онѣ пригодятся. Нельзя же было съ одной зелененькой отправляться въ клубъ, гдѣ слѣдовало ему занять свое прежнее мѣсто, и если кто-нибудь пришлетъ ему съ официантомъ стаканчикъ шампанскаго — отблагодарить такимъ же угощеніемъ.

— Петръ Степановичъ извинить меня,—громко выговорилъ князь и посмотрѣлъ на часы.— Меня ждутъ въ клубѣ. Вы не членъ у насъ?—спросилъ онъ Умнова.

— Я въ карты не играю. Состою только членомъ въ трехъ клубахъ... въ томъ числѣ и въ вашемъ. Но не охотникъ и до длинныхъ обѣдовъ. Если княгиня позволитъ,—обратился Умновъ къ Вѣрѣ:—я останусь еще на минутку.

— Пожалуйста!—отвѣтилъ князь за жену.— Васъ когда заставить, Петръ Степановичъ?

— Меня каждый день... до трехъ. Былъ бы весьма счастливъ, если вы, князь, удостоите меня... запросто позавтракать... Одни... или съ Вѣрой Тимошеевной.

Вѣра ничего не отвѣтила.

— Буду, буду! У васъ, говорятъ, цѣлый музей рѣдкостей? И богатѣйшая коллекція старыхъ книгъ?

— Вотъ посмотрите.

— Какихъ же въ особенности?—спросилъ князь тономъ человека, смыслящаго въ этомъ.

— Не хочу хвалиться, князь. Буду откровенно польщенъ, если взглянете въ мое скромное хранилище.

Умновъ поднялся, видя, что князь собирается идти.

— Извините, пожалуйста!—вскрикнулъ тотъ отъ двери.

Умновъ сдѣлалъ два шага съ поклономъ уходящему князю и вернулся къ дивану.

— Ваше какъ здоровье, Вѣра Тимошеевна?—спросилъ онъ и поглядѣлъ на нее снизу вверхъ—слабовато и почтительно.

— Я чувствую себя прекрасно.

— Въ личикѣ немножко какъ будто похудѣли. Это и понятно.

И точно испугавшись своего намека, онъ опустилъ рѣсницы и смолкъ.

Вѣра какъ-то вдругъ почувствовала, что въ этомъ когда-то влюбленномъ въ нее старомъ холостякѣ еще тлѣетъ прежній огонекъ.

Гадливости она не ощущала, но ей было просто скучно. Она будетъ съ нимъ вѣжлива. И не прочь даже посмотреть на его „хранилище“. Онъ все-таки же родственникъ, и мать ея всегда находила, что она была къ нему черезчуръ строга. Пожалуй, оно и лучше, что князь не брезгаетъ теперь знакомствомъ съ нимъ. Очень вѣроятно, что Умновъ съумѣетъ его обработать... Дастъ денегъ взаймы, будетъ кормить тонкими обѣдами и угощать сотенными сигарами.

Пушай! Ни въ это, и ни во что другое, вмѣшиваться она не станетъ.

— Миѣ было бы особенно дорого,—началъ Умновъ, прижавъ обѣ руки къ своему модному двубортному жилету, — особенно дорого,—повторилъ онъ:—еслибъ вы посѣтили меня съ княземъ.

— Какъ-нибудь... соберусь, Петръ Степановичъ.

Едва ли не въ первый разъ называла она его по имени и отчеству.

— Позвольте поцѣловать вашу ручку.

Онъ всталъ и подошелъ къ ней съ протянутой рукой.

Она позволила. Прикосновеніе его губъ прошло по ея нервамъ неприятной струйкой.

— Знаю,—продолжалъ Уминовъ и присѣлъ къ ней на ближайшее кресло:—вы ко мнѣ до сихъ поръ изволите относиться съ недоверіемъ. И душевно скорблю, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ... вы забыли совсѣмъ обо мнѣ, Вѣра Тимоѣевна.

И онъ такъ на нее взглянулъ, точно будто ему было извѣстно, что она отказала мужу и его кузену—обратиться къ нему лично.

Она не замѣтила, какъ онъ, нагнувшись, взялъ ее за руку.

— Вашъ вѣрный рабъ... всегда былъ, есть и буду!—прошепталъ онъ, охваченный наплывомъ проснушагося влеченія къ этой горделивой и строгой женщинѣ.

Вѣра отдернула руку и встала.

— Рабства я не люблю,—полушутливо отвѣтила она и, безъ пожатія руки, проводила его до лѣстницы.

II. Боборыкинъ.

ВОСТОЧНЫЯ ОСНОВЫ

РУССКАГО

БЫЛИННАГО ЭПОСА

V *).

Мы указали въ былинѣ о Добрынѣ на двѣ ея тѣмы: продолжительная отлучка, во время которой его жену принуждаютъ выходить за мужъ, — и обращеніе въ животное, — двѣ тѣмы, которыя находятся и въ Гэсэриадѣ; въ русской былинѣ онѣ обѣ приурочены къ Добрынѣ, въ Гэсэриадѣ — также къ одному человѣку, Гэсэру. Такое же соединеніе этихъ тѣмъ мы находимъ и въ Одиссееѣ. Очень сомнительно, чтобы въ трехъ мѣстахъ, находившихся по крайней мѣрѣ въ историческое время въ живомъ общеніи между собою, такая комбинація этихъ тѣмъ возникла самостоятельно. Тутъ надо подозрѣвать общій источникъ происхожденія; это тѣмъ болѣе необходимо, что Гэсэриада и Одиссея, наиболѣе раздѣленные пространствомъ, представляютъ и другія многія совпаденія.

Кромѣ тѣхъ упомянутыхъ двухъ тѣмъ, — съ Добрыней связана и еще одна тѣма: разливъ рѣки. Въ Одиссееѣ этой тѣмы нѣтъ, но она есть въ Илиадѣ. Скамандръ разливается и угрожаетъ попить Ахиллеса. Хотя такая тѣма связана здѣсь уже съ другимъ именемъ, но нахожденіе ея въ той же поэмѣ, въ которой участвуетъ и Одиссей, даетъ поводъ предполагать, что какая-то связь этой тѣмы съ Одиссеей — была. Въ Гэсэриадѣ также раз-

*) См. выше: мартъ, 310 стр.

лива нѣтъ, но мы его находимъ въ легендѣ о рѣкѣ Орхонѣ, — легендѣ, которая имѣла какія-то отношенія къ тѣмамъ Гэсэриады. Въ сводѣ, который теперь представляетъ собою Гэсэриада, тема о разливѣ, вѣроятно, не попала потому, что замѣщена эквивалентнымъ рассказомъ о Гуменъ-ханѣ. Постараемся въ общихъ чертахъ передать наше представленіе о составѣ монгольской и греческой повѣсти. Въ Илиадѣ замѣтную роль играетъ богъ Аполлонъ; его храмъ разграбленъ, изъ храма похищена Хризейда; богъ мститъ за это. Мы думаемъ, что разливъ Свамандра былъ продолженіемъ мести за оскорбленіе святыни; но связь этого эпизода съ рассказомъ о похищенной Хризейдѣ потерялась. Въ ордынскомъ фольклорѣ мы имѣемъ легенду, которая имѣетъ ту же схему. Храмъ бога (по нашей догадкѣ, храмъ бога Арья-Бало) былъ оскорбленъ попыткой ограбить его, унести изъ него эрдени, драгоценность. Богъ приходитъ въ ярость; оскорбитель бѣжитъ изъ храма за рѣку Орхонъ; рѣка поднимаетъ свои воды, и виновникъ оскорбленія едва не погибаетъ въ ея волнахъ. Еслибы эта орхонская легенда вошла въ Гэсэриаду, совпаденіе Гэсэриады съ Илиадой было бы еще поразительнѣе. Но орхонскій эпизодъ остался внѣ Гэсэриады; вмѣсто него, въ Гэсэриаду вставленъ эпизодъ о Гуменъ-ханѣ, въ которомъ также заключается рассказъ о похищеніи эрдени, драгоценности, но только иначе редактированный.

Въ былинѣ о Добрынѣ къ двумъ тѣмамъ, упомянутымъ выше, присоединена третья: разливъ рѣки Смородины или Пучай-рѣки. Въ виду того, что въ монгольскихъ легендахъ разливъ является какъ средство, препятствующее похищенію „эрдени“, мы можемъ и здѣсь, въ былинѣ, усматривать похищеніе чего-то или возвращеніе похищенного. И въ самомъ дѣлѣ, въ одной изъ тѣхъ былинъ, въ которой стоитъ переправа черезъ Смородину, содержится рассказъ о возвращеніи похищенной Марьи Дивовны. Кроме того, подобно тому, какъ тибетскому добывателю сокровища Гари приписывалось сватанье невѣсты для тибетскаго царя Сронцзана, и Добрынѣ приписывалось участіе въ сватовствѣ невѣсты для Владиміра. В. О. Миллеръ въ одной статьѣ даже высказываетъ предположеніе, что былина о Добрынѣ имѣетъ отношеніе къ событію крещенія Руси, т.-е., согласно господствующей гипотезѣ, въ ней проявилась попытка ввести въ былинный эпосъ обработку этого событія; мы бы сказали, — въ ней мелькаютъ элементы изъ легенды о введеніи новаго культа.

Но если видѣть въ какой былинѣ намеки на крещеніе Руси, то, намъ кажется, это скорѣе всего въ былинѣ о Потогѣ. О кре-

щени Руси мы имѣемъ книжную легенду. Владиміръ отправляется въ Корсунь войной, завоевываетъ городъ благодаря измѣнѣ монаха Анастаса, надоумившаго закрыть водопроводъ, беретъ въ городѣ невѣсту Анну и возвращается въ Кіевъ съ мощами Климента. Въ другихъ вариантахъ легенды объ осажденномъ городѣ, локалізація которой довольно распространена на Балканскомъ полуостровѣ, тайну выдаетъ не всегда монахъ; часто эту роль исполняетъ женщина, дочь князя или начальника осажденного города. Намъ извѣстна также одна подобная локализованная легенда изъ западнаго Туркестана; въ ней выдаетъ тайну дочь владѣльца города, влюбленная въ сына завоевателя. Эти легенды могутъ быть приняты за локалізацію сказки о женщинѣ, которая сама помогаетъ своему суженому получить ее себѣ въ жены, даетъ совѣты, какъ поступить, устраняетъ препятствія; иногда она испытываетъ преданность, настойчивость и рѣшимость своего суженаго, сама создаетъ препятствія, принимаетъ на себя видъ безобразной старухи; такое поведеніе можно признать въ монголо-тибетской сказкѣ объ Эрдени-Хараликѣ, т. е. объ Арья-Бало, который привозитъ дакини (небесную дѣву).

Въ нашей былинѣ Владиміръ даетъ порученіе тремъ богатырямъ, въ томъ числѣ Потоку, ѣхать въ Подолье Лиходѣво; изъ этой поѣздки Потокъ привозитъ Марью Подолену. Когда онъ подѣхалъ къ Подолью, дѣвица сама выходитъ къ нему и проситъ свезти ее въ Русь и окрестить. Потокъ привозитъ ее въ Русь; здѣсь ее крестятъ и даютъ имя: Настасья, лебедь бѣлая, дочь Лиходѣвна. По другому варианту (Рыбн., I, 207), Потокъ выслужилъ у царя Лиходѣя три корабля; онъ плыветъ и встрѣчаетъ лебедь, которая оказывается дѣвицей. Вторая половина былинны описываетъ увозъ Марьи царемъ Вахромеемъ, или царемъ Политовскимъ, измѣну Марьи и поѣздки Потока за увезенной женой; здѣсь ему выпутаться изъ бѣды помогаетъ сестра Марьи, въ одномъ вариантѣ названная Анной.

Нѣкоторыя частныя черты этой былинны могутъ быть приняты за отголоски легенды о корсунской поѣздкѣ Владиміра. Здѣсь также поѣздка, кончившаяся пріобрѣтеніемъ невѣсты, также и актъ крещенія, хотя и съ той разницею, что въ легендѣ крестится женихъ, а въ былинѣ невѣста; наконецъ, сходны имена, — въ легендѣ Анна и Анастасъ, въ былинѣ — Анна и Настасья (хотя полъ послѣдней не совпадаетъ съ легендой). Можно было бы подумать, что въ этой былинѣ мы имѣемъ передачу сюжета корсунской легенды, сдѣланную или неумышленно, или съ умышленнымъ искаженіемъ событія, описаннаго въ легендѣ. Но это отно-

сится почти исключительно до частныхъ первой половины былинъ; былина же, взятая въ цѣломъ, имѣетъ схему, тождественную съ очень распространенной въ Европѣ сказкой о женщинѣ, спасенной отъ смерти, выходящей замужъ за спасителя, измѣняющей ему и убѣгающей съ другимъ, послѣ чего первый мужъ идетъ возвращать ее. На отношенія этихъ сказокъ къ нашей былинѣ указалъ А. Н. Веселовскій въ одной изъ своихъ статей.

Интересно также указаніе нашего ученаго на то, что чаша, которая является въ одной изъ сказокъ и отсутствуетъ въ былинѣ о Потокѣ, появляется, однако, въ былинѣ о сорока каликахъ и ихъ атаманѣ, который въ нѣкоторыхъ вариантахъ называется Поткомъ. Эта подробность даетъ поводъ къ подозрѣнію, что былины о Потокѣ, мужѣ Марьи, и о Потокѣ, атаманѣ сорока каликъ, не механически только обобщаются именемъ „Потокъ“, но составляли нѣкогда одинъ цѣльный организмъ. Мы предлагаемъ догадку, что былина о сорока каликахъ есть не что иное, какъ особливая разработка конца сказки; женщина, обвиняющая атамана Потока въ покражѣ чаши—та же Марья, и можетъ быть этому эпизоду давался такой смыслъ, что это обвиненіе было только искусомъ; это была проба искренности искателя: любви—въ сказкѣ, и истины—въ культовой легендѣ.

По той же схемѣ построена и монголо-тибетская повѣсть о Гэсерѣ. Сначала онъ освобождаетъ женщину, находящуюся въ плѣну у Змѣя (мангуса—по-монгольски, мангатхая—по-бурятски, дуря—по-тибетски). Потомъ три царя увозятъ его жену; въ плѣну она измѣняетъ старому мужу Гэсеру; онъ ѣдетъ возвращать ее. Въ повѣсти женщина, освобожденная отъ Змѣя и увезенная въ плѣнъ, не одна и та же; это—двѣ различныя женщины; но это вѣроятно произошло потому, что двѣ эти тѣмы обрабатывались иногда и отдѣльно, и что при комбинированіи эти-то отдѣльныя редакціи и помѣщены въ повѣсть о Гэсерѣ, хотя въ цѣломъ повѣсть не осталась безъ вліянія схемы, въ которой спасенная и измѣнившая спасителю женщина была одна и та же.

Та же схема проглядываетъ и въ былинахъ о Добрынѣ. Въ одномъ эпизодѣ онъ освобождаетъ Марью Дивовну изъ пещеры Змѣя; въ другомъ, во время его отлучки, его жену, подобно тому, какъ жену Гэсера, принуждаютъ выходить за другого замужъ, только жена Добрыни остается вѣрной мужу. Мы имѣли случай высказать догадку, что эта часть Гэсеріады, рассказывающая объ увозѣ жены, представляетъ неудачно, плохо спаянный сводъ двухъ сюжетовъ, изъ которыхъ одинъ изображалъ женщину—оставшеюся вѣрною, другой—измѣнницею. При сводѣ послѣднему сюжету от-

дано господство въ повѣсти, но первый сюжет присутствует рядомъ, вслѣдствіе чего подлѣ жены-измѣнницы стоитъ въ повѣсти другая женщина, преданная Гэсэру—это царица, которая оказываетъ Гэсэру почетъ и любовь, когда онъ пришелъ во дворецъ, гдѣ находилась въ плѣну его жена. Былина о Потокѣ болѣе напоминаетъ своимъ концомъ Гэсэриаду, чѣмъ былина о Добрынѣ.

Обѣ былины имѣютъ общія тѣмы и частности съ повѣстью о Гэсэрѣ, и это можетъ указывать на общее ихъ происхожденіе. И въ самихъ былинахъ, какъ мы видѣли, есть параллельность. И Добрыня, и Потокъ—оба змѣборцы; въ былинѣ объ освобожденіи Марьи Дивовны является Потокъ, и угоняетъ коня Добрыни, и уноситъ его платье и оружіе. Появленіе обоихъ именъ въ одной былинѣ, хотя богатыри и представлены врагами, можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ памяти пѣвцовъ сохранялось сознаніе о ихъ родствѣ. Не явилось ли тутъ имя Потокъ замѣной другого имени, которое носилъ врагъ Добрыни? Не стояло ли въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины о Марьѣ Дивовнѣ, какъ имя освободителя ея, имя Потока, а въ позднѣйшей редакціи, когда оно было вытѣснено изъ этого мѣста именемъ Добрыни, не перешло ли оно на враждебный персонажъ?

Изъ совокупности только-что изложеннаго въ нашемъ умѣ строится представленіе, будто въ южной Россіи жила такая же легенда о введеніи новаго культа, какъ въ Монголіи, и съ такою же филиаціей. Мы выше сказали, что культовой монголо-тибетскій эпосъ состоитъ изъ: 1) легенды о введеніи новаго культа въ двухъ версіяхъ—книжной и устной; 2) въ повѣсти о Гэсэрѣ, и 3) преданіяхъ о Чингисѣ. Книжной легендѣ о введеніи культа въ Тибетъ мы можемъ на почвѣ южной Россіи противопоставить рассказъ о походѣ въ Корсунь. Подобно тому, какъ тамъ ѣдетъ самъ царь за невѣстой, такъ и здѣсь; и въ обоихъ случаяхъ сватовство соединяется съ военнымъ походомъ. Къ преданію о Корсунѣ мы еще вернемся по поводу тѣмъ о Чингисъ-ханѣ.

Устной ордынскою легендѣ соотвѣтствуютъ отрывки изъ былинъ, рассказывающіе о сватовствѣ невѣсты для Владиміра, какъ, напр., рассказы былинъ о Потокѣ и Добрынѣ. Въ тибетской версіи за невѣстой тибетскаго царя ѣдетъ вельможа Гаритамба; въ монгольской—невѣсты нѣтъ, а поѣздка совершается за священной статуей. Въ другомъ мѣстѣ мы приводимъ подробныя соображенія о томъ, что и въ монгольской версіи была невѣста; въ окрестностяхъ того же монастыря на Орхонѣ, къ которому приурочена легенда о привозѣ статуи, прикрѣплена другая—о невѣстѣ и ея странномъ приданомъ, горѣ Эрдени-ола, съ отвозомъ

которой удалилось изъ края народное богатство. Въ монгольской версіи лицо, совершающее поѣзду, не вельможа, а самъ царь или ханъ, но ему приданъ богатырскій видъ, такъ что можно подозрѣвать существованіе другихъ вариантовъ, въ которыхъ Абатай-ханъ, ѣдившій за священной статуей, выставлялся не ханомъ, а ханскимъ богатыремъ, исполнявшимъ поѣзду по порученію хана. Былъ, должно быть, рассказъ о томъ, что Абатай привезъ изъ резиденціи далай-ламы на горѣ Поталѣ, которую монголы называютъ Бодулынъ-ола, не только священную статую, но и дѣвицу, подобно тому, какъ въ нашей былинѣ Потокъ привезъ изъ Подолья Настасью Подолену.

Въ былинѣ о Добрынѣ и рѣкѣ Пучай есть загадочная сцена; въ то время, какъ Добрыня переплываетъ рѣку, его платье и оружіе уносятся (по одному варианту, это дѣлаетъ Потокъ). Мы предлагаемъ видѣть въ этой подробности отголосокъ сказочнаго сюжета о морской дѣвѣ, въ которомъ богатырь иногда лишается одежды. Такъ это въ тюркской сказкѣ о Джиртушмокъ, въ которой есть тема о несущемъ счастье конѣ, за которымъ уходятъ всѣ табуны; слѣдовательно, сказка по темѣ родственна сюжету о добываніи „эрдени“. Джиртушмокъ ночуетъ у воды съ забытой имъ дѣвицей, дочерью Барса Кильмаса, въ которомъ мы предполагаемъ морского царя; ночью набѣгаетъ волна, уноситъ его платье, и онъ остается на берегу нагой. Та же тема, повидимому, послужила основой для эпизода объ Аполлонѣ въ романѣ Генриха Нейштадтскаго, который А. Н. Веселовскій сближаетъ съ славянской повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ; здѣсь также добываніе какихъ-то вещей, соответствующихъ, повидимому, „эрдени“, и также ночное нападеніе на Аполлонія какой-то черной дѣвицы (вмѣсто водяной пѣри, тюркской сказки). Если наше подозрѣніе справедливо, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ мотивы изъ сказки о морской дѣвѣ, то этимъ объясняется лебединая натура Настасьи. Въ этихъ сказкахъ иногда морская дѣва является сначала въ видѣ птицы, лебедя, утки или голубя; она схвачена богатыремъ, и, стараясь освободиться отъ него, уходитъ въ море, или пытается уйти.

VI.

Монгольское преданіе объ Абатаѣ и тибетское о Гаритамбѣ, представляютъ версію одной легенды безъ войны; за версію той же легенды съ войной мы принимаемъ рассказъ о сватовствѣ Чингисъ-хана, или о захватѣ имъ женщины. Сюда относится: 1) мон-

гольское книжное сказаніе о Чингисъ-ханѣ и его походѣ на солонгоскаго царя, отъ котораго онъ, по заключеніи мира, получаетъ невѣсту Халузу; 2) монгольское книжное же—о походѣ Чингиса на тибетскаго царя Шидургу и объ увозѣ его жены; 3) бурятское преданіе о Чингисъ-ханѣ, сватающемся за дочь Наранъ-хана; можетъ быть, сюда же относится 4) бурятское преданіе о нападеніи Чингисъ-хана на Пекинъ и о его зубной боли, которая прекратилась послѣ того, какъ Чингисъ возвратилъ всѣхъ плѣнныхъ и награбленное, по совѣту одного плѣнника, хотя въ этомъ преданіи о невѣствѣ и не говорится. По нашему мнѣнію, всѣ эти четыре легенды, записанныя въ сѣверной Монголіи, недалеко отъ Орхона, или жившія въ сѣверной Монголіи, относились къ той же исторической мѣстности на Орхонѣ, къ которой приурочена и легенда объ Абатаѣ. Это — версія легенды о введеніи новаго культа.

Ясные мотивы изъ легенды о введеніи культа, или точнѣе изъ легенды о приносѣ или похищеніи священнаго предмета, слышны въ легендахъ о сынѣ Чингиса, или о его дочери. Дочь убѣгаетъ въ Россію и уноситъ знамя Чингиса; сынъ Чингиса изгнанъ и уноситъ съ собою тайно мутовку, съ которою соединено было счастье монгольскаго народа. Въ числѣ орхонскихъ легендъ была одна, на которую мы уже указывали— о невѣствѣ, выданной за мужъ въ Китай, и о горѣ Эрдени-ола, съ которой было связано счастье монгольскаго народа, точно также какъ и съ мутовкой Чингиса. Гора была разбита на куски и увезена въ Китай, вмѣстѣ съ чѣмъ ушло изъ Монголіи и народное богатство. Съ предметами, отъ присутствія которыхъ зависитъ счастье (знамя, мутовка, гора) соединены понятія о вращательномъ движеніи (какъ, напр., съ мутовкой) и о чемъ-то высокомъ (какъ напр., съ горой). То же вѣроятно представленіе, какъ о несущемъ счастье предметѣ, было связано и съ тѣмъ драгоценнымъ камнемъ (эрдени), который находился во лбу статуи, стоявшей въ монастырѣ Эрдени-цзу, и которую хотѣлъ вынуть и унести олетскій ханъ Галданъ, напавшій на монастырь съ войскомъ. Попытка не удалась; воды Орхона поднялись, и Галданъ едва спасся отъ разъярившейся рѣки. Здѣсь съ „эрдени“ связано обезпеченіе отъ наводненія; едва „эрдени“ было тронуту, какъ хляби разверзлись. Не внушены ли всѣ эти представленія мотивами звѣзднаго эпоса? Не указываютъ ли понятія о высокомъ положеніи, о вращеніи и о прочности міра, которому угрожаютъ замкнутыя воды, на Полярную Звѣзду? Понятіе о вращеніи замѣчается и въ орхонскомъ преданіи; Галданъ имѣетъ въ рукахъ какое-то орудіе, отъ вращенія котораго въ противномъ лагерѣ замертво валятся люди.

Очевидно, орхонская невѣста и дочь Чингиса—одно и то же лицо; на Орхонѣ жила легенда о дѣвицѣ, съ которой было связано народное счастье. Нѣкоторые варианты отнесли это свойство къ дочери Чингиса, но были, вѣроятно, варианты, въ которыхъ она была дочерью другого царя, а Чингисъ представлялся женихомъ. О дочери Чингиса въ бурятскомъ преданіи говорится, что она бѣжала въ Россію и стала русскимъ царемъ; киргизское преданіе также дѣлаетъ русской царицей дочь Чингиса; во всей Монголіи распространено повѣрье, что русскій царь есть Цаганъ-дара, богиня-дѣвица. Такое отождествленіе дочери Чингиса съ Цаганъ-Дарой не оправдывается вполнѣ легендами о Чингисѣ, но Цаганъ-Дара не чужда имъ; повѣрье, распространенное въ Ордосѣ, выдаетъ жену Чингиса за воплощеніе богини Цаганъ-Дары. Это та жена, которую Чингисъ отнялъ у тибетскаго царя Шидургу. Тѣмы, вошедшія въ рассказъ объ этой женщинѣ, сходны съ тѣмами буддѣйской легенды о свирѣпомъ видоизмѣненіи богини Цаганъ-Дары. Всѣ эти факты указываютъ на родство сказаній о Чингисѣ съ легендой о введеніи культа; сказаніе о Чингисѣ, добывающемъ себѣ жену, это все та же тема о добываніи эрдени и съ нею вмѣстѣ невѣсты, служащая содержаніемъ легенды объ Абатаѣ, Гаритамбѣ и пр.

Иногда невѣста (Цаганъ-Дара?) изображалась въ этихъ легендахъ сидящею въ городѣ; претендующій на ея руку осаждаетъ ее. Отголосокъ этой версіи мы видимъ въ легендѣ, приуроченной къ развалинамъ одного города, на югѣ Монголіи (на Хуанъ-хэ или Желтой рѣкѣ); Чингисъ осадилъ царицу, но не можетъ взять ея города; она возвращаетъ въ рукѣ знамя, изъ котораго летитъ огонь, убивающій людей въ войскѣ Чингиса. Чингисъ беретъ городъ, отведя воду изъ водопровода, мѣсто котораго указала собака. Слѣдъ той же тѣмы найденъ въ долинѣ Аму-Дарьи, г. Яворскимъ (см. Яворскій, „Путешествіе въ Авганистанъ“); городъ былъ осажденъ также Чингисъ-ханомъ, но тайна о водопроводѣ выдана женщиной.

Къ этому же типу легенды, по которому прибрѣтеніе женщины изображается въ видѣ военнаго захвата, принадлежатъ рассказы о походѣ Чингиса противъ солонгосовъ и объ осадѣ города тибетскаго царя Шидургу. Осада послѣдняго предпринимается съ заранѣе задуманной цѣлью отнять у Шидургу его жену; взять городъ мѣшаетъ колдунья, которая своими заклинаніями опустошаетъ войско Чингиса; въ войскѣ есть стрѣлокъ Хасаръ, но онъ въ немилости и привязанъ къ стѣнѣ; Чингисъ освобождаетъ его, Хасаръ убиваетъ колдунью, городъ взять, тибетскій

царь убить, и Чингисъ овладѣваетъ его женой. Въ исторіи войны съ солонгосскимъ царемъ Чингисъ получаетъ дочь его въ жены, но приобрѣтеніе женщины здѣсь не было впередъ намѣчено. Особенности частныя черты въ этой версіи: 1) препятствіемъ на пути войска служить не колдунья, а рѣка; Чингисъ посредствомъ искусной мѣры дѣлаетъ бродъ въ рѣкѣ, и войско переходитъ черезъ нее; 2) получивъ невѣсту, Чингисъ проводитъ время въ удовольствіяхъ съ нею, вопреки протестамъ окружающей его свиты, и забываетъ свое государство, въ которомъ начинаютъ беспокоиться объ его участи. Послѣдній эпизодъ напоминаетъ Гэсэра, забывшаго старую жену ради новой, и Уруслана Лазаревича, забывшагося у царицы Солнечнаго города. Буратскія преданія рассказываютъ о сношеніяхъ Чингиса съ Наранъ-ханомъ (солнечнымъ царемъ). Одинъ вариантъ заставляетъ Чингиса выдавать дочь за Наранъ-хана; другіе же ведутъ Чингиса войной на Наранъ-хана, при чемъ является и обиженный стрѣлокъ, закопанный по горло въ землю, и потомъ убивающій колдунью. Мы принимаемъ эти буратскіе рассказы за отголоски сказанія о походѣ Чингиса на тибетскаго царя.

Къ тому же типу относится и рассказъ Гэсэриады о войнѣ хорскихъ или ширай-гольскихъ царей (ширай-голынъ-ханъ) противъ Гэсэровой вотчины, объ осадѣ ими города, въ которомъ сидитъ жена Гэсэра. Тутъ скомбинированы тѣ же тѣмы, только въ другомъ перепутанномъ порядкѣ; тутъ есть и колдунья, и герой, заточенный въ темницѣ и прикованный къ стѣнамъ ея, только колдунья изъ лагеря осажденныхъ перенесена въ лагерь осаждающихъ, а богатырь Заточникъ, наоборотъ, изъ рядовъ осаждающихъ попалъ на сторону осажденныхъ. Колдуньѣ не приписано свойство убивать враговъ заклинаніями, но она кропитъ водой убитыхъ воиновъ своего лагеря—и они воскресаютъ; въ то время, какъ богатыри Гэсэровы одинъ за другимъ погибаютъ, войско осаждающихъ не убываетъ въ числѣ; война кончается полнымъ избіеніемъ Гэсэровыхъ богатырей и увозомъ жены Гэсэра. Одна подробность, именно волосъ жены Гэсэра, занесенный птицею къ хорскимъ царямъ и подавшій имъ поводъ идти въ поиски за нею, ведетъ въ догадкѣ, что въ основу этой части Гэсэриады легла тѣма о морской дѣвѣ, пребываніе которой обыкновенно узнается по занесенному волосу, и которую обыкновенно царь увозитъ. Мы можемъ смотрѣть на походъ Чингиса противъ тибетскаго царя какъ на хорскую войну, только рассказу придаемъ другой конецъ. Жена Гэсэра соответствуетъ женѣ тибетскаго царя; о красотѣ ея Чингисъ узнаетъ изъ разговора о крови убитаго

зайца, окрасившей свѣтъ; эта черта замѣнена въ Гэсэриадѣ волосомъ. Богатырь Заточникъ занимаетъ мѣсто стрѣлка Хасара. Ширайгольскіе или хорскіе цари стоятъ на мѣстѣ Чингиса, но симпатіи редактора переставлены; въ Гэсэриадѣ нападающіе ширайгольцы не пользуются симпатіей,—она на сторонѣ Гэсэровыхъ осажденныхъ богатырей,—тогда какъ въ сказаніи о Чингисѣ симпатія на сторонѣ осаждающихъ. Но и въ сказаніяхъ о Чингисѣ могли быть варианты съ сочувствіемъ къ его противникамъ; по одному народному повѣрью, Чингисъ, былъ прежде свирѣпый богъ, и только впоследствии онъ укрощенъ духовнымъ лицомъ Банченъ-Эрдени. Это, вѣроятно, отголосокъ старой легенды, опрощенной и измѣненной буддизмомъ,—легенды, въ которой укрощеніе приписывалось женщинѣ; самое имя духовнаго лица, можетъ быть, сохраняетъ въ себѣ еще слѣды имени женщины, потому что „эрдени“, драгоцѣнность, въ сказкахъ часто является въ составѣ сложныхъ женскихъ именъ, напр. Эрдени-цедекъ, „драгоцѣнность-цвѣтокъ“. Жена тибетскаго царя мститъ Чингису и осклоняетъ его; въ этой женѣ народное повѣрье видитъ свирѣпую форму богини Цаганъ-Дары, а буддійская легенда объ этой формѣ рассказываетъ, что богиня хотѣла укротить свирѣпый нравъ царя, гонителя буддизма; съ этою цѣлью она вышла за него замужъ, но, не успѣвъ смирить его своею любовью, она убиваетъ своего сына и убѣгаетъ; легенда придаетъ этому дѣйствию смыслъ истребленія въ корнѣ злого потомства. Тотъ же мотивъ проглядываетъ и въ карѣ, постигшей Чингиса; на заключеніе монгольскаго преданія можно смотрѣть какъ на тѣму объ укрощеніи свирѣпаго царя.

Наконецъ, въ повѣсти самъ Гэсэръ стоитъ на мѣстѣ тибетскаго царя; но онъ не убитъ, а напротивъ, самъ убиваетъ царей, увезшихъ его жену, и возвращаетъ послѣднюю. Это несоотвѣтствіе объясняется тѣмъ, что повѣсть о Гэсэрѣ есть сводъ многихъ сказокъ или даже нѣсколькихъ вариантовъ одного и того же сюжета, которые при соединеніи въ одно цѣлое были раздробляемы и склеиваемы такъ, что концы однихъ вариантовъ придрѣмывались въ началамъ другихъ. Гэсэру дается въ повѣсти нѣсколько женъ, и изъ нихъ одна, Алма-Моргонъ, выдается за настоящую морскую дѣву; она дочь морского царя Уха-Лобсона и, убѣгая отъ Гэсэра, скрывается въ море; но дальнѣйшая часть этого сюжета: волосы, дѣлающіе извѣстнымъ существованіе красавицы, и нападеніе царя, и увозъ женщины, перенесены на другую женскую фигуру, другую жену Гэсэра; конецъ этого эпизода напоминаетъ египетскій романъ о двухъ братьяхъ, но только—печальнымъ исходомъ для женщины. И въ египетскомъ романѣ, и въ монгольской повѣсти,

увезенная жена, ставъ плѣнницей, охладѣваетъ къ прежнему мужу; но прежній мужъ въ романѣ убитъ передъ тѣмъ, какъ увезли его жену; въ повѣсти мужъ измѣнницы, Гэсэръ, находится въ отлучкѣ и только забылъ жену, но не убитъ. Убитый мужъ въ романѣ воскресаетъ и ѣдетъ искать жену; очнувшись отъ забытья, Гэсэръ также ѣдетъ за своей увезенной женой. Оба кончаютъ тѣмъ, что казнятъ измѣнницу. Въ нашей статьѣ, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстн. Европы“ за 1890 годъ, мы разсматривали уже египетскій романъ о Битю по сравненію его съ нашей былинной о Потокѣ; въ этой статьѣ мы показали, что два эпизода изъ повѣсти о Гэсэрѣ: 1) продолжительная отлучка богатыря и принужденіе его жены выходить замужъ за другого, и 2) обращеніе богатыря въ осла, отразились въ двухъ былинахъ о Добрынь, о его продолжительномъ отъѣздѣ и обращеніи его въ тура. Конецъ же повѣсти о Гэсэрѣ и его женѣ мы находимъ въ былинѣ не о Добрынь, а о Потокѣ. Гэсэръ приходитъ къ своей плѣнной женѣ въ видѣ ламы, т.-е. монаха; Потокъ—въ видѣ пилигрима. Гэсэръ встрѣчаетъ сочувствіе со стороны дочери одного изъ царей; Потокъ оказываетъ покровительство и помощь дочь царя, у котораго находится увезенная жена Потока. Гэсэръ казнить свою жену, отрубая члены; Потокъ—также.

Въ той же статьѣ я призналъ наѣздъ Калина-царя на Кіевъ соотвѣтствующимъ въ повѣсти о Гэсэрѣ наѣзду ширайгольскихъ или хорскихъ царей на вотчину Гэсэра. Придерживаясь предыдущихъ разъясненій, наѣздъ Калина-царя можно принять за отрывокъ изъ той версіи сюжета объ увозѣ дѣвицы, въ которой онъ сопровождается войной. Эпизодъ объ Ильѣ Муромцѣ въ темницѣ я приравнивалъ къ эпизоду о Каламэмбырѣ, заточенномъ въ домѣ. Илья Муромецъ кончаетъ окаменѣніемъ; Каламэмбыръ обращается въ камень, о которомъ прибавлено, что онъ стережетъ море, чтобы оно не вышло изъ береговъ¹⁾. Заточеніе Каламэмбыра мотивировано иначе, чѣмъ въ русской былинѣ: онъ былъ засаженъ въ темницу для того, чтобы тѣло его обратилось въ желѣзное, стало неуязвимымъ; Илья брошенъ въ темницу по приказанію князя Владимира, по клеветѣ; такой мотивъ мы находимъ въ другихъ версіяхъ сюжета о военномъ захватѣ женщины. Стрѣлокъ Хасаръ въ сказаніи о Чингисѣ привязанъ къ стѣнѣ за то, что убилъ сороку, или за то, что держалъ за руки царицу Хулуну. Въ бурятскомъ

¹⁾ Неподвижное положеніе (т.-е. заточеніе въ желѣзномъ домѣ) и стороженіе моря—тѣмъ, находимыя въ легендахъ о Полярной Звѣздѣ; второй членъ, „эмбыръ“, не будетъ ли версіей имени Сумбырь, имени горы, стоящей въ центрѣ міра, подъ которой можно угадывать Полярную Звѣзду?

разсказѣ стрѣловъ Тасъ-хара зарыть по горло за то, что убилъ орла. Шуно, съ которымъ Илью уже сближалъ В. В. Стасовъ (это простое сближеніе только на основаніи содержанія тѣмы теперь можетъ быть поддержано мѣстомъ тѣмы въ комбинаціи, которую мы называемъ военнымъ захватомъ невѣсты), посаженъ въ темницу царемъ-отцомъ, оклеветанный въ насилахъ надъ женщинами, въ отниманіи чужихъ женъ и т. п. Шуно также кончаетъ оказаніемъ, какъ и Каламэмбырь, какъ Илья. Бурятская версія казни—зарытіе въ землю по горло—напоминаетъ казнь, которую Чингисъ, по ордосскому преданію, придумалъ для человѣка, укравшаго золотой приколъ, „алтынъ хатасынъ“.

VII.

По поводу Ильи Муромца намъ приходится еще разъ обратиться къ ласской легендѣ о введеніи культа. Мы уже высказали наше мнѣніе о ней; мы думаемъ, первоначально это была легенда о введеніи или основаніи культа Арья-Бало, и потомъ уже Будда вытѣснилъ прежняго бога. Ласса есть средоточіе культа Арья-Бало; далай-лама, высшее мѣстное духовное лицо, главная фигура въ монголо-тибетскомъ культѣ, есть воплошеніе Арья-Бало, и холмъ, на которомъ онъ живетъ, называется Поталой—тѣмъ же именемъ, какъ и миѳическая гора, мѣсто обитанія легендарнаго Арья-Бало. Этотъ богъ теперь считается патрономъ края. О немъ должна была сложиться мѣстная легенда, въ которой онъ могъ представляться какъ основатель культа; первое дѣло, которое онъ долженъ былъ исполнить, это—очищеніе страны отъ господствовавшего зла, которое въ легендѣ могло олицетворяться въ видѣ чудовища, змѣя или въ видѣ свирѣпаго царя, отличавшагося преслѣдованіями и казнями. Въ ласской легендѣ эта темная сила представлена въ видѣ царя Ландармы, гонителя истиннаго ученія. Злая природа царя характеризуется чертами уродства; онъ имѣлъ бычьи рога, которые тщательно скрывалъ подъ головнымъ уборомъ. Краю пришлось вытерпѣть поношеніе культа, истребленіе священныхъ книгъ, казни монаховъ и невинныхъ людей, разрушеніе храмовъ и тому подобныя насилія. Находится лицо, которое рѣшается уничтожить насильника—подобно тому, какъ въ другой легендѣ о насильникѣ, приведенной нами выше, женщина Цаганъ-Дара задумываетъ укрощеніе алого царя тоже посредствомъ кроваваго дѣйствія. Это Балъ-Дорчжи. Онъ надѣваетъ на себя платье съ широкими рукавами, въ какихъ совершаются ламами, т.-е.

буддѣйскими монахами, священныя пляски, прячетъ въ рукава лукъ и стрѣлы, выходитъ на городскую площадь и пляшетъ; царь-насильникъ призываетъ его въ свой дворецъ; здѣсь этотъ скоморохъ улучаетъ моментъ, вынимаетъ изъ рукава спрятанный лукъ и пускаетъ стрѣлу въ царя. Убивъ насильника, онъ убѣгаетъ изъ города; за нимъ послана погоня; укрываясь отъ нея, цареубійца прячется въ пещеру и сидитъ неподвижно; голуби покрываютъ неподвижное тѣло мусоромъ; паукъ затыкаетъ входъ паутиной; приближается погоня, видитъ неподвижное тѣло, замаскированное голубиной штукатуркой, приходитъ къ заключенію, что это какой-то старый покойникъ, а не то лицо, которое она ищетъ, и удаляется. Теперь въ нѣсколькихъ мѣстахъ указываютъ на каменныя статуи въ пещерахъ, какъ на окаменѣвшее тѣло цареубійцы. Въ основѣ этой легенды лежитъ тотъ же столпническій мотивъ, какъ и въ ордосской о похитителѣ золотого прикола. Въ убійцѣ насильника мы признаемъ бога Арья-Бало, во-первыхъ, въ силу высказаннаго выше убѣжденія, что мѣстная легенда, прославляющая подвигъ очищенія страны отъ представителя зла, должна относиться къ тому богу, который считается народнымъ повѣрьемъ покровителемъ страны и истиннаго ученія; во-вторыхъ, на основаніяхъ, которыя было бы здѣсь неумѣстно излагать подробно, именно вслѣдствіе сходства этой легенды съ монгольской сказкой о хитромъ челоуѣкѣ Балынъ-Сенге, въ которомъ и монгольское и тибетское повѣрье видятъ воплощеніе бога Арья-Бало.

Представляя себѣ русскій эпосъ, какъ собраніе легендъ стараго культа объ Арья-Бало, мы видимъ потому отголосокъ конца ласской легенды въ нашей былинѣ объ Ильѣ и Идолицѣ. Идолице, это—насильникъ въ родѣ тибетскаго Ландармы, только въ тибетской легендѣ другая хронологія; въ тибетской легендѣ царь Сронцзанъ сходилъ войной въ Китай и привезъ оттуда невѣсту, китайскую царевну, святыню (статую Будды, или, по другому, богини Дары, по-тибетски—Долма) и новую вѣру; въ нашихъ преданіяхъ Сронцзану соотвѣтствуетъ Владиміръ; онъ сходилъ войной въ Корсунь, привезъ оттуда святыню (мощи св. Климента) и новую вѣру; проходитъ нѣсколько поколѣній послѣ Сронцзана, и только тогда является насильникъ Ландарма и становится царемъ въ Тибетѣ; въ нашей былинѣ иначе: Идолице появляется въ Кіевѣ Владиміра и изображается чѣмъ-то въ родѣ назойливаго гостя во дворцѣ кіевскаго князя. Правда, Илья не изображается скоморохомъ, какъ Балъ-Дорчжи, но онъ также выхватываетъ предметъ, которымъ убиваетъ Идолице, изъ-подъ мышки. Это—шляпа, странное орудіе, которое встрѣчается подъ видомъ шляпы греческой

и въ былинѣ о Добрынѣ; не замѣнила ли она какое-нибудь другое орудіе, въ родѣ, напримѣръ, стрѣлы?

Смерть Ильи сходна съ смертью тибетскаго царевубійцы. Онъ забѣжалъ, убѣгая отъ погони, въ горы и „туда старче и окаменѣлъ“, или укрылся въ пещеру, гдѣ опочиваютъ и теперь его мощи. Несогласность съ тибетской легендой состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что разсказъ о смерти Ильи помѣщенъ не въ одной былинѣ съ Идолищемъ; во-вторыхъ, пещера и окаменѣніе также разобщены. Тѣмъ не менѣе гипотезой общаго происхожденія былины съ тибетской легендой естественнѣе объяснить смѣшеніе мощей какого-то святаго Ильи съ былиннымъ Ильей Муромцемъ. Механическая гипотеза, представляющая былинку приуроченіемъ къ историческому случаю тѣмъ и накопленіемъ ихъ вслѣдствіе какой-то свѣтской потребности, не имѣющей никакой связи съ побужденіями культа, едва ли можетъ удовлетворительно объяснить такое смѣшеніе. Жизнь Ильи, въ которой мы встрѣчаемъ сыноубійство, незаконныя связи съ женщинами и чужими женами, не могла подать повода къ помѣщенію Ильи между христіанскими святыми, но тѣ же черты нисколько не оскорбляютъ примитивное религіозное чувство. Гдѣ реальныя данныя въ южной Россіи, которыя могли бы воплотиться въ разсказъ о богатырѣ или богатыряхъ, забѣжавшихъ въ горы и обратившихся въ камень? Каменные бабы? Русское названіе этихъ памятниковъ показываетъ, что народъ представляетъ ихъ женщинами; какъ же примирить это представленіе съ тѣмъ, какое былины имѣютъ о богатыряхъ, въ особенности если созиданіе эпоса считать позднимъ явленіемъ? И гдѣ же горы въ южной Россіи, въ которыя богатыри могли забѣжать и тамъ явиться нашимъ глазамъ въ видѣ столпившихся каменныхъ бабъ? И въ гористой Монголіи каменные бабы обыкновенно стоятъ на степныхъ участкахъ, болѣе или менѣе плоскихъ и открытыхъ. Напротивъ, реальный міръ Тибета и Монголіи болѣе отвѣчаетъ возникновенію подобныхъ эпическихъ подробностей. Въ горахъ этихъ странъ, въ темныхъ пещерахъ, нерѣдко встрѣчаются „раншюны“, т.-е. самозданныя статуи, изсѣченныя человѣческой рукой въ скалѣ, но народною вѣрою принимаемыя за явленныя статуи или за окаменѣвшія человѣческія тѣла. Къ числу этихъ раншюновъ относятся и статуи Балъ-Дорчжи. Гипотезой культового происхожденія былиннаго эпоса приуроченіе къ имени Ильи представленія какъ о святомъ объясняется довольно естественно. Въ Киевѣ, повидимому, жили легенды о введеніи новаго культа, которыя имѣли большое сходство съ подобными же ордынскими; къ имени Владиміра при-

стали сюжеты, которые въ ордѣ связаны съ именами Чингисханъ и Сронцзанъ. Рассказывали въ Кіевѣ и легенду въ родѣ ласской о Сронцзанѣ и его сватовствѣ, которая кончается разсказомъ о насильникѣ Ландармѣ и о его убійцѣ Балъ-Дорчжи. Этотъ-то разсказъ мы теперь и имѣемъ въ видѣ былины объ Идолицѣ; Илья Муромецъ занимаетъ мѣсто Балъ-Дорчжи; онъ убиваетъ Идолице и окаменѣваетъ.

Начало ласской легенды описываетъ приобрѣтеніе святыни для края; ее привозитъ Гари-Тамба, который, будучи заподозрѣнъ въ измѣнѣ царю, былъ ослѣпленъ и сосланъ. Въ другомъ мѣстѣ мы высказали свое предположеніе, что Балъ-Дорчжи и Гари—одно и то же лицо, равно какъ одно лицо скрывается и подъ именами Сронцзана и Ландармы; мы исправили сюжетъ и дали ему таковой видъ: Сронцзанъ, онъ же Ландарма, посылаетъ Гари за невѣстой, ослѣпляетъ и ссылаетъ его, но Гари, подъ именемъ уже Балъ-Дорчжи, мститъ Сронцзану, или—подъ другимъ именемъ—Ландармѣ, и убиваетъ его. Словомъ, убійца Балъ-Дорчжи тождественъ съ Гари, доставителемъ первой святыни въ Тибетъ. Сообразно съ этимъ, мы должны искать въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ темы приноса святыни или „эрдени“, драгоцѣнности. И дѣйствительно, мы можемъ указать на нѣкоторые пункты, какъ на намеки на эту тему.

Во-первыхъ, въ одной старой записи былины, Илья спрашиваетъ у Соловья-разбойника, гдѣ у него находятся сокровища, и тотъ отвѣчаетъ—въ селѣ Кутузовѣ; мы предполагаемъ, что Илья ѣздилъ именно добывать эти сокровища, какъ ордынскіе богатыри ѣздили за „эрдени“, драгоцѣнностями. Въ другихъ своихъ статьяхъ мы сближаемъ Соловья съ колдуньей ордынскихъ сказаній, которая своими заклинаніями наноситъ смерть людямъ на разстояніи 99 дней переѣзда, отъ заклинаній которой валятся скалы и т. п. Стрѣлокъ осаждающаго городъ царя убиваетъ колдунью выстрѣломъ по колѣнамъ, на которыхъ у нея были глаза—можетъ быть единственное уязвимое мѣсто на ея тѣлѣ. Илья вышибаетъ Соловью глазъ—тоже, можетъ быть, единственное уязвимое мѣсто. Въ восточныхъ образцахъ колдунья убита на мѣстѣ, потомъ берется дѣвица, цѣль поѣздки; въ былинѣ Илья не убиваетъ Соловья на мѣстѣ, а привозитъ его Владимиру и только потомъ уже убиваетъ его; но онъ не привозитъ сокровищъ Соловья. Можетъ быть, привозъ Соловья отъѣснилъ совсѣмъ привозъ сокровищъ.

Второе указаніе мы усматриваемъ въ былинахъ о Святогорѣ. Въ легендахъ о привозѣ „эрдени“ нерѣдко является тема—

остановка на пути; поэтому мы подозрѣваемъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается эта тема, присутствіе разсказа объ „эрдени“. Святогоръ ѣдетъ и вдругъ его конь останавливается; богатырь недоумѣваетъ, но конь объясняетъ, что ему стало тяжело, потому что онъ везетъ, кромѣ Святогора, еще другого богатыря Илью, который очутился въ ларцѣ у Святогора. Эта сцена напоминаетъ отчасти Абатаю ордынской легенды, подѣ которыми вдругъ остановился конь, потому что богъ, котораго онъ везъ, вдругъ отяжелѣлъ. Поводъ, по которому Илья попалъ въ ларецъ, былъ прозаическій, но мы думаемъ, что первоначально весь этотъ эпизодъ имѣлъ другой, болѣе серьезный характеръ. Святогоръ былъ искатель святыни; онъ нашелъ ее и везъ ее въ ларцѣ; въ былинѣ на мѣстѣ этого священнаго предмета помѣстился Илья Муромецъ. Вотъ основанія къ такому предположенію. Въ то время, какъ Святогоръ подѣзжалъ къ мѣсту своего отдыха, Илья Муромецъ сидѣлъ на деревѣ. Сидѣнье на деревѣ встрѣчается также и въ смоленской сказкѣ; Игръ находитъ Палугрима, сидящаго на деревѣ; Палугримъ снабжаетъ Игру конемъ и даетъ ему полезныя наставленія. А. Н. Веселовскій уже сближалъ сюжетъ былинны о Святогорѣ если не съ смоленской сказкой объ Игрѣ, то съ другими сказками того же сюжета. Святогоръ ѣдетъ за невѣстой, и Игръ также; первый находитъ свою невѣсту больной и оставляетъ знаки своего посѣщенія; Игръ находитъ дѣвцу спящей и тоже оставляетъ знаки. Это сближеніе увлекаетъ къ дополнительному сопоставленію: въ сказкѣ мы имѣемъ персонажъ, Пилигрима, сидящаго на деревѣ; въ былинѣ—Илью Муромца, сидящаго на деревѣ, чтѣ ведетъ къ догадкѣ, что Пилигримъ, или Палугримъ, и Илья Муромецъ—имена одного и того же персонажа. Кстати замѣтимъ, что Пилигримъ въ верхоянской сказкѣ также является, какъ и въ смоленской, благодѣтельнымъ существомъ; онъ выручаетъ героя сказки изъ разныхъ бѣдъ и между прочимъ поить его до трехъ разъ водой, которая даетъ ему физическую силу—мотивъ изъ разсказовъ объ Ильѣ-Сиднѣ. Верхоянская сказка начинается разсказомъ о томъ, что Пилигримъ (иначе „золотой человекъ“) сидитъ заточенный въ башню—еще мотивъ изъ разсказа о Сиднѣ. На Востокѣ сидѣнье на деревѣ встрѣчается: 1) въ тибетскомъ разсказѣ Даранаты: Авало Китешвара или Арья-Бало явился на деревѣ, гдѣ остановился Шантиварманъ для отдыха, и далѣе не пошелъ, такъ что тутъ и пришлось построить кумирню для бога; 2) въ монгольскомъ сборникѣ „Шиддикуръ“: на деревѣ сидитъ шиддикуръ, присут-

ствіе котораго, по тибетскому варианту, приносить благоденствіе странѣ; юноша ходитъ за нимъ, чтобы принести его въ Лассу.

Въ виду смоленской сказки можно предположить существованіе такой редакціи былины о Святогорѣ: Святогоръ, подобно Игру, на пути въ невѣстѣ, наѣхалъ на Илью Муромца, сидящаго на деревѣ, и Илья Муромецъ оказывалъ ему тѣ же услуги, какія оказываетъ Пилигримъ Игру. Были, можетъ быть, рассказы о хожденіи за Пилигримомъ, въ родѣ рассказа Шиддикура о хожденіяхъ по шиддикура, сидящаго на деревѣ. По ходу нашей былины, если тутъ дѣйствительно содержится тема о добываніи „эрдени“, то добываніе это совершалъ Святогоръ, а не Илья Муромецъ; вообще, представленія объ этихъ двухъ богатыряхъ сбивчивы; иногда то, чтó приписывается Святогору, переносится на Илью ¹⁾).

Былины о Соловьѣ и Идолицѣ отвѣчаютъ ордынскимъ легендамъ о введеніи культа; ихъ можно сопоставить съ легендой объ Абатаѣ. А. Н. Веселовскій указалъ въ одной изъ своихъ статей на сказку объ Ильѣ, въ которой Соловей, имя котораго замѣнено тутъ именемъ Соколя, представленъ стражемъ на границѣ царства царя Прожора и поставщикомъ ему человѣческаго мяса. Илья убиваетъ Соловья, или Сокола, и царь Прожоръ въ ужасѣ отъ силы Ильи. Онъ восклицаетъ: „кого это мой Соколя пропустилъ“! Абатай на дорогѣ въ Лассу встрѣчаетъ на горѣ Сабдыка, духа-покровителя мѣстности; онъ ранитъ Сабдыка, и Сабдыкъ убѣгаетъ къ далай-ламѣ жаловаться и предупредить объ опасности. Повидимому, Сабдыкъ—такой же стражъ царства далай-ламы, какъ Соколя-Соловей въ царствѣ Прожора, и вѣроятно эффектъ побѣды Абатая первоначально былъ тотъ же, какъ въ русской сказкѣ, но смягченъ буддѣйской редакціей: далай-лама успокаиваетъ Сабдыка и даетъ ему совѣтъ не противодействовать. Затѣмъ рассказъ, какъ богатырь получаетъ „эрдени“, опущенъ; былина кончается, однако, возвращеніемъ богатыря, какъ и ордынская легенда; только богатырь привозитъ не „эрдени“, а сторожа враждебнаго царства.

Соколя—сторожъ царства Прожора, и Сабдыкъ, сторожъ царства далай-ламы, соотвѣтствуютъ въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ той колдуньѣ, которая сторожитъ осажденный Чингисомъ городъ. Въ Гэсэриадѣ это мѣсто также было занято, повидимому, колдуньей,—той колдуньей, которая кропитъ убитыхъ и тѣмъ ожив-

¹⁾ Въ мусульманскихъ легендахъ Егорій и Илья пророкъ сливаются (Хизръ-Ильясъ).

ляетъ ихъ; по сопоставленію съ сказаніемъ о Чингисѣ, Кала-Мэмбырь, богатырь-заточникъ въ родѣ Хасара, долженъ былъ убить ее, но Гэсэриада этого не говоритъ; Кала-Мэмбырь убиваетъ вмѣсто того „железнаго Асына“, у котораго все тѣло неуязвимо, за исключеніемъ горла. Повидимому, персонажъ распался; вмѣсто одного лица, въ Гэсэриадѣ явилось два: колдунья и „железный Асынъ“.

Въ былинѣ объ Ильѣ и Идолицѣ мы видимъ конецъ ласской легенды о введеніи культа, именно эпизодъ о насильникѣ и о Балъ-Дорчжи, убившемъ его. Мы приравниваемъ Балъ-Дорчжи къ Арья-Бало, центральной фигурѣ до-буддійскаго культа, который, какъ мы предполагаемъ, былъ распространенъ и въ южной Россіи. Вотъ почему Илья Муромецъ занимаетъ такое центральное мѣсто въ былинномъ эпосѣ и такъ былъ популяренъ въ народѣ. Не таинственное социологическое чутье русскаго народа, какъ думалъ г. Безсоновъ, и не слѣпая случайность, какъ это надо думать согласно съ господствующимъ мнѣніемъ, придали Ильѣ Муромцу такое выдающееся мѣсто въ эпосѣ, а центральное положеніе бога Арья-Бало въ древнемъ культѣ, отраженіемъ котораго явился Илья.

VIII.

Если въ былинѣ объ Идолицѣ мы имѣемъ только конецъ ласской легенды, то не имѣемъ ли мы остальныхъ частей ея скрывающимися въ другихъ былинахъ или народныхъ преданіяхъ? Дѣйствительно, мы можемъ разыскать нѣкоторые отдѣльные инциденты этой легенды. Легенда начинается сватовствомъ невесты для тибетскаго царя; эту тему мы нашли въ былинѣ о Потокѣ. Къ софійской звонницѣ приуроченъ рассказъ, подобный тому, что рассказывается о ласскомъ храмѣ; построенное за день—на другой день исчезаетъ. Ласская легенда имѣетъ большое сходство съ апокрифическимъ рассказомъ о построеніи храма Соломономъ, и нѣкоторыя темы этого рассказа слышны въ былинахъ; даже самое имя Соломона имъ извѣстно. Только ли изъ христіанскихъ апокрифовъ могли зайти въ былинку эти темы? не могли ли онѣ придти изъ другого источника, болѣе древняго? Ласская легенда заключаетъ въ себѣ многія изъ нихъ, и эти темы, если онѣ и библейскаго происхожденія и зашли въ Тибетъ съ Запада, занесенныя на Востокъ съ христіанствомъ до V вѣка,—то и въ этомъ случаѣ южная Россія могла ихъ получить съ однимъ изъ на-

шествѣй орды изъ средней Азій задолго до крещенія Руси. Самое имя Соломона могло придти также изъ орды. Весь тюрко-монгольскій мѣръ звѣзду Венеру называетъ Цолмонъ, Солбанъ, Чолпанъ и т. п.; съ этой звѣздой соединена тема о захватѣ чужой жены. Имя царя Челпана, которое упоминается въ русской былинѣ о братьяхъ, идущихъ завоевывать для него жену, едва ли можетъ быть объяснено искаженіемъ имени библейскаго Соломона; это скорѣе ордынское—Чолпанъ.

Мы обязаны еще указать, какъ предполагаемая гипотеза относится къ иранской гипотезѣ, покоящейся на сходствѣ былинны о боѣ Ильи съ сыномъ—съ однимъ изъ эпизодовъ Рустеміады. Предполагается, что первоначальнымъ источникомъ былинны были темы Рустеміады, но предварительно перешедшія черезъ тюркскую редакцію. Одна изъ такихъ тюркскихъ редакцій сохранилась въ видѣ книжной русской повѣсти объ Урусланѣ Залазаревичѣ или Ерусланѣ Лазаревичѣ. На какомъ основаніи слѣдуетъ непременно эту редакцію считать вторичной, вышедшей изъ Рустеміады, а не считать ее идущей изъ другого самостоятельнаго источника,—мы не знаемъ. Имя Ерусланъ, или болѣе древнее Урусланъ, принимаютъ за тюрко-монгольское арсланъ, „левъ“; буряты, вмѣсто арсланъ, произносятъ: аргаланъ; киргизы—арыстанъ; алтайцы имѣютъ двѣ формы: орсуланъ и орсулъ. Последняя форма подала поводъ автору алтайской грамматики, изданной въ 1869 г. въ Казани (Н. И. Ильминскому?) разбить орсуланъ на два члена: орсулъ и ачъ (ангъ, „звѣрь“?). Вамбери разбиваетъ это слово на члены: арсь и ланъ, указывая на другія слова съ такимъ же окончаніемъ: капланъ, вуланъ и др. Не будучи ориенталистомъ, я не знаю, на которомъ предложеніи слѣдуетъ остановиться. Я могу только сказать, что расчлененіе Вамбери (арс-ланъ, орс-уланъ) благопріятнѣе для нашего взгляда; форма орсулъ можетъ быть принята за усѣченіе изъ орсуланъ, въ родѣ того, какъ въ монгольскомъ изъ булыганъ, тарбаганъ, получаютъ усѣченныя булыгъ, тарбагъ, и какъ отъ аргаланъ можетъ быть получена усѣченная—аргалъ.

Тема: бой отца съ сыномъ, которая связана съ именемъ Урусланъ, до сей поры въ монгольскомъ фольклорѣ не найдена, но имя Арсланъ въ немъ иногда встрѣчается. Въ Гэсэриадѣ нѣтъ этого имени, но въ ней, во-первыхъ, есть имя Дзиргаланъ или Жаргаланъ, близкое къ бурятскому—аргаланъ; такъ называется жена Гэсэра. Во-вторыхъ, въ сказаніяхъ о Чингисѣ упоминается загадочное парное Арсланъ-Сартактай, прозвище, данное Чингисомъ правителю восточнаго Туркестана, а имя Сартактай въ ал-

тайскихъ легендахъ спаривается съ именемъ Кэсэръ, которое, повидимому, есть тюркское произношеніе имени Гэсэръ. Отсюда можно заключить, что имена Арсланъ, Аргаланъ не были чужды тэмамъ о Гэсэръ.

Болѣе интересно появленіе имени Арсланъ въ монгольской сказкѣ или былинѣ объ Иринъ-Сайнѣ. Китынъ-Зеби, Арсланъ-Зеби и Иринъ-Сайнъ — три родные брата. Иринъ-Сайнъ въ полѣ наѣзжаетъ на Арслана, не знаетъ, что это его братъ, и вступаетъ съ нимъ въ продолжительное единоборство. Этотъ эпизодъ можетъ быть принятъ за параллель въ сказочной тэмѣ о боѣ отца Уруслана съ сыномъ Урусланомъ, только здѣсь не отецъ и сынъ, а старшій и младшій братья. Въ этой сказкѣ мотивъ этотъ какъ будто еще разъ повторился; Иринъ-Сайнъ встрѣчаетъ въ полѣ своего племянника, сына брата Китынъ-Зеби, и тоже, не подозрѣвая въ немъ родственника, готовится вступить съ нимъ въ бой.

Я имѣлъ уже случай сдѣлать нѣсколько указаній, усиливающихъ отношенія монгольской сказки къ русской. Именно, я указалъ на сказку объ Иванѣ Бѣломъ, сравненіемъ съ которой эти отношенія усиливаются; тамъ же я попытался птицъ-хохотуней, которыя встрѣчаются въ вариантѣ Уруслана Ундольскаго, объяснить монгольскимъ Хонгъ-хотанъ и тюркскимъ Ку-ка-тынъ, „жена-лебедь“; это объясненіе, по моему мнѣнію, нашло потомъ подтвержденіе въ одномъ мѣстѣ бурятской сказки о Гуширѣ, гдѣ въ эпизодѣ, сходномъ по содержанию съ рассказомъ русской сказки о ратномъ полѣ, который въ вариантѣ Ундольскаго замѣненъ рассказомъ о птицахъ-хохотуняхъ, мы находимъ имя Хухудой, напоминающее форму „хохотунъ“.

Къ этому мы еще можемъ прибавить ссылку на сказанія о Чингисъ-ханѣ, въ которыхъ мы находимъ одну изъ тэмъ русской сказки. Мы разумѣемъ рассказъ о походѣ Чингисъ-хана противъ солонгосскаго царя ¹⁾. Получивъ отъ побѣжденнаго царя его дочь, онъ живетъ съ нею въ полѣ, предаваясь удовольствіямъ любви, и забываетъ о своемъ собственномъ царствѣ и оставленной тамъ прежней своей женѣ, такъ что эта послѣдняя посылаетъ какого-то Аргасуна разыскивать мужа. Этотъ эпизодъ напоминаетъ намъ рассказъ русской сказки о томъ, какъ Урусланъ-отецъ заѣхалъ въ Солнечное царство, женился на дѣвицѣ и забылъ про свою

¹⁾ Шиндтъ въ Солонгосахъ видѣлъ корейцевъ; однако въ Ордосѣ встрѣчается поколѣвіе Солонгосъ, и это позволяетъ думать, что это — монгольское архаическое имя, почему-то усвоенное потомъ корейскому народу. Солонго по-монг. радуга; холонго — *Mustela sibirica*, колонѣкъ.

прежнюю жену; сынъ ѣдетъ отыскивать его. Отголоски книжнаго сказанія о походѣ противъ солонгосовъ можно видѣть въ недавно напечатанныхъ бурятскихъ преданіяхъ о Чингисъ-ханѣ и его сватовствѣ за дочь Солнечнаго царя или Нарапъ-хана (или о выдаваніи своей дочери за Солнечнаго царя). Нужно къ этому еще прибавить, что рядомъ съ именемъ Чингисъ въ устныхъ монгольскихъ преданіяхъ о немъ нерѣдко встрѣчается имя Урусь, то-есть первый членъ имени: Урусь-ланъ. Такъ, напримеръ, рассказывается, что какой-то русскій охотникъ (по-монгольски это будетъ урусь-гуречинъ) убилъ трехсаженнаго волка и за это получилъ отъ Чингисъ-хана знамя, которое и унесъ въ Россію. Это знамя, мы думаемъ, то же самое, которое, по другому преданію, было украдено и унесено дочерью Чингисъ-хана, ставшею потомъ русской царицей; и здѣсь является эпитетъ „русскій“, т.-е. урусь. Въ третьей редакціи сынъ Чингиса уносить вмѣсто знамени чудесную мутовку. Послѣдній фактъ даетъ поводъ предполагать, что именемъ Урусь назывался сынъ Чингиса.

Изъ этихъ фактовъ мы дѣлаемъ такой выводъ. Сказка объ Урусланѣ монгольскаго происхожденія; въ монгольскомъ фольклорѣ мы и теперь еще находимъ отдѣльные элементы, изъ которыхъ сложился сводъ объ Урусланѣ; этотъ сводъ на монгольской почвѣ не уцѣлѣлъ, или можетъ быть пока только не найденъ, но съ передвиженіемъ прежнихъ насельниковъ, можетъ быть тюрковъ (уйгуровъ?), былъ перенесенъ на Западъ и очутился въ южной Россіи, на Волгѣ. На иранскую почву, съ измѣненіемъ имени Урусланъ на Рустемъ (черезъ посредство, можетъ быть, тюркскаго произношенія: арыстанъ вмѣсто арсланъ, какъ это дѣлаютъ киргизы), онъ былъ пересаженъ или съ Волги, или изъ средней Азіи, черезъ посредство племенъ, жившихъ по южную сторону Каспійскаго моря, но только не съ иранской почвы на тюркскую. На востокѣ тѣмъ русской сказки были связаны съ именами Иринъ-Сайнъ и Чингисъ. И тотъ, и другой, ѣдутъ въ чужое государство, Иринъ-Сайнъ, — чтобы высватать себѣ невѣсту, Чингисъ — безъ этой цѣли, но и его походъ кончается пріобрѣтеніемъ невѣсты. Иринъ-Сайнъ на пути встрѣчаетъ чело-вѣка, который стоитъ на стражѣ чужого царства. Это намъ напоминаетъ Абатая, который на пути въ Тибетъ по святыню, а можетъ быть и по невѣсту, какъ мы на этомъ настаивали выше, встрѣчаетъ Сабдыа, мѣстнаго духа, стража страны, и Илью Муромца бѣлорусской сказки, на пути въ царство Прожора встрѣчающаго Сокола, который сторожитъ царство царя Прожора; въ старинной сказкѣ Иванъ Бѣлый сторожитъ царство индѣй-

свое ¹⁾). Монгольская сказка объ Иринь-Сайнѣ дѣлаетъ богатыря, искателя невѣсты, и стража царства родственниками; они — братья. Можно допустить, что эти родственныя отношенія были другія; это были отецъ и сынъ; богатырь, искатель невѣсты, это былъ сынъ; стражъ чужеземнаго царства — отецъ. Бой Иринь-Сайна съ братомъ въ русской сказкѣ переданъ какъ поединокъ между двумя Урусланами, отцомъ и сыномъ. Уруслану-отцу отвѣчаетъ, повидимому, Арсланъ-Зеби; Уруслану-сыну — Иринь-Сайнъ.

Эта же тема, мы думаемъ, была включена и въ сказаніе о Чингисѣ; именно сказаніе о походѣ къ солонгосамъ было редактировано ближе къ русской сказкѣ. Подобно тому, какъ Урусланъ отецъ зажилъ въ Солнечномъ царствѣ, Чингисъ зажилъ въ солонгосскомъ царствѣ, или, привлекая сюда бурятское преданіе, въ царствѣ Солнечнаго царя; Уруслану-сыну здѣсь отвѣчаетъ Аргасунъ, которому впрочемъ родственныхъ отношеній къ Чингису не приписывается. Мы предполагаемъ, что это былъ сынъ Чингиса; Чингисъ хочетъ казнить Аргасуна; какъ будто этой казнью легенда замѣнила бой отца съ сыномъ другихъ редакцій; причина неудовольствія Чингиса туманна; онъ обвиняетъ Аргасуна въ томъ, что онъ взялъ безъ позволенія какую-то золотую скрипку (алтынъ-хотанъ) и игралъ на ея струнахъ; не заподозрилъ ли его Чингисъ въ любовной связи съ своей женой ²⁾). Мы знаемъ одно монгольское преданіе о Чингисѣ, въ которомъ содержится тема о кровосмѣшеніи; сынъ Чингиса раздѣляетъ ложе матери, и за это изгнанъ; онъ уноситъ съ собою на Западъ мутовку. Это преданіе доводитъ изгнаннаго принца только до киргизскаго народа; но припоминая приведенные уже выше рассказы о русскомъ охотникѣ и русскомъ знамени, о дочери Чингисъ-хана, можно думать, что и въ принцѣ, унесшемъ мутовку, монгольскій фольклоръ иногда видѣлъ основателя какого-то русскаго могущества на Западѣ.

Бурятскій рассказъ о Солнечномъ царствѣ представляетъ особую редакцію. Здѣсь Чингисъ ѣдетъ по невѣсту и, подобно Иринь-Сайну, встрѣчаетъ препятствіе со стороны стража царства. Здѣсь это старуха колдунья, которая по своему губительному характеру болѣе соответствуетъ Соколу бѣлорусской сказки. Происходитъ бой, но не между Чингисомъ и этимъ стражемъ, а между послѣднимъ, т.-е. между колдуньей и стрѣломъ Чингиса. Родственныхъ отношеній между бойцами не указывается, въ нижнемъ же ска-

¹⁾ Иванъ Бѣлый спитъ; ему приписывается неподвижное положеніе.

²⁾ Хатунъ по-монгольски „царица“.

заніи (въ книгѣ Алтанъ-тобчи) стрѣлокъ называется братомъ Чингиса; это Хасаръ.

Въ бурятскомъ преданіи о Шуно содержится только тема о колдунѣ и стрѣлкѣ-заточникѣ; сватовства и похода по невѣсту нѣтъ. Шуно, обиженный несправедливостью отца, уходитъ, подобно дочери Чингисъ-хана, въ русскую землю; и здѣсь какъ будто намеки на форму „урусъ“. Мы думаемъ, что подъ Шуной скрывается все тотъ же сынъ Чингиса. Уходя въ Русь, Шуно стрѣляетъ въ пороги отцовской юрты. Въ одномъ вариантѣ о Шуно является русская царица, которая воюетъ съ другою, мучущею каменнымъ дождемъ съ облаковъ. Тутъ можетъ быть пуганица; царица, бросающая каменный дождь, она-то и есть русская царица. Такъ думаемъ на томъ основаніи, что мы имѣемъ подъ рукой рядъ монгольскихъ сказокъ о женщинѣ, осаждаемой и отражающей нападеніе чудеснымъ средствомъ (въ томъ числѣ, въ одномъ вариантѣ, и каменнымъ дождемъ), и эта женщина нѣкоторыми редакціями сказки выдается за русскую царицу.

Послѣ этихъ сопоставленій можно иначе взглянуть на отношенія былины объ Ильѣ въ сказкѣ объ Урусланѣ. Тутъ мы имѣемъ не произвольное перенесеніе на личность Ильи сюжета изъ сказки объ Урусланѣ,—уже на древней, русскому народу чуждой, почвѣ эта связь была заложена. Мы выше указывали, что темы, соединенныя съ именемъ Чингисъ-хана, мы находимъ въ русскомъ фольклорѣ прикрѣпленными въ личности Владиміра. Въ числѣ темъ, привязанныхъ къ этому ордынскому Владиміру, была повидимому и тема о боѣ отца съ сыномъ или по крайней мѣрѣ о ссорѣ ихъ. Она не сохранилась въ полной редакціи; сохранились только намеки на нее въ преданіяхъ о стрѣлкѣ. Одинъ изъ этихъ стрѣлковъ, Шуно,—мы думаемъ, что это сынъ Чингиса,—уходя изъ отцовской страны, пускаетъ стрѣлу въ отцовскую юрту; мы подозрѣваемъ, что этотъ стрѣлокъ носилъ имя Урусъ, и что объ этомъ-то Урусѣ Пржевальскій записалъ отрывокъ, какъ о стрѣлкѣ, который, подобно какъ Шуно убилъ тигра, убилъ волка и подобно ему же ушелъ въ Россію. Въ другихъ обработкахъ той же темы вмѣсто Уруса стояло повидимому: Урусланъ; въ монгольской сказкѣ объ Ирингъ-Сайнѣ мы находимъ это имя подъ формой Арсланъ; и тутъ же, въ связи съ этимъ именемъ, тема передается ближе къ сказкѣ объ Урусланѣ; здѣсь уже не простая неприязнь, а поединокъ въ полѣ.

Въ русскомъ былинномъ эпосѣ мѣсто стрѣлка занимаетъ Илья Муромецъ; какъ съ стрѣлкомъ-заточникомъ на восточной почвѣ, по нашему предположенію, была соединена тема о боѣ отца съ сы-

номъ, такъ она явилась возлѣ русскаго былиннаго стрѣлка-заточника; имя сына Ильи—Борисъ (въ одномъ, именно Гуляевскомъ, вариантѣ и самъ Илья называется Борисомъ)—можетъ быть явилось на мѣстѣ Урусъ или подъ вліяніемъ мѣстнаго славянскаго именослова, или какъ искаженіе какой-нибудь варварской версїи формы Урусъ. Въ другихъ вариантахъ поединщикъ Ильи называется Жидовинъ; хотя онъ и не названъ сыномъ, но детали сказа тѣ же, какъ и въ вариантахъ съ именемъ Борисъ. Мы уже предлагали догадку, что въ древнихъ редакціяхъ сынъ назвался парнымъ: Борисъ-Жидовинъ, что потомъ парное распалось, одни варианты удержали только первый членъ, другіе только второй, и что варианты съ Жидовиномъ забыли, что это сынъ Ильи. Имя Жидовинъ является, какъ членъ парнаго, въ имени Хорсъ-Жидовинъ въ бесѣдѣ трехъ святителей; это одинъ изъ „громовыхъ ангеловъ“.

Былину о наѣздѣ Калина-царя на Кіевъ, какъ мы сказали это выше, и варианты былины о гибели русскихъ богатырей мы считаемъ за рассказъ о войнѣ ширайгольмъ-хановъ въ Гесэровыми богатырями. Былиной о гибели богатырей и въ связи съ нею былиной объ Алешѣ Поповичѣ занимался профессоръ Дашкевичъ; нашъ взглядъ на эти былины не сходится съ мнѣніемъ профессора. По мнѣнію г. Дашкевича, былина о гибели богатырей представляетъ народное воспоминаніе о битвѣ при Калкѣ. Общее у былины съ лѣтописнымъ сказаніемъ заключается только въ слѣдующихъ трехъ сравнительно блѣдныхъ пунктахъ: 1) и въ былинѣ, и въ лѣтописномъ рассказѣ, идетъ дѣло о битвѣ съ татарами; 2) въ битвѣ принимаетъ участіе богатырь Александръ Поповичъ съ 70 товарищами; 3) лѣтопись объясняетъ пораженіе русскихъ ихъ гордостью, самонадѣянностью, какъ и въ былинѣ богатыри были наказаны за свою хвастливость.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется исторія былины, слѣдуя г. Дашкевичу. Въ первой четверти XIII-го ст. въ ростовской области былъ дружинникъ Александръ Поповичъ, который прославился своими подвигами въ войнахъ, веденныхъ ростовскимъ княземъ Константиномъ; онъ принималъ участіе въ битвѣ при Калкѣ, гдѣ и былъ убитъ вмѣстѣ со своими 70 товарищами. Къ XVI столѣтію о немъ сложились былины, которыя выставляли его богатыремъ; былины эти сложились и пѣлись въ суздальской области. До XV-го в. держалось отчетливое преданіе о гибели суздальскихъ богатырей при Калкѣ, и они не смѣшивались съ кievскими богатырями Владиміра, но въ XVI вѣкѣ Александръ вошелъ въ кievскій циклъ. Въ былинѣ рядомъ съ позднѣйшимъ Александромъ явился Добрыня, современ-

никъ Владиміра; онъ поставленъ на мѣстѣ стоявшаго ранѣе Тимони, потому что прозвище „Золотой поясъ“, въ лѣтописи при- даваемое то Добрынѣ, то Тимонѣ, въ современныхъ былинахъ при Добрынѣ не встрѣчается, да и намековъ нѣтъ на это имя. Въ лѣтописи Александръ представленъ величавой фигурой; въ моментъ составленія лѣтописи онъ еще не имѣлъ дурной славы. Правда, упоминаніе объ Александрѣ въ связи съ Добрыней можетъ намекать на извѣстность уже въ то время сватовства Алеши за Настасью Микулишну; но это предположеніе устраняется тѣмъ освѣщеніемъ, которое въ лѣтописи придано образу Александра; ему не приписывается никакихъ неблаговидныхъ походовъ. Дальнѣйшее развитіе эпоса наслыло на Александра Поповича много чуждаго; такъ, эпосъ сдѣлалъ его змѣборцемъ; г. Дашкевичъ думаетъ, что на Алешу былъ просто перенесенъ подвигъ Добрыни. Пѣсни о женитьбѣ Алеши показываютъ, какъ далеко былинный Алеша отошелъ отъ своего историческаго первообраза. Нынѣшнія былины изображаютъ его не только не удалымъ, но даже иногда трусомъ, который болѣе хвастаетъ, чѣмъ совершаетъ; онъ „пустохвастъ“ и дуравый, не соблюдаетъ ратной чести, не заботится о равенствѣ условій боя, убиваетъ Змѣя хитро, любитъ нескромныя рѣчи и склонностью къ любовнымъ походамъ напоминаетъ Чурилу, но лишентъ его утонченности; онъ наглъ. Позднѣйшимъ наростомъ г. Дашкевичъ считаетъ и „глазушки поповскіе“; поводъ къ такой характеристикѣ г. Дашкевичъ, вѣроятно, видитъ въ поповскомъ происхожденіи богатыря. Представленіе о хвастливости Алеши, — говоритъ г. Дашкевичъ, — могло развиты изъ сказанія о самоувѣренности его, вошедшаго въ древнія пѣсни о калескомъ боѣ, какъ то видно изъ словъ лѣтописей о томъ, что Алеша и другіе храбрые пали за гордость.

Словомъ, по мнѣнію г. Дашкевича, былина объ Алешѣ появилась только послѣ битвы при Калѣѣ, а двойственный характеръ Алеши созданъ эпосомъ еще позднѣе. Наше мнѣніе совсѣмъ другое; мы думаемъ, что былина о гибели богатырей въ связи съ Алешей Поповичемъ могла существовать ранѣе битвы при Калѣѣ; что эта былина есть одинъ изъ эпизодовъ хорской (ширайгольской) войны Гесэриады, и что двойственный характеръ Алеши данъ уже содержаніемъ этой повѣсти или по крайней мѣрѣ вытекъ изъ этого содержанія при пересадкѣ на русскую почву.

Свое мнѣніе о зависимости былины о гибели богатырей отъ Гесэриады мы поддерживаемъ рядомъ параллелей у былины съ разсказомъ о хорской войнѣ. Въ былинѣ на Кіевъ напалъ Калинь-царь; съ кіевской стороны выѣзжаютъ семь богатырей. На

вотчину Гэсэра нападаютъ три царя, на сторонѣ Гэсэра семь богатырей ¹⁾. Киевскіе богатыри выѣзжаютъ на гору и съ нея смотрятъ на чужое войско; Гэсэровы богатыри тоже выѣзжаютъ на гору и смотрятъ на хорское войско. Непрительское войско не убываетъ; оно возрастаетъ подъ ударами богатырей или убитые воскресаютъ; хорское войско также не убываетъ; среди него есть женщина, которая кропитъ на убитыхъ водой, и они воскресаютъ. Битва подъ Киевомъ кончилась тѣмъ, что русскіе богатыри окаменѣли; война въ Гэсэриадѣ въ бурятскомъ вариантѣ кончилась также тѣмъ, что всѣ Гэсэровы богатыри окаменѣли. Въ русской былинѣ въ битвѣ принимаетъ участіе молодой богатырь Ермакъ; въ Гэсэриадѣ можно принять за параллель ему молодого богатыря Чаге-Мунго въ тибетскомъ вариантѣ, Андзана—въ монгольскомъ. Въ русской былинѣ есть заточенный богатырь, который сначала не принимаетъ участія, въ битвѣ, но выступаетъ въ концѣ ея; это Илья Муромецъ. Въ тибетской Гэсэриадѣ Кала-Мэмбырь также находится въ заточеніи и въ началѣ битвы участія въ ней не принимаетъ, но онъ заканчиваетъ битву. Въ русской былинѣ въ рассказъ о битвѣ вставлялся бой Ильи съ сыномъ; въ Гэсэриадѣ по очереди на этомъ мѣстѣ стоитъ бой Кала-Мэмбыра съ „железнымъ Асыномъ“ ²⁾.

Кала-Мэмбырь обратился въ скалу и объявилъ, что онъ будетъ сторожить море, чтобы оно не разлилось и не залило землю. Въ русскихъ преданіяхъ сохранилось одно о киевскомъ богатырѣ Чоботѣ, который иногда смѣшивается съ Ильей Муромцемъ, что онъ зарылся въ землю и сказалъ, что не выйдетъ изъ земли,

¹⁾ Г. Дашкевичъ говоритъ: „народъ низвелъ число богатырей, участвовавшихъ въ битвѣ при Калкѣ, съ 70 до 7. Мы думаемъ наоборотъ, что первоначально было семь богатырей, и только впоследствии оно было умножено до семидесяти.

²⁾ Если Гэсэриада къ тангутамъ пришла отъ турковъ, то нужно предположить, что на мѣстѣ „железный“ стояло: „темиръ“; Темиръ-Асынъ напоминаетъ имя Темурчинъ, которое встрѣчается въ книжныхъ монгольскихъ преданіяхъ и придается между прочимъ Чингису. Окончаніе: асынъ, чинъ, можетъ быть, образовались изъ чино, шуно, „волеъ“. Именемъ Шуно въ турецкихъ преданіяхъ называется богатырь-царевичъ, который, обиженный отцомъ, уходитъ въ Русь, подобно дочери Чингисъ-хана; онъ оклеветанъ въ томъ, что отнималъ чужихъ женъ: почти то же самое преступленіе, за которое былъ сосланъ сынъ Чингиса; послѣдній былъ обвиненъ въ томъ, что провѣлъ ночь съ женой Чингиса. Мы подозреваемъ, что этотъ сынъ Чингиса назывался также именемъ въ родѣ Орусъ или Цоросъ; именемъ Цоросъ, повидимому, назывался и самъ Чингисъ. Кажется, было въ степи преданіе о ссорѣ отца съ сыномъ, и то отцу давалось имя Темурчинъ (Темиръ-Асынъ), а сыну Цоросъ, то отецъ былъ Цоросъ, а сынъ Темурчинъ. Отсюда можетъ быть, въ русской былинѣ о гибели богатырей, сынъ, бьющійся съ отцомъ, называется Семерцянновъ. Шуно въ бурятскомъ преданіи кончаетъ окаменѣніемъ.

пока не кончится свѣтъ. Этихъ параллелей достаточно, чтобы убѣдиться въ происхожденіи русской былины и эпизода Гэсэриады изъ одного источника.

Русская былина кончается гибелью богатырей. Въ Гэсэриадѣ за гибелью Гэсэровыхъ богатырей слѣдуетъ увозъ жены Гэсэра; Гэсэръ возвращается домой, не находитъ жены и ѣдетъ ее отыскивать. Русскіе пѣвцы вырвали изъ повѣстей рассказъ о войнѣ и стали пѣть его отдѣльно, при чемъ забыли предыдущее и послѣдующее; забывъ объ отсутствующемъ Гэсэрѣ, они въ осажденномъ городѣ жену Гэсэра замѣнили княземъ Владиміромъ, а далѣе окаменѣніемъ богатырей закончили былинку, не досказавъ конца; настоящій конецъ—увозъ жены—въ былинѣ опущенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опущенъ и рассказъ о поѣздкѣ Гэсэра за женой. Но эта послѣдняя глава не исчезла изъ эпоса; она сохранилась въ видѣ отдѣльной былины о Казаренинѣ, у котораго три татарина (вмѣсто трехъ царей) увезли сестру (вмѣсто жены); объ этомъ его извѣщаетъ птица, подобно тому, какъ Гэсэра извѣщаютъ объ увозѣ его жены сорока и лисица. Въ былинѣ о Калинѣ—имени, напоминающаго Гэсэра, нѣтъ; это потому, что въ Гэсэриадѣ, въ эпизодѣ о войнѣ трехъ царей, Гэсэръ не является; онъ выступаетъ только тогда уже, когда его жена увезена; этотъ конецъ эпизода въ русскомъ эпосѣ обратился въ былинку о сестрѣ богатыря, которую увезли три татарина, и вотъ въ этой-то былинѣ и является имя, напоминающее Гэсэра—Казаренинъ.

Огожествленіе былины о гибели богатырей съ эпизодомъ Гэсэриады, во-первыхъ, влечетъ за собой убѣжденіе, что Добрыня явился въ былинѣ о гибели богатырей не случайно; богатырь-змѣборецъ и богатырь, обращенный въ животное—двѣ тѣмы, которыя уже на Востокѣ связаны съ исторіей окаменѣнія богатырей въ одну цѣльную повѣсть; во-вторыхъ, оно учитъ искать между персонажами монгольской повѣсти лицо, которое отвѣчало бы нашему Алешѣ. Самого Гэсэра мы отождествляемъ съ Добрыней; жену Гэсэра осаждаютъ женихи, три хорскихъ или ширайгольскихъ царя; жену Добрыни осаждаютъ женихъ Алеша. Слѣдовательно, по мѣсту въ сюжетѣ Алешѣ будутъ соответствовать три царя, но ни въ характеристикѣ персонажей, ни въ деталяхъ, дальнѣйшее сходство проведено быть не можетъ. Мы думаемъ, что Алешѣ въ Гэсэриадѣ отвѣчаетъ Чотонъ, дядя Гэсэра. Онъ является претендентомъ на первую жену Гэсэра; характеръ Чотона обрисованъ сходно съ Алешей; онъ также завистливъ, наглъ, хвастливъ, нерѣдко попадаетъ въ комическое положеніе и, подобно Алешѣ, получаетъ побои.

Двойственность образа Алеши мы объясняемъ такимъ образомъ. Гэсэриада, вѣрнѣе эпизодъ ея объ увезенной женѣ Гэсэра, имѣлъ своимъ первоначальнымъ источникомъ сюжетъ въ родѣ монгольской былины или сказки о Хадынѣ-Дэюгэ, или русской объ Иванѣ Годиновичѣ. Богатырь Хадынѣ убиваетъ богатыря Ховугу и увозитъ его сестру; Ховугу воскресаеетъ, ѣдетъ отыскивать своего врага, находитъ своихъ родителей, увезенныхъ и порабощенныхъ Хадыномъ и обращенныхъ въ бѣдныхъ пастуховъ, убиваетъ Хадына и казнить свою сестру за измѣну. Этотъ сюжетъ послужилъ основаніемъ монгольской повѣсти съ той отмѣной, что смертное состояніе героя въ повѣсти замѣнено отлучкой и состояніемъ забытыя отъ опьяняющаго напитка; три царя (вмѣсто Хадына) увозятъ жену Гэсэра, но забытыя Гэсэра превращается; онъ доѣзжаетъ до ставки трехъ царей, убиваетъ ихъ и казнить свою жену за измѣну. Было, мы предполагаемъ, два варианта этой сказки: въ одномъ жену Гэсэра увозили три царя, въ другомъ—Хадынѣ; послѣднее имя въ тюркскихъ вариантахъ этой сказки измѣняется въ Кидэнѣ; оно-то, намъ кажется, и явилось въ Гэсэриадѣ подъ видомъ Чотонъ. Еслибъ варианты не расходились сильно, дѣло ограничилось бы одной замѣной имени, но вѣроятно въ вариантахъ была большая разница, и потому компиляторъ не смѣлъ который-нибудь отвергнуть и пустилъ въ дѣло оба; онъ спаялъ ихъ въ одно цѣлое и вставилъ въ своей компиляціи оба имени. Разница въ вариантахъ, мы думаемъ, состояла въ томъ, что одинъ изображалъ жену Гэсэра вѣрной мужу въ родѣ Пенелопы, сохранившей вѣрность до конца повѣсти; другой вариантъ представлялъ ее измѣнницей, можетъ быть съ перваго момента, какъ это мы имѣемъ въ былинѣ о Хадынѣ. Компилируя, составитель Гэсэриадч умудрился въ лицѣ жены Гэсэра Рогмо слить два образа: вѣрной жены и жены-измѣнницы; въ началѣ повѣсти Рогмо обнаруживаетъ продолжительное упорство противъ настаиванія жениховъ; а когда ее увезли, она становится измѣнницей старому мужу. Увозъ Гэсэровой жены отнесенъ къ тремъ царямъ, но Чотонъ присутствуетъ тутъ же; компиляторъ не сочувствуетъ ему и ставитъ его какъ бы въ ряды враговъ жены Гэсэра; затѣмъ на пути въ царство трехъ царей Гэсэръ встрѣчаетъ ставку Чотона, а до нея своихъ порабощенныхъ родителей въ видѣ Чотоновыхъ пастуховъ, а также и свой скотъ, находящійся во власти Чотона; Гэсэръ бросаетъ Чотона въ глубокую яму. Очевидно, это—конецъ или развязка сказки, въ которой рассказывалось, что Чотонъ увезъ жену Гэсэра и угналъ его скотъ, обративъ родителей Гэсэра въ бѣдныхъ пастуховъ; но повѣсть на этомъ не прекращается; она

продолжается, потому что увозъ жены приписанъ въ ней не Чотону, а тремъ царямъ.

Въ ордынскихъ сказкахъ объ увозѣ сестры има Хадынъ, Бидынъ, Адынъ, дается то злomu богатырю, который увозить женщину, то его противнику, несправедливо терпящему. Такъ напримѣръ, въ алтайскомъ вариантѣ, въ сборникѣ Радлова, Адыномъ названъ братъ увезенной сестры. Поэтому мы думаемъ, что и о Чотонѣ были варианты, которые ставили его на мѣстѣ брата или мужа увезенной женщины; иначе сказать, Чотону приписывалась роль Гэсэра, и онъ рисовался въ сочувственномъ свѣтѣ. Такая двойственность образа съ Чотона перешла и на Алешу; Алеша-пустохвастъ, завистливый, наглый, трусливый и нечестный—это Чотонъ; Алеша-побѣдитель Тугарина—это самъ Гэсэръ, который въ затерянныхъ редакціяхъ, какъ мы думаемъ, назывался Чотономъ¹⁾. Былина объ Алешѣ и Тугаринѣ отвѣчаетъ той главѣ Гэсэриады, которая содержитъ въ себѣ рассказъ о Гэсэрѣ, убивающемъ чудовище Мангыса, хотя бой богатыря съ чудовищемъ обставленъ другими подробностями. Гэсэръ не имѣетъ при себѣ товарища, какъ имѣетъ его Алеша, Мангысъ не взлетаетъ на воздухъ, подобно Тугарину, и Гэсэръ не прибѣгаетъ къ военному обману, подобно Алешѣ, но все это, кажется, было если не въ Гэсэриадѣ, то въ отдѣльныхъ былинахъ о Гэсэрѣ. Въ одной бурятской сказкѣ, которую сама редакція связки ставитъ въ связь съ Гэсэриадой, одна сцена напоминаетъ эпизодъ Алешы съ Тугариномъ: богатырскай конь привозитъ дѣвицу, которая вырывается и улетаетъ къ небу на своихъ крыльяхъ; но конь молится небу, идетъ дождь, крылья подмочило, и дѣвица падаетъ на землю; въ дюрбютской сказкѣ богатырь Иринъ-Сайнъ то же средство употребляетъ, чтобы низвести на землю улетѣвшихъ птицъ; въ этихъ птицахъ заключалась душа чудовища, Мангыса, котораго онъ никакъ не могъ убить; онъ убиваетъ птицъ, и Мангысъ умираетъ. Въ послѣдней версіи мы имѣемъ уже змѣеподобное существо, въ родѣ Тугарина. Эти сопоставленія убѣждаютъ насъ, что русская былина не механически перенесла на Алешу подвигъ Добрыни, какъ думаетъ г. Дашкевичъ, а что уже въ древней редакціи Алеша являлся змѣеборцемъ, потому что подъ Алешей подразумѣвался иногда не противникъ Гэсэра, а самъ Гэсэръ. Въ той же бурятской сказкѣ и еще одна подробность изъ былины объ

¹⁾ Въ томъ обстоятельствѣ, что Иванъ Годиновичъ повторяетъ фразу Алешы: „Ужъ какъ всякій, братцы, женится, а не всякому женитьба задается“ (Гильф., 516—517), слѣдуетъ, можетъ быть, видѣть намекъ на тожество Алешы съ Иваномъ Годиновичемъ, подобное предполагаемому тожеству Гэсэра съ Чотономъ.

Алешѣ — богатырь играетъ отрубленной головой противника; эта подробность встрѣчается и въ Гэсэриадѣ, хотя и не на соответственномъ мѣстѣ ¹⁾).

На появленіе имени Александра на мѣстѣ Гэсэра, можетъ быть, вліяла ордынская терминологія. Въ монгольской книжной редакціи Гэсэриады Гэсэрь, явившись въ городъ трехъ царей въ замаскированномъ видѣ, называетъ себя Кусэрь-Олоксонъ-Ольджебай; хотя въ самой повѣсти и дается этому выраженію толкованіе: „въ степи найденный Ольджебай“, но можно думать, что въ дѣйствительности это тройное имя Гэсэра, т.-е. что всѣ три члена фразы — собственныя имена, въ томъ числѣ и Олоксонъ; Олоксонъ было одно изъ собственныхъ именъ богатыря. Мы знаемъ одну алтайскую сказку, въ которой богатырь называется Олекчинъ; въ ней есть одинъ эпизодъ, напоминающій Гэсэриаду. Въ монгольскихъ сказаніяхъ встрѣчаются имена Улакшинъ, Улакчинъ и Имысынъ; Улакшинъ въ алтайской сказкѣ отецъ Иринъ-сайна, а въ дюрбютской Улакчинъ — дядька невѣсты царевича Аю, можетъ быть отецъ ея; конь увозитъ невѣсту, а Улакчинъ гонится за нимъ; въ дюрбютской сказкѣ объ Иринъ-Сайнѣ отецъ его невѣсты называется Имысынъ. Замѣтимъ, что сказка объ Иринъ-Сайнѣ не лишена параллелей съ Гэсэриадой; Иринъ-Сайнъ также змѣбоорецъ, какъ и Гэсэрь, у него также увезены родители и угнанъ скотъ и онъ ѣдетъ возвращать его; только увоза жены нѣтъ, потому что Иринъ-Сайну данъ въ этомъ эпизодѣ только трехлѣтній возрастъ; самый же угонъ лошадей описанъ съ подробностями, напоминающими угонъ лошадей въ Гэсэриадѣ, и образъ Иринъ-Сайна, раненнаго и разъязжающаго по степи и потомъ готовящагося умереть, есть копія съ богатыря Чаге-Мунго въ Гэсэриадѣ. Въ виду всего этого мы полагаемъ, что имена Олекчинъ, Улакчинъ, Улакшинъ, Имысынъ ²⁾ не чужды были Гэсэриадѣ, что, можетъ быть, иногда это имя стояло на мѣстѣ самого Гэсэра, и что Олоксонъ есть отголосокъ этого имени. На встрѣчу Гэсэриадѣ шла Александрія съ именемъ героя Александръ, и это подѣйствовало на былинну; въ ней вмѣсто варварскаго имени явилось классическое.

Итакъ, мы не раздѣляемъ мнѣнія г. Дашкевича, что былина

¹⁾ Третью не находящую въ Гэсэриадѣ подробность — военный обманъ Алешы — мы находимъ въ китайскомъ романѣ о Гуаньюѣ, котораго монголы отождествляютъ со своимъ Гэсэромъ. Гуаньюѣ, выхавъ на поединокъ съ Сосо, заставляеть его, подобно Алешѣ, оглянуться и въ этотъ моментъ убиваетъ его.

²⁾ Улекшинъ по-монгольски „сука“. Окончанія: шинъ, чинъ, сонъ, могутъ быть отброшены; первая половина слова: Улакъ, Олекъ, напоминаетъ турецкое названіе совища Пледъ — Илекъ.

возникла изъ преданія о битвѣ при Калкѣ; сюжетъ со всѣми подробностями, разбѣянными въ разныхъ русскихъ былинахъ, данъ уже въ связномъ видѣ въ Гэсэриадѣ; Алеша является змѣборцемъ не по личному капризу пѣвца, а потому что эпизодъ о змѣборствѣ стоитъ въ ордынской редакціи подлѣ разсказа о гибели богатырей, потому что одно и то же лицо, на мѣстѣ Гэсэра, въ русскихъ былинахъ называлось то Добрыней, то Алешей. Былина о наѣздѣ Калина не есть удаленіе отъ первоначальной редакціи былины, какъ представляетъ ее г. Дашкевичъ, а это-то и есть болѣе древняя редакція былины, болѣе близкая къ Гэсэриадѣ. Преданіе о Калкѣ никакого значенія не имѣетъ въ вопросѣ о зарожденіи былины; былина пришла въ цѣломъ видѣ въ ордынскую редакцію даже въ соупутствіи такихъ эпизодовъ, какъ змѣборство, какъ угонъ табуна семью богатырями (явившихся на Русь въ видѣ отдѣльныхъ былинъ); вѣроятно, въ былинѣ первоначально стояли не татары, а какіе-нибудь другіе противники, какіе-нибудь сорочины, и не былина ошиблась въ томъ, что перенесла Добрыню изъ вѣка Владиміра въ эпоху татарщины, а наоборотъ, ошибся лѣтописецъ, приурочившій Алешу Поповича къ битвѣ при Калкѣ. Изъ старой, существовавшей вѣроятно до нашествія татаръ, былины онъ внесъ въ лѣтопись двѣ черты: имя богатыря Александра Поповича и число 70 убитыхъ съ нимъ товарищей. Является однако такой вопросъ. Въ былинѣ о гибели богатырей хотя и упоминается Алеша, но выдающаяся фигура въ ней все-таки не онъ, а Илья Муромецъ; почему же въ лѣтописи упомянуть Александръ Поповичъ, какъ бы начальниекъ дружины, а не Илья? Въ виду нашего предположенія о томъ, что и Алеша и Чотонъ изображались въ двойномъ освѣщеніи, не будетъ страннымъ, если мы поставимъ вопросъ о тождественности Алеши и Ильи. Дѣйствительно, въ былинахъ и сказкахъ они иногда чередуются. Въ былинѣ битва съ небесной силой вызывается похвалой Алеши Поповича, но иногда похваляется и самъ Илья; Илья и Алеша чередуются въ сказкахъ, какъ убійцы кievскаго насильника Идолица и Тугарина. Можетъ быть, въ былинѣ о гибели богатырей Алеша и Илья есть раздвоеніе одного и того же богатыря; можетъ быть, были варианты былины, въ которыхъ стояло или одно имя Ильи, или одно имя Алеши, или Александра, и въ суздальской области знали только былины съ именемъ Александра, или по крайней мѣрѣ суздальскій лѣтописецъ зналъ только такую редакцію.

Г. Потанинъ.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ¹⁾.

VIII.

На слѣдующій день, за утреннимъ чаемъ, Марья Петровна разсказала сестрѣ сцену въ спальнѣ съ такимъ трагическимъ освѣщеніемъ, такъ краснорѣчиво повѣствовала о слезахъ и отчаяніи Володи, что даже Варвара Петровна нѣсколько смутилась. Вообще Марья Петровна смотрѣла на сына какъ на тяжело-больного. Былъ отданъ строгій приказъ не будить Володю и мимо его комнаты ходить не иначе, какъ на цыпочкахъ. Освѣдомившись у сестры, какой она заказала обѣдъ, и узнавъ, что заказаны окрошка и бараній бокъ съ кашей, Марья Петровна пришла въ ужасъ, велѣла все это отмѣнить и сдѣлать самый легкій обѣдъ. Около одиннадцати часовъ вошелъ старый Андрей и съ таинственнымъ видомъ сообщилъ, что молодой баринъ изволилъ проснуться и позвонить, и что Павлушка пошелъ къ нимъ. Марья Петровна заволновалась.

— Андрей, свеси сейчасъ Владиміру Николаевичу чаю; нѣтъ, погоди, принеси сначала вишневаго варенья...

Пока Андрей ходилъ за вишневымъ вареньемъ, Марья Петровна передумала.

— Нѣтъ, Андрей, ты лучше войди и спроси, хочетъ ли

¹⁾ См. выше: мартъ, 140 стр.

Владиміръ Николаевичъ пить чай у себя, или, можетъ быть, придетъ къ намъ...

Черезъ минуту Андрей вернулся съ извѣстіемъ, что „Владиміръ Николаевичъ изволили взять простыню и пошли съ Павлушкой купаться“.

— Ахъ, Боже мой, какъ же это купаться? Хорошо ли это при душевныхъ потрясеніяхъ?

Волноваться пришлось Марьѣ Петровнѣ недолго. Скоро Володя вошелъ такой свѣжей, здоровый и веселый, какимъ его давно не видали. Тетя Варя, посмотрѣвъ на него, невольно раскохоталась и махнула рукой на сестру. Снова начались рассказы о поѣздѣ—болѣе подробные, чѣмъ вчера. Марья Петровна, очень любившая музыку и стихи, отнеслась съ большимъ сочувствіемъ къ препровожденію времени въ Троицкомъ. Камнева она не знала, но много о немъ слышала и была очень довольна тѣмъ, что Володя былъ у такого замѣчательнаго человѣка. Черезъ нѣсколько дней она примирилась и съ Соней, и любовь Володи уже интересовала ее какъ романъ. По его просьбѣ, она написала княгинѣ очень любезное письмо, въ которомъ благодарила за гостепримство, оказанное ея сыну. Впрочемъ, въ самыхъ искреннихъ признаніяхъ всегда бываетъ какой-нибудь уголокъ картины, тщательно скрываемой. рассказчикомъ; такъ и Володя промолчалъ о второмъ поцѣлуѣ и о словахъ княгини относительно его отца.

Послѣ долгихъ обсужденій на семейномъ совѣтѣ, Володѣ было объявлено слѣдующее рѣшеніе. До выпуска онъ не долженъ ни говорить, ни думать о женитьбѣ. Послѣ выпуска, который совпадетъ съ его совершеннолѣтіемъ, онъ придетъ въ Угаровку, объѣдетъ всѣ свои владѣнія, и Варвара Петровна сдастъ ему дѣла, а сама поселится на покой въ Марьиномъ-Дарѣ. Конечно, первое время она будетъ руководить его хозяйственной дѣятельностью. Затѣмъ, послѣ ввода во владѣніе, Володя, если къ тому времени чувства его не переменятся, можетъ сдѣлать предложеніе княжнѣ Брянской. Володя согласился на эти условія, но протестовалъ противъ того, чтобы дѣлаться собственникомъ при жизни матери.

— Неужели, мама, ты считаешь меня недостойнымъ быть твоимъ управляющимъ?—сказалъ онъ обиженнымъ голосомъ.

— Ну, это, Володя, какъ хочешь,—отвѣчала Марья Петровна:—за кѣмъ бы ни считалось наше состояніе, оно все равно твое. Вѣдь я замужъ не выйду.

Въ началѣ августа совершенно неожиданно пріѣхали въ Угаровку Сережа Бранскій и Горичъ. Сережа сразу плѣнилъ обѣихъ

хозяекъ. Молчаливый дома, онъ въ гостяхъ болталъ безъ умолку и очень мило пѣлъ французскія пѣсенки Надѣ, входившія тогда въ моду въ Петербургѣ. Горичъ сначала понравился меньше и показался фатомъ; сверхъ того, Марья Петровна, уже вполне вошедшая въ сердечные интересы своего сына, не забывала ревности, мучившей Володю. Но Горичъ былъ такъ остроумецъ и умѣлъ въ легкомъ разговорѣ выказать столько разнообразныхъ познаній, что съ нимъ скоро примирились, и черезъ три часа послѣ пріѣзда онъ уже вступалъ въ оживленный споръ съ Варварой Петровной о литературѣ. Самъ Володя совсѣмъ забылъ свою ревность и отъ души былъ радъ пріѣзду товарищей. Невольно краснѣя, онъ спросилъ, здоровы ли всѣ въ Троицкомъ. Ему отвѣтили, что Троицкое совсѣмъ опустѣло, что въ концѣ іюля Ольга Борисовна уѣхала въ Польшу, гдѣ тогда стоялъ полкъ, которымъ командовалъ ея мужъ, и увезла съ собой Соню. Это извѣстіе какъ громомъ поразило Угарова: онъ надѣялся, возвращаясь въ Петербургъ, хоть на нѣсколько часовъ заѣхать въ Троицкое.

На другой день Марья Петровна, хлопотавшая о томъ, чтобы доставлять развлеченія своимъ гостямъ, предложила имъ съѣздить въ Дорожинскіе, у которыхъ ни она, ни Володя, не были все лѣто. Варвара Петровна наотрѣвъ отказалась отъ поѣздки.

— Васъ какъ разъ четверо, чтобы ѣхать въ большой коляскѣ, — отговаривалась она: — а запрягать для Аеоньи два экипажа не стоитъ.

Усадьба Аеанасія Ивановича Дорожинскаго была такая, какая часто бываетъ у уѣздныхъ предводителей дворянства, желающихъ попасть въ губернскіе. Старый каменный домъ былъ и самъ по себѣ слишкомъ великъ для помѣщика, живущаго съ одной дочерью, но къ дому еще примыкали съ двухъ сторонъ большія деревянныя пристройки недавняго происхожденія, съ крытыми галереями и красивыми павильонами по бокамъ. Флаги и гербы красовались вездѣ, куда только можно было ихъ помѣстить. Иныя комнаты, еще не вполне отдѣланныя, какъ бы говорили гостямъ: „вотъ увидите, какъ мы разукрасимся, когда вы почтите нашего хозяина своимъ выборомъ“. Аеанасій Ивановичъ встрѣтилъ гостей съ великой любезностью; Наташа убѣждала переодѣться и черезъ нѣсколько минутъ вошла въ обольстительно-небрежномъ лѣтнемъ платьѣ, извиняясь за свой костюмъ и говоря, что ее застали врасплохъ. Желая окончательно покорить Володю, она начала кокетничать съ красивымъ княземъ; Сережа по привычкѣ выказывалъ ей полную взаимность, и къ обѣду Наташа была уже по уши влюблена въ него. Обѣдать пріѣхалъ еще Иванъ Ивановичъ

Койровъ, предводитель одного изъ дальнихъ уѣздовъ—толстый, плѣшивый старикъ, съ прыгающими глазами и очень короткой шеей. Аеанасій Ивановичъ приналъ его съ большимъ почетомъ, такъ какъ онъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ въ своемъ уѣздѣ.

Не успѣли еще отпить кофе послѣ обѣда, какъ Наташа, узнавъ, что Сережа поетъ, увела его въ свою маленькую гостиную, чтобы разучить вмѣстѣ какой-нибудь дуэтъ; къ величайшей ея досадѣ, миссъ Рэгъ послѣдовала за ними. Наташа пѣла съ большимъ чувствомъ и охотно фальшивила; а миссъ Рэгъ, относившаяся вообще къ своей воспитанницѣ весьма строго, обожала ея пѣніе. Дуэта подходящаго не оказалось, но Наташа пропѣла почти весь свой репертуаръ. Повидимому, фальшивыя ноты нѣжили слухъ суровой англичанки, потому что она все время одобрительно покачивала въ тактъ головой, а когда пѣвица кончила свой любимый романсъ очень высокой нотой, при чемъ взяла ее полутономъ ниже и страшно закатила глаза, миссъ Рэгъ не могла сдержатъ своего восторга и нѣсколько разъ повторила:— Oh, splendid, splendid!..

Аеанасій Ивановичъ тѣмъ временемъ развивалъ на балконѣ свои хозяйственныя теоріи.

— Вотъ жалъ, что моя милая кузина не любитъ ходить, а то бы я предложилъ вамъ пойти посмотрѣть на новую вѣялку, которую я выписалъ изъ Англій. Я знаю, что есть люди, которые смѣются надъ моими реформами въ хозяйствѣ (подъ этими людьми онъ разумѣлъ Варвару Петровну). Они говорятъ: надо хозяйничать по старинѣ, новизна не привьется. А я говорю: надо только умѣть привить ее. Мужикъ не умѣетъ дѣйствовать машиной,—на это есть мастера и учителя; мужикъ не любитъ машину и умышленно ее портить,—на это есть мѣры строгости. Вотъ у меня въ одномъ имѣніи дѣйствительно мужики испортили американскій плугъ, но я такъ съ ними расправился, что впередъ, не безпокойтесь, портить не стануть ни въ одной моей деревнѣ. Въ политикѣ я, конечно, крайній консерваторъ, но въ хозяйствѣ могу себѣ позволить быть прогрессистомъ.

Аеанасій Ивановичъ долго говорилъ на эту тѣму, приводя разные примѣры и хвастая добытыми результатами. Онъ поочередно обращался ко всѣмъ гостямъ, но говорилъ исключительно для Володи. Онъ давно рѣшилъ, что Володя женится на Наташѣ, и захотѣлъ заранѣе внушить ему свои хозяйственныя воззрѣнія и поколебать авторитетъ Варвары Петровны.

— Не такъ ли, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ?—обратился онъ въ заключеніе къ Койрову.

Койровъ, все время сопявшій на большомъ креслѣ, которое для него перетащили изъ гостиной, отвѣтилъ нѣхотя:

— Такъ-то такъ, а все-таки скажу, что всѣ эти иностранныя сѣялки и вѣялки гроша мѣднаго не стоятъ...

Аванасій Ивановичъ не захотѣлъ спорить съ вліятельнымъ предводителемъ и предложилъ ему посмотреть на выводку лошадей. Пришлось переселиться на другой балконъ, выходявшій на большой дворъ, усыпанный пескомъ и щебнемъ. Марья Петровна смотрѣла на эти выводки, какъ на необходимое, но тяжелое зло; она говорила, что всѣ лошади по ея мнѣнію, на одно лицо, и что всѣ кучера притворяются, будто еле могутъ ихъ сдерживать. Выводка передъ балкономъ была со стороны Дорожинскаго уступкой для Марьи Петровны—онъ предпочиталъ водить гостей къ конюшнямъ.

— У васъ большой заводъ, Аванасій Ивановичъ?—спросилъ Сережа, съ дѣтства знавшій толкъ въ лошадяхъ.

— Не то чтобы большой, а такъ, есть кое-какія лошаденки,—отвѣчалъ тотъ съ ложнымъ смиреніемъ.

— Да, да, рассказывайте!—воскликнулъ Койровъ.—Я столько слышалъ про вашъ заводъ, что, по правдѣ сказать, только для того и пріѣхалъ къ вамъ, чтобы посмотреть...

Дорожинскій могъ бы обидѣться за эти слова, но они доставили ему такое удовольствіе, что онъ даже не въ силахъ былъ скрыть его, и самодовольно улыбнулся.

Выводка началась со ставки трехлѣтокъ, сначала сѣрыхъ и вороныхъ, а потомъ караковыхъ, гнѣдыхъ и рыжихъ. Соблюдалась постепенность относительно роста: самыя большія приберегались подъ конецъ. Потомъ перешли къ заводчикамъ и маткамъ. Аванасій Ивановичъ зорко всматривался въ гостей при каждой новой выводкѣ. Если они сейчасъ же начинали восхищаться, онъ только моталъ головой въ знакъ согласія и скромно прибавлялъ: „отъ Вязочура и Стрѣлки“ или: „этотъ заводчикъ Шишкинскій“; если же гости медлили съ похвалами, онъ не выдерживалъ характера и восклицалъ самъ: „какая сухость, что за нога“! или: „прошу обратить вниманіе на подпругу, кость“. Если особенно хвалить лошадь было невозможно, Аванасій Ивановичъ напиралъ на ея породистость или рѣзвость.

— Этотъ Атласный вѣдь сынъ знаменитаго Лебеда и представьте себѣ, что уже теперь онъ четвертушки дѣлаетъ безъ двухъ.

— Какія четвертушки? Что это значить, Наташа?—спросила попотомъ Марья Петровна.

— Ахъ, ma tante, какъ же вы этого не понимаете? Это значить, что лошадь дѣлаетъ четверть версты въ минуту безъ двухъ секундъ.

По поводу Атласнаго Сережа упомянулъ съ похвалою о Малининскомъ заводѣ, бывшемъ верстахъ въ тридцати отъ Троицкаго.

— Полноте, полноте, князь!—воскликнулъ съ укоромъ Аванасій Ивановичъ:—какой же это заводъ! При покойномъ Петрѣ Гавриловичѣ Малининѣ у нихъ, безспорно, были хорошія лошади, а теперь ничего не осталось. Я въ прошломъ году заѣзжалъ туда и видѣлъ пресловутаго Полкана, которымъ они такъ гордятся. Ну да, конечно... онъ элегантенъ, видна верховая кровь, но въ немъ тѣла мало, да и спины нѣтъ. Впрочемъ, вся эта порода—безспинная.

Сережа счелъ долгомъ заступиться за Малининскій заводъ, очень популярный въ сѣверныхъ уѣздахъ змѣвской губерніи. Это привело Аванасія Ивановича въ крайнее раздраженіе, которое обрушилось на конюха, выводившаго въ эту минуту рослаго рыжаго жеребца.

— Васька, отчего Лучъ плохо вычищенъ?—произнесъ онъ спокойнымъ, но строгимъ голосомъ, подходя къ лошади.

Васька поблѣднѣлъ и выпустилъ нѣсколько невнятныхъ словъ.

— Развѣ такъ чистать? Ты даже не выбралъ изъ-подъ копыта... Позвать мнѣ Семена!..

Смотритель завода, Семень, маленькій, толстый и рябой человекъ въ вучерскомъ армякѣ, немедленно подбѣжалъ къ Аванасію Ивановичу, который что-то шепнулъ ему, указывая на Ваську.

Гости догадались, что бѣдному Васькѣ грозило немедленное наказаніе. Догадка эта подтвердилась, когда Дорожинскій, возвращаясь къ балкону, сказалъ какъ бы въ видѣ извиненія:

— Что дѣлать! съ этимъ народомъ иначе поступать нельзя.

Затѣмъ онъ съ улыбкой началъ разъяснять качества рыжаго жеребца, уже переданнаго Васькой въ руки другого конюха.

— Этотъ Лучъ представляетъ интересное явленіе. Отецъ его, Геркулесъ, былъ воронѣй, а мать, Пава, сѣрая; дѣдъ Удалой, котораго вы, Иванъ Ивановичъ, можете быть, помните—онъ взялъ нѣсколько призовъ въ Москвѣ—былъ также воронѣй, и только прадѣдъ, знаменитый Кроликъ, былъ рыжій...

По окончаніи вывода Аванасій Ивановичъ предложилъ гостямъ пойти взглянуть на табунъ. Койровъ съ радостью согласился, но

Марья Петровна объявила, что хочет доѣхать засвѣтло домой, и уѣхала съ своими спутниками. Наташа на прощанье заставила Серёжу обѣщать ей, что будущимъ лѣтомъ онъ прїѣдетъ въ Дорожнискимъ на нѣсколько дней и привезетъ съ собой пять-шесть дуэтовъ.

Когда Угаровъ разсказалъ теткѣ сцену выводи лошадей и эпизодъ съ Васькой, Варвара Петровна пришла въ большое негодованіе.

— Вреть онъ, нагло вреть, что съ народомъ нельзя поступать иначе. Я больше тридцати лѣтъ занимаюсь хозяйствомъ, да и какъ занимаюсь! Не изъ гостиной или кабинета, какъ нынѣ помѣщички, а сама лично вхожу въ каждую мелочь. И что же, во всѣ тридцать лѣтъ мнѣ ни разу не пришлось прасудить кого-нибудь къ тѣлесному наказанію.

— Вы-то, конечно, не присуждали,—возразилъ Горичъ:—а можете ли вы поручиться за то, что ваши приказчики и управляющіе никогда не драли мужиковъ?

— Конечно, не могу поручиться. Скажу болѣе: я даже убѣждена, что драли, это у нихъ уже вошло въ систему, но повторю, что сама никогда не видѣла въ этомъ надобности. Да вѣдь вотъ что всего противнѣе въ этомъ Аѳоньѣ,—продолжала она, болѣе и болѣе раздражаясь:—я скорѣй еще понимаю, что человѣкъ вспылитъ, выйдетъ изъ себя и тутъ же ударить другого человека,—благо можетъ это сдѣлать безнаказанно... но отдавать подобныя приказанія спокойно и хладнокровно, сохраняя свои величавыя манеры, и улыбаясь, и читая родословныя таблицы своихъ поганыхъ жеребцовъ—вотъ что гнусно!

— А не лучше ли такъ устроить, Варвара Петровна,—продолжалъ Горичъ:—чтобы ни хладнокровно, ни въ пылу раздраженія нельзя было бить другихъ людей безнаказанно?

— Вы говорите про „волю“? Я объ этомъ и читала, и много говорила, и, по правдѣ сказать, очень бы желала, чтобы это устроилось. Но только повѣрьте, что мы съ вами этого не увидимъ, и дѣти ваши не увидятъ; вотъ ваши внуки, — тѣ, можетъ быть, увидятъ.

Горичъ началъ доказывать своевременность „воли“; возникъ ожесточенный споръ. Марья Петровна, безпокойно озирываясь съ тѣхъ поръ, какъ начался этотъ опасный разговоръ, убѣдила ихъ спорить по крайней мѣрѣ по-французски. Споръ продолжался до двухъ часовъ ночи, и всѣ остались при своихъ мнѣніяхъ.

Послѣ ужина Серёжа уѣхалъ, говоря, что ему нужно быть рано утромъ въ Змѣевъ, чтобы совершить какую-то купчую крѣ-

пость, а также исполнить и другія порученія княгини. Горичъ остался еще на одни сутки въ Угаровѣ.

— Съ какихъ поръ Сережа сдѣлался такимъ дѣловымъ человекомъ?—спросилъ Угаровъ у Горича, когда они улеглись спать.

— Однако ты наивенъ, Володя! — отвѣчалъ Горичъ. — Неужели ты всему этому повѣрилъ? Да если Сережу хорошенько покэзаменовать насчетъ купчей крѣпости, онъ не далеко уйдетъ отъ той барыни, которая сказала, что это такая крѣпость, изъ которой бушцы стрѣляютъ. А на самомъ дѣлѣ онъ завтра въ Змѣевѣ собираетъ скорѣе брать крѣпость, чѣмъ совершать ее. Надо тебѣ сказать, что, по случайному стеченію обстоятельствъ, баронесса Кноффъ придетъ завтра въ Змѣевъ дѣлать нѣкоторыя покупки, необходимыя для похода; ни мужъ, ни его адъютантъ, не могутъ ее сопровождать, потому что у нихъ то же, по странной случайности, назначенъ завтра смотръ.

— Да, ну теперь я понимаю... Такъ, пожалуй, я и вашимъ прїездомъ обязанъ баронессѣ?

— Ну, нѣтъ, мы и безъ того къ тебѣ собирались, но только, конечно, баронесса поспособствовала... Опять-таки, надо правду сказать, что послѣ отъѣзда Ольги Борисовны и княжны въ Троицкомъ началась невыносимая тоска. Старый князь цѣлый день стучитъ костылемъ, сжимаетъ кулаки, проклинаетъ и ругается скверными словами...

— На кого же онъ такъ сердится?

— Добро бы сердился на кого-нибудь изъ насъ, тогда можно бы было что-нибудь предпринять, чтобы его успокоить, а то, представь себѣ, онъ сердится на Австрію; согласись самъ, что тутъ мы ужъ ничего не можемъ сдѣлать. Дошло до того, что наказавшъ нашего отъѣзда онъ велѣлъ отслужить благодарственный молебень... какъ ты думаешь, за что? За то, что шесть лѣтъ тому назадъ его хватилъ „кондрашка“. Мы думали, что онъ окончательно съ ума спятилъ, но потомъ онъ намъ разъяснилъ все. „Понимаете ли,—говорить,—еслибы со мною тогда не приключился ударъ, я бы навѣрно участвовалъ въ венгерской кампаніи, и теперь совѣсть меня бы мучила, что я хоть одного венгерца убилъ въ пользу этихъ подлецовъ и мерзавцевъ“...

— Ну, а съ тобою сталъ любезнѣе?

— Да, теперь помирился, можетъ быть оттого, что я ему сталъ нуженъ. Чтобы слѣдить за войной, онъ выписалъ всѣ газеты; вотъ мы и читаемъ ему по очереди съ Сережей. Самъ онъ читать не можетъ; княгиня какъ прочтетъ десять строкъ, такъ сейчасъ засыпаетъ, а у Христины Осиповны нѣмецкій ак-

центъ, котораго онъ не переносить, да сверхъ того она дура невообразимая. Читаетъ она ему на-дняхъ изъ „Сѣверной Пчелы“: „Совѣтуемъ французамъ вспомнить примѣръ Карла-хи“... Князь начинаетъ сердиться: „Кто такой Карлъ-хи“?— „Не знаю, князь, такъ напечатано“.— „Не можетъ быть, покажите“... Оказалось, что рѣчь шла о Карлѣ XII, а Христина римскихъ цифръ не знаетъ, и прочитала „хи“, и изъ-за этого „хи“ произошла дѣлая катастрофа... Умора да и только.

— А скажи, пожалуйста, Горичъ, отчего Соня, т.-е. княжна, уѣхала изъ Троицкаго?

— Не знаю; это произошло по какимъ-то высшимъ соображеніямъ Ольги Борисовны; она настояла на этомъ.

— Но вѣдь Ольга Борисовна такая умная и прекрасная женщина; у нея, вѣроятно, были вѣскія причины...

— Не сомнѣваюсь ни въ великихъ качествахъ Ольги Борисовны, ни въ вѣскости ея причинъ, но только этихъ причинъ не знаю.

— Ну, а сама княжна желала уѣхать?

— Вотъ видишь, Володя, если ты мнѣ дашь ключъ къ разумѣнію того, чѣмъ желаетъ и чего не желаетъ княжна Софія Борисовна, я тебѣ при жизни памятникъ воздвигну.

— Признайся, Горичъ, ты влюбленъ въ княжну?

— Прощай, Володя, пора спать.

Послѣ отъѣзда Горича время полетѣло съ такой ужасающей быстротой, что Угаровъ не замѣтилъ, какъ насталъ день отъѣзда и для него.

— Въ послѣдній разъ вижу тебя лиценстомъ,—говорила ему на прощанье Марья Петровна, — и молю Бога только объ одномъ, чтобы ты и въ своей свободной жизни остался такимъ же, каковымъ былъ до сихъ поръ.

Какое-то грустное, щемящее чувство испыталъ Угаровъ въ Буяльскѣ, проѣзжая мимо городского сада, гдѣ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ Соню, и входя на станцію, гдѣ онъ впервые узналъ о ея существованіи. Абрамычъ сообщилъ ему, что Сережа и Горичъ еще третьяго дня уѣхали въ Москву, и что вчера княгиня завтракала на станціи вмѣстѣ съ Христиной Осиповной, послѣ чего уѣхали куда-то на двѣ недѣли. Въ Троицкомъ, гдѣ мѣсяць тому назадъ было такъ многолюдно и весело, оставался теперь одинъ князь Борисъ Сергѣевичъ, окруженный газетами, которыхъ никто ему и читать не могъ.

Въ Петербургѣ, въ лицей, жизнь потекла для Угарова обычнымъ порядкомъ. Нѣсколько разъ въ теченіе осени онъ получалъ

поклоны отъ Сони черезъ Серезу, бывшаго въ дѣятельной перепискѣ съ сестрой. Разъ Сереза показалъ ему письмо, въ которомъ было сказано: „Если Угаровъ не забылъ меня, скажи ему, чтобы онъ мнѣ написалъ, какъ онъ проводитъ время“. Черезъ три дня послѣ этого Угаровъ вручилъ Серезѣ, для пересылки сестрѣ, посланіе въ восемь страницъ большого формата. Это посланіе, на сочиненіе котораго Угаровъ употребилъ болѣе двухъ сутокъ, было, по его мнѣнію, очень остроумно и въ то же время очень нѣжно, хотя о любви не было упомянуто ни слова. На это посланіе отвѣта не послѣдовало, и поклоны прекратились. Потомъ подошли экзамены, заказы платья, совѣщанія о будущей службѣ, наконецъ—выпускъ и актъ, и всѣ эти важныя событія если и не изгнали совсѣмъ изъ его сердца, то все-таки значительно заслонили плѣнительный образъ дѣвушки-сфинкса.

IX.

Въ началѣ января, въ пятомъ часу морознаго и яснаго дня, къ подъѣзду извѣстнаго ресторана Дюкрѣ, на Большой Морской, то-и-дѣло подъѣзжали простыя извозчичьи, а изрѣдка и красивыя „собственныя“ сани. Изъ саней выходили молодые люди, по всѣмъ признакамъ только-что оперившіеся. Иные, небрежно сбросивъ шинели или пальто на руки швейцара, останавливались на минуту у большого зеркала и, приведя въ порядокъ волосы, самоувѣренно шли дальше, выказывая полное знаніе мѣстности; другіе, никогда не бывавшіе прежде въ этомъ ресторанѣ, бросали кругомъ растерянные взгляды и не знали, куда имъ дѣваться. Старый татаринъ, стоявшій у буфета, указывалъ имъ дверь въ коридоръ и говорилъ: „пожалуйте наверхъ“. Въ общей комнатѣ, налѣво отъ входа, сидѣлъ ротмистръ Акатовъ, извѣстный всему Петербургу подъ именемъ Васьки, — одинъ изъ самыхъ преданныхъ посѣтителей ресторана: можно смѣло сказать, что онъ жилъ у Дюкрѣ, отлучаясь только по дѣламъ службы или въ театръ.

— Абрашка,—спросилъ онъ у стараго татарина: — что это у васъ такъ много народу сегодня?

— Это, ваше сіятельство, лиценсты свой выпускъ празднуютъ. Въ большой залѣ на двадцать-восемь персонъ обѣдъ заказанъ.

— Экіе болваны!—обругалъ ихъ неизвѣстно за что Акатовъ. —Туда же... празднуютъ выпускъ, а отъ двухъ рюмокъ вѣрно всѣ будутъ лежать подъ столомъ.

— Оно точно, ваше сіятельство, дѣло молодое, непривычное...

Скоро надъ головой Акатова раздалось стройное пѣніе.

— Это еще что такое?

— Это, ваше сіятельство, молитва. Такъ у нихъ заведено: какъ, значить, въ лицѣ было, такъ и здѣсь.

— Скажите, пожалуйста! Тоже... пѣвцы...

Васья Акатовъ былъ не въ духѣ. Онъ много пилъ, но ничего не ѣлъ за завтракомъ, и уже давно поджидалъ какого-нибудь пріятеля, съ которымъ могъ бы пообѣдать. Наконецъ ему надоѣло ждать.

— Абрашка, принеси мнѣ обѣдъ—тотъ, что для этихъ дураковъ заказанъ.

— Осмѣлюсь доложить, — сказалъ татаринъ почтительнымъ шепотомъ: — это тотъ самый двухрублевый обѣдъ, что по картѣ написанъ; хозяинъ только названія переимѣнилъ и кой-куда труфелю подложилъ, а беретъ по 15 руб. съ персоны, безъ вина.

— Все равно, принеси... И бутылку заморозь.

Акатовъ началъ ѣсть, прислушиваясь отъ скуки къ тому, что происходило наверху. Когда тамъ возвышались голоса, двигались стулья или раздавалось громкое ура, онъ пожималъ плечами и презрительно заглядывалъ на потолокъ, крутя свои длинные рыжеватые усы.

Акатовъ заблуждался. Много тамъ наверху предложено тостовъ, много выпито рюмокъ и стакановъ, но никто изъ обѣдавшихъ не ваялся подъ столомъ. Только глаза разгорѣлись и рѣчи дѣлались оживленнѣе. Ихъ было двадцать-семь человекъ—въ свѣжихъ сюртукахъ и пиджакахъ, со свѣжими, еще не помятыми жизнью лицами; трое изъ нихъ были въ военныхъ мундирахъ. Двадцать-восьмой былъ воспитатель Иванъ Фабіановичъ, сидѣвшій на почетномъ мѣстѣ—полный, плѣшивый господинъ, съ золотыми очками и чалмы бакенбардами, зачесанными кверху. Центромъ средней группы былъ Андриюша Константиновъ—любимецъ всего выпуска, едва не подбившій всѣхъ поступить въ военную службу. По его же инициативѣ лицейсты сложились и собрали 1.500 рублей на военныя потребности—пожертвованіе, которое тогда надѣлало много шума. Онъ былъ средняго роста и не особенно красивъ, но во всемъ его смугломъ лицѣ, а особенно въ большихъ карихъ глазахъ, было столько доброты и отваги, что обаяніе, имъ производимое, дѣлалось понятно съ перваго взгляда. Рядомъ съ нимъ помѣщался маленький, рыженькій Гуркинъ, котораго въ лицѣ звали адъютантомъ Константинова: онъ, очевидно, и теперь оставался вѣренъ своему званію и ѣхалъ вмѣстѣ съ Андриюшей въ дѣйствующую армію. Третій военный былъ младшій братъ Кон-

стантинова — высокой и стройный юноша, съ нѣжными, почти дѣтскими чертами лица. Онъ сидѣлъ поодаль, пригорюнившись, и тихо разговаривалъ съ двумя товарищами. Нѣсколько разъ въ теченіе обѣда на его глаза наворачивались слезы, которыя онъ поспѣшно вытиралъ то платкомъ, то салфеткой. Ему видимо не хотѣлось уѣзжать, и онъ отпралялся на войну, только подчиняясь авторитету брата.

— Гдѣ-то мы будемъ съ тобой завтра, Андрюша, въ это время? — говорилъ Гурвинъ, опорожня залпомъ стабанъ шампанскаго.

— Завтра-то будемъ на желѣзной дорогѣ, это не хитро угадать, а вотъ черезъ двѣ недѣли, въ это время, можетъ быть, насъ и совсѣмъ не будетъ.

— Чтѣ съ тобой, Константиновъ, — возразилъ аккуратный Миллеръ: — черезъ двѣ недѣли вы никакъ не можете попасть въ сраженіе. Считай по пальцамъ. Завтра вы выѣзжаете—день; послѣ завтра вы въ Москвѣ—два...

— Ну, чтѣ тамъ считать, — отвѣчалъ, вставая, Константиновъ, и подошелъ къ группѣ, сидѣвшей во главѣ стола.

Рядомъ съ Иваномъ Фабіановичемъ помѣщался баронъ Кнопфъ, первый воспитанникъ, вышедшій съ золотою медалью; нѣсколько другихъ, преимущественно изъ благонаравныхъ, окружали ихъ.

— Вы, господа, меня довольно знаете, — говорилъ воспитатель, вытирая клѣтчатымъ платкомъ лицо и лысину: — а никогда вамъ не льстилъ, и теперь скажу правду: напрасно вы директора не пригласили на обѣдъ. Онъ хорошій, очень хорошій человекъ.

— Да мы были очень рады пригласить его, Иванъ Фабіановичъ, — отвѣчалъ Кнопфъ: — но многіе были противъ него за то, что онъ сбавилъ три балла изъ поведенія Козликову. Тотъ вышелъ двѣнадцатымъ классомъ...

— Это жаль, очень жаль, но Козликовъ самъ виноватъ: онъ получилъ шестерку изъ уголовного права; директоръ тутъ не при чемъ.

— Не кривите душой, Иванъ Фабіановичъ! — сказалъ подошедшій въ это время Константиновъ. — Вы знаете очень хорошо, что Козликовъ пересталъ заниматься оттого, что ему все равно не хватило бы балловъ на десятый классъ. Нѣтъ, ужъ вы не оправдывайте директора. За два мѣсяца до выпуска сбавить три балла, да еще за какой вздоръ: за куреніе, — это чортъ знаетъ чтѣ!

Козликовъ, о которомъ шла рѣчь, сидѣлъ одинъ на противоположномъ углу стола, и даже не прислушивался къ тому, чтѣ

о немъ говорили. Цѣлыхъ два мѣсяца „Козликовская исторія“ была у всѣхъ на устахъ, но ему отъ этого не было легче. Отецъ у него былъ очень строгій, и, узнавъ о томъ, что сынъ выходитъ двѣнадцатымъ классомъ, запретилъ ему показываться на глаза. Теперь Козликовъ занимался тѣмъ, что безпрестанно подливалъ въ свою чашку кофе и отпивалъ большими глотками. Константиновъ подсѣлъ къ нему.

— Ну, что, козленокъ, нюни распустилъ? Все перемелется, — повѣрь мнѣ.

— Нѣтъ, голубчикъ Андрияша, для меня не перемелется, — такой я ужъ несчастный человѣкъ.

— Знаешь что, козленокъ, поѣдемъ съ нами завтра на Дунай; отличишься на войнѣ — такъ и Кнопфа перегонишь.

— Ахъ, какъ бы это было хорошо, Андрияша! Да нѣтъ, это невозможно, у меня и денегъ нѣтъ ни копѣйки.

— Вотъ вздоръ какой! Коли для трехъ довольно, такъ и четвертому хватить. Приѣдемъ къ дядѣ, онъ тебя прямо въ свой полкъ приметъ.

— Спасибо тебѣ, Андрияша, только это невозможно: отецъ проклянетъ меня; я совсѣмъ несчастный человѣкъ.

— Ну, какъ хочешь, только помни одно: если слишкомъ северно будетъ, пиши ко мнѣ или приѣзжай прямо. Я все устрою...

Константиновъ налилъ два стакана, чокнулся и облобызавшись съ Козликовымъ и пошелъ дальше къ группѣ, въ которой ораторствовалъ Горичъ. Между тѣмъ татары убрали со стола посуду и пустыя бутылки и внесли громадную чашу для жѣнкия. Иванъ Фабіановичъ перешелъ съ своей компаніей къ фортепьяно, у котораго уже сидѣлъ цѣлующій и радостный Сережа Брянскій и напѣвалъ вполголоса:

J'étais lorette, j'étais coquette,
Mais qu'ils sont loin, mes beaux jours d'autrefois!
La république démocratique
A détrôné les reines et les rois!

— Нѣтъ, Горичъ, уши вянутъ отъ того, что ты говоришь, — раздался голосъ Константинова. — Господа, послушайте: Горичъ увѣряетъ, что единственной цѣлью нашей жизни должна быть карьера...

— Позволь, Константиновъ, я никогда этого не говорилъ, будь добросовѣстенъ. Я говорилъ, что цѣлью *моей* жизни будетъ карьера...

— Это все равно.

— Нѣтъ, это большая разница. Во-первыхъ...

Но Константиновъ не слушалъ возраженій.

— Я еще понимаю, если это говорятъ люди хотя почтенные, но старые, однимъ словомъ, отцы наши. Но въ двадцать лѣтъ пренебречь всѣми идеалами добра и самоотверженія для карьеры,—это свинство и гадость.

Горичъ перемѣнился въ лицѣ, но тотчасъ сдержалъ себя и продолжалъ спойкойно:

— Если ты хочешь ругаться, ругайся; а если хочешь говорить серьезно, то слушай по крайней мѣрѣ.

— Ну, хорошо, я слушаю.

— Видишь ли, идеалы жизни должны сообразоваться съ обстоятельствами. У тебя большое состояніе, родителей нѣтъ, и ты вмѣсто того, чтобы кушать и веселиться, ѣдешь на войну... Это конечно самоотверженіе, но оно тебѣ легко. Будь я на твоемъ мѣстѣ, я, можетъ быть, сдѣлалъ бы то же самое. Я говорю: можетъ быть, потому что хочу быть совсѣмъ добросовѣстнымъ. Мое положеніе совсѣмъ другое... да, впрочемъ, чтѣ скрывать между товарищами? Мой отецъ—драхлѣй старикъ, живетъ одной пенсией. Чтѣ же я долженъ дѣлать? Отнимать у него послѣдніе гроши и заниматься самоотверженіемъ, или добывать хлѣбъ самому, иначе говоря—дѣлать карьеру? Вотъ я и выбралъ карьеру.

— Выбралъ, выбралъ... Надо, чтобы она тебя выбрала... Почему ты такъ увѣренъ, что сдѣлаешь карьеру?

— Увѣренъ, потому что сильно этого хочу.

— Ну, ужъ это—извини меня—самонадѣянность...

— Да, самонадѣянность, и я имѣю на нее право. Вспомни, чтѣмъ я былъ, когда поступилъ въ лицей. Профессорскимъ сыномъ, самымъ, что называется, замарашкой. Всѣ надо мной смѣялись, никто изъ васъ не могъ пройти мимо, чтобы не дать мнѣ тумака. Когда мнѣ пошелъ шестнадцатый годъ, я совналъ свое положеніе, рѣшилъ измѣнить его, и чтѣ же? Подъ конецъ не только не смѣялись надо мной, но меня же многіе считали фатомъ и забіякой. Такъ вотъ, если я пятнадцатилѣтнимъ мальчишкой рѣшилъ радикально измѣнить и себя, и свои отношенія съ цѣлымъ классомъ, и достигъ этого, то и въ двадцать лѣтъ могу велѣть себѣ сдѣлать карьеру...

— Но вѣдь ты знаешь, чтѣ такое значить: сдѣлать карьеру? Это значить: стараться нравиться начальству, творить всякія подлости и гадости... Отвѣчай: согласенъ ты на это?

— Позволь, пожалуйста...

— Нѣтъ, ты отвѣчай однимъ словомъ: да или нѣтъ?

— Я не могу отвѣчать однимъ словомъ на два вопроса.

Согласенъ ли я стараться нравиться начальству? Да, согласенъ. Согласенъ ли я творить всякія подлости и гадости? Нѣтъ, не согласенъ и не буду.

— А развѣ подольщаться къ начальству не есть подлость?

Споръ началъ опять обостряться. Константиновъ 2-ой напомнилъ брату, что пора варить жѣнку. Тотъ быстро сбросилъ мундиръ, засучилъ рукава рубашки и велѣлъ потушить всѣ свѣчи. Одно блѣдное синее пламя освѣщало большую залу. Всѣ вдругъ почему-то притихли и начали говорить чуть не шопотомъ. Кто-то подошелъ къ Горичу и дотронулся до его плеча.

— Горичъ, можно тебѣ предложить молчаливый тостъ? Выпьемъ... ты знаешь самъ, за кого.

Подошедшій былъ Угаровъ. Съ самаго начала обѣда воспоминанія о Сонѣ нахлынули на него съ такой силой, что онъ не принималъ никакого участія въ разговорахъ и тщетно искалъ случая поговорить о ней хоть съ Сережей. Пользуясь темнотою, онъ подкрался къ Горичу и предложилъ ему выпить ея здоровье. При полномъ освѣщеніи онъ ни за что не рѣшился бы на такой подвигъ.

— Выпьемъ, Володя, выпьемъ, — отвѣчалъ, внутренно смѣясь, Горичъ: — конечно я знаю, за кого. Да встать и я хочу сказать тебѣ два слова.

— Не говори здѣсь, пойдемъ, я не хочу, чтобы насъ слышали.

Они вышли въ маленькую гостиную, которая послѣ темной залы показалась имъ ярко освѣщенной. На диванѣ, обитомъ желтымъ штофомъ, какъ пласть лежалъ злополучный Ковликовъ. Сюртукъ его валялся на полу, воротникъ рубашки былъ разстегнутъ, лицо было блѣдно, какъ у мертвеца. Угаровъ приподнял его голову, свѣсившуюся съ дивана и уложилъ ее на подушку.

— То, что мнѣ хочется тебѣ сказать, — говорилъ Горичъ, расхаживая большими шагами по мягкому ковру: — я, конечно, могъ бы и не говорить, ну да сегодня я вообще разстегнулъ жилетъ своей откровенности, какъ говорилъ нашъ французскій учитель. Я очень хорошо вижу и давно знаю, что ты влюбленъ въ Соню... Все равно, будемъ сегодня называть ее Соней. Ты въ чувствахъ упрямъ, ты, вѣроятно, надѣешься жениться на ней. Такъ вотъ: какъ товарищъ, какъ другъ, говорю тебѣ: брось ты это дѣло!

— Какъ бросить? — воскликнулъ ошеломленный Угаровъ. — Если ты это хотѣлъ мнѣ сказать, лучше было бы не приходить сюда.

— Да, ты правъ, пойдѣмъ пить жѣнку.

— Нѣтъ, погоди, погоди,—просилъ Угаровъ, усаживая Горича въ кресло.—Поговоримъ спокойно. Отчего я долженъ все бросить? Ты этимъ хотѣлъ сказать, что Соня не можетъ полюбить меня, сдѣлаться моей женой?

— Нѣтъ, сдѣлаться твоей женой она можетъ, а полюбить тебя дѣйствительно не можетъ.

— Значить, она любитъ кого-нибудь другого. Можетъ быть, тебя?

— Ахъ, Володя, Володя, какой ты подозрительный и ревнивый! Повѣрь, что мое положеніе гораздо хуже. Къ тебѣ она равнодушна, а меня ненавидитъ...

— Ненавидитъ... за что же?

— А за то, что я отчасти понялъ и раскусилъ ее. А между тѣмъ Соня—единственное существо въ мірѣ, передъ которымъ я безсиленъ. Она одна могла бы заставить меня своротить съ той дороги, которую я намѣтилъ себѣ для жизни.

— А, значить, ты ее любишь? Я всегда былъ увѣренъ въ этомъ... А я... Боже мой, какъ я ее люблю!

И Угаровъ началъ говорить шопотомъ, потому что Козликовъ выказалъ кое-какіе признаки жизни. Впрочемъ черезъ минуту онъ опять обратился въ трупъ.

— Ну, прости меня, Володя, если я огорчилъ тебя,—сказалъ въ заключеніе Горичъ.—Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что отъ столкновенія такихъ характеровъ, какъ ты и Соня, не можетъ выйти для тебя ничего хорошаго. А впрочемъ объ этомъ еще успѣемъ наговориться, а теперь лучше пойдѣмъ и выпьемъ.

Когда Угаровъ и Горичъ вернулись въ залу, она была опять освѣщена, и жѣнка, сваренная Константиновымъ, гуляла по рукамъ и головамъ. Всѣ языки развязались, всѣ старыя симпатіи выплывали наружу, всѣ старыя ссоры прощались отъ души. Пиръ былъ въ разгарѣ—пиръ молодости, которую мудрая жизнь еще не успѣла научить ни расчетамъ, ни притворству, ни злобѣ. Увидѣвъ Горича, Константиновъ бросился ему на шею и повелъ его „мириться“. За этимъ примиреніемъ было выпито множество стакановъ и возобновился споръ о карьерѣ, но уже въ шутило-добродушномъ тонѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ нужно „для этого“?—спрашивалъ Константиновъ.—Въ десять лѣтъ берешься сдѣлать карьеру?

— Берусь.

— Ну такъ вотъ, предлагаю тебѣ пари на дюжину шампан-

сваго, что не сбѣлаешь. Ровно черезъ десять лѣтъ, т. е. 3 января 1864 года, мы всѣ соберемся здѣсь обѣдать, и товарищи рѣшатъ по большинству голосовъ, кто изъ насъ выиграетъ.

— Идетъ.

Миллеръ сейчасъ же записалъ условія пари и, заставивъ спорящихъ подписать бумагу, спряталъ ее въ свой объемистый портфель. Тутъ же было рѣшено, что помимо 19 октября—общей лицейской годовщины,—каждый годъ 3 января весь выпускъ будетъ обѣдать у Дюкро, и Горичъ былъ выбранъ распорядителемъ будущихъ обѣдовъ. Понемногу всѣ отдѣльныя группы соединились въ одинъ большой кружокъ, центромъ котораго оставался Константиновъ. Невольно разговоръ перешелъ къ отъѣзжающимъ товарищамъ, а слѣдовательно къ политическому положенію Россіи. Оно было не легко; западныя державы еще не объявили войну формально, но каждый день надо ждать этого объявленія. Австрія и Пруссія колебались, но самое колебаніе было равносильно угрозѣ. Молодежь, конечно, не сознавала опасности, угрожавшей отечеству, и относилась къ врагамъ съ насмѣшками и презрѣніемъ. Баронъ Кнопфъ—первый воспитанникъ и братъ артиллериста, командовавшаго батареей въ Буяльскѣ—при всеобщемъ смѣхѣ прочиталъ стихотвореніе, только что сочиненное кѣмъ-то и потомъ облетѣвшее всю Россію:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.

— Господа, — говорилъ докторальнымъ тономъ Иванъ Фабіановичъ, — повѣрьте моей опытности, Франція съ нами драться не будетъ...

— Да, какъ бы не такъ! — возразилъ Константиновъ. — Развѣ вы не знаете, что соединенный флотъ уже въ Черномъ морѣ?

— Очень знаю, но во французской нотѣ по этому случаю прямо сказано, что это дѣлается въ интересахъ мира.

— А вы вѣрьте побольше ихъ нотамъ. Скорѣе съ другими поладимъ, а ужъ съ французомъ будемъ драться.

— Непремѣнно будемъ, — прибавилъ Грибовскій, сынъ экс-министра и члена государственнаго совѣта. — Третьяго дня отецъ мой самъ слышалъ на выходѣ, какъ государь, обратившись къ кавалергардамъ, упомянулъ о Фершампенуазѣ и Кульмѣ. Это ужъ, повѣрьте, не даромъ.

— Нѣтъ, господа, — крикнулъ рыженькій Гуркинъ: — вы попро-

сите Андриюшку, чтобы онъ прочиталъ стихи, которые онъ вчера написалъ... Вотъ такъ стихи!

Константиновъ не заставилъ себя просить и задыхающимся отъ волненія голосомъ началъ:

Межъ тѣмъ, какъ все въ моеѣ отчизнѣ
На брань съ невѣрными спѣшить
И ни имущества, ни жизни
Для чести Руси не шадить,
Хочу въ порывѣ вдохновенья
Героевъ нашихъ превознести... и т. д.

Стихотвореніе было очень длинно и плохо въ литературномъ отношеніи, но по своему содержанію оно произвело страшный фуроръ.

— Bravo, ура!—раздалось со всѣхъ сторонъ.— Качать Константинова!

Патріотическое одушевленіе, охватившее всѣхъ, было такъ сильно, что еслибы въ эту минуту кто-нибудь предложилъ молодежи ринуться въ немедленный бой съ непріателемъ, ни одинъ человѣкъ не остался бы въ залѣ.

Между тѣмъ жѣнка, которая казалась неизсякаемой, дѣлала свое дѣло, туманя и веселя головы. Начались самыя интимныя лицейскія воспоминанія, передразниванья прѣфессоровъ, директора и прочаго начальства, при чемъ Иванъ Фабіановичъ не то чтобы повернулся спиной къ столу, а сѣлъ какъ-то бокомъ, показывая этимъ, что онъ хотя и не протестуетъ противъ такого представленія, но и не одобряетъ его. Горичъ, не любившій передразниванья прѣфессоровъ, потому что видѣлъ въ этой забавѣ косвенную насмѣшку надъ своимъ отцомъ, оставшимъ профессоромъ, предложилъ спѣть старую лицейскую хоровую пѣсню.

— Брянскій,—скомандовалъ онъ:—маршъ за фортепьяно!

Но Брянскаго не оказалось. Изъ разспросовъ татаръ выяснилось, что Сережу вызвала какая-то дама, пріѣхавшая въ каретѣ, и онъ уѣхалъ съ ней, обѣщавъ вернуться черезъ часъ. Раздались насмѣшливые голоса: „Какъ же, такъ онъ и вернется, держи карманъ“!... „Экая bestія этотъ Брянскій“!

— Господа!—воскликнулъ Константиновъ:—по правдѣ сказать, и намъ нечего тутъ киснуть. Предлагаю поѣхать куда-нибудь за городъ и провести всю ночь вмѣстѣ. Вѣдь Богъ знаетъ, придется ли опять когда-нибудь свидѣться.

— Да, да, конечно, ѣдемъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Послали за тройками, а пока усиленно принялись кончать жѣнку. Начались тосты совсѣмъ неожиданныя. Пили за процвѣ-

таніе ресторана Дюкро и за жену Ивана Фабіановича—старую, сварливую нѣмку, которой никто изъ лицестовъ никогда не видалъ, но голосъ которой былъ извѣстенъ многимъ, такъ какъ она цѣлый день ругалась то съ вухаркой, то съ мужемъ. Попробовали поднять Козликова, но всѣ усилія разбудить его остались безъ успѣха; Горичъ торжественно произнесъ надъ нимъ: „Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра“, и поручилъ его попеченіямъ татаръ. Въ послѣднюю минуту Иванъ Фабіанъ рѣшился также ѣхать за городъ, и это почему-то несказанно всѣхъ обрадовало. Нѣсколько человекъ схватили его на руки и понесли внизъ по узкой витой лѣстницѣ. Иванъ Фабіанъ очутился въ очень непріятномъ положеніи. Очки на немъ разбились; его толстыя, кривыя ноги безпрестанно ударялись о перила лѣстницы, а главное, онъ боялся, что его уронять, и визгливо стоналъ, но стоны его не были слышны среди оглушительныхъ криковъ „ура“ бѣжавшей за нимъ толпы. Абрашка бросился къ лѣстницѣ и хотѣлъ направить шествіе въ боковой подъѣздъ, общая, что туда сейчасъ вынесутъ шинели и калоши, но его не послушали и пошли прямо къ главному выходу, мимо знаменитой общей комнаты, которая теперь была совершенно полна. Противъ двери на своемъ обычномъ мѣстѣ возсѣдалъ Васяка Азатовъ; у стола его примостились два молодыхъ офицера и разсматривали карту ужина. Остальные столы также были заняты. Нельзя сказать, чтобы общая комната отнеслась сочувственно къ побѣдоносному выходу лицестовъ. Особенно были недовольны князь Киргизовъ, маленькій желчный старичокъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, заѣхавшій изъ оперы выпить чаю къ Дюкро и немилосердно ругавшій и оперу, и чай, и всѣхъ знакомыхъ, встрѣченныхъ имъ въ театрѣ.

— Боже мой, что за безобразіе!—прошипѣлъ онъ, когда послѣдній лицестъ вышелъ на улицу:—а все это отъ того, что ихъ мало сѣли въ лицѣ.

— Вы совершенно правы, князь, — отозвался Азатовъ:—а глупѣе всего то, что эти мальчишки вѣчно выпьютъ на двугривенный, а наврчатъ на сто рублей...

Старичокъ, не любившій, чтобы его собесѣдники, даже соглашавшіеся съ нимъ, открывали для его приговоровъ новые горизонты, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ:

— Нѣтъ-съ, это не такъ-съ. Мошеникъ Дюкро такой счетъ имъ влѣпить, что тутъ не двугривеннымъ пахнетъ. Впрочемъ, дѣло не въ томъ-съ, а въ томъ, что ихъ, какъ я уже имѣлъ

честь сказать вамъ, недостаточно пороли въ лицѣ. Да-съ, мало сѣкли, и больше ничего-съ!

X.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выпускного обѣда, въ десять часовъ утра, Угаровъ и Брянскій поднимались по узкой лѣстницѣ большого дома на Фонтанкѣ. Взобравшись въ четвертый этажъ, они повзвонили у двери, къ которой была прибита мѣдная дощечка съ надписью: „Иванъ Ивановичъ Горичъ, профессоръ“. Пожилой рябой лакей, съ суровымъ выраженіемъ лица и длинными волосами, зачесанными за уши, отворилъ имъ дверь.

— Здравствуй, Авимъ,—сказалъ Брянскій:—Яковъ Иванычъ еще спитъ?

— Какъ можно, давно съ папашей чай кушаютъ. Пожалуйте въ столовую.

Первая комната, въ которую вошли Угаровъ и Брянскій, была когда-то гостиной; вдоль стѣнъ стояли мягкіе диваны и кресла, но теперь вся мебель была покрыта книгами. Книги валялись на окнахъ и на полу. Большой письменный столъ отчасти загораживалъ дверь въ столовую, въ которой сидѣли за самоваромъ отецъ и сынъ Горичи.

— Однако, вы рано за мной заѣхали, господа,—вскричалъ сынъ, пожимая руку товарищамъ:—я еще не одѣтъ. Вѣдь у министра надо намъ быть въ двѣнадцати часамъ.

— Что ты, что ты, Яша,—заговорилъ отецъ:—развѣ можно упрекать дорогихъ гостей въ томъ, что они рано пріѣхали? Что за бѣда! мы чайку попьемъ, побесѣдуемъ. Только вы, господа, ужъ извините меня, что такой безпорядокъ въ квартирѣ. Я изъ своего кабинета передѣлалъ комнату для Яши, а самъ перебрался въ гостиную, да не успѣлъ устроиться. Да, кстати, и за костюмъ мой извините.

Горичъ-отецъ былъ облеченъ въ старый мѣховой халатъ и плисовые сапоги. На подбородкѣ, давно небритомъ, торчали жесткіе сѣдые волосы. Все лицо его было до того изрыто морщинами, что двѣ небольшія впадины между краями глазъ и ушами, происшедшія отъ многолѣтняго ношенія очковъ, казались также морщинами.

— Ну, что новаго, господа, на бѣломъ свѣтѣ?—спросилъ онъ, наливая чай гостямъ:—вѣдь мы здѣсь живемъ какъ въ провинціи, ничего не знаемъ. Правда ли, что Орловъ не поѣдетъ въ Парижъ, а остановился въ Вѣнѣ?

— Говорятъ, что остановился, а навѣрное никто не знаетъ, — отвѣчалъ Угаровъ. — Вотъ это именно всего досадило, что ничего не знаешь, развѣ попадется какая-нибудь иностранная газета.

— Ну, да и иностранныя газеты врутъ тоже здорово! — воскликнулъ Яша Горичъ. — Вѣдь всѣмъ извѣстно, что война началась нападеніемъ турокъ на Михайловское укрѣпленіе, а они увѣряютъ, что мы начали войну Синопомъ.

— Да, господа, — говорилъ Горичъ-отецъ, покачивая головой: — трудно добиться правды даже и въ текущихъ дѣлахъ, а что вы можете узнать достовѣрнаго о прошедшемъ? Вотъ я сорокъ пять лѣтъ преподавалъ исторію и все искалъ правды... а какъ ее найдешь? Въ послѣдніе годы я, конечно, по привычкѣ, не отходилъ къ дѣлу съ такимъ жаромъ; а въ молодости, бывало, готовишься къ лекціи о какомъ-нибудь героѣ, котораго особенно любилъ, такъ, право, чуть не плачешь отъ умиленія. Потомъ стараешься читать о немъ во всевозможныхъ источникахъ... и что же?! — оказывается, что любимый герой, котораго я представлялъ слушателямъ какъ идеалъ добра и чести, дѣлалъ всякія гадости не хуже другого... А то вдругъ натолкнешься на какое-нибудь изслѣдованіе, по которому выходитъ, что герой этотъ вовсе не существовалъ на свѣтѣ. Давно ли, напримѣръ, была первая французская революція? Съ небольшимъ полвѣка прошло съ тѣхъ поръ. А попробуйте прочесть французскихъ историковъ, писавшихъ о ней, — можете ли вы составить какое-нибудь опредѣленное понятіе о дѣятеляхъ революціи? Я уже не говорю объ историкахъ-роялистахъ, — отъ этихъ нельзя и требовать безпристрастія, — а говорю объ историкахъ, болѣе или менѣе сочувствовавшихъ революціи... Ламартинъ въ восторгѣ отъ жирондистовъ; Мишле восхищается Дантономъ; Луи-Бланъ — Робеспьеромъ; Тьеръ стоитъ на колыняхъ предъ Наполеономъ... А замѣьте, что еще живы люди, лично знавшіе этихъ дѣятелей. Какъ же вы разберетесь во временахъ болѣе отдаленныхъ?

Разговоръ долго продолжался на эту тему. Старикъ оживился, глаза его засверкали; ему казалось, что онъ читаетъ лекцію.

— Мнѣ идетъ восьмой десятокъ, — сказалъ онъ въ заключеніе: — и я знаю, что скоро умру. Но я твердо вѣрю въ загробную жизнь и вѣрю въ то, что узнаю правду послѣ смерти. Только одна эта мысль утѣшаетъ и поддерживаетъ меня.

— Ну, опять ты заговорилъ о смерти, — воскликнулъ Яша: — а еще вчера обѣщалъ мнѣ не говорить о ней. За это я тебя сейчасъ выдамъ товарищамъ. Знаете ли, господа, какой первый

вопросъ рѣшилъ отецъ сдѣлать на томъ свѣтъ? Онъ спросить, кто былъ Желѣзная-Маска?

— Не смѣйся, Яша, это очень, очень интересно. Я, знаете ли, началъ вписывать въ особую тетрадь всѣ сомнительные историческіе факты, такъ повѣрите ли, всю тетрадь исписалъ и бросилъ... Оказывается, что почти все сомнительно...

Когда Яша, облекшись въ видмундиръ и бѣлый галстухъ, возвѣстилъ, что пора ѣхать, отецъ осмотрѣлъ его очень внимательно.

— Смотри же, Яша, не скажи министру,—говорилъ онъ, креста его на прощаніе:—чего-нибудь лишняго. Помни, что первое впечатлѣніе очень много значить; сегодня важный моментъ въ твоей жизни...

— Не бойтесь, Иванъ Ивановичъ,—воскликнулъ Сережа:—мой дядя добрый человекъ и насъ не съѣстъ.

Когда вновь испеченные чиновники вошли въ обширную приемную графа Хотынцева, она была пуста. На диванѣ у окна дремалъ дежурный чиновникъ. Это былъ молодой человекъ съ наружностью франтоватаго писаря. Волосы его были густо напозажены, на шеѣ болтался черный шарфъ, въ который была воткнута булавка съ огромнымъ, хотя фальшивымъ брилліантомъ. Услышавъ шумъ шаговъ, онъ вскочилъ съ мѣста.

— Чтѣ вамъ угодно, господа?—спросилъ онъ, щуря брови, чтобы придать себѣ важный видъ.—Министръ принимаетъ по пятницамъ; сегодня я не могу доложить о васъ.

— Правитель канцеляріи велѣлъ намъ быть здѣсь въ двѣнадцать часовъ,—отвѣчалъ Угаровъ.

— Да, если Илья Кузьмичъ приказалъ, это другое дѣло. Онъ въ кабинетѣ у министра. Я сейчасъ доложу.

Дежурный чиновникъ очень развязно прошелъ по приемной комнатѣ, но, войдя въ коридоръ, въ концѣ котораго былъ кабинетъ министра, онъ убавилъ шагъ. Къ кабинету онъ подошелъ совсѣмъ скромно и что-то прошепталъ одному изъ курьеровъ, стоявшихъ у завѣтной двери. Курьеръ сначала приложилъ ухо къ двери, потомъ привычнымъ движеніемъ нажалъ безъ шума ручку замка и исчезъ за дверью. Черезъ нѣсколько минутъ въ приемную вошелъ Илья Кузьмичъ Шрамченко—еще не старый, но успѣвшій облысѣть на службѣ правитель канцеляріи. Его смуглое лицо съ выдающимися скулами выражало какую-то смѣсь добродушія и лукавства. Онъ ласково поздоровался съ молодыми людьми.

— Молодцы, ни на одну минуту не опоздали; видно, что

будете исправными чиновниками. Ну, пойдите на пропятие къ нашему громовержцу; онъ васъ ожидаетъ.

Кабинетъ министра вовсе не имѣлъ того характера строгой дѣловитости, котораго ожидали новые чиновники. Это была очень изящно убранная комната, обитая мягкимъ бархатнымъ ковромъ. Только огромный письменный столъ, заваленный бумагами, указывалъ на ея назначеніе. По срединѣ кабинета стоялъ человекъ небольшого роста, съ круглымъ брюшкомъ и румянымъ, гладко выбритымъ лицомъ, напоминавшимъ крымское яблоко. Бѣлокурные съ просѣдью волосы въ мелкихъ завитушкахъ были зачесаны назадъ и покрывали чрезвычайно искусно сдѣланную накладку.

Поза графа Хотынцева дѣйствительно напоминала громовержца. Голова была закинута назадъ, лѣвой рукой онъ опирался объ столъ, а въ правой держалъ золотой лорнетъ, черезъ который внимательно осматривалъ вошедшихъ.

— Очень радъ, господа, съ вами познакомиться, — сказалъ онъ медленно, какъ бы отчеканивая каждое слово. — Лицей всегда давалъ намъ не только хорошихъ чиновниковъ, но и вполне благовоспитанныхъ людей.

Затѣмъ онъ вопросительно взглянулъ на правителя канцеляріи, который представилъ ему Угарова.

— Вы вышли, не правда ли, съ медалью? Вашъ директоръ съ особенной похвалой отозвался о васъ. Гдѣ вы предпочитаете служить: въ канцеляріи — или въ одномъ изъ департаментовъ?

Угаровъ объяснилъ, что онъ единственный сынъ у матери, отъ которой по случаю своего совершеннолѣтія долженъ принимать всѣ дѣла, а потому просилъ дать ему долговременный отпускъ.

— Хорошо-съ, я разрѣшаю вамъ уѣхать на одиннадцать мѣсяцевъ. Надѣюсь, что по возвращеніи вы наверстаете потерянное время.

Графъ Хотынцевъ опять бросилъ взглядъ на правителя канцеляріи, который назвалъ Горича.

— Вы потомокъ того... этого... — началъ министръ, ища выраженій и опять наводя на Горича свой лорнетъ: — однимъ словомъ, одного изъ сподвижниковъ великой Екатерины?

— Ваше сіятельство, — отвѣчалъ Горичъ съ сдержанной улыбкой: — вѣроятно, говорите о Семенѣ Гаврилычѣ Зоричѣ, но я не Зоричъ, а Горичъ.

— Ахъ, Боже мой, извините меня, это всегда Илья Кузьмичъ меня подведетъ... Илья Кузьмичъ, когда же вы, наконецъ, бросите вашу ужасную привычку искажать фамиліи?

Ни одинъ мускулъ не шевельнулся въ лицѣ Илья Кузьмича. Двѣ вещи онъ зналъ несомнѣнно: во-первыхъ, что въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда виноватъ, и во-вторыхъ, что выговоръ начальства никогда не имѣетъ послѣдствій.

— Отчего же вы догадались,—спросилъ послѣ небольшого раздумья министръ у Горича,—что я говорилъ о Зоричѣ? Развѣ въ лицѣхъ читаютъ о немъ съ каеэдръ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, въ лицѣхъ намъ ничего о немъ не говорили, но отецъ мой былъ когда-то профессоромъ исторіи, и у него много разныхъ мемуаровъ. Я съ дѣтства любилъ читать ихъ, особенно тѣ, которые касались Екатерины Великой...

— О, да, вы правы. Это было славное царствованіе... Et puis quelle femme c'était!—прибавилъ онъ, какъ бы про себя.

Графъ Хотынцевъ впалъ въ минутное раздумье, но, сейчас же опомнившись, перешелъ въ строгій начальнической тонъ.

— Гдѣ вы предпочитаете служить: въ одномъ изъ департаментовъ—или въ канцеляріи?

— Ваше сіятельство,—отвѣчалъ Горичъ, невольно краснѣя:—можетъ быть, моя откровенность покажется вамъ неумѣстной, но я долженъ сознаться, что кромѣ службы я не имѣю никакихъ средствъ существованія, а потому я желалъ бы поступить туда, гдѣ скорѣе могу получить штатное мѣсто.

— Въ вашихъ словахъ нѣтъ ничего неумѣстнаго; откровенность ваша мнѣ нравится. Илья Кузьмичъ, вакансія Иванова въ канцеляріи еще не занята?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, но только графиня Олимпиада Михайловна приказали мнѣ вчера назначить на это мѣсто барона Бликса...

Графъ Хотынцевъ вспыхнулъ.

— Какая графиня? Что такое графиня? При чемъ тутъ графиня?—заговорилъ онъ, постепенно возвышая голосъ и даже топнуть ножкой, обутой въ лакированную ботинку.—Вы, кажется, думаете, Илья Кузьмичъ, что жена моя—министръ, а не я. Потрудитесь немедленно составить докладъ о назначеніи господина ...Борича на мѣсто Иванова, и чтобы черезъ часъ докладъ былъ на этомъ столѣ. Слышите?

И очень довольный сдѣланнымъ имъ проявленіемъ власти, министръ перевелъ побѣдоносный взоръ на Серезу.

— Quant à vous, mon cher Сереза, vous écrirez souvent à votre mère; c'est la seule commission que j'ai à vous donner pour le moment.

И сдѣлавъ общій кивокъ головой, въ знакъ прощанія, ми-

вистръ взялъ подъ руку Серезу и пошелъ съ нимъ во внутренніе апартаменты.

Когда онъ вышелъ, Илья Кузьмичъ обратился къ Горичу.

— Хотѣлось бы мнѣ поздравить васъ съ назначеніемъ, мой юный сослуживецъ, но по совѣсти не могу еще этого сдѣлать. Теперь ваша участь зависитъ отъ того, проболтается ли графъ Василій Васильевичъ за завтракомъ, или нѣтъ. Если онъ промолчитъ, дѣло въ шляпѣ, и черезъ два часа докладъ будетъ подписанъ; если же онъ по разсѣянности разскажетъ графинѣ о нашемъ назначеніи... ну, тогда еще все можетъ пережвѣниться.

— А этотъ баронъ Бликсъ, вѣроятно, очень способный юноша?—спросилъ наивно Горичъ.

— Какое способный—совершенный чурбанъ, а графиня хлопотеть за него, потому что ее просила объ этомъ какая-то ея пріятельница. Я, признаюсь, нарочно при васъ сказалъ, что графиня приказала назначить Бликса: вотъ нашего громовержца-то и разобрало... Ну, а теперь пойдемте вмѣстѣ строчить докладъ о вашемъ назначеніи.

Въ столовой, куда графъ Хотынцевъ привелъ Серезу, уже завтракали его жена и племянникъ—красивый бѣлокурый гусарь, Алеша Хотынцевъ. Графиня Олимпіада Михайловна Хотынцева была на два года моложе княгини Брянской и въ молодости также слыла красавицей, но, выйдя замужъ очень рано, она послѣ первыхъ родовъ потеряла сразу и красоту, и ребенка. Можетъ быть, это обстоятельство было причиной того, что въ ней вовсе не развились тѣ „Карабановскіе“ инстинкты, которые такъ мучили бурную жизнь княгини Брянской. Она не думала о новыхъ побѣдахъ, а хлопотала только о томъ, чтобы не выпустить изъ рукъ сердце своего мужа. Дѣтей у нея не было; честолюбіе овладѣло всѣми ея помыслами. Хотя графъ Хотынцевъ принадлежалъ, по рожденію, къ самому знатному кругу петербургскаго общества, но самъ онъ придавалъ этому очень мало значенія, слылъ жуиромъ и даже либераломъ, а Олимпіада Михайловна всю жизнь мучилась тѣмъ, что не могла занять подобающее ей мѣсто въ свѣтѣ. Будучи женщиной ограниченной, она обладала большой дозой хитрости и проницательства и всѣ пружины этого „второго ума“ пускала въ ходъ для служебнаго возвышенія мужа. Услѣхъ увѣнчалъ ея усилія: теперь, какъ жена министра и въ то же время графиня Хотынцева, она могла считать себя одной изъ первыхъ дамъ въ городѣ. Но долгая борьба прошла ей не даромъ. Ея большіе черные глаза потускнѣли, цвѣтъ лица сдѣлался совсѣмъ желтый. Зато по стройности стана, по граціи и гиб-

кости всѣхъ ея движеній ее можно было принять за молодую женщину.

Она встрѣтила мужа выговоромъ.

— Ты не можешь, Базиль, не опоздать къ завтраку. Вѣдь ты знаешь, что сегодня вторникъ, что у меня засѣданіе въ пріютѣ, что сегодня пріемный день у княгини Кречетовой—я ужъ три вторника пропустила,—что мнѣ надо еще сдѣлать нѣсколько визитовъ.

Она начала перечислять дамъ, которымъ должна визиты; но мужъ ея не слушалъ, онъ думалъ о чемъ-то другомъ. Послѣ какаго-то вопроса жены, онъ вмѣсто того, чтобы отвѣтить ей, неожиданно обратился къ Сережѣ.

— Какъ это странно, что твой этотъ... Вторичъ... угадалъ мои мысли.. Oh, il doit être très intelligent...

— Какой Вторичъ?—спросила ошеломленная графиня.

— Ma tante, это не Вторичъ, а Горичъ,—вмѣшался Сережа.— Это мой товарищъ по лицу, онъ поступилъ на службу къ дядѣ; мы сегодня вмѣстѣ представлялись.

— Боже мой! Вторичъ, Горичъ... Какія имена!—воскликнула графиня.—Какъ можно принимать въ лицей людей съ такими фамиліями! *Comme cela sonne bien dans un salon!*

— Позволь тебѣ замѣтить, ma chère Olympe,—кратко возразилъ графъ:—что задача лицея—готовить молодыхъ людей не для салоновъ, а для службы, и что поэтому лицей не можетъ состоять изъ однихъ Рюриковичей...

— Ахъ, à propos de la служба... Могу я сказать сегодня баронессѣ Блендорфъ, что ее cousin, Бликсъ, получилъ мѣсто?

Судьба Горича висѣла на волоскѣ: графъ уже началъ проговариваться, какъ вдругъ вошелъ дворецкій и, подавая графинѣ письмо на подносѣ, произнесъ торжественно:

— Отъ княгини Кречетовой.

Графиня съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ разорвала конвертъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ это хорошо, какъ это весело!—заговорила она, пробѣжавъ записку.—У княгини сегодня вмѣсто обыкновеннаго пріема будутъ съ двухъ часовъ щипать еоршію въ пользу раненыхъ... Княгиня проситъ пріѣхать пораньше и привезти кого-нибудь изъ молодежи. Вотъ и прекрасно... Сережа, ты поѣдешь со мной...

— Мнѣ, ma tante, сегодня нельзя, я общалъ...

— Вздоръ, вздоръ, поѣзжай сейчасъ домой, сними этотъ противный вицмундиръ, надѣнь une redingote boutonnée... впрочемъ, тебя учить нечего. Изъ пріюта я пришлю за тобой карету, и

мы поѣдемъ вмѣстѣ. У княгини Кречетовой на будущей недѣлѣ большой балъ, тебѣ необходимо представиться... Вамъ, Alexis, нечего и предлагать—вы, конечно, откажетесь?

И не дожидаясь отвѣта, графиня граціозно вскочила и легкой дѣвичьей походкой побѣжала одѣваться. Сережа съ грустнымъ выраженіемъ лица вышелъ вслѣдъ за ней. Дядя и племянникъ закурили сигары.

Алеша Хотынцевъ былъ племянникомъ и наслѣдникомъ Василія Васильевича. Онъ самъ имѣлъ большое состояніе; но такъ какъ его расходы значительно превышали доходы, ему часто приходилось прибѣгать къ дядюшкину кошельку. И въ это утро онъ пріѣхалъ для того, чтобы испросить субсидію. Когда онъ высказалъ свою просьбу, графъ поморщился.

— Хорошо, я тебѣ дамъ; но знай, что ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, лишнихъ денегъ у меня не будетъ. *Modérez vos transports, mon cher.*

— Не безпокойтесь, дядюшка, до лѣта не буду васъ тревожить. Графъ подошелъ къ двери, тщательно ее заперъ и подскѣлъ къ племяннику.

— Ну, а какъ твои дѣла съ этой нѣмецкой актрисой?

— Съ Шарлотой? Да ничего, я вчера былъ у нея вечеромъ.

— Ахъ, былъ? Ну и что же? и какъ же? Расскажи подробно. *Tu sais que j'aime les détails.*

— Да ничего не было. Сидѣли у нея все время какіе то штатскіе. Но зато сегодня она общала завтракать со мною у Дюкро въ два часа.

Глазки у графа заблестали.

— Экій счастливецъ! Какъ я тебѣ завидую!

— Такъ что же, дядюшка. Пріѣзжайте туда, я васъ познакомлю.

— Нѣтъ, какъ я могу пріѣхать? Тамъ будутъ незнакомые...

— Никого не будетъ, кромѣ Васьки Аватова, котораго вы знаете. Еще я пригласилъ Сережу, да его тетюшка переманила. Вотъ ужъ можно сказать, что человекъ предполагаетъ, а тетюшка располагаетъ. Вмѣсто того, чтобы завтракать съ Шарлотой, онъ будетъ щипать корпю въ „мондѣ“. Одолжила тетюшка обѣднаго Сережу!

— А не поѣхать ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ, подумавши немного, графъ.—Я кстати давно не былъ у Дюкро. Ты понимаешь, мнѣ вѣдъ только хочется взглянуть на нее вблизи. Я пріѣду туда, какъ бы случайно, и черезъ четверть часа уѣду.

— Ну и отлично.

Графъ вынесъ племяннику деньги, велѣлъ заложить сани и

пошелъ переодѣваться. Черезъ часъ онъ вошелъ въ свой министерскій кабинетъ въ коротенькомъ и очень изящномъ пиджачкѣ — сіяющей и раздушенный, помолодѣвшій лѣтъ на пять. Илья Кузьмичъ уже ждалъ его съ бумагами.

— Вы видите, мой почтеннѣйшій Илья Кузьмичъ, — говорилъ графъ, подписывая докладъ о Горичѣ: — что я вашъ министръ, и что никто не можетъ раздавать мѣста, кромѣ меня... А это что за фоліантъ вы тащите изъ портфеля?

— Это, графъ, дѣло Свворцова, которое непременно надо кончить сегодня.

Когда Илья Кузьмичъ былъ наединѣ съ графомъ, онъ никогда не называлъ его: ваше сіятельство.

— Да это совершенно невозможно! — воскликнулъ графъ, смотря на часы. — У меня сегодня комитетъ.

— Вы ошибаетесь, графъ, комитетъ завтра.

— Да, завтра само собою, а сегодня экстренное засѣданіе...

— Какъ вамъ угодно, но я по вашему приказанію написалъ князю Алексѣю Ѳедоровичу, что дѣло будетъ отправлено сегодня непременно.

— Ну, что же дѣлать, читайте; придется немного опоздать.

Илья Кузьмичъ началъ читать, какъ казалось графу, невыносимо медленно. Графъ слушалъ разсѣянно. Онъ не могъ даже вникнуть въ дѣло, потому что воображеніе рисовало ему картины, не имѣвшія ничего общаго съ Свворцовскимъ дѣломъ. Наконецъ онъ не выдержалъ.

— Илья Кузьмичъ, это я уже слышалъ. Къ чему повторенія!

— Это, графъ, доводы противной стороны.

Но такъ какъ въ эту минуту обѣ стороны были графу равно противны, онъ попросилъ правителя канцеляріи немедленно перейти къ заключенію. Выслушавъ его безъ всякихъ возраженій, онъ торопливо взялъ перо для подписи. Видя, до какой степени министръ торопится, Илья Кузьмичъ вынулъ изъ портфеля и подсунулъ ему еще двѣ бумаги весьма сомнительнаго свойства. Графъ подписалъ ихъ, не читая, и выбѣжалъ какъ шкельникъ, вырвавшійся на свободу.

Илья Кузьмичъ долго и громко хохоталъ одинъ въ кабинетѣ и по своему обычаю проговорилъ вслухъ:

„Хорошъ, я воображаю, тотъ комитетъ, въ который ты поперъ въ своей кургузой курточкѣ, и для котораго ты такъ надушился, что всѣ мои бумаги будутъ цѣлый мѣсяцъ вонять фіалками“!..

И Илья Кузьмичъ съ негодованіемъ плюнулъ на коверъ.

Между тѣмъ какъ графъ Хотынцевъ засѣдалъ въ комитетѣ

у Дюро съ Шарлотой, а Сережа съ ожесточеніемъ щипалъ кор- шю въ салонѣ княгини Кречетовой, Угаровъ—свободный и счастли- вый—садился въ вагонъ николаевской желѣзной дороги. При первомъ взглядѣ на сидѣвшихъ съ нимъ пассажировъ Угаровъ сразу вспомнилъ о томъ, о чемъ въ послѣднее время почти за- былъ въ шумѣ петербургской жизни, т.-е. о войнѣ. Всѣ лица были серьезны; тутъ были и офицеры, ѣхавшіе на войну, и по- мѣщики, у которыхъ на войнѣ были сыновья и братья. Они громко роптали на сдѣланныя ошибки и выражали опасенія за будущее. Начиная отъ Москвы, общее настроеніе показалось Угарову еще угрюмѣе. Уже не было и помину о прошлогоднемъ упоеніи нашими будущими побѣдами, о закиданіи шапками всѣхъ нашихъ враговъ. Враги все умножались; огромныя массы войскъ отправлялись къ западной границѣ, а дунайская армія давно слонялась по княжествамъ безъ побѣдъ и повидимому безъ опре- дѣленной цѣли. Въ Бузальскѣ станціонный смотритель встрѣтилъ путешественника неизбѣжными биточками и сообщилъ ему свѣ- денія о Брянскихъ, о которыхъ Угаровъ почему-то избѣгалъ го- ворить съ Сережей:— „У князя съ мѣсяць тому назадъ былъ опять ударъ, теперь онъ поправляется; а княгиня съ дочкой гдѣ-то тамъ, въ Польшѣ“. На Угаровѣ лежала печать унынія, которую не могъ снять даже неожиданный пріѣздъ Володи.

Со всѣхъ Угаровскихъ имѣній надо было поставить болѣе тридцати человекъ въ рекруты. Марья Петровна не щадила ни утѣшеній, ни денегъ; каждый вечеръ вопросъ этотъ обсуждался на совѣщаніяхъ съ приказчиками; плачь и вой не прекращались въ снѣгахъ Угаровскаго дома. Лѣтомъ, объѣзжая съ Варварой Павловной свои помѣстья, Угаровъ былъ пораженъ тѣмъ интере- сомъ, который возбуждала война въ безправномъ, закрѣпощен- номъ народѣ. Пробѣдомъ въ одну дальнюю деревню, онъ, входя на станцію, услышалъ громкое чтеніе. Молодой ямщикъ по скла- дамъ читалъ газету; другіе ямщики слушали его съ такимъ на- пряженнымъ вниманіемъ, что не услышали подѣзжавшаго эки- пажа. 25-го сентября Угаровъ въ этой самой деревнѣ узналъ о высадкѣ англичанъ и французовъ въ Крыму, объ альминскомъ сра- женіи и объ обложеніи Севастополя. Севастополь былъ почти не- укрѣпленнымъ мѣстомъ, его конечно возьмутъ на дняхъ, а по- томъ... что будетъ потомъ? Никто не рѣшался отвѣтить на этотъ вопросъ; безнадѣжное уныніе, какъ всегда бываетъ на Руси, смѣ- нило прежнюю заносчивую гордость.

Въ тотъ самый день, какъ Угаровъ узналъ о высадкѣ союз- никовъ, продавцы газетъ громко выкрикивали на улицахъ Парижа:

„Grande victoire, prise de Sébastopol“!.. Вечеромъ столица Франціи была иллюминирована; на другой день „Moniteur“ объявилъ, что радостное извѣстіе не подтвердилось. Черезъ недѣлю извѣстіе это снова облетѣло городъ и снова было опровергнуто. Проходили недѣли и мѣсяцы, тратились миллионы, люди гибли тысячами, а беззащитная крѣпость все стояла передъ удивленными врагами. Иностранная пресса выражала полное недоумѣніе: „Что же все это значить? Намъ извѣстно, что русскіе генералы не умѣютъ распорядиться, что русскія ружья не стрѣляютъ, что черноморскій флотъ затопленъ, что Севастополь вовсе не былъ укрѣпленъ... Отчего же не брать его? Quel diable de sorcier se mêle de l'affaire“?..

И дѣйствительно былъ такой колдунъ, котораго враги наши хорошо знали когда-то, но успѣли забыть. Этотъ колдунъ былъ тотъ же безправный тогда русскій народъ.

И вотъ понемногу, незамѣтно для самого себя, этотъ колдунъ началъ и самъ сознавать свою силу. Каждый лишній севастопольскій день отзывался за тысячи верстъ пробужденіемъ бодрости и подъемомъ народнаго духа. Къ концу 1854 года, послѣ четырехмѣсячной геройской защиты Севастополя, совсѣмъ новое настроеніе охватило Россію. Это не было прежнее, легкомысленно-насмѣшливое отношеніе къ врагу,—это была твердая вѣра въ будущее, основанная на сознаниіи честно-исполняемаго долга. Никакія тягости войны не возбуждали ропота, никакія жертвы не пугали. Всѣ русскіе глаза были устремлены на одну далекую точку. Во всѣхъ русскіихъ сердцахъ, отъ царя до послѣдняго ратника, шевелилась одна завѣтная мысль, неблагоразумная и неотвязная: „Только бы не отдать Севастополя, а тамъ будь что будетъ“!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Угаровъ такъ втянулся въ хозяйственные и сельскіе интересы, что ему не хотѣлось уѣзжать въ Петербургъ, и онъ уже заговаривалъ о томъ, чтобы выйти въ отставку и навсегда поселиться въ деревнѣ, но этому энергично воспротивилась Марья Петровна. Она была убѣждена, что сыну ея предстоятъ блистательные успѣхи на всевозможныхъ поприщахъ, рѣшилась „принести себя въ жертву для его счастья“, и теперь ни за что не желала разстаться съ ролью жертвы. Угаровъ былъ неисправимымъ мечтателемъ отъ природы, а потому немудрено, что понемногу радужныя надежды матери сообщились и ему.

Въ продолженіе всего пути это будущее счастье свѣтило ему какъ маякъ среди темной ночи, но принимало различныя очертанія и краски. Иногда оно являлось ему въ видѣ женщины ослѣпительной красоты, которая его полюбила. Глаза этой женщины напоминали ему глаза Сони Брянской, но она была выше ростомъ, обладала всевозможными качествами ума и сердца и сіяла царскимъ величіемъ. Впрочемъ, на любовныхъ мечтахъ онъ останавливался недолго. Онъ то неизмѣнно богатѣлъ и надѣялся всѣхъ бѣдныхъ деньгами и хлѣбомъ, то дѣлался въ весьма короткое время министромъ и сочинялъ мудрые законы. Но чаще всего успѣхъ представлялся Угарову въ видѣ военныхъ подвиговъ. Сначала онъ никакъ не могъ согласовать своихъ мечтаній съ дѣйствительностью, такъ какъ война происходила на югѣ, а онъ ѣхалъ на сѣверъ, но, вспомнивъ, что на Балтійскомъ морѣ слоняется англійская эскадра, онъ успокоился, и его будущіе лавры полководца получили нѣкоторое правдоподобіе. Уже совсѣмъ подъѣзжая къ Петербургу, онъ спасалъ этотъ городъ, бросаясь во главѣ своихъ товарищей въ самую критическую минуту на англичанъ и собственноручно бралъ въ плѣнъ адмирала Немира.

Неблагодарный Петербургъ поразилъ Угарова своимъ равнодушіемъ. Не говоря уже о деревнѣ, гдѣ его встрѣчали цѣлыми селеніями съ хлѣбомъ и солью, но даже въ московскихъ гостиницахъ швейцары въ русскихъ поддевахъ бросались сломя голову при его появленіи; здѣсь же, въ гостинницѣ Демута, гдѣ онъ остановился, ему отвели номеръ съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлали ему величайшее снисхожденіе. Наскоро напившись

чаю, онъ надѣлъ вицмундиръ и поѣхалъ въ министерство, смущаясь тѣмъ, что просрочилъ пять дней. Но этой просрочки никто не замѣтилъ. Илья Кузьмичъ въ отвѣтъ на его извиненія сказалъ:

— Господи, какое несчастіе! Да еслибы вы пять недѣль просрочили, и то бѣды бы никакой не было!

Илья Кузьмичъ былъ въ это утро въ дурномъ расположеніи духа и желтъ какъ лимонъ.

— По неволѣ начинаешь завидовать людямъ, у которыхъ есть своя деревня,—говорилъ онъ, разглядывая Угарова:—а въ этомъ богоспасаемомъ градѣ ничего не наживешь, кромѣ неприятностей и геморроя. А васъ мы помѣстимъ въ департаментъ къ Висягину, Сергѣю Павловичу. Вы его знаете? Онъ также лиценстъ и человѣкъ обходительный.

Илья Кузьмичъ позвонилъ и велѣлъ узнать, пріѣхалъ ли Висягинъ. Оказалось, что его еще нѣтъ.

— Еще бы!—процѣдилъ онъ сквозь зубы:—какъ же ему можно пріѣзжать во-время! Вѣдь онъ у насъ аристократъ.

Угаровъ хотѣлъ удалиться, но Илья Кузьмичъ попросилъ его посидѣть съ нимъ. Ему, видимо, хотѣлось излить передъ кѣмъ-нибудь частичку своей желчи.

— Вотъ тоже цвѣтокъ петербургской флоры—это наши понятія объ аристократахъ! Положимъ, министръ нашъ можетъ считать себя аристократомъ: по рожденію тамъ что-ли, или по доблести предковъ... Хотя, между нами сказать, его предки были и не особенно доблестны—ну, да Богъ съ ними... но Висягинъ... Я васъ спрашиваю: что такое Висягинъ? Отца его я зналъ: это былъ чуть не мелкопомѣстный помѣщикъ, который на послѣдніе гроши воспиталъ сыновей въ лицѣхъ... Ну вотъ и вышелъ изъ лица Сереженька, заказалъ фракъ у Шармера, вставилъ стеклышко въ глазъ, раскрылъ ротъ до ушей (при этомъ Илья Кузьмичъ показывалъ на своемъ лицѣ, какъ Висягинъ раскрываетъ ротъ и вставляетъ стеклышко) и объявилъ себя аристократомъ. И вѣдь что глупѣе всего—всѣ ему повѣрили: аристократъ, да и только! Ему все позволено, для него законъ не писанъ, всѣ лучшія мѣста и награды принадлежать ему по праву... Да еслибы я смолоду зналъ эти обычаи, и я бы могъ, пожалуй, объявить себя аристократомъ.

— А посмотрите вѣдь, какъ эти господа презираютъ нашего брата-труженика,—продолжалъ Илья Кузьмичъ, все болѣе и болѣе раздражаясь:—особенное прозваніе для насъ придумали: чижамъ насъ называютъ. Ну что жъ, чижи такъ чижи, а безъ чижей имъ бы плохо пришлось. Вотъ графиня Олимпіада Михайловна всунула-

таки въ намъ въ канцелярію своего Бликса, но этотъ ужъ такимъ идіотомъ оказался, что даже и я не ожидалъ. Хорошо еще, что успѣлъ устроить Горича на мѣсто, которое предназначалось для этого барона. Спрашиваетъ его на дняхъ графиня, что онъ дѣлаетъ въ канцеляріи, а онъ ей отвѣчаетъ: „я сочиняю входящія бумаги“. Какъ вамъ это нравится?

И Илья Кузьмичъ залился продолжительнымъ, задыхающимся смѣхомъ.

— А какъ служить Горичъ?—рѣшился спросить Угаровъ.

— Ну, этотъ, я вамъ скажу, малый не промахъ, такъ влѣзъ въ душу графу, что тотъ безъ него жить не можетъ. Каждый день за нимъ посылаетъ, вмѣстѣ изучаютъ исторію, читаютъ какіе-то мемуары... Къ пасхѣ мы для него даже новое мѣсто создаемъ: секретаря по особо важнымъ дѣламъ. А у насъ, по правдѣ сказать, не только особенно важныхъ, но и никакихъ важныхъ дѣлъ нѣтъ. Да, подвернись какой-нибудь этакій Горичъ лѣтъ восемь тому назадъ, я бы ему такую подножку подставилъ, что онъ у меня кубаремъ полетѣлъ бы съ своими мемуарами... А теперь мнѣ что! Черезъ два года мнѣ выходитъ полный пенсіонъ, и тогда меня никакими калачами не удержатъ на службѣ. И вотъ попомните мое слово, что никому другому, какъ Горичу, я дамъ должность...

— Но вѣдь онъ будетъ еще слишкомъ молодъ,—возразилъ Угаровъ:—и черезъ два года онъ еще не достигнетъ чина...

— Ну, это не бѣда; назначать его сначала исправляющимъ должность, а за чинами дѣло не станетъ. Для такихъ...

Илья Кузьмичъ вдругъ замолеъ, вспомнивъ, вѣроятно, что Угаровъ товарищъ Горича, и продолжалъ въ болѣе мягкомъ тонѣ:

— Вы, пожалуйста, не подумайте, что я что-нибудь имѣю противъ Горича; онъ прекрасный и вполне достойный молодой человекъ. Я съ вами говорю такъ откровенно, потому что сразу вижу, что вы не изъ такихъ, которые выносятъ соръ изъ избы.

А когда сторожъ громко возвѣстилъ, что „его превосходительство Сергій Павловичъ изволили прослѣдовать въ свой кабинетъ“, Илья Кузьмичъ уже добродушно смѣялся и, взявъ подъ руку Угарова, сказалъ: „ну, и мы прослѣдуемъ въ его кабинетъ“.

Сергій Павловичъ Висягинъ былъ красивый, стройный брюнетъ съ вьющимися волосами и пышными бавенбардами, доходившими до половины щекъ, и хотя ему было за сорокъ лѣтъ, но на видъ никто не далъ бы ему болѣе тридцати. Онъ безпрестанно вставлялъ въ глазъ стеклышко, но смотрѣлъ черезъ это стеклышко не на того, съ кѣмъ говорилъ, а куда-то вбокъ.

Онъ принялъ Угарова какъ любезный начальникъ, но только-что Илья Кузьмичъ вышелъ за дверь, тотчасъ перешелъ на товарищески-фамиллярный тонъ, запретилъ Угарову называть себя превосходительствомъ и посоветовалъ ему поѣхать послушать Тамберлика въ „Пророкъ“.

— Какъ, вы никогда не слышали „Пророка“? Въ такомъ случаѣ я вамъ, какъ начальникъ, предписываю сегодня же вечеромъ отправиться въ театръ, тѣмъ болѣе, что Тедеско въ первый разъ поетъ партію Фидесъ. А чтобы вы не отлынивали, я распоряжусь самъ.

Сергѣй Павловичъ позвонилъ.

— Позвать мнѣ Онуфрія Ивановича. Кстати я васъ помѣщу въ нему въ столъ.

Вошелъ маленькій, лысенькій, робкій столоначальникъ изъ породы чистокровныхъ „чижей“.

— Онуфрій Иванычъ, рекомендую вамъ новаго сослуживца, господина Угарова; онъ прикомандировывается въ вашему столу. А для перваго знакомства садитесь сейчасъ въ мои сани, поѣзжайте въ Большой театръ и возьмите для него кресло на нынѣшній вечеръ въ „Пророка“.

Угаровъ ужасно сконфузился и началъ клясться, что самъ возьметъ кресло, но Сергѣй Павловичъ былъ непреклоненъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не достанете хорошаго билета, Онуфрій Иванычъ родственникъ кассиру.

Онуфрій Иванычъ вышелъ, но тотчасъ вернулся.

— Ваше превосходительство, не случилось бы ошибки: сегодня идетъ „Осада Гента“.

— Ну да, это то же самое. „Пророкъ“ запрещенъ, а даютъ его подъ именемъ „Осады Гента“... Главное, Онуфрій Иванычъ, не разсуждайте.

Черезъ минуту въ кабинетъ вбѣжалъ безъ доклада господинъ, котораго Угаровъ сейчасъ же призналъ за брата Сергѣя Павловича: то же стеклышко, тѣ же пучки бавенбардъ, тотъ же взглядъ въ бокъ; только онъ былъ одѣтъ на нѣсколько лѣтъ моложе и въ мундиръ другого вѣдомства.

— Что это значитъ, Митя?—спросилъ Сергѣй Павловичъ.

— Я забѣжалъ къ тебѣ, чтобы сообщить важную новость.

Угаровъ, уже выходявшій изъ кабинета, невольно остановился. Ему пришло въ голову: не взять ли Севастополь?

— Представь себѣ: Петья Шоринъ объявленъ женихомъ.

— Не можетъ быть?—воскликнулъ Сергѣй Павловичъ и выронилъ стеклышко изъ глаза.

Въ приемной Угаровъ столкнулся съ Горичемъ, который бѣжалъ куда-то съ портфелемъ подъ мышкой и имѣлъ очень озабоченный и самодовольный видъ.

— А, Володя! — воскликнулъ онъ, останавливаясь: — прости меня, теперь у меня свободной минутки нѣтъ, а приходи сегодня къ намъ обѣдать въ пять часовъ...

И, не дождавшись отвѣта, побѣжалъ дальше.

Своего начальника, Онуфрія Ивановича, который, по капризу Висягина, сдѣлался его комиссіонеромъ, Угаровъ прождалъ довольно долго. Онуфрій Ивановичъ привезъ билетъ; а когда Угаровъ началъ извиняться за безпокойство, невольно ему причиненное, онъ добродушно отвѣтилъ:

— Помилуйте, какое же это безпокойство? Мнѣ только доставило удовольствіе прокатиться въ саняхъ Сергѣя Павловича; я встать и еще кое-куда заѣхалъ... Вотъ только не знаю, куда васъ посадить: вы видите, у насъ все переполнено... Знаете чтѣ, — сказалъ онъ, подумавъ: — теперь уже середина декабря, до праздниковъ вамъ сюда ходить не стоитъ, а въ январѣ милости просимъ: мы и мѣсто вамъ приготовимъ, и придумаемъ занятіе какое-нибудь...

Угаровъ вышелъ изъ министерства неудовлетворенный и почти печальный. Все произошло какъ-то не такъ, какъ онъ воображалъ себѣ. Правда, съ нимъ были всѣ очень любезны, но онъ мечталъ о серьезной работѣ, а съ нимъ обращались какъ съ ребенкомъ, котораго надо развлекать игрушками.

Подѣзжая къ своей гостинницѣ, Угаровъ услышалъ знакомый голосъ, который его окликнулъ. Это былъ его товарищъ Миллеръ. Они вмѣстѣ вошли въ номеръ.

— Погоди! — закричалъ Миллеръ, сбрасывая пальто. — Прежде всего отдай мнѣ одиннадцать рублей тридцать копѣекъ, которые я внесъ за тебя въ лицей за книги.

— За какія книги?

— За тѣ книги, которыя ты потерялъ или испортилъ въ теченіе шести лѣтъ. Изволь платить сейчасъ, а то послѣ забудешь.

Аккуратный Миллеръ внимательно сосчиталъ и спряталъ деньги, послѣ чего сказалъ:

— Ну, а теперь поцѣлуемся.

Встрѣча съ Миллеромъ была благодѣніемъ для Угарова. Марья Петровна снабдила его большимъ кушемъ денегъ для устройства квартиры, но онъ рѣшительно не зналъ, какъ приступить къ этому дѣлу; Миллеръ взялся помочь ему. Онъ потребовалъ карандашъ и бумагу, долго писалъ и соображалъ

какія-то цифры и, наконецъ, объявилъ, что ровно черезъ мѣсяцъ — раньше никакъ нельзя — Угаровъ будетъ водворенъ въ своей квартирѣ.

Около пяти часовъ Угаровъ входилъ къ профессору Горичу. Яши еще не было дома; Иванъ Ивановичъ встрѣтилъ его въ плисовомъ скюртукѣ и съ какой-то важностью, которой прежде у него не было.

— Здравствуйте, мой любезнѣйшій! — сказалъ онъ, приподнимаясь съ большого сафьяннаго кресла: — очень радъ васъ видѣть. Яша прислалъ мнѣ записку съ курьеромъ, что вы откушаете нашего хлѣба-соли. Ну, что же, очень радъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Прежняго безпорядка въ квартирѣ не было; она имѣла очень уютный видъ; на ней, какъ и на хозяйнѣ, лежала печать довольства. Только одинъ Акимъ не измѣнился: онъ по прежнему былъ въ нанковомъ скюртукѣ и съ волосами, зачесанными за уши.

— Да, хорошо, очень хорошо, что вы устроили свои дѣла въ деревнѣ, — говорилъ Иванъ Ивановичъ послѣ того, какъ Угаровъ рассказалъ ему все, что было въ теченіе года. — А все-таки сваяу: жаль, что цѣлый годъ вы потеряли даромъ. Потерять годъ службы — это важная вещь. Ну, да ничего, съ помощью Яши мы какъ-нибудь это поправимъ.

— Я слышала, что Яша идетъ хорошо по службѣ, — сказалъ Угаровъ.

— То-есть, какъ *хорошо*? сказать: *хорошо* — очень мало. Онъ идетъ блистательно. Я всегда надѣялся, что Яша будетъ оцѣненъ по достоинству, но признаюсь, что такого успѣха не ожидалъ. Графъ Хотынцевъ души въ немъ не чаеъ, совѣтуется съ нимъ по всѣмъ важнымъ вопросамъ. Теперь я умру сповоино: у Яши есть второй отецъ. Да вотъ, чего же лучше...

Иванъ Ивановичъ закрылъ глаза и откинулся на спинку кресла. Видно было, что рассказъ свой онъ уже передавалъ многимъ, и что всѣ эффекты были заучены.

— Сажу я въ прошломъ мѣсяцѣ въ этомъ самомъ креслѣ и перелистываю Нибура — это моя настольная книга — вдругъ звонокъ. Акимъ докладываетъ: „графъ Хотынцевъ“. Я говорю: вѣрно къ Якову Ивановичу, и думаю, что это племянникъ графа, — гусаръ есть такой. Акимъ говоритъ: „нѣтъ, васъ спрашиваютъ“. — Ну, проси. — Встаю я съ кресла, и вдругъ — это же передо мной? Самъ министръ, графъ Василій Васильевичъ Хотынцевъ. Я долго глазамъ своимъ не вѣрилъ, и тутъ только вспомнилъ, что на мнѣ халатъ, началъ извиняться... Онъ говоритъ: „помилуйте, какъ же дома

иначе сидѣть, какъ не въ халатѣ"? И начался у насъ чрезвычайно любопытный разговоръ...

Разсказъ старика былъ прерванъ сильнымъ звонкомъ. Вбѣжалъ Яша, извиняясь за опозданіе и говоря, что онъ умираетъ съ голоду. За обѣдомъ Иванъ Ивановичъ говорилъ безъ умолку, пересказывая съ одного предмета на другой и постоянно возвращаясь къ графу Хотынцеву. Подъ вліяніемъ радостнаго возбужденія, въ которомъ онъ жилъ въ послѣднее время, память его вдругъ пошатнулась, и онъ немилосердно путалъ лица и событія. При этомъ онъ безпрестанно подливалъ себѣ мадеры изъ бутылки, которую Яша незамѣтно переставилъ къ концу обѣда подальше. Когда Акимъ подалъ кофе, Иванъ Ивановичъ предложилъ угостить дорогого гостя коньякомъ, но Яша поспѣшилъ отвѣтить, что Угаровъ не пьетъ коньяка. Иванъ Ивановичъ совсѣмъ освоѣлъ и говорилъ уже слегка охриплымъ голосомъ:

— Да, господа, графъ Хотынецъ, это — свѣтлая личность, это высокій государственный умъ. Довольно съ нимъ полчаса поговорить, чтобы убѣдиться въ этомъ. Сижу я въ прошломъ мѣсяцѣ въ кабинетѣ и перелистываю Нибура — вдругъ звонокъ... Впрочемъ, я, кажется, вамъ уже это рассказывалъ...

И слегка сконфузившись, Иванъ Ивановичъ перешелъ къ кардиналу Ришельё, въ которомъ, по его мнѣнію, было много сходныхъ чертъ съ графомъ Хотынцевымъ.

Когда въ восемь часовъ Угаровъ собрался въ оперу, Яша убѣдилъ его заѣхать домой и переодѣться, говоря, что порядочные люди иначе не ѣздятъ въ оперу, какъ во фракѣ.

— Чтò дѣлать, мой любезнѣйшій, — прибавилъ Иванъ Ивановичъ. — *Usus — tyrannus*.

Переодѣванье заняло такъ много времени, что Угаровъ пріѣхалъ въ театръ по окончаніи перваго акта. Привыкнувъ къ деревенской тишинѣ, Угаровъ при входѣ въ залу былъ совсѣмъ ошеломленъ блескомъ люстры, обнаженныхъ плечей и брилліантовъ и немолчнымъ, хотя и негромкимъ говоромъ многолюдной свѣтской толпы. Сверхъ того, онъ усталъ съ дороги, послѣднюю ночь въ вагонѣ почти не спалъ, и вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ музыка „Пророка“, которую онъ слышалъ въ первый разъ, не произвела на него особаго впечатлѣнія. Во второмъ антрактѣ подбѣжалъ къ нему на минуту Сережа Брянскій — еще болѣе красивый и элегантный, чѣмъ прежде, и взялъ съ него слово пріѣхать послѣ оперы ужинать въ Джеро.

— Ничего не будетъ, — говорилъ Сережа: — кромѣ моего друга,

Алеши Хотынцева, который очень хочет съ тобой познакомиться, и двухъ молодыхъ женщинъ...

Когда въ третьемъ актѣ Тедеско появилась въ видѣ нищей и, сѣвши въ глубинѣ сцены, загѣла:

Pietà per l'alma afflitta...

ея голосъ, проникнутый глубокой скорбью о потерянномъ сынѣ, страстно взволновалъ Угарова. Изъ-за покрывала, надѣтаго на голову Фидесь, ему вдругъ померещились знакомыя черты Марьи Петровны, и это воспоминаніе окончательно отвлекло его отъ оперы и унесло въ родное, только-что покинутое гнѣздо. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ даже не поѣхалъ ужинать къ Дюкро, а вернулся домой и написалъ длинное письмо Марьѣ Петровнѣ. Приписывая впечатлѣнія своего перваго дня въ Петербургѣ, Угаровъ улыбнулся при мысли, что на немъ въ этотъ день были четыре костюма: сначала дорожный, потомъ вице-мундиръ, сюртукъ и фракъ, тогда какъ въ Угаровѣ онъ шесть мѣсяцевъ носилъ все тотъ же сѣрый пиджакъ, за что подвергался горячимъ нападкамъ Варвары Петровны. Другое различіе между деревней и Петербургомъ было еще разительнѣе: онъ видѣлъ множество людей, въ театрѣ вслушивался въ разговоры, которые раздавались кругомъ,—и ни разу никто даже не упомянулъ о Севастополѣ. Казалось, что въ Петербургѣ забыли или не хотятъ думать о томъ, что гдѣ-то на югѣ ежечасно льется русская кровь и наши братья погибаютъ въ непосильной борьбѣ,—и невольно припоминалось ему, какъ наканунѣ его отъѣзда изъ Угаровки была получена почта, какъ тетя Варя вырвала у него изъ рукъ „Русскій Инвалидъ“, какъ Андрей и Лукерья, притаившись за дверью, слушали чтеніе, и какъ черезъ полчаса вѣжалъ Степанъ Степанычъ Брылковъ со словами: „не томите, кума, скажите поскорѣе: сдались, или еще держимся“?

Третьяго января Угаровъ праздновалъ у Дюкро первую годовщину своего выпуска. Собралось съ Иваномъ Фабіановичемъ шестнадцать человекъ. Трое были въ Севастополѣ, шестеро служили въ провинціи; изъ жившихъ въ Петербургѣ одинъ не пріѣхалъ по болѣзни, двое по неизвѣстнымъ причинамъ. Нѣкоторыхъ товарищей Угаровъ увидѣлъ въ первый разъ съ пріѣзда и почти во всѣхъ нашелъ какую-нибудь переменъ. Жизнь уже наложила на нихъ свой первый слой. Меньше всѣхъ измѣнился Сережа Брянскій: онъ остался тѣмъ же „много болтавшимъ и мало говорившимъ“, какъ называлъ его Гуркинъ въ лицѣ, т.-е. тщательно скрывалъ отъ всѣхъ, чтѣ дѣлалъ, и ни о чемъ не высказывалъ

своего мѣннiя. Первый воспитанникъ, Кнопфъ, уже отпустилъ жиденькiя бабенбарды. Онъ служилъ въ сенатѣ и пространно рассказывалъ разные уголовные казусы, безпрестанно цитируя наизусть статьи уложенiя о наказанiяхъ. Злополучный Козликовъ имѣлъ видъ совсѣмъ благополучный; онъ примирился съ отцомъ, очень потолстѣлъ и, повидимому, благоденствовалъ во всѣмъ отношенiяхъ. Въ серединѣ обѣда онъ уже былъ пьянъ, сыпалъ островами и рассказывалъ нескромные анекдоты, что нѣсколько коробило Ивана Фабяныча. Разъ, когда онъ началъ какой-то уже совсѣмъ неприличннй рассказъ, Иванъ Фабянычъ, чтобы замять его, спросилъ, возвысивъ голосъ, у своего сосѣда:

— Скажите, Кнопфъ, что Грузновъ... дѣльный сенаторъ?

Горичъ старался держать себя скромно и ничего не говорилъ о своихъ служебныхъ успѣхахъ, но самодовольство его нѣсколько разъ вырывалось наружу.

— Ну, что знаменитая твоя карьера? — спросилъ у него Козликовъ. — Выиграешь ты пари, или проиграешь?

— Не знаю, — отвѣчалъ Горичъ: — можетъ быть проиграю, а впрочемъ, если желаешь также поддержать за Константинова, я согласенъ удвоить кушъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Кто бы изъ васъ ни проигралъ, я все равно буду участвовать въ питьѣ... А чужое шампанское какъ-то вкуснѣе.

Болѣе всѣхъ преобразился сынъ эксъ-министра Грибовскiй.

Онъ очень кичился тѣмъ, что ѣздитъ въ свѣтъ, приобрѣлъ какiя-то извѣженныя манеры, говорилъ слегка въ носъ и растягивалъ слова. Къ Дюкро онъ прiѣхалъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, и нѣсколько разъ повторялъ, что послѣ обѣда ѣдетъ въ театръ, въ ложу княгини Зиви.

Воспользовавшись минутнымъ молчанiемъ, онъ черезъ столъ спросилъ у Сережи:

— Брянскiй, ты вчера долго оставался у княгини Кречетовой?

Сережа, которому было очень непрiятно, что всѣ узнали, гдѣ онъ былъ наканунѣ, отвѣчалъ съ досадою:

— Зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь, когда мы вышли вмѣстѣ?

— Ахъ, да, я и забылъ...

Грибовскiй не унялся, и черезъ минуту опять обратился къ Сережѣ.

— Брянскiй, ты будешь въ воскресенье у Антроповыхъ?

— Право, не знаю, — отвѣчалъ неохотно Сережа: — до воскресенья далеко.

— А я врядъ ли поѣду. Тамъ бываетъ слишкомъ смѣшанное общество.

— Еще бы не смѣшанное, — брякнулъ Козликовъ. — Ужъ если тебя принимаютъ, такъ значитъ смѣшанное.

Всѣ разсмѣялись. Грибовскій хотѣлъ было обидѣться, но потомъ также засмѣялся, и, подбѣжавъ къ Козликову, шутя взялъ его за ухо.

— Отстань, убирайся! — говорилъ Козликовъ, вливая въ себя стаканъ вина. — Подержи лучше за ухо княгиню Зизи. Мнѣ одинъ вѣрный человекъ говорилъ, что она это любитъ...

— Ахъ, какой онъ смѣшной! — сказалъ Грибовскій и усѣлся на свое мѣсто.

Вообще обѣдъ прошелъ оживленно и весело, но о той задумчивости, которой былъ пронизанъ прошлогодній обѣдъ, не было и помину. Тогда обѣдала семья, теперь собрались хорошіе знакомые. Одинъ только разъ прозвучала на обѣдѣ сердечная нотка, когда Кнопфъ провозгласилъ здоровье товарищей-сва-стопольцевъ. Миллеръ вынулъ изъ портфеля четвертушку сѣрой бумаги и громко прочелъ письмо Константинова отъ 20-го октября.

„Спасибо, дорогой другъ Миллеръ, за твое длинное и обстоятельное письмо; къ сожалѣнію, могу отвѣтить тебѣ только нѣсколькими строками. Пишу въ землянкѣ, лежа на полу, т.-е. на землѣ, и насилу могъ достать клочокъ бумаги. А между тѣмъ я видѣлъ столько высокаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столько ужаснаго и гадкаго, что исписать обо всемъ этомъ можно бы цѣлые томы.

• Если Богъ дастъ свидѣться, расскажу подробно. Признаюсь, что въ первые дни было здѣсь очень жутко, такъ что я нѣсколько разъ мысленно обзывалъ себя трусомъ, но потомъ привыкъ, и теперь, идя на бастионъ, право не чувствуешь страха больше, чѣмъ, бывало, передъ латинскимъ экзаменомъ. Брата ты бы не узналъ: до того онъ выросъ и возмужалъ во всѣхъ отношеніяхъ. За Балаклаву онъ вѣроятно получитъ Георгія, да и дѣйствительно онъ держалъ себя такимъ молодцомъ, что нельзя было не полюбоваться имъ. На другой день, т.-е. 14 октября, онъ ходилъ на вылазку съ батырцами и раненъ пулей въ лѣвую ногу (немного выше колѣна). Рана, впрочемъ, пустая, и дней черезъ десять онъ выпишется изъ госпиталя. Гуркинъ со мной неразлученъ, и мы, конечно, безпрестанно вспоминаемъ о всѣхъ васъ, дорогихъ и милыхъ. Не поминайте насъ лихомъ и не забудьте чокнуться съ нами 3-го января. Впрочемъ, до тѣхъ поръ я еще много разъ буду писать тебѣ“.

Константиновъ не исполнилъ обѣщанія, и съ 20-го октября о немъ не было никакого извѣстія.

У многихъ при чтеніи письма навернулись слезы.

II.

Въ серединѣ февраля у графини Хотынцевой былъ утренній пріемъ. Гости уже разѣзжались; въ гостиной сидѣла только баронесса Блендорфъ — высокая, рыжеватая блондинка съ нѣсколько лошадинымъ лицомъ, — которую графиня уговорила остаться обѣдать. Рядомъ съ ней сидѣлъ ея двоюродный братъ, баронъ Бликсъ, — очень на нее похожій, съ лицомъ совсѣмъ лошадинымъ и съ моноклею въ глазу. Графиня уже приказала, чтобы больше никого не принимали, какъ вдругъ раздался съ лѣстницы громкій звонокъ, и лакей возвѣстилъ о пріѣздѣ Петра Петровича — нѣкогда начальника, а теперь пріятеля графа. Вошелъ высокій, сухощавый старикъ, одѣтый по старомодному, въ длиннополомъ сюртукѣ и съ огромнымъ чернымъ галстукомъ, подпиравшимъ ему щеки. Разсѣянно поздоровавшись съ дамами, онъ сейчасъ же вызвалъ графа въ залу и сказалъ ему въ полголоса:

— Вы знаете, графъ, ужасную новость? Государь умираетъ.

— Не можетъ быть! — воскликнулъ графъ Хотынцевъ. — Кто это сказалъ вамъ, Петръ Петровичъ?

— Между докторами произошло разногласіе: Мантъ увѣряетъ, что нѣтъ никакой опасности, а другіе говорятъ, что нѣтъ никакой надежды. Вы вѣдь, кажется, хороши съ Анной Аркадьевной, — продолжалъ онъ еще тише: — она должна знать навѣрное. Поѣдьте къ ней, я васъ подожду въ каретѣ.

Петръ Петровичъ никогда не дѣлалъ визитовъ, и пріѣздъ его означалъ что-нибудь необычайное, а потому графиня насто-рожила уши по направленію къ залѣ, но, услышавъ слово: „разногласіе“, успокоилась.

— Ну, конечно, я такъ и знала, — обратилась она съ улыбкой къ баронессѣ: — у нихъ въ комитетѣ произошло какое-то разногласіе, и они теперь волнуются изъ-за какихъ-нибудь глупостей. И отчего это можетъ возникнуть разногласіе? Кажется, все такъ ясно...

Когда же лакей объявилъ, что его сіятельство „уѣхали съ Петромъ Петровичемъ и приказали, чтобы ихъ не ждали входить“, графиня не на шутку разсердилась.

— Да ужь конечно мы не будемъ умирать съ голоду отъ ихъ разногласія. А, вотъ встать и Сережа... *Chère bagonne, accédez le bras de ce mauvais sujet*, и пойдете въ столовую.

Графъ возвратился къ концу обѣда, блѣдный и разстроенный. Вѣсти, имъ полученныя, были неутѣшительны. Когда онъ сообщилъ о нихъ присутствовавшимъ, графиня не выдержала и раскричалась.

— Надо быть сумасшедшимъ, чтобы распускать такіе нелѣпые слухи! *Si au moins vous ne racontiez pas vos bêtises devant les domestiques!* У меня сегодня была княгиня Марья Захаровна, и я все знаю подробно отъ нея. Государь дѣйствительно простудился, но теперь ему гораздо лучше, и онъ завтра будетъ смотрѣть какой-то полкъ, который пришелъ изъ Ревеля или идетъ въ Ревель. Что-то въ этомъ родѣ...

Вечеромъ курьеръ, посланный графомъ Хотынцевымъ во дворецъ, привезъ извѣстіе, что государю „какъ будто немного лучше“. Тѣмъ не менѣе графъ почти не спалъ всю ночь, всталъ поздно и вышелъ только къ завтраку. Графиня сидѣла недовольная и говорила колкости Горичу, котораго очень не любила. Графъ опять послалъ курьера во дворецъ, но посланный не успѣлъ еще вернуться, какъ въ комнату вбѣжалъ правитель канцеляріи со словами:

— Ваше сіятельство, страшная новость: государь скончался!

Слова эти произвели невыразимое впечатлѣніе. Казалось, что всѣ услышали что-то ужасное и въ то же время непонятное. Графъ вскочилъ и тотчасъ упалъ на стулъ, закрывъ лицо руками. Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Первая заговорила графиня.

— Ахъ, Боже мой, это ужасно, ужасно... Какъ же, Базиль, ты мнѣ раньше не сказалъ, что государь такъ боленъ?

Графъ даже не отвѣчалъ на этотъ упрекъ, несмотря на его явную несправедливость. Прошло нѣсколько минутъ.

— Что же теперь будетъ?—начала размышлять вслухъ графиня.—Теперь, конечно, Петръ Петровичъ уйдетъ. Кто же будетъ назначенъ на его мѣсто? Развѣ князь Бѣльскій... Послушай, Базиль, у Бѣльскаго много шансовъ, какъ ты думаешь?

— Ахъ, право не знаю, Олимпіе. Не все ли это равно?

Изъ отвѣта мужа графиня увидѣла, что надо сосредоточиться. На минуту она успокоилась, но ея подвижная натура не выдержала; она вскочила и порывисто позвонила.

— Приготовь мнѣ черное платье и скорѣе закладывай карету!—скомандовала она вбѣжавшему лакею.

— Куда ты?

— Надо купить побольше черного крепа,—завтра ни за какія деньги не достанешь—и кромѣ того заѣхать къ княгинѣ Бѣльской. Она, можетъ быть, еще не знаетъ...

— Приходите, топ шег, вечеромъ, — сказалъ графъ Горичу:—а теперь я не въ силахъ разговаривать.

И графъ Хотынцевъ заперся въ своемъ кабинетѣ.

Когда Горичъ вошелъ вечеромъ въ этотъ кабинетъ, въ немъ, кромѣ графа, сидѣлъ генералъ Дольскій, частый посѣтитель Хотынцевыхъ, имѣвшій въ обществѣ репутацію бонмотиста, умнаго скептика и „злого языка“. Онъ былъ средняго и плотнаго сложенія, переходившаго въ тучность, съ коротко остриженными волосами и большими баками, въ которыхъ пробивалась сѣдина. На немъ былъ мундиръ генеральнаго штаба; эполеты и аксельбанты были зашиты въ черный крепъ. Черезъ минуту вошелъ Петръ Петровичъ и горячо обнялъ графа, какъ бы выражая этимъ молчаливымъ поцѣлуемъ ихъ общую скорбь. Вошла графиня съ предложеніемъ перейти въ столовую, но Петръ Петровичъ, узнавъ, что у нея гости, попросилъ разрѣшенія пить чай въ кабинетѣ.

— Да, господа,—сказалъ онъ, усаживаясь въ креслѣ:—мы переживаемъ важную историческую минуту. Смѣло можно сказать, что въ нынѣшнемъ столѣтіи ничья смерть въ Европѣ не произвела такого впечатлѣнія...

— Кромѣ развѣ смерти Наполеона,—небрежно откликнулся Дольскій.

— Дѣйствительно, — отвѣчалъ Петръ Петровичъ: — еслибы Наполеонъ умеръ на тронѣ, на высотѣ своего могущества, его смерть могла бы произвести еще большее впечатлѣніе. Но я живо помню то время, и могу васъ увѣрить, что извѣстіе о его смерти прошло почти безслѣдно. Да и какое значеніе могла имѣть смерть безсильнаго изгнанника, тогда какъ сегодня ушелъ со сцены міра человекъ, который тридцать лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбы Европы, который по величію былъ настоящимъ Агамемнономъ—царемъ царей.

— Вотъ за это величіе мы теперь и расплачиваемся,—процѣдилъ сквозь зубы Дольскій.

— Еще неизвѣстно, кто въ концѣ концовъ заплатитъ,—возразилъ уже раздражительнымъ голосомъ Петръ Петровичъ.—Во всякомъ случаѣ, не намъ упрекать государя за то, что онъ возвелъ Россію на такую высоту, которой она не достигала ни въ одну историческую эпоху. Справедливо сказалъ извѣстный персидскій поэтъ, Фазиль-ханъ, въ своей одѣ къ покойному государю:

„Твое рѣшеніе, есть рѣшеніе судьбы всемогущей; повелѣнія твои суть главы въ книгѣ предопредѣленія“.

Дольскій протанулъ свои толстыя ноги и лѣниво проишзвестъ:
— Да, я знаю 'эту оду, въ ней есть и такая строфа: „не только міръ тебѣ подвластенъ, но даже и Паскевичъ“.

Графъ Хотынцевъ улыбнулся. Петръ Петровичъ строго посмотрѣлъ на всѣхъ черезъ очки. Взглядъ этотъ говорилъ: въ такой день нельзя ни говорить забавныя вещи, ни улыбаться.

— Если мы обратимся къ внутренней политикѣ покойнаго государя, — заговорилъ онъ, успокоившись и отпивъ глотокъ чаю: — мы не найдемъ въ ней ни уступокъ, ни колебаній, какія были при его предшественникѣхъ. Можно сказать, что въ теченіе тридцати лѣтъ царила одна строгая и стройная система.

— Это бесспорно, — прервалъ Дольскій. — Но если отнестись критически къ этой системѣ...

— Не время, генераль, не время! — вскричалъ запальчиво Петръ Петровичъ. — Предоставимъ критику исторіи, а въ тотъ самый день, какъ закрылся взоръ, передъ которымъ вы дрожали, не хорошо бросать слова порицанія въ открытую могилу.

— Критика не есть порицаніе, — отвѣтилъ спокойно Дольскій. — Критика есть уясненіе. Если вы хвалите какую-нибудь систему, то этимъ самымъ вы также подвергаете ее критикѣ...

— Генераль, въ другое время я оцѣнилъ бы остроуміе вашихъ софизмовъ и всѣ ваши діалектическіе фокусы, но теперь намъ, право, не до того. Теперь, заплативъ дань неприятворной скорби прошедшему, мы должны посмотреть въ глаза ближнему будущему. Мнѣ кажется, что непосредственныхъ послѣдствій нынѣшняго ужаснаго дня будетъ два: прекращеніе войны и воля крестьянамъ.

— Съ первымъ положеніемъ вашего высокопревосходительства я согласиться не могу. Война не прекратится.

— Почему вы такъ думаете?

— Если я понялъ мысль вашего высокопревосходительства, хотя вы и не изволили ее формулировать, вы хотѣли сказать, что Европа начала войну не противъ Россіи, а противъ императора Николая. Это вѣрно, и миръ былъ бы заключенъ немедленно, еслибы не стояло на пути къ миру непреодолимое препятствіе: Севастополь. Мы принесли на этотъ алтарь огромныя жертвы, но жертвы, принесенныя союзниками, еще значительнѣе, такъ что теперь вопросъ народной чести заключается для нихъ въ томъ, чтобы взять, а для насъ въ томъ, чтобы отстоять. А передъ этой физикіей народной чести, или, если хотите, народнаго упрямства

блѣднѣють всѣ химеры гуманности, братства народовъ и космополитизма.

Дольскій закурилъ сигару и продолжалъ, очень довольный тѣмъ, что ему, наконецъ, удалось завладѣть разговоромъ.

— Что такое космополитизмъ? Это утлая ладя, въ которой можно кататься по морю въ ясную погоду. Но вотъ вѣтеръ,— и первая волна опрокинетъ ничтожную лодку. Хотя вы, Петръ Петровичъ, и считаете меня либераломъ, я не менѣ васъ скорблю о постигшей насъ великой уtratѣ. Однако, есть въ Россіи дѣйствительно либеральные кружки—и ихъ, повѣрьте, не мало—гдѣ эта утрата произведетъ нѣсколько иное впечатлѣніе. Но врядъ ли въ самомъ либеральномъ кружкѣ найдется одинъ истинно русскій человѣкъ, который бы обрадовался при извѣстіи, что Севастополь не существуетъ. Тутъ уже кровь заговорить, а кровь сильнѣе идеи.

— Да, это такъ,—сказалъ Петръ Петровичъ.

Услышавъ слово одобренія, Дольскій рѣшилъ, что онъ можетъ досказать ту мысль, которая была прервана такъ грубо, но по правиламъ военной науки сдѣлалъ искусное обходное движеніе. Голосъ его приобрѣлъ какіе-то мягкіе, почти нѣжные тоны.

— Императоръ Николай Павловичъ, какъ человѣкъ, всегда будетъ предметомъ удивленія и поклоненія. Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, джентльменъ на тронѣ. Вы знаете его ненависть къ парламентаризму, а между тѣмъ въ 30-мъ году онъ написалъ Карлу Десятому замѣчательное письмо, въ которомъ уговаривалъ короля не нарушать конституцію: онъ не понималъ, какъ можно не исполнить даннаго слова. Даже его крупныя политическія ошибки происходили изъ того же рыцарскаго источника. Онъ не могъ признать ни узурпаторовъ, въ родѣ Луи-Филиппа, ни жонглеровъ, въ родѣ теперешняго повелителя Франціи. Во всей исторіи трудно найти монарха, въ которомъ чувство долга передъ своей страной было развито болѣе, чѣмъ въ покойномъ государѣ, и который бы меньше думалъ о личномъ счастьи, чѣмъ онъ. Всѣ свои часы, всѣ свои помыслы онъ отдалъ Россіи. Но зато...

Дольскій перевелъ духъ и возвысилъ голосъ.

— Но зато онъ требовалъ, чтобы вся Россія думала, какъ онъ; зато всякую независимую мысль онъ преслѣдовалъ, какъ преступленіе. Вотъ гдѣ корень той гибельной системы, которая привела насъ къ тому, что въ минуту роковой борьбы мы оказались неприготовлены и бездарны. Мы привыкли исполнять, но отвыкли думать. До сихъ поръ за самое полное выраженіе абсолютизма признавались слова Людовика Четырнадцатаго: „L'état—

c'est moi"! Императоръ Николай выразился на мой взглядъ сильнѣе: онъ сказалъ однажды: „Мой климатъ“.

Послѣ этого разговоръ получилъ болѣе частный характеръ. Вспоминались разные случаи изъ жизни покойнаго государя, рассказывались анекдоты, передавались трогательныя подробности его кончины. Графиня Олимпиада Михайловна нѣсколько разъ входила въ кабинетъ, и, прикладывая къ глазамъ батистовый платокъ, садилась на диванъ; потомъ, услышавъ какую-нибудь фразу, вскакивала и убѣгала сообщить ее въ столовую, гдѣ около самовара сидѣли двѣ старыя фрейлины Кублищевы и баронесса Блендорфъ, съ неизбѣжнымъ Бликсомъ. Въ столовой, впрочемъ, умы были заняты не столько будущими судьбами отечества, сколько близкими переѣздами въ административныхъ и придворныхъ сферахъ. Всѣ кандидаты на министерскія и другія важныя должности были найдены и проведены ареопагомъ довольно согласно. Только одинъ жгучій вопросъ остался безъ разрѣшенія: объ ли дочери княгини Кречетовой будутъ сдѣланы фрейлинами, или только старшая? Подъ конецъ вечера до столовой долетѣли такіе громкіе крики Петра Петровича, что графиня не рѣшалась войти въ кабинетъ. Тамъ разговоръ зашелъ объ освобожденіи крестьянъ, въ которомъ Дольскій видѣлъ спасеніе Россіи, а Петръ Петровичъ—ея гибель. Тутъ уже никакіе софизмы и фланговыя движенія генерала не могли привести къ соглашенію и предотвратить бурю. Кончилось тѣмъ, что Петръ Петровичъ, не помня себя отъ гнѣва, назвалъ Дольскаго мальчишкой, на что тотъ отвѣчалъ съ улыбкой:

— Для человѣка наполовину сѣдого такое наименование можетъ быть только пріятно...

Было уже три часа ночи, когда Горичъ вернулся домой. Иванъ Ивановичъ, дожидая сына, дремалъ въ креслѣ съ Нибуромъ въ рукахъ. Горичъ, не проронившій ни одного слова изъ вчерашняго разговора, передалъ его во всей подробности отцу и желалъ узнать его мнѣніе.

— Вотъ видишь, Яша, — отвѣчалъ, подумавши, Иванъ Ивановичъ: — тутъ, очевидно, встрѣтилось два разнородныхъ теченія, и очень трудно рѣшить, на чьей сторонѣ истина. По правдѣ сказать, и тамъ, и тутъ есть доля правды. Но все-таки... если хорошенько вникнуть... и говоря совершенно безпристрастно, я болѣе согласенъ съ графомъ Хотынцевымъ, — это государственный человѣкъ.

Яша невольно улыбнулся такому безпристрастію: онъ не передавалъ отцу ни одного мнѣнія графа Хотынцева, который молчалъ весь вечеръ.

Впечатлѣніе, произведенное смертью императора Николая въ Россіи, было дѣйствительно громадно. Сначала это былъ какой-то ошеломляющій ударъ, какое-то чувство въ родѣ того, что вся жизнь прекратилась, что вотъ-вотъ сейчасъ все погибнетъ. Потомъ, послѣ первыхъ минутъ столбняка, русскимъ обществомъ овладѣло лихорадочное, неудержимое желаніе высказаться. Казалось, что вырвавшаяся изъ-подъ гнета мысль силилась наверстать долгіе годы невольнаго молчанія. И чѣмъ дальше отъ Петербурга, тѣмъ впечатлѣніе это было сильнѣе. Защитники Севастополя узнали о кончинѣ своего царя отъ враговъ. Въ двадцатыхъ числахъ февраля, послѣ одной жаркой вылазки, было заключено трех-часовое перемиріе для уборки тѣлъ. Во время этого перемирія французскіе офицеры передали нашимъ роковое извѣстіе, дошедшее до нихъ по подводному кабелю. Наши не повѣрили и увидѣли въ этомъ хитрую уловку, изобрѣтенную врагами для того, чтобы ихъ смутить. Официально севастопольцы узнали о кончинѣ императора только 28-го февраля, но если французы дѣйствительно думали ихъ смутить, расчетъ ихъ оказался невѣренъ: уже въ ночь на 2-е марта волынцы и камчадалы (какъ звали въ другихъ полкахъ камчатскій полкъ) доказали зуавамъ на дѣлѣ, что никакже извѣстіе не могло ихъ поколебать и измѣнить не-пріятный образъ дѣйствій.

Первымъ послѣдствіемъ пробудившейся общественной мысли были повсемѣстные разговоры о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ. Теперь трудно прослѣдить и объяснить происхожденіе этого слуха. Правда, новый государь, еще будучи наслѣдникомъ престола, не разъ высказывалъ свое отвращеніе къ крѣпостному праву, но это могло быть извѣстно только близкимъ къ нему людямъ, а между тѣмъ несомнѣнно, что въ самыхъ дальнихъ захолустьяхъ разговоры о „волѣ“ начались съ первыхъ дней новаго царствованія. Молодежь, литература, всѣ мыслящіе люди, не принадлежавшіе къ помѣщичьему сословію, горячо привѣтствовали „зарю освобожденія“, но большинство дворянства отнеслось къ этой зарѣ съ недовѣріемъ и ужасомъ; на первыхъ порахъ реформа казалась помѣщикамъ равносильной потерѣ всего имущества. Провинція оживилась. Люди, никогда не выѣзжавшіе изъ своихъ деревень, начали усердно ѣздить въ города и совѣщаться между собою о томъ, какія мѣры слѣдуетъ предпринять въ виду грозящей бѣды. Аѳанасій Ивановичъ Дорожинскій, покупавшій въ это время новое огромное имѣніе, около Саратова, вдругъ отказался отъ покупки и потерялъ зна-

чительный задатокъ. Только тѣ, въ пользу которыхъ должна была совершиться реформа, молчали по обыкновенію, но и въ этой безличной массѣ, какою оказался народъ, начали проявляться кое-какіе признаки нетерпѣнія. Цѣлыя селенія являлись въ уѣздные города съ требованіемъ, чтобы ихъ записали въ ополченіе, потому что кто-то пустилъ слухъ, что всѣ ратники и ихъ семейства получаютъ послѣ войны волю. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ нетерпѣніе народа выразилось такъ называемыми „крестьянскими бунтами“, которые, впрочемъ, большей частью заключались въ пассивномъ неповиновеніи мѣстному начальству и прекращались очень быстро. Правительство, занятое войной, сочло нужнымъ успокоить умы, и 28-го августа министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ разсланъ губернскимъ предводителямъ циркуляръ, въ которомъ было сказано: „Всемилюбівейшій Государь нашъ повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“. По прочтеніи этого циркуляра, Аѳанасій Ивановичъ опять возобновилъ переговоры о покупкѣ саратовскаго имѣнія, но впрочемъ дать новый задатокъ не рѣшился.

Успокоеніе продолжалось недолго. Въ мартѣ 1856 года, государь сказалъ въ Москвѣ депутатамъ дворянства знаменитую рѣчь, послѣ которой вопросъ освобожденія крестьянъ былъ рѣшенъ безповоротно въ принципѣ. Оставалось найти способъ, чтобы начинъ освобожденія исходилъ отъ самого дворянства.

Такъ какъ эта рѣчь была сказана черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія мира и опровергала циркуляръ 28-го августа, то въ средѣ недовольнаго дворянства возникла легенда, очень долго державшаяся, что освобожденіе крестьянъ потребовано Наполеономъ и внесено въ одну изъ секретныхъ статей парижскаго трактата. Ожесточенные помѣщики, еще не смѣвшіе открыто порицать правительство, осыпали громкими проклятіями Наполеона, который, какъ виновникъ войны, и безъ того былъ предметомъ общей ненависти и презрѣнія. Дѣти и внуки тѣхъ, которые не иначе называли перваго Наполеона, какъ антихристомъ, предоставляли теперь охотно этотъ титулъ его племяннику.

Аѳанасій Ивановичъ Дорожинскій также безповоротно начерталъ себѣ планъ будущихъ дѣйствій. Онъ заговорилъ о капитализаціи, твердо рѣшился не покупать никакихъ имѣній, отказался отъ всякихъ ховаяйственныхъ реформъ и даже исподтишка продалъ очень дешево двѣ дальнихъ деревушки, приносявшія ему мало дохода.

III.

Аккуратный Миллеръ не могъ сдержать своего обѣщанія, и только въ началѣ марта Угаровъ перебрался на собственную квартиру въ Шестилавночной улицѣ, въ нижнемъ этажѣ большого дома, въ которомъ самъ Миллеръ съ матерью и сестрой занималъ бель-этажъ. Войдя въ свое новое жилище, Угаровъ сразу почувствовалъ, что жить ему въ немъ будетъ невесело. Все было ново и чисто, но какъ-то безвкусно и уныло. Комнатъ было больше, чѣмъ нужно, но не было ни одного уютнаго уголка. Тѣмъ не менѣе, Миллеръ былъ очень гордъ блистательно-исполненнымъ порученіемъ. Да и дѣйствительно, все практически нужное онъ предусмотрѣлъ до послѣднихъ мелочей и не безъ торжества вручилъ своему товарищу четыреста рублей сдѣланной имъ экономіи противъ смѣты. Въ квартирѣ было двѣ совсѣмъ лишнія комнаты, и Угаровъ никакъ не могъ понять ихъ назначенія.

— Вотъ видишь, любезный другъ,—пояснилъ Миллеръ:—теперь эти комнаты не нужны, это правда; но вдругъ ты вздумаешь жениться,—тогда у тебя все готово, и на первый годъ ты не долженъ искать новой квартиры.

Особенно недоволенъ остался Угаровъ своей спальней. Это была узкая, косая комната съ окнами, выходившими на длинный и грязный дворъ.

Недовольство Угарова раздѣлялъ вполне его крѣпостной чело-вѣкъ Иванъ, бывший когда-то камердинеромъ его отца и теперь приставленный къ нему въ качествѣ дядьки. Когда Иванъ въ первый разъ пришелъ будить барина въ новой квартирѣ, лицо его было сурово и мрачно.

— Ну что, Иванъ, доволенъ ли ты своимъ помѣщеніемъ?—спросилъ, потягиваясь, Угаровъ.

— Да мнѣ что!—отвѣчалъ Иванъ, по старой привычкѣ, собственноручно обувая барина:—я вездѣ помѣщусь. А только позвольте вамъ доложить, Владиміръ Николаевичъ: какая же это барская квартира? Да у насъ при покойномъ баринѣ—царство ему небесное—въ такихъ флигеляхъ приквасчики жилали. Теперь опять насчетъ дровъ... Гораздо бы намъ лучше на своихъ дровахъ жить, а хояйскія дрова—извольте сами посмотрѣть—развѣ это дрова? Такъ гниль какая-то, одно названіе, что дрова...

— Ну, не ворчи, Иванъ, какъ-нибудь проживемъ.

Не мало также смущала Угарова близость, въ которой ему

придется жить съ семействомъ Миллеровъ. Лиценстомъ онъ къ нимъ ѣздилъ очень часто и ухаживалъ усердно за Эмилией Миллеръ. Въ послѣдній годъ, когда онъ вернулся въ Петербургъ влюбленный въ Соню Брянскую, ему казалось неловко вдругъ перестать ухаживать за Эмилией, а притворяться было противно. Такъ прошла зима, и онъ не рѣшился поѣхать къ нимъ. А въ этомъ году ему было неловко ѣхать оттого, что онъ не былъ ни разу въ ту зиму. Теперь, живя подъ одной крышей, онъ уже не можетъ не посѣтить ихъ.

„И зачѣмъ это Миллеръ заговорилъ вчера о моей женитьбѣ? — размышлялъ, одѣваясь, Угаровъ. — Неужели онъ хочетъ женить меня на своей сестрѣ? А съ другой стороны, онъ не только не приглашалъ меня къ себѣ, но ни разу въ два года даже не попенялъ, что я такъ давно не былъ... А вдругъ я войду, и меня не примутъ“ ...

Не безъ волненія Угаровъ поднялся на лѣстницу и позвонилъ у знакомой двери.

Вдова генерала Миллера, рожденная баронесса фонъ-Экштатъ, была въ молодости извѣстной красавицей. Теперь она представляла собою громадную массу застывшаго бѣлаго жира. Несмотря на это, ея маленькіе заплывшіе глазки блестѣли, движенія сохранили относительную легкость и грацію, и она часто говорила о своей красотѣ, хотя и въ ироническомъ тонѣ. Увидѣвъ Угарова, она всплеснула руками.

— Боже мой! Кого я вижу! Миля, Миля, посмотри, кто пришелъ, явился бѣглець отъ насъ... Миля, иди же скорѣе...

Эмилиа тихо вошла и просто, по-дружески, протянула руку Угарову.

— Вы видите, что Карлуша былъ правъ, — сказала она, обращаясь къ матери. — Когда вы напомнили ему, чтобы онъ поскорѣе пригласилъ къ намъ Владиміра Николаевича, Карлуша сказалъ: — зачѣмъ приглашать? захочетъ, и такъ придетъ...

— О, да, Карлуша всегда правъ, — сказала генеральша со вздохомъ.

Эмилиа Миллеръ была очень симпатичная и очень красивая дѣвушка съ голубыми глазками и роскошными пепельными волосами, но ей очень вредило ея фатальное сходство съ матерью. Всякому невольно приходило въ голову, что черезъ нѣсколько лѣтъ она сдѣлается такою же тушею, какъ генеральша. За два года, что Угаровъ не видѣлъ Эмилию, она уже сдѣлала нѣсколько шаговъ по пути къ этому образцу. Какія средства ни пробовала

она, чтобы остановить ожирѣніе, борьба ея съ этимъ семейнымъ недугомъ была безсильна.

— Ахъ, какъ вы хорошо выглядите, monsieur Угаровъ! — говорила между тѣмъ генеральша: — вы стали совсѣмъ прекрасный молодой человекъ. А отчего же вы мнѣ не говорите, что я хороша? Когда вы видите такую красивую, молодую даму, какъ я, вы должны сказать ей что-нибудь пріятное...

Черезъ пять минутъ Угаровъ чувствовалъ себя какъ дома. Вся неловкость его исчезла.

На прощанье генеральша выразила надежду, что такой близкій сосѣдь будетъ часто навѣщать ихъ.

— Я не могу приглашать васъ къ обѣду, потому что у насъ слишкомъ простой столъ, но каждый вечеръ вы можете найти у насъ одну чашку чаю и теплый пріемъ.

Эмилія громко разсмѣялась.

— Отчего же вы общаете Владиміру Николаевичу только одну чашку чаю? Онъ можетъ пить и двѣ, и три, и сколько ему вздумается...

— А ты, Миля, рада случаю посмѣяться надъ моимъ русскимъ языкомъ. Что же я должна сдѣлать, п-г Угаровъ? Я въ душѣ совсѣмъ русская, дѣти мои православныя, однимъ словомъ, я русская до моихъ послѣднихъ костей... Но языкъ вашъ такой трудный, такой трудный. А по-нѣмецки я говорить не смѣю; за каждое нѣмецкое слово Миля беретъ съ меня фантъ...

Уходя отъ Миллеровъ, Угаровъ вспомнилъ, что на его совѣсти еще визитъ къ одному дальнему родственнику — двоюродному дядѣ Марьи Петровны, и за-одно отправился къ нему.

Иванъ Сергѣевичъ Дорожнинскій былъ очень старый генераль-адъютантъ и занималъ нижній этажъ собственнаго дома, на Большой Морской. Когда Угаровъ маленькимъ лицейстомъ являлся, бывало, къ нему на поклонъ рано утромъ, его вводили въ дя-дюшкину спальню, гдѣ въ большомъ креслѣ сидѣлъ сѣдой, лысый и сгорбленный старикъ, съ длинной трубкой и „Русскимъ Инвалидомъ“ въ рукахъ. Въ такомъ видѣ онъ оставался каждый день до одиннадцати часовъ, послѣ чего приступалъ къ туалету, длившемуся часа полтора. Крѣпостной куаферъ брилъ его и слегка завивалъ черный паричокъ, сдѣланный такъ искусно, что многіе принимали его за собственные волосы Ивана Сергѣевича. Другой крѣпостной камердинеръ красилъ барскіе усы и брови и прилаживалъ челюсть съ великолѣпными бѣлыми зубами. Затѣмъ Иванъ Сергѣевичъ стягивался корсетомъ, надѣвалъ всегда цегольской съ иголочки сюртукъ и, слегка позавтракавъ, входилъ въ гости-

ную бодрымъ и свѣжимъ генераломъ среднихъ лѣтъ. Тамъ онъ садился въ кресло, стоявшее на возвышеніи у большого окна, и смотрѣлъ на улицу. Всѣ его знакомые знали это и, проходя или проѣзжая мимо, кланялись ему, а иногда заходили посидѣть четверть часа на перепутьи. Иныхъ нужныхъ ему людей онъ зывалъ самъ, дѣлая размахистые жесты обѣими руками. — „Ну, что вчера въ клубѣ? — спрашивалъ онъ одного. — Кто выигралъ: Грузновъ или Локтевъ? Сколько они заплатили штрафа?“ — „Ну что было вчера на раутѣ? — допрашивалъ онъ другого. — Кто тамъ былъ?“ Но если проѣзжалъ мимо кто-нибудь изъ свиты, бывшій наканунѣ дежурнымъ, Иванъ Сергѣевичъ чуть не выскакивалъ на улицу, чтобы звать его. Допросъ былъ самый подробный. Кто представлялся, о чемъ говорили, сколько минутъ продолжался докладъ такого-то министра, — все ему нужно было знать. Такимъ образомъ, Иванъ Сергѣевичъ одинъ изъ первыхъ въ городѣ узнавалъ о чьей-нибудь смерти, свадьбѣ, или о какомъ-нибудь скандалѣ. Въ четыре часа онъ садился въ карету и дѣлалъ визиты и развозилъ по городу наиболѣе интересныя извѣстія. Вечеромъ онъ заѣзжалъ въ англійскій клубъ, гдѣ узнавалъ новости текущаго дня и игралъ три робера въ вистъ, а въ одиннадцать часовъ уже всегда лежалъ въ постели. Бодрого генерала среднихъ лѣтъ не было и въ поминѣ; оставался сѣдой, беззубый старикъ, стонущій отъ усталости, облѣпленный фонтанелями и мушками и ни для кого не видимый до второго часа слѣдующаго дня.

Угаровъ, конечно, засталъ дядюшку на его наблюдательномъ посту.

— Здравствуй, племяшка, — сказала Иванъ Сергѣевичъ, подставляя ему щеку для поцѣлуя. — Ну, что мать? Здорова? Пиши ей почаще.

— Я, дядюшка, пишу два раза въ недѣлю.

— Это хорошо, мать забывать не слѣдуетъ. А Варя что? Все сидитъ въ дѣвкахъ! сама виновата, смолоду была смазливенькая, и женихи были хорошіе... Зачѣмъ привередничала? Ну, и сиди теперь въ дѣвкахъ! По дѣломъ!

Тираду о тетѣ Варѣ Угаровъ зналъ наизусть, потому что дядюшка приносилъ ее при каждомъ свиданіи.

— А у меня отчего давно не былъ?

Угаровъ началъ рассказывать, но дядюшка на первой фразѣ прервалъ его.

— Нѣтъ, какова Марья Захаровна! — кричалъ онъ, указывая перстомъ на проѣхавшую коляску: — ѣдетъ мимо и отворачивается. И на что она могла смотрѣть на той сторонѣ? Все тотъ же

мебельный магазинъ, который мнѣ десять лѣтъ глаза мозолятъ. А вотъ Шарлота пробѣжала въ красной шубѣ... Дура! Ну, значить, сейчасъ мы и Алешу Хотынцева увидимъ... вонъ видишь, видишь, пролетѣлъ гусарь въ саняхъ—это онъ! А! и кавалергардъ на сѣромъ рысакѣ... Хорошій рысакъ. Не знаешь ли, кто этотъ кавалергардъ? Вотъ ужъ пятый день какъ онъ за Шарлотой гоняется.

— Не знаю, дядюшка, я никого не знаю изъ этого общества.

— Напрасно, мой другъ. Въ твои лѣта и съ твоимъ состояніемъ надо всюду ѣздить и всѣхъ знать. Вотъ погоди, на будущей недѣлѣ я позову тебя обѣдать и кое съ кѣмъ познакомлю...

У Ивана Сергѣевича былъ прекрасный поварь, извѣстный всему Петербургу, и онъ всѣхъ знакомыхъ обнадеживалъ своимъ приглашеніемъ на обѣдъ, но устраивалъ этотъ обѣдъ очень рѣдко.

— Да, вотъ встати, чтобъ не забыть. Я на дняхъ разсматривалъ кандидатскіе списки въ клубѣ—ты теперь сорокъ-третій кандидатъ, такъ что лѣтъ черезъ пять-шесть можешь попасть въ члены.

— Зачѣмъ же, дядюшка? Я въ карты не играю...

— Вотъ вздоръ какой, точно у насъ одни игроки. У насъ иной своихъ дѣтей при рожденіи записываетъ въ кандидаты. Да вотъ родственникъ нашъ Аѳанасій Ивановичъ ждетъ не дождется своей очереди. Онъ теперь двадцатый.

Вдругъ Иванъ Сергѣевичъ вскочилъ съ кресла и почтительно поклонился. Мимо пробѣжали щегольскія сани съ кучеромъ, одѣтымъ въ траурный армякъ. Сидѣвшій въ саняхъ молодой офицеръ посмотрѣлъ на окно и съ привѣтливой улыбкой приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Видишь, видишь, племяша, какія лица вниманіе мнѣ оказываютъ!—говорилъ весело Иванъ Сергѣевичъ:—а княгиня Марья Захаровна изволила мебель разсматривать... А вотъ и Демьянъ Ивановичъ заѣхалъ ко мнѣ изъ совѣта.

У подъѣзда остановилась карета, и изъ нея медленно вылѣзъ тучный генералъ въ каскѣ. Угаровъ взялся за шляпу.

— Ну, прощай, заходи ко мнѣ, когда свободенъ.

И дядюшка снова подставилъ свою щеку.

— Постой, постой! — закричалъ онъ, когда Угаровъ былъ уже въ другой комнатѣ:—пиши почаще матери, забывать родителей—большой грѣхъ.

Отъ дядюшки Угаровъ зашелъ къ Серезѣ Брянскому, который жилъ черезъ нѣсколько домовъ. Швейцаръ, получившій разъ навсегда приказъ отъ Серези всѣмъ отказывать, объявилъ, что

князя нѣтъ дома; но на обѣду Сережа, какъ разъ въ эту минуту, сходилъ съ лѣстницы. Пришлось вернуться. Квартира, которую онъ занималъ вмѣстѣ съ Алешей Хотынцевымъ, была очень дорогая, но содержалась въ большомъ безпорядкѣ. Видно было, что хозяйка иногда въ нее пріѣзжаютъ, но не живутъ въ ней. Въ комнатѣ, въ которую Сережа ввелъ Угарова, было холодно и пахло дымомъ. Чтобы посадить гостя, Сережа сбросилъ съ кресла большой лакированный сапогъ. На письменномъ столѣ стояли пустыя бутылки, по персидскому ковру были разсыпаны окурки папиросъ. На всѣхъ стѣнахъ въ золотыхъ рамахъ висѣли гравюры съ изображеніемъ лошадей.

— Видишь, какой у насъ безпорядокъ, — извинялся Сережа: — но это оттого, что я никогда не сижу дома, а у моего сожителя три квартиры: здѣсь, въ Царскомъ и у Шарлоты. А, да вотъ и онъ, кажется, пріѣхалъ...

Въ передней раздалось громкое звяканье сабли, и Алеша Хотынецъ вошелъ въ сопровожденіи огромнаго датскаго пса.

— Очень радъ съ вами познакомиться, — говорилъ онъ, крѣпко пожимая руку Угарова. — *Les camarades de nos amis sont nos camarades.* Эй, Денисовъ!

Въ дверяхъ появился деньщикъ съ широкимъ, заспаннымъ лицомъ.

— Привезли привазъ?

— Приказаніе принесли, ваше высокоблагородіе, а привазъ еще не вышелъ.

— Экая тоска! — сказалъ Хотынецъ, взглянувъ на четвертушку сѣрой бумаги, которую подалъ ему деньщикъ: — завтра опять съ первымъ поѣздомъ надо ѣхать въ Царское. Денисовъ, порядокъ знаешь?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

Денисовъ исчезъ и черезъ минуту появился опять, неся на подносѣ бутылку и три стакана. Угарову не хотѣлось пить, но Хотынецъ опять повторилъ: „*les camarades de nos amis sont nos camarades*“, и заставилъ его выпить два стакана теплаго шампанскаго. Потомъ всѣ трое пошли обѣдать къ Дюкро, гдѣ въ красной комнатѣ Шарлога уже ждала Хотынцева. Шарлота была полная, высокая блондинка, съ роскошными формами тѣла и грубо подрисованными глазами. Съ лица ея обильно сыпалась пудра. Говорила она на плохомъ французскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ акцентомъ и показалась Угарову очень глупой женщиной. Прежде всего она обругала Хотынцева за то, что онъ заставилъ ее ждать десять минутъ, потомъ забрала обѣдъ и заказала

новый, при чемъ старалась выбирать самыя дорогія блюда. Угарову было невыносимо скучно. За обѣдомъ много пили и говорили о лицахъ, которыхъ онъ не зналъ, и о вещахъ, которыхъ онъ не понималъ. Послѣ обѣда Шарлота, уже успѣвшая вывѣдать отъ Серези, что Угаровъ очень богатъ, пригласила его переѣхать къ ней на диванъ.

— Viens m'embrasser, mon petit, tu as une mine si triste que j'ai envie de te consoler. Vois-tu, mon petit, — шептала она, нагибаясь къ нему и царапая перстнями его шею: — j'ai une amie, une charmante petite femme, qui voudrait se caser. Je te présenterai à elle, et alors tu ne seras pas seul, et alors tu ne seras pas triste.

Съ Серезей Шарлота цѣловалась очень продолжительно и нѣжно. Хотынцевъ не выражалъ никакой ревности, но только очень громко хохоталъ во время этихъ поцѣлуевъ. Когда же онъ подошелъ къ Шарлотѣ и хотѣлъ также поцѣловать ее, она замотала головой и сказала:

— Non, non, avec toi plus tard, à la maison.

Хотынцевъ началъ потягиваться и напомнилъ, что съ первымъ поѣздомъ ему надо ѣхать въ Царское. Шарлота на прощанье обѣщала извѣстить Угарова о возвращеніи въ Петербургъ ея подруги, которая уѣхала по дѣламъ въ Москву. Сереза повелъ Угарова въ общую комнату и познакомилъ его съ постоянными посѣтителями ресторана — les amis de la maison, какъ называла ихъ м-ше Дюбро. Всѣ были на лицо: и Васыка Акатовъ, окруженный свитой молодыхъ офицеровъ, и маленькій желчный старикъ-князь Киргизовъ, и нестарый, но совсѣмъ лысый совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Менцель, изумлявшій даже иностранцевъ своей цѣтистой французской рѣчью, и богатый полякъ, графъ Строньскій, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать по какому-то процессу и потому старавшійся какъ можно правильнѣе говорить по-русски. Князь Киргизовъ съ молодыхъ лѣтъ привыкъ заѣзжать къ Дюбро послѣ театра. Онъ появлялся часа на полтора, пилъ чай съ коньякомъ, иногда ужиналъ, ругалъ все и всѣхъ и пользовался въ ресторанѣ большимъ уваженіемъ. Теперь театры были закрыты, никакихъ увеселеній и вечеровъ въ городѣ не было, а потому князь повадился ходить каждый вечеръ и просиживалъ въ общей комнатѣ до поздней ночи. Вслѣдствіе этого его авторитетъ упалъ, и Акатовъ „показывалъ“ его для развлечения публики. Подмѣтивъ его крайнюю раздражительность, онъ натравливалъ его на кого-нибудь изъ присутствующихъ, и когда старичокъ, по своему обычаю, вскакивалъ съ мѣста и подбѣгалъ

къ своему противнику, Аватовъ доливалъ его стаканъ коньякомъ до краевъ. Князь въ жару спора не замѣчалъ этого, выпивалъ стаканъ залпомъ, горячился все болѣе и болѣе и доходилъ до невозможныхъ нелѣпостей. Въ тотъ вечеръ онъ былъ стравленъ съ Менцелемъ; споръ шелъ о нашей дипломатіи, въ которой князь видѣлъ причину всѣхъ нашихъ бѣдствій.

— Бумаги бы не хватило, — говорилъ онъ, бѣгая по комнатѣ: — еслибы описать всѣ случаи, когда наши дипломаты едва не погубили Россіи своими нотами, конференціями, протоколами и прочей дребеденью...

— Напримѣръ? — спросилъ небрежно Менцель.

— Напримѣръ, напримѣръ! — передразнилъ его князь. — Вы сами знаете примѣры. Ну, вотъ вамъ вѣнскій конгрессъ...

— Ну что же вѣнскій конгрессъ?

— А то, что мы были побѣдителями, спасли Европу, а на вѣнскомъ конгрессѣ, благодаря нашимъ дипломатамъ, насъ оплели.

— То-есть, почему же оплели?

— Сами вы знаете, почему оплели... А все это отчего? Оттого, что почти всѣ наши дипломаты нѣмцы. Развѣ нѣмецъ можетъ понять и защитить русскіе интересы? Вотъ когда во главѣ нашей дипломатіи были настоящіе русскіе люди, они высоко держали русское знамя. Зато ихъ имена мы произносимъ съ благоговѣніемъ.

— Кто же это такіе?

— Какъ кто? Вы сами знаете, кто.

— Ну, однако, назовите кого-нибудь.

— Извольте-съ, назову. Ну, вотъ вамъ: Каподистрія...

— Благодарю васъ; онъ именно былъ не русскій.

— Да онъ по крайней мѣрѣ нѣмцемъ не былъ, поймите это! — завопилъ князь, подбѣгая къ Менцелю со сжатыми кулаками: — и за это одно ему великое спасибо. Вѣдь все зло отъ нѣмцевъ, вѣдь они всѣ христопродавцы, начиная съ Іуды.

— Іуда тоже былъ нѣмецъ?

— Да-съ, онъ былъ нѣмецъ, и я вамъ это докажу.

Менцель поспѣшилъ заявить, что ему это безразлично, потому что самъ онъ, Менцель, русскій, хотя и носить нѣмецкую фамилію.

Угаровъ вернулся домой въ четвертомъ часу ночи, усталый и измученный. Голова у него трещала отъ вина и отъ всѣхъ впечатлѣній дня. Впечатлѣнія не были симпатичны, но, однако, на другой день въ пять часовъ онъ входилъ къ Дюеро, успокаивая свою совѣсть тѣмъ, что надо же гдѣ-нибудь пообѣдать. Скоро онъ втянулся. Недѣли черезъ двѣ, при расплатѣ, оказалось,

что у него не было мелкихъ денегъ, и онъ вручилъ Абрашкѣ сторублевую бумажку. Татаринъ принесъ ее обратно, извиняясь, что въ кассѣ размѣнять ее нельзя, и передалъ Угарову предложеніе м-ше Дюкро завести въ ресторанъ счетъ. Угаровъ не нуждался въ кредитѣ, но это предложеніе показалось ему удобнымъ, и онъ согласился. Акатовъ поздравилъ его съ официальнымъ вступленіемъ въ „друзья дома“, и онъ долженъ былъ по этому случаю угостить шампанскимъ всѣхъ присутствовавшихъ. Несмотря на это экстраординарное угощеніе, разговоръ не клеился. Акатовъ уже цѣлый часъ бесѣдовалъ о производствѣ съ усатымъ полковникомъ, пріѣхавшимъ на нѣсколько дней изъ Варшавы. Это былъ его товарищъ по выпуску, и потому онъ называлъ его по школьному прозвищу „Сапогомъ“.

— Да пойми ты, Сапогъ, что еслибы Петька Горевъ не сѣлъ мнѣ на шею, то я былъ бы теперь такимъ же полковникомъ, какъ и ты. Вѣдь изъ-за этого проклятаго Петьки восемь лѣтъ просидѣлъ поручикомъ.

— Ну, полковникомъ ты бы врядъ ли былъ теперь,—отвѣчалъ Сапогъ:—а только въ самомъ дѣлѣ, что же это за порядокъ? Одно изъ двухъ: или не ходи въ академію, или, если ужъ пошелъ, не возвращайся въ полеъ. Такой же случай былъ у насъ въ Варшавѣ...

Князь Киргизовъ молча пилъ свой чай съ коньякомъ и угрюмо посматривалъ въ сторону Менцеля, лысина котораго чуть-чуть виднѣлась изъ-за огромной газеты, только-что присланной ему изъ министерства.

Когда Угаровъ уѣхалъ, Акатовъ почтительно обратился къ князю Киргизову:

— Скажите, князь, нравится ли вамъ новый членъ нашего клуба?

— Кто это? Угаровъ? Ничего, онъ, кажется, скромный...

— Абрашка, бутылку!—закричалъ Акатовъ.—Господа, я сегодня въ первый разъ въ жизни слышалъ, что князь кого-нибудь похвалилъ, а теперь предлагаю выпить вамъ за преображеніе князя Киргизова!..

— Я нахожу этотъ тостъ и неумѣстнымъ, и несправедливымъ,—замѣтилъ сухо князь.—Во-первыхъ, я могу и хвалить и порицать кого мнѣ заблагоразсудится, а во-вторыхъ, я и не думалъ хвалить этого Угарова. Я только сказалъ, что онъ скромный... развѣ это не правда?

— Скромный-то онъ скромный,—продолжалъ Акатовъ, подливая Сапогу:—но знаете ли, князь, иногда наружность бываетъ

обманчива. Не даромъ говорится, что въ тихомъ омутѣ черти водятся. Иной очень скромнень на видъ, а поройся въ немъ хорошенько—такая шельма окажется, что не приведи Господи!

— Это совершенно справедливо,—согласился князь, котораго уже начинала разбирать желчь:—и я вамъ скажу больше—мнѣ кажется, что Угаровъ именно принадлежитъ къ типу такихъ ложныхъ скромниковъ...

— Еще бы! Это сейчасъ видно.

Черезъ четверть часа князь, хлебнувъ сразу полстакана чаю, немилосердно ругалъ Угарова, назвавъ его разбойникомъ и заявивъ, что онъ съ перваго взгляда почувствовалъ къ нему недоверіе, потому что терпѣть не можетъ рыжихъ людей.

Изъ другого угла комнаты раздался громкій хохотъ Менцеля.

— Oh, elle est forte, celle-la,—говорилъ онъ, роняя на полъ газеты.—Ce pauvre Ougaroff peut être un brigand—je ne dis pas non—mais il n'est pas roux, par exemple... Je suppose, que vous avez la berlue...

— C'est vous, monsieur, qui avez la berlue, et encore la pire de toutes—la berlue diplomatique...

Опять на сцену явились дипломаты, вѣнскій конгрессъ и вѣмцы. Князь разсвирѣпѣлъ, глаза его налились кровью, и онъ такъ нервно забѣгалъ по комнатѣ, что Акатовъ не на шутку за него испугался. Онъ всталъ съ дивана и неожиданно схватилъ за локоть князя, сказавъ ему вполголоса:

— Послушайте, князь, не пора ли спать? Скоро четыре часа...

— Дѣйствительно пора,—отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ князь и ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись.

На другой день онъ явился въ свой обычный часъ и очень дружелюбно поздоровался съ Угаровымъ, Менцелемъ и прочими друзьями дома, а черезъ два часа, подбиваемый Акатовымъ, осыпалъ ругательствами усатаго полковника, который въ это время безмятежно спалъ въ вагонѣ, возвращаясь обратно въ Варшаву, и которому даже и присниться не могло, какое негодованіе и какую злобу онъ возбудилъ во вчерашнемъ собесѣдникѣ...

А. Апухтинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

СЪ ЮГА.

1.

Ужъ здѣсь все расцвѣло, и дерзостно, и пышно,
А тамъ—едва весна!...
Еще въ поляхъ кой-гдѣ ручьевъ журчанье слышно,
Еще рѣка мутна.

Но влажныя поля бравды и въ дождь и въ вѣдро,
Давно блеститъ соха,
И по зарямъ звучитъ плѣнительно и бодро
Рогъ звонкій пастуха.

Прозрачный теплый паръ стоитъ въ лѣсу знакомомъ,
Лѣсъ въ чутвой дрѣмѣ ждетъ,
Когда всѣ почки вдругъ веселымъ первымъ громомъ
Побѣдно разорветъ.

И выглянетъ на свѣтъ листокъ душисто-клейкій,
И въ тишинѣ ночей,
Взволнованъ, какъ мечтой, весною-чародѣйкой,
Заплачетъ соловей...

Весна на Сѣверѣ! О, гдѣ слова и краски,
 Чтобъ описать вполнѣ,
 Какъ все, весной, дарить застѣнчивыя ласки
 Въ родной моей странѣ!

2.

Въ этой гордой, живой красотѣ,
 Въ этомъ блескѣ сверкающемъ Юга
 И созвучья, и краски не тѣ,
 Что въ наивной своей простотѣ
 Сердцу близки, какъ счастье друга.
 Это море съ душою бойца,
 Это небо съ горячимъ свѣтиломъ
 Я бы отдалъ за степь безъ конца,
 За подснежникъ, за крики скворца,
 За улыбку на Сѣверѣ миломъ!

3.

Налетѣли весенніе звуки,
 Убаювали сердце больное.
 Въ нихъ—и свѣтлыя слезы свиданья,
 И блаженство, и счастье земное.

Сердце грезить о чемъ-то безумно.
 Сердце снова беспечный ребенка.
 Чую: если не вспыхнетъ любовью,
 То откликнется пѣснейю звонко.

II.

ПРОШЛОГОДНІЙ ЛИСТОКЪ.

Я видѣлъ желтый листъ въ лѣсу на вѣтвѣ гибкой...
Разбуженный весны горячею улыбкой,
Благоухалъ отъ сна возставшій старый лѣсъ;
Средь изумрудныхъ серыгъ и кружевныхъ завѣсъ,
Въ молоденькой листьѣ, смѣющейся и липкой,
Бродилъ небесный лучъ, волнуясь и блестя,
И въ прятки съ облачкомъ играя, какъ дитя...
Весеннимъ гѣмономъ былъ полонъ влажный воздухъ;
Сновали муравьи, звенѣли птицы въ гнѣздахъ,
И лишь морщинистый, безжизненный листокъ
Растерянно дрожалъ, забыть и одинокъ.
Отъ вздоховъ грозныхъ бурь и вьюгъ неумолимыхъ
До новыхъ вешнихъ зорь онъ чудомъ уцѣлѣлъ,
Вѣщая всѣмъ, что смерть—живущаго удѣлъ...

Но билась жизнь вокругъ въ волнахъ неудержимыхъ,
И на земь мертвый листъ непонятый слетѣлъ.

А. М. Ѳедоровъ.

ЧЕРНЫЙ АЛМАЗЪ

— Diamant noir. Roman, par Jean Aicard ¹⁾.

I.

— Приведите Нору! Я хочу, чтобъ она видѣла мать свою на смертномъ одрѣ.

Это приказаніе было отдано почти грубымъ тономъ, и въ немъ звучала непреклонная воля.

Однако Марта, весьма образованная, весьма тощая и весьма осторожная особа эгоистическаго и въ то же время добродушнаго склада, рѣшилась возразить на своемъ французскомъ языкѣ, слегка напоминавшемъ ея родной — нѣмецкій, какъ говорятъ давно-офранцузившіяся нѣмцы:

¹⁾ Ж. Экаръ (Jean Aicard), избранный въ минувшемъ году въ члены Французской Академіи, поэтъ и художникъ въ душѣ, типъ восторженнаго, краснорѣчиваго провансальца, поклонника возвышенныхъ идеаловъ и чистой красоты. Онъ родился и выросъ въ г. Тулонѣ и уже въ 1857 г., еще юношей, напечаталъ сборникъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ: „Jeunes Croquanses“. Черезъ четыре года вышелъ его новый сборникъ — „Poèmes de Provence“ (третій по счету), который удостоился академической преміи, равно какъ и слѣдующій: „La Chanson de l'Enfant“. Отъ лирики онъ постепенно переходитъ къ драмамъ. Его пьеску „Davenant“ труппа изъ Comédie Française исполняла въ Лондонѣ, но лишь въ 1884 г. она же поставила въ Парижѣ его драму въ 4-хъ дѣйств. — „Smilis“; на сценѣ же Théâtre Libre, въ 1889 г., имѣла большой успѣхъ драма въ стихахъ: „Le Père Lebonnard“. Поздѣе всего является въ печати Ж. Экаръ въ качествѣ романиста. Вѣрный своимъ идеаламъ, онъ изображаетъ жизнь правдиво и реально; но въ то же время не упускаетъ изъ виду лучшія, идеальныя стороны человѣческой природы и горячо сочувствуетъ имъ. Его родина, Провансъ, и его красоты служатъ какъ бы рамкой для его первыхъ романовъ: „Le Roi de Samargue“ и др.; затѣмъ слѣдуютъ: „L'Ibis bleu“ (1894 г.), „Fleur d'Abîme“ (1895 г.) и, наконецъ, „Diamant noir“.

— О, г. Митри! Она—такой впечатлительный ребенок! Или вамъ кажется, что въ ея годы можно уже не бояться для нея такихъ потрясеній? (Маленькой Нору́ едва минуло восемь лѣтъ.)

Отецъ ея отвѣтилъ не сразу. Ему — высокому, широкоплечему—было тридцать пять лѣтъ; но подъ его могучей наружностью скрывались чисто-женскія слабости и увлеченія. Въ противоположность гувернанткѣ, онъ, наоборотъ, искалъ для своего ребенка тѣхъ самыхъ ощущеній, которыхъ опасалась Марта. Его мысль, его стремленія именно въ томъ и заключались, чтобы вселить на вѣки въ душѣ своей единственной обожаемой дочери обожаемый образъ покойницы. Тогда онъ не одинъ будетъ лелѣять въ себѣ воспоминаніе о ней; они вдводемъ сохранять отъ нея частицу чего-то высшего, неразрушимого...

— Подите, приведите Нору!—повторилъ онъ опять.

Но нѣмка рѣшилась еще разъ ему противорѣчить:

— На нѣжную душу ребенка можетъ повліять неизгладимо первое впечатлѣніе; оно можетъ отразиться на всей его жизни...

— Подите же, приведите Нору!— въ третій разъ нетерпѣливо передалъ онъ.

Марта ничего больше не сказала и вышла.

Бѣда обрушилась на Франсуа Митри внезапно; но онъ встрѣтилъ ее бодро, какъ герой.

Послѣ девяти лѣтъ почти невѣроятнаго семейнаго счастья, потому что любовь его была чиста и непорочна, онъ вдругъ очутился одинъ. Меньше, чѣмъ въ недѣлю, его жена, его Тереза, была отнята у него. Большой бѣды онъ не могъ себѣ представить; но и эта бѣда была для него неожиданностью. Ежедневно, всегда и во всякое время, мысль его не переставала слѣдить за хрупкостью всего земнаго, — какъ людей, такъ и бездушныхъ предметовъ. Митри принадлежалъ въ числу такихъ людей, которые вездѣ и во всемъ, даже подъ оболочкой самыхъ отрадныхъ условій и веселья, видятъ смерть. Бѣда опеломила его какъ громомъ, но въ душѣ онъ ей не удивлялся. Если что и казалось ему удивительнымъ, такъ это необычайная продолжительность его радостей, его блаженства... Но вотъ—счастья ужъ нѣтъ; оно прошло, оно кануло въ невѣдомую, бездонную пропасть... оно осталось далеко позади него.

Сколько же лѣтъ жилось ему счастливо? Девять? Да: девять лѣтъ! Девять лѣтъ она была здѣсь съ нимъ, неразлучно; она была его женой, его собственностью... всѣмъ, всѣмъ на свѣтѣ!.. А теперь...

Теперь въ сосѣдней комнатѣ, въ той самой виллѣ, которую

онъ строилъ для нея съ такой заботливостью и любовью на берегу моря, она—его Тереза!—спитъ холодная и блѣдная, какъ саванъ, спитъ неподвижнымъ, послѣднимъ сномъ. Она еще здѣсь, около него, но ея уже нѣтъ, и... никогда, во вѣки, она не вернется! И шумный, мѣрный плескъ необъятнаго моря у береговъ Кавалера словно баюкала ее въ ея вѣчномъ снѣ.

Заглянувъ себѣ въ душу, Митри увидѣлъ всю ея безграничность, и его взглядъ остановился, потускнѣлъ, словно отражая смутное представленіе о вѣчности, которую мы, жалкія, ничтожныя созданья, не въ силахъ постичь.

— Одѣвайтесь, Нора, одѣвайтесь!

— А! Мама вернулась?

Ее увѣрили, что ея больная мама уѣхала наканунѣ... уѣхала лечиться.

— Да, Нора, да... То есть, нѣтъ... Папá самъ вамъ объяснить,—путалась Марта въ смущеніи.

Числа и счеты ея не смущали, но вопросы ставили ее въ тупикъ, если они не стояли въ учебникахъ. Она была добраго сердца и заплакала, одѣвая дѣвочку съ помощью горничной Катерины, которую Нора звала—Катри.

На-скоро, какъ умѣли, ей скроили и шили черное траурное платье.

— Фу, какое гадкое!—замѣтила Нора, какъ только его увидала, и весьма выразительно надула губки.

Марта заплакала еще сильнѣе.

— Да и вы тоже,—восьясь на нее, проговорила дѣвочка:— Вы тоже гадкая... когда вы плачете!

Катерина улыбнулась, а Марта сдѣлала недовольную гримаску.

— Теперь не до шутокъ, — замѣтила она: — всѣ въ домѣ плачутъ, потому что ваша мама...

— Да развѣ она умерла? — вдругъ спросила Нора и сама смутилась, готовая уже расплакаться.

Понятно, она не разъ видѣла мертвыхъ насѣкомыхъ и животныхъ, но ей это казалось естественно и даже желательно въ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ полагалось кушать. По ея дѣтскому разумѣнію „умереть“ значило просто—больше не двигаться, не шевелиться; но въ примѣненіи къ людямъ ея понятіе о смерти, хоть оно и не было связано ни съ какимъ тягостнымъ воспоминаніемъ, а все-таки соединялось въ ея представленіи съ понятіемъ о продолжительной разлукѣ.

— Такъ, значить, я... я ее больше не увижу? — продолжала она. — Вѣдь мертвыхъ никто не видитъ?

Она обернулась лицомъ къ Катри, въ ожиданіи отвѣта. Ея бѣлыя круглыя плечики выступали изъ-подъ помочей мягкаго лифчика безъ костей, а глаза широко раскрылись въ усиліи понять хорошенько отвѣтъ.

— Ну, теперь платье! — объявила, вмѣсто отвѣта, Марта.

— Нѣтъ, нѣтъ! — рѣзко отчеканивая каждое слово, возразила Нора и подтвердила свое сопротивленіе, подернувшись всѣмъ своимъ тѣломъ и хорошенькой головкой; потомъ капризно и шаловливо повела плечикомъ и проговорила:

— Во-первыхъ, я хочу знать: гдѣ мама?

Характеръ у нея былъ властный, настойчивый. Въ ея черныхъ глазахъ горѣлъ взглядъ рѣшительный и упрямый; она не слушала сразу никого, кромѣ отца съ матерью, и спорила со всѣми, кромѣ нихъ. Впрочемъ, они баловали ее, какъ единственную свою дочь и наслѣдницу.

Марта поняла, что конца съ ней не будетъ, и перебила ее:

— Папа зоветъ васъ, Нора... зоветъ къ мамѣ, къ вашей бѣдной мамѣ!

И Нора тотчасъ же безпрекословно дала продѣть свои руки въ узкіе рукава чернаго платья.

Утромъ, когда она еще спала, отецъ заходилъ взглянуть на нее; поцѣловалъ въ лобикъ тихонько и ушелъ, ступая осторожно, на цыпочкахъ.

Теперь же онъ сидѣлъ внизу въ залѣ и поджидалъ ее, тяжело опустившись въ кресло, и безцѣльно смотрѣлъ въ открытое окно, въ пространство, гдѣ виднѣлось широкое море. Онъ глядѣлъ на него и прислушивался къ его мѣрному шуму, съ которымъ соразмѣрялась жизнь на виллѣ, прислушивался и къ шопоту елей въ парѣ, замкнутомъ въ рѣшетчатой оградѣ... И ему живо вспоминалось его прошлое за минувшія девять лѣтъ.

Когда онъ познакомился съ Терезой, дочерью известнаго адвоката въ Парижѣ, ей было шестнадцать лѣтъ; а два года спустя онъ уже былъ женатъ, и она безпрекословно, нѣжно и послушно, съ трогательной нѣжностью и любовью подчинялась всѣмъ желаніямъ мужа, который казался ей энергичнымъ человекомъ, а былъ только порывистымъ и страстнымъ. Она во всемъ ему повиновалась и только разъ (о, одинъ только разъ!) и изъ-за пустяковъ не согласилась съ нимъ: это было по поводу ея знакомства съ Люсьеномъ Узлѣ, котораго Тереза знала еще съ дѣтства. Франсуа Митри не особенно благосклонно смотрѣлъ на ея

привязанность и потребовалъ отъ нея этой жертвы; но она не соглашалась, и ему пришлось самому просить Люсьена больше у нихъ не бывать. Тогда молодой адвокатъ исчезъ безслѣдно, и Тереза, казалось, такъ была огорчена, что теперь, вспоминая объ этомъ, Франсуа горячо пожалѣлъ, что причинилъ покойницѣ такое огорченіе, тѣмъ болѣе, что оно было и осталось единственнымъ за всю ихъ супружескую жизнь.

Это случилось въ первое же время послѣ ихъ свадьбы, и послѣ того... Послѣ,—какъ ни вглядывался, какъ ни вдумывался онъ въ цѣлый рядъ дней и часовъ, проведенныхъ съ нею, онъ ничего не видѣлъ, не припоминалъ со стороны Терезы, кромѣ покорности, и нѣжности, и ласки, и желанія нравиться ему, радоваться своей любви къ нему.

Вскорѣ весь домъ оживило появленіе ребенка; ихъ жизнь текла словно подъ обаяніемъ волшебства, зимой — въ Парижѣ, въ ихъ собственномъ отелѣ, куда онъ спѣшилъ отдохнуть отъ занятій, а лѣтомъ—въ Провансѣ, у красивыхъ береговъ Кавалера (въ провинціи Вара), гдѣ они проводили три мѣсяца ежегодно.

Франсуа Митри былъ банкиръ; но прежде всего онъ былъ артистомъ и художникомъ-влюбленнымъ. Золото было для него лишь средствомъ и средствомъ подчасъ докучнымъ, но вѣрнымъ, чтобы достигнуть самыхъ утонченныхъ наслажденій. Въ его глазахъ чеки представляли собою путешествія, красивые виды, безоблачное небо и цвѣты... Да! Главное—множество цвѣтовъ, всегда и во всякое время года. Тереза никогда не забывала щедро украшать ими столъ, уставленный самымъ изысканнымъ приборомъ.

Кончено! Все кончено вмѣстѣ съ ея кончиной!.. Но развѣ онъ не мужъ и не мужчина? Онъ всѣмъ это докажетъ. Жизнь никого не падить, и другимъ приходится еще горше, чѣмъ ему.

Счастье цѣлыхъ девяти лѣтъ—развѣ это не все равно, что взятое взаймы у невѣдомаго, невидимаго для насъ врага, который ожесточенно преслѣдуетъ всѣхъ живущихъ и который, все-таки, допустилъ ихъ въ молодости жить, какъ въ очарованномъ, блаженномъ снѣ. Но ему оставалась дочь, его Нора,—это живое олицетвореніе его прошлаго, его грядущаго. Для нея онъ будетъ жить, бодриться и работать для нея же, для нея одной!

И, наконецъ, хоть она и умерла, его обожаемая жена, его Тереза,—ему все еще какъ-то не вѣрилось... Развѣ люди умираютъ?

— А вотъ и Нора!—проговорила Марта.

Митри мигомъ вскочилъ, обхватилъ дочь обѣими руками и прижалъ ее къ своей широкой груди съ долгою, сильною лаской, съ невыразимой нѣжностью, какъ бы желая, чтобы она слилась въ одно съ его душой и его сердцемъ, раскрывшимся ей на встрѣчу.

Онъ, значить, потому и не поддавался отчаянію, что у него на память о Терезѣ оставалась Нора.

— Дочка моя! Дитя мое!..

Этимъ движеніемъ, этимъ крикомъ онъ словно порывался вернуть себѣ и жизнь, и любовь, и обладаніе опять покойницей—ея воспоминаніемъ; а самъ, на краю зіяющей бездны, чувствовалъ, что его влечетъ къ себѣ жизнь, въ лицѣ слабого ребенка, котораго онъ прижимаетъ къ сердцу.

— Нора! Нора! О, моя крошка дорогая!

И въ нѣдрахъ его сердца завипѣло таившееся родительское чувство, овладѣвая имъ съ головы до ногъ, какъ будто изъ глубины земли, въ которой покоятся мертвецы, электрическій токъ сообщилъ ему сокрытыя въ ней силы жизни.

Густые черные волосы дѣвочки разметались у нея по спинѣ и она приникла головой къ отцу на грудь. Обнимая его полную шею обѣими руками, она тоже горячо, порывисто прижималась къ нему.

Еще наканунѣ она думала не разъ то, что вырвалось теперь у нея:

— О, папа! Спрячь меня у себя!

Въ отвѣтъ на ея призывъ, на ея желанье, чтобы онъ защитилъ ее, отецъ положилъ ей на голову свою руку, а другою нѣжно обнялъ малютку. И она, касаясь личикомъ его бороды, шепнула ему на ухо.

— Ну, говори: гдѣ мама?

Силачъ и герой вдругъ опустился, побѣжденный, и тихо посадилъ ребенка къ себѣ на колѣни.

— Гдѣ твоя мама?.. Слушай!.. Ты не будешь бояться? Ты мнѣ общаешься? — но вдругъ остановился, чувствуя, что смущается, робѣетъ съ каждымъ словомъ. А между тѣмъ ему такъ не хотѣлось, чтобы „она“ оставила свой домъ навѣки безъ дочерняго послѣдняго поцѣлуя; чтобы дочь навѣки лишилась матери своей, не обнявъ ее еще одинъ разъ.

— О, дорогая! Твоя мама... — началъ онъ опять, и рѣзкое громкое рыданіе вырвалось у него неволью изъ глубины души.

Ему вдругъ показалось, что слова излишни, что его рыданье

достаточно подготовило ребенка къ ужасному зрѣлищу;— что объяснить смерть одинаково трудно какъ взрослому, такъ и ребенку; и, наконецъ, если ужъ онъ хотѣлъ, чтобы Нора непременно видѣла мать свою мертвой, чтобы неизгладимо въ ней запечатлѣлся ея образъ,— не лучше ли сразу показать ей ту, которую онъ такъ оплакивалъ горько?

— Да, твоя мама... Пойдемъ къ ней, пойдемъ! Потому ты ее больше не увидишь никогда... никогда! Но я съ тобой останусь... да, съ тобой!

И онъ понесъ малютку на рукахъ туда, гдѣ ее ожидало горе; и обнималъ ее такъ нѣжно и такъ сильно, что его объятия, казалось, были сильнѣе смерти.

На постели—цвѣты; множество цвѣтовъ.

Въ открытое окно смотрятъ вѣтви мимозы и словно предлагаютъ на придачу еще свои цвѣты. Синяя полоса моря словно пополамъ перерѣзаетъ широкое отверстіе оконной рамы. Цвѣты и листья тихо трепещутъ подъ дуновеніемъ вѣтра, который подгоняетъ лодки въ открытомъ морѣ. Ровное стenanье морского вала, который, какъ бы ласкаясь, принимаетъ къ прибрежному песку, звукомъ своимъ напоминаетъ бiеніе сердца, которое не умретъ во вѣкъ. У постели пылаетъ слабое, желтое пламя; оно не въ силахъ соперничать съ яснымъ свѣтомъ голубого дня.

Подъ бѣлыми покрывами тѣло покойницы выступаетъ рѣзкими очертаніями. Руки ея скрещены на груди и тонутъ въ цвѣтахъ. Глаза ея сомкнуты; на бѣлыхъ, безкровныхъ вѣкахъ дыбомъ стоятъ черныя рѣсницы; лицо красиво, хоть и поражаетъ своимъ бѣлымъ безжизненнымъ оттѣнкомъ, подъ черными, какъ смола, волосами. Она спитъ... но какимъ сномъ?.. Какія слова пойдутъ на умъ въ неестественной, напряженной тишинѣ, въ которой они для человѣческаго слуха уже не имѣютъ смысла?

Нора, на рукахъ у отца, видитъ все это и широко раскрыты ея большіе черные глаза. Она—дитя: она не знаетъ ничего... но вѣдь и онъ, взрослый человѣкъ,—онъ тоже ничего не знаетъ. Онъ наклоняетъ къ матери ребенка; дѣвочка смотритъ—и не узнаетъ ее.

— Но это мама,—да! Только зачѣмъ она такая... бѣлая и почему не дышетъ, когда спитъ?

Ея лицо ничего уже не говоритъ малюткѣ; и Нора это чувствуетъ. Развѣ мамы здѣсь нѣтъ? Да нѣтъ же, она тутъ! Сомнѣнія, таинственность озадачиваютъ ее, и она смотритъ, безчувственно, какъ бы ошеломленная, на бѣлое лицо матери, которое для нея чуждо, и къ которому ее медленно наклоняютъ.

Вотъ оно уже близко, и Нора касается губами твердаго и словно обтянутаго кожей, холоднаго лба... О, что за ужасъ этотъ холодъ,—холодъ неподвижнаго, мертваго тѣла!..

— Мама!..

И Нора въ ужасѣ откидывается назадъ, прижимается лицомъ къ теплому шеѣ отца и, прижавъ къ ней губами, словно вдыхаетъ въ себя сознание жизни и тепла.

— Ну, ну, довольно! — говоритъ отецъ. — Пойдемъ прочь, Нора. Надо молиться Богу за нее... Мы никогда ужъ больше ее не увидимъ!

Съ ребенкомъ на рукахъ онъ спускается внизъ по мраморной лѣстницѣ и тамъ, на порогѣ виллы, ограда которой не мѣшаетъ видѣть море, лежащее впереди какъ бы синими полосами, которыя красиво оживлены кудрявыми вѣтками розъ и жимолости, пробивающимися между рѣшеткой,— тамъ онъ даетъ свободу своей плачущей дѣвочкѣ, какъ птичкѣ, выпуская ее изъ рукъ:

— Поди, поиграй со своими собаками: онѣ такъ тебя любить! Смотри-ка: вотъ Юнона и твой старикъ—Юпитеръ. Побудьте съ нею, Марта; но прошу васъ сегодня не выходить изъ парка за ограду.

Норѣ едва минуло восемь лѣтъ,— и она, вся заплаканная, бросается къ своему Юпитеру, обѣими руками дергаетъ его за хвостъ.

Добрый песъ оборачивается и, взмахнувъ своимъ большимъ языкомъ, награждаетъ дѣвочку такимъ усерднымъ поцѣлуемъ, что она, сидя, падаетъ на землю.

Она заливается хохотомъ, и ея слезы, сверкая на солнцѣ, какъ росинки, катятся на ея румяныя, смѣющіяся губки...

II.

Тереза просила, чтобы ее похоронили на кладбищѣ Лаванду.

— Тамъ,—говорила она,—я буду не слишкомъ далеко отъ васъ, и даже буду ближе, чѣмъ въ Парижѣ; не хочу я больше туда. Счастливѣе всего мнѣ жилось здѣсь!

И все было сдѣлано, какъ она того желала.

Мужъ ея стоически перенесъ все, что было роковаго и естественнаго въ смерти, которая выше и властнѣе человѣческой воли; онъ чувствовалъ, что его силъ хватить примириться съ бѣдой, грудью встрѣтить ее; и въ этомъ смиреніи передъ неиз-

бѣжностью, обусловленною законами природы, онъ самъ наблюдалъ за малѣйшими подробностями печальныхъ обрядовъ: самъ положилъ въ гробъ свою нѣжно любимую жену, самъ своими руками осторожно убралъ ее; а когда уже наложили крышку, онъ велѣлъ еще разъ открыть ее, чтобы положить ей миниатюрный портретъ ея дочери въ медальонъ: онъ повиновался какому-то дѣтски-благотворному чувству. Гордый своимъ самообладаніемъ, онъ стойко перенесъ всѣ послѣдовательные обряды прощанія съ покойницей и погребенія. Когда же потомъ чаша горести его переполнялась, онъ бѣжалъ къ дочери, поднималъ ее обѣими руками и, близко заглядывая ей въ лицо, искалъ въ немъ сходства съ покойницей, цѣловалъ ее и повторялъ:

— Но я вѣдь у тебя остался, я остался! Все для тебя, дѣтя, все... все!

Затѣмъ онъ снова возвращался, уже ободренный, къ своимъ печальнымъ хлопотамъ.

Разъ какъ-то онъ слишкомъ больно прижалъ къ сердцу свою Нору, страстно приговаривая:

— А хорошо вѣдь имѣть папу, дѣвочка?

Малютка невольно тихо вскрикнула отъ боли:

— О, мнѣ больно!—и отецъ сдержался.

— Я буду умникомъ... ради тебя!—и нѣжно, легко коснулся поцѣлуемъ ея глазъ;—такъ нѣжно и легко, что Нора сама пояснила:

— Совсѣмъ какъ мама, когда она говорила, что силъ у нея больше нѣтъ...

Когда могилу уже засыпали, а Митрѣ уже заказалъ надгробный памятникъ, онъ вмѣстѣ съ дочерью на нѣсколько дней уѣхалъ изъ Кавалѣра; но затѣмъ, вернувшись, нашелъ себѣ печальную отраду въ своемъ желаніи обратить комнату жены въ какое-то святилище, полное воспоминаній объ отшедшей. Всѣ вещи, вся обстановка ея комнаты, были оставлены безъ перемѣны: Митрѣ даже особенно старался придать ей обитаемый видъ и все размѣстить именно такъ же точно, какъ Тереза оставила его въ моментъ своей кончины. Рабочій столикъ ея бабушки, съ откинутою крышкой, былъ опять придвинуть къ козеткѣ, на которой „она“ всегда сидѣла; шелки и катушки съ неоконченной работой такъ и были оставлены, какъ лежали, когда она ее только начала. На маленькомъ столикѣ — книга съ замѣткой на открытой страницѣ; въ шкафахъ—бѣлье, нетронутое, оставлено въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ она послѣдній разъ въ нему прикоснулась. Единственно, въ чемъ бѣдный мужъ

распорядился произвольно, такъ это въ размѣщеніи ея драгоценныхъ украшеній. Онъ открылъ всѣ футляры и разставилъ ихъ за стекломъ, въ шкафу; глядя на нихъ, онъ вспоминалъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ они были подарены имъ, или выпрошены ею. Вспомнилъ онъ также, какъ она, капризно, какъ дитя, пожелала имѣть вотъ ту золотую булавку съ чернымъ алмазомъ; вспомнилъ и то, что вечеромъ, въ день свадьбы, онъ долго-долго любовался черными и ясными глазами своей молодой жены, отбѣненными матовой бѣлизной ея лица, и какъ, въ порывѣ чувства, онъ назвалъ ее самъ: „Мой черный алмазъ“...

Онъ положилъ его на виду, на самый край полки, и ему пришло въ голову невольно, что ея собственное чувство къ нему, отличавшееся твердостью алмаза, теперь навѣки, какъ и онъ, окрашено въ черный, траурный цвѣтъ... какъ сама смерть.

Наконецъ, на кружевные подушки на ея постели, которую она, казалось, была вотъ-вотъ готова принять своимъ изящнымъ, прелестнымъ бюстомъ, Митри самъ положилъ одинъ изъ тѣхъ букетовъ, которые стерегли ее, мертвую, и самъ далъ себѣ обѣщаніе ежедневно мѣнять цвѣты въ вазахъ, украшавшихъ дорожку для него комнату жены. Въмѣсто большого бѣлаго Распятія, висѣвшаго у нея на стѣнѣ, надъ изголовьемъ, онъ самъ повѣсилъ ея большой портретъ. Но затѣмъ его словно укорила совѣсть, затѣмъ онъ измѣнилъ ея собственнымъ желаніемъ, и онъ поспѣшилъ водворить ея портретъ на прежнее мѣсто, въ гостиной, а Распятіе—надъ изголовьемъ Терезы. Ему казалось даже страннымъ, что онъ, хоть на минуту, могъ допустить подобную перемену, и цѣлый день онъ упрекалъ себя за свою неудачную мысль.

Иной разъ онъ подзывалъ Нору и серьезно обращался къ ней съ вопросомъ:

— Ну, чтѣ ты скажешь, крошка: красиво?

— О, да! Но я хорошо помню, мамочка говорила Катри: „Никогда не ставьте этого сюда!“—И отецъ, счастливый, что ему удалось получить точное указаніе, ставилъ вещи туда, гдѣ хотѣла ихъ видѣть покойница.

— Но, папочка, затѣмъ же?.. Если мамá ужъ больше не вернется?—возражала крошка.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, милочка моя! Если мы съ тобой будемъ видѣть ея вещи на томъ же самомъ мѣстѣ, мы можемъ, пожалуй, подумать, что она еще здѣсь... ты понимаешь? Мы будемъ ее поджидать... всегда, всю нашу жизнь!

Въ своихъ мечтахъ отецъ не замѣчалъ, что его разсужденія

не совсѣмъ доступны дѣтскому разумѣнію, и онъ невольно, изъ любви же къ дочери, огорчалъ ее.

Провозившись такимъ образомъ нѣсколько дней, въ одно прекрасное утро Франсуа довольнымъ взглядомъ окинулъ всю созданную имъ обстановку и, вздохнувъ глубоко, машинально отперъ послѣдній, еще неосмотрѣнный ящикъ. Въ этомъ потайномъ ящичкѣ онъ нашелъ небольшую связку писемъ; но почеркъ не былъ похожъ на почеркъ Терезы:

— „*Сожечь въ случаѣ смерти*“ — стояло на наружномъ конвертѣ, а на печатяхъ былъ вензель: „Л.“ и „У.“

Митри невольно пояснилъ себѣ: „*Люсьенъ Узло*“, — но и только.

„Вотъ какъ!“ — подумалъ онъ, и безъ малѣйшихъ разсужденій развелъ уже приготовленный огонь, положилъ на дрова пакетъ и сталъ смотрѣть, какъ онъ будетъ загораться.

Пламя, не слѣша, лизало плотно связанный пакетъ; но вотъ веревочки лопнули, сургучъ распустился и потекъ; концы связки закрутились, раскинулись по сторонамъ. Кучка сложенныхъ писемъ разсыпалась; почтовые листки, скользя, отъѣхали къ самому ковру, къ ногамъ задумчиво глядѣвшаго на нихъ.

Гибкая вѣтка, которая попала среди полѣнъ, выпрямилась подъ вліяніемъ огня, когда онъ добрался до нея и, отогнувшись, какъ гибкая пружина, разбросала остальные письма. Добычею огня остались лишь два-три листка, которые сгорѣли до тла... Свиста и шипа огонь потухъ.

Тогда Франсуа наклонился, — наклонился и поднялъ тѣ изъ писемъ, которыя такъ неожиданно сами вернулись къ нему. Онъ положилъ ихъ на кончикъ стола и, не испытывая ни тѣни подозрѣній или страха, словно въ разсѣянности повинувшись своей судьбѣ, въ силу независящихъ отъ него обстоятельствъ, принялся ихъ читать одно за другимъ...

Тереза обманывала его еще до замужества! Письма эти, почеркъ которыхъ былъ ему знакомъ, принадлежали Люсьену Узло, — любовнику Терезы. А Нора — его Нора! — больше ему ужъ не принадлежала: она — дочь того, другого... Да, она — „его“ Нора!

Цѣлый часъ читалъ и перечитывалъ онъ все, съ начала до конца, безчувственный, какъ бы застывшій отъ горя, которое слишкомъ глубоко поразило его. Онъ старался убѣдить самъ себя, что нельзя же не вѣрить очевидности; а между тѣмъ все вокругъ горячо противорѣчило ужасному открытію, — все говорило объ искренности любви къ нему покойницы, образъ которой онъ

видѣлъ и любилъ въ лицѣ ихъ дочери, этого живого олицетворенія Терезы.

Утомленный своимъ ошеломленнымъ, неподвижнымъ состояниемъ, Франсуа всталъ и прошелся по комнатѣ. И въ мигъ, живѣе, чѣмъ когда-либо, послышался ему голосъ покойницы-жены, ея ласковый, милый голосъ, когда она говорила:—Бѣдный Люсьенъ!

И этотъ голосъ, которымъ она возражала мужу на его требованія больше не видаться съ Люсьеномъ, вдругъ пробудилъ въ опечаленномъ вдовцѣ то же недовольное, ревнивое чувство, которое въ немъ шевельнулось тогда. Въ ту же минуту,—довѣрія его въ женѣ какъ не бывало!

Всѣ годы радости, душевнаго спокойствія и счастья, которые ему дала его Тереза,—все было забыто; и его сердце, до тѣхъ поръ прикрытое, какъ надежной броней, воспоминаніемъ о нихъ,—вдругъ осталось открыто ударамъ ядовитаго кинжала. И, забывъ, что она умерла, несчастный весь отдался жаждѣ помучить ее, распросить... заставить ее отвѣчать и даже можетъ быть—оскорбить!

Но она далеко, она защищена отъ всѣхъ людскихъ страстей; она тамъ, гдѣ имѣютъ право укрыться души всѣхъ людей, безразлично. Она, покойница, настигла его живого, изъ-за гроба; но ему до нея не добраться: она въ всякихъ преслѣдованій, она неуловима! Покорить ее было невозможно; а между тѣмъ...

Сомнѣнія излишни: развѣ не стоитъ вотъ здѣсь такъ, прямо: „...я васъ люблю...“, а тамъ еще яснѣе: „...нашъ проступокъ...“, „...бѣдняга мужъ...“; „...наше дитя, наша малютка, дорогая...“: „...Что жъ дѣлать? насъ вынудили обстоятельства“... И затѣмъ начинались объясненія, ясныя, подробныя, неопровержимыя! О, Боже, Боже!

Вдругъ Франсуа Митри испустилъ нечеловѣческій вопль и, ухватясь судорожно-сжатыми руками, рвалъ себѣ волосы на головѣ. Зубы его стучали, и мощь его, помогавшая ему нести тяжелое бремя горя, пала во прахъ, разсыпалась передъ ея измѣнной. Сердце его порывисто росло и разрывалось. Изъ груди его вырывалось хриплое влопотаніе. Въ воспаленныхъ глазахъ кипѣли и жгли задержанныя слезы... и вдругъ хлынули неудержимо, какъ потокъ, какъ горячая кровь изъ неожиданно развернувшейся раны... Всѣ его силы, мысли и чувства были теперь сосредоточены единственно на ужасѣ, который возбудила въ немъ роковая вѣсть, что онъ такъ свято вѣрилъ постоянно

наглому обману; ужасъ сознанія, что онъ возвелъ въ степень святой и непорочной—негодную, порочную женщину!

Его страданіе не находило словъ; слова всё выразились въ краткомъ, отчаянномъ воплѣ, который вызывасть ощущеніе невыразимой боли и душевной боли, ужаса и полного ошеломленія.

— О!.. О!.. О!..—кричалъ онъ дико; и мало-по-малу, подчиняясь физическому утомленію, крикъ его становился глуше и все рѣже вырывался изъ его судорожныхъ губъ, теряясь гдѣ-то въ неизвѣданной глубинѣ его собственной надорванной души...

Въ эту минуту къ нему вошла Нора, нагруженная свѣжей зеленью и цвѣтами. Она остановилась на порогѣ и за ней виднѣлась добродушная большая морда Юпитера. Дѣвочка сразу увидала, что папа плачетъ, и тихо-тихо, осторожно подошла къ нему, „чтобъ его испугать“, — чтобъ неожиданно поразить его массой цвѣтовъ, которые она нарвала. И въ самомъ дѣлѣ, она его испугала.

Она бросилась и прижалась къ нему, чуть слышно шепча ему вѣжное:

— Папа!..

А онъ, воображая, что его осаждаетъ одинъ изъ призраковъ его кошмара, оттолкнулъ ее прочь твердо вытанутой рукою и оттолкнулъ такъ сильно, что малютка на пяточкахъ отскочила назадъ, въ дверямъ, на то же мѣсто, съ котораго только что подошла къ нему.

И отступая, словно подъ вліяніемъ какой-то ужасающей, сверхъестественной силы, Нора видѣла передъ собою озлобленный взглядъ отца, и ей казалось, что разстояніе, которое все увеличивалось между ними, навѣки раздѣлило ихъ, какъ это бываетъ въ „страшныхъ“ снахъ. И травы, и листочки, и цвѣты, падая у нея изъ рукъ, усыпали ей путь въ этой комнатѣ, еще полной напоминанія о смерти и смертельныхъ мукахъ... Дѣвочка отступала, отступала и, не помня, не соображая ничего, хватилась головой объ острый косякъ двери и всѣмъ своимъ тѣльцемъ растянулась на полу, а струйка крови, пробиваясь сквозь ея черные волосы, текла на лоснящійся паркетъ. Глазки ея закрылись, а на полу-открытыхъ губахъ замерло мучительное восклицаніе:

— Мама!..

Словно безумный, не сводилъ съ нея глазъ удрученный горемъ силачъ, въ то время, какъ вѣрный песъ улегся на полъ, воплѣ своей маленькой хозяйки, и лизалъ ея вѣжное личико.

Митри вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, подошелъ и поднялъ дѣ-

вочку, потерявшую сознание и осторожно, осыпая ее нѣжнѣйшими именами и ласками, отнесъ въ постельку.

Но уже было поздно: она не чувствовала его ласкъ, не видѣла въ немъ этого возврата привычнаго чувства отцовской любви. Вернувшись къ жизни, она яснѣе всего изъ его отношеній къ ней помнила только его злобу и грубый ударъ, которыми онъ отвѣтилъ на ея нѣжность и ласку; а за что? Она такъ и не могла понять...

Отецъ позвалъ Марту и приказалъ послать за докторомъ; затѣмъ, какъ только она водворилась у изголовья Норы, ушелъ скорѣе прочь, съ нетерпѣніемъ снова предать себя на растерзаніе мукамъ, которыя довели его до безумства; его тянуло снова бередить свою еще свѣжую, не закрывшуюся рану; онъ спѣшилъ убѣжать подальше отъ дому, въ лѣса, на скалы и холмы...

На просторѣ его охватила жестокая ревность, тѣмъ сильнѣе возбуждавшая его, что предметъ ея былъ внѣ его власти. Онъ злился на жену, онъ не могъ ей простить, что она умерла и ушла отъ его справедливой мести. Будь она жива, онъ бы ее убилъ. Такъ нѣтъ же! И это наслажденіе она отняла у него!

— Да, да: я бы убилъ ее, навѣрное убилъ! Но прежде я бы выслушалъ, разспросилъ бы ее, я самъ бы все увидѣлъ и все бы, все узналъ!

Ревнивое любопытство терзало его, разрывало ему душу и тѣло на части. Онъ весь былъ разбитъ и истерзанъ, словно послѣ пытки. Онъ судорожно сжималъ себѣ руки; содрогался всѣмъ тѣломъ; ужасная тяжесть давила ему грудь и, порой, словно стремясь разбить себѣ голову, чтобы вырвать изъ нея мучительныя думы, онъ безпощадно, какъ безумный, волотилъ себя по головѣ кулаками.

Слезы, которыя недавно лились рѣкою, теперь иссякли, и его широко раскрытые глаза смотрѣли въ ужасѣ на воображаемыя страшныя картины,—страшнѣе всякой дѣйствительности.

„Съ самаго начала они оба обманывали меня! — думалъ онъ въ возбужденіи.—Я вѣдь былъ глупъ и вѣрилъ ей, вѣрилъ ея дѣтской стыдливости, дѣтски ясному взгляду, улыбкѣ! Они украдкой обнимались, цѣловались въ укромныхъ уголкахъ или въ саду, за кустами, а въ это время я, женихъ, былъ тутъ же, недалеко, и поджидалъ ее, и ждалъ только того, чтобы она, изящная и юная, какъ дитя, вернулась ко мнѣ. О, зачѣмъ поцѣлуи не оставляютъ по себѣ слѣдовъ? Она опять ихъ вспоми-

нала, цѣлуя меня, такъ мило выпятивъ губки, какъ это было у нея въ привычкѣ... И я на ней, на такой женился*!

Ему припомнилось, что Люсьенъ, тогда еще молодой адвокатъ, былъ бѣденъ и жаловался ему, что за него не отдають любимую дѣвушку, которая также его любитъ.

— Я такъ несчастливъ!— говорилъ онъ:— родители не соглашаются на бракъ, и обстоятельства сложились такъ, что намъ придется уступить.

Митри припомнилъ, что онъ тогда же возразилъ Люсьену, что дѣвушка, которая выходитъ за одного, а любитъ другого, недостойна того, чтобы по ней сокрушаться. Но эта дѣвушка, это была она—его Тереза! О, Боже! что за ужасъ, отвращеніе!..

Какъ знать? Быть можетъ, тотчасъ же послѣ этого разговора, Люсьенъ пошелъ къ ней, уговаривать ее, обнимать, приговаривая:

— Выходи за него, выходи; отдай ему моего ребенка и возьми отъ него все, что можешь. А мы всегда успѣемъ вернуться другъ къ другу!

Но они позабыли, что онъ можетъ догадаться, замѣтить. Положимъ, жениха имъ удалось провести, но мужа?! О, у него не даромъ было предчувствіе, изъ-за котораго онъ требовалъ, чтобы жена больше не видалась со своимъ другомъ дѣтства. Хоть въ этомъ они должны ему отдать справедливость... негодные!.. Ахъ, дрянъ, негодница!..

О, еслибъ оставалась хоть тѣнь сомнѣнія! Такъ нѣтъ же! Нѣтъ и тѣни... А Нора... Ну, кто бы могъ подумать, что это чистое, милое дитя, въ которомъ ему чудилось даже сходство съ нимъ самимъ—ходячій обманъ, наглядное во плоти доказательство преступныхъ поцѣлуевъ Терезы и „того“, другого!.. О, истина святая, святая справедливость—гдѣ ты?

„Неужели я былъ въ состояніи любить этотъ чужой,—да, да, совсѣмъ чужой для меня!—кусочекъ мяса? Что она для меня, если не кусочекъ мяса, до котораго мнѣ, собственно, и дѣла нѣтъ. А между тѣмъ ей по закону принадлежу я самъ и все, что я имѣю! Молодецъ г. Узло!.. (Кстати: гдѣ онъ теперь? Ахъ, да: въ Америкѣ, вотъ ужъ девятый годъ. И это тоже не просто!) Онъ у меня укралъ невѣсту, а теперь отнимаетъ у меня мое же состояніе для своего ребенка. Такъ-то и все на свѣтѣ: онъ въ глазахъ общества честный человѣкъ; онъ гроша мѣднаго ни у кого не отниметъ! А я—я простофиля, я дуракъ, которому впору гнуть спину, работать на чужого ребенка! И ты, представитель закона, еще смѣешь осуждать нищаго, голоднаго бѣдняка, который польстился на какую-нибудь бездѣлицу, на улицѣ,

среди бѣла дня? Да они, эти бѣдняки, эти возмущенные, когда-нибудь открыто возмутятся и взорвутъ на воздухъ, разрушать ваше „общество“—общество лжи и лицемерія, и грязи, и пороковъ! Но теперь мнѣ до этого дѣла нѣтъ; у меня нѣтъ дѣтей, и мой ребенокъ ужь не мой... не мой! У меня нѣтъ его“!

Франсуа Митри пошатнулся и упалъ на каменистую горную тропинку, на сплетшіеся корни сосенъ и дивихъ дубовъ. И тотчасъ же услужливое воображеніе показало ему въ призрачномъ видѣніи Люсьена и Терезу, обвинившихъ другъ друга руками, забывшихъ все на свѣтѣ въ страстныхъ объятіяхъ...

— Гдѣ и когда же они встрѣчались? Какъ это случилось?.. — и ужасное видѣніе становилось все яснѣе, все сильнѣе мучило его.

Франсуа не могъ спокойно лежать на землѣ, придти въ себя, и его могучій корпусъ содрогался, теряя почву подъ собою. Онъ покатился внизъ, не будучи въ силахъ удержаться, и на мгновеніе задерживали его лишь пни деревъ или торчащія наружу корни.

Ему казалось, что онъ летитъ въ пропасть, въ бездну, и это не страшило его; ему отрадно было думать, что смерть поможетъ ему настичнуть и наказать преступныхъ или, по крайней мѣрѣ, хоть дать ему покой... забвеніе!

Но вотъ его ужасное паденіе прекратилось, и онъ почувствовалъ чисто-физическую боль, которая нѣсколько привела его въ себя и умѣрила его возбужденіе.

„А я-то вѣрить не хотѣлъ, что всѣ женщины надуваютъ!—думалъ онъ, вставая на ноги.—Какъ бы не такъ? Вглядитесь хорошенько—и въ самой чистой дѣвушкѣ найдете тьму обмана и притворства. О, я имъ покажу себя: останутся довольны! Имъ весело, онѣ смѣются? Дряни, безпутницы!.. Вотъ мнѣ самому придется воспитывать такую же. Эта ужь будетъ настоящая: недаромъ она дочь Люсьена“!

Но онъ ее любилъ, въ силу привычки и нѣжныхъ заботъ о ней, и глаза его наполнились слезами.

— Бѣдняжка моя... да, бѣдняжка!—прошепталъ онъ, и ему почудился тихій голосокъ Нормы:

— Папа!..

— Да нѣтъ же, нѣтъ!—вырвалось у него, какъ дикій ревъ: —не я отецъ твой, а другой! Ступай къ нему. О, Тереза, Тереза! Теперь только я вижу, что ты могла умереть еще разъ, уже послѣ смерти,—умереть *полной* смертью! Смерть не отняла тебя у меня такъ всецѣло, какъ ты... ты сама. Боже мой, какъ ужасно мучаешь ты меня, уже неживая!

Онъ вынулъ изъ кармана свой портфель, а изъ портфеля — портретъ Терезы. Долго смотрѣлъ онъ на нее, не думая больше о Люсьенѣ, не думая ни о комъ и ни о чемъ, кромѣ ея самой, — его доброй, нѣжной, преданной Терезы, — и, медленно поднеся его къ губамъ, поцѣловалъ...

— Нѣтъ, это невозможно!.. Невозможно! — прошепталъ несчастный.

— А между тѣмъ это въ дѣйствительности было! — прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — И вдругъ мысли его словно заволокло туманомъ, и онъ упалъ на землю во весь ростъ, безъ крику, безъ движенія. У него сдѣлалось сотрясеніе мозга.

III.

Изъ Когольна поспѣшили позвать доктора, но онъ что-то не ѣхалъ. Въ комнатѣ Норы Марта сидѣла за работой. На коврѣ, поближе къ постелькѣ ребенка, лежалъ Юпитеръ, а сама Нора, страшно блѣдная, съ компрессомъ на головѣ, задумалась о чемъ-то, чего никакъ не могла понять.

Широко раскрывъ глаза съ остановившимся взоромъ, она, не моргая, смотрѣла внимательно куда-то впередъ, въ пространство, въ голубой просторъ, который синѣющей полосой кончался на горизонтѣ вмѣстѣ съ моремъ, продолжавшимся въ невѣдомой дали. Въ своей дремотѣ наяву она слышала далекое, равномерное гудѣніе моря, валы котораго какъ бы громко дышали; но вздохи ихъ были для нея менѣе важны, нежели вздохи ея большого вѣрнаго пса. Бѣдная дѣвочка недоумѣвала, не въ силахъ была разрѣшить непонятные для нея вопросы:

— Папа меня оттолкнулъ отъ себя, но почему? зачѣмъ? Никогда я не видала у него такого злого лица. Что жъ это будетъ? Что должно случиться? Развѣ я буду теперь „нелюбимой дочкой“?

Нора такъ долго повторяла себѣ эти вопросы, что перестала сама слышать ихъ въ себѣ, и погрузилась въ чувство недоумѣнія, которое они въ ней пробудили; лишь впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ сказокъ — „Красная Шапочка“ и „Мальчикъ съ пальчикъ“ — смутно овладѣвали ея мыслями и душою. Она молчала, и молча, въ глубинѣ души осуждала своего отца, но въ то же время не хотѣла его выдать. И въ ея враждебномъ молчаніи преобладало чувство гнѣва и оскорбленной гордости, которую рѣзко ощущаютъ

слабые, угнетенные болѣе сильными людьми. Очнувшись отъ обморока, Нора и не подумала заплакать.

— Вамъ больно?—спросила ее гувернантка.

— Да.

— Гдѣ больно?

— Вотъ тутъ,—и Нора коснулась рукой своей ранки.

— Но какъ это случилось?

Дѣвочка не отвѣчала и плотно поджала губки.

— Такъ какъ же, Нора?

— Мнѣ больно,—вмѣсто отвѣта повторилъ ребенокъ.

Марта наложилла ей повязку и хотѣла-было продолжать разспросы; но Катри помѣшала:

— О, бѣдная барышня! Бѣдная дѣвочка, она упала! Не надо ей давать говорить, М-ле Марта, пусть она лучше полежитъ спокойно и, если можно, подремлетъ немножко.

Гувернантка и въ самомъ дѣлѣ съ этимъ согласилась. Съ чисто-нѣмецкимъ спокойствіемъ она терпѣливо принялась опять за свое вышиванье.

Нора лежитъ задумавшись, и всѣ ея желанья, всѣ мечты направлены на то, чтобы увидѣть маму.

„О, мама, мама!..“—думаетъ малютка, и хоть не знаетъ хорошенько, чтѣ такое смерть, а понимаетъ, что мама бросила ее, мамы нѣтъ, а папа... Но мама, умирая, ее цѣловала; и она цѣловала свою маму...

„О, мамочка моя!..“ И широко раскрытые черные глазки дѣвочки наполняются слезами; ея слезы текутъ тихо и беззвучно... чтобы Марта не услышала. Она противная, Марта!

Гувернантка, углубившись въ свои собственныя думы, далека отъ Норы; она не слышитъ тихаго шума сдерживаемыхъ рыданій; не замѣчаетъ усилій дѣвочки, чтобы не замѣтили ея горя; но Юпитеръ,—тотъ все понимаетъ, тотъ умѣетъ любить.—„А, тутъ плачутъ!“—видно, думаетъ онъ. О, его не обманешь!.. Его другъ и хозяйка плачетъ! она упала... а этого забыть нельзя!

Онъ медленно встаетъ и тихо-тихо шевелитъ хвостомъ, словно хочетъ связать:

— Я здѣсь; не бойся!—и, опираясь передними лапами о подушку дѣвочки, кладетъ на лапы свою большую мохнатую голову какъ-то бокомъ, поглядывая на дѣвочку молча, но выразительно, какъ человекъ.

— Долой, Юпитеръ!—строго кричатъ Марта; но Юпитеръ—ни съ мѣста. Около тѣхъ, кого любишь, такъ уютно!

— Долой, Юпитеръ!..

Но дѣвочка садится на постельѣ:

— Нѣтъ, нѣтъ!—говоритъ она своимъ проворнымъ голоскомъ. — Я такъ хочу!—и тянется ручонкой къ огромной головѣ собаки, которая съ видимымъ наслажденіемъ закрываетъ глаза подъ ея лаской.

— Надо его прогнать,—говоритъ Марта. — Ему здѣсь не мѣсто, особенно когда вы нездоровы.

Порядокъ—для Марты—важнѣе всего на свѣтѣ. Всѣ правила и законы благовоспитанности распределены по порядку, твердо выучены ею и начертаны въ ея чистой, дѣвственной памяти.

— Собаки должны жить въ будѣ,—продолжаетъ она.— Юпитеръ! Пошелъ вонъ!

— Нѣтъ, я не хочу!—настаиваетъ Нора, вооружившись смѣлостью; и въ ея маленькомъ сердечкѣ закипаетъ жажда сопротивленія, гнѣва и даже мести.

— Мнѣ бы хотѣлось вамъ не прекословить; но я должна буду позвать Антуана, чтобы убрать эту упрямую собаку.

— Ну, позовите: Юпитеръ его укуситъ,—угрюмо возражаетъ Нора.

Марта, какъ настоящая педантка, поясняетъ:

— Вамъ же я хочу сдѣлать лучше!—и звонитъ.

— Гоните вонъ Юпитера!—приказываетъ она Антуану съ чувствомъ собственнаго достоинства.

— Ко мнѣ, Юпитеръ!—раздается ей въ отвѣтъ тонкій голосокъ Норы.

Добрый песъ быстрѣе виляетъ хвостомъ и, прекрасно понимая, чего отъ него хотять, дѣлаетъ видъ, что не подозрѣваетъ, въ чемъ дѣло. Только голова его чуть замѣтно, словно нечаянно, придвигается еще ближе къ дѣвочкѣ.

— Но... если барышнѣ не угодно...—смущенно возражаетъ Антуанъ.

— Потрудитесь дѣлать, что вамъ говорить! Кажется, мнѣ поручено воспитаніе барышни?

Антуанъ подходитъ, беретъ за ошейникъ, и голова великана тихонько поворачивается къ нему; клыки обнажаются и ясно говорятъ о намѣреніяхъ пса: такіе они крѣпкіе и острые!

— Извините,—говоритъ гувернанткѣ Антуанъ, преисполненный чувства уваженія къ могучему псу. — Не угодно ли будетъ ужъ вамъ самимъ выгнать Юпитера, если вы найдете возможнымъ. Вамъ, какъ вы справедливо изволили замѣтить, поручено вѣдъ воспитаніе барышни; но мнѣ никто не поручалъ воспитывать собакъ!

Рѣзкими движеніями своего сильнаго хвоста Юпитеръ, казалось, повторяетъ краснорѣчивѣе словъ:

— Выгнать? Мена?!.. Да ни за что на свѣтъ!

Лакей уходитъ, а добрая Марта говоритъ Норѣ:

— Ну, хорошо. Такъ и быть, вамъ его оставить... но только на сегодня!

Она снова погружается въ работу, и мысли ея текутъ обычной чередою.

Нора довольна. Въ одинъ день она успѣла научиться, что на свѣтъ есть несправедливость на ряду съ постыдной трусостью; успѣла убѣдиться, какое уваженіе къ себѣ вселяетъ сила. Нечего сказать, хорошее начало для ея новаго воспитанія! Не будь подлѣ нея собаки, дѣвочка такъ и не узнала бы, что есть на свѣтъ нѣчто такое, — такая власть и сила, въ которой всему найдешь утѣшеніе; и что это — сила, покорная чувству преданной любви и доброты. Ей только восемь лѣтъ, маленькой Норѣ, и она ничего этого не могла бы сообразить; но обстоятельства имѣютъ сильное влияніе на душу человѣка, и не будь теперь подлѣ нея Юпитера, бѣдная Нора пришла бы въ отчаяніе, погибла бы навѣки!

Печально спускались сумерки на безлюдный берегъ, на багровое приумолкшее море. Оно словно присмирѣло, видя тщету своихъ бесплодныхъ гнѣвныхъ порывовъ и жалобъ, отъ которыхъ оно, впрочемъ, не хочетъ совершенно отказаться и тихо и печально стонетъ, какъ будто примиряясь лишь на время со своимъ вѣковѣчнымъ одиночествомъ. Грустно смотреть на него прибрежные холмы изъ глубины залива и самые дальніе словно нарочно поднимаются повыше, чтобы лучше видѣть. Дубовыя и сосновыя рощи заволокло какъ бы флѣромъ: на нихъ легли мрачныя тѣни сумерокъ, и лишь кое-гдѣ изрѣдка сверкнетъ, какъ золотая слезка, прощальный поцѣлуй умирающаго солнца.

Среди этой мрачной обстановки, просторная усадьба, окруженная паркомъ за рѣшеткой, казалась какимъ-то волшебнымъ, очарованнымъ замкомъ; по крайней мѣрѣ, Нора не могла себѣ иначе представить сказочные дворцы, о которыхъ говорилось въ ея любимыхъ книжкахъ.

Явился докторъ и прежде всего прописалъ успокоительное средство.

— Да какъ это случилось? — началъ онъ разспросы.

— Я просто упала... и стукнулась объ дверь! — говоритъ кратко Нора и больше — ни слова. Никогда въ жизни она не

лгала и потому ничего больше объяснить не можетъ и не хочетъ. Она не хочетъ, чтобы люди знали, чтобы даже могли догадаться. Такая сила воли въ такомъ маленькомъ существѣ — ужасна. Оскорбленіе и гнѣвъ вызываютъ страшное возбужденіе и одинокія, тайныя муки оскорбленнаго самолюбія.

— Ничего серьезнаго, — произноситъ докторъ, но онъ видитъ только наружный ушибъ на дѣтской головкѣ; онъ вѣдь не можетъ заглянуть въ бѣдное больное сердечко, въ которомъ всю жизнь не закроется нанесенная рана.

Докторъ прощается, собирается уходить:

— А г. Митръ? Его нѣтъ дома? — спрашиваетъ онъ: — можетъ быть, онъ что-нибудь могъ бы мнѣ разъяснить. Вы же вѣдь говорите, Марта, что васъ тамъ не было, пока онъ самъ васъ не позвалъ къ ребенку.

Тутъ только спохватились, что хозяина нѣтъ дома. Слуги спрашиваютъ другъ друга, переключаются; Антуанъ идетъ и звонить къ ужину, и въ тихой сумерочной мглѣ звонъ этотъ раздается, какъ набатъ. Садовникъ придумалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ. Люди спуютъ по всѣмъ направленіямъ, крича изо всей мочи; и лѣсъ, и горы вторятъ этимъ тревожнымъ звукамъ.

Лампа еще не зажжена, и Нора, можетъ быть, въ ту самую минуту, когда она готовилась уснуть, вдругъ слышитъ всю эту суету, тревожную бѣготню и крики, и выстрѣлы, вспыхивающіе полымемъ въ полутьмѣ, передъ ея окномъ, и замирающіе въ воздухѣ вмѣстѣ со звуками колокола...

— Это что-то странно! — тихо замѣчаетъ докторъ и спускается съ крыльца. Слуги его обступаютъ.

Но вотъ всякій шумъ и переключка прекратились: всѣмъ показалось, что издали, съ холмовъ доносится чей-то голосъ.

— Да, да! Намъ отвѣчаютъ! — заговорили вокругъ.

И въ самомъ дѣлѣ, съ холмовъ донесся отчаянный стонъ, — вой Юноны, которая разыскала своего хозяина и завyla надъ нимъ, наполняя своей жалобой холмы и пригорки.

Нора привстаетъ въ своей постелькѣ. О, что за ужасъ это вытье! Дѣвочка знаетъ, что оно не къ добру: не даромъ же собакамъ запрещаютъ выть... А вой становится все отчаяннѣе, громче и протяжнѣе.

Юпитеръ стоялъ у ея кровати; но и онъ почувалъ тревогу. Онъ узналъ голосъ Юноны и, подойдя къ окну, оперся лапами на подоконникъ, задумчиво свѣсивъ хвостъ, и застылъ въ неподвижной, напряженной позѣ. Наконецъ, долго выдерживая харак-

теръ, Юпитеръ не въ силахъ долше совладать съ собой. Онъ тяжело поднимаетъ голову, вытягиваетъ впередъ свою добродушную морду съ раскрытой пастью и на зовъ Юноны отвѣчаетъ такимъ же отчаяннымъ, неупреждаемымъ зовомъ.

Видя себя отъ ужаса, Нора соскакиваетъ съ постели. Какъ была, въ своей длинной бѣлой рубашкѣ, она бѣжитъ къ нему и обѣими руками обвиваетъ его громадную голову. Не успѣла дѣвочка къ нему прикоснуться, какъ ея вѣрный песъ дѣлается уже смирише: его вытье сразу же переходитъ въ тихое стенанье и мало-по-малу замираетъ. Онъ становится на всѣ свои четыре лапы, а Нора, уже утомившись, опускается на полъ, рядомъ съ нимъ. Юпитеръ, наконецъ, ложится, и дѣвочка покрѣпче прижимается къ нему, пригрѣтая его мохнатымъ тѣломъ. Не выпуская его изъ своихъ объятий, она прислоняется головкой къ его мягкой шеѣ и... засыпаетъ: она чувствуетъ, что ее охраняютъ.

Восемь дней Франсуа Митри былъ между жизнью и смертью; но и потомъ боялись за его разсудокъ. Съ нимъ часто повторялся бредъ, и какія-то непонятныя слова преслѣдовали его болезненное воображенье.

— Псы... бродячіе псы отняли ее у меня!..— повторялъ онъ даже потомъ, когда оправился совершенно.

Юнона не отходила ни на шагъ отъ своего больного барина, а Юпитеръ—отъ барышни, и никакими силами нельзя было ихъ загнать въ будку.

Нора ни разу не спросила о здоровьѣ отца. Еслибъ онъ тогда тотчасъ же вернулся къ ней, ласковый, кающійся и нѣжный, какъ ея вѣрный другъ Юпитеръ, можетъ быть тогда и возросло бы въ ея дѣтской душѣ все то счастливое и нѣжное, что было въ ней теперь убито безвозвратно. Но болѣзнь сдѣлала Митри безпечнымъ и отдала его отъ ребенка; въ немъ развивался безучастный эгоизмъ выздоравливающаго; его могучее тѣло требовало спокойствія, здоровья. Все, что въ немъ было лучшаго, погибло за эту болѣзнь, во время его нравственныхъ и физическихъ страданій. Когда же онъ очнулся, ужасъ, и отвращеніе, и насильственное одиночество уже сдѣлали свое дѣло: они измѣнили маленькую Нору, вырыли между ней и ея отцомъ глубокую пропасть.

Онъ любилъ теперь только призракъ жены своей, Терезы, которую ненавидѣлъ. Нора любила одного только Юпитера, своего единственнаго друга.

Между тѣмъ Марта чужая въ воздухѣ нѣчто трагическое. Ея

воображеніе усердно работало надъ сопоставленіемъ паденія Норы съ болѣзнью ея отца; она все угадала, но во всемъ хотѣла сама убѣдиться.

Она тщательно осмотрѣла комнату покойницы, въ которой упала и ушиблась Нора. То мѣсто двери, о которое она стукнулась головкой, было замѣтно по пятну запекшейся крови. Никакого труда не стоило проникательной Мартѣ, чтобы угадать, что огонь въ каминѣ былъ недавно разведенъ и потушенъ; а на полѣвняхъ она отыскала случайно уцѣлѣвшій, обгорѣвшій обрывокъ письма, который говорилъ достаточно прозрачно — объ измѣнѣ. А, значить, мать Норы обманывала мужа, и онъ сомнѣвался, дѣйствительно ли онъ отецъ своего ребенка!

„Бѣдная крошка! — подумала она. — Бѣдный отецъ!“ — и мысли ея пошли дальше. Онъ теперь будетъ ненавидѣть свою дочь и самое воспоминаніе о невѣрной женѣ. „Но онъ еще молодъ... я тутъ же, у него подъ рукою... Надо мнѣ постараться сохранить за собой свое мѣсто и... почему знать? Богъ милостивъ, и съ Его помощью... Хорошо бы выписать сюда и брата моего“...

Она, чужая, уже распорядилась мысленно всѣмъ, какъ сама хозяйка. Домъ былъ такой удобный; паркъ чудесный; лѣса и виноградники давали хорошіе доходы...

„Брату двадцать-три года, а Норѣ восемь,—итого пятнадцать лѣтъ разницы. Мнѣ двадцать-пять, а г. Митри тридцать-пять,—все складывается какъ нельзя лучше. Всѣ эти бѣдствія, конечно, очень грустны; но въ то же время весьма благоприятны для меня.

И она искренно жалѣла бѣдное семейство, но не могла сама себѣ не улыбнуться одобрительной улыбкой.

— Не дать ли вамъ еще напитокъ?—спрашивала она г. Митри.

— Благодарю васъ, мнѣ уже легче.

— А теперь я пойду посмотрю, чтò дѣлаетъ Нора?

— А!—неволью вырвалось у него неласковымъ, жестокимъ тономъ.

— Чтò ей отъ васъ передать?

— Ничего; благодарю.

— Не угодно ли вамъ будетъ ее повидать? Она теперь уже совсѣмъ здорова. Она только перепугалась, когда васъ принесли домой безъ чувствъ...

Марта старалась говорить какъ можно официальнѣе, чтобы лучше прикрыть свои намѣренія, — намѣренія, впрочемъ, весьма естественныя въ ея положеніи; не правда ли?

— Я очень радъ, что она ужь здорова, — продолжаетъ г. Митри.

— Бѣдная дѣвочка, да: дѣйствительно бѣдная!.. Долго она хворала? — и онъ вздыхаетъ.

— Отъ ухаба — нѣтъ, она хворала не долго; но ея страхъ долго не проходилъ: она боялась за васъ, бѣдняжка! Собаки лаяли и выли; колоколь такъ ужасно звучалъ; она такъ испугалась шума криковъ. И, наконецъ, это было такъ близко къ кончинѣ ея мамы... Все это такъ ужасно грустно!..

— Хорошо, хорошо! Дайте мнѣ отдохнуть... Мнѣ нуженъ покой!

Марта умолкла; оправивъ больному подушки, она сама загля ночникъ и вообще всячески старалась сдѣлать свое присутствіе пріятнымъ.

— Катри посидить съ Норой; если угодно, я могу здѣсь побить у васъ, не утруждая васъ разговоромъ?

— Да, да... благодарю! — упавшимъ голосомъ говорилъ онъ и наяву, чуть слышно, какъ бы продолжая бредить, бормоталъ протяжно: — Бродячіе псы, негодные псы вырвали ее у меня!..

Марта въ полутьмѣ комнаты больного также поддавалась грусти и потихоньку улыбалась своимъ радужнымъ мечтамъ.

IV.

Гнѣвъ и ревность Франсуа Митри могли бы пройти вмѣстѣ съ его болѣзнью; но онъ къ этому и не стремился. Онъ, наоборотъ, поддался мысли бросить свою дѣятельность, которая ему теперь, — разсуждалъ онъ, — ни къ чему. Цѣль ея — доставлять роскошь и удобства Терезѣ и Норѣ — не существовала: нѣтъ у него больше жены, нѣтъ и дочери! А трудиться для чужой — что за нелѣпость! Онъ рѣшился вести затворническую жизнь на своей виллѣ, въ Кавалерѣ.

Ни разу, за всю свою болѣзнь, не пожелалъ онъ видѣть Нору; и она не спрашивала объ отцѣ, ограничиваясь тѣмъ, что узнавала со словъ Марты, Катри или слугъ вообще. Ей смутно объяснили, что такое смерть и почему ей надо покоряться, какъ чему-то неизбежному, естественному.

Подготовленная уже этимъ несчастіемъ, Нора отнеслась къ перевороту въ отношеніяхъ къ ней отца такъ же пассивно, словно къ чему-то такому же роковому и обязательному, какъ смерть. По цѣлымъ часамъ дѣвочка могла сидѣть на полу неподвижно, обнявши своего вѣрнаго пса Юпитера и мечтая о своей милой мамѣ. Благодаря этой привычкѣ, большіе черные глаза Норы

— Такъ, значить, я... я ее больше не увижу? — продолжала она. — Вѣдь мертвыхъ никто не видитъ?

Она обернулась лицомъ къ Катри, въ ожиданіи отвѣта. Ея бѣлыя круглыя плечики выступали изъ-подъ помочей мягкаго лифчика безъ костей, а глазки широко раскрылись въ усиліи понять хорошенько отвѣтъ.

— Ну, теперь платье! — объявила, вмѣсто отвѣта, Марта.

— Нѣтъ, нѣтъ! — рѣзко отчеканивая каждое слово, возразила Нора и подтвердила свое сопротивленіе, подернувшись всѣмъ своимъ тѣломъ и хорошенькой головкой; потомъ капризно и шаловливо повела плечикомъ и проговорила:

— Во-первыхъ, я хочу знать: гдѣ мама?

Характеръ у нея былъ властный, настойчивый. Въ ея черныхъ глазахъ горѣлъ взглядъ рѣшительный и упрямый; она не слушала сразу никого, кромѣ отца съ матерью, и спорила со всѣми, кромѣ нихъ. Впрочемъ, они баловали ее, какъ единственную свою дочь и наследницу.

Марта поняла, что конца съ ней не будетъ, и перебила ее:

— Папа зоветъ васъ, Нора... зоветъ къ мамѣ, къ вашей бѣдной мамѣ!

И Нора тотчасъ же безпрекословно дала продѣть свои руки въ узкіе рукава чернаго платья.

Утромъ, когда она еще спала, отецъ заходилъ взглянуть на нее; поцѣловаль въ лобикъ тихонько и ушелъ, ступая осторожно, на цыпочкахъ.

Теперь же онъ сидѣлъ внизу въ залѣ и поджидалъ ее, тяжело опустившись въ кресло, и безцѣльно смотрѣлъ въ открытое окно, въ пространство, гдѣ виднѣлось широкое море. Онъ глядѣлъ на него и прислушивался къ его мѣрному шуму, съ которымъ соразмѣрялась жизнь на виллѣ, прислушивался и къ шопоту елей въ паркъ, замкнутомъ въ рѣшетчатой оградѣ... И ему живо вспоминалось его прошлое за минувшія девять лѣтъ.

Когда онъ познакомился съ Терезой, дочерью известнаго адвоката въ Парижѣ, ей было шестнадцать лѣтъ; а два года спустя онъ уже былъ женатъ, и она безпрекословно, нѣжно и послушно, съ трогательной нѣжностью и любовью подчинялась всѣмъ желаніямъ мужа, который казался ей энергичнымъ человекомъ, а былъ только порывистымъ и страстнымъ. Она во всемъ ему повиновалась и только разъ (о, одинъ только разъ!) и изъ-за пустяковъ не согласилась съ нимъ: это было по поводу ея знакомства съ Люсьеномъ Узлѣ, котораго Тереза знала еще съ дѣтства. Франсуа Митри не особенно благосклонно смотрѣлъ на ея

лялъ ее и всюду сопутствовалъ ей, соразмѣряя свои тяжелые гигантскіе шаги съ легкими шажками своего маленькаго друга. Нора бродила по лѣсу одиноко, какъ бѣдный, заброшенный мальчикъ-съ-пальчикъ; но что бы съ нею было, если бы не Юпитеръ? Любовь и преданность, даже подъ видомъ четвероногаго — достаточный противовѣсъ всѣмъ ужасамъ природы и житейскихъ условій.

Иной разъ, въ открытую ограду, дѣвочка убѣгала въ морю и, задумчиво любуясь имъ, порой бросала въ воду кусочекъ древесной коры, за которымъ стремглавъ кидался Юпитеръ и съ гордостью, съ веселыми прыжками приносилъ его обратно.

Берегъ Кавалера дѣйствительно красивъ. Его изгибъ занимаетъ не меньше версты и смотритъ прямо въ далекое, безбрежное море. Въ самой серединѣ изгиба стоитъ избушка таможенныхъ сторожей, а за нею почва начинаетъ подниматься, переходить въ покатоги и холмы и одѣвается мрачной зеленью дубовъ. Ихъ мрачныя красоты не могли не дѣйствовать на впечатлительную дѣвочку, и она увлеклась ими до того, что забывала все на свѣтѣ.

Какъ-то разъ Нора зашла далеко отъ дома и не замѣтила, какъ наступилъ приливъ. Спѣша домой, она побѣжала и съ трудомъ вытягивала ножки изъ размякшаго, сырого песку. Море злилось, море гналось за нею! Песокъ не пускалъ ее отъ себя, а волны прыгали, ревели ей въ догонку!.. Но ея другъ былъ тутъ: онъ никогда не оставлялъ ее, и ей не было страшно.

Случалось Норѣ, — когда ее никто не видѣлъ, — пробраться потихоньку въ комнату матери и одну за другой перебирать, пересматривать всѣ вещи, которыя служили ея мамѣ. Она ихъ повертывала во всѣ стороны, любовалась ими, цѣловала... Она открывала шкафикъ и изъ-за стекла вынимала драгоценности, прижималась губами къ сухимъ цвѣтамъ, а глаза ея вопросительнымъ, глубокимъ взглядомъ смотрѣли на большое Распятіе, въ то время, какъ въ ея воображеніи оживалъ образъ матери, — такой, какъ на портретѣ въ гостиной.

Случалось также иногда, что дѣвочка останавливала взглядъ на косякѣ той самой двери, о которую она ушиблась...

„О мама, мама!..“ — думала она.

Цѣлыхъ два мѣсяца не видѣлись отецъ и дочь.

Нора прекрасно понимаетъ, что послѣ матери она хозяйка въ домѣ, и помнить тонъ, съ которымъ ея мама дѣлала замѣчанія слугамъ.

Ей неприятно было нечаянно услышать, какъ добрая Катри кому-то говорила про нее:

— Бѣдная дѣвочка! Она совсѣмъ заброшена теперь.—И чтобы показать, что вовсе она уже не такъ „заброшена“, она сама приняла со всѣми нѣсколько высокомерный и холодный тонъ. Юпитеръ сидитъ неизмѣнно у ея стула, за столомъ, а сама Нора коротко и ясно говоритъ:

— Дайте сюда картофель! Подайте мнѣ цыпленка, Катри!.. Катри! Вы всегда что-нибудь да позабудете поставить: я не вижу солоноекъ сегодня?

Марта, не желая ей противорѣчить, многое ей спускаетъ; но иногда и ей случается замѣтить:

— Нора! Такъ не годится!.. Это не принято!

— Я такъ хочу!—возражаетъ безапелляціонно дѣвочка и все-таки говоритъ и дѣлаетъ по своему.

Отецъ знать ее не хочетъ,—ну и пускай! Онъ злой, онъ больше ее не любитъ; онъ къ ней несправедливъ,—не то, что мама. Мама не дала бы ее въ обиду... Что-жъ дѣлать? Надо ужъ самой умѣть защищаться, не давать себя обижать. Иногда Норѣ кажется, что ея мамочка тутъ, рядомъ съ нею, и поддерживаетъ въ ней бодрость духа.

— А что, Катри: не кажется ли вамъ, что она вылитая мать?—спрашиваетъ Марта.

— Еще бы! Я не сегодня уже замѣчаю. Особенно иной разъ, какъ-то вдругъ... Вотъ и сейчасъ,—смотрите!..

Нора сидитъ преважно за столомъ на материнскомъ мѣстѣ. Юпитеръ тутъ же, какъ всегда; и какъ всегда его гигантская голова повернута къ дѣвочкѣ, словно магнитная стрѣлка къ полюсу. Онъ машинально поводитъ мордой, слѣдя глазами за движеніями кусочковъ, которые дѣвочка несетъ себѣ въ ротъ.

„Вотъ, очень мнѣ нужно!—думаетъ онъ.—Положимъ, на кухнѣ меня бы покормили лучше, чѣмъ въ столовой... Ну, да лишь бы насъ любили, и того довольно!“

Наконецъ, и самъ хозяинъ дома сошелъ въ столовую.

Долго старался Митри образумить, убѣдить себя, что дѣвочка невиновата, что на ней не слѣдуетъ вымещать грѣхи матери;—что это было бы даже несправедливо. И ему показалось, что онъ достаточно проникся этимъ убѣжденіемъ.

— Давно уже не видалъ я тебя, моя бѣдная крошка!—началь онъ нѣсколько принужденно.—Я былъ вѣдь очень боленъ, и ты не должна на меня сердиться.

Послѣ долгой разлуки, этихъ словъ было слишкомъ мало. Дѣвочка это почувствовала, и это смутило отца.

Нора стояла передъ нимъ, опустивъ глаза, вѣроятно потому, что смотрѣть на него ей было тяжело. Взрослая дѣвушка поняла бы, что лучше всего для нея держаться холодно, но вѣжливо; ребенокъ этого не понималъ, да и не сумѣлъ бы такъ держаться.

Отецъ ея въ эту минуту не чувствовалъ никакого влеченія пожалѣть свое дитя. Онъ въ одинъ мигъ забылъ все, что внушалъ самъ себѣ въ пользу ребенка; относился къ малюткѣ такъ же строго, какъ къ женщинѣ, и Норѣ приходилось терпѣть то, что выпало бы на долю Терезы.

Произожди это же самое свиданье между отцомъ и дочерью на другой же день послѣ того, какъ Митри забылся,—конечно, дѣло обошлось бы иначе, нежели теперь, послѣ двухъ-мѣсячной разлуки; но за это время съ обѣихъ сторонъ накопилось слишкомъ много горечи, гнѣва и одинокихъ размышлений; съ обѣихъ сторонъ чужалось ожесточеніе—и они оба это почувствовали невольно.

Франсуа Митри почувствовалъ еще большее раздраженіе; его рѣшимость быть добрѣе и снисходительнѣе была позабыта. Въ эту минуту его взглядъ упалъ на собаку Терезы, и сердце его больно сжалось.

— Кажется, Юпитеръ повадился обѣдать въ столовой?—спросилъ онъ.—Отчего же я не разрѣшаю этого моей Юнонѣ?

Нора поблѣднѣла, и ея губки дрогнули чуть замѣтно. Она безжалостно ихъ прикусила.

— Мы просто не могли съ нимъ справиться,—довольно ѣдко замѣтила гувернантка.—Онъ не хотѣлъ уходить изъ комнаты Норы и не слушаетъ даже Антуана!

Митри подошелъ молча къ ужасному псу, и, не говоря ни слова, нахмутивъ брови, потащилъ его за ошейникъ вопъ изъ комнаты.

Юпитеръ вдругъ отяжелѣлъ и положительно отказывался шевельнуть лапами или хвостомъ. Только морда его повертывалась къ своей маленькой хозяйкѣ, а глаза какъ бы спрашивали у нея разрѣшенія рвануться и мигомъ вернуть себѣ неотъемлемое право каждаго вѣрнаго пса—не покидать своего друга. Но дѣвочка только молча смотрѣла на него исподлобья: Юпитеру пришлось повиноваться. Провожая его полными слезъ глазами, она, однако, захотѣла удержаться, и чтобы ободрить себя какимъ-нибудь виѣш-

нимъ знакомъ, чтобы, такъ сказать, подтянуть сама себя, топнула на себя ногой.

— Ого! — насмѣшливо замѣтилъ отецъ и въ его глазахъ за-жглись искорки гнѣва. — Ого, точно маленькая женщина!.. Ну, Катри, подавайте!

Видѣть дочь на мѣстѣ Терезы, за столомъ, ему стало жутко, и еще живѣе разбередило его сердечную рану. Обѣдъ прошелъ въ молчаніи, которое прерывалось лишь хозяйственными замѣчаніями Марты прислугѣ.

Франсуа Митри задумался и украдкой поглядывалъ на дочь. Отъ десерта дѣвочка отказалась:

— Благодарю; мнѣ больше не хочется!

Въ это время, бывало, Нора приподнималась на стулѣ и, готовая убѣжать, спрашивала свою маму:

— Мамочка! Вѣдь можно?

Тереза притягивала ее къ себѣ, цѣловала и отвѣчала ласково: — Ступай!

Дѣвочка бросалась къ отцу, обнимала его за шею и убѣгала въ паркъ.

Но сегодня она сидѣла неподвижно, и отецъ не могъ отвести отъ нея своего внимательнаго взора. На лицѣ крошки онъ замѣтилъ печальные слѣды пережитаго горя; неподвижность взгляда ея большихъ черныхъ глазъ и темные круги подъ глазами говорили о бессонныхъ и тревожныхъ ночахъ ребенка, который еще не вышелъ изъ возраста веселья и беззаботности. Приливъ нѣжности, въ которомъ сказалась лишь обще-человѣческая жалость, такъ же былъ похожъ на его прежнюю отцовскую нѣжность, какъ теперешняя Нора была похожа на ту Нору, — его дочь, — какою она была для него еще такъ недавно.

Онъ всталъ, подошелъ къ ней, посадилъ ее къ себѣ на колѣни и положилъ руку ей на плечо:

— Ну, что же, Нора?.. Ну?.. — смущенно проговорилъ онъ.

Но и этихъ словъ было недостаточно; они тоже были здѣсь какъ-то не у мѣста. Дѣвочка чувствовала себя обиженной и, желая ускользнуть отъ натянутыхъ ласкъ отца, выпрямилась всѣмъ своимъ тѣлцемъ, вытнула ножки и, не становясь ими на полъ, соскользнула съ отцовскихъ колѣнъ. Онъ снова нагнулся и посадилъ ее; но она снова, молча, повторила то же движеніе. Чтобы заглядить передъ ней свою вину, ему слѣдовало бы горячо и искренно выказать свое раскаяніе; но онъ могъ дѣйствовать лишь разсудительно, потому что не могъ забыть про мать малютки и, въ рѣшимости быть добрымъ до конца, въ третій разъ поднималъ

съ полу ребенка. Нора опять соскользнула; и Митри, раздраженный, сухо и отрывисто замѣтилъ:

— Вотъ какъ? Изволили надуться? Ну, хорошо... Ступай играть!

„Надуться?!“ — Чтѣ за глупое, нелѣпое слово, въ сравненіи съ широкимъ, могучимъ чувствомъ, охватившимъ душу малютки, — чувствомъ болѣе почтеннымъ и всевластнымъ, чѣмъ даже чувство взрослой женщины. Но Франсуа Митри его не понялъ и помнилъ только то, что ребенокъ Терезы и Люсьена не одѣнилъ, не принялъ его ласки.

Два мѣсяца провелъ онъ въ Парижѣ и окончательно ликвидировалъ свои дѣла, а затѣмъ вернулся въ Кавалеръ, чтобъ на досугѣ поразмыслить, чѣмъ бы наполнить свою надломленную жизнь: онъ требовалъ отъ жизни если не счастья, то хоть удовольствія и развлеченій.

Окружающіе не могли не замѣтить происшедшей въ немъ перемѣны, и она отразилась даже на собакахъ, которыя теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, не разставались со своими хозяевами; а такъ какъ Нора и отецъ ея встрѣчались какъ можно рѣже, то Юпитеръ съ Юноной стали другъ другу чужими. Когда же имъ случалось изрѣдка встрѣчаться, они проходили мимо съ полнымъ пренебреженіемъ одинъ къ другому.

Марта жалѣла „бѣдную“ Нору.

„Положеніе ея дѣйствительно ужасно! — думала она. — Она не виновата, ангель Божій! Но надо же и то сказать, что г. Митри весьма естественно не можетъ ее видѣть... О, да: это вполнѣ естественно“!

Доброта Марты была на сторонѣ ребенка, но эгоизмъ заставлялъ ее взвѣшивать внимательно, какія выгоды она можетъ извлечь изъ своего исключительнаго положенія.

Вернувшись изъ Парижа, г. Митри предупредилъ ее, что на ноябрь и декабрь онъ пригласилъ къ себѣ троихъ-четверыхъ друзей, чтобъ сообща ходить стрѣлять бекасовъ, и просилъ Марту принять на себя необходимыя хлопоты и приготовленія. Въ силу этой просьбы хозяина дома, гувернанткѣ поручалось какъ бы завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ, на чтѣ она, впрочемъ, и рассчитывала. Она даже сама предложила смотрѣть за порядкомъ вообще.

Митри однажды разсердился, что нашелъ свое бѣлье въ безпорядкѣ, и Марта спросила:

— Васъ, кажется, сегодня разсердили?

— А, такъ вы слышали?..

— Все слышала; и предлагаю, если позволите, конечно...

— Ну что же, что же,—говорите!

— Что я за этимъ присмотрю.

— Пожалуйста! Но... это вѣдь еще новая для васъ обязанность, кромѣ настоящей?..

— О, помилуйте! Я уже такъ успѣла къ вашей семьѣ привязаться, что сама васъ прошу дать мнѣ только разрѣшеніе...

Матри теперь казалось, что послѣ исторіи съ письмами его уже никто не проведетъ: онъ съумѣетъ отличить ложь отъ правды, и онъ тѣмъ легче поддастся обману, что считалъ свою проникаемость непреложной. Мысленно рѣшивъ такъ или иначе вознаградить преданную дѣвушку, онъ представилъ ее слугамъ, какъ завѣдующую всѣмъ его хозяйствомъ. Слуги встревожились; но скоро поняли, что ей нужно только одно: прослыть строгой и неподкупной въ глазахъ хозяина, и что къ нимъ, въ сущности, она будетъ даже снисходительнѣе, дабы снискать ихъ расположеніе. И хозяйство въ замкѣ пошло превосходно!..

Норой она занималась немного. Вся наука дѣвочки заключалась въ чтеніи, письмѣ, простомъ счисленіи, кой-какихъ свѣдѣніяхъ по св. исторіи и по географіи. Слѣпить было некуда, да это и не на руку было почтенной учительницѣ, и потому Нору особенно не принуждали къ ученю. Отецъ сторонился ея и наединѣ со своей бывшей страстью невольнo поддавался обаянію красоты вѣроломной Терезы.

Однажды, когда онъ только-что предавался жестокому порыву ревности и любви, прижимая къ губамъ портретъ Терезы, мимо него бѣжала Нора. Онъ молча подбѣжалъ къ ней, но она испугалась и пустилась прочь отъ него. Отецъ догналъ и страстно обнялъ дѣвочку, осыпая поцѣлуями, какъ безумный, ея шейку и волосы, и щеки, и блѣдный ротикъ. Ошеломленная дѣвочка не противилась ему; но его необузданныя ласки не показались ей нѣжнѣе его грубаго толчка. Какъ только отецъ далъ ей стать на ноги, она пустилась бѣжать прочь отъ него; и она была права.

Не отецъ, даже не мужъ осыпалъ ее ласками: онъ цѣловалъ свое дитя подъ впечатлѣніемъ страсти, которая просилась наружу, которую онъ могъ чувствовать не столько какъ мужъ и другъ красавицы Терезы, а какъ ея любовникъ.

V.

Въ одинъ прекрасный день въ замокъ пріѣхалъ Гвидо де-Френэ. Онъ дипломатъ; ему тридцать-шесть лѣтъ; онъ богатъ и любитъ женщинъ. Онѣ, въ свою очередь, любятъ его, да оно и

понятно: онъ никогда и никакихъ не даетъ имъ обѣщаній, а потому и не обманулъ еще ни одной. Въ теченіе всей своей двойной карьеры—какъ дипломатъ и какъ другъ женщинъ—онъ сумѣлъ сохранить свою доброту и нѣжность, изящество и силу, которыя наслѣдовалъ отъ матери своей. Гвидо—школьный товарищъ бѣднаго вдовца, который обрадовался, когда встрѣтилъ его случайно въ Парижѣ и, подумавъ про себя:

— „Ба! Вотъ мнѣ и развлеченіе“,—прибавилъ вслухъ:—А любишь ты охоту на бекасовъ? Милости просимъ ко мнѣ, въ Кавалеръ... такъ, въ концѣ ноября!

Вотъ какъ и почему случилось, что де-Френэ очутился въ Кавалеръ.

Онъ хорошо сложенъ; роста не маленькаго, но и не большого; борода у него темная, пушистая и не длинная, а изъ-подъ нея сквозятъ упругія бѣлыя щеки. Онъ не носитъ ни моногля, ни булавки въ галстухѣ; въ общемъ же онъ ничѣмъ не отличается отъ типа хорошо одѣтыхъ мужчинъ. Только въ походкѣ его сказывалось что-то свое, особое—изящное и твердое; а по изяществу его походки и обращенія можно догадаться, что онъ былъ воспитанъ женщинами и умѣлъ ихъ любить, не заставляя ихъ страдать и плакать. Темперамента онъ чувствительнаго, но не грубаго.

Гвидо де-Френэ пріѣхалъ съ вечера, когда Нора уже была въ постели, а выйдя утромъ къ завтраку, она увидѣлась съ нимъ въ первый разъ, въ большой пріемной. Онъ ужъ вернулся съ охоты и сидитъ у стола, на которомъ лежала его мягкая войлочная шляпа. На немъ костюмъ охотника—съ кожаными гетрами, аккуратно застегнутыми на безчисленное множество пуговокъ. Нора входитъ, какъ и всегда, въ сопровожденіи Юпитера и Марты.

— Твоя дочь?—спрашиваетъ товарища Френэ.

Митрѣ блѣднѣетъ. (Отъ наблюдательнаго взора Марты такія сцены ускользнуть не могутъ.)

— Да,—говоритъ онъ:—моя дочь!

Гвидо смотритъ на дѣвочку, и оба съ перваго же взгляда чувствуютъ, что полюбились другъ другу.

Нора пріостановилась немножко и радуется про себя, что этотъ господинъ мало напоминаетъ собой нарядныхъ горожанъ; его нарядъ какъ разъ подъ стать всему, чтѣ любитъ Нора, всему, чтѣ окружаетъ ее: лѣсамъ, холмамъ и собакамъ.

Гвидо протягиваетъ ей на встрѣчу обѣ руки; дѣвочка подхо-

дить и въ его большихъ, но изящныхъ рукахъ тонуть ея маленькія ручки.

— Ну, барышня, какъ васъ зовутъ?—спрашиваетъ гость.

— Меня—Норой; а... тебя?—произноситъ она твердо и съ чувствомъ собственного достоинства.

— О, Нора! Ну, развѣ прилично говорить мужчинамъ „ты“, еще не познакомившись хорошенько?—укорила ее Марта.

— Отчего же нѣтъ?—бойко отвѣчаетъ дѣвочка.

— Меня зовутъ Гвидо, или короче: Гви.

— Миѣ это имя нравится!—заявляетъ съ таковой же увѣренностью Нора и нѣсколько разъ повторяетъ:—„Гви, Гви, Гви“!—въ родѣ щебетанья пташки.

Гвидо смѣется отъ души, и его бѣлые зубы сверкаютъ... какъ зубы ея друга, Юпитера. Нора тоже отъ всего сердца разражается беззаботнымъ смѣхомъ. Давно она уже такъ не смѣялась; съ самой смерти мамы. Ему очень нравится Нора; онъ любитъ ея большими глазами; проводитъ рукой по ея прекраснымъ волосамъ, цѣлуетъ ея блѣдныя щеки. Онъ бы не прочь имѣть такую дочь, какъ Нора.

— Счастливъ ты, что у тебя есть таковой черненькій алмазъ въ миниатюрѣ!—говоритъ онъ товарищу и беретъ Нору на колѣни.

Франсуа Митри хмуритъ брови. Ему больно, что Гвидо, для сравненія, употребилъ тѣ же слова, которыя для него были такъ полны воспоминаній, и въ которыхъ для него сливаются жена и дочь.

— Ну, ну довольно! Она тебѣ надоѣдаетъ!.. Нора, оставь же гостя и пойдй прочь!

Но дѣвочка не шевелится, и Гвидо придерживаетъ ее своей сильной рукою.

— Позволь ужъ ей остаться! Я такъ люблю красивыхъ дѣтей... когда они ведутъ себя умно!—поспѣшно прибавляетъ онъ.

Нора уже успѣла придти къ заключенію, что для Гвидо „умное“ дитя—совсѣмъ не то, что для Марты. А въ это время Марта занимается тѣмъ, что выпроваживаетъ Юпитера вонъ изъ комнаты. Зная, что угрозами ничего съ нимъ не подѣлаешь, она пускается на хитрости и манитъ его вонъ, предлагая кусочекъ какого-то лакомства. Но ея хитростямъ не суждено укрыться отъ зоркости Гвидо.

— Ужъ не ради ли меня вы хотите прогнать Юпитера? Прошу васъ, не гоните его: на дачѣ у меня мои собаки всегда сидятъ

рядомъ со мною. Я ничего не знаю лучшаго на свѣтѣ, какъ добрый, вѣрный пѣсь!

Нора смотритъ на него въ восторгѣ, полномъ удивленія: неужели есть въ мірѣ человѣкъ, который говоритъ во всеуслышаніе всѣ ея сокровенныя думы, все, что ей такъ бы хотѣлось слышать? Человѣкъ достаточно сильный для того, чтобы его мнѣнія выслушивались другими?

Разочарованная Марта оставляетъ Юпитера въ покоѣ.

— Ну, что жъ ты, Нора? — напоминаетъ дѣвочкѣ отецъ. — Дай намъ поговорить! — и голосъ его звучитъ такъ повелительно и строго, что де-Френэ уже не смѣетъ больше противиться ему.

Гвидо знаетъ хорошо, что родители предпочитаютъ быть единственными господами и повелителями своихъ дѣтей. Онъ спускаетъ Нору съ колѣнъ и, вмѣстѣ съ хозяиномъ дома, принимается обсуждать важный вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ поинтера и сетера-гордона.

Вдругъ послышался крикъ испуга:

— Нора, какъ можно! Довольно, Нора, перестаньте!..

Дѣвочка вынула изъ большого бокала еще свѣжія фіалки и, взобравшись на скамеечку позади Гвидо, одну за другой опускаетъ ихъ ему за воротникъ рубашки. Гвидо это замѣтилъ, но молчитъ и, не шевелясь, съ улыбкой принимаетъ ласку благоухающихъ цвѣтовъ; это немножко мѣшаетъ ему въ разговорѣ съ товарищемъ, но онъ старается отвѣчать, по возможности, впопадъ. Заслыша крикъ Марты, Нора слѣзла, и цѣлый пучокъ душистыхъ фіалокъ разомъ исчезаетъ за воротомъ ея новаго друга.

— Оставьте ее: увѣряю васъ, мнѣ это нисколько не больно... не мѣшаетъ! — говоритъ, улыбаясь, де-Френэ и, обернувшись къ малюткѣ, схватываетъ ее за поясъ, поднимаетъ въ воздухъ и цѣлуетъ въ большіе закрывшіеся глазки. Головкой ребенокъ прижимается къ бородастой щекѣ и ласково трется объ нее; въ его движеніи сказывается потребность въ родительской ласкѣ, какъ бывало. Прижавшись близко-близко къ уху чужого, который ей по сердцу, какъ родной, Нора тихонько, чтобы никто, кромѣ него, не слышалъ, шепчетъ:

— Я васъ очень люблю!

— А! — говоритъ Гвидо, очарованный нѣжностью этой женщины въ миниатюрѣ; и, поддаваясь врожденному кокетству, прибавляетъ: — но за что же?

— За то, что вы... вы такой добрый! — шепчетъ крошка, и голосъ ея полонъ нѣги, полонъ счастья любить...

Въ столовой, по правую руку отъ нея сѣлъ гость, и надо

было видѣть, съ какимъ достоинствомъ маленькая Нора сидѣла на своемъ хозяйскомъ мѣстѣ. Это бросилось въ глаза отцу, и онъ замѣтилъ:

— Я не совсѣмъ увѣренъ, Марта, чтобы намъ слѣдовало съ такихъ раннихъ лѣтъ уступать мѣсто женщины—ребенку; особенно же когда есть кто-нибудь посторонній!—И онъ прибавилъ, подмѣтивъ, что Нора хмурится, а Гвидо насторожился.—Мнѣ казалось бы естественнѣе и даже полезнѣе, чтобы вы впредь занимали мѣсто Норы, тѣмъ болѣе, что вы ведете хозяйство.

Нора заскребла ножкой, какъ разсерженная лошадка. Гвидо понялъ, въ чему клонилось дѣло, и не спускалъ глазъ съ нея. Она по привычкѣ передернула плечикомъ и не смотрѣла ни на кого, а куда-то въ пространство, и неподвижный взглядъ ея черныхъ глазъ металъ молніи. Гвидо сразу понялъ, что нѣмка мѣтитъ попасть въ хозяйки и, рано или поздно, попадетъ. Ребенка уже мучаютъ и обижаютъ; но будутъ обижать и еще больше. Бѣдная прелестная крохотная дѣвочка! Отношенія его къ Митри были, однако, не настолько близки, чтобы онъ могъ высказаться откровенно, но все-таки онъ счелъ за лучшее тонкимъ образомъ намекнуть ему на свою догадку и тѣмъ какъ бы заступиться за ребенка.

— Конечно, мадамзель Марта, я твердо увѣренъ, не согласится никогда отнять у Норы самое завидное мѣсто за столомъ противъ отца!—началъ онъ такимъ обаятельнымъ голосомъ, что единственно привѣтливость его бросалась въ глаза.—А мой дружочекъ Нора—не могу не признаться!—занимаетъ это прекрасное мѣсто съ честью, словно маленькая королева... Я даже горжусь тѣмъ, что сижу по правую руку отъ нея...—и Гвидо мило улыбнулся.

Митри подумалъ, что, можетъ быть, невольно выдалъ свои сердечныя сомнѣнія, и промолчалъ; а Марта мысленно дала себѣ слово какъ только возможно скорѣе добиться такого завиднаго и, такъ сказать, многознаменательнаго мѣста. Чтѣ же касается Норы...

Нора подъ столомъ тихонько воснулася рукой колѣнки своего большого друга, и онъ подумалъ съ горечью, что крошка уже научилась скрывать свои чувства и притворяться; у него больно сжалось сердце и, взявъ эту самую притворщицу-ручку, онъ положилъ ее на столъ и, не переставая сжимать ее въ своей, проговорилъ, какъ бы разсуждая вообще:

— Надо непремѣнно имѣть мужество показывать на дѣлѣ свои мысли, всегда... всегда!—При словѣ: *всегда*, онъ пристально посмотрѣлъ на дѣвочку, и Нора опустила свои смѣлые глазки

подъ его взоромъ, а маленькая ручка сдѣлала попытку вырваться изъ-подъ большой. Очевидно, Нора поняла его; это порадовало Гвидо, и онъ поднесъ къ губамъ своимъ ея ручонку, прибавивъ еще, въ заключеніе, такимъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ съ самыми маленькими дѣтьми:

— Зато потомъ такъ пріятно будетъ собой гордиться!

Какъ Нора была для Юпитера полновластной хозяйкой, такъ и необузданная упряmica Нора нашла теперь себѣ повелителя въ лицѣ Гвидо. Но Гвидо провелъ съ нею только восемь дней, и Нора снова стала одинокой. Прощаясь съ нимъ, ей большихъ усилій стоило удержаться отъ слезъ, и эти усилія, должно быть, были очень велики, такъ какъ ей это удалось исполнѣ.

Догадки гостя оправдались. Дѣла нѣмки подвигались впередъ, и даже безъ особыхъ затрудненій.

Положимъ, въ сердцѣ бѣднаго вдовца не было больше мѣста для благородныхъ чувствъ—любви и довѣрія; узнавъ, что жена ему измѣнила, онъ вѣдь самъ добровольно отъ нихъ отказался. Но послѣ того онъ рѣшилъ самъ про себя:

— Если ужъ въ мѣрѣ нѣтъ ничего, кромѣ жи и гнуснаго обмана, будемъ жить какъ бы ни пришлось!—и въ глубинѣ души въ немъ закипало чувство бѣдняка, который несчастливъ у себя въ семьѣ и предается пьянству, воображая, что въ винѣ потопить свое горе. Планъ Митри былъ таковъ: жить безъ заботы; охотиться, пить, ѣсть да спать; посѣщать веселые притоны; развлекаться съ друзьями въ Парижѣ, а пожалуй и къ себѣ иной разъ привозить изъ Монако какихъ-нибудь „Мими-Бамбошъ“. Нору скоро придется, все равно, отправить въ пансіонъ, а Марта можетъ уѣхать или остаться въ качествѣ полновластной домоправительницы, если ей угодно. Съ нею онъ бы, пожалуй, и не прочь имѣть дѣло; она знаетъ толкъ въ хозяйствѣ; она вообще человѣкъ полезный, особенно еслибы ей немножко пополнилъ!

Чего смотрѣть,—и ей, пожалуй, можно, въ свою очередь, оказывать вниманіе.

Онъ думалъ такъ со злости,—изъ мести къ женѣ, къ покойницѣ Терезѣ; онъ поддавался злу; онъ не старался подавить въ себѣ это злобное чувство.

Между тѣмъ Марта и сама находила для себя не лишнимъ пополнитъ, и это не укрылось отъ Митри. Однажды утромъ, здоровый, послѣ спокойно проведенной ночи, онъ вернулся съ охоты бодрый и возбужденный и не постѣснился высказать въ лицо са-

мой Мартъ свои наблюденія. Скромная дѣвственница вспыхнула и стыдливо, подобно Галатеѣ, поспѣшила скрыться за раскидистую иву, гдѣ онъ нагналъ ее, конечно, безъ особаго труда.

Нѣсколько времени спуста, она ужъ говорила ему на трехъ языкахъ—нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ:

— Я васъ люблю!

Въ лицѣ ея Митри могъ теперь вдоволь насладиться прелестями синтависса, педантизма и вульгарности, и даже нашелъ это для себя удобнымъ.

— Весьма возможно, что она мнѣ измѣнитъ, дабы осчастливить Антуана,—злбно усмѣхался онъ порой, бродя одинъ по берегу моря или по холмамъ.— Но если я ее накрою,—право же это будетъ презабавно! Я буду не прочь хоть на одной изъ нихъ выместить зло, которое причиняютъ всѣ онѣ своимъ притворствомъ!

Вотъ до чего палъ низко Франсуа Митри; до чего пагубно повліяла на него болѣзнь, послѣ которой не разъ ему случалось впадать въ забытѣе наяву и бормотать уныло, какъ тогда, въ горячечномъ бреду:

— Бродячіе псы, негодные псы отняли ее у меня!

И въ такія минуты взглядъ его, скользившій безучастно по окружавшей его обстановкѣ, дѣйствительно напоминалъ взглядъ сумасшедшаго.

Между тѣмъ дочь его не забывала Гвидо, который промелькнулъ въ Кавалерѣ, какъ доброе видѣніе въ аду; но и его образъ мало-по-малу потускнѣлъ, и Нора осталась опять одна на борьбу со злыми вліяніями, которыя ее окружали со всѣхъ сторонъ. На это не хватило бы ея слабой силенки, и она, маленькая, безпомощная, ищетъ защиты въ лукавствѣ. Въ сущности, можно ли ее винить? Конечно нѣтъ; и еслибъ тутъ случился ея другъ „Гви-Гви“, онъ не особенно бы на нее сердился и только останавливалъ бы ее нѣжно, полный предупредительности и жалости въ бѣдной малюткѣ. По прежнему главнымъ утѣшеніемъ Нору оставались ея прогулки въ обществѣ Юпитера; но, благодаря этимъ прогулкамъ, она узнала и другое общество, а именно — троихъ или четверыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ сосѣдей. Положимъ, всѣ эти дѣти были хоть и крестьяне по происхожденію, но здоровыя и здраво разсуждавшія дѣти; однако разсуждали они слишкомъ уже просто и слишкомъ о многомъ, чего бы слѣдовало даже вовсе не знать маленькой Норѣ. А маленькая Нора, чтобы повидаться съ ними, чтобы поспѣть на сборный пунктъ *подъ дубъ* или *подъ большую ель*, или же въ глубокой ровъ, пускается на

хитрости, учится обманывать и притворяться... И нетронутая чистота ее души тускнѣетъ. На дорогой, рѣдкостный алмазъ налетаетъ пыль, и лишь изъ-подъ ее легкаго (о, въ счастью, еще очень легкаго!) слоя Гвидо еще различилъ бы его природный блескъ.

Да, Нора—бѣдная, хорошенькая, печальная, одинокая Нора—очень измѣнилась: даже любовь ее въ Юпитеру уже не такъ чиста и безкорыстна, какъ бывало. Въ уединеніи, чего она ни передумала, чего ни разрѣшила! Одну вѣдь, безъ Юпитера, ее бы не пустили, и она это знаетъ, какъ знаетъ также то, что онъ именно теперь ей наиболѣе необходимъ. Если же Нора съ нимъ такъ ласкова теперь, то это потому, что это связано съ ее разными планами, забавами и даже... заговорами. Теперь она уже любить друга своего не просто, отъ души, а сознавая, что дружба съ нимъ необходима въ ее личныхъ интересахъ.

VI.

Въ одно прекрасное утро Нора накрыла свою гувернантку на мѣстѣ преступленія.

Она посовѣтовалась съ г. Митри, а онъ ей сказалъ:

— Дѣлайте чтò хотите!

Марта сошла въ столовую и собственноручно принялась перемѣщать приборъ дѣвочки съ обычнаго мѣста. По ее мнѣнію, часъ уже пробилъ, когда можно было принять эту государственную мѣру.

Однако Нора подошла въ-время и, не говоря ни слова, водворила на прежнемъ мѣстѣ свой серебряный стаканчикъ, приборъ и салфетку.

— Чтò вы дѣлаете, Нора?—вскричала смущенная и разгнѣванная вѣмка.

— То, чтò мнѣ нравится!—отвѣчала дѣвочка горячо, сверкая глазами, сердито поджавъ губы и сжавъ кулачки.

Рѣшительнымъ движеніемъ она снова усѣлась на материнскомъ стулѣ.

— Но еще завтракъ не скоро; еще не звонили... Уходите изъ-за стола, сію минуту!—гнѣвно кричала гувернантка.

— Уйду, когда вы сами уйдете изъ столовой!—прижимая ножки къ полу, отвѣчала дѣвочка.

Юпитеръ, молча, подошелъ и растянулся у ее ногъ.

Но Марта также подошла и возымѣла дерзость грубо дер-

нуть Нору за руку. Дѣвочка уцѣпилась за скатерть; стаканы и графинъ покачнулись; двѣ тарелки упали и разбились вдребезги.

— Пустите! Пустите!.. Не троньте меня!—кричала Нора и топала ногами.—Но Марта уже ухватила ее за плечи...

— Юпитеръ!—отчаянно закричала Нора такимъ голосомъ, какимъ могла бы крикнуть только: „мама!“, „Гви“!

Не долго думая, Юпитеръ впился зубами въ подолъ гувернантки и уже прорвалъ въ немъ порядочную дыру, когда на шумъ вошелъ Франсуа Митри.

— Норѣ угодно было приказать своему псу кусать меня!—прошипѣла Марта.—Вотъ, посмотрите сами!—и показала ему свое продрванное платье.

Митри подошелъ къ ребенку и поднялъ на него свою могучую руку.

Ребенокъ не шелохнулся.

Неподвижно глядя на отца своими огромными, страшно расширенными зрачками, сжавъ кулачки и крѣпко уставившись на своихъ бис:рыхъ ножкахъ, ребенокъ поглядывалъ на него съ вызывающимъ видомъ, съ раздутыми ноздрями:

— Прибей меня, попробуй!—неустрашимо заявила Нора.

Она ужъ давно не говорила съ нимъ на „ты“. И въ ея маленькомъ личикѣ, въ которомъ отражались не-дѣтскія чувства и мысли, ему почудилось, что сходство дочери съ Терезой какъ бы оживило покойницу,— что это она сама, живая, стоитъ передъ нимъ...

Въ глазахъ у него потемнѣло; заходили огненные круги... Не помня себя отъ ужаса и гнѣва, Митри готовъ былъ броситься, убить ее...

Но рука его не успѣла опуститься, какъ Юпитеръ, вытянувшись во весь свой гигантскій ростъ, уже положилъ ему на плечи переднія лапы и, разинувъ пасть, у самого лица его, съ глухимъ рычаньемъ, грозно оскалилъ свои острые зубы.

Смѣлый и сильный мужчина испугался и не безъ основанія.

— Долой! Долой, Юпитеръ!—проворчалъ онъ.

— Ай, помогите!.. Юпитеръ...—ревѣла Марта, убѣгая подъ предлогомъ позвать на помощь.

— Долой, Юпитеръ!—своимъ грознымъ голосомъ приказалъ силачъ, блѣднѣя и тщетно сжимая въ своихъ сильныхъ рукахъ шею собаки, которая отъ него не отставала.

Такъ прошло нѣсколько мгновений; но они показались цѣлыми часами.

Но дѣвочка садится на постелькѣ:

— Нѣтъ, нѣтъ!—говоритъ она своимъ проворнымъ голоскомъ. —Я такъ хочу!—и танется ручонкой къ огромной головѣ собаки, которая съ видимымъ наслажденіемъ закрываетъ глаза подъ ея лаской.

— Надо его прогнать,—говоритъ Марта. —Ему здѣсь не мѣсто, особенно когда вы нездоровы.

Порядокъ—для Марты—важнѣе всего на свѣтѣ. Всѣ правила и законы благовоспитанности распределены по порядку, твердо выучены ею и начертаны въ ея чистой, дѣвственной памяти.

— Собаки должны жить въ будкѣ,—продолжаетъ она. —Юпитеръ! Пошелъ вонъ!

— Нѣтъ, я не хочу!—настаиваетъ Нора, вооружившись смѣлостью; и въ ея маленькомъ сердечкѣ закипаетъ жажда сопротивленія, гнѣва и даже мести.

— Мнѣ бы хотѣлось вамъ не прекословить; но я должна буду позвать Антуана, чтобы убраться эту упрямую собаку.

— Ну, позовите: Юпитеръ его укуситъ,—угрюмо возражаетъ Нора.

Марта, какъ настоящая педантка, поясняетъ:

— Вамъ же я хочу сдѣлать лучше!—и звонитъ.

— Гоните вонъ Юпитера!—приказываетъ она Антуану съ чувствомъ собственного достоинства.

— Ко мнѣ, Юпитеръ!—раздается ей въ отвѣтъ тонкій голосокъ Норы.

Добрый песъ быстрѣе виляетъ хвостомъ и, прекрасно понимая, чего отъ него хотятъ, дѣлаетъ видъ, что не подозрѣваетъ, въ чемъ дѣло. Только голова его чуть замѣтно, словно нечаянно, придвигается еще ближе къ дѣвочкѣ.

— Но... если барышни не угодно...—смущенно возражаетъ Антуанъ.

— Потрудитесь дѣлать, что вамъ говорятъ! Кажется, мнѣ поручено воспитаніе барышни?

Антуанъ подходитъ, беретса за ошейникъ, и голова великана тихонько поворачивается къ нему; клыки обнажаются и ясно говорятъ о намѣреніяхъ пса: такіе они вѣрліе и острые!

— Извините,—говоритъ губернантѣ Антуанъ, пренеполненный чувства уваженія къ могучему псу. — Не угодно ли будетъ ужъ вамъ самимъ выгнать Юпитера, если вы найдете возможнымъ. Вамъ, какъ вы справедливо изволили замѣтить, поручено вѣдъ воспитаніе барышни; но мнѣ никто не поручалъ воспитывать собакъ!

чала на ея небрежныя ласки... съ тѣхъ поръ, какъ ей случалось, за отсутствіемъ ея друга-Юпитера, приласкать ее мимоходомъ и тотчасъ же, вспомнивъ, отдернуть руку.

— Но Юнона дома,—разсуждала дѣвочка:—она лежитъ на порогѣ комнаты отца; я сама видѣла ее. Неужели... Юпитерь? Да нѣтъ, не можетъ быть!.. Нѣтъ, это онъ, конечно!..—и громко позвала его, чтд было мѣчи:

— Юпитерь!.. Юпитерь!

Собака уже близко. Вонъ, вонъ отъ шеи у нея волочится истрепанная веревка... Это Юпитерь...

Было еще рано; восьмой часъ въ началѣ. Вѣрно, онъ бѣжалъ ночью и всю ночь напролетъ, воспользовавшись луннымъ свѣтомъ. Вѣрно, все время, за послѣднія три недѣли, ея добрый другъ не забывалъ своей маленькой госпожи и, думая о ней непрестанно, мечталъ о побѣгѣ, какъ объ единственной возможности опять услышать ея милый зовъ:

— Юпитерь! Юпитерь!..

И онъ не ошибся. Не въ мечтахъ, а наяву отдается въ его добромъ сердцѣ ея нѣжный голосокъ!

Задыхался, высунувъ языкъ, какъ тряпку, которая безпорядочно болтается туда-сюда, летитъ вѣрный песь къ Норѣ на встрѣчу.

Онъ пробѣжалъ ужъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ, ногъ подъ собой не слышитъ, но, собравъ послѣднія силы, стремительно бросается на шею блѣдной, дрожащей дѣвочки.

Она не можетъ устоять, падаетъ на песокъ и только молча обнимаетъ его за шею. Блѣдное, исхудалое личико Нору чувствуетъ на себѣ горячее дыханіе могучаго пса; ея тонкую шейку и щечки лижетъ его мокрый языкъ... Нора счастлива. Нора цѣлуетъ его въ самую морду, а грозные бѣлые клыки ласково хватаютъ и треплютъ пряди ея пушистыхъ черныхъ волосъ.

Сознаніе, что они любятъ другъ друга, что они свидѣлись наконецъ, охватываетъ съ одинаковою силой и смиренное безсловесное животное, и разумное созданіе,—ребенка. Ребенокъ обнимаетъ, цѣлуетъ вѣрную собаку, барахтается на песокъ, смѣется отъ восторга, поднимается, встаетъ на ножки и опять даетъ себя повалить на песокъ...

Марта бѣжитъ разыскивать Нору и приходитъ въ ужасъ при видѣ странной, неулыбчивой, барахтающейся кучи на берегу моря.

Вотъ она уже различаетъ, какъ въ воздухѣ мелькаютъ двѣ черненькія ножки и, въ перемежку, четыре большихъ косматыхъ лапы... лапы Юпитера, который лаеетъ на воздухъ, словно желая

подлѣиться съ небомъ и съ землею своимъ вернувшимся блаженствомъ.

Марта подходит ближе и соображаетъ, что въ присутствіи Юпитера теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ вести себя осторожно. Она подходит и помогаетъ Норѣ отвязать отъ ошейника гадеюю веревку; но дѣвочка беретъ ее и хочетъ сохранить...

— На память, — поясняетъ она серьезно.

Гувернантка на этотъ разъ не споритъ и ограничивается тѣмъ, что проситъ Нору поскорѣй вернуться домой, успокоиться, такъ какъ теперь ужъ къ ней вернулся ея другъ Юпитеръ — и, наконецъ, переодѣтся, такъ какъ все ея платье измято и запачкано въ песокъ и грязи. Дорогой, Марта благодушно бесѣдуетъ, рассказывая дѣвочкѣ примѣры преданности собакъ и въ глубинѣ души сама удивляется подвигу Юпитера:

— Въ сущности вѣдь собаки существа бездушныя, — прибавляетъ она вслухъ: — и ихъ инстинктъ не можетъ замѣнять имъ человѣческой разумъ.

Марта увѣрена, что она стоитъ неизмѣримо выше Юпитера; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ ей книги, и она имъ вѣритъ.

Въ полдень, когда Митри приходитъ домой съ охоты, Катри выбѣгаетъ къ нему, за ограду парка.

— Барышня съ Юпитеромъ уже въ столовой!

— Знаю; таможенные сторожа мнѣ рассказали: они все видѣли изъ своей будки, — говоритъ Митри, тѣмъ болѣе обезоруженный, что его дѣйствительно начиналъ тревожить унылый видъ и блѣдность Норы, которая на его глазахъ худѣетъ не по днямъ, а по часамъ.

— Но барышня не хочетъ уходить изъ столовой. Она говоритъ: если папа не позволитъ Юпитеру быть тутъ же, такъ и она не будетъ безъ него сидѣть, и больше никогда не ступить въ столовую ни ногой!

Митри не можетъ удержаться отъ грустной улыбки.

— Бѣдная крошка!.. Что жъ, это, видно, ультиматумъ?

— Ужъ я не знаю, чтд это такое? — говоритъ сердобольная Катри. — Только мы всѣ ужъ знаемъ барышню, и если ей перечить, какъ бы не повторились судороги... помните, какъ тогда.

— Хорошо, хорошо; не будемъ ей перечить!.. Но вѣдь не могъ же я дать себя загрызть тогда? Не такъ ли, Катри?

— Еще бы; чтд и говорить!..

— Но вѣдь Юпитеръ умная собака, — продолжаетъ Митри. — Онъ понялъ свою вину и понесъ за нее наказаніе. Скажите барышнѣ, что я его прощаю!

Съ тѣхъ поръ въ столовой за столомъ Нора по прежнему сидитъ на материнскомъ мѣстѣ, а по бокамъ ея, ожидая подачи, переважно воссѣдаютъ Юпитеръ и Юнона, мѣрно хлопая по паркету тяжелымъ хвостомъ, въ предвкушеніи лакомаго блюда,— ломтя хлѣба, помоченнаго въ душистую подливку. Теперь и Франсуа Митри разрѣшаетъ своей Юнонѣ присутствовать при обѣдѣ господъ; она помѣщается неизмѣнно по правую руку отъ него, а Нора гордо и печально воссѣдаетъ,—какъ она говоритъ,— „между двухъ людей, которыхъ она любитъ больше всего на свѣтѣ“...

Такъ прошло три-четыре года.

Мало-по-малу Митри привелъ въ исполненіе предназначенную имъ программу. Въ его виллу, порой, наѣзжаетъ большое общество самаго различнаго разбора. Онъ самъ ѣздитъ въ Монако, выигрываетъ и проигрываетъ; ѣздитъ въ Парижъ и тамъ живетъ недѣль по шести, развлекается и посѣщаетъ веселыя мѣста, театры, рестораны. Въ Кавалерѣ у него, такъ сказать, „главная квартира“. Слѣдомъ за нимъ, на виллу врывается шумное общество, раздаются хлопанье шампанскихъ пробокъ...

Марта давно ужъ полновластная хозяйка и давно бы могла завладѣть этимъ именованіемъ законно; но присутствіе Норы нѣсколько смущаетъ ее. Нора, дѣйствительно, смотритъ вокругъ пытливо своими большими дѣтскими глазами, и бывають минуты, когда ея пытливый взоръ встрѣчается тамъ, гдѣ бы и не нужно... гдѣ онъ даже мѣшаетъ.

Марта не разъ ужъ наивно говорила хозяину дома, что дѣтямъ вредно слишкомъ рано знакомиться съ людскими пороками и погрѣшностями. Но Франсуа Митри, который и самъ сперва подумывалъ о томъ, чтобы отдать дочь въ пансіонъ, какъ-то не очень обращаетъ на это вниманіе. Ему какъ будто жаль расстаться съ живымъ воспоминаніемъ объ измѣнѣ Терезы; его сердце растрavляетъ самый видъ блѣдной, худенькой малютки съ большими безмолвными глазами. И ей самой тяжело быть съ отцомъ, но ей дороги ихъ обоюдныя муки: въ нихъ оба видятъ образъ покойницы, которая ихъ огорчила своей смертью, а въ жизни была имъ всего дороже.

Нора вся ушла въ свое горе; но тѣмъ, что ее оставляли одну, ей сдѣлали величайшее зло: ее научили бередить свои сердечныя раны и находить въ этомъ наслажденіе.

Когда на виллѣ бывали гости, Нора исчезала и по цѣлымъ днямъ сидѣла въ комнатѣ матери, буда отецъ больше не заглядывалъ давнымъ-давно. Ея привычки изучила Катри, и когда Норы нигдѣ не видать, она безошибочно говоритъ:

— Ну, барышню сегодня не дождешься; она тамъ опять! Однако, за столомъ, она всегда сидитъ на своемъ мѣстѣ и (бѣдное дитя!) слышитъ много такого, что не совсѣмъ пригодно для ушей ребенка, хотя говорится это яко бы намеками, полупрозрачно. Жизнь „въ замѣѣ“ и ея подпольная сторона тоже даютъ Норѣ возможность догадаться кой о чемъ; она не можетъ не подмѣтить укромныхъ шептаній, бѣготни и свиданій въ темныхъ коридорахъ; она застаётъ врасплохъ то графиню съ полковникомъ, то сосѣдку-баронессу съ графомъ, то судовладѣльца съ полковницей... Вмѣстѣ съ замужними женщинами, въ гостяхъ у Митри перебивали и барышни, которыя улыбались мрачному виду Норы и старались просвѣтить ее, прибавить ей — „глупышка“ — умишка“. Ей объяснили, что такое поцѣлуи и улыбки, ну и все прочее.. Разказали про ухаживаніе какого-то Гонтрана за Бертой... Цѣлый скандалъ въ дѣтскомъ обществѣ!..

— А бабушка-то ихъ и наерыла, представь ты себѣ, душечка моя! Ну, развѣ это не восторгъ?

Повѣсничанье, тайны и шушуканье—всѣ эти атрибуты пансіонскихъ интересовъ—были разоблачены и истолкованы ребенку, который выросъ одиноко, но еще нетронутый вреднымъ влияніемъ городской развращенности. Здравая, безхитростная мать-природа научила дѣвочку, что есть любовь на свѣтѣ, что въ мірѣ умираютъ, рождаются и множатся люди и животныя; и ребенку при этомъ не шло на умъ ничто дурное, хотя она и видѣла воокупъ естественныя проявленія любви въ томъ видѣ, какъ ее понимаютъ животныя и растенія, и все, что есть въ природѣ. Но со словъ горожанъ она узнала, что можно найти и смѣшныя стороны въ чувствѣ, которое насъ мучаетъ и вызываетъ слезы,—чувствѣ, послѣдствіемъ котораго являются и жизнь, и смерть. Тѣ же дѣвочки-горожанки научили ее, какъ можно весело пожить и поразвлечься, не давая повода заподозрить о своихъ настоящихъ вкусахъ и возрѣніяхъ.

Норѣ минуло уже двѣнадцать лѣтъ. Она стремится всѣми силами души, всѣми помыслами своими къ какому-то неизвѣданному, смутному счастью, которое вознаградило бы ее за многіе годы одиночества и тоски и нераздѣленного горя. Она зачитывается отцовскими книгами, и ключъ отъ библіотеки, въ которую онъ давно уже не заглядываетъ, виситъ у нея въ комнатѣ за одной изъ рамокъ на стѣнѣ... чтобъ никто не замѣтилъ. Чего только она ни перечитала: и „Павла и Виргинію“, и „Манонъ Леско“; плакала надъ злополучною „Ренэ“; а подъ вечеръ, когда вдали шумѣло море, ей чудился въ немъ отшельникъ на трогательныя, поэтическія мысли Шатобріана и Ламартина...

Но и въ свой двѣнадцатъ лѣтъ Нора по прежнему бѣгаетъ по лѣсамъ съ сосѣдными крестьянскими дѣтьми, какъ они, не стѣняясь, лазаютъ по деревьямъ и возвращается домой съ распаранными руками и ногами.

Какъ-то разъ, когда она занозила ножку, Жакъ Моренъ, подростокъ по пятнадцатому году, сталъ передъ нею на колѣни и высосалъ кровь изъ ранки, „чтобъ не прикинулась болѣзнь“, какъ онъ говорилъ.

Какое-то особое ощущение, отрадное и жуткое, сжало сердце здороваго и недурного собой юноши и его маленькой подружки. Она не замѣчаетъ, что мало-по-малу вся природа развивается въ ней то чувство, которое познать ей слишкомъ рано, и которое въ глазахъ ея опошлили ея городскія просвѣтительницы, „благовоспитанныя“ барышни.

Бѣдной дѣвочкѣ, лишенной такъ рано материнской ласки, чудится, что вѣтеръ нѣжно треплетъ ее по щекамъ, и той же нѣжности для нея полны вода и горы, небо и деревья. На огородѣ есть развѣсистая яблоня-старушка; когда она одѣлась въ свой весенній пышный цвѣтъ (она до сихъ поръ это помнить!), блѣдныя губки худенькой дѣвочки жадно прильнули къ ея розоватымъ цвѣтамъ.

Разъ какъ-то, вечеромъ, Нора даже купалась съ мальчиками и дѣвочками вмѣстѣ—потихоньку отъ старшихъ. Пришлось спуститься къ воду полураздѣтой, въ одной рубашонкѣ; но все-таки ей показалось хорошо въ прохладной водѣ, которая ласкала ее, прижималась, холодная, къ ея худенькому, дрожащему тѣлцу. Дѣти, шутки ради, затѣяли помѣряться силой, и Жакъ Моренъ, сынъ браконьера, поддерживалъ дѣвочекъ на водѣ руками. Мальчикъ цѣловалъ ихъ голенькія ручки; на ихъ шейки сыпались его поцѣлуи и пѣнистые брызги воды. Но Юпитеръ ни на шагъ не отступаетъ отъ Нору, и обижать ее никто не смѣетъ; никто не смѣетъ подойти къ ней слишкомъ близко.

— А пора бы помѣстить Нору въ хорошій пансіонъ... если уже не поздно...—говорить какъ-то Марта.

„Если уже не поздно“?... О, да: ужъ поздно братья за передѣлку одинокой, уже настрадавшейся дѣтской души. Ей слишкомъ рано пришлось видѣть и полюбить смерть; ей слишкомъ рано хочется жить и любить... любить! Одна только любовь способна все въ ней измѣнить, спасти ее; но кромѣ Гвидо вѣдь ее никто не любитъ... Да она, вѣрно, и думать про него забыла.

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ВЪ ЕЯ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

I.

Степень общенародности и степень неизмѣнности преданія въ народной поэзіи.—Ея внѣшняя судьба въ древнемъ періодѣ.

Историко-литературное значеніе народной поэзіи можетъ быть весьма различно, смотря по цѣлой исторической судьбѣ литературы. Если литература развивалась естественнымъ образомъ изъ собственнаго источника народной культуры, народная поэзія бываетъ первымъ ея началомъ, ея основнымъ мотивомъ, который, заключая въ себѣ всѣ стороны нравственной и художественной жизни, создаетъ впоследствии разнообразныя проявленія народнопоэтического духа въ эпосѣ, лирикѣ и драмѣ: первый эпосъ, сохраняя древнѣйшія преданія, остается навсегда предметомъ почитанія и авторитетнымъ литературнымъ преданіемъ, какъ эпосъ Гомеровскій; лирика развиваетъ народную пѣсню; драма есть изображеніе мѣта; личное творчество идетъ непосредственно за народнопоэтическимъ преданіемъ, и литературное развитіе представляется цѣльнымъ организмомъ. Но иначе бываетъ тамъ, гдѣ литература находитъ свое содержаніе не въ одномъ народномъ преданіи, или ищетъ содержанія внѣ этого преданія или даже наперекоръ ему. Такъ римская литература, въ сильной степени подпавшая греческимъ вліяніямъ, совсѣмъ не имѣетъ характера той цѣльности и самобытности, какою отличается литература грековъ; литература народовъ средневѣковой западной Европы, вслѣдствіе очень раннихъ вліяній съ одной стороны классическаго міра, съ

другой христіанства, съ самаго начала распадается на нѣсколько теченій, въ которыхъ сказываются различные элементы народной культуры—и классическое преданіе (съ ученымъ латинскимъ языкомъ), и христіанское ученіе и легенда (опять съ латинскимъ языкомъ цѣркви и съ народными переложеніями), и наконецъ національно-поэтическіе мотивы, которые, впрочемъ, сравнительно только довольно поздно проникаютъ въ книгу, т.-е. получаютъ настоящее литературное значеніе. Древняя народно-поэтическая основа еще менѣе получила мѣста въ нашей старой письменности: начавшись только послѣ принятія христіанства,—съ которымъ пришли иноземные (греческіе) учителя и готовые церковныя книги, хотя на родственномъ, но все-таки чужомъ языкѣ, книги, созданныя внѣ собственнаго труда древней Руси, — наша письменность съ самаго начала оказалась въ рукахъ церковныхъ грамотниковъ и стремилась установиться и дѣйствовать именно наперекоръ народному преданію, такъ какъ это преданіе представлялось сполна языческимъ... Дальше скажемъ, какъ установились эти отношенія, но въ результатѣ письменность складывалась въ принципиальной враждѣ народному преданію, уступая ему только произвольно, но и безъ послѣдовательности, такъ что народно-поэтическіе элементы, въ свою очередь уже обращенные христіанствомъ, проникали въ литературу только отрывочно, не успѣвъ до самаго конца стараго періода нашей литературы получить какую-либо сознательную организацію, изъ которой могла бы образоваться литературная школа, способная къ развитію. Такимъ образомъ, народно-поэтическое преданіе не было у насъ исходнымъ пунктомъ литературнаго развитія и, какъ мы указывали раньше, только въ новѣйшемъ періодѣ литературы стало привлекать къ себѣ вниманіе и вызывать ревностное собраніе и изученіе.

По этимъ судьбамъ литературы, историческое значеніе нашей народной поэзіи имѣетъ двѣ стороны. Во-первыхъ, народная поэзія является свидѣтельствомъ о старыхъ эпохахъ народной жизни, о древнемъ народномъ міровоззрѣніи, о народно-поэтическомъ складѣ и чертахъ быта—большею частію внѣ общенія съ письменной литературой и насколько указанные особенности ея содержанія могутъ быть изучены по рѣдкимъ сообщеніямъ памятниковъ и по современному состоянію народно-поэтическаго преданія, т.-е. по сохранившимся донынѣ старымъ пѣснямъ, сказкамъ и всѣмъ инымъ произведеніямъ народной словесности. Во-вторыхъ, историко-литературному изслѣдованію подлежитъ отраженіе народно-поэтическаго преданія въ той литературѣ новаго періода, которая, какъ мы замѣчали, впервые обращалась сперва истинно-

тивно, потомъ сознательно, въ этому преданію, какъ непосредственному созданію народа, гдѣ заключены поэтическія откровенія народнаго духа.

Такимъ образомъ, является вопросъ: какъ при этихъ условіяхъ опредѣлить мѣсто народной повѣзій въ историко-литературномъ изложеніи, гдѣ поставить ея памятники *въ историческомъ ряду литературнаго развитія*? Замѣтимъ прежде всего, что народная повѣзія въ первый разъ приобрѣла вниманіе историковъ литературы только въ недавнее время, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, только съ тѣхъ поръ, какъ ея содержаніе нашло первыя научныя объясненія. Теперь вошло въ обычай начинать исторію литературы именно съ памятниковъ народной словесности, которые являются такимъ образомъ какъ бы основою, исходнымъ пунктомъ литературнаго развитія,—и это было бы правильно тамъ, гдѣ литература въ самомъ дѣлѣ развивалась послѣдовательно изъ своихъ народныхъ стихій. Мы видѣли однако, что у насъ этого именно не было и поставленіе народно-поэтической словесности въ качествѣ исходнаго пункта создаетъ извѣстное историческое недоразумѣніе. Исходнымъ пунктомъ и основнымъ принципомъ литературнаго развитія она *не была*, а было какъ разъ обратное. Первоначальная народная повѣзія въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ IX—X вѣкѣ, исчезла безвозвратно и можетъ быть только предметомъ научныхъ гипотезъ, а въ послѣдующіе вѣка (какъ можемъ мы судить по *нынѣ* извѣстному ея содержанію) она осложнилась множествомъ новыхъ стихій—изъ письменной церковной и иной литературы, изъ чужихъ устныхъ связаній, такъ что форма, въ какой мы знаемъ ее теперь, была именно *поздняя*, прошедшая цѣлые вѣка разнообразныхъ видоизмѣненій и наслоеній. Очевидно, что, ставя эту позднюю форму народной повѣзій во главу историко-литературнаго изложенія, мы производимъ смѣшеніе явленій и нарушаемъ историко-литературную связь и послѣдовательность: *до* книжной литературы ставится явленіе, образовавшееся между прочимъ изъ элементовъ этой же книжной литературы и изъ позднѣйшихъ осложненій народнаго преданія, отчасти изъ чужихъ источниковъ; и наоборотъ, *послѣ* ставится книжная литература, возникшая первоначально внѣ всякихъ ея вліяній. Единственнымъ явленіемъ старой письменности, которое стоитъ въ связи съ подлинными источниками народнаго преданія, было Слово о полку Игоревѣ, но оно не имѣетъ ничего однороднаго ни раньше, ни позже ¹⁾.

¹⁾ Извѣстные отголоски его въ „Задонщинѣ“ не имѣютъ признаковъ продолженія поэтической традиціи и носятъ всѣ признаки книжническаго подражанія.

Въ настоящее время, когда мы, собственно говоря, впервые раскрываемъ объемъ и сознаемъ характеръ народной поэзіи путемъ научнаго изслѣдованія, ея формы и содержаніе являются намъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сложились въ особенности къ концу XVII-го вѣка. Если научное изслѣдованіе ставитъ внѣ сомнѣнія весьма далекую древность многихъ *мотивовъ* народной поэзіи, то несомнѣнно также, что самые *тексты* извѣстны намъ уже въ измѣнившихся формахъ народной рѣчи, и съ этимъ измѣненіемъ необходимо должны были утратиться многія архаическія подробности самыхъ понятій, — какъ вмѣстѣ съ тѣмъ на изложеніе текстовъ должно было повліять сильно измѣнившееся мировоззрѣніе народа и измѣнявшіяся формы самаго быта. Съ конца XVII-го вѣка начинаются и *первые записи* народной поэзіи, слѣдовательно, первая забота книжниковъ о сохраненіи этихъ памятниковъ и первое проявленіе извѣстнаго интереса къ этимъ произведеніямъ и нѣкоторой эстетической ихъ оцѣнки. Итакъ, здѣсь характеристическій пунктъ ихъ исторіи: окончательное завершеніе народной поэзіи ¹⁾ и начало ея литературнаго вліянія.

Такимъ образомъ изложеніе народной поэзіи, собственно говоря, должно переплетаться съ изложеніемъ тѣхъ фактовъ книжной литературы, которые вмѣстѣ съ бытовыми явленіями исторической жизни оказывали вліяніе на ея содержаніе и форму—или уничтожая ея архаическія черты, или возбуждая въ ней новое развитіе,—какъ было, на примѣръ, въ особенности въ эпической, такъ называемой богатырской, пѣснѣ и въ духовномъ стихѣ. Или же, для внѣшняго удобства изложеніе народной поэзіи можетъ занять мѣсто на границѣ двухъ главныхъ періодовъ нашей литературы, границѣ, отмѣченной концомъ XVII-го и началомъ XVIII-го вѣка.

Интересъ къ народной поэзіи и ревностное изученіе тѣхъ періодовъ народной жизни, къ которымъ относится ея первое созданіе, составляютъ заслугу нашего вѣка. Начатки этого интереса и этихъ изученій восходятъ, правда, еще къ концу XVIII-го столѣтія, и мы имѣли случай говорить о томъ, изъ какихъ разнообразныхъ источниковъ, философско-историческихъ, нравственно-общественныхъ, археологическихъ и филологическихъ, происходила

¹⁾ Само собою разумѣется, что это можетъ быть сказано только приблизительно, въ главныхъ чертахъ. Далѣе скажемъ, почему около этой эпохи надо принимать послѣднюю живую пору эпической пѣсни; историческія пѣсни XVIII-го вѣка носятъ уже иной характеръ; съ этой поры вѣроятно стали усиливаться и упадокъ народной лирики, который къ нашему времени сказывается уже чрезвычайно рѣзко.

эта любознательность къ произведеніямъ „народной музы“, а вскорѣ и страстное увлеченіе первобытною поэзіей, въ которой находили безыскусственное, свѣжее выраженіе народнаго чувства и фантазіи. Одинъ изъ первыхъ начинателей этихъ изученій, Гердеръ, руководился вмѣстѣ и философско-исторической идеей и нравственнымъ интересомъ и сочувствіемъ къ народнымъ массамъ, въ которыхъ, даже среди самыхъ грубыхъ племенъ, онъ отыскивалъ перлы истинной поэзіи и проблески глубокаго человѣческаго чувства: народная поэзія впервые представляла предъ извлеченнымъ, а также и испорченнымъ литературнымъ вкусомъ прошлаго столѣтія, какъ новая поэтическая стихія, изъ которой могла обновиться старѣющая поэзія ложно-классической школы. Съ другой стороны, классическія изученія, которымъ со временъ Возрожденія посвящали свои силы первостепенные научные умы всѣхъ странъ западной Европы, приходили къ выводамъ, совершенно измѣнявшимъ литературные взгляды ложно-классической школы: таковъ былъ Лессингъ, одинъ изъ начинателей цѣлаго переворота, подготовившаго новое направленіе европейской литературы, и таковъ былъ знаменитый филологъ Фридрихъ-Августъ Вольфъ, котораго изслѣдованія о Гомерѣ положили основаніе новымъ представленіямъ о литературной исторіи: отвергнувъ Гомера, какъ единичнаго автора *Иліады* и *Одиссеи*, Вольфъ открывалъ путь къ истолкованію національной эпопеи, какъ созданія общенароднаго, и вообще къ истолкованію народно-поэтическаго творчества. Въ нашемъ вѣкѣ рядъ новыхъ научныхъ и общественныхъ движеній, какъ развитіе средневѣковыхъ изученій, первые опыты сравнительнаго языковѣдѣнія, и историческая школа въ правѣ, какъ возбужденіе національной идеи, литературный романтизмъ и т. д., создали въ сложности тотъ интересъ къ первобытнымъ эпохамъ народной жизни и народно-поэтическаго творчества, интересъ, котораго самымъ характернымъ, сильнымъ и нравственно-высокимъ представителемъ былъ Яковъ Гриммъ ¹⁾. Онъ сталъ создателемъ школы, широкое распространеніе которой отразилось и въ нашей литературѣ.

Мы скажемъ дальше, какъ еще съ XVIII-го вѣка въ новой русской литературѣ, повидимому такъ охваченной вліяніемъ западныхъ образцовъ преимущественно ложно-классическаго типа, издавна пробивалось влеченіе къ собственной народной поэзіи: независимо отъ непосредственной привлекательности роднаго пре-

¹⁾ Подробнѣе на его вліяніи у насъ мы останавливались въ „Исторіи р. этнографіи“, т. II.

данія, чувствовалась художественная красота, и у первостепенныхъ писателей на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій являются даже попытки подражанія, старанія усвоить литературѣ содержаніе и складъ народной поэзіи—какъ у Державина и Карамзина. Со временъ Пушкина этотъ вкусъ становится несравненно болѣе опредѣленнымъ, какъ вкусъ литературный, но историческое пониманіе народной поэзіи, ея происхожденія и состава остается неяснымъ—между прочимъ и у ревностныхъ собирателей, какъ Сахаровъ, и любителей пѣсни, какъ Аполлонъ Григорьевъ и др. Это все еще было инстинктивное чувство, неясное представленіе о томъ, что литература должна быть близка къ своимъ національнымъ основамъ; въ народной пѣснѣ восхищались простотой непосредственнаго чувства, естественной поэзіей, оригинальнымъ и выразительнымъ языкомъ, и въ концѣ концовъ ожидали благотворныхъ вліяній народной поэзіи на литературу,—хотя для этого все-таки оказывалось довольно мало данныхъ. Первое опредѣленное представленіе объ исторіи и внутреннемъ смыслѣ народной поэзіи является только съ тѣхъ поръ, когда начали проникать къ намъ новыя изслѣдованія, во главѣ которыхъ стоялъ Гриммъ,—и это было понятно: ученіе Гримма была цѣлая система, обставленная обширнымъ научнымъ аппаратомъ, поддержанная тонкимъ пониманіемъ древняго поэтическаго міровоззрѣнія, и наконецъ проникнутая теплымъ сочувствіемъ къ народу, гдѣ какъ будто сказывался тотъ же новѣйшій демократизмъ, хотя принявшій археологическую и романтическую окраску. Въ этой формѣ ученіе не было общедоступнымъ, но въ глубинѣ его была настоящая поэзія и вмѣстѣ вѣра въ народъ, великое почтеніе къ его патриархально-возвышенному прошлому, и повидимому надежда, что это идеальное прошлое можетъ до извѣстной степени возродиться, когда общество отъ своей утонченной и такъ часто испорченной цивилизаціи будетъ обращаться съ любовью къ этому древнему преданію своей исторіи... Въ этомъ идеализмѣ, поддержанномъ глубокой эрудиціей, была причина обширнаго вліянія Гримма въ ученое мірѣ, вліянія, достигшаго наконецъ и до нашей литературы. Главнымъ образомъ на основаніи Гримма создавалось высокое представленіе о древней народной поэзіи, которая, кромѣ того, что была историческимъ національнымъ достояніемъ, имѣла достоинства поэтическія и нравственныя, незнакомыя уже дальнѣйшимъ періодамъ литературы искусственной: на эту послѣднюю энтузіасты народной поэзіи смотрѣли наконецъ съ пренебреженіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, — думали они, — народная поэзія имѣла передъ этой литературой уже то великое преимуще-

ство, что была созданиѣмъ и достояніемъ цѣлаго народа, выражала его цѣлую мысль, его цѣлое чувство; она была всегда искренна и правдива,—она не знаетъ лжи, которою такъ переполнена литература искусственная; она была дорогимъ завѣтомъ отъ повольтнїа къ повольтнїю, постояннымъ орудіемъ и результатомъ общенароднаго нравственнаго единства... Эта точка зрѣнія была принята сполна и нашими изслѣдователями народной поэзіи, и въ ея смыслѣ предпринималось истолкованіе произведеній современной народной поэзіи и древнихъ памятниковъ, въ которыхъ видѣли ея отраженія и отголоски. Таковы были съ сороковыхъ и особливо пятидесятихъ годовъ изслѣдованія Буслаева, Афанасьева, Ореста Миллера и др. Но система Гримма въ ея полномъ объемѣ не удержалась въ самой нѣмецкой наукѣ. Возбужденные имъ интересы къ древностямъ языка, народной поэзіи, мѣологии, обычая, въ сильномъ движеніи науки развились въ необозримую массу изслѣдованій, которыя ввели и новый громадный матеріалъ наблюденій, и новые приемы критики. Между прочимъ дальнѣйшій ходъ изслѣдованія отразился на одномъ изъ существенныхъ положеній системы, на представленіяхъ о происхожденіи и составѣ народнаго эпоса. Въ прежнее время полагалось, что основа эпоса есть исконный мифъ, созданный въ древнѣйшую пору племенного существованія, именно мифъ религіозный, заключавшій въ себѣ исторію боговъ; позднѣе этотъ эпосъ мифическій перерождается въ героическій и, наконецъ, переходитъ въ историческую и бытовую поэзію, — извѣстны, напр., толкованія, изображавшія князя Владиміра дѣйствительнымъ „краснымъ солнышкомъ“, божествомъ солнца, Илью Муромца—переодѣтымъ богомъ-громовникомъ и т. д. Ближайшее изученіе, въ особенности подъ влияніемъ теоріи заимствованій, выставленной Бенфеємъ, указало, что многое мѣологическое, находимое въ нашемъ эпосѣ, не только не было мѣологическимъ, но не было и особенно древнимъ, что, напротивъ, мнимое первобытное и языческое было простымъ и позднимъ заимствованіемъ изъ христіанскаго книжнаго источника, время котораго могло быть опредѣлено, или изъ ходячихъ международныхъ сказаній. Изслѣдованія г. Веселовскаго, восточная теорія г. Стасова, поддержанная и видоизмѣненная въ послѣднее время г. Всева. Миллеромъ и г. Потанинымъ, сообщали неожиданныя данныя для объясненія нашего эпоса и заставляли предполагать совсѣмъ иную исторію его происхожденія. Прежняя система не могла объяснить этихъ новыхъ данныхъ, и хотя не было принято ея цѣльнаго критическаго разбора, она очевидно терпѣла крушеніе въ наукѣ,—хотя до сихъ поръ продолжаетъ держаться

въ учебникахъ... Одинъ изъ названныхъ выше ученыхъ такъ изображаетъ положеніе этого вопроса о народной поэзіи.

„...Мы могли еще недавно,—говоритъ г. Всев. Миллеръ,— твердо и отчетливо отвѣтить на цѣлый рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ: ни одинъ хорошій ученикъ гимназіи не затруднился бы уяснить отличіе народной, устной поэзіи отъ поэзіи культурной, литературно-художественной. Онъ сказалъ бы (со словъ О. Миллера и А. Галахова), что народная поэзія есть произведеніе и общее достояніе всего народа, что она возникла въ періодъ господства наивныхъ вѣрованій и юношеской фантазіи, когда народъ еще не распадался на классы и сословія, когда всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, „совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого-либо человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа“. Отдѣльный человѣкъ, слагавшій и пѣвшій пѣсню, былъ органомъ, голосомъ всего народа... Самодѣтельность его не простиралась на созданіе сюжета поэтическаго произведенія. Онъ не вносилъ въ пѣсню ни личныхъ лирическихъ изліяній, ни сатиры... Народъ понимаетъ свою поэзію „не какъ особую сферу духовной дѣятельности, сферу искусства, которое образованный человѣкъ отличаетъ явственно отъ другихъ областей жизни—религіи, гражданской дѣятельности, науки. Естественная поэзія касается всего народнаго быта: обнимаетъ и религіозныя, и нравственныя, и умственные его интересы“. Поэтому, „народъ видитъ въ своей поэзіи драгоцѣнное достояніе, которое, въ теченіе многихъ столѣтій, одни поколѣнія завѣщали другимъ. Она имѣетъ смыслъ священной старины, неприкосновеннаго преданія, которое должны усваивать люди молодые съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь передать его потомкамъ“, и т. д.

Таковы были дѣйствительно господствовавшія представленія о народной поэзіи. Новый изслѣдователь, послѣ тѣхъ, хотя еще неполныхъ изысканій, какія сдѣланы были въ послѣднее время, приходилъ, однако, къ убѣжденію въ невозможности подобнаго взгляда. „Если спросить,—замѣчаетъ г. Всев. Миллеръ,—знаетъ ли наука дѣйствительно поэзію того періода какого-нибудь народа, когда этотъ народъ не представлялъ никакой матеріальной и духовной дифференціаціи, когда всѣ члены его принимали равное участіе въ подвигахъ, и каждый испытывалъ одинаково возбужденное и одинаково направленное духовное настроеніе. На такой вопросъ послѣдуетъ немедленно отрицательный отвѣтъ: окажется, что такого народа этнографія, а тѣмъ менѣе исторія, не можетъ указать, что такой народъ—созданіе теоріи. Далѣе, окажется такою же научною фикціей поэтъ-пѣвецъ этого пред-

полагаемаго народа,—поэтъ, который не творить чего-либо новаго, но выражаетъ лишь то единственно, что извѣстно каждому, и не можетъ создать новаго сюжета. Спрашивается, на чемъ основано предположеніе, что душевная жизнь примитивнаго человѣка такъ рѣзко расходилась съ нашей? Мы алчемъ новыхъ впечатлѣній, цѣнимъ то, чего раньше не слышали, первобытный же пѣвецъ-поэтъ почему-то долженъ пѣть лишь старое, общеизвѣстное. Какъ же представить намъ себѣ вообще появленіе многочисленныхъ сюжетовъ? Какъ они были измыслены? Коллективнымъ творчествомъ массы? Но вѣдь и это фикція, такъ какъ человѣческій опытъ такого творчества никогда не наблюдалъ. Далѣе спрашивается, на чемъ основано положеніе, будто первобытный поэтъ-пѣвецъ былъ настолько увѣренъ въ сочувствіи слушателя, что не допускалъ никакихъ украшеній и эффектовъ? Почему теорія лишаетъ его естественныхъ свойствъ всякаго художника всѣхъ временъ и народовъ—стремленія произвести впечатлѣніе, украсить по мѣрѣ силъ свое твореніе? Какъ же, однако, объяснить происхожденіе обычныхъ украшеній произведеній такъ называемой народной поэзіи—размѣренной рѣчи, эпитетовъ, сравненій и проч.? Тою же фикціей коллективнаго творчества, которое, если мы отъ фразы перейдемъ къ представленію, сведется къ творчеству отдѣльныхъ лицъ, хотя бы имя имъ было легионъ. Имѣемъ ли мы какое-нибудь научное основаніе предполагать, что всѣ эти безыменные первобытные поэты по психическимъ свойствамъ совершенно отличались отъ современнаго? Это было бы равносильно предположенію, что вообще духовная жизнь человѣка слѣдовала другимъ законамъ, а не тѣмъ, которымъ подчиняется психика современнаго человѣка. Въ такомъ случаѣ, конечно, онъ навсегда останется для насъ загадкой.

„Наконецъ, теорія безыскусственной народной поэзіи видитъ различіе въ самомъ отношеніи примитивнаго народа къ его поэзіи отъ отношенія къ ней современнаго образованнаго человѣка. Мы относимъ твореніе поэта въ сферу искусства. Первобытному (фигурному) народу пѣсня служитъ не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія: естественная поэзія обнимаетъ и религіозные, и нравственные, и умственные его интересы; ее нельзя отдѣлить отъ его вѣрованій и убѣжденій. Здѣсь опять за фразами скрывается какое-то недоразумѣніе. Вѣдь поэтическое произведеніе и нашего времени можетъ выражать религіозные, нравственные и умственные интересы поэта и читающаго его общества, но это нисколько не препятствуетъ этому произведенію удовлетворять и эстетическимъ интересамъ. Какое же

основаніе мы имѣемъ предполагать, что того же самаго не было въ первобытномъ народѣ? ¹⁾

Объяснивъ, что это пониманіе нашей народной поэзіи взято было нашими изслѣдователями на вѣру изъ теоріи Гримма, авторъ замѣчаетъ, что результатомъ было смутное представленіе о нашей поэтической старинѣ: напримѣръ, эпическая пѣсня казалась нашимъ изслѣдователямъ народнымъ созданіемъ глубокой древности, дошедшимъ до насъ путемъ вѣрнаго преданія. „Мы дивились народной памяти, любовались благоговѣйнымъ отношеніемъ народа къ наслѣдію предковъ и объясняли себѣ это отношеніе такъ, что для него древняя богатырская былина „служила не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія“, но что онъ видѣлъ въ ней „драгоценное достояніе, которое въ теченіе многихъ столѣтій одни поколѣнія завѣщевали другимъ“. Нѣкоторымъ сентиментальнымъ народолюбцамъ эта вѣрность народа старинѣ и преданію служила темой для противопоставленія народа культурнымъ слоямъ общества, пренебрегшимъ, со времени поворота къ Западу, этимъ наслѣдіемъ предковъ. Пораженные обиліемъ и высокимъ интересомъ нашихъ былинъ, изслѣдователи перваго поколѣнія (Безсоновъ, Буслаевъ, О. Миллеръ, Квашнинъ-Самаринъ) не находили словъ для возвеличенія этого наслѣдія предковъ, открывая въ немъ таинственный смыслъ (Безсоновъ), слѣды древней русской мифологіи (О. Миллеръ) и изумляясь передъ чудомъ народнаго творчества и памяти, донесшей до насъ, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ, сказанія чуть ли не эпохи кн. Владиміра“. Когда прошло это время „лиризма“, какъ называетъ г. Всев. Миллеръ, и началось новое изслѣдованіе предмета съ точки зрѣнія реально-историческаго сравненія, прежнее представленіе оказалось иллюзіей. „Въ наше время, — продолжаетъ авторъ, — едва ли кто-нибудь изъ изслѣдователей былинъ вѣрять въ мифологическую ихъ основу или въ полную самостоятельность народа въ созданіи ихъ сюжетовъ, которую такъ энергично отстаивалъ покойный О. Миллеръ отъ всякихъ покушеній „теоріи заимствованія“. Но зато детальныя изслѣдованія содержанія нашего эпоса подняли цѣлый рядъ интереснѣйшихъ историко-литературныхъ вопросовъ, имѣющихъ не только домашнее, но и европейское значеніе, наприм., какъ относится эпосъ къ положительной исторіи, какъ усваиваетъ и перерабатываетъ народъ бродячіе сюжеты, какое отношеніе между сказоч-

¹⁾ Всев. Миллеръ, Русская былина, ея слагатели и исполнители, „Русская Мысль“ 1895, сентябрь, октябрь.

ными фабулами и историческими именами нашего эпоса, какое влияние оказала „книга“ на народные сказанія, въ какой культурно-исторической связи находится нашъ эпосъ съ европейскимъ средневѣковымъ фольклоромъ, кто были слагатели былинъ и какова среда, въ которой онѣ распространялись“, и т. п.

Какъ увидимъ, получается, дѣйствительно, совершенно иная картина нашей народной поэзіи въ ея историческомъ прошедшемъ. Правда, и эта картина въ настоящую минуту далеко еще не приобрѣла ясныхъ очертаній, но во всякомъ случаѣ ея общій складъ и колоритъ получились уже совсѣмъ иные. Виѣсть съ тѣмъ, однако, подвергая сомнѣнію или отвергая совсѣмъ миеологическія толкованія старой школы, не должно преувеличивать недовѣрія къ древности народно-поэтического наслѣдія. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ томъ отрывочномъ видѣ, въ какомъ достигается до насъ народная поэзія, при всей массѣ забытыхъ подробностей, и безъ сомнѣній цѣлыхъ забытыхъ отдѣловъ ея древняго объема, при всѣхъ измѣненіяхъ, какія она потерпѣла, при всѣхъ наслоеніяхъ новаго содержанія и выраженія, надо изумляться той памяти, которая въ различныхъ, нерѣдко чрезвычайно отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ русской территоріи сохранила не только отдѣльныя черты большой старины, но даже однородно сохранила общій тонъ, несомнѣнно указывающій на весьма далекое время. Если изслѣдователи современнаго фольклора вообще съ величайшимъ интересомъ записываютъ отрывки народныхъ сказаній, нерѣдко самые незначительные обломки старой пѣсни, мѣстное повѣрье, поговорку и т. п., ожидая найти въ нихъ еще незамершій отголосокъ древняго вѣрованія и миеологии, то несомнѣнно подобныхъ отголосковъ не мало сохранилось и въ русскомъ народномъ преданіи и поэзіи. Изслѣдователи языка на основаніи сравненій находятъ возможнымъ опредѣлять миеическое содержаніе древняго міровоззрѣнія даже изъ той отдаленной поры, когда совершалась самая формація языка; подобнымъ образомъ эта миеическая подкладка можетъ быть прослѣжена и въ болѣе позднихъ явленіяхъ, какъ, напр., въ пѣснѣ, гдѣ извѣстные повторяющіеся образы и самыя выраженія, очевидно, принадлежали древнему складу самого быта, а слѣдовательно могли сохранить и отголосокъ тѣхъ представленій, какими жилъ этотъ бытъ въ ту пору, когда складывалась пѣсня: многое въ народной пѣснѣ, преданіи, повѣр'ѣ можетъ быть объяснено только при этомъ предположеніи о старомъ міровоззрѣніи, которое было миеологическимъ (если не вполне, т.-е. не на каждомъ шагу, гдѣ видѣла его прежняя школа, то въ болѣе или мень-

шей степени). Что подобныя черты народно-поэтическаго преданія бывали не случайнымъ созданіемъ болѣе поздней эпохи, это оказывается не только изъ того, что иногда ихъ древность можетъ быть подтверждена прямыми историческими свидѣтельствами, но также изъ сравненія съ народными преданіями другихъ народовъ, которое укажетъ въ нихъ именно однородный остатокъ далекой старины.

Какъ, однако, ни велика сила народной памяти, она имѣла свои предѣлы и народная поэзія вѣроятно никогда не оставалась неподвижна. Насколько можно заключать изъ наблюденія ея содержанія и формы, ея прошедшее состояло въ рядѣ постоянныхъ видоизмѣненій, потерь и новыхъ приобрѣтеній. Источникъ ихъ былъ въ судьбахъ самой народной жизни. Какъ при самыхъ расселеніяхъ племени происходило тотчасъ видоизмѣненіе языка, который разбивался на отдѣльные говоры, выросставшіе потомъ въ нарѣчія, наконецъ, въ отдѣльные языки, и послѣдніе въ свою очередь дѣлились на свои варианты (напр., въ области славянскаго языка, потомъ въ области языка русскаго, наконецъ въ области великорусскихъ нарѣчій), такъ, безъ сомнѣнія, совершалось и видоизмѣненіе народнаго преданія, при чемъ какъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ языка различнымъ образомъ сберегались или забывались отдѣльныя черты старины, такъ и въ поэтическомъ преданіи подробности его различно сохранялись или забывались въ разныхъ отдѣлахъ племени, или приобрѣтались вновь, вслѣдствіе разнаго рода историческихъ и культурныхъ вліяній.

Первая ступень народной поэзіи должна, очевидно, принадлежать отдаленнѣйшей эпохѣ самаго образованія племени, языка и быта. Народная поэзія должна была слагаться рядомъ съ образованіемъ мѣта или даже быть съ нимъ нераздѣльной. Какъ совершался этотъ процессъ, это еще остается загадкой, для рѣшенія которой можетъ служить пока только *гипотеза*, какъ съ ея только помощью могутъ быть объясняемы и гораздо болѣе позднія эпохи народнаго міровоззрѣнія и поэзіи. Дѣло въ томъ, что наша исторія осталась, какъ увидимъ, особливо бѣдна положительными указаніями объ этой сторонѣ народной жизни, и самое свойство гипотезы въ свою очередь способно было порождать заблужденія.

Научная гипотеза, которая въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ впервые примѣнена была къ объясненію нашей поэтической старины, въ своемъ источникѣ была плодомъ замѣчательно остроумныхъ соображеній, основанныхъ на громадномъ матеріалѣ данныхъ филологіи, археологіи, культурной исторіи. Древніе пе-

ріоды жизни народовъ были впервые освѣщены изученіями языка, которыя въ сравнительномъ языкознаніи открывали путь къ разумѣнію съ одной стороны психологической жизни первобытныхъ эпохъ, съ другой въ первый разъ поставили вѣтъ всякаго сомнѣнія племенное родство историческихъ народовъ Европы и Азіи, которые до тѣхъ поръ считались чуждыми другъ другу. Когда съ установленіемъ языка поставлено было въ связь и самое установленіе понятій и происхожденіе мѣа, который былъ первою формою мысли, то родственность языковъ сама собою дала поводъ заключать о родственности мѣологии, т.-е. цѣлой системы народныхъ вѣрованій. Чтобы опредѣлить древнѣйшія ступени культуры, и первые шаги возникающей мысли человѣка о природѣ и самомъ себѣ, и первыя формы быта, привлеченъ былъ къ изученію бытъ современныхъ дикарей, собраны свидѣтельства о древнѣйшемъ бытѣ народовъ историческихъ, привлеченъ громадный матеріалъ народныхъ преданій, въ которыхъ предположены обломки незапамятной старины, снова пересмотрѣны сказанія классической мѣологии, изучены приемы народной поэзіи, и т. д. Такимъ образомъ, въ особенности усиліями нѣмецкой науки, создана была теорія о „законахъ“ развитія мѣа и рядомъ съ нимъ народной поэзіи, о „законахъ“ народнаго эпоса, которые предполагались неизмѣнными... Въ этомъ видѣ, всего болѣе подъ влияніемъ Гримма и слѣдовавшихъ за нимъ мѣологовъ и филологовъ, гипотеза примѣнена была къ славянской и русской древности, и одно время господствовала безраздѣльно въ объясненіи нашей поэтической старины, въ особенности эпоса. Но историческія отношенія были сложнѣе, чѣмъ предполагала теорія, и новыя наблюденія показали, на примѣръ, что въ исторіи народныхъ сказаній совершалось не только развитіе первоначальнаго содержанія, вынесеннаго народами изъ ихъ древней общей родины, но и простое заимствованіе чужого матеріала при разнаго рода международныхъ встрѣчахъ и сношеніяхъ. Упомянутая теорія Бенфея шла прямо наперекоръ прежнему ученію, и чрезвычайно развившееся въ послѣднее время сравнительное изученіе литературы народныхъ сказаній, — которое началось еще раньше Бенфея, но подъ его влияніемъ особенно расширилось, — привело уже теперь къ заключенію, что процессъ образованія народныхъ сказаній былъ гораздо сложнѣе, а въ иныхъ случаяхъ гораздо проще, чѣмъ прежде казалось.

Исслѣдователи, примѣнявшіе ученіе Гримма, должны были уже признать, что древнее преданіе было существенно измѣнено влияніемъ христіанства; но имъ казалось, что при этомъ въ сущ-

ности произошло только измѣненіе внѣшней оболочки, и что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ по „закону“ эпоса произошло его превращеніе изъ миѣческаго въ богатырскій, сами богатыри получили христіанскій характеръ, но въ основѣ ихъ подвиговъ продолжали отражаться типическія черты миѣческаго сказанія. Но кромѣ того, что въ этихъ объясненіяхъ примѣненъ былъ „законъ“, не отвѣчавшій даннымъ нашей народной поэзіи, и вслѣдствіе того получилось множество „миѣческаго“ тамъ, гдѣ въ сущности его никакъ нельзя было доказать, былъ упущенъ изъ виду еще одинъ чрезвычайно важный элементъ древняго сказанія — прямое заимствование чужого, даже книжнаго матеріала, или приуроченіе къ русской почвѣ тѣхъ бродячихъ сказаній, которыя въ чрезвычайномъ изобиліи распространялись въ средніе вѣка у народовъ Востока и Запада, и которыхъ родина остается всего чаще полною загадкой. Дальше увидимъ примѣры, при которыхъ считать составъ нашего эпоса исконно древнимъ, самобытно и исключительно русскимъ не представляется никакой возможности. Что именно осталось отъ подлинной русской старины, въ какую эпоху сдѣланы новыя приобрѣтенія, едва ли когда-нибудь можетъ быть выяснено съ точностью: несомнѣнно русской остается обработка этого содержанія своего и чужого, съ ея историческими и національными примѣненіями, съ ея поэтическимъ складомъ. И если здѣсь произошло уже коренное измѣненіе древняго преданія, заставляющее отказаться отъ миѣческой эпохи и перенести хронологическое начало нашего эпоса въ болѣе позднюю пору, то кромѣ того въ его составѣ, какъ мы знаемъ его теперь, мы можемъ видѣть отраженіе послѣдовательныхъ періодовъ исторической жизни: старѣйшее воспоминаніе нашей эпической пѣсни ведетъ насъ до Кіева, но рядомъ съ кіевскимъ богатыремъ, какъ Илья Муромецъ, мы встрѣчаемъ и Ермака.

Такимъ образомъ на примѣрѣ народнаго эпоса можно видѣть, что народная поэзія, при всей народности ея стили, не можетъ считаться неизмѣннымъ преданіемъ, вѣрно передаваемымъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. На томъ же и на другихъ примѣрахъ можно убѣждаться, что она только съ извѣстными ограниченіями можетъ называться общенародной. Давно уже было замѣчено, что самое созданіе пѣсенъ по необходимости должно было быть дѣломъ единичнаго пѣвца, и его пѣсня могла въ самомъ дѣлѣ становиться общенародною, когда освящалась общимъ усвоеніемъ. Общенародной, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ отдѣлѣ племени и территоріи, могла и должна была быть пѣсня обрядовая, исполняемая необходимо многими лицами, повторяю-

щами одинъ установленный текстъ,—но, повидимому, уже въ древнѣйшую пору должно было обособиться эпическое творчество... Какъ ни были просты древнѣе нравы и древнѣя политическія (военныя) отношенія, но героическіе подвиги, которые становились темой для эпическаго пѣвца, не были все-таки подвиги, „совершаемые инстинктомъ и силою цѣлаго народа“; во главѣ всегда стоялъ предводитель племени, царь, князь и его приближенные, избранная дружина, въ средѣ которой долженъ былъ находиться и пѣвецъ, близкій свидѣтель подвиговъ и одаренный поэтическимъ словомъ; если онъ пѣлъ даже о подвигахъ, которыхъ не былъ свидѣтелемъ, а только слѣдуя молвѣ, это былъ человекъ избранный. Таковъ былъ гомеровскій пѣвецъ Демодокъ, который при дворѣ царя феакійцевъ воспѣвалъ подвиги Одиссея. Это былъ вѣщій пѣвецъ ¹⁾, какъ вѣщій Боянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, „внукъ Велеса“. Привязанная къ единичнымъ подвигамъ князя и его богатырей, эпическая пѣсня была, вѣроятно, мѣстная, принадлежала одному отдѣлу племени и одной землѣ, могла быть неизвѣстна въ другомъ племени и землѣ, и получала, если не общенародное, то болѣе широкое распространеніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ князь бывалъ общенароднымъ или подвиги сами по себѣ получали особенную славу. Какъ скажемъ далѣе, весьма вѣроятно, что эпическія пѣсни составляли принадлежность пѣвцовъ по профессіи, послѣдній отголосокъ которыхъ представляютъ въ настоящее время сѣверно-русскіе пѣтари и малорусскіе кобзари, какъ пѣвцами духовныхъ стиховъ бываютъ слѣпцы, калики и лирники.

Дѣйствительно, съ большою вѣроятностью полагаютъ, что носителями эпической поэзіи по преимуществу стали впоследствии именно тѣ „веселые люди“, скоморохи, о которыхъ сохранились извѣстія только за послѣдніе вѣка ихъ существованія. Они по всей вѣроятности не были пѣвцами обрядовыхъ и лирическихъ пѣсенъ; ихъ репертуаръ составляли пѣсни эпическія въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. не только пѣсни богатырскія, но и такъ-называемыя низшія эпическія пѣсни, между прочимъ пѣсни шутивыя, какія остались и въ извѣстномъ теперь составѣ „былинъ“; къ пѣснямъ этого послѣдняго рода естественно примыкало шутовское балагурство и настоящія комическія сцены, и все это вмѣстѣ оставило за скоморохами репутацію „веселыхъ людей“. Отъ скомороховъ расходились въ народѣ пѣсни ихъ спеціальнаго

1)

...„Даръ пѣсней пріалъ отъ боговъ онъ
Дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердца“.
(Одиссея, пѣснь VIII.)

репертуара, потому что это были странствующие компаніи, иногда очень многочисленныя и не только веселыя, но даже и буйныя; едва ли сомнительно, что, какъ специалисты веселаго ремесла, владѣвшіе его техникой, они бывали и авторами многихъ пѣсень... Отсюда, вѣроятно, и объясняется то обстоятельство, что въ то время какъ пѣсни обрядовыя сохранялись въ народѣ сами собою въ салу любимаго обычая и сбереглись донинѣ въ замѣчательномъ обилии по всей территоріи русскаго племени, пѣсни эпическія забылись почти вездѣ, кромѣ сѣвера и частію Сибири, съ тѣхъ поръ, какъ сошли со сцены профессиональныя пѣвцы, скоморохи.

Но и здѣсь, въ пѣсняхъ обрядовыхъ, нѣтъ полной однородности. Обрядовыя пѣсни, какъ и самыя обряды, представляютъ въ настоящее время большое разнообразіе: не говоря о томъ особенно рѣзкомъ различіи, какое представляютъ въ этомъ отношеніи двѣ главныя отрасли русскаго племени, великорусское и малорусское, и которое восходитъ, вѣроятно, къ очень отдаленнымъ временамъ, большую массу вариантовъ мы находимъ въ области самого великорусскаго племени,—и это разнообразіе было, безъ сомнѣнія, не позднѣйшимъ забвеніемъ и искаженіемъ (хотя необходимо бывало и то и другое), но также слѣдомъ давняго различія пѣсни и обряда по мѣстностямъ и племенамъ. Начальная лѣтопись не даромъ рѣзкими чертами изображала несходные характеры русско-славянскихъ племенъ, отъ тѣхъ, которыя жили „вѣртинскимъ“ образомъ, до любезныхъ лѣтописцу цивилизованныхъ полянъ: очевидно, что съ этимъ различіемъ быта и съ различіемъ въ самомъ происхожденіи, которое лѣтописецъ также указываетъ, должны были соединяться различныя обряды и обрядовая поэзія. Кромѣ краткаго упоминанія начальной лѣтописи, мы не имѣемъ другихъ прямыхъ данныхъ объ этой древнѣйшей порѣ народнаго быта. Совершенно естественно, что въ теченіе исторіи народная поэзія, даже въ той интимной сторонѣ ея, которая всего меньше могла подвергаться случайнымъ чуждымъ вліяніямъ, должна была испытать не мало измѣненій по формѣ и по существу; разнородному колебанію пѣсенной старины должны были не мало содѣйствовать передвиженія и взаимныя связи народныхъ массъ; дальше увидимъ, какой переворотъ былъ произведенъ установленіемъ христіанства. Быть можетъ, будущему внимательному изслѣдованію удастся со временемъ выдѣлить среди позднѣйшихъ видоизмѣненій и наслоеній народной, особливо обрядовой, пѣсни эти слѣды древнихъ оттѣнковъ племеннаго быта.

Такимъ образомъ общій характеръ состоянія народной поэзіи

заключается не въ вѣрномъ сохраненіи преданія отъ поколѣнія къ поколѣнію, а напротивъ, въ постоянномъ колебаніи, измѣнчивости, происходившей, во-первыхъ, отъ первоначальнаго различія племенъ, объединенныхъ потомъ въ русскомъ народѣ; во-вторыхъ, отъ историческихъ вліяній, дѣйствовавшихъ на народный бытъ въ теченіе вѣковъ и съ одной стороны приносившихъ новое содержаніе, а съ другой—измѣнявшихъ и вытѣснявшихъ старое; наконецъ, постоянно измѣнялся текстъ народной пѣсни съ историческими измѣненіями въ языкѣ. Старыя формы и содержаніе народной поэзіи вслѣдствіе этого остаются намъ совершенно неизвѣстны. Къ этому присоединяется и то, что по историческимъ условіямъ нашей письменности народная поэзія не была закрѣплена (за немногими исключеніями) въ письменныхъ памятникахъ, такъ что для насъ затеряно древнее преданіе въ его подлинной формѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ народная поэзія не могла стать органическою силою въ развитіи старой нашей литературы.

Мы имѣли уже давно случай указывать, какъ односторонни и потому исторически невѣрны были обвиненія того „разлада“, который будто бы впервые раздѣлилъ высшіе классы общества отъ народа со временъ реформъ Петра и удалил изъ общественнаго развитія народную стихію ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, такое устраненіе народной стихіи изъ интересовъ письменности, которая была первой формой просвѣщенія, совершилось при самомъ ея началѣ послѣ введенія христіанства. Извѣстно, что первымъ дѣломъ Владиміра было низверженіе идоловъ: такъ было сдѣлано въ Кіевѣ, потомъ въ Новгородѣ; первые учителя христіанства не удовольствовались этимъ уничтоженіемъ предметовъ языческаго культа и, проповѣдуя новое ученіе, отвергли цѣликомъ весь старый обычай, въ которомъ видѣли преданіе язычества. Новое ученіе понято было ими въ самой строгой аскетической формѣ, требовавшей отъ новообращенныхъ покаянія и молитвы и не допускавшей никакого мірскаго развлеченія. По примѣру греческихъ учителей, которые приравнивали старыхъ боговъ античнаго язычества къ бѣсамъ, и все языческое преданіе русскаго народа было отождествлено съ бѣсовскимъ; исполненіе стараго обычая было осуждено, какъ служеніе дьяволу,—но въ старой народной поэзіи, какъ даже и въ современной, наибольшая масса пѣсней принадлежала къ пѣснямъ обрядовымъ, и потому запрещеніе распространилось

¹⁾ „Вѣсти. Европа“ 1876, сентябрь, стр. 316 и далѣе.

и на пѣсни, которыя обозначались равносильно и „мірскими“, и „бѣсовскими“. Извѣстно вообще (хотя не выяснено, какъ именно это совершилось), что приняты были мѣры въ тому, чтобы удалить изъ народной памяти и обычая старыя языческія празднества, приурочивъ къ нимъ празднества церковныя: какъ на мѣстѣ капища Перуна построена была церковь, такъ старыя народныя календарь замѣнился мало-по-малу календаремъ и празднествами церковными и старыя божества смѣнились христіанскою святыней. Весьма возможно, что атрибуты Перуна дѣйствительно были перенесены на Илью Пророка или атрибуты Волоса на св. Власія, — какъ у самихъ грековъ Илья Пророкъ замѣнилъ стараго Зевса²⁾).

Первыя книжники были въ особенности, если не исключительно, лица духовныя, слѣдовательно проникнутыя упомянутымъ аскетическимъ взглядомъ; книга въ ихъ рукахъ предназначена была исключительно для христіанскаго поученія и частью для лѣтописи. Естественно, что они не только не могли дать въ этой книгѣ мѣста какому-либо произведенію народной поэзіи, но сочли бы это за великій грѣхъ, потому что эта поэзія была бѣсовская: церковный учитель, какъ и лѣтописецъ, находитъ только слова осужденія для этой поэзіи, которая была только удаленіемъ отъ дѣлъ христіанскаго благочестія; тотъ и другой желали, напротивъ, чтобы о ней утратилась всякая память. Сама народная поэзія не успѣла стать такимъ народнымъ интересомъ, который превозмогъ бы опасенія книжниковъ; или изъ ея любителей не нашлось достаточно грамотныхъ людей, которые сберегли бы ея преданіе; или наконецъ до насъ не дошли старыя памятники подобнаго рода, — какъ позднѣе только въ случайномъ единичномъ памятникѣ уцѣлѣло Слово о полку Игоревѣ.

Первыя поученія христіанскихъ проповѣдниковъ, эпизодическія упоминанія лѣтописи о старомъ обычаяхъ, наконецъ переводы византійскихъ обличеній язычества, дополняемые южно-славянскими и русскими прибавками, были въ одно и то же время и обличеніемъ языческаго преданія, и осужденіемъ народной поэзіи. Начиная съ XI вѣка, эти осужденія тянутся черезъ весь старыя періодъ нашей исторіи до временъ Алексѣя Михайловича и даже до „Духовнаго Регламента“...

Начальный лѣтописецъ, говоря о старомъ бытѣ русскихъ славянъ до начала государства и до христіанства, упоминаетъ о поклоненіи идоламъ, которые, по его христіанскому разумѣнію,

²⁾ Ср. Голубинскаго, „Исторія русской церкви“. Москва, 1881, I, вторая половина, стр. 742.

были именно бѣсы, и эта точка зрѣнія утвердилась во всѣхъ дальнѣйшихъ обличеніяхъ, въ которыхъ сохраненіе стараго до-христіанскаго обычая изображалось какъ продолженіе или остатокъ служенія бѣсамъ. Первые руководители русской церкви были греки, которымъ русская народная жизнь была совершенно чужда, и тѣмъ болѣе всякій нецерковный обычай казался старымъ идолослуженіемъ. Въ церковномъ правилѣ митрополита Іоанна (въ концѣ XI вѣка) пересчитанъ цѣлый рядъ такихъ языческихъ обычаевъ: поклоненіе „бѣсамъ“ и колодезямъ, „играніе, плясаніе, гудѣніе“ и „бѣсовское пѣніе“. Запрещенія языческаго обычая, — съ которымъ тѣсно соединялась поэзія, — повторяются въ церковномъ уставѣ князя Всеволода, въ первой половинѣ XII вѣка. Старый лѣтописецъ, рассказывая подъ 1067 годомъ о нашествіи половцевъ, предается размышленію о томъ, что Богъ наводитъ иноплемениковъ по гнѣву за наши грѣхи. „Богъ бо не хочетъ зла человекомъ, но блага; а дьяволъ радуется злему убійству и кровипролитію, подвизая свары и зависти, братоненавидѣніе, клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнить Богъ смертію, ли голодомъ, ли наведеніемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусеницею, ли инѣми казними, аще ли показавшеса будемъ въ немъ же ны Богъ велить жити. Глаголетъ бо Пророкомъ намъ: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възращаемся, авы свинья въ калѣ грѣховнѣмъ присно валяющеса, и тако пребываемъ“. По мнѣнію благочестиваго лѣтописца, его современники только назывались христіанами, а жили еще совсѣмъ по-язычески. „Се бо не погански ли живемъ?.. Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единецъ, ли свинью, то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволу наученью кобъ сію держать, друзіи же и захыханью (чиханью) вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ. Но сами дьяволъ лстить, и другими нравы, всячьскыми лестыми превабляя ны отъ Бога, трубами и скомо-рохы, гуслями и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни приємлемъ отъ Бога всячьскыя, и нахоженіе ратныхъ, по Божью повелѣнію приємлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ“¹⁾.

Эти слова лѣтописца были извлеченіемъ изъ поученія „о казняхъ Божіихъ“, приписываемаго Θεодосію Печерскому²⁾, и

¹⁾ Полное собраніе лѣтописей, I, стр. 78.

²⁾ Ученныя Записки II Отдѣленія Академіи. Спб. 1856, выш. 2, стр. 195.

нѣкоторые изслѣдователи сомнѣвались принять этотъ текстъ за прямое свидѣтельство о русской древности, такъ какъ поученіе Θεодосія имѣло въ основѣ своей памятникъ, переведенный съ греческаго и занесенный къ намъ изъ южно-славянской письменности ¹⁾. Но русскій писатель очевидно имѣлъ въ виду русскихъ людей и русскіе обычаи и считалъ, что къ нимъ подходятъ слова, взятые изъ чужого книжнаго источника. Фактъ заимствованія былъ въ старой нашей письменности дѣломъ совершенно обыкновеннымъ и свидѣтельствовала только о литературной неумѣлости: чужое сочиненіе непосредственно относимо было къ своей жизни, если только представлялся къ этому какой-нибудь поводъ, иногда съ нѣкоторыми приновленіями къ русской жизни, а иногда съ грубымъ соединеніемъ своего и чужого. Какъ извѣстно, бывали примѣры противоположнаго рода: подъ чужими именами, особливо подъ именемъ Златоуста, ходили чисто русскія сочиненія.

Вѣроятно очень рано, и также изъ южно-славянскаго источника, появились у насъ спеціальныя обличенія язычества, опять съ этимъ смѣшеніемъ чужого и своего. Таковы были: Слово Григорія Богослова „о томъ како первое погани суще языци кланялися идоломъ и требы клали, то и нынѣ творять“; Слово Іоанна Златоуста о томъ же; Слово „отъ св. евангелія“ ²⁾. Эти статьи направлены были, конечно, противъ древняго греческаго язычества, но славянскій переводчикъ, находя язычество и у своихъ соплеменниковъ, счелъ возможнымъ примѣнить и къ нимъ поученія знаменитыхъ церковныхъ писателей, но рядомъ съ греческими „идолами“ и суевѣріями поставилъ и предметы славянскаго язычества. Получалось нѣчто странное: все язычество было смѣшано въ одно общее идолослуженіе, и вычитавъ у греческихъ обличителей осужденія античнаго политеизма, наши писатели надолго усвоили себѣ ихъ терминологию и обличали русскихъ людей въ „еллинскихъ“ заблужденіяхъ. Въ упомянутыхъ „Словахъ“ къ именамъ боговъ древняго греческаго Олимпа прибавлены простодушно имена русскихъ языческихъ божествъ, и такъ какъ поученія обращены были противъ русскихъ людей, еще не оставшихъ отъ язычества, то выходило, что русскіе поселяне

¹⁾ Ср. указанія г. Жданова и его собственное мнѣніе въ статьѣ: Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху, въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, 1879, стр. 5—6.

²⁾ Слова и поученія, направленные противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, въ „Дѣтвѣсахъ русской литературы и древности“, Тихонова, т. IV. М. 1862, стр. 88—112.

кланялись не только Перуну и Мокоши, но также Дію, Артемидѣ и т. д.

До сихъ поръ не вполне изслѣдованное „Слово вѣбого христоролюбца, ревнителя по правой вѣрѣ“, известное по рукописямъ съ XIV вѣка, въ особенности богато обличеніями язычества, послѣдователей котораго христоролюбецъ считаетъ достойными огня негасимаго и смолы вѣчно кипящей: авторъ съ великимъ негодованіемъ говоритъ о всѣхъ этихъ остаткахъ язычества, которые называетъ идольской службой, проклинаетъ языческіе обряды и суевѣрія, бѣсовскія игры, которыя играются на пирахъ и на свадьбахъ, и наконецъ бѣсовскія пѣсни ¹⁾).

Еще одно обличеніе народнаго обычая находимъ въ поученіи Георгія, монаха Зарубскаго монастыря (въ кievской области), относимомъ къ до-монгольскому періоду. Благочестивый инокъ убѣждаетъ свое духовное чадо бѣгать лихого смѣха, скомороха, не вводитъ въ свой домъ гудца, потому что это дѣло поганское, а не христіанское, а для христіанина должно быть другое увеселеніе: „а кръстьяньскы суть гусли прѣврасная доброголасная псалтыря, ею же присно должни есмы веселитися... То ти драго есть веселье, то ти прѣславная есть пѣснь со аньелы ны сокупающы“ ²⁾).

Христіанство медленно проникало въ народныя массы; еще лѣтъ сто спустя послѣ Владиміра выступали въ самомъ Кіевѣ и Новгородѣ старыя волхвы, какъ явные противники христіанства, и даже увлекали за собой толпу; еще больше держалось „тайное язычество“,—но мало-по-малу образовалось то состояніе умовъ, которое древній обличитель называлъ „двоевѣріемъ“. Это была фантастическая смѣсь христіанскаго ученія и полу-языческаго повѣрія, которая держится въ народѣ и по сіе время, а въ половинѣ стараго періода была выражена особенно ярко и составила, какъ дальше увидимъ, новую почву для народно-поэтическаго творчества. Если древніе проповѣдники и лѣтописцы, если „Слово Христоролюбца“, говорятъ еще о настоящемъ язычествѣ, называя имена крупныхъ и мелкихъ языческихъ божествъ, которымъ еще вѣриль и приносилъ жертвы темный народъ, то позднѣе, въ XVI—XVII вѣвѣ, странно было говорить объ язычествѣ, но тѣмъ не менѣе

¹⁾ Различныя списки Слова Христоролюбца издали были Срезневскимъ въ приложеніяхъ къ „Древнимъ памятникамъ русскаго языка и письма“ (Извѣстія II Отдѣленія Академіи, т. X), Булаевымъ въ „Исторической Христоматіи“. М. 1861, стр. 619 и далѣе, въ Лѣтописяхъ Тихонравова, т. IV.

²⁾ Издано у Срезневскаго, „Свѣденія и замѣтки о малозвѣстныхъ памятникахъ“, № VII.

продолжаются суровыя обличенія народныхъ суевѣрій, не признаваемыхъ церковью праздниковъ и обычаевъ, игръ и увеселеній, и съ тѣмъ вмѣстѣ народной поэзіи. Прежняя аскетическая точка зрѣнія, съ которой проецировались бѣсовскія пѣсни и народныя увеселенія были только „безчиніемъ“ или „сборищами идольскихъ игръ“, эта точка зрѣнія впоследствии еще болѣе усилилась, и Стоглавый соборъ старался изгнать изъ народной жизни все, что противорѣчило церковному благочинію, и въ соборныхъ отвѣтахъ на царскіе вопросы поставленъ цѣлый рядъ запрещеній, направленныхъ противъ глумотворцевъ, органниковъ, гусельниковъ, смѣхотворцевъ и тѣхъ, кто поетъ бѣсовскія пѣсни и предается бѣсовскимъ играмъ, противъ волхвовъ и „еллинскаго“ бѣсовскаго чародѣянія, противъ всякихъ апокрифическихъ суевѣрій (которыя развились именно на почвѣ двоевѣрія цѣлыми вѣками невѣжества, продолжавшагося и въ эпоху Стоглава), противъ оплакиванія умершихъ (или причитаній) на „жальникахъ“, куда являлись и скоморохи, противъ народныхъ праздниковъ въ теченіе святокъ, когда совершалось „ночное плещеваніе и безчинный говоръ, и бѣсовскія пѣсни, и плясаніе, и скаканіе, и многія богомерзкія дѣла“, потому что всѣ эти „еллинскія прелести“ были священными правилами апостоловъ и св. отецъ запрещены и прокляты, и далѣе противъ цѣлаго ряда народныхъ обычаевъ, сопровождаемыхъ конечно и обрядовыми пѣснями (глава 41). И далѣе, еще нѣсколько главъ въ постановленіяхъ собора наполнено строгимъ осужденіемъ „игрищъ еллинскаго бѣсованія“¹⁾.

Этого предмета не могъ, конечно, пропустить „Домострой“,

¹⁾ Напримѣръ: „Еще же мнози отъ неразумія простая чадь православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творять еллинское бѣсованіе, различныя игры и плясанія, въ навечеріи праздника Рождества Христова, и противъ праздника рождества Іоанна Предтечи въ ноцѣ, и въ праздникъ весь день, мужи, и жены, и дѣти въ домѣхъ по улицамъ отходя, и по водамъ глуми творять всякими играми и танцами *сотонинскими*, и многими видами скаредными; подобно же сему творять и во святыхъ вечерахъ, и въ навечеріи Богоявленія Господня, и тѣмъ Господа Бога прогнѣваютъ, ни кимъ же возбраняеми, ни обличаеми, ни наказуеми, ни отъ священникъ, ни отъ судей устрашаеми, таковыя творять неподобныя дѣла, святыми отци отреченныя. Отнынѣ же впредь подобаетъ православнымъ христіаномъ, вмѣсто сихъ бѣсованій, въ такіа святая и честныя праздники, приходити ко святымъ Божиимъ церквамъ и упражняться на молитву, и божественными пѣснями ублажаться, и божественнаго писанія со вниманіемъ слушати, и божественную литургію со страхомъ предстояти, и потомъ въ домѣхъ своихъ учреждатися, вкупу о Возѣ ликующе со священническимъ чиномъ, и со други своими духовнѣ нищихъ питающе и въ славу Божию веселящеса, а не увиватися во пьянство“, и пр. (глава 92, 98 со ссылками на правила шестого вселенскаго собора, на Іоанна Златоуста и т. д.).

ставившій себѣ цѣлью опредѣлить правила благочестиваго житія. Онъ нѣсколько разъ возвращается къ обличенію „злыхъ нравовъ и обычаевъ“, къ чему, кромѣ всякаго рода грѣховъ, суевѣрій и всякихъ безнравственныхъ проступковъ, принадлежать и такія „богомерзкія дѣла“: „пѣсни бѣсовскія, плясаніе, скаваніе, гудѣніе, трубы, бубны, сопѣли, и медвѣди и птицы и собаки ловчія, творяще конское урнстаніе, всякое бѣсовское угодіе и всяко безчиніе и безстрашіе“. Дѣлая наставленія о томъ, какъ принимать гостей, „Домострой“ изображаетъ пиръ благочестивый „съ молчаніемъ или съ духовною бесѣдою“, при которой тогда „ангели невидимо предстоятъ и пишутъ дѣла добрая“, и пиръ безчинный, гдѣ „аще начнутъ смрадны и скаредны рѣчи и блудны и срамословіе и смѣхотвореніе и всяко глумленіе или гусли, и всяко гудѣніе, и плясаніе и плесканіе и всякія игры бѣсовскія, тогда явожь дымъ отгонитъ пчелы, такожь отыдутъ ангели Божія отъ тоя трапезы и смрадныя бѣсы предстануть тѣмъ и возрадуются“; и когда пирующіе „начнутъ безчинствовати зернью, и шахматы, и всякими игры бѣсовскими тѣшиться“, то „напишутъ дѣла ихъ бѣсы и приносятъ къ сотонѣ, и вкупѣ радуются погибели христіанской, и та вся дѣла предстануть въ день страшнаго суда“. И еще разъ „Домострой“ возвращается къ этому предмету, въ главѣ „о неправедномъ житіи“: онъ перечисляетъ людей, живущихъ не по христіанскому закону и не имѣющихъ страха Божія, и въ числѣ такихъ людей называется между прочимъ тотъ, кто не хранитъ поста, или чародѣйствуетъ, „или ловы творитъ съ собаками, и со птицами, и съ медвѣди; и всякое дьяволе угодіе творитъ, и скоморохи и ихъ дѣло, плясаніе и сопѣли, пѣсни бѣсовскія всегда любя, и зернью, и шахматы, и тавлею самъ государь ¹⁾, и его, дѣти и христіане тако творять, а государь о томъ не возбраняетъ, и обидимому управы не дастъ прямо, вси вкупѣ, будутъ во адѣ, а здѣ прокляты; и во всѣхъ тѣхъ плодѣхъ не благословенныхъ отъ Бога не милованъ, а отъ народа проклятъ“ ²⁾.

Проходитъ еще сто лѣтъ, и въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича открывается новое преслѣдованіе тѣхъ же „еллинскихъ“ обычаевъ. Въ знаменитой грамотѣ верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго на Ирбитъ передается царскій указъ 1649 г., въ которомъ говорится, что до царскаго свѣденія дошло, что въ Тобольскѣ и иныхъ сибирскихъ городахъ и уѣздахъ, всякихъ чиновъ люди предаются пьянству, всякому бѣсовскому дѣйству и т. д.,

¹⁾ Такъ называется отецъ семейства, хозяинъ дома.

²⁾ „Домострой“, похъ ред. В. Яковлева. Слб. 1867, стр. 16, 88, 78.

и воеводѣ повелѣвалось чинить такимъ людямъ строгое наказаніе и ослушниковъ бить батогами. По московскому приказному обычаю всѣ эти бѣсовскія дѣйства съ точностью перечислены, такъ что мы имѣемъ въ царскомъ указѣ подробный списокъ народныхъ увеселеній, праздниковъ и обрядовъ, при которыхъ не забыты и „сатанинскія пѣсни“. Указъ чрезвычайно характеренъ для опредѣленія того, какъ относились къ народному обычаю въ ту эпоху, которую изображаютъ какъ золотой вѣкъ охраненія народности и отсутствія „разлада“. Указъ долженъ занять важное мѣсто и въ исторіи судебъ народной поэзіи. Приводимъ извлеченіе, такъ какъ онъ рѣдко вспоминается историками.

- А именно, до царя дошло, что между православными христианами учинилось отъ сатанинскихъ учениковъ многое неистовство: „многіе люди, забывъ Бога и православную христианскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ, скomorоxомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелщеніе сходятся по вечерамъ на позорища, и на улицахъ и на поляхъ *богомерскихъ ихъ и скверныхъ пѣсней* и всякихъ *бѣсовскихъ ихъ* слушаютъ, мужского и женскаго полу, въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, бывають со многими чародѣйствомъ и волхованіемъ и многихъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ прелщаютъ; а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волховъ и богомерскихъ бабъ въ домъ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ болными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхованіе и отъ правовѣрія православныхъ крестьянъ отлучаютъ; да въ городѣхъ же и въ уѣздѣхъ отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужского и женскаго полу по зорямъ и въ ночи чародѣйствуютъ, съ солнечнаго схода перваго дни луны смотреть и о громное громленіе на рѣкахъ и въ озерахъ купаются, чають себѣ отъ того здравія, и съ серебра умываются, и медвѣди водятъ и съ собачками пляшуть, и зерню и карты и шахматы и лодыгами играютъ, и чинятъ безчинное сваканіе и плясаніе, и поють *бѣсовскія пѣсни*, и на Святой недѣли жонки и дѣвки на доскахъ скачуть; а о Рожествѣ Христовѣ и до Богоявленьева дни сходятся мужскаго и женскаго полу многіе люди въ бѣсовское сонмище, по дьявольской прелести, во многое бѣсовское дѣйство, играютъ во всякіе бѣсовскіе игры; а въ навечеріе Рожества Христова, и Васильева дни, и Богоявленія Господня, клочки бѣсовскіе клечуть, Коледу и Таусень и Плуту; и многіе чловѣцы, неразумьемъ, вѣрють въ сонъ, и въ встрѣчу, и въ полазъ, и въ птичей грай, и *загадки загадываютъ, и сказки сказываютъ небылые*, и празднованіемъ и смѣхотворіемъ и кощунаніемъ души свои губять та-

ними помраченными и беззаконными дѣлами, и накладывають на себя личины и платье скomorожское, межъ себя нарядя бѣсовскую кобылку водять: и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ, и незапною смертью умирають, и въ той прелести христіане погибають, и съ качели многіе убиваются до смерти. Да въ городѣхъ же и у уѣздныхъ людей у многихъ бывають на свадьбахъ всякіе безчинники и свернословцы и скomorохи, со всякими *бѣсовскими шры*, и уклоняются православные христіане къ бѣсовскимъ прелестямъ и ко пьянству; а отцовъ духовныхъ, и по приходомъ поповъ, и учителейныхъ людей наказанья не слушаютъ, и за наказанье отцомъ духовнымъ и приходскимъ попомъ и учительнымъ людямъ поруганіе и укоризну и безчестье и налогъ дѣлають¹⁾...

Вслѣдствіе всего этого велѣно было прочитатъ всякихъ чиновъ людямъ этотъ государевъ указъ „не по одиножды, всѣмъ вслухъ“ и „приказатъ“, чтобы всѣхъ чиновъ люди вели себя благочинно, чтобы всего вышписаннаго они не дѣлали и, отставъ отъ безчинія, приходили по воскресеньямъ и праздникамъ въ божіи церкви, слушали поученія духовныхъ отцовъ и учительныхъ людей,—при чемъ снова пересчитано упомянутое „неистовство“, котораго не слѣдовало дѣлатъ, и наконецъ „гдѣ объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари“ (т.-е. маски), „и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды, и тебѣ бѣ (кто получаетъ указъ) то все велѣтъ вынимать, и изломавъ тѣ бѣсовскія игры *велѣтъ жечь*“, а ослушниковъ „бить батоги“. Подобныя распоряженія повторены были въ 1652 и 1657 годахъ²⁾. Олеарій рассказываетъ, что въ самой Москвѣ патриархъ велѣлъ собрать всѣ музыкальные инструменты, какіе могли найти; ими нагрузили пять воевъ, свезли за Москву рѣку на Болото (мѣсто казни преступниковъ) и сожгли. „Читая рассказъ Олеарія, — говоритъ Забѣлинъ, — сначала можно было бы подумать, что патриархъ напалъ только на развратныя оргіи народа, которымъ музыка служила подспорьемъ, и потому запретилъ тамъ музыкальные инструменты. Такъ, безъ сомнѣнія, Олеарію объясняли дѣло благочестивые современники. Но вскорѣ изъ его же словъ мы узнаемъ, что не оргіи были причиною такого запрещенія, а бѣсовство самыхъ инструментовъ, этихъ отреченныхъ церковью гудебныхъ сосудовъ, которые сами по себѣ изгонялись изъ міра, какъ сатанинскій соблазнъ благочестивыхъ душъ. Торжество старческихъ ученій объ

¹⁾ Акты Историческіе. Спб. 1842, IV, стр. 124—126.

²⁾ Акты Арх. экспедиціи, Спб. 1836, IV, стр. 91, 138—139.

этихъ сатанинскихъ прелестяхъ сего міра воодушевило и молодого царя, который вообще былъ очень приверженъ къ авторитету священства и монашества“. На его собственной свадьбѣ не было обычныхъ увеселеній и вмѣсто „свадебныхъ потѣхъ“ воспѣвались только церковныя пѣсни. Историкъ замѣчаетъ: „Въ сущности въ этомъ постническомъ поворотѣ общественной жизни обнаруживался иной ея поворотъ, неудержимый поворотъ въ Петровской реформѣ. Здѣсь высказывалась главнымъ образомъ настоятельная потребность всенароднаго нравственнаго очищенія, такая же потребность, какая была заявлена ровно за сто лѣтъ предъ тѣмъ, изданіемъ Стоглава и Домостроя. Но какъ тогда, такъ и въ эту минуту руководители народной потребности смотрѣли не впередъ, а назадъ, стремились найти источникъ нравственнаго обновленія на старомъ, уже пройденномъ пути, въ старыхъ преданіяхъ, въ старыхъ отеческихъ обычаяхъ и поученіяхъ. Отсюда и въ настоящую эпоху, въ половинѣ XVII-го ст., новое торжество того же Стоглава и того же Домостроя, т.-е. торжество вѣры въ смыслѣ старой культуры, стараго развитія, старой нравственной выработки. Но съ этимъ торжествомъ для старой культуры наставалъ уже послѣдній часъ, ибо въ немъ, при его помощи, для выросставшаго государства съ большею ясностью предстали одностороннія начала старой жизни; лучшимъ людямъ вѣка при новой постановкѣ Домостроя стало несравненно виднѣе, осязательнѣе, что съ такими началами, если и необходимо жить всякому постнику, то государству съ нимъ жить невозможно“¹⁾. Царь сдѣлалъ одно исключеніе: изъ всѣхъ потѣхъ онъ сохранилъ только охоту, а изъ народно-поэтическихъ развлеченій сберегъ при дворцѣ только бахарей, которымъ однако былъ приданъ видъ „верховыхъ“ т.-е. придворныхъ нищихъ; впоследствии они называются верховыми богомольцами. Они составили какъ бы дворцовую богадѣльню, значеніе которой объясняется извѣстіями англичанина Коллинса (1659—1666): онъ говоритъ между прочимъ, что царь содержитъ во дворцѣ стариковъ, имѣющихъ по 100 лѣтъ отъ роду, и очень любить слушать ихъ рассказы о старинѣ. Полагаютъ, что это были именно тѣ нищіе старцы или переходіе калики, которые уцѣлѣли до сихъ поръ какъ пѣвцы духовныхъ стиховъ, а въ старину могли воспѣвать также кромѣ подвиговъ церковныхъ и подвиги богатырскіе...

Впоследствии самъ царь Алексѣй не выдержалъ аскетической программы, которую наложилъ на себя и на своихъ подданныхъ.

¹⁾ Забѣлинъ, „Домашній бытъ русскихъ царей“. Москва, 1869, стр. 441—443.

Въ послѣдніе годы своей жизни онъ, какъ извѣстно, увлекся до страсти иноземнымъ театромъ, который и послужилъ послѣ началомъ русской драмы.

Эти взгляды царя Алексѣя и принимавшіяся имъ мѣры чрезвычайно характерны для исторіи нашей народной поэзіи. Во второй половинѣ XVII-го вѣка, почти наканунѣ реформы, среди различныхъ явленій бытовой и умственной жизни, ясно указывавшихъ на необходимость и близость преобразованія, мы видимъ рѣшительное подтвержденіе того самаго взгляда на народную поэзію, который видѣли у благочестиваго лѣтописца XI вѣка, въ церковныхъ и княжескихъ постановленіяхъ первыхъ вѣковъ русскаго государства и церкви, у Зарубскаго инока и Христолюбца XIII—XIV вѣка, въ Стоглавѣ и Домостроѣ. Нельзя не удивляться, что при этой неизмѣнности взгляда на народную поэзію, проходящаго черезъ весь старый періодъ нашей исторіи, новѣйшіе поклонники старины могли не видѣть, что здѣсь именно происходилъ систематически тотъ разрывъ съ народомъ, который ставятъ въ вину новому періоду нашей исторіи, и звали насъ „домой“ въ этотъ XVI—XVII вѣкъ, для того, чтобы объединиться съ народомъ... Понятія были грубо наивны, но съ этимъ упорнымъ преслѣдованіемъ народно-поэтическаго преданія надъ народною жизнію совершалось настоящее насиліе. Правда, благочестивые преслѣдователи могли негодовать на то, что въ народномъ обычаѣ и пѣсняхъ встрѣчалось иногда прямо непристойное, но они не чувствовали, что за этимъ исключеніемъ большинство этихъ пѣсенъ проникнуто было истинной поэзіей, глубокимъ и нѣжнымъ чувствомъ, какія мы видимъ и теперь въ современныхъ далекихъ отголоскахъ этой пѣсенной старины; съ другой стороны правда и то, что преслѣдованіе не могло вполнѣ достигнуть своей цѣли, пѣсни продолжали жить въ народѣ, какъ продолжало жить и даже нарождалось вновь безграничное суевѣріе; но во всякомъ случаѣ въ средѣ, едва начинавшей умственную и литературную жизнь, не могло остаться безъ вліянія то, что народная пѣсня была на нѣсколько вѣковъ ославлена бѣсовскою и сатанинскою, что она провливалась книжниками каждый разъ, когда имъ случалось говорить о ней. Нѣтъ сомнѣнія, что въ связи съ этимъ находится тотъ историческій фактъ, отмѣтившій весь древній періодъ нашей исторіи, что письменная литература осталась чужда народно-поэтической стихіи: письменность не сохранила намъ поэтическихъ памятниковъ древности, такъ что мы лишены въ высшей степени любопытныхъ свидѣтельствъ объ исторической жизни народа въ его поэзіи, и сама письменность лишена была ея оживляющаго

вліянія. Собственно говоря, эта письменность (опять за единственнымъ исключеніемъ Слова о полку Игоревѣ) осталась безъ поэтическаго отдѣла: въ ней всего шире распространилась сухая аскетическая книга, или прямо переводная, или подражательная; легенда, только изрѣдка и одною стороною касавшаяся народной почвы; историографія въ большинствѣ опять блѣдная, часто прямо оффиціальная, — для живыхъ отраженій народнаго чувства, даже въ самые возбужденные, трагическіе или радостные моменты ея, въ письменности не нашлось мѣста... Главнымъ источникомъ этого узкаго литературнаго горизонта была, безъ сомнѣнія, крайняя скудость древняго просвѣщенія. Мы указывали раньше, что сколько-нибудь правильная школа просто не существовала, и та, которая была, не возвышалась надъ уровнемъ первоначальной грамотности. Мы видѣли также, что съ этимъ естественно связывалась крайняя ограниченность познаній даже между наиболѣе свѣдущими людьми нашей древности; кругъ свѣденій и книжныхъ интересовъ не пошелъ далѣе того „книжнаго почитанія“, образчикъ котораго даютъ, напримѣръ, современные начетчики въ расколѣ. Бывали люди, дѣйствительно начитавшіеся въ писаніи и въ учительныхъ книгахъ, и послѣднимъ предѣломъ этого книжническаго знанія бывали съ одной стороны, напр., писанія Іосифа Волоцкаго и „Домострой“, а съ другой писанія протопопа Аввакума. Съ удаленіемъ народно-поэтическаго элемента при самомъ началѣ, литература въ послѣдующемъ своемъ развитіи лишена была и непосредственной жизненности содержанія, и цѣлой стихіи художественной красоты, — до самой эпохи Петра она способна была говорить искусственнымъ и тяжелымъ церковно-славянскимъ языкомъ, и первые опыты литературнаго искусства могли выразиться только въ тяжеловѣсныхъ виршахъ Симеона Полоцкаго и его сотоварищей. Первое обращеніе къ подлинной народной поэзіи начинается только въ XVII вѣкѣ, когда явились первые записи народныхъ пѣсенъ. Дальше скажемъ, подъ какими вліяніями это могло произойти.

Эти безконечныя проклятія достигли одной цѣли: онѣ лишили литературу непосредственной жизненности, богатаго источника художественной красоты, лишили потомство самыхъ яркихъ свидѣтельствъ о пережитой исторіи; но онѣ все-таки не смогли истребить эту народную поэзію. Она продолжала жить въ народѣ несмотря на всѣ запрещенія и проклятія, потому что была слишкомъ необходимымъ элементомъ бытовой и нравственной жизни, слишкомъ живой эстетической потребностью. Эти постоянныя за-

прещениа были постояннымъ свидѣтельствомъ, что она продолжала существовать.

Древнѣйшее свидѣтельство о русской народной пѣснѣ находятъ въ извѣстномъ разсказѣ арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Фадлана о видѣнныхъ имъ похоронахъ русса, при чемъ должна была погибнуть и молодая дѣвушка, рабыня: передъ смертью она проводила время въ странномъ весельѣ и пѣла. Мы, впрочемъ, не сочтемъ этого разсказа первымъ свидѣтельствомъ о русской пѣснѣ послѣ тѣхъ возраженій, какія сдѣланы были г. Стасовымъ противъ обычныхъ толкованій арабскаго писателя и которыя, кажется, еще не были опровергнуты ¹⁾.

Постоянныя и упорныя осужденія бѣсовскихъ пѣсенъ и игрищъ даютъ возможность предполагать, что народная жизнь была дѣйствительно переполнена пѣснями, какъ еще и донныя народныя календарь и главнѣйшія событія бытовой жизни сопровождаются своимъ особымъ подборомъ пѣсенъ. Особливо обильно были, вѣроятно, какъ и впоследствии, пѣсни свадебныя. Случайное упоминаніе объ нихъ осталось въ посланіи Владиміра Мономаха къ Олегу Святославичу. Онъ говоритъ о вдовѣ своего сына Изяслава, убитаго въ муромскомъ сраженіи: „а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя“ ²⁾. Такія случайныя упоминанія есть и о похоронныхъ причитаніяхъ. Такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ: „жены рускыя въсплакашася арючи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою судмати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати“. Лѣтопись упоминаетъ о плачѣ Ярополка и его дружины по князѣ Изяславѣ: „изиде противу ему весь городъ Къевъ, и въложивше тѣло его на сани повезоша и, съ пѣснями попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ лѣ слышати пѣвья во плачи, велицѣ вопли, плавабоя по немъ весь градъ Кіевъ; Ярополкъ же идяше по немъ, плачяся съ дружиною своею: „отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти приимъ отъ людій и отъ брата своего? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою“ ³⁾. Видимо,

¹⁾ „Замѣтки о „Руссахъ“ Ибнъ-Фадлана и другихъ арабскихъ писателей“, Журн. ми. просв., 1881, августъ, и въ „Собраніи сочиненій В. В. Стасова“. Слб. 1894, III, ст. 1450 и далѣе.

²⁾ Полное собраніе лѣтописей. I, стр. 105.

³⁾ Тамъ же, стр. 86.

что лѣтописецъ хотѣлъ передать образчикъ самыхъ причитаній князя и дружины.

Существованіе и даже большую распространенность обрядовыхъ пѣсенъ можно бы предположить даже и безъ этихъ, прямыхъ или косвенныхъ указаній, но историкамъ древней русской поэзіи представляется вопросъ, дала ли эта поэзія въ этомъ древнемъ періодѣ такіе памятники, которые непосредственно представляли бы историческую дѣйствительность своего времени. „Мы узнаемъ, — говоритъ одинъ изъ этихъ историковъ, — что у русскихъ въ до-монгольскую эпоху существовали причитанья, свадебныя пѣсни, пѣсни на пирахъ, но всѣ такого рода памятники сложились, конечно, въ болѣе отдаленную эпоху, въ эпоху, до которой не достигаешь историческая память. Спрашивается: существовали ли въ до-монгольскую эпоху такіе поэтическіе памятники, которые и сложились въ это исторически-опредѣленное время, хотя бы на основѣ болѣе древней, на основѣ всего предшествовавшаго (быть можетъ, разнообразнаго, допускавшаго участіе неодинаковыхъ вліяній) эпического процесса? Находимъ ли поэтическія образованія, отражающія историческую дѣйствительность? Находимъ ли эпосъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова?“¹⁾ Авторъ находитъ указаніе на такой эпосъ въ древнемъ житіи князя Владиміра, занесенномъ и въ лѣтопись. Въ житіи высказывается жалоба, что, несмотря на великую заслугу князя Владиміра для русской земли, ему не воздается должная почесть²⁾. Но вслѣдъ затѣмъ мы читаемъ, что „русскіе люди держатъ его въ памяти, помяная св. крещеніе“. Является какое-то противорѣчіе, что русскіе люди помнятъ и не помнятъ Владиміра. Сопоставляя эти слова съ выраженіями другого житія Владиміра, принадлежащаго Іакову Мниху, что князь „не творитъ чудесъ по смерти“, и затѣмъ съ похвалой „кагану Владиміру“: „твоя щедроты и милостыня *и нынѣ въ челоуцнцхъ поминаемы суть*“, нашъ историкъ приходитъ къ тому заключенію, что въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ именно о двухъ разрядахъ русскихъ людей: одни чтутъ Владиміра, крестившаго русскую землю, а другіе вспоминаютъ только щедрого князя, не цѣнятъ крещенія и не приносятъ молитвъ для того, чтобы Богъ „прославилъ“ его, —

¹⁾ Ждановъ, тамъ же, стр. 7—8 и дальше.

²⁾ „Дивно есть се, колико добра сътворилъ русѣй земли, крестивъ ю. Мы же, крестьяне суще, не воздаемъ почестья противу оного възданію.. Да еще быхомъ имѣли потщаніе и молбу приносимъ Богу за нѣ, въ день преставленія его, видя бы Богъ тщаніе наше къ нему, прославилъ бы и. Намъ бо достоить за нѣ Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ“.

а прославление заключалось по христіанскому понятію именно въ чудесахъ, которыхъ Владиміръ еще не творилъ. Причисленіе князя Владиміра въ лику святыхъ совершилось уже гораздо позднѣе. Это прославленіе Владиміра, какъ щедрого князя, представляется нашему историку именно тѣмъ эпическимъ элементомъ, какой могъ принадлежать еще древней поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ давно замѣчено и бросается въ глаза сходное изображеніе почтенныхъ пировъ ласковаго князя Владиміра въ былинѣ и въ лѣтописи, гдѣ съ видимымъ удовольствіемъ передаются подробности о щедротахъ знаменитаго князя. Избѣгнувъ смерти въ битвѣ съ печенѣгами, Владиміръ поставилъ церковь въ Василевѣ въ память своего избавленія „и сотворилъ великій праздникъ, сваривши 300 проваровъ меду, и сзывалъ своихъ бояръ и посадниковъ, старѣйшинъ по всѣмъ городамъ, и людей многихъ и роздалъ убогимъ 300 гривенъ; князь праздновалъ восемь дней и, вернувшись въ Кіевъ, опять сотворилъ великій праздникъ, сзывая безчисленное множество народа... И такъ онъ творилъ каждый годъ“. Князь любилъ книжныя словеса и, слыша слова евангелія, Давида и Соломона о милосердіи къ нищимъ и убогимъ, князь „повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ князь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотъницъ кунами. Устроилъ же и се, рекъ: „яко немощни и болни не могутъ долѣзти двора моего“. Повелѣ пристроити кола; въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ разноличный, медъ въ бчелвахъ, а въ другихъ квась, возити по городу, въпрашивающимъ: „вдѣ болни и нищъ, не могутъ ходити?“ тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людямъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити бояромъ и гридемъ, и съцьскимъ и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, баше по изобилью отъ всего“. Лѣтописецъ не забылъ и той подробности, что дружина, „подпивши“, начинала роптать на князя: „зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными лѣжицами, а не серебряными“. И князь велѣлъ сковать ей серебряныя ложки ¹⁾. Записалъ ли здѣсь лѣтописецъ простое преданіе или передалъ сложившуюся пѣсню, рѣшить трудно, но за возможность послѣдняго можетъ говорить прочно установившееся представленіе позднѣйшей былины о пирѣхъ князя Владиміра. Тотъ же авторъ указываетъ и другія поэтическія преданія, переданныя лѣтописью о временахъ Владиміра: основаніе Переяславля, осаду Бѣлгорода, сказаніе о Ро-

¹⁾ Полное собраніе лѣтописей. I, стр. 53 и далѣе.

гнѣдѣ; авторъ видитъ здѣсь остатки того же народнаго помяненья, о которомъ говорилъ древній жизнеописатель Владиміра.

Говоря объ этомъ поэтическомъ преданіи, должно возвратиться къ самымъ первымъ страницамъ начальной лѣтописи. Начало русской исторіи, какъ мы имѣли случай упоминать въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, лѣтописецъ передаетъ въ цѣломъ рядѣ преданій, которыя онъ считаетъ обыкновенно за историческій фактъ и которыя, однако, носятъ иногда явный характеръ эпическаго сказанія. Таковы, напримѣръ, преданія о переселеніи славянъ съ Дуная, объ обрахъ, уграхъ и хазарахъ, о призваніи князей, о смерти Олега, о мести Ольги древлянамъ, объ ея крещеніи въ Константинополь, о Святославѣ, о дѣяніяхъ Владиміра язычника, о выборѣ вѣры, объ Янѣ Усмошвецѣ, о Всеславѣ полоцкомъ, и пр. Еще Шлѣцеръ замѣтилъ сходство нѣкоторыхъ изъ этихъ преданій съ норманскими; позднѣе указаны были и другія параллели съ преданіями разныхъ народовъ европейскихъ и азіатскихъ; напр., тема сказанія о взятіи Искоростена встрѣчается уже въ преданіяхъ объ Александрѣ Македонскомъ ²⁾. Опять трудно сказать, имѣемъ ли мы въ этихъ рассказахъ лѣтописи одно ходячее преданіе, или оно успѣло уже сложиться въ тѣ вѣка въ эпическую пѣсню. Позднѣйшая былина почти ничего не знаетъ объ этихъ временахъ и этихъ преданіяхъ; она запомнила ласковаго князя Владиміра, сохранила нѣсколько древнихъ историческихъ именъ, два-три отрывочныхъ мотива,—но если этотъ рядъ лѣтописныхъ сказаній, нерѣдко весьма характерныхъ, имѣлъ

¹⁾ „Вѣстн. Европн“ 1884, ноябрь.

²⁾ Ср. Костомарова, Преданія первоначальной русской лѣтописи, „Вѣстн. Европн“ 1873, январь—мартъ. Еще равнѣ: Погодинъ, „Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи“. М. 1846, I, стр. 178—195; Сухоминовъ, О преданіяхъ въ др. р. лѣтописи, „Основа“, 1861. Изъ новыхъ исслѣдованій: Васильевскій, Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополь XI и XII вѣковъ, „Журн. мин. просв.“ 1874, ноябрь и дал. Геденовъ („Варяги и Русь“. Спб. 1878, II, стр. LXV-LXXV) весьма рѣшительно говорилъ, что если наши преданія оказывались сходны съ норманскими, это было потому, что норманны прямо заимствовали чужія преданія (русскія, польскія, греческія, германскія) и перелагали ихъ на скандинавскіе нравы. Такъ именно у русскихъ они взяли: сказаніе о смерти Олега; объ Ольгиной мести; о мести Рогнѣдѣ; объ Янѣ Усмошвецѣ. Какъ признакъ подлинности или подражанія онъ выставилъ слѣдующее: „Чѣмъ глубже сказаніе вошло въ народную жизнь, чѣмъ тѣснѣе оно связано съ великими историческими событіями и личностями, чѣмъ непринужденнѣе его подробности и поразительнѣе образъ его изложенія, тѣмъ оно ближе къ своему первоначальному источнику“,—и это преимущество онъ находитъ на сторонѣ русскаго лѣтописнаго разсказа.—Но, во-первыхъ, здѣсь можетъ быть только вѣншая разница стили, а не основы народнаго преданія; а во-вторыхъ, параллели русскіхъ сказаній находятся не у однихъ норманновъ,

нѣкогда форму эпической пѣсни, то былъ засловенъ въ эпосѣ другими сюжетами и неизвѣстными исторіи именами. Какъ бы то ни было, но, по словамъ того же историка нашей древней поэзи, „отъ формы передачи преданій, какъ она ни важна сама по себѣ, нисколько не измѣняется поэтическая природа самыхъ преданій. Передавались ли преданія въ пѣсняхъ, или нѣтъ, но мы имѣемъ полное право назвать ихъ отрывками нашей древней народной эпикн. Исторія поэзи найдетъ здѣсь свое неоспоримое достояніе“¹⁾). Въ позднѣйшей былинѣ это достояніе или очень поблѣднѣло, или совсѣмъ исчезло; но если въ ней, какъ дальше увидимъ, нашли мѣсто сюжеты переходныхъ средневѣковыхъ сказаній, то этотъ элементъ мы находимъ уже и въ преданіяхъ древней лѣтописи: кромѣ того, что было въ нихъ чисто русскаго, повторялись въ нихъ и мотивы этой международной поэзи. Сходство нашихъ лѣтописныхъ преданій съ преданіями западными и восточными указываетъ на общую эпическую почву, на давнія международныя связи, которыя уже тогда помогали распространенію эпическихъ сюжетовъ, какъ впоследствии распространялись сказанія внижныя. Кто у кого заимствовалъ,—въ данномъ случаѣ, напр., скандинавы или русскіе, — или оба брали еще изъ третьяго источника, пока не выяснено; но мы упоминали, что для переходныхъ сказаній нѣрѣдко совсѣмъ невозможно отыскать перваго изобрѣтателя и собственника.

Основнымъ, въ высокой степени замѣчательнымъ свидѣтельствомъ о древней русской поэзи является Слово о полку Игоревѣ, единственный памятникъ своего рода, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій отъ разгрома, который постигъ южную Русь въ татарское нашествіе. Величайшій интересъ памятника былъ понятъ при самомъ его открытіи, хотя въ концѣ прошлаго вѣка тогдашніе любители (ученыхъ еще не было) плохо разумѣли старую письменность: въ сожалѣнію, первый издатель не сумѣлъ даже прочесть старой рукописи, и когда потомъ подлинникъ сгорѣлъ въ московскомъ пожарѣ 12-го года, этотъ дурно прочитанный текстъ перваго изданія заставилъ позднѣйшихъ изслѣдователей ломать голову надъ непонятными искаженіями настоящаго чтенія. Ни одинъ памятникъ нашей древней письменности не вызывалъ столько усердныхъ толкованій, переводовъ,—и справедливо, потому что онъ оставался одинъ драгоценнымъ наслѣдіемъ старой поэзи среди сухихъ аскетическихъ проклятій всему народно-поэтическому содержанію древней жизни. Кромѣ перепорченнаго

¹⁾ Ждановъ, тамъ же, стр. 11.

текста памятникъ требовалъ объясненій по цѣлому ряду вопросовъ, какіе вызывало его необычайное содержаніе: это былъ памятникъ изъ области народнаго эпоса, котораго еще не умѣли понимать ученые начала столѣтія, и многое въ „Словѣ“ объяснилось только тогда, когда къ нему приложены были критическіе приемы Гриммовой школы. Многое въ „Словѣ“ остается неяснымъ и до настоящаго времени: таковы прежде всего единственные во всей нашей старой письменности упоминанія объ языческихъ божествахъ не съ придачею проклятій „еллинскому“ идолослуженію, а со всѣмъ почетомъ къ Дажьбогу, внукомъ котораго является самъ русской народъ (или князь, какъ предполагаетъ Буслаевъ), или къ Велесу, внукомъ котораго изображается пѣвецъ Боянъ, или къ „великому“ Хорсу и Стрибогу, — хотя здѣсь же упоминается потомъ и христіанская святыня, Богородица Пирогошчая. Но въ цѣломъ памятникѣ открывалъ по истинѣ замѣчательныя красоты самой подлинной эпической поэзіи. Таково описаніе всего похода противъ половцевъ, когда въ людскихъ дѣлахъ какъ будто принимаетъ участіе сама природа; таковы чисто гомерическія описанія битвы, — между прочимъ, какъ свадебнаго пира, — бѣгство Игоря изъ плѣна, плачь Ярославны и т. д. Въ историческомъ отношеніи чрезвычайно любопытно, хотя не совсѣмъ ясно (можетъ быть, отчасти по винѣ испорченнаго текста), изображеніе пѣвца Бояна, которое открываетъ перспективу въ область древняго эпоса. Боянъ—вѣщій поэтъ; онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, какъ внучъ Велеса, и безъ сомнѣнія отъ божества получалъ свое вдохновеніе, какъ гомерическій пѣвецъ, „принявшій отъ боговъ дивный даръ пѣсней“. Чрезвычайно любопытно, что черезъ два столѣтія послѣ крещенія сохранилось еще это свѣжее представленіе объ эпической старинѣ: сколько поэтическаго содержанія могло бы сохраниться отъ древней Руси, еслибы этотъ инстинктъ, еще вѣрпкій въ концѣ XII-го вѣка, не былъ такъ усиленно заглушаемъ и изгоняемъ изъ жизни и изъ письменности черезъ мѣру ревностными книжниками. Упоминанія о Боянѣ намекаютъ на цѣлую исторію эпическаго творчества: онъ помнилъ усобицы первыхъ временъ, онъ воспѣвалъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава, краснаго (т.-е. прекраснаго) Романа, Олега Гориславича (Святославича), Святослава Ярославича и Всеслава полоцкаго ¹⁾, т.-е. рядъ князей

¹⁾ Г. Буслаевъ обратилъ вниманіе на хронологію этихъ князей:

Мстиславъ, ум. 1088.

Ярославъ, 1054.

Святославъ, 1076.

на пространствахъ цѣлаго столѣтія. Загадочныя воспоминанія о Троянѣ, изображеніе князя Всеслава какъ оборотня и т. п., указываютъ, что въ этомъ старомъ эпосѣ были еще живы миеологическія преданія, какъ не только поэтическое, но и бытовое повѣрье. Опять единственными въ своемъ родѣ являются намеки, въ которыхъ видятъ сознание кровнаго родства русской поэзіи и прочихъ славянскихъ племенъ, и особливо южныхъ дунайскихъ ¹⁾. Игорь освободился изъ плѣна, и радость объ этомъ выражена такъ: солнце свѣтитъ на небѣ, Игорь князь въ русской землѣ, — „дѣвѣцы поютъ на Дунаи, выются голоса черезъ море до Кіева“. Но международные интересы идутъ еще далѣе: авторъ говоритъ о Святославѣ: „ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю“.

Историческое положеніе пѣсней Бояна въ судьбахъ древней народной поэзіи г. Буслаевъ опредѣляетъ какъ вторичную ступень ея развитія. Боянъ — княжій пѣвецъ, и былъ вѣроятно не одинъ. Это не были придворные пѣвцы, сочинявшіе по заказу, но пѣвцы народные, — тѣмъ не менѣе „въ ихъ пѣсняхъ древніе интересы, обнимавшіе весь бытъ народа, всѣ его вѣрованія и преданія, должны были, такъ-сказать, сократиться, сосредоточиваясь къ отдѣльнымъ личностямъ князей. Поэтическое творчество отъ божествъ и миеическихъ героев снизошло въ обыкновеннымъ смертнымъ, но остановилось только на высшихъ представителяхъ народа, на князьяхъ, придавъ имъ миеическія черты знакомыхъ идеаловъ древнѣйшаго эпоса. Это быстрое сокращеніе поэтическихъ интересовъ могло произойти только потому, что не успѣвшій созрѣть и окрѣпнуть миеическій эпосъ древней Руси не могъ устоять противъ напора новыхъ силъ, внесенныхъ на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ и учрежденіемъ государственнаго порядка“ ²⁾. Но этотъ „древнѣйшій эпосъ“ намъ именно неизвѣстенъ, — быть можетъ, и вовсе не сложился въ какія-либо законченныя сказанія (его реставраціи, въ гипотезахъ изслѣдователей Гриммовой школы, теперь сильно поколеблены, или совсѣмъ разрушены), а эпосъ княжескій могъ существовать и до введенія христіанства, и даже до основанія государства въ концѣ IX-го вѣка, — потому что и до того времени были князья, общины,

Романъ, 1079.

Всеславъ, 1101.

Олеги, 1115.

¹⁾ Буслаевъ, Историческіе очерки, т. I, стр. 377 и дал.: „Русская поэзія XI и начала XII вѣка“.

²⁾ Тамъ же, стр. 390.

города, и шла извѣстная политическая жизнь съ ея столкнове- ніями и подвигами. О возможности княжескаго эпоса до-хри- стианскаго могутъ свидѣтельствовать упоминавтыя раньше эпиче- скія преданія о первыхъ князьяхъ.

Съ другой стороны г. Буслаевъ сопоставлялъ „Слово“ съ лѣтописью, какъ литературные факты одного историческаго по- рядка. Пробудившееся сознание самостоятельной жизни полити- ческой и религіозной отозвалось потребностью въ лѣтописи. „На новомъ, болѣе развитомъ поприщѣ образованности возникли но- вые нравственно-религіозные и художественные типы добра и зла. Фантазія народная уже увлекалась свѣтлыми образами Бориса и Глѣба и рисовала мрачную тѣнь Святополка Окаяннаго. Соединяя интересы народа и литературы, Боянъ былъ достойный современ- никъ Нестору, и если самъ заимствовалъ въ свои пѣсни изъ историческихъ рассказовъ, то, безъ сомнѣнія, могъ и передавать лѣтописцу въ звучныхъ пѣсняхъ преданія русской старины. По крайней мѣрѣ и лѣтописецъ, и поэтъ смотрѣли на міръ одина- ковыми глазами, оба обрабатывали одно и то же содержаніе, и волею или неволею сходились на однихъ и тѣхъ же предметахъ, какъ, напримѣръ, на прославленіи храбраго Мстислава— „иже зарѣва Редедю предъ полки васожскими“¹⁾). Полнаго согласія между лѣтописцемъ и поэтомъ не было,—потому уже, что пер- вый неспособенъ былъ бы на тѣ языческія воспоминанія, къ ка- кимъ такъ охотно обращался второй; но они были единодушны въ любви къ отечеству, въ скорби о княжескихъ раздорахъ, губи- тельныхъ для цѣлой земли; а съ другой стороны между лѣтопис- цемъ и поэтомъ отрывалось иногда общее настроеніе въ живомъ, образномъ и поэтическомъ рассказѣ, какимъ отмѣчены, за эту самую пору, многіе эпизоды такъ называемой галицко-волинской лѣтописи.

Слово о полку Игоревѣ заканчивается прославленіемъ князей: „пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти слава... княземъ слава, а дружинѣ аминь“. У стараго Бояна его струны „сами княземъ славу рокотаху“. Позднѣе, мы читаемъ въ лѣто- писи о галицкихъ князьяхъ Даниилѣ и Василю (подъ 1251 годомъ): „многы крестьяны отъ плѣненія избависта; и пѣснь славу пояху има, Богу помогшу има“, и пр.²⁾ Пѣть славу могло означать одинъ привѣтственный возгласъ, но вмѣстѣ и настоящую пѣсню, какими бывали пѣсни Бояна и какою, въ литературной формѣ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 399.

²⁾ Полное собр. лѣтописей. II, стр. 187.

хотѣлъ сдѣлать свое произведеніе авторъ Слова. И позднѣйшая былина нерѣдко ованчиваетъ разсказъ славленьемъ героя: „а слава ихъ (князя Владиміра и Ильи) до скончанія вѣка“; „ихъ идетъ слава до вѣка“; „тутъ старому славу поютъ“; „а Ильина-то слава не минуется“ и т. д. ¹⁾ Естественно является предположеніе, что эпическая пѣсня совпадала съ обрядомъ величанья. „Обрядовая слава давала основу пѣсенной славы. Народное величанье должно было находить въ пѣснѣ объясненіе и историческую опредѣленность... Въ позднѣйшихъ былевыхъ пѣсняхъ пригвѣва „слава“ повторяется, конечно, по привычкѣ, по установившемуся обычаю. Но позволительно думать, что обычай этотъ имѣлъ древнѣйшее бытовое основаніе“ ²⁾).

Когда начинались первыя научныя изслѣдованія о „былинахъ“, естественно приходила мысль опредѣлить ихъ историческія отношенія. Князь Владиміръ являлся въ нихъ центромъ; богатыри сѣзжались къ нему на службу въ Кіевъ; другая сцена дѣйствія былъ Новгородъ; наконецъ, третій — Москва. Такимъ образомъ сами собой опредѣлялись „циклы“; изъ лѣтописей, хронографовъ и другихъ источниковъ собранъ былъ весь историческій и географическій матеріалъ, имѣвшій отношеніе къ былинамъ ³⁾), — но если было поставлено вѣ сомнѣнія, что въ былинахъ сохранилось воспоминаніе о кіевской или новгородской эпохѣ, то очень трудно было доказать ихъ непосредственное созданіе въ ту эпоху. Оказывались странныя разнорѣчія: историческіе источники не говорятъ ничего о знаменитѣйшемъ изъ Владиміровыхъ богатырей, Ильѣ Муромцѣ, и первыя упоминанія о немъ принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени; имена другихъ богатырей, напр. Добрыни (какъ былиннаго богатыря) и Алеши Поповича, неизвѣстны древней лѣтописи, но извѣстны лѣтописи позднѣйшей, XVI—XVII вѣка, и здѣсь, однако, относятся въ однихъ случаяхъ ко временамъ князя Владиміра, а въ другихъ къ XIII столѣтію, гдѣ они являются участниками битвы при Калкѣ, а наконецъ и то, что разсказываютъ объ нихъ эти позднія лѣтописи, не совпадаетъ съ былиной... „Народная эпика, — говорятъ г. Ягичъ, — передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому, захватываетъ жизнь своихъ богатырей цѣлые вѣка. Итакъ, съ точки зрѣнія народной

¹⁾ См. старія записи въ „Русск. былинахъ“ Тихонравова и Всев. Миллера. М. 1894, и въ новѣйшихъ собраніяхъ.

²⁾ Ждановъ, тамъ же, стр. 18.

³⁾ Въ книгѣ г. Майкова: О былинахъ Владимірова цикла. Спб. 1863; въ „Изслѣдованія о былинахъ въ историко-географическомъ отношеніи“ г. Квашнина-Самарина, въ „Весѣдѣ“ 1871, № 4.

эпика можно еще кое-какъ объяснить, почему Алеша Поповичъ по однимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ богатырствовалъ въ XI вѣкѣ, въ эпоху Владиміра, а по другимъ жилъ и погибъ именно въ первой половинѣ XIII-го вѣка. Но хотя это толкованіе и можетъ быть поддержано разными аналогіями объ отношеніяхъ русскихъ богатырей, какъ историческихъ лицъ, въ мѣсту, занимаемому ими въ поэзіи, но не удовлетворяетъ вполне нашему ожиданію. Ибо, если эти черты внесены въ лѣтописный рассказъ изъ народнаго преданія (по крайней мѣрѣ, одна ихъ часть), то весьма естественно ожидать, что въ теперешнихъ былинахъ, упоминающихъ объ Алешѣ Поповичѣ, найдутся какіе-нибудь слѣды того, что сообщаютъ лѣтописи, — чтобы можно было подтвердить тожество Алешы Поповича народныхъ былинъ и Александра Поповича лѣтописныхъ сказаній нѣкоторыми, сколько-нибудь ясными общими чертами. Къ удивленію, такой общности между былинами и лѣтописями почти нѣтъ "... Намъ остается на выборъ одно изъ двухъ: или лѣтописныя сказанія черпали свои извѣстія не прямо изъ былинъ, но изъ какихъ-нибудь не-поэтическихъ, отличныхъ отъ былинъ, народныхъ преданій; или старинное оригинальное содержаніе былинъ съ теченіемъ вѣковъ измѣнилось, стерлось и уступило мѣсто новому содержанію. Я болѣе склоненъ принять эту послѣднюю гипотезу, уже и потому, что, мнѣ кажется, Алеша Поповичъ не былъ бы достоинъ воспѣванія въ былинахъ, еслибы онъ искони игралъ такую незавидную роль, какъ теперь ¹⁾. Мы увидимъ, что дальнѣйшія изслѣдованія ²⁾ подтверждаютъ это предположеніе: какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ присутствіе древняго имени можетъ не доказывать ни древности, ни даже подлиннаго русскаго происхожденія сюжета, и именно позднѣйшія наслоенія въ былинѣ были гораздо значительнѣе, чѣмъ это полагали изслѣдователи и исторической, и мифологической школы.

О главномъ героѣ „Владимірова цикла“, Ильѣ Муромцѣ, въ древнихъ историческихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ извѣстій; тѣмъ оригинальнѣе и неожиданнѣе фактъ, что старѣйшее упоминаніе о немъ находится въ скандинавской Вилькина-сагѣ XIII-го вѣка, составленной по рассказамъ нѣмецкихъ людей и отчасти

¹⁾ Gradja za historiju slov. nar. poezije, въ „Rad“ юго-слав. академіи т. XXXVII, Zagreb, 1876 (и отдѣльно); русскій переводъ въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“, Кіевъ, 1878: „О славянской нар. поэзіи. I. Историческія свидѣтельства о пѣніи и пѣсняхъ слав. народовъ“, стр. 199—200. См. тамъ же историческія свидѣтельства о Ставрѣ, князѣ Романѣ, Василии Буслаевичѣ, Садкѣ и др.

²⁾ Веселовскаго, Жданова, Дашкевича, Кириичникова, Всев. Миллера и др.

по ихъ пѣснямъ о Дитрихѣ Бернскомъ. Разсказъ касается и русской земли; между прочимъ, одинъ изъ сыновей русскаго Гертнита, Вольдимаръ, дѣлается королемъ Руси и Польши, а другой сынъ, отъ наложницы, Илья, поставленъ былъ ярломъ (княземъ) Греціи. Такимъ образомъ Илья (Piias von Riuzen, или af Greka) является братомъ князя Владиміра. Въ сагѣ названы русскіе города—Кіевъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Новгородъ, и хотя въ самыхъ событіяхъ нѣтъ ничего общаго съ русской исторіей, но тожество Piias von Riuzen съ Ильей Муромцемъ не подлежитъ сомнѣнію. „Германцы, — говоритъ г. Ягичъ, — которые бывали въ Новгородѣ и другихъ торговыхъ пунктахъ въ очень живомъ общеніи съ русскими, легко могли познакомиться съ большимъ почетомъ, какой русскіе оказывали своему Владиміру и его главнѣйшему богатырю Ильѣ; вернувшись домой, они разсказывали объ этомъ своимъ, и такимъ образомъ имена русскихъ богатырей, Владиміра и Ильи, сдѣлались популярными между ихъ сѣверо-западными сосѣдями“. Смѣшеніе Греціи и Россіи не удивительно при тогдашнихъ тѣсныхъ религіозныхъ связяхъ обѣихъ странъ, и въ самыхъ былинахъ Илья доводитъ свои походы до Царьграда и Іерусалима ¹⁾... Затѣмъ, болѣе позднее, и опять иностранное извѣстіе объ Ильѣ принадлежитъ нѣкому Эриху Лассотѣ, который въ 1894 путешествовалъ къ запорожскимъ казакамъ и, описывая Кіевъ, замѣчаетъ, что въ одномъ придѣлѣ св. Софіи была гробница „Ильи Моровлина“: „онъ былъ знатный герой или, какъ говорятъ, богатырь (Bohatèr), о немъ разсказываютъ много басенъ“ ²⁾. Какія были „басни“, неизвѣстно; но чрезвычайно любопытно, что въ концѣ XVI-го вѣка Илью еще помнили въ Кіевѣ, гдѣ потомъ эпическія сказанія о немъ были совсѣмъ забыты, и притомъ, что его помнили съ прозваніемъ „Моровлина“, безъ сомнѣнія, болѣе подлиннымъ, чѣмъ „Муромецъ“. Еще долго спустя встрѣчаемъ извѣстіе объ Ильѣ у южно-русскаго писателя XVII-го вѣка, Калнофойскаго; одинъ благочестивый странникъ около 1701 г. видѣлъ въ Кіевѣ храбраго воина Илью Муромца „въ нетлѣннѣ, подъ покровомъ златымъ, ростомъ яко нынѣшніе крупныя люди; рука у него лѣвая пробита копіемъ, язва вся знаетъ, а правая его рука изображена крестнымъ знаменіемъ“ ³⁾, и пр.

¹⁾ Ягичъ, тамъ же, стр. 216 и д.

²⁾ Ор. Миллеръ, Илья Муромецъ. Спб. 1869, стр. 799—800.

³⁾ Ор. Миллеръ, тамъ же, ср. стр. 261; Ягичъ, стр. 206 и дал.; Веселовскій, Южно-русскія былинны. Спб. 1881, стр. 82; его же, „Исполненъ Илья Муромецъ у Луиса де-Кастильо“ (въ 1796), „Жури. мин. просв.“ 1888, апрѣль; Русскія былинны, Тихонравова и Всев. Миллера, стр. 277—278. Свѣденія объ Ильѣ-Муромцѣ, какъ о

Въ 1619 году въ концѣ января прѣбхалъ въ Москву, въ качествѣ священника при посольствѣ, оксфордскій бакалавръ Ричардъ Джемсъ; въ концѣ августа онъ отправился въ Архангельску, чтобы вернуться въ Англію, но кораблекрушеніе задержало его и онъ провелъ зиму въ Холмогорахъ и отплылъ въ Англію уже весной 1620 года. Званіе бакалавра показываетъ, что это былъ человѣкъ ученый; видимо, что это былъ и человѣкъ любовнательный, потому что изъ Россіи онъ вывезъ, между прочимъ, шесть русскихъ стихотвореній или пѣсенъ, записанныхъ для него, вѣроятно, въ Москвѣ; изъ описи принадлежавшихъ ему книгъ и рукописей, составленной послѣ его смерти, оказывается, что имъ сдѣлано было также описаніе путешествія его въ Россію; это описаніе не сохранилось, но удѣляла книжка, въ которую вписаны были упомянутыя стихотворенія. Эти бумаги открыты были акад. Гамелемъ и стихотворенія напечатаны были въ „Извѣстіяхъ“ II Отдѣленія Академіи Наукъ, 1852, повторены были въ книгѣ: Памятники великорусскаго нарѣчія (Спб. 1852) и пр. Стихотворенія относятся къ слѣдующимъ сюжетамъ: 1, ко вѣзду въ Москву патриарха Филарета въ 1619, чего самъ Джемсъ былъ очевидцемъ; 2, къ скоростязной смерти князя Михаила Скопина-Шуйскаго въ Москвѣ въ 1610; 3 и 4, къ судьбѣ царевны Ксеніи Годуновой, постриженной въ инокини при Лжедмитріи и умершей въ 1622; 5, къ весновой или весенней службѣ, и 6, къ набѣгу крымскихъ татаръ. Такимъ образомъ четыре изъ шести стихотвореній относились къ современнымъ или очень недавнимъ событіямъ и представляли свѣжее произведеніе народной поэзіи ¹⁾.

Въ XVII столѣтіи мы встрѣчаемъ первыя записи народныхъ пѣсенъ и именно былинь. Вопросъ о томъ, почему эти произведенія стали наконецъ получать мѣсто въ книгѣ, объясняется тѣмъ, въ какихъ рукописяхъ XVII вѣка мы встрѣчаемъ обыкновенно эти записи: мы находимъ ихъ въ ряду тѣхъ повѣстей, которыя очень размножаются уже въ XVI, а еще болѣе въ XVII столѣтіи. Многія изъ этихъ повѣстей, болшею частью иноземнаго происхожденія, такъ заинтересовали русскихъ читателей, что отъ продолжительнаго обращенія въ ихъ средѣ стали приобрѣтать чисто-народную складку изложенія и герои этихъ повѣстей становились, наконецъ, народными богатырями, на ряду съ тѣми,

преподобномъ, объ его изображеніяхъ, объ иностранныхъ сказаніяхъ о немъ собраны у Ровняскаго, „Р. народныя картинки“. Спб. 1881, см. т. V, указатель.

¹⁾ Подробный разборъ ихъ сдѣланъ былъ г. Вуслаевымъ въ „Историческихъ очеркахъ“, I, стр. 470 и далѣе.

о какихъ рассказывали собственныя пѣсни. Таковыми богатырями стали, напримѣръ, Бова Королевичъ, Ерусланъ Лазаревичъ и др. Въ концѣ концовъ веусъ къ этой повѣсти такъ развился, что любители стали вносить въ сборники и сказанія о собственно русскихъ богатыряхъ. Такимъ образомъ былина входила въ общій составъ этихъ богатырскихъ повѣствованій и записывалась обыкновенно безъ раздѣленія на стихи. Въ послѣднее время изданъ былъ цѣлый рядъ подобныхъ записей гг. Барсовымъ, Майковымъ, Тихонравовымъ и Всев. Миллеромъ¹⁾.

На переходѣ въ XVIII столѣтіе въ ряду этихъ рукописныхъ текстовъ являются, наконецъ, два замѣчательныя произведенія. Одно изъ нихъ есть „Повѣсть о Горѣ-Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ“, произведеніе чисто народнаго свлада, которое стоитъ съ одной стороны въ связи съ очень распространенными пѣснями о Горѣ²⁾, съ другой, по своему благочестивому правоученію подходитъ къ духовнымъ стихамъ. Сходство съ пѣснями такъ буквально близко, что можетъ вѣряться, что пѣсни болѣе краткія и отрывочныя были только осколками отъ повѣсти, гдѣ эпизоды о преслѣдованіи добраго молодца Горемъ являются необходимою частью цѣлаго рассказа. Съ другой стороны правоучительный тонъ можетъ указывать на пѣвца изъ другой области народной поэзіи. По заглавію „Повѣсть“ входитъ въ разрядъ того множества благочестивыхъ исторій, какія разсѣяны были въ старинныхъ сборникахъ и происходили изъ различныхъ Патериковъ, Великихъ Зерцалъ и т. п. и были весьма

¹⁾ Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ. Спб. 1881 (изъ „Записокъ“ Акад. Наукъ, т. XI). Здѣсь помѣщено: „Сказаніе о Кіевскихъ богатырехъ какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь“.

— Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. Л. Майкова. Спб. 1891. Здѣсь помѣщены: Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII вѣка; повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII вѣка.

— Русскія былины старой и новой записи, подъ редакціей Тихонравова и В. Ф. Миллера. Москва, 1894. Здѣсь помѣщенъ рядъ старыхъ записей былины объ Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ и Алешѣ Поповичѣ, о семи русскихъ богатыряхъ, о Ставрѣ Гаденовичѣ, о кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ снѣгъ Даниловичѣ дванадцати лѣтъ, и отрывокъ неизвѣстной былины; и статья Тихонравова (стр. 69—86) съ перечисленіемъ подобныя записей.

— Отрывокъ изъ былины объ Алешѣ Поповичѣ по списку XVII вѣка. А. И. Станкевича, въ „Древностяхъ“ Моск. Археол. Общества, т. XV. Текстъ вошелъ въ предыдущее изданіе, но здѣсь помѣщенъ полный снимокъ самой рукописи.

²⁾ Ср. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. М. 1861. I, стр. 469—485; Велико-русскія народныя пѣсни. Изданы проф. А. И. Соболевскимъ. Спб. 1895, стр. 438—448. Ср. Буслаева, „Историческіе очерки“, I, стр. 543—643.

любимымъ чтеніемъ; не отличаясь отъ нихъ характеромъ своего заглавія, „Повѣсть“ похожа на нихъ благочестивымъ вступленіемъ, начинающимъ отъ Адама, и написана безъ раздѣленія на стихи, хотя стихъ нерѣдко чрезвычайно яркій и характерный ¹⁾).

Другимъ замѣчательнымъ памятникомъ народной поэзіи въ началѣ XVIII вѣка была знаменитая рукопись, заключавшая большое собраніе былинъ и пѣсенъ, извѣстное съ именемъ Кирши Данилова. Это собраніе, напечатанное сначала не вполне (27 пѣсенъ) и съ подправками Якубовичемъ въ 1804 году, издано было почти въ полномъ составѣ Калайдовичемъ въ 1818, подъ названіемъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“. Въ изданіи Калайдовича помѣщена 61 пѣсня, и не вошло въ изданіе нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ и цѣлыхъ пѣсенъ; семь изъ нихъ издатель пропустилъ на томъ основаніи, что „тутъ пѣвецъ нашъ, пресыщенный дарами Бахуса, и мечтаніями о сладострастныхъ вакханкахъ, терялъ совершенно уваженіе къ стыдливости“, и кромѣ того выпустилъ еще двѣ пѣсни: одну, „Изъ монастыря Боголюбова старецъ Игримище“, какъ „въ насмѣшливомъ тонѣ написанную“, и другую: „Голубина книга сорока паденъ“, какъ „неприличную по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ разказомъ“. Эта послѣдняя есть знаменитая пѣсня о Голубиной книгѣ, изданная потомъ впервые въ числѣ духовныхъ стиховъ П. В. Кирѣевскимъ ²⁾. И въ сборникѣ Кирши Данилова, какъ свидѣтельствуемъ Калайдовичъ, пѣсни были написаны „безъ ореографіи и безъ раздѣленія стиховъ“. До самыхъ открытій Рыбникова сборникъ Кирши Данилова былъ единственнымъ источникомъ, по которому историки литературы судили о нашей народной эпической поэзіи ³⁾.

Къ тому же послѣднему до-Петровскому времени относятся первыя записи другихъ народно-поэтическихъ произведеній. „Въ XVII вѣкѣ, — говоритъ Тихонравовъ, — начали собирать и записывать и „пословицы всенароднѣйшія“. Былина, подъ перомъ

¹⁾ „Повѣсть“, найденная мною въ одномъ сборникѣ XVII—XVIII вѣка, въ Публичной библиотекѣ, была напечатана въ „Современникѣ“ 1856, апрѣль, съ объясненіями Костомарова, и въ акад. „Извѣстіяхъ“ того же года, и затѣмъ была перепечатана нѣсколько разъ.

²⁾ Русскія нар. пѣсни. Въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общества ист. и древн. 1848, № 9. Затѣмъ издано было много новѣйшихъ вариантовъ.

³⁾ Недавно заявлено было объ открытіи затерявшейся рукописи Кирши Данилова. См. сообщеніе г. Н. Чехова въ „Живой Старинѣ“ 1894 (годъ четвертый), вып. II, стр. 299—300 (и къ этому замѣтку г. Шейна, тамъ же, 1895 (годъ пятый), вып. I, стр. 122—123. Но съ тѣхъ поръ объ этой рукописи не было еще дальнѣйшихъ свѣденій.

писца, полагавшаго ихъ на бумагу, получала названіе „сказанія“ и такимъ образомъ поставляема была наравнѣ съ оригинальными и переводными историческими и поэтическими „сказаніями“, „словами“ и „повѣстями“. Пословицы, или „мірскія притчи“, отождествлялись съ мудрыми изреченіями языческихъ и христіанскихъ писателей,—въ родѣ тѣхъ, которыя вошли въ составъ „Пчелъ“,—и даже съ „словами божественныхъ писаній“. Старинныя пословицы, притчи и поговорки, вписанныя въ одинъ сборникъ XVII вѣка, озаглавлены: „Слова избраны отъ Мудрости Исуса, сына Сирахова, и отъ Премудрости царя Соломона“¹⁾.

Съ XVIII вѣка, какъ мы замѣтили, количество записей возрастаетъ и опять обыкновенно такимъ образомъ, что народно-поэтическія произведенія примыкаютъ къ книжной литературѣ; какъ были поставлены рядомъ съ переводными богатырскими повѣстями, какъ пословицы поставлены рядомъ съ притчами Исуса, сына Сирахова. Въ XVIII столѣтіи, когда начиналась новая искусственная литература, интересъ въ народной поэзіи даже повысился,—какъ можно думать, именно въ связи съ распространеніемъ книжной литературы. Когда пошли въ ходъ пѣсенки новѣйшаго сочиненія на французскій ладъ, въ родѣ пѣсенъ Сумарокова, читателямъ вспоминались и пѣсни народныя, которыя, какъ мы упоминали раньше, сохранялись въ обращеніи сами по себѣ по старому обычаю, какъ развлеченіе въ домашнемъ быту не только простонародномъ, но въ купеческомъ и помѣщичьемъ. Не исчезла еще старая простота нравовъ и народная пѣсня любима была не только у вельможъ, но и при дворѣ. Изъ этого смѣшенія поэтическихъ интересовъ, весьма элементарныхъ, произошли потомъ извѣстные „Пѣсенники“ XVIII вѣка, гдѣ народныя пѣсни стояли рядомъ съ пѣснями сочиненными, романсами, оперными аріями и т. д. Эти пѣсенники были, по всей вѣроятности, сначала рукописные, а потомъ только печатные. Подобнымъ образомъ, въ старинные сборники силлабическихъ виршей и кантовъ попадали опять и пѣсни народныя.

Такова была внѣшняя судьба народной поэзіи въ старомъ періодѣ нашей литературы. Приведенные факты указываютъ достаточно, что въ этомъ періодѣ, въ которомъ хотѣть видѣть именно вѣрное охраненіе народности, принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы заставить народъ забыть и потерять свое поэтическое достояніе. Старанія не были безуспѣшны. Народъ конечно

¹⁾ Русскія былины, стр. 71.

не сознавалъ того, что происходитъ; бессознательно, сколько могъ, онъ отстаивалъ это достояніе и несмотря на проклятія противъ его поэзіи, неизмѣнно продолжавшіяся нѣсколько столѣтій, сберегъ до нашего времени очень многое изъ этой поэзіи, въ которую онъ влагалъ столько своей фантазіи и чувства,—но многое погубило безвозвратно. Только чужое, скандинавское, свидѣтельство XIII вѣка сохранило старѣйшую память о главномъ героѣ нашего народнаго эпоса, Ильѣ Муромцѣ; только любовательность заѣзжаго англичанина въ началѣ XVII вѣка сберегла для насъ старѣйшіе образчики народной лирики; Слово о полку Игоревѣ осталось одинокой руиной.

Въ эпоху того „лиризма“ во взглядахъ на народную поэзію, о которомъ говоритъ г. Всев. Миллеръ ¹⁾, высказывалось, между прочимъ, мнѣніе, что времена Петра Великаго, нарушивъ органическое теченіе русской жизни, прервали и органическое развитіе литературы изъ чисто-народныхъ источниковъ: съ сожалѣніемъ говорилось, что реформа совсѣмъ уже отрѣзала новѣйшую нашу литературу отъ эпическихъ основъ нашей національности. Мы видѣли однако, что литература была отрѣзана отъ этихъ основъ за цѣлыя вѣка до Петра и въ XVIII вѣку она не произвела ничего, въ чемъ можно было бы видѣть задатки вѣрнаго литературнаго развитія въ чисто-національномъ духѣ: и до Петра и въ переходное время не нашлось ни одного дарованія, которое способно было бы, если не установить, то хотя бы намѣтить такое направленіе. Можно указать лишь немногія попытки (въ родѣ повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ), но эти попытки въ концѣ концовъ не отвѣчали тому широкому горизонту, который началъ открываться для умственныхъ и поэтическихъ интересовъ,—и долженъ былъ открыться рано или поздно. Прямое подражаніе западнымъ европейскимъ образцамъ въ литературной области было несомнѣнно заявлено уже во времена Алексѣя Михайловича стихотворствомъ Симеона Полоцкаго и иностраннымъ театромъ при царскомъ дворѣ. Это было естественное исканіе болѣе широкаго содержанія, чѣмъ то, котораго исключительный кругъ данъ былъ древней письменностью.

Дѣло въ томъ, что національная жизнь именно требовала уже болѣе широкаго поприща; въ предчувствіи его происходили эти неясныя и пока еще несмысленныя обращенія къ Западу,—между тѣмъ старыя эпическія основы ограничивались тѣснымъ средне-вѣковымъ міровоззрѣніемъ, изъ котораго въ ту пору давно уже вышла литература западно-европейская. Нѣтъ сомнѣнія, что въ

¹⁾ „Русская Мысль“, 1895, сент., стр. 147.

концу стараго періода у болѣе передовыхъ людей была уже потребность болѣе обширнаго знанія, чѣмъ тѣ скудные обрывки его, какими приходилось до тѣхъ поръ довольствоваться, и болѣе обширнаго поприща для литературной дѣятельности, чѣмъ прежній обиходъ русской письменности... Пора для вполне самобытнаго и независимаго развитія литературы изъ чисто-національных основъ, если только была когда-нибудь, давно миновала: исторія могла совершаться только во взаимодействіи съ западно-европейскими народами и ихъ просвѣщеніемъ, къ которымъ давно влекли московскую Россію и инстинкты любознательности, и потребности государства, и полусознательное чувство національнаго достоинства. Чисто народныя основы поэтическаго развитія были давно подавлены, а отчасти слиты съ христіанско-легендарнымъ міровоззрѣніемъ среднихъ вѣковъ; какъ дѣятельная сила, старая народная поэзія не могла уже возродиться. Когда въ 1861 году Рыбниковъ началъ изданіе своихъ находокъ въ олонецкомъ краѣ, Срезневскій писалъ по поводу его сборника о трудности собиранія эпическихъ пѣсней: „Кстати вспомнить, — говорилъ онъ, — что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ еще былины не забыты, есть въ народѣ какая-то странная увѣренность, что былины кѣмъ-то *преслѣдуются* какъ что-то *противозаконное*, и что поэтому опасно ихъ сообщать для записыванія: это свидѣтельство одного почтеннаго священника. Ужели эта увѣренность въ противозаконность былинъ въ связи съ тѣмъ преслѣдованіемъ мірскихъ и бѣсовскихъ пѣсней, о которомъ напоминаютъ нѣкоторые изъ нашихъ древнихъ памятниковъ?“¹⁾ Въ этомъ послѣднемъ нѣтъ сомнѣнія; только помнились запрещенія не древнихъ памятниковъ, уже забытыхъ, а болѣе позднихъ, какъ внушенія „Домостроя“, какъ правительственныя запрещенія Стоглава и указовъ царя Алексѣя Михайловича, въ родѣ грамоты воеводѣ Рафу Всеволодскому. Цѣль ихъ была достигнута: эпическія пѣсни уцѣлили только въ дальнихъ захолустьяхъ; въ главной массѣ народа онѣ были окончательно забыты. Новѣйшее время восстанавливаетъ, сколько возможно, содержаніе народной поэзіи по двоякому побужденію: во-первыхъ, по общественному интересу къ народнымъ массамъ, который сосредоточился на освобожденіи крестьянъ и развитіи крестьянской реформы, и во-вторыхъ, по интересамъ науки, — то и другое было плодомъ новѣйшаго періода нашей образованности.

А. Пыпинъ.

¹⁾ Извѣстія II Отдѣленія Акад. Наукъ, т. X, стр. 254.

*
* *
*

Повержена во прахъ вчерашняя святыня...
Нѣтъ больше божества... осмѣяны жрецы...
Гдѣ прежде высился алтарь святой,—тамъ нынѣ
Кружатся съ хохотомъ надменные глупцы...
Смѣшались языки, и собственного брата
Понять не можетъ братъ... Бездушный Вавилонъ,—
Цѣной позорною минутнаго разврата
Нашъ драхмный платить мѣръ за краткій жизни сонъ...
Съ улыбкой важною тупого самомнѣнья,
Евнухъ безтрепетный, кривляясь и шутя,
Намъ проповѣдуетъ науку примиренья,—
Души пресыщенной безсильное дитя...
И тщетно мы зовемъ могучаго пророка,
Уснувшей совѣсти небеснаго бича!
Наивнымъ вымысломъ средь оргіи порока
Звучить для насъ клинокъ загробнаго меча...

М. МАРІЕВЪ.

ВИЗАНТИЗМЪ

И

РОССІЯ

IX *).

Политика христіанскаго государства, очевидно, должна быть *христіанскою* политикой. Здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ объ отношеніи такого государства къ тому обществу или тому учрежденію, которое содержитъ въ себѣ и представляетъ собою самыя основы христіанства на землѣ,—т.-е. къ церкви.

Въ Византіи вопросъ этотъ былъ рѣшенъ опредѣленно и просто. Іерархія греческой церкви очень рано отказалась отъ своей обязанности представлять передъ своимъ государствомъ вѣчную правду, во имя которой оно должно управлять временною жизнью народовъ и вести ее къ высшей цѣли. Въ Константинополѣ едва ли не послѣднимъ предстоятелемъ церкви въ этомъ смыслѣ былъ св. Іоаннъ Златоустый. У него были преемники, но не было продолжателей, а черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ него іерархія теряетъ высшее управление даже собственно церковной жизнью, органомъ котораго были вселенскіе соборы: послѣдній такой соборъ на Востоку былъ созванъ, какъ извѣстно, въ 787 г., а съ конца слѣдующаго, IX-го, вѣка не только вселенскихъ, но и вообще никакихъ самостоятельныхъ и съ историческимъ значеніемъ соборовъ уже не собирается болѣе въ греческихъ странахъ; высшею церковною

*) См. выше: январь, 842 стр.

властью являются „вселенскіе патріархи“ въ Царьградѣ, но это только пышное названіе, ибо они находятся вполнѣ въ рукахъ свѣтской власти, которая по собственному усмотрѣнію возводитъ и низвергаетъ ихъ, такъ что въ дѣйствительности верховное управленіе византійскою церковью принадлежитъ всецѣло и безраздѣльно императорамъ, которымъ, кромѣ царскихъ, воздаются и архіерейскія почести.

Этотъ существенный и характерный для византизма церковно-государственный строй былъ если не причиною, то главнымъ условіемъ искаженія самой царской власти въ восточной имперіи, — ея превращенія изъ христіанской въ „Навуходоносорову“, а слѣдовательно — и рокового крушенія Византіи.

Въ древней Руси были задатки болѣе правильныхъ отношеній между духовнымъ и свѣтскимъ началами, между церковью и государствомъ, но въ силу историческихъ условій эти задатки не могли развиться, и убіеніе св. митрополита Филиппа явилось на нашей почвѣ самымъ яркимъ примѣромъ вавилонско-византійскаго деспотизма. Надежда спасенія для насъ заключалась въ томъ, что и московская Русь не могла удовлетвориться такимъ типомъ самодержавія. Въ новой Россіи первый, кто ясно созналъ необходимость самостоятельнаго религіознаго авторитета въ истинномъ его смыслѣ, — не какъ ограниченія, а какъ восполненія самодержавной царской власти, — былъ именно тотъ, кого не безъ видимыхъ основаній обвиняютъ въ порабощеніи церкви у насъ, и удивительнымъ образомъ это сознаніе истиннаго идеала церковно-государственныхъ отношеній явилось у великаго преобразователя и выражено имъ какъ разъ по поводу того дѣла, въ которомъ его личность явилась съ самой непривлекательной стороны, и которое составляетъ самый мрачный эпизодъ его царствованія. Я разумѣю дѣло царевича Алексѣя Петровича. Припомнимъ главные обстоятельства и ходъ этой трагической исторіи.

Въ малолѣтство царевича Алексѣя, Петръ В. разрываетъ свой бракъ съ его матерью, ради привязанности къ нѣмецкой дѣвицѣ Аннѣ Монсъ, насильно постригаетъ бывшую царицу и запираетъ въ монастырѣ навсегда; потомъ, когда Анну Монсъ замѣнила Екатерина Савронская, присоединяя ее къ православію, Петръ заставляетъ сына быть ея восприемникомъ. Все это совершается съ прямымъ участіемъ церковныхъ властей. Въмѣстѣ съ тѣмъ Петръ позаботился дать сыну достаточное по тому времени образованіе и старался приучить его къ воинскому и правительственному дѣлу; при другихъ условіяхъ онъ могъ бы оказать на него благотворное вліяніе примѣромъ собственной неустанной работы на пользу

общую,—но царевичъ по природѣ былъ совсѣмъ несклоненъ и неспособенъ въ публичной дѣятельности, чувствовалъ себя хорошо только въ частной жизни, гдѣ менѣе всего получалъ назидательныхъ примѣровъ отъ отца, а тотъ между тѣмъ съ бранью и побоями требовалъ отъ него, чтобы онъ передѣлалъ свою природу, „отмѣнилъ свой нравъ“. Естественнымъ слѣдствіемъ всего этого было, что когда царевичъ достигъ совершеннолѣтія, то „не токмо дѣла воинскія и прочія отца его дѣла, но и самая его особа зѣло ему омерзѣла и для того всегда желалъ быть отъ него въ отлученіи“... Когда его звали къ отцу для дѣла или для праздника, напр. на спускъ корабля, онъ говорилъ: „лучше бы я на каторгѣ былъ, или въ лихорадкѣ лежалъ, чѣмъ тамъ быть“¹⁾. При такомъ настроеніи сынъ неизбѣжно становился на сторону людей, хотя и не злоумышлявшихъ прямо противъ его отца, но враждебно относившихся къ его дѣлу, мечтавшихъ о поворотѣ назадъ.

Оставить Россію во власти человѣка, не понимавшаго ея историческихъ потребностей и готоваго разорить великое „насажденіе“—Петръ не могъ. Какъ самодержавный государь, онъ имѣлъ право лишить его престолонаслѣдія, а какъ преобразователь Россіи, сознававшій важность и провиденціальное значеніе своего дѣла, онъ былъ нравственно обязанъ такъ поступить, и его слова: „лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный“—вполнѣ достойны великаго человѣка²⁾.

Лишая сына наслѣдства, Петръ исполнялъ только свой долгъ и дѣйствовалъ по чистой совѣсти; но, идя далѣе, онъ увлекался злою страстью, и самъ чувствовалъ это, какъ сейчасъ увидимъ; если это доброе чувство не взяло въ немъ верха, то лишь потому, что злая страсть явилась въ благовидной личинѣ того же общественнаго интереса, которому онъ отдалъ свою жизнь: „за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть?“³⁾

Когда царевичъ Алексѣй, заявившій отцу, что желаетъ монашескаго чина, затѣмъ въ сопровожденіи какой-то Афросиньи бѣжалъ въ Вѣну и Неаполь, Петръ имѣлъ прямой поводъ исполнить свой долгъ передъ Россіей,—законнымъ образомъ устранить отъ престолонаслѣдія человѣка столь явно недостойнаго. Но злая страсть подъ личиною высшаго общественнаго интереса внушала

¹⁾ С. Соловьева, Исторія Россіи, томъ XVII, глава II.

²⁾ Эти слова написаны до рожденія другого сына (отъ Екатерины) и выражаютъ такимъ образомъ серьезную готовность совсѣмъ отречься отъ династическаго интереса ради блага отечества.

³⁾ Соловьевъ, тамъ же.

Петру, что сынъ-бунтовщикъ опасенъ, что оставить его за границей нельзя, что онъ можетъ сдѣлаться тамъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Россіи. И вотъ употребляются всевозможныя мѣры, чтобы возвратить царевича, ему обѣщается полное прощеніе: „Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обѣщаюсь Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься“¹⁾. Это торжественное обѣщаніе было подтверждено черезъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ самымъ возвращеніемъ царевича: „Письмо твое я здѣсь получилъ, на которое отвѣтствую: что просишь прощенія, которое уже вамъ предъ симъ чрезъ господъ Толстого и Румянцева письменно и словесно обѣщано, что и нынѣ подтверждаю, въ чемъ будь весьма надеженъ“²⁾. Прощеніе было обѣщано безъ всякихъ другихъ условій, кромѣ возвращенія въ Россію; но когда царевичъ вернулся, были поставлены еще два условія: если онъ откажется отъ наслѣдства, и если откроетъ всѣхъ людей, которые присовѣтовали бѣгство. Алексѣй исполнилъ и то, и другое: указалъ сначала словесно, а потомъ письменно на своихъ доброжелателей и торжественно въ Успенскомъ соборѣ отрекся навсегда отъ правъ на престолъ. Обнародованный въ тотъ же день царскій манифестъ подтверждалъ полное прощеніе: „И хотя онъ, сынъ нашъ, за такіе противныя поступки, особенно за это передъ всѣмъ свѣтомъ нанесенное намъ безчестіе чрезъ побѣгъ свой и клеветы, на насъ разсѣяныя, какъ злорѣчащій отца своего и сопротивляющійся государю своему, достоинъ былъ смерти,—однако мы, соболѣзнуя о немъ отеческимъ сердцемъ, прощаемъ его и отъ всякаго наказанія освобождаемъ“³⁾.

Дѣло могло бы считаться конченнымъ. Приверженцы Алексѣя, столь недостойно имъ оговоренные, были уничтожены; на него самого никто болѣе не возлагалъ никакихъ надеждъ, онъ возбуждалъ только презрѣніе. Обстоятельства его побѣга и возвращенія были хорошо извѣстны; когда онъ ѣхалъ въ Россію, прежній его доброжелатель, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, говорилъ князю Богдану Гагарину: „Слышалъ ты, что дуракъ царевичъ сюда идетъ, потому что отецъ посулилъ женить его на Афросинѣ? Жолвъ ему—не женитьба! Чортъ его несетъ! Всѣ его обманываютъ нарочно“⁴⁾. Но Петру подъ влияніемъ непобѣжденной злобы мерещились серьезныя опасности отъ несчастнаго

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

Алексѣя; конечно, онъ теперь безвреденъ, но чего можно отъ него ожидать въ будущемъ, послѣ смерти отца? Хотя не было никакого основанія для увѣренности, что слабый и болѣзненный сынъ непременно переживетъ богатыря-отца, который былъ только осьмнадцатью годами старше его, но воспламененная страсть легко превращаетъ возможное въ неизбежное, чтобы сдѣлать его причиною дѣйствительнаго зла. Въ то время какъ несчастный царевичъ униженно умолялъ свою мачиху содѣйствовать его скорѣйшей женитьбѣ, дѣло о немъ возобновляется безъ всякаго серьезнаго повода съ его стороны. Спѣшившую къ нему Афросинью схватываютъ и подвергаютъ допросу; узнаютъ бабьи сплетни о разговорахъ и чувствахъ Алексѣя; никакого преступнаго дѣйствія, кромѣ уже прощеннаго бѣгства за границу, взвести на него невозможно. Тѣмъ не менѣе его арестуютъ и подвергаютъ двукратной пыткѣ. Тутъ великій царь почувствовалъ, что неограниченность его власти не избавляетъ его отъ ограниченій, налагаемыхъ человѣческою немощью, и что его самодержавная совѣсть требуетъ восполненія и поддержки въ борьбѣ противъ превозмогающей злой страсти. Созывается знатное духовенство и свѣтскія особы. Къ іерархіи русской Петръ не чувствовалъ и не имѣлъ причины чувствовать большого уваженія. Но онъ обращается къ ней во имя того высшаго нравственнаго начала, которое она представляетъ и на которомъ основывается ея авторитетъ. „Понеже вы нынѣ,—такъ гласило царское объявленіе духовенству,—уже довольно слышали о малослыханномъ въ свѣтѣ преступленіи сына моего противъ насъ, яко отца и государя своего, и хотя я довольно власти надъ онымъ по божественнымъ и гражданскимъ правамъ имѣю, а особливо по правамъ российскимъ (которыя судъ между отца и дѣтей и у партикулярныхъ людей весьма отмещуть) учинить за преступленіе по волѣ моей безъ совѣта другихъ,—однакожь боюсь Бога, дабы не погрѣшить, ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе въ ихъ. Тако жъ и врачи: хотя бъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лечить, а призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ и мы сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося леченія оной, боясь вѣчныя смерти. Ежели бъ одинъ самъ оную лечилъ, иногда бы, не познавъ силы въ своей болѣзни, а *напаче въ томъ, что я, съ клятвою суда Божія, письменно обѣщалъ оному своему сыну прощеніе* и потомъ словесно подтвердилъ, ежели истинно скажетъ. Но хотя онъ сіе и нарушилъ утайкою наиважнѣйшихъ дѣлъ и особливо замыслу своего бунтовнаго противъ насъ, яко родителя и государя

своего, но однакожь, *дабы не погрѣшить въ томъ*, и хотя его дѣло не духовнаго, но гражданскаго суда есть, которому мы оное на обсужденіе безохлабное, чрезъ особое объявленіе, нынѣ же предали; однакожь мы, желая всякаго о семъ извѣстія и воспомяна слово Божіе, гдѣ увѣщиваетъ въ такихъ дѣлахъ вопрошать и чина священнаго о законѣ Божіи, какъ написано въ главѣ 17 Второзаконія, желаемъ и отъ васъ, архіереевъ и всего духовнаго чина, яко учителей слова Божія, не да издадите каковый о семъ декретъ, но да взыщете и покажете отъ св. Писанія намъ истинное наставленіе и разсужденіе: каковаго наказанія сіе богомерзкое и Авессалому прикладу уподобляющееся *намырненіе* сына нашего, по божественнымъ заповѣдямъ и прочимъ св. Писанія прикладамъ и по законамъ, достойно. И то намъ дать за подписаніемъ рукъ своихъ на письмѣ, дабы мы, изъ того усмотря, *неотличенную совѣсть въ семъ дѣлѣ имѣли*. Въ чемъ мы на васъ, яко по достоинству блюстителей божественныхъ заповѣдей и вѣрныхъ пастырей Христова стада и доброжелательныхъ отечества, надѣемся и судомъ Божиимъ, и священствомъ вашимъ заклинаемъ, да безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія въ томъ поступите¹⁾.

Это объявленіе духовенству есть самый важный для насъ документъ въ этомъ дѣлѣ. Ясно, чего хотѣлъ Петръ отъ духовенства. Онъ и безъ того зналъ, чего требовала отъ него совѣсть. Но эта личная совѣсть нуждалась въ объективной поддержкѣ религіознаго авторитета, освящающаго и тѣмъ увѣрляющаго сознательную обязанность. Обязанность тутъ была одна: исполнить данное обѣщаніе. Петръ указываетъ на свое право; но это право упразднено имъ самимъ: ясно, что, давая обѣщаніе простить, онъ отказывался отъ права не прощать. Онъ это хорошо чувствуетъ, и лишь слабо пытается ограничить силу самого обѣщанія, указываетъ на условный его характеръ: „ежели истинно скажетъ“. Но въ первомъ письменномъ обѣщаніи, по которому царевичъ вернулся въ Россію, этого условія не было. А еслибы и было, то нарушено ли оно Алексѣемъ? Царь пробуетъ утверждать, что нарушено „утайкою наиважнѣйшихъ дѣлъ, а особливо замыслу своего бунтовнаго“. Но утаить не только наиважнѣйшихъ, а и какихъ бы то ни было дѣлъ царевичъ не могъ, потому что никакихъ дѣлъ за нимъ не было, а были только разговоры и притомъ пьяные²⁾. Тѣ „замыслы бунтовныя“ и „богомерзкія, Авессалому

¹⁾ Тамъ же; курсивъ нашъ.

²⁾ Однажды на другой день послѣ „бунтовныхъ“ рѣчей онъ спрашивалъ своего камердинера: „не досадила ли вчера кому?“ Тотъ сказалъ: „нѣтъ“. „Итъ не гово-

прикладу уподобляющіяся намѣренія*, которыя обнаруживались въ подобныхъ разговорахъ, выражали только то враждебное отношеніе сына къ отцу, которое Петръ хорошо зналъ и прежде. Онъ самъ чувствовалъ, что такія обвиненія были недостаточны, чтобы упразднить его клятвенное обѣщаніе; не имѣя силы внутреннимъ подвигомъ покончить съ внушеніями злой страсти и лживаго разсудка, говорившихъ ему, что онъ долженъ однимъ ударомъ избавить свое дѣло отъ будущей опасности,—Петръ обращается къ вышнему авторитету; но этотъ авторитетъ не оказался на высотѣ своего призванія. Духовные чины въ своемъ отвѣтѣ царю не сказали прямо ни *да*, ни *нѣтъ*. Приведя изъ священнаго писанія примѣры возмездія и примѣры помилованія, они заключаютъ такъ: „братво рекше: сердце царево въ рудѣ Божіи есть. Да избересть тую часть, амо же рука Божія того преклоняетъ“¹⁾. Въ этомъ образцовомъ проявленіи византійскаго духа или бездушія всего болѣе замѣчательно то, что „духовенство не заблагоразсудило ничего сказать насчетъ обѣщанія, даннаго царемъ сыну, тогда какъ на основаніи этого обѣщанія царевичъ возвратился, и Петръ именно указывалъ на обѣщаніе свое, требуя очищенія совѣсти“²⁾. Свѣтскіе чины, послѣ двукратнаго допроса съ пыткой, приговорили царевича къ смертной казни, „подвергая, впрочемъ, сей нашъ приговоръ и осужденіе въ самодержавную власть, волю и милосердное разсмотрѣніе его царскаго величества, всемилостивѣйшаго монарха“. Такимъ образомъ, и они оставляли Петра одного между голосомъ его совѣсти и навожденіемъ злой страсти; онъ не нашелъ вышней поддержки въ своей внутренней борьбѣ; онъ самъ долженъ былъ рѣшить: остаться ли ему только историческимъ героемъ, или присоединить къ этому еще болѣе высокое достоинство героизма нравственнаго. Наканунѣ полтавской годовщины Петръ потерпѣлъ роковое пораженіе... Въ записной книгѣ с.-петербургской гарнизонной канцеляріи читается: „26-го іюня (1718 г.) пополудни въ 8-мъ часу начали собираться въ гарнизонъ: Его Величество, свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ), князь Яковъ Ѳеодоровичъ (Долгорукій), Гаврило Ивановичъ (Головкинъ), Ѳеодоръ Матвѣевичъ (Апраксинъ), Иванъ Алексѣевичъ (Мусинъ-Пушкинъ), Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ), Петръ

рилъ ли я пьяный чего?—Слуга повторилъ его пьяныя рѣчи; тогда царевичъ молвилъ: „кто пьянъ не живетъ?!—у пьянаго всегда много лишнихъ словъ. Я по истинѣ себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ много говорю, а потому о семъ очень тужу“ (Тамъ же).

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Слова С. М. Соловьева (Тамъ же).

Андреевичъ (Толстой), Петръ Шафировъ, генералъ Бутурлинъ; и учиненъ былъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гарнизонѣ до 11-го часа, развѣхались. Того же числа пополудни въ 6-мъ часу, будучи подъ карауломъ въ трубецкомъ расватѣ въ гарнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился¹⁾.

Дѣло это не имѣетъ оправданія, но вотъ въ немъ важное смягчающее обстоятельство. Сознывая всю силу своей самодержавной власти, благодаря которой онъ вывелъ Россію на настоящій историческій путь, Петръ Великій почувствовалъ неполноту этой власти. Онъ вовсе не хотѣлъ ее ограничивать внѣшнимъ образомъ („не да издадите каковый о семь декретъ“), а именно только восполнить ее внутренно другимъ, нравственнымъ, началомъ,—совѣтомъ. Онъ поналъ на важномъ частномъ случаѣ, что государственная власть, неограниченная въ своихъ правахъ, для достойнаго исполненія своихъ обязанностей должна опираться на двоякое содѣйствіе: на религіозный авторитетъ независимаго священства и на свободный голосъ общественной совѣсти въ лицѣ лучшихъ людей, носителей народной будущности. Петръ добросовѣстно искалъ этой помощи и не нашелъ ея; въ Россіи не оказалось ни священника, ни пророка, которые могли бы сказать царю во имя Божіей воли и высшаго достоинства человѣческаго: „ты не долженъ, тебѣ не позволено, есть предѣлы вѣчные“. Въмѣсто этого, и духовные, и мірскіе совѣтчики, къ которымъ онъ обращался за разъясненіемъ своей обязанности, указывали ему только на *права* его власти, въ которыхъ онъ самъ нисколько не сомнѣвался, но которыя считалъ бесполезными для рѣшенія нравственнаго вопроса.

X.

Когда великій самодержецъ и преобразователь, воплощавшій въ себѣ лучшія силы русскаго народа и государства,—представитель національно-государственнаго прогресса,—сознавая свою некомпетентность—окончательно рѣшить по совѣсти и правдѣ важное и близкое ему дѣло, обращался къ чужому авторитету и чужому совѣту, то не являлась ли тутъ нагляднымъ образомъ та истина, что неограниченная *власть*, по праву принадлежащая монарху—какъ носителю національно-государственнаго единства, не только не исключаетъ, а напротивъ, требуетъ содѣйствія двухъ

¹⁾ Тамъ же.

другихъ началъ: религіознаго *авторитета* и нравственнаго *совета*? И не обнаруживается ли здѣсь съ такою же наглядностью еще другая истина: что эти два восполняющія политическую власть начала должны быть независимы отъ національно-государственной ограниченности, т.-е. должны имѣть значеніе универсальное, сверхнародное? Ясно, что тѣ, къ кому верховный представитель національно-политическаго единства, „отецъ отечества“, обращается за свободною поддержкою, чрезъ кого онъ хочетъ получить то, чего недостаетъ для нравственной полноты его власти,—ясно, что они должны представлять собою нѣчто болѣе и высшее, нежели отечество,—должны быть носителями всечеловѣческаго или всемірнаго сознанія, которое такъ же относится къ сознанію національно-государственному, какъ это—къ родовому.

Универсальное сознаніе является въ жизни человѣчества въ двухъ формахъ: какъ *преданіе* высшей и всеобъемлющей истины въ ея уже данныхъ, открывшихся въ положительной религіи начаткахъ, и какъ *предвареніе* будущаго совершеннаго осуществленія этихъ начатковъ въ жизни всего міра. Люди священнаго преданія хранятъ древній залогъ всемірнаго единства или царства Божія; люди безусловнаго идеала предвидятъ, предсказываютъ и приближаютъ его дѣйствительное наступленіе. Изъ самаго различія этихъ двухъ назначеній ясно, что первое служеніе имѣетъ характеръ оффиціальныи, а второе—совершенно свободный. Блюстители данной всемірно-исторической святыни естественно образуютъ учрежденіе, называемое вселенскою церковью, съ іерархическимъ порядкомъ и преемствомъ. Напротивъ, провозвѣстники идеальнаго совершенства не могутъ составлять опредѣленнаго учрежденія, которое, по необходимости будучи несовершеннымъ, противорѣчило бы ихъ проповѣди и отнимало бы у нея всякій смыслъ; представляя общество человѣческое въ его будущей всецѣлости, эти люди не могутъ имѣть настоящихъ полномочій отъ ограниченной его части, въ ея данномъ переходящемъ состояніи. Поэтому если дѣйствіе священника, опирающееся на твердый камень религіознаго факта, имѣетъ нравственно-обязательный *авторитетъ*, то голосъ пророка, говорящаго во имя безконечности высшихъ духовныхъ стремленій, имѣетъ лишь силу *совета* нравственно-желательнаго.

Петръ Великій былъ и сознавалъ себя верховнымъ представителемъ настоящихъ интересовъ своего отечества. Онъ не имѣлъ никакого сомнѣнія въ томъ, что его сынъ, если останется живъ, будетъ великою опасностью для будущности Россіи, и что, слѣдовательно, видимая польза отечества требуетъ устранить этого че-

ловѣка, а положительный законъ давалъ для этого царю формальное право. Но самодержавіе совѣсти не позволяло ему довольствоваться ни сознаниемъ государственной пользы, ни сознаниемъ своего формального права. Нравственное чувство открывало ему ту истину, которая доселѣ остается закрытою для многихъ: что земные интересы и права только тогда имѣютъ свое настоящее значеніе и достоинство, когда они связаны и согласованы съ вѣчною правдою и высшимъ благомъ. А для опредѣленія этой связи въ каждомъ случаѣ, для согласованія временныхъ интересовъ государственныхъ и народныхъ съ вѣчными требованіями высшаго порядка совѣсть государя, какъ ясно показываетъ исторія византійская и русская, чтобы быть дѣйствительно самодержавною и исполнять свое назначеніе, должна быть по возможности ограждена отъ преобладающаго вліянія личныхъ немощей. Предоставленная самой себѣ, совѣсть самодержца, какъ и всякаго человѣка, можетъ быть ослѣплена страстью, обманута ложнымъ разсужденіемъ и невѣденіемъ, ослаблена личными грѣхами. Окончательное рѣшеніе всякаго дѣла, безъ сомнѣнія, принадлежитъ этой единичной самодержавной совѣсти, но для того, чтобы это рѣшеніе было *добросовѣстно*, оно должно быть предварительно *протѣрено* священнымъ авторитетомъ религіи и свободнымъ совѣтомъ лучшихъ людей ¹⁾. Понятно, что для дѣйствительнаго значенія таковой провѣрки представители этого авторитета и этого совѣта должны быть и сознавать себя совершенно независимыми въ своемъ служеніи. Ихъ голосъ долженъ служить истинному благу государя и государства, а не личному произволу человѣка. Такихъ независимыхъ людей для авторитетнаго служенія и свободнаго совѣта искалъ великій самодержецъ въ своемъ дѣлѣ и не нашелъ. Духовные чины отвѣчали ему какъ „лукавыя царедворцы“, а начальные свѣтскіе люди, вмѣсто совѣта царю, нашли нужнымъ пытатъ царевича.

Великій умъ преобразователя ясно видѣлъ истинную сущность самодержавія. Для того, чтобы верховная власть была дѣйствительно неограниченною, совѣсть монарха должна быть свободна не только отъ внѣшнихъ ограниченій, но главнымъ образомъ отъ внутреннихъ ограниченій, неизбежно налагаемыхъ лично чело-

¹⁾ Даже по римско-католическому ученію, гдѣ монархическая идея въ лицѣ папы возведена на исключительную высоту, только тѣ первосвященническія рѣшенія признаются исходящими ex cathedra и потому имѣющими непреложный или непогрѣшимый авторитетъ, которымъ предшествовало (кромя другихъ, чисто-религіозныхъ, условій) правильное ознакомленіе папы съ мнѣніемъ епископата—или посредствомъ вселенскаго собора, или чрезъ формальныя письменныя запросы и отвѣты.

вѣческаю слабостью, а для этого, т.-е. для истиннаго своего самодержавія—на дѣлѣ, а не на словахъ только,—она должна быть восполнена и провѣрена непреложнымъ авторитетомъ религіи и свободнымъ совѣтомъ лучшихъ людей, истинныхъ представителей общественнаго цѣлага. Виновать ли былъ Петръ въ томъ, что не имѣлъ передъ собою ни самостоятельнаго церковнаго авторитета, ни свободы личнаго сознанія?

XI.

Донинѣ не прекращаются обвиненія Петра Великаго въ томъ, будто бы онъ унижилъ авторитетъ церкви и подавилъ свободу народной жизни. Но несостоятельность Россіи въ обоихъ этихъ отношеніяхъ ярко обнаружилась въ церковно-народномъ расколѣ, который произошелъ за полвѣка до Петровскихъ преобразованій и, слѣдовательно, не можетъ быть поставленъ въ вину преобразователю. Еслибы ответственность за ненормальныя условія русской жизни нужно и можно было возлагать на одно лицо, связывать съ однимъ именемъ, то это было бы никакъ не имя царя Петра, а развѣ только патріарха Никона.

Такъ какъ нація въ своемъ совокупномъ единствѣ и *особенности* всецѣло представляется властью государственною, то церковное правительство можетъ имѣть самостоятельное значеніе и назначеніе относительно народа и національнаго государства только тогда, когда оно носитъ въ себѣ и представляетъ собою сверхнародное, универсальное начало и, принадлежа данной странѣ, какъ мѣсту своего служенія, имѣетъ однако высшую точку опоры внѣ этого народа и этого государства. Церковное правительство никакъ не можетъ быть главою націи, поскольку нація уже имѣетъ своего естественнаго и законнаго главу въ лицѣ государя. Ограничиваясь одною національною областью, не связанная дѣйствительно съ какимъ-нибудь сверхнароднымъ религіознымъ средоточіемъ, духовная власть не можетъ сохранить своей самостоятельности—иначе въ одной странѣ, у одной націи оказались бы двѣ верховныя власти, два самодержавія, два высшихъ вождя, или двѣ головы на одномъ туловищѣ. На самомъ дѣлѣ церковное правительство отдѣльной страны не можетъ быть подлинно „автокефальнымъ“, хотя бы и называлось таковымъ¹⁾; если оно, ограни-

¹⁾ Въ специальномъ смыслѣ слово „автокефальность“ обозначаетъ только іерархическую независимость національныхъ церквей между собою, не касаясь вопроса объ отношеніяхъ къ свѣтской власти.

чиваясь одною національною областью, имѣть *здѣсь* притязаніе на самостоятельную роль, то скоро на опытѣ познаетъ бессмысленность такихъ притязаній, волей-неволей превращаясь всецѣло въ подчиненное орудіе свѣтской власти.

Но патріархъ Никонъ именно имѣлъ притязанія равняться съ царемъ въ *его* національно-государственной области — хотѣлъ быть другимъ государемъ Россіи, пока не убѣдился, что на этой почвѣ онъ могъ быть только если не вѣрнымъ, то мятежнымъ подданнымъ. Голосъ Никона не могъ имѣть религіознаго авторитета въ глазахъ царя, потому что это былъ голосъ политическаго соперника. За притязаніями московскаго патріарха не скрывалось никакого высшаго содержанія, ничего такого, что дѣлало бы его и при царѣ необходимымъ для общаго блага; поэтому онъ и былъ, какъ простой *дубликатъ* всероссійскаго государя, справедливо уничтоженъ за ненадобность.

Будучи неправъ относительно государя и государства, Никонъ не былъ правъ и относительно народа. Онъ обратилъ всю силу своей власти не противъ дѣйствительныхъ золь и бѣдъ народной жизни, а противъ невинныхъ особенностей національнаго русскаго преданія (въ области религіознаго обряда); и онъ боролся противъ этихъ особенностей не во имя какихъ-нибудь высшихъ универсальныхъ началъ, а только во имя другого, тоже мѣстнаго преданія (греческаго). Самое столбовеніе и раздѣленіе изъ-за обряда не могло бы произойти, еслибъ патріархъ стоялъ на почвѣ дѣйствительно вселенскаго, универсальнаго преданія, которое по существу своему даетъ мѣсто всѣмъ особеннымъ преданіямъ, не исключая, а обнимая ихъ собою, какъ различныя частныя выраженія той же всеединой и всеобщей жизни.

Но московскій патріархъ не былъ носителемъ вселенскаго христіанства, а только византійскаго „благочестія“, — того самаго благочестія, которое забыло, что истинный Богъ есть „Богъ живыхъ“. — Святыня, полученная нами чрезъ религіозное преданіе, — священное прошедшее христіанства — можетъ быть живою основою вселенской церкви, одухотворяющей нашу національно-государственную жизнь лишь тогда, когда это прошедшее не отдѣляется отъ настоящей дѣйствительности и отъ задачъ будущаго. Эта святыня, это священное преданіе должно быть постоянною опоркою современности, залогомъ и зачаткомъ грядущаго. Чтобы руководить христіанскимъ царствомъ, авторитетъ церковный прежде всего не долженъ отдѣляться отъ стремленія къ безусловному идеалу, т.-е. отъ „духа пророческаго“. Въ этомъ его жизненная сила. Тогда только и вѣковѣчныя формы преданной намъ свя-

твѣны воплощаются въ живомъ и безконечномъ содержаніи. Тогда эта святыня не только хранится нами какъ что-то *конченное*, и слѣдовательно *конечное*, какъ что-то отдѣльное отъ насъ, и слѣдовательно внѣшнее, — но и живетъ въ насъ самихъ, и мы живемъ ею, не переставая дѣйствовать въ насъ, и мы дѣйствуемъ ею.

Церковь, какъ вселенская или всемірная, т.-е. какъ соединеніе всего съ Богомъ, можетъ быть и осуществлена дѣйствительно только чрезъ всемірную исторію — въ цѣлой жизни всего человѣчества, во всей совокупности временъ и народовъ. Поэтому святыню преданія, т.-е. данную основу церкви (въ іерархіи, догматѣ, таинствахъ), не должно брать какъ нѣчто себѣдовлѣющее и завершенное для насъ въ *отдѣльности* отъ настоящей и будущей жизни міра. Отдѣленная отъ своего цѣлаго и вѣчнаго смысла, признаваемая *только* какъ завершенная или поконченная, святыня церкви необходимо теряетъ свою безконечность, переходя въ ограниченныя и мертвыя формы: *ограниченныя*, потому что завершенная святыня завершилась *когда-нибудь* и *гдѣ-нибудь* въ извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ и границахъ, — мертвыми, потому что эти границы явленія, происшедшаго *когда-нибудь* и *гдѣ-нибудь*, отдѣляются здѣсь отъ жизни являемаго, пребывающей вездѣ и всегда. — *Умерщвленное* въ Византіи, священное преданіе стало показывать признаки жизни въ Россіи (напр., борьба св. Нила Сорскаго и его учениковъ за смыслъ христіанства); но и здѣсь историческія условія не позволяли ему воскреснуть, а окончательно добились его, *передъ* Петровской реформой, фанатизма московскаго византизма — Никонъ и иже съ нимъ.

ХІІ.

Когда *совершенство* церкви полагается не впереди ея, а переносится, какъ это было въ Византіи, назадъ, въ прошедшее, и это прошедшее принимается, такимъ образомъ, не за *основу* (какъ слѣдовало бы), а за *вершину* церковнаго зданія, — тогда непремѣнно случается, что существенныя религіозныя требованія и условія человѣческой жизни, которыя должны исполняться всѣми и всегда, приурочиваются исключительно къ отдѣльнымъ своимъ историческимъ выраженіямъ и формамъ, — которыя въ этой отдѣльности могутъ только тяготѣть надъ живымъ сознаніемъ въ видѣ внѣшняго факта. Это все равно, какъ еслибы мы, на примѣръ, духовное преданіе, связывающее насъ съ какимъ-нибудь великимъ писателемъ, отдѣлили отъ содержанія и внутренней формы его

твореній, и приурочили исключительно къ весьма несовершенной типографической внѣшности старыхъ его изданій, которыя бы мы и старались съ буквальною точностью воспроизводить, въ этомъ полагая весь долгъ нашего уваженія къ великому автору. Таково было отношеніе византизма къ дѣлу Христову. Существенное и вѣчное въ религиозной формѣ остается, конечно, и здѣсь, но уже не занимаетъ болѣе сознаніе, не интересуется волю,—на первый планъ выступаетъ случайное и преходящее, тщательно консервируемое; и самый потокъ христіанскаго преданія, загражденный мертвящимъ буквализмомъ, уже не является въ своемъ всемірномъ безконечномъ просторѣ, но скрывается за частными особенностями временныхъ и мѣстныхъ уставовъ.

Такое замѣщеніе въ византійскихъ умахъ вселенскаго преданія частнымъ обнаруживается уже въ концѣ VII-го вѣка, сильнѣе проявляется въ IX-мъ, а въ XI-мъ—это есть уже какъ бы повонченное дѣло. Непременнымъ свидѣтельствомъ этого печальнаго факта служатъ тѣ поводы, по которымъ совершилось раздѣленіе церквей, или, точнѣе, разрывъ церковнаго общенія между Византіей и Римомъ. О нравственныхъ и культурно-политическихъ причинахъ этого разрыва мы здѣсь говорить не будемъ¹⁾; но весьма характеристичны для византизма церковный поводъ и предлогъ, въ которые облеклись эти причины.

Знаменитый Фотій уже въ началѣ столкновенія своего съ Римомъ (не захотѣвшимъ признать законность его патріаршества, при жизни неотрекшагося законнаго патріарха, св. Игнатія), во второмъ письмѣ къ папѣ Николаю (861 г.) обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя внѣшнія особенности латинской церкви, какъ-то: бритье бороды и темени у священниковъ, посты въ субботу и т. п. Самъ Фотій былъ и слишкомъ образованъ вообще, и слишкомъ тѣсно связанъ съ умственнымъ наслѣдіемъ великихъ учителей церкви, чтобъ придавать существенное значеніе такимъ мелочамъ и видѣть въ нихъ препятствіе къ церковному единству; однако, въ своихъ указаніяхъ онъ ясно намекалъ на то, что эти обрядовыя разности *могутъ* послужить оружіемъ противъ Рима. И онъ самъ, нѣсколько лѣтъ спустя, воспользовался этимъ оружіемъ въ своемъ окружномъ посланіи къ восточнымъ патріаршимъ престоломъ (867 г.), гдѣ онъ осуждаетъ (наравнѣ съ *filioque*), какъ ересь, нечестіе и ядъ, тѣ самыя обрядовыя и дисциплинарныя особенности западной церкви, которыя онъ же шесть

¹⁾ Эти причины рассмотрѣны мною въ соч. „Великій споръ и христіанская политика“ (гл. III и IV).

лѣтъ назадъ признавалъ за вполне позволительные мѣстные обычаи. Этотъ фактъ во всякомъ случаѣ показываетъ, что въ средѣ восточной іерархіи, къ которой обращался Фотій, было довольно такихъ людей, для которыхъ всякое наружное отличіе отъ мѣстныхъ восточныхъ формъ церковнаго быта являлось равносильнымъ отступленію отъ вселенскихъ преданій, — казалось ересью и нечестіемъ. Если эти люди были благочестивы, то въ ихъ благочестіи, привязанномъ исключительно къ своему, родовому, мѣстному, было слишкомъ много стараго языческаго элемента.

Такихъ людей въ византійской церкви было не мало уже при Фотіѣ; черезъ два столѣтія такими являются тамъ чуть не всѣ. Когда въ половинѣ XI-го вѣка патріархъ Михаилъ Керуларій въ своемъ посланіи къ епископу Іоанну Трарійскому, а затѣмъ Никита Стюатъ (Пекторатъ) въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ торжественно и безпощадно осуждаютъ латинянъ, какъ *еретиковъ*, за то, что они постятся по субботамъ, не поютъ аллилуія великимъ постомъ, ѣдятъ (будто бы) мясо удушенныхъ животныхъ, терпятъ бритыхъ священниковъ, епископовъ съ перстнями на пальцахъ и употребляютъ для евхаристіи прѣсный, а не квасной хлѣбъ, — то этотъ приговоръ уже не вызываетъ въ Византіи никакого протеста или сомнѣнія, такъ что взглядъ, выразившійся въ такихъ обвиненіяхъ, можно считать за рѣшительно господствующій въ греческой церкви. Вотъ какъ далеко лежатъ корни нашего русскаго раскола!

На первый планъ въ этой полемикѣ XI-го вѣка, въ которой вполне выразился характеръ церковнаго византизма, стоитъ, какъ извѣстно, вопросъ объ опрѣснокахъ, въ силу чего западное христіанство было тогда предано проклятію какъ ересь опрѣсночниковъ или безквасниковъ (*азимитовъ*). Въ восточной половинѣ христіанскаго міра издревле употреблялся для евхаристіи квасной хлѣбъ, но пока вселенское значеніе церкви и ея таинства ясно понимались восточными христіанами, никому не приходило въ голову свой частный обычай возводить на степень общеобязательнаго требованія, и установившійся въ западныхъ странахъ противоположный обычай употреблять для евхаристіи прѣсный хлѣбъ никого не соблазнялъ на Востоке и нисколько не мѣшалъ полному общенію съ Западомъ. Но съ развитіемъ византизма взгляды измѣнились, и въ XI вѣкѣ споръ объ опрѣснокахъ кончается раздѣленіемъ церквей. Привходящая подробность обряда принимается за существенное условіе таинства, и особенностямъ мѣстнаго обычая приписывается общеобязательность вселенскаго преданія.

Значенію спорнаго вопроса, свидѣтельствовавшаго объ умаленіи и измелчаніи религіознаго смысла, соотвѣтствовало в качество аргументовъ. Превосходство кваснаго хлѣба доказывалось тѣмъ, что онъ есть хлѣбъ живой, одушевленный; ибо имѣеть въ себѣ соль и закваску, сообщающую ему дыханіе и движеніе, тогда какъ латинскій опрѣснокъ суть хлѣбъ мертвый, бездушный, и даже недостойный называться хлѣбомъ, будучи „какъ бы кусками грязи“. Можно только пожалѣть, что преимущества жизненности и соли остались въ квасномъ хлѣбѣ, а не сдѣлались отличительными свойствами византійскаго ума. Впрочемъ дѣйствительное основаніе въ пользу употребленія кваснаго хлѣба, очевидно, было то, что оно есть свой, греческій обычай,—тогда какъ употребленіе опрѣснковыхъ есть обычай чужой, латинскій. Этотъ господствующій мотивъ невольно высказывается въ постановленіи константинопольскаго (патріаршаго) синода, произнесшаго въ 1054 г. анаѹему на папскихъ легатовъ и на всю западную церковь: „нѣкоторые нечестивые люди, — говорится въ этомъ постановленіи, — пришли изъ тьмы Запада въ царство благочестія и въ сей Богомъ хранимый градъ, изъ коего какъ изъ источника истекають воды чистаго ученія до концовъ земли“. Дѣйствительное нечестіе этихъ нѣкоторыхъ людей состояло въ томъ, что они были чужіе, что они пришли съ Запада, тогда какъ царство благочестія и источникъ чистаго ученія можетъ быть только здѣсь у насъ, на Востоцѣ, въ нашемъ городѣ,—хотя бы это „чистое ученіе“ сводилось къ тому, что въ одномъ сортѣ хлѣба есть душа, а въ другомъ—нѣтъ. Любить и беречь свое, родное—дѣло естественное и справедливое. Нужно только при этомъ помнить двѣ вещи: во-первыхъ, что *своею* обычая нельзя навязывать другимъ, для которыхъ онъ не свой, а во-вторыхъ, что есть на свѣтѣ нѣчто высшее своего и чужого, и что настоящее мѣсто этому высшему—во вселенской церкви Божіей.

Итакъ, византизмъ со стороны религіозной и церковной уклоняется отъ полноты христіанства не въ томъ, что почитаетъ церковь какъ сверхъестественную святыню, сохраняемую неизмѣннымъ преданіемъ (ибо она такова и есть по основѣ своей), а въ томъ, что, выдѣляя элементъ преданія изъ жизненной цѣлости всемірной религіи, онъ ограничиваетъ и умалаетъ самое церковное преданіе, приурочиваетъ его къ одной части церкви и въ одному прошедшему времени,—превращаетъ *вселенское* преданіе въ преданіе *мѣстной старины*.

XIII.

Движеніе къ партикуляризму въ церкви не остановилось на византизмѣ, но послѣдовательно шло дальше. Послѣ того какъ вселенское православіе превратилось въ византійское или греко-восточное, изъ него начали выступать новыя національныя обособленія. Въ этомъ отношеніи нашъ русскій расколъ старообрядчества есть лишь дальнѣйшее послѣдствіе византизма, или точнѣе, естественная реакція противъ него, на той же почвѣ. Въ этомъ его историческое оправданіе.

Когда Византія была царствующимъ градомъ, главнымъ политическимъ средоточіемъ христіанскаго Востока, и греки византійскіе были господствующимъ народомъ въ православномъ мірѣ, тогда на этомъ основаніи (другого не было) Константинополь получаетъ центральное значеніе, и въ церкви восточной, архіепископъ константинопольскій называетъ себя вселенскимъ патриархомъ; частное византійское преданіе возводится на степень вселенскаго и общеобязательнаго, и православная церковь для восточныхъ христіанъ становится синонимомъ церкви греческой. Но вотъ въ XV вѣкѣ, съ одновременнымъ паденіемъ Константинополя, передъ турками и освобожденіемъ Россіи отъ татаръ, политическое средоточіе христіанскаго Востока переходитъ изъ Византіи въ Москву; господствующимъ народомъ „благочестиваго закона“ вмѣсто грековъ становятся русскіе. На тѣхъ же самыхъ историческихъ основаніяхъ, на которыхъ Константинополь, какъ царствующій градъ, призналъ себя вторымъ Римомъ, полноправнымъ преемникомъ перваго, древняго Рима, — на тѣхъ же самыхъ историческихъ основаніяхъ новый царствующій градъ, столица восточнаго православія — Москва, — была объявлена, какъ мы знаемъ, полноправною наслѣдницею всѣхъ преимуществъ и притязаній Византіи, — не только политическихъ, но и церковныхъ.

Россія получила православное христіанство изъ Византіи уже въ томъ видѣ, который оно имѣло тамъ въ X и XI вѣкѣ; вмѣстѣ съ православіемъ, она получила и церковный византизмъ, т.-е. извѣстный традиціонализмъ и буквализмъ, утвержденіе временныхъ и случайныхъ формъ религіи на ряду съ вѣчными и существенными, мѣстнаго преданія на ряду съ вселенскимъ. Но разъ было принято такое смѣшеніе, и мѣстной формѣ религіознаго преданія приписано безусловное вселенское значеніе, то естественно возникаетъ у нашихъ предковъ вопросъ: почему же это значеніе должно принадлежать именно *греческому* мѣстному пре-

данію, а не русскому, особенно теперь, когда греки утратили всѣ свои прежнія дѣйствительныя преимущества? Этотъ вопросъ рѣшался очень опредѣленно такими людьми, какъ извѣстный Арсеній Сухановъ, доказывавшій огорченнымъ фанариотамъ, что теперь средоточіе вселенной ужь не въ агарянскомъ Стамбулѣ, а въ благочестивой Москвѣ; что нашъ великій государь въ грекахъ не нуждается; что онъ самъ установилъ у себя еще большую полноту церковную, чѣмъ та, что была въ Византіи; что у него патріархъ всероссійскій вмѣсто папы римскаго, а при немъ четыре митрополита, вмѣсто восточныхъ патріарховъ. Но кромѣ могущества, Москва имѣла передъ Византіею, покоренною невѣрными, и внутреннее превосходство. Являлось искреннее опасеніе, что подъ мусульманскимъ владычествомъ грекамъ трудно сохранить чистоту православія, что они могутъ пошатнуться въ самой вѣрѣ. Значить, истинное благочестіе должно сохраняться только въ Россіи, находящейся подъ благочестивыми государями; значить, истиннымъ православнымъ преданіемъ должно почитать мѣстное преданіе русской, а не греческой церкви.

И вотъ подобно тому, какъ въ IX—XI вѣкахъ темный патріотизмъ византійскихъ грековъ заставлялъ ихъ видѣть сущность православія въ квасныхъ хлѣбахъ и небритыхъ бородахъ греческихъ священниковъ, точно также въ XVI—XVII в.в. такой же темный патріотизмъ московскихъ людей заставлялъ и ихъ видѣть существо благочестія въ незначительныхъ мѣстныхъ особенностяхъ русскаго церковнаго обычая. Эти особенности, каковы бы онѣ ни были сами по себѣ, становятся непркосновенною святынею, и на мѣсто вѣры Христовой, вѣчной и всемірной, въ умахъ этихъ благочестивыхъ людей незамѣтно становится „старая русская вѣра“.

Съ высшей точки зрѣнія вселенскаго христіанства положеніе русскихъ старообрядцевъ было неправильно. Но были ли они неправы въ историческомъ смыслѣ, по отношенію къ своимъ тогдашнимъ, а отчасти и теперешнимъ противникамъ, — это другой вопросъ. Дѣло въ томъ, что прямые ихъ противники — патріархъ Никонъ и его единомышленники — стояли и стоятъ вовсе не на точкѣ зрѣнія вселенскаго христіанства, а также, какъ и старообрядцы, на точкѣ зрѣнія *мѣстнаго буквализма*, но только не московскаго, а прежняго византійскаго. Извѣстны слова патріарха Никона: „по роду я русскій, но *по отъру* и мыслямъ — грекъ“. Если можно быть *по отъру грекомъ*, вмѣсто того, чтобы быть просто христіаниномъ, то отчего же не быть по вѣрѣ русскимъ? *Старая русская отъра* не должна имѣть силы передъ всемірною хри-

стіанскою вѣрой, но передъ старою греческою вѣрой она во всякомъ случаѣ имѣетъ равныя съ тою права.

Въ дѣяніяхъ московскаго собора 1654 г. разсказывается, какимъ образомъ патріархъ Никонъ началъ то исправленіе церковныхъ книгъ, изъ-за котораго произошелъ нашъ расколъ. Здѣсь съ полною ясностью можно видѣть сущность тѣхъ возрѣній, которыхъ держался московскій патріархъ, и дѣйствительный характеръ нашего церковнаго спора. „Входя въ книгохранительницу (Никонъ) обрѣте ту грамоту, въ ней же писано греческими письмены, како и коимъ образомъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ начаша патріархи поставлятися; написана же сія грамота въ лѣто 7097 (т.-е. 1589)... И обрѣте еще книгу, писанную съ собору вселенскихъ патріарховъ греческими же письмены: бѣ же соборъ той въ Новомъ Римѣ, въ Константинополѣ, въ лѣто 7101 (т.-е. 1593)... Въ коей книгѣ соборныя глаголы сипевы: „Яко по неже убо совершеніе пріятъ православныхъ церковь не токмо по богоразумію и благочестія догматамъ, но и по священному церковныхъ вещей уставу ¹⁾, праведно есть и намъ всякую церковныхъ оградений новину потребляти,—и яже наученная невредима, безъ приложенія же коего-либо и отнятія приемлющимъ... И яко да во всемъ велика Россія православная со вселенскими патріархи ²⁾ согласна будетъ“. Прочетъ же сію книгу государь, святѣйшій патріархъ Никонъ, *въ страхъ великъ впаде, не есть ли что погрѣшено отъ нихъ православнаго греческаго закона ³⁾*. И нача въ нуждныхъ рассмотреть, еже есть символъ православныя вѣры: вѣрую во единого Бога и прочая, и узрѣ на савѣѣ святительскомъ, его же отъ грекъ въ царствующій градъ Москву прежде 250 лѣтъ принесе Фотій, російскій митрополитъ, символъ православныя вѣры воображенъ греческими шитыми письмены, во всемъ согласующся святѣй восточнѣй церкви: потомъ узрѣ той же символъ въ московскихъ въ новыхъ въ печатныхъ книгахъ, и многая обрѣте несогласія“. Извѣстно, въ чемъ состояли эти многія несогласія, испугавшія патріарха Никона. Во второмъ членѣ символа вмѣсто „рожденна, не сотворенна“ въ московскихъ книгахъ было напечатано: „рожденна, а не сотворенна“; въ седьмомъ членѣ вмѣсто „Его же царствію не будетъ конца“ въ москов-

¹⁾ То-есть: такъ какъ православная церковь завершена, или достигла совершенства, не только со стороны догматическаго ученія, но и со стороны церковной дисциплины и обряда, то и т. д.

²⁾ Т.-е. греческими.

³⁾ Т.-е. лѣтъ ли (у насъ) какого-нибудь уклоненія отъ нихъ православнаго греческаго закона.

скихъ книгахъ стояло: „Его же царствію *нѣсть* конца“; въ осьмомъ членѣ вмѣсто: „и въ Духа Святаго, Господа животворящаго“, въ печатныхъ московскихъ книгахъ читалось: „и въ Духа Святаго, Господа *истиннаго* и животворящаго“... „Та же и святую литургію разсмотрѣвъ, обрѣте въ ней ово прибавлено, ово же отъято и превращено. Посемъ и во иныхъ книгахъ узрѣ многая несходства“¹⁾. Всѣ эти многія несходства въ чинѣ литургіи и въ иныхъ книгахъ были того же рода, какъ и указанныя въ сумволѣ.

Никонъ, будучи какъ самъ онъ заявляетъ, по вѣрѣ грекомъ, вполнѣ раздѣлялъ то основное заблужденіе византизма, что будто бы „совершенство пріять православныхъ церковь“, и хотя рѣшительно невозможно было бы опредѣлить, когда же именно она „пріять совершенство“, но онъ твердо вѣрилъ, что это произошло когда-то въ Византіи, и что это совершенство обнимаетъ собою безусловно все въ церкви и не допускаетъ измѣненія въ малѣйшихъ подробностяхъ. Такъ, по его словамъ, въ Скрижали „страшна заповѣдь ихъ, св. вселенскихъ соборовъ, равнѣ подлагаетъ анаемѣ и прилагающаго и отъемлющаго и премѣняющаго наименьшее письма, даже едину черту, или іоту, еже есть *і*, въ сумволѣ... Яко отнюдь не подобаетъ въ сумволѣ вѣры или мало что, или велико, ни гласа, ни склада, тамо положеннаго предвизати, или премѣнити, но цѣло подобаетъ хранити то всею силою и вниманіемъ, аки зѣницу ока, да не подъ анаемѣу толикихъ и толь великихъ святыхъ отецъ себя подложимъ“²⁾.

XIV.

Дѣло патріарха Никона носило печать тройной неправды. Первою неправдою—и тутъ византизмъ былъ не при чемъ—должно признавать его клерикализмъ, въ силу котораго онъ стремился религиозный авторитетъ превратить въ политическую власть, стать другимъ государемъ въ Россіи, въ ущербъ единой государственной верховной власти царской; вторая его неправда, въ которой онъ явился всецѣлымъ и крайнимъ византійцемъ, была противъ вселенскаго христіанства, которое онъ со словъ грековъ объявилъ поконченнымъ, „совершенство пріавшимъ“,—подмѣняя живую религиозную истину мертвымъ буквализмомъ мѣстнаго преданія; третья

¹⁾ См. іеромонаха Пафнутія, Записки, изд. моск. Общества Исторіи и Древностей російскихъ, 1877, II, 20.

²⁾ См. тамъ же, стр. 15, 16.

его неправда была противъ русскаго народа, которому онъ произвольно навязывалъ этотъ чужой буквализмъ, несправедливо осуждая и съ жестокимъ насиліемъ истребляя невинныя особенности нашихъ собственныхъ отеческихъ преданій.

Объявляя себя по вѣрѣ грекомъ, Никонъ оказался по замысламъ и праву совсѣмъ не грекомъ, а неумѣстнымъ и неудачнымъ подражателемъ средневѣкового папства. И весьма замѣчательно, — какъ примѣръ строгой исторической логики, — что греческіе іерархи, призванные въ Москву для суда надъ Никономъ, осудили его только за ту вину, въ которой онъ не былъ византіецемъ, въ которой они дѣйствительно не могли ему сочувствовать, или быть за него отвѣтственными, — они осудили его за сопротивленіе царю и за присвоеніе политической власти; а въ двухъ другихъ его винахъ, въ которыхъ главная доля принадлежала византійскому наслѣдію, не только онъ былъ ими оправданъ, но они еще и завершили его дѣло, предавъ русскихъ старообрядцевъ торжественному и беспощадному провлятію, какъ преступниковъ, подлежащихъ и церковнымъ и „градскимъ“ казнямъ (московскій большой соборъ 1666—67 гг.).

Въ этомъ печальномъ дѣяніи, на ряду съ греками, участвовала и вся русская іерархія, и нанесла самой себѣ роковой ударъ. Справедливо отказавшись, въ осужденіи Никона, отъ его клерикальных притязаній, она вмѣстѣ съ тѣмъ, обратившись къ государственной помощи для насильственнаго подавленія раскола, утратила свою независимость и стала заравъ недолжнымъ образомъ въ служебное отношеніе къ государству и въ притѣснительное — къ народу.

Какую же возможность имѣлъ Петръ Великій отнять у „церкви“, т.-е. у русской іерархіи, ту самостоятельность и тотъ духовный авторитетъ, которыхъ она сама себя лишила еще раньше его рожденія? Онъ, напротивъ, безуспѣшно попытался возстановить этотъ духовный авторитетъ. Въ дѣлѣ великой важности для него и для государства онъ обратился къ священному чину, какъ высшей (въ религіозно-нравственномъ смыслѣ) инстанціи, за духовнымъ указаніемъ и поддержкой. Его ли вина, что онъ вмѣсто этого получилъ только византійскій камень мертваго буквализма и византійскую змѣю лукавой лести?

Черезъ три года послѣ того, какъ русская іерархія на царское требованіе авторитетнаго руководства сумѣла только отвѣтить: „сердце царево въ рудѣ Божіи“, рука Божія вложила въ сердце царево мудрое рѣшеніе окончательно отмѣнить патриаршество и учредить духовную коллегію или синодъ для завѣды-

ванія церковными дѣлами подъ наблюденіемъ и руководствомъ „изъ офицеровъ добраго челоувѣа, который бы синодское дѣло зналъ и смѣлость имѣлъ“. Эта коллегія получила отъ царя регламентъ, и ея члены, помимо общей вѣрноподданнической присяги, должны были въ качествѣ церковнаго правительства присягать государю, какъ верховному, или „крайнему“ судиі сей коллегіи.

Включеніе русской церкви, какъ одного изъ „вѣдомствъ“ съ центральною коллегіей во главѣ, въ общій составъ государственнаго управленія на одинакихъ началахъ съ другими вѣдомствами, вполнѣ отвѣчало истинному положенію дѣла, и осуждать Петра Великаго за то, что онъ не поддерживалъ искусственно явную фикцію самостоятельной духовной власти, значить—осуждать его за то, что онъ не хотѣлъ лгать передъ самимъ собою и передъ исторіей. Воображаютъ, что церковная іерархія лишилась независимости и авторитета вслѣдствіе учрежденія синода, тогда какъ совершенно ясно, что синодъ могъ и долженъ былъ быть учрежденъ вслѣдствіе того, что іерархія уже прежде лишилась самостоятельности и авторитета. Церковное управленіе уже на дѣлѣ превратилось въ отрасль государственнаго прежде, чѣмъ было объявлено въ этомъ качествѣ официально. Это было одна изъ наиболѣе естественныхъ, правдивыхъ, а потому и прочныхъ реформъ Петра Великаго. Почти всѣ основанныя имъ коллегіи исчезли или подверглись кореннымъ перемѣнамъ, одна „духовная коллегія“, руководимая „знающимъ и смѣлымъ“ оберъ-прокуроромъ, вотъ уже почти два вѣка остается во всей своей неприкосновенности, — явное доказательство, что это учрежденіе не было создано личнымъ произволомъ, а вызвано дѣйствительными условіями нашей исторической жизни, сохраняющими до сихъ поръ свою силу. А слѣдуетъ ли признавать эти условія нормальными съ высшей точки зрѣнія — это другой вопросъ. Почувствовать ихъ ненормальность и пострадать отъ нихъ нравственно пришлось самому великому преобразователю въ самую трагическую минуту его жизни, — но измѣнить ихъ было не въ его власти...

Владиміръ Соловьѣвъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МАРКСА

I.

Основное учение Маркса о цѣнности, изложенное въ первой главѣ его „Капитала“, должно представлять, по словамъ самого автора, наибольше трудностей для обыкновеннаго читателя *). „Всякое начало трудно,—говоритъ онъ,—и это чувствуется одинаково въ каждой наукѣ. Пониманіе первой главы, именно того отдѣла, въ которомъ содержится анализъ товара, окажется поэтому наиболѣе затруднительнымъ. Что касается анализа существа и мѣры цѣнности, то я по возможности популяризировалъ его... Для несвѣдущаго человѣка этотъ анализъ можетъ показаться состоящимъ изъ однѣхъ тонкостей; въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ здѣсь о тонкостяхъ, но въ такомъ же смыслѣ, какъ занимается ими микрологическая анатомія. За исключеніемъ перваго отдѣла, о формѣ цѣнности, нельзя будетъ обвинять эту книгу въ неудобопонятности. Я предполагаю, разумѣется, такихъ читателей, которые хотятъ научиться чему-нибудь новому и, слѣдовательно, желаютъ сами думать“.

„Обыкновенно думаютъ,—поясняетъ съ своей стороны одинъ изъ дѣятельныхъ популяризаторовъ и толкователей Маркса, Каутскій,— что политическая экономія есть такая отрасль знанія, которую всякій можетъ понимать безъ малѣйшей подготовки. Между тѣмъ это есть наука, и притомъ одна изъ труднѣйшихъ,

*) Ср. выше: мартъ, стр. 289 и сл., „Марксъ и его школа“.

ибо едва ли существуетъ предметъ болѣе сложный, чѣмъ общество. Конечно, чтобы понять то собраніе общихъ мѣстъ, которое Марксъ называетъ вульгарной экономіей, нужно не больше знаній, чѣмъ сколько пріобрѣтаетъ каждый самъ по себѣ при дѣловыхъ отношеніяхъ повседневной жизни. Но пониманіе „Капитала“ Маркса, который кладетъ начало новой исторической и экономической системѣ, предполагаетъ не только извѣстные историческія свѣденія, но и знаніе фактовъ, представляемыхъ крупною промышленностью. Кто хоть отчасти не знаетъ фактовъ, изъ которыхъ Марксъ извлекаетъ свои экономическіе законы, тотъ не получитъ яснаго понятія о смыслѣ этихъ законовъ и можетъ жаловаться на мистицизмъ или гегелианство. Самое ясное изложеніе ему не поможетъ“. Особенно важно, по мнѣнію Каутскаго, предварительное знакомство съ фактами для пониманія первой главы „Капитала“¹⁾.

Безъ сомнѣнія, тѣ трудности, о которыхъ говоритъ Марксъ, относятся вовсе не къ фактамъ, какъ утверждаетъ Каутскій. Общія теоретическія понятія основываются на анализѣ общихъ типическихъ явленій, и если этотъ анализъ не всѣмъ понятенъ и доступенъ, то знаніе фактовъ тутъ совершенно ни при чемъ. Всего менѣе можно упрекнуть книгу о „капиталѣ“ въ недостаточности или неясности фактическаго матеріала. Замѣчаніе Каутскаго, прямо противорѣчащее объясненію самого Маркса, служить только интереснымъ образчикомъ того, какъ ученики и послѣдователи перетолковываютъ мнѣнія учителя даже въ мелочахъ. Марксъ предупреждаетъ читателя насчетъ тонкостей отвлеченнаго анализа, затрудняющихъ начало данной науки, а Каутскій видитъ затрудненіе въ малой извѣстности фактовъ, подвергаемыхъ анализу или принимаемыхъ въ расчетъ въ ходѣ изслѣдованія. Марксъ требуетъ отъ своихъ читателей способности и желанія мыслить, а Каутскій совѣтуетъ запастись предварительно какими-то фактическими свѣденіями, необходимыми будто бы для пониманія аргументаціи Маркса. Факты, на которые опирается авторъ „Капитала“ въ первой главѣ, могутъ быть названы элементарными; они извѣстны каждому изъ „дѣловыхъ отношеній повседневной жизни“ и нисколько не возвышаются надъ уровнемъ вульгарной экономіи. Нужно большое вниманіе къ логическимъ соображеніямъ и выводамъ Маркса, составляющимъ для него „начало науки“, и потому мы обязаны подробно разобрать существенное содержаніе первой вступительной части „Капитала“.

¹⁾ Karl Marx's Oekonomische Lehren. Gemeinverständlich dargestellt und erläutert von Karl Kautsky. Stuttg., 1887, стр. V—VI.

„Богатство обществъ, въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, представляетъ собою огромное собраніе товаровъ, а отдѣльный товаръ—его элементарную форму. Наше изслѣдованіе начинается поэтому съ анализа товара“. Такъ начинается книга Маркса. Этимъ общимъ положеніемъ авторъ сразу ставитъ политическую экономію на торгово-промышленную почву и въ то же время крайне служиваетъ понятію богатства. Притомъ положеніе само по себѣ невѣрно и нуждается въ значительныхъ поправкахъ: огромное собраніе товаровъ, на которые нѣтъ соответственнаго и вполне обеспеченнаго спроса, вовсе не будетъ богатствомъ, а можетъ, напротивъ, служить признакомъ экономическаго кризиса, предвѣщающаго общее промышленное бѣдствіе и разореніе. Даже при существованіи достаточнаго и постояннаго спроса, богатство капиталистическаго общества опредѣляется не количествомъ произведенныхъ товаровъ, а состояніемъ производительныхъ силъ и средствъ, дающихъ возможность производить эти массы товаровъ.

Однако, оставимъ въ сторонѣ торгово-промышленное опредѣленіе богатства капиталистическихъ обществъ и послѣдуемъ за Марксомъ въ анализѣ понятія о товарѣ. „Товаръ есть прежде всего внѣшній предметъ, вещь, удовлетворяющая своими свойствами человѣческія потребности какого-либо рода. Природа этихъ потребностей—возникаютъ ли онѣ, напр., изъ желудка или изъ воображенія—ни въ чемъ не измѣняетъ сущности дѣла. Безразлично также, какимъ образомъ вещь удовлетворяетъ человѣческую потребность, непосредственно ли, какъ средство въ жизни, т.-е. какъ предметъ пользованія, или же окольнымъ путемъ, какъ средство производства“. Полезность вещи дѣлаетъ ее пригодною для потребленія, т.-е. потребительною цѣнностью, но не придаетъ ей еще мѣновой цѣнности; не всѣ полезныя вещи могутъ быть предметами обмѣна или товарами, и мѣновая цѣнность, будучи въ то же время полезностью, не зависитъ отъ степени пользы и не соразмѣряется съ нею: желѣзо полезнѣе золота, но цѣнится гораздо менѣе, чѣмъ золото. Эту простую и общезвѣстную мысль Марксъ облачаетъ въ болѣе научную, по его мнѣнію, форму. Полезность „не виситъ въ воздухѣ;—обусловленная свойствами товарнаго тѣла, она не существуетъ безъ него. Самое вещество товара, какъ желѣзо, пшеница, алмазъ и т. п., есть поэтому потребительная цѣнность или имущество. Этотъ характеръ его не зависитъ отъ того, много или мало труда стоитъ человѣку присвоеніе его потребительныхъ свойствъ. При разсмотрѣніи потребительныхъ цѣнностей всегда предполагается ихъ количествен-

ная опредѣленность, какъ, напр., дюжина часовъ, аршинъ полотна, тонна желѣза и т. д. Потребительныя цѣнности товаровъ даютъ матеріалъ для особой отрасли свѣдѣній—товарнаго знанія. Потребительная цѣнность осуществляется только въ пользованіи или потребленіи. Потребительныя цѣнности образуютъ вещественное содержаніе богатства, какова бы ни была его общественная форма. Въ той общественной формѣ, которую мы будемъ разсматривать, онѣ служатъ въ то же время вещественными носителями мѣновой цѣнности. Мѣновая цѣнность является прежде всего количественнымъ отношеніемъ или пропорціею при обмѣнѣ потребительныхъ цѣнностей одного рода на потребительныя цѣнности другого рода,—отношеніемъ, которое постоянно мѣняется, смотря по мѣсту и времени. Мѣновая цѣнность кажется поэтому чѣмъ-то случайнымъ и вполне относительнымъ; слѣдовательно, внутренняя, присущая товару мѣновая цѣнность (*valeur intrinsèque*) представляется внутреннимъ противорѣчіемъ“.

Въ чемъ же заключается сущность и источникъ цѣнности? Марсъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ при помощи слѣдующаго силлогизма: разнородные товары, обмѣняемые между собою въ различныхъ пропорціяхъ, признаются равноцѣнными, несмотря на всѣ свои качественныя различія; равноцѣнность означаетъ равенство по отношенію къ чему-то третьему, общему всѣмъ сравниваемымъ товарамъ и присущему имъ въ одинаковой мѣрѣ; этимъ общимъ можетъ быть только воплощенный въ нихъ человѣческій трудъ. Но это не тотъ реальный трудъ, который потраченъ на производство, а абстрактный, безразличный, всегда себѣ равный человѣческій трудъ, кристаллизирующійся въ производимыхъ товарахъ. Эта фикція отвлеченнаго, безпредметнаго труда становится основнымъ элементомъ всей теоріи цѣнности Маркса. Понятіе труда отдѣляется у него отъ представленія о цѣляхъ и потребностяхъ, ради которыхъ предпринимается трудъ; такъ же точно и цѣнность, создаваемая трудомъ, дѣлается самостоятельнымъ внутреннимъ свойствомъ товаровъ, независимо отъ ихъ полезности и мѣновой стоимости.

При обмѣнѣ,—говоритъ Марсъ,—принимаются въ расчетъ только количественныя отношенія, а не полезныя качества предметовъ; потребительная цѣнность оставляется совершенно въ сторонѣ. „Если же отбросить потребительную цѣнность товарныхъ веществъ, то у нихъ остается одно только свойство—то, что они составляютъ продукты труда. Однако, и продуктъ труда подвергается въ то же время метаморфозѣ. Устраняя значеніе его, какъ полезности, мы игнорируемъ также его вещественныя составныя

части и формы, дѣлающія его полезнымъ для употребленія. Это уже не столъ, или домъ, или лень или какая-нибудь другая полезная вещь. Всѣ внѣшнія особенности предмета уже погашены. Это также не продуктъ столярной работы, или строительной, или ткацкой, или вообще какой-либо опредѣленной производительной работы. вмѣстѣ съ полезнымъ характеромъ трудовыхъ продуктовъ исчезаетъ полезный характеръ представляемыхъ ими работъ, исчезаютъ поэтому и различныя конкретныя формы этихъ работъ; онѣ уже не различаются между собою, а всѣ въ совокупности приведены къ одинаковому человеческому труду, абстрактно-человѣческому труду. Отъ трудовыхъ продуктовъ ничего другого не остается, кромѣ той же призрачной вещественности,—это простой осадокъ безразличнаго человеческого труда, т.-е. затраты человеческой рабочей силы, безъ вниманія къ формѣ ея затраты. Эти вещи представляютъ собою только то, что въ производствѣ ихъ израсходована человеческая рабочая сила, накопленъ человеческій трудъ. Въ качествѣ кристалловъ этой общей имъ социальной сущности, онѣ—товары. Въ мѣновомъ отношеніи самыхъ товаровъ мѣновая цѣнность ихъ являлась намъ чѣмъ-то совершенно независимымъ отъ ихъ потребительнаго значенія. То общее, чтó выражается въ мѣновомъ отношеніи или мѣновой цѣнности товаровъ, есть, слѣдовательно, ихъ цѣнность. Мѣновая цѣнность есть необходимая форма выраженія или проявленія цѣнности, которую слѣдуетъ, однако, рассматривать пока независимо отъ этой формы. Такимъ образомъ, полезный предметъ (потребительная цѣнность) имѣетъ цѣнность только потому, что въ немъ оществленъ или матеріализованъ абстрактно-человѣчскій трудъ. Какъ измѣряется величина этой цѣнности? Количествомъ содержащейся въ ней производительной силы или сущности—работы. Количество самой работы опредѣляется ея продолжительностью, и рабочее время имѣетъ свое мѣрило въ опредѣленныхъ частицахъ времени, какъ часъ, день и т. д.^а. Однако, цѣнность товара зависитъ не отъ случайнаго количества труда, употребляемаго на производство тѣмъ или другимъ работникомъ, быть можетъ, лѣнливымъ или неискуснымъ. „Трудъ, образующій сущность цѣнности, есть равный человеческій трудъ, затрата одной и той же рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся въ цѣностяхъ товарнаго міра, считается здѣсь одною и тою же человеческою рабочею силою, хотя она состоитъ изъ безчисленныхъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ есть такая же точно человеческая рабочая сила, какъ и всякая другая, насколько она обладаетъ характеромъ

средней общественной рабочей силы и дѣйствуетъ въ качествѣ такой средней общественной рабочей силы, т.-е. употребляетъ въ производствѣ товаровъ только необходимое въ среднемъ выводѣ или общественно-необходимое рабочее время. Общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ признается рабочее время, требуемое для изготовленія какой-нибудь потребительной цѣнности при наличныхъ общественно-необходимыхъ условіяхъ производства и при общественной средней степени искусства и интенсивности труда. По введеніи парового ткацкаго станка въ Англии, напр., было достаточно, быть можетъ, на половину меньше работы, чѣмъ прежде, для превращенія въ ткань опредѣленнаго количества льна. Для этого превращенія англійскій ручной ткачъ въ дѣйствительности употреблялъ то же рабочее время, какъ и прежде, но продуктъ его индивидуальнаго рабочаго часа составлялъ теперь только половину общественнаго рабочаго часа и потерялъ поэтому половину своей прежней цѣны. Слѣдовательно, только количество общественно-необходимой работы или общественно-необходимое для изготовленія товара рабочее время опредѣляетъ мѣру его цѣнности. Отдѣльный товаръ рассматривается здѣсь вообще какъ средній экземпляръ своего рода. Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества работы или которые могутъ быть изготовлены въ теченіе одного и того же рабочаго времени, имѣютъ поэтому одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности каждаго другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленныя массы протекшаго и отвердѣвшаго рабочаго времени. Величина цѣнности товара оставалась бы поэтому постоянною, еслибы требуемое для его производства рабочее время было постоянно. Последнее измѣняется, однако, съ каждой переимѣной въ производительной силѣ труда. Производительная сила работы обусловливается разнородными обстоятельствами, — между прочимъ, среднею степенью искусства работниковъ, степенью развитія науки и ея техническаго примѣненія, общественною комбинаціею процесса производства, объемомъ и производительностью средствъ производства и естественными условіями. То же количество труда въ благопріятное время года представляется, напр., восемью бушелями пшеницы, а въ неблагопріятное — только четырьмя. То же самое количество работы доставляетъ больше металла въ богатыхъ содержаніемъ рудникахъ, чѣмъ въ бѣдныхъ, и т. д. Бриллианты рѣдко встрѣчаются въ земной корѣ, и потому отысканіе ихъ стоитъ среднимъ числомъ

много рабочаго времени. Слѣдовательно, они представляютъ въ небольшомъ объемѣ много работы. Сомнительно, покрывалась ли когда-нибудь добычею золота полная его стоимость. Еще больше примѣнимо это къ брилліантамъ. По статистическимъ даннымъ восьмидесяти-лѣтняя общая добыча всѣхъ бразильскихъ брилліантовыхъ копей къ 1823 году не достигла еще цѣны полуторагодичнаго средняго продукта бразильскихъ сахарныхъ и кофейныхъ плантацій, хотя она представляла собою гораздо больше работы и, слѣдовательно, больше цѣнности. Съ увеличеніемъ богатства копей то же самое количество труда представлялось бы большимъ количествомъ брилліантовъ, и ихъ цѣнность упала бы. Еслибы удалось съ небольшою работою превращать уголь въ брилліанты, то цѣнность ихъ могла бы упасть ниже цѣнности кирпичей. Вообще, чѣмъ выше производительная сила труда, тѣмъ меньше потребное для изготовленія предмета рабочее время, тѣмъ меньше кристаллизованная въ немъ масса труда, и тѣмъ меньше его цѣнность. Наоборотъ, чѣмъ меньше производительная сила работы, тѣмъ больше необходимое для его изготовленія рабочее время и тѣмъ выше его цѣнность. Мѣра цѣнности товара измѣняется такимъ образомъ прямо пропорціонально количеству и обратно пропорціонально производительной силѣ овеществляющагося въ немъ труда“. Наконецъ, Марксъ напоминаетъ, что не всѣ полезныя предметы суть цѣнности или товары. „Вещь можетъ быть полезною и быть продуктомъ человѣческой работы, не будучи товаромъ. Кто удовлетворяетъ своимъ продуктомъ свою собственную потребность, тотъ создаетъ полезность или потребительную цѣнность, но не товары. Чтобы производить товары, онъ долженъ не только производить полезности, но производить ихъ для другихъ,—производить общественную полезность. Съ другой стороны, никакая вещь не можетъ быть цѣнностью, не будучи предметомъ потребленія. Если она бесполезна, то и заключающійся въ ней трудъ бесполезенъ, не принимается во вниманіе, какъ трудъ, и поэтому не образуетъ цѣнности“.

Если разобрать этотъ предполагаемый научный анализъ понятій о цѣнности и товарѣ, то, кромѣ повторенія общезвѣстныхъ положеній старыхъ „вульгарныхъ“ экономистовъ, можно найти въ немъ нѣкоторыя внутреннія противорѣчія. Цѣнность продукта не зависитъ отъ его полезности и въ то же время безъ нея вовсе не существуетъ; она неразрывно связана съ нею и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляется отъ нея, какъ нѣчто вполне самостоятельное. Цѣнность присуща товару, соответственно воплощенному въ немъ количеству человѣческаго труда, и въ то же время она вовсе не

присуща товару, а опредѣляется посторонними условіями, общественными и природными, при чемъ количество воплощенной работы не играетъ уже никакой самостоятельной роли. Цѣнность есть кристаллизованный трудъ, и мѣра ея опредѣляется количествомъ заключающагося въ товарѣ труда; въ то же время цѣнность вовсе не соответствуетъ количеству кристаллизованной въ продуктѣ работы, а падаетъ или возвышается при одномъ и томъ же количествѣ труда, въ зависимости отъ случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, напр. отъ степени урожайности даннаго участка, отъ богатства или бѣдности разрабатываемыхъ копей и т. п. Оговорки насчетъ общественно-необходимаго рабочаго времени и общественныхъ условій производства мало помогаютъ дѣлу, какъ видно и изъ приводимыхъ авторомъ примѣровъ. Введеніе парового ткацкаго станка можетъ обнимать только нѣкоторую часть производства данной категоріи товаровъ, не оказывая большого вліянія на количество продуктовъ, производимыхъ трудомъ ручныхъ ткачей; тогда нѣтъ еще основанія говорить о перемѣнѣ общественныхъ условій производства, и съ точки зрѣнія средняго общественно-необходимаго кристаллизованнаго труда остается непонятнымъ, почему цѣнность всей ручной ткацкой работы должна понизиться на половину послѣ уменьшенія на половину количества труда при фабричномъ производствѣ нѣкоторой части тѣхъ же товаровъ. Куда же дѣвается вдругъ половина накопленнаго, кристаллизованнаго труда ручныхъ ткачей? Отчего нормою общественно-необходимаго рабочаго времени для производства товаровъ берется здѣсь одинъ лишь фабричный трудъ, а не тотъ средній общественный трудъ, который обнимаетъ собою и всю продолжающую дѣйствовать ручную ткацкую работу? Секретъ объясняется тѣмъ, что цѣнность, совпадающая съ общественно-необходимымъ трудомъ, незамѣтно подмѣнивается здѣсь вульгарнѣйшею рыночною цѣнностью или продажною цѣною товаровъ, которая дѣйствительно регулируется въ данномъ случаѣ наиболѣе дешевыми цѣнами фабричныхъ продуктовъ. Послѣднее положеніе о регулированіи цѣнъ наиболѣе дешевыми продуктами не могло еще быть установлено и принято въ расчетъ при общемъ теоретическомъ анализѣ цѣнности, и тѣмъ не менѣе оно уже заранѣе вводится въ этотъ анализъ, безъ малѣйшаго къ тому логическаго основанія.

Другіе два примѣра, приводимые Марсомъ, еще яснѣе показываютъ несостоятельность принимаемой имъ фікціи кристаллизованнаго труда, какъ опредѣлителя цѣнности. Если при урожаѣ тотъ же самый трудъ даетъ вдвое больше продуктовъ, чѣмъ въ другое время, то это еще не значитъ, что общественно-необхо-

димое количество труда для ихъ производства уменьшилось на половину, ибо для этого вывода требовалось бы предположить урожай повсемѣстный, а не въ одной только странѣ или области; при мѣстномъ же урожаѣ цѣнность продуктовъ можетъ не измѣниться, несмотря на уменьшеніе количества заключающейся въ нихъ работы. Притомъ въ земледѣльческомъ производствѣ не бываетъ вообще увеличенія массы продуктовъ безъ увеличенія количества труда, такъ какъ трудъ необходимъ не только для воздѣлыванія почвы, но и для сбора жатвы и превращенія ея въ хлѣбные товары, и послѣдняя часть работы возрастаетъ вмѣстѣ съ умноженіемъ продуктовъ. Въ неурожайное время трудъ, вложенный въ землю и долженствующій образовать цѣнность, пропадаетъ, не кристаллизуется ни въ какихъ товарахъ и оказывается, слѣдовательно, непроизводительнымъ не по своей винѣ, чего опять-таки не бываетъ въ фабричномъ производствѣ. Поставивъ же рыночную цѣну или мѣновую стоимость на мѣсто теоретической внутренней цѣнности, какъ это допущено Марксомъ въ примѣрѣ ручныхъ ткачей, мы уже не можемъ сказать, что болѣе дешевые продукты плодородныхъ земель или урожайныхъ мѣстъ опредѣляютъ цѣны всей совокупности продуктовъ даннаго рода; по крайней мѣрѣ, школа Ривардо—и въ томъ числѣ самъ авторъ „Капитала“ (т. III, ч. 2, стр. 197 и сл.),—признаетъ, что мѣновая цѣнность хлѣбныхъ товаровъ регулируется не наименьшимъ количествомъ необходимой производительной работы, какъ въ фабричномъ производствѣ, а напротивъ, наибольшими затратами труда на малоплодородныхъ земляхъ, обработка которыхъ еще необходима для удовлетворенія потребности общества въ хлѣбѣ. Средней общественно-необходимой нормы труда для производства известнаго количества продуктовъ не существуетъ вообще въ земледѣліи, при равнообразіи естественныхъ свойствъ почвы и при переменчивыхъ вліяніяхъ климата. Такимъ образомъ примѣры, касающіеся земледѣльческаго производства, совершенно не подходятъ къ аргументаціи, имѣющей въ виду исключительно фабрично-заводскую промышленность.

Что касается добыванія драгоцѣнныхъ камней и металловъ, упоминаемыхъ Марксомъ, то въ замѣчаніяхъ его по этому предмету бросается въ глаза сознательное смѣшеніе двухъ разнородныхъ понятій—количества труда и количества издержекъ производства. Правда, затраты капитала тоже могутъ быть переведены на расходваніе труда и продуктовъ труда; но для Маркса производителемъ цѣнности является только живой человѣческій трудъ, и онъ вполне пренебрегаетъ теорією издержекъ производства, усвоен-

ною всѣми учебниками „вульгарной“ политической экономіи. Когда говорится о золотѣ, что оно едва ли когда-либо окупало свою полную цѣнность, то это можетъ быть понято только въ одномъ смыслѣ: общая цѣнность добываемаго золота не окупала издержекъ его добыванія въ разныхъ краяхъ. Мы имѣемъ статистическія данныя о цифрахъ добычи золота и о денежныхъ затратахъ производства на золотыхъ промыслахъ; но мы ничего не знаемъ о количествѣ труда, употребленнаго на добываніе золота, и замѣна слова „издержки“ словомъ „трудъ“ не устраняетъ, конечно, того факта, что рѣчь идетъ именно о денежной стоимости производства. Точно такъ же, если разработка бразильскихъ бриллиантовыхъ копей плохо окупалась, то это означаетъ только, что въ среднемъ итогѣ онѣ давали незначительный доходъ сравнительно съ произведенными денежными затратами, каково бы ни было количество потраченнаго труда въ этой отрасли предпримчивости. Марксъ говоритъ о трудѣ, а въ самомъ дѣлѣ ссылается на издержки производства. Замѣтимъ впрочемъ, что выводъ о средней малодоходности указанныхъ предпріятій получается обыкновенно при помощи ошибочнаго расчета: многіе искатели золота и бриллиантовъ разоряются просто потому, что не могутъ напасть на слѣдъ скрытыхъ въ землѣ богатствъ; ихъ усилія бесполезны, а то, что тратится безъ пользы, не должно приниматься въ соображеніе при оцѣнѣ средней производительности реальныхъ промысловъ, доставляющихъ реальные продукты. Еслибы бесполезныя затраты неудачныхъ присковокъ и копей не включались въ общую цифру расходовъ по добыванію золота и бриллиантовъ, то не было бы матеріала для заключеній о недостаточной средней выгодности этихъ промысловъ,—заключеній, съ которыми соглашается Марксъ. Относительно ручныхъ ткачей, какъ мы видѣли, принята другая точка зрѣнія; напрасныя затраты ихъ труда просто вычеркиваются изъ общаго счета необходимыхъ затратъ на производство ткацкихъ издѣлій, по введеніи фабричнаго производства.

Посмотримъ теперь, во чтѣ превращается силлогизмъ, съ котораго Марксъ начинаетъ свое разсужденіе о трудѣ, какъ источникѣ и мѣрилѣ цѣнности. Рядомъ поставлены различныя количества разнородныхъ товаровъ, признаваемые равноцѣнными при обмѣнѣ,—пшеница, желѣзо, ткацкія издѣлія, золото, бриллиантъ. Въ нихъ есть нѣчто общее, дѣлающее ихъ равными между собою, и предположимъ, что это общее третье намъ еще неизвѣстно и должно еще быть отыскано. Всѣ эти товары требовали извѣстнаго труда для своего изготовленія или доставленія на рынокъ; но

можно ли утверждать, что въ нихъ заключается одинаковое количество труда, какъ это въ самомъ началѣ категорически высказываетъ Марксъ? Самъ авторъ видитъ, что нельзя, и онъ прибавляетъ затѣмъ три важныя ограниченія — среднюю общественно-необходимую норму работы, общественныя условія производства и степень производительности труда въ зависимости отъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ, природныхъ и общественныхъ. При этихъ ограничительныхъ оговоркахъ, обмѣниваемые между собою равноцѣнные товары могутъ содержать въ себѣ совершенно различныя количества человѣческой работы, и тѣмъ не менѣе признается уже доказаннымъ, что эти различныя количества труда въ сущности не различны, а равны между собою, съ абстрактной точки зрѣнія, и что именно этими количествами труда измѣряется цѣнность товаровъ, какъ это заранѣе установлено въ принципѣ. Мы имѣемъ рядомъ пшеницу урожайнаго и неурожайнаго года, желѣзо изъ богатѣйшихъ и бѣдныхъ рудъ, продукты ручной ткацкой работы и фабричной, золото изъ богатыхъ залежей, брилліанты изъ единственныхъ въ своемъ родѣ копей, добываемые почти даромъ счастливыми искателями. Мы знаемъ положительно, что всѣ эти равноцѣнные товары представляютъ крайне различныя массы человѣческаго труда, что пшеница изъ урожайныхъ странъ добыта съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ въ неурожайныхъ, что продукты ручной ткацкой работы стоили вдвое больше труда, чѣмъ фабричныя издѣлія, что желѣзо могло требовать больше или меньше работы, смотря по богатству рудъ и по способу ихъ разработки, и что золото и брилліанты могли стоить въ десять или въ сто разъ меньше труда, чѣмъ сравниваемые съ нимъ товары. Это разнообразіе количествъ человѣческой работы, воплощенныхъ въ указанныхъ товарахъ, намъ вполне извѣстно; но самаго количества потраченнаго на нихъ труда мы не знаемъ, и его не возьмется опредѣлить реально ни одинъ экономистъ; а не зная массы употребляемой работы въ отдѣльныхъ производствахъ и въ общей совокупности ихъ, мы ничего не можемъ сказать о средней общественно-необходимой нормѣ абстрактнаго человѣческаго труда, воплощаемаго въ производимыхъ товарахъ, и эта средняя норма остается для насъ величиною совершенно неизвѣстною и неуловимою. Столь же мало можемъ мы опредѣлить степень и объемъ дѣйствія тѣхъ естественныхъ и общественныхъ условій, которыя непосредственно вліяютъ на количество необходимой человѣческой работы въ разныхъ отрасляхъ промышленности и въ различныхъ странахъ земного шара. Такимъ образомъ Марксъ предлагаетъ объяснить одно

неизвѣстное—причину равной цѣнности разнородныхъ товаровъ— другимъ, столь же неизвѣстнымъ и еще болѣе неопредѣленнымъ, недоступнымъ никакой провѣркѣ, и это второе неизвѣстное должно замѣнить собою несомнѣнно извѣстное намъ разнообразіе количествъ труда въ отдѣльныхъ товарахъ и служить окончательнымъ теоретическимъ основаніемъ и мѣриломъ ихъ цѣнности.

Чтобы сдѣлать свой выводъ, Марксъ пропускаетъ ближайшія звенья въ цѣпи изучаемыхъ явленій и прямо прибѣгаетъ къ абстракціи; а между тѣмъ прежде всего слѣдовало рассмотреть то ближайшее, что лежитъ въ основѣ равной цѣнности обмѣниваемыхъ товаровъ,—среднія издержки производства или добыванія ихъ. Силлогизмъ долженъ былъ бы принять такой видъ: сопоставляемые разнородные товары обмѣниваются по равной цѣнѣ; поэтому въ нихъ должно заключаться нѣчто общее, уравнивающее ихъ, и это общее прежде всего выражается въ равныхъ издержкахъ производства. Потребовался бы уже дальнѣйшій анализъ, чтобы перевести издержки производства на трудъ, и выводы получились бы тогда нѣсколько иные; для непосредственнаго же заключенія о равномъ трудѣ, воплощенномъ въ равноцѣнныхъ товарахъ, не было ни логическихъ, ни фактическихъ основаній. Перескочивъ, такъ сказать, черезъ ближайшую фактическую основу равноцѣнности товаровъ, Марксъ не избавилъ себя отъ необходимости говорить о ней косвенно, по поводу затратъ на добываніе золота и брилліантовъ, и эта непослѣдовательность прикрыта лишь игрою словъ. вмѣстѣ съ тѣмъ общее положеніе о цѣнности, какъ о кристаллизованномъ трудѣ, оказывается непримѣнимымъ къ извѣстнымъ разрядамъ товаровъ, и Марксу приходится быть осторожнымъ въ выборѣ примѣровъ, чтобы не поколебать свою теорію. Возьмемъ на удачу товары разнаго рода, кромѣ фабричныхъ,—драгоценные камни, апельсины, фазаны, убойный скотъ, дубовый лѣсъ, сибирскіе мѣха и т. п. Можно ли сказать обо всѣхъ этихъ предметахъ, что въ нихъ овеществленъ человѣческій трудъ въ томъ же смыслѣ, какъ въ кускѣ полотна или въ мѣрѣ пшеницы? Въ фабричномъ продуктѣ дѣйствительно воплощается извѣстное количество человѣческой работы; это дѣйствительно продуктъ труда, безъ котораго онъ и не существовалъ бы; но попробуемъ приложить ту же самую мѣрку къ перечисленнымъ товарамъ другого типа, и выйдетъ явная несообразность.

Человѣческій трудъ матеріализованъ въ убойномъ скотѣ, въ вѣковомъ дубовомъ лѣсѣ, въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, въ апельсинахъ и фазанахъ, и цѣнность этихъ товаровъ измѣряется количествомъ содержащейся въ нихъ работы, точно такъ же, какъ

цѣнность пшеницы, полотна и всякихъ издѣлій; фазаны дороже куръ потому, что въ нихъ заключено больше человѣческаго труда; алмазь производится трудомъ, какъ и фабричная ткань, — все это предполагается ученіемъ Маркса, вопреки очевидности. Марксъ не объясняетъ, почему онъ отступилъ отъ дѣленія товаровъ на категоріи, принятаго Рикардо, и смѣшалъ разнородныя группы предметовъ въ одну безразличную массу; всѣ вообще мѣновыя цѣнности онъ подводитъ подъ одни и тѣ же правила, установленныя для продуктовъ фабричной промышленности. Это произвольное, ничѣмъ не мотивированное примѣненіе специально-фабричной точки зрѣнія ко всѣмъ вообще предметамъ, имѣющимъ мѣновую цѣнность, есть одна изъ основныхъ теоретическихъ ошибокъ Маркса, способная сама по себѣ подорвать все значеніе его теории цѣнности.

Принявъ за доказанное, что абстрактно-человѣческій трудъ опредѣляетъ цѣнность всевозможныхъ товаровъ, Марксъ въ немногихъ словахъ разрѣшаетъ или, вѣрнѣе, обходитъ важный вопросъ о различныхъ видахъ и качествахъ труда, служащаго мѣриломъ цѣнности. Цѣнность товаровъ, — говоритъ онъ, — представляетъ затрату человѣческой работы вообще; трудъ есть расходование простой рабочей силы, которою обладаетъ въ своемъ тѣлесномъ организмѣ каждый обыкновенный человѣкъ, безъ особеннаго развитія. „Простая средняя работа, правда, мѣняетъ свой характеръ въ различныхъ странахъ и въ разныя эпохи, но въ данномъ обществѣ она является чѣмъ-то опредѣленнымъ. Болѣе сложный трудъ принимается только за повышенную или умноженную простую работу, такъ что меньшее количество сложной работы равняется большому количеству простой работы. Что это перечисленіе происходитъ постоянно — показываетъ опытъ. Товаръ можетъ быть продуктомъ самой сложной работы, но его цѣнность приравниваетъ его къ продукту простого труда и представляетъ собою поэтому только опредѣленное количество простого труда. Различныя пропорціи, въ которыхъ разныя виды работы приводятся къ простой работѣ, какъ къ своей массовой единицѣ, устанавливаются общественнымъ процессомъ за спиною производителей и потому кажутся имъ существующими по обычаю. Ради упрощенія, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи принимаемъ всѣ виды рабочей силы непосредственно за простую рабочую силу, чѣмъ устраняется только трудъ перечисленія“. Правильнѣе было бы сказать, что этимъ устраняется не трудъ перечисленія, а самый вопросъ, вмѣстѣ съ обширною областью фактовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ голословнымъ предположеніемъ Маркса. Никакой опытъ не показываетъ и не можетъ показывать то, чего

нѣтъ. Никакого перечисленія сложныхъ и высшихъ формъ работы на простую не происходитъ на дѣлѣ—и происходить не можетъ, потому что при существующемъ денежномъ хозяйствѣ простой наемный трудъ оцѣнивается разнообразно, въ зависимости отъ особыхъ обстоятельствъ рабочаго рынка. Никто никогда не наблюдалъ того общественнаго процесса, который устанавливаетъ пропорціи между разными видами человѣческой работы; если же такой процессъ происходитъ, хотя бы за спиною производителей, то Марксъ долженъ былъ бы освѣтить его своимъ анализомъ, не ограничиваясь простымъ намекомъ. Для теоріи труда, какъ мѣрила цѣнности, было чрезвычайно важно выяснить способъ опредѣленія и измѣренія самаго труда въ различныхъ его формахъ;— иначе выходитъ нѣчто крайне странное: мѣриломъ служить переменчивая величина, не имѣющая сама никакого мѣрила.

Научный методъ, приводящій къ этой странности, очень своеобразенъ. Равноцѣнные товары, по Марксу, имѣютъ равную цѣнность потому, что въ нихъ содержится одинаковое количество средняго абстрактнаго человѣческаго труда, общественно-необходимаго для ихъ производства; но въ сопоставляемыхъ равноцѣнныхъ товарахъ содержится, напр., тридцать дней общественно-необходимой работы сапожника, десять дней такой же средней работы портного, три дня работы ювелира, одинъ день работы художника и полчаса работы Айвазовскаго; поэтому, въ силу высказаннаго заранѣе положенія, всѣ эти разнообразныя количества труда должны считаться равными количествами абстрактно-человѣческой работы; а такъ какъ неравныя цифры остаются все-таки неравными, то надо предположить, что онѣ могутъ быть приведены къ одному знаменателю; привести же ихъ къ одному знаменателю не трудно, если сдѣлать новое предположеніе, что каждый изъ перечисленныхъ видовъ труда равенъ именно такому количеству простой человѣческой мускульной работы, какое требуется для уравниенія неравнаго; однако подобное предположеніе могло бы показаться произвольнымъ, и потому гораздо удобнѣе допустить, что на практикѣ разные виды труда постоянно переводятся сами собою на простую работу гдѣ-то за спиною производителя, путемъ таинственнаго общественнаго процесса, котораго затѣмъ можно уже не касаться больше. Итакъ, тридцать дней работы сапожника, десять дней—портного, три дня—ювелира, одинъ день—художника и полчаса—Айвазовскаго предполагаются равными одному и тому же количеству простого мускульнаго труда, напр. шестидесяти днямъ, и это заключительное

предположение должно служить доказательством истинности того, что требовалось доказать. Напомним еще, что для перечисления сложной и высшей работы на простую нельзя руководствоваться существующими нормами денежной заработной платы, ибо последняя не соответствует внутренней ценности труда, — а надо брать за единицу полную производительность дневного труда простого работника, сообразно количеству вырабатываемых им продуктов, т.-е. надо еще найти неизвестную величину, для определения которой не имеется пока никаких положительных данных. Мы видели также, что самая эта величина, если бы и была найдена, оказалась бы непостоянною, подвергнутою сильнейшим изменениям и колебаниям: один день простого труда имеет другое значение в фабричном производстве, чем в ремесленном или земледельческом, другое в богатых рудниках, чем в бедных, другое в урожайной местности, чем в неурожайной и т. д. В результате единица меры человеческого труда превращается в нечто неуловимое, и сказать, что ценность товаров измеряется количеством заключающейся в них простой человеческой работы — значит все равно что ничего не сказать.

Остается только удивляться тому, что Маркс посвящает всего тринадцать строчек этому первостепенному вопросу о разных видах труда, тогда как азбучные вещи, в родъ объяснения разницы между полезностью и мѣнною цѣнностью, излагаются и повторяются имъ на десяткахъ страницъ, съ утомительнымъ обиліемъ примѣровъ и комментаріевъ. Впрочемъ, такова уже система Маркса: основныя положенія о цѣнности, на которыхъ построена вся его экономическая доктрина, онъ тоже высказываетъ какъ бы мимоходомъ, на двухъ-трехъ страницахъ, при чемъ для удобства обходить существенныя стороны предмета и предполагаетъ доказаннымъ то, что еще требуется доказать; остальное изложеніе занято иллюстраціею побочныхъ вопросовъ и подробностей, которымъ намѣренно придается преувеличенное значеніе. Такъ, понятное всѣмъ различіе между трудомъ, какъ производителемъ мѣнновой цѣнности, и работою, создающею простую полезность, выставляется какъ главнѣйшій „пунктъ, около котораго вертится пониманіе политической (т.-е. промышленной) экономіи“. Этотъ двойственный характеръ содержащагося въ товарѣ труда, замѣчаетъ Марксъ, „доказанъ критически мною первымъ“ (въ 1859 году), — что, конечно, не имѣло бы большой важности, даже если бы ссылка на первенство была основательна. Пространное разсужденіе о скортукѣ, объѣмиваемомъ на двадцать

аршинъ полотна, можетъ быть названо единственнымъ въ своемъ родѣ въ экономической литературѣ, по разнообразію и количеству повтореній однѣхъ и тѣхъ же элементарныхъ мыслей; по всей вѣроятности, даже сами вѣрующіе поклонники „Капитала“ должны признавать въ душѣ, что не было надобности такъ долго и обстоятельно доказывать, что сюртукъ есть полезный предметъ, удовлетворяющій извѣстную потребность, что онъ одинаково полезенъ, носить ли его самъ портной или его заказчикъ, что сюртукъ имѣетъ еще мѣновую цѣнность, которая различается отъ полезности, что два сюртука полезнѣе одного (ибо, какъ вполне резонно поясняетъ Марсъ, „двумя сюртуками можно одѣть двухъ человѣкъ, а однимъ только одного“), но что мѣновая цѣнность сюртуковъ можетъ падать съ увеличеніемъ ихъ числа, и т. д., и т. д. Вносить ли, по крайней мѣрѣ, это сужденіе что-нибудь новое въ теоретическія начала, установленныя раньше? Нѣтъ, оно только примѣняетъ и истолковываетъ ихъ, какъ готовые и доказанныя уже истины. Почему, — спрашиваетъ Марсъ, — сюртукъ имѣетъ вдвое большую цѣнность, чѣмъ десять аршинъ полотна? „Потому что полотно содержитъ въ себѣ вдвое меньше работы, чѣмъ сюртукъ, и для производства послѣдняго должна быть израсходована рабочая сила въ теченіе вдвое большаго времени, чѣмъ для производства перваго“. Съ этого начинается вся аргументація, и она цѣликомъ вертится около фисіци абстрактнаго человѣческаго труда, воплощеннаго въ обоихъ товарахъ. Между тѣмъ избранный примѣръ самъ по себѣ ошибоченъ, такъ какъ онъ основанъ на произвольномъ смѣшеніи фабричныхъ продуктовъ съ ремесленными, въ которыхъ играютъ видную роль индивидуальныя качества работы. Фабрика, устроенная извѣстнымъ образомъ, производитъ одинаковые товары при всякомъ составѣ рабочихъ; всѣ куски полотна даннаго сорта, выходящіе изъ этой фабрики, будутъ имѣть одинаковую цѣнность, независимо отъ того, какіе работники участвуютъ въ его производствѣ. Но продукты, изготовляемые въ мастерской портного, цѣнятся различно, смотря по свойствамъ труда закройщиковъ и мастеровъ, и цѣнность товаровъ зависитъ уже не отъ одной продолжительности работы, какъ на фабрикѣ, но и отъ особыхъ качествъ работы, отъ степени умѣнья и искусства работниковъ. Цѣнность сюртука опредѣляется не тѣмъ, сколько времени употреблено на его изготовленіе, а тѣмъ, кто и какъ его сшилъ; сюртукъ, сдѣланный у Тедески, будетъ имѣть вдвое или втрое большую цѣнность, чѣмъ приготовленный у другого портного, хотя количество труда, потраченнаго на производство обо-

ихъ шуртуковъ, будетъ одно и то же. Замѣна искуснаго закройщика зауряднымъ сразу измѣняетъ цѣнность шуртуковъ, выходящихъ изъ той же мастерской, а перевести искусную работу на простую нѣтъ возможности, потому что качество не можетъ быть сведено на количество. Заурядный мастеръ можетъ трудиться цѣлый день или цѣлую недѣлю, и онъ не сдѣлаетъ того, что устроить талантливая рука въ теченіе одного часа; искусная работа вообще не измѣняется продолжительностью рабочаго времени, какъ простая, и эта важная особенность, присущая качеству труда, совершенно оставлена безъ вниманія Марксомъ. Сопоставляя шуртукъ съ двадцатью аршинами полотна, Марксъ сравниваетъ предметы разнородные и отчасти несоизмѣримые, и получаемые при этомъ выводы не могутъ быть признаны основательными. Произвольное обобщеніе началъ фабричнаго производства на всѣ отрасли производительнаго труда сказывается и въ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ о формахъ цѣнности, о мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ, объ эквивалентахъ и деньгахъ. Марксъ такъ много говоритъ о внутренней цѣнности обмѣниваемыхъ предметовъ, независимо отъ ихъ вещественной формы и полезности, что самъ начинаетъ какъ будто вѣрить въ таинственность, загадочность, сверхчужественность изучаемой „сущности“. Товаръ, разсуждаетъ онъ, кажется на первый взглядъ очень простою и понятною вещью, но изъ анализа его видно, что онъ представляетъ собою нѣчто крайне запутанное, полное метафизическихъ тонкостей и теологическихъ тайнъ. Товары вступаютъ между собою въ самостоятельныя отношенія, скрывая отъ взоровъ наблюдателя общественный характеръ воплощеннаго въ нихъ челоуѣческаго труда и взаимныя отношенія самихъ производителей; оттого они получаютъ мистическія черты, дѣлаются фетишами, и этотъ „фетишизмъ, связанный съ трудовыми продуктами, когда они производятся въ видѣ товаровъ, неразрывно соединяется съ товарнымъ производствомъ“.

Любопытно, что и въ этомъ случаѣ усердный истолкователь Маркса, Карлъ Каутскій, восхваляя замѣчательное открытіе учителя, приписываетъ ему мысли, которыхъ онъ не высказывалъ, и косвенно умалчиваетъ этимъ заслугу его діалектики. По Каутскому выходитъ, что мѣщанскіе экономисты отыскиваютъ въ товарахъ мистическія свойства, вызывающія обмѣнъ ихъ въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, что, подобно дикарю, приписывающему своимъ фетишамъ качества, не вытекающія изъ ихъ природы, заурядные экономисты смотрятъ на товаръ какъ на „вещественный предметъ, одаренный сверхчужественными свойствами“, и что Марксъ

именно и уличил мѣщанскую экономію въ этомъ фетишизмѣ. „Этотъ фетишистскій характеръ товаровъ и самого капитала, — заключаетъ Каутскій, — впервые указанъ Марксомъ. Фетишизмъ затрудняетъ и дѣлаетъ даже невозможнымъ изученіе особенностей товаровъ, пока съ нимъ не справились; нельзя достигнуть полного пониманія товарной цѣнности, не придя къ сознанію фетишистскаго характера товара. Поэтому глава о „фетишистскомъ характерѣ товара и его тайнѣ“ кажется намъ одною изъ важнѣйшихъ въ „Капиталѣ“, и каждый читатель долженъ удѣлить ей особенное вниманіе“. Такимъ образомъ, анализъ, дѣлаемый Марксомъ, возлагается на отвѣтственность мѣщанскихъ экономистовъ, которые ничего общаго съ этимъ анализомъ не имѣютъ, и самъ Марксъ превращается изъ провозвѣстника новыхъ истинъ въ простого обличителя чужихъ заблужденій. Въ дѣйствительности, мѣщанская экономія не могла видѣть въ товарѣ фетиша съ таинственными свойствами по той простой причинѣ, что она давно отбросила понятіе о внутренней цѣнности товаровъ и привыкла ставить значеніе ихъ въ исключительную зависимость отъ вульгарныхъ житейскихъ условій, — отъ спроса и предложенія, въ связи съ необходимыми затратами производства. Нѣчто таинственное и загадочное можно было усмотрѣть въ товарѣ только при взглядѣ на него какъ на овеществленный абстрактный человѣчскій трудъ, какъ на предметъ, обладающій цѣнностью именно въ силу этого овеществленія труда, а этотъ взглядъ всецѣло принадлежитъ Марксу, которому всецѣло принадлежитъ поэтому и заслуга открытія фетиша въ товарѣ.

Истиннымъ и при томъ великимъ открытіемъ считаетъ авторъ „Капитала“ свою фикцію абстрактной работы, выраженной въ товарахъ и опредѣляющей ихъ цѣнность. „Позднее научное открытіе, — говоритъ онъ, — что трудовые продукты, насколько они — цѣнности, суть только вещественныя выраженія израсходованной въ ихъ производствѣ человѣческой работы, составляетъ эпоху въ исторіи развитія человѣчества“. До такихъ великихъ истинъ никогда не доходила мѣщанская политическая экономія; она не замѣчала, поэтому, и товарнаго фетишизма, впервые найденнаго Марксомъ. Правда, она „анализировала, хотя и несовершенно, цѣнность и мѣру цѣнности и указала содержаніе, скрытое въ этихъ формахъ; но она никогда даже не ставила себѣ вопроса, почему это содержаніе принимаетъ эти формы, и почему трудъ выражается въ цѣнности, а мѣра труда по его продолжительности опредѣляетъ цѣнность трудового продукта“, т.-е. экономисты никогда не объясняли того, чего вовсе не признавали въ та-

той абсолютной формѣ. Мѣщанская экономія, — по словамъ Маркса, — не пыталась также объяснить происхожденіе денежной формы изъ понятія о трудовой цѣнности продуктовъ; эту задачу долженъ былъ впервые исполнить авторъ „Капитала“, и до него оставалось будто бы неразъясненнымъ значеніе денегъ, какъ общаго мѣноваго мѣрила и эквивалента товаровъ. До Маркса господствовали вульгарныя воззрѣнія мѣщанскихъ экономистовъ относительно товарнаго производства и обращенія; Марксъ первый внесъ свѣтъ истинной науки въ пониманіе таинственной природы товаровъ, — онъ создалъ абстрактную товарно-промышленную науку, не имѣющую въ себѣ ничего вульгарнаго, кромѣ развѣ самаго ея предмета, которому нельзя отказать въ вульгарности. Марксъ а priori установилъ, что во всѣхъ вообще товарахъ, какъ напр. въ фабричномъ полотнѣ, въ кускѣ золота, въ вѣсковомъ дубовомъ лѣсѣ, продаваемомъ на срубъ, одинаково кристаллизованы чело-вѣческій трудъ, и что только количествомъ этого труда объясняется и измѣняется ихъ относительная цѣнность. Это предположеніе выдается сначала за истину, не требующую доказательства, а потомъ превращается въ „научное открытіе“, составляющее эпоху въ исторіи развитія чело-вѣчества, по скромному признанію самого автора. Если это очевидная истина, которую нѣтъ надобности доказывать, или, проще сказать, аксіома, то не было бы повода открывать ее, ибо она была бы и безъ того доступна и понятна каждому; если же это только фикція или гипотеза, придуманная для облегченія изслѣдованія, то она не была бы открытіемъ и не могла бы составить эпоху въ исторіи развитія чело-вѣчества. Если же вдобавокъ эта фикція сама уничтожаетъ себя на каждомъ шагѣ своими неразрѣшимыми внутренними противорѣчiami, то она не можетъ быть ни истиною, ни научнымъ открытіемъ, ни даже гипотезою. Одно изъ этихъ несогласимыхъ противорѣчій заключается въ томъ, что товарамъ приписывается самостоятельная внутренняя цѣнность, зависящая отъ количества воплощеннаго въ нихъ чело-вѣческаго труда, и въ то же время оставляется въ полной силѣ вульгарная истина о безусловной зависимости этой внутренней цѣнности отъ внѣшнихъ обстоятельствъ производства и рынка. Трудъ, вложенный въ извѣстные товары, какъ признаетъ и Марксъ, теряетъ всякое значеніе, когда прекратился на нихъ спросъ или когда они замѣнены другими, болѣе подходящими и цѣлесообразными; количество труда, необходимое до сихъ поръ для приготовленія извѣстныхъ продуктовъ, можетъ завтра же сократиться на половину, и вся излишне-употребленная чело-вѣческая работа сразу утрачи-

ваетъ свою производительную силу, перестаетъ быть источникомъ и причиною цѣнности, и отбрасывается безъ всякихъ церемоній, какъ негодный мусоръ. Можетъ ли служить единственнымъ основаніемъ и мѣриломъ даннаго явленія нѣчто такое, что само не играетъ никакой самостоятельной роли, не имѣетъ своей определенной мѣрки и подвергнуто всевозможнымъ внѣшнимъ случайностямъ? Къ чему сводится тогда вся эта внутренняя цѣнность, опредѣляемая трудомъ, когда она можетъ оказаться вовсе не цѣнностью, а трудъ, производительно затраченный вчера, можетъ быть объявленъ бесполезнымъ сегодня? Чтобы оправдать эту логическую путаницу, Марсъ пускаетъ въ ходъ мистическія тайны, загадочныя аллегоріи, фетвиизмъ. Тайственная путаница, зависящая отъ способа аргументаціи, предполагается въ самомъ изучаемомъ предметѣ;—а разъясненіе поставленныхъ загадокъ должно привести къ новымъ открытіямъ, которыя также составятъ эпоху въ исторіи развитія человѣчества.

Таково „начало науки“, наиболее трудное для усвоенія, по свидѣтельству самого Маркса. Діалектическіе приемы, при помощи которыхъ разъ установленная фикція проводится сквозь строй противорѣчащей логики фактовъ, имѣетъ, конечно, мало общаго съ тѣми реальными тонкостями, которыми занимается микрولوجическая анатомія. Но кто приметъ фикцію за истину и увѣруетъ въ ея непреложность, отказавшись отъ права критики ради признаннаго авторитета Маркса, тому не трудно уже принять и дальнѣйшія разсужденія, вытекающія изъ первой посылки.

Продукты труда, какъ утверждаетъ авторъ „Капитала“, цѣнятся по количеству содержащейся въ нихъ трудовой субстанціи; если это количество въ обмѣнваемыхъ товарахъ одинаково, то они равноцѣнны, и при нормальныхъ условіяхъ товарнаго обращенія переходъ продуктовъ изъ рукъ въ руки, черезъ посредство денегъ, можетъ совершаться лишь путемъ обмѣна эквивалентовъ, безъ какого бы то ни было излишка въ пользу продавцовъ или покупателей. „Предположимъ, что въ силу какой-нибудь необъяснимой привилегіи продавцу предоставлено продавать товары выше ихъ цѣнности, напр. на десять процентовъ. Продавецъ получаетъ, такимъ образомъ, прибавочную цѣнность въ десять процентовъ. Но послѣ того какъ онъ былъ продавцомъ, онъ становится покупателемъ. Третій владѣлецъ товаровъ выступаетъ предъ нимъ въ качествѣ продавца, и въ свою очередь пользуется привилегіею продавать свои товары на десять процентовъ выше ихъ цѣнности. Нашъ купецъ выигралъ десять процентовъ какъ продавецъ, чтобы потерять десять процентовъ какъ покупатель.

Въ дѣйствительности дѣло сводится къ тому, что всѣ товаровладельцы продаютъ свои товары другъ другу на десять процентовъ дороже ихъ стоимости, а это есть вполнѣ то же самое, какъ еслибы они продавали товары по ихъ цѣнности. Такая всеобщая номинальная прибавка къ цѣнности товаровъ производитъ то же самое дѣйствіе, какъ еслибы всѣ товарныя цѣнности опредѣлены были въ серебряной валютѣ, вмѣсто золотой. Денежныя названія, т.-е. цѣны товаровъ, возвысились бы, но ихъ относительныя цѣнности остались бы неизмѣнными^а. Подобный же результатъ оказался бы и въ томъ случаѣ, еслибы, наоборотъ, покупатели имѣли привилегію приобрѣтать товары ниже ихъ стоимости. Итакъ, — заключаетъ Марксъ, — „образованіе прибавочной цѣнности и слѣдовательно превращеніе денегъ въ капиталъ не можетъ быть объяснено ни тѣмъ, что продавцы продаютъ свои товары выше ихъ цѣнности, ни тѣмъ, что покупатели приобрѣтаютъ ихъ ниже стоимости. Можно вертѣться какъ угодно, но итогъ получается тотъ же самый. Если мѣняются эквиваленты, то не возникаетъ никакой прибавочной цѣнности, а если мѣняются не-эквиваленты, то тоже не образуется прибавочной цѣнности. Товарное обращеніе не создаетъ цѣнности“.

Присмотримся ближе къ этому важному силлогизму. Фабрикантъ продаетъ свои товары съ надбавкою десяти процентовъ къ ихъ стоимости и выручаетъ при этомъ сто тысячъ рублей прибыли; затѣмъ на эти сто тысячъ онъ покупаетъ другіе товары, нужные ему для производства или потребленія, и съ своей стороны переплачиваетъ въ ихъ цѣнѣ десять процентовъ, т.-е. онъ теряетъ при покупкѣ десять тысячъ рублей; слѣдовательно, онъ выигрываетъ при продажѣ сто тысячъ, а теряетъ при покупкѣ десять тысячъ, что вовсе не одно и то же. Гдѣ же тутъ равенство, которое предполагаетъ Марксъ? Для того, чтобы существовало это равенство, т.-е. чтобы выигрышъ при продажѣ соответствовалъ потерѣ при покупкѣ, необходимо было бы, чтобы фабрикантъ купилъ товаровъ на миллионъ, т.-е. на всю сумму стоимости своего производства. Допустимъ, однако, что онъ купилъ товаровъ на миллионъ и потерялъ въ ихъ цѣнѣ свои сто тысячъ прибыли; изъ этихъ купленныхъ продуктовъ онъ выработаетъ на своей фабрикѣ новые товары, цѣнностью въ десять миллионъ рублей, и при продажѣ ихъ онъ опять выигрываетъ десять процентовъ, т.-е. цѣлый миллионъ, на мѣсто потерянныхъ при покупкѣ ста тысячъ. Въ результатѣ выходитъ выигрышъ девятисотъ тысячъ, какъ прежде выходилъ выигрышъ девяноста тысячъ, въ пользу фабриканта. Потеря при покупкѣ товаровъ уменьшаетъ прибыль только на одинъ

процентъ, такъ что послѣ операціи продажи и покупки фабриканту остается девять процентовъ барыша, вмѣсто десяти; этимъ ограничивается все практическое дѣйствіе того обстоятельства, на которое указываетъ Марксъ,—и никогда не можетъ выйти ничего другого, если не играть словами, а анализировать дѣйствительныя явленія. Приведенный примѣръ вполне характеризуетъ діалектику, употребляемую авторомъ „Капитала“; эта діалектика есть въ сущности не что иное, какъ софистика. Функція производителей заключается именно въ томъ, что они производятъ товары и продаютъ ихъ съ выгодой для себя; они всегда должны больше продавать, чѣмъ покупать,—иначе они были бы уже не производителями, а торговцами, перекупщиками, между которыми только распределяется извѣстная часть прибыли производителей. Марксъ молчаливо ставитъ невозможное предположеніе, что фабриканты столько же покупаютъ товаровъ, сколько продаютъ, т.-е. что они спеціально торговцы, а не фабриканты. Вмѣстѣ съ этимъ невѣроятнымъ предположеніемъ падаетъ и построенный на немъ выводъ о равенствѣ прибылей и потерь для производителей при продажѣ и покупѣ товаровъ выше ихъ стоимости; слѣдовательно, уничтожается самъ собою и выводъ о невозможности извлеченія прибавочной цѣнности изъ обмѣна или обращенія товаровъ. Авторъ „Капитала“ допускаетъ, какъ мы уже упомянули выше, что цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ регулируется цѣнностью той части ихъ, которая производится на наименѣе производительныхъ земляхъ, воздѣлываемыхъ по необходимости для удовлетворенія потребности населенія въ хлѣбѣ. Цѣны продуктовъ должны быть настолько высоки, насколько это нужно для покрытія затратъ производства при наименѣе благоприятныхъ условіяхъ. Въ этомъ случаѣ покупатели платятъ больше средней цѣнности товаровъ по той простой причинѣ, что иначе не могла бы быть произведена требуемая масса продуктовъ. Такъ же точно можно сказать, что не существовало бы никакого фабричнаго производства и никакой вообще промышленной дѣятельности, еслибы товары должны были продаваться по внутренней ихъ стоимости, безъ прибыли; неизбежное возникновеніе прибавочной цѣнности лежитъ поэтому въ основѣ всякаго товарнаго производства и обмѣна. Если указаніе на эту неизбежность достаточно убѣдительно для объясненія цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ, то почему же оно недостаточно и для объясненія прибыли? Но Марксъ не довольствуется тѣмъ, что замѣчается на поверхности явленій; онъ отыскиваетъ скрытую сущность ихъ и обыкновенно находитъ ее прежде, чѣмъ

начинает искать, благодаря особымъ приемамъ разсужденія и доказательства.

Такъ какъ увеличеніе цѣнности товаровъ сравнительно съ ихъ трудовой стоимостью, — объясняетъ далѣе Марксъ, — не можетъ происходить при продажѣ и обмѣнѣ продуктовъ, то оно должно имѣть свой источникъ въ самомъ процессѣ производства, въ способѣ потребленія товаровъ, употребляемыхъ въ производствѣ. Чтобы изъ употребленія извлечь цѣнность, надо предположить существованіе такого товара, полезность котораго заключалась бы въ особомъ свойствѣ создавать цѣнность. Такой специальный товаръ имѣется на рынкѣ, въ видѣ рабочей силы. Рабочая сила продается какъ товаръ только при двухъ условіяхъ: если владѣльцы и носители этой рабочей силы свободно располагаютъ ею; въ силу своей личной свободы, и если они не имѣютъ для продажи никакого другого товара, кромѣ своей способности къ труду. Капиталистъ покупаетъ этотъ товаръ на общихъ основаніяхъ, уплачивая за него цѣну, опредѣляемую необходимыми затратами труда на его приготовленіе и сохраненіе, т. е. необходимыми средствами существованія работниковъ. Марксъ почти дословно повторяетъ разсужденія Рикардо о цѣнности живого труда, какъ товара, и остается вѣрнымъ традиціонному взгляду англійскихъ экономистовъ-классиковъ, примѣнявшихъ къ человѣческой рабочей силѣ чисто-промышленныя и фабричныя понятія о товарѣ и цѣнности.

Рабочая сила есть источникъ цѣнности; она достается за деньги капиталисту, и слѣдовательно разгадка происхожденія прибыли найдена. Вопросъ разрѣшенъ уже самою его постановкою. „Процессъ потребленія рабочей силы есть въ то же время процессъ производства товара и цѣнности. Потребленіе рабочей силы, подобно потребленію всякаго другого товара, совершается внѣ рынка и товарнаго обращенія“. Въ скрытой области производства должно быть показано „не только какъ капиталъ производить, но и какъ производится капиталъ. Тайна увеличенія цѣнности должна наконецъ раскрыться“. Сфера товарнаго обмѣна, въ которой происходятъ купля и продажа рабочей силы, представляетъ истинное царство прирожденныхъ человѣческихъ правъ; здѣсь господствуютъ только свобода, равенство, собственность и Бентамъ. „Свобода, — ибо покупатель и продавецъ товара, напр. рабочей силы, дѣйствуютъ лишь по своей свободной волѣ. Они вступаютъ въ сдѣлку, какъ свободныя, юридически равноправныя личности. Договоръ ихъ есть заключительный результатъ, въ которомъ ихъ обоюдная воля получаетъ свое совмѣстное правовое выраженіе. Равенство, —

потому что они относятся другъ къ другу только какъ владѣльцы товаровъ и обмѣниваютъ эквивалентъ на эквивалентъ. Собственность,—потому что каждый распоряжается только своимъ. Бентамъ,—ибо каждый изъ нихъ руководствуется только своими собственными интересами“. Но при удаленіи изъ сферы товарнаго обмѣна мѣняются уже роли дѣйствующихъ лицъ: бывший покупатель „шестуетъ впереди, какъ капиталистъ; владѣлецъ рабочей силы сѣдуетъ за нимъ какъ его работникъ; первый—торопливо, съ дѣловымъ видомъ; второй — робко, неохотно, какъ человекъ, вынесшій на рынокъ свою собственную шкуру и могущій ожидать только одного—ея выколачиванія“.

Эта краснорѣчивая характеристика отношеній между продавцами и покупателями рабочей силы не вполне соответствуетъ дѣйствительности, даже съ точки зрѣнія мѣщанской юриспруденціи. Рабочій не обладаетъ свободою выбора и рѣшенія, если онъ вынуждается къ продажѣ труда необходимостью поддержанія своей жизни; онъ не можетъ взвѣшивать условія договора и сознательно выражать свою волю, когда каждый потерянный день грозитъ голодомъ ему лично или его семьѣ; онъ неравноправенъ съ капиталистомъ, когда находится подъ гнетомъ нужды и принимаетъ по неволѣ всякія предлагаемыя ему условія; онъ не можетъ обдумывать свои интересы и руководствоваться ими, когда выносить на рынокъ единственное, что у него есть, — свою рабочую силу. Во всѣхъ почти законодательствахъ существуютъ постановленія, предусматривающія вліяніе бѣдности и нужды на свободу воли человека; допускается даже въ извѣстныхъ случаяхъ оспариваніе сделокъ при продажѣ предмета за чрезмѣрно-низкую цѣну (*laesio enormis*), и эти же начала примѣнимы и къ договорамъ между рабочими и капиталистами. Что касается Бентама, то и онъ не видѣлъ равенства въ положеніи рабочихъ и хозяевъ; рабочий классъ, создающій силу и богатство государства,—говорилъ онъ, — занимаетъ послѣднее мѣсто въ безразсудномъ лексиконѣ гордости, но для просвѣщенной политики онъ долженъ быть первымъ ¹⁾. Еслибы осуществился идеалъ Бентама, еслибы въ самомъ дѣлѣ рабочіе могли чувствовать себя равноправными съ капиталистами, то многія теоретическія положенія Маркса потеряли бы почву и оказались бы вовсе не теоретическими, а временно-практическими, основанными на перемѣнчивыхъ обстоятельствахъ данной эпохи. Предположимъ, что рабочіе союзы и синдикаты со-

¹⁾ Manuel d'économie politique, extrait des manuscrits de Jérémie Bentham, par Et. Dumont. Brux. 1840, p. 48.

вершено измѣнили положеніе рабочихъ и обезпечили имъ ту свободу дѣйствій, которою раньше пользовались одни лишь капиталисты, — какъ это отчасти и достигнуто въ Англии и Франціи; тогда отпадаетъ и значительная часть аргументаціи Маркса по нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ народнаго хозяйства. Временные факты и злоупотребленія не даютъ матеріала для общей научной теоріи.

Рабочій, по Марксу, продаетъ капиталисту не свой трудъ, не то или другое количество своего рабочаго времени, а свою рабочую силу. Рабочая сила принадлежит купившему ее капиталисту на томъ же основаніи, какъ и купленные имъ средства и орудія производства; потребление этой рабочей силы, какъ и всякаго другого товара, составляетъ несомнѣнное право покупателя. Рабочее время „есть то время, въ продолженіе котораго капиталистъ потребляетъ купленную имъ рабочую силу. Если рабочій употребляетъ свое свободное время для себя самого, то онъ обворовываетъ капиталиста“ (т. I, изд. 2-е, стр. 225). „Изъ природы товарнаго обмѣна не вытекаетъ никакого ограниченія для рабочаго дня. Капиталистъ осуществляетъ свое право, какъ покупатель, стараясь сдѣлать рабочій день возможно болѣе продолжительнымъ и превратить, если можно, одинъ рабочій день въ два“. Вульгарные экономисты думаютъ, что продается собственно не рабочая сила, а только ея функція, работа; „такъ же точно можно было бы утверждать, что не цѣнность машины, а цѣнность ея операций уплачивается капиталистомъ“. На поверхности явленій многое представляется въ превратномъ видѣ, и только наука разоблачаетъ ихъ сущность, скрытую въ глубинѣ. Всемирная исторія требуетъ много времени, чтобы разгадать тайну заработной платы, а разгадка достигается именно открытіемъ Маркса, что рабочій продаетъ капиталисту не свой трудъ, а свою рабочую силу (стр. 557—563). Доказывается эта истина тѣмъ соображеніемъ, что „трудъ есть субстанція и постоянное мѣрило цѣнности, но самъ онъ не имѣетъ цѣнности“, т.-е. доказательствомъ служитъ утверженіе того, что требуется доказать. Не видно только, какимъ образомъ и почему сдѣлка о наймѣ „свободныхъ“ рабочихъ на опредѣленный срокъ и на извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть названа покупкою рабочей силы въ собственность, подобно покупкѣ невольниковъ при существованіи рабства. Купленная машина дѣйствительно принадлежит капиталисту, ибо онъ уплатилъ за самую машину, а не за производимыя ею операціи; но при наймѣ работника онъ покупаетъ не его самого, а только его трудъ. Никакая наука не можетъ за-

мѣнять существующія явленія другими, вовсе несуществующими, или извращать природу изучаемыхъ фактовъ, для полученія нужныхъ выводовъ, предположенныхъ заранѣе. Купля-продажа рабочей силы, взаимныя купли-продажи труда или просто найма рабочихъ, была, однако, нужна Марксу для примѣненія къ этимъ сдѣлкамъ общихъ понятій о товарахъ и для нѣкоторыхъ важныхъ теоретическихъ заключеній.

Капиталистъ купилъ рабочую силу и приобрѣлъ право „потреблять“ ее для своихъ промышленныхъ цѣлей; онъ пользуется ею трудомъ и извлекаетъ изъ него цѣнность. Онъ уплатилъ товарную цѣну рабочей силы, т.-е. цѣну необходимыхъ средствъ ея существованія и сохраненія; но трудъ окупаетъ эти средства, напр., въ теченіе половины рабочаго дня, а остальная часть дневной работы создаетъ прибавочную цѣнность, которая и реализуется въ прибыли капиталиста при продажѣ произведенныхъ товаровъ. „Мы знаемъ, — говоритъ Марксъ, — что цѣнность каждаго товара опредѣляется количествомъ овеществленнаго въ немъ труда или общественно-необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ“ (стр. 174); отсюда слѣдуетъ, что созданіе новой цѣнности въ производствѣ можетъ быть исключительно только результатомъ дополнительнаго труда, сверхъ той части его, которая идетъ на покрытіе товарной цѣнности рабочей силы. Средства производства, орудія и машины не производятъ цѣнности, потому что, какъ условлено заранѣе, только живой человѣческой трудъ есть источникъ цѣнности; средства производства передаютъ свою цѣнность новымъ товарамъ, безъ измѣненія, а машины сообщаютъ имъ лишь ту долю своей цѣнности, которая соотвѣтствуетъ ихъ потребленію или портѣ въ процессѣ производства. „Часть капитала, помѣщенная въ средствахъ производства, т.-е. въ сыромъ матеріалѣ, въ вспомогательныхъ продуктахъ и въ средствахъ труда, не измѣняетъ своей цѣнности въ процессѣ производства; назовемъ эту часть капитала постояннымъ капиталомъ. Часть капитала, употребленная на покупку рабочей силы, напротивъ, мѣняетъ свою цѣнность въ процессѣ производства; она воспроизводитъ свой собственный эквивалентъ и еще излишекъ, добавочную цѣнность, которая можетъ измѣняться, быть больше или меньше. Изъ постоянной величины эта часть капитала превращается въ переменную; назовемъ ее поэтому переменнымъ капиталомъ“ (стр. 199).

Изъ этихъ опредѣленій дѣлаются уже научные выводы и извлекаются законы, излагаемые для большей убѣдительности въ видѣ алгебраическихъ формулъ. „Мы знаемъ уже, — говорится, на примѣръ, — что прибавочная цѣнность есть только результатъ

измѣненія цѣнности той части капитала, которая превращена въ рабочую силу (стр. 203). Вопросъ о производительности машинъ разрѣшается отрицательно, на основаніи даннаго заранѣе опредѣленія постоянного капитала: „какъ и всѣ другія составныя части постоянного капитала, машина не создаетъ цѣнности, но передаетъ свою собственную цѣнность продукту, производству котораго она служитъ“ (стр. 403). Одна машина производитъ работу многихъ сотенъ человѣческихъ рабочихъ силъ съ несравненно большею точностью, чѣмъ люди; при помощи одного человѣка или мальчика она дѣлаетъ, напр., то, что прежде требовало работы двухсотъ человѣкъ; тѣмъ не менѣе она не можетъ быть названа производительною, ибо это противорѣчило бы опредѣленію производительности, какъ спеціальной принадлежности труда. Если одинъ участокъ земли по своему плодородію даетъ вдвое больше продуктовъ, чѣмъ другой, при одинаковой затратѣ труда, то это значитъ, что не земля, а трудъ вдвое производительнѣе въ одномъ мѣстѣ, чѣмъ въ другомъ. Установлено заранѣе, что производительность можетъ быть относима только къ человѣческой работѣ; поэтому увеличеніе результатовъ производства при введеніи усовершенствованныхъ машинъ есть не что иное, какъ увеличеніе производительности живого человѣческаго труда, употребляемаго въ производствѣ. Когда машина расширяетъ производство въ огромныхъ размѣрахъ и вытѣсняетъ собою взрослыхъ и искусныхъ рабочихъ, замѣняя ихъ женщинами и дѣтьми, то капиталистъ обогащается единственно благодаря необычайной производительности труда этихъ женщинъ и дѣтей,—потому что прибавочная цѣнность, какъ „мы уже знаемъ“, вырабатывается лишь переменнымъ капиталомъ, обращеннымъ на покупку человѣческой рабочей силы. Мальчикъ, приводящій въ движеніе колоссальную машину, производитъ всю прибавочную цѣнность, создаваемую при помощи этой машины, такъ какъ рабочая сила мальчика входитъ въ составъ переменнаго капитала, а машина принадлежитъ къ постоянному капиталу, который, по условію, не производитъ цѣнности. Чтобы разрѣшить какой-нибудь научный вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ, надо только вставить въ условія задачи именно то, что заранѣе заключаетъ въ себѣ предположенное рѣшеніе; надо давать такія опредѣленія, которыя рѣшаютъ вопросъ самою своею формулировкой, а затѣмъ можно наполнить цѣлые томы различными выводами и комбинаціями, математическими выкладками и формулами, вытекающими изъ того, что „мы уже знаемъ“. Если эти выводы и комбинаціи идутъ совершенно въ разрѣзъ съ общеизвѣстными фактами и съ

типическими свойствами явленій, то можно указывать на неизбежное противорѣчіе между скрытою сущностью и ея внѣшними формами, и обличать вульгарность людей, привыкшихъ вносить повсюду заурядную логику и обыкновенный здравый смыслъ. Этотъ замѣчательный научный методъ, разрѣшающій всѣ вопросы при помощи условныхъ опредѣленій, принимаемыхъ за законы, доведенъ до рѣдкаго искусства въ книгѣ Маркса. Тѣ вульгарные экономисты, которыхъ обличаетъ авторъ „Капитала“, часто дѣйствительно заслуживаютъ обличенія, какъ представители самодвольной и ограниченной „мѣщанской экономіи“, ложно выдаваемой за науку; но и сама наука Маркса, какъ видимъ, вызываетъ большія и основательныя сомнѣнія.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1896.

Совѣщаніе губернскихъ предводителей дворянства.—Оффиціальныя и неоффиціальныя заявленія о нуждахъ дворянъ-землевладѣльцевъ.—Мѣстныя судебна-административныя учрежденія—и коммиссія для пересмотра постановленій по судебной части.—Инциденты въ вѣмскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ.

Въ концѣ февраля начались въ Петербургѣ, въ присутствіи г. министра внутреннихъ дѣлъ, но подѣ предсѣдательствомъ одного изъ губернскихъ предводителей дворянства, засѣданія губернскихъ предводителей, съѣхавшихся изъ ббльшей части дворянскихъ губерній для совѣщанія о нуждахъ помѣстнаго дворянства. Привѣтствуя самый фактъ созыва совѣщанія, какъ выраженіе взгляда государственной власти на „дворянскій вопросъ“, „Московскія Вѣдомости“ одобряютъ и поощряютъ членовъ совѣщанія слѣдующими словами: „сословная организація необходима въ монархическомъ государствѣ; но она невозможна безъ высшаго служилаго класса. Поэтому, заботясь о поддержаніи своего сословія, представители дворянства не только не должны бояться упрека въ томъ, что преслѣдуютъ узкія эгоистическія цѣли и дѣйствуютъ вопреки интересамъ другихъ сословій, но, напротивъ, могутъ быть твердо увѣрены, что исполняютъ свою обязанность относительно всего государства“... Мысль, выраженная въ этихъ словахъ, глубоко, повидимому, запала въ душу московскихъ публицистовъ; они высказывали ее и раньше, и притомъ по такому поводу, который, казалось бы, наименѣе былъ для того удобенъ. Въ московскомъ дворянскомъ собраніи, происходившемъ въ началѣ нынѣшняго года, кн. А. А. Щербатовъ выразилъ мысль, что „дворянство не имѣетъ особыхъ интересовъ, которые могли бы его рознить съ другими сословіями“, и что „нѣтъ ни одной нужды народной, ни одной государственной потребности, которыя бы не были его нуждой и его потребностью“. Къ этому указанію кн. Щербатова московская газета присоединила совѣмъ неожиданный комментарий.

Нельзя,—восклицаетъ она,—нельзя достаточно часто напоминать и настаивать на тѣсной связи интересовъ дворянства съ интересами остальныхъ сословій. Именно въ этой связи заключается единственное основаніе, единственная raison d'être дворянства, какъ сословія; но до тѣхъ поръ, пока связь эта не порвана, она не только возлагаетъ на дворянство обязанность заботиться о поддержаніи своего положенія, но и даетъ право правительству приходить къ нему на помощь, потому что такая помощь не только не нарушаетъ общегосударственныхъ интересовъ, но, наоборотъ, вызывается ими^а. Здѣсь произошло, очевидно, нѣчто въ родѣ „эскамотажа“ мысли, не столько ловкаго, сколько смѣлаго. Кн. Щербатовъ говоритъ, что ни у народа, ни у государства нѣтъ такой потребности, которая не была бы въ то же время и потребностью дворянства—а его слова выворачиваются на изнанку и толкуются въ томъ смыслѣ, что у дворянства нѣтъ такой потребности, которая не была бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребностью всего государства. Отсюда прямой выводъ, повторяемый теперь въ формѣ наставленія губернскимъ предводителямъ: „держайте, просите, не колеблясь и не стѣсняясь, ибо все полезное для васъ полезно и для народа“. Трудно представить себѣ что-либо болѣе ложное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе опасное, чѣмъ подобное систематическое оправданіе сословнаго самоиждивенія и себялюбія. Признавать дворянство, какъ это дѣлаетъ кн. Щербатовъ, солидарнымъ съ народной массой, не имѣющимъ особыхъ отъ нея интересовъ, значитъ—возлагать на дворянство заботу объ общемъ благѣ, значитъ—уничтожить возможность домогательствъ, направленныхъ исключительно къ выгодѣ одного сословія. Становится на точку зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“, значитъ, наоборотъ, выдвигать на первый планъ именно эту выгоду, способствовать, путемъ созданія обманчивыхъ „презумпцій“, торжеству эгоистическихъ стремленій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, присмотримся поближе къ нѣкоторымъ притязаніямъ, заявляемымъ отъ имени дворянства и составлявшимъ, быть можетъ, одинъ изъ предметовъ совѣщанія гг. губернскихъ предводителей.

Послѣднему екатеринославскому дворянскому собранію былъ представленъ докладъ мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства А. П. Струкова, „вызавшій общее сочувствіе“ и принятый собраніемъ. Въ началѣ доклада (напечатаннаго въ „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“) сдѣлана оговорка, что дворянство „можетъ ожидать отъ правительства для своей пользы лишь мѣръ справедливыхъ, не нарушающихъ общихъ государственныхъ интересовъ, не претендующихъ на жертвы всего государства“; но этой оговоркѣ едва ли соотвѣтствуетъ содержаніе доклада. Указавъ на то, что по-
Л. П.

въ южныхъ благословенныхъ губерніяхъ, не даютъ, въ десятилѣтней сложности, болѣе 3% годовыхъ и не могутъ, поэтому, выдержать 4¹/₂% платежей дворянскому банку, г. Струковъ выражаетъ желаніе, чтобы, вмѣсто публичныхъ торговъ и продажъ, иногда за безцѣнокъ, дворянскихъ имѣній, принята была система временной секвестраціи родовыхъ имѣній неисправныхъ заемщиковъ, т.-е. отобраніе ихъ въ „особыя управленія задолженныхъ дворянскихъ имуществъ“. Управленія эти онъ предлагаетъ образовывать, при участіи сословныхъ представителей, въ каждой губерніи, гдѣ есть отдѣленіе дворянскаго банка, и передачу имъ задолженныхъ имѣній сдѣлать не факультативною, а обязательною для банка. Г. Струковъ надѣется, что успѣшно поставленное завѣдываніе задолженными имѣніями откроетъ возможность предоставленія ихъ собственникамъ кое-какихъ „безобидныхъ льготъ“, напр. въ видѣ предоставленія имъ права жить въ усадьбѣ¹⁾, или въ видѣ небольшихъ выдачъ на воспитаніе дѣтей... Въ этомъ проектѣ сразу бросается въ глаза одна крупная несообразность. Если недостаточность дохода, сравнительно съ лежащими на имѣніи платежами—не случайность, не послѣдствіе небрежности или расточительности, а неизбѣжный результатъ общихъ условий, тяготящихся надъ помѣщичьимъ хозяйствомъ, то на чемъ же основано предположеніе, что съ этими условіями побѣдоносно справится „особое управленіе задолженныхъ дворянскихъ имуществъ“? Не ясно ли, что у самого хозяина, если онъ только не совсѣмъ сложилъ руки, гораздо больше шансовъ поправить положеніе имѣнія, чѣмъ у казеннаго учрежденія, на попеченіи котораго окажется цѣлая масса имѣній, и которое будетъ распоряжаться ими черезъ посредство агентовъ или приказчиковъ? Ко всѣмъ прежнимъ расходамъ по имѣнію прибавится, такимъ образомъ, вознагражденіе за трудъ, который прежде, во многихъ случаяхъ, несъ самъ хозяинъ имѣнія. Понятно, что недоимки, накопившіяся на имѣніи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ будутъ не уменьшаться, а увеличиваться, а вмѣстѣ съ ними будутъ расти убытки дворянскаго банка. Между тѣмъ, платить проценты по своимъ вкладнымъ листамъ и погашать ихъ въ установленные сроки банкъ, по прежнему, будетъ обязанъ—и нужны на то средства по неволѣ придется заимствовать изъ общихъ государственныхъ доходовъ, въ явное нарушеніе „общихъ государственныхъ интересовъ“... Замѣтимъ, вдо-

¹⁾ Около полугода тому назадъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ появилось извѣстіе, будто бы новый управляющій дворянскимъ банкомъ предполагаетъ исключать изъ публичной продажи заложенныхъ и просроченныхъ имѣній усадьбы, съ выдѣленіемъ ихъ въ неприкосновенные семейные участки. Это извѣстіе было, вслѣдъ затѣмъ, опровергнуто, но оно свидѣтельствуетъ о томъ, что мысль объ особыхъ льготахъ для дворянскихъ усадебъ уже давно находится въ обращеніи.

бавокъ, что если заключеніе г. Струкова о невозможности извлекать изъ помѣщичьихъ имѣній, въ среднемъ, больше 3% годовыхъ, основано „на долгомъ опытѣ“, то зачѣмъ же помѣщики шли на встрѣчу вѣрной опасности, занимая деньги по 4¹/₂% или даже (до льготъ, предоставленныхъ заемщикамъ дворянскаго банка въ 1889 и 1894 г.) за процентъ гораздо высшій? Одно изъ двухъ: или они не видѣли очевиднаго, не ожидали неизбежнаго — или они заранѣе рассчитывали на снисходительность правительства. Въ первомъ случаѣ, въ неблагопріятномъ свѣтѣ является ихъ хозяйственная умѣлость, во второмъ—ихъ гражданское чувство. Какъ бы то ни было, безъ „жертвъ всего государства“ осуществленіе проекта г. Струкова совершенно немислимо—и слѣдовательно заключеніе его несогласно съ предпосылкой, ограничившей область дворянскихъ пожеланій „мѣрами справедливыми“, т.-е. не благодѣтельствующими одной части населенія въ ущербъ другимъ. Несправедливой *обязательная* отдача задолженныхъ имѣній въ *особое управленіе* была бы не только по отношенію къ массѣ народа; она нарушила бы даже интересы исправныхъ заемщиковъ дворянскаго банка, направивъ прибыли банка не на общее облегченіе платежей, а на покрытіе расходовъ, связанныхъ съ существованіемъ „особыхъ управленій“.

Что новыя льготы заемщикамъ дворянскаго банка невозможны безъ новыхъ и тяжелыхъ жертвъ со стороны государства — этого не отрицаютъ тѣ неофициальные оберегатели дворянскихъ интересовъ, которымъ ничто не мѣшаетъ договориться до конца, назвать вещи ихъ настоящими именами. Съ этой точки зрѣнія любопытна записка одного полтавскаго дворянина, ходившая по рукамъ во время послѣдняго полтавскаго дворянскаго собранія. Авторъ записки ставитъ точку надъ і, прямо предлагая понизить платежи заемщиковъ дворянскаго банка до 2 (*двухъ!*) процентовъ годовыхъ (включая и погашеніе), подѣ единственнымъ условіемъ обращенія имѣнія въ дворянскій недѣлимый участокъ, могущій быть проданнымъ въ цѣломъ составѣ только дворянину“. Ежегодную приплату въ семь милліоновъ рублей, которая вслѣдствіе этого потребуетъ отъ казны, авторъ записки признаетъ ничтожной, въ сравненіи съ ежегодными расходами, добровольно производимыми дворянствомъ на общую пользу. Что же это за расходы? Во-первыхъ, траты, которыя несутъ по своей должности предводители дворянства (въ запискѣ онѣ опредѣляются для полтавской губерніи приблизительно въ 100 тыс. руб. ежегодно: по 6 тыс. на cadaго уѣзднаго предводителя и 10 т. на губернскаго); во-вторыхъ, содержаніе дворянствомъ всего комплекта офицеровъ гвардіи; въ-третьихъ, расходы по представительству въ высокочественныхъ случаяхъ. Quand on prend du galop,

on n'en saurait trop prendre; составителю записки слѣдовало бы присоединить къ перечисленнымъ имъ расходамъ всю ту долю житейскаго бюджета дворянскихъ семействъ, которая идетъ на устройство ихъ быта согласно дворянскимъ традиціямъ—на наемъ прислуги и экипажей, на обѣды, балы и приемы, на обученіе дѣтей иностраннымъ языкамъ, однимъ словомъ, на все то, что по-нѣмецки означается непереводимымъ выраженіемъ *standesmäßig*. При такомъ разсчетѣ—и при полномъ игнорированіи всего сдѣланнаго и дѣлаемаго государствомъ для дворянства,—можно, пожалуй, доказать, что русский народъ состоитъ въ неоплатномъ долгу передъ дворянствомъ...

Исходной точкой призванныхъ и непризванныхъ ходатаевъ за дворянское землевладѣніе служитъ фактическая ошибка. Они утверждаютъ, что число дворянъ-землевладѣльцевъ продолжаетъ уменьшаться чуть не съ каждымъ днемъ и что въ скоромъ времени, если не будутъ приняты рѣшительныя мѣры, отъ помѣстнаго дворянства останутся одни воспоминанія. Совсѣмъ иначе смотрятъ на дѣло болѣе благоразумные сторонники дворянства. Одинъ изъ нихъ (г. Араповъ), опровергая (въ „Новомъ Времени“, № 7146) мнѣніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о матеріальномъ и духовномъ оскуднѣніи дворянства, называетъ помѣщиковъ, потерявшихъ свои имѣнія въ первыя десятилѣтія послѣ освобожденія крестьянъ, „неустойчивыми элементами землевладѣнія“, т.-е. признаетъ, что имъ и при другихъ условіяхъ трудно было бы сохранить землю, съ которою у нихъ не было внутренней связи. Въ настоящее время, по мнѣнію г. Арапова, „начинается періодъ равновѣсія; эволюцію перемѣщенія земельной собственности можно считать почти законченной, и только ничтожный процентъ вполне разоренныхъ имѣній и владѣльцевъ будетъ всегда увеличивать предложеніе земли и вліять на ея обезцѣненіе. Общая задолженность дворянъ—до 30% всей ихъ собственности; не болѣе 5 или 6% безнадежныхъ владѣтелей земли, которымъ грозитъ разореніе, подъ вліяніемъ бѣдственнаго кризиса и чрезмѣрно высокихъ банковскихъ оцѣнокъ“. Итакъ, по удостовѣренію безпристрастнаго свидѣтеля, для воплей о гибели дворянства нѣтъ никакого основанія; масса землевладѣльцевъ-дворянъ вовсе не находится въ опасности, и казнѣ незначѣмъ спѣшить къ нимъ на выручку, нагромождая Оссу на Пеліонъ, т.-е. еще болѣе увеличивая льготы, давно уже доведенныя до крайнихъ предѣловъ.

Жертвъ со стороны государства наиболѣе прямолинейные защитники дворянскихъ интересовъ ожидаютъ не только въ области дворянско-землевладѣльческаго кредита. Новгородскому дворянскому собранію сессіи 1896 г. былъ представленъ докладъ губернскаго предводителя дворянства, кн. Васильчикова, о необходимости правитель-

ственного содѣйствія образованію и воспитанію дворянскихъ дѣтей. Съ этою цѣлью рекомендуется устройство для нихъ сѣти закрытыхъ или снабженныхъ интернатами учебныхъ заведеній, съ возможно удешевленной платой за содержаніе и ученіе. Курсъ наукъ въ этихъ заведеніяхъ долженъ быть раздѣленъ на два періода: общеобразовательный и спеціальный, съ преобладаніемъ въ послѣднемъ наукъ сельско-хозяйственныхъ и юридическихъ. Оба періода должны обнимать собою не болѣе девяти лѣтъ (вмѣсто нынѣшнихъ двѣнадцати лѣтъ гимназіи и университета), а окончившимъ полный курсъ должны быть предоставлены всѣ права высшихъ учебныхъ заведеній. „Несомнѣнно,—сказано въ докладѣ,—что созданіе и поддержаніе подобныхъ учебныхъ заведеній, при незначительности взимаемой платы за обученіе, не обойдется безъ нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны государственнаго казначейства; но подобныя затраты столь же необходимы и могутъ вызывать столь же мало возраженій, какъ и всѣ тѣ, которыя производятся, въ быстро возрастающемъ размѣрѣ, на нужды образованія другой группы сельскихъ обывателей—крестьянъ“. Итакъ, для дворянскихъ дѣтей проектируется особое, скоропалительное, упрощенное образованіе, уравниваемое, однако, съ образованіемъ нормальнымъ и принимаемое, въ болѣе части своей стоимости, на счетъ государства... Авторъ проекта запоздалъ болѣе чѣмъ на полъ-столѣтія; его мысль могла бы имѣть нѣкоторое значеніе только тогда, когда единственнымъ или почти единственнымъ разсадникомъ образованныхъ людей служило дворянство, а число такихъ людей было столь незначительно, что приходилось довольствоваться и невысокимъ уровнемъ образованія. Ссылка на крестьянъ крайне неудачна, какъ въ виду незначительности средствъ, которыми обладаетъ народная масса, и значительности лежащаго на ней податнаго бремени, такъ и потому, что въ одномъ случаѣ рѣчь идетъ о среднемъ и высшемъ образованіи, а въ другомъ—о начальномъ обученіи, т.-е. объ умственномъ насущномъ хлѣбѣ. Изъ того, что государство кормить въ неурожайные годы голодающихъ крестьянъ, никто еще не выводилъ заключенія, что оно должно принять на себя издержки по улучшенію пищи или одежды небогатыхъ дворянъ... И теперь уже множество дворянскихъ дѣтей воспитывается на казенный счетъ въ гимназіяхъ, кадетскихъ корпусахъ, военныхъ училищахъ и разныхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ; требовать отъ государства дальнѣйшихъ жертвъ въ этомъ направленіи—значитъ забывать старинное изреченіе: *est modus in rebus*.. Замѣтимъ, мимоходомъ, что эгоистическое желаніе новыхъ благъ часто идетъ параллельно съ стремленіемъ къ ограниченію сферы пользованія ими: въ другомъ докладѣ новгородскаго губернскаго предво-

дителя предлагается возбудить ходатайство о томъ, чтобы дворянское званіе не приобрѣталось болѣе чинами или орденами (кромя ордена св. Георгія), а было даруемо исключительно путемъ Высочайшаго пожалованія, между прочимъ—по ходатайству дворянскихъ собраній.

Исторія дворянскихъ собраній за послѣднія пятнадцать лѣтъ, т.-е. за все продолженіе эпохи, особенно благоприятной для всего дворянскаго, показываетъ несомнѣнно, что дворянство, какъ *корпорация*, выдвигало на первый планъ исключительно свои собственные сословные интересы. Представителями этихъ только интересовъ являются, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и предводители дворянства, въ особенности губернскіе. Отдѣльно спрошенные или выслушанные въ общемъ ихъ собраніи, они могутъ указать, съ большею или меньшею авторитетностью, чего желаетъ, въ чемъ нуждается дворянство (повторяемъ—какъ *корпорация*); но можно ли отъ нихъ ожидать раскрытія истинныхъ желаній и потребностей народа?..

Со страницъ нашей періодической печати не сходять, съ нѣкоторыхъ поръ, догадки о томъ, будутъ ли произведены какія-либо перемѣны въ положеніи о земскихъ начальникахъ, а въ связи съ этимъ и вопросъ о результатахъ, достигнутыхъ шестилѣтнею дѣятельностью новыхъ судебно-административныхъ учреждений. Съ торжествомъ подчеркивая и обобщая похвальный отзывъ о земскихъ начальникахъ, данный рязанскимъ губернаторомъ при открытіи послѣдняго рязанскаго дворянскаго собранія, „Московскія Вѣдомости“ восклицаютъ: „ведѣ упорядочивается крестьянское сословное управленіе, ведѣ если не искоренены, то во всякомъ случаѣ уменьшены растраты и пропизваніе мірскихъ денегъ; ведѣ волостной судъ сталъ неузнаваемъ, ведѣ восстанавливаются продовольственные запасы и ведѣ улучшается матеріальное благосостояніе населенія, по крайней мѣрѣ настолько, насколько перечисленные мѣры могутъ оказать на него свое вліяніе“. Въ другихъ статьяхъ та же газета доказываетъ жизненность института земскихъ начальниковъ постояннымъ расширеніемъ и усложненіемъ его функций, а недостатки его приписываетъ отчасти „тенденціозному предубѣжденію“, воспитанному либеральною печатью, отчасти противодѣйствію должностныхъ лицъ судебного вѣдомства. Посмотримъ, насколько всѣ эти положенія оправдываются фактами.

Начнемъ съ „неузнаваемости волостного суда“. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Недѣли“, въ корреспонденціи изъ Елизавет-

града (Херсонской губ.), напечатано краткое сообщеніе о волостномъ старшинѣ Харченко, котораго ненавидѣли подвластные ему крестьяне (села Большой Виски), но поддерживалъ мѣстный земскій начальникъ, г. Малаевъ¹⁾, при чемъ противъ особенно упорныхъ „протестантовъ“ были пущены въ ходъ и *порочи*—„тѣ самые порочи, за отиѣну которыхъ г. Малаевъ, въ качествѣ уѣзднаго и губернскаго гласнаго, вотиrowалъ въ двухъ земскихъ собраніяхъ“. Когда Харченко, наконецъ, оставилъ должность старшины, его мѣсто занялъ крестьянинъ, раньше находившійся въ числѣ општрафованныхъ за „бунтъ“ противъ старшины и избѣжавшій порки лишь вслѣдствіе правъ, приобрѣтенныхъ имъ на военной службѣ. Изъ корреспонденціи „Недѣля“ не видно, за что и при какихъ условіяхъ крестьяне села Большой Виски были приговорены къ тѣлесному наказанію. Намъ доставлены свѣденія, позволяющія пополнить этотъ пробѣлъ. Срокъ службы волостнаго старшины Харченко истекалъ 1-го января 1895 г. Крестьяне, удрученные его деспотическими распоряженіями, желали приступить къ новымъ выборамъ, но это было имъ запрещено земскимъ начальникомъ, на основаніи постановленія уѣзднаго сѣзда, по которому производство крестьянскихъ выборовъ во всемъ уѣздѣ было приурочено къ ноябрю и декабрю 1895 г.²⁾ На сходѣ, созванномъ въ мартѣ мѣсяцѣ для учета должностныхъ лицъ, крестьяне вновь просили земскаго начальника о разрѣшеніи приступить къ выборамъ, при чемъ ими былъ допущенъ „шумъ и безпорядокъ“. Противъ нѣсколькихъ десятковъ изъ числа крестьянъ, присутствовавшихъ на сходѣ, земскимъ начальникомъ было возбуждено уголовное дѣло въ волостномъ судѣ, по ст. 38 уст. о наказ., налаг. миров. суд., предусматривающей нарушеніе общественной тишины. Волостной судъ, допросивъ свидѣтелей, призналъ, что къ обвиненію подсудимыхъ нѣтъ никакихъ данныхъ, но оправданіе ихъ противорѣчило бы личному приказанію, полученному волостными судьями отъ земскаго начальника. Исполняя это приказаніе, волостной судъ приговорилъ четырнадцать изъ числа обвиняемыхъ къ наказанію розгами, по 20 ударовъ, а остальныхъ шестьдесятъ-девять—къ пятнадцатидневному аресту на хлѣбѣ и водѣ. По жалобѣ крестьянъ дѣло перешло въ уѣздный сѣздъ, гдѣ слушалось въ очередь. Допрошены были только три свидѣтеля, выставленные обвинителемъ (въ томъ числѣ самъ Харченко и письмоводитель земскаго начальника); свидѣтели, при-

¹⁾ Это сообщеніе вызвало опроверженіе со стороны г. Малаева („Недѣля“ № 10), но оно касается такихъ обстоятельствъ, о которыхъ въ нашемъ изложеніи вовсе нѣтъ рѣчи.

²⁾ Для насъ непонятно, какимъ образомъ уѣздный сѣздъ, прямо вопреки закону, могъ удлиннить срокъ службы выборныхъ должностныхъ лицъ.

веденные обвиняемыми, не были допущены къ датѣ показаній. Уѣздный съѣздъ, по большинству голосовъ, утвердилъ приговоръ волостного суда относительно тѣлеснаго наказанія 14 крестьянъ, а присужденныхъ къ аресту, за исключеніемъ трехъ, оправдалъ. Жалоба, принесенная губернскому присутствію, оставлена безъ послѣдствій, и приговоръ приведенъ въ исполненіе, т.-е. четырнадцать домохозяевъ перестали быть полноправными гражданами... Если въ этомъ разсказѣ что-нибудь несогласно съ дѣйствительностью, наша невольная ошибка будетъ, конечно, исправлена путемъ официального опроверженія. Мы были бы очень рады удостовѣриться, что приговоръ волостного суда, утвержденный уѣзднымъ съѣздомъ и губернскимъ присутствіемъ, не былъ столь явно противозаконнымъ, какимъ онъ представляется въ сообщенной намъ редакціи. Въ самомъ дѣлѣ, судебный приговоръ, заслуживающій этого названія, долженъ быть, прежде всего, продуктомъ убѣжденія и воли самихъ судей, а не посторонняго лица. Между соображеніями и резолюціею не можетъ и не должно быть прямого противорѣчія; если судъ признаетъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ къ обвиненію подсудимыхъ, то единственнымъ логическимъ выводомъ отсюда представляется ихъ оправданіе. Обвинительный приговоръ, мотивированный исключительно приказаніемъ начальства—вовсе не приговоръ, а бумага, лишенная всякой юридической силы; высшей инстанціи не остается ничего иного, какъ передать дѣло, для новаго разсмотрѣнія, въ другой судъ... Допустимъ, однако, что въ приговорѣ волостного суда не было ни прямого указанія на приказъ земскаго начальника, ни прямого отрицанія вины подсудимыхъ. Этимъ, разумѣется, нисколько не исключалась бы возможность или даже вѣроятность давленія, подъ гнетомъ котораго дѣйствовали волостные судьи. При прежнихъ порядкахъ волостные суды, безъ сомнѣнія, оставляли желать весьма многого, и по своему составу, и по своему способу дѣйствій, и по своему отношенію къ властямъ. Независимыми они были лишь до тѣхъ поръ, пока никакая „властная рука“ не считала нужнымъ „воздѣйствовать“ на ихъ рѣшеніе. Но такое „воздѣйствіе“ на практикѣ встрѣчалось рѣдко; оно не было возведено въ систему и ограничивалось, болѣею частью, случаями взыскаія государственныхъ сборовъ. Несправедливые приговоры, за немногими исключеніями, ложились всецѣло на отвѣтственность волостныхъ судовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ и едва связанныхъ съ общимъ строемъ государственныхъ учреждений. Такое положеніе вещей было ненормально, отягчительно для народа, но оно не заключало въ себѣ внутренняго противорѣчія; волостной судъ былъ тѣмъ, чѣмъ казался—т.-е. стихійной расправой, грубой и болѣе или менѣе случайной. Необходимо

было ограничить его произволь, поставивъ надъ нимъ правильно организованную апелляціонную инстанцію—но столь же необходимо было сохранить за нимъ самостоятельность дѣйствій, безъ которой судъ является судомъ только по имени. Только при соблюденіи этого условія волостной судъ могъ сдѣлаться *неузнаваемымъ*, т.-е. занять мѣсто въ нашей судебной іерархіи, какъ органъ правосудія, какъ охранитель права и правды. Волостные судьи, *фактически* избираемые по указаніямъ земскаго начальника, *юридически* подчиненные его дискретіонной карательной власти, отличаются отъ прежнихъ волостныхъ судей, сопровождавшихъ исправника въ его экзекуціонныхъ поѣздкахъ по уѣзду, исключительно тѣмъ, что чаще рѣшаютъ дѣла по „внушенію“ свыше. Приговоры въ родѣ того, который былъ постановленъ волостнымъ судомъ по дѣлу крестьянъ с. Большой Виски, были бы немислимы, еслибы мѣстныя судебныя и административныя учрежденія коренныхъ русскихъ губерній были организованы хотя бы на тѣхъ основаніяхъ, какія приняты для прибалтійскаго края ¹⁾. Волостные судьи, отвѣтственные только передъ судомъ, никогда не рѣшились бы осудить своихъ односельцевъ, виновныхъ развѣ въ нѣсколько болѣе громкомъ выраженіи общаго мнѣнія и общихъ желаній—да еще приговорить ихъ, вдобавокъ, къ позорному наказанію, совершенно несоотвѣтствующему ихъ „винѣ“. Еслибы, впрочемъ, подобный приговоръ и оказался возможнымъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ бы оставленъ въ силѣ апелляціонной инстанціей, организованной по образцу остзейскаго „верхняго крестьянскаго суда“.

Перейдемъ теперь къ „упорядоченію крестьянскаго сословнаго управленія“. Весьма яркой иллюстраціей къ этому тезису можетъ служить постановленіе бессарабскаго губернскаго присутствія, состоявшееся недавно по жалобамъ на земскаго начальника 2-го участка оргѣвскаго уѣзда. Одна изъ этихъ жалобъ была принесена Маріей В., которая, прибывъ въ с. Пересѣчины, въ домъ молодого человѣка (сына предсѣдателя мѣстнаго волостного суда), общавшаго на ней жениться, была избита его родственниками, а потомъ, по письменному приказу земскаго начальника на имя пересѣчинскаго сельскаго старосты, водворена на мѣсто ея жительства, въ с. Милешты, т.-е. препровождена туда съ наряженными старостою конвойными, несмотря на ея увѣренія, что она сама вернется домой. По объясненію земскаго начальника, онъ распорядился водвореніемъ В. на основаніи ст. 39 полож. 12 іюля 1889 г., такъ какъ усмотрѣлъ въ ея поведеніи безнравственный поступокъ. Губернское присутствіе признало распоряженіе земскаго начальника выходящимъ за предѣлы предо-

¹⁾ См. Внутр. Обзорѣніе въ № 9 „Вѣстн. Европы“ 1889 г. и № 12 1891 г.

ставленной ему власти, но объяснило его ошибкой, происшедшей отъ неточнаго пониманія закона, и ограничилось указаніемъ земскому начальнику на допущенное имъ неправильное дѣйствіе. Въ другой жалобѣ шла рѣчь о томъ, что упомянутый уже выше предсѣдатель пересѣчинскаго волостнаго суда, Анавій Бусуекъ, не даетъ отчета въ суммѣ, полученной имъ отъ арендаторовъ питейныхъ заведеній въ с. Пересѣчинѣ. Земскій начальникъ объяснилъ, что часть этой суммы обращена Бусуекомъ, какъ приходорасходчикомъ школьныхъ денегъ, на устройство при школѣ бібліотеки, а другая предназначена на вознагражденіе второго учителя, пригласить котораго нужно въ виду многочисленности учащихся. Губернское присутствіе нашло, что распредѣлять, при участіи Бусуека, общественныя деньги безъ вѣдома общества земскій начальникъ былъ не въ правѣ, и поручило ему немедленно передать вопросъ о ихъ распредѣленіи на обсужденіе сельскаго схода. Нѣсколько жалобъ, наконецъ, было направлено противъ пересѣчинскаго сельскаго писаря, за которымъ губернское присутствіе уже раньше поручило земскому начальнику имѣть постоянный надзоръ, съ тѣмъ, чтобы при малѣйшемъ неблаговидномъ поступкѣ онъ былъ удаленъ отъ должности. На этотъ разъ, въ виду свѣденій о безупречной дѣятельности пересѣчинскаго писаря по его прежней службѣ — свѣденій, не опровергаемыхъ и самимъ земскимъ начальникомъ, — губернское присутствіе нашло, что этотъ писарь, въ интересахъ дѣла и мѣстнаго населенія, не можетъ быть долѣе терпимъ на службѣ, и предложило земскому начальнику немедленно его уволить. Итакъ, вотъ образчикъ упорядоченія крестьянскаго управления: сельскому старостѣ дается приказъ прямо противозаконный, распоряженіе общественнымъ имуществомъ предоставляется, помимо общества, какому-то „приходорасходчику школьныхъ денегъ“ (что это за должность?), и на мѣстѣ сельскаго писаря терпится человекъ, за которымъ губернское присутствіе не считаетъ возможнымъ сохранить эту должность безъ вреда для населенія!. Особенно характерично, во всей этой исторіи, объясненіе земскаго начальника по вопросу о „водвореніи“ дѣвицы В. Статья 39-ая Положенія 12 іюля 1889 г. возлагаетъ на земскаго начальника попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ, по предметамъ вѣдомства сельскихъ и волостныхъ судовъ, указаннымъ въ нѣсколькихъ статьяхъ общаго положенія о крестьянахъ. Уже одна справка съ этими статьями показываетъ съ полною ясностью, что законъ имѣетъ въ виду исключительно мѣры *общаго свойства*, а не распоряженія, направленные противъ отдѣльнаго лица. Слово: *попеченіе* — столь же ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ мѣрахъ, принимаемыхъ земскимъ начальникомъ за силою ст. 39, не должно

быть ничего принудительнаго, насильственнаго. Почему, наконецъ, безнравственнымъ представляется приходъ дѣвушки въ домъ молодого человѣка, увлекшаго ее общаніемъ женитьбы, а не оскорбительный приемъ, встрѣченный ею со стороны родственниковъ ея жениха? Съ которыхъ поръ назначеніе власти состоитъ не въ поддержкѣ слабого противъ сильныхъ, а въ содѣйствіи сильнымъ, желающимъ отдѣлаться отъ слабого? Да и вообще, существуютъ ли такія условія, при которыхъ можно было бы оправдать или хотя бы только извинить „высылку“ и „водвореніе“, черезъ посредство „конвойныхъ“, человѣка ни въ чемъ неповиннаго и ни въ чемъ не обвиняемаго? Говорить объ „ошибкѣ въ пониманіи закона“ здѣсь едва ли возможно, тѣмъ болѣе, что земскій начальникъ не былъ новичкомъ, не успѣвшимъ еще ознакомиться съ своими правами и обязанностями: онъ служилъ въ этой должности уже цѣлыхъ три года. Приказъ о „водвореніи“ В. несомнѣнно соединяетъ въ себѣ всѣ признаки ничѣмъ не оправдываемаго превышенія власти.

Земскіе начальники, говорятъ намъ дальше, способствуютъ „улучшенію матеріальнаго благосостоянія населенія“. Въ подтвержденіе этого тезиса—во всякомъ случаѣ преждевременнаго, потому что упадокъ благосостоянія происходитъ быстро, но поднимается оно медленно,—защитники новыхъ порядковъ могутъ сослаться, между прочимъ, на уменьшеніе питейныхъ заведеній; достигаемое, кое-гдѣ, энергичными земскими начальниками. Насколько такое уменьшеніе благотворно, когда оно зависитъ отъ собственной инициативы населенія или отъ общихъ правительственныхъ мѣропріятій, настолько цѣнность его сомнительна, когда оно является послѣдствіемъ случайныхъ, единичныхъ вѣлѣній усерднаго чиновника. Намъ пишутъ, на примѣръ, что одинъ изъ земскихъ начальниковъ ефремовскаго уѣзда (тульской губерніи) уничтожилъ въ своемъ участкѣ (4-мъ) всѣ кабаки, послѣдствіемъ чего является съ одной стороны страшное размноженіе тайныхъ шинковъ, сплошь и рядомъ ведущее къ систематическому лжесвидѣтельству (по дѣламъ о незаконной продажѣ вина), съ другой стороны — массовыя путешествія за водкой въ сосѣдніе участки... Къ нежелательнымъ послѣдствіямъ избытокъ усердія земскихъ начальниковъ приводитъ, по сознанію самихъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 16), и въ области строительства. Въ вятской губерніи, на примѣръ, усиленно перестраиваются зданія волостныхъ правленій (въ одномъ вятскомъ уѣздѣ—болѣе 10), ремонтируются старыя и строятся новыя хлѣбозапасныя магазины, воздвигаются караульныя избы, „усыпальницы“ и т. п. — и все это дѣлается по „настоянію“ земскихъ начальниковъ, далеко не всегда сообразующихся со средствами населенія и съ степенью необходимости новыхъ сооруженій,

Какъ иногда устраиваются земскими начальниками благотворительныя учрежденія — объ этомъ можно судить по исторіи пріюта въ с. Вадахъ, арзамасскаго уѣзда (нижегородской губ.), разсказанной въ нашемъ январскомъ внутреннемъ обозрѣніи. Благодѣтельствовать крестьянамъ вопреки ихъ волѣ, путемъ приказанія и принужденія — система, вообще, до крайности опасная. Объ этомъ свидѣтельствуется, между прочимъ, корреспонденція изъ с. Краснаго Яра, камышинскаго уѣзда (саратовской губ.), напечатанная въ № 10 „Недѣли“. Мѣстнымъ земскимъ начальникомъ была устроена здѣсь общественная торговля виномъ, продолжавшаяся, противъ желанія крестьянъ, цѣлыхъ три года. Въ концѣ прошлаго года крестьяне, прослышавъ, что волостной старшина снова хочетъ добывать патентъ, составили приговоръ о прекращеніи торговли и послали о томъ телеграмму въ акцизное управленіе, которое отказало старшинѣ въ выдать патента. Въ распоряженіяхъ крестьянъ о закрытіи помѣщенія, гдѣ производилась торговля, и о перенесеніи въ другое мѣсто оставшагося тамъ вина волостной старшина усмотрѣлъ признаки „бунта“; пріѣхали власти, и хотя никто изъ крестьянъ арестованъ не былъ, но все село было взято подъ строгій надзоръ полиціи, которая слѣдитъ за тѣмъ, чтобы крестьяне не собирались вмѣстѣ по нѣскольку человекъ и не имѣли возможности обсуждать свои общественныя дѣла. Причина, по которой крестьяне не хотятъ общественной виноторговли, заключается въ неизвѣстности, сколько она приноситъ дохода и куда шли выручаемыя деньги. Учетъ виноторговли, по словамъ корреспондента „Недѣли“, былъ произведенъ за все время ея существованія только одинъ разъ, потому что земскій начальникъ неоднократно отказывалъ въ утвержденіи учетчиковъ, избранныхъ сходомъ. „Изъ доходовъ съ виноторговли общество желало уплачивать подати, но желаніе его не исполнялось. Теперь на Красномъ Яру около 80.000 р. недоимокъ, и это крестьяне прямо приписываютъ тому, что всѣ общественныя доходы тратятся начальствомъ очень неразсчетливо. За все время существованія общественной виноторговли въ уплату податей изъ доходовъ съ нея положено только по 1 рублю на душу. Очевидно, что при такихъ условіяхъ сдать право торговли виномъ купцу для крестьянъ несравненно выгоднѣе. Совершенное отстраненіе крестьянъ отъ распоряженія своимъ имуществомъ привело къ тому, что въ Красномъ Яру теперь идутъ толки о переселеніи въ Сибирь, хотя земли у крестьянъ, по ихъ словамъ, вполне достаточно“. Что же, и въ этомъ случаѣ опека надъ крестьянами привела къ увеличенію ихъ благосостоянія?..

Не всегда, наконецъ, имѣется въ виду опекунами хотя бы цѣль, оправдывающая средства. Припомнимъ недавно оглашенный

въ газетахъ фактъ недопущенія земскими начальниками кишиневскаго уѣзда облавы на волковъ, устроенной, по просьбѣ разоряемыхъ волками крестьянъ, мѣстной уѣздною управой. Еще болѣе характеристична исторія мельницы въ с. Николаевѣ, бузудукскаго уѣзда (самарской губ.), подробно изложенная въ „Самарской Газетѣ“ (1895 г. №№ 241 и 242) и въ „Недѣль“ (№ 51). Земскій начальникъ такъ усердно охранялъ здѣсь интересы крестьянъ, отстраняя неблагонадежныхъ, будто бы, арендаторовъ и не позволяя внести въ банкъ страховую сумму за сгорѣвшую мельницу, что въ концѣ концовъ крестьянамъ предстояло получать, по заключенному безъ ихъ вѣдома долгосрочному контракту, 700 рублей въ годъ, вмѣсто 2 — 2½ тысячи! Компаньономъ счастливаго арендатора оказался... отецъ земскаго начальника. Первые свѣденія о невыгодной для крестьянъ сдѣлкѣ появились въ „Самарской Газетѣ“ еще въ апрѣлѣ 1895 г.; земскій начальникъ напечаталъ въ той же газетѣ опроверженіе, поддержанное хвалебной статьей какого-то добровольца — и положеніе дѣла измѣнилось только въ концѣ года, послѣ подачи крестьянами жалобы прокурору и приступа къ предварительному слѣдствію: земскій начальникъ устраненъ губ. присутствіемъ отъ должности и сдѣлано представленіе о преданіи его суду. Весьма можетъ быть, что поводомъ къ вмѣшательству губернской власти, во всякомъ случаѣ нѣсколько запоздалому, послужило слишкомъ уже явное злоупотребленіе властью, выразившееся въ приобщеніи отца земскаго начальника къ выгодамъ аренднаго контракта. Между тѣмъ главная опасность заключается не въ такихъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ, а въ произволѣ опекуновъ, ограждающихъ интересы опекаемыхъ не столько противъ третьихъ лицъ, сколько противъ самихъ опекаемыхъ. Опекаемые, разъ что они совершеннолѣтніе, сплошь и рядомъ лучше опекуна понимаютъ свои интересы и больше, чѣмъ опекунъ, дорожатъ ими. Контроль и опека — понятія, въ теоріи, существенно различныя; но на практикѣ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена наша деревня, они постоянно смѣшиваются одно съ другимъ или, лучше сказать, контроль вырождается въ опеку, къ большой невыгодѣ для крестьянъ.

Приведенные нами примѣры доказываютъ съ достаточною ясностью, что не все обстоитъ благополучно въ области новыхъ судебно-административныхъ порядковъ. Конечно, злоупотребленія властью встрѣчаются вездѣ и не могутъ, сами по себѣ, служить основаніемъ для отѣнки учрежденія; весь вопросъ въ томъ, имѣютъ ли они случайный или неслучайный характеръ, легко ли раскрыть ихъ, легко ли добиться пресѣченія ихъ и предупрежденія ¹⁾. Едва ли нужно объ-

¹⁾ Специально къ вопросу о „пресѣченіи“ относится слѣдующій фактъ, приводимый „Недѣлей“ (№ 51): земскій начальникъ верхнеуральскаго уѣзда Левшинъ, из-

яснать, какъ разрѣшается этотъ вопросъ въ данномъ случаѣ: факты сами говорятъ за себя. Ни въ одномъ изъ разсказанныхъ нами дѣлъ не играло ни малѣйшей роли „противодѣйствіе“ должностныхъ лицъ судебного вѣдомства; напротивъ того, еслибы судебнымъ членамъ елизаветградскаго уѣзднаго сѣзда удалось склонить на свою сторону большинство голосовъ, лѣтопись судебно-административныхъ ошибокъ не обогатилась бы массовой экзекуціей въ с. Большой Вискѣ. Или, быть можетъ, вся бѣда въ томъ, что трудно было найти хорошихъ кандидатовъ на должность земскихъ начальниковъ, въ виду „Аннибаловой клятвы“ университетской молодежи, рѣшившей, въ концѣ восьмидесятихъ годовъ, ни въ какомъ случаѣ не принимать на себя эту должность? Мы не шутимъ: о существованіи такого рѣшенія сообщаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, а „Московскія Вѣдомости“, основываясь на этомъ сообщеніи, прямо утверждаютъ, что „тенденціозное предубѣжденіе противъ новаго института отклонило часть пригодныхъ молодыхъ людей отъ самой близкой къ народу и едва ли не самой важной для него службы по мѣстному управленію“. Къ какимъ натяжкамъ, однако, должны прибѣгать софисты реакціонной прессы, чтобы объяснить чувствуемую ими самими неудовлетворительность личнаго состава земскихъ начальниковъ! При отсутствіи солидарности между студентами нашихъ университетовъ, общеніе въ родѣ вышеупомянутаго могло быть дано только немногими, единичными лицами, изъ числа которыхъ далеко не всѣ, притомъ, могли попасть въ земскіе начальники уже по своему возрасту: въ моментъ введенія въ дѣйствіе Положеній 12-го іюля 1889 г. многимъ студентамъ конца восьмидесятихъ годовъ не исполнилось еще двадцати пять лѣтъ, да и вообще назначеніе въ земскіе начальники почти непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ курса допускалось развѣ въ видѣ исключенія...

До крайности слабымъ представляется, наконецъ, послѣдній аргументъ, приводимый реакціонною печатью въ подтвержденіе успѣшной дѣятельности судебно-административныхъ учреждений—ссылка на непрерывное расширеніе ихъ функцій. Это расширеніе является логическимъ выводомъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые привели къ преобразованію 1889 г.—но отнюдь не доказательствомъ ихъ правильности. Понятно, что съ признаніемъ крестьянъ какъ бы несовершеннолѣтними все больше и больше увеличивается число случаевъ, въ которыхъ постановленія сельскихъ обществъ признаются дѣйствительными лишь подъ условіемъ утвержденія ихъ земскими начальниками—но выво-

бывшій сотскаго (см. Внутр. Обзоръ въ № 10 „Вѣсти Европы“ за 1895 г.), продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ: онъ разбилъ купцу Николаеву замкомъ щеку (за то, что Николаевъ замедлил, будто бы, ему поклониться).

дить отсюда цѣлесообразность самой опеки—значить впадать въ ту логическую ошибку, которую англичане называютъ *begging the question*..

Расширенію функцій земскаго начальника способствовало и другое руководящее начало правительственныхъ мѣропріятій, ознаменовавшихъ конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ — недовѣріе къ земству. Это особенно ясно видно изъ проекта продовольственнаго устава, составленнаго до послѣдней перемены въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: земскія учрежденія предполагалось совершенно устранить отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ, съ передачей его всецѣло земскимъ начальникамъ ¹⁾. Въ настоящее время, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, министерство внутреннихъ дѣлъ не намѣрено идти по этой дорогѣ; продовольственный уставъ пересматривается вновь, въ смыслѣ благопріятномъ для земства. Само собою разумѣется, что этимъ очень недовольны „Московскія Вѣдомости“ и К^о.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, въ „Новомъ Времени“ (№ 7176) было сообщено, что въ одномъ изъ отдѣловъ комиссіи, пересматривающей постановленія по судебной части, возникалъ вопросъ о возможности коллизіи между преобразованной мѣстной юстиціей и институтомъ земскихъ начальниковъ, но былъ немедленно устраненъ категорическимъ заявленіемъ министра юстиціи, какъ касающійся предметовъ вѣдомства другого министерства. Точность этого сообщенія представляется намъ весьма сомнительною. Въ рѣчи, принесенной при открытіи комиссіи, министр юстиціи прямо отнесъ къ числу ея задачъ *сочлосованіе и объединеніе* „всѣхъ многообразныхъ институтовъ мѣстной юстиціи“, въ томъ числѣ и „судебной части судебныхно-административныхъ учреждений по закону 12-го іюля 1889 г.“. Въ той же рѣчи былъ поставленъ вопросъ объ отношеніяхъ мѣстной юстиціи къ судебной власти, предоставленной мѣстнымъ административнымъ учрежденіямъ, и къ суду волостному или ему соответствующимъ. Мало вѣроятнымъ, по той же причинѣ, кажется намъ и позд-

¹⁾ Кстати объ участіи земскихъ начальниковъ въ продовольственномъ дѣлѣ. Читатели нашего журнала не забыли, быть можетъ, что практическія неудобства такого участія наглядно были выяснены въ докладѣ особой комиссіи нижегородскаго губ. земства, относившемся къ голодному 1891-92 г. (см. Внутр. Обзоръ въ № 6 „Вѣсти Европы“ за 1895 г.). Теперь мы узнаемъ изъ „Недѣли“ (№ 5), что этотъ докладъ (печатаніе котораго не было, въ свое время, разрѣшено губернаторомъ) рассмотрѣнъ послѣднимъ нижегородскимъ губ. земскимъ собраніемъ, постановившимъ представить его высшему правительству, но постановленіе собранія опротестовано губернаторомъ. Нужно надѣяться, что цѣль протеста, какова бы ни была его формальная судьба, достигнута не будетъ, и что докладъ не будетъ упущенъ изъ виду при окончательномъ пересмотрѣ продовольственнаго устава.

нѣйшее, боже подробное сообщеніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 68), хотя въ немъ и говорится о *достоверности* сообщаемыхъ свѣденій. „На комиссію, образованную Высочайшимъ повелѣніемъ 7-го апрѣля 1894 г.,—читаемъ мы въ этомъ сообщеніи,—„возложена задача пересмотра дѣйствующихъ законоположеній по *судебной* (курсивъ въ подлинникѣ) части; согласно точному смыслу этого повелѣнія, комиссія призвана для обсужденія вопросовъ, касающихся устройства и дѣятельности *собственно судебныхъ* учреждений, т.-е. установленій, входящихъ въ составъ вѣдомства министерства юстиціи“. Это совершенно невѣрно: именно изъ того, что комиссія учреждена для пересмотра *законоположеній по судебной части*, слѣдуетъ заключить, что она должна разработать всѣ вопросы, касающіеся *судебныхъ функций*, кому бы эти функціи ни принадлежали—иначе ей былъ бы предоставленъ только пересмотръ *судебныхъ уставовъ*. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что правила 29-го декабря 1889 г. о производствѣ судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей суть *законоположенія по судебной части*? Такими же законоположеніями являются, очевидно, и тѣ статьи законовъ 12-го іюля 1889 г., которыя опредѣляютъ судебную власть волостныхъ судовъ, земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ сѣздовъ и губернскихъ присутствій. „Вопросъ объ объемѣ судебной власти земскихъ начальниковъ,—утверждаютъ „Спб. Вѣдомости“,—составляетъ лишь часть общаго вопроса объ устройствѣ мѣстнаго управленія и не можетъ быть разсматриваемъ внѣ связи съ этимъ послѣднимъ“. Судебная власть, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, никогда не можетъ быть функціей *управленія*. Соединенная съ властью административной, она все-таки сохраняетъ характеръ судебный и не можетъ быть игнорируема при общемъ пересмотрѣ узаконеній, относящихся къ *судебной части*, въ особенности если этотъ пересмотръ направленъ, между прочимъ, къ „объединенію многообразныхъ институтовъ мѣстной юстиціи“. Для достиженія этой цѣли недостаточно небольшихъ перемѣнъ въ составѣ уѣздныхъ сѣздовъ и губернскихъ присутствій—перемѣнъ, дальше которыхъ, по мнѣнію „Спб. Вѣдомостей“, не должна идти комиссія. Будутъ ли засѣдать въ уѣздныхъ сѣздахъ уѣздные члены окружного суда или вновь проектируемые участковые судьи, будетъ ли сохранено за представителемъ судебного вѣдомства предсѣдательство въ уѣздномъ сѣздѣ, въ случаѣ отсутствія уѣзднаго предводителя, будетъ ли усиленъ судебный элементъ въ судебныхъ засѣданіяхъ губернскаго присутствія—это все вопросы третъестепенные, и еслибы рѣчь шла только о нихъ, то не стоило бы и называть задачи комиссіи громкимъ именемъ пересмотра „законоположеній по судебной части“.

Какъ тѣсно переустройство „мѣстной юстиціи“ связано съ судебными функціями земскихъ начальниковъ, это видно, между прочимъ, и изъ указанной нами статьи „Спб. Вѣдомостей“. Авторъ ея polemизируетъ съ прямолинейными сторонниками судебно-административныхъ учреждений, возражающими противъ параллельнаго существованія въ уѣздѣ земскихъ начальниковъ и участковыхъ судей; онъ доказываетъ, что судебная (т.-е. чисто судебная) власть въ уѣздѣ должна быть, въ видахъ приближенія ея къ народу, распредѣлена между нѣсколькими участковыми судьями, а не сосредоточена въ рукахъ одного уѣзднаго судьи или уѣзднаго суда. Что такое сосредоточеніе было бы весьма неудобно — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но столь же очевидны и неудобства совмѣстной дѣятельности, внутри уѣзда, нѣсколькихъ участковыхъ судей и нѣсколькихъ земскихъ начальниковъ, разъ что послѣдніе сохраняютъ свои судебныя функціи. Въ самомъ дѣлѣ, пова за чертой уѣзднаго города нѣтъ другихъ представителей судебной власти, кромѣ земскихъ начальниковъ¹⁾, до тѣхъ поръ возможно предполагать, что такой порядокъ вещей вызванъ необходимостью, т.-е. невозможностью найти, для русской деревни, достаточное число компетентныхъ администраторовъ и такое же число компетентныхъ судей²⁾. Предположеніе это падаеть, какъ только въ уѣздѣ являются вновь, подѣ тѣмъ или другимъ именемъ, участковые судьи. Судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ сельскимъ участковымъ судьямъ — даже при томъ расширеніи ихъ круга дѣйствій, о которомъ идетъ рѣчь въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ — вовсе не такъ много, чтобы къ нимъ не могли быть присоединены и сравнительно-малочисленныя судебныя дѣла, подсудныя земскимъ начальникамъ. Если изъ числа дѣлъ совершенно однородныхъ и различающихся между собою только цѣною иска, одни будутъ предоставлены участковому судѣ, другія — живущему съ нимъ рядомъ земскому начальнику, то слишкомъ рельефно выступитъ наружу политическій, тенденціозный характеръ судебной власти земскихъ начальниковъ; слишкомъ ясно станетъ для всѣхъ, что они облечены ею не въ видахъ общедоступности суда, а съ посторонними цѣлями, мало имѣющими общаго съ правосудіемъ. Откроется возможность параллелей, очевидно невыгодныхъ для зем-

¹⁾ Мы не говоримъ о судебныхъ слѣдователяхъ, въ виду спеціального характера ихъ обязанности, ни въ чемъ не соприкасающихся съ функціями земскихъ начальниковъ. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ только два слѣдователя, они оба, притомъ, живутъ иногда въ уѣздномъ городѣ.

²⁾ Известно, что именно эта невозможность послужила ближайшимъ поводомъ къ уничтоженію, въ 1889 г., мировыхъ судей, которыхъ сначала предполагалось оставить рядомъ съ земскими начальниками.

скаго начальника; на каждомъ шагѣ будетъ возникать вопросъ, почему такъ различенъ приемъ, встрѣчаемый тажущимися и обвиняемыми (изъ среды крестьянъ) у двухъ должностныхъ лицъ, поставленныхъ, повидиному, въ одинаковыя условія. Совершенно непонятнымъ сдѣлается, наконецъ, подчиненіе волостного суда не участковому судѣ, а земскому начальнику; болѣе чѣмъ когда-нибудь будетъ напрашиваться на мысль вопросъ, почему бы не объединить волостную и общую юстицію, хотя бы путемъ учрежденія чего-то въ родѣ остзейскаго верхняго крестьянскаго суда, подъ предсѣдательствомъ участковаго судьи ¹⁾). Несравненно естественнѣе было бы такое соединеніе функций, чѣмъ возложеніе на участковаго судью обязанностей судебного слѣдователя... Схема, защищаемая „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, соединяетъ въ себѣ всѣ неудобства положенія между двумя стульями; она не можетъ удовлетворить ни ревнивыхъ оберегателей *statu quo* ²⁾, ни приверженцевъ судебной реформы, достойной этого имени, т.-е. обнимающей собою всю „гражданскую“ (въ противоположность военной и духовной) судебную часть въ имперіи. Какъ бы ни были удачны частныя поправки въ судебныхъ уставахъ, онѣ не приведутъ къ „укрѣпленію истинной законности и справедливости“, къ водворенію „дѣйствительнаго правосудія“ (выраженія г. министра юстиціи въ рѣчи, произнесенной при открытіи комиссіи), если для громадной массы населенія, въ простѣйшихъ, ежедневныхъ дѣлахъ ея, останется закрытымъ доступъ къ правильно организованному суду.

Вопросу о правѣ земскихъ собраній возбуждать ходатайства по предмету отгнѣны тѣлесныхъ наказаній суждено было остаться спорнымъ до самаго конца сессіи 1895-96 гг. Въ пермскомъ очередномъ собраніи, происходившемъ въ декабрѣ 1895 г., большое впечатлѣніе произвелъ эпизодъ съ ходатайствомъ пермскаго съѣзда врачей, касавшимся именно отгнѣны тѣлесныхъ наказаній и переданнымъ въ губернскую управу, для представленія земскому собранію. Губернская управа не доложила объ этомъ собранію—и дѣло осталось бы подъ спудомъ, еслибы двое гласныхъ (въ томъ числѣ одинъ изъ членовъ губ. управы, В. В. Ковалевскій, несогласный съ образомъ дѣйствій своихъ коллегъ), не завели въ собраніи рѣчь

¹⁾ Нормальная, съ нашей точки зрѣнія, схема устройства „мѣстной юстиціи“ намѣчена нами, въ главныхъ чертахъ, въ Внутр. Обзорѣніи № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1894 г.

²⁾ Въ только-что полученномъ нами № 72 „Московскихъ Вѣдомостей“ мысль объ учрежденіи въ уѣздѣ нѣсколькихъ участковыхъ судей признается, какъ и слѣдовало ожидать, непрактичною и неудачною.

о пропавшемъ ходатайствѣ. Послѣ преній, которыя къмъ-то изъ гласныхъ весьма правильно были названы „не особенно пріятными“, собраніе, большинствомъ 16 голосовъ противъ 15, признало, что управа не имѣла основаній не докладывать собранію о ходатайствѣ съѣзда врачей. Удивляться можно только тому, что такое бесспорное положеніе возбудило столько возраженій и принято большинствомъ лишь одного голоса. Управа, въ случаяхъ, подобныхъ настоящему—только посредница между собраніемъ и учрежденіями или лицами, обращающимися къ нему съ тѣми или другими просьбами или заявленіями. Она можетъ и должна высказать свое мнѣніе по существу этихъ просьбъ и заявленій, но ничего не должна скрывать отъ собранія. Не ея дѣло—судить о возможности обсуждения данного вопроса: это относится къ обязанностямъ предсѣдателя собранія, распоряженія котораго могутъ быть обжалованы сенату. Все это элементарно до очевидности — но путаница понятій, вызванная переменной отношеній между губернской администраціей и земскими управами, такъ велика, что несомнѣнное становится сомнительнымъ, и исполненіе прямой обязанности смѣшивается съ превышеніемъ власти... Въ виду постановленія собранія,—читаемъ мы въ пермской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“—„управѣ оставалось одно: доложить ходатайство съѣзда врачей ближайшему экстренному собранію, о чемъ она и сообщила начальнику губерніи (вслѣдствіе его официальнаго о томъ запроса). Начальникъ губерніи обратился за разъясненіями къ министру внутреннихъ дѣлъ. При открытіи экстреннаго губернскаго земскаго собранія, состоявшемся 28-го февраля, предсѣдатель собранія сообщилъ, что вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, снимается съ очереди. Членъ управы В. В. Ковалевскій произнесъ по этому поводу рѣчь, въ которой, опираясь на положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и цѣлый рядъ сенатскихъ разъясненій, предложилъ обжаловать это распоряженіе сенату. Предсѣдатель собранія воспрепятствовалъ дальнѣйшему обсужденію вопроса, поднятаго г. Ковалевскимъ, указавъ на то, что экстренныя собранія могутъ разсматривать только вопросы, включенные въ программу ихъ занятій. Г. Ковалевскій заявилъ, что онъ оставляетъ за собою право возбудить этотъ вопросъ на ближайшемъ очередномъ собраніи“.

До какой степени непрочно въ настоящее время права общественныхъ собраній, объ этомъ свидѣтельствуетъ съ большою ясностью инцидентъ, происшедшій недавно въ томской городской думѣ. Ей предстояло избрать двухъ представителей отъ города для участія въ предстоящемъ торжествѣ. Выборъ ея палъ на Г. и Б., изъ которыхъ первый получилъ 26, второй—24 голоса; третій кандидатъ, К., получилъ 22

избирательныхъ голоса, а слѣдующіе два, Гд. и М., были забаллотированы 21 и 25 голосами. Томскій губернаторъ утвердилъ только одного К., а въ утвержденіи Г. и Б. отказалъ, не потому—какъ имъ объяснено думѣ,—чтобы онъ имѣлъ что-либо противъ этихъ гласныхъ, а потому, что у представителей города должно быть, въ данномъ случаѣ, больше заслугъ передъ городскимъ обществомъ. Такихъ болѣе заслуженныхъ лицъ губернаторъ назвалъ *шесть*, въ томъ числѣ М. и Гд., забаллотированныхъ думой; въ числу заслугъ Гд. было отнесено желаніе его пожертвовать 15 тыс. руб. въ пользу слѣпыхъ и 15 тыс. руб. для расходовъ, по соглашенію съ губернаторомъ, на нужды городского населенія. Необходимо замѣтить, что изъ числа неутвержденныхъ губернаторомъ лицъ Г. получилъ, при выборахъ въ думѣ, наибольшее число избирательныхъ голосовъ и замѣняетъ, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, городского голову, какъ предсѣдателя думы, а Б. въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ состоитъ гласнымъ и занимаетъ разныя должности по городскому общественному управленію... Въ засѣданіи думы, 16 января, нѣкоторые гласные утверждали, что вновь баллотировать Гд., однажды не избраннаго думой, нельзя, но, по настоянію другихъ гласныхъ, его спросили, по телефону, желаетъ ли онъ баллотироваться; онъ отвѣтилъ, что не желаетъ, но единогласное избраніе, безъ баллотировки, приметъ (!). На это, однако, дума не согласилась и выбрала другого изъ указанныхъ губернаторомъ кандидатовъ, прежде не баллотировавшагося. Облекая администрацію правомъ не утверждать въ должности или званіи избранныхъ городскою думою или земскимъ собраніемъ лицъ, законъ имѣлъ въ виду только обезпечить за администраціей возможность устранять отъ общественной службы всѣхъ признаваемыхъ для нея, съ административной точки зрѣнія, неблагонадежными или нежелательными. Какъ только нѣтъ на лицо этого условія, какъ только администрація *ничего не имѣетъ* противъ избраннаго, т.-е. признаетъ его благонадежнымъ и подходящимъ, она не въ правѣ отказать въ его утвержденіи; она не въ правѣ входить въ обсужденіе вопроса, нѣтъ ли другихъ кандидатовъ болѣе способныхъ и достойныхъ, не въ правѣ предлагать думѣ или земскому собранію переимѣнить сдѣланный ими выборъ только потому, что онъ могъ бы быть, по субъективному мнѣнію администратора, болѣе удачнымъ. Еще менѣе, конечно, можетъ быть рѣчь о предложеніи къ избранію лицъ, прямо отвергнутыхъ собраніемъ или думой... Сомнительна, въ нашихъ глазахъ, и основательность мотивовъ, побудившихъ губернатора выйти за предѣлы своихъ полномочій. Онъ находитъ, что количество заслугъ передъ обществомъ измѣряется суммой пожертвованій или вообще услугъ матеріальныхъ, между тѣмъ

какъ дума, совершенно правильно, выше всего цѣнить общественную *дѣятельность* и вызванное ею общественное довѣріе. Удобно ли, наконецъ, приурочивать награду (какою въ данномъ случаѣ, и по мнѣнію думы, и по мнѣнію губернатора, представлялось самое избраніе) не къ прошедшимъ, а къ будущимъ заслугамъ, т.-е. къ *желанію* или *обѣщанію* сдѣлать пожертвованіе?... Еслибы взгляды, выразившіеся въ неутвержденіи Г. и Б., получили господство въ административныхъ сферахъ, городское и земское самоуправленіе, безъ того уже до крайности стѣсненное, окончательно обратилось бы въ мертвую букву.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1896 г.

Пораженіе итальянскихъ войскъ при Адуѣ.—Высшая политика и ея результаты въ Италіи.—Криспи и Эритрея.—Новое министерство Рудини.—Внѣшнія предпріятія Англіи.—Экспедиція въ Довголу и ея международное значеніе.

Фантастическая политика Криспи, увлекшая Италію на путь непосильныхъ военныхъ расходовъ и предпріятій, получила наконецъ достойное возмездіе: итальянское войско, предназначенное для расправы съ непокорною Абиссинією, потерпѣло жестокое пораженіе при Адовѣ (или Адуѣ), 1-го марта (нов. ст.), и все зданіе Эритреи, воздвигнутое съ такими огромными жертвами, грозило рухнуть безславно подъ ударами туземныхъ побѣдителей. Негусъ Менеликъ и его ближайшіе помощники обнаружили однако великодушіе, или медлительность, послѣ побѣды; они не спѣшили воспользоваться результатами своего блестящаго успѣха, не преслѣдовали разбитыхъ непріятельскихъ силъ и не довершили ихъ полного разгрома вторженіемъ въ итальянскія владѣнія; они позволили побѣжденнымъ придти въ себя и даже согласились вступить съ ними въ переговоры о мирѣ на возможныхъ для Италіи основаніяхъ. Само собою разумѣется, что итальянскіе солдаты и офицеры сражались съ мужествомъ отчаянія, и что они отступили только предъ подавляющимъ перевѣсомъ числа; большею частью они даже просто погибли, и очень немногимъ привелось участвовать въ томъ безпорядочномъ отступленіи, о которомъ сообщали газеты.

На этотъ разъ ничѣмъ нельзя было прикрасить печальную дѣйствительность. Битва была несомнѣнно рѣшительная; она была начата генераломъ Баратьери по всѣмъ правиламъ военнаго искусства: армія, численностью въ восемнадцать тысячъ человекъ, выступила тремя колоннами, подъ начальствомъ трехъ генераловъ; лѣвое крыло, которымъ руководилъ генераль Альбертоне, встрѣтилось съ цѣлымъ шоанскимъ войскомъ и не выдержало его натиска; выдвинутый на помощь изъ центра отрядъ генерала Аримонди подвергся той же участи; бригада генерала Дабормида прорвалась черезъ непріятельскія линіи и увѣрена была въ своей побѣдѣ, но вскорѣ была окружена и почти вся истреблена, вмѣстѣ съ своимъ командиромъ; шоанцы, численность которыхъ доходила до восьмидесяти или даже до ста тысячъ человекъ, сломали центръ и окружили оба крыла итальян-

ской арміи, и послѣ упорнаго сопротивленія оставшіеся въ живыхъ итальянцы обратились въ бѣгство или сдались въ плѣнъ, бросивъ свои орудія на произволъ судьбы. Планъ битвы былъ, вѣроятно, очень хорошъ, какъ засвидѣтельствовалъ и прибывшій въ Массову преемникъ Баратьери въ должности главнокомандующаго, генералъ Бальдиссера; но условія мѣстности помѣшали исполнить задуманныя военныя комбинаціи. Итальянцы вынуждены были подвигаться впередъ узкою растянutoю линією, рядомъ или въ перемежку съ своими мулами, нагруженными провіантомъ и оружіемъ; отдѣльные отряды были разрознены, и никто не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о положеніи и силахъ непріятеля. Генералъ Баратьери довольствовался, какъ говорятъ, разказами случайныхъ перебѣжчиковъ и не произвелъ ни одной основательной рекогносцировки; онъ не имѣлъ лазутчиковъ и руководствовался больше догадками и слухами, чѣмъ положительными фактами. Планъ атаки составленъ былъ, такъ сказать, наугадъ, въ неопредѣленной надеждѣ на то, что въ концѣ концовъ можно будетъ справиться съ некультурными полчищами какихъ-нибудь шоанцевъ или абиссинцевъ. Самое рѣшеніе принято было генераломъ Баратьери неожиданно для его офицеровъ и для арміи; за нѣсколько дней до того онъ телеграфировалъ въ Римъ, что позиція шоанцевъ при Адуѣ непреступна, и что онъ считаетъ нужнымъ сосредоточиться и выжидать; сдѣланы были приготовления къ отступленію, и часть провіанта была уже отправлена по направленію къ Ади-Кале, но со стороны непріятеля обнаружена была рѣшимость занять нѣкоторые пункты, чтобы задержать или обойти итальянцевъ, и отступленіе могло легко превратиться въ пораженіе. Притомъ недостатокъ въ провіантѣ и въ средствахъ сообщенія давалъ себя чувствовать все сильнѣе; отряды, составленные изъ туземцевъ, не скрывали своего неудовольствія и нетерпѣнія; офицеры и сами генералы давно уже были лишены необходимаго и должны были кое-какъ обходиться безъ запасовъ бѣлья и платья и безъ хорошей пищи. Изъ Рима также получались непріятныя вѣсти: тамъ были недовольны дѣйствіями Баратьери; Криспи постоянно напоминалъ ему, что отъ него ждутъ болѣе энергическихъ и дѣлсообразныхъ мѣръ для успѣшнаго окончанія кампаніи. Въ то же время Баратьери получилъ извѣстіе о назначеніи на его мѣсто генерала Бальдиссеры и о скоромъ пріѣздѣ его въ Массову. Правительство не сообщило Баратьери объ этой перемѣнѣ, вопреки обычаю, чтобы не задѣть его самолюбіе раньше времени и предоставить самому преемнику его объясниться съ нимъ о причинахъ его отставки, какъ догадывались полуоффиціозные публицисты; но вѣрнѣе было бы предположить, что Криспи не желалъ связывать свободы дѣйствій Баратьери своимъ сообще-

ніемъ, такъ какъ генераль не могъ бы уже предпринять ничего рѣшительнаго послѣ оффиціальнаго увѣдомленія о послѣдовавшей перемѣнѣ. Король Гумбертъ и Криспи были высокаго мнѣнія о талантахъ Баратьери и возлагали на него большія надежды при отправленіи его въ Эритрею; министръ-президентъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Баратьери успѣлъ еще оправдать эти надежды какимъ-нибудь блестящимъ военнымъ дѣломъ, до прибытія его преемника. Всѣ эти разнородные мотивы побудили генерала внезапно измѣнить свои первоначальныя намѣренія и рѣшиться на послѣднюю отчаянную попытку напасть на непріятельскія войска въ ихъ крѣпкой позиціи при Адуѣ. Отряды, готовившіеся къ отступленію, должны были вдругъ собраться съ силами и броситься на враговъ; несчастные солдаты и офицеры исполнили это предписаніе по чувству долга, и мѣстность около Аду и Абба-Каримы покрылась горами итальянскихъ труповъ, безъ всякой пользы для Италіи, безъ всякаго смысла и цѣли.

Патріотизмъ Криспи и его единомышленниковъ требовалъ, чтобы гдѣ-нибудь въ Африкѣ, вдали отъ родины, погибали тысячи итальянскихъ патріотовъ, ради поддержанія внѣшней репутаціи Италіи, какъ необыкновенно богатой и могущественной державы. Надо было показать всему свѣту, что и Италія, несмотря на бѣдность своего населенія, обладаетъ все-таки избыткомъ національныхъ силъ и средствъ, которыхъ негдѣ примѣнить въ отечествѣ, и что она также имѣетъ лишніе батальоны и лишніе десятки милліоновъ денегъ для употребленія въ отдаленныхъ, никому не нужныхъ краяхъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ Англія или Франція. Германская имперія, достигнувъ первенства въ центральной Европѣ, завела у себя колониальную политику и стала понемногу устраивать свои небольшія колониальныя владѣнія въ Африкѣ. Правители Италіи не могли и не хотѣли отстать отъ Бисмарка; они также должны были заняться колониальными предпріятіями, и Англія поощряла ихъ въ этомъ намѣреніи, чтобы сдѣлать непріятность французамъ. Англичане и французы имѣли уже свои стоянки у береговъ Краснаго моря; къ сѣверу отъ французской прибрежной полосы оставалось много вакантнаго мѣста, которое въ будущемъ могли бы занять французы, что было бы весьма неудобно для англичанъ, въ виду близкаго сосѣдства этой территоріи съ южнымъ Египтомъ; поэтому итальянцамъ было дружески предложено водвориться въ Массовѣ и ея окрестностяхъ. Криспи не ограничился Массовой, а пошелъ дальше; онъ привыкъ все дѣлать *en grand* и не жалѣлъ государственныхъ средствъ, когда замѣшаны интересы политическаго „престижа“. Такъ какъ въ Европѣ Италія не имѣла случая поддерживать славу своего могущества военными

подвигами, то для патриотовъ, вдохновляемыхъ Криспи, представлялось чрезвычайно заманчивымъ имѣть въ своемъ распоряженіи особую область, гдѣ можно постоянно и безнаказанно воевать съ сосѣдями, расширять свои владѣнія, заставлять говорить о себѣ въ газетахъ всего міра и свободно тратить недостающіе на родинѣ милліоны. Казаться богатою до расточительности и могущественною до избытка, вѣтъ предѣловъ государства,—таковъ идеаль, созданный для Италіи ея ложными друзьями. На берегахъ Краснаго моря, въ сосѣдствѣ съ Абиссиніею, основана Эритрейская колонія, которая должна была со временемъ сдѣлаться новою итальянскою имперіею и занять значительную часть восточной Африки; она призвана была поглотить во всякомъ случаѣ Абиссинію, и первый серьезный шагъ въ этомъ направленіи можно было видѣть въ провозглашеніи протектората Италіи надъ этою странюю, на основаніи довѣкаго дипломатическаго толкованія одной неясной статьи мирнаго договора, заключеннаго съ негусомъ. Негусъ протестовалъ противъ умышленнаго измѣненія этой статьи при переводѣ ея съ туземнаго языка на итальянскій, и странный пріемъ римской дипломатіи не могъ, конечно, возвысить ея авторитетъ въ глазахъ Европы. Мысль о протекторатѣ не была, однако, оставлена, и до послѣдняго времени абиссинцы рассматривались какъ непослушные вассалы, которыхъ рано или поздно надо будетъ подчинить Эритреѣ. Ежегодно ассигновались на колонію многіе десятки милліоновъ; содержаніе войскъ, укрѣпленіе занятыхъ пунктовъ, частыя военныя дѣйствія и приготовленія, отправка все новыхъ батальоновъ въ дополненіе къ прежнимъ или на смѣну имъ,—все это требовало колоссальныхъ суммъ, необходимость которыхъ настойчиво доказывалась министрами предъ парламентомъ. Какъ это обыкновенно бываетъ, на дѣло ненужное и разорительное щедро назначались сотни милліоновъ въ то время, какъ насущныя потребности страны оставались неудовлетворенными, и самые эти милліоны приходилось извлекать изъ народа, доведеннаго почти до нищенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ Эритреи, съ каждымъ годомъ возрастали общіе расходы по вѣдомству военному и морскому, такъ какъ принадлежность Италіи къ тройственному союзу обязывала ее не отставать отъ Германіи въ дѣлѣ увеличенія арміи и флота и обезпеченія постоянной боевой готовности. Политика Криспи наложила на недавно еще только объединенную и неокрѣпшую Италію такое тяжелое бремя, которое едва выносятъ на себѣ старѣйшія военныя державы материка, Франція и Пруссія. Рѣшимость соперничать съ этими государствами въ ежегодныхъ затратахъ и усиліяхъ, не имѣя ихъ доходовъ и финансовыхъ ресурсовъ, привела къ полному экономическому разстройству страны; оппозиція указывала на разореніе и упа-

докъ обширныхъ отраслей народнаго труда, на распространеніе страшной бѣдности и нищеты, на отсутствіе работы для нуждающихся и на тяжесть налоговъ для трудящихся; но Криспи и его единомышленники оставались непоколебимыми въ своей вѣрѣ въ великую политическую важность Эритрея. Волненія голодныхъ обывателей въ Сициліи и въ другихъ частяхъ королевства, уличные безпорядки въ Римѣ, громкія заявленія о помощи рабочимъ, лишеннымъ занятій, не въ силахъ были отклонить Криспи и его партію отъ упорнаго слѣдованія разорительной „высшей политикѣ“, связанной съ интересами Берлина и съ судьбою эритрейской колоніи. Границы Эритрея раздвигались, и для защиты ихъ надо было строить и вооружать новые форты; а при неизбежномъ раздробленіи силъ нужно было увеличивать общій составъ войскъ; итальянцы утвердились въ Кассалѣ, на далекомъ разстояніи отъ Массовы, заняли нѣкоторыя мѣстности въ области Тигре, подвластной абиссинцамъ, и оставили гарнизонъ въ Макале, въ чертѣ номинальныхъ владѣній негуса. Отношенія съ Абиссинією и съ ея вождями постепенно обострялись; военные предводители шоанцевъ, занимающихъ территорію къ югу отъ Абиссиніи, жаждали болѣе энергичной развязки и едва были сдерживаемы въ своемъ нетерпѣніи кунтаторомъ Менеликомъ. Въ послѣднее время положеніе итальянцевъ въ передовыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ становилось опаснымъ; гарнизонъ Макале долженъ былъ сдать окружившимъ его шоанцамъ; та же участь грозитъ гарнизону Адиграта, а теперь, послѣ битвы при Адуѣ, предстоитъ очищеніе Кассалы, къ которой подошли уже полчища махдистовъ. Такъ разваливается великая Эритрея, отъ которой останется вѣроятно только Массова съ окрестностями. Мечта объ обширныхъ колониальныхъ завоеваніяхъ въ Африкѣ разбита наглядно и реально истребленіемъ мѣстныхъ итальянскихъ войскъ, въ рѣшительномъ сраженіи 1 марта.

Печать, солидарная съ Криспи, приписываетъ неудачу разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ,—ошибкамъ Баратьери, недостаточности его силъ сравнительно съ непріятельскими, отсутствію вѣрныхъ свѣденій о расположеніи и численности шоанцевъ, недостатку единства въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ отрядовъ и т. д. Если бы предупредить или устранить эти обстоятельства и прибавить еще нѣкоторое количество итальянскихъ батальоновъ, то дѣло получило бы иной оборотъ и могло бы окончиться полнымъ торжествомъ Италіи. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно упускаютъ изъ виду одну существенную причину, дающую всегда перевѣсъ туземцамъ передъ иноземными пришельцами: люди, защищающіе свою родину и своихъ близкихъ отъ иностраннаго нашествія, дѣйствуютъ совер-

шенно иначе, чѣмъ солдаты, не знающіе сами, ради чего ихъ послали драться,—а нравственное настроеніе, чувство правоты, даетъ войску ту внутреннюю силу, для которой не существуетъ преграда. Сколько бы ни посылали солдатъ изъ Рима въ Эритрею, невозможно было бы все-таки послать вмѣстѣ съ ними то настроеніе, которое ведетъ къ побѣдѣ; туземцы всегда будутъ чувствовать себя дома, всегда будутъ свободно обновлять свои силы, всегда будутъ сознавать на собою право и необходимость энергической обороны, тогда какъ пришельцы должны внутренне считать себя неправыми и имѣютъ видъ разбойниковъ, вторгшихся въ чужое жилище, — они должны дѣйствовать ощущею, среди чуждыхъ имъ мѣстныхъ условій, при глухой или явной враждѣ окружающаго населенія, ожидая на каждомъ шагѣ встрѣтить ловушку. Превосходство вооруженія и военной дрессировки утратило значеніе съ тѣхъ поръ, какъ усовершенствованное оружіе сдѣлалось доступнымъ самымъ дикимъ народамъ міра; всѣ снабжены и снабжаются теперь отличными ружьями, которыя въ рукахъ зулусовъ и кафровъ дѣйствуютъ не хуже, чѣмъ въ рукахъ англичанъ, а природная воинственность, разумѣется, гораздо болѣе свойственна, напр., шоанцамъ и абиссинцамъ, чѣмъ итальянцамъ. Криспи могъ бы отправить хоть сто тысячъ войска въ Эритрею, и все-таки эта армія не была бы достаточною гарантіею прочности итальянскаго владычества въ колоніи, ибо вооруженныхъ туземцевъ легко набралось бы полтораста тысячъ, ихъ составъ постоянно обновлялся бы на мѣстѣ безъ всякихъ затрудненій, а долго поддерживать стотысячную армію на одномъ и томъ же уровнѣ при помощи періодическихъ подкрѣпленій изъ далекихъ странъ—просто физически невозможно. Положеніе завоевателей крайне незавидно, когда ихъ окружаетъ сплошная масса непріязненнаго населенія, привыкшаго пользоваться огнестрѣльнымъ оружіемъ;—таково именно положеніе итальянцевъ въ Эритреѣ.

Зачѣмъ нужна была Италіи эта прибрежная область у Краснаго моря? Страдаетъ ли Италія избыткомъ жителей, стремящихся быть колонизаторами чужихъ земель,—подобно Германіи? Но итальянскихъ поселенцевъ было слишкомъ мало въ Массовѣ и ея окрестностяхъ, а попытка устроить въ одномъ мѣстѣ земледѣльческое поселеніе изъ итальянскихъ выходцевъ обходилась казнію около двухсотъ тысячъ франковъ въ годъ, т.-е. несравненно больше, чѣмъ доставляетъ поселянамъ доходъ съ земли въ цѣломъ десятиѣ итальянскихъ сель. Изъ этого поселенія, устроеннаго по проекту путешественника Франкетти, всѣ обыватели съ удовольствіемъ бѣжали въ Массову при началѣ войны, радуясь освобожденію отъ тягостныхъ условій жизни, благодаря политическимъ замѣшательствамъ. Въ самой Италіи многія

селенія бѣдствуютъ, а съ нихъ взыскиваютъ подати, чтобы создать искусственное эфемерное село гдѣ-то въ Африкѣ, при чемъ на это одно село тратится въ десять или двадцать разъ больше, чѣмъ нужно было бы для обезпеченія быта народнаго изъ нуждающихся семей въ Италіи. И это называютъ политикою! Или, быть можетъ, итальянцамъ нужны колоніи для доставленія сбыта чрезмѣрнымъ массамъ продуктовъ и товаровъ, для которыхъ нѣтъ соответственнаго рынка въ Европѣ, — какъ это случается въ Англіи? Но внѣшняя торговля Италіи не вызываетъ потребности въ исканіи новыхъ рынковъ, и итальянская торговля въ Эритреѣ совершенно ничтожна, такъ что коммерческія соображенія, очевидно, не играютъ тутъ никакой роли. Итальянцы сбывали значительную часть своихъ продуктовъ французамъ и чрезвычайно дорожили торговыми сношеніями съ Франціею, и однако Криспи не задумался разстроить эти отношенія ради своей высшей политики, требовавшей почему-то таможенной войны съ богатыми сѣверо-западными сосѣдями. Значить, экономическіе интересы вообще не оказывали руководящаго вліянія на бывшаго министра-президента. Усиливалось ли по крайней мѣрѣ военное могущество Италіи, благодаря Эритреѣ? Напротивъ, всякій понимаетъ, что оно ослаблялось и подрывалось періодическими отсылками войскъ въ Африку и чрезмѣрными военными расходами на это предпріятіе. Ничѣмъ необъяснимое тщеславіе поверхностныхъ государственныхъ людей толкало Италію на путь подражанія англичанамъ и германцамъ въ дѣлѣ учрежденія новыхъ отдаленныхъ колоній, и на этомъ пагубномъ пути до конца шествовалъ Криспи, съ достойнымъ лучшимъ дѣломъ уорствомъ.

Первымъ результатомъ пораженія при Адуѣ была отставка Криспи, олицетворявшаго собою предпріимчивую колониальную политику вообще и завоеваніе Эритреи въ частности. Итальянскій народъ долженъ былъ чувствовать себя облегченнымъ, при окончательномъ паденіи этого злого духа современной Италіи. Ни одинъ правдивый и честный голосъ не поднялся въ пользу Криспи, и даже его бывшіе сотрудники прискивали только смягчающія обстоятельства для уменьшенія его отвѣтственности за политику, приведшую къ катастрофѣ и запутавшую до крайности внѣшнее и внутреннее положеніе королевства. Новое министерство, съ маркизомъ Рудини во главѣ, было встрѣчено сочувственно общественнымъ мнѣніемъ; но оно унаслѣдовало отъ предшественниковъ весьма тягостныя обязательства, отъ которыхъ трудно было уклониться. Еще Криспи уполномочилъ генерала Вальдисеру вступить съ абиссинцами въ переговоры о мирѣ, предоставивъ ему очистить Кассалу и Адигратъ, — и это рѣшеніе могло быть только подтверждено маркизомъ Рудини. Такъ

какъ совершенно отказаться отъ Эритреи невозможно для итальянскаго правительства, то нужно позаботиться объ ея военной безопасности, а для этого прежде всего требуются новыя громадныя затраты. Новый министр-президентъ долженъ былъ въ своей министерской деклараціи, прочитанной въ палатѣ 17-го марта, предъявить требованіе о назначеніи немедленнаго кредита въ 140 милліоновъ на экстренныя военныя надобности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ высказать прямо, что Италия остается вѣрною заключеннымъ союзамъ, которыхъ такъ твердо держался Крипи.

Тѣмъ не менѣе самыя крайніе предводители лѣвой въ палатѣ депутатовъ, Имбриани и Кавалотти, привѣтствовали новый кабинетъ, выражая надежду на плодотворную дѣятельность его для пользы народа. Новымъ духомъ повѣяло въ политической жизни Италиі; итальянское общество вздохнуло свободнѣе, какъ бы избавившись отъ кошмара, слишкомъ долго тяготѣвшаго надъ страной. Первымъ дѣломъ правительства послѣ отставки Крипи было объявленіе амнистіи осужденнымъ за политическія проступки при бывшемъ министерствѣ; депутаты де Феличе, Боско и Барнато, приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ за чрезмѣрныя заботы о бѣдствіяхъ крестьянъ въ Сициліи, были выпущены на свободу, и двое изъ нихъ, явившись въ палату, удостоились торжественной и шумной оваціи, которая даже задержала на нѣкоторое время представленіе новыхъ министровъ и чтеніе министерской программы. Крипи не показывался въ палатѣ, и общее отношеніе къ нему итальянской публики въ эти первые дни послѣ событія 1 марта достаточно ясно характеризуется распространившимися слухами о покушеніи на его жизнь. Слухи оказались ложными, и никто не имѣлъ повода угрожать существованію 77-лѣтняго старца, политическая карьера котораго можетъ считаться вполне законченною во всѣхъ отношеніяхъ. Об опасности новаго министерства Крипи въ будущемъ не можетъ быть уже и рѣчи, независимо отъ преклоннаго возраста, устраняющаго мысль о благопріятномъ поворотѣ къ нему фортуны при какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Опытъ съ его „высшею политикою“ былъ слишкомъ убѣдителенъ, чтобы опасаться повторенія его въ будущемъ; самыя ослѣпленные и упорные патриоты его школы должны по неволѣ отказаться отъ дальнѣйшаго практическаго примѣненія его идей, въ виду понятной ненависти, вызываемой ими въ народѣ.

Министерство Рудини имѣетъ предъ собою рядъ сложныхъ и трудныхъ задачъ, для разрѣшенія которыхъ оно обладаетъ однимъ драгоценнымъ качествомъ — безусловно политическою честностью. Въ лицѣ Крипи сходитъ со сцены вреднѣйшій элементъ въ государственной политикѣ,—шарлатанство, принимаемое многими за полити-

ческую ловкость и искусство. Когда политическое шарлатанство соединяется съ талантомъ, оно дѣлается опасностью для государства, а нельзя отрицать, что Криспи—человѣкъ талантливый. Бездарность не могла бы надѣлать столько бѣдъ, создать около себя такую многочисленную, тѣсно сплоченную партію и завладѣть въ такой степени умомъ и волею благонамѣреннаго и честнаго короля, какъ это удалось Криспи. Маркизь ди-Рудини не обнаружилъ выдающихся дарованій во время своего перваго министерства; притомъ онъ теперь взялъ на себя завѣдываніе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ прежде онъ пользовался репутаціею большого знатока иностранной политики. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ вице-президентъ палаты депутатовъ, герцогъ ди-Сермонета; военнымъ министромъ—генераль Рикотти, министромъ финансовъ—Бранка, казначейства—Коломбо, публичныхъ работъ—сенаторъ Перацци, юстиціи—сенаторъ Коста, народнаго просвѣщенія—Джантурко, земледѣлія—Гвичардини, морскимъ министромъ—Бринь. Кабинетъ не богатъ ни знаменитостями, ни талантами, насколько можно судить по приведеннымъ именамъ; но честность и правдивость составляютъ тоже своего рода таланты для политическихъ дѣятелей, и эти таланты сами по себѣ важнѣе и полезнѣе всякихъ другихъ. Итальянцы не ожидаютъ отъ новаго правительства смѣлнхъ и энергическихъ начинаній, обширныхъ реформъ и крупныхъ государственныхъ мѣръ; но они рассчитываютъ на очищеніе политической атмосферы отъ нездороваго духа фальши и тщеславія, внесеннаго въ нее Криспи.

Паденіе Криспи, въ связи съ пораженіемъ итальянскихъ войскъ при Адуѣ, возбудило въ западно-европейской печати оживленные толки о степени прочности тройственнаго союза и о новыхъ международныхъ комбинаціяхъ, въ которыхъ видную роль должна играть Англія. Говорили, что союзъ съ Италіею, будто бы, потерялъ нѣкоторую долю своего значенія въ глазахъ Германіи, и что вслѣдствіе этого возможна новая группировка великихъ державъ. Разумѣется само собою, что политическая близость между государствами не можетъ измѣниться подъ вліяніемъ неудачи, постигшей одно изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что несчастныя битвы въ отдаленныхъ колоніяхъ вовсе не доказываютъ еще военной или политической несостоятельности страны. Англичане не разъ терпѣли пораженія отъ зулусовъ и трансваальскихъ боеровъ, и однако это нисколько не умалило авторитета и достоинства Англіи, какъ могущественной державы. Берлинскій кабинетъ можетъ только сожалѣть о постигшемъ Италію бѣдствіи, и въ то же время можетъ, напротивъ, ожидать усиленія ея

отъ того, что она перестанетъ разбрасывать и истощать свои силы въ колоніяхъ. Болѣе реальныя причины къ безпокойству имѣла Англія, такъ какъ неудача итальянцевъ въ Эритреѣ вновь оставляла безъ прикрытія южную часть Египта, которой грозятъ махдисты, и Франція можетъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы поставить на очередь вопросъ объ очищеніи Египта англичанами. Что колониальное предпріятіе Италіи представляло особенную важность для Англіи, обнаружилось тотчасъ же послѣ побѣды абиссинцевъ при Аду; лондонскій кабинетъ немедленно рѣшилъ съ своей стороны двинуть египетскія войска по направленію къ Судану, чтобы остановить наступательныя дѣйствія туземныхъ полчищъ, въ которыхъ естественно оживился духъ предпримчивости въ виду блестящаго успѣха негуса Менелика и его соратниковъ. Англичане въ свою очередь рискуютъ подвергнуться неудачамъ въ Африкѣ, ибо вѣтъ основанія предположить, что нынѣшняя попытка окончится болѣе счастливо, чѣмъ усилія генерала Гордона, погибшаго подъ Хартумомъ. Ближайшею цѣлью похода считается занятіе Донголы, у которой стоятъ лагеремъ махдисты, или дервиши, въ числѣ около десяти тысячъ человекъ. Египетскія войска выступили уже подъ начальствомъ сэра Кятченера, направляясь по Нилу къ южной границѣ; затѣмъ отъ Вади-Гальфы они двинутся къ Акаше, гдѣ должны укрѣпиться для дальнѣйшихъ дѣйствій; оттуда предпринято будетъ наступленіе на Донголу, которую англичане надѣются очистить отъ непріятельскихъ силъ. Численность экспедиціоннаго отряда опредѣляется въ восемь или десять тысячъ человекъ, и если махдистовъ окажется на мѣстѣ не больше, чѣмъ предполагается, то успѣхъ можетъ быть достигнутъ; но въ предѣлахъ Нубіи и Судана махдисты—у себя дома, и ничто не помѣшаетъ имъ собраться у Донголы въ гораздо большихъ силахъ, чтобы оказать надлежащій отпоръ нападенію англо-египтянъ, которые съ своей стороны будутъ лишены возможности своевременно позаботиться о соответственномъ увеличеніи своей численности, вдали отъ исходнаго пункта операцій. Старая и обычная ошибка въ разчетѣ повторяется и здѣсь,—и она можетъ легко оказаться роковою для экспедиціи, задуманной и начатой съ такою необыкновенною поспѣшностью.

Оригинальная черта этого похода заключается между прочимъ въ томъ, что къ передвиженію войскъ привлечена извѣстная фирма Кука, занимающаяся организаціею путешествій и перевозкою туристовъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Быть можетъ, въ будущемъ участіе такихъ фирмъ въ военныхъ экспедиціяхъ сдѣлается болѣе постояннымъ и активнымъ, такъ что и веденіе самыхъ предпріятій будетъ, пожалуй, поручаться коммерческимъ конторамъ, въ родѣ фирмы „Томаса Кука

и сыновой⁶; отъ этого едва ли пострадаетъ и военно-политическая сторона дѣла, ибо, взявши на себя, напр., обязательство удалить дerviшей отъ Донголы и предоставить эту мѣстность англичанамъ, частная фирма приняла бы заранѣе всѣ необходимыя мѣры для предупрежденія риска пораженія и могла бы достигнуть цѣли даже безъ кровопролитія посредствомъ мирныхъ сдѣлокъ „съ неприятельскими“ вождями. Дѣйствуя же отъ имени и за счетъ государства, организаторы экспедиціи ничѣмъ лично не рискуютъ и во всякомъ случаѣ рассчитываютъ на почетъ и извѣстность, на сочувствіе и поощреніе со стороны соотечественниковъ, на награды и повышенія по службѣ, а военные расходы, каковы бы они ни были, будутъ уплачены казною или плательщиками податей. Если бы еще англичане устроили экспедицію въ Донголу на счетъ своего собственнаго государственнаго казначейства, то противъ этого новаго англійскаго предпріятія едва ли стали бы возражать кабинеты, заинтересованные въ дѣлахъ Египта,—хотя участіе египетскихъ войскъ подвергаетъ опасности и египетскіе интересы, независимо отъ вопроса о финансахъ. Но министерство лорда Сольсбери рѣшило затратить на экспедицію спеціально-египетскія средства, назначенныя для обезпеченія интересовъ иностранныхъ кредиторовъ Египта, и этимъ оно придало дѣлу общій международный характеръ. Англія предложила державамъ, участвующимъ въ финансовой опекѣ надъ Египтомъ, разрѣшить израсходование части резервныхъ сумъ изъ кассы государственнаго долга на издержки по предпринятому англичанами походу, въ размѣрѣ до полумилліона фунтовъ стерлинговъ. Германія, Італія и Австро-Венгрія дали свое согласіе; Франція и Россія отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ.

Казалось, протесты такихъ двухъ государствъ, какъ Франція и Россія, были вполне достаточны для того, чтобы устранить возможность удовлетворенія англійскаго желанія международною коммиссіею египетскаго государственнаго долга; въ подобныхъ случаяхъ единогласіе обязательно уже въ силу обычныхъ международныхъ приличій, тѣмъ болѣе—когда дѣло идетъ только о деньгахъ. Но британское правительство предпочло на этотъ разъ опереться на простое большинство голосовъ, оставивъ безъ вниманія возраженіе своихъ главныхъ и могущественныхъ соперниковъ по Египту—французовъ, поддерживаемыхъ и русскою дипломатіею. Хорошія и довѣрчивыя отношенія съ Франціею и Россіею цѣнятся, какъ будто, ниже полумилліона фунтовъ наличныхъ денегъ, и откровенность этой сравнительной оцѣнки не лишена, конечно, политическаго значенія. Ясно же чѣмъ когда-либо обозначились при этомъ двѣ группы великихъ державъ въ Европѣ, и въ то же время рѣзко выразился ан-

тагонизмъ между Англіею съ одной стороны, и Франціею и Россіею — съ другой. Министерство лорда Сольсбери не имѣло до сихъ поръ удачи въ своихъ внѣшнихъ предпріятіяхъ и столкновеніяхъ; оно не достигло ничего опредѣленнаго ни въ конфликтѣ съ Соединенными Штатами изъ-за Венецуэлы, ни въ своемъ заступничествѣ за турецкихъ армянъ, ни въ трансваальскомъ вопросѣ, и можно поэтому сомнѣваться и въ успѣхѣ тѣхъ политическихъ комбинацій, которыя связываются съ экспедиціею въ Донголу. Присоединеніе Англій къ тройственному союзу могло состояться и безъ разлада съ двумя великими державами изъ-за египетскихъ денегъ; такъ же точно и косвенная помощь итальянцамъ противъ махдистовъ или дервишей, солидарныхъ съ абиссинцами, могла быть оказана безъ рѣзкой и шумной постановки вопроса о международныхъ отношеніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ нынѣшняго британскаго кабинета.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1896.

— *Иліада Гомера. Переводъ Н. М. Минскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1896.*

Этотъ новый переводъ *Иліады* составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ явленій въ нашей современной литературѣ. Среди нынѣшняго разброда литературныхъ понятій, инымъ, пожалуй, можетъ показаться совсѣмъ ненужной эта реставрація классической древности: если и недавняя классическая литература не удовлетворяетъ новѣйшимъ вкусамъ къ символизму, то еще меньше можетъ удовлетворить эта далекая старина съ ея простодушнымъ смѣшеніемъ мифологии и реализма, съ ея смѣшеніемъ боговъ и людей въ самыхъ простыхъ бытовыхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, школьный классицизмъ, какъ показалъ опытъ нѣсколькихъ десятилѣтій и нѣсколькихъ школьныхъ поколѣній, не только не успѣлъ внушить обществу интереса къ классическому міру черезъ своихъ питомцевъ, но скорѣе даже распространилъ значительную антипатію къ занятіямъ, которыя не успѣли внести въ литературу никакого живительнаго элемента. Было однако время, когда изученіе классическаго міра, его литературы и искусства совершало въ европейскомъ просвѣщеніи могущественное и благотворное дѣйствіе, результатомъ котораго былъ пышный расцвѣтъ философіи и поэзій; когда это изученіе было освобожденіемъ мысли и поэтическаго творчества изъ тѣсныхъ предѣловъ схоластики, и дѣйствительно отразилось наконецъ самостоятельнымъ развитіемъ національныхъ литературъ. Наша собственная литература не пережила этого, въ высокой степени оригинальнаго явленія, совершавшагося въ Европѣ со временъ Возрожденія: въ ея по необходимости подражательномъ ходѣ съ XVIII вѣка принимались отрывочно уже готовые результаты, которые въ литературахъ европейскихъ были въ данную минуту общеизвѣстнымъ и господствующимъ понятіемъ и пріемомъ; лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ наши писатели и уче-

ные бывали знакомы съ самими источниками движенія. Затѣмъ наступали новыя литературныя теченія, которыя захватывали и нашу литературу, и она осталась съ тѣмъ неполнымъ представленіемъ о классической древности, какое нѣкогда принято было наскоро изъ чужихъ рукъ и все-таки не имѣло у насъ того полного органическаго дѣйствія, какимъ нѣкогда воспитаны были литературы европейскія. Мы думаемъ однако, что нашей литературѣ еще предстоитъ пополнить этотъ старый пробѣлъ и ближе усвоить себѣ то идеальное содержаніе, которое нѣкогда имѣло для европейскаго просвѣщенія такое важное воспитательное значеніе. Само собою разумѣется, что нашей литературѣ нѣтъ никакой надобности передѣлывать самой ту научную работу, которая была уже совершена въ европейской наукѣ надъ преданіями классическаго міра, тѣмъ больше, что новыя изслѣдованія ставятъ уже новыя задачи; но можно съ самостоятельными трудами примкнуть къ современнымъ стремленіямъ науки, не останавливаясь на однихъ деталяхъ (это послѣднее у насъ обыкновенно и дѣлается) и не забывая объ историческихъ потребностяхъ нашей литературы и образованія. Въ ряду трудовъ, какіе были бы важны для насъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, должны занять мѣсто въ особенности переводы классическихъ писателей греческихъ и римскихъ, и прежде всего тѣхъ, которые составляютъ основу и высшую красоту античной литературы. Въ самомъ дѣлѣ, можно считать, что литература только тогда усваиваетъ себѣ представленіе о чуждомъ памятникѣ, когда имѣетъ его въ переводѣ, когда сдѣлано усиліе передать на своемъ языкѣ чуждыя мысли и чувства и чуждыя поэтическія красоты. Эта задача можетъ быть очень трудна, когда дѣло идетъ о памятникѣ далекой старины и чуждой первобытной культуры. Но въ такомъ трудѣ для добросовѣстнаго и даровитаго писателя можетъ быть и великая привлекательность.

По всей вѣроятности этотъ мотивъ побудилъ г. Минскаго принять сложный трудъ перевода Иліады. Что подобный трудъ былъ давно необходимъ, объ этомъ не можетъ быть спора. Современники высоко оцѣнили трудъ Гнѣдича, но г. Минскій справедливо замѣчаетъ, что переводъ Гнѣдича (вышедшій въ 1829) многими былъ найденъ уже въ то время устарѣвшимъ: дѣйствительно, самъ Гнѣдичъ, несмотря на высокое признаніе его заслуги, не былъ удовлетворенъ приѣмомъ его Иліады, — въ расцвѣтъ творчества Пушкина стиль перевода Гнѣдича не могъ не казаться тяжелымъ и устарѣвшимъ. „Быстрое обветшаніе перевода Гнѣдича, — говоритъ г. Минскій, — объясняется тѣмъ, что въ двадцать лѣтъ, употребленныхъ имъ на окончаніе своего труда, русскій языкъ пережилъ благотворный кризисъ и переродился. Въ началѣ этой эпохи еще существовали

двѣ литературныя партіи—защитниковъ стараго и новаго слога. Вооруженные знаніемъ (?), руководимые болѣе инстинктомъ, нежели эстетическимъ вкусомъ, сторонники Шишкова и Карамзина оцѣпью пробирались среди лабиринта славянскихъ и русскихъ словъ, отдавая предпочтеніе тѣмъ или другимъ. Но пришелъ Пушкинъ, на русскую литературную рѣчь впервые упалъ лучъ вдохновенія, — и долгій споръ самъ собою прекратился, все стало очевиднымъ и несомнѣннымъ. Всѣ недостатки работы Гнѣдича объясняются тѣмъ, что онъ приступилъ къ переводу Иліады до появленія Пушкина“. Собственно говоря, объясненіе недостатковъ перевода Гнѣдича заключается въ томъ, что это былъ вообще писатель стараго вѣка, съ тѣми понятіями о русскомъ литературномъ языкѣ, какія проповѣдовала школа Шишкова: еслибы онъ способенъ былъ къ другому взгляду на предметъ, то дѣятельность Пушкина, которая совершалась на его глазахъ въ теченіе почти полутора десятка лѣтъ, могла бы произвести на него свое дѣйствіе; но этого дѣйствія не послѣдовало. Шишковъ могъ быть вполне доволенъ его переводомъ, потому что былъ увѣренъ, что весь славянскій лексиконъ можетъ служить украшеніемъ и обогащеніемъ русскаго языка; но въ 1829 г. человекъ съ нѣкоторымъ вкусомъ не могъ не придти въ нѣкоторое уныніе отъ славянскихъ излишествъ Гнѣдича. Новѣйшій переводчикъ готовъ мириться съ чисто славянскими выраженіями (въ родѣ: наглезны, воспящаты, скимны, скраніи, сулица, мескъ, плесницы, пруги и т. д.), считая ихъ „иностранными словами, нуждающимися въ переводѣ“; по его мнѣнію, переводъ Гнѣдича гораздо больше портитъ слова и обороты полу-славянскіе, составленные произвольно и обозначающіе иногда совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать авторъ, — въ сущности это были опять злоупотребленія церковно-славянскимъ языкомъ. „На подобныя выраженія, — говоритъ г. Минскій, — натыкаешься, какъ на ухабы, и, читая Гнѣдича, приходится дѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе, побѣждать постоянное внутреннее сопротивленіе, не глядѣть на извѣстныя точки, чтобы быть въ состояніи наслаждаться тѣмъ прекраснымъ и возвышеннымъ, что дѣйствительно заключается въ его переводѣ“.

Новѣйшій переводчикъ не вполне согласенъ съ своимъ предшественникомъ и во взглядѣ на самую поэму. „Гнѣдичъ, — замѣчаетъ онъ, — въ предисловіи къ своему переводу говоритъ о 'простотѣ и силѣ Иліады, удивляется ея красотамъ, но ему кажется, что „ошибаются тѣ, кто поэмы Гомера принимаетъ въ понятіи этого слова народномъ или школьномъ“. Иліада кажется ему „превосходнѣйшей энциклопедіей древности“. Намъ же, наоборотъ, энциклопедичность Иліады кажется слѣдствіемъ позднѣйшихъ вставокъ и прибавленій,

а сама Илиада представляется поэмой по преимуществу, совершеннѣйшимъ образцомъ красоты, не какой-либо особенной, древне-греческой, а красоты вообще, единственной, какая возможна на землѣ". Въ послѣднемъ г. Минскій сказалъ конечно слишкомъ много: „красота вообще“, красота отвлеченная, безусловная едва-ли возможна въ предѣлахъ человѣческаго искусства; она необходимо сопровождается всякими ограниченіями—мѣста, времени, міросозерцанія. Такова и поэзія Гомера, которая, при всѣхъ ея великихъ достоинствахъ, носитъ на себѣ именно печать греческой національности. На каждомъ шагу поэмы мы встрѣчаемъ особенности національнаго характера и культурной эпохи, и если онѣ не бросаются намъ въ глаза, какъ нѣчто совершенно исключительное, то лишь потому, что слишкомъ знакомы намъ по школѣ и давнишнему литературному преданію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что въ этихъ рѣзко національныхъ формахъ сказалась также дѣйствительно высокая поэзія.

Г. Минскій тѣмъ не менѣе сохраняетъ великое почтеніе къ труду стараго переводчика. „Переводъ Гнѣдича, несмотря на нѣкоторые свои недостатки, никогда не будетъ ни забытъ, ни устраненъ изъ русской литературы, а вѣчно будетъ жить въ ней, потому что исполненъ съ любовью, какъ подвигъ жизни. Недаромъ имъ восторгались Пушкинъ и Бѣлинскій. Гнѣдичъ всего слабѣе тамъ, гдѣ самъ Гомеръ, по выраженію древнихъ, спитъ. Но въ мѣстахъ драматическихъ языкъ Гнѣдича пріобрѣтаетъ силу, достигая простоты и нѣжности въ сценахъ трогательныхъ. Притомъ же недостатки перевода Гнѣдича скорѣе внѣшніе, чѣмъ внутренніе“... „Къ поэзіи Гомера, какъ источнику вѣчной красоты, постоянно будутъ возвращаться. Последняго перевода Илиады никто не дастъ, но слава Гнѣдича никогда не умретъ, какъ перваго ея переводчика“.

Нашимъ ученымъ классикамъ надо предоставить разборъ новаго перевода относительно его вѣрности подлиннику. Мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній объ его литературной внѣшности. Изъ того, что сказано выше о переводѣ Гнѣдича видно, какъ давно уже былъ необходимъ новый переводъ Илиады, и г. Минскій вообще исполнилъ свою задачу съ большимъ успѣхомъ. Въ его переводѣ нѣтъ, конечно, тѣхъ натянутыхъ и устарѣлыхъ выраженій, которыхъ Гнѣдичъ не только не избѣгалъ, но даже намѣренно искалъ, полагая съ своей точки зрѣнія, что по-русски Гомеръ долженъ быть переданъ съ извѣстной архаической величавостью; новый переводъ читается гораздо легче, какъ и слѣдовало ожидать, и это вѣроятно увеличитъ кругъ читателей, которыхъ Гнѣдичъ долженъ былъ устрашать. Выборъ тона, въ которомъ долженъ быть переданъ Гомеръ, есть давній литературный вопросъ. Однимъ изъ обвиненій противъ

Гнѣдича, и обвиненій справедливыхъ, было то, что, признавая самъ „простоту“ Гомера, онъ передавалъ ее нерѣдко въ преувеличенно возвышенномъ тонѣ, который становился риторической напыщенностью: она была, безъ сомнѣнія, неумѣстна и ошибочна, потому что эпосъ Гомера, если и не былъ чисто народнымъ, во всякомъ случаѣ долженъ былъ сохранять настроеніе народнаго эпоса. Съ другой стороны, было бы не меньшею ошибкой прилаживать Гомера къ тону, напримеръ, нашихъ эпическихъ пѣсней: вслѣдствіе своихъ историческихъ условій, эти пѣсни нерѣдко получали вмѣсто тона народнаго тонъ простонародный, котораго, безъ сомнѣнія, не имѣли въ древности, и попытки такихъ переложеній, которыя предлагалъ нѣкогда Сенковскій, становились каррикатурой. Новый переводчикъ не отказался отъ извѣстной возвышенности тона и съ нею нѣкоторыхъ книжно-славянскихъ оборотовъ—опять въ духѣ Гнѣдича, только безъ его крайностей. „Считаю нужнымъ сказать,—говоритъ онъ,—что при переводѣ Илиады я совершенно не руководствовался Гнѣдичемъ и никогда во время работы съ нимъ не справлялся. Если же нѣкоторыя выраженія оказались въ обоихъ переводахъ одинаковыми, то это объясняется тѣмъ, что иные греческіе обороты могутъ быть переданы по-русски только извѣстнымъ образомъ“. Онъ приводитъ примѣры, что еще въ старомъ прозаическомъ переводѣ Илиады Елимова, 1776 года, уже находятся извѣстныя выраженія, которыя повторились потомъ у Гнѣдича; извѣстная славянская книжность являлась какъ бы неизбѣжной при передачѣ, напримеръ, сложныхъ гомеровскихъ эпитетовъ и т. п.; можно думать, что и не справляясь съ Гнѣдичемъ, новый переводчикъ оставался все-таки подъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ его тона. Но было еще основное обстоятельство, вынуждавшее въ особому возвышенному стилю: это—самое содержаніе поэмы, гдѣ такъ слито и переплетено божеское и человѣческое, гдѣ боги являются прямыми родоначальниками смертныхъ, гдѣ самые люди, какъ, напр., разные греческіе цари и „пастыри народовъ“, бываютъ богоподобны, гдѣ бываютъ даже „богоравные свинопасы“, гдѣ боги постоянно вмѣшиваются въ дѣла людей и самый Олимпъ изъ-за Троянской войны дѣлится на партіи; гдѣ въ средѣ боговъ являются не только человѣческія чувства, какъ личная любовь, гнѣвъ, зависть и т. д., но и домашній человѣческій бытъ: боги живутъ во дворцахъ, обѣдаютъ, ложатся спать, ѣздятъ съ неба на землю на колесницахъ и даже Зевсъ запрягаетъ самъ лошадей и т. п. Намъ, конечно, трудно представить себѣ подобное мировоззрѣніе, но очевидно, что это божественное, до такой степени проникавшее человѣческія отношенія, требовало въ поэмѣ возвышеннаго стиля, который долженъ отразиться и въ переводѣ.

Мы не будемъ вдаваться въ подробности и сличенія новаго перевода со старымъ. Совершенства достигнуть трудно въ такомъ сложномъ предпріятіи, какъ переводъ знаменитой поэмы: при чтеніи иной разъ вспоминается болѣе счастливое выраженіе Гиббича (какъ, напр., въ самомъ первомъ стихѣ: „ной, богиня, про гнѣвъ Ахиллеса“ и пр.; даже въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится: „вспѣти“), но въ цѣломъ новый переводъ конечно несравненно ближе къ современному читателю, и трудъ г. Минскаго, безъ сомнѣнія, будетъ оцѣненъ какъ большая заслуга писателя и крупное явленіе въ нынѣшней литературѣ. Невольно приходитъ на мысль желаніе, чтобы и кто-нибудь другой изъ современныхъ нашихъ поэтовъ, которые за недостаткомъ искренно продуманнаго и прочувствованнаго содержанія путаются въ фантастическомъ бредѣ разнаго рода, направили бы лучше свой трудъ на усвоеніе нашей литературѣ великихъ произведеній всемірной поэзи въ хорошихъ переводахъ,—въ этомъ отношеніи намъ недостаетъ еще многого, и за ними осталась бы прочная литературная заслуга.

— Подробный Словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. Составилъ Д. А. Ровинскій (посмертное изданіе). Со многими цинкографіями въ текстѣ. Сиб. 1895.

Это—обширный томъ въ четвертку, въ два столбца (344 и 806 столбцовъ), представляющій собою совершенно переработанное и доведенное до нашего времени изданіе прежняго сочиненія Ровинскаго, которое вышло въ 1870 году подъ заглавіемъ: „Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 до 1764 г.“ Въ предисловіи г. Собко, котораго покойный Д. А. Ровинскій назначилъ своимъ душеприказчикомъ, сообщается, что при жизни автора напечатанъ былъ съ участіемъ нѣсколькихъ лицъ „Словарь“ граверовъ, составляющій главную долю изданія, и первые четыре листа вводнаго „Историческаго Очерка“; оставалось допечатать конецъ этого введенія и составить алфавитный указатель; но послѣдній не могъ быть изготовленъ къ предполагаемому сроку, именно ко дню торжественнаго засѣданія Академіи Наукъ въ память Ровинскаго, и если представится возможность, будетъ изданъ отдѣльно. Въ предисловіи читаемъ также, что „всестороннему обзору разнообразной дѣятельности покойнаго, этого столь замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, будетъ посвящена особая книга“.

Если въ своемъ первоначальномъ видѣ трудъ Ровинскаго былъ важнымъ приобрѣтеніемъ нашей ученой литературы по спеціальному предмету, еще не имѣвшему ни одного цѣльнаго обзрѣнія, то въ настоящей переработкѣ „Словарь русскихъ граверовъ“ есть капитальный трудъ, достойнымъ образомъ завершающій достопримѣча-

тельную дѣятельность Д. А. Ровинскаго. Въ нашей наукѣ очень рѣдки подобнаго рода цѣльныя, послѣдовательно исполненныя изслѣдованія, которыя дѣйствительно являются трудомъ всей жизни. Обширное введеніе представляетъ историческій обзоръ гравированія, начинающій съ первыхъ памятниковъ его въ Европѣ, затѣмъ съ первыхъ русскихъ гравюръ XVI вѣка и до русскихъ гравюръ современныхъ. Сначала идетъ исторія гравюры на деревѣ, доведенная отъ XIV вѣка до Клодта, Сѣрякова и Матѣ, затѣмъ идетъ гравированіе на мѣди съ особою главою о гравированіи въ Академіи Художествъ до Иордана, Пожалостина и Константинова; глава о русскихъ живописцахъ-граверахъ отъ Симона Ушакова до Крамского, Рѣпина, Полѣнова, К. Маювскаго; замѣтка о русской литографіи и т. д. Въ приложеніяхъ помѣщены: свѣденія о гравированіи и граверахъ при московскомъ печатномъ дворѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, сообщенныя В. Е. Румянцевымъ; выписки изъ дѣлъ московской Оружейной палаты о голландскомъ граверѣ Шхонбекѣ и его русскихъ ученикахъ (изъ бумагъ академика Гамеля); замѣтка о русскихъ народныхъ картинкахъ съ уменьшенными цинкографіями особенно замѣчательныхъ изображеній; обширныя замѣтки о техникѣ гравированія, о цѣнности оттисковъ, сохранности гравюры, о томъ, гдѣ можно пріобрѣтать гравюры въ Россіи и за границей, о способахъ распредѣленія и сохраненія гравюръ и т. д.; перечисленіе собраній русскихъ гравюръ и портретовъ, поименованныхъ въ Словарѣ, и сохранившихся до нашего времени мѣдныхъ гравированныхъ досокъ; свѣденія о цензурѣ надъ царскими портретами и т. д.; наконецъ, перечисленіе монограммъ русскихъ гравюръ.

Самый „Словарь“ представляетъ массу именъ русскихъ гравюръ обыкновенно съ краткими біографическими указаніями и подробными указаніями ихъ произведеній; кромѣ русскихъ, указаны иностранные граверы, работавшіе въ Россіи. Громадная масса свѣденій дѣлаетъ „Словарь“ Ровинскаго единственною справочною книгою по исторіи русскаго гравированія.

— Повѣсти и разказы А. Н. Плещеева. Съ портретомъ гравированнымъ Брокгаузомъ и біографическимъ очеркомъ. Подъ редакціей П. В. Выхова. Т. I (1847—1859). Слб. 1896.

Въ 1894 году явилось новое изданіе стихотвореній Плещеева; собраніе его повѣстей и разказовъ, котораго вышелъ теперь первый томъ, было также давно желательно, потому что два прежніе сборника, московскій и петербургскій, 1860 и 1880 года, не представляютъ всѣхъ его беллетристическихъ произведеній и, вѣроятно, уже не

существуютъ въ продажѣ. Настоящее изданіе должно включить и пьесы, не вошедшія въ эти прежніе сборники.

Знакомство съ беллетристическими произведеніями Плещеева, кромѣ ихъ непосредственнаго интереса, ближе раскроетъ для читателя самую личность поэта, внушавшаго въ свое время такія теплыя симпатіи, и вмѣстѣ напомнитъ тотъ періодъ нашей литературы, которому принадлежитъ образованіе его таланта и его направленія, и которому онъ остался вѣренъ до конца своихъ дней. Плещеевъ былъ среди насъ однимъ изъ послѣднихъ представителей сороковыхъ годовъ; онъ самъ однажды (когда праздновался его литературный юбилей) скромно назвалъ себя простымъ рядовымъ среди славныхъ именъ той эпохи, но этотъ рядовой высоко цѣнилъ свое знамя и до конца сохранилъ тотъ идеализмъ въ понятіяхъ литературныхъ и общественныхъ, который составлялъ нравственную сущность и силу той эпохи. Какъ поэтъ и какъ беллетристъ, онъ занималъ второстепенное мѣсто подлѣ великихъ писателей того и позднѣйшаго времени; но какъ въ поэзіи ему удавалось глубоко затронуть общественное чувство, такъ и въ его повѣстяхъ и разсказахъ были живые отголоски общественной дѣйствительности. Біографъ вѣрно опредѣляетъ тотъ кругъ жизни, въ которомъ вращается повѣсть Плещеева, и его личное къ ней отношеніе. „Предоставляя другимъ изображать гравдіозные образы, титаническіе типы людей, ищущихъ исполнскаго дѣла, фигуры, долженствующія выражать собою ходячія идеи той или другой эпохи, Плещеевъ для своихъ произведеній выбираетъ болѣе скромныхъ и, такъ сказать, невидныхъ героевъ, людей обыденныхъ, типы, встрѣчающіеся на каждомъ шагу. У него нѣтъ глубокаго психологическаго анализа, но его герои все-таки живыя лица, облеченныя въ плоть и кровь, заставляющія читателя задуматься надъ ихъ жизнью, проникнуться ихъ страданіями, муками, безъисходнымъ горемъ. Тихіе и добрые труженики, безъ усталы работающіе за самое скудное вознагражденіе, дѣлающіе съ близкими этотъ ничтожный заработокъ и принужденные подавлять въ себѣ требованія сердца и ума; молодые мечтатели съ прекраснымъ образованіемъ, увлекаемые мечтами въ столицу и здѣсь гибнущіе отъ нужды при нежеланіи отдаться канцелярской дѣятельности; честные провинціальныя дѣятели изъ молодыхъ, жаждущіе служить родинѣ, приходящіе въ трепетъ отъ произведеній Бѣлинскаго и своихъ любимыхъ авторовъ, бесплодно борющіеся въ океанѣ губернской грязи, мошенничества и чиновничьихъ продѣловъ и вынужденные отступить передъ сплошной массой зла, которая, въ концѣ концовъ, ихъ раздавливаетъ; пасынки судьбы, гибнущіе роковымъ образомъ; жертвы обстоятельствъ и родительскаго деспотизма, при отсутствіи сильной воли, кончающіе пре-

ступленіемъ и проч... Ему особенно удаются эти слабые волею и духомъ люди, жалующіеся и негодующіе на грубую, печальную среду, въ которую втолкнула ихъ слѣпая судьба, и лишенные силъ сладить съ жизнью, больныя дѣти вѣка, которыхъ выростила нездоровая общественная почва, личности, случайно свертывавшія съ торнаго пути и попадавшія въ противорѣчіе со всѣмъ ихъ окружающимъ, которыхъ губятъ общественное неустройство, энтузіасты сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ. Какимъ-то необыкновеннымъ благородствомъ, чистотою, чѣмъ-то свѣтлымъ, совершенно чуждымъ пошлости, вѣетъ отъ повѣстей и разсказовъ Плещеева, несмотря на то, что онъ рисуетъ самую будничную, сѣренькую, неприглядную жизнь“.

Другими словами, у писателя былъ свой нравственный и общественный идеалъ, и это именно сообщало его разсказамъ извѣстную привлекательность; мы думаемъ, — можетъ сообщать и до сихъ поръ.

Біографическій очеркъ не богатъ фактами. Плещеевъ (род. 1825, въ Костромѣ) происходилъ изъ стараго дворянскаго рода, предки котораго выселились въ Москву изъ Чернигова около 1300 года. Ко второму колѣну этого рода принадлежалъ знаменитый московскій митрополитъ, св. Алексій. Вслѣдъ за нимъ, біографъ переходитъ вѣскольکو внезапно, къ тайному совѣтнику Алексію Плещееву, который при Петрѣ I былъ президентомъ камеръ-коллегіи; затѣмъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергѣй Ив. Плещеевъ (ум. въ 1802), пользовавшійся особенной благосклонностью императора Павла, былъ извѣстнымъ писателемъ конца XVIII-го вѣка. „Отца нашего поэта звали Николаемъ Сергѣевичемъ“, — замѣчаетъ біографъ, — но не указываетъ, былъ ли это сынъ названнаго выше Сергѣя Ивановича или нѣтъ. Алексій Николаевичъ Плещеевъ учился первоначально дома и затѣмъ лѣтъ пятнадцать, по желанію матери, готовившей ему военную карьеру, поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ; но природа его была вовсе не воинственная, онъ скоро оставилъ школу и поступилъ въ университетъ, гдѣ, однако, также не кончилъ курса, увлеченный страстью къ литературѣ. Его первыя стихотворенія появились въ 1844 году въ „Современникѣ“ Плетнева и уже въ 1846 вышла книжка его стихотвореній, которая сразу доставила ему большую извѣстность. Съ 1847 года стали появляться его повѣсти и разсказы. Въ разгарѣ своей литературной дѣятельности А. Н., — говоритъ біографъ, — вращался въ самыхъ передовыхъ кружкахъ того времени и поддерживалъ дружественныя отношенія съ молодыми писателями М. М. и Ѳ. М. Достоевскими, С. Ѳ. Дуровымъ, А. И. Пальмомъ, Ф. Г. Толлемъ, Ѳ. Н. Львовымъ и другими; эти лица составляли тѣсную литературную семью, которую связывала пламенная любовь къ литературѣ, высшіе интересы и почти одина-

ковый, извѣстный образъ мыслей. Одинъ изъ такихъ кружковъ соби-
рался въ квартирѣ А. И. Пальма, С. О. Дурова и Щелкова, жившихъ
вмѣстѣ... Поэзія, музыка, живопись были, по словамъ Пальма, куль-
томъ этого небольшого кружка". Но былъ другой кружокъ, гдѣ го-
сподствовали не столько литературные интересы, сколько вопросы
политической экономіи и особливо социализма. Это былъ кружокъ
извѣстнаго Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ, по разсказу одного изъ
участниковъ этихъ вечеровъ, Пальма, „помимо эстетики, по иници-
тивѣ хозяина и по какой-то стихійной силѣ, неизбѣжнымъ образомъ
вторгались всѣ общественныя вѣянія того времени. Сень-Симонъ,
Фурье, Кабѣ, Père Enfantin, потомъ Ламнѣ, Луи-Бланъ и, наконецъ,
Прудонъ захватили общее вниманіе, читались, перечитывались, ком-
ментировались и разбирались, какъ интересныя явленія движенія
европейской мысли, съ ихъ чисто теоретической стороны, какъ иска-
нія идеальнаго будущаго и безъ малѣйшей попытки къ ихъ практи-
ческому примѣненію въ настоящемъ.... Мы, сами того не замѣчая,—
говоритъ Пальмъ,—становились на весьма скользкую покатость... За-
мѣчательнѣе всего, что юные сень-симонисты, фурьеристы и комму-
нисты отлично мирились со своимъ настоящимъ общественнымъ по-
ложеніемъ... Если въ частныхъ бесѣдахъ, преимущественно въ спо-
рахъ, было много рѣзкости и юношеской запальчивости, то положи-
тельно можно сказать, что конкретныхъ, твердо намѣченныхъ цѣлей
ни у кого не было"... Эти мечтатели не подумали только объ одномъ,
что время было слишкомъ неблагоприятно для подобныхъ занятій
политическими вопросами: правительство было встревожено событіями
1848 года въ западной Европѣ, и хотя, повидимому, было бы очень
странно ставить русскую жизнь въ какую-нибудь связь съ этими
событіями, но подобное заключеніе было сдѣлано и эти годы отмѣ-
чены усиленными цензурными мѣрами, строгимъ надзоромъ надъ
университетами и т. п. Кружокъ Петрашевскаго подвергнутъ былъ
тайному надзору и въ концѣ концовъ всѣ его участники были аре-
стованы и столь строго судимы военнымъ судомъ, что многіе изъ нихъ
были приговорены ни болѣе ни менѣе какъ къ разстрѣлянню. Въ окон-
чательной конфирмаціи разстрѣляннаго не послѣдовало, но при чтеніи
приговора подсудимымъ на Семеповскомъ плацѣ сдѣланы были всѣ при-
готовленія къ совершенію казни и только въ послѣднюю минуту имъ
было объявлено о смягченіи наказанія (подробности объ этомъ разска-
заны въ „Біографіи“ Достоевскаго, Спб. 1883). Плещеевъ приговоренъ
былъ къ ссылке рядовымъ въ Оренбургъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ
состоянія. Къ счастью, онъ встрѣтилъ участіе къ своей судьбѣ въ тог-
дашнемъ оренбургскомъ генераль-губернаторѣ В. А. Перовскомъ, кото-
рый не принуждалъ его къ исполненію солдатской службы, но вмѣстѣ

далъ ему возможность къ военнымъ отличіямъ (при взятіи Акъ-Мечети, и др.), такъ что въ 1856 Плещеевъ получилъ уже офицерскій чинъ. Въ 1857 ему были возвращены права состоянія, въ слѣдующемъ году дано разрѣшеніе жить въ столицѣ: онъ поселился сначала въ Москвѣ, а затѣмъ жилъ въ Петербургѣ, среди постояннаго литературнаго труда и не безъ лишеній, и только въ послѣдніе годы жизни „судьба совершенно неожиданно улыбнулась поэту, — какъ говорятъ біографъ, — его матеріальныя обстоятельства сложились настолько благопріятно, что, наконецъ, дали ему возможность отдохнуть и физически и нравственно“, благодаря полученію извѣстнаго наслѣдства.

— „Починъ“. Сборникъ Общества любителей російской словесности на 1896 годъ. М. 1896.

Въ прошломъ году мы отмѣтили начало новаго изданія, предпринятаго московскимъ Обществомъ любителей російской словесности; передъ нами второй выпускъ „Почина“, не уступающій первому интересомъ и разнообразіемъ содержанія: здѣсь встрѣчаются и ветераны Общества, и его молодые дѣятели, исторія и поэзія, критика и беллетристика. Часть статей, вошедшихъ въ книгу, была читана въ собраніяхъ Общества; кромѣ того членами Общества доставлено было много другихъ матеріаловъ, и объемъ сборника такъ увеличился, что редакція должна была „отказаться отъ мысли предложить также болѣе или менѣе полный библиографическій обзоръ выдающихся явленій литературы за истекшій годъ“, что предполагалось дѣлать въ каждомъ томѣ сборника. Это жаль, потому что такіе обзоры были бы весьма интересной и полезной лѣтописью литературы, и ея составленіе въ особенности подобало бы Обществу любителей словесности, соединяющему разнообразныя литературныя силы. Въ замѣнъ дана лишь краткая оцѣнка нѣсколькихъ сочиненій, относящихся къ области критики. Мы думали бы, однако, что въ дальнѣйшемъ выпускѣ сборника Обществу слѣдовало бы выдержать первоначальный планъ и пополнить оказавшійся теперь пробѣлъ.

Книга открывается новыми отрывками изъ воспоминаній Ѳ. И. Вуслаева: первый представляетъ нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи московскаго университета въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ, гдѣ авторъ рассказываетъ о старыхъ профессорскихъ кружкахъ, о Шевыревѣ, Линовскомъ, Катковѣ и Леонтьевѣ; во второмъ отрывкѣ сообщается чтеніе г. Вуслаева въ Обществѣ російской словесности въ 1865 году, гдѣ онъ говорилъ о совершавшемся въ то время трехдневномъ празднованіи во Флоренціи пятисотлѣтняго юбилея Данта; въ третьемъ отрывкѣ рассказывается о двухъ священно-

служителяхъ при русскихъ посольствахъ за границей,—одинъ изъ нихъ былъ архимандритъ Герасимъ въ Римѣ; другой—извѣстный протоіерей Раевскій въ Вѣнѣ. Кто знакомъ съ напечатанными прежде воспоминаніями г. Буслаева, тотъ знаетъ привлекательную манеру его разсказа, въ которомъ авторъ умѣетъ живо передать и бытовныя черты, и личные характеры, и пейзажъ, и историческія воспоминавія и рядомъ со всѣмъ этимъ затронуть широкіе вопросы исторіи и искусства. Такъ и здѣсь передъ нами проходятъ старыя годы московскаго университета, картина флорентинскихъ торжествъ (хотя извѣстныхъ тогда только по программѣ)—вмѣстѣ съ важнымъ вопросомъ объ историческомъ значеніи Дантовскаго юбилея для современнаго итальянскаго общества; наконецъ, оригинальные портреты упомянутыхъ священнослужителей, которыхъ г. Буслаевъ близко знавалъ за границей.

Изъ трудовъ покойнаго Тихонравова помѣщенъ здѣсь „Общій взглядъ на древнюю русскую литературу“, составлявшій вступительную лекцію въ курсъ исторіи русской литературы XVI-го вѣка, читанный въ 1882-1883 году. Къ той же области древней литературы относится любопытная статья г. Сперанскаго о памятникахъ древней христіанской легенды въ нашей словесности. Къ литературѣ XVIII-го вѣка относится статья: „Notunculus. Эпизодъ изъ алхиміи и изъ исторіи русской литературы“—объ алхимическихъ стремленіяхъ нашихъ масоновъ конца прошлаго вѣка. Къ трудному до сихъ поръ вопросу о формациі нашего стараго эпоса относится изслѣдованіе В. Θ. Миллера: „Былина о Батыѣ“; авторъ съ большимъ правдоподобіемъ указываетъ въ нашихъ былинахъ нѣсколько мотивовъ, которые должны были принадлежать самой эпохѣ татарскаго нашествія, затѣмъ отмѣчаетъ водовзмѣненія, которыя произошли въ эпическомъ сюжетѣ въ послѣдующее время и довели сюжетъ къ тому запутанному виду, въ какомъ мы видимъ его въ современной былинѣ.

Нѣсколько статей посвящено историческимъ документамъ и изслѣдованіямъ о нашей новѣйшей литературѣ. Самое достопримѣчательное между этими матеріалами представляетъ статья: „Изъ неизданной переписки В. Г. Бѣлинскаго. Письма его къ невѣстѣ“, съ предисловіемъ П. Н. Милюкова (стр. 143—228). Небольшая часть этихъ писемъ была раньше помѣщена въ „Русск. Вѣдомостяхъ“ 1895 г.; здѣсь эта переписка является вполне... Многіе думаютъ, что изданіе подобныхъ бумагъ является тѣмъ „нарушеніемъ воли“, которое такъ строго осуждалъ Гончаровъ: дѣйствительно, можетъ казаться весьма серьезнымъ вопросомъ, подлежитъ ли исторіи раскрытіе чисто личной жизни, не имѣющей никакого отношенія къ жизни общественной, не нарушается ли грубымъ любопытствомъ та интимная сто-

рона чувства, которая и при жизни, хотя бы великаго историческаго лица, была только его личнымъ дѣломъ и даже личной святynie. Въ сожалѣнію, въ исторической литературѣ бывали факты, подтверждающіе точку зрѣнія Гончарова. Съ другой стороны время можетъ сглаживать и даже совсѣмъ уничтожать подобныя недоумѣнія, — но только время, и только, можетъ быть, тамъ, гдѣ эта интимная жизнь приобретаетъ своего рода историческую важность. Въ настоящемъ случаѣ въ письмахъ Бѣлинскаго есть эта историческая важность. Въ подробномъ предисловіи г. Милюковъ объясняетъ, какъ въ этихъ письмахъ отражается та внутренняя борьба, которая волновала Бѣлинскаго въ началѣ сороковыхъ годовъ, какъ рѣшались имъ вопросы о женщинѣ, о любви, о бракѣ, которые занимали издавна важное мѣсто въ его теоретическихъ взглядахъ и теперь являлись вопросомъ жизненнымъ. Такимъ образомъ письма къ невѣстѣ представляютъ не только фактъ его чисто личной жизни, но являются важнымъ дополненіемъ къ исторіи его пѣлаго міровоззрѣнія, потому что и здѣсь онъ говоритъ не только о своемъ личномъ чувствѣ, но о своемъ пониманіи общихъ вопросовъ.

Далѣе, интересныя свѣденія собраны г-жей Некрасовой о жизни Герцена въ Вяткѣ; г. Ив. Ивановъ далъ характеристику нѣсколько забытой поэтессы Жадовской; г. Бѣльскій остановился на поэзіи и жизни Щербины; Н. Н. Златовратскій разсказалъ свои воспоминанія о давнемъ посѣщеніи Кіева и поѣздкѣ на могилу Шевченка. Наконецъ, г-жа Андреева дала весьма интересную статью: „И. С. Тургеневъ въ кругу французскихъ литераторовъ“, гдѣ собрала свѣденія объ отношеніяхъ Тургенева съ французскими литературными кругами (Жоржъ-Зандъ, Флоберъ, Додэ, Зола, Мопассанъ, Гонкуръ и др.) и явившіяся по смерти Тургенева воспоминанія о немъ его французскихъ друзей.

Таковъ равнообразный историко-литературный матеріалъ московскаго сборника. Кромѣ того читатель найдетъ здѣсь и большой запасъ балетристики и поэзіи. Прежде всего не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести стихотвореніе А. М. Жемчужникова: „Конь Калигулы“. Авторъ ставитъ эпиграфомъ стихи Державина: „Калигула, твой конь въ сенатѣ—Не могъ сіять, сія въ златѣ;—Сіяютъ добрыя дѣла“, — и продолжаетъ:

Такъ поигралъ въ слова Державинъ,
Негодоваіемъ объять.
А мнѣ сдается (виновать!),
Что тѣмъ Калигула и славенъ,
Что вздумалъ лошадь, говорятъ,
Послать присутствовать въ сенатъ.
Я помню: въ юности пѣяла

Его провія меня;
 И мысль моя живописала
 Въ стѣнахъ священныхъ трыбунала,
 Среди сановниковъ, коня.
 Чтѣ-жъ, развѣ тамъ онъ былъ не кстатѣ?
 Но мнѣ—въ парадномъ чепракѣ
 Зачѣмъ не быть коню въ севатѣ,
 Когда сидѣть бы людямъ знати
 Умѣстнѣй въ конномъ денникѣ?
 Чтѣ-жъ, развѣ звукъ веселый ржанья
 Былъ для имперіи вреднѣй
 И раболѣпнаго молчанья,
 И лестью дышащихъ рѣчей?
 Чтѣ-жъ, развѣ конь красной мордой
 Не затмѣвалъ ничтожныхъ лядь,
 И не срамилъ осанкой гордой
 Людей, привыкшихъ падать ницъ?...
 Я и теперь того же мнѣнья,
 Что врядъ ли гдѣ встрѣчалось намъ
 Такое къ трусамъ и къ рабамъ
 Великолѣпное презрѣнье

Мы находимъ здѣсь драматическій этюдъ г. Величко: „Двѣ милостыни“, разсказъ г. Нефедова: „Переполохъ“, разсказъ г. Садовскаго: „Донъ-Кихотъ московскаго захоlustья“, драму князя Сумбатовъ: „Старый закалъ“, разсказъ г. Мачтета подѣ названіемъ: „Иванъ. Опытъ краткой монографіи“, наконецъ, „Святочный разсказъ“ г. А. С. и „Басни“ Р. Ѳ. Брандта. Не обошлось и безъ новѣйшаго символизма или, чтѣ кажется одно и тоже, декадентства; таково твореніе г. Бальмонта: „Мертвые корабли. Поэма“, въ которой мы не понимаемъ ни цѣлой темы, ни поэтическихъ деталей. Мы не понимаемъ и стихотворенія г. Величка: „К. Н. Фофанову“.

Еще одно маленькое замѣчаніе: слѣдовало бы отмѣтить въ концѣ книги главнѣйшія опечатки, которыя безъ того иной разъ могутъ привести въ недоумѣніе неопытнаго читателя. Въ воспоминаніяхъ г. Буслаева, отецъ Герасимъ въ 1840—1841 году разсказываетъ о какомъ-то папѣ Иннокентіѣ, который правилъ съ 1844 по 1855 годъ (стр. 26); въ дѣйствительности рѣчь идетъ о папѣ Иннокентіи X, который правилъ въ половинѣ XVII, а не XIX столѣтія. Въ другомъ случаѣ испорчено имя г-жи Віардо (стр. 563) и т. п. Нѣтъ ли также опечатки въ нѣкоторыхъ стихахъ г. Бальмонта, напримѣръ:

Мнится (вѣтеръ) и не смѣетъ бить дыханьемъ твердь,
 Всюду видя только—блѣдность, холодъ, смерть, —

и въ другихъ подобныхъ?—Т.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бантышъ-Каменскій, Н. Н.—Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г. Ч. I: Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія, Испанія. Ч. II: Германія и Италія. М. 96. Стр. 302 и 270. Ц. по 2 р.

Барсуковъ, Николай.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. X. Спб. 96. Стр. 583. Ц. 2 р. 50 к.

Бересневъ, В. И., инж.-техн.—Нефтеотопленіе паровыхъ котловъ. Съ приложеніемъ свѣденій пзъ химіи и физики, и наставленія и правила для кочегаровъ при отопленіи паровыхъ котловъ нефтью. Спб. 96. Стр. 33. Ц. 35 к.

Брентано, проф. Л.—Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Къ морфологіи народнаго хозяйства. Спб. 96. Стр. 48. Ц. 15 к.

Бражескій, Н.—Круговая порука сельскихъ обществъ. Сужденіе редакціонныхъ комиссій по составленію Положеній 19-го февраля 1861 г. и правительственные взгляды за время съ 1861 по 1895 г. Спб. 96. Стр. 114.

Бухъ, Левъ.—Основные элементы политической экономіи. Ч. I: Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. Спб. 96. Стр. 242. Ц. 2 р.

Бушинскій, Б., проф.—„Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, соч. И. Барсукова“. Рецензія. Спб. 95. Стр. 78.

Быстрѣмишъ, В. П.—Вѣрное средство. Разсказъ. М. 96. Стр. 26. Ц. 5 к.

Бьлуковъ, И.—Мамины сказки и разсказы маленькимъ дѣтямъ. Спб. 96. Стр. 61. Ц. 50 к.

Ванеръ, Влад.—Вопросы зоопсихологіи. Спб. 96. Стр. 254. Ц. 1 р. 50 к.

Валуева-Мунтъ, А.—По великой русской рѣкѣ. Очерки и картины Поволжья. Спб. 96. Стр. 230.

Василемко, В. И.—Хозяйственно-экономическій обзоръ Кобелякскаго уѣзда Полтавской губ. Кобел., 96. Стр. 139.

Водовозовой, Е.—Какъ люди живутъ. Испанцы. Съ 8 карт. художн. Васнецова и друг. Спб. 96. Стр. 160. Ц. 40 к.

Вотье, Морисъ.—Мѣстное управленіе Англіи. Перев. съ франц. В. В. Водовозова. Спб. 96. Стр. 328. Ц. 2 р.

Вруевичъ, М.—Руководство для консисторій, духовныхъ слѣдователей и духовенства. Законъ о подсудности и производствѣ слѣдствій по проступкамъ священно-церковнослужителей, съ объясненіями по рѣшеніямъ Прав. Сѣната и указамъ Св. Синода. Изд. 3-е. Спб. 96. Стр. 233. Ц. 1 р. 25 к.

Георгиевскій, П. И.—Политическая экономія. 2-е изд. Ч. II, вып. 2: Доходъ на капиталъ, доходъ предпринимателя и прирѣвніе бѣдныхъ; потребление цѣнностей. Спб. 96. Стр. 146. Ц. 1 р.

Герцо-Виноградскій, П. Т.—Митя Погожевъ (Изъ жизни провинціальныхъ студентовъ). Изд. Общ. для борьбы съ пьянствомъ. Од. 96. Стр. 46. Ц. 20 к.

Глибовъ, Леонидъ.—Байки. У Черниговѣ. 95. Стр. 172. Ц. 15 к.

Гомеръ.—Иліада. Перев. Н. Минскаго. М. 96. Стр. 416. Ц. 75 к.

Греуаръ, Л.—Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Т. III: Іюльская монархія съ 1832 по 1846 годъ. Февральская революція. Перев. М. Лучицкой, п. р. И. В. Лучицкаго. М. 96. Стр. 698. Ц. 4 р.

Гюго, В.—Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей, п. р. И. Тхоржевскаго. Вып. XII, стр. 305—332. Тифл. 96. Ц. 20 к.

Джорджъ, Генри.—Прогрессъ и бѣдность. Исслѣдованія причины промышленныхъ застоевъ и бѣдности, растушей вмѣстѣ съ ростомъ богатства. Сред-

ство избавленія. Пер. съ англ. С. Николаева, ч. р. М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб. 96. Стр. 425. Ц. 2 р.

Додэ, Эрнестъ. — Донъ-Рафаель. Историческія приключенія 1807—1808 г. Романъ. М. 96. Стр. 332.

Дубновъ, В. М. — Иосифъ Флавій, его жизнь, литературная и общественная дѣятельность. „Наша Старина“, № 16 и 17. Од. 96. Стр. 59. Ц. 20 к.

Дюрингъ, Е. — Цѣнность жизни. Исслѣдованіе въ смыслѣ героическаго жизнепониманія. Перев. съ 4-го нѣм. изд. Ю. М. Антоновскаго, съ биограф. очеркомъ Дала и портретомъ Дюринга. 2-е изд. Спб. 96. Стр. 344. Ц. 1 р. 50 к.

Жакъ, д-ръ Н. — Внѣшнія качества нашихъ школьныхъ учебниковъ съ точки зрѣнія гигиены глазъ. М. 96. Стр. 34.

—— Гигіена обученія письму. М. 96. Стр. 46.

Заринъ, А. Е. — Говорящая голова. Сборникъ разсказовъ изъ жизни странствующихъ артистовъ. Спб. 96. Стр. 290. Ц. 1 р. 50 к.

Канторовичъ, Я. — Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Спб. 96. Стр. 221. Ц. 1 р.

Киртневъ, Н. — Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 6-е. Спб. 96. Стр. 166. Ц. 50 к.

Кацъ, Р. — Объ утомленіи глазъ. Съ 2 рис. Спб., 96. Стр. 17. Ц. 20 к.

Бикинъ, В. П. — Последніе дни Лермонтова. Историческая драма въ 4 д. М. 96. Стр. 36. Ц. 50 к.

Комтаре, Г. — Умственное и нравственное развитіе ребенка. Пер. съ франц. С. Исаевой и Л. Макухиной. Спб. 96. Стр. 277. Ц. 1 р.

Короленко, В. Г. — Дѣло мултанскихъ вожаковъ, обвинявшихся въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ. Составлено А. Н. Барановымъ, В. Г. Короленко и В. И. Суходовымъ. М. 96. Стр. 228. Ц. 60 к.

Круловъ, А. — Далекое Рождество. Изъ дѣтскихъ воспоминаній. Спб. 96. Стр. 32. Ц. 30 к.

Кудрявцевъ, П. Ф.; земск. sanit. врачъ. — Вліяніе школы на здоровье подрастающихъ поколѣній. Херс. 96. Стр. 40.

Ломоносовъ, П. — Опыты опредѣленія невыгоднѣйшихъ пріемовъ при культурѣ табака-махорки. Спб. 96. Стр. 72.

Лопусъ. — Дафнисъ и Хлоя. Перев. Д. Мережковскаго. Спб. 96. Стр. 160.

Лохвицкая, М. А. (Жиберь). — Стихотворенія. М. 96. Стр. 184.

Лукашевичъ, Клавдія. — Изъ деревни. Агуля. Повѣсть для дѣтей. Спб. 96. Стр. 61. Ц. 40 к.

Массонъ, Фредерикъ. — Наполеонъ I въ придворной и домашней жизни. Съ 12 рис. Перев. съ франц. Спб. 96. Стр. 296. Ц. 1 р. 50 к.

Менъ, Стан. — Сравнительная геологія, или геологія небесныхъ тѣлъ. Спб. 96. Стр. 156. Ц. 1 р.

Мережковский, Д. С. — Новыя стихотворенія. Спб. 96. Стр. 104.

Мижуевъ, П. Г. — Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи. Спб. 96. Стр. 62. Ц. 30 к.

Минскій, Н. М. — Илиада Гомера. Переводъ. М. 96. Стр. 416. Ц. 75 к.

Морлей, Дж. — О компромиссѣ. Перев. съ англ. М. Ц. Съ прилож. статьи того же автора: „О воспитательномъ значеніи литературы“. М. 96. Стр. 344. Ц. 75 к.

Никольскій, П. А. — Основные вопросы страхованія. Каз. 96. Стр. 416. Ц. 3 р.

Пантюховъ, И. И.—О пещерныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифл. 96. Стр. 137. Ц. 1 р.

Плащевъ, А. Н.—Повѣсти и рассказы. Съ портретомъ и биографическимъ очеркомъ. П. р. П. В. Быкова. Т. I. (1847—1859). Спб. 96. Стр. 742. Ц. 3 р. 50 коп.

Покровская, М. И. женщ.-вр.—О вліяніи жилища на здоровье, нравственность, счастье и матеріальное благосостояніе людей. Спб. 96. Стр. 43. Ц. 30 к.

Португаловъ, В. О.—Школа въ борьбѣ съ пьянствомъ. Од. 96. Стр. 28. Ц. 20 к.

Р., А. А.—Новый способъ нахождения наибольшаго дѣлителя, дающій признаки дѣлимости на любыя числа и функціи. Часть I: Числа. Спб. 96. Стр. 15. Ц. 40 к.

Радичъ, В.—Дѣтворѣ. Рассказы. Спб. 96. Стр. 68. Ц. 50 к.

Ремсень, проф.—Введеніе въ изученію органической химіи или химіи углеводистыхъ соединеній. Перев. съ англ. Н. С. Дрентельна, съ измѣн. и дополн. М. И. Коновалова. М. 96. Стр. 479. Ц. 1 р. 75 к.

Саккетти, Л.—Краткая историческая хрестоматія съ древнѣйшихъ временъ до XVII-го в. влючительно. Спб. 96. Стр. 475. Ц. 5 р.

Сахарова, А. Г.—Сказки для дѣтей. Спб. 96. Стр. 85 in 4°.

Слюминъ, Н. В.—Среди чучелъ. Съ 6 рис. М. 96. Стр. 46.

Сологубъ, Ф.—Стихи. Книга 1. Спб. 95. Стр. 64. Ц. 50 к.

Спенсеръ, Гербертъ.—О душѣ и доводы противъ социализма, въ краткомъ изложеніи М. Любомудрова. Самара, 96. Стр. 19. Ц. 15 к.

Станюковичъ, К. М.—Исторія одной жизни. М. 96. Стр. 294. Ц. 1 р.

Стрижовъ, И. Н.—Объ уральскихъ горныхъ заводахъ. Екатеринбург. 96. Стр. 16.

Тома, Феликсъ.—Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. М. 96. Стр. 123. Ц. 40 к.

— Внушеніе и воспитаніе. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Спб. 96. Стр. 80. Ц. 40 к.

Циллеръ, Т.—Что такое нравственность? Перев. съ нѣм. А. Острогорскаго. Спб. 96. Стр. 102. Ц. 50 к.

Шерръ, I.—Всеобщая исторія литературы. Вып. VII и VIII. Спб. 96. Стр. 239—400. Ц. 20 вып. 8 р.

Шидловскій, С. И.—Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украинѣ. 1696—1727 гг. Спб. 96. Стр. 266. Ц. 2 р. 50 коп.

Шостакъ, П. А.—Къ вопросу о вліяніи курса кредитнаго рубля на хлѣбныя цѣны. Спб. 96. Стр. 62.

Buch, Leon von.—Ueber die Elemente der politischen Oekonomie Th. I: Intensität der Arbeit, Wert und Preis der Arbeit. Leipzig, 96. Стр. 240.

— Исслѣдованіе частновладѣльческаго скотоводства въ Саратовской губ., произведенное въ 1894 г. Саратов. 95. Стр. 271 in 4°.

— Краткій историческій очеркъ Приюта Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. 1846—1896 гг. Спб. 96. Стр. 420, съ приложеніями.

— Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Статистическіе результаты процентнаго и раскладочнаго сборовъ за 1890, 91 и 92 гг. Спб. 95. Стр. 214.

— Международная Библіотека. № 37: Р. Варховъ, о дѣлительныхъ силахъ организма. Перев. съ нѣм. Спб. 95. Стр. 32. Ц. 15 к.—№ 38: М. Гюйо, Принципы искусства и поэзіи. Спб. 96. Стр. 80. Ц. 15 к.

— Нѣчто изъ артистическаго міра. Наброски перомъ и карандашомъ. Изд. М. Ледерле. Спб. 96. Стр. 251. Ц. 4 р.

— Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ г. Бердянскѣ за 1894—95 г., состав. С. Бычихинъ. Бердянскъ, 96. Ст. 34.

— Памятная Книжка Якутской области на 1896 г. Изд. Якут. Статист. Комитета. Якутскъ, 95. Ц. 2 р. 50 к.

— Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ кафедръ, со времени учрежденія Св. Правит. Синода. 1721—1895. Спб. 96. Стр. 121.

— Энциклопедическій Словарь. Т. XVII: Култагой—Ледъ. Изд. Ф. Брокгаузъ и И. Ефронъ. Спб. 96. Стр. 482.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

По поводу „извлеченій“ изъ записокъ историка С. М. Соловьева.

М. Г.—Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (съ февральскаго №) печатается рядъ „извлеченій“ изъ записокъ С. М. Соловьева. Въ публикѣ и печати эти „извлеченія“ были приняты за прямое изданіе самихъ записокъ, чему способствовали газетныя объявленія, гдѣ говорилось, что редакціи „Русскаго Вѣстника“ предоставлены для напечатанія „записки извѣстнаго историка, С. М. Соловьева“.

Независимо отъ вопроса о своевременности обнародованія записокъ нашего покойнаго отца, — находя способъ изданія упомянутыхъ „извлеченій“ *неправильнымъ* во многихъ отношеніяхъ, считаемъ себя обязанными по возможности поправить дѣло. Не видимъ въ этому другому средству, кромѣ напечатанія записокъ *съ точнѣйшей редакціи, безъ всякихъ произвольныхъ пропусковъ и съ явственными обозначеніемъ пропусковъ неизбѣжныхъ.*

Зная дружественное къ Вамъ отношеніе покойнаго отца и его сочувствіе „Вѣстнику Европы“, гдѣ онъ съ самаго основанія Вами журнала и до своей послѣдней болѣзни помѣщалъ почти ежегодно свои статьи, мы находимъ справедливымъ предоставить Вамъ изданіе записокъ въ надлежащемъ видѣ, согласно автографическому подлиннику, находящемуся въ нашемъ распоряженіи.

16 марта 1896 г.

Владиміръ Соловьевъ.
Михаилъ Соловьевъ.

Журналъ съ полною готовностью принимаетъ такое предложеніе— дать публикѣ записки Сергѣя Михайловича Соловьева въ надлежащемъ ихъ видѣ, какъ то желательно не только въ интересахъ памяти такого лица, но и для возстановленія истиннаго характера нашего историка, занимающаго первенствующее мѣсто въ наукѣ отечественной исторіи.

Ред.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

J. Barbey D'Aurevilly. Journalistes et polémistes, chroniqueurs et pamphlétaires. Paris. 1896. Стр. 346.

Сужденія Барбэ д'Орвилли о современной французской печати и главнѣйшихъ ея представителяхъ, представляютъ большой интересъ. При жизни автора, они были разсѣяны вмѣстѣ съ другими критическими статьями его по разнымъ газетамъ и журналамъ, и лишь послѣ смерти д'Орвилли составлены были его друзьями серіи критическихъ и публицистическихъ его очерковъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Les oeuvres et les hommes“. Этуды о журнализмѣ составляютъ послѣдній изъ изданныхъ до сихъ поръ томовъ, и въ немъ выразилась ярче, чѣмъ въ предъидущихъ его книгахъ, писательская фizioномія автора. Барбэ д'Орвилли съ его фанатической преданностью католицизму и монархіи—одинъ изъ самыхъ блестящихъ и сильныхъ французскихъ публицистовъ текущаго вѣка. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ художникомъ, и его „Une vieille maîtresse“ и „Diaboliques“ пользуются заслуженной извѣстностью. Въ области романа д'Орвилли примыкаетъ къ манерѣ Бальзака въ его маленькихъ повѣстяхъ; онъ съ большимъ мастерствомъ включаетъ въ краткіе эпизоды сложныя и сосредоточенныя страсти. Въ изображеніи же самыхъ страстей и чувствъ своихъ героевъ д'Орвилли—истинный романистъ, съ сильнымъ отпечаткомъ байронизма. Все въ его повѣстяхъ выходитъ изъ нормальныхъ размѣровъ и имѣетъ преувеличенный характеръ; душевныя страданія доведены до пагоса и иногда заходятъ слишкомъ далеко въ своей напряженности, нарушая художественность рассказовъ. Но эти крайности чувствъ вполне искренни у д'Орвилли и характеризуютъ его собственную бурную натуру, которая находила себѣ исходъ гораздо менѣе въ художественномъ творествѣ, чѣмъ въ дѣятельности проповѣдника, полемиста и критика. Воитель по природѣ, человекъ очень опредѣленныхъ и твердыхъ принциповъ въ политикѣ и въ жизни, д'Орвилли беспощаденъ въ своихъ нападкахъ на людей и на идеи, и проявляетъ себя въ этихъ обличительныхъ статьяхъ не только блестящимъ журналистомъ, но главнымъ образомъ писателемъ съ замѣчательно выработаннымъ стилемъ и съ серьезнымъ идейнымъ содержаніемъ. Менѣе всего удастся д'Орвилли литературная критика; подъ влияніемъ своихъ политическихъ воззрѣній,

Онъ относится съ предубѣжденіемъ ко всему, исходящему отъ защитниковъ свободомыслія и республиканской свободы, и отзывы его полны нескончаемыхъ заблужденій, возбуждающихъ въ настоящее время лишь улыбку въ особенности изъ-за авторитетнаго тона, въ какомъ они сказаны. Викторъ Гюго, Жоржъ Зандъ, Леопарди, Гёте третируются имъ свысока, и самые рѣзкіе приговоры проносятся совершенно твердо по поводу такихъ произведеній какъ „Вертеръ“, „Орасъ“, „Légende des siècles“. Въ книгѣ „Littérature étrangère“ д'Орвилли съ той же развязностью предсказываетъ, что Свифтъ скоро исчезнетъ изъ памяти людей; онъ надѣвается нелѣпнымъ образомъ надъ „Тарасомъ Бульбой“, и отрицаетъ всякое достоинство въ санскритской поэзіи. Но, наряду съ этими, явно тенденціозными, сужденіями, среди критическихъ очерковъ встрѣчаются прекрасныя страницы о Шекспирѣ, Бальзакѣ, Байронѣ. Въ нихъ эстетическое чутье одерживаетъ верхъ надъ партійнымъ духомъ, и д'Орвилли обнаруживаетъ пониманіе и отзывчивость въ оцѣнкѣ истинной красоты.

Но если въ вопросахъ литературной критики д'Орвилли ослѣпленъ иногда партійными взглядами и исходитъ изъ ложной точки зрѣнія въ обсужденіи литературныхъ произведеній, то въ очеркахъ журнализма эта обособленность взглядовъ не мѣшаетъ ему высказывать много несомнѣнныхъ истинъ и подмѣчать характерныя особенности и недостатки журналистовъ разныхъ партій. Онъ часто несправедливъ въ характеристикѣ разныхъ публицистовъ враждебныхъ лагерей, но въ его нападкахъ чувствуется его собственная сила и его высокое пониманіе задачъ журнализма. Д'Орвилли менѣе всего сторонникъ безстрастнаго исканія истины тамъ, гдѣ дѣло касается текущихъ вопросовъ дня: полемика вошла у него въ плоть и кровь, и тотъ, кто не умѣетъ сильно любить и сильно ненавидѣть, кажется ему мертвымъ человѣкомъ. Онъ требовалъ для вѣрующихъ людей права горячо чувствовать и энергично проявлять свои чувства. Будучи самъ глашатаемъ воинствующей церкви, онъ имѣлъ своихъ пророковъ: Жозефа де-Мэстра и Бона, и все враждебное ихъ принципамъ подвергалъ жестокому осмѣянію.

Но въ спорахъ съ своими политическими противниками д'Орвилли дѣлаетъ не мало вѣрныхъ замѣчаній, начиная хотя бы съ опредѣленія журнализма. Воспитанный въ традиціяхъ хорошаго литературнаго вкуса, д'Орвилли возмущается нелитературностью періодической печати и устанавливаетъ границу между журналистикой и литературой. „Э. де-Жирарденъ, — говоритъ онъ, — не писатель, а журналистъ. Очень важно не смѣшивать этихъ двухъ родовъ писателей. Изъ того, что оба они нуждаются въ перѣ и чернильницѣ, еще не слѣдуетъ, чтобы они были равны или даже похожи другъ на

друга. Всякій, кто обладаетъ смѣлостью, пишетъ на клочкѣ бумаги то, что ему вздумается, и становится такимъ образомъ журналистомъ. Для писателя нужно очевидно нѣчто большее. Какъ журналистъ, Э. де-Жиранденъ не лишенъ таланта, но это талантъ журналиста. А по самой сущности своей профессіи, журналистъ такъ же мало обязанъ быть литераторомъ, какъ адвокатъ или врачъ. Журналистъ, какъ доказываетъ д'Орвилли на примѣрѣ Жирандена, долженъ обладать только качествами, нужными для дуэлей—мѣткостью ударовъ въ полемику; кромѣ того, ему нужна нѣкоторая эрудиція, т.-е. обиліе фактовъ, для чего достаточно быть, какъ Жиранденъ „un greneur de notes, un raregassier“. Стилъ же абсолютно отсутствуетъ въ такого рода писаніи, и въ этомъ отличіе „прессы“ отъ литературы, имѣющей прежде всего свои законы и традиціи.

Эта параллель сдѣлана очень смѣло, особенно если принять во вниманіе, что статья о Жиранденѣ написана д'Орвилли въ концѣ 50-хъ годовъ, когда граница между этими двумя родами писанія еще не была такъ велика, какъ теперь, когда дѣятели печати были въ то же время писателями и носителями опредѣленныхъ міросозерцаній, и французская пресса не была царствомъ репортажа, интервьюерства и рекламы, какъ въ настоящее время. Д'Орвилли видитъ у современныхъ ему журналистовъ склонность понизить уровень своей профессіи, и потому съ такой горячностью обличаетъ опасности журнализма. У него самого сохранился въ душѣ идеалъ журналиста, какъ человѣка страстно преданнаго своимъ идеямъ и защищающаго ихъ съ тѣмъ же пыломъ, какой воодушевляетъ война на полѣ битвы; но въ то же время идеальный журналистъ вовсе не долженъ быть плохимъ писателемъ, и служеніе литературѣ только возвышаетъ цѣнность его взглядовъ въ разныхъ вопросахъ жизни. Д'Орвилли цитируетъ Макіавелли, какъ образцоваго представителя журнализма, и на его примѣрѣ доказываетъ, что говорить на тѣмъ днѣ можно такъ, чтобы интересъ къ сказанному не исчезалъ долго послѣ того, какъ сами тѣмъ эти отжили окончательно.

Главной опасностью современнаго журнализма д'Орвилли считаетъ „всезнайство“, требуемое отъ прессы. „Онъ былъ однимъ изъ людей,—говоритъ онъ про Армана Карреля,—призванныхъ обучать всему; спеціальность ихъ—знаніе всего на свѣтѣ. Тяжелая задача! Чтобы справиться съ ней, нужны плечи Атланта“. А такъ какъ тѣмъ ихъ силъ нѣтъ у изучаемыхъ имъ дѣятелей печати, то во всемъ, что они пишутъ, чувствуется верхоглядство и отсутствіе выработаннаго міросозерцанія. Какъ человѣкъ очень опредѣленныхъ идей, д'Орвилли не выноситъ безпринципности, и даетъ очень интересное опредѣленіе тѣхъ, кому онъ присвоиваетъ названіе „богема“, хотя бы по своему

общественному положенію они были профессорами или академиками. „Отличительная черта богемы,—говорит онъ,—не отсутствіе презентабельнаго платья, а отсутствіе принциповъ, отсутствіе священнаго покрыва незыблемой морали, облакающаго разумъ и сердце; быть богемой значить гнутья въ своихъ писаніяхъ по направленію вѣтра, быть въ литературѣ и политикѣ найденышемъ, ребенкомъ случая, лишеннымъ интеллектуальной родины, т.-е. не имѣющимъ ни религія, ни философія“. Это требованіе общаго міросозерцанія отъ дѣятелей прессы не часто высказывалось во французской печати, и тѣмъ болѣе оно драгоцѣнно. Идеи самого д'Орвилли въ области политики и воинствующаго католицизма не возбуждаютъ болѣе ни сочувствія, ни, быть можетъ, даже интереса,—но его серьезное отношеніе къ задачамъ писателя, его теоретическія воззрѣнія на журнализмъ выдѣляютъ д'Орвилли очень выгоднымъ для него образомъ изъ массы французскихъ журналистовъ послѣднихъ десятилѣтій.

Д'Орвилли преслѣдуетъ въ своихъ современникахъ то особенное свойство скептическаго легкомыслія, которое окрещено съ нѣкоторыхъ поръ названіемъ „blague“. Слово это не существовало еще въ его время, но самое понятіе „благѣрства“ намѣчено имъ въ небольшой статейкѣ объ Эдмонѣ Абу, умѣвшемъ съ такой непринужденностью высмѣивать природу и науку, людей и идеи,—все, чего онъ не понималъ, но что старался уничтожить своимъ скептицизмомъ. „Какъ истинный француз,—говоритъ д'Орвилли,—Абу боялся быть одуроченнымъ (*ragaltre dure*); это единственный страхъ, свойственный французскому характеру, и котораго не стыдятся смѣльчаки этой родины интеллектуальныхъ Миратовъ“. Этотъ страхъ становится источникомъ всеразрушительнаго благѣрства; все, что способно вызвать искреннее чувство и что освящено увлеченіемъ предъидущихъ поколѣній, подвергается осмѣянію не во имя новыхъ святыхъ, а только ради самого разрушенія. Скептицизмъ, лишенный идеалистической подкладки, вызываетъ въ д'Орвилли искреннее раздраженіе, въ значительной степени справедливое, и то, что онъ говоритъ о благѣрствѣ Абу, примѣнимо ко многимъ, болѣе выдающимся писателямъ, чѣмъ этотъ обличитель романтическихъ увлеченій. Въ разбираемой д'Орвилли книгѣ, „*La Grèce Contemporaine*“, Абу задается очевидно цѣлью разрушить обаяніе, которое Греція имѣла для романтиковъ. Прежде греческая природа и жизнь современной Греціи вызывали или восторженныя, или меланхолическія настроенія. „У жителей Востока,—писалъ одинъ поэтъ,—траурнымъ цвѣтомъ считается голубой. Вотъ почему небеса и моря печальной Греціи такого дивно лазурнаго цвѣта“. Въ своей книгѣ Абу рисуетъ эту страну поэтическихъ воспоминаній съ самой смѣшной стороны, стараясь ополнить ея красоту

и внушить недовѣріе ко всѣмъ преданіямъ ея старины. Абу принялъ эту систему вышучиванія ко всему, къ новѣйшимъ научнымъ теоріямъ, къ изображенію народной жизни, и всегда дѣлалъ это съ подмѣченнымъ д'Орвилли легкомысліемъ, за которымъ чувствуется отсутствіе знаній и отсутствіе убѣжденій.

Въ книгѣ д'Орвилли главный интересъ представляютъ, конечно, теоретическія сужденія его о задачахъ журналистики. Но кромѣ того въ ней встрѣчаются мѣткія характеристики разныхъ современниковъ, и въ общемъ получается живая картина французской журналистики 50-хъ и 60-хъ годовъ. Нѣсколько интересныхъ страницъ посвящено Огюсту Вакери, котораго д'Орвилли сравниваетъ съ извѣстнымъ биографомъ критика Джонсона, Боссуэлемъ. „Вакери, — говоритъ онъ о роли этого писателя въ исторіи романтизма, — это прежде всего собственность Гюго, его вассаль, его сотрапезникъ, — болѣе того, его мамелюкъ! — болѣе того, его отраженіе и тѣнь! такъ что приходится спросить себя, могъ ли бы существовать Вакери, еслибы не было Гюго. Вакери никогда не возражалъ противъ такой роли въ литературѣ. Напротивъ того, онъ съ наслажденіемъ принимаетъ ее. Онъ гордится тѣмъ, что существуетъ только благодаря В. Гюго, вызванный къ литературной дѣятельности творческой силой поэта, который создалъ его, Вакери, какъ одинъ изъ томовъ своего собранія сочиненій. И это, быть можетъ, не худшій изъ томовъ и навѣрное одинъ изъ самыхъ веселыхъ“. Такая характеристика извѣстнаго автора „Tragalabas“ несомнѣнно вѣрна, хотя и написана съ большимъ коварствомъ, такъ что многія изъ стрѣлъ, направленныхъ на ученика и поклонника Гюго, перелетаютъ черезъ цѣль и попадаютъ въ учителя, къ которому д'Орвилли питалъ далеко не нѣжныя чувства. Такъ же заслуживаетъ вниманіе очеркъ о Филаретѣ Шалѣ; этотъ забытый теперь критикъ былъ однимъ изъ первыхъ французскихъ журналистовъ, знакомившихъ публику съ явленіями интеллектуальной жизни за границей. Онъ хорошо зналъ Англію и переносилъ англійскій юморъ на французскую почву въ своихъ критическихъ этюдахъ, щеголявшихъ и необычайнымъ для француза знаніемъ иностранной жизни, и самостоятельными достоинствами идей и стиля. Д'Орвилли не можетъ простить ему, что въ книгѣ о Галилеѣ онъ выступилъ обвинителемъ католической церкви, но это не мѣшаетъ ему признать за Ф. Шалемъ его чисто литературныя заслуги. Кромѣ названныхъ этюдовъ, въ книгѣ д'Орвилли есть нѣсколько другихъ, заслуживающихъ вниманія очерковъ — о Пельтанѣ, Гранье де-Кассаньякѣ, Гренъе и другихъ. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1896.

Продолженіе полемики о „русско-польскихъ“ отношеніяхъ.—Статьи двухъ газетъ о вѣротерпимости.—Драгоцѣнное признаніе „Московскихъ Вѣдомостей“.—Самарскіе и калужскіе еретики. — Два старинные указа.

Говоря, два мѣсяца тому назадъ, о переходѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ подъ редакцію кн. Э. Ухтомскаго, мы выразили желаніе, чтобы не погасъ свѣтъ, кое-гдѣ мерцающій въ статьяхъ обновленной газеты. До извѣстной степени это желаніе можно признать исполненнымъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ на страницахъ „Спб. Вѣдомостей“ царятъ потемки или, лучше сказать, сумерки, безцвѣтныя и блѣдныя; но отъ времени до времени среди нихъ вспыхиваетъ огонекъ, ярко освѣщающій одну сторону нашей дѣйствительности. Вѣрный своимъ традиціямъ, редакторъ „Спб. Вѣдомостей“ обрѣтаетъ живую силу въ соприкосновеніи съ вѣроисповѣднымъ вопросомъ. Большой его заслугой было уже открытое упоминаніе о книгѣ гр. Леливы и признаніе достовѣрности нѣкоторыхъ ея сообщеній. Оно навлекло на него массу насмѣшекъ и обвиненій—но, не смущаясь ими, онъ возвратился къ однажды затронутой темѣ и посвятилъ ей замѣчательную статью (№ 64), дающую ему право на благодарность всѣхъ искреннихъ друзей религіозной свободы. Возражая на замѣтку „Русскаго Вѣстника“, о которой мы говорили въ предыдущей хроникѣ, кн. Ухтомскій совершенно правильно видитъ въ ней признаки „полнаго усыпленія совѣсти“. Только въ такомъ усыпленномъ состояніи можно не видѣть и не понимать всю ненормальность мѣропріятій, заставляющихъ и ребенка задумываться надъ вопросомъ: „что позволительнѣе — нарушить приказанія начальства, или велѣнія Божія“? „Вѣдь для ребенка, — восклицаетъ кн. Ухтомскій, — слово священника есть слово Божіе! Во имя чего можно требовать, не только отъ ксендзовъ, но и отъ мирянъ-католиковъ, чтобы они критически отнеслись къ правилу своей церкви, отрицательно относящейся къ присутствію ихъ при иновѣрномъ богослуженіи, и къ тому же объяснили дѣтямъ несостоятельность этого правила? Отъ какого добросовѣстнаго духовенства можно требовать, чтобы оно предпочло изданный свѣтскою властью молитвенникъ—обязательному церковному“?. „Благочестіе народа, — читаемъ мы дальше, — выражается въ приверженности его къ обрядамъ и обы-

чаемъ, имѣющимъ религіозный характеръ, въ любви къ благолѣпному церковному служенію, особливо въ большіе, чтимые народомъ праздники, въ испрошеніи благословенія церковнаго во всѣ важные случаи жизни". Между тѣмъ, въ западномъ краѣ, несмотря на существующее Высочайшее повелѣніе, „до сихъ поръ причиняется стѣсненіе къ водруженію крестовъ на поляхъ и перекресткахъ, согласно древнему обычаю. Совершеніе крестныхъ ходовъ, которые въ извѣстные дни входятъ въ составъ религіозно-католическаго богослуженія, обставлено всевозможными затрудненіями; любопытенъ, между прочимъ, случай, когда хоругви и св. иконы, эти необходимыя принадлежности крестнаго хода, были признаны недозволенными процессиональными знаками. Выраженія населеніемъ радости при объѣздѣ епископомъ епархіи считаются подозрительными манифестаціями; въ одномъ случаѣ исправникъ получаетъ замѣчаніе, затѣмъ не помѣшалъ дѣтямъ осыпать цвѣтами путь епископа отъ костельныхъ воротъ до алтаря. Погребальныя шествія тоже подвергнуты ограниченіямъ. Сперва (въ 1887 г.) было запрещено погребальное пѣніе на польскомъ языкѣ; народъ сталъ пѣть латинскіе гимны; полиція препятствовала и этому, вслѣдствіе чего происходили столкновения; тогда (въ октябрѣ 1894 г.) были воспрещены всякія пѣснопѣнія при погребальныхъ шествіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещены всякіе процессиональные знаки, кромѣ креста. Несмотря на то, что и по существу дѣла, и по закону, епископъ обязанъ объѣзжать свою епархію, онъ не можетъ отлучаться даже на одни сутки изъ мѣста своего пребыванія безъ разрѣшенія гражданской власти. Во время поѣздокъ его сопровождаетъ жандармско-полицейскій эскортъ. При этомъ возникаютъ и такіе вопросы: можетъ ли епископъ, пріѣхавшій лечиться въ Друскеники, совершать торжественное богослуженіе въ мѣстномъ костелѣ? Дѣятельность приходскаго духовенства поставлена въ еще болѣе тяжкія условія. Надъ всендзомъ постоянно виситъ дамокловъ мечъ штрафа, мотивировка котораго не всегда удобопонятна. Сколь ни характерны эти данныя, значеніе ихъ блѣднѣетъ въ сравненіи съ фактами, касающимися отношенія администраціи къ религіозному обученію и религіозной совѣсти дѣтей въ привислянскихъ и западно-русскихъ губерніяхъ. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ систематическимъ устраненіемъ католическаго духовенства отъ преподаванія въ школахъ Закона Божія. Дѣти-католики лишаются возможности обучаться правиламъ своей вѣры и церкви у своихъ естественныхъ духовныхъ руководителей. Несмотря на двукратный протестъ бывшаго варшавскаго генераль-губернатора Л. В. Гурко, ясно понимавшаго весь глубокой вредъ такой секуляризаціи школы, въ 1891 г. изъ 2.863 начальныхъ училищъ привислянскаго края, только въ 154

Законъ Божій преподавался ксендзами. То же стремленіе къ устраненію духовенства изъ школы замѣчается и въ западномъ краѣ. Послѣдствіями неправильной постановки преподаванія Закона Божія является съ одной стороны лишеніе дѣтей, оканчивающихъ курсъ въ народныхъ училищахъ, свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности, вслѣдствіе слабыхъ познаній по Закону Божію, а съ другой стороны—предоставленіе аттестатовъ объ окончаніи курса ученикамъ-католикамъ, вовсе не обучавшимся Закону Божію. Но и этого мало. Въ 1881 г. попечителемъ варшавскаго учебнаго округа г. Алухтинимъ была сдѣлана попытка ввести въ учебныхъ заведеніяхъ края старый стиль; этимъ способомъ ученики-католики лишались возможности проводить въ своихъ семьяхъ праздники Рождества Христова и св. Пасхи. Попытка не удалась, но безъ всякой надобности вызвала удручающее впечатлѣніе“.

Таковы факты, до сихъ поръ никѣмъ не опровергнутые. Органы печати, недовольные прямою и откровенною „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, напрасно селятся выдвинуть на первый планъ политическую сторону книги гр. Леливы, напрасно вспоминаютъ о прежнихъ польскихъ грѣхахъ по части религіозныхъ притѣсненій. Дѣло не въ томъ, ошибочны ли возрѣнія Леливы, а въ томъ, вѣрно ли имъ обрисована существующая система, и если вѣрно, то желательно ли ея сохраненіе и продолженіе. „Что доказываютъ историческіе факты гоненія православія поляками“?—спрашиваетъ кн. Ухтомскій:—„вѣдь не то же, что и намъ ихъ теперь надо гнать въ религіозномъ отношеніи“? Когда ошибка, въ концѣ концовъ тяжело отозвавшаяся не только на притѣсненныхъ, но и на притѣснителяхъ, отошла далеко въ прошедшее, рѣчь можетъ идти не о возмездіи за нее, а только объ урокъ, который она преподаетъ настоящему и будущему... Что сказать, затѣмъ, о слѣдующей выходѣ по адресу „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, помѣщенной въ „Новомъ Времени“ (№ 7197) черезъ нѣсколько дней послѣ появленія цитированной нами статьи кн. Ухтомскаго: „въ русско-польскомъ вопросѣ молодая редація поспѣшила взять назадъ немалую часть изъ сказаннаго раньше, и степень благорасположенія къ ней балтійскихъ и польскихъ патриотовъ замѣтно понижается. Въ перспективѣ какъ будто начинаетъ вырисовываться непроходимый туннель, и очищается мѣсто между двумя стульями“. Намъ кажется, что „молодая редація“ ничего не взяла назадъ, а, наоборотъ, больше прежняго выяснила свое положеніе въ „русско-польскомъ вопросѣ“. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ пріемы, въ которыхъ прибѣгаютъ въ борьбѣ съ „Спб. Вѣдомостями“ наши ультра-націоналисты. „Въ прибалтійскихъ органахъ—сказано въ той же замѣткѣ „Новаго Времени“—мы читали, что въ край пріѣзжалъ

уполномоченный отъ новорожденной редакціи, баронъ Ф, для сбора симпатій, а также, кстати, и объявленій. „Dziennik Poznanski“ засвидѣтельствовалъ, что въ варшавскихъ польскихъ клубахъ собирали коллективныя подписки на газету кн. Ухтомскаго“. Итакъ, русскому консервативному журналисту стоитъ только высказаться за права иновородцевъ и иновѣрцевъ—и его коллеги спѣшатъ заподозрить его мотивы, бросить тѣнь на чистоту и безкорыстіе его стремленій! Они не хотятъ вѣрить въ искренность негодованія и стыда, испытываемыхъ кн. Ухтомскимъ при видѣ притѣсненій за вѣру; имъ нужно приискать какое-нибудь другое, низменное объясненіе его горячаго слова. Они, очевидно, потеряли способность понимать, что въ вопросахъ національно-религіозныхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, больше всего и прежде всего обязательна справедливость; что можно и должно стоять не только за *свое*, но и за *чужое* право.

Слова эластичнѣе, чѣмъ понятія—и никогда, кажется, эта эластичность не выражалась такъ ясно, какъ въ толкованіяхъ, которыми подвергалось у насъ слово: *въротерпимость*. Намъ не удивило, поэтому, появленіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 70) передовой статьи, озаглавленной этимъ словомъ; намъ давно было извѣстно, что, по мнѣнію реакціонной печати, въротерпимость существуетъ въ Россіи даже въ ббльшей мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Прочитавъ статью, мы нашли въ ней, однако, кое-что новое и достойное вниманія. Нельзя—говорятъ „Московскія Вѣдомости“—„нельзя человѣка силой заставить переимѣнить убѣжденіе, или вѣрить тому, въ чемъ онъ сомнѣвается; самая попытка сдѣлать это станетъ для него аргументомъ не за, а противъ навязываемой ему вѣры. Поэтому совершенно понятно, что чѣмъ сильнѣе религіозное чувство человѣка, тѣмъ сильнѣе претить ему инквизиціонный способъ душеспасенія. Но было бы крайне неосторожно смѣшивать свободу совѣсти съ безконтрольною свободой пропаганды религіозныхъ, политическихъ или нравственныхъ ученій. Не только въ сферѣ религіи, но и во всякой другой, невозможно запретить человѣку думать именно такъ, какъ онъ думаетъ; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы необходимо было предоставить ему право распространять свои мысли хотя бы съ явнымъ вредомъ для государства или для общества“. Указавъ на то, что понятіе господствующей церкви вовсе не противорѣчитъ понятію свободы совѣсти, газета продолжаетъ: „вѣра человѣка есть дѣло его совѣсти и не подлежитъ никакому внѣшнему контролю; но вѣроисповѣданіе, какъ выраженіе этой вѣры, требуетъ внѣшнихъ проявленій, и проявленія эти могутъ быть вполне согласны съ законами и цѣлями страны, или же могутъ противорѣчить имъ. Никому не придетъ въ голову во имя вѣротерпимости тре-

бовать допущенія человѣческихъ жертвоприношеній или безпрепятственнаго распространенія членовредительства. Ясно, что принципъ невмѣшательства и вѣротерпимости обязательнѣе для государства лишь до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о внутреннемъ мирѣ чловѣка, и становится совершенно непримѣнимъ, какъ только дѣйствительныя или мнимо-вѣроисповѣдныя требованія становятся въ противорѣчіе съ государственными законами. Государственная власть не можетъ предоставить ученіямъ, которыя она признаетъ не только ложными, но и вредными, одинаковыхъ правъ съ тѣми, которыя оно считаетъ истинными и плодотворными. Еще менѣе можетъ оно допустить, чтобы подъ флагомъ религіозныхъ убѣжденій проводились социальныя и политическія теоріи, имѣющія не только мало общаго съ религіей, но грозящія вѣшной безопасности или внутреннему порядку. Конечно, возможенъ вопросъ о коллизіи религіозныхъ вѣрованій съ требованіями, предъявляемыми государствомъ; но въ такомъ случаѣ для того, кто искренно и глубоко убѣжденъ въ правотѣ своей вѣры, остается только безропотно нести послѣдствія такой коллизіи, тѣмъ болѣе что, вообще говоря, послѣдствія эти далеко не такъ тяжки, какъ были въ первые времена христіанства. Само собою разумѣется, что государственная власть должна возможно меньше и рѣже вмѣшиваться въ дѣла религіозныя; но она не можетъ не слѣдить за тѣмъ, чтобы въ церквахъ и въ школахъ, особенно на окраинахъ, подъ видомъ религіозной проповѣди не проводились тенденціи сепаратизма. Конечно, всякое ограниченіе такой тенденціозной проповѣди будетъ выставляться проповѣдниками какъ стѣсненіе свободы совѣсти. Очень возможно, что администрація дѣйствительно проявляетъ иногда усердіе не по разуму. Конечно, желательно устраненіе подобныхъ ошибокъ и недоразумѣній, но необходимо относиться осторожно къ обвиненіямъ въ религіозной нетерпимости и еще осторожнѣе дѣлать изъ нихъ обобщенія, такъ какъ въ подобныхъ обобщеніяхъ обыкновенно гораздо болѣе заинтересована политика, чѣмъ свобода совѣсти“.

Таковы разсужденія московской газеты. Мы привели ихъ *in extenso* какъ для того, чтобы оградить себя отъ упрека въ искаженіи мыслей противника, такъ и потому, что весьма любопытно прослѣдить логическіе зигзаги, путемъ которыхъ ограничивается и обезсиливается основной, повидимому, тезисъ статьи. Несмотря, однако, на всѣ оговорки, изъ этого тезиса уцѣлѣло признаніе за каждымъ права вѣрить по своему и отрицаніе принужденія въ дѣлахъ вѣры. Если „нельзя заставить чловѣка перемѣнить убѣжденіе или вѣрить тому, въ чемъ онъ сомнѣвается“, то нельзя, очевидно, и считать его неразрывно связаннымъ съ вѣроисповѣданіемъ, въ которомъ онъ ро-

дился или, можетъ быть, съ самаго рожденія только официально числился. Аргументація „Московскихъ Вѣдомостей“, въ этой своей части безупречная, несомнѣнима съ понятіемъ объ отпаденіи отъ православія, какъ о чемъ-то противозаконномъ, влекущемъ за собою уголовную отвѣтственность или, по меньшей мѣрѣ, гражданскія правоограниченія. Объектомъ запрещеній и преслѣдованій остается, затѣмъ, только пропаганда, т.-е. намѣренное *распространеніе* религиозныхъ вѣрованій, несогласныхъ съ ученіемъ господствующей церкви. Ничего общаго съ пропагандой не имѣетъ совершеніе надъ лицомъ, по имени православнымъ, но на самомъ дѣлѣ переставшимъ принадлежать или никогда не принадлежавшимъ къ православной церкви, таинства или другого религиознаго дѣйствія по правиламъ инославнаго исповѣданія. Утверждать противное—значило бы лишать множество вѣрующихъ единственнаго религиознаго утѣшенія, доступнаго для нихъ въ силу ихъ вѣры, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., когда отъ вѣнчанія или крещенія по православному обряду зависитъ приобрѣтеніе или обезпеченіе тѣхъ или другихъ гражданскихъ правъ)—даже прямо побуждать ихъ къ отступленію отъ ихъ религиозныхъ убѣжденій или къ лицемерной съ ними сдѣлкѣ. Итакъ, московская газета допускаетъ—*mirabile dictum!*—одинъ изъ главныхъ постулатовъ свободы совѣсти и этимъ самымъ выходитъ изъ строя защитниковъ *statu quo*, между которыми она была до сихъ поръ усерднѣйшею изъ усердныхъ.

Менѣе опредѣленна и менѣе логична другая часть аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“. Совершенно вѣрно, что „никому не придетъ въ голову требовать, во имя вѣротерпимости, допущенія человѣческихъ жертвоприношеній или безпрепятственнаго распространенія членовредительства“; но почему? Не потому, что человѣческія жертвоприношенія и членовредительство запрещены „государственнымъ закономъ“, а потому, что они противорѣчатъ вѣчнымъ законамъ нравственности. Московская газета впадаетъ въ явную ошибку, утверждая, что „принципъ вѣротерпимости“ совершенно непримѣнимъ и не обязателенъ для государства, „какъ только вѣроисповѣдныя требованія становятся въ противорѣчіе съ государственными законами“. „Принципъ вѣротерпимости“, поставленный въ зависимость отъ измѣнчивыхъ „государственныхъ законовъ“, перестаетъ быть *принципомъ*, т.-е. критеріемъ, которымъ измѣряется достоинство положительнаго закона. Нельзя отдѣлять, какъ это пытается сдѣлать московская газета, вѣру отъ вѣроисповѣданія; нельзя допускать свободу совѣсти только до тѣхъ поръ, „пока дѣло идетъ о внутреннемъ мірѣ чловѣка“—нельзя по той простой причинѣ, что происходящее въ душѣ чловѣка недоступно наблюденію и, слѣдовательно, „свободно“ даже

при величайшемъ ви́шнемъ гнетѣ. Не принципъ вѣротерпимости долженъ быть принесенъ въ жертву государственнымъ законамъ, а государственные законы должны быть согласованы съ принципомъ вѣротерпимости. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Положимъ, что государственнымъ закономъ запрещено „публичное оказательство“ вѣроисповѣданія, которое государственная власть признаетъ—наравнѣ со всѣми другими исповѣданіями, кромѣ господствующаго—неистиннымъ, но не считаетъ вреднымъ; положимъ, далѣе, что послѣдователи этого вѣроисповѣданія ходатайствуютъ, во имя вѣротерпимости, о разрѣшеніи имъ устраивать крестные ходы, ставить, на перекресткахъ дорогъ, кресты или иконы, пѣть, во время похоронныхъ процессій, погребальные гимны. Можно ли будетъ отвѣтить имъ такъ: „вѣротерпимость, которою вы мотивируете свое ходатайство, тутъ ни при чемъ; запрещеніе, которое вы находите стѣснительнымъ, основано на государственномъ законѣ, и слѣдовательно принципъ вѣротерпимости къ нему непримѣнимъ“. Не ясно ли, что подобный отвѣтъ являлся бы, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ уклоненіемъ отъ отвѣта? Что государственный законъ, пока онъ въ установленномъ порядкѣ не отменяетъ, имѣетъ обязательную силу—это бесспорно; но вѣдь рѣчь идетъ не о его нарушеніи, а именно о его отменѣ, во имя принципа вѣротерпимости. Къ конфликту между „закономъ“ и „принципомъ“ можно относиться такъ или иначе, но нельзя отрицать его существованіе... Еще менѣе убѣдительно дальнѣйшія соображенія московской газеты. Изъ того, что „подъ флагомъ религиозныхъ убѣжденій не должны быть проводимы социальныя или политическія теоріи, грозящія ви́шней безопасности государства или его внутреннему порядку“,—вовсе не вытекаетъ необходимость стѣснять выраженіе религиозныхъ убѣжденій, какъ *могуще* служить покровомъ или проводникомъ для противозаконныхъ политическихъ тенденцій. Одной возможности здѣсь еще мало; нужно, по меньшей мѣрѣ, то, что на юридическомъ языкѣ называется началомъ доказательства. Чтобы запретить, напримѣръ, съѣздъ ксендзовъ или поѣздки католическаго епископа, недостаточно *предположенія*, что они *могутъ* быть обращены въ орудіе политической пропаганды; нужно имѣть въ рукахъ положительныя данныя, указывающія на *существованіе* злого умысла. Ксендзь, пользующійся преподаваніемъ, какъ средствомъ „проводить тенденціи сепаратизма“, можетъ навлечь на себя тѣ или другія полицейскія или карательныя мѣры — но *ксендзы вообще* не должны же быть изъ-за этого отстраняемы отъ преподаванія. „Московскія Вѣдомости“ возражаютъ противъ обобщенія отдѣльныхъ случаевъ религиозной нетерпимости — и въ то же время возводятъ въ систему другое, гораздо болѣе смѣлое обобщеніе: признаніе

цѣлаго сословія отвѣтственнымъ за дѣйствія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его членовъ. Да и что это за особая осторожность, съ которою, по мнѣнію московской газеты, слѣдуетъ относиться къ обвиненіямъ въ религиозной нетерпимости? Безспорно, всякое обвиненіе требуетъ осторожности—но всего менѣе опасно отступленіе отъ этого правила со стороны обвинителей безсильныхъ и почти беззащитныхъ, на каждомъ шагу рискующихъ оказаться обвиняемыми. Отсутствие обвиненій очень удобно для тѣхъ, противъ кого они могли бы быть заявлены — но вовсе невыгодно для государства. Государственной власти должны быть извѣстны „коллизіи“, происходящія между ея требованіями и религиозными вѣрованіями—должны быть извѣстны уже потому, что иначе ей невозможно судить о справедливости или несправедливости, о цѣлесообразности или нецѣлесообразности самыхъ требованій. Совѣтъ — „безропотно нести послѣдствія коллизіи“ — не только не великодушенъ — онъ прямо неисполнимъ: вѣдь „послѣдствія коллизіи“ заключаются, сплошь и рядомъ, не въ потерѣ или ограниченіи какихъ-нибудь мірскихъ благъ, а въ невозможности удовлетворенія религиозныхъ потребностей, съ которою никакъ не можетъ примириться вѣрующій. Тотъ самый католикъ, который, ради своей вѣры, безмолвно пошелъ бы въ тюрьму, не можетъ молчать, когда ему не позволяютъ исполнять требованія этой вѣры... Плохимъ утѣшеніемъ для жертвъ „коллизіи“ служить, наконецъ, сравненіе ея послѣдствій съ гораздо болѣе тяжкими страданіями, выпадавшими на долю первыхъ христіанъ. Изъ того, что теперь никого не казнятъ и не пытаются за вѣру, еще не слѣдуетъ, чтобы легко было переносить тюрьму, ссылку, потерю гражданскихъ правъ и невозможность открыто принадлежать къ той церкви, ученіе которой исповѣдуешь на самомъ дѣлѣ. Теперь стоятъ лицомъ къ лицу не христіанство и язычество, а, въ большинствѣ случаевъ, различные виды того же христіанства.

Въ статьяхъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ вопросъ о вѣротерпимости разсматривается только въ примѣненіи къ окраинамъ Россіи—но этимъ далеко не исчерпывается его значеніе. Въ декабрьской общественной хроникѣ мы упомянули объ обвиненіи, введенномъ священникомъ самарскаго кафедральнаго собора Матюшинскимъ на саратовскій журналъ: „Братская Помощь“. Этотъ журналъ теперь прекратился и, несмотря на удостовѣреніе редактора, что *единственная* причина его прекращенія заключается въ обилии служебныхъ занятій, хронологическая послѣдовательность фактовъ невольно наводитъ на мысль о нѣкоторой причинной между ними связи... Какъ бы то ни было, общественное положеніе г. Устимовича оберегло его отъ бо-

лѣе серьезныхъ послѣдствій обвиненія. Менѣе счастливыми оказались другія лица, испытавшія на себѣ обвинительное усердіе священника Матюшинскаго. Печальный разсказъ объ ихъ участи напечатанъ въ № 4 „Недѣли“ (подъ названіемъ: „Самарскіе еретики“). „Безупречный (по аттестаціи губернатора) труженикъ по благотворительнымъ дѣламъ“, завѣдывавшій во время голода 1891—92 г. складами епархіальнаго и особаго комитетовъ, предложенный самимъ экзархомъ Грузіи (бывшимъ самарскимъ епископомъ) въ пожизненные члены „общества распространенія христіанства на Кавказъ“, церковный староста своей приходской церкви, самарскій купецъ Прохоровъ былъ заподозрѣнъ свящ. Матюшинскимъ въ принадлежности къ хлыстовству. Въ провинціи,—говоритъ корреспондентъ „Недѣли“, — „можно найти, при доброй волѣ, сколько угодно *достоверныхъ свидѣтелей* чего угодно. О. Матюшинскій настоялъ на обыскѣ у Прохорова и во время обыска просилъ судебную власть забрать, въ видѣ улики, нѣсколько женскихъ ночныхъ сорочекъ — старушки, тетки Прохорова,—отобралъ просфоры, принесенныя къ нимъ богомольцами, хранимыя ими какъ святыня; снимали даже перламутровые крестикъ съ иконъ, и все это почему-то о. Матюшинскій призналъ принадлежностью хлыстовщины. Тутъ же Прохорову было поставлено въ вину то, что онъ имѣетъ много въ домѣ иконъ и книгъ св. Евангелія. Кромѣ означенныхъ вещей, ничего сектантскаго въ домѣ Прохорова не нашлось“. Ничего подозрительнаго не было найдено и у родственника Прохорова, въ домѣ котораго обыскъ былъ произведенъ лично свящ. Матюшинскимъ безъ участія подлежащихъ властей. Тѣмъ не менѣе оба обвиняемые были взяты подъ стражу, съ запрещеніемъ свиданія даже съ семьей. Не позволили даже передать Прохорову фотографическую карточку о. Іоанна Кронштадтскаго, съ собственноручною надписью послѣдняго: „въ благословеніе“ (сдѣланною уже послѣ возбужденія уголовного дѣла). „Всѣ лица, знающія Прохорова,—прибавляетъ корреспондентъ „Недѣли“,—глубоко увѣрены въ принадлежности его къ истинно православной вѣрѣ, и такъ же увѣрены, что это дѣло кончится ничѣмъ. Во что же, значитъ, обращается у насъ миссіонерская дѣятельность (свящ. Матюшинскій носить званіе миссіонера)? И не способна ли подобная дѣятельность вызвать иной разъ и на самомъ дѣлѣ противоцерковное движеніе тамъ, гдѣ его раньше не было вовсе, или гдѣ оно не находило себѣ нищи“? 7-го февраля, какъ видно изъ новаго сообщенія „Недѣли“ (№ 10), Прохоровъ выпущенъ на свободу, безъ поручительства и залога (что прямо указываетъ на крайнюю слабость собранныхъ противъ него уликъ). Четырехмѣсячный арестъ,—по словамъ корреспондента „Недѣли“, — „сильно отразился на здоровьѣ Прохорова; онъ

замѣтно посѣдѣлъ. Въ первый же день его выпуска на свободу съѣхались посѣтить несчастнаго такая масса его знакомыхъ вѣзъ со словій, что улица противъ его дома была загромождена экипажами. Весь городъ слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ, чѣмъ окончится это странное дѣло⁴. Исходъ его интересенъ не для однихъ только друзей и знакомыхъ Прохорова, не для одной только Самары. Дѣло Прохорова—не единственное въ своемъ родѣ; извѣстны и другіе случаи, въ которыхъ явно неосновательное обвиненіе приводило не только къ возбужденію предварительнаго слѣдствія, со всѣми его тяжелыми послѣдствіями для обвиняемыхъ, но и къ преданію суду и даже къ обвинительному приговору. Таково, напримѣръ, недавнее дѣло о калужскихъ хлыстахъ, окончившееся въ окружномъ судѣ почти поголовнымъ осужденіемъ подсудимыхъ (18 изъ 20), тогда какъ правсенатъ призналъ семерыхъ изъ числа осужденныхъ вовсе не подлежащими отвѣтственности, а трехъ изъ этихъ семи—даже неправильно преданными суду¹). Особенно необходимой осторожностью въ возбужденіи обвиненія является именно въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ вѣры, по которымъ присяжные засѣдатели всего болѣе склонны къ произнесенію обвинительныхъ вердиктовъ; между тѣмъ, на практикѣ именно здѣсь нерѣдко приходится встрѣчаться съ прямо противоположнымъ, т.-е. крайне неосмотрительнымъ образомъ дѣйствій органовъ обвиненія. Правда, судебный слѣдователь не въ правѣ отказаться отъ производства, по требованію духовнаго начальства, предварительнаго слѣдствія о совращеніи изъ православія или отступленіи отъ христіанской вѣры; но онъ не лишенъ права, при отсутствіи признаковъ преступленія, представить о прекращеніи дѣла, и ничѣмъ не стѣсненъ въ выборѣ мѣръ къ пресѣченію способовъ уклоняться отъ слѣдствія. Въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ вѣры, какъ и во всякихъ другихъ, къ предварительному заключенію подъ стражу слѣдуетъ прибѣгать лишь въ случаяхъ дѣйствительной необходимости, т.-е. при достаточности уликъ и при невозможности ограничиться другими, болѣе мягкими мѣрами... Мы не отрицаемъ необходимости преслѣдованія „противонравственныхъ, гнусныхъ дѣйствій“, хотя бы они проистекали изъ какаго-нибудь ученія—но не иначе, какъ подъ условіемъ ихъ достаточной доказанности; между тѣмъ, при возбужденіи уголовныхъ дѣлъ по ст. 203 Уложенія, это условіе соблюдается не всегда. Отсюда кассачія приговоровъ по отсутствію состава преступленія, предупреждающая окончательное торжество неправосудія, но не вознаграждающая неправильно обвиненныхъ за всѣ ли-

¹) Приговоръ суда оставленъ въ силѣ только относительно одной подсудимой; относительно десяти онъ признанъ ошибочнымъ, въ смыслѣ чрезмѣрнаго отягощенія ихъ участи.

шенія и страданія, испытанныя ими во время производства дѣла. Въ-
моженъ, наконецъ, и такой случай, что ошибка останется неисправ-
ленной, по нежеланію подсудимыхъ воспользоваться правомъ обжа-
лованія приговора. Одинъ изъ осужденныхъ по калужскому дѣлу не
присоединился къ жалобѣ своихъ товарищей. Сенатъ, тѣмъ не ме-
нѣе, отмѣнилъ приговоръ и по отношенію къ этому подсудимому,
такъ какъ „верховный судъ имперіи не можетъ допустить, чтобы кто-
либо понесъ уголовную отвѣтственность за дѣяніе, не воспрещенное
закономъ“. Но представимъ себѣ, что подсудимый, не съумѣвшій или
не захотѣвшій обжаловать приговоръ суда, судился бы одинъ: дѣло о
немъ вовсе не дошло бы до сената—и явно неправосудное рѣшеніе
было бы приведено въ исполненіе.

Принципъ вѣротерпимости давно уже и неоднократно находилъ у
насъ совершенно вѣрное выраженіе и въ правительственныхъ актахъ.
Чрезвычайно замѣчательны, въ этомъ отношеніи, два указа импера-
тора Александра I, относящіеся къ духоборцамъ. „И разумомъ, и опы-
тами“ — сказано въ одномъ изъ нихъ (27-го ноября 1801 г.)—„до-
знано, что умственные заблужденія простого народа, преніями и на-
рядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, единственнымъ забве-
ніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаждаются
и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ
ними (духоборцами) держаться, и на немъ-то основано было повелѣ-
ніе, данное о увѣщаніи сихъ духоборцевъ при возвращеніи ихъ во-
свои. Сіи увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, со-
стязаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія; но должны сами
собою и непримѣтно изливаться къ нимъ изъ добрыхъ правовъ ду-
ховенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и наконецъ изъ неприну-
жденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на
ихъ положеніе разговоровъ“.—„Отдаленіе сихъ людей“—читаемъ мы
въ указѣ 9-го декабря 1816 г.—„отъ православной греко-россійской
церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣ-
которыхъ погрѣшительныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ бже-
служеніи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недо-
статка въ просвѣщеніи, ибо ревность Божію имѣютъ, но не по ра-
зуму. Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличе-
ствуется заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими, суро-
выми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе
Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскать и спасти погибшаго,
не можетъ внушаемо быть насиліемъ и казнями, не можетъ служить
къ гибели спасаемаго, коего ищутъ обратити на путь истины. Истин-
ная вѣра порождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, по-
ученіемъ, кротостію, добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣж-

дасть никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ духоборцами въ продолженіе тридцати лѣтъ до 1801 г., не токмо не истребили сей секты, но паче и паче приумножили число послѣдователей ея". Еслибы между духоборцами—говорится дальше въ этомъ указѣ—были несомнѣнно открыты противозаконные поступки, то и тогда „нельзя допустить, чтобы за одного или нѣсколькихъ виновниковъ, уличенныхъ въ преступленіи, отвѣчало и было истазуемо все общество сихъ поселенцевъ, не участвовавшихъ въ ономъ... Само изслѣдованіе подозрѣваемаго преступленія долженствуетъ происходить такимъ образомъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ невиный не пострадалъ отъ онаго".

Высокія и глубоко вѣрныя мысли, выраженные въ этихъ указахъ, сохраняютъ всю свою силу и до нашего времени.

15-го марта въ Москвѣ скончался, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, В. С. Пругавинъ, неутомимый изслѣдователь кустарнаго промысла владимірской губерніи и статистикъ. Онъ родился въ 1858 г., и въ 1879 г. окончилъ курсъ въ Петровской земледѣльческой Академіи. Въ 80-хъ годахъ его труды появлялись не разъ и въ нашемъ журналѣ; такъ, были напечатаны: въ 1883 г.—„Немолыки“; въ 1886 г.—„Прогрессъ въ земельной общинѣ“; въ 1891 г.—„Кустарная промышленность, ея судьба и значеніе“. Послѣднія пять, шесть лѣтъ онъ уже былъ лишенъ возможности, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, трудиться на своемъ любимомъ поприщѣ изученія народной жизни, на которомъ усилъ уже составить себѣ имя.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

МАРТЪ — АПРѢЛЬ 1896.

Книга третья. — Мартъ.

	стр.
Стихотворенія.—Всесмиель и благостень Духъ...—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА .	5
Русскій дворъ при Петрѣ II.—1727-1780 гг.—По документамъ вѣнскаго архива.	
—V. Долгорукіе.—VI. Царица Евдокія.—VII. Великая княжна Наталья Алексѣевна.—VIII. Елизавета Петровна.—IX. Сговоръ Петра II съ князю Долгорукою.—X. Болѣзнь и кончина Петра II.—Окончаніе.—	
А. БРИКНЕРА	7
Княгиня.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: XXIX-XI.—П. Д. БО-	
БОРЫКИНА	45
Народникъ въ французской исторіографіи.—Жизнь и сочиненія Мишле.—	
I-IV.—В. И. ГЕРБЕ	94
Нюконченая повесть.—Въ трехъ частяхъ.—Часть первая: I-VII.—А. Н.	
АПУХТИНА	140
Въ горахъ.—Изъ давнихъ воспоминаній.—А. СТАРОСТАВСКАГО	191
Сила воли.—Романъ Фр. Маутнера.—XIX-XXV.—Окончаніе.—А. Б-Г-	236
МАРКСЪ и его школа.—Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie.—I-II.	
—Л. З. СЛОНИМСКАГО	289
Стихотворенія.—Война и Миръ. Сонетъ изъ Клемана Маро.—В. ЛЕБЕДЕВА.	309
Восточныя основы русскаго вылизнаго эпоса.—I-IV.—Г. ПОТАНИНА	310
Американскій женскій клубъ о русскіхъ писателяхъ.—П. А. ТВЕРСКОГО	341
Стихотворенія.—Хоть разумъ говорить.—Б. КАХОВСКАГО	356
Законодательство о печати въ Германіи.—Г. Б.	357
Хроника.—Биржевая реформа.—В. БИРЮКОВИЧА	380
Внутреннее Овозраженіе.—Новая критика суда присяжныхъ и связанное съ нею	
проекты.—Недостатки, приписываемыя присяжнымъ: безпомощность, не-	
устойчивость репрессіи, стремленіе стать выше закона.—Значеніе опыта,	
сдѣланнаго съ судомъ сословныхъ представителей.—Смышленное присут-	
ствіе изъ судей и присяжныхъ, какъ мнимая панацея противъ всѣхъ су-	
дебныхъ золъ	390
Иностранное Овозраженіе.—Возстановленіе дипломатическихъ связей съ Болгаріею.	
—Правительственное сообщеніе.—Празднества въ Софіи и русскіе кор-	
респонденты.—Отношеніе нашихъ патріотовъ къ бывшему „железному“.	
—Сужденіе турецкаго султана объ армянскомъ вопросѣ.—Министерство	
Буржуа и его противники во Франціи	407
Литературное Овозраженіе.—Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. Русскаго Гео-	
граф. Общества, П. П. Семенова.—А. П.—Очерки по исторіи новой рус-	
ской литературы, А. Киричичкова.—Т.—Новыя книги и брошюры	422
Новости Иностранной Литературы — L. Magholm. Karla Vähring. Ein Frauen-	
gama in 4 Akten.—З. В.	440
Изъ Овощественной Хроники.—Пятидесятилѣтіе первой реформы городского само-	
управленія.—Еще о законности и законникахъ.—„Отсталый“ законъ и	
передовая административная практика.—Междоусобіе въ средѣ консер-	
вативной прессы.—Ональная историческая тема.—Юбилей А. М. Жем-	
чужникова.—Н. Н. Страховъ †	444
Извѣщенія.—Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія	455
Визитогрѣфическій Листокъ.—Опытъ исторіи Харьковскаго Университета, выд. 2.	
Д. И. Гамалія.—Старые и новыя этюды объ экономическомъ матеріа-	
лизмѣ, Н. И. Карѣева.—Русское уголовное право, Н. Д. Сергѣевского.—	
Судъ надъ судомъ присяжныхъ, Гр. Джаншиева, изд. 2-е.—Государствен-	
ный Совѣтъ въ царствованіе имп. Александра I, выд. 1. В. Г. Щеглова.	
Объявленія.—I-XVI стр.	

Книга четвертая. — Апрель.

	стр.
Народникъ въ французской историографіи. — Книга Мишлэ о Народѣ. — I-IX. — Окончаніе. — В. И. ГЕРБЕ.	457
Княгиня. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая: I-XX — П. Д. БОБОРЬКИНА.	521
Восточныя основы русскаго вѣликаго эпоса. — V-VIII. — Г. ПОТАНИНА.	604
Неоконченная повѣсть. — Въ трехъ частяхъ. — Часть первая: VIII-X. — Часть вторая: I-III. — А. АПУХТИНА.	685
Стихотворенія. — I. Съ юга. — II. Прошлагодній листокъ. — А. М. ФЕДОРОВА.	693
Черный алмазь. — <i>Diamant noir. Roman, par J. Aicard.</i> — I-VI. — Съ франц. А. Б-Г.	698
Народная поэзія въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ. — I. Степень общенародности и степень неизмѣнности преданія въ народной поэзіи. — Ея вѣшняя судьба въ древнемъ періодѣ. — А. Н. ПЫПИНА.	741
Стихотворенія. — * Повержена во прахъ вчерашнія святиня... — М. МАРИКЪ.	786
Византизмъ и Россія. — IX-XIV. — ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА.	787
Экономическая теорія Маркса. — I. — Д. З. СЛОНИМСКАГО.	809
Хроника. — Внутренніе Овозраженія. — Сообщеніе губернскихъ предводителей дворянства. — Официальныя и неофициальныя заявленія о нуждахъ дворянско-землевлдѣльцевъ. — Мѣстныя судебно-административныя учрежденія — и коммиссія для пересмотра постановленій по судебной части. — Инциденты въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ.	887
Иностранное Овозраженіе. — Пораженіе итальянскихъ войскъ при Адуѣ. — Высшая политика и ея результаты въ Италіи. — Криспи и Эритрея. — Новое министерство Рудини. — Вѣшнія предпріятія Англіи. — Экспедиція въ Донголу и ея международное значеніе.	859
Литературное Овозраженіе. — Илиада Гомера, пер. Н. Минскаго. — Подробный Словарь русскихъ гравировъ, Д. А. Ровинскаго. — Повѣсти и рассказы А. Н. Плещеева, т. I. — „Почивъ“. Сборникъ Общества любит. рос. словесности. — Т. — Новыя книги и брошюры.	871
Письмо Вл. и Мих. Соловьевыхъ къ Редактору. — По поводу „измеченій“ изъ записокъ историка С. М. Соловьева.	889
Новости Иностранной Литературы. — J. Barbey D'Aurevilly. <i>Journalistes et polémistes, chroniqueurs et pamphlétaires.</i> — 3. В.	890
Изъ Общественной Хроники. — Продолженіе полемики о „русско-польскихъ“ отношеніяхъ. — Статьи двухъ газетъ о вѣротерпимости. — Драгоцѣнное признание „Московскихъ Вѣдомостей“. — Самарскіе и калужскіе еретики. — Два старинные указа, В. С. Пругавинъ †.	895
Библиографическій Листокъ. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, т. X. — Сочиненія В. Г. Вѣлинскаго, т. I-IV. — Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (В. В.), А. Волгина. — Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи, П. Мижужева. — Мужикъ безъ прогресса, или прогрессъ безъ мужика, К. Головина.	
Овъявленія. — I-XVI стр.	

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова. Кн. X. Сиб. 96. Стр. 683. Ц. 2 р. 50 к.

Почтенный авторъ объясняетъ въ своемъ предисловіи къ новому выпуску, что на предыдущемъ томѣ его изданія, за отсутствіемъ матеріальныхъ на то средствъ, угрожала опасность остановиться, еслибы не явился на помощь Н. А. Мамонтовъ, давшій необходимую сумму на расходы по изданію десятаго тома и обѣщавшій повторить тоже, въ случаѣ недостатка денежныхъ средствъ, въ изданіе слѣдующаго тома. Нельзя не привѣтствовать такого пожертвованія на поддержку литературнаго труда, и вмѣстѣ—не показать, что у насъ само общество имѣетъ еще достаточно силъ, чтобы подобныя труды могли найти себѣ источникъ въ своему осуществленію непосредственно въ самомъ обществѣ, т. е. могли бы окультуриться. Томъ десятый ограничивается всего двумя годами, 1848 и 1849 гг.; еще не мало въ нихъ, въ свое время переживавшихъ эти годы, памятные во многихъ отношеніяхъ, но и они падаютъ не мало интереснаго для себя въ исторіи той знаменательной эпохи при чтеніи этого тома, такъ какъ Н. П. Барсуковъ продолжаетъ слѣдовать своей прежней системѣ; по прежнему онъ является вообще болѣе літописцемъ того времени, нежели биографомъ Погодина; впрочемъ, такому характеру труда содѣйствовалъ много и характеръ самого Погодина: ни одно сколько нибудь важное общественное или литературное явленіе не обходилось безъ того, чтобы Погодинъ не принялъ въ немъ участія и не отозвался, по поводу его, тѣмъ или другимъ образомъ. Громадная цифра цитатъ, въ концѣ тома (свѣше 350), показываетъ, что авторъ сгруппировалъ вмѣстѣ все, что онъ только могъ найти въ печати и въ позднѣйшихъ изданіяхъ документовъ изъ того времени—и такимъ образомъ получившая, во многихъ отношеніяхъ, любопытная хроника, гдѣ съ большими подробностями излагаются факты, о которыхъ теперь остались одни болѣе или менѣе отрывочныя и смутныя воспоминанія—даже между лицами, переживавшими эту знаменательную эпоху и уже дѣйствовавшими въ ней; мы являлись тогда вершителями судебъ Австріи въ венгерскую кампанію на какихъ-нибудь четыре года до прусской кампаніи! Мы намѣрены еще возвратиться къ болѣе подробному обзору содержанія десятаго тома.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравировъ съ картинъ Наумова и статей Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе Ф. Павленкова, выпускаемое съ разрѣшенія издѣлчиковъ Бѣлинскаго. Сиб., 1896. Стр. 930 + 996 + 894 + 934 + XI. VI. Ц. каждаго тома 1 р. 25 к.

Новое изданіе сочиненій Бѣлинскаго принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу полезнѣйшихъ предпріятій г. Ф. Павленкова; оно можетъ быть названо вполне общедоступнымъ, такъ какъ оно втрое дешевле прежнихъ изданій. Жаль только, что издатель на этотъ разъ не приложилъ хоть краткой біографіи знаменитаго критика; это было тѣмъ легче сдѣлать, что въ „Биографической бібліотекѣ“ г. Павленкова вмѣстѣ уже біографія Бѣлинскаго, которую можно было воспользоваться для настоящаго изданія. Статья

г. Н. Михайловскаго, перепечатанная изъ его „Звизокъ профана“ за 1875 годъ, не замѣляетъ ни біографическаго очерка, ни критическаго этюда о Бѣлинскомъ; она озаглавлена: „Прудонъ и Бѣлинскій“, и соотвѣственно этому названію, въ ней говорится столько же о французскомъ писателѣ, сколько о нашемъ критикѣ. Неожиданная параллель между обоими писателями объясняется въ самой статьѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что извлеченія изъ переписки Прудона „до сихъ поръ (т. е. въ 1875 году) танутся въ „Вѣстникъ Европы“ и что „въ иныишнемъ же году окончился въ томъ же „Вѣстникъ Европы“ обширный опытъ біографіи Бѣлинскаго, составленный г. Панянимъ“. Такое обстоятельство, можетъ быть, вполне оправдываетъ появленіе интересной статьи г. Н. Михайловскаго, двадцать лѣтъ тому назадъ; по оно нисколько не объясняетъ дословной перепечатки ея въ настоящее время, въ видѣ приложенія къ новому изданію сочиненій Бѣлинскаго.

А. Волгитъ. Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (В. В.). Критическій этюдъ. Сиб., 1896. Стр. 283.

Въ этомъ критическомъ этюдѣ прежде всего бросается въ глаза нѣкоторая безцеремонность по отношенію къ самому автору, писавшему и продолжавшему писать до сихъ поръ подъ именемъ В. В. Трудно понять, на какомъ основаніи г. Волгитъ замѣняетъ эти двѣ буквы дѣйствительно или предполагаемою фамиліею автора, который самъ никогда не называлъ себя въ печати г. Воронцовымъ. Если автормъ и былъ разоблаченъ по какому-нибудь спеціальному поводу, то это еще не даетъ критику права говорить о работахъ г-на В. В., какъ о работахъ г. Воронцова. Независимо отъ этой странности, книга г. Волгитъ отличается рѣзкимъ полемическимъ тономъ, не соотвѣствующимъ серьезности обсуждаемыхъ вопросовъ и придающимъ изложенію слишкомъ фельетонный характеръ. Въ книгѣ подробно разбираются экономическія и социологическія воззрѣнія г. В. В., равно какъ и взгляды его на крестьянскую общину, кустарные промыслы и артель.

Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи. П. Г. Мижуевъ. Сиб. 1896. Стр. 62. Ц. 30 к.

При всей своей краткости, этотъ очеркъ даетъ достаточно полное понятіе, какъ объ историческомъ ходѣ народнаго образованія, такъ и современномъ его положеніи въ Англіи и Валлісѣ, гдѣ въ 1892 г., на населеніе около 30 милліоновъ, дѣйствовали 20,000 элементарныхъ школъ, субсидируемыхъ правительствомъ въ суммѣ 35½ милл. рублей, съ 5,700,000 мѣстъ, изъ которыхъ было занято обучающимися 5,007,000. Въ этихъ школахъ состояло 49,000 учителей съ аттестатами, 24,000 помощниковъ ихъ и 27,000 учителей - практикантовъ. Среднее жалованье учителя съ аттестатомъ—1,200 р. На постройку школьныхъ зданій сдѣлано займовъ 242 милліона, и изъ нихъ остается еще выплатить 200 милл. Обученіе въ начальныхъ школахъ Англіи даровое. Всѣ эти цифры враспорѣзку говорятъ, какой широкой фундаментъ для общества и государства представляетъ въ Англіи народное образованіе.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1896 г.

(Тридцать-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Юль	Январь	Апрѣль	Юль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Высто разорочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и юль, а по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, юль и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Принимается подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть 1896 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные и иностранцы*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналомъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителействѣ подписчика.—2) *Переменная адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородніе, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прикладываютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

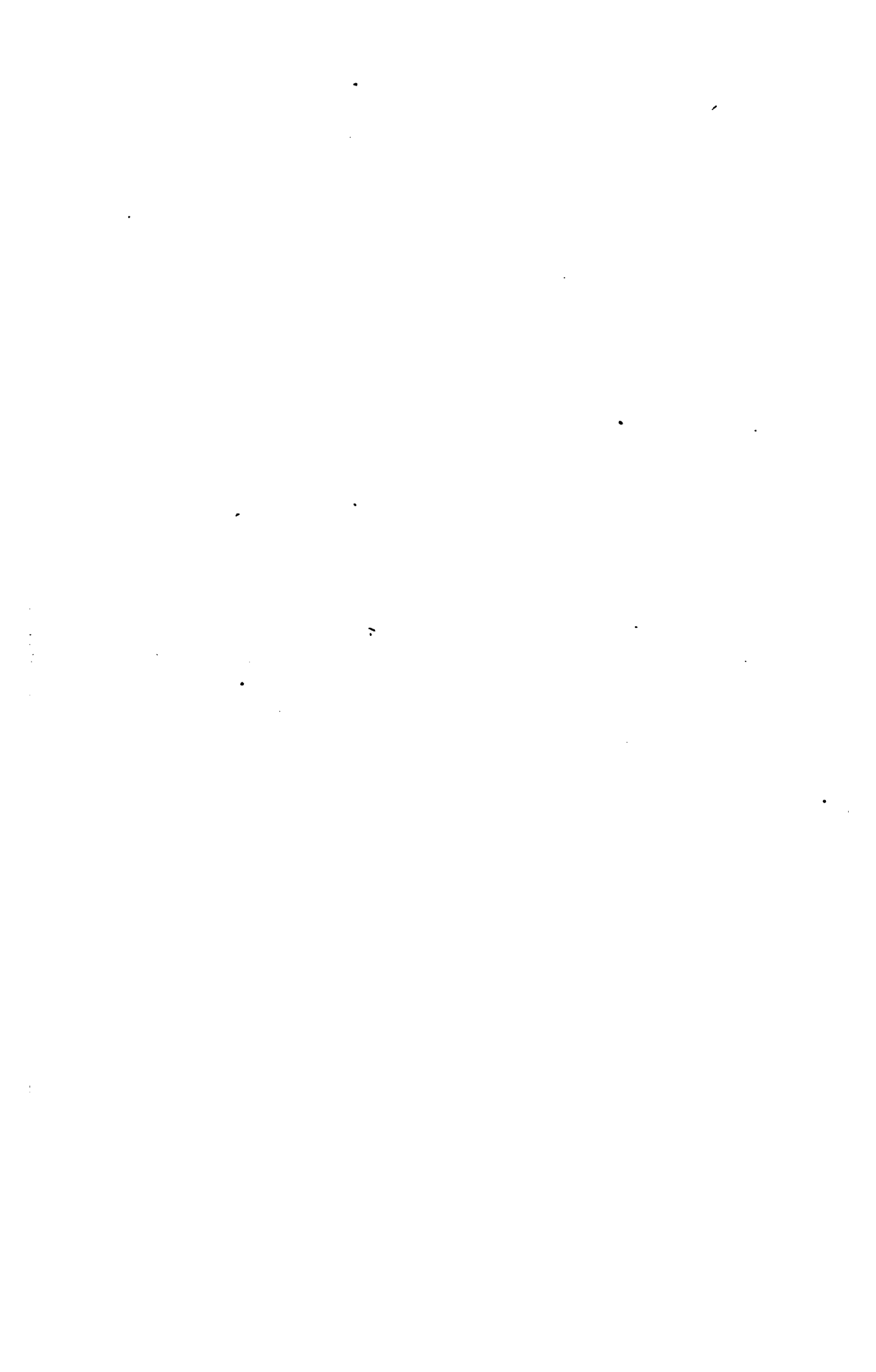
ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

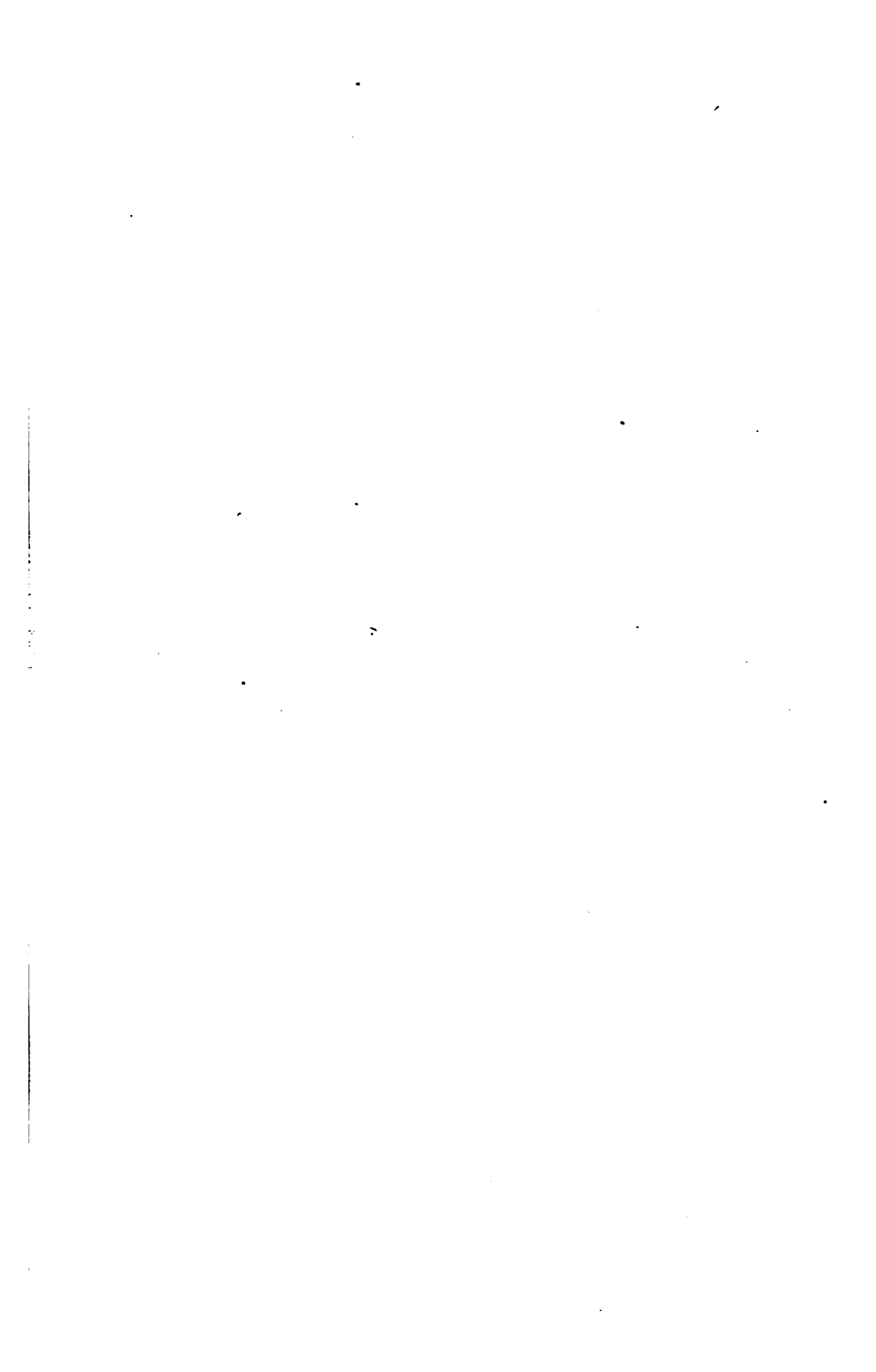

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
FEB 10 1966
FEB 24 1966